

МЕГАЛОГ

Международный
литературно-художественный
и научно-публицистический журнал

№ 3

Пятигорск 2010

МЕГАЛОГ

№ 3 / 2010

ISSN 2078-4112

Учредители	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный лингвистический университет», Северокавказский научно-образовательный институт филологии Пятигорского государственного лингвистического университета
Главный редактор	А.М. Казиева – А.М. Казиева – директор Северокавказского НИИ филологии, руководитель Центра северокавказских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета
Редакционный совет	А.П. Горбунов – сопредседатель Ю.С. Давыдов – сопредседатель Н.В. Барышников – зам. председателя Ю.Ю. Гранкин – зам. председателя З.А. Заврумов – зам. председателя
Редакционная коллегия	В.В. Айрапетова, О.А. Алимуратов, У.М. Бахтикиреева, А.О. Бродзели, Л.В. Витковская, Д.А. Казиева, А.С. Куёк, А.В. Кузнецова, О.А. Куликова, М.И. Магомедов, И.А. Модебадзе, Ж.Ж. Толысбаева, Ф.Т. Узденова..

Международный литературно-художественный и научно-публицистический русскоязычный журнал «Мегалог» включает в себя оригинальные и переводные произведения, что прежде всего подразумевает опору на культурную величину, за которой важно увидеть не посылку отторжения, а универсальное свойство взаимодействия. В таком подходе, на наш взгляд, прочитывается не только попытка преодоления негативных этноцентрических тенденций, но и достижения объединяющего взгляда на те разрозненные явления, которыми отмечен сегодняшний день.

Иными словами, художественное воспроизведение движущегося национального бытия в наше время снова обретает общезначимый и общечеловеческий смысл.

Открытость «региональному», жанровому и уровневому (дебют молодых авторов) многообразию, с одной стороны, позволяет выявить разные модели художественного миростроения, с другой – приблизится к преодолению самоизоляции культур «малых» народов. На этом пути открываются возможности установления новаций, которые привносит современность, и ценностей, которые настойчиво удерживает общество в ходе своего развития.

Основная концепция журнала – сделать издание своеобразным культурным мостом, связывающим страны и континенты на основе русского языка.

Чтобы стать автором «Мегалога», необходимо выслать свои рукописи по адресу:
357532 Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
Северокавказский НОИ филологии. Редакционная коллегия журнала «Мегалог».
kazieva@pglu.ru
(8793)400-220, (928)911-4041

Мы будем рады Вашим откликам, мнениям, пожеланиям.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Тюрки в доистории 9

Тень ветра.....80

Смотрящий в себя... 147

В мире отражений 150

ИППОКРЕНА 153

Преимственность.....153

Взаимодействия 164«КТО МЫ?» 189

Наследование.....213

Мы и история.....224

Бахчисарай 230

Заморский гость.....233

За хлебом.....238

Куранты небес 243

СТИХИ.....249

О поэзии, цифрах и знаках 252

Из «золотых россыпей мудрости»..... 256

Мысли и афоризмы.....257

СТИХИ.....259

Ось существования.....260

КАДАУС

Тёмные паруса.....264

Начало трудного пути.....293

Дом суриката 296

Рассказ М.О.Ауэзова «Коксерек» в переводе на русский язык. Проблема адекватности.....343

Нам двадцать лет 350

Возвращаясь к былому 354

И. И. МУРАТОВСКИЙ

Зависть 356

PEGHAMAH

Хардкор.....359

Музыка.....360

Раздвоение 361

Илья ОДЕГОВ	
Слова старого Фазыла.....	362
Ещё один день.....	364
Сон в руку.....	366
Гадылбек ШАЛАХМЕТОВ	
Прощание с Пушкиным.....	367
«Дүркіреп турған көктемде».....	368
«Туады. Туады әлі нағыз ақын».....	368
В больнице.....	368
Вера САВЕЛЬЕВА	
«Душа» как образ притяжения-отталкивания в стихах современных казахстанских поэтов.....	369
Центральноазиатская урбанистическая проза Лили Калаус.....	380
Новые стихи.....	382
Айгерим ТАЖИ	
Стихи.....	385
Римма АРТЕМЬЕВА	
Три портрета Марии Петровых.....	387
Стихи.....	393
И станет близок смысл бытия.....	393
Игорь ПОЛУЯХТОВ	
Предлоги к снегу.....	394
Ксения РОГОЖНИКОВА	
Стихи.....	398
Сергей АЛЕКСЕЁНОК	
Стихи.....	400
Любовь Медведева	
Расплетенный венок сонетов.....	402
Владимир ВОРОНЦОВ	
Стихи.....	405
Иван ПОЛТОРАЦКИЙ	
Недовера.....	406
Imagine.....	407
Некоторые книги.....	407
Свет.....	408
Равиль АЙТКАЛИЕВ	
Тема.....	409
Молчание телефона.....	410
“После дождя”.....	410

Проба пера

Арыстан АЙКУЛАК	
Стихи.....	411
Айгерим ИКЕБАЕВА	
Созвучие лирики С. Есенина и М. Макатаева – единство философских мыслей в поэзии.....	412

События. Презентации

Дюсенбек НАКИПОВ	
Расширяя горизонт... ..	420
Книжный клуб «Royal Gift».....	423

Статьи. Эссе

Бахытжан Жарылкасымович АБДРАИМОВ	
Интервью с ректором ЕНУ	427
Ералы ТУГЖАНОВ	
Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия: от истории к современности	433
Наталья ДМИТРИЮК	
Взаимодействие языковых стихий	439
Жанна ТОЛЫСБАЕВА	
Проза женщины – «женская проза»?	443
Жетписбай БЕКБОЛАТУЛЫ	
Информационная политика Республики Казахстан на современном этапе	448
Сайран САДЫКОВ	
Ракурсы домислов, или о книгоиздании	451
Саньят БЛАТОВА	
Онейрический мир таинственных рассказов Умит Тажикеновой	453
Нургуль ИСМАГУЛОВА	
Новый взгляд на литературное наследие	458

Соотечественники

Валерий ШЕРВАШИДЗЕ	
Селу Абай - привет от... «сына»	460
Уроки жизни	460
Момент истины	461
Дела военные	461
День леспека в Германии	462
Казахские традиции в семье грузинской	462

СӘЛЕМ, КАЗАХСТАН!

Мы рады представить вашему вниманию первый в этом году весенний номер журнала «Мегалог». Темой его стал Казахстан. Это – настоящий МЕГАЛОГ культур, посвященный российско-казахстанским духовным связям, их прошлому, настоящему и будущему. Задача, которую мы ставили при создании этого номера – вспомнить – узнать – понять друг друга, восполнить тот информационный вакуум, который мы испытываем после распада СССР.

Северный Кавказ и Казахстан – места, где идет постоянное взаимодействие различных культур и историко-культурных традиций, интенсивные этнокультурные контакты, места контрастных языковых и конфессиональных различий, что отражается на формировании культурного ландшафта. Внимание к национальной традиционной культуре, художественному наследию «малых» народов, богатейшему фольклору – важное составляющее «Мегалога», так как обращение к прошлому помогает проложить мост от настоящего к будущему. Только осознание ценности наследия и необходимости сохранения его как важнейшего условия человеческого существования актуализирует это наследие, делая его частью окружающей среды.

Мы также попытались показать то наиболее талантливое и передовое, что делается сегодня в современной литературе и культуре Казахстана.

Хочется выразить бесконечную признательность моим коллегам, замечательным ученым и нашим кунакам, благодаря которым появился на свет этот номер – Казахстанский «Мегалог», БАХТИКИРЕЕВОЙ Улданай Максutowне (Москва) и ТОЛЫСБАЕВОЙ Жанне Женисовне (Актау).

Надеемся на продолжение нашего сотрудничества, на новый МЕГАЛОГ с Казахстаном.

Главный редактор журнала
Альмира Казиева.

«МЫ ВСЕ В СТЕПИ КОРНЯМИ СПЛЕТЕНЫ...»

Казахстанский прорыв состоялся и стал событием не только в евразийском пространстве. Доказательством этому является адекватная вызовам времени позиция руководства суверенного государства с ее харизматичным лидером – первым президентом страны Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, и, как красноречивое свидетельство грамотного выбора «бытия в мире», языковая политика, направленная на стабилизацию казахстанского социума. «Доктрина национального единства народа Казахстана» для многих постсоветских государств должна стать документом, свидетельствующим о реальной возможности мирного сосуществования.

Очевидно, по-другому не могло и быть. В 1941 году казахская земля проводила своих детей на защиту Москвы. Многие сыновья и дочери казахского народа не вернулись с Той войны. Достоинными поступками вписали они свои имена на скрижали истории. По сей день легендой овеяны дела и подвиги Панфиловской дивизии. Слагаются стихи и песни о юных Маншук и Алие, ставших Героями Советского Союза, как и их старший соплеменник Баурджан Момыш-улы...

Великий Чокан, Абай, Мухтар... Блестящая плеяда поэтов и писателей, к счастью, нашла продолжение в дне сегодняшнем. Мы помним, как «взорвал» мнимое спокойствие более тридцати лет назад Олжас Сулейменов своей книгой «АЗиЯ».

Гуманный потенциал казахского народа и национальностей, населяющих современный Казахстан, огромен. Его хватало на всех обиженных и униженных: высланных и репрессированных балкарцев, ингушей, грузин, карачаевцев, чеченцев, немцев...

Не потому ли известный чеченский писатель Султан Яшуркаев пишет: «Казахи – наши вечные кунаки. ...Мы были высланы в их земли и считаем, что ели их хлеб. Казахи в наших глазах – доброжелательный, нечванливый, но гордый и трудолюбивый народ. Мы уверены, что у него есть будущее и что оно хорошее».

Мы видим, как растет и хорошеет юная Астана. Возвышаются старые и растут новые мечети, реставрируются и строятся церкви, синагоги и костелы.

Отстраиваются новые университеты, колледжи, школы.

Мы знаем, что бережно хранится память о ссыльных и репрессированных в разные годы: чтит земля Мангыстау имя великого сына украинского народа Тараса Шевченко; помнит Семипалатинск великого сына русского народа – Федора Достоевского; набатным колоколом в сердце остается АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины) и КарЛаг...

Мы, представители многонационального и многоконфессионального Северного Кавказа, преклоняем голову перед делами казахского и всего казахстанского народа.

Казахстану есть, кем гордиться.

Редакционная коллегия журнала «Мегалог».

Редакционная коллегия журнала «Мегалог» выражает свою искреннюю благодарность всем поэтам и писателям, ученым и общественным деятелям, проявляющим интерес к нашему журналу.

Проза и поэзия

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Поэт, писатель-литературовед, общественно-политический деятель Казахстана, дипломат. Пишет на русском языке.

Биография

Родился в семье офицера казахского кавалерийского полка, репрессированного в 1937 году. Позже Лев Гумилёв сообщил Олжасу, что сидел с его отцом в норильском лагере, где того расстреляли.

Окончил школу в 1954 году и поступил на геологоразведочный факультет Казахского госуниверситета, окончил его в 1959 году, инженер-геолог. Последние годы учебы совмещал с работой в геологоразведочных партиях.

Литературной работой занялся в 1955 году.

В 1958 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве на отделение поэтического перевода.

Окончил геологический факультет КазГУ (1959 г.) и Литературный институт имени А. М. Горького (1961 г.).

В 1962-1971 – литературный сотрудник газеты «Казахстанская правда», главный редактор сценарно-редакционной коллегии киностудии «Казахфильм», заведующий отделом журналистики в журнале «Простор».

1971-1981 – секретарь правления Союза писателей Казахстана.

С 1972 – председатель Казахского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки.

В 1975 году издал литературоведческую книгу «Азия», получившую резко отрицательный резонанс в Москве, книга была запрещена, автор 8 лет не издавался и практически перестал писать стихи.

1977-1995 – председатель федерации шахмат Казахстана.

1981-1983 председатель Государственного комитета Казахской ССР по кинематографии.

1983-1991 – первый секретарь Правления Союза Писателей Казахстана, в 1984 году – секретарь правления СП СССР.

1989 – Народный депутат Верховного Совета СССР.

В 1989 году стал инициатором движения «Невада-Семипалатинск», которое добилось в 1991 году закрытия Семипалатинского ядерного полигона. Это стало толчком к закрытию всех других ядерных полигонов в мире: на Новой Земле (Россия), в штате Невада (США), атолле Муруроа (Франция), озере Лобнор (Китай) и введению моратория на все ядерные испытания.

1991-1995 – лидер партии «Народный конгресс Казахстана».

1995-2002 – полномочный посол Казахстана в Италии и по совместительству в Греции и Мальте. Продолжил литературоведческую деятельность и выпустил в 1998 году в Риме книги «Язык письма» «о происхождении письменности и языка малого человечества» и «Улыбка бога», в 2001 – «Пересекающиеся параллели» (введение в тюркославиистику) а в 2002 году – книгу «Тюрки в доистории» (о происхождении древнетюркских языков и письменностей), за которую получил премию Кюльтегина «за выдающиеся достижения в области тюркологии», 2002.

С 2002 года постоянный представитель Казахстана в ЮНЕСКО (Париж), подготовил к изданию этимологический словарь «1001 слово».

Сборники стихов

«Земля, поклонись человеку!» (1961, премия ЦК комсомола Казахстана)
 «Аргамак», Алма-Ата, Жазушы, 1961.
 «Солнечные ночи», А-Ата, Жазушы, 1962.
 «Ночь-парижанка», А-Ата, Жазушы, 1963 (премия ЦК комсомола Казахстана)
 «Доброе время восхода», А-Ата, Жазушы, 1964 (премия ЦК ВЛКСМ, 1967)
 «Год обезьяны» (книга стихов), Алма-Ата, Жазушы, 1967.
 «Глиняная книга» (поэма), Алма-Ата, Жазушы, 1969.
 «Над белыми реками» (стихи и проза), А-Ата, Жазушы, 1970.
 «Круглая звезда» (стихи), Москва, Худлит, 1975.

Работы по истории и этимологии

В 1962 были опубликованы первые статьи по теме – «Кочевники и Русь»
 «Темные места «Слова о полку Игореве» http://www.pseudology.org/tatary/Sulejmenov_1.htm
 «Аз и Я» (Алма-Ата, Жазушы, 1975) / в Библиотеке Александра Кобринского
 Язык письма (Рим, San Paolo, 1998) / в Татарской электронной библиотеке
 Улыбка бога (Рим, San Paolo, 1998/ в Татарской электронной библиотеке
 «Пересекающиеся параллели» (введение в тюркославику), Алматы, 2001.
 «Тюрки в доистории» (о происхождении древнетюркских языков и письменностей).
 Алматы, Атам, 2002.- 320 с.

Награды и звания

Лауреат премий ЦК комсомола Казахстана, 1961, 1963.
 Лауреат премии Всесоюзного Ленинского комсомола, 1967.
 Лауреат Госпремии Казахской ССР им. Абая, 1973.
 Лауреат независимой премии бизнесменов Казахстана «Платиновый Тарлан», 2000.
 Международная премия им. Кюльтегина, 2002.
 Международная премия Турции «За вклад в тюркский мир», 2003.
 Орден «За заслуги» (Ингушетия, 7 августа 2004) [4]
 Почетный доктор Института истории им. Марджани АН Республики Татарстан, 2005.
 Орден «Шохрат» (Азербайджан, 21 июня 2006)
 Орден князя Ярослава Мудрого 5 степени (Украина), 2006.
 Орден Отан, Казахстан, 2006.
 Орден Дружбы (Россия, 2007) [5]
 Орден Рыцаря литературы и искусств Франция, 2007.
 Почетный гражданин Семипалатинска (2009).
 Почетный профессор Семипалатинского госуниверситета имени Шакарима (2009).

Марат Джумагазиев

Тюрки в доистории (О происхождении древнетюркского письма)

Часть I. Пересекающиеся параллели (Тюркославику – обоснование проекта)

Больше века славянские и тюркские языки изучались изолированно друг от друга. Сегодня мы начинаем понимать, что это противоречило природе взаимозависимого развития этносов, знавших на протяжении прошедших тысячелетий длительные периоды двуязычия. Особенно важно, что такое случалось на ранних этапах становления языков, когда совместно вырабатывались грамматические нормы, и происходил активный взаимообмен не только лексическими материалами, но и морфологическими схемами и средствами. Тюркские и славянские словари и грамматики, если поместить их в единое поле зрения, взаимно дополняют друг друга.

Должна появиться новая дисциплина – **тюркославику**, которая поможет устранить противоречия раздельного изучения. И главным ее итогом может стать усовершенствование общего языкознания, на достижения которого, как на фундамент, опираются все общественные науки.

XXI век начнется с прорыва, скачка в развитии гуманитарных знаний.

И уже материалы этой статьи должны дать начало дискуссии, в результате которой может родиться тюркославистика и – появятся усовершенствованные учебники родного языка в казахских и русских школах.

Курган, ватага и – письмо

Вопрос о древнейших языковых связях славянских и тюркских языков не ставился в теоретическом плане. Документальное исследование тюркизмов в русском языке было начато Мелиоранским [1]. Работа первых российских тюркологов носили прикладной характер и доказывали, что лексические заимствования из тюркских наречий в русский были возможны, но их число было достаточно ограничено. Тюркология рождалась в России, вступавшей в борьбу с Османской Турцией за выход к южным морям. Исходная политическая ситуация сказалась на отношении имперской Академии к предмету исследований, а, значит, и на состоянии самой науки. Однако материал заставлял настоящих ученых (Мелиоранского, Корша, Радлова, Бартольда, Малова) преодолевать имперские предубеждения. Своего пика туркофобия достигает в советский период вопреки официальной интернационалистской идеологии. Может быть, в связи с тем, что борьба за Босфор все еще продолжалась, да и ряды истинных ученых были сильно прорежены. А.И. Попов в статье «Кипчаки и Русь», стремясь доказать, что тюркское культурное влияние на Русь было ничтожным перечисляет все тюркизмы, попавшие в русский язык за последнее тысячелетие. Их, по его мнению, оказалось всего три – *курган*, *ватага*, *кумыс*.

Эта статья вышла в 1946 году, но и в середине 70-х была востребована [2]. Взгляды, высказанные в ней, актуальны в науке и сейчас. Подготовленные специалисты ныне назовут тюркизмы в русском поболее, но в целом картина культурного взаимоотношения Руси и Поля, изначально сложившаяся в сознании славистики, не меняется: согласно ей, можно говорить о древнетюркских заимствованиях только в восточно-слав. языки (под древностью понимая средние века, начиная с XII). В южно-славянские тюркская лексика попадала, якобы, только из языка анатолийских тюрков во времена османского ига. Раньше этих дат никаких встреч тюрков и славян, оказывается, не происходило! Но языковые факты говорят о другом.

Недавно, ища что-то в своих рукописях тех лет, наткнулся на черновик письма одному известному специалисту по «Слову о полку Игореве», который в разговоре со мной уважительно сослался на авторитет статьи «Кипчаки и Русь», хотя при этом позволил себе усомниться в том, что «кумыс» можно считать вошедшим в русский словарь. Таким образом, он сократил число тюркизмов до двух – *курган* и *ватага*. Я ему написал тогда же большое письмо, составленное из одних тюркизмов. Окончательный текст не сохранился: письмо писалось от руки, без копий. В черновиках уцелел словник – набор слов, выписанных из русского словаря. Считаю возможным опубликовать этот список сегодня с доработкой – группирую слова уже не текстово (как в том письме), но и не по алфавиту, а как бы тематически, абзацами. Вовсе не из желания создать стратиграфическую этажерку: на каждой «полке» соседствуют лексемы и позднего заимствования, возраст которых не превышает пяти-шести веков, и весьма раннего.

Кроме того, сократил словник. Тюркизмами принято считать заимствования из тюркских языков независимо от того, являлись ли в тюркских языках эти слова исконными. Я постарался оставить в словнике только слова тюркского происхождения, если возможно было доказать это себе этимологически. Например, *мишень* (из перс. *нишан*, прошедшее через горнило тюркского произношения), не включил, но *жемчуг* оставил потому, что кит. *jenчу* не имеет твердой этимологии, и, возможно, само является заимствованием из тюркского.

Класс слов, относимых к разряду заимствованных привычно делю на три категории: 1) **явные заимствования**, 2) **узнаваемые**, 3) **невидимые**. К первым отношу термины, не утратившие откровенно иноязычной формы. Так, из «Слова о полку Игореве» известны названия половецкой одежды – *орьтма*, *япончица* и др. Такие употреблялись в литературе периодов двуязычия, когда термины, пришедшие из второго языка, произносились с минимальными искажениями. Но до наших дней не дошли и поэтому не попали в список. Под **узнаваемыми** следует понимать заимствования, успевшие пообкататься в потоке живой славянской речи, но их генезис нетрудно восстановить средствами действующего этимологического метода. Таковых в списке большинство. И, наконец, к самым древним заимствованиям отношу **невидимые**, которые настолько освоены за тысячелетия активного использования, что от их первичной формы уцелели порой лишь остатки основ, скрытые многослойной корой славянских приставок, суффиксов, окончаний. Такие для тюркослависта представляют особый интерес еще и потому, что они не поддаются этимологиче-

скому анализу, основанному лишь на фонетических соответствиях.

В литературе, исследующей лексические связи тюркских и восточно-славянских языков, рассматривается лексика исключительно первых двух категорий. Сопоставляя данные словаря Срезневского, где приведено множество тюркских слов, участвовавших в речи древнерусских книжников, словаря Даля (отобразившего обилие тюркских речений в русских диалектах-говорах) и словарей современного русского языка, убеждаешься, что в общенациональном, литературном языке количество тюркизмов с каждым веком уменьшалось. И понятно почему.

Начиная с XVI века, влияние Степи на Русь ослабевает, а в XVI-XVIII прекращается вовсе.

В южнославянской среде, пятьсот лет бывшей «под турком», процесс очищения языка от тюркизмов начался в годы освободительной войны (XIX в.) и высокими темпами продолжился после обретения собственной государственности. В славянских языках остались практически только «невидимые тюркизмы», а явные употребляются ситуативно, в литературе: описывая борьбу с Османской империей, нельзя обойтись без «янычара» и «ятагана», хотя в обыденной речи эти слова уже не встретишь: «предметы» давно вышли из употребления.

В XVIII-XX вв. в русский литературный попадали единичные термины и, в основном, из турецкого. Из других тюркских – только торговые слова. Азербайджанцы и татары, поставившие в Москву и Петербург красную рыбу, вместе с ней внедрили слово *балык*, которое получило вторичное значение – «копченая осетрина». Первичное – во всех тюркских языках – «рыба, любая рыба, еще живая, не копченая». По сходной причине узбекское *üzüm* – «виноград» стало известно в России как *изюм* – «сушеный виноград».

И подобные тюркизмы я в список не включил.

Те, что остались, достаточно освоены в литературе (русской, украинской, белорусской) и в просторечии, а многие настолько стали для славян своими, что тюркская родословная их будет еще оспариваться славистами.

Публикация даже части этого списка в «АЗиЯ» (1975 г.) вызвала бурю в Академии Наук СССР. Протоколы обсуждения были опубликованы в журналах «Вопросы языкознания» и «Вопросы истории». (Недавно мне обещали прислать копию полной стенограммы закрытого обсуждения, состоявшегося в зале Академии на Волхонке, 13 февраля 1976 г. Сорок семь академиков, членкоры и докторов высказывались тогда с 9 ч. до 18-ти). За прошедшие годы, может быть, именно, благодаря «АЗиЯ», отношение к теме несколько изменилось. Академик А. Кононов – «главный тюрколог страны» – в своем выступлении на обсуждении заявил, что на «АЗиЯ» надо отвечать не статьями в «Молодой гвардии», а книгами тюркологов. Она и появилась, сказал он, потому что тюркологи-специалисты годами молчат, а те немногие, кто пишут, не в состоянии опубликоваться. После того собрания, вероятно, была дана отмашка и уже с 1976 года отмечено заметно больше публикаций. Однако количественный рост не всегда сопровождается качественным подъемом. В 90-х с отменой цензуры (вместе с ней отменили в горячах и научную редактуру) в России и новых государствах массово возникла псевдонаучная литература – крикливая, в ярких обложках, абсолютно бездоказательная: версии назывались, но ничем не обосновывались. Такая профанация «тюрко-славянской темы» не может меня не волновать. Я выступал против профессионального дилетантизма в академической мантии, но, считаю, не меньший урон нашей культуре может нанести «патриотическая» самодеятельность.

В 2000-м друзья предложили мне отметить 25-летие «АЗиЯ» статьей, где бы назывались какие-то подвижки в решении вопросов, что затрагивались в книге. Сегодня я попытался это сделать.

Тюркское происхождение большинства из приводимых мною слов и в научной среде уже не вызовет сомнения. Но, тем не менее, достойного обобщения накопившихся материалов и необходимых выводов ни в славистике, ни в тюркологии не нашел. Поэтому есть необходимость в продолжение того разговора с незабвенным И.Р.

Краткий список тюркизмов из письма слависту И.Р.

Утро, явь, ярко, жарко, осень, весна. Буран, пурга, ураган...

Тайга, туман, бархан, буерак, овраг, яруга, яр, капкан, собака, ищи (иск), след, кабарга, баран, архар, джейран, коза, кабан, волк, барс, барсук, бирюк, корсак, шакал, тушкан, бурундук, суслик, сурок, саранча, таракан, паук, тварь...

Орел, беркут, баклан, чайка, галка...

Сазан, севрюга, судак, сом, карась, чебак...

Осокорь, осина, ясень, чинара, черемша, черемуха, арбуз, орех, горох (грош, груша), отава, солома, сено, пишено, пиеница...

Табун, косяк, лошадь, маштак, аргамак – буланный, бурый, чубарый, карий, караковый, кау-рый, игреневый, саврасый, чалый, алый, багровый, багряный – чепрак, узда, тавро, ярмо, хомут, нагайка, аркан, оружие (ружье), сабля, кинжал, палаши, колчан, набалдашник, алебарда (ай-балта), молот, булат, латунь, чугун, свинец, жесть, утюг, бурав, кирка...

Арба, телега, колымага, кузов, кошевка, кочевье, кучер, ямичик, кибитка, табор, кощей (Кош-ций), чума, балаган, юрта, шатер, лачуга, сарай, амбар, шалаши, изба, очаг, жги, жарь.

Смага (смак, смажить), кавардак, сковорода, шкварки, шашлык, халва, сычуг; чумазый, чума...

Богатырь (богатый), Борис, Сергей, Ермак, толмач, боярин, (барин), товарищ, казак, джигит, сорочин (сарацин, срачин), кацап, басурман, хохол, храбрый, шайка, орда, толпа, кош, курень, кунак, есаул, караул, хоругвь (хорунжий), бунчук, булава, кутерьма, облава, айда!, ура!..

Бурка, жупан (зипун, шуба), тулуп, кошма, войлок, ковер, тюфяк, сермяга, каракуль, башилык, шаль, колпак, кушак, армяк (ормяк), сюртук, кафтан, роба, рубаха, рубище, штаны, шаровары, башимак, чувяк, чобот, каблук, чулок, карман, кисет, тесьма, кайма, узел, игла...

Тамга (таможня), хозяин, товар, торба, вьюк, тюк, баул, бакалея, базар, баш на баш, купи, копи, аришин, короткий, бязь, парча, кисея, алтын, полтина [3], деньга, серьга, жемчуг, алмаз, яхонт, яшма, бисер, много, барыш, сундук, рундук, казна (казначей), болван, балабол, балбес, ду-рак, упырь, баклага, чаша, чара (чарка), стакан, пиала, чай, буза, брага, барабан, бандура, кобза, домра, балалайка; улика, вор, пахан, уркаган, кореш, кандалы, тюрьма, палач...

Башика, косма, коса, тулово, туша, толст, кулак, кукиш, кадык, щека, рот, уста, ус, темя, кишка, ягодица...

Грязь, кирпич, язва, ярлык, карандаш, бумага, каракули, буква, письмо, книга, язык...

К этому списку можно присоединить и курган с ватагой. От кумыса воздержусь: согласен, что это слово не вошло в общенациональный язык «по причине отсутствия необходимости в про-изводстве кваса из кобыльею молоком» (И. Р.).

Слова приходят как названия предметов, явлений и уходят вместе с ними. Нынешние поко-ления русских и слов типа каланча не поймут: в современных городах таких строений не увидишь. Уже и стариков не осталось, которые бы помнили, что трехкопеечную монету называли алтын, а за пятацалтынный в дореволюционной России можно было и выпить изрядно, и закусить по-людски.

В письме к И. Р. я в запальчивости привел гораздо больше тюркизмов. Здесь свел к двумстам, чтобы сохранить некое соответствие арифметике тогдашнего спора – «в сто раз больше!». Можно – и «в сотни раз», но даже приведенного количества достаточно, чтобы подтвердить напрашиваю-щийся вывод – накопить столько заимствований за «три века ига» нельзя. Необходимы тысячи лет. За весь XX век, в условиях практически стопроцентного двуязычия в казахском обиходном словаре побывало много русизмов, обозначавших новые понятия. Это были и международные термины, поступавшие при посредстве русского языка (революция, социализм, коммунизм), и неологизмы российского производства. По краткости века слов можно судить о скорости перемен. Постреляли противников строя, и вышли из употребления термины меньшевик, уклонист, кулак. Теперь и большевик в словарях не приводится. Как и совхоз, колхоз, МТС, сельпо, потребсоюз... Все реже произносится – социализм. Кто знает, сколько продержатся ныне очень модные слова – президент, Сенат, демократия? Самолет уже заменили на неологизм ұшақ (от глагола ұш – «лети»). Пока остаются в повседневной речи заут (<«завод»), шақта (<«шахта»), забойшы (<«забойщик»).

Революционные потрясения, этнические катастрофы, войны, голод – все испытал в XX столетии народ. И терял больше половины своей численности и восстанавливался, трижды менял письменность, приобщаясь, благодаря русскому языку, к мировым знаниям, новой технике, но очевидно, что никаких вечных ценностей этот бесспорно русский для нас век в казахский словарь не смог внести.

Язык – необычайно консервативная система. В зрелом возрасте ему требуются значительно более длительные эпохи взаимодействия с другими, чтобы навсегда воспринять что-то «новень-кое со стороны». На самых ранних этапах развития тот же инстинкт самосохранения делал языки более взаимозависимыми. Славянские и тюркские языки встречались и в младенчестве своем, и в молодости. О чем свидетельствует характер заимствований лексических и грамматических ма-териалов. При этом тюркские и славянские наречия были временами чуть постарше и поопытней друг друга. И щедро обменивались своими наработками.

В следующих главах я хочу привести этимологии некоторых терминов, присутствие которых в списке требует объяснения. Особенно, – касающихся темы «земледелие», не свойственной (по устоявшемуся в славистике воззрению) культуре кочевников – извечных скотоводов.

Невидимые тюркизмы

1. «С дуба падают листья ясеня...»

(«осина», «осокры», «ясень», «осень» и др.)

Слависты признают приход из языка тюрков-кочевников времени Золотой Орды лексики большинства классов, упомянутых в списке – название лошадиных мастей, степной фауны, предметов вооружения и одежды, терминов торговли... Но им трудно будет согласиться с тем, что земледельцы-славяне могли получить наименования растений у тюрков. И, тем не менее, к весьма древнему пласту заимствований отношу названия некоторых быстрорастущих деревьев, получившие распространение во всех славянских языках, но в формах, отражающих нормы отглагольного имяобразования, принятых в тюркских языках разных ветвей.

Учитывая важность такого рода примеров, приведу полностью статью из Фасмеровского Словаря, посвященную рассмотрению этимологии одного из наиболее известных названий деревьев в славянских языках.

Фасмер: «Осина, укр. *осина*, *осика*, др.рус. *осина*, болг. *осика* (Младенов, 388), чеш. диал. *osa*, *osina*, слов. *osika*, *osa*, пол. *osa*, *osina*, в.-луж. *wosa*, *wosyna*, н.-луж. *wosa* – «серебр. тополь». Наряду с болг. *ясика* – «осина», сербохорв. *jasuka*, словен. *jasika*, *jesika*.

Праслав. **opsa* родственны лит. *apiše*, *apišis* – «осина»; вост.-лит. *epiše* – «черн. тополь», лтш. *apse* – «осина»; др.-прус. – *abse*, д.-в.-н. и др.-сакс. *aspa* – «осина»; нов.-в.-н. *wespe* (т.ж. См. Траутман.... Бернекер... и т.д.).

Но это слово должно было быть более широко распространено в индо-европейских языках, потому что алт., лэб. *apsak*, тоб. *awsak* – «тополь», чув. *ěvēs* – «осина», представ. старое заимствование из какого-то и-е. (вост.) языка (иранского, по мнению Хоопса) [4].

Системный характер фонетических изменений был вскрыт еще отцами компаративистики – сравнительного языкознания. Но увлечение младограмматиков фонетическими соответствиями привело к абсолютизации «фонетических законов» в работах по этимологии, вызвало протест со стороны ряда ученых. Г.Шухарт в статье «Etymologie und Wortforschung» [5] выступил против заисия фонетики и призвал не забывать о значении смысловых связей. Во второй половине XX века стали обращать внимание и на морфологию [6].

В 1956 году в предисловии к книге итальянского лингвиста В.Пизани «Этимология и история – Проблемы – Метод», вышедшей в Москве, В.Н.Абаев, будущий автор «Этимологического словаря осетинского языка», говорит о «фонетических, морфологических и семантических критериях этимологических разъяснений» (указ. соч., стр.6). Морфология постепенно включается в арсенал метода, однако ей и сейчас, по-прежнему, отводится лишь подчиненная роль в этимологических исследованиях.

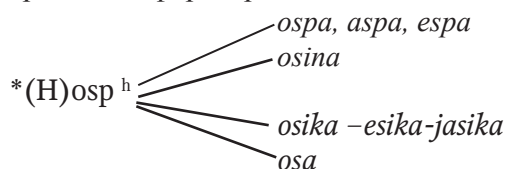
Но в ряде случаев, когда фонетическими изменениями нельзя объяснить формальное расхождение явно родственных слов, и должна выявляться **главенствующая роль морфологии в этимологическом исследовании.**

Чем, например, объяснить столь разительные отличия форм *osina*=*osika*=*osa*=*opsa*?... Фонетические изменения здесь, явно, не при чем. Речь может идти только о морфологических соответствиях. И если таковых нельзя найти в славянских, индоевропейских, надо обратиться к словарям других соседей. Поискать в их грамматиках словообразовательные модели, в которых применялись бы аффиксы, обозначенные в этих терминах. Но такая работа Словарями [7] не была сделана. Давно пора подготовить научное пособие, нечто вроде Морфологического кодекса, где были бы собраны и проанализированы все словообразовательные схемы и средства из языков хотя бы «народов-соседей». Такое подспорье значительно облегчило бы работу этимологов, переведя ее из гадательной плоскости в научную.

Последний раз индоевропейцы обратились к названию означенных пород деревьев в середине 80-х. В капитальном двухтомном труде Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» рассматриваются названия деревьев в индоевропейских языках. В частности, под одной рубрикой – *осина*, *тополь*. Этимология, приведенная в Словарях, повторяется и здесь. «Праформе», правда, придается более наукоподобный вид – *(H)*osp*^h, стало быть – консонантизм лучше сохранился в германских (др.исл. *osp* – «осина», др.-анг. *aspe*, д.-в.-н. *aspa*, нем. *wespe*), а в балтских

произошла метатеза (перестановка) [8]. Этимологический метод, использованный в этом труде, характеризуется странным объяснением странного превращения суффикса: «Некоторые из южнославянских форм с суффиксом *-ika* имеют значение «осокорь», «черный тополь». Само славянское название этого дерева может быть истолковано как сложение **aso-kor* - «с корой осины» [9].

Ни Преображенский, ни Фасмер, ни другие исследователи не объясняют происхождения этих оригинальных форм, в которых трудно определить – как выглядели первоначальные корень и суффиксы? по какой морфологической схеме лексемы строились? И если это механические изменения, то существуют ли аналогии подобным фонетическим метаморфозам в славянских или каком-либо индоевропейском языке? Ни вопросов таких, ни ответов на них в работах нет, и приходится разноречивой форм принимать как данность.

Тюркологи исследовали названия осины в некоторых тюркских языках – в татарских, башкирских диалектах и в наречиях тюрков Алтая. Выявлены такие формы – *os*, *aspaq*, *apsaq*, *ausaq*, *absaq*, *uthaq*, *usak*, *osaq*, *busaq* [10].

«Исследователь отношения тюркской номенклатуры осина к индоевропейской И.Хоопс утверждает, что тюркские названия *os*, *ös* восходят, по-видимому, к относительно позднему заимствованию из слав. *osa*, подобное же следует предполагать для тат. *usak*. Также тюркское *aps-* не является древним корнем, а, скорее, – субститут или заимствование. Все тюркские наименования есть очень ранние заимствования из индоевропейских, точнее, с высокой степенью вероятности из иранских языков.» – пишет автор статьи «Осина» Э.Р.Тенишев, он же ответственный редактор всего этого издания [11].

Повторяется версия Хоопса, на которую опирается Фасмер и авторы книги «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Но за десятилетия, прошедшие после рождения гипотезы о происхождении тюркских наименований этого дерева от иранских (1905 г.) никто не удосужился найти хотя бы в одном из иранских нечто подобное европейским и тюркским названиям. Ни сам Хоопс этого не сделал, ни его последователи. Сама гипотеза, скорее всего, основывалась на убеждении (а не на фактах), что алтайские тюрки до встречи с русскими могли заимствовать индоевропейскую лексику только у древних иранцев, которые, предположительно, бывали на Алтае в эпоху саков. В целом принимая эту версию, Э.Р. Тенишев попытался объяснить морфологическую разность тюркских терминов двумя источниками заимствования: «В последовательно идущих формах *os*, *osak*, *usak* и *ausak*, *aspak* из соседних тюркских языков Сибири встречаются два слоя заимствований: один поздний – славянский и другой ранний – иранский - *aspa*, *apsa*... Вследствие этого все эти названия входят в ряд праиндоевропейского языкового богатства. Ясень ныне распространен по всей Европе, тогда как осина – по Европе и Северной Азии. Частота обоих названий убывает в Европе к западу и югу и прибывает к востоку. Эти лесные деревья распространены преимущественно в северной и средней частях Европы. Вместе с березой, сосной и ивой они появляются после таяния материковых льдов и образуют плотный покров в северных странах (Ноорс, 1905, 123-124). Таким образом, становится ясно, что реконструкция праформы для осины не состоятельна на тюркской почве, а возможно только на индоевропейском уровне, что и сделано Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым в книге «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984, с.626-627) в виде **(H)osp^h*. Ср. другие реконструкции тюркских праформ для «осины»: М.Рясенен – **ab(u)s(-ak)* и Э.В.Севортян – **apysaq*... [12].

Итак, что мы имеем в «сухом остатке» после обзора попыток этимологии названий осины (тополя, ясеня) – деревьев, которых объединяло что-то общее в глазах древних словотворцев:

- 1) Название возникло в средней или северной Европе.
- 2) В иранских языках подобное название не сохранилось, а если и было, то, скорее всего, в виде заимствования из европейского.
- 3) Судя об ограниченности распространения термина в тюркских языках (*тат., башк., сиб.-тат., алтайск.), он, вероятно, заимствован, но не из мифического иранского, а из зап.-слав. (*osa*) и германских (*ospa*) или балтских языков. Причем, заимствование и освоение произошло в одном из наречий с сильной инерцией конечного закрытого слога, что вызвало появление протетического

согласного: *osa > *osak ; *usak, *ospa > *ospak, *opsak, *apsak...

4) Средствами индоевропейских языков ни одна из живых форм и реконструкций не этимологизируется. Следовательно, надо допустить возможность заимствования из каких-то языков, соседствовавших в древней Европе со славянскими и германскими.

5) В данном случае есть основания полагать, что такими языками были тюркские: в них сохраняют продуктивность и лексика основ, и морфологические схемы, по которым, вероятно, были созданы рассматриваемые термины. После исхода тюрков в другие зоны Евразии, где эти породы деревьев не произрастали, их наименования перестали употребляться в качестве терминов, но морфологические комбинации продолжают в речи ситуативно.

Языки многих евразийских этносов, с которыми тесно общались древние тюрки, являются идеальными хранилищами слов тюркского образования, вышедших из употребления в самих тюркских языках. Большинство **явных** и **узнаваемых** тюркизмов, не говоря уже о **невидимых**, можно смело отнести к такой категории устарелых слов. Отмерших в тюркских, но живущих в других. И русский словарь – вместилище подобных реликтов. Например, *кошма* – явно тюркское образование: *қош* – «соединяй, спутывай», *қошма* – «соединение, спутанность». Но как термин – «войлочный ковер», «войлок» – уже не употребляется ни в одном из тюркских языков. Его давно вытеснили другие названия. Однако, ситуативно такое слово употребляется часто, выражая соединение, спутанность любых предметов и явлений.

Знание тюркского материала и в случае с *осина* избавило бы от необходимости создания искусственных праформ и предположений в духе «народной этимологии».

От глагола *өс*(*ös'*) – «расти» производятся имена по морфологической схеме, принятой в огузо-карлукских (**императив + ик/ьк = имя существительное–прилагательное**): *өсік* (*ösik*) – 1) «растение», 2) «быстро растущее».

И по другой схеме **«императив + -ен (ін), ән/ан = 1) имя существительное, 2) причастие прошедшего времени**»: *өсен* (*ösen'*, *ösın*) – 1) «растение», 2) «выросшее».

В кипчакских языках была принята словообразовательная схема с иным именным суффиксом: **«императив + ма (па,ба) / мә (пә, бә) = имя существительное**»: *өсьма*, (*ösmä*), *өсьпә* (*öspä*) [13] – 1) «растение», 2) «(быстро) растущее».

Попадая в огузо-карлукскую среду, открытосложные кипчакские суффиксы утрачивали конечный гласный, нетерпимый в языках с сильной инерцией первичного закрытого слога (к которым относились огузо-карлукские). Суффикс -ма (-ба, -па) превращался в -м (-б, -п): *өсім* (*ösım*) – то же.

Осокорь – «черный тополь», вероятно, корреспондируется с *өськір* (*ös'kir'*) – «быстрорастущее» (тюр.), подвергнутым «губной гармонии» в восточнославянских языках: (суфф. -*kip* (-*kir*) / -*кър* (-*kur*) производит от основного глагола (императива) имена существительные и прилагательные. Например, *өт* (*öt*) – «пронзай, проходи, пронзи», *өткір* (*ötkir*) – «острый».

Автор «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортян, к сожалению, недостаточно уделил внимания этому удивительному корню, из которого вырос целый лес терминов в тюркских словарях. Но он приводит все фонварианты глагола: *ös*, *üs*, *üth*, *üös*, *es*, и значения 1) «расти», 2) «быстро расти».

Он не называет термины кипчакского производства, ссылаясь только на огузо-карлукские: «Среди многочисленных производных от *өс*- наиболее важно существительное на -м: *өс-ум* туркм. диал., кирг., уйг., *өсім* ккал., *өсім* каз., *осим* уз., *өзүм* алт., *түв.*, *өзім* хак., *үсім* тат., *өсам* уйг., со значениями «рост» (развитие) «прирост» и др. Имеют ограниченное распространение производное на -мор: *өсмұр* – «подросток» и др.-тур. диал., баш., (*үсмір*), уз (*осмир*), на – (а)к – *өсүк*, *өсәк* – «растение» уйг., «рослый», ккал., «длинный» и некоторые другие.» [14].

Оставалось совсем немного, чтобы подойти к тюрк. **өсік* – праформе славянского *осика*, а там и до кип. *өсьпә*, *өськір* было бы недалеко.

..Славяне пытались передать искусственный мягкий (ö) «естественным мягким» е [15]. Что объясняет появление южнославянских *есика*, *ясика* – «осина» (нем. *espe*, *wespe*). А также – *ясень*. О переходе названий деревьев на близкие и отдаленные породы говорят авторы книги «Индоевропейские языки...» в подглавке «Смещение значений в семантическом поле названий деревьев в индоевропейском».

О переносе значений *ясень* > *бук* в греческом и, возможно, албанском [16].

Полагаю, что в европейских (не только в славянских) произошли такие смещения – *осина* > *тополь*, *осина* > *ясень*. В славянских праформа **esen'* дала рус. *ясень*, серб.-хорв. *jasen*, но лтш.

josen – «ясень» могло произойти непосредственно от **ösen*’.

Праформа **ösik* > др.-анг. *esc* – «ясень» (анг. *ash*), др.-в.-нем. *asc* (*esche*) – «ясень». Др.-исл. *askr*, может быть по-исландски развитой общегерманской формой, но и связанной с **öskir* как осокорь, откуда и угро-финское *oško* – «ясень» (марийск.) А на западной окраине Евразии *azkar* – «вид дуба» (баск.).

Таким образом, протюркские диалекты, думаю, внесли определенный лексический вклад в словари древнеевропейских языков (индоиранские соответствия пока не известны), нуждавшихся в ту эпоху взаимодействия в такого рода терминологии. Полагаю, что первыми значениями этих слов были 1) «растение» 2) «дерево» 3) «быстро растущее дерево». А это говорит о **самых начальных этапах развития индоевропейских словарей**.

О том, что семантически обобщенное наименование класса вещей могло в процессе сужения смысла становиться названием конкретного предмета, в данном случае – породы дерева, говорит и казахское слово, сохраняющее оба значения – нарицательное и «личное»: *тепек* (*terek*) – 1) «дерево» 2) «тополь». Думаю, и русское слово *дуб* – некогда обозначало просто «дерево», и тогда часть его (сук) получила название «дубина» [17].

Схема распределения терминов разного оформления говорит о том, что южнославянские племена в период заимствования больше контактировали с огузо-карлуками, в то время как кипчаки – с германцами.

Славянские языки обладали сильной инерцией первичного открытого слога и, заимствуя слова с непривычной слоговой структурой, (содержащие конечный согласный), в произносительной практике перестраивали закрытый слог в открытый, то есть, прежде всего, **добавляли протетический гласный а (о) в конец слова**. Поэтому **ösen/ösin* превращалось в *осина*, *ösik* – в *осика*, *есика*, *ясика*.

Но кипчакские слова с последним открытым слогом сохранили в ряде европейских языков конечный гласный: **əspä* > **əpsä*. Мог изменяться консонантизм, но открытость завершающего слога была обязательна: **oswa* > *osa*.

Тюрки и европейцы на протяжении истории названий осины (ясеня, тополя) встречались, по меньшей мере, дважды. Первый раз – когда тюрками были названы, а европейцами (славянами и германцами) заимствованы эти термины. Вторая, возможно, состоялась через тысячелетия, в гуннскую эпоху (первые века н.э.). Тюрки, пришедшие в Европу с территорий, где ни тополя, ни осины не произрастали, названия их давно забыли или перенесли некоторые из них на другие быстрорастущие растений. На виноградную лозу, например (*üzüm*).

И, возможно, в позднегуннское время, когда северные тюрки возвращались из Европы на восток, в места последнего расселения, они перенимают западно-славянские названия типа *osa* (чеш., пол.), *wosa* (в.-луж., н.-луж.) – «осина», «серебряный тополь», и герм. *aspa* – «осина (др.-сак.)», которые в диалектах с закрытым конечным слогом преобразуются в *osak*, *bosak*; *aspak* > *apsak*. Герм. *aspa* заимствовано в балтские: *apse* – «осина» (лит.), *abse* (др.-прус.). В литовском – вторичное полногласие: *apiše*, *apišis* – «осина».

Так, на наш взгляд, образовывалось и развивалось лексическое гнездо. Не представляя всей полноты картины, трудно было не ошибиться при реконструкции праформы. Нам известны несколько вариантов общей праформы: **opsa* (Фасмер), **(H)osp^h* (Гамкрелидзе-Иванов) и др. Но в действительности, было несколько живых древнейших форм, образованных в тюркских диалектах от основного глагола *өсь* (*ös*’) – «расти», «вырастай»: *өсік* (*ösik*); *өськір* (*ös’kir*); *өсень* (*ösen*’; *ösın*’); *өсінä* (*ös’pä*); *өсьт* (*ös’m*).

На протяжении двух веков научное языкознание, с головой занятое антропофоникой и фонологией («о характере уклада голосовой щели в общеиндоевропейском»), изменение в формах явно родственных лексем объясняло исключительно фонетическими причинами. И это решительно сказывалось на облике реконструкций. Пора бы понять, что эффективность воссоздания пратипа **находится в зависимости, прежде всего, от знания системы морфологических соответствий в живых и мертвых языках мира и лишь потом – фонетических**. Уже давно не имеет смысла тщиться применять запутанную архитектуру принципа непреложности фонетических законов для выявления общей праформы слов с явно разной морфологией. Например, таких как *osina*, *osika*, *osa*, *opsa*, *ospa*... Предложенные два варианта праформы – Фасмером: **opsa* и Гамкрелидзе-Ивановым: **(H)osp^h* – приговор методу этимологии, действующему в академической науке и языкознании.

Восстановление исходного смысла основы **өсь* (*ös*) – «расти» позволяет понять генезис еще одного темного слова *осень*, в котором уцелели черты первичной мягкости (**ösen*’). В тюркском –

буквально «выросшее», в славянских было понято – «время, когда все выросло и созрело».

В рязанском говоре *есень* – «осень». (Оттуда – Сергей Есенин.) В диалекте, где первый слог открывался протетическим согласным, произошло слово *весна* – там смысл слова выражает иное понимание праформы: «время взращивания», «начало роста растений». Характер протетического говорит о том, что начальный гласный был губным – **ō* (*wōsen* > *wōsna*) [18].

В это же гнездо слов входят диалектные *усень* – «первый день весны» (Ф. IV, 170), *овсень*, *авсень* – т.ж. (Ф. I, 59). Словари не связывают это слово с *осень* (*есень*), которому пытаются найти первоисточники в балтских и германских: «Родствен. др.-прусс. *assanis* – «осень», гот. *asans* – «жатва», д.-в.-н. *aran*, *arn* – «урожай»» (Ф. III, 158).

Но первоисточник в первую голову должен иметь ясную родословную, чего приведенные германские и балтские параллели лишены. Они больше похожи на лексемы, зависимые от славянских форм. Особенно ясно это сейчас, когда этимология последних, кажется, получает правильное направление.

Полная этимология возможна только с восстановлением графического образного знака. Но этому этапу предшествует Подготовительный – построение лексического гнезда, т.е. системы лексических соответствий в близкородственных языках и языках-«соседях».

Уже на этой ступени, если «Гнездо» воссоздано правильно, раскрывается язык-источник и, зачастую, отпадает необходимость в Полной этимологии. (Особенно, если речь идет о поздних механических заимствованиях.)

Все существующие «Этимологические словари», по сути, выполняют в той или иной мере успешно, лишь Подготовительный этап этимологии. Ни один из опубликованных в мире Словарей не привел еще ни одной Полной этимологии по схеме: а) воссоздание точной системы лексических соответствий; б) определение морфологического типа слова, которому бы соответствовала восстановленная праформа; в) реконструкция первоиероглифа – графического образного знака, название которого и стало словом.

В главе, где будем подробно говорить о первоиероглифах, приведем знак **Ψ** *ось* (**ōs*'), который жрецами письма и языка толковался как 1) «лунка и росток», 2) «дерево», 3) «серп и растение» и т.д.

Благодаря этому первоиероглифу и его названию прототюркские диалекты получили основной глагол

ось – «расти». И от него в разных диалектах образовали существительные:

ōsik – 1) «растение 2) «быстро растущее»;

ōsen, *ōsin* – 1) «растение» 2) *»дерево» 3) «быстрорастущее дерево»;

ōsmā; *ōsim*; *ōspā* – 1) «быстро растущее» 2) «растение»;

ōskīr; *ōskēr*, *ōskīsh* – «быстро растущее».

Развитие глагола: *ōcip* – «взращивай»; *ōcipic* – «взращивание».

..В III тысячелетии до н.э. в Древнем Египте возникает культ бога Растений по имени *Osiris*, что на их языке буквально значило – «Взращивание». Его часто изображали в виде человека, лежащего на спине, и сквозь его тело прорастали ростки вертикальные, прямые как в иероглифе – **ōs*.

Груда и яма

Итак, тюркизмы первых двух категорий («явные» и «узнаваемые») более или менее названы в «Этимологических словарях» Н.В. Горяева, А. Преображенского, Ф. Миклошича, М. Фасмера, в трудах дореволюционных тюркологов П.М. Мелиоранского, Ф.Е. Корша, В.В. Бартольда и советских – С.Е. Малова, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, В.Д. Аракина, И.Г. Добродомова, Д.С. Сетарова. В известной работе Н.К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря». Мало назвать слово тюркизмом, необходимо доказать это. Н.К. Дмитриев дает этимологические справки к 363 словам. Е.Н. Шипова в «Словаре тюркизмов в русском языке» приводит уже «около двух тысяч».

Как пишет автор предисловия, казахский академик С.Кенесбаев: «Словарь содержит около двух тысяч тюркизмов, вошедших в русский язык, из них лишь небольшая часть представляет собой архаизмы, большая же часть входит в лексику современного русского языка» [19].

Словарь вышел под редакцией академика А.Н.Кононова через несколько месяцев после того Обсуждения.

Работа такого рода («Словарь тюркизмов») действительно необходима и мы обязаны поблагодарить автора, взявшего на себя труд собирания тюркизмов под одну обложку. В Словаре пред-

ставлены тюркизмы первых двух категорий – **явные** и **узнаваемые**. Большинство все же попадает в разряд архаизмов, некоторые встречаются лишь в областных говорах. Основной недостаток этой работе присущ всем словарям такого типа – несовершенство этимологического метода. К недостаткам, имеющим индивидуальный, авторский характер, следует отнести слабое знание тюркского материала. Это, в частности, мешает автору отличить «твердые» слова от «мягких».

Например, правильно отнеся вост.-рус. *уйма* – «куча, множество» к заимствованиям из тюркского языка, автор производит его от *ойма* (каз., крым., тур., чаг.), *уйма* (тат.) – «глубокая яма». От *ой*, *уй* – «делай глубокий, округлый, лунообразный вырез (в почве, например)». Но правильней производить от каз. *уйме* – «куча», «нагромождение» (*уй* – «скупивай, «нагромождай»). В русском начальный мягкий гласный был передан твердым «у». А конечный совпал с показателем дательного падежа и, естественно, «восстановился» именительный – *уйма* – «куча, множество». Но, отнюдь, не «яма».

Традиция подобных ошибок идет от первых русских тюркологов. П.М. Мелиоранский в известной журнальной полемике с Коршем о тюркизмах «Слова о полку Игореве» выдвинул гипотезу о происхождении слова *кощей* от кирг. *кошчы* – «напарник», «прислужник», «сопровождающий» и даже «батрак». Эта версия была принята всеми «Этимологическими Словарями русского языка» (в том числе и Словарем Шитовой) и переводчиками «Слова о полку Игореве», которые передавали выражения поэмы, где Игорь после поражения «пересел из седла злата в седло кощиево» как – «пересел из седла княжеского в седло раба». И прозвище Кончака – «поганый Кощий» переводили соответственно – «поганый раб», хотя хана Кончака – победителя Игоря, Всеволода и др. князей при всей к нему ненависти автор едва ли мог наречь столь исторически несоответственно.

Ошибка произошла от того, что первые исследователи перепутали сходно звучащие для русского слуха кир. *қош* – «соединение», «пара» и каз. *көш* – 1) «кочуй», 2) «кочевье», и производные *қошчы* – «напарник» (кирг.), *көшши* – «кочевник» (др.-каз.).

Игорь после несчастной битвы на берегах Кайалы пересел из седла княжеского в седло **кочевника**. То есть стал пленником хана Кончака – «поганого **кочевника**». Определение «поганый» в те времена значило – «язычник», «нехристь».

Автор-христианин в эпоху борьбы земледельческой Руси с кочевым Диким Полем мог называть Кончака и язычником, и кочевником. Слово **көшций* стало источником древне-русского обобщающего имени-символа Кочевника Бессмертного – Кошций, Кошцейще (в былинах передается долгий *щ*). «Слово о полку Игореве» подтверждает, что слово это в нарицательном значении существовало в древне-русском уже в XII веке. (Правда, долгие звуки в письме не изображались. В литературе той поры не встретишь ни одного слова с удвоением буквы для согласного или гласного. Былины же записаны в XIX веке с точной передачей долготы звука.)

После выхода «Азия» академические журналы «Вопросы истории» и «Вопросы языкознания» напечатали материалы обсуждения книги на собрании академиков в феврале 1976 года. «Вопросы литературы» относились не к Академии, а к Союзу Писателей СССР, но и они решили не отставать от академических «вопросов»: заказали статьи академиком Б.А.Рыбакову, Д.С.Лихачеву, член-корр. Н.А.Баскакову. Получив тексты, редактор М.Озеров ознакомил меня с ними и согласился напечатать в общей подборке и мой ответ. Но дискуссии не получилось. Ученые, узнав о замысле редакции, забрали свои работы. В баскаковской статье речь шла как раз о *Кошчее*. Уважаемый тюрколог напоминал мне, что суффикс деятеля -чи (-шы, -щи, -джи) может присоединяться только к именной основе, но не к глагольной. А *көш* – в казахском имеет только глагольное значение – «кочуй». Следовательно, конструкция **көш-щи* теоретически и практически невозможна. В ответной статье я приводил слова из казахской народной песни, сложенной в годы войны с джунгарами:

Қара таудын басынан

Көш келеді... –

«С вершин Кара-тау

Кочевье спускается...»

Еще в XVIII веке слово *көш* имело и глагольное, и именное значение – 1) «кочуй», 2) «кочевье» [20]. И поэтому вполне могло образовываться от него имя деятеля – **көшши*. Впоследствии, когда осталось только одно глагольное значение, этот термин отжил свое и появилось два неологизма: *көшпе* – «кочевье» и тяжеловесный термин-фразеологизм: *көшпейі адам* – «кочевник», букв. «кочевья человек», вместо которого, я полагаю можно вернуть в современный язык древнеказахское слово.

Обогащать язык можно не только придуманными новыми словами, но и вспоминая забы-

тые старые. Их много в Словарях народов-соседей. Например, в венгерском – *aачи* – «плотник» (*аҭаччи) и в казахском было *аҭашишы. Это слово точнее передает смысл, нежели неологизм *аҭаши устазы* – «плотник» (каз.). Буквально – «мастер по дереву». Так можно называть столяра-краснодеревщика. Да и то не каждый из них мастер.

II

Обзор работ, исследующих тюркизмы в славянских языках, показывает важность такого непрерывного условия – тюркославист должен быть не только тюркологом, но и славистом. Благодаря знанию славянских материалов, он способен восстановить многое из исторического лексикона древних тюрков. А знание тюркских материалов поможет продвинуться дальше «чистых славистов» в исследовании пограничной лексики и морфологии. Тем более, что в словаре трудно сходу отличить, какое слово пограничное, а какое коренное. Требуется не «точка зрения», а «обзор» – взгляд со всех сторон, мировоззрение.

К общему недостатку «национальных этимологий» можно отнести слабое «чувство формы». Игнорируется непреложный закон, правда, пока еще неписанный в учебниках этимологии: **слова являются выражением морфологических систем**. Словари рассматривают каждое слово изолированно, не пытаясь восстановить морфологический тип, к которому относится лексема. Например, «Краткий Этимологический словарь русского языка» проф. Шанского, изданный в свое время тиражом в 200 тыс. экземпляров, слово *чучело* пытался произвести от этнонима *чукча*.

Е. Шипова соглашается с Дмитриевым, увидевшим в основе «чучела» тюркское слово. Но не согласна с тем, что это *чуче* – «цыпленок» (уйг.). И предлагает другую тюркскую основу: «Предположительно приведем здесь *киргиз. чочу* – пугаться, бояться».

Намечается некоторое приближение к решению. Но прежде необходимо было бы найти место слову в морфологической системе. И такая система есть – это название «орудий» (предметов с определенной динамической функцией, которые создаются в славянских по схеме **«глагол + орудийный суффикс = имя существительное»**).

Пожалуй, самая древняя имяобразовательная схема в славянских языках: *седло, зеркало, орало, метла, весло, шило, мыло, сверло, пугало, чучело...*

Два последних слова – явные синонимы. Можно увидеть в них полукальки. Ареал распространения позволяет предположить реальность использования тюрко-алтайск. *чочи, чучи* – «пугайся» в качестве глагольной основы. Тюркский корень и славянский суффикс. Эти комбинации были возможны в условиях местного (локального) двуязычия, которое часто наблюдается в районах со смешанным населением.

Подобные ситуации, вероятно, возникали и в глубокой древности, в ранние поры становления языков.

Недостаточное «чувство морфологии» порой заставляет исследователя путать следствие с причиной: *черемша, черемица, черемушка*, растение *allium ursinum* – «дикий чеснок», «медвежий чеснок», Шитова производит от *сарымсак* – «чеснок» (каз., тат., кирг.), *сарымсаг* (азерб.), *sarymsak* и *sarmysak* (тур.). «Несмотря на значительные фонетические расхождения с формой *черемша* представляется, что последнюю следует отнести к тюркизмам. Можно предположить, что тюрк. *сарымсак* попало в какой-то русский сокающий (цокающий) диалект, из которого оно вошло в литературный язык в форме женского рода *черемша*» (Ш., 387). Но чтобы определить направление заимствования, необходимо убедиться в этимологичности самого предполагаемого источника. Установить генезис тюрк. *сарымсак* – не представляется возможным, без помощи русского слова *черемша*. Полагаю, что именно оно и послужило первоисточником для тюркского: *čegemša > čeremšak* с типичным для огузо-карлукских закрытием конечного слога.

В тюркских языках Алтая *череміш* – «земной плод», *чер* – «земля», *еміш* – «плод», «овощ». Особенность этого овоща – пикантного природного консерванта – сделала ему славу и в славянских средах: *čremoš* – «черемша» (словен.), *сријмуш* – «вид дикорастущего растения, годного как приправа» (серб., хорв.). В русском появляется неизбежный конечный гласный – *черемша*. И отсюда в польский: *trsemucha* – «черемша». Распространяется и в германские: *kermiše* – «дикий чеснок», «лук» (англос.), *ramsen* – т.ж. (в.-нем.).

Название переносится на другой плод: *черемуха, черёмха, черёма* (др.-рус., рус., укр.), *čremha, čremša, sremša* (словен.), *tremcha* (др.-чеш.), *stremcha* (чеш.), *čremcha* (словац), *tremcha* (пол.). В балтских это имя переносится на рябину.

Таким образом, мне видится, что именно русское *черемша* в «сокающем» тюркском диалекте

произносилось *сарымса, с последующим закрытием конечного слога: сарымсак. Итак, путь слова: *чер-еміш (тюр.) > черемша (слав.) > сарымсак (тюрк.).

Черемша – тюркское **сложное** слово, попавшее, по-видимому, в общеславянский, что придает ему особую значимость.

III

Дмитриев («Лексикогр. Сб.» В, 29, 1958) писал об *отава* – «трава, выросшая снова после косьбы», *отавное сено* (Даль, 2, 709): «Происходит о широко распространенного тюркского слова от – «трава», отсюда же и рум. *otava*».

Махек (Etym.slovn., 345) видит здесь приставочное образование, родственное слову *явить*. Отрембский (Gram.jez. litewskiego, 1, Варшава 1958, стр. 69) объясняет это слово как заимствованное из литовского *atolas* – «отава».

Фасмер приводит географию распространения этого слова в вост.- славянских (рус., укр., блгр.), южнослав. (серб., хорв., словен.), западно-слав. (чеш., словц., пол., в.-лужс, н.-луж.). В двух последних появляется протетический согласный, открывающий первый слог: *wotawa*. Фасмер считает, что *отава* это производное от – **tyti* «жиреть, тучнеть», от которого *otava* произошло, как *забава* от *забыть*. «Заимствование из тюрк. *ot* – «трава» исключено уже в виду широкого распространения слав. слов». (Ф. III, стр. 168-169) Подчеркнуто мной.

Общеславянское распространение предполагало бы, что тюркизм попал в праславянский, а такая вероятность решительно исключается в славистике: если термин представлен в общеславянском, значит не тюркизм.

Шипова поддерживает Дмитриева, но, так же как и он, не предлагает на рассмотрение механизма лексического развития. Каким образом *ot* выросло до *otava* и развилось значение «трава, выросшая после покоса»?

Если бы исследователи ведали о тюркском глаголообразовании, то вероятнее всего восстановили бы и огузо-карлукскую форму глагола **ot-la* – 1) «пасись», 2) «коси траву», которая, скорее всего, лежит в основе литовск. *atolas* – «отава» (> лтш. *atols* – т.ж.) и кип. **ot-taw* – 1) «пасться» (о скоте), 2) «косить траву». Ср. совр. каз. *omtau* – т. ж.

Точнее сохранился первичный смысл («пасться») в переносных значениях зап.-славянских глаголов. Ср., словен. *otaviti se* – «подкрепляться», чеш. *otaveti se* – «отдохнуть, набраться сил». Но в другие славянские слово поступило (как в лит.) уже с семантическим сдвигом: «коси траву > скошенная трава > трава, выросшая после покоса, вновь пригодная для косы и пастьбы». Такая эволюция смысла могла произойти в определенной исторической ситуации, когда на ограниченных территориях доминирующий (гуннский?) этнос позволял другим пользоваться своими пастбищами только после покоса или пастьбы.

Проект возможного словостроительства *забыть* > *забава* и вероятность продолжения этого непонятного механизма в *тыть* > *отава*, Фасмером не продуманы до конца. Одного примера для построения системы недостаточно, тем паче, что *забава* вовсе от другого корня, не связанного с *быть*. С *забыть* «забаву» сближает только приставка. Но этого для систематизации недостаточно.

Однако, редактор О.Трубачев поверил в эту гипотезу и пошел дальше: выделил «суффикс» -*ava* во всех «рифмующихся» словах – *травá, слáва, забáва*. Это открытие было им еще более развернуто позднее в «Этимологическом словаре славянских языков» [21]. Открытие, как автор сам признается, «вызвало дискуссию как нетрадиционное на Лейпцигском симпозиуме по этимологии в 1972 г., и в последовавшей литературе» [22]. В возникшей дискуссии, оказывается, выступил чехословацкий лингвист В. Шаура, который заявил, что нет простого глагола **taviti*, но есть «префиксальный глагол *otaviti*», от которого и произошло имя существительное – *otava*. Чехословацкий специалист не согласился с вероятностью суффикса -*ava*, и предложил этот элемент считать частью неразложимой основы -*tava*, лексическое значение которой также неясно.

Вот такого рода научные дискуссии рождались на международных лингвистических конференциях. Они бы не возникали, если бы индоевропеисты при анализе «темных мест» выходили за пределы «семьи» и заглядывали в закрома «соседних» языков.

Появление конечного протетического гласного **ottaw(a)* уже имеет объяснение: это – следствие произносительной инерции, выработанной первичным открытым слогом. (Как и в слове *отара*, произошедшем от тюркского *otar* – «пастбище»).

Балтские этносы в это же время, надо полагать, соседствовали с огузо-карлуками, от которых и восприняли основу **ot-la*.

И нелишне пояснить, что в кипчакских языках форма инфинитива несет в себе так же именное значение. Поэтому *ottaw* – 1) «косить траву = косьба», 2) «пасти, пастись = пастьба».

Заключаем и эту этимологию справкой: долгие согласные в славянских языках и письменностях упрощаются. В др.-рус. письменных источниках никогда не встречается слово с удвоенным согласным. *Русский* стали писать недавно: в летописях и в «Слово о полку Игореве» только – *руский*.

Неувиденные тюркизмы

(сено, пшено, пшеница, солома...)

Мы говорили, что в «Словаре» Шитовой представлены, в основном, **явные** и **узнаваемые** тюркизмы. Тюркославистика значительно расширяет круг **узнаваемых**, переводя в этот разряд те, что «чистый славист» назвал бы **невидимыми**. Какую пользу славянскому языкознанию может принести исследование тюркизма? На заимствованной лексеме отчетливо заметны особенности, присущие славянской морфологии. Они проступают при освоении слова с «чужой» структурой. На примерах *отава* (< *ottaw*), *отара* (< *otar*), *осина* (< *osen*), *осика* (< *osik*) – в финале появляется протетический гласный, открывающий конечный слог.

Знание этой закономерности поможет слависту понять главный классификационный признак праславянского языка – структуру первичного слога.

Гласный вначале слова чувствует себя неуверенно, но не столь беззащитно, как согласный в конце. В русский язык вошли из разных диалектов *орало* и *рало*, *оружие* и *ружье*, что позволяет выделить основу **or-* не только из *орати* – «пахать» (ст.-слав.), но и предположить ту же основу (утратившую начальный гласный) в *рыти*, *рыть* (**or-uti*). В праславянских диалектах вероятно были задействованы параллельно две инфинитивные формы: *-iti* ; *-ati* (**or-iti* ; **or-ati* – «рыхлить землю для посева»). В общеславянском эти разновидности укрепились в близких значениях: словен. *orati* – «пахать», *riti* – «рыть», серб., хорв. *орати*, *рѣти*.

[Еще одна тема, не выявленная славистами – соперничество племенных форм инфинитива: *-iti* ; *-ati* – стало причиной появления «двухэтажных инфинитивов». Например, рус. *работать* и укр. *робити* имеют общую именную основу *раб-*, *роб-*, но в русском глаголе двуслойный суффикс: **раб-uti* > *рабѣть* > *рабѣтъ* > *работ(a) + ати*...

Или другой пример: рус. *артачить*, *артачиться* – «пятить назад (лошадь)», «пятиться (о лошади)». Словари (Преображенский, Фасмер и др.) производят от *рът*, *рот*. Тюркославист увидит основу с противоположным смыслом *арт* – «зад» (каз., тат. и др.) и двойное образование инфинитива: 1) **арт-ати* – «пятить назад», 2) **артачи-ить* – без изменения смысла.

В одной из последующих глав мы рассмотрим этимологию глагола *учити*: от *уѣ* – «знание» (др.-рус.). В результате перераспределения выделился ложный предлог *у-* и ложное окончание императива **у-чит-и*. И в итоге – ложная основа *-чит-*, от которой образованы глаголы *чит-и* > *чит-и* и *чит-ати*.]

Но в случаях *орати* и **oriti* наслоения не произошло. Славист не сближает эти глаголы: Словари ищут им разные основы. Тюркославист привлечет тюрк. *or* – «яма», «овраг», «рытвина», «ров», «борозда», «вскопанное».

Э.В. Севортян приводит все фонварианты этого слова. В большинстве тюркских наречий – *or*, в некоторых – *ur* (тат., баш.) и в одном случае – *var* (чув.) [23]. Почти во всех языках слово выступает в именных значениях и лишь в хакасском – в глагольном *or* – «рыть», «копать». Но, судя по тому, что от этой лексемы как от основы образованы в иных диалектах отглагольные существительные *-oro* (< **orow*), *ura* – с теми же именными значениями – «ров», «рытвина», «яма» – можно предположить, что первоначально – в пору безаффиксной грамматики – лексема *or* (*ur*) была грамматически синкретичной, т.е. «глаголо-именем». И позже (уже только в именном значении) попадает в языки «соседей». Напр., монг. *ur* – «яма», «копь», «рудник». Особый интерес вызывает тюр. *oro*, которое Севортян производит из **orow* [24]. Правильность этой реконструкции, на мой взгляд, подтверждается и заимствованиями этой формы в угро-финские и в славянские. Ср., *orow* – «ров», «овраг» (коми) ошибочно производят непосредственно от тюрк. *or* (*ur*) [25]. Думаю, что и слав. *rov* от **orow*, а не от «рыть, рою» [26], тем более, что Словари не указывают морфологического механизма образования этой именной формы от упомянутых глаголов. Называют наугад. Теперь нетрудно доказать, что лит. *rāvas* – «ров» и др.-прусс. *rawys* – заимствованы из западно-

слав. А греч. *ovros* – «ров» (лат. транскр. *uros*) происходит непосредственно от тюр. **ur*. Широта распространения говорит о значительной древности слова.

Закономерность семантического развития – название одного земледельческого процесса часто переходит на другие: пахать = жать = пасти... Понять причину без восстановления первоиероглифов невозможно, но необходимо констатировать эту переходность в подготовительном этапе при создании лексического гнезда. Например, в славянских *paши* и *пaси* гораздо дальше отстоят друг от друга семантически, чем формально. Др.-чеш. *pahati* – «пасти», вероятно, сохраняет более раннее значение. Это могут подтвердить тюрк. *pah* (**бақ*) – «паси». Отсюда – *pahan*, *bakan* – 1) «пастырь, пастух, вождь», 2) «стимул». Второе (уже именное) значение – «сад», возможно, говорит о процессе активного земледелия, о пахоте, о возвращении. И развитие – *baқsa* – «огород», «бахча» («*пастбище»).

Вероятно, так же в эпоху скотоводчества в тюркском утратилось первое значение глагола *ory* – «*паши» и появилось другое – «жни». И название земледельческого орудия – острой палки, которой делалась лунка для зерна – уцелело, кажется, в славянских: **oruk* > **oruga*, от которого происходит – *оружие, орудие*, и в конечном итоге – *ружье*. В тюркских побеждает иная семантика: *orak* – «серп» (каз.), *urak* (тат.), *oruk* (тур. диалект.).

Название орудия формально согласуется с другим земледельческим термином, происходящим от той же основы: *oruk, uruk, orok* – «семя», «семена» (тюрк.).

Теперь можно допустить неслучайность переключки со слав. *gorox* (*гpox, гpax, гpoxи*). Переход от общего к конкретному типичен для темы – «названия растений».

Земледельческие и скотоводческие термины зачастую восходят из одного общего корня. Это говорит и о сложности процессов этногенеза – скрещивались, соединялись в племенные союзы, сливались в один государственный народ общества «чистых скотоводов» и «чистых земледельцев». Это могли быть и разнотнические племена. Праславянские и пратюркские. Возникали ситуации активного и долгого двуязычия, завершавшиеся победой более сильного этноса. И язык-победитель нес в себе субстратный вклад лексики и грамматики растворившегося племени.

В процессе Полной этимологии индоевропейские примеры помогут восстановить эпическую картину развития пратюркского **ur* (*ur, or, ar*) – 1) «*пахать» (делать лунку для зерна) = «вскопанное» (лунка, ямка, ров, рывина), 2) «*сеять» = «семя», 3) «жать», «косить» = «серп», «коса».

В пору аффиксного образования слова появляются термины *orak* (*urak*) – 1) «*соха», 2) «серп, коса», *oruk, orok, uruk* – «семя». И название первого злака – *arpa* – «ячмень» (пракипч. > общетюрк.). Севортян приводит несколько диалектных форм – *arfa, arba, abra* [27]. Автор Словаря вынужден давать пояснения, оправдывающие присутствие этого земледельческого термина во всех тюркских языках: «Тюрки, во всяком случае, уйгуры, еще до XI в. были знакомы с различными земледельческими культурами (зерноводством, виноградарством, садоводством), как о том свидетельствуют лингвистические данные (подчеркнуто мной – О.С.), не говоря уже об исторических сведениях. В частности, разведение ячменя имело у них столь длительную традицию, что нашла отражение в поговорках» [28].

Исследователи в поисках источника тюркского слова опять склоняются к идее иранского происхождения, несмотря на то, что в иранских языках прямых и косвенных соответствий не находится. И главное, на что следовало бы обратить внимание, – морфологический тип слова удостоверяет именно тюркский, но не иранский характер словообразования.

Некоторые авторы, основываясь только на том, что есть такое слово в тюркском, уверенно предполагают бытность его в древнеиранских, ибо сами тюрки произвести его не могли бы: «Предполагается» наличие соответствующего слова в иранском и форме *arba*, откуда и др.-тюрк. *arpa* – «ячмень» с многочисленными производными уже в древнетюркском: *arpala* – «кормить ячменем», «задавать ячменя» (лошадям), *arpalan* – «получить ячмень» и др.» [29].

Более ценная информация содержится на той же странице в главке «Ареал древнейшего распространения ячменя», где говорится, что ячмень является одним из древнейших культурных злаков. Первичный ареал культивирования ячменя локализуется в Передней Азии и Северной Африке (Древний Египет). В Европе ячмень обнаруживается лишь в конце неолита и становится преобладающей культурой в Бронзовом веке (IV-I тысячелетия до н.э.).

Для многих народов ячмень явился исторически первым злаком. Об этом можно догадаться по тождеству значений «хлеб = ячмень», «зерно = ячмень». Древние иранцы называли эту культуру совсем не так как тюрки, и о длительности традиции наименования говорит семантическое развитие: *jav* – «ячмень» (перс.), *yava* – «злак» (авест.). В соседнем: *yava* – 1) «зерно», 2) «ячмень» (др.-инд.).

Основа греческого – *αλφίτον* (*alfiton*) – «ячмень» сходна с абл. *elp* – «ячмень», соответствие которому находим в др.-кит. *gliap* – «рисовые зерна» и в славянском **helb* – «хлеб» (словен. *hleib*, чеш. *chleb*, н.-луж. *kleb*). Словари производят славянское слово от герм.: *hlaifs* – «хлеб» (гот.), *hleifr* – то же (др.-исл.). Единственное тому доказательство – наличие сходного термина в германском. Хотя в германской и славянской формах видно действие «метатезы плавных» – фонетического закона, характерного славянским языкам, пытавшимся таким образом открыть слог в заимствованном (из албанского?) слове **elp* > **help*. В германских языках выше приведенные звуко сочетания не перестраивались.

(Восстановима графема, названием которой и были слова **arpa* > **al'pa* > *al'f* > *'el'p*, ставшие, в зависимости от толкования знака, словами-понятиями. И мы увидим в Полной этимологии, что и значение русских слов *хлябь*, *хлюпать*, *хлебатъ* согласуются с этим знаком. И даже *хлев*.)

II

Когда тюркское название ячменя займет подобающее ему место в ряду мировых терминов земледелия не как заимствование из таинственного иранского диалекта, а как произведение словотворчества тюрков-земледельцев, только тогда появится право сопоставить *arpa* с ирл. *arbar* – «хлеб», «зерно», лат. *arvus* – «пахотный», *arvum* – «пахотная земля», *aro*, *arō* – «пахать», «пашу», греч. *αροω* – «пашу», лит. *ariu* – «пашу», лтш. *aru* – то же, др.-рус. *орю* – «пашу», болг. *ора* – то же, словен. *oram*, *orjem* – «пашу», серб.-хорв. *орет*... Видно, что эти глаголы образованы или точнее распространялись примерно в одно время, когда существовал на близких друг другу территориях или на одной общей, в границах одного государства союз племен, языки коих со временем назовут индоевропейскими. В этот союз входили и тюркские племена: *ору* – 1) «*пахать», 2) «жать, косить», *oram* – 1) «*пашу», 2) «жну, кошу».

III

Славянский земледельческий лексикон (до эпохи плуга) упрямо перекликается с тюркским. Сопоставительное изучение этих материалов открывает технологию древнейшего, доисторического земледелия – первые пахари не бороздили землю лемехом, а протыкали почву острой палкой, и в образовавшуюся лунку бросали зерно. О **тычковом земледелии** говорят значения славянских глаголов **коп-и* (позже: *коп-ай*), *коп-ати*, имеющих общую основу с названием острого, тычкового орудия *копье*, и лунки, рывины им сделанной – *копь*, *копанка*. Били острием землю, а не бороздили ее такие орудия как *соқа* – «соха» (каз.), явно происходящее от глагола *соқ* – «бей!» (каз.). О форме этого орудия и вертикальном его положении при нанесении удара говорят производные. В первоиероглифическом письме землеройное орудие, вероятно, изображалось вертикальной чертой, потому и значения: *соқа* – «землеройное орудие, соха», *соқай* – «стой прямо!», «торчи».

(В слав. *соха* – «*острое колющее орудие». О чем говорит распространение семантики *соха* – «рог», *сохатый* – «рогатый».)

Диалектная форма *сук* – первоначально, наверное, «острая палка». Со временем первичное значение *соқ* – «*коли» развилось в универсальное – «бей». Тогда и производное – *соққы* – 1) «оружие», 2) «палица» (каз.). На этом этапе развития слово попадает в германские. Ср. *shock* – «удар» (англ.).

В казахском от *соқа* – «соха», образовано *соқашы* – «пахарь». (В славянских термины с таким смыслом произведены от иных основ: *оратай*, *пахарь*, *плугарь*.)

И в других кипчакских технология пахоты так же связана с ударом. Ср. тат. *сабан* – «плуг», *сабанчи* – «пахарь». Основа может быть и *саба* – «бей, колоти», и **sab*, *šab* – «руби». Может быть, сначала так называли кетмень, тяпку.

В связи с вышесказанным, следует предположить, что слав. *пахати* – «пахать», «обрабатывать землю для посева», дало семантическое развитие, результаты которого отразились в значениях диалектных форм *пѣхати* > *пѣхати* > *пихати* – «вталкивать», «засовывать» (остроконечное орудие).

Из той же эпохи пришло казахское название орудия *казук* – «острый кол», от глагола *kaz* – «копай». И результат копания – *казва* – «копь, яма».

Все эти термины эпохи тычкового земледелия, которая была раньше Шумера и Древнего Египта, где уже – плуг и упряжка волов, а копье и кол используются только как боевое оружие.

Теперь мы будем внимательней относиться к казахским словам типа *себ* – «сей, засевай», *себуши* – «сеятель», «сеющий», сравнивая с русск. *сей*, *сев*, *сеять*, *семя*, *сыть* (чеш. *siti* – «сеять», ст.-сл. *cetu* – т.ж.). Основа **se* распространена в лат. *serō*, *sēvi*, *satum* – «сеять», балт. *sēt*, *seju* (лтш.), *sietī*, *seju* (лит.), в ряде германских.

IV

Систему лексических соответствий славянским словам древнейшего образования невозможно выстроить без учета данных тюркских словарей. Это положение со временем станет аксиоматичным.

Неувиденных Шитовой тюркизов много и обзор всех не входит в задачу статьи, поэтому ограничиваемся рамками темы – земледельческая терминология.

«*Пшеница, ст.-сл. пшеница, серб., хорв. виеница, связывают с ст.-слав. пшено – «пшено», пол. pszono, чеш. pšano, pšeno – «пшено», «очищенное зерно»/ (Ф., III, 417). Здесь и фонетическая, и семантическая близость очевидны. Несколько в стороне сербск., хорв. пшена, шена – «вид клевера», «лучшая кормовая трава». Словари не объясняют смысловой сдвиг. Он и не объясним, если принять версию происхождения, предлагаемую Словарями: «Старое причастие прош. страд. *ръшенъ – «растолченный» от *ръхати – «толочь»» (Ф., там же).*

Предлагаемая последовательность семантического развития ставит пшено – «очищенное зерно», «*толокно», «*мука» – на первое место. За ним – пшеница – «зерно», «злак» и потом пшена, шена – «вид клевера», «кормовая трава».

Удивительно, что не увидели связь с сено (др.-рус., ст.-слав., болг., словен., чеш., слвц, н.-луж.), *siano* (пол.), *sano* (каш.), *supo* (в.-луж.), *сијено* (серб., хорв.), *сіно* (укр.).

Ему находят соответствие только в балтских (лит. *šienas*, лтш. *siens* > фин. *heinä* – «сено»). «Следует отвергнуть по фонетическим соображениям произведение из слов **sekno*: секу и этимологию от сею, т.е. посеянное» (Ф., III, 601). Но никаких других решений не предлагается.

Тюркославист предложил бы рассмотреть в качестве исходной формы казахское *pišen* – «сено» от *piš* – 1) «*срезай», 2) «вырезай». В других тюркских языках сохранились значения «коси», «жни», «собирай урожай» [30]. И самое поразительное то, что у глагола *piš* в тюркских языках есть и другой смысл: «созревай», «спей». И образование *pišen* дает дополнительное значение «созревшее», «спелое», что могло в славянских способствовать формированию слов-понятий «пшено», «пшеница».

О недостаточной разработанности земледельческой терминологии в «Словарях» можно судить по массе примеров. Не говоря уже о тюркских материалах и «собственно-индоевропейская» лексика не охвачена. Скажем, общеславянского распространения слово *просо* сравнивается наугад с любым внешне созвучным (даже отдаленно) словом: «Возможно, просо первонач. значило «пятнистое, пестрое», связано с греч. *περχυος* – «пестрый», др.-инд. *prcnis* – то же, д.-в.-н. *forhana* – «форель»» (Ф., III, 379).

Избежать гадательности помогло бы обращение к русскому церковно-слав. *пырѡ* – «просо», «полба», которое восходит несомненно к греч. *πύρος* – «пшеничное зерно», «пшеница» (лат. транскрип. *pvrós*). Возможно, в общеславянском слово это произносилось ближе к греческому оригиналу **пырѡс*. В церков.-слав. представлена открытосложная форма с утратой конечного согласного: *пырѡ*, а в общеславянском название злака обрело иной диалектный облик: открытие конечного слога произведено протетическим гласным – **пырѡсо* > *пырѡсо*. При этом происходит закономерное сокращение слабого гласного – синкопа: **pyrós* + *a* > *prósa* > *próso*.

Огубление протетического гласного -*a* > -*o* произошло очень рано, еще в общеславянском, о чем свидетельствует и поразительная согласованность славянских названий скошенной травы (*сено*). Только в серб. и хорв. сохранились приближенные к исходным формы, содержащие конечный *a*: пшена, шена – «кормовая трава».

V

О выдающейся древности тюркских терминов земледелия, а так же (попутно) имен на -*ма* может поведать история славянского земледельческого термина **solma* (зап.-слав. *sloma*, юж.-слав. *slama*, вост.-слав. *soloma*).

Фасмер: «Праслав. **solma* родственно лтш. *salms* – «соломинка», др.-прусс. *salme* – «солома», д.-в.-н. *hal(a)t* – «стебель», греч. *χάλαμος* – «тростник, стебель, соломина, солома», лат. *culmus* – «соломина, стебель», тохар. *kulmänts* – «тростник». Далее связано с др.-инд. *çalākas* – «стебель, колос», *čilās* – «колос, оставленный в поле». См. Граутман... Мейе-Вайан... Педерсен... Хольтхаузен... Шмит... Вальде-Гофман... Уленбек... Торп...» (Ф., III, 713).

К этому можно добавить и арабский *calam* – «тростник, используемый для письма», через тысячелетия вернувшийся в тюркские языки.

А начало пути сохраняется в кипчакском *sol* – «увянь», «увядай», *solma* – 1) «*увядающая тра-

ва», 2) «увядшее», 3) «вялое». Ныне в казахском: *solma* – «лапша». Продукт назван по признаку формальному – вялости. Итальянские макароны и спагетти, пока они не побывали в кастрюле, не назовут так. (В др.-тюрк. видны этапы семантической эволюции: *sol* – 1) «левый, левая сторона», 2) «слабый», 3) «увянь», 4) «уменьшайся, ослабевай, убывай, исчезай», *soluř* – «вянуть» [31].

В турецком *sol* – 1) «левый», 2) «увянь», *solmak* – «вянуть», *soluk* – «увядшее». (Соответствует кипч. *solma*.) Но как термин *solma* (пусть и с иным конкретным значением) сохраняется, кажется, только в казахском. И пройти мимо него при создании лексического гнезда к праславянскому **solma* было бы нерационально. Тем более, что индоевропейские и семитские языки не предлагают ни морфологических, ни лексических оснований для этимологии. Но сам факт столь широкого распространения свидетельствует о востребованности этого, полагаю, пратюркского термина во времена соседства нескольких этносов на общих территориях, возможно в Древней Передней или Малой Азии – когда народы совместно осваивали технологии активного земледелия. Уверен, что этимология и других индоевропейских, славянских терминов этого тематического класса не обойдется без тюркских материалов.

К выводам

I

Чем, кроме официально обязательных знаний, должен владеть тюркославист? Знанием механизмов закономерных изменений тюркского слова в славянской речи:

Закон Перестройки слога. Структура первичного слога – главный классификационный признак любого языка. (Подробнее об этом – в книгах «АЗ и Я», Алма-Ата, 1975 г., «Язык письма», Рим, 1998 г.) Славянские языки тяготеют к открытому слогу, а это значит, что в эпоху односложного слова его структура была СГ (согласный – гласный). В эпоху двусложного слова: СГ + СГ. Вырабатывается специфическая произносительная инерция, которая при заимствовании лексемы с иной структурой слога приводит к характерным изменениям в форме освоенного слова: инерция заставляет говорящего перестраивать закрытые слоги (ГС) в открытые (СГ). В практике выработались несколько универсальных способов перестройки слога в открытый:

а) Появляется протетический согласный (губной – *w*, или гортанный – *h*) в начале слова перед гласным. Напр., *осемь* > *восемь*, *ойлык* > *войлок*. На межязыковом уровне: **omo* – «мужчина», «человек» > *homo* (лат.), *womo*, *uomo* (ит.).

Знание этой закономерности позволит сблизить слав. *porá* – «время» с лат. *hora* – «время», «час» и восстановить предформу, предшествовавшую латинскому слову **ora*, которая чудесным образом повторилась в итальянском и исп. *ora* – «час».

б) Открывали первый слог в других диалектах славянского иным способом – утратой начального гласного. Из этих диалектов вошли в русский *ружье* < *оружие*, *рундук* – «скамья» < *орундук* – «скамья» (тюрк.), *рыть* < **орити* – «копать», *ратай* < *оратай* – «пахарь», *ртачиться* < *артачиться* – «пятиться» (о лошади)).

с) Конечный слог открывали добавлением протетического гласного *a(o)*. В самую раннюю пору при этом происходила синкопа – сокращение корневого гласного: *piřén* > *přéno*, *řéno*, *pyrós* > *próso*, *čer-emiř* > *čeremřa*, *esen* > *vesna*, *kobyz* > *kobza*. Пример идеальной слоговой перестройки: тур. *алачук* (ал-ач-ук) – «хижина» > *лачуга* (ла-чу-га).

д) В редких случаях для открытия утрачивался конечный согласный: *pyrós* > *пырo* (ц.-слав.), *спасибог!* > *спасибо!*

Впервые это явление мы отмечаем в позднешумерском лексиконе, II тысячелетие до н.э.: *til*, *tir* – «жизнь» > *ti*, *tud* – «роди» > *tu*, *kir* – «земля» > *ki*, *kur* – «гора» > *ku* и т.д.

II

Закон ПС (Перестройки Слога) имеет универсальный характер: он присущ всем языкам планеты и лежит в основе многих фонетических законов. Напр., метатеза гласных в славянских языках продиктована необходимостью открыть слог в борьбе со стыком согласных: **borda* > *broda*, *brada* – «борода», *zolto* > *zloto*, *zlato* – «золото». Стремление приблизить первый открытый слог ко второму. [Знание этой закономерности позволяет включить в одни лексические гнезда слав. *rot* (*rut*) – «рот» и тюрк. *ort* (*urt*) – «полость рта», или слав. *l'ud* – «народ», «люди» и др.-герм. *l'ut* – «народ», и тюрк. *ult* – «народ», «нация». Но какие из этих форм первичнее (закрытосложные или открытосложные) можно с уверенностью определить только после восстановления первоиероглифических знаков.

Фонетические и «историко-культурные соображения» на этом этапе уже не помогут.] Но если в славянских так преодолевали стык плавного согласного (*л, р*) с любым другим, то, скажем, в итальянском стык любых согласных сплавляется в один долгий согласный, открывающий слог. Действие этого фонетического закона («итальянский рефлекс») видно при освоении латинских и греческих слов: *доктор* > *dottore*, *адвокат* > *avvocato*, *Нентун* > *Nettuno*. Все слова в латинском, содержащие удвоенные согласные – из древнеитальянского: *terra* – «земля», *gibba* – «горб», *stella* – «звезда» и др. Для слуха романологов такое заявление прозвучит просто вопиюще, потому как им с детства известна аксиома: итальянский произошел в XV веке из вульгарной (простонародной) латыни. Но они не смогут доказать, что латинский язык, терпимо относившийся и к открытому, и закрытому слогу, к любому сочетанию согласных (одно *sanct* – «священное» чего стоит) испытывал необходимость превращать стык в удвоенный согласный. Но в итальянском это происходило системно, и всегда побеждал второй согласный в стыке. Почему? потому что именно он открывал слог.

III

И обратная картина открывается нам при наблюдении за удвоенными согласными в тюркских языках огузо-карлукских ветвей. Например, кип. *ystyk* – «жаркий, горячий» > *yssyk* – то же (огузо-карл.). Здесь слоговым согласным является первый в стыке, он и побеждает, ибо огузо-карлукские языки более ревностно блюдут закрытосложность, нежели кипчакские. Последние в результате, вероятно, длительных контактов со славянскими и другими открытосложными языками приобрели терпимость к открытому слогу до такой степени, что инерция открытого слога также изменяет форму кипчакского слова: тур. *ulud* – «великий» > *uly* (каз.), тур. *küçük* – «маленький» > *kişi* (каз.). Пример идеальной перестройки: тур. *uruk* – «племя», «род» > каз. *ru* – «племя», «род».

IV

Согласно заданности слоговой структуры отличаются даже формы аффиксов:

Тюркские ветви	Огуз.	Кипчакский
Структура слога	Закрытый слог (ГС)	Открытый слог (СГ)
Направ.-дат.падеж	-a/-ä, -e	-ha, -ka/-ge, -ke
Причаст. пр.вр.	-an/-än, -en	-ahn ; -kan/-gen, ken
Отглагольное имя существительное	-ьм / -ьм	-ma / mä, -me

И одно из самых заметных отличий кипчакских слов: кипчаки произносили начальный *j* (иот) открыто-сложно, с протетическим гортанным **j*, который превращал полученную комбинацию звуков в *dž, ž, č, db, tb*. В огузо-карлукских иота не получала начального протеза и потому произносилась чисто.

Такое же отношение к начальной иоте мы видим и в Европе: *Japonia* по-немецки читается *Япон*, по-французски – *Жапон*, по-английски *Джэпон*. Тюрки прочтут: *Япón* (тур., узб., уйг.), *Жапón* (каз., ккал., ног., балк.), *Джапón* (кирг.) и т.д.

[Славяне и тюрко-кипчаки использовали иоту и в качестве аффикса основного глагола-императива. В славянских *-i* продуктивен и сейчас. В кипчакских даже в окончании слов, даже после согласных основы иота выступала с гортанным протезом, открывающим слог: **-ki* (*-ke*). Например, *īs* – «запах», *īske* – «нюхай», «вынюхивай» (каз.). В древнеказахском вероятно было **iski*: в этой форме слово попало в общеславянский, где переразложилось, ибо «опознали» свое окончание глагола: **iski* > *isk-i*. Выделяется ложная основа с именным значением *isk* – «иск» (по-иск). Глагол сохраняется в фонетически преобразованном виде – *ищи* (сочетание *sk* перед мягким согласным превращается в мягкий шипящий: *треск* > *трещи*, *блеск* > *блещет*...). И еще одно. Тюркское влияние ощущается и в фонетической зависимости слова от приставки. Если в слове *по-иск*, основа и приставка сохраняют гласные разного качества, то в других приставочных образованиях происходит сингармонизация как в тюркских словах: *обыск*, *розыск*. Качество звуков второго слога подчиняется качеству звуков начального.

Слово перешло в славянский в один из древнейших периодов двуязычия, когда осваивалась охота с собаками. Огузо-карлукский (я этим термином для удобства обозначаю тюрко-некипчакские языки) вклад в этот совместный проект: *īsle* – «вынюхивай, ищи», *īsledi* – «вынюхивал, искал».

Переразложение в славянском *(*i*)*sled-i* – «след-и». Начало совпало с предлогом: *i-sled-i*. Выделяется ложное имя – *sled*.

...Словарь М.Фасмера – произведение германославииста и, как правильно заметил автор предисловия Б.А.Ларин – «неточности, ошибки, неоправданные сопоставления наблюдаются в Словаре при трактовке Фасмером словарных отражений русско-тюркских и русско-финно-угорских связей. Есть промахи и в использовании балтийского материала.» (Ф., I, 8). Это естественные промахи. Этимология славянских языков будет качественной лишь при совместном (хотя бы последовательном) приложении сил не одних только славистов или германославиистов, но и балтославиистов, угро-финнославиистов и др.

Слова *иск*, *след* невозможно исследовать без участия тюркославииста. Иначе придется согласиться с производством *иск* от англ. *to ask* – «спрашивать» (Ф., II, 140), а *след* от лит. *slidus* – «гладкий, скользкий» (Ф., III, 668).]

V

Таким образом, инерция первичного слога стала причиной чередования *j/di/d,t*, отчетливо представленного в тюркской лексике: *uj* = *ud* = *ut* – «корова»; *kajyn* = *kadyn*, *katyn* – «супруга»; *ajak* = *adak*, *atak* – «нога» и т.д.

Индоевропейцы этого чередования в языках своего веденья еще не заметили. Однако в одно лексическое гнездо можно включить славянские *roj* и *rod*, в другое – *staja* и *stado*.

Это чередование служит подтверждением родственности слов, внешне отдаленных друг от друга.

Если не знать этого чередования, то не понять, почему в кириллице твердая **Ш** называется *ша*, а мягкая **Щ** – *шта*, хотя читается *шша*. Такой разницей сказывается на форме слов.

Слова из разных языков оказываются близко родственными: нем. *ja!* = слав. *da!*

Нем. *ein* – «один» = слав. *edin*, *adin*, *odin*.

Или англ. *I am* – «я есть», «есью» (лат. транскр. *aj em*).

Иран. *ad am* – «я есть» (вариант *az am*).

[В иранском надо искать соответствие зап.-слав. *az* – «я».]

Англ. *you* – «ты» (лат. транскр. *ju*).

Общегерм. *du* – «ты».

Это великое непонятое чередование оставило свои следы в древнеегипетском, в древнесемитском и шумерском языках. Чтобы сделать такое открытие, общему языковедению надо было бы открыть для себя сначала тюркские языки, в которых сия закономерность проступает с предельной ясностью. Более того, существует письменное подтверждение этого чередования. В древнетюркском алфавите наряду с буквами участвуют и несколько иероглифических знаков, которые, употребляясь отдельно, выражают слово-понятие, а в составе сложного слова – выражают только начальный звук своего названия. Среди этих букв-иероглифов я считаю главной **D** – *jaj* (русс. транскр. *йай*) – 1) «солнце», 2) «лук». Как буква обозначает звук – *j*.

В европейских алфавитах похожая буква выражает звук – *d*. Возможно в утраченных разновидностях древнетюркского письма было также – *d*. Тогда понятно происхождение имени бога Солнца (*Дай-бог*, *Даж-бог*, *Даждь-бог*) в древнерусских источниках и заклинание *ей-богу!* (**jaj-богу!*). Возможно и *day* – «день» (англ.), *dag* (нем.) входят в одно лексическое гнездо с древнетюркским *jaj* – «солнце» (= **daj*).

Если чередования *j/'j/dž/di/d,t* можно считать устными, то стяженная конструкция *j/d,t* представляется мне продуктом письменной природы. Только в написанных словах буква **D** читалась то *j*, то *d*. Так прочтенные эти письменные слова входили в языки.

Примечание

О Перестройке Слога необходимо знать не только тюркославиисту, изучающему поведение тюркизма в славянской речи, но, уверен, лингвисту любой специализации. [Инерция первичного слога (ИПС) действовала в языках независимо от семейных и временных границ. Открытосложное древнеиндийское священное имя *Brāhma* (*Brhm* > *Brahma*) и закрытосложное библейское *Abrām* (*Abraham*, *Abrahm*), переданное семитским письмом консонантно – BRHM, прозвучало в арабской огласовке так же закрытосложно *Ibrahim*. Что первичней? Для нас сейчас важнее увидеть родство этих великих имен, верами возвысивших человечество. И Закон Перестройки Слога позволяет это увидеть.]

Кроме общих причин формоизменений, подчиняющихся этому закону, есть некоторые, не поддающиеся объяснению, но, тем не менее, нуждающиеся в констатации.

В тюрко-кипчакских языках последовательно действует фонетический закон – озвончение «к» между гласными. Глухой гортанный в грамматической эволюции часто оказывается в интер-

вокальном положении и превращается в «г»: *жақ* – «жги», *жағу* – «жечь», *жағар* – «будет жечь»; *тік* – «шей», *тігу* – «шить», *тігіс* – «шитье» и т.д.

Этот закон некогда был знаком и славянским диалектам. Например, перестраивая конечный слог добавлением протетического гласного, славяне также озвончивали гортанный: *jaruk* – «овраг» (тур.) > *яруга* (др.-рус.), *alačuk* – «хижина» (тур.) > *лачуга* – «хижина», *syrmak* – «войлочный ковер» (каз.) > *сермяга* – «грубая ткань» (др.-рус.) [32].

Даже в неологизме: *бедняк* > *бедняга*.

Эта закономерность позволяет восстановить первичный консонантизм многих славянских основ. Например, *жги*. Синкопированная форма. Каким был корневой гласный до появления глагольного окончания? Ответ, кажется, дают чеш. *žhati* – «жечь, обжигать», серб., хорв. *жагрити* – «обжигать» и русское областное *жагра* – «трут», «обгорелый фитиль» (Даль).

Фасмер предлагает производить из «праславянского **dego* – «жгу» (Ф., II, 39).

Я считаю, следует привлечь в анализ и каз. *жақ* – «жги», *жағу* – «жечь», *жагады* – «жжет», «сожжет», *жағар* – 1) «трут», 2) «подожжет», «сожжет». Попад в русскую среду, название трута обрело гласное окончание, что вызвало синкопу: **жагара* > *жагра*.

II

Но особую значимость для тюркологии и славистики приобретает фонетическая закономерность, когда она позволяет анализировать исторические слова с датированным временем.

Наша история в слове, которое может стать археологическим материалом, документальным свидетельством присутствия этноса в глубокой истории, если ему не посчастливилось отразиться в древнейших письменных источниках. Ни одно славянское, тюркское имя или этноним не обнаружены в хрониках до орхон-енисейских текстов (V-VIII вв. н.э.) до христианизации славян и появления азбуки (X в.).

Самоназвания народов почти не проникают на страницы чужих летописей. В древнетюркских текстах не встретишь этнонимов *монгол*, *Джун-го* («Китай»), *хань* («китаец»), хотя тюрки-огузкарлуки обитали на территории современной Монголии и граничили с Поднебесной, с которой воевали, и торговали, и сотрудничали. Обходились кличками. Древнерусские летописи так же не приводят тюркских этнонимов-самоназваний и приходится догадываться, что куманы это половцы («*кумане рекше половцы*»), а половцы это тюркское население Дешт-и-Кипчака – *Дикого Поля* по-древнерусски. Да и свои, восточно-славянские племена русские летописцы нарекают не их самоназваниями, а кличками. Часто – по характеристике места обитания. Например, часто упоминаются предки киевлян – *поляне* (от *поле* – «степь»), древляне (если не от *древние*, то от *древа*). И *Полесье* (места, заросшие лесом) населяли **полеси* > *полехи* > *поляки*. Клички становились этнонимами и позже – самоназваниями.

По названию рек – *полабцы* (живущие по реке Лаба. Так славяне и сейчас называют Эльбу). Думаю, что по реке Руса живущие получили прозвище *порусы* > *прусы* – древний прибалтский народ, близкий по языку и славянам, и литовцам, латышам. Прусы растворились в германцах, но те сохранили в имени гласный приставки, правда, озвончив согласный *Borussia* – «Пруссия».

...Римский историк Тацит (I в. н.э.) говорит о кочевниках, обитавших в низовьях Дуная и в степях Северного Причерноморья. Называет их *jazyges*. В Большом Латинско-русском словаре это слово переводится – *языги* [33]. Вернее, перевели не слово, а окончание мн. числа –*es*. Считаю перевод удачным, потому как возможно и в оригинале значилось это окончание, правильно понятое и переведенное Тацитом на латинский. Если тюркское *jazyk* – «степь», «равнина» (от *jaz* – «разглаживай», «разровняй») в славянском получила семантическое развитие – «степняк», тогда множественное число превращало слово в этноним-кличку **jazyk-i* > **jazygi* – «степняки».

Сами тюрки такое окончание могли применить лишь в одном случае – используя иранский аффикс прилагательного: **jazyk-i* > *jazygy* – «степной».

Какая версия правильней, покажут дальнейшие исследования, но для нас важно увидеть, что слово, похожее на отглагольное имя существительное тюрко-огузского типа, существовало в I в. н.э. И конечный согласный озвончился, оказавшись в интервокальном положении. Пока иное не доказано, будем считать, что упомянутое Тацитом название всаднического народа было тюркского производства и развивалось с возможным участием славянских информаторов римского историка. Сведения о народах часто передавались «толмачами».

Но даже, если этот пример не удастся включить в список примеров озвончения *к* в славянских языках, уже имеющихся в словарях примеров достаточно, чтобы сделать вывод – заимствова-

ние фонетического закона как ничто другое свидетельствует о высочайшем уровне межъязыковых контактов, о длительных периодах двуязычия.

III

В сложнейших процессах континентального и межконтинентального этногенеза этносы встречались на века, расходились на тысячелетия и вновь встречались в одном государственном образовании. Массированный, неоднократный взаимообмен лексикой вырабатывал терпимость к вчера еще чуждым нормам, которые становились своими. Главным признаком «не островного» существования и развития языка является высокая степень толерантности к различным нормам. Это качество присуще латинскому языку, поистине имперскому. Как Рим вбирал в себя государства древней Европы, Ближнего Востока, Египта, Греции и Малой Азии, так римский язык впитывал особенности покоренных наречий. В нем напрочь стерлась инерция первичного слога. Каким он был язык пралатинян? Открытосложным или закрыто-? Уже никому не узнать. Имперский язык, язык-федерация, одинаково признающий и открытый, и закрытый слоги. Всевозможные стыки согласных и «итальянские сдвоенные», дифтонги и долгие гласные, сочетания гласных разного качества и разной долготы в одном слове.

В той или иной степени все тюркские языки и славянские проходили «имперскую» школу, подобную латинской. Но, тем не менее, инерция первичного слога в каждом ощущается. И это характерно сказывается на форме заимствованного слова. Об этом должен всегда помнить тюркославист. И не только.

Злополучный, великий дифтонг (О древних корнях казахского языка)

Со школы мы знаем, что казахский язык один из самых молодых. Он входит в кипчакскую группу тюркской языковой семьи. Считается, кипчакская образовалась позже огузской, карлукской потому, что письменных свидетельств о себе в древности не оставила.

Официальная дата возникновения тюркской письменности («орхоно-енисейской») – V в. н.э. В одно время с армянским, грузинским алфавитами. И с древнегерманским (готским).

Но главные тексты (эпитафических надписей Куль-Тегину, Бильга-кагану и др.) датируются VII-VIII в.в. н.э. Язык этих великих памятников отражает нормы огузских и карлукских языков. Типичных отличительных признаков кипчакских наречий (анлаутный *'j* и дифтонг *-au-*) язык орхоно-енисейских надписей, увы, не содержит. Из этого обстоятельства тюркологами был сделан категорический вывод – кипчакские языки некогда были во всем подобны огузо-карлукским (то есть «древнетюркским») и лишь в средние века произошли системные искажения форм (*-ah > au* ; *-j > dž, ž*), которые и определили особенные черты кипчакских языков. Но так как эти черты присущи всем языкам этой группы, значит произошли сии метаморфозы в общекипчакском, из которого после разделения вышли подгруппы **степных кипчаков** (населявших Дешт-и-Кипчак: казахи, каракалпаки, ногайцы), **кавказские кипчаки** (карачаевцы, кумыки, балкарцы – также вышедшие из Дикого Поля), **крымские кипчаки** (караимы, крымчаки, жокающие крымские татары, населявшие степную и центральную часть Крымского полуострова. Крым также входил в состав Дешт-и-Кипчака). И, конечно, **поволжские кипчаки** – казанские татары, башкиры. Махмуд Кашкари (МК) в своем знаменитом сочинении «Лугат-ит-тюрки» (XI в.), судя по пометам, которыми в словаре сопровождаются приводимые слова, делит тюркские языки как бы на три супер-языка – его собственный (древне-уйгурский, который представляет ныне карлукскую группу), кипчакский и огузский. Значит, надо полагать, общекипчакский язык возник где-то ближе к XI-му столетию. Именно тогда древнетюркские *tağ* – «гора», *yağ* – «враг», *sağ* – «здоров», *kişlak* – «зимовье» и т.д. превратились в *tau*, *jaŭ*, *saŭ*, *qysŭ*... [34].

Тогда, выходит, возник этот злополучный дифтонг *-au*.

Тюркские лингвисты, мне кажется, слишком преданно и поспешно поверили в эту абсурдную фонетическую механику, которая не доказуема не фонологически, не исторически, если, конечно, рассмотреть этот процесс в евразийском контексте - выйдя за чрезмерно суженные рамки эксперимента.

Просчет тюркологов вызвал кроме ущерба тюркологии и просто катастрофические нарушения в казахской орфографии. Зависимость письменной формы казахского слова от огузо-карлукского

написания добавила лишнюю букву в дифтонг, превратив его в непронизносимое сочетание гласных. Вот, что произошло. За образец бралась древнетюркская запись, и по ней, механически заменяя *э* на *у*, конструировали казахское письменное слово.

Огузо-карл. письменное слово	Казахское письменное слово	Значение
<i>агыр</i>	<i>ауыр</i>	«тяжелое»
<i>агыл</i>	<i>ауыл</i>	«аул»
<i>агыз</i>	<i>ауыз</i>	«рот»

В устном языке таких слов нет. Мы произносим *аур*, *аул*, *ауз* и т.п., но послушно вписываем букву *ы*, неуместную не только в этих лексемах, но и во всей нашей письменности, потому как долгого твердого узкого звука, соответствующего этой графеме в казахском языке нет вовсе. А есть краткий твердый узкий, который в древней кириллице выражался знаком ъ – «ер». Этот полугласный произносится в казахских словах как в болгарских *вълк*, *слънце*, *България*... Этот звук привнесли в южнославянскую речь те самые тюрки-булгары, которые после распада приазовской Великой Булгарии (середина VII в.) ушли на Балканы во главе с Ханом Аспарухом и, покорив славян, растворились в них. Но успели вместе с именем своим внедрить в язык южных славян и произношение полугласного ъ («ер»), которому противостоит долгий *ы* («еры») – это уже исконно славянский звук, который в ряде случаев подавляет первичный краткий, заменяя его. Напр., в слове *кышта* – «изба», «теплое жилище» (болг.), происходящее от булгаро-кипчакского **къштау* – «зимовье», «теплое жилище».

Булгары как пишут, так и произносят, казахи же произносят *къстау*, но записывают *кыстау*. Столь же неверно изображается слово *былгары* – «кожа для обуви». Некогда **былгар-и* – «българская». (Так иранские купцы называли юфть, выделкой которой славилась волжская България.) И если сохранять последовательность, то и название балканского государства мы должны ныне записывать – България.

Ну, хорошо, предположим, договоримся заменить *ы* на ъ и исправим записи: *ауър*, *ауъл*, *ауъз*... Но и это будет неточно: нет после дифтонга *ау* никакого другого гласного, ни долгого, ни краткого, ни полугласного! Мы за десятки лет применения этого чудовищного три-тонга привыкли к нему и примирились, и уже готовы найти ему подтверждения в языке. Их нет в природе.

Решение проблемы не требует сложнейших исследований. Можно обойтись простыми средствами. Грамотный следователь, приступая к анализу произошедшего, прежде всего, пытается определить – «кому это выгодно?». Почему для начала разговора тюркологи не задались вопросом – какая была кипчакам необходимость превращать сочетания *-ак*, *-аг* в *ау*, *-агы* в *ауы*? Подобное могло произойти только в одном случае – если бы кипчакские языки не переносили такие комбинации звуков. Однако в казахском гораздо меньше слов, оканчивающихся на *-ау/-еу*, чем на *-ак/-ек*. Даже на самоназвания наши можно было оглянуться. Ведь *қазақ* не превратили в **қазау*, *қыпшақ* в **кыпшау*, и т.д.

Наряду с *ау* – «петля», «охота» мы произносим *ақ* – 1) «белое», 2) «теки»; *ағар* – «белей»; *ағын* – «течение»; *ағыз* – «заставляй течь». Наряду с *тау* – «гора» мы легко произносим *тақ* – «прицепи»; *тағу* – «прицепить», *тағында* – «снова» и т.д., и т.п. до бесконечности.

Не было необходимости кипчакам превращать *ақ* > *ау*, *-агы* > *ауы*. Одно это может доказывать, что кипчакские формы с дифтонгом не зависели от огузо-карлукских с гортанными.

Теперь следует посмотреть в другую сторону. А произносят ли огузо-карлуки дифтонг *ау*? На этот долгожданный вопрос ответом будет – нет! Нетерпим этот дифтонг ни в турецком, ни в узбекском, ни в уйгурском, ни в «орхоно-енисейском»!.. Но если слово с дифтонгом попадает в огузо-карлукские, как его произнесут?

II

Я потратил некоторое время на прояснение истории тюркских числительных. Понял, что в пратюркском успели образовать только количественные и порядковые: количественные числительные в полном составе повторяются во всех четырех десятках тюркских языков, и суффиксы порядковых возводимы к одному исходному. Остальные категории числительных, названные тюркологами «дробные», «разделительные», «собираательные», «приблизительные», образовывались уже после распада пратюркской общности в отдельных языках, и некоторые переходили к «соседям».

Скажем, собираательные есть в кипчакских (во всех), но нет, например, в турецком, азербайджанском. А в тех огузо-карлукских, где представлены, очень напоминают кипчакские. Ср., каз. собираательные числительные имеют окончание *-ау/-еу*: *алты* – 6, *алтау* – «шестеро», *жеті* – 7,

жетеу – «семеро», *төрт* – 4, *төртеу* – «четверо».

В ногайском-карагашском: *алтау* – «шестеро», *дөртеу* – «четверо» [35].

Кипчакские племена, вошедшие в состав узбеков, привнесли эти числительные в общеузб. язык: *учов* – «трое», *олтов* – «шестеро».

В языке караханидских уйгуров (XI в.) мы встречаем собирательные числительные на *-агу/-агу*: *ікагу* – «вдвоем, двое»; *алтагу* – «вшестером, шестеро» [36].

Мы видим здесь, что непроницаемый в карлукском дифтонг *-ау/-ау* прославляется гортанным медиатором. Первое письменное доказательство освоения кипчакского дифтонга в карлукском языке.

Пойдем дальше. И находим собирательные числительные на *-ау/-ау* в орхон-енисейских текстах: *üčägü* – «трое», наблюдается попытка закрыть слог протетическим согласным: один раз встречается вариант *üčägün* – т.ж. [37].

Эти слова – исторические документы, удостоверяющие относительный возраст кипчакского дифтонга, а значит и самих кипчакских языков, которые вполне уверенно существовали и в орхонское время, и даже делились с Огузами и Карлуками своими грамматическими открытиями-изобретениями. Мы увидели механику освоения огузо-карлуками этого сочетания гласных: *ау* > *агу/ау* > *агу*.

Эти или подобные примеры наверняка попадались на глаза и казахским языковедам. Но они не сумели правильно определить состав аффикса.

Средневековый арабский филолог Абу-Хайан написал труд «Китаб-ал-идрак ли Лисан ил-атрак», где давались пояснения тюркокипчакским словам того времени. Книга была переведена на турецкий и в 1931 г. выпущена в Стамбуле в научном издании с дополнительными пояснениями. М.Маженова приводит в кириллической транскрипции список аффиксов, выделенных из кипчакских слов в том труде. При этом кипчагизмы, вероятно, содержавшие дифтонг, переданы с медиатором, который турецким ученым принят за основу суффикса: *-ау* сан.ес. *-ікагу* – «екеу» (114, 21); *учагу* – «үшеу» (114,21); *бішагу* – «бесеу» (114,21) [38].

Никаких комментариев к этому членению (*-ау*) не последовало. А надо было увидеть аффикс *-агу*.

Вывод: кипчакские собирательные числительные образовались относительно поздно и потому древняя огузо-карлукская комбинация *агу/-агу* сохранилась в первозданной свежести. В VIII-XI в.в. она еще не успела преобразоваться в *агъ/-агъ* (или в принятой записи *агы/-аги*), что случилось с более ранними заимствованиями из кипчакских.

Ау, Рим!

В древнелатинском было **aus* – «рот», дошедшее до новолатинского в уменьшительном *ausculum* – «ротик». Но основное слово уже выглядело иначе: *ōs* – «рот». Как произошло это название органа в латинском, пока никто не знает. Тем более, что в самых близких романских языках такого слова нет. Ср., *bocca* – «рот» (ит.), *boca* – «рот, губы» (исп.), *bouche* – «рот» (фр.), *bot* – «рот» (молд., рум.).

Дальнейшие исследования должны показать, почему в древнейшем из романских название этого органа по форме предшествует др.-индийскому *ās* – «рот», авест. *āh* – «рот»: фонологически долгий *a* есть одна из последних ступеней развития дифтонга (**au* > *ū*, *ō*, *ā*). Ни в германских, ни в других европейских следов подобного термина этимологам сыскать не удалось. Сохранились некоторые производные, в которых вместо долгого еще выступает дифтонг: *aošta* – «губа» (авест.), видимо, точнее передает первичный смысл, чем *austo* – «рот» (др.-прус.). Потому что мы видели – этот смысл («рот») вполне выражается основой *aus-*. Последний слог явно вносит смысловое дополнение, что заметно и в *ōṣṭhas* – «губа» (др.-инд.вед.).

Фасмер видит связь восточных, усложненных формой слов с лат. *ōs* – «рот», *ausculum* – «ротик», др.-инд. *ās-* и авест. *āh-*, но тем не менее, структура всего названия губы не поддается пониманию (Ф., IV, 172).

...Большую ясность могли бы привести примеры из неиндоевропейских языков, если бы их догадались поискать. Но теория тому препятствует: «названия частей тела создавались в языках и потому не было необходимости их заимствовать из языков других семейств». Ссылка на источник не требуется: это одна из главных аксиом индоевропеистики, ставшая незыблемым постулатом общего языкознания.

Однако все же попробуем вспомнить кипчако-алтайские примеры: *ау* – «рот» (каз., тат., к.кал., ног., балк.), *ōz* – «рот» (кирг.), *ūz* – «рот» (алт.), *āz* – то же (гаг.), *ās* – то же (хак.), *ahyz* – «рот» (др.-тюрк.).

...Древние славяне не признавали великого дифтонга. Только недавно русские стали произносить слова *пauк*, *наука*, *баул*, *Кейптаун*, *сауна*... В древнерусском дифтонг преодолевали: *навка* (**пauк*), **навук* > *навык*, *Пауло* > *Павло*...

А, встречаясь в начале слова, дифтонг автоматически утрачивал свою первую часть: *au-* > *y-*. Такое упрощение дифтонга славистика признает. Фасмер, анализирует лексему *вузда* (укр., блр.), *оузда* (ст.-сл.), *ўзда* (серб., хорв.), *узда́* (болг.), *úzda* (слов., чеш., словц., пол.), *wuzda* (в.-луж.), *huzda* (н.-луж.), *vāuzda* (полаб.). И предполагает со ссылкой на Мейе, Шнехта, Перссон и др.: «*Праслав. *uzda* первоначально «то, что вложено в рот». Первая часть явно содержит и.-е. **ous* – «рот», тогда как вторая часть содержит – **dhe* (см. *дeть*)» (Ф. IV, 153).

Мне думается, *auzda* – «на рту», «во рту» (каз.), более реально соответствует славянскому названию детали конской упряжи, чем искусственная, неживая конструкция **ous-dhe* – «то, что вдето в рот» [39].

В современном казахском термин не сохранился, но существует однотипный: *auzdyk* – «удила», букв. «ротное», «для рта». Это наблюдение приближает понимание словообразовательных схем, по которым на ранних стадиях развития языков от названия какого-нибудь главного или просто уже названного органа создавали наименования прилегающих к нему частей тела. В кипчакском диалекте с оглушенными согласными пытались назвать губы: **aus* – «рот», **austa* – «на рту», «во рту» > «губы».

В кипчакских слово не удержалось: морфологически слишком прозрачно, что не продлевать век термина. Но в некоторых индоевропейских, где составные части не были понятны, слово уцелело, превратилось в морфологический и семантический монолит: *aošta* – «губа» (авест.), *austo* – «рот» (др.-пр.), первоначально – «губа», *ôṣṭhas* – «губа» (др.-инд.вед.), *usta* – «губы» (слав.).

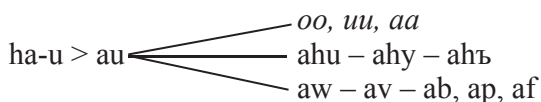
Древнеевропейские формы названия рта и губ проясняются при сопоставлении с тюркскими, а точнее, с кипчакскими материалами. Эти совпадения форм и смыслов едва ли удастся назвать случайными и потому, опираясь на латинские, древнеиндийские и древнеиранские примеры, будем утверждать, что кипчакские и тюрко-алтайские формы названия рта с дифтонгом *au* и долгими *ū*, *ō*, *ā* произошли не позднее середины I тысячелетия до н.э. А производная форма *ahyz* в те времена, скорее всего, могла выступать еще в виде **ahuz*.

Еще один пример для продолжения темы предлагает Древний Рим. В латинском, повторяю, уживались разные племенные нормы: в этом имперском языке, как в самом вольном, демократическом обществе право голоса имел и дифтонг, и произошедший от него долгий. Конечно, не могли бы ужиться в словаре два названия солнца – древнее **saul* и новое *sōl*. Прежнее в законсервированном виде осталось в балтских: *šaule* – «солнце» (лит.). Палатальный плавный (*l'*) смягчил все слово – такое могло случиться в каком-то германском, где регрессивная ассимиляция качества (умлаут) смягчила многие лексемы [40]. Кипчаки унесли из древней Европы *säüle* – «сияние», «луч света» (каз.), *sööle* (кирг.). Этот термин в огузокарлукских не отмечен и потому в казахском написании решились оставить чистый дифтонг: *сәуле*.

Если бы не возникло древнетюркское *ahyr* – 1) «тяжелое», 2) «драгоценное», то каз. *ауыр* – «тяжелое» записывалось бы как звучит – *аур* (*aur*), что соответствует кир. *оор* (*ōr*), алт. *уур* (*ūr*), хак. *аар* (*ār*). Арбитром и в этом случае выступает латинское слово: *aurum* – «золото»: *aur* – «золото» (молд., рум.), *or* (фр.) < **ōr*; *oro* (ит., исп.) < **ōrum*. Некогда в тюркских все фонетические варианты этого слова имели то же значение, что и пралатинское **aur*. Об этом сигнализирует каз. *or* – «золотистая», «темнорыжая масть животных (коня, коровы, овцы)», явно происходящее от **ōr* – «золото» – наследия древнекиргизского диалекта. Золото и в других культурах становилось эталоном цвета. Например, рус. *жёлтый* несомненно связано со слав. праформой **zolto*.

Кипчаки принесли с запада в древнетюркский мир это название самого тяжелого из металлов. Оно уступило напору нового термина (**ōl-din*), который в каком-то из доминировавших в древней Европе диалектов возник из прилагательного со значением *золотой*.

Приводить примеры из Золотой латыни (*altyn latyn!*) можно еще долго, но и этих достаточно, чтобы убедиться в неслучайности совпадения форм и значений древнелатинских слов с кипчакскими. По сути, это общие слова, и латинское звучание их в казахском ничем не замутнено, поэтому записям римских грамматиков (латинской орфографии) я больше доверяю, чем *ауы*-канью наших доморожденных ученых грамотеев. И предлагаю рассмотреть уточненную схему развития великого дифтонга в языках Евразии.

Вся история языков человечества не предоставляет фонологических материалов, доказывающих обратное развитие, какое целый век предлагают тюркологи: *ahy* > *auy*, *ah* > *au*.

Однако в истории все происходило так, как происходило, а не как хотелось бы историкам языков: **первичность *au* подтверждается мировыми словарями и, прежде всего – латинским.**

Таким образом, схема развития дифтонга в древнетюркском мне представляется такой: *au* – «петля», «охота» (кипч.) > **ahu* > *ahy* > *ahъ* – «охота» (др.тюр.), *aul* – «селение» (кип.) > **ahul* > *ahyl* – «селение» (др.-тюр.), *auz* – «рот» (кип.) > **ahuz* > *ahyz* – «рот» (др.-тюр.), *aur* – «тяжелое» (кип.) > **ahur* > *ahyr* – «тяжелое» (др.-тюр.).

Слова с дифтонгом были заимствованы из пракипчакского очень рано, потому что: а) дифтонг успел преобразоваться в конструкцию *-ahy-* в составе слова и *-ahъ* в конце, б) эти нормы представлены во всех огуз. и карлук. языках. Позже уже в средние века попали в др.-тюркский язык кипчакские собирательные числительные: дифтонг в них успел лишь прослоиться гортанным: *altau* > *altahu* – «шестеро», *üçäü* > *üçägü* – «трое».

Идеально подтверждает нашу гипотезу история фонетического развития *buzau* – «теленки» (каз.). По нашей схеме слово должно пройти стадии разложения дифтонга на составляющие (**-buzahu*), и редукции губного гласного в конце слова (**buzahu* до *buzah*).

К счастью, в тюркских языках сохранились в живом виде все этапные модели, иллюстрирующие фонетическую эволюцию слова: *buzau* – «теленки» (каз.) > *buzahu* – «теленки» (др.-уйгур., чагат., тур. диал.) > *buzahy* – «теленки» (тур.) > *buzah* – «теленки» (ДТС), *buzag*, *buzaq*, *buzog* (узб. диал.), *pozak* (тур. диал.).

Э.В.Севортян, из словаря которого я привожу эти примеры, признает последовательность фонетического развития форм: «бузагу > бузагы...» [41].

Но он не приводит самого начального этапа, который в данном случае напрашивается (*бузау*). Почему? Произошла бы катастрофа – крушение налаженного механизма противоестественного развития форм, принятого в тюркологии. Этот механизм заставляет принять схему *бузагы* > **бузауы*. (Слава Аллаху, в этом месте казахские грамматики нарушили традицию и записали, как слышится, сохранили дифтонг: *бузау* – «теленки»).

Казахская форма позволяет понять генезис этого слова, который правильно определил Севортян: «Бузагу ~ бозагу правомерно сблизить с тюр. диал. *buza* – «рожать» (о корове)... В свете приведенных данных бузагу ~ бозагу, бузаг/бузақ ~ бозаг/бозақ можно рассматривать как производные существительные со значением результата действия...». Имя действия в кипчакских языках образовывалось инфинитивным суффиксом *-y* (*-u*). Напр., *бура* (*bura*) – «крути», «сверли»; *бурау* (*buraui*) – 1) «сверлить», 2) «сверление», 3) «сверло, бурав». Вероятно, так же от *buza* – «отелись» произошло *buzau* – 1) «*отелиться», 2) «*отел», 3) «теленки».

Таким образом, становится очевидной первичность формы с дифтонгом в этом ряду, который может украсить новые учебники тюркологии: *buzau* > *buzahu* > *buzahy* > *buzahъ* > *buzah*...

II

Учитывая сказанное, мы вправе усомниться в том, что термин «древнетюркский язык» точно отражает былую действительность. Думаю, правильной применить здесь множественное число – «древнетюркские языки». В числе их – «язык орхоно-енисейских надписей», «древнеуйгурский» (язык сочинения Махмуда Кашкари) и, принимая во внимание факты заимствования кипчагизмов в орхонские и древнеуйгурские тексты, следует допустить, что в те времена существовал и **древнекипчакский язык**, нормы которого четко сохранились в казахском, каракалпакском, ногайском, балкарском, карачаевском и некоторых других. Не только фонетические (прежде всего Дифтонг), но и грамматические, о чем мы будем говорить далее.

Предложения по ходу.

Еще раз хочу сказать о необходимости орфографической реформы, которая бы сблизила письменное казахское слово с устным. Что облегчило бы изучение казахского языка по учебникам и словарям. (Иноязычные учащиеся произносят слова как написано. Один русский бизнесмен от-

крыл кафе вблизи Курдайского перевала – «Горный ауыл».)

Великие русские филологи и писатели XIX золотого века слышали это слово в Крыму, на Кавказе и в приуральских степях. Я больше верю слуху Даля, Толстого и Радлова, внедривших в русскую научную и художественную литературу слово *аул*, в котором нет этой ученическо-академической добавки – *ы*.

Предлагаю обсудить предложение об орфографической реформе, попутно с редакцией алфавита. Не будем подсчитывать, сколько тысяч тонн бумаги съела ненужная буква *ы* за шесть десятков лет существования казахской кириллицы! Главное другое – она исказила письменный образ казахского слова, сделав его непроизносимым или ложно произносимым. Я хочу, чтобы мои внуки писали *ауз*, *даус*, *баур*, *аул* – прекрасные слова, звучащие многие тысячелетия на пространствах Евразии, и не искажали их, подчиняясь Ошибке академий, ушибленных в XX веке перманентными сменами письменностей вперемежку с репрессиями.

Кириллица пережила несколько реформ. Последние это – Петровская реформа начала XVIII века. Петр I при изготовлении в 1707-1708 г.г. первого комплекта гражданского шрифта, разработанного по его указанию, исключил восемь букв, заимствованных из греческого алфавита и с самого начала не нужных славянской речи. Это буквы «пси», «омега», «юсы» и др. Историк письма В.А. Истрин пишет: *«Несмотря на незавершенность петровской реформы, она имела большое революционное значение. Показав необходимость перестройки русского алфавита, реформа эта повлекла ряд последующих реформ Академии Наук. Так в 1735 г. Академия, кроме исключенных Петром «юсов», «пси» и «омеги», дополнительно исключила «кси», «ижицу», «зело»; в 1738 г. было унифицировано написание «и десятиричного» (с одной точкой вместо двух) ... Ко времени Октябрьской революции букв, ненужных для русской речи оставалось четыре: одно из двух «и», «фита», «ижица», «ять». Все эти буквы были упразднены реформой 1917-1918 г.г. Наибольшие споры как до реформы 1917-1918 г.г., так и после неё вызывал вопрос, какое из двух кирилловских «и» следует сохранить. Сторонники «и с точкой» («и десятиричного») выдвигали в её защиту три существенных аргумента: желательность приближения русского алфавита к западноевропейским; экономию при замене (і вместо и) около 1% бумаги (вследствие меньшей ширины этой буквы); лучшую различимость «и с точкой» (И слишком сходна с буквами Н и П). Победу одержали сторонники «и-восмеричного», сославшиеся на то, что сохранение этой буквы приведет к меньшему изменению традиционной графики русского письма» [42].*

Далее он пишет: *«Лишь в результате победы Октябрьской революции давно назревшая реформа правописания была проведена в жизнь». И что эта реформа, в особенности исключение «ять» и «твердого знака» в конце слов, вызвала ожесточенное сопротивление со стороны «консервативной интеллигенции».*

Таким образом, реформы кириллицы происходили в переломные моменты русской истории – они вошли естественной составной частью «петровских» и «ленинских» социально-государственных преобразований.

И у нас сегодня именно такая историческая ситуация. Кардинальная перестройка экономики, государственного строя предполагает реализацию назревших реформ в культуре, и, прежде всего, в письменности. Другого такого момента может и не быть. Сейчас, когда надо переписать учебники родной речи, самое время воссоздать забытую древнейшую историю казахского языка в сопоставлении с языками не только тюркской семьи, но и других языков планеты.

И это знание поставит вопрос о необходимости пересмотра фундамента перекошенного здания тюркологии, стоящего на песке первичных представлений.

Было бы правильно приурочить к этим действиям и реформу правописания. При этом учесть просчеты лингвистов конца 30-х, которые спешно «подгоняли» кириллицу под тюркские языки СССР, готовя повсеместную отмену латиницы. Они работали в республиках изолированно друг от друга, не согласуя свои наработки. Поэтому одни и те же звуки в разных алфавитах выражаются по-разному. Напр., каз. *у, ө, ә* ... алтайском и бараб. соответствуют *ü, ö, ä*, ... Или гортанные звуки, выражаемые в каз. *қ, ғ* в точности соответствуют карачаево-балкарским, но они их изображают – *къ, ғъ*. Например, название города Карағанды в письме балкарском и карачаевском – Къарағъанды.

Этих и других «самоделок» можно избежать, если подготовить и провести совместную реформу письменностей тюркоязычных народов, основанных на древнерусской кириллице. Подчеркиваю древнерусской, и даже скорее древнеславянской, ибо петровская и ленинская реформы сократили некоторые знаки, разрушив пары букв, которые отражали определенные парности звуков в славянских и кипчако-булгарских наречиях. Об этом более подробно – в статье, специально посвященной

происхождению «орхоно-енисейского письма», созданного для древних тюркских языков огузо-карлукского типа, и «болгарской кириллицы», которая унаследовала черты утерянной булгаро-кипчакской письменности. Мы уже можем представить структуру того алфавита, который принесли с собой грамматисты Великой Булгарии из Приазовья и Прикаспия на Балканы в VII в. н.э.

Деющий

Массированный взаимообмен лексикой в ранние периоды тюрко-славянского и славяно-тюркского двуязычия неизбежно приводил к распространению и грамматических средств. Не столько исторические, скорее доисторические сведения закодированы в служебных элементах слова.

Этимология формантов – наиболее трудная область языкознания. И менее других разработанная. Без полного исследования отражений служебного знака Копья-Стрелы в языках этимология самых первых служебных частей слова будет невозможна. Мы способны пока провести работы Подготовительного этапа – выявить в языках, разведенных по разным семьям, общие морфологические схемы с общими формантами и сделать предварительную систематизацию.

Тюркослависта, естественно, интересуют тюрко-славянские грамматические параллели. И сразу находится много общего. Но прежде, чем приступить к сопоставлению, необходимо понять последовательность строительства слова, какая часть речи – фундамент, а какие относятся к надстройке.

В индоевропейских грамматиках **основным глаголом** называют инфинитив (глагол неопределенного действия). Отглагольные существительные и другие формы глаголов (деепричастия, например) образуются от «основы инфинитива». В тюркских грамматиках основным глаголом признали глагол повелительного наклонения, императив. Все глагольные и именные основы в тюркских языках могут быть по формальному признаку подразделены на непроезводные и произведенные. Под первыми подразумеваются основы нечленимые, под вторыми – основы, состоящие из опознаваемых составляющих (корня и словообразовательных аффиксов).

Сохранилось довольно много непроезводных имен и глаголов. Сравните, каз. *бал* – «мед», *бар* – «иди», *бас* – «голова», *бас* – «наступай, ступай», *бер* – «дай», *бер* – «дай», *бір* – «один», *бор* – «мел», *боз* – «серый», *без* – «избегай», *бол* – «будь», *бөл* – «дели», *бур* – «поверни»... Я назвал только часть нечленимых слов на «б»; не меньше наберется на каждую букву алфавита. Односложные непроезводные лексемы – наследие начального периода развития языка. Каждое из них в свое время выполняло одновременно обе главные грамматические функции – именную и глагольную. Постепенно они избавлялись от одной из них. Например, *көш* – «кочуй», но еще в XVIII веке оно имело и именное значение – «кочевье». Еще сохраняют обе функции такие слова как *қос* – 1) «пара», «соединение»; 2) «спаривай», «соединяй»; *той* – 1) «пир», 2) «насыщайся» и др. И пока трудно определить, какое из грамматических значений было первым – имя или глагол.

Такие же грамматически синкретичные слова есть в славянских – *лай*, *вой*, *строй*. Но повторяющийся элемент *-j (й)* похож на омертвелый формант императива (глагола повелительного наклонения 2-го лица ед. числа).

Подобные примеры показывают – в славянских не было непроезводных глаголов. И что самый древний глагол – императив, как и в тюркских.

Тюркскому непроезводному основному глаголу всегда соответствует славянский производный. Например, *тық* – «тыкай», «тычь», «всовывай» (каз.), заимствованный в славянские диалекты, обретает аффиксы основного глагола: 1) **тык-і* > *тычь*, 2) **тык-ай*. Или *жақ* – «жги» > **жак-і* > **жаги* > *жги*.

В русском словаре эти две диалектные формы императива достаточно представлены. Вторая, более поздняя, вытесняла первую. Например, в **стрели+ай* > «стреляй» видно наложение аффикса на более древнюю форму **стрели*, она сохраняется в приставочных образованиях *вы-стрели*, *за-стрели*, *под-стрели* и т.п.

Но есть в кипчакских целый ряд производных глаголов, которые наиболее удобны для сравнения с русскими: каз. *тоқы (toky)* – «тки»; каз. *оқы (oqu)*; тат. *уқы (uqu)* – «учи». Сравнение помогает восстановить общие праформы: **tok-i* – «тки», **uk-i* – «учи». В тюркских качество форманта закономерно изменилось под влиянием качества корневых звуков. В русском, вероятно, всегда было возможно сочетание в лексеме звуков различного качества. Кто у кого заимствовал эти глаголы? Предварительный ответ: славянск. > тюркск. Время? Учитывая, что оба глагола представлены в общеславянском и общетюркском – не одно тысячелетие тому назад.

II

Основа глагола в тюркских языках всегда совпадает с формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Эта форма является исходной для всей системы словоизменения и формообразования глагола [43].

Таким образом, **императив** (глагол повелительного наклонения) является **основной, то есть базовой формой глагола в тюркских языках**. От него создаются деепричастия, причастия, имена существительные и прилагательные. Я думаю, инфинитив (глагол неопределенного действия) стал одной из последних надстроек: в тюркских языках разных ветвей он создается различными средствами. Скорее всего, **инфинитив появился не в праязыке, а после распада пратюркского сообщества**.

Сравните: *de* – «скажи!»; *deu* – «сказать» (каз.)
de – «скажи!»; *demek* – «сказать» (тур.)
ti – «скажи!»; *tigerge* – «сказать» (хак.)

...Если когда-нибудь произведут сравнение грамматик языков, относимых к различным семьям, то вполне может выявиться общее. Прежде всего, я думаю, окажется, что **основной формой глагола во всех языках человечества являлся императив**.

И в индоевропейских императив был первой формой глагола, а инфинитив позднейшей. Поэтому форма императива совпадает во многих индоевропейских, а формы инфинитива отличаются.

Даже в таких близкородственных как латинский и итальянский.

Для того, чтобы нагляднее представить результаты сопоставления иноязычных примеров, я стараюсь использовать простой прием – нахожу в языках формально и смыслово похожие глаголы повелительного наклонения и придаю им одинаковое грамматическое развитие. Например, лат. *dih* – «скажи!», *dico* – «сказать», «возвещать», «провозглашать». Ит. *di* – «скажи!», *dire* – «сказать». Такая картина последовательно и системно распространяется на все глаголы. Можно ли после этого продолжать утверждать, что основной формой глагола в латинском и итальянском (и других индоевропейских языках) является инфинитив?

Почти все другие формы глагола и имена отглагольные создаются **на основе императива**. Он должен быть признан **основным глаголом** в грамматиках всех языков, где наблюдается такая архитектура производного слова.

Во многом благодаря своему незаслуженному статусу основного глагола (и «меньшей категориальной нагруженности» [44]), инфинитив в описаниях ряда языков используется, как представитель глагольной лексемы в словаре. Это существенно затрудняет процесс изучения языков и этимологию. Если в учебнике приводится глагол, то в переводе он представляется только инфинитивной формой. У меня на столе сейчас лежит «Грамматика хакасского языка» («Наука», М., – 1975 г.), на мой взгляд, одно из лучших научных описаний тюркского языка. И хотя в этой книге признается основной формой глагола – императив, и примеры приводятся именно в этой форме, но переводится глагол как инфинитив. Например: «По звуковому составу основы могут быть разделены на односложные: *ut* – «делать», *kör* – «смотреть», *xal* – «оставаться»» [45] (правильней: *ut* – «делай!», *kör* – «смотри!», *xal* – «останься!» – О.С.).

Сопоставление грамматик позволило бы выяснить происхождение морфологических схем и средств. Например, объяснило бы, почему итальянский язык не во всем следует латинскому. В латинском окончания инфинитива и 1 лица ед.ч. отличаются лишь долготой звучания: *dico* – «сказать»; *dicō* – «сказываю, говорю» (лат.). В итальянском гласные уже количественно не различаются.

В какой-то момент в итальянском, утратившем долготу гласного, совпадают личная форма глагола и инфинитив: *dio* – 1) «*сказать», 2) «сказываю». Итальянцы оставляют за этой конструкцией только одно грамматическое значение: *dio* – «сказываю» (**diō*). А для инфинитива используется другой суффикс: *dire* – «сказать». Таким образом, в ит. языке окончание глагола 1 л.ед.ч. –*o* восходит к лат. *-*ō*. Думаю, что такая же история и у русского личного окончания –*у*. Лат. *ō* и *ai* в русском развились в краткий *y* [46].

Мы показывали системные совпадения латинских и кипчакских имен. Это только, как говорится, верхушка айсберга. Но и она дает основания сравнить лат. окончание инфинитива –*o* и кипчакские –*u* (каз), –*o* (тат.), совпадающие по форме с рус. глагольным окончанием 1 лица ед.ч. –*у* (лат. транскр. –*u*).

III

Это совпадение форм аффиксов разных значениями сыграло свою роль в славянской грамматике.

Казахский инфинитив создается по схеме: «императив (или основа императива) + *y(u)* = 1) инфинитив, 2) имя действия». Примеры: 1) *тық* (*tyk*) – «тычь, тыкай», *тығу* (*tyhu*) – 1) «тыкать», 2)

«тыканье», совпадает по форме с русс. *тычу* – глаголом 1 л. ед.ч.

Далее начинается еще более любопытное. От инфинитива – имени действия в тюркских создается следующая часть речи: «инфинитив (имя действия) + суффикс лица *-чи, -ши, -джи* = имя деятеля». Каз. *тыгу* (*tyhu*) – «тыкать»; *тыгу-ши* (*tyhu-šy*) – «тычущий», *току* (*toku*) – «ткать», *току-ши* (*toku-šy*) – «ткущий».

Общего в казахских и русских примерах больше, чем различий. Казахские примеры с ясной морфологией позволяют понять происхождение русского нечленимого форманта *-ущий* (**у-щи*).

В чем я вижу основное различие? В том, что одно и то же грамматическое явление в разных грамматиках называется по-разному. В славянских – это **причастие настоящего времени**. В тюркских – **имя существительное**. Ни в одной из тюркских грамматик эта форма не названа причастием и не сравнивается со славянской.

Я намеренно подбираю в двух языках глаголы, похожие и формой, и содержанием, чтобы ученому читателю очевидней стала структура словообразования: *жақ* (*žaq*) – «жги», *жағу* (*žahu*) – «жечь», *жағуши* (*žahušy*) – «жгущий».

Читателя может смутить неожиданное смягчение форманта в славянском. В сингармонических языках твердая и мягкая формы суффиксов и окончаний функционально равнозначимы. После «мягких» корней и суффикс «мягкий»: *бер* – «дай», *беру* – 1) «дать», 2) «даяние», *беруши* – «дающий».

Но в русских причастиях наст. вр. этот суффикс и после твердых, и после мягких корней – одинаково мягкий. Эта характерная особенность формантов, заимствованных из сингармонических языков. Заимствуется всегда только один вариант – или твердый, или мягкий. Используется после любых основ. В данном случае был заимствован мягкий.

Была предпринята древнеславянскими грамматиками попытка этимологизации формы причастия. В переразложении увидели основу на *-у*. Ее приняли за глагол 1 л.ед.ч.: *тку, тыкай-у, жг-у*, к которой присоединяется непонятный элемент *-щи(й)*.

Болгары системно использовали в качестве личного окончания *-я* (в восточно-славянских оно выступало в роли местоимения 1 л.ед.ч.): *тък-я* – «тку» (болг.). И они преобразовали суффикс причастия в более им понятный: *-у-щй* > *-я-щй*. Много болгаризмов оказалось в русском: *смотрю*, но *смотрящий* (вместо **смотрящий*), *гляжу* – *глядящий*, *говорю* – *говорящий*, *учу* – *учащий* (**учащий*)...

Те причастия, что не испытали болгарскую редакцию в древнерусском и церковно-славянском, сохранили первичную форму: *сею* – *сеющий*, *зрею* – *зреющий*, *жну* – *жнущий*, *жую* – *жующий*.

О древности этой казахской формы в славянских языках. Старинное **де* – еще участвует в *деи* – «говори», *деетъ* – «говорит» (др.-рус.) и сохраняется в *di* – «говорит, де, мол» (укр.) = *де* (рус.). «Он, де, из Орла-града» (Лесков). Билингва *дескать* (**де* = *скасть*) являет собой пояснение устаревшего **де* – новым словом. Русс. диал. *скасть*, *ску* = *сказать*, *скажу* (Фасмер, I, 506). Сравнение с тюркскими позволяет восстановить первое значение «частицы *де*»: *де* (*de*) – «скажи» (каз.), *di* (*di*) – то же (тат.), *deу* (*deу*) – «сказать», *deуши* (*deуši*) – «сказующий» (каз.). Или как говорили древние славяне, – *деюущи* – «сказующий» (ст.-слав.) (Ф., I, 489).

Эти славянские формы говорят уже об отражении не общетюркских или общекипчакских черт, а конкретно казахской или точнее **древнеказахской лексики и грамматики**.

IV

Если мы увидели, наконец, родство русского причастия наст. вр. с казахским именем деятеля, то увидим и другое:

1) «Твердая» форма суффикса могла быть использована в славянском диалекте, где императив создавался окончанием *-а*, и в общенародном языке при унификации племенных диалектов занять место причастия пр. времени: *тки* = *тка*; губной в образовавшемся дифтонге (*тка-уши*) естественно превращался в губной согласный (*ткавиши*) с дальнейшим выделением нового суффикса *-виши*, которому присвоили последующее временное значение.

2) Деепричастия наст. и пр. вр. в славянских и тюркских образованы в одну эпоху. Но, если в славянских развитие формы деепричастий на этом остановилось, то в тюркских после распада пратюркской общности появилось еще несколько видов. Только в кипчакских деепричастия в точности соответствуют славянским:

а) «императив + а = деепричастие настоящего времени»:

рус. **тки+а* = *тка*,

- каз. $*тычы + a = тыча$,
 $*жсги + a = *жсгя > жжа$.
 $*тоқы + a = тоқа$ – «ткя»,
 $*тық + a = тыға$ – «тыча»,
 $*жақ + a = жаға$ – «*жгя»
- б) «императив + в = деепричастие прошедшего времени»:
- рус. $*тк - a + в = ткав$,
 $*тык - a + в = тыкав$,
 $*жаг - a + в = *жгав$
- каз. $*тоқы + в = тәқып$ – «ткав»,
 $*тығы + в = тығып$ – «тыкав»,
 $*жағы + в = жағып$ – «*жгав»

Как видим, казахи образовывали и деепричастие прош. вр. от императива на $*-i/-y$, в то время как русские – от императива на $*-a$.

В тюркских грамматиках вы не найдете терминов «деепричастие наст. времени», «деепричастие прош. времени». Просто – «деепричастия». Не разделяя по временам. Общее мнение всех тюркских грамматик собрано в сб. «Тюркские языки» (в собрании «Языки мира»). Н.А. Баскаков в статье о каракалпакском языке описывает: «Деепричастия на $-a/-e$, $-й$, $-ып/-ип$ » (стр.260), А.Т. Кайдаров в ст. «Казахский язык»: «Деепричастия на $-a/-e$, $-й$, $-ып/-ип$, $-п$ » (стр.250). А надо бы сравнить со славянскими грамматиками и привести в соответствие с ними хотя бы терминологию. И это послужило бы началом совместного изучения языков двух суперэтносов, всегда влиявших друг на друга, и вместе – на судьбы Евразии.

Мешал увидеть родство грамматик отдельных тюркских и отдельных славянских языков догматический предрассудок. «Грамматика не заимствуется!» – один из основных постулатов индоевропеистики и общего языкознания. Этот догмат был провозглашен в XIX веке на заре сравнительного языкознания, когда еще и не приступали к описанию большинства языков мира, а исходили в своих утверждениях из знания материала десятка относительно изученных европейских и азиатских наречий. Сейчас наступает пора ревизии основ теории языкознания в свете новых материалов, ждущих сопоставительного изучения и необходимых обобщений. Я надеюсь, что первые же шаги тюркославистики (а далее и тюрко-индоевропеистики) одарят нас знаниями, опровергающими упомянутый постулат и взамен ему будет выдвинут противоположный – **заимствовалось все!** И лексика «основного словарного фонда», и грамматика!

Благодаря редкостному консерватизму русского и казахского языков, они достаточно ответственно представляют свои семьи – славянскую и тюркскую. Сопоставляя грамматические нормы этих языков, мы восстанавливаем страницы истории взаимоотношений языков, а значит, и этносов, не запечатленные в письменных хрониках. И каждое неслучайное совпадение мы будем расценивать как исторический памятник, объективный документ, живой отголосок, озвучивающий темную немоту вечности.

V

Приведенные примеры открывают путь к теме – «Неувиденные тюркизмы в славянской грамматике» и далее – «в индоевропейской». Здесь ограничимся факультативом – образование отглагольных имен.

После распада пратюркской общности в праязыках огузо-карлукской и кипчакской групп были самостоятельно выработаны словообразовательные схемы.

Огузо-карлукская: **«императив + ik/yk = имя существительное»**.

Далее мы, пока, ограничимся рассмотрением терминов, созданных по кипчакской схеме. И судьбы самой морфологической схемы, получившей продолжение в славянских языках.

Отглагольное имя существительное в языках тюрко-кипчакской ветви образовывалось по схеме – **«императив + ба (па, ма) / бе (пе, ме) = имя существительное»**. Структура суффикса – открытый слог (согласный-гласный), что отвечало произносительной традиции древних кипчакских наречий: все суффиксы стремятся образовать открытый слог.

В огузо-карлукских, тяготевших к закрытому конечному слогу, заимствованные из кипчакских существительные на $-ma$, или утрачивали конечный гласный ($-m$) или появлялся протетический согласный, закрывающий слог ($-mak$) [47].

Хотя в турецком встречаются и отдельные кипчагизмы в сохранном состоянии (например, тур. *dolma* – 1) «наполненное», 2) «пирожок»); *urba* – «одежда» (> слав. *roba, ruba* – «одежда» > герм. **roba* > фр. *robe* – «платье женское»).

В современном казахском языке после разных финальных звуков основ применяются различные варианты формы суффикса: *-ма/-ме* употребляется после гласных и плавных: *уйме* – «куча; нагромождение» (*уй* – «скупивай, нагромождай»), *кірме* – «вход» (*кір* – «входи»), *толма* – «наполненное; пирожок» (*тол* – «наполняйся»). После глухих согласных следует *-на/-не*: *көңпе* – «кочевье» (*көң* – «кочуй»), *тартпа* – «подпруга; выдвижной ящик» (*тарт* – «тяни; подтягивай; вытягивай»). И, наконец, после звонкого согласного – обязательно звонкое начало суффикса: *казба* – «яма; копь» (*каз* – «копай») и т.д.

Такая дифференсация, наверное, не соблюдалась в языках, заимствовавших морфологическую модель. Можно считать правилом – **заимствовался один из фонетических вариантов суффикса, применявшийся универсально – после любых основ**. (Например, в огузо-карлукских используется лишь *-ма/-мә*, или *-м*, или *-мак*.)

И в казахский словарь попало много терминов, прошедших огузо-карлукскую среду. Например, *қосым* – «соединение» (*қос* – «соединяй»), но собственное образование *қоспа* – «соединение», «спутанность», соответствует древнекипчакскому *кошма* – «соединение», «спутанность». Термин этот сохранился в русском как название войлочного ковра, изготовленного из овечьей шерсти, свалянной, спутанной как *космы*.

В русском словаре имеется довольно заметная группа слов на *-ма*, которую Словари долго не удосуживались собрать вместе: *кошма*, *косма* (или *косым*), *кайма*, *тесьма*, *тюрьма*, *корма*, *уйма*, *чума*, *солома*, *письмо* и др. Древние русичи расшифровали схему и использовали ее для создания имен от собственных глаголов. Самое известное – *ведьма* (от **веди*, **ведь* – «ведай, знай»). Значение этого древнего термина впитало церковную оценку. К тому же, конечный гласный совпал с окончанием женского рода. Но в дохристианской Руси это слово означало – «мудрец», «знающий». Характерно пострадала семантика и другого образования от этого корня – *ведун* – «чародей, колдун» (др.-рус.).

Фасмер не объясняет морфологическую структуру слова, ограничиваясь намеком – «связано с праславянским **vědě* – «я знаю» (см. *ведать*, *ведь*), др.рус. *ведь* – колдовство, ведовство, знание» (I, 285).

Не узнав схему «императив + *ма*», не узнают и родственные. В русском наибольшее развитие получила диалектная модель «императив + *ба*». Исследователь теперь может, не гадая, определить от какого глагола произошло слово *судьба* (**суди-*), *свадьба* (**своди-*). Еще более прозрачно строение имен *борьба* (**бори-*), *ходьба* (**ходи-*), *молотьба* (**молоти-*), *дружба* (**дружи-*) и т.д.

Имена такого типа образовывались до того как в русском появился «вторичный императив» на *-ай*. Например, *стреляй*. Первичный на *-и* (**стрели*) стал основой имени *стрельба*. Таким образом, благодаря отглагольному имени восстанавливаются формы первичного императива: *гульба* (**гули-*, а не *гуляй*). Насколько это важно можно судить по следующему. [Глагол **гули* развивается в инфинитивную форму *гулять*. Фасмер: «Трудное слово. Бернекер и Брюкнер пытаются связать с гул. Против см. Преображенский, I, 169. Совершенно иначе Потебня (РФВ. 3, 163) и Соболевский (РФВ 70, 78), которые считают исходное значение «пить». Ср. сербо-хорв. *гүлити* – «пьянствовать», неясное, однако, само по себе. Не более удачно сравнение с лит. *guleti* – «ложиться в постель, прилечь» (Ф.И., 4730474). К этой статье в Словаре приписка редактора О.Н.Трубачева «О развитии значения «гулять» < «играть в мяч». См. Львов, Этимология, М. 1963, стр.110-115».

Тюркославист привлек бы тюркский материал: *гуль* (*göl*) – «смейся», *гулим* (*gülim*) – «смех» (оружо-карл.). Восстанавливается и первоначальный смысл славянского глагола *гули* = *гуляй* – «смейся» > «веселись». С чем связано и переносное значение сербо-хорватского *гулити* – «пьянствовать». И возможно сближение с общеславянским **gulma* – «шутка, насмешка» (сербо-хорв. *глума* – «шутка, игра»; болг. *глум* – «шутки», слов. *glumiti se* – «сыграть злую шутку», «насмехаться»).

Это слово получило распространение в германских в тех же значениях. Шутов называли *glum*, *grum*, *glup*. Мы можем относительно датировать происхождение этой формы имени, благодаря этрусским коротким подписям к изображениям. На одной из известных картин изображен пир. Под столом у ног пирующих карлик-шут. И возле его головы надпись этрусским письмом – *krup*. Значение этого слова очевидно – шут. Дата надписи – VII в. до н.э.].

Вероятно, позже из другого Диалекта в славянских распространилась схема «основа инфинитива + *ва* = имя существительное».

Если *мольба* от *моли*, то *молитва* – от *молить*. По этой модели созданы *жатва* (**жать*),

брита (**брить*), *бита* (**бить*), *братва* – «дружина» (ст.-слав.) от *братъ* – «бороть» и т.д.

Итак, мы можем говорить о том, что в русском общенародном языке встретились три диалектные модели образования отглагольного имени. Две из них представляли собой варианты тюркской схемы «императив + *ма* (-*ба*, -*па*)». Третья возникла как развитие модели на -*ба*.

Таким образом, вот все три схемы:

I. «Императив + *ма* = имя существительное» (*ведьма*).

II. «Императив + *ба* = имя существительное» (*мольба*).

III. «Инфинитив + *ва* = имя существительное» (*молитва*).

Знание этих механизмов имяобразования не только облегчает этимологический анализ, но, главное, делает его более результативным.

Среди книг, оказавшихся со мной в Риме, а потом и в Париже, я обнаружил такую: Ж.Ж. Варбот «Древнерусское именное словообразование», изд. «Наука», Москва, 1969 г., ответственный редактор О.Н. Трубачев. Взгляды на сей предмет в науке за тридцать лет мало изменились. Все достоинства и недостатки славистики, нашедшие выражения в сем труде до сих пор сохраняют свежесть.

В авторском предисловии: «Считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность доктору филологических наук О.Н. Трубачеву, работа под руководством которого в секторе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР способствовала формированию концепции автора».

Академика О.Н.Трубачева по достоинству считали «главным этимологом» страны. Сектор под его руководством на протяжении десятилетий много делал для развития этой «базовой отрасли» языкознания. Осуществил перевод и редактуру Словаря Фасмера. Подготовил и издал десятки выпусков «Этимологического словаря славянских языков» (не так давно получил 24 выпуск – за 1997 г.). Много вышло сборников «Этимология» с начала 60-х.

И при всем этом количественном богатстве качество морфологического анализа продолжает оставаться «за чертой бедности». Чего стоит, например, членение слова, которое демонстрирует Ж.Варбот под руководством О.Трубачева: «Структура суффикса: *ъ, ь* + сонант, согласный:

*-*ьмо*: *пряжьмо* «хлеб, хлебная лепешка» (к *пряжити*, – «жарить в масле»). Ср. диал. *пальмо* – «зажженная лучина» (к *палить*)

*-*ьма*: *ведьма*

*-*ьба*: *борьба*, *крадьба* – «воровство», *мольба*, *просьба*, *сольба* – «посольство», *тяжба* – «суд, тяжба, борьба», *вадьба* – «клевета»... Некоторые из существительных с суффиксом -*ьба* имеют соответствие среди корневых имен и являются возможно отыменными образованиями: ср., *тяжба* – *тяжа*, *сольба* – *сьль* – «посол», *сечьба* – *сеча*, *весьба* – *весь*. В остальных случаях наиболее вероятно отглагольное образование: например, *крадьба*, *борьба*, *мольба*» [48].

Совершенно очевидно, что ни автор, ни редактор, хотя и собрали правильное «этимологическое гнездо», не увидели в этих прозрачных образованиях общей морфологической схемы. Отсюда гадание – «возможно отыменное образование», «вероятно, отглагольное образование».

Если бы существовал и Сектор тюркославистики в Институте русского языка, то едва ли в научный оборот были бы запущены эти нелепые «суффиксы» -*ьмо*, -*ьба*.

...В случае, когда в древнерусском памятнике встречается написание без мягкого знака, суффикс приближается к истинному: «**мо*: *письмо*, *навесмо* (к *весити*). Предлагаемый Мейе вариант реконструкции суффикса *-*сто* представляется излишним» [49]. Воистину.

Излишне утяжеленный «суффикс», предложенный Мейе, включил в себя и звук основы. По этому же пути идет Ж.Варбот, «реконструируя» новый «суффикс»: «**тва*: *брита*, *жатва*, *жьртва* (к *жьрти* – «жертвовать»), *клятва* (к *кляти*), *ловитва* – «ловля, охота», *молитва*, *мытва* – «мытье», *паства* – «стадо, пастбище, паства, наставление», *питва* – «пир, опьянение, питье»...» [50].

Так же формально, не осознавая внутреннюю структуру, не понимая причинности формы, топорно расчленяют имена существительные, созданные по другим, собственно-славянским схемам. И не прочитывается историческая информация, заключенная в исключительно древних моделях словообразования.

Ж.Варбот: «Вариант -*itel'* реконструируется на основании образования *покровитель* (к *крыти*), *погребитель* (к *погresti*) и *спаситель* (к *спаси*), поскольку в соответствии с ними не существует ни инфинитивных основ с суффиксом -*i*-, ни основ настоящего времени на -*i*- (IV

классы)... *Мейе считает детель* – «дело, действие» результатом контаминации *деть* и имен на **elъ*... *-*telъ* может быть своеобразным вариантом суффикса **elъ*» [51].

В этом пассаже, наконец, высказывается причина, мешающая славистам восстановить подлинный механизм словообразования. По существующему в науке **убеждению**, *отглагольное имя образуется от основы инфинитива*, так указано отцами-основоположниками индоевропеистики. А как правильно заметила Ж. Варбот, «не существует инфинитивных основ с суффиксом *-i*». И добавим – это суффикс императива.

Если бы слависты были знакомы с тюркскими языками и тюркологией, **которая признает основной формой глагола не инфинитив, а императив (глагол повелительного наклонения)**, от которого образуются другие части речи, тогда и славянские имена на **-ма, -ба** получили бы соответствующее объяснение – эта модель была в разное время и разными славянскими диалектами заимствована из тюркских языков, скорее всего, кипчакской ветви.

Сравнения с тюркскими образованиями от императива помогло бы славистам разобраться и с собственными моделями. Увиделось бы, что большинство из них в качестве основы использовали глагол повелительного наклонения.

[Что касается схемы «**императив + tel**». В эпоху, когда протославяне были знакомы с шумерской иероглификой, они, вероятно, использовали в качестве детерминативов некоторые образные знаки. Вертикальная черта (стрела), поставленная рядом с иероглифом, обозначавшим какое-то действие, придавала возвышенность значению. (В шумер. *til, tir / tel, ter* – 1) «жизнь», 2) «стрела».) А горизонтальная линия значила – **смерть* и предметно – *низкое*. Славянские названия этих детерминативов, надо полагать, и стали суффиксами: *-tel* – обозначал социально активную личность, *-nik* – социально пассивную. От тех первых пор сохранилась семантическая оппозиция: *Учи-тель* и **учи-ник* [52], *вои-тель* и *вой-ник*, *веща-тель* и *вест-ник*, *креститель* – *крестник*. Не все пары уцелели. Да и было их, вероятно, не так много поначалу. Но Спаситель, Повелитель, Святитель, Покровитель, Вершитель, Деятель – думаю, ранние образования. Благородная возвышенная семантика имен на *-tel* постепенно сглаживалась. Потом именами на *-тель* будут обозначать людей с самой разной социальной характеристикой – *мучитель, спасатель, очернитель, надзиратель, вешатель, обыватель, житель, приятель, собиратель, проситель, сеятель, грабитель, зритель*... А потом перейдет имя существующее – в имя существительное и неживые предметы назовут также – *смеситель, краситель*, например.

Некогда *писатель* звучало высоко, ныне людей этой профессии на Украине называют *письменник*. Эта форма, скорее всего, уже соответствует содержанию термина.

Видно, что и морфологическая модель деградировала со временем. По исковерканным основам можно судить о недавности создания. Большинство имен из вышеприведенного списка – неологизмы, образованные от инфинитивных основ и даже от имен. Украинское *письменник* совсем недавно произведено от *письмена*.]

Век Волка. (Этюды)

О временах бытования пратюрков в культурном союзе с праиндоевропейцами свидетельствуют индоевропейские названия хищников, прежде всего – волка, который был существом, возвеличенным тюрками. Культ Собаки и Волка отразился в генеалогических легендах. Одни тюрки вели свое происхождение от Собаки, другие – от Волка. (См. подборку сведений в «АЗиЯ».) Почитание священного «прародителя», наверное, передалось и некоторым индоевропейским этносам, которые заимствовали тюркские названия волка.

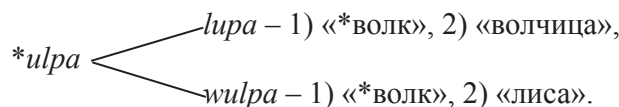
Пожалуй, одно из самых первых происходило от общетюркского глаголю-имени *ul* – «вой». Огузо-карлукский вариант: *ulyk* – 1) «воюющий», 2) «великий». (Сохранился в алб. *ulk* – «волк».) Слово как термин ныне используется тюрками только во втором значении и ситуативно в первом. Заимствовано в кипчакские языки в виде *uly* – «великий» (каз.). Кипчакское образование должно было быть **ulba, *ulpa, *ulma*. Оно попало в протороманскую среду. Обе формы из пратюркских диалектов оказались в индоевропейских языках, в основном, открытосложного типа, где характерно преобразовались: I. *ulyk* > *wulyk* > *vulkъ, volkъ* > *vorkъ*; *ulyk* > *ulk* > *luk*. Ср. *λυκος* – «волк» (греч.); II. Германский *wolp (wolf)* – «волк» отличается от славянского окончанием, которое является, скорее всего, остатком суффикса: **ulpa* > **wulpa, *wulp*. В герман. происходит закономерная

утрата конечного гласного.

В латинском **wulpa* дало имя другому хищнику из семейства собачьих: *wulpa* – «лиса». Гласное окончание суффикса приняли за окончание жен. рода и выделяется ложный корень **wulp* – от которого образуется форма муж. рода *wulpus* – «лис».

Та же манипуляция с «родовым окончанием» происходит в параллельно развивающейся форме, попавшей в латинский из языка, в котором начальный слог открывался метатезой плавного: **ulpa* > *lupa* – «волчица» (лат.). И также в результате переразложения выделяется ложная основа **lup* – от которой производят форму муж. рода *lupus* – «волк». (Ср. лит. *lape* – «лиса»).

Таким образом, имя, образованное по кипчакской модели, стало базой латинских названий волка и лисы:

Латиняне сами не могли бы произвести имя **ulpa*, хотя основа была *ululo* – «выть» (лат.), но модели имяобразования «императив + та (ba, pa)» в латинском не было.

Словари толкуют генезис названия серого хищника иначе: «Волк. Первоначальное значение «растерзывающий». Сюда же – волоку.» (Ф., I, 338). Анализ показывает, что первоначальным значением было – «воющий». И затем – «великий».

Каждому огузо-карлукскому термину в древности соответствовал термин кипчакского образования. Мы их находим в разных мировых наречиях: *uruk* – «город, община, племя» (шум.), *urba* – «город» (лат.); *derik* – «кожа» (тур.), *derma* – «кожа» (греч.), *terik* – «парная баня (чагат.), *terma* – «парная баня» (греч., лат.).

Благодаря этим парам, можно относительно датировать возраст морфологических схем и, следовательно, самих тюркских Диалектов.

Имя шумерского эпического героя *Bilga-meš* – «Всезнающий (муж)» (от тюр. *bilga* – «мудрый», «знающий») в древнесемитском передано в форме *Gilga-meš* – «Всезнающий».

От общетюркского глагола *bil* – «знай» создан огузо-карлукский термин *bilik* – «знание». Но этот термин в других языках пока не обнаруживается. Кипчако-огузское *bilim* – «знание», происходившее от кип. *bilme*, имеет более прописанную историю.

В семитские попадают слова *'il* – «знай», *'ilim* – «знание» (**bil*, *bilim*).

Из тюркского диалекта, в котором редуцируется начальный губной согласный. Например, тур. *ol* – «будь», соотв. каз. *bol* – «будь» или тур. *ben* – «я» > венг. *en* – «я», в то время как в остальных тюркских *men*, *min* – «я», и в остальных угро-финских *mene*, *min* – «я». (Губной *m* лучше сохраняется в анлауте.)

В языке смешанных кипчако-огузских обществ используются обе формы имени, и каждая обретает новые семантические оттенки: **-ma* (*ba*, *pa*) – обозначает «результат действия», **-ik/ыk* – «орудие действия». Этот этап хорошо прослеживается в казахском языке: *qaz* – «копай»; *kazyk* – «кол», *kazba* – «копье, яма».

Первым орудием копания был острый сук > кол. (Ср., рус. *копать*, *копье*, *копье*.) Это эпоха тычкового земледелия. С того времени в литовском осталось: *kàs* – «копай», *kasýba* – «копье», «яма», «шахта»... [Интересно, что Словари связывают славянские *чесать*, *чеши* непосредственно с основой лит. *kas* – «рыть», «копать» и *kasy* – «чеши», *kāso* – «чешет» (Ф., IV, 349). И фонетически, и морфологически литовские примеры соотносимы, скорее, с тюркскими *kaz* – «копай», *kasy* – «чеши». А славянская основа напоминает развитие тюркского глагола *kes* – «режь». Редактор О.Трубачев добавляет к статье «Чесать» хетт. *kišša* – «чесать» (там же), напомнившее мне *kyšy* – «чешишь», *kyši* – «чесаться» (каз. и др.). Собирается гнездо слов с общей консонантной основой **k-s* (*k-š*). В следующих главах, где мы будем рассматривать некоторые иероглифы, попавшие в алфавиты, зайдет речь о знаке **X** *ikis*, *ekis* – «двойня», «близнецы» (тюрк.). Возможно, этим графическим символом выражались понятия «чесать», «резать». А потом, в отрыве от знака и – «копать».]

По этим приметам, число которых можно значительно увеличить при массивном, коллективном поиске, мы восстановим память о временах и маршрутах, по которым проходила история тюркских народов – культурно весьма активных в Древнем мире. И отражения этой активности сохранились в языках – несгораемом, нестареющем архиве документов, удостоверяющих личность и возраст, и другие характеристики народа. Такие, как право на историю.

Часть II.

Тюркская руника и др.

Эпоха кирпича

Где прародина тюрков?

Ответ на этот вопрос должен был появиться в четвертом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (СИГТЯ), М., «Наука», 2001 г. Том целиком посвящен лексике; она рассмотрена с этимологическим уклоном. «Семантическая и формальная реконструкции должны служить источником получения информации для выводов о процессах формирования и изменения не только древней, но и доисторической культуры тюрков». (Из Предисловия)

Еще не обнаружены письменные свидетельства об адресной прадревности тюрков. Где они появились и проявили себя как самостоятельная этническая общность со своим языком, верованиями, материальной культурой? Археологический материал, найденный на территориях нынешнего расселения, мало что может сказать: он молчит. Остается единственный документ, который может подтвердить или опровергнуть построения, вычисленные или вымышленные за десятилетия развития тюркологии. Это – устное слово. В «АзиЯ» предлагалось обратиться к Словарям как к самым объективным и полным архивам исторической информации. В дошедших до нас письменных источниках история отражается, увы, пунктирно, обрывочно и по-авторски субъективно. Сведения искажены мировоззрением информатора – адепта той или иной религии, и, главное, ограничены естественной неполнотой знания предмета. Но слово – вот чип, в котором закодировано прошлое человечества. Маршруты переселений, места обитания, философии, верования, мудрость гениальных интерпретаторов Знака или недалекость воображения жрецов-толкователей. Особенную нужду в археологическом прочтении данных лексем должны испытывать историки народов, чье прошлое почти не документировано. Да и у «исторических» греков и римлян письменная история еле, ощупью достигает глубин не более двух с половиной тысячелетий. А это только поверхностный слой, корка выветривания. До материковых пород истории и доистории еще бурить и бурить.

В 80-х лингвисты, наконец, начали всерьез приглядываться к слову как к источнику исторических знаний. Но требуется выработать подход к этому богатому архиву, выработать археологию языка, чтобы слово заговорило с исследователем, ответило на его вопросы.

Вот какие задачи взялась решать современная лингвистика. И, в частности, рассматриваемый труд – СИГТЯ. Авторам важно было определить, какие разряды лексики могли сформироваться в тюркском праязыке, дата рождения которого в науке давно считается установленной – начальные века н.э.

Еще в 1964 г. Вяч.Всев.Иванов в первой нашей встрече, выражая мнение науки того времени, называл предельный возраст слова – две тысячи лет. В «АзиЯ» описан тот наш разговор [53]. За четверть века заметно изменилось отношение к возрасту слова. Слову подправили метрику: добавили еще пару тысячелетий. Но для начала – только индоевропейскому слову. Для тюркского все временные нормы остались прежними.

Авторы (сотрудники сектора тюркологии института языкознания Российской Академии наук) восстановили праформы 1 тысячи слов пратюркского языка, охватывающих все важнейшие стороны жизни и хозяйства пратюрков. и окружающей их природы. Словарный состав размещен в книге в виде нескольких лексическо-семантических групп – 1. Метеорология (атмосферные явления, осадки). 2. Небесные тела и небесная сфера. 3. Время, сезоны. 4. Ландшафт. 5. Растительный мир. 6. Животный мир. 7. Человек. 8. Материальная культура и др.

Обращает на себя внимание отсутствие в предполагаемом составе праязыка такого раздела как Духовная культура (темы – «верования», «знание», «письмо», «читать», «считать» и т.д.). Замечу сразу, что лексика, выражающая эти понятия, авторами приводится, но отнесена к словарю поздних тюрков. Иными словами, в начале новой эры тюрки не умели ни писать, ни считать, не верили ни в Луну, ни в Солнце, ни в другие божественные стихии. Что вызывает желание поспорить: если язык прачеловека состоял хотя бы из десяти слов, то одно из них было названием божества. Исследователи первобытных, примитивных культур отмечают эту универсалию, которую можно распространить и на реконструируемую культуру пратюрков.

Считается, что, восстановив первичный словарь, в котором отразились рельефы, фауна и флора места обитания, можно установить координаты региона, в котором произошли пратюрки.

Идея не нова. Первыми ее попробовали реализовать Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. в двух-

томнике «Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», Тбилиси, 1984 г. Авторы попытались доказать таким способом, что прародиной индоевропейцев была Малая Азия, и произошли они там во втором тысячелетии до рождения Христа. С тех пор и сохраняются индоевропейские языки.

О том, что индоевропейцы жили в Малой Азии во II тысячелетии до н.э., мир узнал и без того, после дешифровки и датировки хеттских, лувийских письменных источников. Авторы Двухтомника пытались, таким образом, укоренить хеттов, сделать их автохтонами, а их язык приблизить к праиндоевропейскому. Малая Азия и вправду могла быть одной из промежуточных прародин многих этносов, в том числе и индоевропейских. Но следы, оставленные индоевропейцами в языках и письменностях в различных регионах Евразии могут свидетельствовать, что у индоевропейцев было несколько «прародин». Этноты не сидели на месте. Народы перемещались на гигантские расстояния, останавливаясь в разных точках на несколько лет или на несколько веков, а то и тысячелетий. И всюду – оставляли следы своего пребывания. Действительно, только лингвисты, археологи, культурологи, палеографы способны отыскать и исследовать эти самые следы.

Мешают догмы, укоренившиеся в фундаменте современного языкознания. Рассматриваемая монография, увы, очередное тому подтверждение. Нужнейшая и новейшая по срокам работа развивается тюркологию лишь количественно. Хотя и это в наше время вызывает уважение. Появление СИГТЯ свидетельствует – сектор тюркологии жив и продолжает работать. Тираж (500 экз.) говорит об уровне востребованности тюркского языкознания в России и странах СНГ. О том, какими темпами развивалось оно в новое время, видно даже по списку использованной авторами литературы. Список почти в полсотню страниц, около тысячи названий. Солидная перелопачена библиотека – 1000 книг ради 1000 слов. Нашел в списке только два названия работ, завершенных после 1991 года.

И другое поразило меня – казахский язык, оказывается, давно был напрочь исключен из поля внимания центра тюркологии. Теорией казахского языка там практически никто не занимался: в список не попала ни одна работа такого плана. Упомянута только книга С.Аманжолова о вопросах диалектологии (1959 г.) и несколько словарей. Хотя у нас в Казахстане до распада исправно работали свой институт языкознания и ряд кафедр при университетах; докторов и академиков немало напекли, но создать нечто, привлекающее внимание теоретиков языка, они не сумели. А мы еще удивляемся – почему в тюркологии упорно не замечают роли ау-фактора в истории тюркских языков? Потому что казахские лингвисты сами это проглядели, да и воспитывались они по тем же учебникам, проповедующим мысль, что нормы лексики орхоно-енисейских памятников, в силу своей письменной древности, ближе к праязыковым, чем кипчакские.

В рассматриваемой коллективной монографии праформы реконструировались в полном соответствии с господствующей теорией – в составе реконструированного пратюркского лексикона не оказалось ни одной лексемы, содержащей дифтонг *ai*.

II

В заключительной главе «О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков» [54] подводится итог: *«Итак, этнос-носитель пратюркского языка периода распада обитал в регионе, с одной стороны достаточно гористом (ср. изобилие терминов для различных частей горы, специальные слова со значениями «переваливать через горы», «северный/южный склон»), с другой стороны содержащем и степные ландшафты; среди растений и животных, с которыми сталкивались пратюрки, встречались и виды, характерные для южной тайги, и типичные степные (ковыль, дрофа). Все это и указанные выше особенности пратюркской культуры периода распада общности по языковым данным явно согласовались бы с помещением прародины тюрков в южную, таежно-степную часть Саяно-Алтая. Это не противоречит мнению историков о древнейшем местонахождении тюрков».*

Горно-степные ландшафты, названная фауна и флора характерны не только для Саяно-Алтайского региона, но и для Кавказа (Краснодарский край, например), и для Средней, и для Малой Азии. Даже для некоторых районов Африки, Америки и Австралии.

Другими словами – опираясь на такие основания, пратюрков можно разместить в любом регионе земного шара. Что – отчасти и правильно: тюрки за многотысячелетнюю историю (а не полтора тысячелетнюю, как принято считать), вероятно, побывали на всех обитаемых континентах. Методологически точнее поступили Гамкрелидзе-Иванов, которые проблему определения индо-европейской прародины сопрягли с определением маршрутов миграции индоевропейских племен,

основывая свои предположения на результатах сравнения индоевропейской лексики с ареальными – с древнесемитской, даже с шумерской.

Тюркологи этого не сделали. Убежденные историками заранее, что тюрки произошли в Саяно-Алтайском регионе, они, как им кажется, обосновали это утверждение лингвистически. А надо было, на мой взгляд, при составлении состава пралексикона учесть и те старейшие термины, что были образованы тюрками, частично вышли из употребления в самих тюркских языках, однако сохранились в индоевропейских, семитских, угро-финских...

Морфологические схемы, по которым создавались эти слова, действуют, грамматические средства узнаваемы и не забыты в современных тюркских. Работа по собиранию этих слов – бесценных документов прошлого – требует и авторски-индивидуального, и системно-академического подхода. Включения темы в постоянные планы деятельности научных учреждений.

Тогда в следующих изданиях состава праформ мы обязательно увидим в разделе «Земледелие. Деревья. Растения» и многочисленные производные от глагола **ös* – «расти» – оставленные в славянских *осина, осика, ясень, осень, весна*, в германских *ospa, espa*, и в древнеегипетском – *Osiris*.

Увидим названия увядшей травы – *solma*, обошедшее весь Древний Мир. И многое другое.

До сего дня излагаемая история тюрков такова: в начале нашей эры они породились в Саяно-Алтайском регионе; в течение двух-трех веков создали великолепный, грамматически совершенный язык, способный передавать и тончайшие поэтические оттенки смысла, и монументальные эпические картины; выработали уникальную письменность, создали империю (каганат) и устремились на запад, дабы, покорив пространства до Балкан и Средиземного моря, расселиться на этих просторах, чтобы никогда более не вернуться в пустыню Гоби, которую заняли невесть откуда взявшиеся монголы.

В сущности, за историю тюрков принимается верхний пласт времени, последний этап их биографии, когда они двинулись с Востока на Закат, а, как, и когда, и откуда пришли она на Восток? – такой вопрос еще в науке не поднимался.

Но тюркский лексический материал, если его изучать в сопоставлении с лексикой других языков Евразии, говорит о том, что тюрки пришли в Алтае-Саянский регион, в монгольские степи (возможно, действительно в первые века новой эры), уже имея за плечами многовековую историю, включающую и опыт государственности. Шли они с запада веками, через Среднюю Азию и Алтай. Но и это был всего лишь один отрезок одного из нескольких исторических маршрутов прототюрков. До монгольских степей дошла часть, в основном, огузских и карлукских родов. Распад пратюркской общности произошел не в III в. н.э., а, пожалуй, несколько тысячелетий назад: в шумерском языке уже встречаются тюркизмы, образованные в огузской языковой среде и в кипчакской.

История тюрков, изложенная в главе «О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков» занимает всего две страницы (с 732 по 734).

Когда-нибудь она заполнит тома и не вместится в них. Потому что показалась она нам только самой верхушечной частью. Кончик мачты затонувшего корабля, до того – избородившего воды всех океанов.

Услышать древность

Как уже говорилось, авторы пионерского двухтомника «Индоевропейский язык и индоевропейцы» о миграции индоевропейских племен судят по миграции слов. Я выбираю из их примеров один, самый подходящий названию нашей главки: хетт. *ištam-ana* – «ухо», *ištam-aš* – «слышать», *ištama-hura* – «серьга», «ушная подвеска». (В этих словах отчетливо выделяется основа **ištama* или *ištam* – предполагаю, со значением – «слух».)

Гамкрелидзе-Иванов не восстанавливают семантику основы, но сразу переходят к возможным связям: «Сама хеттская основа *ištam* – может быть связана с семит. **s-m*-, которое, возможно, представлена и в картвельском **sm* – «слышать»: груз. *e-sm-i-s* – «слышит», мегр. *sim-i-in-u-a*, лаз. *isi-min-s* – «слушает». Наиболее близок к хеттскому консонантизм сванского *šdim* – «ухо» [55].

Шумеролог мог бы вступить в этот разговор, подключив позднешумерское *ĝeštu(q)* – «ухо» [56], в котором явственно слышится **eštuk*, отличающийся от хеттского весьма характерно [57].

[Так отличается шум. *uruk* – «город» от лат. *urba* – «город». Или слав. *volk* от лат. *vulpa* – «лиса», *lupa* – «волчица».]

Тюрколог должен здесь заподозрить образование отглагольных имен по огузо-карлукской схеме [«императив + *ьк/ик* = существительное»] и кипчакской [«императив + *ма(-м, па, ба)* = су-

ществительное»].

Он обязан проверить на этот счет основу *ešt-*, *išt-*, потому что четыре десятка тюркских языков предоставляют возможность установить, какой из диалектов мог применить кипчакскую схему, отразившуюся в хеттской основе, и какой – огузо-карлукскую, представленную в шумерском термине. Сравните: *ešit* – «слушай» (турк., аз., ктат., кар., кум., к.бал., уз., др.-тюр. и др.), *esit* – то же (каз., ног., ккал.), *išit* (тур., гаг., уйг.), *ešid* (др.-тюр.). Увидев в исходе древнетюркского слова звонкий зубной, Г.Рамстедт возводил аффикс *-(i)t* к *(i)d*. Магия датированной древности и здесь сказалась.

Э.Севортян: «*Ешит-*, *ишит-* и т.д. понудительная форма от глагола *еш-*, *иш-* – «слышать», как это уже выяснил В.Банг, и к тому же заключению пришел А.Заиончковский... Из сравнения *ешит-*, *ишит-* с *еш-*, *иш-* видно, что значения *ешит-* и проч., в сущности, повторяют и отчасти дополняют значения *еш-*, *иш-*» [58].

Думается, здесь мы имеем случай встречи ранних безаффиксных форм (глаголо-имя) с позднейшими суффиксальными, которые на первых порах тоже функционировали в глагольном и именном значениях. Поэтому вторичные глаголы **eš-ti* > *eš-t* – «слушай» выступали наряду с прежней *eš* – 1) «осознание, сознание», 2) «слушай, внимай, осознавай».

Вторичное имя существительное могло быть в виде **ešt-ik* / *ešt-mä* ; *ešt-m* или в виде *eš-ik* / *eš-mä* ; *eš-m*.

Пратюркские диалекты создали эти формы в Древней Передней Азии (ДПА) и в Древней Малой Азии (ДМА) не позже конца III начала II тысячелетия до н.э.

Даже сегодня, если произнести *eštuk* или *ešluk*, любой тюрколог поймет общий смысл этих слов – «то, что слышит». А те, кто знает о чередовании кипчакских формантов, начинающихся с *(t)* *d* и огузо-карлукских – *l*, увидит равенство форм *eštuk* и *ešluk*, что представит интерес для славистов, которые до сих пор ищут источник славянского *слух* – основы глагола *слухаму*, *слушаму*. Чередование согласных типа «сатем-кентум» протягивает линии связи к д.-в.-н. *hlōsēn* – «слушать», др.-сакс. *hlust* – «слух, ухо, слушанье», лит. *klausas* – «слух». Первоиероглиф, который назывался этим словом, мог толковаться и как «закрытое ухо», о чем свидетельствует лит. *klūsas* – «глуховатый» и славянская основа *глух*, *глуш-*. Последней ступенью фонетического развития консонантной основы можно считать **klk* – закрепившуюся в неэтимологизирующемся слове *kulak* – «ухо», вытеснившим из пратюркских диалектов прежний термин слишком понятного построения. Слово не должно этимологизироваться говорящим – этому главному требованию и отвечает *kulak*, как в шумерском языке *geštuk* – «ухо», как в хеттском *ištama* – «слух», как в сванском *šdim* – «ухо» и т.д. Поэтому каждый язык заинтересован в заимствованиях и замене своих образований на чужие. Но в список тюркских праформ не попали ни огузо-карлукское **eštuk*, ни кипчакские **eštmä*, **eštim*, чье существование авторитетно подтверждается глинописными источниками. Их место занимает исторически последнее название этого органа, да и то в искаженной самой поздней форме **kuglak*: во всех тюркских *kulak*, и только в письменном др.-уйгурском (XI века) – *kuglak*. Этого оказалось достаточно для обоснования «праформы». Содержания и «внешности» большинства «праформ» мотивированы столь же неуверенно [59].

Выносить мнение об истинности реконструкции можно только в результате этимологического анализа. Но этимология, к сожалению, самая слабая область языкознания. На песке гадательных этимологий бесполезно пытаться выстроить здание истории и доистории тюркского этноса. Сначала надо усовершенствовать метод этимологии: культ фонетических соответствий должен уступить приоритетность системе морфологических соответствий. Для начала тюркологам следовало бы собрать первую тысячу пар отглагольных имен существительных в тюркских словарях и обнаружить их следы в ископаемых и живых языках Евразии: «глагол + *ik*», «глагол + *ma* (*ba*, *pa*)» [60].

Знание тюркской лексики и механизмов словообразования уже сегодня понадобится индоевропеистам, семитологам, шумерологам, египтологам, чтобы разобраться в языках своего ведения. Но они об этом еще не ведают, и тюркологи не помогают им узнать.

В этимологии никакие аргументы и доводы не могут быть важнее лингвистических. Если анализ показывает, что римское слово или шумерское, африканское или даже ацтекское имеет тюркскую морфологию и содержит тюркские грамматические средства, никакие «соображения» не должны перевесить результаты этимологии. А уже на этих, полученных данных, подтвержденных количественно, и следует выстраивать эти самые «историко-культурные соображения».

Писали или не писали пратюрки?

I

Как уже говорилось, термины культуры в число праформ авторами «Сравнительной грамматики» не включены. Они отнесены к лексикону «поздних тюрков», которые, следовательно, обрели эти понятия «в период, непосредственно предшествующий распаду пратюркской общности», т.е. в III в н.э. [61]. А до этого, оказывается, ни *bilig* – «знание» не было, ибо самого понятия не должно было еще существовать. Ни тем более **biti* – «писать».

II

Мы говорили выше о том, что хорошо бы собрать словарь пар – отглагольных существительных, образованных по двум древнейшим тюркским морфологическим схемам. Тогда рядом с огузо-карлукским производением *bilig (bilik)* – «знание» должно было бы стоять и кипчакское **bilme (bilim)* – «знание». Эта форма в ДТС («Древнетюркском словаре») не представлена. Встречается только в кипчакских языках. Если имена от глагола *bil* – «знай» произошли в эпоху «поздних тюрков», то, конечно, не имеет смысла сравнивать имя героя шумерского эпоса *Bilga-meš* («Всезнающий-герой») с титульными именами тюркского каганата. *Bilgä-kagan* – «Всезнающий каган» (так звали старшего брата Куль-тегина), *Bilgä(n)* – «всезнающий», «мудрый» в качестве титульного имени выступает часто в древнетюркских источниках: *Bilgä-beg*, *bilgä-xan*, *bilgä taluj* и т.д. (ДТС, стр.99). Я уже показывал как в древнесемитской (аккадской) передаче изменилось имя шумерского героя. Оно превратилось в *Gilgameš*, но сохранило лексическое значение («Всезнающий герой»). Можно найти и другие примеры характерного преобразования начала слов в результате редукции звонкого губного согласного. [Одним из древнейших культурных центров Финикии был город *Bublos* (в др.-греч. так называли папирус. В средне-греч. *biblos* – «папирус»). Через этот торговый пункт ввозили папирус из Египта. Древнесемитское название города было *Gubla* (ныне – Джубель)].

Именно кипчакская форма *bilim* попала в др.-семитский в виде *'ilim* – «знание» и через тысячелетия слово вернулось в тюркские языки вместе с исламом как *gylm* – «знание», *galym* – «знающий», «ученый». Так узнается происхождение древнесемитского консонантного корня *'l-m*, не поддававшегося этимологии.

III

Вопрос, вынесенный в заголовок этой подглавки, можно сформулировать еще более конкретно, но парадоксально: писали ли тюрки до III-VIII в.в. нашей эры, то есть – до официальных дат возникновения тюркского этноса и рунического письма? Ответ можно получить и по результатам этимологического анализа терминов письма.

Справедливо считается, что основные термины письма появляются в языке, как правило, в двух случаях: 1) вырабатываются авторски в той языковой среде, где и зародилась определенная система письма; 2) заимствуется из языка народа, у которого перенято письмо.

Письмо теснейшим образом связано с религией. Буква – священный знак: ему доверены откровения бога. «Представления о божественном происхождении письма засвидетельствовано повсеместно, как в древности, так и в наше время, как среди цивилизованных, так и примитивных народов. – начинает И.Е. Гельб главу «Письмо и религия», – Оно связано главным образом с широко распространенной верой в магическую силу письма. Повсюду как на Востоке, так и на Западе введение письма приписывается божеству. У вавилонян письмо изобрел бог Набу. Египтяне верили, что изобретателем письма был бог Тот. И письмо свое они называли *m-d-w-h s-r* – «язык богов»... По исламской традиции сам бог был создателем письма. С точки зрения индусов им был Брахма; считалось, что именно он дал людям знание букв. Скандинавская сага приписывает изобретение рун Одину, а в ирландских легендах изобретателем письма является Огме. Продолжить этот перечень не составило бы труда» [62]. И новые учения были сопряжены с книгой, с письменным знаком. (Библия и Коран становились первыми учебниками религии и письма для многих народов.) Приняв ислам, тюрки приняли и арабскую графику и некоторые термины письма. Но основные – «писать», «читать», «учить», «считать», «знание» – остались от прежних доисламских времен и несли на себе ясную печать тюркского словообразования. Это должно было вызывать вопросы у тех, кто полагал, что до мусульманизации, которая произошла в средние века, тюрки письма не знали. А так думали не отдельные историки, а все. До 25 ноября 1893 года, когда Вильгельм Томсен прочел первую эпитафическую надпись, оставленную тюрками в VIII веке на каменной стеле близ монгольской реки Орхон.

Открытие, надо сказать, не сильно поколебало утвердившееся в мировой науке мнение о природной бесписьменности тюркской культуры - в основном кочевой и варварской. Если до арабского алфавита у тюрков появлялось какое-то письмо, значит, оно было заимствовано у кого-то из соседей. Скорее всего, вместе с религией, что закономерно. Ближайший сосед – Китай. Но там – иероглифическое письмо и буддизм. Тюрки не приняли эту веру, да и систему письма. Часть древних тюрков – уйгуры в VIII-IX в.в. восприняли манихейство от согдийцев (среднеазиатских персов), а вместе с новой религией и – согдийское курсивное письмо, которым исполнены были священные книги Мани. Древнеуйгурская письменность, безусловно, имеет согдийские корни. Другой буквенной системы кроме согдийской рядом с орхоно-алтайским регионом не оказалось, и естественно было предположить, что и руническое письмо древних тюрков – является модифицированным вариантом согдийского. Эта версия появилась в начале XX века и окрепла до состояния теории к началу XXI. Окрепла от частого повторения, хотя ни одного нового аргумента в свое подтверждение не получила. В ее основе все те же: а) тюрки не могли сами изобрести свой алфавит; б) ближайшее (территориально) буквенное письмо было в те времена лишь согдийское; в) согдийские купцы и миссионеры бывали в тюркских городах. Уйгуры приняли манихейство и согдийское письмо.

Хотя уйгуры – это не все тюрки: в составе последних были и другие крупные этносы – огузы, карлуки, булгары, кипчаки...

Несколько других возражений мешают согласиться с принятой теорией:

1) В орхоно-енисейских рунических текстах нет ни намек на манихейство или буддизм. Тенгрианство с первого и до последнего памятника. Символично, что первым словом, прочтенным Томсеном было – *tängri* – «бог», «небо». С него и началась дешифровка всей письменности.

2) Согдийское письмо курсивное. Линейное способно в скорописи превратиться в курсивное. Но нет примеров в истории письменности, доказывающих обратное. Говорить, что согдийская графика могла преобразоваться в остроугольную, линейную, все равно, что допустить версию происхождения финикийского или латинского алфавитов от арабской курсивной вязи.

3) Термины письма в тюркских языках не иранского происхождения. Если бы тюрки впервые узнали письмо, благодаря согдийцам, то надо полагать хотя бы одно слово со значением «письмо», «надпись», «буква», «грамота», «орудие письма», «материал письма» - пришло бы из иранского языка, каковым и являлся согдийский. А если бы согдийцы в действительности были учителями древних тюрков, такое, несомненно, произошло бы. Но ведь не произошло. Скорее наоборот, некоторые тюркские термины этой тематики обнаруживаем в согдийском и других иранских языках.

Все три Замечания способны посеять сомнения в серьезности академической версии-теории. Первое не нуждается в дальнейшей разработке. Два других дают повод для подробных исследований.

Но и до них, априори, основываясь только на этих Замечаниях, можно допустить, что древние тюрки, если и заимствовали ряд букв алфавита, то не у согдийцев, а из письменности, где буквы имели не курсивные (округлые), а линейные, угловатые формы. А таковыми были в Передней Азии I тысячелетия до н.э. (финикийское и арамейское) и в Древней Скандинавии (руническое письмо, датировка которого гадательна и колеблется в широком диапазоне – от середины I тысячелетия до н.э. до конца I тысячелетия н.э.). Но утверждать, что от кого-то из этих народов тюрки впервые узнали о письме, также нельзя, хотя число Замечаний к любой из новых двух возможных версий сократится по сравнению с предыдущей до двух:

- 1) В текстах Орхоно-Енисея не имеется признаков совмещения тенгрианства с **верованиями** финикийцев, арамейцев и древних скандинавов.
- 2) И **термины письма** др.-тюрков не имеют никаких совпадений с древнесемитскими и древнегерманскими материалами.

Формы и значения многих букв тюркского алфавита поддаются сравнению с раннеарамейскими (VII в. до н.э.), финикийскими (в меньшей степени) и др.-скандинавскими (еще меньше). Но доказать правомочность сопоставлений с арамейскими знаками можно, только преодолев сопротивление таких факторов как Пространство (расстояния от монгольского Орхона до Передней Азии) и Время (если тюрки заимствовали алфавит у арамейцев, то где доказательства, что они друг с другом вообще когда-нибудь встречались!..).

При обсуждении и этих Замечаний решающее значение должны иметь результаты лингвистического и графологического анализов, а «историко-культурные соображения» – лишь совещательный голос, ибо в них все сильнее ощущается привкус политики.

Политика и про-, и контр-тюркская в равной степени мешает восстановлению истинного знания о происхождении пратюркской письменности.

Таким образом, стоит начать с выяснения генезиса терминов письма и, в первую очередь, основы глагола со значением «писать». И по результатам станет ясно не только, с кем культурно общались прототюрки, но и где, и как давно. А так же, куда следует относить основу и производные от нее термины – к праязыку или к лексикону «поздних тюрков».

Только после такой работы следует приступать к грамматологическому анализу и сопоставлению букв тюркского алфавита с другими.

Глиняные книги

Я причисляю себя к тюркославистам: привык любую тюркскую этимологию сопрягать со славянской и наоборот. Результаты сотен этимологий, проделанных за несколько десятилетий, убедили меня в том, что пратюрки и праславяне культурно взаимодействовали даже более интенсивно, чем древние тюрки с древними славянами. Не в пример сотрудничеству в новейшей истории.

Лишь теперь мы приступаем к анализу лексем самого последнего абзаца списка тюркизмов из письма к И.Р. Каждое из них достойно отдельной статьи, но есть группа терминов, которые можно рассмотреть вместе. Это – *письмо* (*пиши*), *кирпич* и *грязь*.

В «АЗиЯ» и в «Языке письма» я, заявляя свои этимологии, почти не приводил «историю вопроса», полагая, что подготовленный (благонамеренный) читатель имеет возможность сам сравнить мои предложения с существующими в «Этимологических словарях». Теперь, учтя читательскую реакцию, принимаясь за рассмотрение любого слова, стараюсь ссылаться на опыт предшественников. Облегчаю свою задачу только тем, что не цитирую все имеющиеся «Этимологические словари» славянских языков, но лишь – Макса Фасмера как наиболее полный и объективный.

Итак: «*Письмо*. Множ. *письма*, укр. *письмо́*, бр. *piśmó*, болг. *писмо́* (Младенов, 424), серб.-хорв. *писмо*, словен. *pismo*, чеш.слвц. *pismo*, пол. *pismo*, ст.-слав. *писмя*, мн. *писмене*. От *писать*. Обычно сближают с лит. *piešimas* – «рисование, мазня»; см. Зубатый. *Sb.filol.* 2, 86; Буга, РФВ 73, 335. Траутман В. *SW 211*» (Ф. III, 268). Не объясняется морфологическое развитие от *писать* > *письмо*.

Морфологический тип последнего близок к тому, что представлен в словах *ведьма*, *весьма*, *кошма*, *косма*, *уйма*, *тесьма*, *тюрьма*, *крома*, *дума*: «императив + *ма* (*ба*, *па*) = существительное».

Как прописана в Словарях история основы глагола *писать*?

«*Писать*, *пишу*, *пишешь*, укр. *писати*, бр. *piśaćь*, др.-рус. *писати*, ст.-слав. *пѣсати*, *пишу*... болг. *пиша*..., серб.-хорв. *писати*, *пишем*, словен. *pisati*, *pišem*, чеш. *psáti*, *piši*, слвц. *pisat'*, польск., в.-луж. *piśać*, н.-луж. *piśaś*. Родственно *пестрый*; сравните также пѣс. Далее сюда же относятся лит. *piešiu*, *piešti* – «рисовать», «чертить (углем)», *raišuti*, *raišau* – «чертить, рисовать, набрасывать», *piešos*, *raišos* – «сажа», др.-прусс. *peisāi* – «они пишут», *peisaton* – «написанное», др.-инд. *piṃśáti* – «украшает, придает образ, выкраивает», *péśas* – «вид, форма, цвет», авест. *raēša* – «украшение», др.-перс. *ni-pišta* – «записанное», авест. *frapixšta* – «украшенное», тохар. В *pinkat* – «пишет», греч. *ποῖχλος* – «пестрый», др.-в.-н. *feh* – то же, гот. *filu-faihs* – «весьма многообразный», а также лат. *pingo*, -ere – «рисовать, вязать иглой» (Траутман... Буга... Вальде-Гофм... Мейе-Эрну... Мейе..., Мейе-Вайан...)» (Ф. III, 266).

Словарь отсылает к *пестрый* и к *пѣс*, полагая, что «фонетически наиболее безукоризненно сравнение с др.-инд. *roṣaṅgas* – «рыжеватоый», *péśas* – «лань» и со слав. **рьstrъ* (см. *пестрый*), авест. *raēša* – «прокаженный» (первонач. «пятнистый»)» (Ф. III, 248).

Этимология окончательно запутывается в дебрях «фонетических сравнений». Может быть, анализ слова *пестрый* все поставит на свои места?

«*Пестрый*, *пестр*, *пестра́*, *пестро́*, так же *пстрó*, укр. *пістрий*, диал. др.-рус. *цслав. пѣстръ*, болг. *пѣстър*, словен. *pəstər*, др.-чеш. *pestr*, *pstry*, чеш. слвц. *pestry*, пол. *pstry*... Связано чередованием корневого гласного с *писа́ть*; ср. ст.-слав. *пѣсати*. Родственно лит. *raišas* – «пятно от сажи», греч. *ποῖχλος* – «пестрый», др.-инд. *péśas* – «форма, вид, цвет», авест. *raēša* – то же, д.-в.-н. *feh* – «пестрый». См. Уланбек... Гофман... Траутман...» (Ф., III, 25).

Круг замкнулся. Ясно одно, что Словари связывают воедино *письмо-писать* и *пестрый*, полагая, что эти слова-понятия выросли из значения – «пятно», «пятнистость», «делать пятна» > «мазать» > «рисовать», «писать».

Мне кажется, если все эти слова и имеют родственные отношения, то весьма отдаленные, напрямую не относящиеся к рассматриваемому предмету.

II

Попытаемся и мы собрать этимологический ряд, в коем славянская основа **pith* – займет свое место и фонетически и семантически ей соответствующее.

Основоположник грамматики (науки о письменностях) И.Е.Гельб подсказывает нам подход – начинать надо с определения, какого рода действие (рисование краской, вырезание, выцарапывание и т.д.) предпринималось при писании. Обычно название такого действия и является основой глагола со значением «писать»: «*Письменные знаки – результат двигательных действий руки, которая либо чертит, либо рисует кистью, либо выцарапывает, либо вырезает. Это нашло отражение в значении и этимологии слова «писать» во многих языках мира. Английское слово to write – «писать» соответствует древнескандинавскому rita – «вырезать (руны)» и современному немецкому reissen, einritzen – «разрывать, вырезать, выцарапывать». Греческое слово grafo – «писать» значит также «высекать»... Латинское scribere, нем. schreiben, англ. scribe, inscribe и т.п. первоначально значили «вырезать»... Готское tēljan – «писать» первоначально значило «рисовать кистью», что видно из того, что современное нем. слово malen значит «рисовать кистью». И, наконец, славянское писати – «писать» тоже первоначально было связано с рисованием кистью. Ср. русское живопись. [63]*

С последним из примеров Гельба можно поспорить. Славянское *писати*, вероятно, в самой поздней стадии семантического развития обрело значение «изображать красками» - «писать картину». Но начальный процесс письма был, наверное, связан не с кистью, не с пером, но с другим оружием. Предположение приводит нас к древнеиндийскому *piç* – «вырезать», «высекать», «украшать», «украшение», «орнамент». Есть и более конкретный, возможно, первичный смысл – «заготавливать мясо», «резать скот», откуда *piçita* – «разрезанное мясо». (Из другого диалекта поступили в санскритский словарь слова с иной огласовкой: *peçi* – «кусочек мяса», *peça* – «украшение, орнамент» [64].)

В др.-индийском слове опущено значение («писать»), вероятно, потому что его приняла на себя другая лексема, пришедшая в язык во второй половине I тысячелетия до н.э., когда арамейское письмо, распространяясь в древнеиранских культурах, достигает Индии. Тогда наименование первой буквы арамейского алфавита *'alef* (*'alif*), видимо, и становилось словом с обобщающим смыслом – «буква», «письменность».

(Не так ли, начиная с VII в. н.э. арабская *'alif* в языках исламизированных тюрок стало словом *ärip* – «буква»?)

Записанное консонантным способом финикийское *'l'f* (*'rf*) в греческих диалектах, вероятно, прочли *-glif* – «письмена» (иероглиф, петроглиф) и *-graf* – ставшее основой лексем *grafo* – «писать», *grafika* – «надпись», и несомненно родственных *gramma* – «буква», *grammata* – «письмо».

Возможно, рядом следует искать генезис основы **-krip* – участвующей в лат. *scripo* – «писать», *scriptum* – «писание».

В ту же эпоху, думается, появилась и в санскрите: *lipi* – 1) «алфавит», 2) «писание», 3) «буква», 4) «окраска», 5) «намазывание», 5) «пачканье, загрязнение», *limpi* – «письменность».

Персицко-арамейское письмо чернилами (красками) пришло на смену каменному письму (резцом) и основа *piç* теряет свое второе значение, которое переходит к слову, заимствованному из арамейского. Отсюда следует, что *piç* – 1) «вырезай», 2) «*пиши» - в др.-инд. существовало еще до середины I тысячелетия до н.э., т.е. до распространения проарамейской буквенной письменности в индо-иранском мире [65].

III

Если допустить, что основа славянского глагола *piš-i* – «пиши», родственна др.-инд. *piç* – «режь, вырезай» (в более понятной латинской записи – *piš*), то следует признать, что славянское слово утратило значение «вырезай».

В тюркской среде сохранились и не успели далеко разойтись оба смысла – «вырезай» и «пиши». Ср. *bič* – 1) «вырезай», 2) «пиши»; *bičik* – «надпись», «книга»; *bučak* – «нож», «резак»; *bičen* – «сено» (алт.); *bič* – «вырезай»; *bit* – «пиши»; *bitik* – «надпись», «письмо»; *bičäk* – «резак, нож»; *bičän* – «сено» (др.-тюрк.).

В западно-тюркских языках побеждает *jaz* – «пиши» и потому ограничивается семантика глагола *piš* – «вырезай, обрезаешь, срезаешь», *pišen* – «сено», *pišin* – «образ (вырезанный, написанный)», *pušak* – «нож, резак» (каз.).

Севортян приводит формы основного глагола со значением «режь», «вырезай», «жни», представленные во всех тюркских диалектах: *piš, pič, pis, pys, bič, buč, bis, bits, pits*... [66].

Но этимологи, занимавшиеся этим словом, не увидели близости формальной и семантической с омонимично звучащим глаголом: *bič-, bit, piti, biži, piči, pišti* – «пиши» (др.-тюр., алтайск., уйг. диал.). От этих основ образовались когда-то по огузо-карл. схеме отглагольное имя существительное: *pitik, pišik, bičik, bitik, ptig, mičik* – (в тех же языках) – «письмо», «надпись», «документ». Буквальным значением можем считать – «вырезанное». И лишь потом – «написанное».

Основу *bič, pič* – «пиши» исследователи, начиная с Радлова, Рамстедта, В.П.Васильева, Малова возводили к кит. *pí* – «кисть», «кисточка (для писания тушью)». Севортян: «Предложенная этимология небезупречна, так как в тюркских источниках не зарегистрировано существительное типа *pí*, на что уже обратил внимание Дж.Клосон» [67].

Авторы «СИГТЯ» считают, что тюрк. *biti* – «писать» произошло от кит. *pil* – «кисточка для письма» [68]. Но и такое существительное в тюркских не зарегистрировано...

Исследователи постоянно помнят, что **тюркское письмо должно быть заимствовано: сами они создать его не могли**. Ближе всех из письменных народов – китайцы. Не перенимая их письма, тюрки, выходит, заимствовали название кисточки. Другими соседями по Центральной Азии, обладавшими письмом, были персы. Но в их языках не находим необходимых соответствий, кроме неясного происхождения тохар. *pidaka* – «документ», «грамота».

«Киндоевропейскомуисточникуотноситсятакжегреч. *πίτταχιον*, к которому возводил тюркское *бити* еще Г. фон дер Габеленц, а впоследствии эту этимологию поддержал Е.Д.Поливанов, допускавший также китайское происхождение *бити*.» (Севортян, там же.)

На мой взгляд, наиболее грамотный подход продемонстрировал Г.Дёрфер, который считал «излишними предпринимаемые попытки сравнить тюркское *бити* и *битик* с санскр. *pitaka*, тохар. *pidaka* – «документ». Как и возможное сравнение его с согдийским *rdk* – «приказ», «правило», поскольку тюркское производное, по мнению автора, имеет ясный морфологический состав» [69]. Чего нельзя сказать об иранских терминах. Г. Дёрфер, не признавая производство тюркских терминов от индоиранских, в виду ясности морфологической структуры, пока еще не мог пойти дальше – предположить, что индоиранские термины с «неясным морфологическим составом» могут быть тюркизмами. Наука и сегодня еще не готова признать это. Ясность построения от глагола **pith* посредством огузо-карл. именного суффикса *-ik (-ek)* говорит о тюркском происхождении термина, получившего распространение в индоиранских и греческом языках.

Прежде, чем возьмут слово «историко-культурные соображения», еще раз проверим семантически и морфологически нашу гипотезу.

Мы увидели, что в тюркских уцелела последовательность семантического развития: 1) *резать, вырезать*, 2) *писать (вырезать знаки)*, что утратили др.-индийцы, сохранив в конце I тыс. н.э. уже только *вырезать, резать*; и славяне, получившие только последнее *писать*.

В середине I тыс. до н.э. в Риме писали острой палочкой по навощенной деревянной табличке, которую называли по-гречески *птитх (πτιχ)*. Их носили на шнурке по две, по три таблички, привязывая к поясу. Первые записные книжки *du-ptich, tri-ptich*... Наибольшее распространение получила последняя форма. Она использована и в живописи, и в литературе, став названием жанра романа из трех частей. Триптих.

Это слово *птитх* нельзя этимологизировать без помощи тюркского *pitik* – «надпись», «книга». Греко-римский пример подсказывает еще одно конкретное значение этого термина – «письменная таблица». Греческие колонисты времен Александра Македонского должны были занести в Парфию (*Parthia* – «Персия») и в Индию термин **pitek*, в санскрите преобразованном закономерно в *pitaka* – «документ» (с показ. м.р. *-a*). Отсюда попадает в тохар. *pidaka* – «документ», «грамота» и согд. *rdk* – «приказ», «документ».

IV

Если была огузо-карлукская форма термина, то предполагаем возможность появления и параллельной кипчакской на *-ма (ба, па)*. Мне думается, она сохранилась в ст.-слав. *письма* – «письмо», «надпись». В другие славянские языки разошелся из общеславянского вариант с огубленным финальным гласным *письмо*.

Севортян, говоря о других производных от *bit(u)* – приводит казахское *bitne* – «письмо», считая, что оно произошло от **bit-me*. Подтверждение этому находит в диалектном каз. *bitim* – «решение (судебное)».

Итак, что остается в сухом остатке. Самая древняя из форм тюркской основы **pith* - 1) «вырезай», 2) «пиши»; производный глагол *pith-i* с теми же значениями.

Отглагольные имена **pith-ik* – 1) «надпись», 2) «документ (судебный, государственный)», 3) «таблица письменная, книга», (огузо-карл.) **pith-mā* > *pith-m* – то же (кипч.). Здесь истоки слав. **письма* (**pith-ma*). Вероятно, позже появились: *biš-*, *bič-*, *biž-* – 1) «вырезай», 2) «пиши». Севортян так же считает, что «древне- и междотюркское *b* – субституция начального *p*» (стр.156).

Из тюркского слово распространилось в индоевропейские (греч. > лат., др.-инд., др.-иран.), но чаще всего, во вторичном или третичном значениях – «документ», «соглашение»... Что могло быть результатом проникновения тюркских терминов в государственный, судебный лексикон в эллинистических государствах, возникших в Передней Азии во времена Александра Македонского.

Как закалялась глина

...История этой основы будет неполной без следующего эпизода. В др.-рус. сохранилось глаголо-имя **пись* (**pith-i*) – «письмо», уже давно участвующее только в сложениях – *летопись*, *надпись*, *подпись*, *запись*... Первичные производные глаголы по инерции еще несли именные смыслы: *лай*, *вой*, *строй*, *цель*... Омонизации удавалось впоследствии избегать, используя диалектные варианты для отделения второго грамматического значения. Напр., *режь* и *режь*, *смеси* и *смесь*, *теки* > **течи* и *течь*. В том же ряду и **pith-i* – «пиши» и **пись* – «написанное», «надпись».

В шумерском – самом древнем (из известных) языке «глагольная основа ничем структурно не отличается от именной основы. От многих имен легко образуются и глаголы» – констатирует И.М. Дьяконов [70]. Иначе говоря, глагол ничем формально не отличается от имени: *tir* – «жизнь» и «живи», «жить».

Слово в шумерском еще выступает в форме глаголо-имени. Надо полагать, что эта черта была присуща грамматикам всех языков в начальный период их развития.

Возможно и в тюркских была такая форма **pith-*, *pīš-*, *pīč-* – «надпись», «письмо», «письменная таблица», «книга» и т.д. Наряду со значением «пиши».

Самая первая форма тюркского непроизводного имени, применявшаяся еще до появления формантов *-ik* и *-ma* (*pa*, *ba*).

Дошли ли до нас термины с этим глаголо-именем?

Я думаю, дошли как названия глиняных таблиц. Шумеры, др.семиты, хетты, хуриты, урарту, эламцы писали по сырой глиняной пластине, которую потом обжигали, превращая в вечный материал.

Библиотеки тех времен представляли собой стопки керамических пластин, положенных плашмя друг на друга. Следующие поколения, перенесшие письмо на другие материалы (папирус, пергамент), нашли глиняным таблицам, исписанным непонятными знаками, единственное применение – сделали стеновым строительным материалом. Миллионы исписанных глиняных страниц были использованы в городах и весях Передней и Малой Азии для возведения дворцов и храмов, подвергавшихся разрушению в бесконечных войнах. После падения Ассирия-Вавилона – последнего оплота глинописи, повсеместный переход на буквенное письмо, исполнявшееся на папирусе и пергаменте, мгновенно обесценил клинопись. Ее забыли и два с половиной тысячелетия не вспоминали, пока не наступил век археологии (XIX) и банковский клерк Смит в свободное от основной работы время не расшифровал таинственные клинописные знаки. Можно уверенно сказать – безвозвратно утеряны бесценные письменные памятники и целые письменности, которыми был богат Древний мир. Но век археологии еще не завершился. Возможно, еще найдутся глиняные книги, содержащие и тюркоязычные тексты.

Не была забыта человечеством техника получения из сырой глины удивительно прочного материала, не пропускающего влагу. Из него еще шумеры научились изготавливать сосуды для жидкостей и для сыпучих материалов – зерна, крупы и муки. (И первые кирпичи для строительства храмов.)

Мы пользуемся удачным подразделением истории человечества на макроблоки – каменный век, века бронзы, железа и т.д. Но открытие способа обжига глины имело для истории цивилизации значение едва ли не большее, чем в последствии – изобретение бронзы, открытия железа и других прочных материалов. Во всяком случае, не металл, не камень, а именно керамика, как не удивительно, в языках некоторых подается как символ крепости.

И когда-нибудь мы договоримся ввести при обзорах человеческой истории сразу после Каменного века Эпоху Керамики, которая включила в себя быстротечные Века бронзы, железа, многое другое, и, надеюсь, не скоро еще закончится.

Отец керамики – обыкновенный кирпич.

Этимология термина *кирпич* о многом рассказывает. Восстановление генезиса этого слова поможет дополнить картину развития цивилизации. Именно из Передней Азии обожженный кирпич и вообще керамика распространились по Древнему миру.

«Кирпич, др.-рус. кирпичь (Домостр. Заб. 137, к.68). Заимство. из тюрк.: ср. тур. *kirpidž*, тат. *kirpič*, азерб. *kärxici* (Радлов I, 309)» (Ф., II, 238).

Тюркославист (или уже – тюркоиндоевропеист) не должен ограничиваться этим обзором, судя по которому, слово попало в русский лишь в средние века из татарского.

Однако, надо обратить внимание на распространенность формы с проявлением «тюркского чередования» – *b, p/m*. Греческое полногласное *χεραμῖς, χεραμίδα* – «кирпич обожженный» заимствуется в др.-рус. *керамида* – «кирпич», «черепица». (Из того же источника современное слово – *керамика*.)

Здесь отразился вполне реконструируемый вариант прототюркской формы **kerpith > kermith*, которая послужила и славянскому полногласному произведению с закономерным протетическим гласным в финале: **kērepith(a) > черепица*. В южнославянских второй слог открывается типичной метатезой плавного: *чрепица* (ц.-слав.).

Любопытно преображаясь, слово возвращается в тюркскую среду из каких-то западных источников: *kermek, keremik* – «черепица» (ног.).

Форма с метатезой плавного (**krepith'*) совпадает с инфинитивной и после неизбежного переразложения выделяется ложный корень: *krepith' > krep*, от которого образуются слова – *крепи, крепни, крепость, крепыш*.

Судя по всему, слова эти образовались в славянских еще до освоения ими металлов. Более того, и камень самый твердый протославянам помог назвать доисторический кирпич: **kermith > kremith >* с выделением ложной основы **kerm, krem* - от которой, скорее всего, и произошла линия – *кремень > кремль* – «крепость». (Закон NLR – развитие носового в плавный.)

Старое заимствование в восточные языки из каких-то европейских диалектов, возможно из славянских: *kerm* – «крепость» (калм.), *kerem* (монг.), *kermän* – «крепость» (кипч.). Татарское название Севастополя *Ак-керман* – «Белая крепость».

Открытие нового свойства глины, подвергнутой термической обработке, позволило сделать цивилизации Каменного века значительный скачок, подняться на следующую ступень. И существенную роль в этом процессе, думаю, сыграли, кроме шумеров и ассирийцев, тюрки, индоевропейцы, особенно, греки, протославяне и родственные им этносы, вероятно, активнее других осваивавших производство нового материала. [В то время в славянских языках уже был инфинитив на *-iti*, что и позволило выделить «основу» *kerp- (krep-); kerm- (krem-)*. Думаю, латинская основа *crem* (*cremō* – «сжигаю», *cremare* – «сжигать») вышла из того же гнезда.]

Ранее использование плиток из обожженной глины для покрытия кровли (это могло произойти сначала в южных широтах, где много глины, но мало леса – в Передней или Малой Азии) определяет направление семантического развития: *черепица* (кровля) – *череп*.

Переместившись в другие, более прохладные зоны, славяне продолжают называть любую кровлю, корку, верхнее покрытие этим словом: в северорусских говорах *череп* – «кровля на избе» (Подв.), «ледяная корка» (Васн.). В общеславянском утвердилось *череп* – «кость, покрывающая мозг человека». Я полагаю, в первоиероглифическом письме протославян (петроглифике) череп изображают знаком , что позволило **на предметы, похожие на него переносить название знака, но в уменьшительной форме**. Осколки глиняной посуды, или даже чашка глиняная – *черепок*. Именно, названия знака *череп* становится основой глаголов *черпни, черпать*.

[О древности происхождения этого слова свидетельствует и география распространения: *kerpetis* – «череп» (др.-прусс.) и закономерное развитие вокализма *e > a* в др.-инд. *karparas* – «череп, черепок, скорлупа», откуда арм. *karap'n* – «череп, голова». И прежде чем продолжить тему, вспоминаю, что панцирь черепахи (ее «кровля») напоминает разграфленную глиняную таблицу. А это пресмыкающееся тоже можно причислить к фауне южных полупустынь.]

II

Итак, стоит перевернуть знак череп, получается черепок, черпак. (Антизнак и назывался уменьшительно?) Возможно, в первоиероглифи-ческом письме протославян существовали эти знаки. В особенности первый. Он мог получить распространение в культурах союзных племен, языки которых впоследствии станут семьей языков, названной индоевропейской. Но прежде в самих славянских диалектах знак будет в течение веков не однажды перетолкован и его наименования (в диалектных произношениях) получают смыслы, отражающие степень поэтического воображения жрецов-хранителей Знака и Слова. Славянским языкам эта деятельность толкователей поможет назвать все кривое, изогнутое, извивающееся. Нынешнее значение слова червь (*kerpi > kervi), пожалуй, самая последняя стадия развития смысла названия знака. Перед этим появилось слово, просто описывающее геометризм фигуры - крив' (kirpi > kripī > krivi), но еще раньше - цвет обожженной глины. Керамика стала символом не только крепкости, но и красного цвета. И основу прилагательных червонный, червленый - «красный» надо бы производить не от червь (Фасмер, IV, стр.335), т.е., по его мнению - «цвет червя», но от *kerv' - «красное - цвет обожженной глины, черепицы», откуда и krev' - «кровь» (пол.), krv' (южно-слав.), kröv' > кровь (вост.-слав.). Ср. тур. kyrmyz - «красное». Морфологически ближе к греческой χερπίς - «кирпич», «черепица» и слав. čerpitsa - «черепица».

Знак черепицы kerpith/kermith только славянским языкам дал слова - черепица, черепаша, череп, черепок (черпак), червь, червонный (червленый, чермный)... Из того же ч-Диалекта вышли чревъ - «кишка», откуда чреви - «кишки», чрево - «внутренность», «живот».

Из к-Диалекта поступили слова крепъ, крепши, крепкий, крепость, кремень, кремль, крив, кревь (кровь) и четкое описание знака сохраняется в слове кров (кровля).

В г-Диалекте происходит озвончение согласных: грьбъ (т.е. первоначально могильный холм) и гърбъ. (Все эти наблюдения пригодятся для Полной этимологии.) «Др.-рус. гърбъ, цслав. грьбъ, болг. гърбът, серб.-хорв. грба - «горб», словен. grb, чеш. hrb, в.-луж. horb. Родств. др.-нрц. garbis - «холм», лит. garbana, garbina - «завиток волос» (Ф., I, 439). Материал настойчиво подталкивал к Знаку. В этом диалекте происходит любопытное явление, которое подпадает под определение «слоговой палиндром». В период слоговой письменности иероглифы в словарях-силлабариях пояснялись названиями, переданными слоговыми знаками. (Благодаря таким словарям, существовавшим в Аккаде, удалось понять значения и названия шумерских иероглифов.) Думаю, что слово горбъ в одном из таких словарей передавалось двумя слоговыми знаками *gor-bu, и при изменении направления письма, знаки прочлись в ином порядке *bu-gor. Скорее всего - механический слоговой палиндром: без изменения смысла. Слово бугор (рус.), бузір (укр.) - «холм» в других славянских языках не представлено. Словари находят соответствие с балт. baugurs - «холм» (латш.), «далее, вероятно, bhugnas - «гнутой» (Ф., I, 228). Появилось хоть какое-то приближение к Знаку, но это случайное наблюдение не получило развития. В этом разделе я не привожу этимологии других авторов, по одной причине: каждое из приведенных слов рассматривается в Словарях отдельно, изолированно, вне связи с другим, с которыми роднит Знак. Исследователи не увидели Знака, отпечатанного в семантике слов, и не осознали его роли в словообразовании. Знака не в сосюровском понимании, а обыкновенного графического знака, первоиероглифа.

Кроме того, Словари не слышат переключку слов из неродственных языков. Я думаю, не случайно совпадают знаковое содержание и консонантизм слов

bugor (*gor-bu) - (славян.)

bückel - «горб» (нем.)

büikir - «горбатый» (каз.), böğri - «кривой, изогнутый» (чагат.),

böğri - «горб» (тур.).

III

Международное распространение получает славянский первоиероглиф gorbъ. Бытовала в прадревности и «украинская» форма *girbъ.

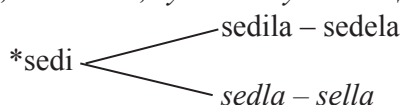
В латинском языке, надо полагать, воплотились черты многих протороманских диалектов, в том числе пратосканского, ставшего базой итальянского языка. В «Языке письма» описан фонетический закон («превращение стыка согласных в долгий согласный, открывающий слог»), названный мною «итальянским рефлексом» (ИР), потому что ни в одном другом языке с инерцией открытого слога эта тенденция столь откровенно не проявлялась. Латинский язык самостоятельно слова с долгими (удвоенными) согласными не производил, ибо он терпимо относился к лексемам

с любой структурой слога, т.е. не стремился все превратить в состоящие из открытых слогов, как поступает итальянский. Напомню примеры «переработки» латинских терминов в итальянском: *доктор* > *дотторе*, *адвокат* > *аввокато*, *секс* > *сессо*, *максим* > *массимо* и т.д.

Этимологические словари итальянского языка, рассматривая слово *gobba* – «горб», считают его производным от лат. *gibba* – «горб» [71]. А ссылка на латинский неисчерпаемый источник достаточна, чтобы считать этимологию завершённой. Но в данном случае латинское слово, кажется, само произошло в протоитальянском диалекте от слав. **girbъ* – «горб» в результате превращения стыка в долгий согласный, открывающий слог. [Один и тот же консонантизм *гpb* роднит *горб*, *гроб* и *гриб*. И, похоже, – один Знак. Но Словари упорно этого не замечают: «Гриб. Словен. *grib*, чеш. *hřib*, слов. *hrib*... Возможно, родственно лит. *grieti* – «снимать сливки», *greimas* – «сливки, слизистый осадок в воде». Шнехт (144, 267, 319) ссылается в вопросе о переходе значений «слизь» > «гриб» на Шульце. Совершенно иначе Петерсон (Vgl.se. *Woortst*, 12), предполагающий родство с *горб*... Брокнер (KZ46, 235) сравнивает с лит. *gleima* – «слизь, пленка». Ср. *грибастый голубь* – «голубь с наростом на клюве, горбоносый» (Ср. Горяев, ЭС79 и след.)» Ф., I, 457. Фасмер отдаёт предпочтение версии «слизь» > «гриб»: Петерсон не нашел в *горб* Знака, – только схожесть консонантизма *гpb*.] Так же как из другого диалекта попало в общепитальянский слово **gorbъ*, преобразованное в **gorba* > *gobba*. Все латинские слова с удвоенными согласными и при этом с гласным «а» в финале, мне думается, «итальянского» произношения. До сих пор считается, что романские языки – детища латинского. Но это, похоже, только часть научной правды. Её верхняя часть, кровля, непробиваемо-крепкая, как черепаший панцирь.

Имперская латынь, став официальным языком католической религии, науки и образования в Европе, особенно в южной, превратила языки католических стран в романские, т.е. в римские (от *Roma* – «Рим»). Самой значительной ассимиляции подверглись языки стран, наиболее близлежащих к Риму. Это – прежде всего, языки Апеннинского полуострова, так называемые «древнеиталийские наречия».

Но до того, как Рим стал империей, он занимал небольшую территорию (ныне провинция Лацио) и взаимодействовал с древнеиталийскими государствами еще без имперского высокомерия. Позже, веками позже римский каток ассимилировал, сгладил, раздавил и выдавил с территории Апеннин разноразное население, среди которых были и славяне. Они сдвинулись на Балканы. Но в латинском и итальянском (как продолжение латыни) остались слова, заимствованные из славянских диалектов. Некоторые из них мы узнаем, благодаря «итальянскому рефлексу». Например, ит. *sella* – «седло» Словари производят от лат. *sedela* – «седло», «сиденье». Но, чтобы произошло удвоение, должен был прежде образоваться стык согласных: **sedla*. Идеально было бы представить последовательность развития: *sedela* > *sedla* > *sella*. Но для этого надобно доказать правомочность образования отглагольного существительного в латинском посредством суф. -*la* или -*ela*, что невозможно. Этот морфологический тип существительных восстанавливается только в славянских: «основа глагола (императива или инфинитива) + орудийный суффикс -*la* (-*dla*) = название орудия». *Метти* – *метла*, *шить* – *шило*, *мыть* – *мыло*, *орать* – *орало*, *бить* – *било*, *вези* – *весло*, *дей* – *дело*, *пугать* – *пугало* и т.д. Одними из первых образований такого типа и стали:

В славянских тогда же под влиянием италийской языковой среды и образовалось **sedla* > **sella* > *selo* – «селение». Т.е. поселение оседлой части общины. (Долгие согласные в славянских языках традиционно угличались.)

Славянский знак *krv* (*krov*, *kriv*) из к-Диалекта, возможно, оставил след в итальянском откритосложном *kurva* – «изгиб», «поворот» и вернулся позже в славянские в значении отрицательном: кривая является символом лжи, противопоставлена прямой, особенно вертикали – символу истины и честности. Кривда и Правда.

Почему в представлении индоевропейцев изогнутость стала выражением чего-то низкого, неискреннего, лживого? Не потому ли, что знак ассоциировался со змеей?

В с-Диалекте орудие жатвы называли – *serp* (*srp*), благодаря похожему на знак. Протоитальянцы поняли: *serpa* – «змея». В лат. *serpo* – «ползать». (Во второй половине I тыс. до н.э. римские легионы покоряют Малую Азию. Миссионеры Рима, жрецы Бога-отца (*Dei-us-piter*) брахманы распространяют священное писание до Индии. Язык этих манускриптов по-латински *sanct-scriptum* (в произношении древнеитальянских миссионеров *sanscritto* – «священное писание») внес в древнеиндийский язык латинскую лексику в итальянском произношении. На эту тему стоит провести специальное исследова-

ние [72]. И в результате может оказаться, что санскрит, который поначалу считали праязыком индоевропейцев (ныне эту привилегию уже переносят на хеттский), был одним из ассимилянтов латинского. Кратковременность и своеобразие контактов, ввиду оторванности от метрополии, помешала древнеиндийскому превратиться в подобие итальянского или испанского языков. Но восточно-романским (или индо-романским) его назвать можно. Фонетическое отличие, бросающееся в глаза: *e* > *a*. Поэтому лат. *Dei-us-piter* – «Бог-отец» > *Diavus-pitar* (санскр.). Поэтому *serpa* > *sarpa* – «змея (санскр.)».

IV

Одно из описательных названий фазы луны, сделанное славянскими жрецами еще до принятия слова *месяц* (из лат. *mensis*) – «серп луны». Итальянцы до сих пор так называют лунные фазы (*falca de luna*).

В Средиземноморье был известен египетский иероглиф *r* – «солнце», который греки огласовывали как *ra*. Семиты называли точку в круге: **Rā-ben (Rā-bin)* – «Солнце-сын». Или «Солнца сын»? Возобладало последнее значение, ибо имя перенесли на жрецов – «сынов Солнца», а позже на священнослужителей иудейства – **rāбин, раввин, ребе...*

Славяне, обитавшие в Средиземноморье, узнали др.-еврейские названия священного иероглифа и по своему обыкновению называли конкретные предметы, на него похожие: *рябина* – 1) «красная ягода с косточками», 2) «точка, щербина на лице». Именно эта моя этимология, опубликованная в «АЗиЯ», вызвала бурную реакцию московских журналов антисемитского направления – «Молодая гвардия» (1975, № 12), «Москва» (1976, № 3) и др. Дело еще и в том, что египетский иероглиф **rā* – «солнце», видимо, имел графический вариант **rā* с тем же значением. Что и отразилось в древнерусских толкованиях знаков **rā-bin*. Подобные толкования нашли свои выражения в русских сказках о курочке Рябе и золотом яйчке, разбить которое помогла волшебная мышка. И мышку, и разбитое яйцо, из которого течет содержимое, породил знак . Он же и стал прообразом волшебного овоща Репа. Её помогла вытащить из земли все та же неутомимая хвостатая мышка.

Следовало бы «патриотам» увидеть и другое: **эти примеры свидетельствуют о том, что славяне видели в письменностях Средиземноморья солнце *Ra*.**

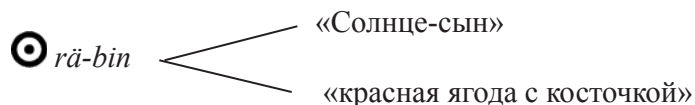
Они понимали точку в круге как маленькое, юное, т.е. нарождающееся, восходящее солнце. И одновременно это – рана, нанесенная Луне копьем (стрелой). Такое понимание механизма образования знака Юного солнца (утра) пока не встречалось мне в других языках. Славянские грамматисты истолковывали и описывали египетский иероглиф предельно просто – точка это есть Отрицание луны и – Маленькое солнце. **Называли деталь сложного знака отрицанием общего наименования.**

Если *Ra*, то точка – *Ra-no* > *Ra-na* = *Ra-ni*. В чеш. *rano* – «утро». В русском собрались диалектизмы – *рано* и *рань*. В укр. форма с закрытым конечным слогом: *ранок* – «утро». [Слово общеславянского распространения. «Трудно поддается этимологии. Пытаются установить родство первонач. исходного **rāi* с лит. *rytas*, лит. *rits* – «утро»... С др. стороны считают исходным **vrōdno* и сближают с др.-инд. *vardhatē* – «поднимает, заставляет расти», *ūrdhvas* – «высокий, выдающийся». Менее вероятно сравнение с *erre* – «темнота», греч. *ορφός* – «темный», потому что в этом случае ожидалось бы славянское **ragno*» (Ф., III, 442-443). Еще раз убеждаемся, что метод, основанный только на системе фонетич. соответствий, не ведет дальше поверхностного обзора форм и показной глубокомысленности.]

В другом племени жрец увидел в точке лишь отверстие, сделанное копьем, и это микро-поэтическое открытие получило распространение во всех славянских наречиях: *ra-na* («рана»). В диалекте, где направление слогового письма менялось, как было показано выше, могла произойти «рокировка» слогов: *no-Ra*. И в этом племени жрец-толкователь увидел только отверстие.

...Описывая **новый метод этимологии** на примере реконструкции генезиса одного какого-то слова (как у нас – *киричи*), невозможно не отвлекаться на другие темы. Разведывая маршруты, по которым развивалась исследуемая лексема, узнаешь попутно происхождение других слов и главное – открываются механизмы, средства словообразования, давно забытые. В «Языке письма» приводились и другие случаи применения древнейшего индоевропейского отрицательного постфикса *-no (-na, -ne)*, известного нам лишь по префиксальному применению. Поразительную изобретательность и находчивость проявляли древние грамматисты в процессе словотворчества. Их работу характеризует эмоционально-интуитивное проникновение в образный мир знака и его рациональный анализ. Рассматривая слова, созданные из названий графем, бывших священными знаками, вы-

деляешь два основных направления, по которым развивалась мысль жрецов-толкователей – иррациональное (макропоэтическое) восприятие знака, и сугубо рациональное (микропоэтическое):

Простые геометрические фигуры, какими являлись первоиероглифы, и давали простор воображению поэтов-грамматистов обоих направлений. Усложненные шумерские или позднекитайские иероглифы уже не возбуждали образного мышления: они требовали только заучивания и выражали лишь один смысл, присвоенный им, когда они были еще простыми образными знаками. Столь же потерянными для словотворчества можно считать и египетские рисуночные иероглифы, пытавшиеся натуралистически изобразить предмет (или животное), увиденное грамматистом прошлого в простом или двусложном знаке. Наиболее творческим периодом в жизни каждого языка, когда происходил бурный процесс словотворчества, можно считать время использования первоиероглифического письма, состоящего из простых или двусложных образных знаков. У славян такой период состоялся относительно поздно: уже отживала шумерская глинопись.

[В индоевропейских диалектах точку в знаке Солнца описывали и по такой морфологической схеме: «из (знака) *Ra*». Нам известны формы направительного предлога «из» в индоевропейских языках. Большинство из них было использовано в описании Юного Солнца: *aus* (нем.) = *is*, *iz* (слав.) = **es* > *ehs* > *eks* (лат., греч.) и др. Фонетически и семантически недалеко ушли от них, например, англ. *out* – «вне» (**auth*), слав. *ot* (**ōt*). Знание морфологической схемы и первоиероглифа позволяет приблизиться к этимологии литовского *aušra* – «заря», древнеинд. *usras* – «утренний» и ст.-слав. *оутро* – «утро». Вероятно, контаминация двух популярных форм привела к их синтезу в германских *auster* – «восток» (франк.), *austr* (др.-исл.), *ōstar* (д.-в.-н.). Австрия считалась востоком, Австралия – тем более. Чередование дифтонга (*au*), долгого (*ō*) и мягкого (*e*, *i*) хорошо наблюдается на истории германских названий утра, восхода, востока, в переразложении сократившихся до *ost* и *ist*, *est*.

Семиты используют еще одну морфологическую модель для описания Точки: *iš-Ra* – «маленький *Ra*» (др.-сем.). Его божественность подтверждается детерминативом *el* – «бог» (др.-сем.): **išRa-el*. Не так ли возникло библейское имя, которое в древнееврейском истолковалось как *'is Pa'il* – «муж Рахиль». Тем временем, древнееврейское *ra-bin* в языковой среде, подобной германской, где действует умлаут, превращается в *rābin*, и выделяется новое общее название *rā*.]

К периоду, когда из знака ☉ *rā* – «солнце» жрецы славян выделяют ☾ *ra* – «луна», и относятся, надо полагать, первое описательное название месяца – «серп луны».

Описывая знак, изображающий фазу луны, ☾ или ☾ **serp Ra*, толкователи создавали слово, которое в следующих поколениях, оставаясь привязанным к иероглифу, тем не менее, утрачивало первоначальный смысл, переразлагалось и переосмыслилось: *serb-ra* > *srebra* > *serebra* > *serebro*. Появление определенного артикля *se* – «это» вызвало переразложение и выделилось слово *se rebro* – «это ребро». В значении предельно точно отпечатался графический знак. Как в описательном *pa-дуга*. Мы узнаем также, что серебро славяне считали лунным металлом. Почему жрецы не узнали месяца в этом знаке? Возможно, иероглиф толковался уже в краях более северных, где месяц на небе занимает иные позиции.

Кирпич

Мы увидели как целое древо слов, выросшее из обожженной глины Древней Передней Азии взросло из семени, в чистом виде сохранившемся в тюркских: *kirpič* (*kirpiš*) – «кирпич». В тюркских языках этот термин не получил отвлеченного семантического развития по многим причинам. Прежде всего, потому что он долгое время употреблялся только в одном значении – строительный, стеновой материал: тюрки в последние тысячелетия не только кочевали, но и строили и города, и храмы, и мавзолеи из тонкого квадратного кирпича. Именно такими и были глиняные таблицы. И хотя первое свое значение («письменный материал», «глиняное письмо») *кирпич* утратил давно, что-то удерживало его от переразложений, распада, стирания. Это «что-то», на мой взгляд, можно определить как **феноменальный консерватизм тюркского слова и языка**, сохраняющий самые первые слова и сегодняшние неологизмы в одном потоке живой речи, и сразу не поймешь, какое из них дед, а какое внук. Бывает, что слово-внук выглядит постарше своего предка. Одна из причин тому – морфологическое совершенство производного слова.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» до рассмотрения слова «кирпич», похоже, еще не дошли. В имеющемся у меня «Э.С.Т.Я.» (общетюркские и межатюркские основы на буквы «Қ» и «К») М., 1997 г. статьи, посвященной этому слову, пока не обнаружено. Мне не известны и отдельные публикации на эту тему. Поэтому предлагаемую этимологию названия кирпича – ровесника шумерских глиняных книг, как я полагаю, можно считать первой.

Статья для нового Этимологического словаря будет строиться примерно по такому плану:

I. Сводка примеров произношения слова *кирпич*, а также близких по значению и форме в родственных и других языках мира.

II. Морфологический анализ: **kir-pith'*

III. Итог анализа составляющих сводится к следующему: а) *kir* – «земля» (шум.), *kir (gir)* – «сырая, мокрая земля; грязь» (тюрк.); б) **pith'* (*pit', pič, piš, pits, bič, bit*) – 1) «режь, вырезай»; 2) «пиши»; 3) «вырезанное; написанное; письмо; письменный знак; письменная таблица». Более позднее (I тыс. до н.э.) аффиксальное производство имен: 1) **pith-ik (bitik, bičik)* – «надпись; письменная таблица; книга»; 2) **pith-ma (bitma, bitpā и др.)* – то же.

IV. Сложение, возможно, прототюркское, состоявшееся в ареале распространения шумерской культуры: *kir-pith* – «сырая земля + письмо» > «письменная таблица из сырой земли (глины)?» Значит ли это, что сложное слово-термин появляется до того, как научились обжигать сырые глиняные таблицы, которые раньше, вероятно, только высушивали. И лишь потом термин перешел на таблицы, закаленные в огне.

V. Скорее всего, значение *kir* – «сырая земля, грязь» вторичное. Шумерское *kir* – «земля» поначалу освоилось тюрками «без возражений», в том же значении, но форма в произношении претерпела диалектные изменения: *čir, čer, džir, džer, d'er, t'er, žer, jer* – «земля» (тюрк. языки). И соответственно – в составе сложного слова: **kirpith > čirpith, čerpith* и т.д.

VI. Осваивая шум. иероглиф *kir* – «земля», тюркские грамматисты истолковали его и как знак воды, таким образом дополнив традиционное значение «земля» новым – «вода», которое примиряло с образом графемы. Контаминация семантик порождает компромиссную – «сырая, мокрая земля». Но это произошло уже после создания термина *kirpith* – «земляная (глиняная) таблица для письма».

VII. Вероятность соединения этих слов в один сложный термин подтверждается и следующим. Мы говорили, что в западно-тюркских языках побеждает глаголо-имя *jaz* – 1) «*вырезай»; 2) «пиши»; 3) «вырезанное; надпись». И это слово в именном значении участвует в синхронно созданном сложном термине: **gir-jaz > girjāz'* – «земляная (глиняная) таблица». Но оно не получила распространения как предыдущий вариант, ибо к моменту, когда **girjāz* поступила в «славянское хранилище», слово *gir* в огузском (судя по звонкости гортанного) языке имело уже только одно значение – «мокрая земля», что и сказалось на общем смысле сложного слова. Славянские жрецы не узнали во второй части лексемы *jaz*; ее облик был сглажен сингармонизмом – прогрессивной ассимиляцией качеством первого слога: *грязь* – «мокрая земля» (укр., рус.), *grez* – то же (словен.).

«Где твой дом, малыш?»

(Послесловие к главе)

Славянам было известно первое значение слова *jaz* – «вырезай», утраченное тюрками. (Произошла интересная конверсия: тюрки сохранили *piš* – «вырезай», но почти утратили переносный смысл – «пиши», который достался славянам, тоже как единственный. Тюрки сохранили за формой *jaz* переносное «пиши», а первичное «режь», «вырезай» осталось в славянском хранилище. Вместе с производным *jazba* – «*вырезанное». Ср. *jazba (žazba)* – «надпись» (кипч.) [73] хорошо согласуется с рус. *язва* – «вырезанное, поврежденное острым предметом», *язво, язвецо* – «острие, жало»; укр. *язва* – «рана», *язвина* – «язва, овраг», *язвить* – «ранить».

А теперь – внимание! Начинается иной уровень семантического развития: *jazba* – «дыра; нора; пещера», *jazbina* – «барсучья нора» (словен.), *язвина* – «пещера» (серб.-хорв.). И следующий скачок: *jazba* – «комната» (полаб.). Перекидывается мостик к *zba, izba* – «комната» (пол.), *sra* – «комната» (н.-луж.), *stwa, jstwa* – то же (в.-луж.), *jistba* – то же (др.-чеш.), *ispa, jispa, izba* – «комната» (словен.). Прямая связь с пещерой сохраняется еще в сербском и хорватском *изба* – «погреб; комната» и в болг. *изба* – «землянка; хижина».

Фасмер, видимо, отмечая одиночество лтш. *istaba* – «комната, дом, жилище», в диалектах – *istuba, ustaba, ustuba* (из лит. и др.-прусс. примеров не приводится) справедливо полагает: «*Замечание. из др.-русск.*» (Ф., II, 121).

Словари не увидели связи между группами *язва* и *изба*. И тем более связи с тюрк. *jazba*. Самое большее, что нашли для группы *язва* – это соответствие в лит. *aiza* – «трещина; щель», *aižyti* – «шелушить, чистить» (Ф., IV, 249). Для группы *изба* (др.-рус. *истъба* – «дом», «баня», умен. *истобка*) Фасмер, на мой взгляд, правильно объясняет появление уменьшительного слова: «**ис-тонка от топить, судя по остальным славянским формам, всего лишь народная этимология*» (II, 120).

И если бы он увидел ясные коммуникации, соединяющие формально и семантически *избу* с группой *язба* («пещера»), то можно было бы избежать следующей ошибки: «Праславянская **jъstьba* заимствовано из герм. **stuba* (д.-в.-н. *stufa* – «теплое помещение, баня», др.-исл. *stofa*, *stufa* – «баня с печью») или из ром. **extŭfa* (фр. *étuve*, ит. *stufa* – «баня»))» (Ф., II, 120).

Если бы при этом была реконструирована картина генезиса германского **stuba* – это бы и явилось обоснованием германского происхождения славянского слова. Мы уже не раз убеждались в необходимости признать, что при восстановлении родословной слова лингвистические показатели важнее любых других «соображений».

Здесь видим, что славянские формы получают ясную этимологию, где лингвистические данные не противоречат логике культурно-исторического развития: *нора* – *пещера* – *землянка* – *однокомнатное помещение* – *изба* – *жилье с печью* – *теплое помещение* – *баня*. Германская **stuba* оказывается в самом конце цепи развития. И семантического, и формального.

Древность названия произведения первобытной архитектуры столь значительна, что «парная баня, парилка», **estupa* в романской среде успела не только преобразоваться во фр. *etuve*, ит. *stufa*, но и стать основой народно-латинского глагола *extŭfare* – «парить».

[Если бы в славистике были восстановлены морфологические схемы образования отглагольных имен на *-ба* (от императива), на *-ва* (от инфинитива), то давно смогли бы отнести к первой существительные *izba*, *ispa*, а вторую увидеть в верхне-луж. *jstŭwa* – «комната», которое, видимо, и послужило основой др.-чеш. *jistba* – то же.]

И примечание. Если название пещеры содержало в корне *jaz* (**es*) – «вырезай, режь», то наверняка и от параллельной формы **pith-* (**peth-*) – «режь, вырезай» должно было образоваться нечто подобное. Хорошо бы проверить на этот счет вост.-слав. *печѣра*, *пещера* – «пещера». Оба эти глагола могли участвовать в названиях первобытных обиталищ, еще до того, как у *jaz* (**es*) и *pith* (**peth*) появились вторичные значения – «пиши», «надпись».

Протославяне в период создания этих слов обитали в регионах с теплым, сухим климатом. Это скорее всего даже не Балканы, где в пещерах не выжить, а значительно южнее. Может быть, районы Древней Передней Азии.

II

Благодаря этимологии названия славянского жилища, мы можем выйти на шум. *es* – «дом», «жилище». А через него и на древнетюркские наименования дома (*äb*) и двери (*esik* ; **espä*).

Мы проникаем в лабораторию творчества письмотворцев раннешумерского, а, может, и дошумерского времени. Как изобразить пещерное жилище, в котором нет ни крыши, ни стен, ни окон, а есть только вход? Он то и поддавался схематическому изображению.

Самый ранний образец такой графики сохранился, на мой взгляд, только в тюркском руническом алфавите: *äb* – «дом», «жилище».

[Орхоно-енисейскую письменность следует относить к реликтовому, а попросту уникальному типу – буквенно-иероглифическому алфавиту. Второго такого нет. Удивительно, что на эту особенность древнетюркской руники историки письма еще не обратили должного внимания. Буквы, подобные иероглифам, есть в финикийском письме (я приводил знаки Коровы из неизвестной индоевропейской иероглифики), но в финикийском письме они выполняли только одну функцию – роль букв *k*, *q* и *w*. В орхоно-енисейском письме иероглифы прилежно исполняли роль буквы (изображая первый звук названия) и, употребляясь отдельно, читались как целое слово. Например, *ik* (ок) – «стрела», но в составе слова – *k*; *jaj* – «солнце» или «лук (оружие)», но в составе слова – *j*; *äb* – «жилище», «дом», «юрта», но в составе слова – *b* и т.д.]

Не осмыслив правильно эту поразительную характеристику древнетюркского письма, которая одна способна отстоять необыкновенную древность руники (системы более ранней, чем чисто буквенные алфавиты), высокомерно навязывают ей происхождение от позднейших, бледных персидских копий арамейского, только потому, что мысль о самобытности тюркской письменности не укладывается в забитое предвзвешенным сознанием! Мне кажется, серьезные историки письма еще не брались за эту тему (генезис тюркской руники), иначе бы они попытались объяснить причинность явления, о котором я говорю.]

«Тюркское чередование губных» *b/m* и родственность этих звуков осознавалась грамматистами, поэтому им было нетрудно создать букву *äm/am*, лишь изменив позицию предыдущей на 90°. (Буквенные значения – *m* /*m*.) Уже это, явно авторское решение, говорит о творческом, а не подражательном характере тюркского алфавита. Его создавали люди, к тому же, разбиравшиеся в тюркской фонетике. Существовало несколько местных разновидностей орхоно-енисейского письма. В некоторых встречается модификация иероглифа «дом» в виде **äb/äm/am*, вероятно, созданная в результате следующих графических действий в стремлении создать из сложного знака монолитный: .

Этот иероглиф сохранился в тюркском письме с дошумерских времен.

В шумерском письме появляется следующая редакция знака жилища: *ab* – «дверь», *es* – «дом». Иероглиф имел два значения. Этой формой знака не оправдывается ни одно из них: они воз-

никли раньше, когда иероглиф был подобен тюркскому линейному знаку – «вход в пещеру и крестообразная загородка из сушняка». По образу тюркского линейного знака шумеры создают юрту с крестообразной основой-керете (), более точно выразил форму остроконечного иероглифа чум американских индейцев и северных народов Евразии. Но магия письменного знака была столь могущественна, что шумеры создают дома и храмы по образу своего знака дома – **ступенчатую пирамиду**. Так изыск неизвестного письмотворца сказался на развитии мировой архитектуры.

Тюркская буква-иероглиф *äb*, вероятно, имела в дошумерское время и другое, диалектное наименование *es* – 1) «режь, вырезай», 2) «вырезанное, пещера». И оба этих слова совместились в названиях шумерского иероглифа. Правда, с конверсией значений, если сравнить с тюркскими словами.

Шумерский знак дома, воплощенный в архитектуру, вынесли из Древней Передней Азии предки причерноморских скифов. Профиль их шатров в точности повторяет абрис шумерского иероглифа. В изображениях – словно юрта с толстой короткой трубой. (К сожалению, у меня под рукой не оказалось литературного источника, где я увидел много лет назад это поразившее меня архитектурное чудо. Но отыскать его в библиотеке Эрмитажа, я уверен, не трудно.) Проект ступенчатой пирамиды донесли до Утреннего континента майя, инки и ацтеки.

III

Шумерские грамматисты, вероятно, пытались графически развести значения «дом» и «дверь». Возможно, создавая пару антизнаков: «дом», * «дверь».

Но эта новация не закрепилась в шумерском письме, и знак продолжает выступать в двух значениях, что создавало определенные трудности при чтении: о чем идет речь – о доме или о двери? Приходилось понимать из контекста.

Но до Египта, кажется, дошел перевернутый знак, а исходный был перестроен: «дверь» (чит. *ḥ*), - «дом» (чит. *pr* и *ht*) [74]. Египтяне заменяют профильный абрис архитектурным планом однокомнатного дома.

В другом издании приводится два варианта позиции знака: , - «дверь» [75]. В любом случае письменный образ двери противоречит натуралистически-рисуночному характеру египетской иероглифики. Но связь формы и значения египетского иероглифа «дверь» и шумерского «дом-дверь», на мой взгляд, очевидна. Это наблюдение позволяет говорить о связях египетского письма с шумерским. О том, что шумерский знак Дома был известен на берегах Нила, гласят последние открытия археологов – **древнейшие пирамиды Египта были ступенчатыми**.

(Прием создания антизнака переверотом был известен и шумерским, и египетским письмотворцам. В дальнейшем мы увидим, как этим способом пользовались греческие и тюркские грамматисты.)

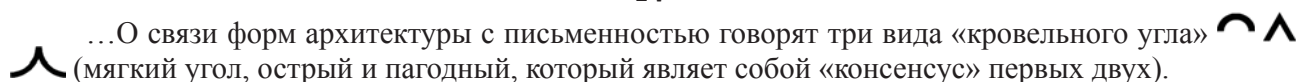
Интересно проследить развитие египетского знака двери в письменностях Средиземноморья и в китайском, видимо, переместившемся из этого региона во II тыс. до н.э.

Др.-егип. III-II тыс. до н.э.	Южноаравийские письмена II тыс. до н.э.	Фин. алфавит II тыс. до н.э.	Кит. иероглифы II тыс. до н.э. – н.вр.	
				
«дверь»	<i>dalet</i> «дверь»	<i>dalet</i> «дверь»	<i>mén</i> «дверь»	<i>mén</i> «дверь»

В совр. китайском письме используются две разновидности знака двери. Называются одинаково. Мне кажется, причиной такого разноречия послужила ошибка китайских грамматистов, допущенная при освоении египетской пары: – «дверь», – «дом». В разных районах Китая до сего дня слово «дверь» изображают по-разному. Этой ошибке более трех тысячелетий. Но флагообразная форма письменного знака подсказала строителям древности форму двери одностворчатой. Китайцы, по-видимому, первыми ввели двустворчатые двери.

Китайцы создали не только шелк и фарфор, но и великую письменность, которая впитала в себя соки переднеазиатских иероглифик (не только шумерской, но и *индоевропейских)

IV

...О связи форм архитектуры с письменностью говорят три вида «кровельного угла» (мягкий угол, острый и пагодный, который являет собой «консенсус» первых двух).

1. Курсивная средневосточная письменность и купольная средневосточная архитектура. Барокко. Древнейшая форма строения – юрта.
2. Остроугольная скандинавская руника и острокрышая европейская архитектура. Готика. Древнейшая форма строения – чум.
3. Китайская иероглифика и пагодная архитектура.

Согласованность архитектурных стилей с традиционными почерками вполне естественна: строительство дома и сейчас начинается с графических профилей и планов. А на самых первых порах, вероятно, обходились одним профильным изображением. И другие предметы создавали по образу графического знака. Самые древние предметы, став материальным воплощением графемы, получали и ее название. Таким способом пополнялись и словарь, и репертуар материальной культуры.

Обобщив данные первых письменностей, разведенных историей по разным краям планеты, мы можем увидеть последовательность развития мировых архитектурных стилей.

Др.-тюр. письменность	Шумерское письмо	Скиф. юрта	Средне- восточные стили	Западно- европей- ский стиль	Средняя Европа	Китай
 <i>āb</i> – «дом, жилище, юрта» <i>*ām</i> – то же. Возм.бы <i>es</i> – «дверь»	 <i>ab</i> – «дверь» (<i>*āb?</i>) <i>es</i> – «дом»	 Середина I тыс. до н.э. Тюрк. монг.юрта Шумер. III тыс. до н.э.	 Барокко	 Готика		 Пагода

Формы шумерских ступенчатых зданий произошли, благодаря стремлению какого-то прототюркского грамматиста превратить двусложный знак жилья (пещеры с загороженным входом) в графический монолит. А уже профиль шумерского дома развился в остальные, мировые профили. Названия дома-двери сохранили сходство лишь в тюркских и шумерском языках. В остальных – они вырабатывались самостоятельно.

И главный вывод из материалов темы.

Качественное рассмотрение явлений культур, языков, письменностей, вышедших из ареала Древнего Мира (Передняя Азия, Малая Азия, Средиземноморье) не обойдется без привлечения тюркских материалов. И тюркология должна подготовиться к этому неизбежному повороту – надо привыкать видеть тюркскую древность в общепланетарном, а, значит, в общеисторическом контексте, помня, что данные лингвистического, археологического и палеографического анализов должны стать основой «историко-культурных соображений», а не наоборот, как было принято до сих пор.

Тюркославистика – первый шаг, уверенно сближающий тюркологию с индоевропеистикой и общим сравнительным языкознанием.

Переходя к теме «Древнетюркское руническое письмо – продолжение прототюркского иероглифического», еще раз напомним себе конкретные выводы:

1) Основные термины письма в тюркских языках образованы от глагола-имен **pith*; **es* (*jas*, *jaz*) – «режь, вырезай» > «пиши», «письмо», Глагола-имена участвуют в названии глиняных таблиц **kir-pič* и **girāz* (II тыс. до н.э.) и в основе производных имен: *pičik*, *pitik*, *ptik*, *pdk* (огузо-карл.), **pišma*, *pitme* (кипч.) – «надпись», «письменная таблица», «документ».

А теперь рассмотрим основные версии происхождения руники.

Согдийская версия

Начнем с версии единственной на сегодняшний день.

«Древнетюркское руническое письмо – письменность, существовавшая у части древних тюркских племен в VIII-X в.в. и напоминающая по форме знаков германские руны. Различаются Др. рун. пис. Центральной Азии и Сибири, запечатлевшие орхон-енисейских надписей язык, и рунические надписи из Восточной Европы лишь в части знаков, совпадающие с центр.-азиат. руникой... По предположению ряда ученых тюрк. азиат. руны были созданы ранее VIII в. на базе согдийского письма в результате трансформации курсивных начертаний знаков в геометризованные формы, что наиболее оправдано для целей эпиграфики – преимущественного типа тюрк. рунических надписей. В алфавите, с учетом региональных и хронологических вариантов, более 40 графем. Оригинальной особенностью Др. рун. пис. – наличие пар самостоят. букв для большинства велярных и палатальных согласных.

Д.р.п. было дешифровано в 1893 г. В.Томсеном, первые опыты переводов Орхон. памятников опубликовал в 1894 ак. В.В. Радлов»/

Это статья из Большого Энциклопедического словаря (Языкознание), вышедшего в 1998 г. в Московском научном издательстве «Большая российская энциклопедия». (Переиздание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г.) Автор – Кормушин И.В.

II

Датский рунолог Вильгельм Томсен, первым дешифровавший орхонские письмена, первым же высказал идею о происхождении открытых рун от арамейского алфавита: слишком близко совпадали формы и значения многих букв. И действительно, палеографу должно было броситься в глаза явное сходство тюркских **М** - h, **Л** - l, **1** - p, **4** - r, **н** - t', **У** - š с арамейским **Н** - h, **Л** - l, **1** - p, **4** - r, **т** - t, **У** - š ... Почти треть арамейского алфавита ассирийского периода. Сходство при такой системности не могло быть случайным. Более внимательное рассмотрение выявляет и другие тюркские графемы, сопоставимые с арамейскими. Но Томсена, вероятно, смутило одно обстоятельство, которое и сегодня стоит непреодолимым препятствием, мешающим признать знакомство авторов древнетюркского алфавита с арамейским письмом ассирийского периода. Это Пространство (берега Селенги и Орхона в монгольских степях и берега Евфрата в Передней Азии). И – Время (V-VIII в.в. новой эры и VII в. до н.э.). Начались поиски восточной письменности-посредника, которая сама происходила бы от арамейского, и продолжилась бы до орхонского времени.

В.А.Истрин – автор единственного большого труда по всеобщей истории письма, написанного в СССР («Возникновение и развитие письма», М., 1965, стр.597) обобщил всю до него изданную в мире литературу по этой тематике, и потому предоставим ему слово для исторической справки, могущей помочь читателю войти в тему:

«...Почти все восточные буквенно-звуковые системы ведут происхождение от финикийского через арамейское письмо. Кочевые западно-семитские племена арамейцев переселились в Сирию, Палестину и затем в Месопотамию в середине II тысячелетия до н.э. Первоначальной их родиной были бесплодные аравийские степи, расположенные к югу от Сирии и Месопотамии. Степи эти не могли прокормить быстро растущее население. Поэтому они порождали одну за другой переселенческие волны, направлявшиеся к северу, в плодородные долины Сирии, Палестины, Месопотамии. По-видимому, первыми такими волнами были занесены в Месопотамию к началу III тысячелетия до н.э. семитские племена Аккада, а затем – амореев, образовавшие впоследствии вавилонскую и ассирийскую державы.

В конце III тысячелетия до н.э. переселились в район Палестины семитские племена хананеев, а затем в степи и к югу, и к юго-востоку от Палестины – евреи. Со следующими переселенческими волнами в середине II тысячелетия до н.э. появились в Сирии арамейцы, а в середине I тысячелетия до н.э. – арабы» [76].

Древняя Передняя Азия, которую захватывали волны переселенцев с юга Аравийского полуострова, была в то время, пожалуй, самой густонаселенной частью Древнего Мира. И едва ли мирными были те переселения, после которых в Передней Азии, на всем Ближнем Востоке и Северной Африке не осталось никакого другого народа, кроме семитских. Эти волны вызвали, в свою очередь, великие переселения народов (предков индоевропейцев, тюрков, угро-финнов, китайцев, японцев, корейцев, майя, ацтеков, инков и др.) из Передней Азии и Средиземноморья по разным направлениям. И в следующем Проекте («О неизвестных великих переселениях человечества») мы будем говорить об этом подробнее.

«В отличие от аккадян, амореев, хананеев, евреев и арабов арамейское переселение протека-

ло сравнительно мирно, без крупных вооруженных столкновений; не создали арамейцы и сильных государств... При этом арамейцы почти без сопротивления перенимали обычаи и верования своих соседей-вавилонян, ассирийцев, персов и др. – и постепенно сливались с ними. Но, сливаясь с каким-либо народом, арамейцы образовывали в его государстве влиятельную торговую и чиновничью прослойку и передавали этому народу свое письмо, а нередко так же и язык. Последнее обуславливалось крупной ролью арамейцев в административно-хозяйственной и торговой жизни Передней и Малой Азии; этому способствовали, кроме того, простота арамейского письма, а также близость арамейского языка к языкам евреев, ассирийцев, вавилонян и др. семит. народов Азии.

Старейшие арамейские тексты относятся к IX-VIII в.в. до н.э. Первоначально арамейское письмо почти не отличалось от финикийского. «Постепенно арамейское письмо переняло большинство древних семитских народов – евреи, ассирийцы, вавилоняне и др. Арамейское письмо стало одной из двух (наряду с клинописью) государственных систем в Ассирии, Нововавилонском царстве и в особенности (после захвата Ассирии персами в VI в. до н.э. – О.С.) в Ахеменидской Персии... Лишь после завоевания Сирии и Месопотамии Александром Македонским (30-е годы IV в. до н.э.) и образования там эллинистических государств арамейское письмо было частично вытеснено греческим; этому способствовало то, что арамейское письмо было связано в глазах греков с разгромленной ими Ахеменидской Персией. С конца I тысячелетия до н.э. в связи с нарастающим ослаблением эллинистических государств арамейское письмо снова стало основной системой письма почти для всей Передней Азии. Правда, к этому времени оно уже стало дробиться на разновидности. Эти разновидности соперничали друг с другом в течение почти тысячи лет, вплоть до арабского завоевания Передней Азии (VII в. н.э.). Вскоре же после арабского завоевания почти все они были вытеснены арабским письмом.» (там же, стр. 310).

Продолжаем историческую справку В.А. Истрина, который рассказывает об «иранской ветви арамейского письма»: «В середине III в. до н.э. на территории Персии и Месопотамии образовалось могущественное Парфянское царство во главе с династией Аршакидов (250 г. до н.э. – 226 г. н.э.). В Парфянском царстве персико-арамейское письмо стало единственной системой письма. Но парфянский язык – разновидность персического – и фонетически, и грамматически сильно отличался от арамейского. Поэтому в Парфии произошла перестройка арамейского письма, приспособление его к новому языку. В результате примерно со II в. до н.э. персико-арамейское письмо перешло в пехлевийско-аршакидское (слово «пехлевийское» произошло от слова «парфянское»). До недавнего времени памятников парфянской письменности почти не было. В 1948 г. неподалеку от Аишабада, где находилась парфянская столица Ниса, открыт архив парфянских глиняных документов, включающий до двух тысяч остраконов; документы эти дешифрованы И. Дьяконовым и В. Лившицем.

В 226 г. н.э. власть перешла от парфянской династии Аршакидов к персической династии Сасанидов, государственным языком стал средне-персический, а пехлевийско-аршакидское письмо превратилось в пехлевийско-сасанидское, еще менее похожее на арамейское.» (подчеркнуто мной – О.С.)... Между тем «при Аршакидах и при Сасанидах письмо применялось (...) и для религиозных целей, в том числе для священной книги религии Зороастра – Авесты. Значительная часть Авесты была составлена на уже мертвой к тому времени разновидности древнеперсического языка. Поэтому для точного воспроизведения этого языка в III-IV в.в. н.э. в Сасанидской Персии было создано так называемое авестийское письмо. В письме этом было введено обозначение кратких и долгих гласных по греческому образцу...» (там же, стр.321-322).

Выражение «по греческому образцу» не совсем точно: византийские греки в то время действительно ввели аналитическую черту долготы ($\bar{\alpha}$), в авестинском же алфавите применялась слитная, идущая вниз от основного знака черта долготы.

Авторы авестийского алфавита, скорее всего, почерпнули этот способ не из греческого, из другого источника.

«В VII в. н.э. Персию завоевали арабы. Вскоре после этого религия Зороастра была вытеснена там мусульманством, а пехлевийское и авестийское письмо – арабским... Но, почти исчезнув на Переднем Востоке, персическое письмо стало основой для ряда систем письма Среднего и Дальнего Востока. Так еще до нашей эры персическое письмо послужило основой согдийского письма. В течение почти тысячелетия это письмо применялось для восточно-иранского языка Согдианы – государства, находившегося на территории современного Узбекистана и частично Таджикистана. Древнейшие памятники этого письма относят к первым векам н.э., позднейшие к VIII веку. После завоевания в VIII в. Согдианы арабами согдийское письмо вытеснено арабским.» (там же, стр.322).

Здесь прервем справку и покажем таблицы, демонстрирующие претворения арамейского письма в раннеперсидское.

Еврейско-финикийский период	Ассирийский период	Персидский период	Названия	Еврейско-финикийский период	Ассирийский период	Персидский период	Названия
א	𐤀	𐎀	‘alef	ל	𐤌	𐎎	lamed
ב	𐤁	𐎁	bet	מ	𐤍	𐎍	mem
ג	𐤂	𐎂	gimel	נ	𐤎	𐎎	nun
ד	𐤃	𐎃	dalet	ס	𐤏	𐎏	samech
ה	𐤄	𐎄	he	ז	𐤐	𐎐	‘ajn
ו	𐤅	𐎅	waw	ח	𐤑	𐎑	phe
ז	𐤆	𐎆	zajn	ט	𐤒	𐎒	tsade
ח	𐤇	𐎇	cheth	ק	𐤓	𐎓	qof
ט	𐤈	𐎈	thet	ר	𐤔	𐎔	resch
י	𐤉	𐎉	jod	ש	𐤕	𐎕	schin
כ	𐤊	𐎊	kaf	ת	𐤖	𐎖	thav

Историческое развитие арамейского письма
(по Я.Б.Шницеру и с его транскрипцией).

Персидский период развития арамейского письма начался в VI веке до н.э., после покорения Ассирии-Вавилона Ахеменидами. Буквы в персидских разновидностях приобретают все более курсивный характер, все больше отдаваясь от классического арамейского письма ассирийского периода.

Приведем таблицу, показывающую, как выглядели буквы пехлевийского и авестийского письма при сравнении с орхоно-енисейскими.

Пехлевийское	Авестийское	Орхоно-енисейское	Значения
𐬀	𐬀	𐰀	<i>a</i>
𐬁	𐬁	𐰁	<i>b</i>
𐬂	𐬂	𐰂	<i>g</i>
𐬃	𐬃	𐰃 𐰄	<i>d</i>
𐬄	𐬄	𐰅	<i>h</i>
𐬅	𐬅	𐰆 𐰇	<i>j</i>
𐬆	𐬆	𐰈 𐰉	<i>k</i>
𐬇	𐬇	𐰊 𐰋	<i>l</i>
𐬈	𐬈	𐰌	<i>m</i>
𐬉	𐬉	𐰍 𐰎	<i>n</i>
𐬊	𐬊	𐰏	<i>p</i>
𐬋	𐬋	𐰐 𐰑	<i>r</i>
𐬌	𐬌	𐰒 𐰓	<i>s</i>
𐬍	𐬍	𐰔	<i>š</i>
𐬎	𐬎	𐰕 𐰖	<i>t</i>

В тюркской колонке представлены некоторые пары букв (для твердых и мягких звуков). «Твердые» – слева, «мягкие» – справа. Универсальные (двурядные) буквы пишутся посередине колонки.

Из 38 букв тюркского алфавита для сравнения привлечены только 16. Сопоставлялись только те буквы, которые хоть как-то были похожи. Хотя и этого сказать нельзя. Можно увидеть общее в буквах, выражающих звук «/». Тюркский твердый «/». Это, пожалуй, единственный пункт, где все три алфавита сходятся. Буквы для «р» похожи в пехлевийском и тюркском. Авестинская трудно сопоставима. Тюркская *t* («мягкая») похожа на пехлевийскую *t*, но авестинская уже резко отличается. Так же и буквы *n*, *j*, *h*. Из этого обзора можно сделать вывод, что действительно угадывается у всех трех какой-то общий прапраисточник, к которому ближе пехлевийский и тюркский алфавиты, нежели авестийский. Хотя тюркский считается самым молодым из этой троицы. А старейшим – пехлевийский, отстоящий от орхонского веков эдак на шесть.

(И еще становится очевидным такое обстоятельство – тюркский алфавит, состоящий из «твердых» и «мягких» букв, нельзя механически сравнивать с другими, в которых нет такой структуры. Он требует иного подхода, учитывающего его специфику.)

В. Томсен, поначалу производивший древнетюркские руны непосредственно из арамейского, после предположил, что, скорее всего, источником был парфянский («аршакидско-пехлевийский»), но и здесь смущало расстояние в несколько веков, и он, преодолевая его, остановил свой взгляд на самом позднем из персидских и самом непохожем (из них), на тюркскую рунику, согдийском алфавите, подчиняясь неоспоримым в его время «историко-культурным соображениям», великий палеограф вынужден был написать, что между руническим и согдийским алфавитами «*существуют ясные и неоспоримые соответствия*» [77].

Таким образом, сам В. Томсен и стал автором согдианской гипотезы, которую последователи послушно развивают в течение почти целого века, несмотря на решительную непохожесть материалов сопоставляемых алфавитов. Почти все историки письма, касавшиеся взглядом орхон-енисейских рун, уделяли им кто несколько фраз, кто побольше, и в определении источника не выходили за пехлевийско-согдийские рамки, очерченные В. Томсеном. Ч. Лоукотка выводил руны из «персидско-арамейского» наряду с пехлевийским, авестийским и др., не ставя в прямую зависимость от согдийского [78].

В.А.Истрин также не решается указать на конкретный источник. Он считает, что «*на пехлевийской или согдийской основе сформировалось и древнейшее тюркское письмо*» (стр.322).

В.А. Лившиц [79], известный иранист, специалист по письменным памятникам Согдианы, дает в своей статье обзор трудов сторонников согдийской гипотезы, начиная с «пионера согдологии» Р. Готье, считавшего, что основой для создания древнетюркской руники послужил ранний вариант согдийского алфавита, которым возможно пользовались в начале IV в. н.э.

«Дж.Клосон предложил искать прототипы рунич. знаков в трех алфавитах – согдийском, пехлевийском и бактрийском. Согласно выводам Дж.Клосона, из согдийского и пехлевийского алфавитов происходит в общей сложности 16 рунических знаков, из согдийского – 12... Возникновение рунической письменности Дж.Клосон относит к середине VI века, к правлению Истеми-Кагана в западной части Тюркского Каганата; создание руники он связывает, в первую очередь, с потребностями дипломатической переписки, для которой руника могла выступать в качестве тайнописи (cryptography)» (Лифшиц, стр.92).

Эту идею поддержал и А.М. Щербаков: «*Рунический алфавит – необычная графическая система. Обязанностью ее творца, как справедливо заметил Дж. Клосон, было изобрести недоступную для понимания других народов письменность, приблизить ее к тайнописи*» (А.М. Щербаков «Тюркская руника», С-Пет., 2001, стр.41).

Любая чужая письменность была недоступна пониманию других народов – это обстоятельство, конечно, превращает непонятные письма в криптографию. Но едва ли авторы руники намеренно создавали тайнопись. Криптография не использовалась для эпитафий. Напротив, рассказы о деяниях славных предков должны были быть доступны каждому, чей путь пролегал мимо одиноко высящихся в степи монументов. Кроме этой гипотезы Дж. Клосон, пожалуй, первым столь откровенно выразил в своей книге мысль, которая прочно утвердилась в основе версии «перс. > тюрк.». Он пишет, что невежественные тюрки не могли сами не то что создать систему письменных знаков, но даже скопировать согдийский алфавит, приспособить его под нужды своего языка. Сделать это могли только сами согдийцы, хорошо знавшие древнетюркский язык [80].

В.А.Лившиц не соглашается только с одним из положений Дж. Клосона: «*История письма*

знает немало случаев, когда при создании новой письменности были использованы графемы, почерпнутые из разных источников, однако гипотеза Дж. Клосона о гетерогенном характере графических прототипов древнетюркской руники не кажется убедительной. Сомнения вызывает прежде всего постулируемый принцип дифференцированного отбора графических прототипов – твердорядные знаки преимущественно из согдийского, мягкорядные – из бактрийского. Следует заметить, что ни согдийская и пехлевийская, ни бактрийская письменности не имели каких-нибудь аналогий для «раздельнорядных» графем. Таких аналогий нет и в известных нам письменностях других народов, с которыми контактировали древние тюрки (индийское брахми и родственное ему тибетское письмо; китайская иероглифика и связанная с нею тангутская письменность)» (Лившиц, стр.93).

Такого генерального подразделения на «твердые» и «мягкие» буквы, как в тюркском, более не было ни в одной письменности мира: «Привлечение Дж.Клосоном материалов трех письменностей имело единственной целью расширение базы для графических сопоставлений. Выбор прототипов для рунических твердо- и мягкорядных знаков предстает в его схеме случайным, а многие из предложенных им сопоставлений не выдерживают палеографической проверки или кажутся неоправданными.» (там же, стр.93).

Попытки Клосона набрать подходящие, на его взгляд, знаки из разных алфавитов и создать из этого четвертый (тюркский) справедливо не приняты критиком, но такое «расширение базы для графических сопоставлений», очевидно, понадобилось Клосону, потому что прямому сравнению тюркские руны ни с согдийскими, ни с пехлевийскими, ни с бактрийскими не поддаются. Все до одного сопоставления знаков некорректны. Ни в одном случае тождественность сравниваемых графем по схеме согд. > тюрк. (пехл. > тюрк., бактр. > тюрк.) не может быть доказана. Желających убедиться в этом отсылаю к сравнительным таблицам в названном произведении (стр. 74-75). Сам я приводить эти материалы не счел нужным не только потому, что в моих условиях это представляло определенные технические трудности, но потому, что там не с чем было спорить.

В.А. Лившиц, справедливо не приняв сравнительные таблицы Клосона, к сожалению, свою предложил не лучшую. Его собственное кредо: «Представляется вероятным, что руника возникла в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита (подчеркнуто мной – О.С.), а не как следствие его длительной, стихийной трансформации Согдийские графемы служили для творцов руники лишь исходными прототипами, формы которых были существенно изменены. Исходными прототипами для подавляющего большинства рун послужили, скорее всего, буквы согдийского курсивного письма, известного по памятникам V-VI веков. Согдийский алфавит, использованный при создании руники, содержал 22 буквы... Предполагаемые графические сопоставления для 29 рунических знаков показаны в таблице на стр. 94-95.»

Материалы таблицы противоречат вероятности того, что буквы руники «возникли в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита, а не как следствие его длительной и стихийной трансформации».

Ну, нельзя при единовременной и сознательной обработке так исказить формы заимствуемых букв!..

Чтобы довести арамейские угловатые буквы до такого курсивного состояния, персам понадобилось несколько веков, в течение которых тысячами писцов осуществлялась механическая «стихийная трансформация». Например, араб. ۱ «р» (в лат. записи) должна была превратиться за века в согд. ۹ «р» и «в результате единовременной сознательной обработки» исказиться до такой степени, что вернулась в прасостояние др.-тюр. ۱ «р»).

И более того, в связи с тем, что буква «р» в согдийских памятниках так выглядит только в начале слова, а в середине приобретает чуть измененный вид ۹, то делается вывод – именно из этой формы в результате дальнейшего искажения выработана тюркская буква, которая и использовалась для палатального бь. (Речь идет о букве-иероглифе 𐰽 - äb' – «дом».)

Предложенная В.А.Лившицем картина «одномоментного» превращения согд. ۴м в тюрк. 𐰽 – мь/мь мне представляется также несостоятельной, прежде всего, потому что эта тюркская буква создана без помощи каких бы то ни было аналогов из других алфавитов: авторы орхон-енисейской (или, точнее, енисейско-орхонской) руники, как говорилось, хорошо знали тюркскую грамматику, в частности – о механическом чередовании б/м. Поэтому они создали знак для звука «м», просто изменив позицию родственной буквы: 𐰽 äb' 𐰽 äm/am. (В тувинских памятниках 𐰽 𐰽.) Зачастую значения переходили с одной буквы на другую, настолько эти звуки в тюркских языках

близки. Например, в др.-тюр. *biŋ* – «1000», *ben* – «я» как в совр. турецком, а в остальных тюркских *tiŋ*, *tuŋ* – «1000» и *ten* – «я». Творцы руники, конечно же, знали об этом. И в разных надписях, передававших диалектные особенности, буквы **А** **Э** могли читаться и *äb'*, и *ät* – «дом».

Так же, если не хуже, обстоит дело и со всеми другими сопоставлениями. *«В заключение хотелось бы отметить, – пишет В.А. Лившиц, – что автор настоящей статьи – иранист, а не тюрколог, он сознает, что предложенные графические сопоставления и комментарии к ним могут лишь несколько уточнить и дополнить согдийскую версию происхождения руники, разработанную уже Р. Готье; эта версия и ныне остается гипотезой, хотя и наиболее правдоподобной.»* (стр.98).

За время, прошедшее после рассмотренных трудов, появилась только одна заметная работа на ту же тему – книга А.М. Щербака «Тюркская руника» с подзаголовком «Происхождение древнейшей письменности тюрков» (Санкт-Петербург, «Наука», 2001 г.).

А.М. Щербак в отличие от В.А. Лившица – тюрколог, притом один из самых заметных и опытных. Посмотрим, что он предлагает. Прежде всего, хочется отметить реалистически выдержанный, объективный взгляд профессионала, глубоко изучившего уже достаточно доступную историю языка и культуры древних тюрков. Оценивая научный подвиг В.Томсена, автор говорит в Предисловии о культурно-историческом значении дешифровки: ее результатом стало *«открытие поразительного факта многогранности повседневной жизни в тюркских каганатах VI-IX в.в. и чрезвычайно высокого уровня их политического, хозяйственного и культурного развития... Несколько неожиданно взору исследователей предстал в новом облике народ, о котором до XIX в. могли знать главным образом по завоевательным походам сельджуков, установлению османского владычества в Передней Азии и русско-турецким войнам...»*

Высоко оценивая древнетюркский рунический алфавит, который справедливо рассматривается как высокая ступень проявления интеллектуальных возможностей человека, мы с большой степенью ответственности подходим к решению вопроса о его происхождении... Тюркские народы вправе гордиться высоким уровнем развития культуры в столь отдаленное время, обретением специфических форм государственности и связанных с ними самобытных институтов, ощутимым вкладом в развитие мировой цивилизации. Для этого есть все основание и нет ничего, что бы вызвать сомнения в обоснованности приведенных выше оценок».

Символично, что эти долгожданные и заслуженные древними тюрками слова прозвучали, наконец, из уст уважаемого ученого в самом начале нового века. Скажем больше – нового тысячелетия.

Даже у Л.Н. Гумилева, первым высоко оценившего творческий потенциал тюркского суперэтноса и его роль в истории Евразии, я не читал слов об «ощутимом вкладе» древних тюрков «в развитии мировой цивилизации». Будем надеяться, что это начало нового подхода к тюркской истории и культурам.

Значительная работа, проделана В.Томсеном и В.Радловым, продолжена П.М.Мелиоранским, В.Бангом, С.Е.Маловым и его учениками А.М.Щербаком, С.Г.Кляшторным, Л.Р.Кызласовым, И.Л.Кызласовым, С.В.Кисилевым, Васильевым Д.Д., Кормушиным Ш.В., С.Аманжоловым и другими, чей труд в ходе интенсивного собирания, первых прочтений и первичной систематизации открытых надписей способствовал развитию тюркологии.

Но, к сожалению, их общие усилия не помешали тому, что в мировой палеографии о древнетюркском руническом сложилось устойчивое мнение как «о провинциальном, позднейшем, перезаимствованном письме, не представляющем интереса для общей палеографии» («АзиЯ», стр.203). В предисловии к переводу книги И.Фридриха «Дешифровки забытых письменностей и языков» (которая в СССР считалась наиболее серьезной работой по истории открытий «ископаемых» письменностей) З.И. Дунаевская справедливо замечает: *«Недостатком работы И.Фридриха, с точки зрения нашего читателя, является крайне беглое указание на те языки и письменности, которые были распространены у древних народов, населявших нынешнюю советскую территорию. Некоторые из них вовсе не упомянуты».* Это замечание рецензента учел редактор советского издания И.Дьяконов, который в послесловии назвал и охарактеризовал все неупомянутые И.Фридрихом письменности, кроме, конечно, древнетюркской. *«Не станем жаловаться на зарубежных авторов (И.Феврис, М.Коэн, И.Диригера, Ч.Лоукотка, И.Гельба), так как их невнимание можно объяснить только нашей собственной невнимательностью»*, – писалось тогда («АзиЯ», 1975, стр.203-204). Я процитировал эти выдержки из своей книги в речи на Международной конференции «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности», состоявшейся в мае 2001 года в Астане. И резюмировал, что *«и спустя четверть века вынужден выразить те же чувства теми же словами. Все в нашей жизни меняется, в науке сей пока продвижения не видно.»*

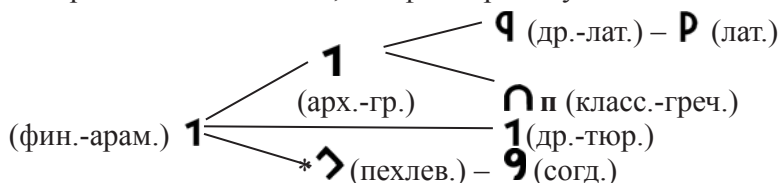
Неразвитостью теории рунологии определяется застой в тюркологии в целом. И это состояние понятно наиболее опытным специалистам. «Долг российских тюркологов, – пишет в заключении книги А.М. Щербак, – поддержать и развить дух больших творческих исканий, продолжить начатую В.Томсеном и В.В.Радловым работу, углубить изучение изданных текстов, создать полный корпус рунических текстов, представляющих огромную научную и, вместе с тем, культурно-историческую ценность, наконец, внести ясность в вопрос о происхождении тюркской руники...» (стр.137).

Ответ на этот вопрос действительно имеет огромное значение потому, что наступает время осознания того факта, что каждый знак этого алфавита – не просто скопированная и искаженная неумелым грамматистом буква другой, как полагают исследователи, письменности, а произведение графического искусства, подчиненного определенным грамматическим законам и правилам. И потому руническая буква, а тем более буква-иероглиф, есть творческий документ определенной эпохи, заключающий в себя значительный объем исторической информации, стремление постичь которую и должно способствовать развитию тюркологии нового века.

Такое виденье тюркской руники является рубежным, определяющим начало нового этапа развития тюркологии.

Я понял, прочтя монографию А.М. Щербак – этот труд завершает согдийскую версию. Нет, автор не отказался от нее за неимением другой, но и не унизил рунологию очередной попыткой беспомощных сопоставлений согдийского курсива с тюркским монументальным письмом. Он ограничился только осторожным комментарием, который выдает скептицизм опытного графолога относительно проведенных предшественниками сравнений: «Не ставя перед собой специально цель сблизить приведенные знаки с буквами раннего согдийского письма и других алфавитов, мы, тем не менее, не можем не обратить внимание на присутствие в отдельных случаях внешних сходств.» (стр. 76). Подчеркнуто мной. «Отдельные случаи» это только «р» и 1 «р».

Теперь для нас очевидно, что фин.-арам. буква имела такое развитие:

В книге много высказываний, с которыми можно согласиться или поспорить, но одно несомненно, что о происхождении тюркской руники (о его непосредственном источнике) сказано вскользь, неуверенно. Материалы книги никак не усиливают «согдийскую версию». Подводя итог обзора работ сторонников этой единственной версии (Р. Готье, Дж. Клосона, В.А. Лившица, А.Рона-Таш), А.М.Щербак делает вполне оправданный вывод: «попытки обнаружить для каждого знака конкретный и точный материальный прототип, вероятно, обречены на неудачу.» (стр. 49).

Гораздо более содержательней говорится в книге о многообразии разновидностей тюркского рунического письма и их географической распространенности. Обобщая материал полевых исследований многих рунологов, А.М.Щербак пишет в Введении: «Мы выделяем несколько групп рунических надписей тюрков, исходя, главным образом, из места их нахождения и учитывая размеры, формальную и содержательную значимость.

I. Надписи Монголии.

II. Надписи бассейна Енисея и Хакассии.

III. Надписи Восточного Туркестана.

IV. Таласские памятники древнетюркской письменности.

V. Надписи Алтая.

VI. Рунические или рунообразные надписи, найденные в различных районах европейской части России.

VII. Рунообразные надписи Венгрии.

VIII. Рунообразные надписи Румынии и Болгарии.

IX. Прочие надписи.»

(стр.11-12).

Автор объясняет Евразийский масштаб распространения руники ее продвижением с востока на запад, которое, по его мнению, началось во времена Второго Тюркского Каганата, когда тюрки

расселились до «Железных Врат» (так назывался район Дербента, узлового пункта традиционного пути из Западного Прикаспия в Иран и далее в Переднюю Азию). Но, видимо, не только до Железных Врат доходили тюрки в V-VIII в.в., но и значительно западнее. Только ли с востока на запад лежали дороги тюркского письма? Или бывало и с запада на восток? Как полагают некоторые авторы, с которыми спорит А.М. Щербак, – еще нельзя ответить на эти вопросы, пока не дешифрованы все найденные на западе рунические или «рунообразные» надписи, пока не произведена этимология всех знаков руники и пока не понята начальная история самого письма и не получен ответ на вопрос – откуда пришли оказавшиеся в Монголии тюрки?

Посему пока можно ответить, опираясь на поверхностное изучение материала, что некоторые буквы енисейского письма древнее орхонских, а некоторые орхонские выглядят древнее енисейских. О большей древности енисейских памятников говорили еще Радлов, Мелиоранский и другие первые исследователи. Значит, по пути на Орхон тюрки прежде исписали камни Алтая и Сибири?

Современные исследователи (И.Л. Кызласов) настаивают на том, что орхонские надписи старше. И одним из важных аргументов в пользу такой датировки служит форма некоторых букв.

Таким образом, существенные поправки в наши умопостроения, относительно древности черт той ли иной разновидности письма, могут и должны внести данные этимологии графем.

Для меня важными представляются и другие наблюдения И.Л. Кызласова – активнейшего исследователя руники. Проанализировав особенности строя тюркского алфавита, он считает, что *«порождается качественно новый взгляд на раннюю историю и происхождение орхонского и енисейского рунического письма»*. Он, по сути, отвергает все до сих пор предпринимавшиеся попытки введения азиатских рун *«к тем или иным известным письменностям основанные на поисках внешнего сходства знаков (от гипотезы рисуночно-тамговых источников до сопоставления с согдийским курсивом или любым другим производным от арамейского ствола). В основу сопоставительных изысканий ныне следует положить специфику внутреннего устройства письменности...»* [81].

Добавим – и **внутреннего устройства письменного знака**. Подводя итоги десятилетия по изучению руники, похожие мысли высказал и И.В.Кормушин: *«Однако палеографическая сторона изучения рунических памятников не получила в тюркологии должного развития. Исследователи сосредоточили свое внимание лишь на двух проблемах: происхождение орхон-енисейского письма, а именно – какой и когда был положен в основу тюркских рун, и хронологическом соотношении орхонских и енисейских памятников. Классики рунологии – Томсен, Радлов, Мелиоранский и др. – неоднократно высказывались (...) в пользу большей древности енисейских рун. Не решен окончательно и вопрос о происхождении тюркских рун. Большинство признает лишь общее положение о заимствовании или, точнее, изобретении тюрками алфавита на основе одной из разновидностей согдийского письма... На наш взгляд, прояснению деталей и общей достоверности идентификации рун и их прообразов должно способствовать решение вопроса о том, какие начертания тюркских рун являются самыми ранними, то есть палеографический анализ собственно тюркского материала... – далее он пишет – Мы вынуждены констатировать фактическое отсутствие тюркской рунической палеографии.»* [82].

Но предпринятая им самим попытка «графемологического анализа» при всех явных достоинствах технического характера (сделанного автором описание номенклатуры графических элементов) не привела к главному – выявлению **грамматики буквы**, т.е. правил построения графем с помощью грамматических средств (диакритических знаков). Не выявлены и системы механических изменений формы знаков. А сделать это можно было только в одном случае, если бы тюркское письмо рассматривалось в сопоставлении не только с позднейшей редакцией арамейско-персидского алфавита, но и, невзирая на установки И.К.С. – с другими письменностями Древнего Мира. Для этого надо было понять грамматику буквы финикийской, арамейской, греческой, латинской и др. Такая работа не была проделана, несмотря на обилие трудов по названным письменностям. Поэтому я считаю, что проблемы изучения тюркской руники во многом зависят от отставания общей теории письма.

Грамматика буквы

Механические изменения. Черта-заместитель

«Во второй половине I тысячелетия до н.э. арамейцы внесли в финикийское письмо некоторые изменения. Они упростили форму многих букв, сократив количество составляющих их черт, и как бы расщепили сомкнутые верхушки некоторых букв.» (Истрин, 309).

Финикийский	Арамейский алфавит		Названия
	Ассирийского периода	Персидского периода	
			<i>bet</i>
			<i>dalet</i>
			<i>het</i>
			<i>'ain</i>
			<i>resh</i>

По этим расщепленным верхушкам (и в одном случае – внизу) и опознавалось арамейское письмо. Причина называется: вероятно, в целях скорописания.

Какую выгоду для истории письма исследователь может извлечь из наблюдения за дальнейшей судьбой расщепленных букв, по крайней мере, одной из них – *het*? Именно этот арамейский вариант графемы попал в классический греческий и латинский алфавиты. Одно это говорит о том, что греческие и римские грамматисты знали арамейский алфавит и использовали его букву. При этом римляне сделали это, возможно, независимо от греков, об этом говорит разность значений заимствованной буквы: *h* (лат.), *ē* (греч.). Также соображениями ускорения процесса письма (обусловленного торговым и административно-хозяйственным его применением) можно объяснить и другое явление.

Финикийский	Арамейский алфавит		Значения
	Ассирийского периода	Персидского периода	
			<i>mem</i>
			<i>šin</i>

Здесь черта еще (или уже) не играет роль грамматического значка, потому что не влияет на значение буквы, а лишь на форму. Сокращается, благодаря ей, половина финикийской буквы с удвоенным элементом. Черта-заместитель заменяет собой вторую долю удвоенной буквы.

Эта арамейская черта-заместитель, вероятно, стала известна грекам, малоазийским и этрусским грамматистам, которые использовали ее, чтобы сократить число «одноногих» букв, превратив их в удвоенные. Так, греч. – *f* в лидийском (Малая Азия, первая половина I тысячелетия до н.э.) и в этруском (Апеннины, первая половина I тысячелетия до н.э.) преобразуется в – *f*. Уверен, что таким же способом финикийская превратилась в др.-греч. – *beta*. (В классическом алфавите буква повернулась вместе со строкой слева направо –). Знание о такой функции черты-заместителя жило в древней графологии (или грамματοлогии) не один век: римляне использовали удвоение и черту-заместитель, создавая строчные буквы, сокращая удвоенные: **B b, H h**... И даже, если прописная (заглавная) была «одинарной», то, чтобы показать сокращение ее объема вдвое, применяли черту-заместитель, направленную вверх: **D d, T t**.

Использование арамейской черты-заместителя в древнеевропейских и малоазийских письменностях историки письма еще не заметили. Например, превращение финикийских букв в греческом алфавите (в том числе формы фин. *bet* в греч. *beta*). В.А. Истрин объясняет просто: «Несколько изменена была греками форма финикийских букв. Не теряя близости к финикийским, греческие буквы, в соответствии с традициями греческой архитектуры и орнаменталистики, приобрели более завершенный геометрический рисунок.» [83].

Палеографов вполне устраивало, что греческий алфавит и количеством букв, и порядком их, и названиями полностью соответствовал семитским, и потому на некоторые графические отличия внимания не обращали, посчитав их результатом эволюционного развития или проявлением творческого произвола греческих грамматистов, стремившихся графически совершенствовать форму письменных знаков.

Но это было одно из самых поздних применений диакритического знака-черты в качестве лишь механического средства, увеличивающего форму знака, а не его значение.

Грамматические изменения. Черта долготы

В финикийском алфавите есть удивительная пара букв, которые выявляют грамматическую роль диакритической черты, слитной с основным знаком. Я думаю, из какого-то неизвестного нам иероглифического письма попала в финикийский набор графем пара иероглифов, которые должны были бы стоять в алфавите рядом, но они разрознены. Мы их сближим, чтобы яснее стало их родство и отличие:

Буква	Название	Значение
𐤅	<i>he</i>	<i>h</i>
𐤆	<i>hēt</i>	<i>h</i>

Черта слева и вверх от основного знака, думаю, в письме-источнике означала какое-то качественное или количественное изменение звука. Или начального согласного или гласного.

Аrameйцы, не изображавшие гласных, избрали первый путь. Но любопытно, что греки, слышавшие истинное произношение древними семитами названия этой буквы, услышали долгий гласный в слове - **hēt*, и эта буква стала называться в греческом *ēta* и выражать долгий: *ē*.

Долготу гласному придала черта, слившаяся с буквой *he*.

II

...Позиционный принцип выявляется в римских цифрах: 1) **черта-единица справа от основного знака – увеличение на единицу** (VI, XI), потому что строка развивается слева направо, и потому черта, как бы, наращивает основной знак, а её числовое значение увеличивает значение основной цифры; 2) **черта-единица слева от основного знака** (т.е. против направления строки) **уменьшает на единицу**.

В китайском тексте строка вертикальная, и на странице строки идут справа налево. Следовательно, **черта, направленная справа, снизу вверх от основного знака – увеличение на единицу** (так в свое время созданы были в китайском цифровом ряду от несохранившейся пятерки 五 следующая цифра 六 - «шестерка», а за ней 七 «семерка»). В современном китайском письме уцелела только последняя. В «арабских» цифрах семерка оказалась механически перевернутой. (Сами арабы называют свои цифры – «индийскими».) Далее, черта, направленная справа вниз от основного знака – есть уменьшение на единицу: 十 - «десятка», 九 - «девятка». Эта пара цифр сохранилась в цифровом ряду.

Она грамматически соответствует арабской паре: ١٠ - «десятка», ٩ - «девятка».

(В арабском сохранилась и «шестерка», не уцелевшая в китайском: ٦, ٧ и четверка ٤ - «пять минус один». В китайском ее заменил натурали-стический квадрат... Следы аналитических цифр в среде синкретических – свидетельство неодномоментного, сложного, длительного процесса формирования цифрового ряда. Как в китайском письме, так и в арабо-индийском. И главное – проявления позиционного принципа в аналитических западноевропейских цифрах и в синкретических ближневосточных и дальневосточных говорит не о случайном совпадении – **грамматика цифровых знаков была известна письмотворцам Древнего Мира**, они использовали позиционный принцип не только в цифрах, но и при строительстве иероглифов и букв, изображая долготу гласного (или согласного): *hēt* (*het*) при письме справа налево черта идет влево вверх.

III

Отличались восточные письменности (и сложные буквы) от западных, так же как языки: синкретизм восточных языков и аналитичность западных. Даже в этом проявлялась зависимость языка от письменности. Аналитичность, как феномен западного языка и письма, возникла после синкретизма.

Считается, что черту долготы впервые ввели греки: «В римский период (I в до н.э. – IV в н.э.) греки начали применять знаки долготы и краткости гласных.» [84]. До греков, действительно, никто не использовал **аналитическую** черту долготы: ā, ē и т.д. Но слитную, оказывается, знали и до греков, и до финикийцев. И знание об этом не знало границ ни пространственных, ни временных. В авестийском алфавите (III в. н.э.) традиция слитной черты долготы проступает совершенно отчетливо:

𐬀	<i>u</i>
𐬁	<i>ū</i>
𐬂	<i>i</i>
𐬃	<i>ī</i>
𐬄	<i>o</i>
𐬅	<i>ō</i>

«В письме этом было введено обозначение кратких и долгих гласных по греческому образцу.» – пишет В.А. Истрин [85]. Имелся ввиду не способ создания буквы для долгой, а само явление – обозначение долгих гласных, которое первыми, как считается, стали делать греки в I-IV в. н.э.

В эти временные рамки и укладывается дата создания авестийского письма. Но если бы авестийские грамматисты были знакомы с греческим нововведением, то едва ли бы превратили аналитический горизонтальный знак долготы в вертикаль, слитную с основным знаком. Это все равно, что теперь утверждать, что римская IX напрямую повлияла на создание кит. 卅 и араб. ٩.

IV

Я думаю, что слитная черта долготы появилась в ближневосточных иероглифических письменностях до рождения финикийского письма. Раньше мы рассматривали происхождение знаков Коровы, попавших в финикийский алфавит. Их названия складывались из наименований составляющих элементов: 𐤀 - *u*, 𐤁 - *ha* ('*a*), 𐤂𐤃 - **ha-u* ('*au*).

«Рога и Копье» («Луна и Копье») = «Убитый Бык», «Не Бык» («Убитая Луна», «Не Луна») > «Корова» («Солнце»).

Было еще несколько предметных толкований знака. Наиболее близкое к исходным – «убить быка» > «иметь», «получить в собственность».

Рядом с индо-евр. *gau, kou, kow, kov* – «корова» слышатся диалектические **hau* > *have, hab-, hō* – «иметь» в романских и германских языках. Последний пример **hō* – «имею» (ит.) особенно показателен (произносится – *o*). Превращение дифтонга *au* в долгие *ō, ū* происходит и в европейских, и в тюркских (кипчакских и алтайских) языках.

В древнекитайском встречается горизонтальное применение черты в этом знаке: 𠂇 *kou* – «рот». (Первичное значение было утрачено, и знак перетолковался как «нижняя часть лица с линией рта».)

Возможно, именно подобный иероглиф с названием *ō, ū*, уже содержащим долгий и был переразложен 𠂇, греческий грамматист получил символы противоположных фонетических явлений – долгого и краткого:

𠂇 знак долготы,
𠂆 знак краткости.

V

Продолжим тему происхождения знаков для долгих гласных. Быка-месяца 𠂇 - *u* убивали не только копьем, но и *переворотом*. На каменных писаницах встречаются быки-олени, пронзенные копьем-стрелой, и просто перевернутые вверх ногами, что также означало – убит. Смерть и от копья, и переворотом называлась именем копья – **ha* ('*a*). То есть, 𠂇 и 𠂆 и назывались одинаково **ha-u* > *a-u* > *ū, ō*. И оба знака обозначали один смысл – «убитый бык» > «не бык», «корова». Я думаю, в алфавите, предшествовавшем классическому, была пара:

𠂇	<i>u</i>
𠂆	<i>ū, ō</i>

Несмотря на разность позиций в письменном поле, буквы были слишком близки по форме и могли путаться при чтении. Поэтому грамматисты (а мы знаем, что ими были Паламед и поэт Симеон в VI-V в.в. до н.э.) заменили букву «рога-месяц» на «синонимичную» – «полную луну». (В большинстве древних языков месяц и луна назывались одним словом.)

Так в классическом алфавите возникает уже неэтимологизирующаяся пара:

○	<i>o</i> -микрон (<i>o</i> -краткий)
⊖	<i>o</i> -мега (<i>o</i> -долгий)

А мы зафиксируем второй способ создания буквы для долгого – переворотом.

VI

В восточногреческих разновидностях письма проявил себя третий способ. Пожалуй, самый поздний, буквальный. Чтобы получить знак долгого, просто удваивали знак краткого.

◡	<i>и, о</i>
ω	<i>ī, ō</i>

И здесь заменяют «месяц» полной «луной». В византийском алфавите появляется своя неэтимологизирующаяся пара, которая также до сих пор неразгадана:

ο	<i>ο-микрон</i> (ο-краткий)
ω	<i>ο-мега</i> (ο-долгий)

Итак, мы узнали, что в письменностях Древнего мира (во II-I тысячелетиях до н.э.) проявили себя три способа создания знаков для долгих гласных:

**чертой долготы,
переворотом,
удвоением.**

Они могли использоваться или все три в одной письменности для того, чтобы избежать однообразия форм, или только два, или один. В авестийском алфавите, например, в большинстве случаев использовалась черта долготы и лишь однажды – удвоение:

𐬀	<i>a</i>
𐬁	<i>ā</i>

К истории грамматической черты

Среди финикийских букв есть несколько бывших иероглифов, которые содержат диакритический знак-черту, использованную в разных значениях, но все с изменением смысла основного знака. В одном случае применена черта мягкости, в другом – черта отрицания («опрокидыватель»), в третьем – долготы. Иероглифы попадали в финикийский словарь, видимо, из разных источников. Я уже высказывал предположение, что это были племенные гербы-тамги, которые вожди племен высекали на камне, подписываясь таким образом под договором о военном союзе. Такие писаницы еще сохранились в Казахстане. Наверное, в древности они встречались и в Малой, и Передней Азии, где обитали племена кочевников. В союзах могли участвовать индоевропейские и семитские племена, о чем говорит состав знаков финикийского алфавита, где есть и бывшие иероглифы **alef* – «вол» (семит.), индоевропейские: *kof* (**kow*) – «корова»; *kaf* (**gav*) – «корова»; *wau*, *waw* (**au*, *aw*) – «корова», «баран».

II

Присутствие семитских «гербов» увеличивает третья буква: *gimel* – «верблюд». В греческом ей соответствует – *гамма*.

Настораживает качественная разность звуков названий. Мне представляется, что источником греческого алфавита был некий «дофиникийский», в котором существовали пары знаков, выражавшие и количественную оппозицию согласных (например, *he-hēt*) и качественную (**gammal-gemmel*). Знак долгого образовывался чертой, направленной вверх влево, знак мягкого наоборот – вниз вправо:

↖	<i>he</i>	<i>h</i>
↗	<i>hēt</i>	<i>h</i>

^	<i>*gammal</i>	<i>g</i>
˘	<i>*gemmel</i>	<i>g'</i>

Одним горбом изображался одногорбый верблюд, горб – с «заместителем», вероятно, обозначал двугорбого (˘ = 𐤎).

«Количественная пара» была принята и в финикийский, и в греческий алфавиты, «качественная» не понадобилась ни тем, ни другим. Каждый взял по одному знаку из пары, но при этом греки перепутали названия. Возможно, не придали значения качественной разности. (Форма «одногорбого» без удлинения одной из сторон представлена в этрусской «гамме».)

III

В «алфавите-предшественнике» существовала пара иероглифов «дверь»-«дом», где черта выполняла механическую роль, не влиявшую на звуковое значение. Она как бы отрицала, опрокидывала основной знак и тем придавала перевернутому ближайший противоположный смысл. Если основным был знак, изображающий дверь, то «ближайшим противоположным» в письменностях II тысячелетия до н.э. был, вероятно, - «дом». И наоборот.

	<i>dalet</i> (дверь)
	<i>bet</i> (дом)

Так, по моим расчетам, и произошла буква «бет», не похожая на дом, но в иероглифических письменностях эпохи Шумера и Египта знак часто был выразителем грамматической идеи, а не внешнего сходства с предметом. В египетском, мы видели, идея «не дом» («антидом») породила значение «дверь». В «дофиникийском» идея «не дверь» произвела «дом». А семиты подобрали к полученному знаку слово: *bet* – «дом».

IV

Черта-отрицатель («опрокидыватель») отделилась в семитских письменностях, я думаю, рано. Шумерский иероглиф *kalam* – «страна», описательное название: *kur* – «гора», *kir* – «земля».

Древние семиты (аккадцы) заимствовали шумерское письмо, и этот весьма популярный иероглиф, служивший детерминативом (он писался рядом с каждым названием страны, встречавшимся в текстах).

Для упрощения – оставили элемент , но оба названия перевели на семитский: *šadu* – «гора» (слоговое – *ša*), *madu* – «земля» (слоговое – *ma*).

Культурные контакты между Древней Передней Азией и Южно-Аравийским полуостровом, откуда вышли аккадцы, вероятно, не прекращались. Аккадский детерминатив оказывается в буквенных письменностях Южной Аравии конца II тысячелетия до н.э. Эти системы были созданы в древних государствах Аравийского полуострова – в царствах Ма'ин, Катабан, Хадрамаут «почти одновременно или даже до финикийского алфавита.» (В.А.Истрин, 283). То есть, к концу II началу I тысячелетия до н.э. К началу XX столетия надписи были дешифрованы Ж.Галеви, Е.Литманом и др. «Происхождение южносемитского письма недостаточно ясно. И по количеству букв, и по их форме письмо это существенно отличается от финикийского; поэтому основой его многие считают некое протосемитское письмо.» (В.А.Истрин, 284).

Южносемиты развели оба значения одного знака, благодаря черте отрицания. (Положение знака механически изменилось на 90°. Это происходило при переходе с вертикальной строки на горизонтальную.)

Сабейское	Инхьянское	Аксумское	Гёёз	Произношение
				<i>š</i>
				<i>m</i>

Здесь наблюдается в ряде случаев комбинированный способ – **черта с переворотом**.

Только в аксумском и гёёз позиция знака не менялась – действовала только черта отрицания. (Выборка сделана из таблицы разновидностей южноаравийского алфавита по Ч.Лоукотка, приведенной в книге В.А.Истрина, стр.80.)

Авторы финикийского письма тоже использовали черту отрицания в этой паре.

	<i>š</i>
	<i>m</i>

Анализируя южносемитские и финикийскую пары вкупе с позднеаккадским иероглифом (упрощенно -) с двумя слоговыми названиями *ša-ma*, я вижу, что в какой-то неизвестной нам системе письма возникла и такая пара:

	<i>m</i>
	<i>š</i>

Именно перевертыш **W** *š* и послужил южносемитам и финикийцам базой для создания своего «*m*», потому что знаки Неизвестного не могли удержаться в их алфавитах без добавочных определителей – в надписях они могли путаться. Только в классическом греческом со строго упорядоченной строкой могли сосуществовать знаки, отличающиеся лишь положением в пространстве:

	<i>m</i>
	<i>s (*š)</i>

Эта пара также подтверждает мысль о том, что греки заимствовали свое письмо не у тех «финикийцев», которых имеет в виду наша наука.

Выводы

Пары иероглифов (букв) возникли из-за попытки освоения шумерских и аккадских идеограмм, выступавших под двумя названиями и выражавших два смысла: шум. «дом-дверь», «гора-земля»...

Для того, чтобы развести значения, знак переворачивали (египтяне), отрицали чертой (южносемиты и финикийцы).

Южносемиты применили комбинированный способ – черта с переворотом.

Благодаря восстановлению этих правил грамматики (от греч. слова *gramma* – «знак письменный»), мы узнаем генезис некоторых финикийских букв и восстанавливаем пары с «механической» чертой отрицания: *dalet-bet*, *šyn-mēm*.

В финикийском алфавите восстанавливаются пары с «грамматической» чертой, также слитой с основным знаком: а) черта долготы: *he-het*; б) черта мягкости: **gammal-*gammel*.

И только теперь, после того как мы восстановили грамматику буквы, поняли закономерности знакоизменений, действовавшие в письменностях Древнего мира, мы способны понять происхождение всех (или почти всех) букв древнетюркского рунического письма. В первую очередь «мягких», в создании которых применялись только комбинированные способы: а) черта с поворотом основного знака; б) удвоение с поворотом. Семитские алфавиты обходились двумя-тремя парами букв, в которых действовали знаки-изменители, тюркским знакотворцам пришлось создавать значительно больше грамматически измененных букв. И поэтому, чтобы не появилось слишком много «одноногих» или «перевернутых», «или «удвоенных», пришлось отказаться от применения только одного способа и прибегнуть к комбинированным. В отличие от семитских «грамматических», изменявших количество или качество согласного, в отличие от индоевропейских, добивавшихся изменения количества гласного, тюрки (огузо-карлуки) заинтересованы были в изменении качества и гласных, и согласных.

Тюркские языки отличались от индоевропейских сингармонизмом. В огузо-карлукских такая двурядность (велярные-палатальные), вероятно, появилась раньше, чем в кипчако-алтайских, в которых знакоизменитель (черта-копье **ha/a*) производил дифтонг *ai* и долгие *ō*, *ū*, *ā*. А в *j*-культуре, к которой относились огузо-карлуки, появились иотированные (*ju*, *jo*, *ja*), которые превратились в мягкие (*ü*, *ö*, *ä*). Они сначала возникли в протоогузских и потом распространились в другие тюркские языки.

Таким образом, если в индоевропейских письменностях (и протокипчако-алтайских) черта «грамматическая» символизировала изменение количества звука (ибо первоначально читалась **a*), то в огузо-карлукской она была чертой мягкости, ибо читалась первоначально **-j*.

Способы грамматических знакоизменений в тюркской рунике.

Повторяем, комбинации маскировали способы знакоизменений, иначе внимание пишущего и читающего отвлекалось бы слишком явным превращением форм.

	<i>u (o)</i>
	<i>ü (ö)</i>

Черта с поворотом основного знака

	<i>jʊ</i>
	<i>jʊ</i>

Черта с переворотом основного знака

◄	<i>uk (ok)</i>
◄	<i>ūk (ök)</i>

Удвоение основного знака с переворотом

	<i>akъ</i>
ⱁ	<i>ākъ</i>

То же

Восстановив правила, по которым создавались «мягкие» буквы, мы можем перейти к другим «мягким», веларные пары которых не находятся с ними в явном формальном родстве.

II

Попутно ответим на возникающий вопрос.

В византийском и греческом случилось, вероятно, и такое – встретились две пары:

Э	<i>e</i>
Н	<i>ē</i>

Ι	<i>i</i>
Η	<i>ī</i>

Формальное совпадение двух «долгих» послужило причиной устранения одной из них, и в результате *e*-краткий остался без пары. Возникла троица:

Э	<i>e</i>
Ι	<i>i</i>
Н	<i>ī</i>

В современном греческом долготы большинства гласных не придают грамматического значения (кроме *ō*), поэтому *u*-долгий по произношению сравнился с *u*-кратким, а всего в алфавите собралось три буквы, выражающих, по-существу, один и тот же звук. Сократить две из них мешает традиция.

Третья у (*u*-псилона), доказывает, что в греческий алфавит было заимствование из неизвестного письма, в котором применялась черта мягкости. Вот она по достоинству занимает свое место: звук *ü* (*y*-мягкий), который она выражала в древнегреческом, в результате естественного фонетического процесса перешел в узкий (*ü* > *i*), такое явление наблюдается и в славянских (др.-чеш. *l'ud*, чеш. *lid*, др.-чеш. *l'ubov*, чеш. *libov* и т.д.), в тюркских (тур. *büyük* – «высокий», каз. *bijik*, тур. *küçük* – «маленький», каз. *kiši* и т.д.).

Некогда в доклассический период пара губных выглядела так:

УУ	<i>u</i>
ЧУ	<i>ü</i>

Затем произошла передвижка гласных *ü* > *i*, и произошло следующее:

У	<i>u</i>
Ч	<i>i</i>

В начале н.э. в греческом письме появляются прописные буквы, которые используются в именах собственных, названиях городов и в начале предложения. Вырабатываются пары: Прописная (заглавная) – строчная (малая). Именно тогда ошибка грамматиста повлияла на звучание многих греческих слов, дошедших издревле в письменном виде. К тому времени греческие грамматисты уже не помнили роль слитной черты и принимали ее за штрих-заместитель, увеличивающий букву. Поэтому «одноногой букве» придали статус Прописной, а парную сделали строчной, приписав ей то же значение, что у «большой» буквы. Так появилась пара **ЧУ** - *i*. (Звук «у» тогда и стали выражать в позднегреческом комбинацией «природно» родственных знаков *ou*. Заимствовано некоторыми западноевропейскими письменностями: французской, английской...) В результате древнегреческие слова, дошедшие до византийских читателей в письменном виде, содержавшие букву **У**, стали читаться искаженно. Так, например, название кочевников *σκυθ* – во времена Геродота читавшиеся *skuth*-, в византийской литературе прочлось *skyth*-, *skith*-, и в этом виде стало известно западноевропейским языкам. Современное англ. *skit*, слав. *Skif* [86]. (Буква *θ* – *th* славянскими книжниками постоянно прочитывалась как *Θ* - фита.)

III

...Любая письменность с многовековой историей не обходилась без реформ орфографических – без исключения устаревших букв и добавления новых из соседних или отдаленных, но известных грамматистам систем. Греческий алфавит, будучи продолжением финикийского, пополнялся по ходу арамейскими формами (**Н**), и, как мне кажется, *прототюркское письмо было грекам также известно (**Х, У**). Этих букв нет в финикийском, они попали в алфавит, думаю, в VIII в. до н.э., потому что уже фигурируют в этрусском алфавите, произошедшем от западногреческого. В этрусском буква **У** – выражала тот же звук, что и в кириллице. Славяне и сейчас не могут передать мягкость губного гласного при заимствовании тюркских слов. Подобное могло происходить и в древности при освоении тюркизмов.

...Таким образом, буква **У** в своей истории могла выражать и долгий (*ū*), и мягкий (*ü*): один и тот же диакритический знак (черта) сближает древнегреческую букву с этрусской, славянской, а также с тюркской **Ů** *ü(ö)* (исходная > *u/o*), авест. **𐬨** – *ū* (исходная > *u*).

Итого - *прототюркская письменность была известна в Средиземноморье начала I тысячелетия до н.э., и тюркские письмотворцы владели секретами грамматики буквы, известной грамматистам Средиземноморья и Древней Передней Азии. Тогда же в тюркской письменности мог появиться словоразделитель (:), которого еще не было в семитских письменностях (финикийской и арамейской), но он уже фигурировал в западногреческих и этрусских надписях. Не было его и в арамейско-персидских системах.

Список литературы:

1. П.М. Мелиоранский «Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» - ИОРЯС 1902, т.VII, кн.2, стр.273-302; его же «Заимствование восточного слова в русской письменности домонгольского времени», ИОРЯС, 1905, т.X, кн.4, стр.109-134.
2. Хотя к тому времени вышли работы Н.К.Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря», «Лексикограф. сб.» вып. III, М. 1958; И.Г.Добродомова «Лексика тюрк. происх. в белорусском яз.», «Беларуская лексікалогія і этымалогія», Минск, 1968. Р.В. Болдирев «Деякі тюркскі элементы украінського словника», там же. И сб. «Тюркизмы в вост.-славян. языках». Москва: Наука, 1974 г. Туда вошли работы Н.А. Баскакова, В.Д. Аракина, Р.В. Болдырева, М.Т. Тагиева и др.
3. Тинь – «рубль» (др.-рус.) < тун – 1) «белка», 2) «денежная единица» (тюрк.).
4. М. Фасмер. «Этимологический словарь русского языка», III, 159.
5. См. сборник этого автора в переводе на русский язык «Избранные статьи по языкознанию». М., 1950 стр.210 и сл.
6. См. Ю.В.Откупщиков «Словообразование модели и этимология». В сб. «Этимология – 1967 г.». М., Наука, 1969, стр.80.
7. Все Этимологические Словари рус.языка (Горяева, Преображенского, Фасмера и др.) практически повторяют друг друга. Поэтому для удобства читателя употребляем собирательный термин Словари, но конкретные примеры будем приводить только из наиболее полного четырехтомника М. Фасмера.
8. Указ.соч., т.II, 626.
9. Там же.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. – С.131.
11. Там же.
12. Там же.
13. После глухого согласного основы суффикс со звонким согласным (б) не применялся.
14. Э.В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. т. I. – С. 553
15. И не все тюрки производили ө адекватно. Ср., караим. es – «расти!».
16. Г.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов «Индоевропейский язык...». – Т.I. – С. 625.
17. Суффикс –ина, считаю, помогал назвать часть целого. Например, в чеш. god – «время», godina – «час» и т.п.
18. Добавление нового гласного вызвало синкопу-редукцию одного из предшествовавших гласных: *rišen > ršeno; *wesen > wesna... В односложном слове сокращался корневой: пень > пня, сон > сна и т.д. Язык стремился сохранить в слове привычное число слогов – такова природа синкопы. Освоение тюркизмов также вызвало синкопу (кобыз > кобза), но в поздние времена, когда стали терминами и трехсложные слова, синкопа угаsla: үлік - «труп» (тат.) > улика – «вещественное доказательство преступления»; пандур «струнный инструмент» (кир.) > бандура.
19. Е.Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 5.
20. В каз. языке сохраняется довольно много би-грамматических, синкретичных слов типа «глаголо-имя». Например, той – 1) «пир», 2) «насыщаюсь»; қос – 1) «соединение», 2) «соединяй» и т.д.
21. Этимологический словарь славянских языков. – Вып.1. – С. 168 и след.
22. О. Трубаев. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историч. изучение языков разных семей. М.: Наука, 1988. – С. 220.
23. Э.В. Севортян «Этимологический словарь тюркских. языков». – М.: Наука, 1974. – С. 446.
24. Там же.
25. В.И. Лыткин, Е.И. Гуляев. Краткий эт. сл. коми языка. – М.: Наука, 1970. – С.207.
26. Фасмер. Т. III, сс. 487-488.
27. Севортян ... С.176.
28. Там же.
29. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов «Индоевропейский язык и индоевропейцы...». – т.II. – С. 656.
30. Севортян «Этимологических словарь тюркск. яз.». – Т. II. – С.158.
31. См. Древне-тюркский словарь... Это слово.
32. Неожиданное смягчение как в случае asyrga – «ушные подвески» (др.-каз.) > syrga – т.ж. (каз.) > серьга (рус.).

33. И.Х.Дворецкий «Латинско-русский словарь», М, 1976, стр.563.
34. Привожу примеры из казахского, потому что он, на мой взгляд, сохранил более отчетливо особенности протокипчакского Дialecta.
35. Такая странная запись приводится в статье «Астраханских ногайцев-карагашей язык», в сб. «Языки мира. Тюркские языки», РАН, Инст. языкозн., 1997, стр.192.
36. Языки мира... – С. 69.
37. Там же. – С.101.
38. М. Маженова. Абу-Хайян еңбегіндегі грамматикалык түлгалардын көрсеткіші. // Исследования по тюркологии. – А-А.: Наука, 1969. – С. 284.
39. Слависты ныне признают, что начальный гласный и не только в дифтонге при освоении в слав. часто утрачивается: алачук > лачуга, алафа > лафа, орундук > рундук и т.д.
40. О влиянии палатального 'L на качество звуков всего слова разговор в лингвистике еще и не начинался. Иначе бы мы давно получили объяснение, почему отличается качеством звуков фр. cheval' – «лошадь» от лат. cabalus или гр. cefal – «голова» от тур. safa, лат. caput.
41. Э.В. Севортян. Этимологический Словарь тюркских языков. «Наука», М, 1978, т.ІІ, стр.240.
42. В.А. Истрин «История возникновения и развития письма». – М.: Наука, 1965. – С. 484.
43. «Языки мира» (Тюркские языки), РАН, Институт языкознания, Бишкек, 1997 г. (В статьях, посвященных отдельным тюркским языкам).
44. Большой Энциклопедический словарь «Языкознание», М, 1998 г., стр.198.
45. Указ.соч., стр.164.
46. Славянские звуки передаем буквами кириллицы.
47. «Собственные» имена огузо-карлуки созданные по схеме «императив + ък/ік», попадая в кипчакские, теряли конечный согласный. Ср., кучук, кічік – малый (огузо-карл.) = кічі, кіші – т.ж. (кипч.) и т.п.
48. Указ.соч., стр.79-80.
49. А. Meillet. Etudes., II стр.415.
50. Ж.Ж.Варбот. Указ.соч., стр.86.
51. Там же, стр.89-90.
52. Нынешнее учение – позднее написание – результат этимологизации, производства от «учение».
53. «АЗиЯ», Алма-Ата, 1975.
54. Указ.соч., стр.732.
55. Указ. соч., II, стр.897.
56. Слово привожу из книги И.М.Дьяконова «Языки Древней Передней Азии» (гл. II «Шумерский язык», стр.55). М., 1967 г.
57. Слово явно не шумерского происхождения, позднее заимствование: старо-шумерское или даже древнее заимствование успело бы подвергнуться действию шумерской гармонии гласных и превратиться в *geste(g).
58. Э.Севортян «Этимологический словарь тюркских языков», М., «Наука», 1974, стр.319.
59. Тюркск. kulak (klk) соотносится со слав. (slh) - sluh, *sulh, как тюр. курык (krk) – «40» и слав. (srk) - sorok, srak, srok, *sork, или тюр. karka (krk) – «ворона» и сл. (srk) - soroka, sraka, sroka, *sorka.
60. Эту «диссертательную» тему могли бы разработать казахстанские лингвисты.
61. Указ.соч., стр.724-732.
62. И.Е.Гельб «Опыт изучения письма» (Основы грамматики), М., 1982 (перев. в англ. издания 1963 г.), стр.219-220.
63. И.Е.Гельб «Опыт изучения письма» (основы грамматики). Перевод с англ. М., 1982, стр.18.
64. «Санскритско-русский словарь». М., 1978, стр.394. Буква ç передает глухой шипящий. Эти основы в кириллической транскрипции выглядят – пиш-, пеш-...
65. В индонезийском много заимствований из санскрита. Среди них встречаются и вышедшие из употребления в древнеиндийском. К таким, думаю, можно отнести pisau – «нож», «резак».
66. Э.В.Севортян «ЭСТЯ» (общетюркские и межатюркские основы на «Б»). М., 1978, 158-159.
67. Севортян, стр.156.
68. СИГТЯ, стр.212.
69. Севортян, стр.156.
70. И.М.Дьяконов «Языки Древней Передней Азии». М., 1967, стр.63.
71. Tristano Boelli. Dizionario etimologico della lingua italiana. Roma, 1994, стр. 213; Giacomo Deveto. Dizionario etimologico. Firenze, 1968, стр. 192.
72. Индоевропейцы пытаются перевести слово sanscrit, опираясь на результаты народных этимологий, производившихся в индийской среде на протяжении столетий. Притянутые значения: «сделанный», «сотворенный» и т.п.
73. Его парное производное jazyk – «надпись» (огузо-карлук.) > «текст» > «речь», «язык» (слав.).
74. Знаки приводятся из книги И.М.Дьяконова «Языки Древней Передней Азии», стр.362-363, гл. «Письмо. Изобретение алфавита».
75. И.Дьяконов, В.Истрин, Р.Кинжалов «Письмо» - БСЭ, изд.2.
76. В.А.Истрин «Возникновение и развитие письма», М., 1965, стр.308.
77. V.Thomsen. Salmede Af handlcnger, vol « . Kobenhavn, 1922, стр.76.
78. Ч.Лоукотка. «Развитие письма», М., 1950 (пер. с чеш.), стр.106.
79. В.А.Лившиц «О происхождении древнетюркского рунического письма». Сов. тюркология, 1978 г., № 4, стр.84-98.
80. G.Clauson, The origin of the Turkish «runic» alphabet «Acta orientalia», Kph, 1970, стр.56-57.
81. И.Л.Кызкасов «Рунические письменности евразийских степей». М., 1994, стр.161.
82. И.В.Кормушин «К основным понятиям тюркской рунической палеографии» («Сов.тюркология», № 2, 1975, стр.26-27.
83. Указ. соч., стр.339.
84. Истрин, указ.соч., стр.351.
85. Там же, стр.322.
86. Ассирийцы называли свою страну Aššurāi, в др.-греч. передаче – ΑΣΣΥΡΙΑ, в византийское время прочлось как Ассирия.

Продолжение в следующем номере.

Дюсенбек НАКИПОВ

Поэт, хореограф-либреттист, сценарист. Окончил Хореографическое училище Большого театра (ныне Московская академия классического танца), в котором учился вместе с Натальей Аринбасаровой (1964), и факультет журналистики КазГУ имени аль-Фараби (1985). Солист балета ГАТОБ имени Абая (1964-1986). Главный редактор творческого объединения «Алем» киностудии «Казахфильм» имени Ш.Айманова (1987-1991). Организатор ряда международных культурных и гуманитарных программ. Председатель Союза хореографов Казахстана, президент Международного фестиваля «Приз традиций».

«Современный читатель не привык ценить авторов живущих. Мы изучаем биографии и творчество давно ушедших классиков, мечтая задать вопрос Достоевскому или Абаю. Но иногда чудо совсем рядом, и живому писателю хочется задать важный вопрос. Так хочется говорить после встречи с Дюсенбеком Накиповым, который после «Круга пепла» написал роман «Тень ветра». Похоже, мы станем свидетелями создания трилогии о человеке и времени, ведь автор пишет третье произведение

К Накипову тянется молодежь, которую завораживает словотворчество художника, будь то поэзия или проза. Очаровывают открытость и простота общения, в котором нет пафоса и менторства. Поэт ничему не учит, он дает возможность каждому читателю найти свое, познать в тексте самое себя.

«Тень ветра» может шокировать натурализмом - в романе одним из персонажей является людоед Бастард. По словам Дюсенбека Накипова, этот образ он взял из реальности, когда еще во времена СССР на территории Казахстана жил людоед, который затем сбежал от следователей из «Крестов». «Я все не мог понять, чего мне не хватает в романе - не было антипода герою. Вот так и появился людоед в тексте. Не ради смакования автор описывает античеловеческие страсти, образ жизни и видение мира. Сейчас людоедное время в социальном смысле слова. Богатство есть время, людей, их силу, душу и жизнь», - отмечает автор.

Тексты Накипова получили высокую оценку таких мастеров, как Анатолий Ким, Чингиз Айтматов, Герольд Бельгер. Кто бы мог подумать, что бывший танцовщик сможет со словом нечто удивительное. Наверное, только человек танца, пропустивший через себя движения балета, его красоту и силу, может передать тексту эту танцевальность и гибкость.

«Я приветствую эгоизм молодости, - рассказывал на встрече со студентами в ЕНУ имени Л.Н.Гумилева Дюсенбек Накипов, - это единственный момент в жизни, когда концентрация на себе самом дает энергию, чтобы пробить толщу жизни и найти свое я. Всегда говорю, что молодость должна быть в хорошем смысле эгоистична».

Жанар Карбаева. Астана, 2010

(<http://top-lenta.net/cultura/9618-dyusenbek-nakipov-predstavil-v-astane-vtoroj-roman.html>)

ТЕНЬ ВЕТРА

(роман упований в круге пепла)

Часть первая

(Продолжение. Начало в журнале «Мегалог», №2, 2009).

6

Август в этом году выдался ясный. Глубокий, как колодец, который был вырыт еще первопоселенцами. Колодец находился в центре села. Там брали воду только летом. Прохладную. Чистую, как кожа младенца. И вода эта была неслыханно вкусной. Жидкое блаженство-сокровище-бальзам. С особенным потаенным запахом тины и камней, что лежали там, в глубине, в самом сердце колодца. В этот день Бастарду дали важное поручение. С утра сходить в соседнее село и пригласить дядю-фронтовика с семьей в гости. И он пошел с гордостью и радостью. До дома дяди километров пять-семь, наверно. Зато дорога верхняя, вдоль гор и садов. О, как она хороша и обещает много приключений! Еще на выходе из села, мимо мальчика, в бешеном галопе проскакали парни на особых конях. Среди них мелькнул густоволосый Сапар-заводила. Наверно, хотят устроить кокпар с соседями из горного села. Эта бешеная древняя забава-состязание истинных степняков никогда казахами не забывалась. В те годы эти игрища устраивали негласно (кокпар числился в списке отсталых феодальных пережитков и сельсовет, и партбюро не поощряли его, наложив негласный запрет). Но вопреки всему, вскоре вся округа наполнилась слухами, и все склоны вверх по ущелью заполнялись людьми, делались ставки (тоже тайно) и все такое. В общем, кокпар был выхлестом из обыденного, последним убежищем степной гордости и отваги. Редко, когда кокпар обходился без тяжелых травм. Туша козла килограмм на тридцать, витые плети, кони обученные-злые, да и сами кокпарщики в пылу погони-схватки, в коловороте коней и людей, не знают пощады ни себе, ни сопернику и могут до темноты гоняться-таскать козла от склона к склону, пока кто-нибудь торжествуя, с ватагой односельчан не утащит козла в свой аул-село. О, дела давние-веселые-великие...

А Бастард шел. Через час его чуть не свел с ума один сад... С абрикосами! Огромными! Оранжевыми!.. Таких он еще не видел. Бастард вник-уразумел сразу. Такое охраняется. Строго оценив всю экспозицию, Бастард-опытный покражник плодов решил, что можно снять абрикосы с дерева целыми, если проползти по арыку на животе, тем паче, что хозяином сада был чечен. Злой. Бородатый. Лысый. Как волка не корми, но чечен останется – чеченом. И у них всегда есть оружие. И Бастард, по всем законам схрона пополз по дну арыка. У него перед глазами сияли абрикосы и он не мог остановиться. Азарт был сильнее страха. Еще до того, как он пополз в сад, Бастард скрутил из проволоки сачок, приладил к нему тряпицу в виде мешочка, а все это привязал к концу длинной (метра на два) сухой ветки. И вот теперь из арыка, находясь почти под абрикосовым деревом и всего в двадцати шагах от злого чечена, Бастард своим хитроумным инстинктом прирожденного покражника садов, тихо и незаметно стал срывать абрикосы и утягивать их к себе, едва чечен отворачивался и занимался побочным хозяйским делом. Когда Бастард отполз в безопасную зону и вновь вышел на дорогу, за пазухой у него приятно холодили живот великолепные-спелые-оранжевые абрикосы. Он ел их, сначала полюбовавшись и представляя себе, как злой чеченец будет удивляться на сборе урожая, что с одного дерева, каким-то образом, пропала почти половина абрикосов. Вот за таким приятным занятием, по дороге разогнав стайку шипящих гусей, Бастард дошел до дома дядюшки, где как раз жарили большую сковородку картошки с зеленым перцем, баклажанами, помидорами и свежим луком с огорода. К вечеру Бастард с семьей дядюшки возвратился домой и... первое, что он увидел и весь сразу заморозился изнутри: на заборе висела шкура зарезанного Агника, а голову его обугливали над огнем его же бабушка с нелепо радостным лицом. Бастард взревел, пнул казан с варившимся мясом, половина которого вывалилась на землю и огонь почти загасился жирной сурпой, и запахло паленым. Глаза Бастарда стали такими же мертвыми и недвижимыми, как и у его любимого Агника, убитого этими прежде родными людьми... и глаза эти, умершие враз для радости, увидели... *девочку пухлую, двенадцатилетнюю, у двери летней кухни... улыбалась она и ... и ела... жевала тонкий лепесток свежесваренной печени ягненка Агника...*

плоть агнца... печень подносила она к пухлым губам и ротик открывала с белыми зубиками и... откусывала кусок за кусочком еще живой печени-плоти и... и смотрела беспечно на опаленную головку агнца-Агника... аааа... и глаза мальчик-бастарда, как фотовспышка бесцветная «сфотали» навсегда эту девочку-дочь дядюшки-мясоеда и... и оставили во тьме зрачков Бастарда не засвечиваемый-нестираемый негатив... девочку, пожиравшую печень невинного агнца – аааа...

Все всполошились и стали ловить Бастарда, оравшего столь дикие непотребные слова, которые до того были им уже слышаны на улице, но никогда эти слова не были так яростны и справедливы. Злость-слезы-боль-гнев-бессилие-ком в горле-мерзлое сердце: эти минуты навсегда остановили в нем детство и потом долго продолжали перекатываться в нем камнями ненависти, душившей его, пока он бежал к речке, на старую мельницу, где под большим и давно не работавшим, покрытым ссохшимся темным мхом колесом, у него был свой мальчиший схрон, где он прятался всю ночь, пока слезы его превращались в лед ненависти и душа Бастарда спряталась там навсегда.

... пшеница созрела зерно осыпается пора идти в поле жнец дома горящие полыхают с крыши... фундаменты вновь превращаются в план-чертеж... дни догорают и осыпаются, словно переспелая рожь... кто-то шепчет так заведено не огорчайся пойдя поклонись равнине трав в час росный и увидишь в росе отражение Тенгри... может быть все вернется на круги своя или навсегда останется в круге пепла как чертеж мечты...

Эти три дня... это потом ему сказали, что он исчез-отсутствовал-пропал на целых три дня. Для него они были просто молчанием и спазмами в горле, жжением в сухих глазах. Никогда еще Бастард в своих мальчишеские годы не думал так долго одну мысль. Мысль-гвоздь, который ему вбили по шляпку в голову. Те дни, что он провел под пахнувшей плесенью старой мельницей, под давно недвижным колесом, навсегда изменили Бастарда и он стал незнакомцем самому себе. А потом и другим. Ему казалось, будто сквозь темя его, заново открывшееся и пульсирующее, как в младенчестве, кто-то опускал ведро, а он от темени до сердца стал колодцем. Ведро грохоча опускалось на дно, которым было сердце его, затем он мучительно долго вертел ворот. Ось ворота скрипела в висках, выжимая из них холодный липкий пот, но когда ведро поднималось оно было пустым и вновь с шумом падало вниз, а ось ворота стремительно вращалась в висках, подобно дрели. И все повторялось опять и вновь, и опять, и заново, и обратно. Все больнее и быстрее. Наконец, на второй, кажется, день ведро пробило сердце и он увидел на его дне немного сукровицы... в горле у него стояла жара-сухота и появилась неведомая-бесконечная-неотступная жажда и потому он отпил этой сукровицы. Его вырвало, горло с треском гоняло маленький кадычок... жажда не отступала и Бастард опять бросил ведро, вытащил его из колодца и стал пить сукровицу, подавив в себе рвотный рефлекс, и его уже не рвало... он привыкал к вкусу крови, к боли, к скрипу ворота, но жажда все не утолялась и крови пришлось пить много... сукровица эта тяжелая, как жидкий камень, все больше густела и в ней стала проступать ужасающая картина того, что произошло три дня назад, но еще более реальная, чем сама реальность... розовая, с прожилками, мерзкая мездра на шкурке его Агника-агнца-ягненка... ясно-явственно стояла эта картина перед его глазами на расстоянии протянутой руки.. в упор, недвижно смотрели на него тускло-лиловые мертвые глаза ягненка-агнца Агника из обугленной головы, с которой соскребали опаленную шерсть... кое-где уже проглядывала белая кость черепа... у летней кухни улыбалась пухленькая девочка и жевала-елажрала-глотала еще живую печень ягненочка-ребеночка и продлевала его агонию с каждым новым куском-жевком-глотком... глаза девочки были тупо-тусклы-черны и беспечно-бездумны... Потом эта картина сменилась другой, которую Бастард хоть и не видел воочию, но представлял себе четко, со звуками и запахами... голову полугодовалого и все еще агонизирующего ангелочка-агнца-младенца Агника варили в казане... лилово-тусклые глаза ягненка продолжали смотреть на мир через кипящий бульон-сурпу, будто недоумевая: - разве все это происходит на самом деле, а не привиделось ему, еще недавно беспечно блевашему глупому бараненку-ребенку... голову подавали на блюде и дядя-мясоед, как почетный гость отрезал острым ножичком его щечки нежные-ягнячьи... Затем нож погружался в глазницы и вырезал один глаз... дядя-мясоед подает этот глаз своей пухлой дочке... затем вырезает второй... вот, глаза его начинают жевать-есть-глотать... и ягненок-ребенок-баранчик Агник слепнет для внешнего мира, но парадоксальным образом продолжает видеть своими пережеванными глазами желудки своих едоков-глазоедов изнутри... затем слепнет уже окончательно... теперь он видит то, что происходит дальше глазами глазоедов... все довольно смеются за столом и хвалят его глаза за отменный вкус... агнец-ангел продолжает видеть глазами глазоедов, как ему отрезают правое

ухо и подают его той самой девочке-пухлянке, а левое, еще неотрезанное, ухо рефлекторно-реверсно слышит, как дядя-мясоед-живоглот говорит своей дочке-глазоедке-ухожорке... ешь-ешь и будь послушной девочкой, золотая моя... всё еще агонизирующий агнец-Агник после изъятия второго уха становится окончательно глухим... затем вырезают и сизый язык его и он после этого немеет... ни бе – ни ме... а потом вскрывают его черепок, выскребают горячий белый мозг ангела-ягненка-ребенка и он еще теряет, хоть и крохотный, но все же разум бараний... и вот теперь Агник стал слепо-глухонемой-безмозглый и уже точно мертвый, убитый-зарезанный-сваренный-съеденный ради утоления голода умных-говорящих-слышащих-зрячих людей, которые таким образом останутся в памяти Бастарда глазоедками-ухоглотами-языкожорами-гурманами ягнячей плоти-мяса, а вовсе не гуман-ными гурманами мысли... (Эх, плотоядство человеческое ненасытное). Когда на четвертый день, в четверг, после чревоугодия-пира Бастард вернулся домой, то он был уже не прежним простодушным и открытым мальчиком, а другим. Каким? Этого ни он сам, ни его близкие еще не знали. Он так посмотрел на всех лилово-тусклым взглядом, почти таким же, как у своего съеденного любимца Агника, ласкового-бодливого ягненка, который был так жестоко казнен. И никто не смог в этот момент попрекнуть Бастарда и прикрикнуть на него для остротки или порядка ради.

Все поняли, что он теперь всегда будет находиться от них бесконечно далеко, много дальше своего враз утраченного детства и гораздо ближе к тому угрюмому молчаливому юноше, каким скоро станет. А этот юноша, в свою очередь, и вовсе скроется (будто свернул за угол), за спиной того мрачного нелюдимого мужика, в кого превратится много лет позже тех трех дней и спрячется окончательно в доме своего одичавшего сердца.

Есть ветер шальной-мятежный-безудержный-низинный на всю планету...вверх рванет-взлетит сатаня, небесные своды-обводы пытаясь унизить-испытнать...крошечный то ветер, сокрушающий-крушащий, полный низменных-злых порывов...

Но есть и ветер ровный-сильный, несущий по - над землей листья палые-обреченные или рой мошек усталых-вьющихся... ветер-оберег, помогающий стайке малых птиц миновать зону грозы, оставляя по себе тень-память, пока не обессилит и не растворится в тишине и покое, став бесконечно прозрачным-невесомым и проникаемым для света...О, упования!...

Наконец, четырнадцатого июня, в день смерти большой золотой пчелы, через два года после трехдневного скрытия под мельничным колесом, начался невероятный отлив и на открывшемся песке-береге пологом появились следы...

Семья «пухлянки-глазоедки-ухоглотки и, одновременно, печень-хавки» переехала в их село «длинных деревьев» (т.е. серебристых пирамидальных тополей) по причине отсутствия в их маленьком ауле-селении школы-десятилетки. Таким вот образом, уже пятнадцатилетняя пухлянка Камилла «ухоглотка-печеньхавка-глазоедка и языкожорка, вкупе» по окончании семилетки, внезапно, очутилась перед Бастардом на расстоянии каждодневного лицезрения. Теперь ей предстояло учиться в его школе. Все события того кошмарного лета, когда казнили и съели Агника-агнца (по смерти ставшего первым агностиком из племени баранов, т.е. философом высших сущностей) вновь всплыла перед глазами Бастарда (уже отрока) та необъяснимая и жестокая казнь-съедение Агника и в них появилась полузабытая сухота и жжение.

В Бастарде вспыхнуло неодолимое любопытство ко всем изменениям, произошедшим с пухлянкой Камиллой, внезапно превратившейся в прелестную девушку со всеми пугающими атрибутами юной женщины. Вся сукровица, выпитая Бастардом из колодца его собственного сердца, вновь ударила в голову. Вернулась та мучительная жажда. Только теперь эта жажда утолялась тем, что Бастард стал незаметно следить-подглядывать за Камиллой, желая понять, как повлияли на нее съеденные ею «печень-глаза-уши и язык агнца Агника-ягненка-ребенка-бараненка», потому, как сам Бастард с «того лета» больше никогда не ел бараньего мяса. На дух не переваривал. Даже запаха. Духоворотным стал.

В дни переселения семьи Камиллы-глазоедки надолго замолчала кукушка, дотоле изводившая всех длинным кукованием. Даже икота нападала от этого рыдания-всхлипа-ку-ку... И когда она смолкла, в эту паузу влилась тишина начального лета, когда надобно природе растить посеянное весной. Он избегал прямых встреч с Камиллой, но отныне неотступно следил за ней, тайком, со всё возрастающим инстинктом-азартом первобытного охотника-следопыта (герой Фенимора Купера мог бы позавидовать способностям Бастарда в этом древнем умении, каковое быстро становится маниакальной страстью в особых субстанциональных обстоятельствах, осложненных

личностью субъекта и его сужающимся внутренним миром). Тщательно изучив все перемещения глазожорки, ее привычки и повадки и весь распорядок жизни в ее доме, Бастард все лето посвящал слежению, незаметно для себя превращаясь в истинного преследователя-дикого камышового кота. Этот переход-перерождение из домашнего безобидного кота-балуна-шалуна, в истинного хищника-большого камышового кота был для посторонних незаметен. Это был особый зверь, изучивший природу и повадки человека, находясь рядом с ним. Но коты всегда живут сами по себе. А такой зверь опаснее обычного вдвое...

...поймать след, услышать шорох, подкрасться, замереть, раствориться в камышах, уловить ветер, ухватиться за струю-нить запаха...теперь ждать, следить, ничем не выдать себя, стать незримым-кротким-неопасным до...до рывка, до предельного выброса всей лавы сил-терпения-вожделения...пролететь, как метеор из пустоты, и рухнуть-упасть на жертву и ...и разом вознестись на вершину исполнения желаний...упований зверя... избавиться от нутряного сверхнапряжения-давления, разрядиться и ...вкусить блаженство обладания вкусом-плотью-кровью жертвы... задрожать от конвульсий... от агонии того, за кем так долго крался-охотился-следил и ...и теперь вливаешь в себя, пьешь алую магму иной жизни, дабы увенчать свою охоту триумфом-тризной-выбросом сгустка всех инстинктов-энергий и насладиться чистой поллюцией звериного хищного счастья... нет-нет...

Бастард еще только постигал искусство ловителя-триумфатора, ибо был лишь зверь-отрок, но дремлющий хищный гений его стремительно набирал силу-мощь. Он заставлял Камиллу-наивного грызуна и поедателя печени-глаз-ушей-языка агностика-агнца Агника в самых неожиданных ситуациях, при этом сам оставаясь невидимым и неосязаемым. Из сгущающейся в нем тьмы он смотрел...

...стельные волчицы перекрыли полную луну тучными телами-тучами...дева-ухожорка разглядывает свою грудь-гроздь с розовой ягодой на смуглом бутоне... стыдливо, с оглядкой приподнимает ночную сорочку...холмик с неземной-нежной-волнистой моховой травкой на нем...чуть приметное начало влажного овражка ищет своей дрожащей рукой...подносит к губкам своим и ротиком запах тлена...пальчики свои, увлажненные тайной влагой родника, что течет в овражке... обнюхивает носиком, вдыхая запахи тинные-тминные-невинные еще...глаза темноагатовые жмурит в первоистоме девьей... не помня того резкого запаха свежесваренных глаз ягнячьих агниковых и вдвойне невинных, по сравнению с ее девчачьими... языком своим розовым облизывает губки капризные алчные-алчущие, забыв вкус другого языка, что блял-пел свои песни овечьи, но...

...видя все это Бастард уже исходил блаженной поллюцией мечты, даже не ведая, к каким краям бездны скользит он в эти минуты. Он задумывал месть без имени и меры и верил в справедливость возмездия... Да мог ли он знать в те минуты, как сокрушительно безмерно его хищное воображение, питаемое умом человека-отрока, уже перешедшего грань меж адом вожделения-мечтания и раем действия-воплощения темных грёз.

7

Гроссмейстер вибрирующих линий, сидел на облаке. Вдруг, его словно обожгло. Вернее, пронзило-проникло-сотрясло. Он завибрировал и чуть не свалился с облака, ибо сидел на краю черной бездны. Ему был послан сигнал. Всей своей тончайшей оболочкой, сотканной из тысяч нитей сострадания-сочувствия-предвидения, всей своей сокровенной сукровицей сердца он понял... Кто-то там, внизу, на земле, будто оповещал его: некий человек ступил на путь сверхзла несусветного-несметного-смертного. С той поры, как Гроссмейстер покинул тело земного художника Калмыка (до того успев развесить свои картины-декорации-флуктуации из патины красок и линий по кулисам вселенной), он еще ничего подобного не ощущал. Ведь он был послан сюда лишь фиксировать хаос, а теперь от него просили участия в делах земных, в то время, как он думал, что может отдохнуть здесь, в тихих просторах «второго неба» от суеты и пустячных забот, каковые с облегчением оставил там, на земле, в театре, под порталами сцены и вне театра: в двух скверах вокруг, и в тех ручейках печали, что остались навсегда там и текли вдоль улиц по руслам старых арыков, ныне укрытых решетками и бетонными плитами. Пробуждаться заново к тем печалям-разочарованиям-мукам было невыносимо. Но сигнал?! Но вибрация?! Но призыв?! И Гроссмейстер стал искать источник сигнала на вертящемся сиренево-синем шаре земли.

Сигнал шел из центра Евразии – суперконтинента надежд и конфликтов, от пестрых снегов-вершинных гор, которые обозначили западную линию глубинной встречи двух гигантских кон-

тинентальных плит Азии и Европы, взывавших величайший горный массив, Гималаи, до такой невероятно-небесной высоты, который не могли достичь даже самые сильные птицы.

Волна горячей ностальгии хлынула на Гроссмейстера... Ведь там, у подножия пестро-цветных голубо-ельных гор Алатау, находился тот самый яблонно-звонкий шелестящий листьями серебристых тополей город Алма-Ата, принявший его в годину невзгод и расставаний всех со всеми, как блудного сына. И там же, в самом центре того города: сиреневого-белого в мае, оголтело зеленого летом и искристо-пенного от яркой-яркой смеси злато-охряного, дымчато-желтого с грозной багрянью, кроваво-темного на фоне серебристой сепии елей – по осени, в центре того города, меж двух сквериков стоял-был-вита́л его родной Театр, где ему встрети́лась, однажды, и навсегда потом отлучилась от него Лунная Красавица, невероятным образом ставшая знаком всех земных Любостей?.. О, сколь может это еще томить-волновать его, даже здесь, на краю второго неба?.. Но... но тревожный сигнал сдвинулся чуть дальше от города (и Гроссмейстер облегченно вздохнул). Затем вновь задрожал – завибрировал у маленького селения «длинных деревьев», у тех же пестрых гор И смутно увиделось... начало зла... глаза мальчика, утеравшие взгляд... обман, окутывавший душу ребенка туманом сырým... дымящаяся мездра зарезанного агнца... без жертвенной цели... ради еды только...

Стоило призадуматься: для чего послан этот сигнал и кем? Ведь еще там, в яблонно-сиреновом городе, он до смерти устал от мучительных вибраций при виде даже тонкой патины грусти или тени обиды на челе и в глазах человечьих. О горе, истинной беде или боли (глубокой-нутряной-телесной-душевной-мозговой) и говорить не приходилось. От сопереживания такого он почти умирал. Его при жизни, тогда еще спасало только то, что он придумал писать «картинки» и уходить в свои фантазийные неземные миры, чтобы не быть убитым состраданием, как ножом или пулей?.. И вот этот сигнал? Чем может он помочь и прервать начало зла, если даже этот сигнал настолько слаб, что едва виден из просторов «второго неба»? Откуда и от кого он исходит? Ведь он Калмык (в той жизни) и Гроссмейстер вибрирующих линий (ныне) никогда не умел помочь кому-либо конкретно, спасти кого-либо, а тем более предотвратить «Нечто» (так он это для себя называл) или остановить «Некоего»... Оттого и бежал мечтами в свое «второе небо» от страданий и немотной немочи упований пустых и был удивлен, что был водворен «Неким», именно сюда. Во Второе Небо. Более реальное теперь, чем та первая жизнь. Ему уже начинало нравиться наблюдать хаос земной из такого отдаления, мыслить-мечтать о вариантах наведения гармонии в частных и более обширных масштабах, но именно вот так: виртуально-визуально-отдаленно-мысленно... Что теперь?.. Опять страдать во втором небе второй жизни своей? Где сил взять? О какой нирване и вечном блаженстве витающего и беспечного духа может идти речь, как о том мечталось-уповалось на земле?.. Но Гроссмейстер все же стал напрягаться-вибрировать-улавливать и отслеживать этот сигнал, еще не зная того, к чему это приведет и что надобно будет делать. Время беспечности во «втором небе» второй жизни для него кончилось. И он начал вибрировать и творить новые линии упований...

... с треском и болью вращается ворот в висках у мальчика... головокружительно и неслышно кружится колесо вселенское... неведомо в какую сторону... звезды и земля недвижны, словно блестящие шляпки гвоздей, вбитых в черную ткань тьмы... траур и недвижение... пространство прошито нитями из сердец людских... пряжа тонка и легка... шерсть шкуры агнца чёсана гребнем острым и частым... комья и репы рядом с пряжей... не смешайте опять... на веретено мотается пряжа и нить... пообок дороги... шкуры заскорузлые-скукоженные-брошенные-овечьи-человечьи... не шагренёв, нет... ворот-веретено-колесо... нить и пряжа... верно ли вращается-кружится все?.. верно ли делается дело земное-небесное?..

После разведки в Крабовидной туманности, Атай с ужасом задумался над тем, что первичное вещество вселенной начинает портиться, растратив себя на катастрофически-взрывной процесс создания-сотворения бесчисленного множества звезд и галактик, и при таком сверхзатратном методе лишь в одной солнечной системе, лишь на одной малой планете Земля удалось посеять жизнь. Через миллиарды лет ошибок и экспериментов, через гигантское многообразие форм органической-растительной-молекулярной-биологической и микробовирусной жизни-существования, сменяя эпохи и целые миры – биоценозы случайно найти разумную модель, вырастить человека, сознающего себя и природу вокруг, и когда казалось, что первовещество не зря потрачено, что человек и есть оправдание столь чудовищных – невероятных усилий, вдруг, т.е. теперь стало очевидно: человек с его умом и всей искусственно-сотворенной им техникой-цивилизацией, сам оказался главной угрозой жизни на Земле. Если не сказать, самоубийственно-

губительным для самого себя и всей ноо и биосфере. Тупиковой ветвью развития. И вещество сознания стало портиться, энергии созидания стало слишком мало, для пересотворения и нового витка развития. И верно. Раз вселенная родилась из сокрушительного перво-взрыва, значит ген разрушения заложен был с самого начала, то чему удивляться, что высшее из созданий – человек, тоже занялся разрушением и самоуничтожением. Атай понял: надо искать причину, а еще важнее – выход из тупика. И он впал в лихорадочное состояние в поисках разгадки – объяснения, а затем, если получится, то и найти решение проблемы. Он забыл о потребности есть-спать и отключился от линии связи с любимой женщиной, искавшей с ним встреч. Он жалел Одиною и хотел бы поговорить с нею, но энергия ориентированного на поиск интеллекта не могла быть потрачена никуда, и даже мимолетная встреча с возлюбленной была теперь, до решения проблемы «Х», невозможна. Навыки настоящего Навигатора и некий импульс свыше подсказали ему, что поиск надо вести за пороговыми понятиями, в астральных пределах сознания, где-то на грани безумия-разума и отдаться волне интуиций-интенций. И вот, однажды, ему пришло в голову использовать в расчетах-уравнениях (наряду с индо-арабскими числами-символами, прописанными наоборот – зеркально) еще и древне-тюркские руны, а также алгоритмы инкских-ацтекских речений-узлов и египетских знаков-иероглифов вместе с геометрическими схемами, включая математические обсчеты размеров и форм храмов и пирамид, ввести в расчеты заглавные и последние буквы священных текстов и книг, письма на чаше из Иссыкского кургана, а также вставить по строке из самых ранних стихов гениальных поэтов, имена героев великих эпосов-саг-сказок и дать сверх-алгоритм всей программе расчетов в виде контуров горного ириса и человека. Через 117 дней Атай получил поразительные формулы со знаками и буквами, которые говорили о следующем:

... на самых дальних окраинах черного необъятно-немыслимо-огромного Шара-Вселенной, куда дошли частицы-элементы перво-взрыва-творения, на тех окраинах, откуда сама вселенная кажется непроницаемой остановившейся – и убившей в самой себе свет... там зарождается новая прозрачная оболочка, где начнется спасительный рассвет над Вселенной... и Там еще в сохранности перво-вещество вселенной в угрожающе малых количествах.. Оно ждет соединения с Веществом – эманацией Любви, которая есть еще на Земле, но тоже в ничтожных количествах... Надо найти женщину, хранящую последний Импульс Любви с гигантской энергией для преодоления размеров вселенной, но при этом должно отправить туда, на окраину (к оболочке вселенной, что подобна розовой плаценте – рубашке на эмбрионе-человеческом), надо того Мужчину, который любит ЕЁ... Великую Женщину, любящую его... Сила их взаимной любви должна быть столь огромна, а их человеческое сознание, не приемлющее даже мысли о вечной разлуке настолько велико и горестно, и лишь тогда, только в таком случае – варианте – комбинации Импульс Любви получит достаточное ускорение-энергию, дабы достичь окраины вселенной и сохранить Перво-вещество... одолеть сверхгравитацию и человеческое эго любви...

Далее шли формулы-расчеты траектории полета-исхода-истечения, технологические решения о трансформации звездолета с Вестником на борту и превращения-сжатия их до размеров кванта света, который и есть – станет в тот момент Импульсом Любви Земной, и в таком виде пройдет центр старого мироздания-вселенной и, получив конечное гиперускорение, достигнет окраины вселенной и соединится на излете с Перво-Веществом. И только тогда Импульс Любви спасет все живое-мертвое на земле и над Вселенной взойдет Новая Заря... Да, Вестник погибнет, да, Женщина та умрет от тоски, но это единственное условие спасения всех и всего... и обосновать новый центр мироздания у кромки вселенской зари...

Получив столь диковинный и почти безумный результат своих поисков, Атай (едва сам веруя в это) сумел убедить Космо-Сенат планеты и на деле, включая все интеллектуальные технические – экономические ресурсы мирового сообщества, осуществить этот планетарный проект. Он был назначен руководителем проекта, обосновал свое право быть Вестником и занялся реализацией своего проекта исхода-спасения. А в том, что их любовь с Одиною необыкновенна и сильна, как Любовь Любовей всех, как в «Песне Песней», он не сомневался и уговорить свою возлюбленную Одиною взялся сам. Он знал: она поверит ему. И... поддержит. Перед его глазами стояла – сияла простая и вместе прекрасная, как гроздь винограда в полдень, формула Исхода-Спасения. И не менее ярко, рядом, сияла-воссияла Одиная в одеяниях из рос. Божественный хмель ударил в сердце Атая-Вестника и тот же хмель, подобно нейтрину, прошел сквозь душу. И он пошел к Одиной...

...Эта нить меж землёй и краем вселенной была натянута так давно и сильно, но все же не рвалась, как бы не становилась тонка. Может быть потому, что она состояла из первичной

субстанции-вещества-сущности-атома любви, от которой потом и произошел человек в двуединой своей природе – женщины и мужчины, и тем спас и усилил любовь и дал ей тысячи воплощений и образов, возобновляя и возрождая её во всех испытаниях и надвижениях темных времен... И потому все ещё есть, это тонкая и вечная нить меж землей и краем вселенной... нить жизни... одоление бед-натяжение любви...

Звездолет надежды, разогнавшись, начал трансформацию в корпускулу-волну-квант света. Погружаясь-засыпая в режиме глубокого анабиоза, который должен был превратить его в живую мумию, а затем вместе со звездолетом перейти-уменьшиться и, в конечном свете, стать квантом света, Атай-Вестник видел-помнил Последнее Откровение и, еще улыбаясь, отметил для себя, что его удаление от Одиной и Земли теперь велико и необратимо и все же нет ничего, что могло бы сделать их ближе.

В тот день прощания они договорились устроить пикник на горном лугу, где еще природа оставалась нетронутой. В той высокой траве альпийских майских лугов, на склоне, обращенном к солнцу, где можно было представить себя былинкой, но которая казалось бегущему в заботах мурашу гигантской секвоей, в двойной перспективе малого-большого и третейского спокойствия гор. Атай исподволь начал разговор с Одиной. Она лежала навзничь, погружая небо в свои глаза, покусывала травинку (единственный признак волнения), а он смотрел, как жучок упрямо лезет на гладкий камушек, скатывается и вновь, и вновь повторяет свой безымянный и не имеющий, вроде бы, смысла подвиг - восхождение. Выслушав все его длинные-странные рассуждения-доводы, Одиноя сказала, все так же не отрываясь от созерцания неба:

- Я поняла, хоть и не совсем. А нельзя отказаться?..

- Так я же сам предложил...

-И другого решения, значит, нет?..

- Вроде так...

Еще помолчали и, кажется, долго. Она сказала:

- Ты решил, ты знаешь, а я...

- Не обижайся только, потому, что...

- Глупый, разве в таких вопросах есть место обиде.

- Я знал. Ты поймешь, но без твоего согласия, мне не сделать этого. Сил не хватит.

- Хорошо, но мне будет также плохо без тебя, как было хорошо с тобой. Мне трудно говорить. Наверное, то же чувствовали все женщины древности, провожая мужей на войну, зная, что они не вернутся.

- Не война же это, а...

- Хорошо, а теперь просто посмотри мне в глаза, и я пойму все остальное. И приму. Но я буду ждать. Все равно.

И Атай повернулся и посмотрел Одиною в глаза, в дно зрачков, все еще хранивших образ неба, и только сейчас понял все прекрасное, что было на Земле и будет потом...

Когда он содрогательно-неотвратимо ощутил плывущее от него облако и уже не мог остановить его в себе, все привычное ему ранее неожиданно изменилось, и тогда он увидел высокую и легкую женщину, пронзительно посмотревшую на него. Она словно пронизала его насквозь, одновременно захватывая мысли, как территорию своих женских владений. Кроме того, ей была известна тайна глубокого молчания и слова становились бессильными и бессмысленными. Он понял, что проиграл битву и надо либо умереть, либо сдаться на милость ее сердца. Тогда он призвал на совет все значительное в нем и свои осколочные знания о женщинах. Первыми сдались его окраинные чувства. Глаза полностью подпали под магнитное влияние ее внешнего тела и не могли отказаться от восторженного созерцания великих сокровищ. Отзывчиво-звеняще восставшая крайняя плоть его – полярный символ любви – совершенно потеряла самообладание и хотела только прямого обладания сердцевинной сияющего мира. Хотя бы на миг. Руки тряслись, и пришлось их сильно сжать перед собой, а это уже было знаком мольбы о пощаде и желания покориться. И она – Королева Одиноя, к счастью, приняла его бессловесные верительные грамоты, чуть улыбаясь. На церемонии вручения целовательных грамот и тайных даров сердца она была великолепа. Одежда на ней была так тонка, что светилась, как облако под солнцем. А волосы!.. Нельзя было без восторга и слезного тремоло глаз смотреть на это ниспадение-низвержение-истечение сверкающего потока волос вдоль шеи и по плечам. Глаза бездонны и их зову – повелению нельзя противиться, а взгляд матов и мягок, и полон

магии, ускоряющей сердцебиение. Рядом с нею не о чем было жалеть, а мечты становились почти осязаемы, когда она призывно повернулась... оставалось только следовать зову её.. И он уже не боялся утонуть, хотя океан блаженства пугал своей необозримостью. Так свершилась его любовь-умирание в ней. Атай истекал квантом света.

Позже она сожгла все вещи, к которым он мог бы ревновать ее или сравнивать с чем-либо. Оставалось только прирасти ней, как черенок, привитый к дикой яблоне. Ну что ж. Это все же лучше всего прежнего...

... Жаворонок-жеребенок резвится в траве небес... душа купается в облаке... сердце срывается с гребня и падает вниз... ястреб страсти подхватывает его и вновь относит на гребень терзання... капельки крови становятся калеными ягодами калины... росно-пушистое гнездо в ущелине устроено искусно и потаенно... нагота округлых камней совершенна, а сами камни нежны... горячая плазма дыхания... кости плавятся, но снежные прикосновения охлаждают боль... в этом океане не тонут... летают... стоны уходят вглубь... улыбка-жемчужина в раковине губ...растворяется тело и уже неотделимо от вод блаженства... когда признаешься себе, что ты – форель, то нагота и умение плыть естественны... в океане прилив и берега исчезают... становишься большим и тебе миллион лет... ты древен и юн, и время и смерть бессмысленны...

Атай-Вестник, ставший уже квантом света, летел к центру вселенной, чтобы получив дополнительное ускорение, направиться к ее окраинам, где зарождалась новая оболочка и новая заря. Там должно было произойти соединение Любви и Перво-вещества.

Как ни странно, на самой Земле этот безумный план прекратил на время распри людей и стран, и все говорили о Надежде. Бурно, но как в большой семье, где обсуждается переезд.

Одиная, в день отлета Атая, тихо-инкогнито поселилась недалеко от Школы Навигации, рядом с тем незабвенным горным лугом, откуда хорошо был виден пик Хан-Тенгри.

Поразительно, но почти от каждого из землян вслед невидимому Вестнику-кванту-надежде потянулись тонкие паутинки упований, более прочные, чем те, которые были когда-либо. Была среди них и самая сильная и тонкая нить. Импульс-нить любви от Одиной. Себе же она казалась и Ширин и Мехменэ-Бану одновременно, тоскующая-ревнующая-любящая своего безумного Фархада, который, как в старой легенде, ушел пробивать гору, чтобы выпустить на волю воды откровения...

8

...он трепетно-нежен аки, бабочка, пока не пришел-налетел ветер тяжело-сильный-громкий-войный и не сорвал одеяние ея, крылья-пыльцу, и она встрепелулась-содрогнулась и не вспорхнула более...увечная-обнаженная-обесцвеченная... глаза чистого цвета ночи померкли... ночь-полночь-мрак наступил... он без страха и упрека взглянул на дело свое завершенное и малое сердце свое опустил в жидкое кипящее олово стенания... шар земной чуть качнулся и вновь обрел привычную ось и полетел-закружил средь братьев-сестриц, сияющих звезд и ярого солнца, в ночи незримого... она уже охладела... кокон-женщина бескрылая-бессветная и смертная и новый полет её в небе вечной любви не случится... а он зверь-мужчина забудется, как ветер-вепрь вчера и его настигнет тленишина и не пощадит изувера-людоеда проклятого-двоякого-пустого-изветренного... прощайте мечты... мертвый кокон женщины станет однажды черной личинкой, злой и прекрасной, и плоть-род мужчин истребит... ветер-вепрь... червь могильный-летающий... о, превращение прекрасного в кошмар-ужас-уродство духоубийственное!..

В раковины ушей всплыла-вломилаь та первая оглушительная тишина-безмолвие и он погрузился в нее и замер, предвкушая. Еще не зная, что произойдет через пару минут, не зная, что будет потом... Он хорошо помнил тот поезд. И особую душную жару Южной Сибири в июле. И сквозной-дробный перестук колес, больше похожий на удары отбойного молотка, и не где-то рядом, а прямо в голове. По вискам... Он смотрел в окно на мельканье пейзажей за окном, а в голове стучало: - Пронесло... Повезло... Значит можно... И сразу злость, темным комом в темя... Когда поезд по витым мостам переезжал реки, то прохладный поток воды, бегущей внизу, почти рядом с этим стеклянным аквариумом жары бесил так, что голография-иллюзия текущей воды возрастала до масштабов почти физиологического садо-мазохистского издевательства над плотью и волей (и мысль: почему не остановится поезд, почему?), и он молча бился головой о стекло-запрет. Хотя, казалось бы, думал в бешенстве он, пытаясь стать стеклом бесплотным: разве нельзя, хотя бы летом, сделать здесь стоянку на несколько минут? Вот она река, искупнись, избавься от на-

важдения, дай людям возможность от духоты-жары спастись. Ведь это так естественно, остановиться... Но поезд ехал, согласно своему (далекому от природного) закону-расписанию от одной жаркой станции к другой, и ничто человеческое не учитывалось в этом жестоком расписании. Пробка из ушей вылетела на миг, шум жизни ворвался в капсулу тишины, но он поставил более надежный запор-заглушку изнутри (а он умел это делать теперь хорошо, очень важный полезный навык – отключаться) и возвратил себя в дни «того поезда»...

Тот поезд вез его в «дембель» из штрафбата, от более сурового наказания, но тогда его дело спустили на тормозах. Тому была своя причина, о которой молчали все: и армейское начальство и...и он сам, конечно (бывает же так, что вот – все очевидно, картина обстоятельств ясна. Смотри, суди, как есть. Но одна мелочь перекрывает другую, тень падает на тень и передний план лишается смысла и ясности, и вот уже перед тобой – серия искажений простого факта...). А было на деле так. В тот день они сидели с сослуживцем (парнем-простаком из Белоруссии), чистили по наряду бак картошки в подсобке казарменной кухни. Во все время этого тупого занятия, белорус (с каким-то странным упоением-смаком и омерзительными подробностями) рассказывал ему о своих блядах доармейских, о случаях-способах-обстоятельствах, о каких-то немыслимых извращениях, будто речь шла о хронике времен Калигулы, а бедный женский орган, который он постоянно вырезал в картошке, начиная чистить, становился объектом столь убогих и грубых мыслей-вожделений- похоти-маразма, что даже ему, Бастарду, уже тогда не любившему женщин (почему? – это отдельно, только ему понятное – большое) стало так мерзко-противно, что желудок и ум стояли у него на грани рвоты. Светящийся туман, с проблесками черных молний, стал наползать ему в мозг, закрыл всякую видимость и связь простых вещей. Отчего-то почудилось, вдруг, что это его мать трахает-поганит белобровый кретин и ворочается в ней сизым членом, как в картошке нож. Потом что-то выключилось и... он обнаружил, что воткнул большой кухонный нож прямо в сердце говоруна-фантазера, изгадившего без всякой внешней причины и день этот, и девок своего доармейского мирка-закутка, которых он придумал (скорее всего, будучи безнадежно несчастным онанистом с детства), и ничего не было, кроме потных и скользких фантазий-порнокартинок в этой розовой поросычье безмозглой голове деревенского ублюдка. «Онанист» так и остался сидеть с открытым ртом, из которого так и не успела выскочить еще одна волосатая гадость про «то»... пока он медленно не завалился в чан с картошкой... Подумав минуту-другую, Бастард (он всегда потом удивлялся этой ясности ума, которая приходила к нему в такие минуты после совершенного) сообщил шеф-повару о случившемся, с необходимыми интонациями «потрясенной простоты». Дескать: мы хотели было уже нести бак, взяли за ручки (а бак с картошкой на роту и с водой, сами знаете сколько тянет), тут он поскользнулся упал прямо на мой нож. Шеф-повар допускал, что при таком развитии событий, рассказанное этим солдатом могло бы случиться именно так, и потому довел информацию до офицеров. Те дальше и, в конечном счете, в суде ему дали два года, условно, за неосторожное (в производственных условиях) убийство, с отбыванием наказания в штрафбате. И вот там, в короткие вечерне-сумеречные часы, после дня-наряда, сидя у кромки таежного леса Бастард предстал сам себе желтоглазым матерым волком, смотрящим из чащи (из мира заповедного-древнего) на этот странный мир людей, где стало много отвратительных запахов и примет искажения волчьей вселенной, чистой-ясной, пронизываемой и постигаемой инстинктом-голодом-утолением-охотой-покоем и упованием истинного хищника.

В эти минуты, когда он видел свое отраженное «я» в лике волчьем, Бастард вспоминал рассказы своей матери-полукровки о том, что их род происходит из племени тех самых древних «каменных татабов», которых гнал перед собой Чингис-Хан во всех походах, обещая подарить выжившим землю и «стан». А его вечно пьяный отец-алкаш бывало упоминал в глубоком похмелье, что он родом из некоего древнего корня – племени людей, начало которому положил Вепрь-Волк. В один из таких дней, когда лик Волка особенно долго мерещился ему из тайги, Бастард вдруг осознал себя потомком самого Чингис-Хана и новым его воплощением. Разумным волком-вепрем-сапиентом. Со временем это стало его истинной сущностью-нутром, которое он тщательно скрывал от всех, как самое ценное в нем. Хомо-сапиент-волк. И чаща эта казалась ему проще и понятней расчерченных, объясненных и потому скучных схем и формул будней. И стало ему все чаще мерещиться из чащи...

В купе беспечно смеялись попутчики. Рыжая молодуха и мужик-сезонник. За окном мелькало. Пили чай вприкуску. Водку – впридачу. Муха упала в малиновый джем, за первой – вторая, и эта мушиная обреченность дико веселила попутчиков. Смеялись над тем, что он не пьет водки. Мужик и молодуха были всецело увлечены тайным языком полунамеков, грубоватых шуток, по-

шлых анекдотов, недвусмысленных жестов, который давно устоялся на этих перегонах, как единственный способ быстрого сближения мужчин и женщин, которые только так могут, хоть как-то, остановить разлетающиеся пути-судьбы и взять в руки – в зубы кусок вкусного яблока-плоти, перейти от кружений «от того-этого» к прямому вкушанию смака жизни в самой ее «середке-промеж». А эти двое знали толк в этой суе-маете и умели ухватить свой «балык-рыбец» вовремя, а не якобы «когда-нибудь». Этим их уже не проймешь. Не-е...

Бастарда, вдруг, полоснуло в середине мозга, как тогда над чаном картошки, когда полез-налез тот острый-жгучий туман, и смутная ветвистая молния-мысль блеснула и точно легла на ландшафт – извилины мозга... Он широко – хорошо улыбнулся попутчикам, извинился, что ему надо навестить знакомцев и... вышел.

... покой ... водные глубины... в донном киселе бездумно делятся амебы... одна, две, четыре... от начала времен... микрохищник из тины... съедает, всасывает... четыре, две не успевает... и из одной опять две... и так без конца, смысла... рефлекс, инстинкт, природа... но они же простейшие и у них должно быть просто... а эти двое?... особо, эта рыжуха... вся, голей голого, и выражена откровенней, чем телка в течке... и сардельку из его толстых пальцев жрет, как... наверное, они уже приступили к делу своему скверному, к совокуплению мерзкому, точно так, как говорил тот буряк-белорус до ножа... лысого под кожу... мешок на колбасу... одноглазого в пещеру-дыру... и... дави мездру... бери мзду...

Когда через пару часов он вернулся в купе, то сразу понял, что гнус похоти восторжествовал. В нос ударил прелый запах распаренной вагины и острая ванильная вонь умирающих спермиков – протухающей «молофьи» (наверное, в том платочке, который она мнет). Он стоял в «фокусе» их еще не сфокусированных глаз, а она жеманно промокала капельки пота со своего «куриного носика». Фань тленная... И тут Бастард вновь, лучезарно, как ни в чем ни бывало улыбнулся. Он уже решил, что ему делать. А поезд пусть едет, как едет.

... в раковину уха влетает звук... низкий... режет воду... ревет тишину... в ключья... надо заткнуть брешь... вернуть покой-плаванье... безмолвие...

Незадолго до Красноярска рыжуха собралась на выход, и когда поезд остановился на одном из многих полустанков, Бастард уже стоял в дальнем тамбуре, наблюдая. Проводник помогал рыжухе с вещами. Трехгранным ключом Бастард быстро открыл дверь вагона с другой стороны (к счастью, на таких полустанках всегда одно-два полотна), едва увидев, что «шустренькая щучка» сошла. Сняв с пожарного щитка молоток с длинной рукоятью и гвоздодером, Бастард сошел с другой стороны состава и спокойно пошел вдоль вагонов, почти впритык, так естественно, что его можно было принять за обычного обходчика путей.

Как только поезд скрылся за поворотом, а станционный смотритель исчез в будке, Бастард поднялся из-за трансформаторной будки, сразу вышел на проселочную дорогу за станцией, по которой удалялась «рыжуха» и вскоре нагнал ее прирожденной рысью-ходом волчьим, а затем наметив место пересечения у купы кустов раkitника, обошел ее длинным полукругом по подлеску и залег. Тишина стояла оглушительная, и мир приходил в гармонию.

У укромной купы раkitника, «рыжуха» оглянувшись, поставила поклажу и села было по нужде... Молоток провалился в темя без звука, в дыре запузырилось-заалело-забелело и стало малиновым джемом... Бастард быстро оттащил тело к кромке леса к краю овражка. Рыжуха все так же глупо смотрела зелено-белесыми глазами в последний час-миг своей жизни, не дойдя трех-четырех, видимо, километров до дома. Он раздел её. Вульва была ещё теплой на ощупь, как свежая мездра овцы. Не хренелось. Облом. Из чистого любопытства, прежде, чем закопать, Бастард вырезал у нее левую ягодицу – полную и белую и внимательно рассмотрел желто-розовую мякоть, понюхал, хмыкнул и, на всякий случай, положил в целлофановый пакетик и сунул его за пазуху. Закопав рыжуху, Бастард дождался сумерек и двинул обратно на станцию по краю лесочка. Никто рыжухи не хватился. Ночью Бастард сел на встречный товарняк и отправился обратно, в сторону Владивостока. Следующей ночью он сошел на одном из полустанков, зашел вглубь дубовой рощи, не спеша разжег костёр и поджарил ягодицу рыжухи и нашел мясо сочным и особенным. Возбуждение было быстрым. Оргазм ярким. Бастард заорал. А потом (сытый уже и напитанный туманом изнутри) вновь вообразил себя волком-тотемом, стал наполняться темной кровью и силой, проникся новыми-острыми-прямыми мыслями хищника древнего-одинокого, сел как-то по-особому, по-волчьи, как ему казалось, поднял голову вверх и завыл. Тихо, низко. Необычный покой охватил его, всякая пустячная суеда ушла, все наносы обыкновенного «совкового быта» и пресного «гражданства» исчезли. Он впервые ощу-

тил себя другим, вернее самим собой, Изгоем, Эго-зверем, Волкоглавом разумным-сильным, единственным в своем роде. И запомнил себя таким, для других дней...

... раковина уха научилась впускать только прямые звуки суеты: голоса людей, новости... зато прочно хранила тишину дна и безмолвие верхних сфер... раковина тела внешне не меняясь приняла в себя сущность и дух волка-людоеда и осталась непроницаема для обычных глаз... музыка-скрежет..., муравей-скребет... плач-всхлип... треск-плеск воды... гримаса боли... рисунок на ткани... свежая рана – роза цветущая... вкус крови – вино вечности... убийство – мудрость... женщина – ошибка... охота – высшее назначение волка...

- Почему моя мать тоже женщина? Разве как-то иначе нельзя стать матерью? Если бы она могла быть только матерью? Зачем ей заниматься этой грязью с мужчинами, когда у нее уже есть он – ее сын? А этот омерзительный «отец», грязный, пьяный, называющий его маму nepотpeбными словами, не защищающий ее? Мразь, скотина, я убью его и скормлю свиньям на соседней ферме. Вот только вернусь в свое селение длинных деревьев, у гор, и убью. А мать сделаю другой, а не такой, как все эти шалавы портовые, – так думал Бастард после своего первого «причастия» и «прозрения». Он поменял много профессий, работал на рыболовецких шхунах, в геопартиях, мыл золото и «целил пушнину», побывал в грязных портах, перевалках, базах и везде встречал один и тот же тип мокрого и грязного одноразового бабья-телок-сосок-давалок на халяву – хрен. И навидавшись дерьма, Бастард решил стать «чистильщиком» и при первой возможности резать, мучить еще живых «позорниц», но с таким расчетом, чтобы никому в голову не пришла мысль о том, что сделал это он – мудрый волк. Пусть думают, дескать, наверное... Упала в дробилку, утонула на сплаве, разбилась о камни, а затем одичавшие собаки или звери порвали и съели то, что чего в них не достает. И представлял себе, как будут обыватели обсуждать на ночь таинственные смерти – исчезновения несчастных бабочек-однодневок паскудниц сибирско-таежного образа жизни.

А где-то в лесу, вымытые талыми водами и обглоданные зверями лежали, белея, кости несчастной рыжухи. Над ними, по весне, токовали тетерева-глухари, оглохнув от любви безмерной к своим серым тетеркам – птицам неслыханным, чистым, высоким и видели они только сияющее счастье гнезда и слышали щебет птенцов. Нет глаз, нет чувств и слез человеческих у природы и приемлет она все в свой круговорот слепой жизни-смерти.

9

Три колонны походного стана Воителя двигались вдоль гор. На восток. С правой руки – пустыня. Безотрадная, какой и должна быть осенью. В центре стана медленно едет широкая, почти квадратная, повозка с большими деревянными колесами на железных ободах. Ее специально, по заказу, сделали мастера из народа ковыльных степей, знающие в этом деле толк. На повозке – шатер из белой шерсти ягнят, в двенадцать шагов в каждую сторону. Качается, тащится, скрипит. Впереди сорок волов в десять линий упряжи. Бредут монотонно, то и дело испражня навоз. Сейчас ветер сбоку и пахнет не так густо, как если бы навстречу дуло. И потому опахальщики отдыхают. Вознижие – волопасы идут впереди и сбоку, мерно взмахивая шестами погончими, и вместе вскрикивают-выдыхают: Хх-ох! Снова скрип колес, взмах, вскрик – и так весь день.

В шатре сидит Воитель – темный, бесстрастный. Едет к родовым стойбищам, на зиму. Думает, досадует он:

- Медленно все... Как-будто жизнь останавливается... И скрип этот... Сначала тонкий и длинный, словно клинок точат, затем – надрывный, со всхлипом, как если бы кто захлебывался в воде... Как тот горец, кавказский князь, когда в бочке его топили... буль-буль... а потом дергают за волосы вверх... выныривает с открытым ртом... аа-ррк... вдыхает воздух со всхлипом, истощно... ыы... и опять под воду... бульк-бульк... раз за разом... глаза выпучил-иззолупил круглые, дикие... говорили, что он всех своих предал и нас хотел... на нем эту китайскую казнь пробовали... не понравилось... я сказал тогда – пусть больше не выныривает... так и сделали... тихо стало, покойно... бочку велел расколоть и сжечь вместе с предателем... получилось неплохо... сначала водой, потом огнем... как же долго едем?... второй месяц... вот одинокое дерево на одной линии с краем того длинного холма... когда его проедем? Скрипят колеса, сколько не смазывай жиром... хуже той китайской казни... ииии-рркк... кобылье молоко плещется в чаше... лучше отопью, а то прольется опять... терпкое... а дерево?... оно уже посередине холма... значит все же движемся...

Воитель приподнял полог. Войско его двигалось на отведенном расстоянии от шатра-повозки, образуя широкий круг и этот строй не нарушался в течение всего пути, кроме тех двух дней в неделю, когда полагались обязательные остановки и воины должны были совершенствовать свои навыки в стрельбе, владении копьем и клинком, и в других убийственных искусствах. Или устраивались облавные охоты для прокормления и, одновременно, для координации войсковых действий: охваты, засады, погоня, истребление. Воитель любил на склоне лет эти жестокие утехы, особенно, облавы. Загнать и убить. Ясно и просто. Теперь кроме воинских состязаний нечем и развлечь себя. Вот и осталось разве что размышлять:

- Как же тогда в той пустяковой охоте не повезло? Гнались за сайгаками, а вышли на обширные камышовые заросли вдоль реки. Конь попал копытом в сурочью норку, когда он привстал на стремяна, чтобы пустить стрелу в камышового тигра, выскочившего из зарослей... Упал... Тигра тогда завалили телохранители. Две стрелы в два глаза... Молодцы... Да, не напрасно, видно говорили ему, что в этой ковыльной стране врага встречают копьем, а провожают проклятьем. Неужели, сбылось?..

Но с того случая что-то сместилось в нем и вокруг. Изменилось. Это, как в бурдюке, где образовалась-появилась трещина-щель в заскорузлой коже, когда кислая походная брага утекает незаметно. И только к вечеру, на привале замечаешь – в бурдюке уже пусто... Где-то там, в середине второй колонны едет этот, как его... мудрец пучеглазый... Год, как он находится при нем. Достался Мудрец ему в виде откупа кипчакского хана, что не перейдет он реку мутную Инд и не вторгнется в большую и влажную страну, где почти не носят одежду и не едят мяса. Когда его доставили к нему (худого-лохматого-босого – в лохмотьях), то всех это позабавило... ну, да дело не в этом... важно, что было потом... вот еще один холм миновали... сколько их впереди?... а лет сколько ему осталось скитаться-воевать на земле?... потому и доставили этого, как его... патлатого босяка-мудреца... тьфу... но говорят он уже 150 лет живет, знание о тайных мирах имеет, ведаёт о долголетьи и второй жизни... вначале я ему не поверил... слушал его древние веды... разве так выглядят мудрые люди?... но потом он удивил меня и всех вокруг... на ножах лежит, как на траве... ни пятнышка крови... коня на спине поднял... не ест почти ничего... следящие за ним доложили, что раз в день на рассвете, уходит оборванец-чудак круглоглазый от лагеря и собирает травы-коренья-цветы, из земли что-то выковыривает и ест это все непотребное... на заре и ближе к ночи слизывает, по-собачьи, росу с листьев и камней, или, если в голой степи, находит родники одному ему ведомым способом... тем жажду и голод утоляет, а сил больше, чем у молодых... но самое поразительное: когда хотели хребет ему сломать за дерзость и ноги ему через спину перекинули к голове, он разогнулся молча, как если б змей был, не человек... помню, когда я усомнился в его способности умереть и возродиться, он попросил вырыть яму в свой рост глубиной, лег в нее и дал нам семь дней для вразумления... засыпали его, а когда выкопали мудреца по истечении срока и положили, как просил на пригорок, к утру он встал и только улыбнулся кротко... и тогда я поверил ему, что ведома ему тайна воскресения, если из могилы встать смог... но все же, поступить ли так, как он говорил или?... а решать надо... скоро... да...

Между тем ближние холмы по правую руку, по которым можно было хоть как-то поддерживать в себе ощущение продвижения вперед, кончились и за ними открылось абсолютно ровное плато пустыни. Глаз не мог выделить линию, очеркивающую небо от песка из-за нескончаемого струения-марева, отчего казалось, что твердь земная плавится там, вдали, отдавая часть себя зыбкому небесному пространству. Рыжий цвет песка передавался окраине неба, словно подтверждая мистическую мысль о кровавом захвате небесных начал земными. Пришлось Воителю, ради успокоения и утешения самолюбия, перевести взгляд на горы вдали, ибо не мог влиять он на процессы природные, а вид молчаливых далеких снежных вершин словно подтверждал, что устройство им завоеванного мира незыблемо и зримо, как эти обращенные к солнцу горы.

Недвижность гор и отсутствие каких-либо ориентиров создавало ощущение, что все вокруг остановилось, и только покачивание и скрип повозки подтверждало: движение продолжается. И Воитель вновь принялся размышлять:

- Хорошо, что я остановил поход в ту влажную большую страну... если все живущие там подобны этому босому мудрецу и их мысли и образ жизни так же неосязаемы, как дым, ускользающий сквозь пальцы, то как бы я мог удержать их в своей длани-власти... не станут же клинки моих воинов рассекают пустоту, а стрелы пролетать сквозь цель... те народы и страны, которые я покорил и взял в мое мироустройство были все же понятны и предметны, хоть и несходны между собой... из них можно строить – скреплять и осязать устроенное, утверждая железный порядок, и править миром мечом и волей...

Из дальней сиренево-черной-вселенской выси, из покоя второго неба увиделось это в короткие-кратно-кратерные провалы во времени...

В каменистой безводной пустыне, у подножия гигантских по высоте и шире гор, уже который год подряд веяли сиротливо-свирепые ветры-суховеи-сирокко, испив всю влагу вокруг. Из выси второго неба казалось, что пустыня эта безводная-каменная-суровая была сестрой тем горам снеговершинным-гордым, у братского подножия которых лежала пустыня-сестра в предсмертном томлении-жажде. Подумалось даже, что некогда-чудовищной неземной силой сестринская-родственная (высившаяся рядом с братом - горным массивом) гряда гор (зеленая, поросшая лесом и травами, обильная ручьями и живностью) была раздавлена-расплющена без жалости и лежала теперь бесстыдно-навзничь, распластанная, потеряв свои первозданные округлые формы с прелестными ущельными таинствами. Но и теперь, при всей своей обреченности, эта каменная пустыня словно ждала сверхприродного соития с дождем лавинным-страстным, что тугим сильным потоком мог бы ударить в ее обезвоженные-обезображенные-плоские чресла и посеять в ней новую жизнь, и тогда... все опять затрепещет-зашевелится в ней: трава сочная-упрямая прянет вверх, под камнями задвигается живность всякая-мелкая, заветвятся стволы юных древес-деревьев, а вслед за этим придут животные-звери большие, а потом появятся и хищники с холодными глазами и дикой-древней яростью внутри своих гибких-сокрушительных тел...

Именно там, на сретенье-сращении пустыни и гор, увидел Гроссмейстер вибрирующих линий небольшое племя полудиких людей (числом не более десяти особей), сидящих у костерка. Два старика, увядшая до сухости листа старуха, две зрелые женщины-самки, полный сил мужчина-самец и юноша (вероятно, сын последнего), и еще две девушки, на всходе округлых плодов плоти, и... и младенец пищал, укутанный в отрепья шкурные-облезлые. Молчание безысходное объединяло их в круге света с костерком в центре и голое чувство голода, уже давно томившего их и сжимавшего вокруг них второй черный круг отчаяния и обреченности. Надо было найти выход из этого двойного круга, но они не знали, куда идти: то ли вглубь опустошенной ветром-суховеем пустыни каменной, то ли подняться в бесплодные и бесстрастные горы, скальной породе которых был неведом ни голод, ни жажда, ни сострадание. В головах мужчины и стариков зрело решение: ведь чтобы идти хоть куда-нибудь, к спасению, надобны силы и ... пища. И... вода. По скупому жесту мужчины, старики разложили перед собой кости-когти-шерсть животных и пучок волос человеческих, и стали шептать-выть-камлать-шаманить, стуча костями о камни, дуя на огонь костра и вне его, все усиливая ритм камланья-колдованья, пока все слова не слились в один тонкий визжащий звук... инии-й... тишина после визга была внезапна, как обморок... Обморочно-обреченно-потрясенно смотрели все на самого древнего из старцев, на ветхом лице которого зияли три дыры-бездны: открытый в крике рот и два глаза, смотрящие в никуда. Он был страшен. Страшной мысли о смерти... И он указал, сотрясаясь еще в конвульсиях камланья-ведомства... Указал на одну из двух юных дев... Та вскрикнула и упала навзничь... Кровь из шейной-визной вены испили все... Горяча была она, как надежда последняя... Затем, одна из женщин-самок пошла кормить младенца и он затих... Вскоре и трапезу отчаяния отворотнo-отвратную завершили и пошли туда, куда легла обглоданная последняя кость девы-жертвы, брошенная через спину старухой...

И долго еще, в самых разных-рваных-жутких промежутках времен говорилось-шепталось меж людьми о племени людоедов и о семени-потомстве их, что будут изредка-внезапно объявляться среди человеков обычных в годы хаоса и потрясения истин-основ...

В той пустыне так ничего и не возросло, а горы продолжали медленно вылезать из земли, пытаясь подняться выше того заклятого места, что увиделось Гроссмейстером из далей второго неба... Сигнал зла, исходящий из того давнего-древнего пустынного места был все еще силен, и Гроссмейстер сотрясался вибрацией боли и бессилия, ибо сходный с ним сигнал теперь исходил из селения «длинных деревьев» нынешних дней и стал расширяться, грозя испепелить зеленые беспечные поляны жизни человеческой... Надобно было как-то остановить этот холодный пожар людоедный... Но как? Как?..

10

Как бы ни были Гевра и Балерина слиянны в любви, как бы не передавались-наслаивались-умножались в них эхом длительным - неумолчным волны-отзвуки-оттенки чувств и мыслей, но в одном они были бесконечно одиноки-отдалены и одинаково несчастны. В мечте о ребенке.

Еще в самом начале их совместной жизни Балерина обмолвилась о давней своей женской ошибке, но тогда этот разговор не мог иметь продолжения и оба интуитивно понимали, что на эту территорию ступать им сейчас опасно, и кипенное цветение страсти-цветка и нежности-лотоса не могло принять этот отстоящий на окраине поляны любви молчаливый печальный Ирис - образ ребенка. Надо было переждать. Хотя бы эту весну. А может он изначально вырос в краю нескончаемой осени, этот печальный Ирис-ребенок?. И не цвести ему в природе, в мечте ароматной, а затем расти-подниматься вверх цветочно... Поздний Ирис в дальних горах...

Мысли об Ирисе посещали их порознь, словно боясь встретиться в каком-либо тесном переулке, в неурочный час, а тем более в сутолоке нелепых мелочей. Возможно, они никогда не догадывались даже о своих поразительных умениях в сокрытии таких тайных мыслей, но действовали очень тонко, столь искусно, что порой сами не могли обнаружить, где в последний раз они утаили от себя этот тревожно-нежный вопрос – Ирис, в какой уголок сердца пересадили его на время. Но и сам Ирис-ребенок имел особенность объявиться неожиданно, среди дня ли, вечером, ночью, среди разгорающегося костра любви-страсти или малой заботы. Он, как бесправный необласканный сирота, мог возникнуть на миг среди пиршества чувств, но чаще Ирис являлся в час дотлевающих углей, когда приходило время уходить каждому в свое заповедное убежище – эго, где Ирис смутно виделся им в разрозненных и совместных снах.

Иногда Балерине являлось будто такое: собралась она в дорогу, присела на чемодан, как водится, встала было, идти собираясь, а ее некто окликает, вдруг: – А ничего ты не забыла? Почему меня в дорогу не берешь? Я так мал, да и нет меня вовсе, но как же мне остаться тут одному? Может пригожусь, возьми меня, возьми... и Балерина, виновато оглядевшись, забирала это невидимое с собой. Когда еще в театре танцевала и теперь, когда с Геврой открывала родники подпочвенных вод и истоки небесных рек.

... И Гевру этот Ирис бывало поджидал где-нибудь в дремучих кустарниках суверенных блужданий-размышлений или на голом плато терзаний и сомнений в себе, когда пытался постичь назначение свое, приложение своих потайных сил, и вот Ирис неожиданно откроется ему на миг и словно спрашивает: – А если не встречусь тебе вот так, ненароком? Забудешь, верно, совсем меня или мимо пройдешь? Хорошо ли это будет?..

...А бывали и двойные видения-сновидения... он слетал из немыслимой высоты, из тумана словно, и склонялся - витал над нею... ее фруктовое-мангровое-фиброво-тонкое-хрустальное тело дрожало, как нежное облако-марево и словно источало из себя свет-голос-слова темные-вьющиеся – сокровенные, и просила его выпавшего из облака-мечты: ...упади, пади, пролейся на меня, в мою зияющую глубину и оставь в алой магме матки моей свое семя-зерно, чтобы смогла зачать-выносить я дитя-ирис, чего бы то мне ни стоило и чем бы ни кончилось, и тем завершу я свой изнурительный бег от себя к тебе... открой глаза чрева моего, ведь там я слепа без света-семени и глуха к музыке зачатия-рождения-повторения, которую слышат все божьи твари и женщины простые... стану делать без упрека тяжелый труд ваяния зародыша-ириса-ребенка, яви мне лик дитяти моего в середине зрачка-матки, дай голос ему в моей гортани-вагине... Гевра весь плазменно воспалялся от этих молений-взываний ее и полнился энергией и соком всего произраставшего и живущего на Земле и готов был стать саможертвенным вулканом и так ослепительно-безоглядно-щедро извергнуться в нее тем, о чем она просит, а потом пусть пустота или хоть весь океан навсегда сомкнется над ним, не жаль жизни будет. Зато Ирису тому быть...

И думалось... вот витала-скиталась по Вселенной одна-единственная молекула с кодом органики, и хранила-хоронила-берегла себя среди галактических катастроф и ждала-ожидала хоть какого-то просвета надежды, что откроется ей островок-гнездо земное, где она сможет породить из себя жизнь. И достало же ей на это терпения. А иным людям чудо рождения ребенка дается просто так, без всякой натуги страдания и не ценят они того. А другим сколько ж страды-страдания перенести надо для обретения блага-чуда деторождения? А третьи, вовсе потусторонние будто, легко идут на убийство Ириса еще в семени, не говоря о том, что губят уже живые цветы, бросая детей к порогу чужому...

В первую ночь, как пошел Гевра в дежурство, Балерина, привыкшая засыпать-просыпаться рядом, затосковала так, что впервые взмолилась:

... о матери моей кроткой и краткой как долго мне еще вспоминать?.. ведь я давно изречена устами и лоном ее священным... и имя мое произнесла несчетно она, и слезное озеро излила при родах...

и красива была и счастлива тоже... умела забыться в любви и в танце, а теперь лепечу имя мамы опять, как дитя... и роптать на судьбу мне нельзя, коли спину мне мама всегда защищала и никому не дозволила исподтишка удар нанести... да и после смерти своей шла за мной, охраняя... но печалюсь я, мама, и гневаюсь тоже.. отчего ребенка нет у меня?.. разве зло я кому сотворила?.. не могла я сделать такое, потому как жила по заветам твоим... почему не могу я родить?.. кому передам, будто код твой материнский, тело-очи-руки-ноги мои, столько лет красоту сотворявшие?.. чадо где мое, которому душу твою передам и сердце отцовское - доброе?.. я бы все отдала за него... мечты-упования, восторги и умиления... да что говорить?! и сам танец, который любила, отдала бы, да простит меня боже.. что мне делать и как мне уйти от отчаянья, которое порой стоит за спиной?.. ведь есть у меня любимый мужчина, который тоже втайне этого хочет, но молчит... как поступить мне, если сердцем женским своим чую я, как начинает он отходить от меня, как тот поезд, однажды увезший меня от тебя?.. мама, мама, пчелка моя заботная, не забуду я до смерти мед твоих рук и глаз ограждающий взгляд, и вкус простой еды на огне из коровьих лепешек, но помоги, умоляю, мне из сфер высших, где ты, верю, усилилась сердцем и можешь теперь, будто ангел помочь и чудо сотворить для меня... возлюбленный мой, какого и ты бы мне пожелала, на дежурстве ночном, и потому свободна я для молений... я знаю, мама моя, никто-никто не поможет, кроме тебя... ты ведь там с аруахами... соберитесь вместе и идите просить у всевышнего чуда-ребенка для меня... вот стою в тишине, как в воде, но плыву всей душою к тебе, мама моя незабвенная... нет слез и печали во мне, одно упование к тебе...

...если долго идет дождь, то свечи надо ставить внутри себя, как в храме. Дело это, несомненно, болезненное и оплавленный воск со свечи будет стекать непосредственно в душу, но зато, когда дождь, все-таки прекратится, из храма души в мир польются моления, как некое особенное свечение (образ свечи в темноте). Подсвеченный воск легок и невесом, и прозрачен, как долгое терпеливое молчание запертых на время в клетки одиночества. И это смола древняя, сияющий янтарь для предбудущих дней – душа человеческая, живая, молящаяся во вселенском долгом дожде. И незрячему виден свет тех свечей на душе...

11

Поскитавшись пару лет по тайге в геопартиях, поплавав по морю на рыболовецких шхунах, поев неверный хлеб сезонника, Бастард вполне укрепился в своем новом двойном образе жизни, найдя линию поведения оборотня среди нормальных людей. Он постиг науку ничем не выделяться и быть заметным ровно настолько, чтобы никого не насторожить. В эти два года, после того, как он спонтанно и импульсивно убил того буряка-белоруса белобрысого, а затем уже осознанно пошел за той девкой-рыжухой-сухой пухлой, замочил ее, а потом впервые вкусил-поел-отведал мятно-мускусной пряно-тягучей плоти женщины, плод падший-пахучий, и постиг наслаждение уничтожать-убивать это зло. Конкретно. Зубами. Желудком. И выводить паскудство это в виде экскремента-кала-дерьма, каким оно и являлось на деле. И вычеркнуть хотя бы одну из них – женщину злотворящую, из пейзажа чистой жизни. Одновременно, Бастард все больше проникался мыслью о своей особенностях, исключительности, избранности. Ибо он теперь и отныне – Истребитель Нечисти. Он стоит над толпой плебеев. А что касается жалкого племени сучек-членососок-дешевок-проблядей-шалав-одноразок, которых он уже навиделся и отпробовал с брезгливостью членом своим и зубами, то он будет властелином их жалких судеб. Отныне и навсегда. Он станет убивать их, когда ему заблагорассудится, когда решит, что их время пришло. При этом в нем все еще жила тайная страдальческая привязанность к своей непутевой-неудачливой-слабовольной матери. Ничего с этим людоед не мог поделать, но ему казалось, что, убивая и хавая-съедая блудниц, он хоть отчасти, смыкает позор с тела-имени своей матери. Блудницы по несчастью и факту. И, вообще, надо бы почистить родовые места от скверны, от всех распутных девок-бабенок-подорожниц. Это им он ставил в вину свое унижение и стыд за мать. При всем том он ей был благодарен за одну мысль-весть, возвышавшую его самолюбие. Мать как-то обмолвилась, что по ее линии он является потомком Чингисхана. И эта мысль охватила его мгновенным холодным пламенем гордости. У него, Бастарда, появилась родословная. Значит: он стоит выше быдла и всякого ничтожного люда. Идея-фантом овладела Бастардом целиком, ибо давала ему карт-бланш и оправдание всех его дел. Он называл теперь это – Деянием! Миссией! А он – Мессия Мести в этом развращенном и неверном мире. Отныне любые легенды и книги о Потрясателе вселенной укрепляли его в том, что волею судеб живет в нем ген «сверхчеловека» и ему надлежит (пусть по-своему) оставить свой след в истории. Эти ущербные,

но как ему казалось, значимые мысли заполняли ту зияющую пустоту, которая образовалась после казни Агника-агнца, давно ставшего для него неким тотемом-идолом. Символом невинной жертвы, требующей отмщения. И не дано будет никогда узнать Бастарду, что он сам и есть жертва, порождение инфернальных сил, продукт катастрофического стечения обстоятельств, по причине которых его детская душа была жестоко обманута в своих ожиданиях. Механическая-мерзкая жизнь взрослых отвергала тончайшее устройство ребенка, когда одна единственная ошибка приводит к искажению человеческого гена и к чудовищным метастазам в душе и в уме маленького человека...

внезапно треснуло зеркало... лавина изломов-трещин стремительно стала расширяться... миг... и зеркало обрушилось и раздробило на бесчисленные осколки лик человеческий... в раме зеркала зияла черная дыра... там антимир... там нет отражения... нет красок, голосов, сострадания, небесной мозаики земной жизни...там лед, ужас, тьма... там античеловек. И мы, обычные люди, его потенциальные жертвы, его пища, его триумф. О, хрупкая жизнь – зеркало души! Расколется, рухнет душа и жизнь вместе с ней теряет смысл.

Туман чернильный-мерзкий-мерзлый в голове людоеда, становился все плотнее, но самым парадоксальным образом в житейских обстоятельствах он думал так ясно, а логика его действий была столь безупречной, что это могло поставить в тупик даже изощренный ум аналитика-психиатра и обмануть его профессионализм, навыки и чутье (что впрочем, и произошло впоследствии). Вместе с тем Бастард, исподволь, бессознательно культивировал в себе преступную тягу к определенному типу девушек-пухлянок, походивших на Камиллу-глазоедку и вскоре это чувство (если такое можно назвать чувством) стало таким густым и сильным, что доводило его до гормонального стресса за доли секунд, до спазм в паху и молниеносных судорог в середине крестца. Точно током било и искрило в крови.

Через год после штрафбата и «первой рыжухи-пухлянки», оставленной им при дороге, в лесочке, в овражке без ягодич-курдючка, Бастард получил письмо из дома, из селения «длинных деревьев», отбрасывающих еще более длинные тени на закате. Мать отписала ему, что дочка дяди-мясоеда по-осени выходит замуж, вернее, упомянула это среди других вестей, где была и эта весточка о смерти отца-отчима, покинувшего сей мир без всякой надежды, хотя бы на минуту трезвого покаяния. Известие о смерти отца-отчима-алкаша обрадовало Бастарда, так как он не мог забыть одной мерзости, от которой его тошнило до сих пор. Однажды, ночью (ему было лет четырнадцать) он проснулся от смрада перегара над ухом, невнятного бормотания, и от холодной потной руки шарившей по его голой заднице, куда пьяный «отец-отчим-извращенец» пытался засунуть свой сизый набухший отросток. Он рванулся, что было сил, дико вскрикнул, выскочил из мерзких объятий и ударил «отца» по голове деревянной табуреткой, которая обычно стояла у изголовья. Мерзопакостник-отец сник и тут же захрапел-заснул прямо с приспущенными трусами. Бастард побежал к матери в «спальню», но и она лежала там пьяная вдребезги и...голая... и нечто (сизое мохнатое меж раскинутыми ногами) смотрело на него, словно прищуренный подбитый глаз. Виногато-бесстыдно-ужасно. Бастард выбежал во двор и всю ночь провел в сарае, на сеннике, дрожа от отвращения и дикого гнева. С той поры он выплюнул «отца и мать родную» из сердца, как сгусток рвоты и гноя, окончательно заблудившись в чаще неверия в добрую природу мужчины и женщины, обманувших его ожидания-упования в который раз. Он проклял их и с той поры безысходно замкнулся в себе, закрыв все выходы наружу. В нем стала расти-множиться некая плесень, как на том памятном мельничьем колесе, которое теперь, глухо скрипнув, вновь стало медленно-больно поворачиваться в нем, вытягивая жилы. Оно, колесо, мололо в нем красную муку мести и ненависти к людям. Особенно, к Камилле-ухажерке-глазоедке-печеньгрызке и мозгоедке, слежка за которой стала его единственной тайной и пагубной страстью. И вот теперь, он узнает из письма материнского, что она собирается выйти замуж, стать чьей-то женой и с ней кто-то будет делать мерзкое действие, которое «отец» совершал с «матерью» и хотел сделать с ним... Нет... Камилка-глазоедка принадлежит только ему. И он знал теперь, какой будет его месть, что росла в нем все эти годы. Бесформенная. Безымянная. И эта, уже обретшая форму, месть взяла над ним такую непомерную власть, что, только свершившись, эта месть могла вернуть ему свободу. Он хотел освободиться!.. Бастард, в тот же день, взял расчет в порту Владивостока, (где работал грузчиком по найму) и вылетел наутро в Алма-Ату, через Иркутск. Весь перелет, с пересадкой Бастард думал только об «одном» и полет его извращенного воображения был быстрее летящего самолета и он, уже несколько раз совершал мысленную посадку в «селении длинных деревьев»

у дома Камиллы-пухлянки-глазожорки...и вскипала в нем та темная сила-страсть-наваждение-мания. Снова туман вязкий-влажный-густой вступил в голову...охота... хищная... камышового человека на человека травы...Он летел в самолете, но... мысленно шел за ней...

...крался под фосфорными-невесомыми-недвижными ветвями фантазийного древа из фантастической чащи...след Ее взял сразу...ни одного из ферментов Ее запаха Он не забыл... в ноздрях щекотало от возбуждения и обилия запаха...Она была еще далеко и недоступна глазам, но Ее контуры парили в воздухе и Он проходил их насквозь, словно коридор был в чаще...контурный-пахучий-знобящий...Он знал, что случится в конце коридора-тропы-следа-запаха...

Бастард мысленно тренировался в салоне самолета, восстанавливая в себе инстинкты-чутье-навыки многолетней слежки. Мозг его рисовал «ландшафт» преследования. Ее привычные маршруты и, особо, те места за селением «длинных деревьев», где Она любила уединяться со своими девичьими грезами...

...дистанцию надо было соблюдать...это главное в охоте... вот, кажется, Она остановилась... и Он замер, мгновенно обратясь в куст-камень-ствол дерева... замер... за... мер... мера... межа... у меры мертвенности... мерно... умер...смерть смердит...месть смердов-смертников...шевелились только ноздри, ловя запах Ее...испуг ли обычный или чувствует что-то Она?...не забывай, охотник, тот, за кем долго охотятся начинает это чувствовать седьмым жертвенным чувством...есть такая связь на самом тонком-темном уровне...вот показалось, что обернулась она, услышав шорох палой-паленой листвы...или это дуновение ветра?... шорох листьев-воспоминаний под ногами или шелест листьев-чувств на ветру?... это различать надо, коли хищник ты возвратный из человека травы в зверя камышей... пусть пока охота мысленная в голове, трен воображения, но все правила надо соблюдать строго...встряхнуться надобно изнутри, верхний слой обычного обывательского поведения надо снять, оснастку инстинктов сменить, восстановить гены хищные забытые-древние-дремные...

Самолет летел, дрожа корпусом, как и он сам, всем телом, пассажиры спали, но в Бастарде гудело свое напряжение в сто тысяч вольт. Это было вожеление- ожидание предвкушение истинной реальной охоты ...за Нею...

Об этом надо непрестанно думать. Поток настоящего верхнего ветра не изменишь. Как курс самолета. Сел, значит летишь. Уже не сойти. Люки закрыты. Все. Это, как в поезд сел или в вагон метро. Двери захлопнулись, рельсы дрогнули, колеса тронулись. Разгон. А дальше уже пойдет инерция неостановимого движения в замкнутом пространстве. Это тебе не пустые мысли, которые легко могут передвигаться туда и обратно. Все. Не выскочить. (если под откос или авария в воздухе, моторы отказали, к примеру). То все полетят, все разом, вниз. Никакого различия, кто умнее, кто чище, а кто тварь мерзкая-грязная. Все равно...А теперь сам тварь-творец мерзости, жди остановки. Доедь-долети до заветного Места. Если выбрал цель-жертву и свободен идти за ней, если ты вне цивилизации и вне вагонов, вне самолета, вне мира людского, то не можешь ты остановиться, ибо должен настигнуть жертву в конкретном Месте, вскрыть артерию сонную, нежную и напиться властью сукровицей жизни. А пока летим-тренируемся-возвращаемся к себе самому Истинному.

В селение «длинных деревьев» людоед не пошел, а затаился в ближних холмах. Он начал охоту. Уже на второй день наблюдений, по многим, едва ощутимым признакам, по запаху и иным, понятным только хищному зверю приметам-звукам-энергетическим импульсам, людоед-охотник знал, что Она здесь, и к вечеру выйдет к холмам. Недаром он столько лет следил за ней и даже в отсутствии своем, мысленно, в воображении своем не переставал идти по Ее следу...

...вышла... идет... заходящее солнце словно тянет Ее к холму,за которым Он...заломило в затылке... потянуло нутряным сквозняком...все происходит точь-в-точь, как Ему представлялось... Он приметил уже то Место, где все случится...там вились мошки...прозрачным роем, видимым только Ему... Она идет мелко, будто чувствует что-то... но идет... Место то зазывчиво... придет... Он знал и раньше, что Она любила полежать под ореховой густой кроной, обнажась и мечтая... о чем?... это уже не важно... вот она уже почти рядом...расцвела пухлянка-ухожорка... прет плоть из нее... скоро треснет... струится по плечам поток волос... линия шеи акварельно чиста...поволока в глазах, как у телки течной... наивна по-прежнему... губы чуть шевелятся, будто жуют что-то... досмаковывают... щечки-абрикосы медовые, но сама пахнет кислым молоком... а грудь?... в них сок пряно-прельный белый... снять кожицу тонкую... под ней плотица-мякоть виноградная... вокруг нее вьется тонкое марево тельного цвета, как прозрачное платье... под дерево встала... зевнула... сняла платье из ситца тонкого... постелила... и...

Он ударил Ее резко, ребром ладони, в четвертый от затылка позвонок... обмякла, осела, легла... на шее артерия сонно дышала... Он надрезал и стал пить... дрожь охватила ее мелкая, смертная, глаза распахнуты небу... Он стал смотреть в них пристально...

...хотел увидеть, как душа исходит... ничего не увидел... и Она не видела Его... смотрела далеко... замерла, вдруг, и что-то выдохнули-шепнули губы Ее... те самые, что вкушали свежую печень агнца Агника...все!...свершилось... но отчего пустота такая и холод внутри... на тело Ее не глядел...Он знал его... оно было отвратно Ему... одного хотелось Ему... то, на что был давно запрограммирован самим собой... голова, уши, глаза, язык и печень...не помнил, как сделал... это уже было столь давним прошлым, что к настоящему моменту не имело никакого отношения... затем Он ушел-растворился... а Оно осталось... безголовое-безобразное-безымянное... рой мошек кружил над тем, что осталось... густеющая кровь, утекала в траву, стыла на бедре слизистая молока... фья, что изошла из Него толчками... поллюция мести мерзкая... мездра овечья-человечья...

Когда несчастную нашли на следующий день, селение «длинных деревьев» охватил ужас, а слухи о людоеде поползли далеко, много дальше длинных вечерних теней тех деревьев, что дали имя этому селению у гор.

12

В один из беспросветных муторных дней, с утра зарядил до противного мелкий дождь-пыль водяная и небо затянула ровная серая пленка. Звуки-шумы просели-растеклись словно. Гевра проснулся от смутной тревоги, хотя все было обычно-обыденно: Балерина хлопотала на кухне и что-то, чуть слышно, напевала. По радио, как раз, стали передавать важное сообщение, что вводится национальная денежная единица – тенге, что каждый может в такие-то дни, в сберкассах, обменять сто тысяч!.. деревянных рублей, кажется, на 200 тенге и с этого начинать жить совершенно суверенной свободной жизнью. В начале подумалось: а где их взять-то, 100 тысяч?.. но потом этот мелкий дождь – зануда методично рассеял могучий смысл этого правительственного сообщения, раздробил его в пыль, в иллюзию и продолжал сеять тоску, разжижать звуки и, прямо-таки, чудесным образом, уравнивал реальность с метафизикой души и стало думаться, хоть и монотонно-мелко, но ровно. Показалось даже, мимолетно, что по краю неба пролетают странные птицы, вроде планеров, чертя по серому пергаменту дождя неясные линии, которые в пересечениях образовывали знаки-контуры какой-то футуристической письменности-гравюры. Водяная пыль тут же поглощала этих птиц, несущих, видимо, некую весть, чтобы предуготовить растерянных людей, намеками - реянием в дожде, к событиям явно неординарного внебытийного порядка. И всё это – смутно-исчезающе-неясно. На одном из этих планеров-птиц, пролетавших совсем близко от него, привиделось Гевре почти бесплотное существо, вроде лазоревое пятнышко акварели на фоне беспросветной сероты. Лазоревая акварель была нежданно-радостна-радужна и, словно живое существо, помахало вроде бы даже ему ручкой. Откуда-то, бессознательно, вдруг нашлось даже определение – имя этому явлению. Лазоревый Ангел! Хоть и быстро все это произошло и остались сомнения в реальности явления, но Лазоревый Ангел не только развеял тоску этого дня (вскорости дождь прекратился), но стал он являться ему среди непроходимых мангровых зарослей повседневно и будто шептал-лепетал что-то тихое-благое, или просто молча вился рядом, где-то за краешком уха. Легкий, улыбчивый Ангел Лазоревый! И вот с ним-то и стал Гевра мысленно беседовать о разном, совсем далеком от обычного...

... Слепо-глухо-немо-рожденный заворочался в постели и проснулся. Но об этом знал только он, тем более, что был еще ребенком. Месяцев 10-11-ти от роду. Этот маленький невинный монстр острее ощущал мир, когда еще эмбрионом ворочался в утробе матери своей несчастной, ибо чувствовал ее чувствами и, возможно, даже смутно видел ее глазами и лепетал ее устами, но вот он родился, связь прервалась и он попал в мир в тысячу раз более отчужденный и огражденный от него, чем в период пребывания в утробе. Он стал воплощенным несчастьем: человечье чадо в барокамере своего тела. Физически или биологически он был совершенно здоров, если, конечно, мысленно исключить такие важные, если не сказать, ключевые функции нормального ребенка, как зрение, слух, речь. Осязание и потребность есть – вот все, пожалуй, что досталось ему от матери-природы (здесь эти два понятия уже точно сливаются в одно, но ужасное слово-мачеха). И еще он мог ощущать вибрацию. И все. Можно ли развиться чему-то человеческому в нем, разуму, прежде всего, при таких исключительных обстоятельствах? И вот он проснулся. Когда при матери несчастной у груди находился слепо-глухим-немым котенком, то еще могла хоть она, мать, интуитивно сердцем понимать, что он проснулся, по-

тому как трясся, чуть пописал, чуть покакал и за грудь. Сосал-причмокивал и, казалось, был внешне, как все младенцы. И определилось все не сразу, а месяца так через два-три. Даже плачет-то, не как все. Мычит. И больше никаких реакций. Мать хоть и не имела особого образования, но интуитивно поняла. Что-то тут не то. И не ребенок-младенец обычный, а просто живая плоть. В город его большой повезли, в клинику. По обследовании ей так и говорят: - Бывают такие случаи. Один на 10 миллионов. А по какой причине, не знаем. Вы-то здоровы, мамаша, и другой ваш ребенок нормальный, а этот вот такой уродился. Про горе прозревшей матери и иных близких и говорить нечего. Грех так думать, но лучше б мертвым родился или на день второй-третий умер. Но он жив. И здоров. Человек в идеальной изоляции от физического мира, не способный контактировать с ним и с людьми, кроме сигналов: тепло-холодно. И потребности первойшей - есть, кушать т.е. ...

Это Гевра ни с того, ни с сего, вдруг, да стал вслух рассуждать, однажды, под вечер.

- Ты, что, Гевра, несешь такое? Я о таком первый раз слышу. Жуть какая-то, перестань, милый, - заговорила заполошно Балерина и смотрит так дивно - удивленно на Гевру. Ну, никак не ожидала.

- А? Что? Прости. Я не хотел, так вышло. Сам не знаю, почему я об этом. Все это от теленостей, видать. Давай просто музыку поставим, или пойдем, прогуляемся.

И замолчал Гевра, и приласкала его Балерина, и гулять они вышли в теплую весеннюю ночь с запахом сирени... И вот так, с этого его неосторожного умничанья вслух, стали они микрон за микроном, отчуждаться друг от друга. Бессознательно. И даже внешне еще более сближаясь, и теснее-ласковей любя-касясь друг друга и днем, и в ночи, но все же отдалялись они, будто что пробежало-прочудилось меж ними. Не ребенок ли - Ирис их, не мечтанье ли тайное каждого в каждом, так себя проявило неожиданно. Но...

Думание о слепо-глухо-немом малыше, жившем в тюрьме собственного тела, почему-то не отпускало Гевру, особенно, когда выпадали минуты безделья в магазине, вокруг которого постоянно образовывались маленькие энерго-вихри, в той или иной мере повторяющие процессы в обществе. Сцепится, к примеру, один пенсионер с другим, более продвинутым, и первый начинает костить нынешнюю власть за арест вкладов в сбербанках, за бардак, за Афган, за позор Чечни и прямо обвиняет «горбатого с отметиной», что он предал страну и его надо к стенке поставить, как при Сталине. А другой, которого тошнит от Сталина, поначалу внушает ему, что это, дескать, синусоида общественного развития, а дышать стало вольнее и веселее и народ возвращает себе истинные, так сказать, исторические права. Тут обязательно встревает третий, дальше бабка, плюс тетка и... образуется точный скол бурных политбаталий, но на уровне аргументов и житейской логики и обязательно, точных нравственных оценок. Но обиженными остаются все: и правые, и левые и те, что сбоку, и только возглас продавца о завозе хлеба-мяса прекращает спор.

... бывшая элита «вертикалов» упала ниже второго уровня и в поле лопухов стала именоваться лохами, создав целую индустрию хохота... прежнее соцменьшинство «горизонталов» поднялось, укрупнилось, и стало вершиниться, сместив «вертикалов» уходящей натуры... с ними теперь считаются... деньги стали хлебом насущным, хоть и несъедобным... голодные на них ненасытны и пекут свой хлеб впрок...

И такая вот жизнь разве достойна человека, или вот этих усталых, пожилых и трудно живших людей? А то, что несут политики с экрана по сравнению с этими вихорьками жизни, чисто устная беллетристика, если не выверенный цинизм, или штука такая известная с гандоном, готовая к насилию. Но самому понять основу-сердцевину происходящего здесь и вдалеке, все-таки, надо было. Вот возьмем, хотя бы того же несчастного слепо-глухо-немо рожденного. Вероятно, если его оставить в таком состоянии и просто кормить, что из него получится? Кусок мяса без мозгов, чувств?.. Даже страшно подумать. А нечто вроде души исконной бьется-рвется-стонет-хочет выйти наружу из под оболочки-кокона-барокамеры, а не может. Заперта странной причудой природы. Ведь очевидно, что без контакта-общения с другим человеком не может этот младенец пройти за год гигантский путь до улыбки осмысленной, узнавания родных, крохотных образов красоты и обретения речи, смысла слов, наконец. Но младенец этот так и будет жить в виде плоти слепо-глухо-немого существа, вроде детеныша крота, замурованного в норе своей. Ужас и кошмар. Однако, говорят, что и к таким детям-эмбрионам находят добрые лекари-волшебники лазейку для контакта, через осязание. Гладят, по-особому по руке, по лицу, безмолвно объясняя, дескать: не волнуйся, малыш, я тут, вижу проснулся, сейчас помоемся, потом покушаем, ты хоро-

ший малыш, мы тебя любим, не бросим одного, не плачь, сейчас на животик перевернем, музыку включим, а колонки прямо рядом поставим, слышишь? Вибрирует. Это Гайдн, он у нас с тобой после завтрака идет, после обеда будет Моцарт и ты улыбаться станешь, понял меня? Ну-ка пожми пальчик, хороший мой, а теперь я тебе по лобик у проведу, вот так, это значит – ты умненький...

И что поразительно! Ведь находят контакт, душа у бедняги пробуждается, он улыбается и слушает даже, будто после тех или иных прикосновений, словно понимает что-то, и руки тянет прося: еще хочу. И мысль, наверное, в этот момент обретает какую-то смутную форму и с другой связывается мыслью, а? А мы, здоровые, нормальные люди контакта и понимания найти не можем. Это как, по-вашему? Мы же не слепо-глухие-немые живые мумии?

Не переставала мучить Гевру и та медленно-незаметно растущая отчужденность от Балерины, и ощущение это тоже находилось больше в плоскости предчувствия-беспокойства что ли. Балерина стала чуть больше молчать-задумываться и в ее природном простодушии и той открытости, которую она могла себе позволить только с ним, нет-нет, да и появлялись иные черточки, даже в обычных бытовых движениях (она и дома, все-таки оставалась артисткой и могла одним движением тела, ракурсом, полупозой, жестом обозначить то или иное свое настроение, когда по женской своей тактичности и чувствительному уму избегала лишних слов в споре или в обсуждении житейских вопросов). И восторгу-умилению Гевры не было предела, так изумительно-изумрудна могла она быть в любой час и время дня, что-то напевая в себе или наигрывая на пианино, то шепотом беседуя со своими феерическими рыбками на языке непрерывного-неостановимого движения. И вот в этом почти неземном блаженстве бытования рядом с ней стали повисать в воздухе микро-паузы, незавершенные движения-жесты и в их неуловимости - необъяснимости и состояла вся мука душевная для Гевры. Он знал, что обязан ей спасением своим, возвращением к мигам «вчера-сейчас-завтра» и новым возрожденным бесстрашием жить и искать в себе то потаенное, но еще не явленное в яркой бесспорной форме-деянии. И хотя он никогда не говорил ей вслух об этом, но ему было достаточно своего понимания ее спасительной роли. Кроме того (допускал Гевра), видимо, причиной едва заметного дистанцирования являлась и привычка каждого (до их нынешней жизни вместе) находиться подолгу в одиночестве, в молчании, в своих печально-смутных состояниях-ожиданиях-воспоминаниях-печалях. И вот теперь снова понадо-билась необходимость уединения и краткого возврата к прежнему образу-ритму суверенно-личной жизни. Может быть, и все же?.. И о жизни вообще, необходимость была думать, искать свое объяснение происходящему разлому и определить отношение к неотменным вещам: доброе-злое, свое-чужое, верное-несправедливое, а это делается не всегда совместно, даже с любимым человеком. И для него и для Балерины это оставалось принципом, неким обязательным правилом: сначала решить для себя, а потом судить-выбирать сообща позицию-линию жизни...

В режиме «микро», в локальных микрорайонах частного бытия живет в вроде бы неплохо. Тут срабатывает система малых человеческих радостей, как дом, уют, семья, работа, размеренный ритм жизни, чувство постоянства (если, конечно, никто из близких раком не заболеет вдруг, или СПИДом, или в аварию не попадет). Но и это, как ни печально, поправимо. А вот в режиме «макро», т.е. при дистанционном взгляде на жизнь планеты, в целом, то закон «уютности» не срабатывает. Ощущение такое, что все на волоске висит и совсем не подчиняется правилам высокого порядка вещей. Конечно, по науке можно все просчитать и утверждать, что количество минусов равно количеству плюсов, а значит: есть точка равновесия или, скажем, стабильности. Для материальных вещей это, может-быть, и действует, но в мире человеческом, включая сюда социо, культуру, религию, предрассудки, политику и «нарывы» в виде «Израиль-Палестина», а теперь и «Косово в Сербии», и занозу «США в Ираке», и шило терроризма в заднице почти каждой страны мира, то сильно засомневаешься.

А ему, прежде всего, надо было оградить-сберечь свою Балерину, ее неисповедимую суть, которую он расценивал, как дар высших providенческих сил, и не только ему, как мужу, принадлежит она, и не только отношениями мужчина - женщина измерятся когда-нибудь их чувства, а чем то большим, и это понимание нельзя ему терять ни при каких обстоятельствах. Между тем, жизнь давала все новые сюжеты к размышлению. Наводнили город цыгане пестрые, со злыми глазами. Совсем не те цыгане Мелькиадеса, которые обманывая, изумляли все же чем-то жителей Макондо, их пришествие становилось праздником в том легендарном захолустьи-быте «ста лет одиночества», свежие мысли и фантазии рассыпали они вокруг, как мишуру вроде. А эти нынеш-

ние, совсем другие, и нет в них волшебства и какой-то «чуждой инакости» от привычного. Эти цыгане другие, не добрые. Злые попрошайки. А когда видишь, что они и грудных детей не жалеют, сажая их на тротуары, в мороз и в сырость, то поневоле засомневаешься: а люди ли они?

Иногда, занимаясь всякой малой работой на подхвате и скучая по Балерине, Гевра с содроганием думал: – А что если она уехала на каком-то поезде и...? В ожидании инверсии вполне обычного хода вещей, что только не втемяшится в темя, куда невозможно вместить сонм сомнений, рой безмолвный мыслей-пчел и чувств-субстанций, мангровые леса-джунгли дикого спонтанного смешения гормонов в крови, где лишь колдователь-чародей сможет придать всей этой фантазматической некоторости подобие порядка?..

... сейчас, в 7.00 сего дня ты, видимо, только проснулась в вагоне, в грохочущем аде движения, противоречащем божественной мечте «женщины-пра» о тихой гармонии жизни... поезд меня разлучил с тобой и везет мое одиночество, как контрабандный неоплаченный груз... поезд приехал на станцию Луговую, особую оборотную станцию (там поезда начинают двигаться вспять... всяк, кто первый раз там проезжает, то пугается: - Обратно что ль едем? – Ему отвечают: – Не бойся, приедешь по адресу).

... в этот миг, в 8.00 + 15 минут, ты уверенно едешь уже в девятом дне сентября, а я еще тоскую в восьмом, во вчера... странно все на той оборотной станции... ты будто снова ко мне возвращаешься, на на деле все дальше и дальше от меня удаляешься... необратимы маршруты таких поездов, подчиненных железной логике рельс... тра-та-та... это пульс мой на каждом стыке прыгает вверх, ведь сердце мое укатило с тобой...

... о, поезд-гусеница стальная - зеленая, не спеши, хоть один перегон поползи, как сестренка твоя – улитка по листу, по природе своей изначальной... увидеть все хочу снова, на миг... я жук-мужчина, лечу, догоню и прилипну к вагонному, в шесть миллиметров стеклу и стану все лицезреть и в глаза ее, хранящие ночь, погружусь, так и поеду вместе с Нею, пусть не видит меня, но верю ощутит мою душу рядом... пусть я за стеклом, но я еду с Нею вместе на станцию, где ей должно сходить и встречу ее... из сердца разве может уехать она?..

13

Эти длинные веревистые мысли, тугие-нерасплетаемые (они появились у него после погребения жителей родного селения, где жили семьи париев - эта - могильщиков), не давали Кену покоя весь путь на север к холодным холмам окраины большого острова Хонсю, а более всего, когда эти мысли-веревки завязывались в немыслимо-твердые узлы и давили на череп изнутри, вызывая неуходящую боль, отчего глаза его, точнее белки, наплывали на черные круги зрачков так, что испуганным спутникам его казалось, что он ослеп, ибо глаза его становились огромными немymi белками, как у совы, закатывающей глаза в полдень. Куда он их вел, не ведал никто, да и он сам не знал конечной цели пути, кроме того, что ему и им тоже надо было уйти, как можно дальше, от их селения-кладбища, где лишились смысла своего существования могильные черви, не завершившие сакральное дело освобождения костей умерших от плоти, дабы высвободить дух и дать ему силу для последующей инкарнации. А чтобы стать чем-то или кем-то другим, была необходима огромная сила-энергия, сопоставимая, разве что, с той, которой порождается человек из семени. И пока он вел свой маленький отряд с сыном и оставшимися мужчинами из «дза-эта-могильщиков» в нем самом шла работа сжимания-накопления некоей истины-прозрения, для которой он и пошел в этот бесповоротный путь. И если у самураев, которых он теперь ненавидел, их путь назывался «бусидо», то его путь можно было именовать «путем живого мертвеца». Вот и шел Кен, и вел за собой товарищей-париев, чтобы найти-обнаружить-понять цель побега - самоизгнания, или увидеть знак указующий и остановиться, наконец, где-нибудь в месте недоступном для погони, изгнать из себя страх и недоумение такими изменениями порядка вещей и поворотом судьбы, и начать делать что-либо спасительное-важное, не сойти с пути разума. А для этого место найти надобно. Утаенное и безопасное, удаленное от сожженного селения.

Отряд париев-эта медленно и упорно двигался на север, предпочитая рассветные часы и послеполуденные-предвечерние с тем, чтобы не попасться на глаза дозорных всадников-самураев, рыскавших в поисках оставшихся врагов нового сёгуна в Камакуре или отпавших беженцев-крестьян, которых было предостаточно в эти смутные времена вражды больших феодальных

домов. Приходилось обходить и казенные земли императорского дома, и «именные поля», как побежденной стороны, так и стороны победителей дома Минамото, и большие участки поднимавшейся новы. Ничьей, а значит – безопасной, земли уже практически не было на Хонсю кроме, может быть, монастырских владений. Только на самом дальнем севере острова могло найтись достаточно безопасное место, чтобы осесть на время, остановиться. Да и мальчик трех лет на руках беспокоил, требовал ухода. Если им, взрослым, приходилось несладко, то каково было этому невинному созданию вмиг ставшему сиротой.? И без того приходилось удивляться его немладенческому терпению и стойкости, будто мальчик знал, что ему уготована такая судьба и надо ее принять, хоть ты и мал и ничего еще не знаешь о предопределении и обреченности изменить свою карму. Или, возможно, образ-боль-воспоминание об утерянной матери помогали ему.

Кружной длинный путь по лесам, диким горам и пустынным морским побережьям утомлял, но вместе с тем укреплял дух и давал возможность неспешно думать. Кроме того, сама природа тех диких мест, где они шли, имела некую возвышающую и целительную силу. Постепенно у путников пробуждались древние знания, и вскоре они заново освоили навыки охоты, ловления рыб, собиранья кореньев и съедобных трав и плодов, личинок и насекомых. Казалось, что эти парии-могильщики шли к некоей удвоенной неизвестности: одно неизвестное-неведомое ожидало их впереди, другое – из древних времен – нагоняло их в силу обстоятельств: они будто заново постигали то, что было ведомо и знакомо их предкам, освоившим этот остров и шедшим в свое время к своему неведомому будущему, которое для них, париев, было неизвестным прошлым-былым или вот таким печальным настоящим настоящего.

Так что, это являлось дорогой и вперед и вспять-одновременно, но главным обозначением происходящего с ними являлась неизвестность. И казалось: потеря привычного образа жизни, дела своего и навыков, а более всего – места обитания своего, к которому человек привязан от рождения, как к чему-то незыблемому-вечному и есть самое страшное в жизни, т.е. потеря себя, смысла жить и веры в правильность хода событий, даже если им управляет само провидение.

В смятении мыслей и души, потрясенной тем, что случилось с его близкими и семьями соседей-товарищей из сословия париев-изгоев-эта-могильщиков, Кен мог лишь догадываться о корнях-причинах такого кровавого поворота судьбы, ибо не видел греха в своем занятии-ремесле хоронить, коли это делалось издавна, коли есть на этой земле (ради той же земли, на которой надо сеять рис) необходимость воевать-убивать, а не естественно умирать, и для того была создана императорами и князьями-дайме свирепая каста самураев-воинов, имеющих свой кодекс, свою честь и свой путь служения своему господину. Но господин всего сущего, не есть ли Будда благодетель и служение ему, не есть ли лучший путь для мира вокруг и покоя в себе? Сокрушение в сердце Кена было таково, что он подумал даже о самоубийстве-сэппоку, но его удержало одно: он ни в чем теперь не хотел походить на самураев и отрекся от всего, чему они служили и посвятили жизнь, коли и в сердце своем держали меч, как в ножнах. Ему надлежало найти свой путь и оградить от несчастий своих спутников и сына, который сейчас беспечно играет с ежиком, неведомо как очутившемся здесь. Уколовшись пару раз, малыш насупил брови, но не заплакал. Он сел думать свою детскую мысль: что встретилось ему и так больно укололо? Пока малыш решал свою малую загадку, ежик, воспользовавшись длительной передышкой, развернулся и побежал в густую траву. Малыш улыбнулся и Кен подумал, что в отличие от него, его сын, пожалуй, нашел ответ на свой наивный вопрос к неизвестному: наблюдай, не тронь и дай всякому существу идти своим путем. Снявшись с короткого привала, люди-изгой пошли дальше, все больше усваивая искусство осторожности, терпения, отваги и умения выжить.

В пути вспоминалось Кену... Их деревня, на двадцать дворов, стояла обособленно. Пустынное место это было не очень пригодно для сева (много оврагов, камни и кустарник), но маленькие поля все же имелись (на несколько коку-мер риса), как раз для семьи в 5-6 человек. Семьям из дза-могильщиков разрешалось иметь кое-какую мелкую живность. Сеяли еще просо и гречиху. Если учесть, что по занятию своему низкому они входили в число париев-эта, т.е. неприкасаемых, то им не приходилось отдавать налог продуктами или изделиями (кто, скажите, станет брать у них?). Однако и тронуть их никто из других смертных не смел, едва видели особый знак на одежде и синие круги с наружной стороны рук, на запястье, на виду (грубые татуировки, но обычные люди думали, что это – родовая метка). Как они стали париями, никто не мог сказать точно, кроме предания, что когда-то они были привезены с севера и принадлежали к диким племенам-айнам. А среди людей в округе, о них париях-отверженных-эта ходили слухи один страшней другого,

так что поневоле станешь изгоем. Делом их касты было погребение погибших-убитых в войне, а она в ту пору никогда не прекращалась, как и бесконечный передел пахотных земель под рис и захват промыслов. Хоронили также умерших от болезней и мора (это тоже было делом нередким), и ничем иным заниматься не разрешалось. Иногда в их деревню ссылали преступников, но те пожив здесь и пообвыкнув считали, что здесь много больше воли, нет бесконечных поборов, можно на досуге заниматься, чем хочешь, да и девушки, пожалуй, покрасивей, чем там, в другом мире. Кроме того, их не обделяли вниманием и монахи соседних монастырей, и просто бродячие проповедники. Часто читали сутры просветления и терпения, а также те, что относились к их – могильщиков – скорбному занятию, ведь после погребения обязательно надо было прочесть хоть несколько кратких сутр. Юношей еще, Кен любил посещения служб в маленькой часовне на холме, стоявшей на расстоянии трех часов ходу от их деревни. Приходили парии туда в сумерках, когда обычных людей уже не могло быть и слушали длинные сутры и истории о жизни-просветлении Будды. Его, Кена, из прочих выделил настоятель-хранитель часовни, построенной над останками древнего святого, одного из первых проповедников учения Будды, убитого язычниками. Настоятель, несмотря на его сан, был еще молод и смешон, потому что ходил как-то вприпрыжку и всегда улыбался, как ребенок. Благодаря ему, Кен узнал много больше сутр, чем другие парии – эта, а настоятель часто говорил, что перед Буддой все равны, включая и их, эта – изгоев общества. Особенно ему запомнился рассказ о некоем монахе-отшельнике, который посвятил жизнь умерщвлению плоти и воспитанию чистого духа – сатори, чтобы отойти к Будде и предстать перед ним в теле своем, не тронутым тленом. И достиг этого, и тем помог учению тысяч воплощений укрепиться на этих островах. Говорил он также, что паломники и ныне могут видеть святого подвижника, сидящего в позе «дза-дзэн», в одеждах монашеских, словно живой, хотя и пробыл сто лет в земляной яме, куда был помещен, по завещанию-пожеланию своему, еще живым. А пещера с мумией святого находится в местности Идзу, на восточном побережье большого острова, откуда ближе всего до восходящего солнца. И сила веры святого, добровольно, сотворившего из себя мумию уже более ста лет назад (живой мертвец, по-древнему) была так велика, что Будда принял эту жертву и сохранил его в нетленном виде по нынешнее время.

Об этом думал теперь Кен и смутные мысли о подобном предприятии бродили в нем, не трогая всего сознания. Много мирского бушевало еще в нем: полыхали молнии гнева и жег сердце огонь мести, черный туман безысходности то и дело, среди белого дня, заполнял душу, и человеческая жалость к участи его товарищей по беде и к сыну своему, а более всего – неуходящая любовь к жене Сайко, которая лунно-печально светила ему в ночах отчаяния и делала его слабым и слезливым. Разве можно было забыть тот день, когда сосватали ее ему и пришла она из дальнего селения таких же изгоев-париев-эта (говорили, будто она из покоренного древнего народа «айнов»), и столько она источала света из глаз своих и совершенной оболочки тела, столь прекрасна была Сайко, что не только полюбил, но и поверил Кен тому, что одинаковы люди, и избранные, и изгои перед ликом Будды, коль такую красоту даровали ему – презренному эта-могильщику и стало это сокровище – даяние несметной доброты небесной – украшением его духа и божеством его сердца. О, как может такая любовь, быть осквернена гневом? А ярость за разбой княжий в нем, как лава в вулкане... И Кен знал, что таким не может он предстать перед всевышним и его земным воплощением Сайко!

Так и шли они, ни разу не попав в силки дозорных отрядов, да и в глухих деревнях, куда поневоле приходилось заглядывать из-за малыша, находили понимание и приют. Люди там жили простые, оказывали помощь и, видя жалкое состояние скитальцев, помогали им, утешая тем, что им еще сносно живется, ибо судьба унесенных ветром листьев много лучше участи укорененных навеки деревьев, и их обойдут беды брэнного мира, пока не придет черед предстать пред ликом вечности.

... Рассвет – время росы и исчезающих снов... день беспокоен, но заботы отгоняют тяжелые мысли... если рассада хороша, то есть надежда на урожай... увидел оленей на дальнем лугу, у леса – значит: скоро быть чьей-то свадьбе... сломался зуб бороны – ничего, поставим другой... вол ленив – помани его вкусной травой... вечером трапеза – хоть скудна, но в ней вкус отдохновения... эй, старик, не грусти, твои труды позади, береги голову внука... скоро ночь, но и она кончится...

В пути Кена угнетало еще и то, что с каждым днем он говорил все меньше и эта нелюбовь к словам, возникшая со дня битвы и погребения своих росла и росла, как плесень на сырых и мертвых деревьях, сокрушенных ураганом и тяжестью слишком обильных горевыми листьями ветвей собственных, и эта нарастающая в нем нелюбовь к словам, теперь утерявшими прежде яс-

ный смысл, была похожа на сухой зной, который стягивал лианы вокруг стволов и выжимал-пил-высасывал из когда-то зеленых сильных деревьев последние капли влаги, пока не слышался тихий треск раздавленной сердцевины, и деревья падали обреченно вместе со своими же лианами-убийцами–удавцами. Из полосы влажных лесов он вышел уже молчуном, почти немым, и только взглядом лихорадочных, ставших блеклыми, глаз и лишь сухими скупыми фразами продолжал общаться со спутниками. Они терпели его сумрачность, ибо и их самих томила болезнь утери смысла и проблеска хоть - какой-то надежды.

... длинна дорога мысли... в чаще мыслей легко заблудиться... непостижна тайна встреч ума и души... хаос думанья может устранить лишь душа... усталой душе помогает ум... идите-ищите-думайте-страдайте и обречайте...

14

Во время этого возвратного шествия-похода запрещены были увеселения и пиры, кроме разве что воинских игр-состязаний, чтобы не забывались в войске дисциплина и усердие в упражнениях, ибо искусство убийств-облав-сражений всегда должно быть выше развращающего дух ремесла танцовщиц, музыкантов, паяцев, певцов и разного рода фокусников. Воитель с трудом терпел это кривляющееся несерьезное и пестрое племя, но так велось, что воинов надо веселить-отвлекать от мрачных дум, особенно после битвы-сражения, когда даже у храбрецов, кутивших дурманную траву-хаому, мысли давали слабину и хотелось беспечно-вечно лежать рядом с телами погибших товарищей где-нибудь в пустынном логу, и ждать безропотно, пока тебя по кускам не растащут дикие звери и хищные птицы. А там, глядишь и попадешь в небесные чертоги, а душа обретет желанную беспечность и негу легких думаний-фантазий.

И еще. Во время больших привалов, когда задолго до заката, по сигналу, войско-стан приступало к привычным делам расседывания лошадей, амуниция-поклажа сгружались в давно оговоренные места в центре «малых» станов-костров, назначались сторожевые караулы и отряды по охране и выпасу лошадей, и прочего скота, Воитель взял себе за правило беседовать с мудрецом голоногим. Поразительно, но мудрец, по большей части молчавший, довольно скоро выучился их языку и можно было теперь говорить без досадной помехи третьего-стороннего свидетеля. На заранее выбранном гвардейцами месте, вдали от гомона-шума-суеты располагающегося к отдыху воинства-стана, стелили белый войлок для Воителя и серый, поменьше, для мудреца. И напитки, и малая еда ставились отдельно в то время, как мудрец, в сопровождении посыльного, а Воитель в паланкине-носилках, в окружении свиты, направлялись с разных сторон к месту беседы. К началу беседы все изгонялись прочь за грань слышимого голоса, но не бдительных глаз.

В последний раз они сидели у озера, там, за перевалом свирепых-длинных ветров, что остался на закатной смертной стороне. Вокруг шумели обильные высокие камыши, пригодные для стрел и плотов, на которые погружается воинский скарб, если переправа через реку предстоит. Поначалу молчали, как всегда. Воитель напиток пенный-кобылорожденный-кислый прихлебывал, а Мудрец, отрешенно смотрел не то вдаль, не то в себя, перебирая в голове слова чужой речи, дабы быть готовым к беседе. Над ними густело вечернее небо-Тенгри, в божественность которого верил Воитель, как и в то, что туда возносятся души воинов и других достойных людей, становясь духами-покровителями еще живущих на земле. Бывало Воитель подолгу заглядывался в небо, в лик Высокого Синего Тенгри и пытался проникнуть в его назначение и думалось ему порой:

- О, Высокий Тенгри, безбрежный, синий! Неужто и меня – Правителя Мира!.. и презренных бродяг принимаешь ты там одинаково? Разве сие справедливо? Достаточно и того, что твои высокие безграничные неохватные владения и заботы небесные много больше, чем мои земные, как и в свой черед, предо мной, несравненно малы-ничтожны дела у погонщика ослов. Я завоевал и устроил пол-мира, чтоб все имели место свое: высокие получили высокое-правляющее-показующее-отнимающее, а низкие понимали свое: коленопрек-лоненное-служащее-низкое. А прочий люд-сброд ничтожный: нищих, убогих, больных – и за людей считать негоже. Их следует убить. Может ли так быть, что родник чистой крови, Верховного Правителя, что бьет из меня, смешался когда-нибудь с грязным болотом рабской крови? Есть кость белая, возвышающая, основа и опора дома моего, и кость черная для подчинения-распространения племени нашего в иных землях, а прочие народы под рукой моей-рабы мои и враги племени-воинству нашему. Я тобой, Тенгри, избран, а прочие низменны и не должно быть меж нами равенства даже в твоих

высоких владениях. Надо и должно то исправить, хотя бы на земле, что я и делал до сей поры, мой синий Отец... А ныне готовлюсь пред тобою предстать, если...

С запада, где наискось от линии горизонта песчаного закатывалось солнце, подул легкий ветерок-блаженец, извлекая из зноя-застоя летнего воздуха тонкий настой прохлады, выстоянной на травах, обвеявая слабыми струями и разнося ароматы, пока не становился собственно блаженством тела и сердца. Камыши тихо зашевелились перьево-легкими-бело-пенными венчиками-султанчиками и меж камышами пошел свой тайный говор, который со стороны казался шелестом-пением без слов и мелодии. На миг краткий, будто призрак-знак, среди густого притравья показался-растворился силуэт матерого камышового тигра. Его блеснувшие желтые глаза, казалось, могли поджечь холодным огнем все камышовое сухое поймище озера, но тут же погасли. Тигр был скрытен настолько, что, благодаря своей хищной-скрадной-сокрыто-сокровенной природе-повадкам высокого охотника, остался незаметным в круге других охотников-людей, которых не любил. Тигр беззвучно припал в подтравок, растворился-исчез и стал собственно камышом, как истинный призрак-миф. Для охраны он так и остался невидим. Воитель, меж тем, начал неспешно, обращаясь к Мудрецу:

- Правда ли, что твой небожитель – Будда, был принцем царского рода?

- Да.

- И что стало причиной ухода его из отчего дома и отчего он ушел проповедовать среди бедных и больных? Что искал он? Как думаешь?

- Хотел прервать круг злых воплощений. И сердце имел большое и наполнил его любовью ко всем, к людям и тварям, без исключения. Путь свой искал. Через себя. И постиг. И ныне в венчике белого лотоса созерцает добро и любовь вокруг себя и в себе.

- И другой был я слышал. Иисус. Тоже о равенство нищих и богатых возглашал. Перед богом своим. Распяли его, верно, как разбойника?

- Да, верно. То было более 12-ти воплощений назад. Мог Иисус спастись, но знак хотел оставить завет чистоты и помыслов своих. Был еще один. Мухамед. Семь воплощений назад. Книгу священных-дивных вязей оставил, писанную с голоса божьего. Ал-Коран называется. У каждого свой путь истины. Не мне судить. Но все обрели вечное имя и сильны были в вере своей.

- А есть ли у меня свой путь?..

Веяние ветерка будто остановилось и в эту щель меж мгновениями успели проникнуть и зной и лед. Одновременно. Мудрец оставался невозмутим внешне, подобно форме раковины для стороннего взгляда, но тонкая-сверхнежная плоть-субстанция-суть улитки напряглась в нем и ужалась от этого вопроса, вернее, от того, что крылось в нем, если не даст он желаемого ответа. Но то был не страх, а скорее новый виток размышлений. На что он здесь?

С того дня, как Раджа влажной страны (родом из кипчакского племени степных воинов) призвал его к себе и велел пойти в стан узкоглазого свирепого завоевателя из пустынных стран и стать заложником, Мудрец словно остановил в себе течение сокровенных и почти осязаемых мыслей, которые хотел додумать в окончании дней земных, уйдя от забот... что может быть лучше уединения в высоких горах, где можно заняться очищением плоти и духа в белых полях бестрепетного созерцания и высокой концентрации, дабы простившись с телом земным, прозреть смысл своего нового воплощения?.. На каком витке раковины воплощений ему теперь пребывать?.. Это надо было понять. И он не спешил с ответом грозному Воителю, словно имел на то тайное право. Воитель сверкнул было глазами, но сдержался и дал знак окончания беседы.

15

... наматываешься нитью на веретено... но вот станок остановили... тишина... теперь думаешь, как бы кто не ухватил конец мой и не стал меня разматывать вспять... и не станешь тогда тканью в руках мастера и одеждой для человека или сцены... зачем же тогда было наматываться?! Я нить и нельзя мне прерваться-порваться...

Балерина возвращалась с базара, на который любила иногда ходить даже просто так, делая вид, что приценивается, а для себя высматривая какую-нибудь вещь особую, безделушку, а больше приглядываясь к людям, ведь раньше она жила-работала отдельно от них. Они были для нее зрителем, каким-то обобщенным и туманным явлением. Лишь за редким исключением она могла выделить кого-либо из этой массы-толпы. А теперь они были ей интересны, хотя она так и не научилась схо-

диться с людьми, легко говорить с ними. Пожалуй, только апашка-бабуля, у которой она покупала шерсть-пряжу, сумела потихоньку разговорить ее, отчего-то жалея свою красивую покупательницу. Она пристально вглядывалась в глаза Балерины, пытаясь понять причину ее грусти. Старая женщина угадывала, что за этой грустью что-то таится. И вот, однажды, поглаживая ей руку, апашка сказала:

- Айналайын, доченька. Если что, не сердись на меня, старую. Присядь. Одна я осталась тут в городе, может оттого к тебе сердцем потянулась. Знаю, нет у тебя детей и грусть твоя из этого исходит. Послушай. На днях виденье про тебя мне было. Перед рассветом. Сначала цветок стоит-танцует. Потом стебелек в змейку крохотную превращается. Змейка шелковистая-гибкая. Затем змейка эта из травы в реку скользнула и, вдруг, рыбой серебристой стала и поплыла из низинных вод вверх, к горам. Потом в горную речку вплыла и все вверх по течению плывет-скользит-стремится. Не остановить. И вот она, рыбка, доплыла до родника под горой и выскочила из воды яркой синей птичкой, попрыгала на камушке и склонула одну-единственную ягоду (никому неизвестную), будто специально созревшую для птички той. Лазоревая-алая такая ягодка, словно лучик света в ней. Так вот, думаю, это все про тебя и жизнь твою. Ребенок у тебя будет вскоре. Ты только пряжу не уставай теребить да прясть. Вижу, умелица ты и за спиной у тебя радуга есть, только ее не сразу видно. Но она есть. Ну, иди, родная.

И Балерина, вся вспыхнув вдруг, побежала домой, лисичкой сияющей влетела на свой этаж и когда открывала дверь, услышала телефон. Сняла трубку с легким взволнованным дыханием-предчувствием. И точно. Это был Гевра:

- А, это ты... Как я? Хорошо родной мой. Когда ждать тебя?..

- В воскресенье, вечером. Когда у зверей отдых начинается от людей.

- Хорошо. Не озверей только там без меня. У меня секретик один есть для тебя... Какой? А ты приходи скорей, тогда и расскажу...

И словно груз какой сняло с души. Балерина поняла, что меж ними не размолвка была, как она думала, а очень важная пауза-молчание, когда надо передохнуть и заново себя собрать. Он отдельно, и она отдельно. Но все равно, это с ними вместе происходит. Недаром же у нее панно таким летучим-воздушным-живым получилось. Он вернется, и она покажет панно, а о виденье-предсказание апашкином все же умолчит. Это настолько сокровенно и чудесно, что надо обвыкнуться самой с этой мыслью. Лучше так и вовсе не думать. Только предчувствовать и в это ожидание всю силу свою вложить. И все тогда получится-случится.

Балерина целыми днями корпела-думала над пряжей и училась «ловить картинку», т.е. видеть внутренним зрением невидимое-заветное-незримое. Никакого другого способа она не знала. Спросить не у кого и прочесть о том, как создается «такое» из шерсти нигде было. Секреты казахского «батики-панно» остались в далеком прошлом кочевой культуры. На этот раз она выложила воском линии и контуры на грубый холст (сходила в театр и по старым знакомствам взяла у декораторов несколько ненужных обрезков холста-«двунитки», на которой обычно и пишутся театральные задники и декорации), окружила рамочкой деревянной, сделанной меж делом Геврой, и стала выкладывать комочки шерсти – пушистой-цветной-овечьей (красить тоже научилась исподволь, замачивая маленькие кусочки в анилиновых красителях, которые она взяла у декораторов-художников или покупала на «развалах» у старых корейнок, как ей посоветовали). Посмотрела с сомнением на этот цветной ком шерсти, положила сверху мелкую металлическую сетку, точно по размеру рамочки, и стала пробовать еще один из придуманных наобум способов: запаривать из пулевизатора горячим паром (это ей тоже Гевра смастерил, снисходительно пожимая плечами). Потом отошла и даже стала что-то пришепетовать-колдовать, а когда наутро сняла сеточку, то увидела и поняла, что на этот раз получилось, кажется. Подсохшая пряжа поднялась от воскового трафарета, сохранив все очертания-контуры рисунка и стала чудесным воздушным пейзажем – фантазийной композицией: поверху черное с переходами к темно-лиловому, чуть ниже зеленые и синие вкрапления, потом полоса смешанного цвета – голубое с белым, а справа чистое лазоревое пятно, от которого радиально разбегались розовые-лазоревые лучи... но главное, это необыкновенная воздушность, которую дает только такая тонкая и бережно взбитая пряжа-пух (спасибо тебе, апашечка милая) из овечьей-рунной шерсти, а переходы цвета получились много лучше, чем задумывалось: шерстинки расправившись, сплелись-перемешались на разных уровнях-слоях и создали совсем уже невероятные соцветия тончайшего абриса-патины-паутины, моховой природной консистенции... чудо, да и только! Балерина запела, поставила Мукана Тулебаева (танцы

из оперы «Биржан и Сара») и стала непроизвольно кружиться вокруг этой композиции, в которой ей грезилось свое неостановимое движение – танец полутонов. И мысли стали легки, и теперь с другой совсем нотой радостного нетерпения ждала она прихода Гевры.

На третий день лихорадки по обмену рублей на тенге Гевре стало ясно, что требуемой минимальной суммы «деревянных» все равно не наберется и он прямо затосковал о чем-то очень неконкретном, но тяжелом: о тщете, о смысле своей и другой (вот этого прохожего тоже) жизни и совсем уже высоко жалел свою Балерину за то, что и ей приходится все это так или иначе терпеть-переживать, и хотелось совершить что-нибудь дикое-необузданное, чтобы только этот непонятный-гнойный-эмоциональный нарыв в голове прорвался и освободил его для простых мыслей и дел. И вот в этот-то момент, когда он шел в сторону дома с пакетиком продуктов по смешанным рублево-тенгевым ценам, около него остановился большой черный, с тонированными стеклами, «Мерседес» (Гевра как раз собирался перейти улицу до светофора и ждал просвета меж проезжавшими машинами). Из джипа-мерса вышел очень солидный, изысканно-строго одетый мужчина в темных очках и окликнул его: – Гевра? Ты ли? Привет... Гевра от неожиданности оглянулся, задержал взгляд на другом молодом человеке в черном, который молча встал у передней двери автомобиля. Все еще не понимая, что окликает его, как раз вот этот самый солидный мужчина. Тот снял очки, двинулся навстречу, и тут только Гевра признал в нем Есеню – благодетеля своего. Поздоровавшись-поудивлявшись столь нежданной встрече, после первых дежурных неловких фраз, Есения сказал коротко-строго-властно:

- Я строительную фирму, кроме всего прочего, открыл. Знаешь... те, кто поднялся, стали строить особняки. Дело с дальним окном! А ведь ты у нас, вроде инженер-проектировщик. Вот моя визитка, звони. Я своим скажу. Приезжай, помоги мне там, кое в чем, по делу разобраться. Не обижу. Ах, да, постой...

Есения сделал какой-то неуловимый, но абсолютно понятный (для молодого человека в черном) жест. Пока они прощались, телохранитель принес конверт. Со словами: – Ну пока, старик, не ржавея, своих не обидим, – Есения сел в «Мерседес» и испарился, оставив в руках растерянного Гевры конверт с внушительной пачкой «деревянных» на два-три обмена...

... где же плывешь ты сейчас, корабль мой синепарусный, отчего в гавань свою не спешишь?... как оберечь тебя от штормов и неверных ветров, напитанных миазмами дальних болот – знака гниющей земли?... что делать тебе, терпеливый мой капитан, если даже море стало призраком моря, а вместо берегов одни миражи?... как стать мне, женщине слабой-лилейной-лепестковой-стебельной, как стать заменой всех твоих потерь в это полное время недуга-изменения морей и тверди, и искажения природного хода явлений-вещей-мечтаний-упований души?... и ходишь ты теперь, колобродишь-блуждаешь и ищешь прежнее: исчезнувший остров, к которому нет лоций и карт, как и к новым дням-деяньям-твореньям, где ты смог бы вернуть подлинность морю и твердость земле, ибо обещал мне покой и защиту, и мир, где каждый рассвет и день, и вечер, и ночь будут садом цветов, и сделать то хотел для многих и многих людей, которых ты так сильно-больно-горько жалеешь в эти годы умаления неба и искажения черты горизонта, садовник мой терпеливый-усердный-заботный...

Медленно перебирая и разглядывая пряжу, Балерина пыталась увидеть Гевру, бредущего в этот час по обесцвеченным улицам, опуская глаза перед опускающими глаза людьми, враз утерявшими опору и курс, которым стыдно было за свое нынешнее состояние, за город, от чего-то захлывшийся и обветшавший стенами домов, а ранее гордившийся своими деревьями, некогда принесшими ему славу города, обильного зеленью крон своих и ярых ярких-красных-яблоневого плодов своих-апортов и особым шелестением листьев поутру, – на ветру. Казалось, что и город, прежде открытый и беспечный, притаился-притих, словно улететь хотел куда, как птица, почуявшая неведомую опасность и решившая поменять гнездо. Может быть он, как и горожане его, встревожился странными слухами о «казахском людоеде» (так его прозвали газетчики), каким-то невероятным образом сумевшем уйти из тюремных и психиатрических застенков и обещавшем, будто бы, потрясти мир, подобно Чингис-Хану, чьим потомком он назвался перед следователями и сокамерниками в «психушке» и на зоне. Эти страшные слухи, вкупе с вполне реальными переменами, порождавшими глубинную тревогу и смятение в умах, день за днем меняли дух и лик города так, что он стал медленно трансформироваться, пытаясь приспособиться к новому рваному, как рана, ритму жизни. Город ознобно дрожал, как мышь перед землетрясением, посылая невидимые импульсы паники-бешенства, которые вот-вот могли перерасти в неведомую эпидемию-пандемию и перекинуться на

людей, но Балерина древним женским умом-инстинктом знала, что сейчас, как никогда, ей надо остаться спокойной, вызвать-собрать в себе контрэнергию противостояния катаклизмам ради того, чтобы поддержать свой город и Гевру и оградить их от паники внешнего мира и фантомов, порожденных умирающим старым бытом-сознанием. Ночами, сторожа сон своего мужчины, слушая его бормотания-вскирики, Балерина словно прикасалась к драме его прежней жизни, страдала огромностью его недавнего одиночества и понимала, чего стоило Гевре не сломаться и одолеть свои «овраги сознания», сохранить свое мужское духостояние-достоинство, остаться добрым и терпимым ко всему человеком. Даже его дурацкая привычка держать свой нехитрый скarb-одежду у изголовья кровати, словно он здесь ночует временно, долгое напряженное молчание-думание перед сном, какая-то особая сосредоточенность на тайной и глубокой мысли: все это подсказывало, что он был дарован ей на излете танца-судьбы некими силами, не только для любви и совместного быта, а для чего-то другого высокого, что не определить словами. Но она знала-ведала: только вдвоем, сохраняясь и растворяясь друг в друге, поймают они однажды свой попутный ветер...

Раздался нетерпеливый звонок в дверь. Балерина подумала было – не он, но потом услышала игривое поскребывание в дверь и распахнула ее. В проеме стоял сияющий Гевра с букетом белых роз и с шампанским в другой руке. – У нас праздник. Мы теперь с тобой законные «теньговые» граждане. Вот смотри.

Гевра торжественно протянул ей пачку странных непривычных банкнот: синеньких-желтеньких-зеленьких с бородатыми старцами – аксакалами-бабаями. Пока он раздевался, Балерина с интересом разглядывала эти казахские деньги-тенге и они разочаровали ее своим дизайном, но она и виду не подавала, когда он подошел к ней.

- Ну, как?

- Главное, что мы теперь опять покупатели.

За ужином Гевра вкратце рассказал о встрече с Есеней и о том, что творилось в сберкассах при обмене. И только когда отошли-остыли эти суетливые, хоть и радостные, впечатления, Балерина повела его в гостиную комнату и с лукавинкой сказала:

- А это мой сюрприз-каприз, мой маркиз.

Ничего подобного Гевре не доводилось видеть раньше. Это легкое-пушистое-летающее-парящее «Нечто» было чистой эманацией души его возлюбленной и не столько созданной ее тонкими воздушными пальцами. Это творил еще кто-то, кого ранее именовали демиургом-первотворцом. И откуда она могла знать-предугадать лазоревого ангела, что грезился ему в недавних мечтаниях-сопереживаниях? Гевра только молитвенно сомкнул ладони словно буддист, шепчущий сутры, и Балерина, едва увидев этот жест и озаренное волнением лицо своего мужчины, вышла из своего томления-ожидания и, словно девчонка, радостно взвизгнула и повисла на шее Гевры, уткнувшись ему в шею и погружая свой визг-восторг в его бьющуюся артерию под ключицей, а ему так и пришлось нести ее до постели, где они сами стали чем-то воздушным-легким-лазоревым. До зари...

16

Тени от длинных деревьев стали удлиняться и поползли к закату. Никто в «селении длинных деревьев» этого не замечал. А напрасно. Ибо появилась среди этих привычных теней еще одна. Зловещая. От человека, переставшего им быть.

После того, как он расквитался за Агника-агнца своего, свершив обряд возмездия-воздаяния-мести, стало людоеду думаться, что пора возвращаться в родовые места и почистить окрестности. Много дев, самого распутного образа мысли и жизни, повидал он, пока ехал сюда, чтобы спасти невесту Камиллу от осквернения и лонопадения. Он был доволен деянием своим, а то обстоятельство, что во время агонии, когда пил кровь ее из артерии сонной, даже перед последним предвдохом (в момент сакральный-кровавый-летальный) он не увидел (как ни следил напряженно), ни малейшего признака исхода души из тела (а только дрожь, метанье зрачков и синеющие губы), уже не имело значения. Ни из глаз, ни изо рта душа не отошла. И мгновенная поллюция мести, совпавшая с ее последним выдыханием была не так остра, как вожделелось, и осталась от этого только жалкая сохнувшая молока... фья. И он уверовался, что «ухогрызка-глазоглотка-печеньжорка и языкоедка» не имела души, и потому дело возмездия он доделал неспешно и хладнокровно, лишив ее всего того, что «они тогда» отняли у бараненка-ягненка-ребенка Агника. С

тем же ясным спокойствием, будто ничего особенного не произошло, он перешагнул из-за рамы зазеркальной в плоскость обыденной действительности и на завтра был уже в Алма-Ате, отметился в военкомате, как рядовой запаса (и похлопотав неделю-другую), взял направление в пожарную часть родного села. Он поехал к матери из «далеких далеков своих», не отмеченных ни на одной человеческой карте, и география его страшных странствий только начиналась. Он начал поиск своей «терра-инкогнита», которую лучше было бы не открывать вовсе, но ему мнилось, что там он станет полноправным властителем и первооткрывателем. И он думал теперь о своей несчастной матери, ибо так и не смог изгнать ее из себя, как ни проклинал.

Мать встретила его без радости и в тот же день напилась. Приезд его совпал с сороковинами несчастной невесты – невести-пухлянки-глазоедки Камиллы. Ор и плач по ней стоял такой, что он никем не был особо замечен и это его вполне устраивало. Все причитали и утешались мыслью об исходе безгрешной души Камиллы прямо к чертогам небесным, но ему-то было известно: никакой души нет и остается от человека только уродливая и быстро протухающая плоть. И о матери думалось как-то тускло. Впрочем, и жизнь ее сложилась на редкость нелепо и тоже была тусклой.

Молодость матери его пришлось на первые послевоенные годы. Она – беспечная и глуповатая красавица-сирота, росшая на руках у стареющих деда и двух бабушек (родителей – ее унесла война), словно магнит притягивала мужчин (большей частью молодых еще фронтовиков, изголовавшихся по женщине и жаркому делу любви). Она была легковерна и столь же легко бывала обманута, так что вскоре прослала беспутной-распутной молодкой-телкой.

И таким-то вот образом, как глупая телка-течная, мычала она под быками-мужчинами, даже не зная, от кого понесла. Жила и рожала мать его беспечно-бездумно, даже не заметив, когда ушли из жизни сердобольные и терпеливые бабки с дедом, и как росли-выросли разномастные дети ее. Старшие – сын и дочь – уехали, повзрослев, а младшеньких (тоже дочку и сыночка) определили в детский приют, когда всем стало ясно, что мать их давно превратилась в беспутную-беспробудную пьяницу и шалаву подзаборную. И только в редкие минуты просветления, где-то под утро, ей мерещился луговой простор, шелест серебристой ивы над ручьем, ясноглазый казак-красавчик с казахской кровью, первый трепет, нежная ласка и бездонное небо над ними – детьми этого простора... и куда улетучилось все это и не удержалось в ее тогда еще девичьих руках?.. И теперь средний сын вот приехал, а радости нет и нечем ее чувствовать...

Уже неделю, как людоед здесь, и всюду наталкивается на косые взгляды, видит усмешки, шепот слышит – недобрый – в спину. Но терпит, ибо знает свою темную и скрытую от всех силу, верит в миссию свою – «Мессии Мести», за позор и поруганную жизнь матери своей. И сейчас идет она, ввечеру, от коровника к дому своему ветхому, шатаясь и пьяно-блаженно улыбаясь, и тянет к нему дрожащие руки через всю улицу... Снова туман вошел ему в голову, сырой и тяжкий, а внутри началось жжение и жажда вступила несметная, и он едва слышал мать у порога:

- Вот, сынок, сейчас кормить тебя буду родного, – шепелявила она, протягивая сверток с потрохами и обрезками, взятыми видно, на том же скотном дворе, за селом.

- Ты, что мать, так позоришь меня, за что? Да, если б ты хоть знала, до чего ты меня довела, если б знала...

- Ничего, сынок, мы еще заживем. Пусть старшие-то разбежались от меня в город, зато вот ты вернулся. А младшие сестренка с братишкой?.. Они у меня в приюте сейчас, а теперь мы их вернем...

- Да ты погляди на кого ты стала похожа, мать? Я не знаю куда деваться от позора, а ты несешь мне эту чушь... падаль... падла... мать... да я... – и повело Людоеда так дико изнутри, так невыносимо больно стало, как будто крюком кто тащил из него кишки... и кишки его отчего-то тянула его же родная мать... вот эта падшая женщина, которую все прямо так и называли: подзаборкой и подстилкой.

Когда мать свалилась во дворе, через некоторое время появился очередной хахаль. Людоед с утробным ревом так ударил придурка-скотину-алкана по самой середине лица, что даже брызнуло во все стороны из ушей и ноздрей халявщика очередного. Людоед выбросил его беспamięтно-го и грязного за забор и долго не мог еще избавиться от брезгливости и такой густой ненависти, когда и убивать уже не хотелось. Он только блеснул глазами так, что все соседи испарились, как лужица воды в полдень, а ему в голову вступила одна большая мысль-тоска бессловесная, но он уже знал, чем утолить ее. Наутро мать так испугалась холодного мерцания его глаз и стужи, шед-

шей от него, что ее враз перестало колотить от похмелья. И она покорно приняла эту властную непреклонность и сверхмужскую волю, исходившую от сына, которую она искала в отцах своих детей, и нутром поняла, что пришел конец прежнему образу жизни. Надо принять новые правила и больше ничем не тревожить – не гневить сына своего, в котором она угадала нечто такое, что понять это, материнским чутьем угаданное, было ей уже не под силу.

...это длилось давно... не в нем, нет... в нем были только безмолвные (в черепе) бескровные нашествия... кратковременные побеги мысленные на краю дремоты, в середине бессонниц, на излете кошмаров рассветных...

...мама... как-то в поле, за излучиной, что у острова с плакучими ивами побелела вдруг, взвизгнула и...трясет ее мелко, как доску на водозаборе, если прыгнешь с нее... (дед им для забав и нырянья доску ту спроворил, качаешься летом, ноги в прохладный ток воды макаешь, как хлеб в молоко... ногам щекотно, а под сердцем вкусно)... мать потряслась, упала в траву (мальчик-сын замер, стоял... и словно кто-то шепнул ему: – Не подходи.)... потом мать встала, разделась до кожи и, танцуя будто и чуть подвывая, пошла к реке и плескалась там долго, как щука на мелководье, среди осоки за мелкой рыбешкой... охотясь-балуя-плавая...

...позже (много печалей позже... от первых дней юности) мать всегда возникала перед ним выходящей из воды, будто враз сотворенная из текущей по телу нагому прозрачной пелены и тяжелого черного потока волос за спиной... цвет ее волос, как и зрачков, был непроницаем для него тогда и сейчас (он в тот день по наитию внезапно вжался в траву и уполз в крапиву, словно знал, что нельзя ему такое видеть)... и все же суть женщины открылась ему через мать его... из реки выходящей... вся текучая-древняя-чистая... он всегда помнил тот день, как жжение крапивное по ногам и спине, и рукам... жжение иное в середине себя... глубоко... и уже будучи мужчиной, после первого сновиденного мысленного совокупления-блуда с собственной матерью, всегда знал, что это за жжение-то крапивное в нем...

...потом такое затмение, как с матерью, случилось с младшей сестренкой, когда он увидел ее купающейся в ручье... обнаженной и беспечной... эти два воспоминания, внезапно отъединили и сестренку и мать от всех других женщин... и всегда, в полдень, в жару, среди лета начинается смерч... в воронке его спиральной ничто недоступно... ни воле, ни пониманию человеческому... смерч внезапный... смертный... греховный... черный...

И всегда он многие годы боялся, что и в нем сидит эта страшная хворь затмения ума (или чего там еще)... тайная страсть к обнажению... уход за край одежд и иных оболочек... лихорадка души, ненавидящей оковы и угрозу острых углов... яростная усталость от слишком очевидных вещей и тяжелых предметов... болезнь-боязнь запутанных и бесконечных лабиринтов... отчуждение от обыкновенных-обиходных привычек и правил, за которыми всегда таятся короткие темные тупики и появляется надобность бежать от страха... обратно в лабиринт... в другой тупик... и нет рядом того, кто видит сверху выход из тупика... и нельзя было убежать от страха и выйти из лабиринта... из бесконечной ловушки для не обретших птичьего умения ориентации в тумане... и хотелось быть птицей, умеющей всегда прилетать к родным гнездовьям... птицей, читающей книгу ветров...

В том непролазном тупике-невыходе-болоте находясь, понял он, что истинная женщина (та, что из потока, струйная) всегда будет отстоять от него далеко... и есть, насыпана кем-то плотина, и нет для него пути-проплыва, как для хищной-гладкой щуки, которая б гонялась за ним, окуном одиноким, неприкаянным... и не было никого, кто помолился бы за него и помог ему выйти из лабиринта... кто нить бы ему дал...

17

...разве что раз?... в городе... в пол-шестого проснешься и птичка безвестная-без имени сплет тебе... я жива... и ты жив... чив-чив... как тебя благодарить, вестница моя безвестная, несущая весть-утешение?... а в степи?... был бы глас-трель твой всенепный и слышный мне... и тогда не потеряюсь я в просторах твоих... ах, птичь мой, горожанин... сколь тебе и мне тесно... во граде нашем... а простор-степь?... оставь их в голосе-сердце-песне своей... пой, а я допою... чив-чив...

Сторожка, стоявшая на задворках зоопарка, была совсем запущена. Гевра стал наводить здесь порядок. Первое, выбросить хлам. Однако, это простое и вроде бы быстрое дело затянулось. Сколько следов могут оставить по себе разные люди, с которыми никогда не встречался? Вот откуда этот военный планшет, еще крепкий, хотя уже отсырел и взялся плесенью? В главном кар-

мане, старая, почти истлевшая военная карта. С пометками. Летная. Внизу, карандашом, осталась запись: «Курская дуга... мой последний боевой вылет перед госпиталем. Яша Кашкаров, стрелок, убит...». Хозяин, видно, летчиком воевал, а планшет здесь хранил. Но почему оставил? Заболел, в больницу попал? А вот настоящая воровская финка, со стоком ртутным внутри, чтоб бросать всегда лезвием-острием вперед. Заныкана-спрятана крепко, за лежанкой, в схроне. Всегда под рукой. Наверно, настоящий матерый вор здесь отлеживался, пока о нем не забудут. Зоопарк вроде бы на виду у всех, а на деле тут глухомань. Много еще чего есть интересного. Не сразу выбросишь, как эту глиняную куклу в коробке, с ватными волосами и рисованным лицом. Носа нет, один глаз с бельмом, краска облупилась. Но берегли, любили ее. И постелька с подушечкой, и одежда пошита, и туфельки есть. Чья-то внучка, видать к деду приходила сюда. Зоопарк все же, заглядательное занятное место. Ребенок не соскучится. А отчего забыла? Может, что стряслось, мало ли...

... и они вывалились из лодки... сын и отец... плеснуло... то лунная была волна и ночь... и озеро то стылое отчего то называлось теплым... словно в издевку... на мальчика-сына прынул страх и оторопь... отец ему говорил... доверься воде, спину расправь и руки-ноги раскинь... дыши полным сердцем, как луна... смотри, сколько неба и звезд над тобой... не думай, сколько воды под нами... главное: ты в середине... бабушка древняя твоя, луна, тебя бережет и дорожку подстелет тебе серебряную к берегу... видишь, сколько времени прошло, а мы не тонем... теперь перевернись... вот... и тоже вольно расправься по воде... смотри ниже дно под тобой... похоже на небо в летний дождь... а в дожде не утонешь... хорошо, вот видишь, ни небо, ни дно нас не берут... значит не время... и висели-плыли сын и отец в пространстве меж небом и дном... и казалось отцу, что он отдал каплю-сына вселенскому дождю в ученики...

И тут в Гевре поневоле открылся один из самых тайных заплетов его памяти, после дня «Х»... Вспомнил отца и мать любимых. И детство, и многое-всякое-цветное-черное... Главное в тех годах: отец и трамвай. Лето – сплошной грохот и восторг. Отец работал кондуктором трамвая, носил синий китель, фуражку с околышем, сумку с билетами. Маленькому Гевре казалось, что отец-главный начальник в трамвае. Его все слушались, он объявлял остановки и выдавал билеты. Строгий. Если что, может и посадить. Когда мама уходила на работу, мальчик бежал к остановке «Уйгурская-Пастера» и ждал. И... наконец, с грохотом подъезжает «папин трамвай». Синий. Останавливается, будто специально для него. Отец отдает честь и... поехали. Вверх по Уйгурке, мимо Никольского базара, кипящего народом (здесь многие сходят и садятся, так что можно успеть семечки купить), затем поворот на Шевченко (это улица строгая, чинная), потом еще поворот влево, на Карла Маркса, и дальше вниз до Комсомолки. На углу будочка с надписью «Газ-вода». И тетя Алиса. Пухленькая и добрая. Отец, как-то особенно крикая, выходит, за ним он – Гевра. Два стакана газировки уже шипят пузырями. – Эй! Гаврош, привет. Пей? Тетя Алиса улыбается, как всегда. Вода холодная! Вкусная! Звонок от вагоновожатого. Пора. – Спасибо! Мы еще будем. Получите. – Это отец. И снова поехали, гремя по Комсомолке до Талгарской. Там разворот. Любимый. Потому как, через речку, парк отдыха Горького. Когда наступает тепло и уже купаться можно, то с друзьями-пацанами Кайрой и Ремой вместе едем в парк. Там озеро Казенок. Верхний и нижний. Раздолье, купанье... И играй хоть до одури: в «асыки», «ножички» или в «грошики». Чаще всех побеждал Кайра. Он меткач был. Хочешь в зоопарк? Тогда надо идти к тайному лазу у тополя. Момент: и ты там. Звери, как в фильме «Тарзан», только в клетках, но улюлюкать по-тарзаньи можно сколько влезет. А посетители, бывшие солдаты, отдыхали от войны и потому все, будто сговорившись, улыбались, как на празднике. Мир и беззаботность, дети, звери и были их праздником... Еще одна завлекательная остановка, но это если другим маршрутом ехать, к парку 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Цветная фанерная арка, лозунги, две будки (мороженое и газ-вода), и... сосны высоченные. Тир, качалки-лодки. И еще музей в центре, в бывшем кафедральном соборе. Тут важно – вовремя пристроиться к экскурсии школьников. Гулкая тишина. Камень. Лестницы. Главное, второй этаж... Там самое интересное живописно-предметные экспозиции в нишах. Ископаемые чудовища: динозавры, саблезубые тигры. В пещерах: питекантропы, неандертальцы, кроманьонцы. А потом опять на солнце. В парк... Та послевоенная жизнь была простой, но внутренне красивой. Полнота красок. Сочность во всем. В быту, в природе. Фруктовые и овощные развалы на рынках. Шедевры естественных натюрмортов. Никто не обращал внимание на приметы бедности. Немного театрально, но просто и искренне: духовая музыка, много плакатов. Витрины магазинов в центре города, как выставка. Продавцы-актеры. Впрочем, и покупатели тоже. Детям невозможно было до конца разгадать эту игру взрослых и они принимали ее за настоящий праздник. Леденцы-монпасье в коробках из жести – роскошь. Бриджи из

сатина и сандалии из сыромятной кожи – шик! Но это на уровне детей. А взрослые? Мужчины в габардиновых пальто, в костюмах с широкими лацканами и такими же галстуками. Обувь фасонная-парусиновая. Ботинки со скрипом, на каблучке. А женщины? Платья из креп-жоржета, крепдешина. Шляпы с вуалетками (трофейные, высший пилотаж). Скрипучие шелковые чулки и туфельки на пряжках. По весне – платья свободные из полупрозрачного шифона с крупным рисунком, в черно-белый горошек, а под ним тонкий шелковый патрончик до колен! Женщинам, видимо, надоела закрытость во всем и они использовали любую возможность, подобно римским матронам показать столько, сколь возможно, и так, чтобы не шокировать сенат (в нашем случае партгвардию). Духи «Красная Москва», одеколон «Шипр». Этот послевоенный советский декаданс победителей мог покорить кого угодно, потому что был искренен и искрился в самих людях, как шампанское в бокалах. Это был спектакль-парад оголодавших на цвет и стиль победителей, после армейских шинелей-кителей-фуражек. Даже милиционеры казались красочными в своих формах сине-белого цвета.

Это были лучшие годы города. Вообще, по природе своей Алма-Ата была женщиной, солнечной и доброй. А что касается архитектурных терминов и правил, то городу подошло бы определение – «Градавица». Красавица. Алма-Ата. «Большая война» на северо-западе научила нашу «Градавицу» состраданию. Принимая израненных той войной, изгнанных из родовых мест-гнезд и согнанных сюда людей, Алма-Ата сумела утешить всех и обласкать. Ее безотказное непобедимое обаяние и истинный шарм поражали любого новоселенца с первого взгляда. Снеговершинные-синие-пестрые горы во весь горизонт, ласковое пение-журчание чистоструйных арыков, роскошь древесного одевания-убранства (пирамидальные и серебристые тополя, сосны, ясени, ширококronные дубы и каштаны, голубые и темные тяньшанские ели, подобные всем райским девам и гуриям, идущим к тебе, качая тяжелыми безупречными чреслами, влажно-гибкая особая трава с тминным и длинным ароматом по утрам – разве против этого можно было устоять? Алма-Ата – градавица-красавица растворяла в себе боль и горечь, возвышала сникшие души, вливала новую кровь в сердца и могла самые тяжелые гнетущие мысли превратить в легкий тополиный пух. Алма-Ата имела особый талант – вернуть человеку смятенному волшебную легкость бытия, вопреки всему. А в послевоенные годы градавица наша была особенно прекрасна и неотразима.

Мама Гевры, милая и крепенькая, работала на заводе Кирова контролером ОТК, т.е. качества. Целый рабочий день перед нею вереницей проезжали на конвейере массивные металлические детали (то ли от тракторов, то ли танков) и она ставила штамп. Если она замечала брак (каким-то, видимо, седьмым зрением), то «его величество» штамп не ставился на болванках, план летел, зарплата тоже. И, вообще, все летело к чертям. Всем давали «втык», кроме нее-контролера, ибо она и была «совестью рабочего». Поэтому на нее боязливо-заинтересованно поглядывали все и если видели, что сосредоточена, но не хмурится, то у людей поднимались настроение и производительность труда тоже. Когда мать встретила отца, и они поженились, то «завком» выделил им однокомнатную квартиру в сталинском доме для рабочей аристократии. Три высоких желтых дома из кирпича, в плане похожих на букву «п» с длинной перекладиной. В середине центрального блока красовалась арка с гипсовыми горельефами-скульптурами. Советский ампир. Так вот в этом-то доме, недалеко от самого завода и дали им квартиру на первом, вернее, полуподвальном этаже (согласно негласной субординации), чтобы была мотивация подниматься выше на олимпы социализма, т.е. поэтажно. Там они и жили – не тужили с тех пор, как сразу после войны родился Гевра. Отец изредка напивался и тому имелась своя причина. У него, во время взятия Кенигсберга в восточной Пруссии в 1944 г. случайным осколком аккуратно срезало четыре пальца правой руки. Осталась только кисть с большим пальцем. Отец воевал в полку тяжелой гаубичной артиллерии, которая всегда находилась в глубине фронта, и поэтому не участвовал в прямых боях. Но на последний штурм пошли все. Вот тогда все и случилось. Его отправили в госпиталь, утешая тем, что ему повезло. Главное: жив, подлечат, комиссуют и айда-гони домой, а женщины на этот пустяк даже не обратят внимания. Им важно, что ты фронтовик и редкая особа – «мужик в полном вооружении». Так-то оно так, но отец Гевры до войны мечтал стать архитектором и у него была идея-фикс: поставить в Алме-Ате свою Эйфелеву башню на Кок-Тобе и превзойти французов. Чтобы люди могли обозревать город и горы необыкновенной красоты в любое время года. На войне эта мечта только окрепла и ... вот!

Это и стало его «пунктиком», а вовсе не аккуратная культа. Напившись, он жалился всем подряд, много гневно и сильно говорил о том, что потеряла в его лице мировая архитектура и, показывая этой самой беспалой рукой в сторону Кок-Тобе, крича и вопрошая:

- Где моя Эйфелева башня? Где? – Дома вся эта пьяная истерика обрушивалась на жену, будто она была в том виновата. Отец брал еще совсем маленького сына на руку, выходил во двор и, подняв его над головой продолжал спрашивать: – Где его Эйфелева башня? Как мой мальчик сможет увидеть всю Алма-Ату и весь мир, а? Где башня?

В тот день, 9-ого мая, День Победы!.. (самый важный праздник на земле), отец одел свою праздничную форму младшего лейтенанта артиллерийских войск (бога или царицы войны), гладко побрился. На кителе блестели три медали (одна-за Кенигсберг) и сам отец тоже торжественно сиял. Радостная мама успела шепнуть отцу громко, когда он взял за руку сына:

- У меня для тебя, милый, есть сюрприз. Скорей возвращайтесь, а я тут стол буду готовить, поцеловала их на дорожку и они пошли в трамвайное депо (оно находилось неподалеку, рядом с баней, на Уйгурской).

Мать вернулась в дом, вытащила из-за шифоньера сверток и развернула его. Это была чугунная копия Эйфелевой башни, около 50-ти сантиметров высотой, отполированная и тяжелая. Еще месяца три назад, мать тайком заказала эту вещь заводскому мастеру, который и не такое мог отлить, а узнав причину странного, на первый взгляд, заказа пробурчал только:

- Это дело святое. Молодец ты, настоящая жена. И не надо денег. В удовольствие мне будет. Вишь, сколько здесь у меня отхода чугуна.

Теперь эта добротная сделанная вещь была дома и мать улыбаясь поставила башню Эйфеля на комод. Одно загляденье. Вот муж обрадуется и сыну будет чем играть.

В депо, поздравив всех с Днем Победы и приняв ответные поздравления, отец сел на свой трамвай, фирменный 4-й маршрут от Тастака, где находился АЗТМ (завод тяжелого машиностроения, в основном военного профиля), и до Парка Горького на Талгарской.

С утра и до обеда отец Гевры перевез тысячи празднично одетых мужчин-женщин-детей в том и другом направлении, почти не задерживаясь в тупиках-разворотах. Много было военных. Гевра с каким-то особым чувством восхищения и гордости за отца наблюдал, как солидные и суровые мужчины в военных формах молча отдавали честь кондуктору, а отец в ответ подносил культю к фуражке и торжественно отрывал билеты. Казалось, что здесь в трамвае проходит некий парадный ритуал, возвышенный и гордый, а билеты выдаются только избранным, которым дано такое право чествовать друг друга, признавая свое равенство и тайную принадлежность к особому ордену-воинству. Но и тут, Гевре думалось, что отец самый главный из них и знает, кому выдавать билеты.

Воздух в городе напитался пряно-пьяным запахом цветущей сирени, а трамвай, словно тайный цветочный магнит, собирал разрозненные уличные букеты в небывалый сиреневый сад в вагоне трамвая. Большинство ехало в парк 28-ми гвардейцев-панфиловцев, а затем пешком шло к старой площади, где гремели оркестры и расцветал-ширился песнями-танцами-улыбками подлинно народный праздник-торжество. К 2-м часам дня отец вернулся в трамвайное депо, где его уже ждали друзья по фронту и работе, принял на грудь первую «победную» рюмку и затем все пошли к нему гужевать-праздновать. Так получилось, что каким-то образом, здесь оказалась и тетя Алиса, добрая и красивая, как все в этот день. Дома, с самого начала торжества-застолья мать, смущенно улыбаясь, вручила отцу «Эйфелеву башню». Все закричали от полноты чувств, так им понравился подарок (многие знали про «пунктик» отца). Но, кроме Гевры, никто в этой праздничной эйфории не заметил тень секундного недовольства в глазах отца. Шумели-гужевали-пели-грустили и говорили до вечера, а когда пришло время расходиться, то отец вызвался проводить гостей. Гевра уже спал, когда вернулся отец, за полночь, пьяный в лоск, и сразу стал кричать на мать:

- Ты, контра. Так меня унижить при всех. В такой день. Как-будто, я сам не знаю, что я неудачник. Эта жалкая копия. Издевательство. Как ты могла придумать такое?..

Гевра, спавший за ширмой, проснулся от криков и серьезной ссоры родителей и явственно услышал слова матери:

- Раз так, раз я такая, иди к своей Алисе. На, забери свою башню и чтоб я тебя не видела, и о башне твоей дурацкой не слухала больше...

Глухо стукнуло и упало что-то тяжелое на пол. Раздался легкий вскрик изумления и ужаса. Стало тихо... Когда Гевра вышел из своего закутка за ширмой в общую единственную комнату, то увидел лежащего ничком отца, с протянутой к Эйфелевой башне правой беспалой рукой, а вокруг его головы разливалось большое пятно крови, как от разбитой банки вишневого варенья. Мама сидела, осев, в углу и смотрела в никуда.

Словно в кошмарном сне, Гевра увидел, как мать вышла и вскоре комнату заполнили милиционеры, врачи в белом. Только тогда дошло до Гевры, что отец больше не сможет поменять свою позу на полу. И никогда не встанет. Помнил он и мамины глаза: стеклянные, сухие, смотрящие в никуда, далеко. За реальность... В уходящее навсегда прошлое... Много дней спустя, во время суда, где его тоже спрашивали о случившемся, Гевра узнал о том, чего он не видел. Мать объяснила все так: – «...я и он поссорились, потом я бросила ему эту проклятую башню... думала он поймает... рука то – беспалая у него, а он (видно напугался) пригнулся только и... эта штука попала ему в висок... вот и все, судите... я виновата. И... эта проклятая башня». Матери верили все и Гевра тоже, но суд дал ей 6 лет срока за неосторожное убийство фронтовика. Самое последнее воспоминание: похороны отца (мать стояла в стороне). В момент, когда гроб начали опускать в яму, мать поставила на него чугунную копию той самой «башни Эйфелевой», ее последний и роковой подарок любимому мужу. Именно там, на похоронах, мальчик Гевра окончательно понял, что для него время «синих гремющих трамваев» кончилось. Гевру определили в детдом-интернат № 1, в станице Иссук, недалеко от Алма-Аты. Больше он свою мать не видел. Слышал только, что из тюрьмы ее перевели в психдиспансер, где она и умерла, повторяя безостановочно: – ...Эйфелева башня... башня Эйфеля... где она?..

После детдома и «десятилетки», Гевра поступил на строительный факультет, стал инженером-проектировщиком (почти архитектором), но в трамвай больше никогда не садился. Город изменился, неизменным остался только год смерти отца-1954. А где похоронили мать он так никогда и не узнал.

В тот город я уже не вернусь никогда, а лучшее, лудящее душу до сладкой истомы не забудется уже сердцем. И там, в тайной галерее души, будут висеть картины-воспоминания о тех ароматных послевоенных годах, о городе яблонь, отплывшем, словно корабль с мачтами-тополями, в иную реальность со всеми своими людьми-домами-бульварами-улицами-магазинами-лубочными сценками «совбыта» и бросившем, наверное, навсегда, якорь в тихой дальней гавани. Где тот город-корабль с зелеными веселыми парусами? Найдет ли отдохновение от бурь и гроз своей трудной и прекрасной судьбы?.. Прощай мой город-корабль, а я поплыву дальше... В день – завтра, в море другое...

Часть 2-я

18

В один из дней скитания, в сумерках, могильщики развели костер в чаще криптомерий, казавшихся бесформенной шевелящейся-шелестящей-густеющей тьмой. Пока одни ушли ловить рыбу в ручье, под холмом, другие отправились собирать хворост, искать щавель и дикий лук в смутном мареве-свете угасающего дня, Кен, глава «дза» – могильщиков, остался сидеть у костра. Алый бутон огня, казалось, был единственной живой и теплой субстанцией в сумрачной стылой чаще криптомерий, где уже ухали совы, от которых торопливо укрывались мыши и белки в дуплах, среди вывернутых корней, в пружинном подстиле палой жесткой листвы. Его тонкий нюх, вдруг уловил из тысяч пряных-прелых-пресных запахов тот единственный-неповторимый-горестный запах человеческой плоти, тронутый смертным тлением. Запах дошел сюда по пелене слабого дуновенья ветерка, из оврага, виденного путниками еще час назад, недалеко, от места, где они остановились на привал.

Верно, там когда-то тоже было сражение, хоть и малое, судя по запаху. Душно-дурно-горько-грустно стало Кену. Перед его невидящими-недвижными глазами пронеслись десятки полей сражений-битв-стычек-боев, сливаясь в один печальный пейзаж. Дивная и мрачная красота этих мест никак не умаляла горя-беда. Сколько молодых воинов-самураев погребено здесь? Разве дело в малости или в огромности сражения? Печаль и особое молчание над полями сражений всегда одинаковы, как и одиночество-неприкаянность-сиротство просевшей земли. Так бывает, когда уже могильные черви сделали свою невидную-смердящую-надобную работу, освободили кости от плоти. Эту отчаянно-холодную пустоту могил заполняла оседающая земля, песок и камни, ибо не должно быть в мире пустоты. Оттого и узнаешь сразу эти могильники без гробов. Там всегда проседает земля и воцаряется печаль.

Когда в котелке из меди, темном от копоти и постоянной близости с ярким огнем, уварилась рыба, вобрав в себя вкус щавеля, дикого лука и запахи дыма, Кен перестал ощущать могильный особый запах, но запах был неистребим, ибо вошел в поры-полости-щели души, все более и более уплот-

няя пространство вокруг сердца. И тут, когда ненадолго расслабились петли веревочных тугих мыслей в голове и давление их перешло в область сердца, в непроницаемой чаще криптомерий будто блеснуло что-то (то ли звездочка нашла просвет в кроне деревьев, то ли боль отступила от головы к сердцу)... Ему, вдруг, увиделась Сайко в облачке того теплого-тихого света, который всегда сопровождал ее, будь то ночью, днем, вечерами. Она – возлюбленная его – словно просеменила над лесом в вишнево-цветущем кимоно. Сайко улыбалась, как в день их первой встречи у ручейка водопадно-падающего с невысокой скалы, покрытой темным мхом и узорами-сгибами-ветвями-листьями упрямо ползущих вверх растений. В этом встречном движении – ручья вниз и растений вверх – будто была воплощена вся лучистая-текучая суть Сайко, ее особая утренняя природа, когда в падающих струях проблескивает радуга. В этот миг краткий-ослепительный-горестный-обжигающий все слилось воедино, в одно волшебное мгновение-воспоминание-пейзаж, как воды рек, стекающих в море, а в середине сияла-плыла-витаала Сайко, и казалась теперь ему всей полнотой любви, какой не выразишь словами.

...Танец творения... ритм рыб, плывущих глубоко... эмбрион-младенец в океане матери... мать помнит прелюдию любви, песнь зачатия... жить по обе стороны света-тьмы... мысли растения... размышления-листья-корни... идеи-цветы... труд ветра – всех обвинить-овеять-развеять тучи... дать крылья семенам... нет глаз у дерева... рук нет у ветра... камень глух... но все понимают утробную мудрость жизни... не расторгнимо расти-веять-лежать в земле...

Между тем, вчуже, думалось о почти небывалом времени, когда жили легендарные супруги седьмого колена первообитателей еще несовершенной земли – божественная пара: Идзанаги и Идзанами. Он и Она. Она и Он. Сами они. «Самионы». Породив в любви и согласии столь несхожих детей, как ветер и росы, морские волны и лунный свет, радость и печаль, травы земные и подводные, леса густые и ясные поляны, со всем их беспокойным и часто враждующим хищным населением живых существ, и тихой отрешенностью растений и цветов, щедро одарив всех неиссякаемым плодородием, отчего-то они – мужественный Идзанаги и женственно-непостижимая Идзанами – поссорились в пространствах скорби и смерти. И случилось это в мире подземном, куда сошла умершая внезапно Идзанами, оставив мир земной. Но когда за ней пришел тоскующий и влюбленный Идзанаги, супруга его отказалась покинуть печальную обитель теней и вернуться в дом свой земной, светлый. Отчего бы это? Почему бы им не соединиться вновь и не ждать часа, когда смерть заберет их вместе? Чем не счастливое окончание многотрудного божественного супружества, когда и богине луны будет отчего, по-настоящему, печалиться, а богине Аматаэрасу с новой силой полнить мир светом? Неужто так и будут они непримиримо тосковать, как одинокие скалы в море? А может быть, судьба им такая дана в назидание и поучение людям, чтобы они не уставали соединять их в своих фантазиях и мечтах узами супружества и любви, и сами держались обетов любви и верности в своей человеческой жизни. Как знать? Но он - Кен все же найдет способ соединиться со своей супругой Сайко в иных мирах и воплощениях, чтобы никогда больше не разлучаться.

...и стал он искать в себе себя... глаза извне обратил внутрь... мысли изгонял самоплодные-мерзкие... вбирал в раковину уха звуки чистые-первородные... вдыхал – невесомый воздух тишины и ширил простор покоя в себе... бессловесные сутры-вопрошания-упования в дальнее небо обращал, будто с неким братом своим вознесенным беседовал о бренном-нежном-земном-тяжком вывороте-изнанке жизни и все же возлюбленной им во всей красоте ее и жестокости... опоры искал, вокруг которой могла бы вновь начать кружить земля-планета души просветленная... и виделся Кену тот таинственный брат его в дальней выси небес, среди звездных полей, омываемый теплым дождем из комет, свободно-легко летающих там, во втором небе... и послал брат брату мысли свои потаенные, невесомые письма души своей потрясенной горем и сомнением о смысле дороги земной... нить натянул меж ними незримую и паучка-вестника пустил по ней вверх... Гроссмейстер увидел паучка, улыбнулся и стал вслушиваться в ритм, выбиваемый ножками вестника-паучка на дрожащей тонкой нити, словно то была небесная азбука Морзе... А то обстоятельство, что послание-вопрошание Кена шло к Гроссмейстеру семь веков, то надобно помнить, что для вечного единого времени это равно секунде.

19

Пожевал. Медленно, со вкусом. Проглотил. По гортани пошло в желудок. Заскользило. В полной темноте. И ему вспомнилась в сырой полуночи та девочка. В ручье. Давно. Он высматривал ее из-за холма. Взгляд получился по косо. Длинный, вождедеющий и не излучал опасности. Бастард умел уже это делать. Чуть отведешь глаза, улыбнешься, а потом опять на мишень. Ветка ивы над

ручьём серебрилась. Струи гибкие – светлые. Как ивины листья. Но девочка была много гибче, светлей. И струй ручья, и ивы. По ту сторону ручья темнел небольшой затончик. Над ним нависали густые ветви карагача. И поток точно отражал разную сущность деревьев. Бастард знал, что она пойдет к затончику, где течение медленнее, а вода глубока. Девочка не знала, что ее уже поедают глаза безумного людоеда-гурмана. Она наивно присела и два – белых и нежных – абрикоса ягодич коснулись струи и навсегда изменили ее течение. Легкое прикосновение, а сколько изменилось в природе, в ней, в нем, в струе. Бастард вздрогнул, как если бы это у него меж ног побежала студеная вода и защемило в стволе и в корне члена. Чему-то улыбаясь, девочка развернулась-перевернулась по току ручья и по ходу солнца, и в воде показались два яблочка зреющих грудей и на миг мелькнула промоина лона с пушистым светлым островком. Девочка легла в поток, чуть задрав мягкий подбородок под свежими алыми губами и вся отдалась купанию. Вода приняла игру, потекла вдоль плечей и приняла новое русло меж тонких длинных ног, где она чуть закипала у бугорочка лобка. Девочка вновь перевернулась на живот, а Бастард неслышно вплыл в ручей, чуть выше, по течению...

Вода задрожала в затончике - омуте от прикосновения ее ресниц. Густые, черные. С выгибом над глазами и распахнутые в подглазницы. Дважды вода поднялась и лизнула ресницы купальщицы. Она не жмурилась и вода омывала глазницы светло-зеленых ясных глаз. И вода, и купальщица восхитились этой интимной - глубокой лаской... И были всецело погружены в первозданное... Она зажмурилась от удовольствия. Вода целовала заветное-защитное меж ягодич и ног. И упорно-нежно стремилась дальше, утягивая с собой струйно плывущие листья...Он полз под водой. Саламандр древний-хищный. Ветви тянуло вниз. В течение. К купальщице. Вдруг, их грубо развернули и наступила глухая тишина испуга- ужаса... всхлип, всплеск, дрожь и рябь по воде... ааайй...

Уже уходя от ручья, который ниже ее пяток тек вишневыми струйками и одинаково омывал, вскипая валун-камень и серебро-тело мертвой купальщицы, Людоед продолжал вяло жевать то, что ранее было местом будущего и уже невозможного влагания фаллоса, а теперь стало бесформенной широкой раной, скрывающей свое неестественное-сверхобнаженное безобразие под темнеющей водой, утеравшее образ лона. Сплевывая пушистые легкие волосы лотоса-лобка – еще час назад цветшего в поле-луге юного тела – Людоед медленно и разочарованно думал: – Как жевать эти сухожилия? А казалось, что вкус их будет несказанным – смачным, как свежесваренная печень ягнёнка.

И он задумчиво сплюнул резиново-сучную жвачку, утирая грязно-кровавый рот, в котором щетинились-торчали желтые крепкие зубы неведомого хищника. Дева несметная, покорившая воображение его на миг, плыла вниз по ручью, обреченно-стыдливо сталкиваясь с камнями и корягами. И только мелкие мураши набежали на место плевок, а затем стали срыгивать странную пищу, возвращая девственное лоно купальщицы в вечный водоворот природы.

... все тайное в нем, однажды, всплыло брюхом вверх... дохлая рыба, отравленная сливами технической воды плывет вниз по течению... на берегу стоит он сам и смотрит на свои потроха чернильного цвета... словно он видит сканируемое нутро свое... но это только первая дохлятина... в верхнем течении еще резвятся мальки – мелочь пузатая – юркая, подсаженная на отраву... наркоманы плавниковые - чешуйчатые... еще выше у истоков, на мишистой гальке мелководья мутной слизью (не то сопли, не то сперма после мастурбации) размазана икра с глазками плода-эмбриона, уже несущего в себе скорое гниение и неизбежность плыть брюхом вверх с открытыми сизыми жабрами... эта отравленная река течет в нем самом, начинаясь с темного крохотно участка у гипофиза... десяток-другой нейронов-клеток, пораженных гниением и любовью к мертвой плоти еще в черепе его прабабки, а может и прадеда - изувера (возможно, кто-то стукнул камнем по черепу, или тот знаменитый-воительный пращур так увлекся убийством врага и сек его уже мертвого боевым топором, пока не нарубил-раздробил его на мелкие куски... хоть сейчас бросай в котел и готовь жаркое из человечины)... и этот страшный кадр-рапид из звериных эмоций и алой пузырьчатой крови с белыми фрагментами костей навсегда впечатался в память прошлого и спрятался до поры в темном микропогребке-хранилище, в глубине мозговой ткани, чтобы когда-нибудь (видимо в нем) стать жутким фильмом – инсталляцией кровавого потрошения девочки невинной, тысячу-другую лет назад уже предсказанной кем-то, но еще не родившейся жертвы (но куда она денется от неминуемой судьбы своей мученической?)... тайное плыло перед ним, еще раз в нем свершившись, пока он стоял среди ночи и холодной тишины дикого леса и предгорий и иссекал-потрошил теперь мысленно труп маминого хахаля, и представлял себе сладоненавистно, как отрезает его лиловый член-отросток, затем мошонку и, взрезав-вспотрошив ее, смотрит на крохотный сгусток еще живой спермы-молоки... тьфу-мля-молофья-бля-блевотина...

...где-то прорвало небесное дно и льется печаль из худого ведра и земля, залитая безысходной печалью и небо прохудившееся и пробитое ракетами, как решето, ничто уже не могло утешить или обнадежить людей добрым исходом их дел и упований... Ни ведро, ни пасмурно...посередь-среди чего мы стоим?..

И откуда ни возьмись... этот низовой-низменный ветер. Вроде бы и нет его. Волосы не треплет и листву не качает. Но есть все же, если внимательней всмотреться. Траву так и лижет, будто гребенкой проходит. И природа этого ветра странная. Из другого, не физического мира. Веяние его тоже загадочно. Кусками, клочьями веет. А в промежутках нет его. И что совсем уже не объяснить: он сквозь стены или сквозь людей проходит, как нить, и ниже их в связку. Но самое страшное: этот ветер-низовой из всяких щелей, укрытий, канализационных труб выносил в верхний мир всякую заразу-гадость-порчу. Он имел еще одну особенность. Струи его могли мгновенно скрутиться в невидимые жгуты-петли, цеплять за ноги зазевавшихся задумавшихся людей и утаскивать вниз, в мерзость или принудить к преступному действию, вжав лицом в решетку слива или протаскив по загаженной трубе канализации. Девушек невинных он мог напугать крысами, где-нибудь в подвале так, что они теряли всякое понятие о своем истинном назначении и зачастую выходили из подвала того сразу на панель и... даже улыбались крысино-хищно-злобно.

Ветер этот – стервец низовой мог, внезапно, так сгуститься вокруг прежде счастливого человека в виде воронки-вихря-смерча, что тот переставал слышать и понимать близких, друзей, начинал подозревать их в предательстве, пока окончательно и, уже самостоятельно, не заключал себя в тюрьму обиды-одиначества, хотя сквернавец-ветер давно ушел искать себе другие жертвы. Справедливости ради, надо сказать и о людях иного толка, которые по своей воле становились жертвами ветра-низменника. Они сами подстилались под этот и без того низовой ветер и выходили из под него отутюженными лизоблюдами-членолизами-спермоедами и заболели такой безудержной алчностью, что по сравнению с ними тягу алкашей к алкоголю можно было отнести к категории временной дезориентации в мире трезвых вещей.

Низменный ветер постепенно набирал такую силу и мощь, что у него появились глобальные амбиции. Он вытеснял обычные ветра из области их естественных веяний и они все чаще становились бешеными тайфунами-ураганами-смерчами-торнадо, сея стихийные бедствия там, где прежде нежно раскачивали травы и кроны лесов, несли прохладу в знойные дни, разносили споры и семена растений, а в иные – редкие минуты вдохновения развеивали волосы юных женщин так, что у мужчин захватывало дыхание и они восхищенно изрекали и пели слова, ранее им не присущие. Возможно, омерзительно низменный-низовой ветер сей на деле был зловонным нутряным дыханием некоего чудовищного гада-монстра-гиббозавра, затаившегося в недрах земли и задумавшего выйти, наконец, наружу и объявить эру своего нечеловеческого господства над миром, пока его окончательно не разрушили сами люди. Как бы то ни было, низовой ветер ширился-рос-усиливался, распространяя по земле и в людях неизвестную доселе, но отвратительную заразу-болезнь-скверну...

Зверь неведомый метафизический и дух зловонный его – низменный ветер... Тень ветра... Гиббозавр мордатый...и ху-ху его и фи-фи...

Одинаково страшно заблудиться в лесу и в пустыне, или в морях потерять свет Полярной звезды и звездный маяк Южного Креста. Уповаешь невольно. Если есть наука навигации спасения людей, от ими же сотворенных бед, нескончаемых конфликтов и нравственных катастроф, то эту науку знает только Природа. Лишь она, волшебным образом, умеет растворить черные кристаллы зла в водах своих прозрачных, оберегает землю и нас от убийственного космического холода небом-покровом своим, все зловонные отходы и испражнения людские терпеливо утаскивает в свои потаенные недра. Из последних сил бережет она детей неблагодарных своих, которые жгут, рубят, разрушают и потребляют все и вся вокруг себя, а Природа безустанно вновь сеет семена, растит каждое древо и травинку, творит букашку и слона, и жемчуг и дивных рыб, создает бесчисленные образы красоты: летящих птиц, сияющую радугу и сияние полярное, танцующих оленей и плывущего кита, неповторимые закаты и рассветы, и сестру их - благодатную ночь. На тысячи истребляемых нами живых существ из чрева-души своей Природа воспроизводит все новые тысячи растений и животных, а на рассыпаемые нами яды, мины и атомные бомбы безмолвно дарует благоухание своих цветов, легкое веяние ветра в жару и бесподобный вкус плодов своих неисчислимых и чистых и... что же мы?... неблагодарные самоеды, корыстолюбцы, истре-

бители и хищники в образе человеческого?... Гиблозавры что ли мы?... Да за одну только любовь, а паче того: за краткую, но головокружительно-прекрасную жизнь мы должны бы поклониться Природе, сохранить дары ее и вернуть ей стократ взятое нами. И помыслы и умыслы наши, и сомнения и веру, и человеческую и звериную сущность нашу вкупе, и зло действительное и зло еще не осуществленное: все понимает и терпит Природа, трудясь неустанно, оплакивая нас и радуясь нашему бытию на земле. Чем ответим мы ей?

20

Находясь в стане-войске, Мудрец, невольно удивлялся тому, насколько лица этих природных скитальцев-кочевников отличны от тех, к которым он был привычен с детства. Отчуждение читалось в них. Но еще более поражала его их система понимания времени, как бесконечной и неисчислимой травы, имеющей только два состояния – зеленой и желтой: недолгого перехода от времени красных маков до дней серебристого ковыля. Оттого сознание и понимание мира у них было простым и просторным. Природа, как тройственный союз: «земля – вода – небо» и включенный в нее беспокойный элемент-человек, воспринималась чем-то неизменным, а весна-лето-осень, являлись неким переменчивым эквивалентом-моделью жизни человека. Но всему, вкупе, имелось естественное продолжение-окончание: неизбежность зимы-смерти. Мудрец не мог не признать того, что это, пожалуй, было более естественно и приемлемо, чем понимание мира его народом, много более путаное, где гармония сосуществовала с хаосом-разрушением и была обречена на нескончаемые соединение-разрыв начал «темного-светлого», а противостояние «янь-инь» порождало больше сомнений, чем веры. И верховенство их правителя-воителя над народом-племенем (неоспоримое и обязательное) происходило, видимо, из кочевого образа жизни, как неразделимое бытование пастуха совместно с безымянным скотом. С лошадьми и овцами им было привычно жить с детства, а утвердившаяся в голове природная модель: «пастух – скот» предполагала, что и права правителя так же естественны и непреложны, а его верховная власть есть лишь другая форма: «властитель – народ». Оттого они, добровольно покоряясь своему правителю, завоевали столько стран, ибо имели такое простое устройство жизни и легко убивали людей, как режут скот. Также естественно шли они за своим правителем, как косяк коней за вожаком, бараны за козлом или вода по уклону.

...реки в реки перетекают... берега меняются-ширятся... ветры с ветрами перевиваются... летят из сфер лиловых-плотных в области синие-голубые-тонкие... солнцу легче стало небо переплывать... травы с травами сливаются-сплетаются-срастаются корнями... вяжут равнину с собой... человек к человеку ходит-не переходит... плачет девочка-луна... на земле все также неизменно и низменно... рознь, распри, распад, различия, расы...

Оттого и Воитель-властитель их имел привилегию думать о своем бессмертии, в то время, как для других имелись пределы жизни в слове «смерть». Даже на него, Мудреца, Воитель производил впечатление чего-то незыблемого-неотменимого-темного, что нельзя обойти-устранить. Из кладезя древних знаний своих, вынесенных из тьмы вечно-влажных джунглей, Мудрец извлек и такую мысль, что все линии на этой земле все равно пересекаются в одной точке, как бы их не проводить: вдоль или поперк, с юга на север и наоборот. Поэтому оборвется и линия жизни Воителя и всей его судьбы, и будет он забыт, подобно тому небольшому приключению, которое случилось несколько дней назад, когда передний вол упал, околевав на ходу. Его оттащили, впрягли другого, и колымага с шатром, как колыхалась-скрипела-тащилась, так и продолжила это делать по инерции. Сама по себе она давно бы прекратила катиться, не уродуя – не беспокоя – не оскорбляя мир глубоких звуков визгом своих колес. Если б не люди... И воли безвольные...

Сыновья Воителя, находясь почти всегда при нем, и сейчас вели свои колонны в строях по правую и левую стороны. Воитель никогда не давал им длительных поручений, чтобы им (в удалении от него) не вошла в голову глупая мысль, вроде той, что пришел их срок править. Скоро, когда он сам по своей воле уйдет по дороге «второй жизни» и уединится навсегда в пещере-склепе, тогда лишь большой курултай решит: какой из листьев – сыновей-племянников оставить на ветке власти, обрубив вокруг прочие. Так было положено издревле по лестнично-ветвенной-корневой традиции наследования. Племя хана и черное племя народа жили разными уложениями, и это несмешение кровей-корней являлось основным законом устойчивости народа-войска и отстояния хана от всех.

...первовсадники ушли на закат... возвращались с востока, тоскуя о пепелище... о своем перво-селении... кони высоки и светлы... всадники исполнены мудрости кочевья... долгого... перед ними вновь расстилалась девственная равнина дерзаний...

Воитель еще раз уверился, несмотря на все сомнения, что если по совету мудреца-оборванца он сам, еще живым, по собственной воле ступит за порог второй жизни, то останется для своего племени и завоеванного мира незбылемым-надвышним-необъяснимым, как Небо-Тенгри, и дело его не прекратит совершаться. Мудрец же знал то, что на каждое время приходится свое количество зла. А этот правитель-воитель уже перешел свою меру-межу и его должно остановить. И потому Мудрец дал Воителю-властителю неопровергаемую малыми доводами простую идею. Эту идею Воитель принял, как бы самостоятельно, исподволь, но она крепко зашла-въелась ему в голову. В конце-концов, ведь Воитель по занятиям своим злостным и несправедным научился подчиняться логике сужающихся кругов, где всегда появляется - возникает воронка-выход-вывод: пора ли начинать войну, пора ли казнить или пришло время выпаса боевых коней и надо останавливать поход.

Трава степей уже просчитала ход времени и знала, что события созрели и им должно начать происходить. Вскоре, неминуемо, подступит и смена эпох, которая перечеркнет незначительное и мелкое, как песок, чередование обыденного с привычным. В таком летоисчислении находилось место и высшим знамениям звезд, и житейски понятному шествию маленького каравана лет. Двенадцать малых лет возглавляемых суетной крысой - неутомимой пожирательницей зерен - минут-промежутков и мгновений... А Воитель прожил уже семь раз по двенадцать и звезда его стала уходить за край звезд.

Был знак. Вестовые подскакали. Пали ниц перед шатром и Тем, кто в нем находился. Поллог отодвинулся. С трех сторон, дотоле шедшее племя-народ остановилось. Понизилось уровнем. Склонилось. В тишине возникшей явственно прозвучало: – Место готово. Оно находится в семи днях хода. Яви волю свою. – Воитель устроил знак. Знающие поняли. Длинную внезапную весть понесли вперед вестовые... Оставлять за собой и вокруг «Того Места» заслоны. В три круга. Никому ничего не говорить о «Том Месте», куда пойдут. Никому не должно видеть «То Место». Смотреть-бдить во вне... Создать пустоту в головах... Полости в глазах... Войлочные заслоны в ушах... Запереться в клетки молчания... Три пальца... Один знак-приказ... Все времена года и жизни отменены... Зазвучали сигнальные роги... Шествие двинулось... Пришел срок исполнения воли... Воитель открыл ларец... Тот, что дал ему Мудрец... Великий Таинственный... Отрешенный от страха... Давший ему отважную мысль уйти в последнее кочевье живым... В ларце травы... Сухие... Отмеренные долями... Надо принимать. Внутри... Чтобы отрешиться... И принять, что должно...

... мы ушли, чтобы край равнины увидеть... посидеть в доме усталого солнца... вернуться вместе с ним однажды... в круг пепла входя, запоминайте... где тень ветра... впереди-позади или в стороне-сбоку... иначе останетесь в круге пепла навсегда...

В том месте, куда направились шествие-стан, расширяя вокруг себя круги бдения и ограждения тайны, Мудрец ждал Воителя, которого для себя называл теперь «цветоедом». Ибо заметил, что все вокруг «устремленного в никуда», теряет свой естественный цвет. И объем. И естественную природную силу цвести и расти. Но в долгих беседах и умолчаниях Мудрецу удалось-таки склонить цветоеда-воителя к мысли уйти самому и не мешать жизни течь-продолжаться-изменяться. Он счел, что об этих двух-трех годах, потраченных на беседы с «поедателем цветов», не стоит жалеть. Но он – Мудрец, сохранил себя. Свою внутреннюю свободу. Он воздвиг заплот для тлетворного воздействия черных мыслей. Оградил их от сил белых. Творящих. Энергия же Воителя была направлена против жизни. Он вознес себя над людьми во имя ложного величия. Хотел разрушить гибкое и сложное течение жизни-времени. Но желания его были ничтожными, а деяния тленными. Лучше носить вериги, чем такое пустое величие.

Здесь в ущелье, в излучине гор, в пору подступающей осени, даже среди скального пространства царила такая роскошь-россыпь полутонов-полуцветий-оттенков, что даже ранняя весна или изобильное растениями лето его далекой родины за Гималаями не могли сравниться с утонченностью одеяний суровой природы этих полупустынных мест. Надобно только напрячь дух и зрение, омыть сердце и ум прозрачными потоками небес: и ты прозреешь к красоте. И эта красота неприметного-неброского казалась еще более великолепной-потаенной-роскошной после того, как Мудрец в последний раз тщательно осмотрел склеп-устройство-схрон пещерный, который он уготовил «воителю-цветожору-властителю увядания» для его второй жизни-утаения-забвения вдали

от людей и красоты. Коли тот не смог понять всей щедрости небесного даяния: своей первой пестрой человеческой жизни, упростив ее до черно-белых полос боев и сеч, которые при убыстренном чередовании становятся лишь серой пеленой, цвета той тяжелой ртути, которую уже залили в искусственные реки-озера в месте последнего уединения-упокоения Воителя. Место второй жизни воителя вскоре станет всего лишь кисло пахнущим болотом ртутным. Оно ждет хозяина-обитателя этой ртутной пустыни, а к нему – Мудрецу вернется тихая радость созерцания лотоса в сердце.

...гладиолусы любят олухов... лопухи и ландыши ладят ладью в камыши, чтобы встретиться с лилиями... тюльпаны бредят пегасами-тулпарами и мечтают о славе маков... розы утешаются тем, что ранят шипами росы, выпавшие на них доверчиво... цветок лотоса терпеливо ждет того, кто в нём воссядет... где просветленные тьмой?...

21

Разное-пустячное-пестрое думалось Гевре в эти дни исхода века. ...Конечно, все может случиться с человеком. Как с пылью, унесенной ветром... То ли найдет венчик родственного цветка, то ли сгинет неизвестно где?.. А с городом?.. Разве нет?.. Как с Алма-Атой, в год противостояния черного быка с грядущим белым тигром, когда с гор пошел гигантский сель?.. Если бы не насыпь-плотина, которую сотворили направленным взрывом в верхнем створе ущелья Медео, могло случиться непоправимое... И та едва устояла перед тем селем-зверем неожиданным-свиристым...

Но есть еще один сель. Сель свободы. И если помнить, что свобода заложена в человеке с момента зачатия, то надо знать и о силе ее. Если кто-то захочет ограничить-сковать ее, то свобода прорвет все заплаты-оковы и станет грозной стихией. Селем станет она сокрушающим, утерев красоту свою первозданную-легкую-радостную, чистоту своего естественного состояния-бытия в природе. А такое случается внезапно, особо, в год умоления-унижения и сокрушения сердца Белого Тигра, изгнанного из небес в снега декабрьские.

Необъяснимы и ужасны лики угнетенной свободы... Ярость тигра и буйство селя. Тигросель это, беспощадный к преграде любой. Будь то клетка или запрещение какое. Сель свободы снегов-лавиный, соединяясь с Белым Тигром, становится опасен и непредсказуем, и прольется тогда кровь людей... Такое случилось, однажды, в Алма-Ате, в середине зимы. В Декабре. И тот Сель Свободы, сокрушительный и сокрушающий, видел Старец-Кыс со снежного трона своего на вершинах гор Алта-Атау. Бесстрастно смотрел он на истечение Селя, вспоминая, как сражалась за волю свою отважная степная Амазонка с Серым Воином угнетения, дабы затем, в чуждальнем краю стать рекой дольней-широкой.

Декабриные то дела, горькие-гордые-незабвенные-гневные, на площади гулкой-холодной-сквозной, где Весть о свободе стала ветром-вепрем и смешала кровь людскую со снегом. Схватка воли с неволей свирепая... круги пепла и боли... Ожесточение-отчаяние-гнев... Сель свободы, сошедший до дождей откровения... Разве кто знает, что в те дни космический заяц не явился в черед знаков Зодиака, укрывшись в просторах второго неба. И в календаре земном образовалась каверна-дыра. И ныне космический пес гоняется за тем зайцем пугливым...

А то, что дееся в мире большом, с народами, странами и целыми континентами просто не поддается разумению... Будто надвигается колоссальный устрашающий геоцунами на всю планету... На всех людей, города, страны... И в чем причина, где пусковой механизм этого почти осязаемо-реального катастрофического бедствия?.. Есть ли от него защита или все может произойти по сюжетам библейским-апокалиптическим?.. Ведь завершается не только век, но и тысячелетие... Целая Эра Рыб уходит в океан времени... То ли божий промысел неверно понят нами и нет в нем места надежде?.. И есть ли промысел вообще, как собственно, и сам бог?..

...лонопадения-лонотрясения-лоноласкания-лонопарения простительны... возможны смех, гнев, проклятия... они естественны, пока не начнется восхождение на джомолунгмы-тенгри любви... недопустимо любое вредительство-членовредительство-венновредительство... предпочтительна сложность, она лучше лжи... лжесвидетельство-лжечувство-лжеслово... это зловещая триада... лжеклятвы трекляты... всякое множество умалется ложностью... мужеложество-женоложество... это худшая ложь... верх греховности-луноложество... ночь луноложества может навеки сомкнуть вежды звезд... дева упала в рожд... потеряна брошь, но обретения её несметны...

И вообще... Что за жизнь пошла?.. Кто придумал этот дикий фарс-скетч, политическую вампуку?.. Этот безумный карнавал масок получил непомерно большой размах и вскоре люди обретут

привычку скрывать свои лица... Откуда хлынул этот невообразимый сель перемен, принесший с собой столько невещественной грязи?... Может ли человеческая природа выдержать такую лавину-стресс внезапных перемен всего и вся?... Хорошо бы перемены, пусть и болезненные, но истинные... Но впечатление такое, что с экранов кинотеатров прямо на улицы сошел жестокий триллер в жанре «криминального чтива» и теперь тебе, обыкновенному обывателю, надо бежать, спасаться и невозможно понять: за кем правда, кто убийца, мафиози, маньяк, извращенец?... Легкость жанра такова, что подростки берут оружие и стреляют в своих ровесников, родителей и случайных прохожих, словно нет границ меж иллюзией-игрой-сюжетом и реальным преступлением... Наивная девчонка выходит на улицу, чтобы примерить на себя роль «лолиты», а становится проституткой на панели... Это куклу можно ударить головой об стенку, проткнуть гвоздем, распотрошить... Жестоко, но допустимо, как идея снятия стресса или агрессии... А живого человека?... Бедный Босх отдыхает... Его фантазии покинули плоскость полотна и вышли в наш трехмерный мир...

...ныне бредят брендами... бой-френдами... герл-френдами... боями боев... герлами герл... геи живут с чужими хренами... лесби с розовой феей-бьянкой... теп and хотеп обсуждают свои различия, ищут формулу любви и спорят до хрипоты... а процесс-то уже необратим... идет в ином направлении, вопреки природе...

Священную корову свободы ведут на бойню... Режут, обдирают, жрут... Свобода виртуального воображения и творчество иллюзий вторгается в жизнь и естественные линии-краски-образы превращаются в раны-кровь-боль и в реальных убийц-людоедов-изращенцев... С человека сдирают кожу, взрывают, потрошат... Оставляют на улице умирать... Реальный перфоманс, инсталляция крови в стиле «бордо-барракуда»... Абсурд факта... Полиция документирует, репортеры снимают, мы смотрим... Что дальше?... Иногда кажется, что политики – наследственные кроты... Они слепороют свои ходы, целые системы тайных нор, создавая огромные полости под землей, по которой мы беспечно ходим... Им нет никакого дела до нас и некогда думать, что в результате их слепой деятельности люди, однажды могут провалиться в их невидимые пещеры-полости-норы, запутаться в густой паутине их интриг и погибнуть, или ввергнуться в пучину противостояний, войн, отчаяния, истребляя себе подобных под лозунгами написанными слепыми политиками-кротами, подрывателями земных ценностей... Геотеатр экономических интервенций, гуманитарная помощь в форме малых войн, обвинения ограбленных в ограблении, массовое людоедство бедных богатыми людьми в форме голодомора черных и цветных детишек отсталых континентов, тихий терроризм религий в форме догм-бомб, глобализм, как игнорирование простых человеческих ценностей и прав, схватка старых и новых цивилизаций во имя мифического лидерства, вытеснение добра красиво упакованным злом, совесть обручаемая насильно с пороком, любовь умирающая в СПИДе...

...кажется каждый день мир умирает... книги тоже... если бы не сердце, да глаза, да слёзы сквозь душу... хорошо, что глаза ещё видят... те, что внутри... от того всё видишь-понимаешь-плачешь... ничего... и от меня, однажды, уйдет невеста жизни... но свадьбы иные ещё впереди...

Чудовища из пещер политики. Звери из берлог мертвой души. Призраки из плоти и крови. Фантомы живых фантазий. Людоеды с ликами святых. Это не древние мифы о битве титанов с героями. Это смертельная нечеловеческая война людей с людьми. Не бога с дьяволом. Не лекарства с вирусом. Человек выгрызает из себя человека, пьет кровь другого человека, аннигилирует человечность в растворе техноцивилизационной кислоты.

Кто бы мог подумать? Даже такая авторитетная институция, как географическая карта, расползается по швам. Надо ставить флажки-памятки, пока не издали новую... Две бывшие «германии» слились в одну. Флажок... Талибы саранчой заволокли Афганистан и ползут к границам Центральной Азии. Памятка... Какой мусульманский рай они хотят устроить среди ада руин статуй Будд в Бамиане? Вместо Югославии ставим несколько флажков сразу... В Тибете китайцы (красный флаг)... Далай-лама в изгнании (белые ленты печали)... Сохранить бы суверенность своей души... карту надежд-упований...

Об этом и разном другом думалось Гевре, когда на стройку, внезапно, приехал сам босс-Есеня и вызвал его. Пригласив Гевру в салон большого джипа, Есеня коротко проинформировал:

- Гевра. Я собственно попрощаться с тобой приехал. Ехать мне надо. На запад. Только тебе скажу. Тесть мой в большую игру ввязался. На днях, в Астане, стреляли в него. Слава аллаху, он только ранен, но двоих рядом положили. Это намек. Чтобы в демократию не играл по правилам. Надо уезжать. Там видно будет, а пока приходится сворачиваться, бизнес прятать. А это тебе. Спа-

сибо. За многое – мало. Береги себя. Мы еще вернемся. Пока.

Когда Есенья так же внезапно уехал, как и появился. Гевра в укромном месте открыл конверт. Там было несколько тысяч «зелени». Такие деньги ему даже и присниться не могли.

...»гиппометрия» означает особый способ измерения расстояний и движущих сил в степях... проще говоря, единица измерения есть конь... например: если до места «М» от урочища «Ж» на хорошем коне скакать три дня, а на худом – четыре, то спрашивается: за какое время надо преодолеть это расстояние на сивой кобыле?.. а?.. или вот: у энного авто 150 лошадиных сил... а у «Боинга» в десять раз больше, но нет нормальных дорог и взлетной полосы, то кто раньше доберется до пункта «Х»?.. не знаете?.. отвечаем... ишак, у которого только 0,5 «л.с.», но зато терпения много... можно привести и такую историю: если один мужчина любил женщину с мощью в 100 конских сил и фаллосов, а она ответила ему краткой взаимностью только в одну кобылью силу плюс вульву, то справедливо ли измерять любовь в тех самых лошадиных силах, исключая банальность вульвы?.. что за хрень такая? – воскликнет некто... пусть не торопится... иначе ему придется объяснить суть тонкой операции, когда жеребец-самец прыткий становится меринком медленным... признаем одно: всю эту гиппо-конь-лошадь-метрию придумали первовсадники-кочевники и она дошла до наших времен, как единица силы перемещения... здесь есть свои плюсы, как у метра, килограмма, но... кочующие изобретатели гиппометрии перенесли ее на плоскость истории и создали свой заповедный календарь, измеряя свое время в «конях»... это было ошибкой... как понять, когда родился их первый царь-хан-каган, если их устная летопись повествует примерно такую ахинею: он? т.е. хан возглавил нас после последнего года пешего века и повел нас в час «вечерней лошади» к священному колодцу-ипокрене... так закончился «день первого коня», а наутро мы двинулись в поход и раздвинули свои границы, исполнились волей и стали править миром... именно так великие первовсадники-основатели гиппометрии выпали из скрижалей общей истории, а когда жалкие пешеходы изобрели порох, паровоз, автомобили и самолеты, то кочевники догнать новое время уже не смогли на своих конях... отстали сильно, а новые «впереди идущие» перешли в эпоху иных измерений и скоростей... и ныне правы те, кто может точно и гордо утверждать: у нас «это» произошло в «год такой-то» до нашей эры или в «такой-то год» от рождества христового, т.е. новой эры... не поспоришь, но... но гиппометрия, как система мер и мыслей, все же проникла в современные метрополии и мегаполисы из своих «травных ойкумен»... такова мощь лошадиных сил и конской тяги в наше время... однако, несмотря на всю точность известных систем измерения люди и страны до сих пор не знают того, на каком расстоянии надо держаться друг от друга, дабы не обвинить кого-либо понапрасну в том, что «некий или некто» пересек границы дозволенного сближения или отчуждения, которая могла бы предотвратить распри-конфликты-войны из-за клочка земли, глотка воды, куска металла и луж нефти?.. а?.. и чем измерить величину взаимных потерь от ноо-био-технокатастроф, имеющих планетарный масштаб... опять же, но теперь лишь гипотетически можно предположить, что кочевники со своими конскими мерами времени и жизни, т.е. гиппометрией посеяли хаос в старых таблицах человеческих ценностей и оттого цивилизация людская получила дуалистический символ-миф в виде кентавра-человекоконя... но что тогда есть правда и где причина наших бед?.. надо ли терпеть, пока кони доскачут, а люди доссорятся?.. время летит-грохочет конным галопом...

...И в какой-то момент он стал думать предложениями, типа: зебра не хотела быть лошадкой и стала полосатой... обезьяна устала лазать по деревьям и превратилась в человека... женщина разочаровалась в мужчине – появилась лесбиянка... а если человеку надоест быть самим собой?.. кем станет он?.. выбор широкий... где твои истинные единицы измерения, о человеке дивный?..

Ныне не можем в точности определить расстояние, на котором надобно держаться друг от друга даже в любви, не знаем сколько сил применить к тому-то и к кому-то, особенно, если это враг... Все приблизительно-относительно и потому-»бац»-случаются техно-био-катастрофы, а кони-лошадито скачут и кое-кто делает на них ставки, и в случае проигрыша проклянут лошадь-коня невинных и их первородину – первозданную степь, вкупе с горами... исходя из этой «гиппо-тетрики» пора перейти на иные точные измерения, сделать поправки и найти ту точку отсчета, откуда все пошло наперекосяк... ведь, вероятно, и тротиловый эквивалент ядерных бомб измерен неверно, как и человеческий фактор влияния на геопроцессы, не говоря уже о взаимосвязях наоборот... очень не хочется из-за чьих-то ошибок в гиппо- и прочей – метрии проснуться наутро под завалами цивилизации...

Это надвигалось на Гевру неумолимо. Причина – исток этих хаотичных-хаомных мыслей нахаживался во времени раньше. В момент своего возникновения «это безымянное нечто-оно» не име-

ло цели, а просто росло-зрело-копилось до времени своего надвижения-нашествия. Пространство будущего еще не указало ему направления, а время поворачивалось медленно и не знало в какую сторону вести отсчет. Ничто вокруг не помогало определиться. Как будто в некую воронку уже влили густую смолу, но что именно она должна была сцепить-скрепить оставалось неизвестным. Сама постройка - объект не были еще явлены даже в помыслах и виденьях, а время застывания смолы, уже заливаемой и обреченной застыть, наступило. Но когда, как, где? С этого момента все то, что находилось снаружи воронки уже ощутило кружение-перемещение некой вязкой массы, стало притягиваться-сжиматься-сдвигаться (будто теснимое со всех сторон некой безвестной силой-энергией-тяготением) и стало вовлекаться во что-то безымянное, отошло от прежних точек притяжения и стало искать путь исхода в новое состояние-пространство-форму-субстанцию...

Звуки теряли скорость и природу свою. Наступила такая глухота-пустота, словно звуки уже взорвались и улетели с той сверхзвуковой скоростью, после которой и образуется пустота-глухота для человеческого слуха... круги-контуры неизведанного-безвестного... Что это такое и кто сие затеял?..

Давление неведомого нарастало. Это было похоже на особую капсулу-коллапс, которая вытесняя все прежнее, создавала вокруг себя пояс-кольцо-полую сферу нежданного и окончательного одиночества. Вместе с тем, параллельно закручивалась и некая воронка, куда необратимо-неостановимо вливалась, смоляная масса (возможно в ту самую капсулу, где он сейчас находится) и, стало быть, он будет навеки замурован тут, потеряв способность двигаться, отчужденный от звуков и даже потерявший возможность хоть как-то противостоять этому неожиданному образованию вокруг него и в нем совсем другого мира и вещества, будто он стал некой совсем уже бесплотной безымянной частицей-элементом, вовлеченным в непонятный ему процесс, которому он внутренне противился.

И тут им осозналось еще одно. Не только внешняя капсула-кокон образовывались вокруг него помимо его воли. Порожденная неведомыми силами-причинами, в нем самом появилась пустота-коллапс-холод, а от него осталась только оболочка-кожа, из которой вытеснилось и исчезло тело-скелет, и он сам теперь – «пустота в пустоте». Немыслимое шуршание-течение смоляной массы через незримую воронку приближалось - надвигалось... сейчас зальет-заполнит-застынет и не останется даже пустоты... и эта мысль о безысходности сотворила в нем внутреннюю энергию давления-сопротивления и стала уравнивать внешнее давление пространства на личную капсулу-оболочку. Эта новая сила равновоздействия на время остановила ток смоляной смертной массы: тупой-бесформенной-безгласной. Он почувствовал, что еще может изменить этот не им начатый процесс и найти выход, понять смысл своего противостояния полному отчуждению - изоляции от физического мира. Ведь должны же быть иные метафизические законы и причины существования его человеческого – «я», которые позволят не столь болезненно перейти в другое измерение-состояние. Возможно, он еще властен выбирать другую форму и иную сущность свою и принять ее по воле своей, как инвариант всего прошлого и бывшего с ним в этой жизни.

Теперь только он понимал, почему эта пустота и глухота, то и дело возникавшие вокруг него и в нем, подступали так медленно. Это была некая подготовка и всё его отчаяние-противление, бессилие и надежда была попыткой создания последнего бастиона, когда в остаточном-малом пространстве «пустоты в пустоте» он успеет выбрать свое истинное «я» - воплощение, для неостановимого подъема-движения по спирали бытия.

...Кто-то шепчет и шепчет, будто в ухе сидит: - Не ищите начала. Просто идите к концу. Где-то в пути поймете. Иначе остановитесь у края познания. Дальше безумие... Хаос... Земля лучше объяснит прорастанье зерна. Давно отгоревший огонь и холодная зола хранят образ сожженного дерева лучше, чем свет, проясняющий тьму... Нет мужчины и женщины нет. Они - две росинки, стекающие по разным половинкам одного листа. Они расходятся по грани, воплощаясь в себя, чтобы на иной грани слиться опять. В одно - единое. В человека, идущего к себе с разных сторон. Каждый лист отдельно. Само древо едино, хоть и растет противоречиво: корень вниз, а листья - вверх.. Первое во тьму, второе – в свет...

И неизвестно, где лучше обрести зренье. Прозренье. Ослепление...

Найти бы Некого, придумавшего и, давшего такое развитие жизни, как всеобщий хаос?

Человеку дано будет мыслить обо всем этом в свое время, чтобы понять самой-себя. Хотя, что проку в камне, если он знает о своем конце и станет песком. Песок слишком текуч и летуч. Слишком зависим от ветра. Двигается, куда подует ветер. У ветра много облиций - от дуновенья до урагана. Он творит тот же хаос.

Хороши пожалуй только все младенцы земные: зерно, зародыш, заря... Они растут...

А потом, пустота. Стихия, хаос, омертвление... Молчи, шептун окаянный. Червь могильный... Я сам перейду из плоти в тлен... И Гевра улыбнулся себе самому.

В пространстве второго неба ничего не изменилось, вроде бы, но... Гроссмейстер вибрирующих линий был встревожен странными сигналами, шедшими к нему с Земли и пытался разгадать их природу и назначение. В своем новом перерождении в качестве фиксирующего хаос Гроссмейстера, он никак не мог понять ни того, зачем ему шлют эти сигналы, ни другого (возможно, более важного): кто их посылает и отчего, именно, направляют ему – Гроссмейстеру, едва было обретшему покой и равновесие?

В состоянии этой неожиданной тревоги – вибрации он, вдруг, вспомнил лучшие свои годы в театре, в Алма-Ате... Да, ему было тогда хорошо, хотя где-то в отдалении шла большая война коммунистов с фашистами, японцев с американцами и, черт знает, кого еще с кем... В тот период Гроссмейстер написал около сотни этюдов-пейзажей в масле, в центре большинства которых находился его любимый Татр с горчичными стенами. Он писал его и в окружении двух тихих тенистых сквериков, и с видом на снежные пики гор Алатау, на рассвете, днем и на закате, выписывал в красках все прилегающие к нему улицы, обсаженные тополями, карагачами, березами и неумолчно журчащими арыками вдоль них. Помнится, что он набросал и несколько сценических натюрмортов с аксессуарами, по краям которых невольно запечатлелись фрагменты кулис и задников, которые были написаны им самим, но совсем в другой, сюр-реальной фантастической манере... А в двух-трех (на его взгляд, лучших) из них, вне всякой связи с сюжетом того или иного балета, сидела его Лунная Красавица, на деле бывшая балериной театра. Тонкий абрис шеи, скул и носа, с особой горбинкой, напоминающей лезвие листика... Древняя степная стать и особая грация свободной духом женщины-амазонки... И глаза... Два полумесяца цвета чернослива. Тягучего-терпкого... О, тогда он был влюблен в нее, хотя она – Лунная Красавица – так и не узнала этого никогда. Даже в этих натюрмортах, выписанных реально и фактурно, до деталей каждой вещицы – аксессуара, она казалось существом совсем иного мира, столь легка была и столь неземна, что будто вовсе не он – Калмык, а некто другой поместил ее в центр натюрморта волшебной силой таких художественных приемов, которых никто дотоле не знал – не видел – не ведал... И на сцене она – Лунная Красавица умудрялась витать-виться-завиваться в движениях узорах, вопреки гравитации и даже правилам танца также чудесно, как воплощалась в его этюдах-натюрмортах, находясь в реальности и воображении, одновременно. Ну, да что об этом, коль то было давно в том дивно-яблонном граде... Впрочем, Гроссмейстер ни в той жизни, ни из этого второго неба так и не увидел, как порой смотрела на него, Калмыка, Лунная Красавица земными глазами женщины, помещая его сначала в центры своих зрачков, а потом совмещая – помещая его единый образ в алый алтарь сердца... И тут Гроссмейстер, вдруг, ощутил совсем иной теплый сигнал из того незабвенного града и не мог еще знать, т.е. в точности, до источника-человека, что сигнал исходит от Балерины и Гевры, плавающих в томлениях-сомнениях любви, из того самого града, который когда-то покинул художник Калмык... О, линии-вибрации из времени во время...

22

Мать Бастарда в тревоге проснулась. Ознобное похмелье трясло её. В траве, у ограды все время что-то шебуршало (шебуршанье прекратилось, как только она подошла). Она посмотрела из угла двора на свой дом. Когда-то вполне рядовой саманный дом среди таких же в этом селе (в три окна, кухонная пристройка), он ныне весь оплыл, утерять форму и почти ничем не отличался от сарая в другом конце двора, выходящего неогражденной стороной в поля и предгорья. Среди двух-трех (всегда скучных и простых) мыслей в голове у нее мелькнула и эта:

– Старею. Чего это жизнь мне не задалась? А началась хорошо. Отец с рождением моего первенца, вот этот дом отдельно выстроил. Не посмотрел, что прижила малыша от того простуженного-ясноглазого. Одна я у отца была. Баловал. А потом это случилось. Молния, пожар. И сгорели они с матерью. В старом доме. Даже проснуться не успели... А потом пошло. Что во мне такого, что мужиков тянуло на меня? И с не чистыми чувствами, как у других, а липкими какими-то. Надо бы задуматься, остановиться. Нет, понесло меня по течению. Один-другой... И от каждого-ребенок. Только народится малыш, а отец его уже и намылился. А мне растить. Однако ничего. Улыбалась, путалась, рожала... И так по кругу. Что я, виноватая что ли? Может совсем глупа, а может, кто

сглазил? Жены да родичи мужиков моих, верно. Все путные у них, одна я беспутка-проститутка вроде. Подстилка и бурена-тёлка. Как только не прозывали меня. А мне что? Бог видать распорядился так. Но я ж силком не тащила к себе. Сами липли. Меня похвали, как отец-покойник, я и готова тесто месить, стол накрывать да постель стелить. А что потом? Надорвалась, видно, и не заметила, что оплыла, как дом этот. Пить пью, как все, только слаба я на это дело, да на передок. Чего врать-то себе. Одна радость-сладость. Выпить и забыть вчерашнее. А там хоть пропади все пропадом. Кроме детей. Теперь одни ушли, выросли. Двоих младших забрали от меня. Они теперь в интернате. На государстве. Вот средний, самый умный, вроде вернулся. А мне страшно отчего-то. Будто другой он. Не тот, каким здесь рос. Он ведь тоже, сирота. Да с детских лет его обзывают прижитым ублюдком-бастардом. Вот и стал злым и стылым. Особо после того случая с ягненком-кошкарком несчастным. Мне-то что. Не выбирать. Судьба значит. А он-сын, похоже, и есть мне расплата. Но ведь хорошая я была. Когда-то...

... в творительном падеже надежды жизнь творит жизнь... по-разному... можно вегетативно или спорадически спорами... визуально... теоретически, т.е. аморально... допускается клонами... один повторил другого.. точь в точь... микроб в микрон... мимикрия среднего под себя самого... но лучше открыто, как встарь... эрекция-оргазм-овуляция... неповторимо...

На другой день, после того как он завершил головокружительно-захватывающую охоту еще на одну «пухленькую-глазастую», Людоед сидел за вечерним столом и угощал непривычно-притихшую мать «мантами» своего изготовления, шутя приговаривая при этом:

– Ешь, на вот. Кормила-кормила ты меня, а теперь я тебя угощу, пожалуй. Вкусно? То-то. Небось вовсе без меня отучилась от нормальной «человечьей» еды, а?

И было в глазах и интонациях сына такое, что мать ела эти «манты» с бледным мясом, хорошо приправленным травами да перцем и казалось ей, что будто вся ее вина перед сыном обратилась в эту странную на вкус еду и она через силу глотала, не жуя почти, а внутри, в сердце лились длинные потаенные слезы, и понимала-догадывалась она, что всей ее вины перед ним и другими детьми теперь есть-не переест... И всегда будет эта возвратная еда тяжелой и горькой от слез, льющихся внутрь, пока сухие глаза ее снаружи лишь взмаргивают судорожно, едва сын потянется за новой порцией этих «мант». Людоед в этот момент смотрел в никуда и ел «свои манты» меланхолично-отстраненно, внутренне отслеживая малейшие подробности вчерашней охоты. Удовлетворенное хищное чувство его постепенно превращалось в холодную злость на подступающую скуку и пустоту, а оробевшая мать (на которой он, вот таким образом, решил отвести досаду и выместить на ней ею же нанесенные унижения) уже не казалась ему столь уж виноватой, а было просто жаль ее до скрежета в зубах.

Людоед вышел в ночь, во двор, полез на крышу сарая, где подстелил себе сена и бросил старое (из детства еще) одеяло, опрокинулся на спину и стал смотреть на полую-полную луну, тихо скользившую меж гонимых невидимым ветром облаков, и луна причудилась ему огромной одинокой слезой, медленно вытекающей из огромного черного глаза неведомого небесного гиганта-самца, смотрящего из чащи звездной на это бедное селение внизу с мелкими людьми-зверьями-деревьями-речкой, и на странного человека, лежащего навзничь, которого трясло крупной ознобной дрожью. И тень ветра набегала на поселения земли.

– Ах, мать, – додумывал уже дремлющий Людоед: – Что ж ты сделала такое со мной, мальчиком твоим? Кто теперь я, если и сказать никому не могу, во что превратился. Со стороны вижу все ясно, а вот изменить в себе ничего не могу и не волен над тем, что овладело мной. Ведь и я мог беспечно говорить с творцом радуг и проникнуться песней пташки, которая много лет назад, вот на том же дереве выклевывала из листьев капельки росы на рассвете. А теперь тяжел я и беспросветен, и вся красота эта мимо меня уходит, а мне и возвращаться некуда. Оттуда, где я, не возвращаются...

А некая душа тонкая-наивная уплывала в этот момент в потемках по струям горного ручья вверх, к вершинам белеющим смутно и будто исповедовалась кому:

– А ничего и не было, кажется. Забыла просто в последний момент мамыны слова о том, что если на мужчину незнакомого смотришь, а тебе писать хочется, то уходи от него сразу, не заговаривай. А я вот как раз и забыла в нужную минуту. Вчера, под вечер, сошла с автобуса и решила к поселку через поле пойти, наискосок от рощицы. Такая тишина стояла, ветер с гор, а он тут, как тут, вдруг. Мне сразу писать захотелось, а он уже заговорил... Глазами вижу: с лица ладный, руки сильные и голос такой мягкий, каким дяденьки по радио сказки на ночь рассказывают. – Вон, трава какая красивая. – (говорит) – под кустом. Сядешь на нее и полетишь.

И заговорил меня, и я села, и дальше... Из шеи моей кровь пил, а я как во сне и...лечу вроде и все понимаю, а сделать ничего не могу. ...Мама, забыла я про слова твои. Прости... Ты не думай ничего такого. Не мертвая я. Вот полетаю и вернусь и все делать буду, как ты учила. И папе скажи, пусть не ругает. У меня подарочек есть для него, потом скажу...

Во сне уже, Людоед увидел как из него вытекла какая-то противная «фья», липкая, похожая на патоку, в общем, мерзкая, вязкая, со слабым запахом тленья. И он весь содрогнулся от отвращения к себе и к той, на которую «фья» эта капала.

И в этой же ночи заплаканная мать убитой шептала в себе: ... мой ребенок уходил долго и больно, словно некто хотел, чтобы эта длинная жестокая боль отбила в ней желание жить дальше, дышать и думать... этого не могла я предвидеть, предчувствовать... почему обстоятельства бестелесные и заслоны мира каменные сошлись таким образом, что в часы мук и несметного отчаяния моей девочки, я была далеко и отчего-то беспечна, верней, безмысленно жила в тот миг, как животное: ела, пила, слушала движение крови и соков в теле, радовалась существованию всей цельности моей плоти, сотворённой капризом и волей природы, вне границ и влияния всякой мысли людской, в то время, как дочь мою уже мучил «тот» немаяннй, ужасный, глухо-слепо-немой к голосу иного человека, весь из древнего, мертвого льда и холода всех зим и буранов, и окаменевших в дикой своей первобытности мыслей-инстинктов (если им найти название-прозвание-обозначение, то все матери враз бы поседели, услышав и поняв такое, вне поля жизни)??? о, я находилась бесконечно далеко от моего ребеночка-ангела в миг ее мучительного исхода из пространства надежд и тепла... помню только, как в грубом холицовом мешке моего тогдашнего сознания - бытования, вдруг прильнуло ко мне облако света, словно искало последней защиты у моей непроницаемой души и плоти, желая будто намекнуть мне, что ждет дочь мою... необратимо... дальше облако слало мне пучки мыслей-умолений, будто хотело обратить ход времени вспять, чтобы я, ее мать не обманулась беспечностью того момента.... о, лучше бы я тогда – давно плоть свою укротила и не зачала ее – моего ребенка, остановила упрямого отца - мужа, ибо не вовремя, не в час и срок свой зачали мы дочь нашу и лучше было б зачатся и сотвориться-родиться ей позже и, стало быть, удалось бы ей разминуться с «тем», кто выпил кровь ее молодую из вены на шее, сделал с ней непотребно-жестокое совокупление и неуступно глядел ей в глаза своими студенистыми, из чернильной мглы глазами, будто хотел подсмотреть, как душа ее отлетает в тот самый момент, когда извергается в нее холодное ледяное семя изверга-каннибала...

...на бесконечно-ледяном панцире Арктики, к окошку полыньи-проталины, из глубины родного океана выплывал тюлененок, гладкий и чистый комочек снежной-водной-упрямой жизни, не зная, не ведая, что на краю полыньи ждет его, стережет голодный белый медведь матерый, и что до мгновения, когда он увидит свет полярного дня и глотнет обжигающе-свежий глоток воздуха, до мига, в который вонзятся в него клыки зверя могучего, состоящего из тонны инстинкта и ненасытности, осталось всего лишь два кратких мига... мать-тюлениха не успела остановить его шалость-выплыв из полыньи, и теперь не может она уже ничего изменить... писк, рык... и алая кровь плеснула на снег, сотворяя яркий сюр-натюрморт, но глаза медведя матерого остались темны и холодны к хрустально-красному маку жизни, вспыхнувшему на ледяном панцире арктического ландшафта...

... легкое облако света испустила девочка та из себя на самом краю жизни, когда поняла неотвратимость этой встречи с болью и ужасом и мыслью о невозможности спастись. И её облако медленно клубилось-менялось-темнело-сливалось с ночью... И маму было жаль, особенно, ту стенающую мать, что узнает обо всем много позже, измочалившись в душевной парилке бессоницы... и потому она напряглась вся в последний миг, чтобы послать ей на прощанье свет-облако, прильнуть к ней, как в детстве, хотя бы вот таким образом, чистыми лучами света... хотела проникнуть еще дальше, в теплый живот матери, пытаюсь заново войти, в дом тела, где всегда было уютно и безопасно и никто не мог помешать ей-эмбриону-плоти безгласной общаться с матерью через пуповину, слышать и видеть мир ее глазами, смеяться смехом ее, есть и говорить ее ртом, и губами материнскими ощущать веянье ветра... но уже, видно (тогда еще) эмбрионом-девочкой собирала она внезапные капельки слез, соленую радость и боль грядущей своей, короткой жизни... и будучи уже лишь облаком света, хотелось ей вернуться опять, в материнскую яйцеклетку бездумную, напрячься вместе с ней и оборониться, не пропустить семя отца до срока и тем переменить судьбу свою... а теперь?.. кто узнает ее без груди, без икр и бедер, вырезаемых из нее «тем», кто возится с нею сейчас, в кустах, в этой внезапно обмершей и осыпающейся листьями зеленой рощице, среди весны густой-ярой... кто?.. и последнюю капельку света она оставила в себе, для себя... для смерти...

Плачущая луна зашла за тучу, словно хотела отдать-передать ей свои слезы и боль, ибо не могла видеть, как один из ее безумных лунных сыновей-лунатиков вздрагивал и корчился в своем страшном земном сне.

...меня околдовали чем-то из мрака, будто зверя в пещере предсмертья, и я возопил безмолвно от ужаса и поднялся-отчалил в восторг от неземного моего состояния на грани постжизни (разве может такое случиться в обыденной жизни?)... дым цветной повалил... в клубах его явилась дева с сияющими чреслами-ягодами сосков и медом по телу... вместо глаз леденили сердце два зеленых агата из плазмы... в камне невесомых стен появились лица... медленно двигались губы, но слова оставались в трещине рта... что-то мешало им выйти из камня и помочь мне в ужасе моем стылом, как студень, сне... у ног клубился дым... дева все приближалась... дурман лез в голову и стал ее кружить-отделять от тела... казалось моей голове (или виделось сознанием со стороны), что дева та овладевала телом моим дымным... шептала что-то видно, и показывала нечто только фаллосу моему, который доверчиво потянулся к ней, поднимаясь... откуда-то явились звуки звонные-тугие и мысли мои по нитям тех звуков притянулись к стенам пещеры и стали растворяться-водворяться в камень среди тех лиц, что шептали слова из камня... из трещин рта... втягивая меня в зев неизвестного мифа о человеке пещеры... в этот рапидный миг голова моя отделилась от тела... дева наслаждаясь моим безмолвным и, стало быть, безмозглым, и все еще вздыбленным фаллосом, сотворила некий таинственно-бесстыдный жест-повеление... тело мое в облаке дыма стало подплывать к голове, наполовину вошедшей в камень пещеры и срослось с телом заново, передавая по возрожденным венам все еще неостывшие от возбуждения эротические ощущения голове для осмысления... облако дыма, войдя в плоть камня, изменило дивным образом его холодную плотность и в этом месте образовался свой сияющий мирок... меня, вновь сращённого в голову-тело, посетила вдохновенная невесомость... в кратком борении-переходе из состояния в состояние я увидел себя золотым младенцем на спине коня, чья спина имела вид колыбели... конь тот вынес меня в море травы, в котором колыхалось сердце мое... облако-дым продолжал клубиться в каменной плоти пещерной невесомой стены... дева-женищина, источая из себя вожделение, вдруг запела сиренным голосом, достигавшим оргиастических нот... она оглаживала руками живот и бедра свои... казалось мне, что звук исходил из промежности, а едва видный вход в лоно отчего-то был, одновременно, входом в эту самую пещеру, заросшую мхом... все это видел я из зеленого луга, куда вынес меня «конь-колыбель» в облаке дыма, из той самой пещеры, где я чуть-было не обратился в плотское изваяние, среди прочих там бывших... младенец, которым я стал в этих волшебных скитаниях, беспечно смеялся и рвал цветы среди трав, а взгляд его был чист и мудр, как у старца... где-то пела домбра-кифара, в тонком теле которой растворилась та странная женищина – дева... страх исчез, а младенец, купаясь в траве и вдыхая запахи пространства, стал возрастать к жизни своей из пещеры и зверя в себе... О, если бы так... но ветер низинный-низменный утянул меня обратно в пещеру и в зверя вновь обратил... людоедного-хищного-темного...гиблосавр я ныне...

23

Кто бы мог подумать, что этот обыкновенный вечер может, вдруг, умереть-сгинуть-испариться сразу, после полудня, и внезапно придет-обрушится крошечная ночь без звезд и луны. Едва только Воитель вошел в запретные для прочих врата подземного дворца-погребения-обиталища своего, для второй жизни, как вечер за его спиной умер и закрыл за ним двери-границу в прежнее и память о месте его последнего затворения. Так исполнилось главное условие босоного Мудреца, испросившего у Воителя жизнь людей, строивших это огромное погребение-храм на сретении гор и пустыни в обмен на его «вторую жизнь». Мудрец обещал Воителю, что сотрет из жизни строивших склеп память об этом дне и «Месте». И Воитель поверил ему.

Схрон-склеп уединения Воителя от суеты был построен-изваян в скальном массиве. Под просторными сводами искусные мастера сотворили уменьшенную копию завоеванного им мира, с реками и озерами из ртути, горами из серебра, лесами-долинами из малахита, дворцами и домами из ценного дерева каменной твердости, где были размещены все обиходные вещи.

Свет струился по скальным стенам из какой-то невидимой наклонной щели вверх-высоко, а здесь – внизу – мерцали серо-сизые сумерки и стояла безмерная тяжкая тишина. Искусно сотворенный мир, словно для слепо-немо-глухорожденных... Воитель долго блуждал по копии своей империи, которой он повелевал еще недавно. Снаружи этого пещерного пространства, без людей, света и живых звуков, остался подлинный мир, а этот скорее являлся издевательским символом,

карикатурой трудов и деяний Воителя, который осмотрев свой «мир», наконец, набрел на огромное ложе из дерева и золота и возлег на него. Теперь ему осталось, разве что, размышлять о жизни своей. Первой и «второй».

При первой жизни Воитель так долго убивал-гасил-уничтожал-подавлял в себе нормальные человеческие чувства, что стал равнодушным, как ртуть, разлитая по искусственным озерам. Сейчас он ничего не чувствовал, кроме, пожалуй, мысленных модулей чувств и одной из таких модулей была, как ни странно, тоска-скучение по тем самым людям, которых он ранее презирал, как червей и всякую другую ползучую-скользкую-слизную живность.

Из почти забытого напрочь детства, всегда помнился только один день, из многих беглых-тяжких дней. Он вспоминал, как после одного дикого, полного криков и огня, набега на стойбище-стан его отца (погибшего тогда же, в той стремительной резне, устроенной кочевыми разбойниками из сухой каменной пустыни), мать вывела испуганных детей, а среди них и его, в густозаросший овраг и несколько дней таилась там вместе с ними.

Когда они вернулись к разграбленному пепелищу-стойбищу, чтобы собрать хоть что-то из пожитков и обиходных вещей он – Воитель (еще ребенок восьми-десяти, кажется, лет), внезапно, запнулся и упал рядом с трупом своего мертвого отца, и увидел прямо перед глазами своими массиво кишаших (в кишках убитого) могильных жирных червей. Он дико вскрикнул – вскочил-побежал, но тот кишаший кошмар-зрелище скользких-слизых червей в багровой чаше вспоротого живота забыть никогда так и не смог. Вот почему он – Воитель, в конце-концов, согласился с круглоглазым худым мудрецом и повелел выстроить этот склеп-храм-копию своей империи, чтобы там начать свою «вторую жизнь». Без червей могильных в нем, которые как уверял мудрец, не размножаются в парах ртути.

Он привстал на ложе и стал рассматривать те старые памятные вещи, что остались от давно разоренного родового стана и которые он хранил в течение всей своей беспокойной жизни, чтобы в нем всегда тлел раскаленный уголек мести и жажда возмездия за утерянную радость детства. Дух возмездия вел его по дорогам испытаний, не давая покоя даже во сне, давал силу его длинной ужасной воле, оправдывал все его дела – деяния, для которых и слов-то человеческих не находилось. Когда, однажды, уже в молодости, он с ватагой сподвижников, подобных ему, внезапно налетел-обрушился на племя тех разбойников из каменной пустыни, разоривших его родовое гнездо-становье (сделал он это ранней зимой и подкрался с восточной, не дозорной, стороны), то вырезал всех без пощады и оставил, на время, в живых только вожака-предводителя с женой и детьми. Всю долгую опасную дорогу через пустыню камней и снежных ветров Воитель и его ватага, на каждом привале, как баранов, поочередно резали и ели членов семьи предводителя разбойников, в вареном и жареном виде, пока отец и муж их, в конце-концов, не сошел с ума, пуская слюни и мочась-испражняясь под себя, как животное. Тогда он вспорол вожаку разбойников брюхо так, чтобы тот остался еще живым и оставил его умирать, представляя, как того доедают мерзкие черви трупные. Вот с той-то ватагой головорезов-убийц, связанной клятвой-сговором-умолчанием того мерзкого людоедства и отправился потом Воитель покорять иные племена и народы, будто они были в чем-то повинны перед ним. Он хотел сделать мир безопасным для себя, ибо страх был единственным человеческим чувством, которое он испытал и оно жило в нем со времени того набега на его родовое стойбище.

Воитель встал, открыл одну из золотых чаш, разжевал смесь трав, сделанных по рецепту мудреца и запил крепким напитком, тоже специально приготовленным для него. По пакетику трав и по кувшинчику в день. По словам-уверениям мудреца, лохматого-космоволосого, таким образом Воитель избавится вскоре от потребности есть и пить, очистится для «второй жизни» и прозрится мыслью о пище вечной жизни. Что тут было мистикой, что истиной - понять было нелегко, но Мудрец умел внушать своим негромким голосом и кротким взглядом. И Воитель поверил, так как по гороскопу, составленному китайскими астрологами и тем же Мудрецом выходило (делали они это порознь и сговора быть не могло меж ними), что скоро дни его земные кончатся и тогда его неминуемо настигнет Великий Червь Могильный, а этого Воитель боялся больше смерти. И только, окончательно внушившись этой мыслью, Воитель отдал повеление выстроить это каменное убежище для второй жизни. Так он хотел избавиться от страха, который неумолимо преследовал и угнетал дух его. И лишь теперь, здесь, в удалении от суеты земного мира Воитель понял, как утомился он от дел правления и возмездия. От этой мысли он стал успокаиваться, возлег на ложе и, наконец, уснул. Если бы Воитель знал, как был он искусно обманут Мудрецом, который навсегда изгнал Воителя из жизни людей, избавив мир от столь кровавого устройства.

Но Мудрец все же не совсем обманул Воителя. Память о жестоком властителе осталась надолго в мире живых, ибо зло и даже тень зла помнятся дольше, чем доброе дело...

В неизъяснимой тишине-безмолвии-незвучии каменного склепа-скрадища витало нечто невидимое глазом, умом необъемное, неулавливаемое ухом... и сумерки были недвижны, как ртуть в руслах этих мертвых подобий синих озер и белых вечнотекущих вод на земле... здесь сосредоточилось и будто собралось воедино всё, что противостоит жизни и ее звучному-сияющему-полнокровному-самотворящемуся совершенству повседневного бытия.

24

Казалось, некий ветер хочет выдуть из города его исконную доброту. И это больше, чем что-либо пугало Гевру. Пугало его и то, что город терял свое прежнее лицо. Уверенность, несуетность – то были стержень и каркас его внутреннего устройства, но жизнь стала расшатывать этот город у пёстрых гор. Изрядно стало шатать и его самого, пуповинной души сросшегося с городом.

Самое обидное было в том, что к нему не возвращался его прежний ясный ум инженера, умение видеть сквозь цифры-формулы, а в линиях-наложениях чертежей прочесть контур будущего здания или строения. Куда-то пропал-исчез профессиональный навык составления экономного точного плана стройки, от нулевого цикла до завершения. Это относилось и к нему самому, и к его жизни, где царила ныне Балерина (удача и дар неохватный умом). Надо было определиться и найти стабильную работу, а не мочалиться от случая к случаю, как сейчас. И неважно, что многие, как и он, вывалились из бывшего-привычного. Да, лодку сильно качнуло и накренило, и ты оказался за бортом, но плыть-то-выплывать надо самому. Тем более, что в отличие от других, у него есть маяк – жена Балерина. Тщательно обдумывая своё положение, Гевра отверг мысль начинать даже малое торговое дело без денег и связей. Слишком много было риска потерять доброе имя и тем самым вычеркнуть себя, как человека порядочного, прежде всего, в глазах жены. Тогда всему конец. Ловчить и мошенничать он не умел. Значит, надо внимательно и напряженно всматриваться в новую действительность и поймать свою волну. И Гевра ни на миг не расслаблялся, ожидая этой волны.

... и такое бывает: сочиняешь за небо и за тебя, моя милая, два молчания наших пытаюсь воплотить в слово живое, полное памяти о нас и любви... вотще и воочию, на деле, как есть... в молчании всю ночь проведешь и очнешься, как сейчас, в 6.00, в декабре, в столбняке... в утро солнцезатмения зимнего в надежде, что день и впрямь чуть прибавится, а рассветы отныне станут светлей и теплей... милая, больше некому мне это сказать, но коли дано мне природное право говорить (кому захочу) то, что больше нельзя держать взаперти... слово в себе... а оно свободы просит, будто живое существо... то повторяю... коли дано мне уменье-мученье-морока изустно писать за тебя, за небо и земные начала, то я напишу... слово мое немное-изустное-неизъяснимое это все, что осталось мне в утешенье...

Театр всё ещё не отпускал Балерину. Вот уже четвертый год он находился на ремонте. Распотрошенный изнутри, изломанный, пустой и тёмный. Зрительный зал стал провалом-зиянием. Без кресел, люстр, без зрителя. Сцену разобрали. Теперь она перестала быть местом вещания и демонстрации красоты, сияющим горизонтом меж обыденным и высоким. Черная яма под ней была безобразна, а над ней, вместо колосников, гулко стояла бездна – пустота вверх. Театр молча взывал, но дух его ещё не пал. Он ждал перемен.

На Балерину порой, внезапно, находили наваждения-страхи и её не отпускала нутряная тревога. И всё это исходило от Театра, словно он посылал ей сигналы. Иногда, среди ночи, Балерине казалось, что она опаздывает на спектакль. Вот-вот пойдет занавес, в полутемном зале притихли зрители, вся труппа ждёт за кулисами, а она ещё далеко и уже не успевает к выходу... А-а-а!... И Балерина выскакивала со стоном из сна-наваждения. Испуганно-встревожено смотрел на неё Гевра, спросонья догадываясь о тайных причинах ночного пробуждения Балерины. Он молча и осторожно поглаживал её влажные распущенные во сне волосы. Балерина вновь впадала в дрему, но ей опять виделось, что занавес пошел, а в оркестровой яме нет ни одного музыканта. Нет музыки?! Было ещё два-три варианта этого кошмара: прелюдия та же, но нет на сцене труппы и, самое страшное – нет зрителя?! И тогда поутру, чтобы успокоиться, Балерина шла знакомой дорогой к Театру, облегченно вздыхала, увидев его горчичный фасад, два неизменных сквера по сторонам, будто сторожившие это молчаливое, медное на закате, здание. Но что-то ей подсказывало изнутри и откуда-то извне, из дальней дали: Театр борется, ибо не может смириться с пустотой в своих стенах и скоро наступят перемены. Балерина присаживалась в скверике, со стороны своей

бывшей гримерки и шептала Театру: - Ничего, родной, потерпи. Я здесь, я рядом, и ты всегда во мне. Я молюсь о тебе, и ты восстанешь.

А ветер все дул, но и Гевра искал укрепление в себе. Стоять, думать, идти... Устраненность. Удаление от себя, чтобы лучше понять, кто ты сейчас есть. Скажем, формально у тебя все хорошо. В смысле здоров, не голоден. И верная женщина есть. Но все же. Если взять некий длинный киноплан в духе Тарковского и поставить себя в самый уголок кадра. Что это будет? Так себе. Часть пейзажа, общего замысла. Чуть сдвинь камеру и тебя... нет, а пейзаж - план все тот же...

В пристройке-трехстенке его ждала «плашка». Большая. Метр на полтора. Недавно, когда спиливали старый белый тополь (расчищали место для нового вольера) Гевра попросил парней отдать ему нижнюю толстую часть ствола и распилить вдоль. Получилось пять плашек, толщиной по 20 см. Одна из них и ждала его. Пару недель прошло, как задумал он сделать деревянное панно в технике горельефа, с естественной рамой из того же куска тополя. Раму-то он уже подрубил-вырезал. Заодно и плоть тополя-дерева попробовал на взрез. Хорошо плашка резалась, и фактура крепкая. Без изъяна. Наверное, лет 200 было тополю. Гигант. Но картинка никак не проступала. Он несколько раз в день обхаживал плашку, простукивал, нюхал даже. Но пока ничего не видел. Хоть тресни.

...Или вот другой киноплан. В комнате, в городской пятиэтажке сидит мечтатель-навигатор. Он, много лет назад, запал на мечту совершить кругосветку. Как Джеймс Кук. Хоть один раз, но высадиться на берег Миклухо-Маклая. У него на полстены карта. Географическая. Со всеми невероятными, никогда им не виденными странами, океанами, островами. Маршрут он уже проложил. От Архангельска, через северные моря, далее пролив Ла-Мани (привет англосаксам-викингам), дальше через Атлантику, потом спускаемся вниз, вдоль Южной Америки (обязательно остановиться в устье Амазонки), затем обогнуть мыс Горн и, тихо-тихо, поплыть через Тихий океан, мимо Пасхи, далее Новая Зеландия, берег Маклая и непременно, Японию навестить, а якорь бросить во Владивостоке. Вот если бы у мечтателя-навигатора деньги были и ноги ходили нормально (родовая спинальная травма у него, сидит в кресле-каталке), то можно было бы все ощутить и увидеть руками-глазами-сердцем... но он смотрит на карту... и только... и все же «Индевр» плывет... мечта-упоение-упование...

Гевра пребывал в недоумении. Эта временная разлука с Балериной вновь вернула ему боль одиночества, но одновременно открылась пугающая пустота, и он потерял опору-ориентацию-ось. Даже его любимая женщина иногда казалась ему сном, каким уже давно стали его первая жена и сын... Нет. Надо все же пробиться в дерево, в «плашку». Он слой за слоем снимал стружки тополиные-длинные, а с себя наросты скверных и слабых мыслей. Они мешали ему увидеть «картинку». Увидеть, а потом уже снимать лишние верхние слои и вырезать то, что этот тополь хранил-тайл-растил в себе столько лет. Обходя, по службе, зоопарк Гевра иногда думал, какими представляют звери-птицы всех этих шумных, любопытных людей, которые ежедневно пялятся на них. Он уже знал, что звери в своем одиночестве, когда посетители уходят, становятся совсем другими. Смотрят больше в себя, в свою древность и в природу, где они когда-то появились. Тоска зверей по первородной их жизни имела сходство и с его глубинной тоской, и он любил иногда тихо присесть у какой-нибудь клетки или вольера так, чтобы зверь совсем забыл о нем и перестал замечать. Гевра в такие часы пытался слить-совместить свою человечью тоску о неведомом «некогда» с их звериной тоской о первобытном. Он представлял порой, как его душа переселилась вот в этого пятнистого оленя, осторожно раздувающего ноздри, в то время, как глаза его увязли в глубокой-длинной-оленьей печали. Как перенять у этого самца умение недвижимого стояния и мгновенного перехода в движение-скок, едва спугнешь его. Или, скажем, стать хамелеоном, с его гениальной способностью принимать цвет и фактуру ветки - листвы и увидеть мир через фокус его глаз, живущих как бы самостоятельно от хозяина.

Внезапно, то ли из глаз пятнистого оленя и его печалей наплыл на Гевру день, когда он провозжал Калерию и сына своего Раля на тот роковой самолет, который развалился едва взлетев, и ему показалось, что в последнюю минуту жена и сын смотрели на него, именно такими, оленьими глазами, будто из другого мира, в который они уйдут навсегда. Через несколько минут... Он был благодарен им, что они стали теперь для него вот такой спокойной глубокой печалью и гуляют сейчас в своих занебесных альпийских вечнозеленых лугах, среди добрых вдумчивых гор.

... нет ничего мне кроме тебя и нигде в окомах и в безднах, в земле и в отдаленных небесных, и в пустотах, где душе не поется, и в подземелиях тоже, родная моя, куда свергнут меня, возможно, за святотатство сомнения в высшем промысле... а в узилищах пахнет скверно и взор оскорбляется безобразием тлена, будто болезнью, подобной проказе... но и там, в отчуждении, если увижу-

почувствую-выведу синие ноты-строки чернилами или в отсутствии их высеку петроглифы дивные в пещерах тоски, или втисну в бумагу белую рассказ о тебе... возможно тогда, я детство прозрею твое у реки, на песке... и травы ветром качаемые (разве можно, ветер - резвого брата твоего, обидеть, если он знает дыханье твое и уста твои девичьи дуновеньем касался в пору твоих игр невинных у малого берега жизни)... не обмолвлюсь только о том, как я, отчаявшись длительно любить, совершил, будто кит, свой первый выброс на отмель из моря после шторма... даже во время наших опытов первой любви был я ревнив и в безумстве хотел совершить глубокий прорыв и проплыв в тихое донное струенье реки, где резвилась ты, рыбка моя... также хотел я проплыть под землей, под травой, сквозь каменные корни осевших от тяжести гор (разве кому удалось жизнь скроить по себе и время судьбы своей вспять обратить и снова быть рядом со днями человека, сужденного тебе по тенгриной воле, но непостижимо живущего ныне в разлучной, другой реке), но, моя милая, смертный полет кита мне не удался... подняло меня девятой волной и я выжил, но мечты одолеть отчуждение жизни моей и твоей не забыл... нес ее глубинно, в себе, подобно тому, как моллюск хранит и растит жемчуг в себе... но верь мне, неизъяснимое слово мое, окрылит твое сердце так, что станет летучим оно... дыханье свое я стократно расширю, чтобхватило его для проплыва океана и прободения гор, чтоб достало дыхания мне сложить два времени наших в одно словоречное письмо-говорение... из уст в уста я тебе передам течение смысла и сладость утаенных от прочих наших любовных утех, умолчу об искусстве немых навигаций в стонных потоках серебристых соитий... а ныне ни смерти, ни тьмы я не боюсь... они - брат и сестра мне теперь и наше братство-сестринство издревле и нерасторжимо... мне дадут они силу найти наше единое русло, моя лучезарная-тонкая-темная-томная-легкая-быстрая-струйная поволока-любовь на глазах и камень необъятный и тяжелый под сердцем... но и камень раздробить я сумею и в песок обратить для прозрачных часов нашей любви... нет ничего кроме тебя во мне, милая-кроткая-сепия-запись-знак и тайна моя на нежнейшем папирусе влюбленной души моей... изнутри... объявись-явись лучезарная моя, ибо устал я тонуть в одиночестве...

Странно все это, – думал Гевра, – вот эти глаголы русские, часто употребляемые нами по жизни... любит, ходит, молчит. А ведь у всех, у них окончание казахское: люб – ит, ход – ит, молч – ит. А «ит», по казахски, означает «собака». Конечно, от таких умозаключений нормальный филолог обхохочется. Повязал, дескать, высокую птицу с дворнягой. Но я-то сам, по году рождения «собака», пусть и рычливая-ворчливая, но верная. И люблю, и хожу кругами, на цепи, молча. А вот по зодиаку – Близнец. Вечно ищу во всем нечто близнецное, родственное. Некую всеобщую связь. Может быть, и пойму до того, как взлететь к зодиакальным созвездиям, к Зодчему мира сего. Однако, далеко я что-то зашел в мыслях своих глупых. Не разгневать бы предков своих – аруахов и не накликал беды на дурную голову свою. А с Балериной что тогда станет?.. И Гевра, неожиданно, помолился про себя, по-степному, следуя интуитивному испугу-порыву души...

...о, аруахи! О, предки мои дивные чистые! Не гневайтесь на нас. Нет вины нашей в том, что живем во время смутное. Потерпите. Не скучайте о нас, иначе придется нам уйти от жизни окаянной до срока. Как ни тяжела эта жизнь, но у нас еще много дел осталось тут и надобно их завершить, чтобы вы, аруахи, остались довольны нами при встрече на синем лугу. И тогда наша встреча будет радостной, а беседа глубокой. Пусть все случится в свой срок, в свой час, когда луна коснется горизонта и покатится к снегам. Дайте мне время увидеть мой Ирис-ребенка моего, о, аруахи мои...

25

Наконец, беглецы-парии дошли до северо-восточного края большого острова Хонсю, который завершался пустынным мысом. Мыс возвышался над морем и был покрыт соснами, отчего казался легким и парящим над береговой полосой внизу. Тревоги бегства остались позади, а впереди обещался простор и покой, и самое необходимое им – безопасность. Кену так и подумалось. – Здесь найдут они бесценные дары судьбы: безопасность, простор, покой. Три грани желанного совершенства. Последнюю часть пути изгой-эта шли много свободнее, чем в первые дни бегства, когда проходили срединные, обширные и густо заселенные области острова. Северные земли острова еще были недостаточно освоены и заселены. Здесь жили, в основном, племена «эдзо». Сюда еще не дошла в полной мере власть князей - даймё с юга. Люди продолжали вести относительно вольную жизнь, как в старину, вели здесь свое нехитрое натуральное хозяйство, занимаясь больше собирательством, охотой и рыболовством. Землю обрабатывали по нужде, как подсобное занятие. Путники набрали на небольшую деревеньку рыбаков. Она расположилась на берегу укромной бухты, окруженной высокими утесами в форме по-

лукольца. В этом удаленном мирке усталые беглецы перевели дух, получили кров и простую пищу. Простоватое любопытство немногих жителей не имело оттенка настороженности. Может, причиной тому был маленький мальчик с ними, вызвавший доверие у этих неразговорчивых и наивных людей моря. Дней через пять-шесть, когда аборигены-рыбаки стали немного понимать пришельцев из области племен ямато, им удалось из путаницы диалектных различий выудить основные слова и выяснить для себя, чего хотят эти странные люди и их главарь – древнеглазый угрюмый мужчина, с белыми крепкими зубами, черными волосами, густой бородой и сильным телом. Аборигенам-рыбакам вскоре стало ясно: эти люди, бегущие от неизвестной им беды хотят найти убежище и пристанище. Им нужен покой и кров. Тогда староста деревни указал рукой на дикий крутой мыс и сказал, что там они найдут то, что искали, и назавтра он поведет их туда. За словами, просеянными в долгом разговоре, которые понимались теперь всеми одинаково и за словами, еще темными – непроясненными до конца, рыбаки и беглецы за эти дни уловили нечто общее меж ними: они одинаково боялись чуждого и дальнего мира на юге, а неумолимый цунами перемен грозил им всем в равной мере.

Наутро, оставив мальчика на попечение женщин, беглецы отправились к намеченному месту. Тропа, по которой они шли вверх, была извилистой и дикой. Впереди шагал староста деревни и его внук, лет 15-ти. После неширокой пустынной полосы побережья пошли кустарники, шиповник сменился багульником, дальше в распадке, куда редко заглядывало солнце, росли неизвестные беглецам узкие острые хвощи, а выше склоны были покрыты темно-зеленым, а кое-где почти черным мхом-стланником. По дну распадка меж камней, причудливо тек ручей, извиваясь и делясь местами на два-три ручейка поменьше, там и сям образуя маленькие каскады-водопады. Затем, после зарослей можжевельника, путникам открылось широкое плато горы, где росли легкие прямые сосны, которые снизу казались парящим зеленым облаком на краю мыса. Подошли к краю плато, где прямо под ними глухо шумело бескрайнее море.

Кен задохнулся от этого, внезапно настигшего его, простора. Ничем не ограниченное, сияло-светило солнце, в соразмерных только ему пространствах неба и моря. В этот день поздней весны мир предстал первозданно-чистым. Его поразило первородное естественное единство моря и неба, родство двух необъятных синих полей, некогда по злой воле разделенных друг с другом, но все же нерасторжимо слитых в линии горизонта. Тысячелетняя печаль разлуки двух великих синецветных пространств, уравненная с лучением-сиянием солнца, стояла здесь задолго до тщеты человеческой, обретая мудрость отстояния от земных страстей и бурь. Да здесь, и только здесь, он может найти утерянное равновесие души и отстояние от прежнего-скорбного. Ему надобно изгнать из себя бесов ненависти и отчаяния, чтобы заново в чистом поле смирения попробовать посеять иные цветы-упования. Вернуть ясность душе и сердцу. Кен с усилием оторвал свой взгляд от простора, обернулся и уже спокойней оглядел лес стройных сосен. Дальше, чуть ниже, за прогалиной, виднелись рощицы берез и много уютных травных полей, расцвеченных лепестками пестрых цветов... *О, Сайко! Стань цветком на той поляне с камнями...*

Затем все они, со старостой деревни, сели на приступок под сосной, отстоявшей отдельно от других и словно пытавшейся увидеть с обрыва море. Тут приглушенной слышалось неумолчное биенье волн о нижние скалы. Они подробно обсудили сложившееся положение дел и обстоятельств. Староста, не скрывая свой житейский интерес, предложил простой обмен за оказанную помощь и молчание в будущем. В его деревне осталось мало мужчин (трое не вернулись в прошлом году с промысла, после бури). Если спутники останутся в деревне, возьмут приглянувшихся им женщин-вдов или девушек в жены, то будет хорошо для всех. И за мальчиком есть кому приглядеть. Он поручит это своей снохе. Вот, ее сын. А за все прочее он, сам, староста, ответчик и поручитель. Кен кивнул и посоветовался со своими товарищами по несчастью. Поговорили и согласились на том, что такое решение устраивает всех, а для бывших могильщиков-париев, недавно потерявших свои семьи, обрести новую было просто везением. Тем более в этом удаленном краю. Староста заверил, что люди от местного князька-наместника приходят редко, раз в 2-3 года. Погибшие в море рыбаки еще считаются живыми и теперь, новые люди просто заменят их в списке. Главное, для людей наместника, чтобы число сходилось и дань шла своим чередом. Обсудив и согласившись со всем, скрепили договор по местному обычаю: три раза обошли костер по ходу солнца, ударяя по рукам, три раза против солнца и на том кончили. Назавтра договорились поставить здесь сруб из сосен для Кена, принести самую необходимую утварь для кельи отшельника (все уже знали, что Кен хочет стать отшельником, вымолить душам погибших доброе перерождение, чтоб они не скитались в темных мирах в образах демонических существ).

Все вскоре ушли, а Кен остался один впервые за долгое время. В этот первый вечер полного одиночества, когда уже сгустились сумерки, появилась тонкая тень надежды-упования. Недавнее черное-бурное море-смятение в душе и мыслях просветлилось-успокоилось в просторе и тишине. Наступающая тьма не казалась беспросветной, хотя Кен понимал, как долг путь к избавлению и еще много страха, тоски и сомнений пройдет через средце. Не меньше моря и неба. Нет...

...Луна не взошла.....полное небо звезд, а луны, даже тонкого серпика нет... страшна ночь без луны... и меня будто нет в этой жизни... как луны вот сейчас... или я ослеп... звезды только мнятся мне... и шум моря внизу мнится... глаза закрыл и открыл... ночь, звезды, шум моря... только боль внутри неизменна... бамбук врос в меня... ночь без луны... мириад мерцающих звезд... отраженное отчаяние мое... его много... сегодня соберу свет этих звезд... из света их луну соберу... сотворю... и это - мой первый шаг к возвращению вещей на места свои... Будда Амитаба, помоги...

Кен заснул, внезапно и глубоко. Тонкий серп новой луны засеребрился на кромке звезд, но он его не видел в эту первую ночь обновления.

Назавтра начались хлопоты-труды по устройству отшельнического скита и Кен принял в них деятельное участие. Сосновый шалаш - трехстенный, очаг из камней рядом, нехитрая утварь, подстилки - татами из плетенных трав, соломенные накидки от дождя и полог холщевый от ветра. Много ли надо отшельнику? По окончании этих забот привели сына. Кен мысленно простился с ним в сердце и стал отныне, вчуже, называть его просто мальчиком. Уговорились, что раз в неделю ему будут оставлять немного сушеной рыбы и бобов, а о прочем он сам позаботится. Обустроив приют отшельника, вскоре все, простившись, ушли и вечерние сумерки опустились, как синяя шторка. В эту ночь по небу промчался космический пёс, будто обозначил начало года отрешения и унёс навсегда земное имя Кена.

...В сияющей ладье месяца плыла Сайко. В руках ее был тонкий невод, в который она будто забирала горе и печаль мужа, благословляя его на подвиг смирения и отрешения, дабы удалось им встретиться некогда в иных воплощениях...

Ночь сеяла росы для угасения жара в крови, звезды мерцали подобно снам-размышлениям о бренности земной юдоли, стирая грани между явью и сном. Наутро или через десять утр, и после многих других похожих ночей, Отшельник стал разговаривать с птичкой (а с той же, что сегодня или с другой похожей на эту, не имело значенья отныне)...

- А что солнышко запозднилось ныне, птичка моя, на рассвете? Небось, зябнешь? Вижу, роса на крыльях твоих. Отряхнись, отважная пташка. И засветишься вся лазорево - дивно и рассыплешь росу, а с ними первые лучики солнца. Первой проснись и никому не отдавай радость пробужденья на рассвете. Солнцу подобна первая надежда-упование. Будь ею, птичка моя, странница синих небес. Омойся первой росой, прибери в своем гнездышке и осмотришь: пора и в полет. Видно, ты для того рождена, чтобы солнце приветить. Вот и дом твой высок, и легкое сердце имеешь, и все дни для тебя одинаковы. Втуне и я так хотел бы, но тяжел я пока, не простился с земными страстями и не скоро смогу полететь...

И в эти же дни, на берегу, бывшие могильщики учились ремеслу рыбачества. Ставили парус. От черного ветра ветер белый, одну волну от другой учились они различать. По пояс в воде, по пояс в заботах земных начинали по-новому жить, а прежнее-темное уходило с отливом ночным и оседало тиной на дно моря. Скоро и им время придет выйти в дальнее плаванье. Счастье искать свое неверное, краткое, рыбачье... и море велико, и рыбы много, а многим ли выпадает удача и скромный улов?.. дует ветер и молчит...

Отшельник изо дня в день терпеливо из себя жизнь изгонял, а вместе с ней и ее тревожнения былые... Плоть и дух закалял-умерщвлял: ночью сидел средь росы, днем под холодной струей водопада стоял и камни таскал до изнеможенья... вскоре весны с зимами перестал различать, как впрочем, и лето с осенью... Пищу вкушал безразлично, воду пил из родника горстями... созерцал внутренний лотос души... сутры шептал о спасении души своей и Сайко... растворялся в душе иной, обширной-вселенской, вникая и понимая...

...шум моря равен молчанью ночей... дождь не уступит по силе недвижной горе... всякое малое становится больше большого... волна никогда не кончается и неразрывна с волною другой... улитка движется быстрее ветра - она уже за камнем, а он ее лишь догоняет... сосны, как дни, неизменны и схожи... трава гуще звезд... скоро сойдет просветление...

Вселенский пес свирепо гонялся за годами-зайцами пока всех не разогнал. Но остался последний самый быстрый и изворотливый заяц, равный в бегах псу вселенскому...

И еще одно понял Отшельник... Тишина – это просто пение листьев, море – пруд, человек может небо пешком обойти и вернуться к вечеру в дом...

...Кто знает в чем различие груши с айвой?.. Тот, кто изведal их вкус и обратно привил на дерево...

... несколько минут прошлого для настоящего... минута настоящего для предстояния в будущем... одoление настоящего и забвение прошлого для минут будущего...

26

И ту сырую грязную-безлистную-позднюю осень, и ту... свою первую женщину Бастард будет помнить всегда... До ломаты в затылке и полного безмыслия, и выродит из себя мeсть людоеда...

...едва Он увидел ее совсем рядом, у глаз... все, что до сих пор было в нем неизрyдным нарывом, вскипело и рванулось наружу темной натужной волной в крайнюю бессмысленно-стойкую плоть, ища исхода и иного своего воплощения, равного по силе тому напряжению, что уже входило ломотой и вязкой длинной судорогой в пах, вступало болью в крестец, будто выламывая его из тела... то, что происходило внутри и внизу (и не могло быть понято им, не остановимое даже самой неистовой волей) уже полыхало в его глазах и выплывало, ширясь кругами затмeнья в зрачках, стягивало кожу на скулах, иссушила губы, ставшие оскалом пресмыкающегося небывалого зверя, язык его, рефлекторно выскользнув из пасти-рта, быстро облизнул пену на губах и исчез змеевидно... все это видела Она, стоя и вытянувшись... вся в преддвигении плоти, ощущая всей своей прямой-прелой сущностью-прелестью самки, опьяненной истомой и сознанием того, что может произойти-сotвориться с нею и мужчиной, еще девственным, но уже разоблаченным восставшей плотью крайней своей, когда он впервые видит влажное-пушистое-нежное-сочное... То, что открыла она ему для созерцания первого и тем бросила в неугасимый огонь возжеления... чуть усмехнувшись, она подошла к нему и стала молча вдавливать в него, одновременно облизывая его сохлые натянутые губы, пока они не отворились и два языка не нашл друг друга для темного и скользкого разговора плоти и страсти... потом, в конце, эта реплика, как колючая проволока в глаз: – Вонючий маленький ублюдок. Мог бы и потерпеть пока я... и плюнула на его опавшую, в сперме, оскорбленную крайнюю плоть...

Мать Людоеда лежала пьяная, у дороги, и высказывала равнодушным звездам и брюхатой луне свои обиды: – Все мои мужчины разные: глупые-беспутные-храбрые-наглые-ничтожные. Подлецы, хотя общее у них одно. Цель. Это я. Баба. Вернее то, куда они стремятся все. В письку мою, будь она неладна. Думала – они душой к душе моей стремятся. А их всегда лишь туда тянет. Видать, раздвоение у меня. Не срastaюсь. Будто писька моя отдельно, своим умом живет, при-важивает, а я своим. А писька, проклятая стерва, пользуется мной и потом против меня же и на-страивает мужиков. Я и раньше не задумывалась шибко, но теперь, когда никому не стала нужна, поневоле пораскинешь, и не ноги, как раньше, а мозги. Ну, писька-то, известно свое не упустит, хоть завалыщего, да примет, когда мои мозги водка совсем отшибет. Но отвечаю-то я. За весь организм... А мужики-засранцы, свое получив, потом черт-те как обзывают: то шалавой, то блядью, а то и... И детки тоже. А ведь когда-то мамой звали. Чем я хуже пигмеек из Африки. Они тоже веч-но брюхатые и тоже неизвестно от кого рожают. Но ведь их там уважают. Ох, я ж искренне всех мужиков своих любила. Причем, честно. Это потом, в конце перепуталось. А раньше, каждого в отдельности. Жалко же их. Весь закрытый, не ласканный. И открыться некому. Ему прямо сей-час надо излиться, передать женщине тоску-маету свою. А то лопнет, или заболит. Вот и даешь сразу. Они же там, на войне, в тюрьмах, на работах своих исстрадались, измочалились, изуродо-вались, что и на мужиков стали непохожи. Их же спасать надо было. Жалеть. А их жены, даже в доме родном погонялом гоняли мужей своих, дескать: должен ты, мужик, и все тут... А у меня тепло, воля. Делай, что хочешь. Сам мужик, сам выбирай, и я по руке твоей пойду. Как скажешь-захочешь, милый. Видать, ошиблась я, на письку-падлу повелась. Дура. Но больно ведь... Грустно мне, подружки-звездочки, помогите... я же еще подняться могу, если что хорошее встречу...

Ударило сзади. Под затылок. Сотрясло мозг. Песком осыпались мысли. Провалились в воронку песчаную. Там нора тарантула. Он выглянул и исчез. Черный в черное. Теперь я без связи с миром, который за стенкой черепной. Помню только, как хрустнуло. Гипофиз сдвинуло с места. Тонкая паутина нейронов порвалась. Дорожки мыслей, протоптанные столетия назад моими пращурами, перепутались. Пересечения тяжко найденных смыслов сдвинулись, связи прервались. Там, где была ясность сознания, теперь - лабиринт. Ариадна-паучиха умерла. Кто поможет найти выход? Уте-

рялась цель. Центр сместился. Стороны перепутались. Миг жизни повис меж эпохами. Неандерталец не вышел на встречу с зарей и остался в нише атавизма... Хромосому главную из меня вытянули, как жилу. Ген гуманности не в ту цепочку попал. Или в обратную спираль ДНК. Как из лабиринта выбраться? Ведь никто не знает, что я заблудился... Что я – людоед?

... потом была молния... шарахнула так, что увидел... мама лежала вверх ногами (голыми и тонкими, а сверху лежал кабан и хрипел)... она стонала... я онемел в ужасе... потом грохнул гром... опять сверкнуло... кабан уже стоял и из него лезла кишка... сизая... мать лупила глазами в окно, как коза в темноту... гроза кончилась быстро... домик вновь закишел суетой, будто муравейник копнули... во дворе горел сарай... зажегся от молнии последней... все бросились к сараю и отворили дверь... коровы, бараны и коза (с глазами навывкате, желтыми) выбежали мыча и блея... но моего ягненка не было с ними... его съели уже давно, неделю назад... замкнуло, в общем, ударило молнией меня и выжгло или отрезало что-то в глубине, что-то в голове... душа моя человечья умерла, опустела... пустота стала чем-то странным заполняться... виденья во мне появились, словно я не я... на луну смотрю и вою... из себя ползу, шипя – извиваясь, словно змея... света и вспышек боюсь... жало змея выпускает безмолвно... облизывает воздух... если пахнет кабаном, зверею... глаза становятся клыками... во сне вместо нежности вижу кровь, вместо еды – рвота... кто тебя изуродовал... хромосома проклятая...

... Давно, еще в детстве, после «того», когда он стал мочиться по ночам и знал, что утром его будут ругать, может, даже побьют, Бастард стал убегать в горы... убегал от стыда, от вони своей ночной беды, от ругани... только здесь в горах, на потаенной поляне, никто на него не обращал внимания: мураши текли тонкой струйкой от холмика к кустам... им одним была известна цель их дороги, суеты, умения жить согласно инстинкту и программе их коммунального мироустройства... речка текла сверху, сама по себе (маленькая такая резвушка)... вокруг нее громоздились огромные камни, молчали обрывистые берега, подрывные весенним половодьем, таинственно блестели темные сланцы, травы и цветы росли тихо и светло.. солнце вставало меж двумя горами, в самой середине, будто глаз немигающий, вопрошающий... внизу суетилось маленькое село (сады, рощицы, огороды, домики)... склоны гор переливаются красками, как витражи соборного храма под небом... если б только природа знала, что в этом идеальном совмещении всей её красоты и гармонии уже зреет-растет невероятное зло, чудовищное искажение самой самости человеческой природы в виде этого маленького мальчика, все дальше уходящего в страшную тьму людоедства... словно предчувствуя начало искажения естественных законов бытия грозно закружились облака, наливаясь багряной синевой, как сливы в садах... в тысячи раз быстрее, чем обычно, облака сливались друг с другом в тугую упругую тучу... и вот страшный ливень ударил со всполохами сухих беззвучных молний по всему горизонту... склон мгновенно стал скользким и Бастард упал... и заскользнул на спине вниз, по траве и мокрой глине, пока не влетел в расселину и не застрял в ней по пояс, а дальше стал медленно - тихо сползать вниз, по грудь... кричать уже не мог... но ноги, вдруг, нашли опору... И с той поры он не мог терпеть узких помещений и всего, что не имело выхода, как лоно женское. Там он впервые почувствовал себя зверем в западне в истоме смертного страха... А природа?.. она отпустила его в надежде на лучший исход потому, что давала всему идти своим путем по естественной инерции или скорее наоборот: время грядущее втягивается через - воронку настоящего в океан прошлого, которое, по-видимому, победит будущее, которое убывает по мере того, как поглощается прошлым... или иначе прошедшее время непрерывно расширяет своё пространство... взаимопоглощение времен происходит на наших глазах, устроя нас своей жестокостью и масштабами, ибо с обеих сторон безграничные резервы... люди лишь наблюдают за этой вселенской битвой времен, ибо время их жизни в сравнении с этими временами-глыбами-гигантами ничтожно, впрочем, как и их союзник – настоящее... итог неизбежен: мы проиграем... мы ограничены фактом смерти... наша жизнь – это краткий миг в войне времен...

... Но разве война времен толкает нас на то, что один человек забирает жизнь другого?.. может быть, именно бессилие и ярость, от краткости нашего пребывания на земле, желание к своим дням прибавить дни другого человека является причиной агрессии?.. отчего, путая в отчаянии любовь человеческую с инстинктом самосохранения люди идут на убийство... а страсть мужчины к женщине не есть ли уничтожение одной плоти плотью другой?.. а телесное слияние лишь способ поглотить другого человека?.. и перед неумолимостью конца, человеком овладевает чудовищная мысль – убить и съесть человека другого... о, война времен!.. о, человек краткий и жестокий?! Где начинается и где кончается природа твоя? Ты зверь или промысел божий?.. ответ...

...Одиночества атома. Полное. Безысходное. Дикое. Коллапс элементарных частиц. И малый атом хотел бы сказать-поделиться своим внутренним совершенством, но сам из себя выйти не может. Разве что, некий другой, еще более дикий и очень тяжелый бременем горя элемент дальних галактик, вдруг, оторвется от орбиты-судьбы своей и понесется невесть-куда, разгоняясь от притяжений звезд печальных и, чуть коснувшись края планетных скоплений или оттолкнувшись от пустоты гигантских газоскоплений, найдет родственный по одиночеству атом другой и ударится в него всей силой своих миллионнолетних скитаний и вовьется-ворвется в ядро другого атома одичалое и взрыв-встречу-судьбу свою – жестокий всеиспепеляющий взрыв - сотворит. Какие же это энергии – ускорения нужны, чтоб освободились два атома от одиночеств своих малых-безмерных и объяснились друг другу на элементарном своем языке, как если б живые были они существа? А вот инфузориям, казалось бы, легче. Стало ей, скажем тоскливо, взяла и поделилась сама с собой. И стало их две, и родственны духом и плотью, и есть о чем поболтать – слиться душой. Надоели, скажем друг другу, ну так что ж? Опять поделятся, каждая по себе. И так без конца. И энергий лишних-громадных-взрывных не надо. Но скучно. Одинаково. Нет новизны. Катарсиса взрыва-вторжения нет. Как у атомов! А у людей? Одни соединяются в невероятном напряжении сил и запредельных энергий, другие легко и бесшумно делятся. Атомы встретившись, становятся новым элементом-веществом-сущностью. Инфузории расходятся и живут мирно врозь, но остаются прежними по форме и содержанию. Никаких изменений. Разве что, стало их больше. А люди? Одни полнятся любовью от встреч, другие звереют, ненависть в них образуется. У одних печаль от разлуки, у иных – месть.

Нет, по инфузорному нельзя. Слишком просто, пошло и одинаково. А вот, по-атомному? Разогнаться, сорваться с орбиты и ринуться на поиск другого изгоя? Или ждать? Ни так, ни этак: никаких гарантий встречи. Стало быть, лучше с орбиты своей срываться. А там видно будет, что да как...

Вестник Атай все дальше стремительно удалялся к краю вселенной и размышлял о том, что осталось на земле.

На земном дворе завершалась Эра Водолея. Умные мечтания о том, что после «рыбьей эры» наступит эпоха процветания и замирения развеялись. Кризис цивилизаций принял устрашающий характер. Противостояние религий и стран переросло в противостояние континентов и число заполошных апостолов-крикунов не уменьшилось, а только возросло. Расстройство умов стало явлением массовыми и носило характер эпидемии. Всемирная информационная «паутина» разрослась до невероятных масштабов, порождая все новые вирусы. Никто уже толком не понимал, что истинно и что искусно придумано, и от этого факта некуда было деваться. Технологии давления на сознание достигли невероятных высот и вышли на уровень нейтринного проникновения везде и всюду. Амбиции религиозных лидеров перешли всякие этические нормы и приличия. Теперь на земле имелось по несколько пап, патриархов, верховных имамов, далай-лам, но суть их доктрин была одинаково путаной. Претензии на мировое господство принимали уже галактический характер, а бог вообще стал побочным фигурантом дискуссий, несмотря на то, что все ссылались на него. Каждый по-своему. Конкуренция экономик порождала нескончаемые микровойны в разных точках, но они не перерастали в глобальный конфликт, только благодаря паритету сверхвооружений, достигших предельных уровней. Терроризм стал настолько утончен и хорошо завуалирован, что его нельзя было отличить от технокатастроф и даже природных катаклизмов, ибо на террористов трудились крупнейшие специалисты. Их лаборатории были насыщены вычислительными суперсистемами и достижениями, нанотехнологии стали столь высокими, что никого не удавалось уличить в преступной цели, а тем более, по-старинному, поймать за руку. Уродов и дебилов излечивали еще в эмбриональном состоянии, но никто не мог поручиться, что их физическая или умственная болезнь излечена до конца. Генная инженерия вкупе с техникой клонирования совершенно исказили истинное понимание природы человека. Наверное поэтому, разные мессии, лжепророки и гении размножались, как грибы в инкубаторах и возвещали такие идеи и варианты мироразвития и апаколипсиса, что еще тысячу-другую лет назад их бы отнесли к обыкновенным безумцам, точнее сумасшедшим.

Внутри даже одной конфессии возникало столько сект и тайных обществ, что не имело смысла даже ограничивать их число. Появлялись секты древопоклонников, детей камня и далее: вне-поло-рожденные, потомки чистого фаллоса, дочери первого лона, страстотерпцы луны,

фанатики внутреннего света, ордена идоловерцев воды, ветра, травы, посвященные в вакуум, избранники подсознания, хранители пустоты, козлов-верцы, борющиеся с кланом первобарана, кропящие росу, возвышенные в горизонталь, тающие в воде, инеепоклонники, волхвы стихий, апостолы извращений и многая-многое разное, но все одинаково были нетерпимы друг к другу. В азарте противо-стояния они не останавливались ни перед какими способами и методами клеветы, самоутверждения и, зачастую, прямого уничтожения инако-верующих-думствующих-рефлексирующих или ушедших в чистую поллюцию мистики. А если добавить к этой беде еще и касты клонированных вкупе с биороботами высочайшего уровня имитации, то лучше было бы и вовсе не родиться нормальным человеком. Смешно сказать: доказать, что ты – чистопородный «хомо-сапиенс» было почти невозможно. Даже всевозможные однополые аристократы-гомики или эстеты секса с голографическими партнерами казались более приемлемыми на фоне эротических вакханалий «естественных» с «клониками» или биомоделями-роботами, где ограничением являлся только недостаток воображения. Короче. Содом и Гоморра отдыхают.

На этом фоне практически исчезли трансвеститы, ибо при новых возможностях и технологиях изменение пола теряло всякий смысл. Само понятие любви становилось анахронизмом, так как границы этических и сексуально-физиологических норм были расширены до абсурда, а святость и блуд стали почти синонимами. Технопрогресс предлагал столько искушений, что сатана давно устарел со своими штучками-проказами, а бог, если он и был, то совсем устранился от дел спасения человека. О, цветок любви увядающий, неужели и ты модифицированный продукт? Клон мечты...

...если только представить себе... не человек склоняется в молитве перед Богом... в поле, горах, в алтарях, мечетях, храмах, нишах каменных, под землей... в душе своей человеческой смятенной-покорной-взывающей... нет, нет... представить бы на миг, что сам Бог склонился перед Человеком и помолился за него... без гордыни, смиренно, не по-божески, просто... не склоняя к вере, не понуждая к покаянию, не упрекая в греховности, не возвышая Имя своё перед человеком... ибо может всевышний-благодать-дальний-немой-недоступный-слепой-неотвратимый-глухой-ведущий и властный над временем всё же сжалится над человеком, разделит долгое-плотное время на дискретные осязаемые мгновения и даже остановит само время, коли Богу не достает времени подарить каждому из людей хотя бы капельку своего внимания... и это будет чудо истинное-верное... и время вновь станет неделимо-едино, как вера... и пусть Вышний-Посылающий знает, что его суть-время-благодать состоит не из безымянных секунд-веков, а из людей с именами состоит оно. И если люди исчезнут или падут и имя забудут свое, то падет и исчезнет сам Бог, ответный за мир земной и внеземной...

...капелька дождя, падающая вниз, отважна... ради своей травинки в земле... истечение-поветрие-падение-рождение... шепотом-шорохом-шелес-том... о нищих и лиших... нежно... сердцем... при жизни... ибо за краем... кишмя кишат черви могильные... кыш-кыш... наваждения – страхи...

Атай никогда не забывал тот короткий разговор, хотя не мог вспомнить когда он состоялся и по какому поводу:

- Почему? – спросила Одиноя.

- Не знаю, я просто таю в тебе. Всегда. Когда я сгущаюсь и становлюсь плотным и твердым, рядом оказываешься ты и я снова таю.

- И все?..

- Да, и ничего больше.

- Но это меня обижает.

Он долго и печально смотрел на нее и очень жалел, что она не понимает, как много он сказал ей. Он не умел хорошо и связно говорить и, уходя, стал опять твердеть, досадуя, что не умеет объяснить себя. Закрывая дверь, он затронул наддверные колокольчики, и тихий мелодичный звон никелевых трубочек остался за ним. Было утешительно думать, что этот звон слышит теперь и она – Одиноя.

... в первом варианте развития жизни на земле и во вселенной (вероятно, одно без другого не имело бы смысла) мужчины и женщины были одним существом. Это первосущество, двуединное «Оно», имело в зачатке все биологические и прочие различия, которые стали явными во второй стадии, когда Человек-Оно прогрессировал и появились собственно мужские и женские особи. Человек-Оно возникал без зачатия, из первосубстанции, как вирусы или тени предметов. Но, в целом, все прочее было, как сейчас у нас, но без выраженных половых признаков... они не питались ничем, кроме чисто зрительных образов, ощущений сенсорных через пальцы и кожу, звуками внешними и очень

остро чувствовали такие вещи, как наслаждение-омерзение всяческие приятства-блаженства и боли, а любовь совершалась в них без соития, внутри, однако оргазм был двойным... Человек-Оно вообще не ел, наоборот: всё живое на земле ело Его, охотилось за Ним, ждало своего часа, когда можно будет вкусить плоти человеческой, что почиталось деликатесом у хищных людоедов древесных... да, при этом было еще одно – существенное, что может утешить: тогда не было и детей, как стадии развития взрослых особей (жизнь начиналась сразу с юности, а до старости никто не доживал, ибо съедены уже были они)... об их чувствах надо упомянуть особо... они имелись в изобилии, но были плодом их колоссального богатого воображения, из которого и рождались эти самые чувства... да, и половой акт был-имелся-совершался, как чисто ощущенческое и визуально-физическое действо с мысленно-фантазийным двойным оргазмом, который являлся плодом блестящего интеллектуального взрыва гипотетических эмоций (как упражнение ума)... вот такая то была праформа истории мужчин и женщин в первом варианте эволюции... и кому это надо теперь?.. а?..

28

Единственный близкий друг Гевры был талантливым чудаком. И он как-то рассказал о проблеме своей любви. Он не хотел смотреть за плечи жены во время любви. Ему надо было видеть ее глаза до, во время и после. Без этого любовь для него не имела смысла. Он всякий раз просил и умолял жену об этом, но она была предубеждена и считала такое постыдным. Странно. Почему все прочее можно, а это нельзя. Не увидеть любви в глазах женщины из-за предрассудка? Он погиб трагически и нелепо, когда ему едва исполнилось 30 лет. Случилось это так. У Миши (так его звали) жена была гением пустяков. Она могла любое событие и даже чувства разменять-раздробить на тысячу пустых подробностей так, что от всего оставались, в конце-концов, одни мелкие осколки. У них была 3-х летняя дочка. Смешливая проказница. И вот, однажды, разобрав их большую любовь на детали-винтики, жена его решила, что не может больше жить с ним. Теща поддержала решение дочери, потому как не меньше ее любила искусство разборки большого на мелочи. Оттого и случилось всё. Как-то раз Миша, совсем озверев от скучания по дочке, запертой в квартире на пятом этаже, полез туда с соседнего балкона. Никто не остановил. Он почти было уже влез. Дочка на шум вышла. И тут он оскользнулся и... Дочка видела, как отец рапидно летел и... улыбался ей... Она подумала, что папа так шутит и придумал способ летать... она помахала ему рукой...

Гевра всегда вспоминал своего чудаковатого друга с удушающей жалостью. Как-будто это произошло только что. Фильм памяти об единственном друге молодости... Рапид. Монохром. И Миша. Летящий...

...о прочем промолчу... удивлен настолько, что похож на лемура с фосфорно-совыми глазами... вот зеркало... в нем я весь, однако, будто вижу себя дальше, т.е. глубже обычных рук-ног-пальцев... ловлю генное сходство мое с матерью-отцом... далее по родовому корню есть некая славная степнячка и свирепый кипчак, вероломный и умный, как волк на охоте... подобен я и образу от всевышнего... не о чем больше вроде бы и мечтать, но все же вижу-провожу в себе особые аномалии, обычному человеку не присущие... какое-то упорное мечтание о железе иль камне... голод странный на пищу из сожженного древа... позыв также есть нутряной, дикая жажда чистой эссенции из голубого молока, выпив которое можно обрести отдаленность и мерцание звезды, ошутима и жалость к утомленному путнику, и сострадание к умирающей женщине в родах, ребенок которой застрял на выходе в жизнь... некто украл у меня талант к высшим прозрениям... я обделен... нет ни железа в крови, ни пищи из древа в мозгах, ни звездного молока в душе... жалость и сострадание забылись за суетой и я не прозрел... еще не родился золотой мальчик и... может кесарево сечение спасет его жизнь, а мне предстоит выползти из кокона эгоизма и выплакать слово, подобное крику новорожденного, если роды закончатся благополучно, если не брать в расчет умершую мать...

Если бы... сегодня в 6 утра, (возможно позавчера или послезавтра) через краткий век секунд вопрошить самое себя: - Где урожай твой, подлец? Тишина и эхо безмолвия... Что может быть внезапней растерянности девочки, впервые увидевшей кровь проснувшейся матки на чреслах своих невинных: - Мама, я умираю... Мать посмеялась и объяснила... Тут откуда-то вылез-возник, вздыбив коня, некий свирепый феодал, провонявший убийством, и орёт из №-ого века: - Права первой ночи... требую... Верно, сон еще снится... Что-то птицы с утра не поют... Надо выглянуть в окно... И правда. Осень. Хмарь и тинный запах холодного дождя. Даже кошки пере-

стали мяучить котов, а городские сучки на кобелей своих, как бывало призывно тявкать... Между тем, тишина в это утро нарастала, как глухота... Пора выходить из сна в осень, глаза разлипать и идти в неостановимое дело природы: утро, заботы, деньги, опять вечер... кто ответ держать будет за раннее наступление ночи...

Дело в удвоениях ради выживания вида. Т.е. в запланированном убийстве. Автор-природа. Цыплята, свинята... Кто съел послед свой первым, тот выживет. Прочие умрут или станут добычей хищника или жертвой или иных обстоятельств пост-утробной жизни. Думается, что в каждой яйцеклетке женщины, изначально, есть (после семя-посева-самца) запасные близнецы-зародыши-уродыши. Но урождается один (в большинстве случаев). Видимо, уже в матке один из выблудков-младенцев поедает близнеца, по инстинкту выживания. Еды-плаценты на двоих не хватит... И висит этот зародыш-убийца в космосе матки, а грядущая мама, плюс, папа не догадываются, что их чадо уже сожрало близнеца-двойника своего, но явится в мир с плачем, а потом посопит и будет сосать молоко маме, пока свое утробное первоубийство не забудет совсем и не выкакает из себя свой грех. Если инстинкт внутриутробный тормозится, бывает, рождаются близняшки-двойняшки, а то и по трое-четверо, как у крыс. Что-то к ночи становится душно. Или кто-то и в самом деле не может забыть своего внутриутробного людоедства? Был ли братец – близнец у Христа? Магомета? Будды? Истинный младенец умирает в утробе брата, еще не родившись... О, что только не лезет в голову в духоте? Подул бы скорее с гор вечерний бриз-ветер утешения.

– Автобус едет по разбитой дороге вдоль гор. И я – в нём. Где-то там – кладбище. Люди едут на похороны. В общем, скорбная картина под сеющим дождем.

Мальчик 3-х лет лезет из кресла автобуса на ходу через мамину руку. Мамаша погружена в себя. У мальчика очень упертые глаза, он рвется за поручень. Молча. Это у него так характер проявляется. Брать барьеры молча. Вдруг, он уперся взглядом в меня. Любопытство и внезапный порыв созерцания взяли в нем верх. Смотрит в упор. Только дети умеют смотреть на взрослых, как на объект. Смаргивая и смущаясь, отвожу взгляд, словно совесть не чиста. Или обнаружил, что четвертая стенка кабинки душа, где моешься, стеклянная. А за ней – улица. За автобусным окном снег. На деревьях, на склоне горы, на дороге. Оборачиваюсь. Мальчик показывает пальцем на что-то вдаль и лепечет об очередном открытии своего мира. Я заискивающе улыбаюсь. Мамаша все так же крепко держится за поручень. Она терпелива на несколько лет вперед. Малыш почти уgomонился и расшифровывает плавно меняющиеся виды за окном. Я вышел из автобуса. Мне надо идти на объект. На стройку.

Таких объектов у Есени несколько. Догадываюсь, что размах у него широкий и интерес ко всему глубокий. Практически внешне он почти такой же, каким в театре был. Неброский, но сразу виден масштаб. Семизначные цифры угадываются за цепкими глазами. Платит он хорошо, в тенге, но раз в месяц мне передают от него конверт. С долларами. Мое дело, знать весь проект и план строительства назубок. По нашему договору с Есением, я фиксирую расход всех материалов. От гвоздя до балки. Тетрадку с реальными цифрами, еженедельно передаю доверенному человеку Есени. Двойной контроль. Порядок, и в этом порядке я инженер, старый друг и внедренный агент. Таковы нехитрые условия игры. Объектов несколько и приходится мотаться от одного к другому. Этот здесь, другой на Кок-Тобе, третий по дороге на Медео. Есть и на Каменке. Везде надо быть раз или два в день. Таковы порядки у Есени. Наверно, и за мной кто-то пасет. Строит, в основном, особняки. На заказ. Дом в три этажа: пристройки, гараж, внутренний двор. Но с Есением, конечно, нет сравнения. Был я у него пару раз. Это резиденция. Не меньше. Но больше запомнилась его личная галерея. Он сам мне показывал, по-свойски. Отдельная стена для Калмыка. Несколько отличных работ. Есть у Есени и кое-что из «нержавежки». Пару набросков Ван-Гога, один Гоген ранний и Модильяни. Этюд, но какой?! Эскизы Бакста к спектаклям «русских сезонов» в Париже. Сам Есени ко мне не переменялся и это утешает. И моя Балерина довольна тем, что я стабильно зарабатываю. Я о ней Есению ни полслова не сказал. Опаска. На всякий случай. От резиденции в город меня его водитель подвозит. Я схожу неподалеку от дома и чуть петляю потом. Так, на всякий случай. У Есени во всем контроль. По работе пусть, но дальше: ни-ни. А моя великая виллисасильфида-Балерина увлеклась недавно художественным ткачеством. Откуда это у нее? Ведь она всю жизнь только высокой балетной классикой занималась. Попросила меня старинный ткацкий станок смастерить. Пришлось поискать рисунки, чертежи даже, в спецлитературу заглянуть, но сделал ей. Из дерева. Теперь она ткать учиться на нем. Вокруг нить, шерсть краски. Запах знако-

мый до боли. В общем, творческая мастерская на дому...

...откуда-то всплыло. Синяя тема из Гайдна, из пьесы, где задуваются свечи и музыканты закончив свои партии, один за другим уходят на цыпочках. Задув свою свечу. Оказалось, уходили в вечность... И Констебля пейзаж, с замком и небом. Огромным, низким (в то время, кажется, жена у него умерла). Замок светлый и будто висит, а природа в раздумьи... И еще вдруг, полыхнуло молнией из детства. Послышался, почти рядом, в реальном времени – сейчас, сдавленный всхлип мамы. Вечер. Сыпался дождь. Мы идем с поля кукурузного домой. До сарая еще далеко. Одна галоша осталась в грязи. Скоро осень. В сумке – кукурузные початки. Как дойдем, так варить станем. Мама уже переходит свой экватор, но весела, хоть и счастья нет женского. А я есть и у меня сейчас текут слюни. Я голоден. Вбежали в сарай. И в глаза, сразу: улитка - влажная жемчужина ползет по лопуху среди моря дождя. Корабль хрупкий. Упрямый. Мама засмеялась чему-то в себе. Своей потаенной природе женской. Дождь внезапно стих. Будто высох. Бог весть, но мама весела сегодня. Промокшее насквозь платье облегло все изгибы - округления - ложбины тела, зрелого, женского, упругого, которое впервые явилось мне таким. Омытым, оконтуренным рукой безвестного скульптора. Так, случайно, мама без слов объяснила мне, какой должна быть та женщина, которую я некогда встречу и сделаю матерью своего ребенка.

Ночью был сон...

Прямо из дерева явилась зеленая дева и спокойно пошла по дорожке-струйке легкого ветра. Навстречу ей вышел дымный поэт. Он нес песни в книге с прозрачными страницами. Стихи казались сотворенными только что и словно висели-плыли в воздухе. Поэт протянул песни свои, но зеленая дева прошла сквозь них, а в стихах остался лишь ее контур. Она, не оглянувшись даже, вошла в ствол могучего дуба и исчезла там. А поэт продолжал нести свою книгу с прозрачными страницами и контуром зеленой девы, пока не споткнулся о камень... книга со звоном разбилась...

Что это значило, Гевра понять не мог, но придумал сну своему объяснение, вроде того: ... вещи тонкого мира сохраняют сущность свою даже, если их проходят насквозь...

И еще он подумал сходя с автобуса: – Нет, плотное-твердое опасно для тонких вещей и они неразрушимы только в снах. В этот момент, из-за поворота, вырулил большой красный бетоновоз и ему пришлось вжаться в забор. Здесь в предгорьях были совсем узкие улицы. Кто же знал, что здесь, в этих дачных предгорьях станут строить виллы-особняки, будет ездить крупная строительная техника. Жаль, что скоро этому «горному-горному раю» придет конец. И Гевра, потирая ушибленную ногу, побрел к стройке, которую курировал.

На улице или в автобусе в эти дни чего только не наслушаешься. Гевра просто слушал, ни во что особо не вдумываясь.

Женщина говорит другой шепотом:

- Глянь. У этого, по-моему, один глаз не видит. Смотрит как-то вкось. Только не пойму, какой глаз. Моргает он ими одинаково вроде.

А мужик мужику около магазина:

- Хоть ты и хохол, но скажи – ответь. Зачем флот русский из Севастополя гнать? Пушай страны разные у нас, но море Черное общее, ведь.

- Блин. Разве я не понимаю? Но что мы можем? Бутылку распить и языком пожевать. Вот я вчера читал. В Москве людоед, наш, из Казахстана объявился. Раньше такого и быть не могло, чтобы люди людей есть стали. Тем более казахи. А теперь вот, объявился.

Заинтересовало было, но пошли разговоры другие.

-Смотри вон на тех. Цыгане вроде или таджики. Не пойму. И говорят, по-русски, а не поймешь, о чем...

- Да, брось ты. Обыкновенные люди...

- Не, это только кажется с виду, что люди это. Смотри у них и тени нет. У нас есть, а у них нет.

- Окно за ними. Потому и не видно.

- Тихо ты. Получше смотри. Видишь, ниже окна тоже нет теней. От ног должны же быть. На днях мимо дома такие же прошли. И воробьи, все разом, вдруг, улетели.

- Слушай, не пугай. И без того тошно. Год уже вместо мяса кости варю. Стыдно.

Гевра думал... Надо сильно озаботиться. Нельзя допустить, чтобы Балерина и он дошли до такого. Чтобы тень свою потерять. Низ-з-з-я...

Вообще, он не любил себя, особенно, когда инстинктивно, с тайным страхом и даже с брезгливостью сторонился убогих и калек, но ничего с этим поделать не мог. Поэтому Гевра восхищался кротостью знаменитой сестры Терезы. Фильм о ее жизни среди больных, нищих и прокаженных в Индии потряс его. Внутренне он преклонялся перед подвижницей. Она, несомненно, была святой, а он грешным и слабым снобом. Порой к нему подступала тоска и одиночество, как в период «жизни под сценой». Утешала его только мысль о Балерине. Она озаряла его всего, изнутри, и за это он был молитвенно благодарен судьбе. И надо сосредоточиться на одном - беречь Ее! А ведь у Нее есть и свои огорчения. Ему казалось, что в последнее время она как-будто отдалилась от него, словно тайна у неё своя появилась. И потом, это ее новое увлечение! Цветное панно, которое она показала ему, смущаясь и словно ненароком, было поразительно и искусно сделано. То была вещь несомненно художественная и несла в себе тонкое понимание цвета и гармонии. В этой войлочной картине жил свой особый мир. Как она сумела проникнуть в тайну древнего искусства казахов? Гены ли это или так неожиданно проявилось умение плести изысканный узор движений, как в классическом балете? Не удивиться этому было нельзя. В который раз она открывалась ему новой стороной. И что перед этим его сомнения и гримасы «бытовухи»? Ерунда...

... в глаза вливается вечность... это синий кит... пасть разинул безмерную... плывет и поглощает воды небес... мгновения-дни-люди, словно планктон исчезают там... в зеве вечности... но стоит глаза закрыть-открыть и моргнув это наваждение, увидеть простое и понятное... муху, пень, еду, ложку... тысячу разных вещей... на каждой из них - отпечаток мгновенья... за утром – день... это понятней, чем вечность, уплывающая из ума и глаз... Только простые мелочи открывают суть жизни... влечения луны темны... к луне влечение опасно... лунатики невесомы... шаги их не слышны на крышах... их держит ветер под руки... ветер стоит на месте ради этой забавы... в этот миг можно увидеть даже тень ветра... только луне посильно отбросить от ветра тень... ради лунатика-мальчика, рискующего ступить в пустоту и разбиться... они оба – луна и ветер – берегут мальчика... сон лунатика... только им юный – лунный бродяга по крышам доверяет сны на краю... бросает луна вниз серебряный шлейф... ветер исполнив заботу спасенья устремляется вверх по шлейфу луны... ночь принимает тень ветра... лунатик, сны свои рассказавший ветру, возвращается в дом... утром он не вспомнит, что видел тень ветра... отец и мать мальчика сетуют: ночью кто-то сорвал с яблони еще зеленые плоды... только мальчик-лунатик рад... у него есть тайна... он давно хотел поесть кислятины... когда-то этот лунатик напишет луне и ветру длинные письма, не помня об их тайном знакомстве... и луна ему явится снова, но влечения к ней он не почувствует больше... и ветер коснется его и почти остановится рядом, но тени его не увидит он больше... взрослый мужчина, утерявший лунные сны...

29

Сосны были поразительно высоки, как летящие к небу копыя, брошенные прямо из-под земли. Он же был распластан, повержен. Пустошь души изо дня в день медленно наполнялась плотным запахом хвои и янтарной смолы, которой было много. Повсюду, на стволах и ветвях у корней виднелись ее медово-желтые натеки. Отшельник медленно шел по сосновому лесу. Под ногами мягко пружинила подстилка, из нападавших за много лет игл. Мягкая-рыхлая - она словно качала-баюкала его, как мать, ребенка на груди. За эти годы отрешения от мира и воздержания от пищи, Отшельник истаял и стал похож на полуживую мумию. Его просветленный взгляд благодарно принимал весь мир вокруг: и сосны, и ветки с сонмом зеленых свежих игл, и ягодные натеки янтарной смолы, а надо этим изливался безмолвной сутрой небесный свет. Отшельнику оставалось сделать последний, но самый трудный шаг к его цели. Он должен был теперь полностью отказаться от еды и воды. Эта вершинная ступень абсолютного самоотречения, забвения физической природы человека требовала такой силы воли и концентрации духа, которая находилась за пределами земного сознания. Отшельнику отныне предстояло есть только сосновые иглы и пить янтарную густую смолу. Лишь в этом случае, в его теле не останется ни капли влаги. Только так он сможет оградить свою плоть от разложения и тлена. Ему надлежало стать живым янтарем, и тогда лишь в его насквозь просмоленном теле навсегда умрет золотая личинка - его собственный могильный червь, лишенный силы плодиться и разлагать человеческое тело. Одной только силой своей воли он самомумифицируется, сохраняя сознание и последнюю искру жизни в себе, либо...

На такое решиться оказалось непросто... О жизнь, как соблазнительна ты, именно, в такие моменты?... О, Сайко! О, Будда просветленный! Дайте силы для чистого шага к вам!.. Отшельник сел, а поодаль стояли бывшие могильщики - эта (ныне – рыбаки). Сын его - уже отрок почтительно поклонился отцу. Изумленно и благоговейно. Они смотрели на него сквозь двойное марево, дрожащего в воде и небе солнечного света, как!... как этот истончившийся до полупрозрачности, отделенный от мира лишь тонкой оболочкой кожи, но могучий духом человек садится за свою последнюю трапезу, оглядывает торжественно и просветленно эти роскошные зелено-янтарные бальзамические яства, расставленные перед ним на плахе соснового среза с дурманным густым запахом хвои и ароматом смолы, а затем взгляд его, устремляется вверх, чтобы уже оттуда еще раз оглядеть мир, освещенный рассеянным осенним солнцем. Тихо и благостно вокруг и в нем, жизнь смиренно уходит из его иссушенного многолетним суровым воздержанием тела, где бьющимся чибисом-птенчиком трепещет еще сердце, возглашая миру, что скоро наступит вечная светлая жизнь духа, ненарушаемая и нерушимая ничем на земле...

Как и повелел-пожелал Отшельник, вырыли глубокую (в два человеческих роста) яму с боковой нишей на самом дне, размером с татами. Яму вырыли под той самой сосной, что пыталась с высоты мыса увидеть море внизу и пенную полосу прибоя. В полном молчании, на грани священного ужаса и внутреннего трепета-восторга смотрели спутники Отшельника и его сын, и жители рыбацкого селения, как он (в грубом монашеском одеянии-вервии и головном уборе) медленно-плавно-тихо приблизился к краю ямы и сделал чуть заметный жест. Три товарища и сын-юноша подошли и помогли Отшельнику опуститься на дно ямы. Отшельник так иссушил многолетним воздержанием свое тело, что был почти невесом. Казалось, он парил над жизнью. Отшельник (в прежней жизни могильщик Кен) в последние месяцы только смотрел внутрь себя и куда-то далеко во вне, читал безмолвные сутры, не пил даже воды и питался только сосновыми иглами и смолой, которые вытянули из него всю лишнюю жидкость, а кровь загустела так, что сосуды его теперь больше походили на алый ажурный каркас внутри тела, а тело стало неким храмом, где обитал только дух. Он уже почти не имел веса, и сил у него осталось только на то, чтобы отвязать веревку - последнюю его связь с земным миром... медленно ступил в нишу-ступу (*уже невидимый снаружи, сел на татами из соломы и принял позу «дзадзэн»*). Товарищи его вытянули веревку и сверху ямы установили помост из сосновых брёвен, и покрыли его слоем земли с дерном. Только полая трубка из бамбука для подачи воздуха, единственный символ связи с жизнью, выходила из подземной камеры наружу.

Отшельник, вобравший в себя все горести и печали «трех эр-времен», остался в нише-камере, чтобы достигнуть там высшей степени просветления – сатори, дабы затем, по исходе жизненных сил и соков, вознестись к небесным сводам, где в венчике лотоса восседал Будда-Гаутама. Только с ним он мог обозреть-обсудить свою жизнь и цепочку воплощений – перерождений, дабы возмолить у Будды встречу со своей возлюбленной Сайко. Он верил, что за свои страдания на земле Сайко, в новом воплощении своем, стала небесной вишней-сакурой, цветами которой каждую весну любит сам Будда.

Люди вознесли молитвы над местом последнего уединения Отшельника, чтобы к началу зимы (по уговору) поднять помост и прорыть канаву от ниши в сторону моря. Затем им должно было (убедившись, что жизнь в нем угасла окончательно, а тело не тронута тленом) снова закрыть склеп с мумией сосновым помостом, засыпать сверху место упокоения землей так, чтобы никто больше не потревожил Отшельника. Единственной связью Святого Отшельника, по своей воле ставшего «живым-мертвецом-мумией», с миром живых будет узкий тоннель, прорытый от ниши-камеры и выходящий в сторону восходящего солнца над мысом. Через этот тоннель откроется святому вид на остров богов-Мияджима, недоступный глазам простых смертных.

... и вскоре бог открылся ему, таким как он себе его представлял, но все же... бог был другой. Не то, что разумеют люди поныне, не имея терпенья постичь и прозреть... тот бог не имел обличья и подобия человеческого, а явлен был в словах неисчислимых, образах и вещах мира, для соединения начал и недопущения конца, для сеяния, а не рассеяния живого в пыль и ничто. И мы - человеки его были другие... для питания всего сущего, не поедания (как думают иные, не субстанция плоти), а иными существами и сущностями для одухотворения и осознания всего, что имелось в жизни, для благоговейного дела называния бесчисленного и множественно-разного именами летучими...и бог тот был не для разделения людей, не для споров и не для избранных постичь его божью сущ-

ность, а просто чтобы осязать и вдыхать, как воздух, и улавливать его всем дыханием своим... не клясться именем Его или проклинать, не славить и не отрицать, не уничтожать что-либо живое ради чистоты имени Его, не писать книги и не говорить слова о Нем, не жечь и не рушить любые изображения, знаки, символы и, не искать противников Его или соратников каких, не строить капища-храмы-баптистерии-мечети-подполиця темные, ибо сама природа и есть местообитание Его, и растворение Его в природе - есть единственная форма сохранения жизни, а сами люди – пища божья, бесплотная и добровольная для всей жизни, ее бесчисленных образов и ее сотворений... нет, то бог был другой, не требующий поклонения себе, служения и защиты от неверующих, а паче того, истребления-убиения иных людей, видящих и мыслящих его иначе, чем якобы правочерные адепты, и не в книгах бог, а в людях самих. И был то бог воистину незримый, целодоступный и тайный...

В трех слоях параллельного времени и в трех колодцах вечности, в которые попеременно попадает вещество жизни, струится влага событий со своей тайной причинностью и хранит память всей жизни, которая была, есть и будет на земле. Именно, на перекрестиях-пересечениях-переходах трех слоев времени, с тремя колодцами вечности, в самых разных и неожиданных вариациях и комбинациях, по законам сверхлогики, надстоящей над обычной логикой, пожалуй, найдем мы доказательство того, что непредсказуемая жизнь и гипотетическая вечность могут быть соединены самым невероятным и необъяснимым образом, вне зависимости от того, давно жил некий человек или только рождается или его вообще еще нет, и он временно живет в одном из своих воплощений, терпеливо ожидая своего появления на одном из витков жизни, в слое прошлого или будущего, или мгновенного возрождения в любом из колодцев вечности, где можно даже встретиться с самим собой в разном возрасте (скажем, будучи дедом поласкать себя – младенца), т.е. все это, являясь абсолютно недоказуемым, все-таки, может оказаться истинной формой бытия. Стало быть, надо жить ответственно и с оглядкой на то, что существует возможность встретиться с самим собой или своим воплощением. Главное, чтобы при этом было не стыдно посмотреть себе в глаза.

Где-то на уровне третьего неба, по оси меж Вегой и Алтаиром, по руслу великой Молочной реки звезд, получившей прозвание Вечной Разлучницы, закрутился главный ветер вселенной и, сотворив невидимую воронку, вторгся в земные пределы, вовлекая в спираль своего гибельного кружения все человеческое и нечеловеческое на земле, что дотеле существовало раздельно и не могло войти во всеобщий круг непа. Но вселенскому ветру не было дела до печалей земных и он закручивал свои воронки и спирали как ему вздумается, ибо законы вселенского вейния непредсказуемы и нам неведомы.

...Космический пес мчался к краю облака, где сидел Гроссмейстер. В сжатой накрепко челюсти пес вселенский держал два конца оборвавшейся было нити паутинной тонкости. Не дать этой нити человеческой судьбы окончательно разорваться он еще мог, но соединить-связать ему было не дано. Пес остановился перед Гроссмейстером и глянул на него вопросительно. Во втором небе люди и собаки говорили на одном праязыке бытия и Гроссмейстер взял в свои руки концы этой нити. Космический пес разжал челюсти и склонил голову набок. Разлученные-разорванные концы нити вибрировали, но совсем слабо. Видно, какому-то человеку не хватило сил выдержать такое сверх натяжение и он пал духом, и стало быть, мог прервать связь времен, но более того, пресечь цепочку перерождений живого в живое... Гроссмейстер осторожно и медленно связал концы этой нити накрепко и поцеловал едва видимый узел новой связи. Нить вновь распрямилась и натянулась в просторах вечных небес и, словно струна домбры-кифары издала высокий чистый звук, которому радостно-реверно отозвались другие звуки от других нитей-струн, и стали уходить в дальний космос. Пес вселенский вскочил и вновь умчал по своим делам, а Гроссмейстеру, вдруг, ясно увиделось, как на земле, на краю крутого мыса над морем улыбнулся Отшельник, весь янтарно-чистый в минуту своего духовного просветления. Гроссмейстеру дано было узнать, что Отшельник навсегда вышел из тени зла и мести и ступил на путь новой жизни, оставляя все земные печали. К нему сошло воплощенное упование – улыбка Сайко и Будда Будущего обещал ему встречу с возлюбленной. И спросил Гроссмейстер просветленного Отшельника: – Будет ли и мне встреча такая с Лунной моей Красавицей? – Отшельник лишь загадочно улыбнулся. Ему осталось так мало жить на земле, что он уже не успевал донырнуть до дна своих заповедных знаний-вед...

Продолжение следует

Бахыт КАИРБЕКОВ

Поэт, кинорежиссер, сценарист, заслуженный деятель Республики Казахстан, член Союза писателей Казахстана, член Союза кинематографистов Казахстана.

С 1983 года – член Союза писателей СССР.

1997-1998 гг. – художественный руководитель мастерской режиссеров документального кино в институте театра и кино имени Т. Жургенова.

1999-2001 гг. – ведущий специалист телерадиокомплекса президента РК

2001г. – главный сценарист дирекции по проведению Года 10-летия Республики Казахстан.

2002 г. – художественный руководитель телекомпании «Гала-ТВ».

2002-2003 гг. – главный режиссер телерадиокомплекса президента РК.

Автор сценариев культурно-массовых мероприятий. В частности, в 2002 году - «Друзей моих прекрасные черты» – вечера, посвященные 25-летию творческой деятельности артиста мира Айман Мусаходжаевой, международный молодежный информационный форум молодых журналистов «Кольцо Евразии», г. Лениногорск (Риддер, ВКО), II Всемирный курултай казахов, г. Туркестан (ЮКО).

Автор 6 сборников стихов, изданного в 2-х томах, автор-режиссер 25 документальных фильмов. Участник международных кинофестивалей в Тегеране (Иран), Дьере (Венгрия), Штутгарте (Германия). В переводе Бахыта Каирбекова увидели свет произведения казахских поэтов и прозаиков: Шакарима Кудайбердыулы, Койшыгара Салгарина, Асана Кайгы, Бухара-жырау, Г. Каирбекова, С. Муратбекова, А. Сейдимбекова и других.

Дипломант 1-го Международного телефорума «Содружество стран СНГ» в Москве.

Триптих «Полнолуние» и фильм «Сундет» в 1999 г. отмечены призом открытого форума российского телевидения «Лазурная звезда» (г. Сочи). Фильм «Кызыл трактор» получил в 2002 г. специальный приз V Евразийского телефорума «За вклад в образование единого культурно-образовательного пространства» (г. Москва).

Сегодня Бахыт Каирбеков работает над масштабным проектом многосерийного документального фильма «Девятая территория мира». Он был начат в 2004 году в рамках «Большой казахстанской энциклопедии». На сегодня снято уже 30 серий об истории, природе, экономике и жизни четырех областей республики. Бахыт Каирбеков пишет и озвучивает свои фильмы на русском языке, это обстоятельство никогда не было для него препятствием в изучении родной культуры. Редкостная глубина проникновения в толщу народной жизни, ярко выраженная и умело высказанная любовь к родному краю — свидетельство большого художника, мастера. Этот вывод подтверждают и его планы на будущее: он намерен снять новый фильм об эпосе «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» — уж об этой легендарной поэме, которую считают своей едва ли не все тюркоязычные народы, написано сотни и тысячи томов, сняты десятки фильмов, а Бахыт Гафу все же не отказывается от мысли рассказать о ней по-своему. И это твердое намерение внушает уважение к нему и уверенность в успехе будущей ленты.

Не будь сыном своего отца. Будь сыном своего народа"

Поэт и кинематографист Бахыт Гафу (Каирбеков), на мой взгляд, создал свою поэтическую Вселенную.

Его стихи и фильмы узнаваемы по чувственному восприятию мира.

Возможно, что ему нелегко было выходить из тени отца, прекрасного казахского поэта, классика казахской поэзии Гафу Каирбекова. Но это светлая, святая тень человека, который всю свою жизнь любил сына и хотел, чтобы сын понимал своего отца.

“Не будь сыном своего отца. Будь сыном своего народа”, – говорил великий Абай.

Бахыт своим творчеством, и в поэзии, и в кино, доказал, что он не только сын своего отца, что он сын своего народа, ярким представителем которого и являлся его отец – поэт Гафу-ага.

Бахытжан Кананьянов.

* * *

Ожидание – худшая участь,
Она неведома богам.
Как следствие: спешим...
Не лучше ль
Себя доверить небесам?!

И двигаться подобно Солнцу:
Пока горит – работай иль твори,
Когда ж погаснет ясное оконце –
Ко сну себя готовь – молитву сотвори.

Недаром древние так жили –
Доверяясь сердцем и душой
Природе – не надрывая жилы,
В груди лелея свой покой.

Грозы боялись, молнии, кометы –
Страх этот был священным и простым,
Наивно верили в приметы...
Мир был понятным и родным.

Теперь боимся – ждем кончины света,
Ни Бога нет для нас, ни сатаны...
Одни вопросы... Ожидание ответа...
И дни – как прерванные сны...

02.01.09

Степь

Равнодушно взираешь... любимая...
Я-то знаю: родная мне ты...
Обнимаешь меня – ранимая –
Тайной собственной красоты.

Обнимаешь горами, степями,
Омываешь озёрной водой,
Опекаешь меня небесами,
Облаками и вечной звездой.

Равнодушие – как радушие,
Лучше так! – чем ревнивая страсть.
Как из сейфа – из города душного –
Сам себя я хочу украсть.

Сам себя я хочу увидеть
Паутинкою таинств твоих,
Позабыть боль утрат и обиды,
Спеть тебе свой последний стих.

03.01.09

* * *

Июль в разгаре. А под крышей
Жужжат живые дрели ос...
Так древо жизни прогрызается неслышно,
Стропил, увы, не долговечна ось.

Лишь луч нечаянный, сквозь стреху
Пробившись, озарит трухи летящий столб...
Оса, жучок ли? – обозначит веху,
Что прочертила молнией твой лоб!

15.07.09

* * *

И что ты вспомнишь обо мне –
На самом деле – незнакомом?
И станет истиной искомой
Любая слава обо мне.

И, как ни жаль! - всем этим сплетням
Придется верить, и не знать,
Что выдох мой, увы, последний
Хотел бы разом все сказать...

Так что ты вспомнишь обо мне?
Какой мой жест, какое слово?
Как больно будет в тишине
Услышать вдруг мой тихий голос...

Так что сказать и сделать мне,
Чтоб ты могла простить и верить,
Что я любил тебя без меры,
Боясь сказать об этом дне,

Когда всё вспомнив – все обиды,
Всю боль, что причинил тебе,
Твое прощение предвидя,
Вдруг позавидовать судьбе

Своей – не всё на деле так уж плохо,
Ведь я любил и был любим
До выдоха последнего, нет вдоха
С желанным именем твоим...

10.08.09

* * *

Приручаю себя лениться,
Утро раннее не торопя,
Паутинкой в луче струиться,
Пить истомы волшебный яд.

Это мне подсказали вишни,
Догорая, теряя сок...
И душа ничего не ищет,
Запасаться не хочет впрок.

Не измерить, увы, по-хозяйски
Предстоящую зиму утрат...
Сад сегодняшний, пусть даже райский,
Он не будет так вечно богат.

Пастила, и компот, и варенье –
Блажь, наив... - то не весь урожай!
Как и это стихотворенье,
Что состряпал бездельник, лентяй.

13.08.09

Гульнаре

Осени вестница ранняя,
 Август за хвост ухватив,
 Ты – для меня стала данью –
 Ах, этот сочный налив!
 Вспыхнула рыжая грива,
 Неба закатный разлив,
 Трепет склонившейся ивы
 Сердце щекочет, дразнит...
 Влажно колышутся очи,
 Волн долгожданный прилив,
 В зябкие кутаюсь ночи
 В шепот, в объятья твои...
 И просыпаясь от жара
 Снов раскаленных твоих,
 Неги люблюсь загаром...
 Счастье,
 Как выдох твой тих!

20.08.09

* * *

Ум – божий дар – ступень к познанию,
 Фантазии стремительный полет...
 А может все же божье наказание, -
 Дабы объять ничтожество свое?

31.08.09

* * *

Инне Потахиной

Уходит всё...
 Уходят все...
 Уходит век минувший...
 Куда? В спасительную сень?
 Где край, что населяют души?

Одно лишь знаю: без прикрас
 Они летят – прозрачные,
 Жалеючи глядят на нас –
 Телами обозначенных...
 И ты средь них в который раз
 Так мудро улыбнешься
 Всей потаённой силой глаз –
 Листвой осенней обернешься.

Ведь ты всегда была как луч,
 Что ярко вдруг пронзает листья
 Над чернотой холодных луж,
 Оранжево-неистов!

Не бабье лето в паутинках,
 Но ливень солнечных лучей, -
 Ты для меня – Алма-Атинка,
 Течешь, сверкая в талых льдинках
 И даришь яблоки ночей...

12.09.09

* * *

Дрожит на плёнке Времени душа –
 Пыльца на ряске омота лесного,
 Невидима пульсирует, дыша –
 Подумаешь, какая новость!

Она видна лишь знанью моему,
 Таких, как я, здесь миллионы,
 А сколько их ушло ко дну...
 А сколько вознеслось над ряской сонной?

Кто над болотом этим ворожит?
 Здесь время не течет, пускает корни...
 И как об этом зная, дальше жить,
 О вечной жизни с кем-то спорить!

Мерцают над водой пылинки,
 Вода почти уже мертва.
 Случается: блеснет вдруг паутинка –
 Как если б кто-то уронил слова.

Душа откликнется, поверит в связь миров,
 В могучие подвижные пределы, -
 Над ряской времени – над блажью снов
 Примнится призрачное тело.

04.10.09

В конце октября

Орех роняет листья, словно слезы,
 Так плачет горестно немой...
 Впервые ночь была морозной.
 В лучах рассвета - ливень золотой.

Я удивился: льется беспрестанно
 Почти бесшумный листопад,
 Страницы неудачного романа
 Швыряет будто автор в сад.

О чем твердит он истово и слёзно?
 Так странно видеть этот монолог...
 Вдруг различаю шепот: «поздно»,
 То лист упал у самых ног.

25.10.09

* * *

Притихшей осени шершавая ладонь –
 Моим стихам пристанище живое
 И листьев переменчивый огонь
 Напоминает шум прибоя.

Я окунаюсь в шепот, в тихий сад –
 В прекрасные ко времени потери!
 Опустошаю любопытный взгляд,
 Прощанью неизбежному доверяясь...

И с небом длится честный диалог,
 Гляжусь в него – в колодец Бога, –
 Как он пронзительно глубок
 В лучах осенних – нежных, строгих!

30.10.09

Смотрящий в себя...

О книге поэм Д. Накипова «Время Ре»

Как-то под влиянием программного стихотворения Абая, которое я не мог не перевести – настолько оно стало моим, я написал следующие строки:

*Во мне так много слез, -
Как их излить?
Мне кажется, родник так счастлив!
Когда пробившись к свету, может напоить, -
А я так жажду соучастья!*

*Никто не думал: жаждет ли родник?
Как можно жаждать, утоляя?
Он соль таить в себе привык,
Чтоб слаще стала суть его живая.*

Но совсем иная суть поэзии Дюсенбека Накипова, который каждый раз буквально взрывает толщу вяло текущей литературной жизни Казахстана новой поэмой. И тогда поневоле поверишь, что литературная пустыня на самом деле скрывает под своими песками тысячи животворящих родников.

Вообще, меня удивляет то, что наше время – ссужающееся до точки (самая большая печаль для меня – нехватка его!) – заставляет нас ограничивать себя, в том числе в выборе чтения и в этом смысле поэма как жанр, казалось мне, должна была изжить себя, как старая громоздкая мебель в интерьере современной квартиры (разве что отреставрированная и потому подчеркнута чужая представительница иной эпохи). И вдруг как гром среди ясного неба – не одна, но целая книга поэм.

Правда, сразу оговорюсь, поэмы эти именно потому и выживают в современной поэзии, потому как они – уже не поэмы в традиционном понимании этого слова, они – kloкочущие фонтаны нефти, вобравшей в себя и прозрачную чистоту родников, и чернозем древней земли и пепел забытых пожаров и прах истлевших жизней. Это – то самое столь необходимое для нашей жизни топливо, из-за которого так внезапно и необъяснимо вспыхивают локальные войны под знаменами якобы гуманистических идей хищнически заботливыми спонсорами-супердержавами.

И обозначить всю энергетику этой «нефти» (слава Богу, что в ней нет опасности для экологии, ибо она сама эта экология!) – невозможно в одной рецензии, тем более что я взялся за перо, как сказали бы в былые времена, чтобы просто откликнуться на это явно неординарное событие – выход книги поэм Д. Накипова.

Книга открывается одноименной поэмой «Время Ре».

«... ракорды радостных **ре**» на фоне **релаксации ре**волюций **ре**генерируют в нас темных **предтеч**, едва достигших прогресса нечленораздельных **реплик**, и ныне – **чрезмерно уверенные** в себе **пребудущие предки** – **революционеры** риска и рынка, веруя в прямую **реинкарнацию** в своих же потомков проводят **решительные ре**формы, не слыша **тревожных трелей** времени, **редуцируя** шепот и стоны слабых в треск своих сильных **речей**...»

Талантливая звукопись поэмы: поражаешься фантазии автора, его поиском породнения смыслов, объединяя их перекличкой слога РЕ. Такие усилия изначально искусственны, формальны, и почти всегда обречены на потерю чувства меры, но надо отметить именно высокопроцентное попадание породненных звуком смыслов.

Поэма «Близнецы» уже завоевала свое пространство во времени РЕ – времени Ремонта, Реконкисты Ремесла, РЕнессанса золотого тельца и связанных с ним разнокалиберных авантюр (в книгу вошли поэмы, написанные в период 2001-2007 годов).

При всем формализме здесь побеждает Образ, глубина которого уходит в библейские времена. От зримого графического образа наше воображение благодаря автору переходит в мысль, точнее, в осмысление родства с тем, кто был твоим близнецом или мог быть. Ведь Близнец – это не только материальное зародышевое родство, но и зеркальное, а значит, твое второе «я», о котором ты догадываешься, но чаще мало знаешь, ибо стараешься избегать встречи с ним.

«Когда не знаешь, с кем делить больное сердце», ты вдруг вспоминаешь, что у тебя был (или есть?) брат-близнец. Его не может не быть ибо ты на самом деле никогда не был одинок – об этом забытом

факте твоей биографии свидетельствуют старинные книги – библии – библиография твоей сути.

Поэма - дневник чувств, душевного поиска утерянного родства со всем человечеством. Он подобен скомканным листкам, вырванных из сердца, но не выброшенных, а вновь разглаженных дрожащей рукой – Умом, осознавшим, что это не повторить. Так черновик становится документом стелющихся чувств.

Сжать бы мир до родного аула,
За день обойти и увидеть всех разом,
В глаза посмотреть: есть ли в них радость?

Рифмы графические, не звуковые. Т.е. виден рисунок слов-обозначений. Если поэзия идет путем сопоставления-сравнения смыслов, то Д. Накипов идет путем сопоставления букв, вбирая в пространство обозначений значения Мысли.

«Пожиратели новостей, гурманы сенсаций и катастроф, маниакальные потребители ТВ-смертей, поданных нам как горячий бефстроганов...» толкают нас на преступление души – уничтожения Близнеца в тебе и нас – Близнецов в жизни.

Эта поэма, пожалуй, вобрала в себя все просветленное сознание поэта, всю его трепещущую вулканическую суть.

И потому тему Близнеца я узнаю и в других его поэмах:

*Январь случился странный,
непесенный, немой,
он, как усталый странник,
проходит стороной.
Хотел его окликнуть,
но постеснялся вдруг,
дорог его недлинных
сомкнется скоро круг.
Я тоже в сердце сомкнут,
как горизонт степей,
сегодня даже солнце
свободно от теней.
«Одинокий январь».*

Близнец – это и отец, «умерший в 1948 году», не оставивший даже записки, однако чувствовавший «тоже, что и я», это бож, которого ждет в гости поэт, это та, которая «прекрасна, молода, недостижима», это – Франсуа Вийон и Махамбет, и, конечно же, Собеседник с большой буквы.

Отсутствие литературной критики как науки (т.е. постигающей суть нового неизвестного ей явления), оказывается, тоже может быть раздражителем, стимулятором рождения великой тоски по Прекрасному. И поэт уже сам в поисках умного и равнодушного собеседника обозначает грани Поэмы как жанр, который у него тоже житель своего времени, подверженный новым вирусам бессмертной Плесени.

«Поэма древних и новых хроник», «поэма апреля», «поэма увядания», «поэма Зодиака», «поэма упражнений», «поэма корней»...

И потому так радостна встреча с Собеседником в лице Виктора Бадикова, которого поэт обозначит именем Цезарь (читай: царь, ибо царственной должна быть высокая беседа!).

Вот по кому тоскует душа! Поэту нужен «Друг сердца», которого он слушал и слышит уже тысячу лет – его «легенды о хаосе дней». Но увы, «много не вовремя случается»: этот собеседник оказался необходим и Богу. И поэт пророчески прощается с ним:

*Укрепи меня, Цезарь, мыслью о том,
что на завтра меня наведишь
и развеешь сомненья
и листья платана пошевелишь рукой,
пока ветер досмотрит сон о себе.*

Тема Близнеца в поэмах Д.Накипова – это его автопортрет, который узнается в «снах о себе». Это он - «мерцающее Поле тревог», поющая Сирень и одинокий Январь, вечный Сурок и дым Осени.

Я помню, как мы познакомились с ним, и потому мне дороги такие его откровения, как стихотворение, посвященное альма-матер – Академии классического танца.

Поэт «в печали прост и чист, как пепел» ибо он принадлежит к тому поколению, «что появилось на свет в первый мирный послевоенный год» и не мыслит себя «вне высокой ноты Победы – чистой, безупречной» и горькой.

И еще раз о форме.

Рифма для него Женщина, пред которой он рыцарски преклоняется, но не обладает всецело, ибо Женщина – это Несвобода, это Зависимость от ее капризов, настроений и желаний. И потому она либо редкая, но всегда желанная гостья в его гекзаметрических верлибрах, либо ночная спутница его в диких – с точки зрения «приличного» общества – нарядах – высокомерная и привлекательная своей патологической красотой.

Красота поющих рун,

Как печаль ушедших лун...

Я – приверженец Канона – радуюсь встрече с Рифмой.

Верлибр для меня сложная непредсказуемая структура. Это как четвертое или пятое измерение – еще неизвестное высшей математике, но именно в нем происходят необъяснимые современной науке парадоксальные вещи, которые принято называть тайной, мистикой, чудом.

И потому я отношусь к словотворчеству Накипова как в тайне, которую, к сожалению или к счастью, не могу объяснить себе, но знаю и чувствую, что она есть – настоящая, реальная, противоречивая и неожиданная. И каждая встреча с ней потрясает тебя, заставляя напрячь всё твоё воображение, и ты необъяснимо взволнован и встревожен этой случайной и предсказанной встречей и еще долго будешь жить воспоминанием о ней, ибо встреча такая сравнима с инопланетной формой жизни – пугающей и манящей своей иножизнью, о которой ты не знал, а теперь, узнав, пытаешься понять, как можно было жить, не догадываясь о ее существовании.

Я знаю, что есть такие люди, которые вмещают в свое сердце весь мир, все человечество. Их немного, но что характерно – большинство их вовсе не поэты или мыслители, нет – простые люди. Просто они живут, любя все человечество и страдают за всё, что оно испытывает, подобно казахским баксы, которые на огромном расстоянии сопереживают чью-то смерть, тоску, боль и тяжкие роды. Они живут чужой болью и не могут ничего с собой поделать. Счастье Дюсенбека в том, что он может рассказать об этом. Прозой, стихами. Стихи его – это речитатив потока информации о всех тревогах и страхах, вздымающихся над всей планетой и речитатив этот тороплив как перестук телеграфного аппарата, едва успевающего разбить поток на точки с тире, а то и путаясь в них. Это – не вечевой колокол, призывающий объединиться на борьбу со Злом, это – не сирена, предупреждающая о землетрясении или новом вселенском потопе. Это несвязное пророчество спящего в трансе шамана, к которому важно прислушаться.

Прислушайтесь и вы услышите биение чуткого сердца, стоны ранимой души и вы забудете о форме ее изъяснений, вы почувствуете боль, которую издревле зовут Любовью к Жизни.

Всмотритесь в поэмы-зеркала Дюсенбека Накипова, ибо «*Смотрящий в себя – уже не слепой*».

Бахыт Каирбеков

29 апреля - 5 мая 2009 г.

PS:

Нам нечего делить:

как небо поделить над нами?

Не поделить уже отмеренный нам срок.

Но поделиться тем, что копит сердцем память

И тем, что совесть запасаает впрок.

И той грядущей неизвестной далью,

Что мы зовем надеждой и мечтой,

И той немереной, увы, печалью

Потерь безвременных, оплаченных слезой.

Давай делиться... – в этом суть вещей, -

Ведь атом разделенный всемогущ!

Твоя печаль пусть станет и моей,

Моя любовь – твоей,

Как солнца зимний луч.

В МИРУ ОТРАЖЕНИЙ

*О книге переводов Кайрата Бакбергенова
«Отраженные пространства»
Алматы, «СаГа», 2009 г.*

Это – первый такой опыт в русскоязычной казахстанской литературе – издание книги переводов. Похвально, что этим можно гордиться как свидетельством высокого уровня переводческой школы; печально, что произошло это только сейчас и в штучном виде, – ибо школа художественного перевода у нас есть, другое дело, что мы об этом больше догадываемся, чем знаем.

Издаться сейчас стало общедоступно – были бы средства и своя рука в вышестоящих органах. Нет критерия качества издаваемой продукции и потому, взяв с опаской в руки очередной опус, жалеешь не столько о потраченных деньгах, сколько об утраченном времени, и потому я решился выступить и сказать слово о своем друге и собрате по переводу именно с целью обозначить высокую планку перевода истинного и необходимого; и задуматься о том, кто же он – «связист культуры», как когда-то назвал переводчика наш общий с Кайратом учитель Лев Озеров.

«Мы с тобою из породы / тех, кому в чужом раю, / в зеркалах чужой природы / суждено искать свою», – так предварит книгу переводов автор, обозначив не столько свою профессию и миссию, но более того – свою судьбу художника, погруженного в «отраженные пространства».

Перед нами редкое свидетельство преданности своему призванию и это не похвала, ибо он в ней не нуждается. Это все равно что похвалить человека за то, что он живет на белом свете.

Преданность эта дышит в каждой строке чуткого и тонкого читателя, увидевшего в зеркале чужого сострадания и сочувствия Себя.

Мы часто смотримся в свои отражения, но редко вглядываемся в них. И удивляемся, когда вдруг не узнаем себя, и знакомые черты кажутся чужими.

Здесь же мы видим, как стихотворение – зеркало души неизвестного тебе человека – становится зеркалом твоей души. Т.е. перед нами – пример истинного творчества – я имею в виду – переводческий талант, когда чужое художественное произведение становится твоим, когда оно не только находит отклик в твоём сердце, но поражает тебя тем, что кто-то опередил тебя и обозначил словом то, что жило и живет в тебе самом. И здесь мы можем говорить именно о счастливом содружестве и удаче перевода, который состоялся благодаря именно той самой точке соприкосновения, равной состоянию влюбленности, когда все сравнения и образы столь естественны, как твоя походка.

Точка эта – тоже объятие и поцелуй, когда как в суфизме мы можем говорить о Слиянности душ, о растворении друг в друге. Вот почему в стихах поэтов столь различных по языку и средствам выражения я, в первую очередь, узнаю своего друга, точнее, познаю его поэтическую натуру и его путь к Поэзии.

Это, конечно же, не говорит о том, что его личность затмила автора, его талант превалирует над видением автора, что перевод лучше оригинала, нет. Это – пример той самой максимальной приближенности перевода к оригиналу, когда переводчик не «переводит» данное стихотворение, не переводит через дорогу человека, незнакомого с твоим городом, но познает Автора с большой буквы, и пытается воссоздать его портрет, его судьбу – пусть даже через одно или два стихотворения, но именно живет Им, сочувствует Ему, как близнецу в данном контексте. Т.е. не заказанное издательством знакомство с поэтом, но Автор, избранный самим переводчиком, и в этой книге все авторы – друзья и единомышленники переводчика – его современники, созвучные ему голоса в пространстве его поэтической родины. Перевод – всегда сотворчество, не соперничество.

В этой книге я открыл для себя корейского поэта Ян Вон Сика, литовского поэта Ванагаса, армянского – Милитоняна, сербского – Слободана Симича и многих других. Задолго до этого издания я порадовался переводу казахского детского фольклора, стихам Юрия Хэжки и Магжана, Рильке и Гейне – и узнал в их стихах Кайрата.

Пусть растают одежды, и голый,
чтобы сразу меня узнали,
выйду, встречу бедную птицу –
некрасивую, мокрую, тихую –
что слетит на мое лицо.
Как земля, буду я бессловесен
(а земля всегда умолкает,
когда птицы, деревья и люди
говорят с ней на языке
верности и надежды);
Пульс нащупаю робко
тяжелый и ровный,
буду слушать и слушать его,
и под пылью воспоминаний
я увижу горячее сердце.
Настоящее солнце.
Зимантас Ванагас

Единственная ты,
я без тебя могу прожить
в далеких городах и странах чужедальних,
но, превратившись в зеркала,
твои дома, твои деревья
не отразят меня,
в них будет только тень моя –
безумная –
скитаться
и, как земля, вокруг себя вращаться...
Эдуард Милитонян «Родина»

Под чужим певучим голосом
будешь ты идти.
Холод опускается на плечи.
С опущенных инеем ветвей
голубой кристалл срывается, и долго
блестки в воздухе плывут,
город падает тебе под ноги.
И рассказывает сказку
рта тяжелый колокол.
Но тот, кто возвратиться хочет,
должен долго пробираться
к теплым окнам.
И дыхания не встретит он,
которое похоже было б на его.

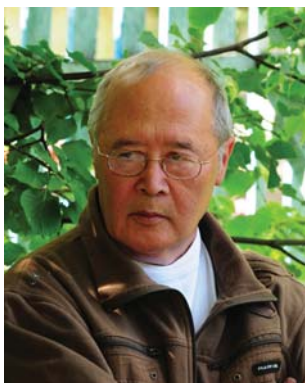
И под певучим голосом
Струятся
по твоему челу
чужие сны.
Флориан Кокот «Рождество»

Пустыня – впереди, пустыня – за спиной.
Моря переплыву, другие – предо мной.
И скоро уж в пути ты встретишь старика.
Перешагну ручей, а предо мной – река.
Но рвется из-под ног и вдаль бежит тропа.
Куда ни глянь – леса маячат, как судьба!
В искусстве, друг ты мой, нет меры никакой:
взойдешь на перевал, за ним встает другой.
Я выбился из сил, но как еще далек
мерцающий вдали проклятый огонек!
Кадыр Мырзалиев «Мечта»

Повторюсь: перед нами уникальный опыт явления мира Поэзии в переводах, которые я вправе назвать также явлением поэтической души Кайрата Бакбергенова и в этом смысле излишне говорить том, что они создавались не сиюминутно, но годами, ибо это все равно что говорить о возрасте Поэта. Это – его жизнь.

Бахыт Каирбеков
22.12.09

Мурат АУЭЗОВ

Образование:

1959-1965 Московский Государственный университет. Институт восточных языков. Факультет китайской филологии

1966-1969 Аспирант Института Мировой литературы АН СССР. Москва.

Знание языков: казахский, русский, английский, китайский.

Трудовая деятельность:

1969-1977 Институт философии и права АН РК

1977-1979 Консультант Союза писателей Казахстана

1980-1981 Завотделом Центрального Совета Общества культуры охраны памятников

1981-1987 Главный редактор киностудии «Казахфильм»

1987-1990 Председатель главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям Союза писателей Казахстана.

1990-1992 Депутат, член Президиума Верховного Совета Республики Казахстан

1992-1995 Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в КНР, Пекин

1995-1998 Главный научный сотрудник исследовательского института Министерства Культуры РК

1998 Начальник Департамента информации и общественного согласия акимата Алматинской области

1999 Национальный культурный центр «Дом Ауэзова». Ведущий научный сотрудник.

1999-2002 Исполнительный директор Фонда Сорос-Казахстан

2002-2003 Президент Фонда Сорос-Казахстан

2003-2007 Генеральный директор Национальной библиотеки Республики Казахстан

2007 Президент Фонда Мухтара Ауэзова

Общественная деятельность:

Сопредседатель общественного движения «Азамат»

Член Союза писателей и Союза кинематографистов

Вице-президент Казахстанского Пен-клуба

Академик Национальной Академии Экологии РК

Вице-президент Антиядерного движения «Невада-Семипалатинск»

Член редколлегии журнала «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция)

Главный редактор журналов: «Рух-Мирас», «Айт», «Көрші».

Председатель «Форума культурологов Алматы». Руководитель семинара «Беседы на Шелковом пути»

Член Государственной комиссии по разработке демократических реформ в Республике Казахстан

Действительный член-академик Академии журналистики Казахстана

Профессиональные навыки:

Исследовательская деятельность, в основном в области истории и теории литературы, истории общественной мысли, искусства перевода, философии и эстетики.

Автор множества статей и научно-исследовательских работ, включая 2 монографии.

Государственные награды: Почетное звание «Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері» (2001), Медаль к 10-летию Дня Конституции РК (2005), Медаль к 10-летию Парламента РК (2006), Орден «Құрмет», Лауреат негосударственных премий «Тарлан», «Алтын Адам», «Алтын асық».

ИППОКРЕНА

Хождения к колодцам времен

*Иппокрена – источник,
из которого пил Пегас,
переносно –
источник вдохновения.*

*Посвящается памяти
Алана Георгиевича Медоева*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Актуальность категории и практики Латиноамериканский опыт

XX век выдвинул перед казахским народом задачи особой сложности в сферах общественного и культурного развития. Радикальное преобразование общественных отношений в начале века сопровождалось переходом кочевого населения к оседлому образу жизни. Политические, социальные новации отразились на всем жизненном укладе, мировоззрении народа, явились серьезным испытанием для национального мироощущения.

Общественные идеи и наглядные преимущества цивилизации нового типа были авторитетным свидетельством в пользу всего образа жизни, их породившего. Как явление безусловно высшего порядка, с головой окунувшись в стремительные струи нововведений, принимала степь и новую науку, новую культуру. Особая степень интенсивности этого процесса была обусловлена еще и тем, что духовный мир казахов, благодаря тесным контактам с культурой России, оказался подключенным к системе европейских и мировых культурных связей.

В этих условиях главной задачей творческих сил стало освоение мира новых ценностей. Литература и искусство должны были пройти сложный этап овладения новыми жанрами, кругом новых понятий и представлений.

Процесс приобщения к духовным ценностям других культур не обошелся и без существенных потерь. Естественное стремление подтянуть свою литературу, свое искусство до уровня новых требований оборачивалось недостаточным вниманием к собственной истории и историко-культурной традиции. Вместе с тем основательное знакомство с культурами других народов принесло немало важное открытие: как бы ни был духовный мир любого народа богат, он остается миром национальным. Он вырастает в определенной пространственно-временной среде, отражает ее сущность и выражает ее интересы. Этим он велик и вместе с тем ограничен. Кроме того, в нем всегда живут не только достижения, но и свои проблемы, свое смятение. Поэтому он нуждается в связи с иными, своеобразными, художественными мирами. Затянувшееся ученичество выглядит в этом свете нарушением интернационального долга, отступлением от норм межнациональных культурных связей.

В современном казахском общекультурном процессе созрела и стала вполне очевидной мысль, что отказ от исторических корней, нигилистическое отношение к духовной традиции губительны для национальной культуры не в меньшей мере, чем самоизоляция и замкнутость. Разрыв связей с собственными истоками, уход от решения проблем живой и противоречивой действительности обрекают художественную культуру на бесплодие, потребительскую вторичность и иждивенчество. Правом на будущее владеет только культура, утверждающая свое прогрессивное и оригинальное видение мира, способная обогатиться наследием прошедших времен и опытом других народов – культура, создающая необходимые и неповторимые духовные ценности.

Если рассматривать современную казахскую художественную культуру как движущуюся систему, литература является той ее частью, в которой сосредоточились основные черты движения всей системы. Именно в литературе зарождались тенденции, дальнейшее оформление и развитие которых оказало существенное влияние на общекультурный процесс в республике. В 60-е годы широкую популярность среди литераторов обрел один из афоризмов Олжаса Сулейменова – «Образ настоящего будет плоским без глубины прошлого и высоты будущего». В словах поэта прозвучала неудовлетворенность «образом настоящего» в литературе и был намечен выход: рассматри-

вать современность в масштабах большого исторического времени. О прошлом писали и прежде. Но, как правило, не углубляясь в историю древнее событий XIX века и рассматривая прошлое по контрасту с настоящим, в ключе «день вчерашний – день сегодняшний». В новых произведениях исторического жанра история – многовековая, противоречивая, богатая сложными коллизиями и накопленным духовным опытом – предстала как начало дня. Примечательно, что на этот же период выпадает зарождение жанра фантастики. Сам факт ее всплеска, синхронного с новой ориентацией в историческом жанре, свидетельствует о справедливости отмеченной Ю.Тыняновым закономерности – «интерес к прошлому одновременен с интересом к будущему»¹.

Еще на одно обстоятельство необходимо обратить внимание, говоря об этом периоде. Авторы произведений на историческую тему стали и первопроходцами, открывающими читателю географические дали современного мира.

Таким образом, новое качество казахской литературы, обретенное в шестидесятые и последующие годы, характеризуется углубленным художественным исследованием отдаленных во времени пластов истории, первыми попытками заглянуть в будущее, заинтересованным осмыслением проблем социально-политического и духовного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Главное направление художественной мысли сосредоточилось на расширении диапазона творчества по вертикали и пространственной горизонтали. Понятно, что в этих условиях перед казахским художественным сознанием со всей остротой встали проблемы традиций и новаторства, взаимосвязей с культурами других народов, сконцентрированные – в логико-теоретическом аспекте – в проблеме преемственности.

Преемственность, по сути дела, есть жизнь целого во времени. Поэтому в тех случаях, когда общество осознанно стремится обрести некую целостность, связанную с прошлым и устремленную в будущее, оно неизбежно оказывается перед необходимостью осмыслить законы преемственности.

Развернутый анализ преемственности на основе диалектической концепции развития впервые был проведен Гегелем. «Снятое, – писал Гегель, – есть некое вместе с тем и сбереженное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но отнюдь не уничтожено вследствие этого». Комментируя данное положение, крупнейший латиноамериканский философ Леопольде Сеа пишет: «Субъект не отрицает своей реальности, напротив, он стремится познать ее, но лишь для того, чтобы сделать ее неким инструментом создания истории. Он стремится узнать факты, но не подчиняться им всецело, так как с момента познания ставит себе задачей их преобразование. Субъект стремится просто-напросто овладеть объектом, включая его в себя, а не отторгая, как прежде. Это и означает гегелевское снятие»².

Существенный вклад в понимание преемственности с позиций материалистической диалектики вносит монография Э. А. Баллера «Преемственность в развитии культуры»³. Рассматривая преемственность как основу развития, идущего от одного уровня к другому, Э. А. Баллер вводит понятия поступательной и инволюционной преемственности. Первым из них обозначаются сохранение и развитие на качественно новых уровнях положительных результатов, достигнутых на предыдущих этапах. В случае инволюционной преемственности сохранение определенных качеств изменяющегося объекта сопровождается исчезновением, утратой тех или иных признаков, некоторых результатов, достигнутых ранее в процессе поступательного развития. Благодаря этим понятиям преемственность перестает быть просто абстрактной категорией. Подобно тому, как очерченное контуром лицо начинает обретать под кистью художника индивидуальные черты, углубленно рассмотренная преемственность доносит гул прошедших времен, войн, социальных потрясений. За этим понятием, с большими оговорками принятым в среду философских категорий, стоит история в своей сути, стоят люди с их мировоззрением, идеологией, политикой, с их устремленностью к лучшему будущему, с их праведностью и заблуждениями.

Мы во власти мятежного страстного хмеля.

Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты».

Во имя нашего Завтра сожжем Рафаэля,

Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Вот он – хрестоматийный пример инволюционной преемственности. Как бесстрастно, ака-

демично звучит определение, и сколько бурных событий, яростного столкновения мнений стоит за ним. Сейчас вульгарный революционаризм поэтических манифестаций Вл. Кириллова и других пролеткультовцев воспринимается не более, чем курьезный факт. Но ведь было время, когда вопрос об отношении к культурному, художественному наследию прошлого стоял чрезвычайно остро.

Художественная культура это бесконечный акт творения, и познание, разумеется, если оно истинно и этично, является одной из мощнейших созидующих культуру сил. Активное, целеустремленное познание, вдохновленное идеями общественного прогресса, в состоянии не только оказать положительное воздействие на развитие художественной культуры, но и точнее, и глубже осмыслить процессы, в ней происходящие, т.е. реализовать себя как более полное и проницательное знание. Воистину, «...без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и не может быть человеческого искания истины» (В. И. Ленин). И, напротив, бесконечно отдаляют от подлинного понимания законов и жизни искусства формально-структурные методы исследования, возведенные в абсолютную степень. В этих-то случаях исследователи, как правило, и приходят к печальному результату, о котором Мефистофель, искуситель человеческого разума, говорил, поучая студента:

*Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явленья обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать⁴.*

«Подслушать жизнь» можно в формах жизни, не умерщвленной, не рассеченной ради удобства наблюдений. Наиболее органично «подслушивает жизнь» искусство, из всех форм человеческой деятельности ближе всего стоящее к природе («Искусство смертных следует природе как ученик ее – за пядью пядь». – Данте, «Божественная комедия»⁵). Искусство улавливает целостность мира, воссоздает своими средствами всеобщую связь явлений, соперничая в лучших образцах с созидательными силами природы. И подобно природе, искусство болезненно и остро реагирует на пресечение развития. «Распалась времен связующая нить», – говорит Гамлет после встречи с королем-призраком и естественным долгом своим воспринимает задачу «ее восстановить». В конечном счете, от решения именно этой проблемы зависит для него ответ на вопрос вопросов: быть или не быть. Предназначение, высокая миссия искусства заключается в этом – нести сквозь века свет человеческой духовности, озаряя им путь и не давая ему погаснуть ни на одном крутом повороте истории. Искусство в этом смысле одна из важнейших жизненных функций человеческого общества, о нормальной деятельности которой общество должно заботиться с полной мерой ответственности.

Природе искусства свойственна позитивная преемственность, служащая поступательному, прогрессивному развитию человеческой истории. Как, в какой мере реализуется это сущностное свойство искусства – зависит от конкретно-исторической ситуации, от меры прогрессивности данного общества, от степени зрелости форм его сознания, в частности такой формы, как теоретическое знание. Способность общества благоприятствовать осуществлению поступательной преемственности в художественной культуре является показателем его развитости.

Э. А. Баллер в своей работе различает понятия «преемственность» и «наследие». Под преемственностью (в сфере познания) он имеет в виду категорию общеполитическую, универсальную для всех без исключения наук, как общественных, так и естественных. Она выражает объективную связь явлений, в то время как категория «наследие», работающая в области духовной культуры, предполагает и теоретическое осознание закономерностей преемственности, и осознанное действие в виде критической оценки остающихся от прежних поколений культурных ценностей и творческого их использования. Нас, конечно же, интересует преемственность в области художественной культуры, в формах теоретического ее осмысления и осознанного действия с целью ее реализации, другими словами, нас интересуют наследие и наследование. Понятие «культурное наследие» Э. А. Баллер употребляет в двух смыслах: в широком смысле слова как «совокупность связей, отношений и результатов духовного производства прошлых исторических эпох», в более узком – как «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в соответствии с конкретно-историческими задачами современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса»⁶. Это определение нуждается в существенном, на наш взгляд, уточнении: наследие и наследование не должны рассматриваться только в соотношении с «ре-

зультатами духовного производства» *прошлых исторических эпох*. В поле зрения исследователя должен постоянно присутствовать и *процесс взаимодействия* художественной культуры, которую он изучает, с другими культурами. Этот процесс накладывает отпечаток на характер, степень интенсивности и качество наследования. Кроме того, как справедливо отмечает А.С.Бушмин, «общие теоретические и методические предпосылки исследования проблемы наследования остаются принципиально одинаковыми при изучении взаимосвязей и взаимодействия как внутри отдельно взятой литературы, так и между литературами разных национальностей и стран»⁷. Комплексный анализ наследования историко-культурной традиции и опыта влияющих культур способствует более глубокому изучению категории преемственности.

До начала 60-х годов латиноамериканская литература, несмотря на наличие в ее активе произведений выдающихся художников слова, из которых трое – Габриэла Мистраль, Мигель Анхель Астуриас, Пабло Неруда – лауреаты нобелевской премии, воспринималась как явление локальное. Достаточно интересное, самобытное, но не более. Прошли считанные годы, и в связи с появлением новых романов Жоржи Амаду, романов К. Фуэнтеса, М. Варгасы Льосы, Х. Кортасара, Г. Гарсия Маркеса мировая литературная общественность заговорила о «миссионерской роли» латиноамериканской прозы. «Ее появление, – пишет И. Тертерян, – восторженно встречено не только как неожиданный подарок читающей публике, но истолковано как поворотный пункт мирового литературного процесса». В числе факторов, обусловивших «бум латиноамериканской литературы», исследователь отмечает то обстоятельство, что *развитие литературного процесса сопровождалось его последовательным теоретическим осмыслением*. Не только философы, литературоведы и критики, но и сами художники слова, причем на достаточно высоком обобщающем уровне, приняли деятельное участие в обсуждении проблем, тенденций, исканий литературы. «Пожалуй, никогда еще латиноамериканские писатели не были столь охочи до рассуждений, размышлений и самоанализа»⁸, – заключает И. Тертерян.

Перед нами в высшей мере поучительный случай формирования определенной культурной атмосферы, способной выработать живое теоретическое знание о процессах, в культуре происходящих, и благодаря этому знанию сообщаящей дополнительные импульсы для ее дальнейшего роста. Перед нами случай успешного решения проблемы преемственности в культуре, осознающей себя и созидающейся как жизненная целостность. Следует добавить, что основным содержанием процессов, происходивших в литературах стран Латинской Америки, начиная с 60-х годов, было становление и развитие регионально самобытной литературы на основе усвоенного мирового литературно-художественного опыта в сочетании с плодотворно использованными богатейшими художественными традициями этносов, населяющих Центральную и Южную Америки.

Латиноамериканский опыт имеет силу примера для всех культур, ищущих пути и средства самоутверждения. Не придавать ему должного значения можно лишь ценой отказа от серьезного осмысления собственных проблем. Уместность такого рода предостережений можно было бы поставить под сомнение, если бы факты недавнего прошлого не говорили об упущенных возможностях и недостаточности в современном казахском литературном процессе навыков использования эффективных средств, способствующих ускоренному развитию.

Накануне V Конференции писателей стран Азии и Африки (Алма-Ата, 1973 г.) республиканское издательство «Жазушы» выпустило более пятидесяти книг, широко представивших классику и современную литературу двух великих континентов. Лучшие литературные силы республики увлеченно занялись переводом, открывая художественные миры, лишь с частью из которых мы были прежде знакомы достаточно хорошо. Праздничным и многообещающим было это мощное вторжение литератур, освященных традициями борьбы и богатых опытом современных интеллектуальных исканий. Личные контакты, семинары, дискуссии, состоявшиеся в дни конференции, убедили в общности многих интересов, в идентичности ряда требующих решения проблем. Вдохновляющим ощущением причастности к дееспособной, полной преобразующей силы форме солидарности литературных сил – к организованному движению афро-азиатских писателей – обогатили эти дни казахских писателей. Но... прошла конференция, прошли годы. Прояснился реальный итог: конференция осталась в памяти как блестяще организованное мероприятие Союза писателей, не более того. Переводы произведений афро-азиатских писателей резко сократи-

лись в количестве, стали эпизодическими, случайными. Казахская литературная общественность в этом случае еще раз проявила свое знаменитое гостеприимство, но не умение устанавливать плодотворные контакты в соответствии с целями собственного развития.

Возможно ли в принципе проведение каких-либо параллелей между культурными процессами, происходящими в Казахстане и в странах Латинской Америки? Возможно, потому что в условиях формирования мировой культуры сопоставление и сравнение любых ее частей дело вполне правомочное. Сравнительное литературоведение, к примеру, в числе других случаев сопоставления литератур предполагает изучение типологической общности явлений, возникающих в разных литературах при отсутствии конкретной связи между ними. Н.И.Конрад, доказавший плодотворность этого направления на материале отдаленных друг от друга в пространстве литератур, считал, что задачей исследования в таких случаях «может быть анализ каждого из явлений – более полный при сопоставлении их друг с другом, чем при изолированном изучении»⁹. Такой анализ становится чрезвычайно продуктивным, если в результате удастся выявить существенные черты самой типологической общности. Сравнительное изучение современных процессов в латиноамериканской и казахской культурах расширило бы наши представления о закономерностях ускоренного движения художественной культуры к зрелости (в этом и заключается типологическое сходство). Обнаружение общих закономерностей типологически сходных ситуаций позволило бы четче уяснить особые и частные признаки конкретного процесса в отдельно взятой культуре. Особое значение такого рода сравнительного анализа заключается в том, что благодаря ему ярче и многогранней удастся высветить содержательную сущность и специфику чрезвычайно нас интересующего явления – ускоренного развития культуры. Рассматривая законы и практику преемственности в столь отдаленных друг от друга культурах, мы выигрываем вдвойне, осуществляя преемственность в самом познании и укрупняя преемственность до категории, действующей в осмыслении теперь уже всей мировой культуры, т.е. рассматриваем и используем в ней самые общие, видовые свойства.

Латиноамериканский проект культурного развития имеет множество особенностей, рожденных конкретными условиями политической и идеологической борьбы. Несмотря на триумфальность достигнутых в нем результатов, разумеется, не может быть и речи о каком-либо копировании или механическом переносе средств духовного самоутверждения, оказавшихся столь эффективными в этом регионе. В латиноамериканском проекте нас интересует, прежде всего, то, что может помочь осмыслению наших собственных проблем, связанных с осуществлением историко-культурной преемственности.

Предтечей духовного взлета латиноамериканской гуманитарной и художественной мысли явилась идея культурной самобытности, зародившаяся на рубеже XVIII – XIX веков в борьбе с испанизмом и трансформировавшаяся в оружие борьбы с европоцентризмом и североамериканской политико-культурной экспансией. Ее философской основой стал позитивизм, трактуемый как «первый момент самосознания, процесса поиска самих себя» (Х.Абельяну). Как отмечают исследователи, идея самобытности возникла в процессе осмысления не личного, не группового, но коллективного, национального опыта: «Идея самобытности складывается здесь не у интеллигентов, отрывающихся или пытающихся оторваться от своих отсталых народов, не у интеллигентов, втайне мечтающих о «европейском рае», но, напротив, в среде людей, не мыслящих свою индивидуальную судьбу вне рождающейся в муках национальной судьбы. У истоков этой идеи – просветители и воины, ударившие в колокола индипенденсии (войны за независимость)»¹⁰.

В 40-50 годы нашего века в странах Латинской Америки усиливается влияние историософии Арнольда Тойнби. Внимание привлек, в частности, его прогностический вывод, связанный с явлением так называемого «псевдоморфизма»: «Встреча двух цивилизаций может произойти в такой момент, когда они находятся в разном положении. Одна из них может быть более могущественной, а другая – более творческой. В этой ситуации более творческая цивилизация будет вынуждена внешне подчиниться более сильной и принять ее культурную конфигурацию – подобно крабу, прячущемуся в чужую раковину. Примером «псевдоморфизма» в глобальном масштабе является озападнивание всего современного мира. Первыми неевропейскими обществами, подвергшимися озападниванию, были центральноамериканское и андское. В Мексике... мы стали свидетелями банкротства «псевдоморфизма». Загнанная в подполье реальность взрывает фасад... В свете этого прецедента мы можем ждать, что незападные элементы, скрытые под озападненной поверхностью в других местах, также взломают эту корку»¹¹.

Умозаключениям интеллигенции оказалось также близким представление А. Тойнби о творческом процессе как «уходе – и – возвращении» («уход» – конфликт с обществом, иногда доходящий до разрыва, осмысление собственной сущности; «возвращение» – участие художника в перестройке общества в новом качестве обретшего себя сознания). Об этом свидетельствуют воспоминания А. Карпентьера: «Несмотря на плачевное с политической точки зрения состояние многих наших стран, интеллигенты уезжали с твердым намерением вернуться. Мы должны были что-то делать ради нас самих. Мы знали это. Мы прозревали неотвратимость латиноамериканского деяния. Во всех областях возрождалось национальное самосознание. Потребность во взаимном общении интеллигентов разных стран становилась все более ощутимой»¹².

В ходе острополемичного обмена мнениями латиноамериканские писатели выработали ряд тезисов, из которых складывается то, что можно было бы назвать эстетикой периода борьбы за этнокультурное самоутверждение. Характернейшими ее чертами являются политическая активность, примат интересов коллективного бытия масс. Карпентьер, к примеру, убежден в том, что самые значительные шедевры мирового искусства и литературы «вдохновлены именно политической страстью». И вот как он понимает роль писателя в современном мире: «Нет иной, более важной цели: получить импульс от движения масс, утвердить их бытие, оценить, описать их коллективное творчество. Я уверен, что именно в этом – в утверждении бытия масс, в описании и оценке их деятельности – заключается в нашу эпоху роль писателя»¹³.

В ситуации, когда субъект стремится освоить наличное бытие с целью его перестройки, перед ним неизбежно встают проблемы обозначения границ – пространственных и временных – новой реальности, определения ее сущностных черт и движущих сил. Отсюда столь характерные для латиноамериканской творческой среды призывы к континентальной солидарности, к установлению «констант», связующих сегодняшнего человека с его преддсторией, настоятельная потребность «дать название вещам и явлениям», требование возможно полного охвата «контекстов», которыми детерминирован «праксис».

Идея целостности становится доминирующей и диктует свои условия и масштабы. В литературе особая роль отводится роману, который должен стать орудием исследования, способом познания человека эпохи. Простое повествование с целью доставить эстетическое наслаждение признается наивным, произведения, в которых изображаются уединенные миры сельвы, равнин и гор, расцениваются как чистой воды уловки ухода от подлинной деятельности. Города полны реальными конфликтами эпохи, и потому приветствуется шаг от сельской тематики к городской. Перед романистами становится задача показать, что в жизни латиноамериканских народов представляет «всеобщий интерес».

Вместе с тем, поскольку речь идет о сотворении новой реальности, в которой ново все – и целое, и часть, структура и деталь – и всему нужно дать имя, возникает потребность в стиле, способном воссоздать динамику контрастных и противоборствующих сил и объединять в «динамическую гармонию» самые противоречивые и далекие начала и явления. Таким стилем, противостоящим академизму «устойчивых, самоуверенных и самодовольных эпох», признается барокко, сопутствующее ситуациям новшеств и перемен. Объясняя возникновение барокко из необходимости давать названия вещам, Карпентьер следующим образом характеризует этот, по его мнению, подлинный стиль современного латиноамериканского романиста. Предмет живет, мы видим его, ощущаем его вес. А проза, которая дает ему жизнь, делает его реально существующим, вещественным, благодаря которой он приобретает вес и размер, – это проза барокко, неизбежно барокко, как любая проза, которая выделяет деталь, постоянно возвращается к ней, живописует ее, обращает на нее внимание, чтобы признать ее объемность, вещьность и таким образом определить «предмет»¹⁴.

В разработке идей и концепций самобытности поиски художников слова были поддержаны глубокими исследованиями философов, избравших основным объектом осмысления историю и исторические судьбы стран Латинской Америки. Самым популярным разделом философии становится философия истории.

В предисловии к изданию книги с характерным названием «Философия американской истории» («Судьбы Латинской Америки») ее автор Леопольдо Сеа пишет: «Для нас, латиноамериканцев, неприемлемы идеи, в которых особенности западной цивилизации трактуются как единственно возможная форма самопроявления человека и его истории. Мы провозглашаем иной этап отношений между народами: не вертикаль зависимости, но горизонталь солидарности»¹⁵.

В книге Л.Сеа приводится его полемика с египетским социологом и философом Анваром Абдель-Малеком, имеющая ключевое значение для понимания так называемого «латиноамериканского проекта самообретения». Л.Сеа и Абдель-Малека единодушны в осуждении взгляда на человека и его историю, по которому любые проявления культуры основываются на европейских или западных понятиях как определяющих содержание всякой культуры. Получалось, что «человечество как таковое вело свое происхождение от Древней Греции – колыбели европейской культуры и европейского гуманизма. Все же остальное считалось варварством, тем самым, о котором говорили еще древние греки: варварство азиатское, нуждающееся в цивилизаторском клейме Александра Великого, варварство, нуждающееся в ярме великого Рима, варварство, нуждающееся в великом гуманизме христианства»¹⁶.

Подобная точка зрения, отмечают участники полемики, оправдывающая европейские проекты и тех, кому они приносят выгоду, вызывает сегодня закономерную реакцию со стороны народов, мыслившихся лишь как объект истории. В настоящее время они становятся субъектом исторического действия, превращаясь «из ранее опредмеченных в тех, кто сам теперь опредмечивает».

Идентичность взглядов Л.Сеа и Абдель-Малека в оценке западного «цивилизаторского» проекта не привела их к полному взаимопониманию. Мнения разошлись в трактовке места истории и ее наследия в процессе духовной деколонизации. Абдель-Малеку в качестве опоры для национального возрождения видится великое прошлое Египта и всей Азии. Л.Сеа усматривает в этом тезисе оборотную сторону той же европоцентристской концепции. Практическая реализация этого тезиса привела бы к новому разделению народов: с одной стороны – народы с великим культурным прошлым (представители таких стран Востока, как Египет, Индия, Персия, Китай), с другой – народы, культурное прошлое которых не столь величественно (метисные народы Америки), и, наконец, народы, чья культура считается еще более молодой (африканские, например). «Но в таком случае, – замечает Сеа, – нам снова пришлось бы говорить о «первом», и «втором», и «третьем» мире! Это было бы убого-националистским ответом на колониальный и империалистический натиск Запада. И в то же время было бы отрицанием социалистического идеала, провозглашенного Марксом и Энгельсом, идеала, осуществлению которого способствовал против своей воли сам капитализм, распространившийся по всей планете и захвативший большую часть ее обитателей». Логическим продолжением позиции Абдель-Малека по вопросу об «основной опоре национального возрождения» явились его полемические аргументы. Он выразил свое недоумение по поводу того, что латиноамериканцы в своем стремлении противопоставить себя западноевропейской философии и культуре исходят из предпосылок самой этой культуры. Они пытаются преодолеть и превзойти ее, вместо того чтобы делать упор на древнюю и своеобразную культуру автохтонного населения. «Египет, к примеру, – говорит он, – стремится вернуться к великим ценностям древнеегипетской культуры, культуры фараонов и пирамид. Почему же латиноамериканцы не поступают подобным образом?»

Напомнив о необходимости постоянно иметь в виду коррективы, которые вносит исторический процесс в развитие этносов («есть ли что-либо общее между нынешними египтянами и теми египтянами, что вынесли многочисленные колонизации со стороны греков, римлян, варваров, арабов, турок и англичан?»), Л.Сеа формулирует вывод, имеющий фундаментальное теоретическое и практическое значение для народов, вставших на путь этнокультурного самоутверждения: «Я полагаю, что прошлое, каким бы значительным оно ни было, должно быть не более чем инструментом на службе у будущего. И на фоне этого прошлого, ощущаемого как свое собственное, аутентичное, так же будет восприниматься и прошлое навязанное – в качестве средства достижения будущего, которое перерастет и преодолеет все навязанные формы. Собственное прошлое и прошлое навязанное, также ставшее собственным, должны образовать такое прошлое, которое было бы диалектически освоено народами, подобными нашим»¹⁷.

Таким образом, латиноамериканский проект культурного самообретения берет за основу наличную, собственную действительность в совокупности всех факторов, обусловивших ее прошлое и настоящее, стремится усвоить, ассимилировать эту сложную, многосоставную действительность, с тем чтобы сделать ее инструментом создания новой реальности. Не противопоставление себя миру, но, напротив, отыскание собственного места в многоединном мире, отыскание возможных путей равноправного общения с другими людьми, народами, культурами – вот что составляет определяющую черту этого проекта.

Показательным образцом «ассимиляции» западноевропейской философской и культурологической мысли является критический анализ воззрения французских просветителей, представленный в трудах Л.Сеа. Его исследования, основанные на глубоком знании фактологического материала, позволяют ему сделать вывод о том, что внесенный французскими просветителями вклад в мировую культуру в виде антропологии и истории заключается в проекции западной, европейской сущности на других людей и другие народы, «проекции своего понимания человека и своей истории, оправдывающей в свою очередь свою экспансию по отношению к другим народам».

Критикуя гегелевское представление о том, что живущие ныне потомки «восточного человека» пребывают уже вне движения духа и подобно простым инструментам они им отброшены, Л.Сеа вскрывает ограниченность идеи Гегеля о «разумности всемирно-исторического процесса». И дает логическое обоснование закономерности интенсификации духовной деятельности народов, долгое время пребывавших «объектами европейских интересов».

Во второй половине XIX в., в момент превращения США в империалистическую державу, реально угрожавшую суверенности республик Южной Америки, в латиноамериканском общественном сознании родилась антитеза двух Америк. Популярность и действенную силу обрела формула «наша Америка», выдвигавшая на первый план идею латиноамериканского единства. Ее провозгласил выдающийся революционер, поэт, прозаик, литературный критик и публицист Хосе Марти (1853-1895). Его планы устройства государственной и политической жизни народов Латинской Америки, изложенные в яркой экспрессивной форме, оказали сильнейшее влияние на современников и оставили глубокий след в общественном сознании. Символом любви к родине, служения ей словом и делом остается он в памяти латиноамериканцев. Но именно Хосе Марти, великий патриот, человек, открывший глаза на серьезность ситуации в связи с нарастающей экспансией США, именно он – в полном соответствии с оформившимся позже тезисом «ассимиляции и усвоения» – создает «Североамериканские сцены», в которых осмысливает страницы североамериканской истории, и пишет проникновенно-возвышенные, исполненные признательности величию созидательного духа статьи о творчестве Лонгфелло и У.Уитмена.

Латиноамериканские писатели придают особое значение «ассимиляции и усвоению» автохтонных, собственно южноамериканских художественных традиций. Показателен в этом отношении подвижнический и вдохновенный труд Мигеля Анхеля Астуриаса, автора, романа «Маисовые люди». Работе над романом предшествовал перевод на испанский язык одного из величайших памятников древности – космогонической поэмы «Пополь-Вух». Цель перевода поэмы заключалась для Астуриаса не в простом переложении мифологических сюжетов, но в гораздо более сложном и богатом их переосмыслении, опирающемся на ритуально-культовую, священную функцию слова у народностей майя – слова, служащего связующей нитью с миром божественным. Астуриас столкнулся со своеобразной поэтикой, своеобразной структурой речи, во многом отличной от канонов и практики западноевропейской словесности. Слово здесь пронизано ощущением собственной истинности, совершенства, причастности к тайнам мироздания. Особое здесь и представление об историческом развитии – цикличном, повторяющемся, не имеющем строгой последовательности и однонаправленности. Все это создавало специфические сложности при переводе. Астуриас с ними справился успешно отчасти благодаря знакомству с сюрреализмом, получившим распространение в литературе 20-х годов. Опыт общения с необычным миром индейской поэмы был широко использован Астуриасом в написании «Маисовых людей» (1949) – книги, существенно обогатившей поэтику современного латиноамериканского романа.

Углубленный поиск, свершаемый солидарным участием художественной и гуманитарной научной интеллигенции, привел к результатам, позволившим А.Карпентьеру заявить обоснованно и горделиво: «Сегодня нам известны названия самих вещей, их формы; мы знаем, где наши внутренние и внешние враги; мы выковали язык, способный выразить нашу действительность; события, ожидающие нас в будущем, найдут в нашем лице писателей Л.Америки, свидетелей, летописцев и толкователей нашей великой латиноамериканской действительности. Мы готовились, мы изучали наших классиков, наших писателей, нашу историю для того, чтобы выразить время нашей Америки, мы искали и нашли себя, нашу зрелость»¹⁸.

Теснейшая взаимосвязь, продуктивное взаимодействие литературно-художественных исканий и их теоретического осмысления – вот предметный урок, который преподносит современный латиноамериканский культурный процесс.

Более трех десятков лет развивается новая казахская литература исторического жанра, тридцать лет для современной литературы – целая эпоха. Успело устареть определение «новая», уместное в свое время для обозначения принципиально нового отношения к историческому прошлому. В самом жанре произошли столь существенные перемены, что они уже не поддаются однозначным определениям.

Тенденции, получившие в нем оформление, оказали глубочайшее влияние на литературу и искусство, на общекультурный процесс в республике. Успехи, неудачи – полный внутреннего драматизма напряженнейший поиск сопровождал эволюции жанра. И – хранили молчание критики, литературоведы, теоретики художественной культуры. Если быть точнее – критики постреливали дробью субъективно-эмпирических оценок и даже принимались корчевать отдельные стволы, не подозревая, что за ними – дружно взошедший лес. Молчали не критики, молчала наша критическая обобщающе-теоретическая мысль.

Вспомним, что принес с собой жанр новой исторической литературы и какие возможности в связи с этим открывались перед теоретическим знанием. Начать хотя бы с того, что основоположниками его явились русскоязычные казахские писатели – А.Алимжанов и О.Сулейменов. Случайно ли именно они – личности на рубеже культур, выступили в этой роли, провозгласив тезис о необходимости более уважительного отношения к истории, к историко-культурному наследию народа? Попытка ответить на этот вопрос подвела бы теоретическую мысль к пониманию одной из сложных и оживленно обсуждаемых в мире проблем маргинальности. Личность на рубеже культур (маргинальная личность) – явление историческое. С тех пор, как существуют взаимосвязи, контакты народов, существует и маргинальная личность. Однако в различные исторические эпохи сущность ее проявляется по-разному, и по-разному проявляется она в различных конкретно-исторических ситуациях. Особый тип маргинальной личности представляет собой Иосиф Флавий, проникательно осмысленный Л.Фейхтвангером в «Иудейской войне». Маргинален Абунасыр Фараби, о чем свидетельствует его творческое наследие. В странах Латинской Америки маргинальность, как широко распространенное явление, стала предметом углубленного осмысления социологами, психологами и деятелями художественной культуры.

Проблема маргинальности относится к числу проблем пограничного бытия национальной культуры и в этой связи является проблемой двух или большего числа культур, на рубеже которых находится та или иная творческая личность. Особое положение маргинальной личности способствует тому, что она воспринимает культуру, к которой принадлежит этнически, как бы со стороны, извне и в случае осознанной ориентации на участие в судьбах этой культуры располагает социально обусловленным ценнейшим качеством мышления в масштабах целого, в масштабах всего этнокультурного субстрата. Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно выполняли в истории роль деятельных осуществителей преемственности как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в ее связях с другими культурами. Изучение маргинальности и билингвизма, как одной из конкретных форм ее проявления, в условиях Казахстана имеет как теоретический, так и практический интерес, если учесть нарастающую маргинальность в самой действительности. Осмысление этого феномена позволило бы лучше понять творческое наследие Фараби и других арабоязычных средневековых деятелей культуры – выходцев из тюркских окраин халифата, позволило бы обоснованно ответить на кажущийся частным вопрос – фактом какой культуры, казахской или русской, является творчество тех или иных русскоязычных писателей.

Уже ранние исторические произведения А.Алимжанова и О.Сулейменова, тепло принятые читателем, оказали глубокое влияние на творчество их ровесников, старших и младших собратьев по перу. Провозглашенный ими тезис о необходимости рассматривать современность в масштабах большого исторического времени, с привлечением познанного, осмысленного опыта народа, отражал общественную потребность развития казахской культуры тех лет. Новая ценностная ориентация, сложившаяся в те годы, наглядно иллюстрирует воздействие одних форм сознания на другие, литературы и искусства на общекультурный процесс. На весь культурный процесс? Ответить, пожалуй, можно было бы и утвердительно, если не помнить о затаянном безмолвии культурологической мысли... Аксиоматичное положение исторического материализма гласит о том, что плодотворное взаимодействие форм общественного сознания возможно лишь в том случае,

если каждая из взаимодействующих форм достаточно развита. Отставание теории культурного процесса от самого процесса перестает быть, в этой связи, ее внутренним делом, потому что объективным следствием этого ее состояния является негативное воздействие на развитие культуры. В плане общих выводов, можно отметить зависимость поступательной преемственности от уровня развитости форм сознания данного общества и от качества их взаимодействия.

Обращение литературы к истории по первоначальному посылу имело просветительский характер, но привело к гораздо более глубоким следствиям, чем простое ознакомление с далеким прошлым казахского народа. Принципиальное значение имело то обстоятельство, что были преодолены рубежи, в которых замыкалась современная казахская художественная мысль. Перейдя черту, она оказалась в чаще новых фактов. Это был чрезвычайно важный по своим результатам момент в биографии жанра: литература проходила школу самостоятельного осмысления собою открытых жизненных реалий. На это обстоятельство необходимо обратить особое внимание, потому что преемственность в данном случае ясно предстает как действие, обращенное не только в прошлое, но и в будущее. Испытание встречей с прошлым было не из легких. Многим из нас довелось быть очевидцами ситуации, когда титулованная зрелой, развитой, казахская литература, особенно – проза, в освоении исторической тематики оказалась вынужденной обратиться к помощи методов, мало совместимых с ее высоким, узаконенным литературоведами статусом – к переложению неизвестных массовому читателю источников, к популярному просветительству с откровенно романтическим привкусом. Тем не менее это движение в литературе, поначалу уязвимое, дававшее повод для едких критических выпадов, было глубоко прогрессивным по своей сути и плодотворным по своим результатам, так как по существу своему оно ориентировано на «повышение уровня организации целого» (Э.А.Баллер), на включение в высшее (новое) низшего (старого), или, как сказал бы латиноамериканский исследователь, на «обретение собственной аутентичности путем ассимиляции и усвоение опыта прошлого». Это движение совокупностью своих решенных и нерешенных проблем помогло нам понять, что литература и искусство могут быть философичными, общественно активными и, по своему прямому предназначению, художественными только в том случае, если будут избавлены от необходимости подменять собой историю и другие формы сознания, что, в свою очередь, достижимо, если в духовной жизни народа утвердятся развитая общественная, философская и гуманитарно-научная мысль.

Разумеется, каждый писатель находил в истории близкую для себя тему и раскрывал ее так, как считал нужным это сделать. Но при всем тематическом многообразии литературы исторического жанра можно назвать два мира, с которыми так или иначе были связаны все описываемые события. Это мир древних средневековых городов и мир кочевья.

Для того чтобы осмыслить мир кочевья, авторам произведений на историческую тему нужно было преодолеть в себе психологический барьер, существование которого связано с предубежденным отношением к кочевникам. Потребовались не только обширные знания, но и гражданское мужество, и бойцовские качества, чтобы показать общечеловеческие ценности, содержащиеся в историко-культурном наследии кочевых народов.

Литература воспитала в себе эти качества, однако погружение ее в «колодец времен» происходило эмпирически, в зависимости от наличия или доступности конкретных исторических сведений. Здесь-то и должна была сказать свое слово культурология – дать логическое обоснование художественной концепции истории, которая, конечно же, не тождественна традиционным дисциплинам исторической науки. В соответствии с целями своего развития культура имеет право на избирательный подход к событиям прошлого. В тех случаях, когда она решает задачи преемственности, особое значение для нее в истории приобретает то, что обозначает основные параметры и придает устойчивость образующейся целостности. Какая эпоха, какие события могут стать точкой отсчета в нашем движении к духовному самоутверждению? Что формировало духовную культуру народа, придавало ей ту определенность, которую мы берем на вооружение в качестве исторического наследия?

Что из опыта прошлого представляет первостепенный интерес с точки зрения возникающих перед нами проблем? Это естественные и закономерные вопросы, необходимо возникающие в случае, если мы по-настоящему заняты действительностью и не ищем благовидной возможности «увильнуть» от серьезного с ней диалога...

Вторгшийся в современное и гуманитарное сознание мир кочевой архаики является одним

из основных факторов, придающих современной казахской культуре черты своеобразия и неповторимости. В нем заключен конкретный исторический опыт народа, его традиционное мировидение, этика и эстетика, его искусство. И на всем этом лежит печать постоянного движения, перемещений и рожденного ими своеобразного отношения к пространству и времени.

И движение, и статика в единстве своем присущи человеку, нации, человечеству. Но в процессе исторического развития лишь главные вехи отмечены повсеместным брожением, в то время как существовали и существуют народы, для которых в движении, как для других в оседлости, – естественность бытия. В этой связи можно говорить о двух типах движения: всеобщем и локальном. Первый из них сопровождает эпохальные перемены в мировой истории, и по отношению к нему приемлем принцип не разделения, а единства «человек: кочевник – оседлый». Что же касается локального движения, то здесь перед нами целый материк своеобразного мироощущения, во многом отличный от картины мира в культуре оседлых народов.

Кочевье – как состояние движения – одно из универсальных состояний общечеловеческой истории, и не только прошлой. Проблема «человек и пространство» остается актуальной и для современных поколений. Идея пути, одухотворившая художественное творчество кочевников, не может оказаться архаичной в век, когда так остро и многогранно стоит проблема выбора и перемен, новых бросков в пространство.

Современное гуманитарное знание не перегружает себя эстетическим, философским изучением кочевья ни в типологическом (опыт кочевых народов), ни во всеобщем плане. В отдельных исследованиях слышны отголоски страстей, далеко не научного свойства. К примеру, автор книги с многозначительным названием «Историческое единство человечества и взаимное влияние культур» С.Н.Артановский, категорично заявляя, что «уничтожение было стихией кочевников»¹⁹, отводит кочевым племенам единственную роль – переносчиков элементов культуры, созданной оседлыми народами. Его в целом интересному и серьезному исследованию присущ строго выдержанный академический стиль изложения, за исключением пассажей, посвященных истории и культуре кочевых племен. В них автор эмоционально приподнят, ликующе сообщает о том, что «залпы орудий, которыми Иван Грозный рассеял наследников Золотой Орды, возвестили о конце эпохи» «степной экспансии»²⁰. Он сгущает краски, утрирует, не замечает пародийных интонаций в собственном экзальтированном монологе, когда рассказывает о набегах кочевников на земли горожан и селян: «Там, где прошли войска степных властителей, остались повсюду деревья, срубленные под корень, оросительные каналы, намеренно запруженные или превращенные в болота, колодцы, засыпанные, где это было возможно, или надолго отравленные. Кругом пылали нарочно подожженные амбары. Завоеватели старались убить землю и задушить источники влаги...»²¹.

Экспрессивный монолог С.И.Артановского не свободен от пафоса этноцентризма – крайне нежелательного, когда речь идет о контактах культур. Рассматривая достижения и традиции своей культуры как эталон, этноцентрист верит в свое превосходство и презирует или отвергает ценности других народов. Латиноамериканские культурологи, имеющие дело с различными формами этого явления, предупреждают: «Этноцентризм искажает историю, подгоняя ее под мерки историка. Но еще опаснее то, что такого рода история претендует на истинность и универсальность»²².

В середине первого тысячелетия до новой эры конные кочевники выходят на мировую арену и с тех пор ни одно крупное событие древней и средневековой истории Евразии не проходило без их деятельного прямого или косвенного участия. Скифы, гунны, древние тюрки, монголы, орды «железного хромца» Тимура – недобрую память они оставили о себе в летописях различных времен. Но не является ли более надежным, благородным и объективным хранителем памяти художественное слово?

Его свидетельства протестуют против повторения истории, которую библейские старцы, возможно, для того, чтобы отодвинуть от себя подальше тяжесть первопроклятия, отнесли ко временам первых людей, когда один из них, Каин, убил брата своего Авеля, «пастыря овец».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Колодец времен: «осевая» эпоха, «Эпос о Гильгамеше», «Книга Коркута», «Одиссея», «Песнь песней», «Аз и Я»

*Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки мы ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?..*

Эти слова взяты из монолога Утнапишти, аккадского Ноя, на долю которого выпало выжить во времена потопа. Изъятые из контекста, слова не потускнели. В них ясно слышен страстный призыв отбросить старые «печати», возродить единство братьев, искоренить ненависть в сердцах. Подобно самому Утнапишти, принятому в «собрание» богов, когда яростные воды карающего потопа стирали прежний контекст жизни на земле, извлеченные, освобожденные слова обретают новое звучание, величественное и актуальное. В родной стихии, в эпосе о Гильгамеше, точнее – в монологе Утнапишти, роль их скромнее и звучат они элегично. Монолог начинается с обобщения «Ярая смерть не щадит человека» и завершается рассуждениями о том, что не люди, а боги определяют судьбу и что смерть всему кладет предел – и злу, и добру, и их противоборству. Все не «навечно», ибо ничто не вечно – подтверждению этой мысли прислуживают избранные для эпиграфа слова, оставаясь в плену монолога Утнапишти.

Перед нами – книга. Самая старая из всех существующих – «Эпос о Гильгамеше» («О все издавшем»¹). Различные версии этой древней поэмы дошли до современности из глубины тысячелетий. В основе ее текста – «ниневийская» версия (VII – VI вв. до н.э.), одна из последних. Обратим внимание на то обстоятельство, что в старых текстах, в таких, например, поэмах, как «Гильгамеш и Гора живых», «Гильгамеш и небесный бык», «Гильгамеш и ива», герой Энкиду, «в степи рожденный», выступает в роли раба Гильгамеша – царя «огражденного Урука», тогда как «ниневийская» версия именует его другом и братом Всеиздавшего.

Столетия и народы вчитывались в глиняные таблицы древнейшей поэмы и находили в них то, что искали. Эпос щедр, потому что высокохудожествен. Оттого и глубины его безмерны. Самые смелые предположения, претендующие на объяснение «главного» в нем, теряются здесь как одинокий путник в вечерней степи. Мудрый, как жизненный опыт, эпос логичен. Но в жилах старого мастера разлит огонь творчества. Он неистощим в нахождении художественных средств, взрывающих трезвую, логичную последовательность сюжета. Гильгамеша, восставшего против воли богов, эпос проводит по кругу испытаний и возвращает в Урук смирившимся. Но не капитуляции героя («Да отступлю я») посвящает он самые поэтичные, вдохновенные строки, а горестному плачу его об умершем друге:

*Как отец и мать в его дальних кочевьях,
Я об Энкиду буду плакать.
Внимайте же вы, мужи, внимайте,
Внимайте, старейшины огражденного Урука!
Я об Энкиду, моем друге, плачу,
Словно плакальщица, горько рыдаю:
Мощный топор мой, сильный оплот мой,
Верный кинжал мой, надежный щит мой,
Праздничный плащ мой, пышный убор мой, –
Демон злой у меня его отнял!*

Боги Урука, боги Гильгамеша осудили Энкиду. Гильгамеш это знает, это знает эпос, и тем не менее – «Демон злой у меня его отнял!» Взметнувшийся вопль скорби разрушает и логику, и форму скупого на развернутые метафоры эпоса, возносится к небесам последующих времен, оставляя богов и «философские» вопросы Гильгамеша о жизни и смерти на стеллажах аккадской старины.

Все зависит от того, что именно «высвобождаем» мы из содержания эпоса. Переводчик и один из крупнейших исследователей поэмы о Гильгамеше И.М. Дьяконов считает, что в центре ее стоит «проблема тщетности человеческой жизни и неизбежной несправедливости человеческих страданий и смерти, которая уравнивает всех»².

Нетрудно заметить, что на исследователя большое впечатление произвел монолог Утнапиш-ти, сентенции которого действительно дают основание прийти к выводу, будто главным в эпосе является драматическое восприятие мира. Но не отмечено ли в эпосе с гораздо большей силой художественности иное – мощный и скорбный плач по случаю распада состоявшегося было братства двух стихий – кочевья и оседлости, персонифицированных в образах главных героев – Энкиду и Гильгамеша? И разве не эта, трагическая, коллизия является основной в «ниневийской» версии эпоса? Трагическая коллизия, как известно, предполагает борьбу за утверждение высоких идеалов и поэтому может лечь в основу подлинного произведения искусства, изначальная сущность которого – жизнеутверждение. Драматическое восприятие мира сковано противоположной идеей – мыслью о бренности жизни и тщетности усилий человека. Оно также может стать предметом искусства, но самим же искусством должно быть преодолено. В противном случае мы будем иметь перед собой дидактику, назидания, философию скептицизма – все, что угодно, но не искусство.

Эпос прекрасно справляется с пессимизмом Утнапиш-ти. В этом нетрудно убедиться, стоит только внимательно прислушаться к дыханию слов, довериться не эпосу-мудрецу, а эпосу-художнику.

Энкиду... Образ его представляется наиболее интересным. Вероятно, потому, что Энкиду «в степи рожден» и его «взрастили горы». Человека, знакомого с тюркской литературной традицией, сочетание «степь и горы» не может оставить равнодушным. В фольклоре, в поэзии тюркских кочевых племен степь – образ земного, реального бытия, а горы давно уже стали символом величия, мудрости, высоты духа. Разумеется, в эпосе о Гильгамеше, созданном, во всяком случае, не кочевниками, образы гор и степи могут иметь совсем другое значение, скажем, пустынных мест, в которых обитают звери и дикие люди, каким поначалу эпос воспринимает Энкиду. Впрочем, аккадскому мироощущению не чуждо уважительное отношение к горе. Так, накануне схватки с чудовищем Хумбабой Гильгамеш, желая узнать, что ждет их с Энкиду, устремляет взор свой в мир горный: «Гора, принеси виденье ночью!» И подобно Коркуту тюркских преданий, обежавшему все стороны света в поисках бессмертия и отступившему, услышав, как «даже мощные горы поведали ему об ожидающем их разрушении»³, Гильгамеш тоже отступает в страхе, когда гора в его видениях вдруг повалилась и рассыпалась «в пепел».

Прозвучало когда-то – «рожден в степи»... и одно лаконичное упоминание побуждает внимательно отнестись к судьбе того, о ком это было сказано.

Верный своей общей оценке эпоса о Гильгамеше как поэмы с драматическим восприятием мира, И.М.Дьяконов отводит образу Энкиду исключительно функциональную роль, благодаря которой, по его мнению, индивидуальная судьба Гильгамеша обретает масштабность судьбы человеческого рода. «Энкидиада – вовсе не лишнее звено в поэме, – пишет И.М.Дьяконов и продолжает: – Образ Энкиду, друга и побратима героя поэмы, нужен автору с двух точек зрения: 1) Судьба Энкиду – судьба всего человечества. Подобно всему человечеству, он сотворен из глины, он пережил (обязательные для человечества, с точки зрения людей древнего Востока) периоды развития: невинную жизнь со зверьми, грехопадение, пастушескую жизнь, «городскую цивилизацию»; Энкиду не только человек, он – типичный человек. 2) Судьба Энкиду – типичная судьба индивидуального человека. Подобно всякому человеку, Энкиду знал любовь женщины и дружбу с товарищем, совершал дела, подобающие мужу, и был побежден неизбежной смертью.

Именно вследствие такой трактовки образа Энкиду восклицание Гильгамеша: «Не умру ли и я, как Энкиду?.. Разве когда-нибудь мертвый увидит сияние солнца?» – воспринимается не как выражение индивидуального переживания героя, а приобретает трагическое общечеловеческое значение, которое и делает поэму выдающимся произведением мысли»⁴.

В восклицании Гильгамеша нет величия, о котором говорит И.М.Дьяконов. Трагедия, действительно имеющая «общечеловеческое значение», состоялась раньше. Кульминацию ее венчают смерть Энкиду и плач Гильгамеша. В прощальной песне Всевидавшего, в самом звучании слов этого мощного реквиема заключена вера, составляющая первейшее условие трагического произведения искусства, в непреходящую ценность того, что уходит. Нет этой веры в цитированных И.М.Дьяконовым словах Гильгамеша. В них – безысходность. По существу своему – это рефлексии надломленного сознания, отраженный гул прошедшей грозы. «Энкидиада» – не только «не лишнее звено в поэме», история Энкиду формирует эстетический мир эпоса. Для того, чтобы убедиться в этом, обратимся к самому тексту.

Энкиду рожден в степи. В друзьях у него – животные, с которыми он вместе ходит на водопой. Подобно уранидам, божествам стихий природы, он силен, наивен и добр. Когда друзья его попадают в ловушку охотника, он их освобождает. И резвится на лоне природы, наслаждаясь свободой, о которой вспомнит перед смертью с тоской и проклянет все то, что стало между ним и днями степной воли.

Весть о нем, о его невероятной силе и странном образе жизни принес Гильгамешу тот самый охотник, силки и ловушки которого опустошал Энкиду. Так приходили испокон веков к царям городов и государств купцы, владельцы караванов с жалобой на степных грабителей; так рождались легенды о кентаврах. Перед Гильгамешем встает проблема, что делать с этой разгулявшейся под боком силой. Эпос осторожно и мудро, через сны и напутствие матери, советует ему: стань другом и братом Энкиду. Встреча героев опосредована женщиной. Урук, город Гильгамеша, высылает к Энкиду блудницу Шамхат. Соблазн женщиной приводит к соблазну ее миром: хлебом, печеным в золе, кувшинами крепкой сикеры. Вместе с блудницей бредет Энкиду к пригородным пастухам, а затем и в самый город. Он потерял способность «бегать, как прежде», но посмотрите, как встряхивается он по дороге в Урук, мобилизует рассыпанные ласками Шамхат гордость и достоинство, чтобы войти в ограду вольным и сильным сыном своей стихии:

*Закричу средь Урука: я – могучий,
Я один лишь меняю судьбы,
Кто в степи рожден, – велики его силы!*

Традиция подобной самооценки хорошо знакома по поэзии кочевых тюрков. Личность в ней соотносит себя непосредственно со Вселенной. В земном пространстве кочевник ощущает себя независимым и беспредельно могущественным, «я тучи, луну затмившие, разгоню, я солнце тусклое очищу», – говорил о себе казахский поэт XV в. Казтуган.

Нет, не диким человеком был Энкиду. Эпос распознал это раньше других. Но вот уже и старейшины города признают за ним не только физическую силу, большую, чем у Гильгамеша, а и особую мудрость, неведомую жителям «огражденного Урука». Сведения о Хумбабе, живущем в горах, они повторяют со слов Энкиду, который оказался более информированным. И, благословляя после долгих колебаний Гильгамеша на неслыханной дерзости подвиг – убийство Хумбабы, старейшины советуют: пусть идет впереди Энкиду, «ходивший путями, стезями бродивший». Только ли практическую сноровку человека – сына природы – имели в виду старейшины?

Кочевник строит свои отношения с пространством иначе, чем оседлый. Естественное состояние непрерывного движения, перемещений вырабатывает в нем знание законов пути, включающих в себя не только практические навыки использования условий экологической среды, но и целую систему этических норм, эстетических принципов, философских умозаключений. В арсенале понятий кочевника о связях с окружающим миром одно из главенствующих мест занимает понятие «дорога». Казахи, например, желают удачи репликой «Жолын болсын!» – «Пусть состоится твоя дорога!», проклинают: «Жол урсын!» – «Пусть ударит дорога!» Если бы боги вознамерились вдруг сообщить кочевнику, как они сообщили однажды шуриппакийцу Утнапишти о грядущем потопе или крушении гор, то, наверное, не стали бы шептать: «Стенка, стенка, запомни!», а сказали бы: «Запомни, дорога!». Старейшины успокоились, когда в их присутствии Энкиду вдохновил Гильгамеша словами: «Дороги не бойся, на меня положишься... Безопасен тот, кто идет со мной!»

Трижды на пути к жилищу Хумбабы Гильгамеш видит страшные сны. Особенно ужасным был третий сон («Гора, что валилась, превратилась в пепел»), после которого заколебался Гильгамеш и предложил другу: «Спустимся в степь, совет устроим». Энкиду в этой ситуации ведет себя как истинный кочевник. Каждый сон друга он толкует положительно, как сулящий победу, а не беду.

В тюркском фольклоре широко распространен (с небольшими вариациями) сюжет о сне и толкователе снов. По одному из вариантов беременная женщина видит во сне двух напавших на нее волков. Встревоженная, она направляется в соседний аул к знаменитому толкователю снов. Тот оказался в отъезде, и женщина рассказывает сон его невестке. Посочувствовала невестка, повздыхала – как привиделось, так и сбудется. Перепуганная женщина отправляется в свой аул. В это время возвращается домой толкователь снов, и невестка рассказывает ему все, как было. Разгневался старик, посадил невестку на коня и со словами: «Надо было сказать, что родится у нее два сильных и славных сына!» – велел быстрее догнать женщину. В ближайшей ложине за аулом конь, летевший во весь опор, захрапел и остановился. Невестка увидела: на дороге лежит растерзанное тело женщи-

ны, а над ним стоят два волка. Сон, по представлению кочевых тюрков, только сигнал возможного несчастья или возможной радости. Вещего, в европейском смысле слова, сна для кочевника не существует. Все зависит от первой реакции того, кто слушает, от его активной воли.

Энкиду положительно толкует сны Гильгамеша, и герои в трудной схватке побеждают Хумбабу. Совсем иначе поведет себя Гильгамеш в сходной ситуации, когда ему доведется впоследствии толковать сон друга. Услышав о том, что Энкиду увидел во сне совет суровых богов Урука, решивших Энкиду умертвить, Гильгамеш залился слезами. «Сон этот вещий, хоть много в нем страха! – ужасается и скорбит он. – Страха в нем много, но сон этот вещий!»

Боги Урука даже в лучшем расположении духа относятся к Энкиду как к пришельцу, видят в нем чужого. Энкиду, со своей стороны, считается с ними лишь постольку, поскольку это боги его друга, не больше. Перед смертью Энкиду, мучительно вспоминающего, в чем же его вина, осеняет догадка, и на последнем дыхании он выкрикивает: «Друг мой, меня проклял бог великий!» Этим «великим» богом не мог быть никто из урукских богов. Шамаш – потому что сам участвовал во всех начинаниях героев, и это ему разгневанный Эллиль бросил упрек: «То-то ежедневно в их товарищах ходишь!». Ану вменяет в вину герою совсем не то, в чем раскаивается умирающий Энкиду. Эллиль не мог им быть, потому что изначально был решительно настроен против Энкиду, следовательно, не мог в нем разочароваться и осудить проклятием.

Эллиль, жестокий Эллиль, в необузданном гневе наславший на землю потоп, во время которого «человеки, как рыбий народ, наполняли море», отчего даже боги пришли в ужас и возроптали: «Как же, как не размыслив, потоп ты устроил?» – Эллиль, бог земли и воздуха, царь богов и покровитель земных царей, произносит слова, мимо которых почему-то скользит внимание исследователей, хотя тяжесть именно этих слов согнула не только Гильгамеша, но и эпос:

*Издrevле, Гильгамеш, назначено людям –
Земледелец пашет землю, урожай собирает,
Скотовод и охотник со зверьем обитает,
Надевает их шкуру, ест их мясо,
Ты же хочешь, Гильгамеш, чего не бывало,
С тех пор, как мой ветер гонит воды.*

Хранитель устоев Урука Эллиль ощущает присутствие в своих владениях «скотовода» Энкиду как противоестественное, неудобное и при первой возможности убеждает богов умертвить его. Гильгамеш после смерти друга бежит в пустыню, а эпос... и эпос отправляется вслед за ним.

Но какой был праздник неодолимой мощи побратимов-героев, когда они, начистив до блеска оружие, облачившись в чистое, возвращались с гор, насадив на копье голову Хумбабы! Богиня Иштар, главная женщина земли и небес Урука, восхитилась Гильгамешем, предложила разделить с ней ложе, согласилась принять в дар зрелость его тела.

Иштар – менее всего сладострастная женщина, хотя в пересудах Вавилонии именуется супругой бесконечного числа мужей. Она – богиня плодородия, само рождающее лоно земли. Вдыхать семя – ее естественное свойство. Она – праматерь и гимн земледелия и поэтому – самый чуткий, настороженный и заботливый страж его статуса. Энкиду мешает ей, как мешает Эллилю. Гильгамеш породнился с миром, ей чуждым, с миром дальних дорог, голубого, без дождя, неба, естественной, лишь подстригаемой зубами животных флоры.

Иштар возникает на пути героев и предлагает себя Гильгамешу. Но Гильгамеш – не Энкиду. Это Энкиду, увидев обнаженной ипостась Иштар – блудницу Шамхат, «забыл, где родился!» Гильгамеш знает, что жрицы Иштар и сама богиня, отдаваясь, убивают в мужчине главное из его достоинств. Он знал это, отправляя вместе со всем Уруком на встречу с Энкиду Шамхат, знал, что лишит блудница «мужа-истребителя из глубины степи» его связи с «великим» богом, о котором в предсмертных конвульсиях вспомнит Энкиду. Задохнувшейся от гнева богине Гильгамеш хладнокровно перечисляет ее преступления, неизменно подчеркивая, что в своих антиподов превращала она всех, кого ласкала: птичке-пастушку крылья сломала, льву свободному вырыла ловушки, гордому коню судила «узду и плетью», пастуха-козопаса превратила в волка и теперь «гоняют его свои же подпаски», Ишуллану-садовника, растившего деревья, корни которых уходили в глубь земли, а ветви к небу, превратила в паука, поселив среди паутины – «к потолку не подняться, не спуститься на пол».

Гильгамешу, увенчанному себя тиарой в знак победы над Хумбабой, есть чем дорожить в этом мире: у него есть Энкиду, есть что нести в себе высоко, так, чтобы не дотянулись руки оболь-

ститальной Иштар. Друзья отправляются в Урук, а Иштар – к Ану с требованием: «Отец, быка создай мне, пусть убьет Гильгамеша, за обиду Гильгамеш поплатиться должен!».

Свирепого быка, в семь глотков осушившего Евфрат, встретили герои у стен Урука, отважно вступили с ним в бой и победили. Энкиду хорошо понимает, в чем смысл проделок Иштар, у него свои счеты с богиней. В то время как Гильгамеш, упоенный новой победой, возится с рогами быка, чтобы наполнить их елеем и преподнести богам, Энкиду, показывая на убитого быка, грозит Иштар, взобравшейся на зубцы городской стены: «А с тобой – лишь достать бы, как с ним бы я сделал, кишки его на тебя намотал бы!» Он вырывает «корень быка», бросает в лицо богине.

Энкиду совершает ужасное святотатство: бык – пахарь и сеятель семени, «корень» его священен. Женщины Двуречья устраивали фаллические шествия, отдавая должное кумиру плодородящей земли. «Созвала Иштар жриц, блудниц и девок, корень быка оплакивать стали».

В этой, шестой, таблице глиняной книги достигает кульминации героическая линия эпической поэмы и вместе с тем обнажаются противоречия, воспринятые эпосом как неразрешимые. Апофеозом неодолимой силы единства и братства двух стихий звучит победная песня друзей:

Кто же красив среди героев?

Кто же горд среди мужей?

Гильгамеш красив среди героев,

Энкиду горд среди мужей!

Мы быка небесного гнали во гневе,

Не достигла богиня исполнения желаний, –

Только наше с тобою исполнилось желанье!

Но боги остаются богами, и древний эпос не в силах им противостоять. В ночь пира по случаю победы над небесным быком Энкиду видит «вещий», по определению Гильгамеша, сон. Заботливые боги Урука поступают с любящим Гильгамешем так, как поступала со своими избранниками Иштар: убивают в нем главное, убивают в Гильгамеше Энкиду. Приговор выносит Эллиль: «Пусть умрет Энкиду, но Гильгамеш умереть не должен!».

Боги высказались определенно: за то, что сразили быка и Хумбабу, герои должны поплатиться, ответчиком назначен Энкиду. Казалось бы, все ясно. Но двенадцать дней, пока смерть не перехватила дыхание, мучительно раздумывает Энкиду, в чем его вина. Вспоминает вдруг: дверь... Как в первые дни прихода в Урук, когда он почтительно назвал мудрую Нинсун, мать Гильгамеша, «буйволицей ограды», так и в предсмертные часы ассоциации с иным, отличным от его собственного миром вызывают в Энкиду несвойственные быту его прародины кирпичная стена и деревянная дверь. В свое время, изумившись чуду – двустворчатой двери, принес он из кедровых лесов своими руками изготовленную дверь, украсил ее и надписал на ней свое имя. Сотворил себе символ согласия с новой средой и теперь раскаивается. Эпос удивленно сообщает:

Энкиду поднял с одра свои очи,

С дверью беседует, как с человеком:

«Деревянная дверь, без толка и смысла,

Никакого в ней разуменья нету!

...Знал бы я, дверь, что такова будет плата,

Что благо такое ты принесешь мне, –

Взял бы топор я, порубил бы в щепы...»

Потом Энкиду вроде бы забывает о двери, начинает проклинать охотника и особенно изощренно – блудницу Шамхат.

Огонь пожара твой дом постигнет,

Перекрестки дорог тебе будут жилищем,

Тень от стены обителью будет,

Отдыха знать твои ноги не будут,

Будет бить по щекам голодный и пьяный,

Позовет тебя за собой нищий,

Все, что дал тебе, он возьмет обратно.

По вине охотника и Шамхат расстался Энкиду со степью, оказался в Уруке с его чужими богами. Проклинает Энкиду дни, когда попался на глаза охотнику, когда встретил у водопоя блудницу. И только имя Гильгамеша, друга, соратника, прозвучавшее с небес в сердитом окрике Шамаша, за-

ставляет его вострепнуться и простить Шамхат. Но и дверь, и Шамхат, и боги Урука для него – явления одного порядка: чужое, не свое, холодный и враждебный мир. Угасающее сознание рвется к теплу, к воспоминаниям о прежней, доурукской жизни, но всюду натывается на предметы, тела и души мира Гильгамеша, сидящего тут у одра и льющего горькие слезы. Мечется, мечется в предсмертном бреду Энкиду, тело его «пожирает недуг». Внезапно находит на него озарение:

Друг мой, меня проклял бог великий:
Когда в Уруке мы с тобой говорили,
Я боялся сраженья, идти не хотел я,
Друг мой, кто в сраженье падет – тот славен,
Я же смерти страшился, умираю с позором.

«Великим богом», презревшим и проклявшим Энкиду за трусость, не мог быть (мы об этом уже говорили) ни один из урукских богов. К тому же не в традициях богов Урука было требовать от человека героизма. Героизм был земной потребностью растущего города, а Гильгамеш – первым из его жителей, решившимся создать себе «вечное имя». Восхитившие жителей Урука подвиги – победа над Хумбабой и убийство быка – были расценены богами как проступок со стороны Гильгамеша, преступление – со стороны Энкиду.

Героизм, отвага нужны тому, кто ведет людей путями далекими, стезей покорения больших пространств – богу великих кочевий.

«Великий бог» Энкиду похож на Тенгри, высокого бога неба тюркских кочевых племен. Тот настолько был уверен в своем могуществе, что хладнокровно терпел рой богов помельче и не засуетился даже тогда, когда в степь нанес визит Аллах. Так и бог Энкиду без тени ревности отпускает героя в улей урукских богов. Энкиду виновен не в том, что вступил в союз с Гильгамешем, человеком другой стихии, а в том, что нарушил нечто из заповедей «великого бога».

Не стало Энкиду, и нет больше прежнего Гильгамеша. Нет былой решимости и бывшего благодетельства желаний («все, что есть злого, изгоним из мира!»). В начинаниях нет удачи. Через пустыни, воды смерти добирается Гильгамеш до Утнапишти, выслушивает его ложно-мудрые наставления. Достает со дна колодца цветок, дарующий вечную молодость, но легко его теряет. Эпос об этой драматической развязке рассказывает вяло, скупое, в нескольких строчках:

Змея цветочный учуяла запах,
Из норы поднялась, цветок утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу,
Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
По щекам его побежали слезы.

В конце поэмы возникают слова, которыми Гильгамеш подводит черту своим дерзаниям: «Открывая колодец, потерял я орудья, – нечто нашел я, что мне знаменем стало: да отступлю я!» Колодец хранит в себе не только эликсир жизни – цветок, но и истину. Еще в походе на Хумбабу Гильгамеш с Энкиду не только обращаются к горе, но и бросают в колодец щепотку муки, после чего явилось видение.

Истина – вертикаль: высота и глубина. Высота очевидна, глубины сокрыты. Все в мире было и остается и очевидным, и покрытым тайной. Кочевника чарует и влечет к себе очевидность. Оседлый движим желанием тайное сделать явным, докопаться до сути вещей. Успех ему сопутствует – когда он владеет умением кочевника постигать и ценить очевидное. Гильгамеш «отступает», потому что теряет «орудие» – друга своего Энкиду, которому было открыто много из того, что для царя «огражденного Урука» и его сограждан оставалось тайной за семью печатями.

Не стало Энкиду? Нет, он остался, но ушел за пределы аккадского эпоса. Вместе с уранидами поселился в войлочной юрте кочевника. Расставание было трагичным, об этом свидетельствует прощальная песнь Гильгамеша. Перечитайте эпос, и вы согласитесь с тем, что нет в нем строк выше по силе художественности и трагическому звучанию, чем плач Все выдавшего.

Много столетий спустя – в середине второго тысячелетия новой эры, в эпоху сократившихся для кочевника расстояний, заката могущества традиционного мира кочевья – в казахской степи, в поэзии акынов всплывает скорбная тема расставания, драматический лейтмотив которой заключен в альтернативе «кочевье – оседлость». Расставались родственные племена. Одни все еще кружились на «шагреновой коже» остающихся земель, другие оседали. Асан Кайгы (Асан Печальный) с несвойственными кочевнику нотками пророчества предвещает наступление «килы заман» – лихолетья.

Казтуган-жырау всю силу поэтических гипербола направляет на восхваление будто впервые им увиденных красот родной земли – берегов Едилы. Так видят, когда видят в последний раз и понимают это. Доспамбет-жырау держится молодцом, распевает лихие, полные джигитизма песни. Но в высокопоэтической бравате его, в этих повторах – «ни о чем не жалею» – нельзя не уловить привкуса горечи. Сложился цикл песен, остававшихся популярными еще долгое время (таких, например, как «Елимай» – «О народ мой» и песня о расставании казахов с ногайлинцами), с характерным зачином:

<i>Жылау, жылау, жылау куй</i>	<i>Скорбный, скорбный, скорбный кюй,</i>
<i>Жылаган зарлы мынау куй...</i>	<i>Это трагически плачущий кюй...</i>

Близкие расставались и в более ранние времена. Авраам, как известно, пас свой скот на земле Ханаанской, «а Лот стал жить в городах окрестности и раскинул шатры до Содомы». Библия вроде бы и не стремится привлечь внимание паствы к этому обстоятельству, но все ее мудрые речения и блестящие афоризмы попросту не родились бы, не будучи вызваны к жизни сюжетом о сложном взаимоотношении миров Каина и Авеля, Лавана и Иакова.

В истории рода человеческого проблема единства двух стихий возникает постоянно. Наибольшей высоты осмысления, в том числе и художественного, как свидетельствует об этом ниневийская версия «Эпоса о Гильгамеше», она достигла в середине первого тысячелетия до новой эры.

Это время характерно появлением такого большого числа пророков, что его по праву называют «эрой пророков». Ни один историк или философ культуры не смог бы составить целостное представление о своем предмете, если бы упустил из виду события этого периода. Не случайно Карл Ясперс⁵ отводит ему роль «осевой эпохи» (800 – 200 гг. до н.э.). Время зарождения и взлета духовных движений, в течение тысячелетий определявших судьбы мировой культуры... Эпитеты, которые мы обычно употребляем для обозначения великого, оказываются недостаточными, если их приложить к именам людей «осевой эпохи». Символами мировых религий, больших, как материки, религиозно-философских систем стали эти имена – Конфуций и Лао-цзы в Китае, Будда в Индии, Заратустра в Персии, палестинские пророки...

Что послужило причиной синхронного появления возбужденных пророков? Какие сдвиги произошли в социальной и духовной жизни народов, нередко разделенных огромными расстояниями, но, несмотря на это, почти одновременно выдвинувшими из своей среды столько выдающихся личностей?

К.Ясперс, автор концепции «осевой эпохи», считает невозможным дать причинное объяснение этому феномену, хотя и допускает возможность обсуждения различных гипотез. В качестве примера он приводит гипотезу Альфреда Вебера о решающей роли кочевых племен, вторгшихся из Центральной Азии в Китай, Индию и на Запад, в пробуждении самосознания народов «осевой эпохи». Ясперс называет ее единственной гипотезой, которая «позволяет хотя бы подойти к историческому обсуждению этой проблемы». Сам он относится к рассуждениям Вебера критически, выдвигая против них аргументы как эмпирического, так и методологического свойства.

Возражать методологической установке Ясперса о невозможности каузального объяснения явлений в духовной жизни «осевой эпохи» было бы бессмысленно именно в силу того, что это его методологическая позиция, вооруженная аргументами философской веры, по существу неопровержимой. Но в части эмпирической критики гипотезы Вебера можно обнаружить уязвимые места. Ясперс приводит следующий довод против нее: хотя Китай и принял важное участие в духовном творчестве «осевой эпохи», но для него не характерны ни трагическое сознание, ни эпос, которые Вебер считает выражением мирозерцания кочевников-завоевателей.

В рассуждениях Вебера ощутим налет романтизации мироощущения «сынов пустыни», и это в значительной мере ослабляет его позицию. И все же Ясперс не прав в самой постановке вопроса. Ведь совершенно ясно, что культура, оказывающая преимущественное влияние, не обязательно формирует свое подобие в новой среде. Напротив, гораздо чаще, если иметь в виду эволюционный характер связей, свойственный взаимоотношениям культур, влияние приводит к возрождению, к более четкому постулированию собственных, «исконных» принципов воспринимающей культуры. Отсутствие подобия не говорит о том, что влияния не было, но свидетельствует о восхождении культуры, испытавшей влияние, на новые уровни самоутверждения и самосознания. Именно эта зрелость самооценки в сочетании с экзальтированным самовыражением

характерна для проповедей пророков «осевой эпохи».

Для Китая середины первого тысячелетия до н.э. проблема кочевников стояла весьма остро. Об этом красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что именно тогда «на северных границах царств Цинь, Чжао и Янь были построены стены для обороны от набегов кочевых племен, ставшие впоследствии звеньями Великой китайской стены»⁶. Не только перед Китаем, но и перед всеми древними цивилизациями Старого света возникла проблема военно-стратегическая и духовная – определить свое отношение к этой грозной и своеобразной стихии, хлынувшей из просторов евразийских степей. В VII в. до н.э. киммерийцы, выходцы из зоны Северного Причерноморья, прошли почти по всем областям Малой Азии. В это же время кочевые скифы начинают войну с могущественной державой ассирийцев, в борьбе с которыми погиб скифский вождь Ишпакай. Вовлеченными в ход военных действий оказываются страны передней Азии, в свою очередь подключившие к общему круговороту событий Индию. Именно в это время в Северной Индии, как свидетельствуют ведические тексты, бог грозы Рудра, считавшийся покровителем охотников, превратился в покровителя скотоводства, а одно из солнечных божеств – Пушан – стало покровителем земледельцев.

Вторжение кочевников, приходивших на земли оседлых народов со своим оружием и своей системой мировидения, всякий раз создавало напряженную ситуацию и в духовной сфере. Повсеместно в «осевую эпоху» социальной, религиозной и этической альтернативой становится динамическое и статическое, как отражение столкновения двух различных образов жизни, двух разнящихся образов духовного мира – миров кочевья и оседлости.

К этому времени греческая мифология уже выработала свое отношение к борьбе кронидов и уранидов, хитроумных богов Олимпа, умеющих использовать земные недра, с бесхитростными, наивными, хотя и могущественными богами стихий. В симпатиях мифов к кронидам отразилась растущая мощь древнегреческого полиса, развитых форм земледельческого хозяйства. Эпос, пришедший на смену мифам, развивает и усиливает идеал статичного состояния – деятельное преобразующее начало, подчиняющее природу. Героем становится Одиссей, земной образ Зевса времен борьбы с Атлантом.

В Китае Лао-цзы говорит о дао, истинном пути. Он разделял дао на ложное, человеческое, и на дао естественное, природное. Призывал разрушить человеческое и вернуться к естественным законам. Его современник и спутник на долгие века истории Конфуций, напротив, заботится о сохранении и лишь некотором улучшении уже сложившихся между людьми отношений. Не «дао» («путь») лежит в основе его нравочений, а «ли», переводимое словами «церемониал», «ритуал», «почтительность», «благопристойность». Акцентированный протест против перемен заложен в наизданиях Конфуция.

«Не делайте приятного, ибо расставание с приятным – болезненно», – гласит одна из самых поразительных сутр раннебуддийского текста «Дхаммапада». Используя излюбленный Буддой образ реки, несущей воды в океан и теряющей в нем свои очертания и имя, можно назвать этот парадоксальный афоризм изречением океана – сферы вечного движения, проливающим свет на ту простую истину, что бытие человека – река... Оно потому только и имеет своим идеалом вечный покой, нирвану, что действительную суть его составляет вечное расставание, печаль активного движения.

Наибольшей остроты возникшая в атмосфере «осевой эпохи» альтернатива достигает в проповедях Заратустры. Он не только резко разграничил миры Добра и Зла, но и потряс умы современников представлением о «вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга»⁷. Каждый индивидуум, учил Заратустра, «может участвовать в уничтожении Зла и в установлении царства Добра, перед которым одинаково равны все преданные пастушеской жизни». Фраза о «преданных пастушеской жизни»⁸ не должна ввести нас в заблуждение. Заратустра отнюдь не был идеологом кочевья. И не мог им быть, хотя бы потому, что стихия кочевья вообще не терпит пророков. Главное в самоощущении кочевника – очевидность, доступность истины. Для него не существует сокрытых, «потусторонних» тайн не только в социальной сфере, но и в природе, включая Вселенную. Всеу в мире есть объяснение в обыденном состоянии кочевника, и пророк ломился бы в открытую дверь, пытаясь просветить его относительно «истины». «Нет пророков в своем отечестве» – это относится к кочевью в большей мере, чем к чему-либо другому. Заратустра не мог быть идеологом кочевья, потому что именно «страшных» кочевников больших расстояний назвал он Злом, миром Ангра-Манью, который в скором, ближайшем времени неизбежно будет побежден силами Добра. И хотя он развенчивает в блистательных проповедях культ коровы, идеалом его остается пашня с прилегающим пастбищем, и страстные речи его не что иное, как глас земли, возопившей о тоске своей по сохе и быку.

Сложилась атмосфера «осевой эпохи», атмосфера, обладающая общими чертами на всем протяжении земель древних цивилизаций евразийского материка. Проблема возникла, обрела универсальный характер, и помнить об этом необходимо, потому что в противном случае мы никогда не сумеем объяснить, почему авторы эпоса о Гильгамеше, жители стеною обнесенных городов, в «ниневийской» версии называли Энкиду «братом» царя своего, а историю дружбы героев сочли возможным заложить в основу трагической поэмы.

Об этом свойстве всеобщности возникшей проблемы странным образом забывает Ясперс. «Палестина, – улавливает он «противоречие» в предположении Вебера, – население которой не вело свое происхождение от указанных племен завоевателей, дала осевой эпохе пророков». Но ведь это они, палестинские пророки, неистовые старцы, свидетельствуют в большей мере, чем кто-либо другой, что прав был бы Вебер, доведи он свою гипотезу до логического завершения, назвав основным конфликтом в духовной жизни «осевой эпохи» выяснение отношений между земледелием и кочевьем, идеологическое оформление исторической антитезы этих двух основных в древности хозяйственных укладов; развивавшихся и набравших силу после второго крупного общественного разделения труда⁹. Целиком оставаясь людьми пасторальной стихии «Ветхого завета», палестинские пророки витийствуют на площадях городов, напоминая о первородном грехе. Именем Моисея Эзра канонизирует «Пятикнижие», в котором история всех колен израилевых связана с пастушеской жизнью, а города возникают как опухоли – Содом и Гоморра. Да, это они, палестинские пророки, не только уловили носьущую в воздухе альтернативу, но и поняли ее зловещий смысл. И заговорили о трагической вине, о первопроклятии, о каре, преследующей род человеческий со времен первых людей.

Прозорливыми были библейские старцы, понимавшие двуединую природу человека, единство в нем статичного и динамичного начал, и увидевшие в наступающем распаде большую драму человеческого рода. Мудрым был древний эпос, убравший Утнапишти с пьедестала художественности и забросивший в мир как призыв, как надежду горестный плач Гильгамеша...

И, конечно же, не прав проницательный биограф мировой литературы Ян Парандовский, когда он пишет: «Древневавилонский эпос «Гильгамеш» читают сквозь туман несовершенных переводов, во многих он возбуждает интерес только как голос исчезнувшей эпохи, даже может растрогать, восхитить, но, в сущности, остается лишь предметом исследования для небольшой группы ассириологов.»¹⁰ Пример с «Гильгамешем» Я.Парандовский приводит для подтверждения своего тезиса – литературное произведение живет настоящей жизнью, пока продолжает существовать создавший его народ. Но «Эпос о Гильгамеше» живет, проясняет разум, укрепляет душу на стезе исканий и, в качестве бесспорного сокровища мировой культуры, свидетельствует об истинном родстве и единстве духовных миров минувших, живущих и грядущих народов. Есть ценности, имеющие абсолютное значение, они-то и выверяют растущую культуру на зрелость. Как говорил А.Карпентьер, «тот, кто окажется достаточно сильным, чтобы постучать в двери великой мировой культуры, будет способен открыть собственные двери и войти в большой дом»¹¹.

Неторопливо, проверяя ощущения повторным чтением, любясь и удивляясь, знакомился с «Эпосом о Гильгамеше» подлинный чародей гуманитарно-художественного слова В.Шкловский. Как хорошо и точно, с какой глубиной проникновения в текст он выразил свое к нему отношение: «К глиняным таблицам, на которых как будто следами придавленных гвоздей записаны слова, теперь научились прикасаться, понимая. На них обозначалась смена изменения человеческих отношений. По-разному сложены шрамы клиньев; иногда они кажутся следами птиц, но это следы сменяющихся структур. Это сменяются разные отношения человека к миру, разные расчленения виденного: познание мира через труд и разочарование»¹².

В казахской литературе после Абая, взявшего в основу поэмы «Искандер» притчу о тщетности человеческих страстей, связанную с именами Александра Македонского и Аристотеля, к событиям времен дохристианского летосчисления первыми обратились поэт и исследователь О.Сулейменов («Глиняная книга», «Аз и Я»), в прозе – Б.Джандарбеков.

В повести «Томирис» Б.Джандарбеков рассказывает об освободительной войне саков-массагетов против великого завоевателя Древнего Мира Кира. Изложение основных событий предварено историческим экскурсом, содержащим сведения о зарождении энергии дальних походов в кочевой среде, о вторжении войск кочевников в Ассирию, в страны Передней Азии, в которых неведомый прежде враг

наводил ужас и сеял страх: «Их голос шумит как море. Они мчатся на конях, выстроившись, как один человек, чтобы сразиться с врагом, и никто не может противостоять им!» (Пророк Иеремия).

В повести немало достоинств, выделяющих ее из общего числа произведений исторической тематики. При обилии познавательной информации она читается легко и с интересом. Чувство меры и хороший вкус помогают автору найти корректную, тактичную форму подачи исторических сведений, не затрудняющую восприятие. В качестве примера можно привести эпизод с пребыванием Марда, посла персидского царя, в стане царицы Томирис. Мард не только посол, но и разведчик. Заполучить точное, достоверное знание о противнике – его цель. В сведения, тщательно собранные наблюдательным Мардом, автор помещает такое количество информации о социальном строе, образе жизни, ремеслах, типе оружия, стратегии и тактике боя, этике и эпосе массагетов, что выдержать объем ее смогла бы далеко не каждая художественная форма. Но Мард – разведчик, его розыски и наблюдения движимы сюжетной интригой. Внимание читателя занято ей, но одновременно он получает массу сведений о ранних кочевниках. Сведений, в которых была отделена от небылиц и протянута нить преемственности от создателей конно-кочевой цивилизации к их современным потомкам.

Ряд модернизаций, предпринятых царицей Томирис – демократичный принцип в отборе воинов для личной гвардии, выбор вождей из числа героев, признанных и чтимых в народе, консолидация сил с учетом интересов широких масс кочевников, в сочетании с ее военным талантом, верой в правоту своего дела, отвагой и готовностью к самопожертвованию закономерно, как это убедительно показал писатель, выдвинули Томирис на роль вождя в жестокой, победоносной войне.

Органично вписаны в ткань повествования легенды, материалы исторических хроник. Все это обработано автором естественно, непринужденно, с присущими ему вкусом и тактом. Но в отдельных случаях очарование исторической информацией оказывается неподвластным чувству меры, и тогда настигает расплата: очевидная избыточность исторической эмпирии, излишние ответвления сюжетной линии, потеря динамики повествования – сильнейшей стороны творческой манеры писателя. Как правило, это происходит в случаях, когда автор прибегает к материалу, достаточно подробно разработанному в исторической науке. Например, в главе о Вавилоне. Все, что он рассказывает о «Вратах бога», интересно для массового читателя, не знакомого со специальной литературой, с познавательной точки зрения. Но именно здесь ощутима заторможенность в развитии сюжетной линии, чуждая природе повести.

Вавилон времен завоевания Киром, сцены жизни древнего города с его роскошью и разложением, с множеством его одряхлевших богов и назревающей идеей единого бога – все это могло стать объектом интереснейшего художественно-философского осмысления, если бы было рассмотрено в ключе духовных исканий «осевой эпохи». Увиденный глазами «воина сакской земли» Рустама, Вавилон мог бы помочь автору сконцентрировать, стянуть в узел рассказ об единстве и антагонизме кочевой стихии и мира оседлости в период их первого крупного столкновения. Но Рустам Джандарбекова наблюдает и не видит. Не видит того, о чем витийствовали на площадях современники тех событий – палестинские пророки, узревшие в городах образ Содомы и Гоморры и в текстах нарождавшейся Библии возвестившие возмездие классическому вавилонянину – Вальтасару.

Поход царя «рожденной в огне сражений Новой Персии» на земли саков-массагетов был продиктован отнюдь не только жаждой «благ и славы» или простым намерением Кира обезопасить северный тыл перед войной с Египтом. Причины, побудительные мотивы северного похода Кира, также как и его идеологическое обоснование, лежат глубже, и связаны они с общей атмосферой «осевой эпохи».

Это обстоятельство не нашло отражения в повести, и об этом приходится сожалеть. Прежде всего потому, что автор, человек талантливый, проницательный, владеющий даром рассказывать об исторических событиях достоверно и увлекательно, не использовал реальную, открытую возможность увидеть в одном из ярких эпизодов ирано-туранской войны глубокое содержание, имеющее всеобщий смысл и значение. Сказанное – не претензия, упрек или замечание. В избранном жанре повести автор справляется с поставленной перед собой задачей. Речь идет о другом: его тема достойна широкозахватного, эпического повествования, дает для этой формы обилие материала и, в принципе, адекватное раскрытие может обрести лишь в форме исторического романа. Нет сомнения в том, что и Рустам оказался бы много проницательней, будь он действующим лицом не повести, а крупноэпического повествования. Романное содержание, которое явно влечет к себе Б.Джандарбекова, входит в противоречие с возможностями поэтики повести, и этот разлад временами ощущим.

«Как раз тогда, когда люди, по-видимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое – как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего...» – отмечал К.Маркс в «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»¹³ одну из закономерностей и побудительных причин обращения общества к прошлому. И далее, вспоминая опыт буржуазных революций в Англии и во Франции, К.Маркс писал: «В этих революциях заклинание мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы преувеличить значение данной задачи в фантазии, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения на практике, – для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы носиться с ее призраком»¹⁴.

Отмеченная Марксом возможность двойственного отношения общества к прошлой истории (и к историко-культурному наследию) позволяет внести еще одно уточнение в различение понятий позитивная и негативная преемственность. Позитивная преемственность осуществляется в тех случаях, когда общество подключает опыт прошлого для разрешения задач собственного развития. И, напротив, когда интерес к прошлому питается чувством ностальгии, отсутствием чувства исторической перспективы, стремлением уклониться («увильнуть». – *К.Маркс*) от решения насущных, порою сложных, кажущихся неразрешимыми задач – во всех этих случаях речь может идти только о негативной преемственности, спорадической, бессистемной, с элементами идеализации, экзальтации и, в конечном счете, полной потерей связи настоящего с прошлым.

Установление преемственной связи с историческим прошлым – всякий раз сложная для культуры проблема. Даже верный тезис о том, что прошлое может быть полнее и глубже осмыслено, если обращаться к нему с учетом противоречий и проблем своего времени, на деле чреват «ложной крайностью», о которой предупреждал Гегель. Рассматривая случай, когда художник обрабатывает исторический материал субъективно, т.е. полностью приспособляя «к культуре и привычкам» своей эпохи, Гегель отказывает произведениям такого художника в праве называться подлинно художественными, считая, что они свидетельствуют об отсутствии духовной культуры у автора, – об его просветительском высокомерии (в качестве примера Гегель приводит французский театр времен Людовика XIV, в котором персонажи – греки, китайцы и др. – все офранцужены) и, наконец, по той причине, что в этих произведениях «публике показывают ее собственную случайную субъективность, как она выступает в обычных повседневных делах и занятиях»¹⁵. Называя другой «ложной крайностью» буквальное соблюдение верности истории, при которой художник кропотливо изучает и вживается «в мышление и представления чужих народов и отдаленных веков», Гегель по поводу истинной объективности художественного произведения пишет: «Художественное произведение должно раскрывать перед нами высшие интересы духа и воли, человеческое и могущественное начало в самом себе, истинные глубины души. Главное, по существу, заключается здесь в том, чтобы сквозь внешние моменты выявления проглядывало это высшее содержание и его основной тон звучал во всем остальном. Истинная объективность, следовательно, открывает нам пафос, субстанциальное содержание ситуации и богатую, могучую индивидуальность, в которой живут, проявляются и осуществляются субстанциальные моменты духа. Поэтому мы должны требовать лишь того, чтобы подобное содержание обрело определенную действительность и соответствующие ему очертания, понятные сами по себе. Если художник нашел такое содержание и раскрыл его согласно принципу идеала, то созданное им художественное произведение будет объективным в себе и для себя, независимо от того, будут ли при этом внешние подробности исторически верными или нет»¹⁶.

Художественной культуре известно много проблем, вокруг которых внимание ее сосредоточено постоянно, из века в век. Всякий раз с учетом потребностей своего времени она решает их с исчерпывающей полнотой и на новом этапе истории, в изменившейся ситуации, вновь возвращается к ним, чтобы с наименьшей полнотой решить их, исходя из новых потребностей общества. Можно вспомнить в этой связи многовековую историю споров вокруг проблемы художественного перевода – сохранять ли верность «духу» оригинала или его «букве». И вольный, и буквальный, и рожденный из попыток смягчить крайности адекватный переводы исполняли свою миссию, подтверждая право на собственное существование в определенных исторических ситуациях. Не может быть универсального ответа на вопрос, какой из них лучше. Но можно ответить вполне определенно, если знаешь конкретно-историческую обстановку и задачи литературы на

этот момент, другими словами, если имеешь в виду определенный этап конкретного литературно-исторического процесса. Точно таким же образом обстоит дело с преемственностью, точнее – с содержанием и принципами наследования.

Гегель, рассматривая вопрос о мере достоверности «внешней исторической стороны», напоминает о необходимости учитывать специфику жанров. Лирика, отмечает Гегель, меньше всего нуждается во внешнем, исторически точно изображенном окружении, эпическая же поэзия, напротив, требует наиболее подробного его изображения. В драматическом искусстве злоупотребление подробным описанием внешних обстоятельств губительно сказывается на самом искусстве. Все это верно, и может служить отправным моментом для увлекательного анализа поведения тех или иных жанров искусства в процессе наследования.

Однако мы совершили бы ошибку, целиком сосредоточив внимание на жанрах, и в их природе, специфике, отыскивали бы объяснение существующим формам историко-культурной преемственности. Важным корректирующим началом в процессе наследования, как уже говорилось, являются потребности общества, его культуры в данный период развития. Более того, можно говорить об их первостепенной важности, поскольку они таким образом могут детерминировать содержание жанров, что с точки зрения классического представления о природе жанров пришлось бы констатировать их полное перерождение и – в этой связи – относительность истинности гегелевского тезиса об «истинной объективности» художественного произведения.

Так, например, в начальный период культурного движения 60-х годов, когда актуальной была задача возродить в памяти современников реалии давно минувших столетий, все жанры современной казахской литературы, включая лирическую поэзию и драматургию, охотно использовали имена, названия, детали седой архаики, стремясь к полноте исторической информации. Годы позже, когда в условиях возросшей осведомленности читательской аудитории относительно прошлого возникла задача извлечения глубинного, обобщенного смысла исторического опыта, насыщенность исторической информацией рассказов, повестей и романов («эпической поэзии», по определению Гегеля) стала восприниматься чрезмерной, излишней, необязательной. Это обстоятельство было принято во внимание последующим поколением авторов, пишущих историческую прозу. Они стремятся к реалистической типизации, возвращаясь одновременно в лоно подлинно художественной литературы. В их произведениях нет прежнего размаха в «подробном описании внешних исторических обстоятельств». Есть в них стремление к анализу и осмыслению отдельного человека и связанное с этим стремлением проецирование, скорее всего – подсознательное, авторской субъективности на исторические персонажи. (Историческая проза Абиша Кекильбаева, Мухтара Магауина, Марала Скакбаева). Эпический жанр в этом случае заметно сближается с лирическим. Вместе с тем, в самом жанре лирической поэзии можно наблюдать интересные явления, обусловленные эволюцией духовных потребностей общества.

Показательно в этом отношении творчество О.Сулейменова. Его лирический герой с ярко выраженным чувством гражданственности был закономерно порожден культурной атмосферой 60-х годов. В своем становлении он прошел путь, характерный для тех лет. Начав с резко обозначенной, хотя и несколько абстрактной этической посылки – призыва к отваге («Бросим робким тропам грохот копыт в лицо»), лирический герой О.Сулейменова ищет опору и находит ее в истории родного народа («Предки, в бою поддержите меня...»). Патриотизм его решительно отмежеван от националистической ограниченности в самой исходной позиции, в определении цели – «Возвысить степь, не унижая горы». Пристально всматривается он в страницы истории, прислушивается к голосам минувших столетий, обнаруживает в них непреходящие ценности и вдохновенно, со всей серьезностью просветителя сообщает современникам массу просветляющей разум и душу исторической информации. Однако традиционные жанровые средства лирической поэзии уже не выдерживают напора сведений. Сулейменов ищет новые выразительные средства, чтобы помочь своему лирическому герою «возвысить степь», вернуть народу память об историческом прошлом, не менее содержательном и поучительном, чем опыт любого другого народа.

Он пишет поэму «Глиняная книга». Вспышки озарения в постижении исторических реалий, событий, достаточные в прошлом, чтобы написать вдохновенные стихи или статью, пронизанную чувством сопричастности к истине, теперь уже сознательно окрашиваются автором в цвет иронии. Проницательные, безусловно перспективные гипотезы подаются так, будто они результат прихотливой игры воображения. Автор многоступенчато опосредует себя персонажами,

предоставляя им право мыслить и действовать. Этот несомненный признак эпического и драматического повествования может создать впечатление, будто поэт расстается с лирическим героем своих ранних произведений. Видимым подтверждением этого предположения может послужить то обстоятельство, что поэт не только ассоциативно осмысливает центральную сюжетную линию древнего аккадского эпоса о Гильгамеше, но и в выборе изобразительных и выразительных средств широко использует эпические и драматургические традиции различных времен и народов...

И все же центральной фигурой новой поэмы О.Сулейменова остается его лирический герой. Лейтмотив поэмы – вопрос: «Хан Ишпака, ты чей?» – свидетельствует о том, что автора по-прежнему интересует история, но уже под особым углом зрения. Его в первую очередь занимают проблемы, возникающие при встрече разнородных этнокультурных стихий. В судьбе Ишпаки и в содержании поэмы нашла воплощение дилемма, субъективно близкая автору: ясное понимание исконного родства, нерасторжимости, единства народов – с одной стороны, и с другой – столь же ясное понимание и признание необходимости принадлежать одному из них.

Любопытно мнение, высказанное А.Алимжановым в предисловии к «Глиняной книге»: «Поэт стал менее расточителен, спокойно, как бы заново осмысливает все то же «кружение мира перед глазами», выкладывая и критически осмысливая пережитое, перевиденное, перечитанное, он порой серьезно, порой игриво, но более скуп и рачительно, чем прежде, растворяет кристаллы своей поэзии, отдавая большее предпочтение сатирическому, фельетонному настрою своих строк, не боясь излишней жанровой «раскованности». Не отрицая своей субъективности, я все же думаю, что все это происходит от благородного желания автора «Глиняной книги» сфокусировать события, рассеянные во времени: от его стремления совместить в одно и то же понятие два противоположных начала и придать им типический характер».

Желание «сфокусировать события, рассеянные во времени», приводит к «раскованности» жанра... это наблюдение особенно интересно, поскольку высказано писателем, в собственной практике активно и результативно умевшим отыскивать средства художественного осмысления истории. За ним, за этим наблюдением, стоит поиск современного художественного сознания. Стремление к «раскованности» жанра важно понять как попытку вскрыть не всегда очевидные возможности самого жанра. Действительно, писатели отнюдь не ищут той «раскованности», которая вела бы к разрушению видовых, основополагающих признаков жанра, к смене одного жанра другим. В принципе, художественное осмысление истории, как в масштабах литературного процесса, так и в творчестве отдельного писателя, может совершаться поэтапно различными жанрами в соответствии с наличным арсеналом выразительных средств. Что же касается новой казахской исторической литературы, то характернейшей ее особенностью остается преданность ее создателей избранному жанру в сочетании с ярко выраженным стремлением полнее и глубже использовать его возможности, превратить его в мощное, дееспособное средство художественного познания. Мы не можем не считаться с этим фактом и должны его понять. Причину следует, видимо, искать в самой природе новой казахской литературы исторической тематики. Очевидными свойствами ее являются общественная активность и гражданское самосознание ее творцов – качества, заложенные в исходном стремлении художников слова оснастить и укрепить современников знанием опыта прошедших столетий. Понятие «лирический герой», употребляемое обычно для обозначения индивидуального мироощущения и миропредставления автора, в новой исторической литературе становится всеобщим, насыщается общественным, социальным содержанием. Художники слова преданы прежде всего этому «лирическому герою», по сути дела, главному действующему лицу культурного движения 60-х годов. «Лирический герой» новой исторической литературы – это растущее самосознание народа, его интеллектуальный потенциал, последовательно решающий задачи исторического бытия национальной культуры. Он объективирован не только в определенной культурной атмосфере, но и в деятельности – творчестве конкретных людей, в нашем случае – писателей, формируя в них качество подлинно и многосторонне развитых личностей. Это едва ли не важнейшее завоевание новой литературы исторического жанра, обретенное в процессе решения ею задач историко-культурной преемственности. Рождение нового типа художника вплотную приближает литературу к умению осуществить высшее предназначение духовной деятельности – созидать в человеке личность.

Эволюция лирического героя культурного движения 60-х годов достаточно сложна и противоречива. Так, например, для лирического героя О.Сулейменова периода «Глиняной книги» ответ на вопрос «Хан Ишпака, ты чей?» сводится к метафизической, по существу, попытке «соединить в одно и то же понятие два противоположных начала». Диалектическое понимание проблемы «свое – чужое» придет к нему позже, а в «Глиняной книге» проблема остается неразрешенной. Отсюда – парадоксальное, казалось бы, сочетание в ней сознательно, целенаправленно проясняемых автором деталей лингвистического, историко-познавательного плана и «темной воды» общего содержания, блистательное, высокопоэтическое изложение которого демонстрирует умение автора развивать сюжетную линию, но, в данном случае, не идею.

Говоря об европейском возрождении, Ф.Энгельс отмечает, что блистательная эпоха «жизнерадостного свободомыслия» создавалась людьми нового типа и благоприятствовала формированию этих «титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености»¹⁷. Всматриваясь в судьбы этих людей, Энгельс обращает внимание на их деятельное участие в жизни общества – «...что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей. Кабинетные ученые являлись тогда исключениями; это люди второго и третьего ранга либо благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцев (как Эразм)»¹⁸.

В период, предшествовавший взлету художественной и гуманитарно-научной мысли, аналогичная ситуация складывается в странах Латинской Америки. В это время, по словам А.Карпентьера, писатели «...начинают настойчиво тянуться друг к другу, испытывая потребность встретиться, услышать биение пульса всего континента. Подобно гуманистам эпохи высокого средневековья, которые знали друг друга, обменивались рукописями и трактатами, невзирая на границы феодалов и дремучие леса, были прекрасно осведомлены о местонахождении какого-нибудь своего собрата ученого-латиниста, знатока Горация, живущего среди невежественного люда, наши писатели, будучи единомышленниками, едва осознав свою национальную принадлежность, то есть креольство и веления этого креольства, постарались установить обмен мнениями, завязать диалог»¹⁹. Отмечая, что все эти люди были вовлечены в политику, Карпентьер добавляет: «...они знали друг друга и, хотя иногда и вели публичную полемику, ценили друг друга. А ценили потому, что все они были людьми, сделавшими свой выбор»²⁰.

Разумеется, аналогии нужно использовать с большой осторожностью. Но в данном случае мы и не собираемся проводить исторических параллелей между ситуациями. Речь идет только об одном: последовательная и солидарная деятельность культурных сил, ориентированная на прогрессивное решение задач общественного развития, в частности такой задачи, как осуществление исторической преемственности, закономерно приводит к концентрированному выражению потенциальных возможностей культуры в деятельности ее лучших представителей.

«Начался этап подъема. Мы вспоминаем себя нами. И от того, будем ли воздвигать собственные кочки и, калечась, сдирая кожу с ладоней, потянем тяжелую, колючую, как трос, линию подъема выше себя, зависит амплитуда твоего духовного взлета, степь». Этот принцип подъема, сформулированный О.Сулейменовым в обращении к современникам, в условиях казахской культуры нашел высокую степень реализации в его собственном творчестве, в книге «Аз и Я»²¹.

О.Сулейменов предстает в ней в единстве своего интеллекта, редчайшей культуры художественного и научного мышления, высоконравственного мировоззрения. Обостренное чувство справедливости и мужественная, бескомпромиссная борьба против «попранья правды» в сфере историко-филологических наук определяет его этическую позицию. Уникальная по своим возможностям способность Сулейменова улавливать дыхание поэтического слова, его сердцебиение предопределила особую ценность этой книги.

Жанр ее не поддается традиционному определению. Она логична и научно аргументирована. В то же время это, безусловно, художественное произведение и по воздействию на чувства читателя не уступает лучшим образцам «мыслящей поэзии», мастером которой О.Сулейменов

признан давно и безоговорочно. Проблема соотношения поэтического и научного начала в мышлении поднимается в книге неоднократно, протест против их категоричного противопоставления друг другу является в ней главным творческим импульсом. «Почему-то повелось: поэзия – глуповата, наука – умновата. Забыли, что стихи глупца не станут притчей, – рассуждает О.Сулейменов в одном из монологов. – Забыли, что смыслы «ученый» и «поэт» разделились недавно. Они выражались одним словом, в Европе – артист, в Средней Азии – чаляби от позднетурецкого – чаляб – бог. Омар Хайям писал пространные математические трактаты, может быть, поэтому ему так удавались в конце жизни четырехстрочные рубаи – стихи сжатые и всеобщие, как формулы. Аль-Фараби, этот узел поэзии, философии и математики? Кто они были – поэты или ученые? Чаляби. Умеющие отгадывать символы, потому что создавали их. Люди чувственного ума. В средние века в Средней Азии за науку не платили: единственная привилегия, которой добились Омар Хайям и Аль-Фараби – «счастье познания». «Привилегии» «счастье познания» добился и О.Сулейменов, благодаря своим способностям, помноженным на интенсивнейшую работу ума.

И все же он не просто чаляби – идеальный инструмент познания символов мира. Он – преобразователь действительности. Его книгу легко читать и нетрудно понять. И невозможно не признать за ней свойство реально созидающей силы. С библейского откровения «вначале было Слово» О.Сулейменов как бы снимает оттенок метафоричности. Читая его книгу, ощущаешь и подземный гул, и колебание почвы под ногами, ощущаешь тектонические сдвиги и процесс образования новых гор... Он возвращает действенную силу искрящемуся кристаллу человеческого слова, этой соли земли, озаренной поэтическим прозрением и открытиями разума.

В «Аз и Я» Сулейменов представлен многолико, и простое перечисление его проявлений потребовало бы множества специальных гнезд: в одном – славист, тюрколог, шумеролог; в другом – историк, лингвист, литературовед; в третьем – этнограф, палеограф, знаток летописей; в четвертом – поэт, публицист, в особой графе – гражданин, общественный деятель и т.д. Объединенные в одной личности, эти грани формируют собеседника ушедших и грядущих времен, воскрешая образ универсального мозга исторических ситуаций Возрождения.

Проницательно, с большой любовью к великому «Слову о полку Игореве» прочитаны в книге «темные» места гениальной поэмы, обнаружена и доказана причастность тюркского языка XII века к созданию шедевра русской литературы, подтверждающая его подлинную древность. Но в большей мере привлекают предпринятые в ней попытки восстановления первоизданной поэтики «Слова». Очищенное от наслоений, «Слово» предстает монолитным произведением высокого драматического звучания. Общечеловеческое значение имеет ее центральная, как убедительно показывает О.Сулейменов, нравственная проблема: «свой – неправ». Это редчайший в мировой литературе средних веков случай преодоления этнических пристрастий, пойти на которое мог действительно гениальный художник.

Но вот исконное тюркологическое русло О.Сулейменова выходит на безмятежные равнины отечественной тюркологии. Боевой пыл сменяется досадой, сарказм – горьковатой иронией, утверждение истин – просвещением. Еще вспыхивают гневные молнии в части «Шумер-наме», разя «сапожников» от тюркологии, «молящихся, как буддисты ноге Будды, тесной колодке индоевропейского сапога», но в целом интонация в корне изменилась. В ней ясно улавливается забота о создании новой тюркологии, подлинно научной, свободной от пожизненного школярства, от расовых и национальных предрассудков.

Таблица сопоставления шумерско-тюркской лексики, предложенная в книге, представляет собой итог кропотливой, добросовестной работы. Она подтверждает предположение О.Сулейменова о сосуществовании прототюркских и шумерских племен в составе единого культурного региона во времена, которые в представлении большинства тюркологов ассоциируются с колодезной глубиной в безлунную ночь. «Шумер-наме» побуждает мысль к дальнейшим исследованиям, «раздражая», озадачивая ее множеством новых вопросов. Сулейменов демонстрирует плодотворность своего направления, вытягивая из глубины пяти с лишним тысяч лет золотую нить тенгрианства – первой в истории народов монотеистической религии, духовного стержня тюрко-монгольских кочевых племен, позволявшего им на долгом историческом пути смотреть сквозь встречавшиеся религиозно-мировоззренческие системы.

Кстати, здесь-то и смыкаются сюжетные линии двух частей книги. Автор вспоминает сон великого князя Святослава Всеволодовича из «Слова о полку Игореве», в котором тот видит

собственное погребение по тенгрианскому обряду. Неизбежное для настоящей книги композиционное решение состоялось! Встречное свечение ее частей озарило атмосферу произведения, обнаруживая его последовательность и логическую завершенность. Участие тюркского этноса в культурных контактах с народами евразийского материка оказалось прослеженным на временной дистанции в несколько тысячелетий.

Проблемы, поднимаемые О.Сулейменовым в части «Шумер-наме», носят постановочный характер. Он сам это хорошо знает и оговаривается; «Работа по восстановлению биографии тюркских языков, по сути, находится в самом начале своего пути». Показательно внимание О.Сулейменова к начинающим лингвистам, которым он предлагает решить несколько задач в ключе новой тюркологии. Эти задачи, как и целый ряд вычлененных и сформулированных им вопросов, – горсть готовых к восходу зерен без плевел в руке опытного сеятеля.

После прочтения «Аз и Я» становится очевидной возможность сопоставления «Слова о полку Игореве» и «Эпоса о Гильгамеше». Аккадский эпос ясно и недвусмысленно осуждает богов Урука в ситуации «свой – неправ». В двух литературных шедеврах, между которыми легли тысячелетия, с болью, с художественным прозрением трагических последствий осмыслена драма распада былого единства.

Ряд положений книги подверглись критической оценке, в том числе – критической самооценке автора. Не вдаваясь в детали полемики и посттворческих рефлексий, хотелось бы заметить, что в анализе ее достоинств и недостатков абстрагироваться от проблем и возможностей современной казахской культуры можно не иначе, как лишаясь всякой перспективы понять природу этой книги. Безупречна ли она? Разумеется, нет. Лирический герой культурного движения 60-х годов достигает в ней значительных высот собственной эволюции. Нетрудно, однако, увидеть, что он подчиняет себе автора – художника и ученого, добавляя ученому ощутимую меру субъективной пристрастности, художнику – иллюзию полного согласия с логосом. И в этом – прямое следствие культурной атмосферы 60-х годов, когда своеобразный синкретизм мышления в освоении историко-культурного наследия, являясь исторически обусловленным, воспринимался как исторически необходимый, оправданный и в этом смысле – идеальный.

Фактом своего появления книга «Аз и Я» с такой очевидностью обнажает противоречия, заключенные в существующей практике освоения истории и исторического наследия, что снятие их становится делом столь же актуальным, сколь и осуществимым. Нам уже не потребуется другого прецедента, чтобы ясно помнить, что познание истории и действительности в целом должно происходить в различных формах знания в соответствии со спецификой, видовым призванием этих форм, развитых в ходе взаимодействия и готовых к продуктивному партнерству на новом уровне перед лицом вновь возникающих проблем.

Нить преемственности тянется в глубины веков, ведет в миры народов, достоверность культурных контактов с которыми выглядит не всегда очевидной. Исторические дисциплины, сохраняя верность собственным строгим критериям, набирают фактический материал, чтобы однажды, в неопределенном будущем, установив причинно-следственные связи, взвесив аргументы, прояснить реальную картину взаимоотношений. Между тем художественное сознание со всей присущей его природе непринужденностью совершает «рейды» по маршрутам, утвердить которые не взялась бы ни одна из обществоведческих наук. Культурологическому знанию в этом случае необходимо, видимо, перестроиться, беря на вооружение нечто от искусства, чтобы не уподобиться курице, мечущейся на берегу, от которого, влекомые простором, отплывают высиженные ею утята.

В «Глиняной книге» О.Сулейменова есть описание поединка с быком, совершенно определенно указывающее на преемственное использование поэтом шедевров словесности прошлого, в данном случае – героического огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» и древнеаккадского эпоса.

«Эпос о Гильгамеше»:

От дыхания быка разверзлась яма,
Сто мужей Урука в нее свалились;
От второго дыхания разверзлась яма,
Двести мужей Урука в нее свалились.

«Книга Коркута»:

Когда тот бык ударял рогами крепкий камень,
камень рассыпался, как мука...

...три человека с правой стороны,
три человека с левой стороны
держали быка на железной цепи...

«Глиняная книга»:

Держали с двух сторон
на бронзовой цепи

Три скифа справа
и четыре слева...

Когда ты ударяешь рогом в камень,
из камня серого, как из мешка,
а землю сыплется мука, о бык.

Совпадающие в основных компонентах, все три поединка завершаются победой над быком, отсечением его головы. Энкиду и Гильгамеш, юный «сынок» Дерсе-хана – герой огузского эпоса и косог Кози Кормеш О.Сулейменова обретают право на особые почести. Победа над быком поднимает их на вершину славы. Кози Кормеша, персонажа «Глиняной книги», она приводит в объятия Шамхат, дарует ему «тяжелый шлем с рогами» – символ власти над ишкузами. В конкретике реалий придерживаясь близости к тексту «Книги Коркута», О.Сулейменов в изложении истории вождя Ишпаки ориентирован, прежде всего, на фабулу «Эпоса о Гильгамеше». Уверенность, с которой О.Сулейменов обращается с древними текстами, выдает в нем носителя особого самоощущения – осознающего свои права и полномочия наследника культурной традиции, «берега» которой определяются самим поэтом.

Пример подобного вторжения в запредельные, с точки зрения бытующих этно-географических и других представлений, миры чрезвычайно притягателен. В нем есть обаяние свободы выбора, которая только и подготавливает единственно верный выбор – свободу в пространственно-временной ориентации.

«Книга моего деда Коркута», изобилующая сценами военной и мирной жизни тюркских кочевых племен, дает основание сопоставить и сравнить ее содержание и поэтику с общетюркской и собственно казахской фольклорно-эпической традицией «Лицо волка благословенно», – возвещает «Книга Коркута», и стоит за этим определением распространенный среди тюркоязычных народов культ волка, впоследствии эстетизированный и в качестве традиционного образа вошедший в современную литературу региона – от «Серого Лютого» М.О. Ауэзова до Акбары и Ташчайнара Ч.Айтматова («Плаха»). Или эпизод с Бейреком, когда он говорит: «Как мне не печалиться? Прошло уже шестнадцать лет, как я в плену у твоего отца; мой отец, моя мать, мои рабы, мои сестры тоскуют по мне. Еще была у меня черноокая невеста; был человек по имени Яртачук, сын Яланчи; он пошел, сказал ложь, объявил, что я умер; за него она выходит». Услышав такие слова, девица полюбила Бейрека; она говорит: «Если я спущу тебя на аркане с крепости, если ты вернешься невредимым к своему отцу, к своей матери, придешь ли ты сюда, возьмешь ли ты меня в жены?» В этом диалоге и во всей ситуации явная параллель с историей взаимоотношений Кобланды, Карамана и Карлыги из казахского героического эпоса «Кара-Кыпшак Кобланды».

«Казан велел привести своего каурого коня и сел на него. На своего саврасого жеребца, с пятном на лбу, сел Дундаз; своего сивого бедуинского коня велел поймать и сел на него брат Казан-бека Кара-Гюне; своего белого коня велел привести и сел на него Шер Шемс-ад-дин», – получая эту развернутую информацию, мы, конечно же, вспоминаем и поэзию древних тюрков с ее культом коня (в лапидарном, высеченном в камне тексте создатели поэмы о Кюль-тегине называют поименно каждого из десятка его боевых коней), и казахскую поэзию, пронесшую сквозь века образ коня-соратника, лишаясь которого человек теряет в себе главное. Традицию подобной оценки коня венчает выдающаяся поэма И.Джансугурова о Кулагере, трагическая гибель которого ассоциируется в современном сознании с крахом конно-кочевой цивилизации.

«Книга Коркута» содержит многое, с чем современные тюркоязычные литературы могут обра-

щаться как с автохтонным историко-культурным наследием. Но есть в ней и нечто иное, выходящее за пределы собственно тюркской истории, зародившееся в атмосфере контактов и связей столь отдаленной поры, что лишь память художественного слова свидетельствует о бесспорности состоявшегося некогда взаимодействия. Когда Бейрек, вернувшись в «страну огузов», переодевается в «старый мешок из верблюжьего вьюка», является неузнанным на свадебный пир, состязаясь в стрельбе из лука, раскалывает перстень Яртачука, добивавшегося руки Бану-чечек, а затем учиняет расправу над теми, кто его предал, мы, несмотря на ряд отличительных деталей, узнаем действие, описанное Гомером в сцене возвращения Одиссея на Итаку. Особняком в поэме стоит рассказ о Бисате, ослепившем одноглазого Депе-Геза. В.М. Жирмунский в работе «Огузский героический эпос и «Книга Коркута» пишет, что в исследованиях русских и европейских ученых зарегистрировано более двухсот вариантов этого сюжета, сохраняющего устойчивость основных компонентов «в географическом районе, простирающемся от Исландии и Финляндии до Средиземного моря, Балканского полуострова, Кавказа и казахских степей»²². Древнейшим письменным отражением этого сюжета является рассказ об ослеплении Одиссеем одноглазого циклопа Полифема. Отмечая этот факт, В.М.Жирмунский считает необходимым уточнить: «Несмотря на древность и популярность «Одиссеи», нет никаких оснований рассматривать поэму Гомера как источник других вариантов. Напротив, в этом случае, как и во многих других, древнегреческая эпопея использовала сюжет гораздо более древней сказки»²³.

В добротном исследовании В.М.Жирмунского дана панорама бытования сюжета об ослеплении циклопа в фольклоре тюркоязычных народов. В части же исторической, в вопросе о возникновении, причинах его широчайшего распространения, исследователь ограничивается вышеприведенной отсылкой к туманным временам «гораздо более древней сказки».

Отнюдь не преследуя цели установить генезис интересующего нас сюжета, относящегося к числу мировых, обратимся к тексту «Одиссеи», хотя бы для того, чтобы ощутить одно из его воплощений в художественном слове. Разумеется, нас не могут оставить равнодушными отмеченные Н.Сахарным в опубликованных за последнее столетие литературных памятниках хеттов, шумерийцев, финикийцев и др. древних, а также в эпических творениях народов нашей страны («Манас», «Гэсэр», «Нарты» и др.) «многие сходства» с гомеровскими поэмами и его констатация – «Каким образом, какими историческими путями и когда именно происходило это слияние тем и мотивов, где они возникли и откуда шло их заимствование или типологическое сходство, пока не выяснено...»²⁴

Что же мне прежде, что после и что под конец рассказать вам?

Слишком уж много я бед претерпел от богов Уранидов, –

начинает свое повествование Одиссей о посещении пещеры Полифема. Упоминание Уранидов в устах «постоянного в бедах» Одиссея не случайно – оно дает идеологический настрой всей последующей истории. Беды – от укрощенных «эгидодержавцем» Зевсом Уранидов, сыном одного из которых – Посейдона – является Полифем.

Прибыли вскоре в страну мы не знающих правды циклопов,

Гордых и злых. На бессмертных надеясь богов, ни растений

Не насаждают руками циклопы, ни пашни не пашут.

Циклопы не знают «правды», не ведают «закона», не возделывают землю. На последнее обстоятельство Одиссей обращает особое внимание. Неоднократно подчеркивает он достоинства земли циклопов, на которой

... все бы роскошно рождалось к сроку...

Плугу легко покоряясь, поля бы покрылись высокой

Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна...

Не экзотику, необычность или какие-либо красоты увиденной земли отмечает Одиссей, взгляд его сугубо практичен, оценивающий – перед ним потенциальное поле деятельности, в переносном и прямом смысле слова. Во всей истории странствий Одиссея, лишь в этом случае, в рассказе о циклопах, акцентируется мысль о несоответствии призвания земли («быть покоренной плугу») и тех, кто ее населяет. Но вот герой гомеровского эпоса попадает в цитадель пастушьего мира циклопов – в пещеру Полифема. Общие соображения остаются за ее пределами, взгляд обретает тактическую остроту, схватывает детали, познает внутреннее устройство мира тех, с кем еще предстоит выяснять отношения:

Начали мы все в пещере пространной осматривать; много

Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах

Заперты были козлята, барашки,
по возрастам разным в порядке
Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.

И – наконец – встреча с Полифемом, «с заботливым спехом» завершившим дойку коз и овец. На вполне мирный, естественный по ситуации вопрос хозяина пещеры: «Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?» – Одиссей, с похвалой называя своих небесных и земных покровителей, завершает ответ словами, содержащими угрозу:

Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник.

Эти слова имеют, конечно же, сомнительную дипломатическую ценность. Но не характером слов, не их интонацией вызваны гнев Полифема и его последующие столь же решительные, сколь и жестокие действия. Аппелляция к авторитету богов Олимпа вызывает его ярость:

Видно, что ты издалика иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевсе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей.

Сюжет драмы, происшедшей в пещере, хорошо известен: Полифем одного за другим поедает спутников Одиссея. Убить его спящим пленники не решаются, зная, что не смогут отодвинуть скалу, загородившую вход в пещеру. «Хитроумный» придумывает план избавления, в котором ставку делает на привязанность циклопа к своему стаду: Полифем не может не выпустить голодных животных на пастбище. Напоив Полифема «крепким, божественно-сладким» вином и усыпив его бдительность «обольстительно-сладкою речью», Одиссей с сотоварищами острием раскаленного в огне кола ослепляют великана. Наутро, укрывшись под «большими, мощными» баранами, руно которых «волновалось, как шелк», мореходы покидают пещеру.

Компоненты сюжета образуют устойчивую конструкцию, составившую ядро огромного числа вариантов в фольклоре и эпосе евразийских народов. Структура его компактна, завершена и в силу этих качеств – «транспортабельна», от народа к народу, от эпохи к эпохе. В каждом конкретном воплощении сюжет естественно обрастает деталями, имеющими второстепенное значение по отношению к «ядру», но обеспечивающими его привязку к определенной этно-культурной среде. Ошеломляющее впечатление производит совпадение именно этих, «второстепенных», неосновных компонентов в произведениях, разделенных пространством и временем.

Полифем, ощупывая последнего барана («отягченного длинной шерстью и мной». – *Одиссей*), произносит монолог отчаяния, начинающийся со слов: «Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был...» – и завершающийся новой вспышкой ярости –

Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный, я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере...

А вот как происходит освобождение Бисата из пещеры ослепленного им Дepe-Геза – «Бисат повалил барана, зарезал, снял с него кожу, хвоста и головы от шкуры не отделил, оделся в шкуру. Бисат подошел к Дepe-Гезу; Дepe-Гез тоже понял, что в шкуре Бисат; он говорит: «Поднимающий мое богатство баран, ты понял, от чего мне будет гибель; я так ударю тебя о стену пещеры, что твой хвост смажет пещеру жиром». Бисат протянул Дepe-Гезу в руки голову барана; Дepe-Гез крепко ухватился за рога, поднял; у него в руках остались рога и шкура; Бисат перескочил через туловище Дepe-Геза, вышел».

Монологи Полифема и Дepe-Геза обращены к барану – «любимцу», «поднимающему богатство», знающему, «откуда гибель» и безусловно сочувствующему циклопам. Идентичны и угрозы, дающие выход ярости, – так ударить врага, чтобы мозг (хвост) его брызнул на стены. Рефлексии ослепленных циклопов и детали сцен в данном случае настолько индивидуализированы, сходство их настолько разительно, что, с учетом двух тысяч лет, лежащих между письменными фиксациями «Одиссеи» и «Книги Коркута», мы не можем не думать о состоявшемся некогда

события, из числа сверхзначительных, вошедшем в наше сознание со всей категоричной определенностью и оставившем ясный, как тавро, след в памяти потомков. Таким событием в середине I тысячелетия до н.э. явилось, согласно упоминавшейся ранее гипотезе А.Вебера, вторжение конных кочевников в Китай, Индию и на Запад, имевшее далеко идущие последствия. Древняя Греция не только оказалась вовлеченной в орбиту небывалой по охвату земель, интенсивности, накалу страстей системы этнических связей, но и выступила активнейшим участником создания общей атмосферы «осевой эпохи». На этом следует остановиться подробнее, но прежде – посмотрим, как греческий эпос, а не герой его, воспринимает развязку встречи Одиссея и Полифема.

Мир гомеровских поэм Гегель относит к героическим эпохам, которые, по его определению, «волнуются глубокими страстями, ставят себе значительные цели». Героическое состояние мира – это такое состояние, при котором «...повсюду проглядывает первая радость от новых открытий, свежесть обладания, завоевание наслаждения, все родственно человеку, во всем он имеет перед собой силу мышц, ловкость своих рук, изощренность своего ума или результат своей смелости и храбрости»²⁵. Одиссей – классический персонаж «героической эпохи». Размах маятника его судьбы широк, страсти неподдельны и глубоки, цели его значительны («городов разрушитель» – во славу Зевса и Итаки!), все его подвиги – результат его личной доблести. Покидая на корабле землю циклопов, торжествующий лаэртид бросает Полифему, верящему в то, что отец его, Посейдон, вернет ему зрение, безапелляционно-уверенную фразу, характерную для носителей его типа самооощущения: «Верно то, что тебе колебатель земли не воротит уж глаза!» Одиссей, с его умом и силой, бесстрашием и изворотливостью, умением достичь успеха, – идеальная функция мира, который он представляет, и эпос, казалось бы, должен был без тени сомнения восславить его подвиги. Но вот – финальная сцена песни девятой. На берегу уединенного острова поделена добыча – «тучные» овцы и козы Полифема. Одиссею «назначен главный баран». В честь победы над Уранидом разложен жертвенный костер. Жертвоприношение посвящено Зевсу.

Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я
Спутников верных, и всех кораблей крепкозданных лишился.

Нет, не настолько ясными и простыми были отношения, складывавшиеся в «осевую эпоху», чтобы Гомер, гениальный художник, мог дать однозначную оценку действиям Одиссея на земле циклопов. Пастух Полифем – образ кочевника в восприятии древнегреческого эпоса, а вся «пещерная» история – метафора резко обострившегося противостояния двух миров. Художественное сознание в этом случае в очередной раз подтверждает свою широту и мудрость, несравненно большие, чем у идеологического, идеальным осуществителем целей которого был Одиссей. В дальнейшем странствие отправлен Одиссей, чтобы в соответствии с «замыслом Крониона» ценой страданий, потерь и открытий обрести право возвратиться на Итаку и водворить на ней справедливость и спокойствие. История с Полифемом не вмещается и в эстетические дефиниции Гегеля. Исходя из текста песни девятой, мы должны были бы назвать мир, представленный в ней, скорее, драматическим, чем, как полагал Гегель, героическим.

По свидетельству Н.П. Толля, древнейшие исторические известия о кочевых народах, заселявших степи Евразии, принадлежат главным образом китайцам и грекам. Отмечая, что более или менее «достоверная китайская хронология (о кочевниках) начинается с IX века до Р.Х.», Н.П.Толль пишет: «Одновременно с натиском кочевников на Китай происходит ряд больших вторжений орд из Туркестана в нынешнюю Персию и Ассирию. В надписях ассирийских царей Асаргаддона и Ассурбанипала упоминаются кочевники киммерийцы (гимири), спустившиеся с севера в Закавказье и грозившие ассирийскому царству. В VII веке до н.э. скифы или саки напали на Индию, разбили и подчинили индийского царя Киаксара, вторглись в Ассирию и дошли до Средиземного моря. Память об ужасе, охватившем Сирию и Палестину при нашествии скифов, сохранилась в свидетельствах еврейских пророков – «Так говорит Господь: вот идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли. Держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосерды: голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены как один человек, чтобы сразиться с тобою, дочь Сиона. Мы услышали весть о них, и руки у нас опустились, скорбь объяла нас, муки, как женщину в родах. Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо – меч неприятелей, ужас со всех сторон» (пророк Иеремия, VI, 22-25)²⁶.

Могло ли событие, вызвавшее такую реакцию одного из пророков, вместе с Амосом и Исайей канонизировавшего текст «Ветхого Завета», не отразиться в сознании динамичного, осваивающего мир

и деятельно себя в нем утверждающего населения Древней Греции? Еще и до Геродота (V век до н.э.), который, по словам Иоганна Гердера, «изъездил немало и с похвальной любознательностью ребенка собирал все услышанное и увиденное»²⁷ и оставил массу ценнейших сведений, в том числе и по ранней истории кочевников? В канун зарождения греческой истории, философии, в период перехода художественного слова от мифа к героическому эпосу, иерархии богов – от титанически-циклопической к царству Зевса, Афины Паллады и Аполлона? Не состоят ли сами названные перемены в причинно-следственной связи с появлением на палестинском горизонте расширяющегося греческого мира внешнего стимулятора – резко отличающегося по образу жизни и миропредставлению, но в неменьшей мере динамичного, боеспособного и агрессивного этноплеменного субстрата – конных кочевников?

Гомер, отдавая в рассказе о Полифеме дань политическим и идеологическим настроениям своей среды, не поддается им полностью и в тексте «Одиссеи» находит возможность для выражения собственного, истинно гуманистического взгляда на ценности противостоящей стороны. Вот как описана им золотая пряжка на плаще Одиссея –

.... мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумление та бляха
Всех приводила....

Описывая выдающиеся по своим достоинствам вещи, Гомер, как правило, называет и имя мастера, их сотворившего. Это и стул из слоновой кости «чудной работы Икмалиона», и скипер Агамемнона, изготовленный его прародителем, брачное ложе, которое смастерил себе Одиссей, и оружие Ахилла, изготовленное Гефестом. Творец же пряжки, «в изумление всех приводившей», анонимен. Так же, как и создатель «златолитного» ремня, на котором «изваяны хищные звери и жестокие схватки». Работе этого мастера поэт дает высочайшую оценку:

Сделавший это пускай ничего не работает больше –
Тот, кто подобный ремень с таким изукрасил искусством.

С необычайной щедростью восхвалений Гомер говорит о предметах искусства кочевого мира, созданных в традициях так называемого «скифского звериного стиля», о последующем взаимодействии которого с греческой пластикой исследователь пишет: «Первоначальный звериный стиль, основанный на общей любви всего кочевого мира к реальному изображению животных и зверей степной полосы, лошадей, оленей, козлов, туров, и т.д., бегущих, или стоящих, или искусно скомпонованных в сложные сцены, где два зверя, схватившись, катаются в отчаянной смертельной борьбе, меняется под влиянием ионического искусства. Несмотря на привязанность скифов к своим художественным формам и на старания греческих мастеров подладиться под вкус кочевников, все же Скифия наводнялась изделиями, исполненными по греческому трафарету с обязательными мифологическими сюжетами, пристрастием к обнаженной человеческой фигуре и греческой растительной орнаментикой»²⁸.

Воздавая достойную, временами, возможно, и преувеличенную хвалу изделиям «скифского» искусства, Гомер стремится примирить крайности, смягчить противоречия, и в этом – особое величие и мудрость его творчества, гораздо более сложного, чем оно видится, например, Шиллеру, утверждавшему, что Гомер «описывает нам лишь спокойное бытие и действие вещей согласно их природе».

Определение Шиллера, по всей видимости, произвело впечатление на Н.Сахарного, в этом же ключе трактующего гомеровский эпос – «Гомера привлекает труд мирный, благостный, созидательный, он любит совершенным ремеслом, мастерством, искусством. Отсюда его пылкий интерес к изготовлению или составлению вещи, к процессу работы и к ее деталям. Словно умелец-демиург, он мыслит и видит все в деянии, становлении, формировании. Конечно, это связано с восхищением расцветшей цивилизацией»²⁹.

Безусловную правоту исследователя должны были, казалось бы, подтвердить следующие строки из «Одиссеи»:

Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную раину,
Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из раkitных

Сучьев, на дно же различного груза для тяжести бросил.

Здесь есть все, о чем говорит Н.Сахарный, – и любованье ремеслом, и пытливый интерес к изготовлению и т.д. Отсутствует – гомеровский контекст. В этом же эпизоде на плот, умело составленный Одиссеем, наваливается гигантская волна, гонимая мстящим за Полифема Посейдоном –

... как от быстрого вихря сухая солома,

Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,

Так от волны разорвались брусья...

«Твердый в бедах» Одиссей, опекаемый Афиной, и в этот раз находит путь к спасению. Но перед нами разыгрывается другая драма – драма вещей, которые для античного восприятия, по мнению Гегеля, имели ценность особого рода, так как «человек обладает в их лице не мертвыми или омертвевшими в силу привычки вещами, а своими собственными, тесно связанными с ним созданиями»³⁰. Сопряжение двух состояний – мирной картины сотворения предмета и его разрушения, воспринимаемого как гибель «создания» (вещь не ломается, а «гибнет»), – осознанный художественный прием, с помощью которого Гомер добивается драматического напряжения в своем повествовании. Как для каждого подлинного художника, бытие для Гомера двуедино – в становлении и распаде. В его поэмах не только «восхищение расцветшей цивилизацией», но и ощущение ее хрупкости, и пронизательно-настороженное отношение ко всему, что может таить в себе угрозу ее становлению.

В V веке до н.э. не только Геродот уверенно оперирует сведениями о «скифах» – кочевниках, но и Платон устами Сократа столь же непринужденно, без каких-либо дополнительных пояснений, вводит пример со скифами в диалог о мужестве. Имея в виду особенности тактики боя кочевников, Сократ напоминает Лахесу, что скифы сражаются ничуть не менее мужественно, когда убегают; чем когда преследуют.

Характеризуя атмосферу стремительного развития греческой культуры в этот период, В.Ф.Асмус пишет: «...Одновременно шла и своеобразная переработка древней мифологии – в искусстве, поэзии, а в философии – уже освобождение зарождающейся философской мысли из плена мифологических представлений о мире и человеке. Процесс этого освобождения шел в Древней Греции с такой быстротой, что уже в V в. до н.э. возникли философские и космологические системы, в которых миф играет роль не столько основного воззрения, сколько образных средств выражения мысли»³¹. На это же обстоятельство – ускоренность развития – указывает один из крупнейших знатоков культуры античного мира А.Ф.Лосев: «В течение V в. до н.э. греческая культура необычайно быстро эволюционировала, так что и теперь скороспелость этой культуры вызывает удивление почти у всех историков Древней Греции»³².

Объясняя причины стремительного культурного обновления греческого общества, исследователи называют факторы социально-экономического и политического свойства, такие, например, как резко возросшая социальная активность мелкого, свободного собственника, расширение территориальных притязаний в среде афинской рабовладельческой демократии, обострение ее конфронтации с греческой аристократией, продолжавшей тяготеть к прежним родовым обычаям и авторитетам. В числе «внешних» факторов называют победоносную войну греческих городов-государств во главе с Афинами против Персии, вместе с тем, хотя и в крайне общем виде, отмечается влияние культуры Востока. Все это выглядит убедительно. Тем не менее, ощущается и дефицит бесспорных аргументов, в противном случае трудно было бы объяснить использование наряду с основательными и объективными характеристиками эпохи такой эфемерной категории, как «умственная одаренность греков», обеспечившей «чрезвычайную интенсивность и быстроту философского развития» (В.Асмус).

Поскольку в существующих оценках обстоятельств, подготовивших высокую классику античной философской мысли, мы не встречаем никаких попыток увязать ее «удивительную скороспелость» с общей атмосферой «осевой эпохи», оставим в покое ее предысторию. Но прежде чем отправиться в обратный путь, используем шанс, дарованный дорогой, соприкоснуться с тем, что составляет высочайшую ценность и является гордостью общечеловеческой культуры. И.Гердеру принадлежат слова: «Ближе к Греции – светает, и мы радостно плывем навстречу этой стране»³³. Последуем и мы примеру великого путника, прошедшего стезями истории многих народов мира. Отметим лишь, что одновременно с зарождением греческой философии столь же стремительно формируется философия в Китае и в Индии³⁴ – тоже, очевидно, по причине, указан-

ной В.Ф.Асмусом – «умственной одаренности» населения и этих стран.

Наблюдая интенсивность духовной деятельности в Греции, Вавилонии, Индии, Китае, Иудее в середине первого тысячелетия до н.э., исследователи говорят о впечатлении «настоящего взрыва интеллектуальной энергии». При очевидном своеобразии ситуаций в этих странах логично предположить, что перед ними возникла проблема, универсальная по своему характеру и в то же время предельно актуальная для каждой из них. Такой проблемой в условиях «осевой эпохи», впервые в истории придавшей этническим контактам характер мировых, явилась проблема самоопределения и самоутверждения в контексте всеобщих связей – как онтологического, так и конкретно-исторического свойства. Интерес к устройству мироздания, поиски первооснов бытия, исключительное внимание к генезису явлений, принцип целесообразности, закладываемый в основу познающего разума, обилие гипотез, сопровождаемых тщательным обоснованием, определение «порядка космоса» и поведения в нем человека, обнаружение противоречий, бескомпромиссное противостояние диалектики и метафизики в их понимании – такими чертами характеризуется интеллектуальный поиск греческой «высокой классики». И за всем этим – практическое участие философской мысли в решении социально-политических задач. «Уже в платонизме, – отмечает С.С.Аверинцев, – напряженный интерес к порядку космоса с самого начала связан с ощущением угрозы другому порядку – порядку полиса»³⁵.

«Адам только тогда стал властелином мира, доверенного ему богом, когда каждую вещь обозначил особым названием... Только в убогом и легкомысленном жаргоне современных мещан неопределенное «это» выручает от незнания предметов»³⁶ – не без доли полемической страсти пишет автор XX века Я.Парандовский.

«Давать названия вещам» – так назвал Алехо Карпентьер основной раздел своей книги³⁷, включившей его теоретические и культурологические статьи, в одной из которых он говорит: «Оказывается, что сейчас мы, латиноамериканские романисты, должны давать названия всему, что нас окружает, всему, что деятельно играет роль контекста. Это нужно для того, чтобы включить наш мир во всеобщий обиход»³⁸.

Когда современный казахский писатель в романе о Турксибе, чувствуя себя неуютно в атмосфере стройки, разбирается со своими героями, в основном, в привычном интерьере юрты, степи, одинокого дома, первая в республике железная дорога предстает в его произведении осмысленной на уровне «это» Я.Парандовского. Сложнее случай с Ханали, одним из героев романа А.Тарази «Голубая колыбель». Ядовитые дымы и отходы производства химических предприятий отравили среду в такой степени, что в предгорьях Каратау стали рождаться дети без рук и ног. Ханали собирается начать борьбу за чистоту окружающей среды, но сборы его на тропу решительных действий крайне медлительны, вялы. Медлит вместе с ним и писатель. Одна из объективных причин в явлении, отмеченном А.Карпентьером: «человек остался прежним. Но он окружен такими силами, техникой, инструментами, средствами связи, которые породили язык, его превосходящий. И этот язык, превосходящий обыкновенного человека, недоступен и романисту»³⁹. В ходе исторического развития, в его определенные периоды, перед обществом со всей остротой встает проблема овладения «языком» меняющейся действительности и связанная с ней необходимость «давать названия вещам». Как правило, это периоды активной жизнедеятельности конкретной этно-культурной среды, ее целеустремленных действий, направленных на освоение, ассимиляцию наличной действительности и ее переустройство. Знакома эта ситуация была и древним грекам в эпоху Сократа и Платона.

В диалоге «Кратил» осмысливается спор, возникший между гераклитовцем Кратилом и софистом Гермогеном о «правильности» имен. Этот интереснейший диалог показателен духом ре-визии, переоценки бытующих имен, по поводу которых Сократ говорит: «Мне пришло в голову, что многие имена эллины заимствовали у варваров, особенно же те эллины, что живут под их властью»⁴⁰. По ходу разговора возникают и серьезные соображения о происхождении тех или иных имен и названий явлений, и ироничные этимологизации в духе Эвтифроновых открытий (Эвтифрон, современник Сократа, известен фантастическими толкованиями имен). «Можно строго исследовать имена богов, – замечает Сократ, – а можно и для забавы. Так вот о строгом способе спроси кого-нибудь другого, а познакомиться с забавами нам ничто не мешает: ведь забавы милы и богам». Бога плодородия и виноградной лозы Диониса можно, по его мнению, «назвать Дайвинисом», а демоны – это «ведемоны», ибо «все им было ведомо». Удивительное, великое время

серьезности без угрюмости, жизнелюбия, лукаво-улыбчивой мудрости!

В этом мире абсолютных на все времена, общих для всех народов ценностей позволим себе повторить слова Одиссея, с которыми он обратился к Полифему:

... мы тебя умоляем

Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок

Дать нам, каким завсегда на прощание гостей наделяют.

В отличие от Одиссея в согласии с кочевнической традицией назовем то, что хотели бы взять как память о поразительных возможностях утверждающей себя человеческой духовности: чистое, ясное, не требующее в толковании Эвтифроновых ухищрений название «Иппокрена» (hippo – конь, stoikos – источник)⁴¹.

Эрих Ауэрбах, автор «Мимесиса», фундаментального исследования об изображении действительности в западноевропейской литературе, в очерке «Рубец на ноге Одиссея» открывающем книгу, дает анализ стиля «Одиссеи» Гомера и ветхозаветного рассказа об искушении Авраама. По его мнению, в текстах Гомера и Библии заключены противоположные тенденции, которые проявляются на разных этапах историко-литературного процесса и в принципе лежат в основе двух главных типов изображения действительности в литературе. В «Одиссее» – «...более чем достаточно уделяется времени и места описанию утвари, движений, жестов, описанию размеренному, ни одного звена не упускающему из виду; даже в драматический момент узнавания читателя непременно извещают, что Одиссей старую служанку, чтобы помешать ей говорить, правой рукой ухватывает за горло, а другой рукой в это время притягивает к себе...»⁴² Этому стилю, в котором, по Ауэрбаху, слабо выражен элемент напряжения и все очерчено ясными линиями, противостоит библейский стиль с его акцентировкой трагических и проблематических сторон человеческого бытия, с обостренным интересом к его «концам» и «началам» – «Бог отдает повеление, и начинается сам рассказ. Его знают все; он разворачивается перед нами без отступлений и вставок, изложенный в немногочисленных простых предложениях, синтаксическая связь между ними скудна крайне. Немыслимо, чтобы описывались здесь предметы обихода, местность, через которую пролегает путь, осел и рабы, сопровождающие караван, неммыслимо, чтобы с похвалой были обрисованы здесь вещи и случай, по какому их приобрели, и порода, и родина их, и материал, и внешний вид, и польза, какая бывает от них; не терпит все это и никаких эпитетов, это просто рабы, ослы, дрова и нож – и ничего более, без всяких определений и уточнений»⁴³.

Истории взаимодействия культур известны случаи, когда одни и те же сущности в том или ином ареале наделялись диаметрально противоположными качествами: Ахура-мазда, иранский бог добра и света, в индийских воззрениях был богом тьмы и зла; дэвы несли зло иранцам, добро – индийцам времен «осевой эпохи». Отмеченные Ауэрбахом кардинальные отличия в стилистике гомеровских и библейских текстов интересуют нас не в качестве несводимых противоположностей, напротив – как безусловно, по принципу «прятие – отторжение», между собой связанные проявления определенной целостности. О взаимодействии, взаимной дополнительности, а не о чем-то другом свидетельствует глубоко осмысленный С.С.Аверинцевым резкий контраст эллинского умонастроения с библейской традицией «мистического историзма»: «Если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», т.е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это «олам», т.е. поток временного свершения, несущий в себе вещи, или мир как история. Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство необратимости и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии. Внутри «олама» даже пространство дано в модусе временной динамики – как «вместилище» необратимых событий»⁴⁴.

Другими словами, греческий эпос занят по-преимуществу освоением пространства, Библию интересуют стихия и «знамения» времени. Время в гомеровском пространстве – циклический процесс, пространство в «священной истории» играет атрибутивную роль, это интерьер, в котором свершаются события линейно направленного времени.

Дефиниции – оружие познания, позволяющее ему восходить от уровня к уровню. Но сколько же нужно внимания и осторожности в их использовании, особенно в тех случаях, когда ло-

гическому определению подлежат духовные ценности. Конфуз дефиниций, высказанных без соответствующих оговорок, опасность реальная даже тогда, когда они принадлежат выдающимся специалистам, какими являются Э.Ауэрбах и С.С.Аверинцев...

Ягодой меня освежите,
яблоком меня подкрепите,
Ибо я любовью больна.
Его левая – под моей головою,
а правой он меня обнимает, –
Заклинаю вас, девушки Иерусалима,
Газелями и оленями степными, –
Не будите, не пробуждайте
любовь, пока не проснется!
(Пер. И.М.Дьяконова)

Точно указанная диспозиция левой и правой рук... в неординарной ситуации, не фрукты вообще, а «ягода», «яблоко», не животные на воле, а «газели», «олени» – что это, «прозрачный и ровный свет» гомеровского эпоса? Это поэзия, высочайшая поэзия, жемчужина «Ветхого завета» – «Песнь песней» Соломона.

Род уходит, и род приходит, а Земля остается навек.
Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает,
Чтобы там опять взойти;
Бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит
на бегу своем ветер,
И на круги свои возвращается ветер...

Что было, то и будет, и что творилось, то творится,
И нет ничего нового под солнцем.
Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость!
А уже было оно в веках, что прошли до нас.

Да, это Экклезиаст, широкоизвестный, знаменитый и странным образом не учтенный в характеристике библейского «олам». Составители Книг Священного писания Ветхого и Нового завета⁴⁵ включили его текст, хотя и в сопровождении полемически направленной против Экклезиаста «Книги премудрости Соломона». В концепцию же «библейского мистического историзма» он, со всей констатацией «кругового движения» – идеала классической культуры Греции» (А.Ф.Лосев)⁴⁶, вписаться не сумел. «Песнь песней» и «Книга Экклезиаста» – поэтические шедевры и украшение библейской литературы. Но в логических операциях предпочтительнее, видимо, забыть об их существовании.

Чтобы судить о собственном литературном процессе в контексте хотя бы региональных исканий, необходимо добывать знание того, что привлекает внимание наших писателей. После выхода в свет романа Ч.Айтматова «Плаха» культура христианства и суждения о ней перестают быть для нас сферой частного интереса и общей эрудиции. Отныне критическая и литературоведческая мысль обречены на достижение уровня компетентного разбора связанных с этой и аналогичными темами произведений. Потребность каждой растущей культуры в «опредмечивании» возможно большего числа мировых духовных ценностей становится необходимым делом, благородным по идее, столь же сложным в реализации.

Сюжет об одноглазном великане из «Книги Коркута» вывел на маршрут, сожалеть о котором не приходится – чего стоит одна лишь встреча с «лилией долин» из «Песни песней»! Мы наблюдали смену мифа героическим эпосом, «снятие» мифа и эпоса философией, поразительную терпимость сумрачной, насквозь идеологизированной Библии к открытой, защищенной лишь своим совершенством поэзии, ощутили, наконец, напряженность, сопутствовавшую попыткам осмыслить пространство и время, видели неизбежную при их расчленении абсолютизацию ложной крайности. Почувствовали вкус к дороге и теперь произвольно выбираем цель. Ближайшая стоянка – под мраморной колоннадой Арочной террасы Иродова дворца, вместе с Ч.Айтматовым и его «Плахой». Но прежде – экскурс в иное время, чтобы освежить в памяти кое-что из того, с чем отправлялись в путь.

«КТО МЫ?»

Языковое инобытие.

Современный и исторический опыт «обретения себя».

Искания В.Санги, Ю.Рытхеу, Т.Пулатова, ЧАйтматова,
Алишера Навои, Юсуфа Баласагуни, Тоньюкука

В ряде евразийских литератур в связи с попытками художников слова осмыслить историческое становление своих народов сложилась ситуация, в которой имеет объективные предпосылки так называемая «мифопроза». Можно понять меру обусловленности обращения к опыту мифологического мышления, но важно видеть и другое: ограниченные возможности его традиций в решении основных задач, стоящих перед развивающимися литературами.

Характерно признание лирического героя повести Ю.Шесталова «Синий ветер каслания»: «Странно... в Ленинграде, вдали от родных мест, я вдруг почувствовал красоту языка моего маленького народа. О, город каменный, ты научил нас видеть и слышать то, чего мы раньше не замечали. Ты научил нас прислушиваться к себе, и мы чаще стали спрашивать: «Кто мы?»

Ответ на вопрос «кто мы?» предполагает целостное осмысление истории народа в ее становлении, развитии, в деятельной ориентации на будущее, и в то же время – возможно более детальное знание ее фактов и обстоятельств. В ряде произведений, созданных в последние годы, в сложное противоречие вступают эти два плана: план информации об историческом бытии народа и план его целостного осмысления. С первым довольно успешно справляется привычное, хорошо освоенное беллетризованное повествование. Что же касается второго, то здесь перед писателями возникает проблема, связанная с необходимостью выработать новый художественный стиль, определяющим качеством которого была бы способность улавливать и отражать целое.

В практике наших литератур она получает двоякое решение. В Казахстане, к примеру, художники слова осваивают эпоха за эпохой прошедшие века этнической истории. Подвижнический труд их, не без издержек эстетического свойства, сопряжен с изучением обширного исторического, этнографического, археологического и т.п. материала и в целом вершится в традициях реалистического искусства. В современной прозе здесь нет пока выдающихся имен, но есть обнадеживающие результаты, есть глубоко плодотворный процесс. Значительным подспорьем явились достижения гуманитарных дисциплин, интенсивно исследующих в последнее время средневековую и древнюю историю казахского народа. Налицо общекультурный процесс с таким важным его показателем, как взаимодействие форм общественного сознания. И хотя сейчас невозможно назвать конкретное произведение, содержание и поэтика которого были бы вполне сложившимся целостным представлением об исторической судьбе народа, не вызывает сомнения, что уже есть почва для его появления.

Другой путь связан с обращением к поэтике мифов и священных писаний с их немалым опытом в разработке представлений об историческом становлении бытия и человека. Впечатляющие успехи советской и зарубежной «мифопрозы» вызвали волны дискуссий, в ходе которых созрел и главный вопрос: «Почему же миф снова вошел в силу (или в моду) именно в XX веке, особенно в последние десятилетия, и что с этой силой (или модой) станет в будущем?»¹ Участник одной из них В.Левченко, заявив о необходимости внимательного отношения к различным формам условности в литературе, перечислил достоинства мифологического мышления, заметно гиперболизируя, преувеличивая их значение. Литература и проблемы ее условных форм остались в стороне, но это обстоятельство уже мало его беспокоит – ведь найден миф, эта «духовная память и праматерь наша». Обращение к мифу, по мнению В.Левченко, возвращает «утраченное» (а не преодоленное! – М.А.) «синкретическое», восприятие мира и необходимо «ради понимания настоящего».

Миф, действительно, привлекателен, возможности его велики, о чем напомнил А.Белорусец², подводя своеобразный итог десятилетним спорам. Отмечая серьезность, с которой многие писатели и критики относятся к мифу и мифологической прозе, солидаризуясь с их мнением, он приводит большое число аргументов, подтверждающих не просто дееспособность, но и исключительно важную, уникальную роль мифологического мышления в современности, например, в осмыслении бесконечного, в первую очередь – пространства и времени. Когда многие из существующих

гипотез, теорий, идей о пространстве и времени «нуждаются в дальнейшей проверке, а точных знаний для такой ревизии не хватает», миф, передающий информацию только двоичным кодом, которым воспользовались люди, создавая сверхпамять компьютера, в этой ситуации может, по мнению А.Белорусца, оказаться полезным не только для художественного, но и для научного познания мироздания и бесконечного.

Космологичность мифа, его символы оказывают добрую услугу литературе, когда она осмысливает «начала» и «концы» истории человека, вписанной в бесконечность истории рода человеческого, вникает в тайны жизни и смерти, в вечные проблемы добра и зла, мечту о бессмертии. Богоборческие традиции, отрицание смерти, моральный императив мифа, направленный «деятельно, бескомпромиссно, принципиально против уничтожения, конечности», сообщают мифологической прозе, обратившейся к его традициям, жизнеутверждающий пафос. Автор статьи обнаруживает парадоксальность романного времени в мифопрозе, его «обратимость», общую расположенность ее творцов к кольцевой композиции, сквозным символам, деталям, «придающим цепям повторов особенную крепость и протяженность». Эти и другие наблюдения А.Белорусец, прекрасно осведомленный в новейших достижениях и проблемах «естественников», извлекает из анализа произведений Г.Маркеса, О.Чиладзе, Г.Дочанашвили, норвежского писателя Енса Бьернебу.

Для иллюстрации убеждающей силы художественного образа, несоизмеримо большей, чем у научной гипотезы, приведен пример из повести В.Маканина «Голоса». В связи с высказыванием Д.Гранина о вероятности каких-то общих закономерностей, в силу которых примерно в одно и то же время появляются «латиноамериканский роман, где возможное и невозможное так свободно сочетается, и книги Булгакова», упоминается мир фантазмагорий М.Булгакова. За исключением «Ягодных мест» Е.Евтушенко, «мыслящие вечные частицы» которого оценены крайне скептически («наивно, архаично»), имен и произведений современных русских писателей в анализе нет, как нет и малейшего намека на озабоченность взаимоотношением современной русской прозы с мифом, так убедительно восстановленным в своих правах автором этой действительно интересной статьи.

Не говорит ли это о том, что мифологическое мышление является преимущественно проблемой литератур, находящихся в стадии становления, обретения статуса фактического равенства с развитыми литературами современности? А если так, не следует ли оценивать его роль, значение, степень прогрессивности, исходя из состояния и общих проблем каждой конкретной из числа этих литератур? Нас не должны смущать отдельные высокие и даже выдающиеся достижения – достижение не тождественно осуществлению целей становления. Книги Г.Маркеса способны, конечно, возвести суждения о них на любые орбиты. Но оба примера из «Ста лет одиночества», приведенные в статье, прочитываются отнюдь не мифологически, если иметь в виду общекультурные процессы его родины. «Авторов современной мифологической прозы, – пишет А.Белорусец, – алогизмы не пугают. Под их пером возникают новые мифы творения. Так возникло Макондо! В юном мире, где никто еще не умирал и где «многие вещи не имели названия и на них приходилось указывать пальцем».

Еще накануне визита к Сократу мы прояснили для себя общественно-исторический смысл латиноамериканского призыва «давать названия вещам». Макондо – образ реальности, которую предстоит обозначить и тем самым – освоить. Мысли Урсулы о времени, которое не проходит, «а снова и снова возвращается, словно движется по кругу», вызывают метасистемные ассоциации у автора статьи – «повтор, в сущности, знак не бесконечности, но безграничности». Между тем не уместнее ли в данном случае увидеть в Г.Маркесе продолжателя традиций М.Астуриаса, использовавшего в «Маисовых людях» космогонические представления индейцев майя, следующим образом охарактеризованные исследователем: «Об особом миропонимании индейцев свидетельствует и их концепция исторического развития, в основе которой лежит цикличное, повторяющееся время, не имеющее той строгой последовательности и однонаправленности, какой наделяют его европейцы»³. Г.Маркес и здесь выступает представителем конкретной среды, решавшей задачи историко-культурной преемственности, «ассимиляции опыта прошлого».

Средства мифологического мышления оказываются эффективными в начальной стадии осознанного движения общества к новой реальности. Они помогают обрести ощущение равновесия с миром, в котором предстоит утвердиться. Древность, неистребимость этнического бытия, смоделированные в мифе, способствуют формированию чувства исторического оптимизма, исключительно важного в определенные периоды. Позитивное значение миф может иметь также

в случаях, когда возникают проблемы, особо сложные для разрешения или кажущиеся неразрешимыми. Однако при этом он представляет чистую условность, являясь заменителем основных средств. Абсолютизация его в этом качестве ведет художественную мысль в тупик; она сохраняет способность комментирования действительности, но не ее преобразования.

Если мы всерьез заинтересованы в сотворении новой реальности, то должны признать: миф не содержит в себе закодированной информации «о прошлом, настоящем и будущем всего человеческого рода» (В.Левченко с опорой на К.Леви-Стросса). Это специфическое миропредставление, характерное для ситуаций, когда разум стремится охватить целое, но не умеет осуществить своих притязаний в формах философского, реалистического мышления. Для художественного сознания обращение к событиям прошлого и культурному наследию человеческой истории продуктивно не тем, что в опыте минувших времен «закодирован» ответ на вопросы современности. Прошлое представляет собой благодатный материал, в ходе узнавания и осознания которого зреет, закаляется, обретает масштабность и созидательную мощь художественная мысль. Миф, наконец, противоречит величайшему оружию преобразований – диалектике, доступной в художественном творчестве только реалистическому искусству, и потому недееспособен ни в плане современного осмысления проблем прошлого, ни в плане «понимания настоящего». Нельзя не согласиться в этой связи с мнением еще одного участника дискуссии по «мифопрозе», Л.Аннинского, призвавшего не выпускать из рук могучее средство реалистического искусства с его фундаментальным принципом – осваивать действительность в формах самой действительности. И невозможно принять позицию тех, кто усматривает в симптомах мифотворчества средство повышения «философской насыщенности» литературы, забывающих о том, что миф – заменитель философии в условиях капитуляции разума.

Теперь проследим, как в силу противоречий, с которыми столкнулись некоторые наши литературы в процессе поисков ответа на вопрос «кто мы?», вызревала ситуация, благоприятствовавшая укреплению позиций «мифопрозы».

В романе В.Санги «Женитьба Кевонгов»⁴ тщательно, с большим знанием жизни нивхов в начале XX века воссоздается материальный и духовный мир этноса. Родовые предания, легенды о всевышнем духе Курнге, о сотворителе всего живого Тайхнаде, ритуальные действия шамана, танцы, песни, музыкальные инструменты, наряды нивхов, поклонение духам местности, способы охоты и рыбной ловли, развернутые сведения о приготовлении пищи – все это выписано ярко, сочно и несет массу информации о мудром и мужественном народе. Но вот сцена встречи юноши Ыкилака с невестой. Смущен, волнуется Ыкилак, однако по воле автора, увлеченного воздвижением монументального здания мира нивхов, во внутреннем монологе обстоятельно, многословно сообщает уйму этнографических сведений о том, как должна вести себя девушка в подобной ситуации. Или сцена рыбной ловли. Торопится Ыкилак, заметивший огромный косяк кеты, в спешке даже палец поранил. Автор же верен себе: «братья сняли летние торбаза, сшитые из скобленой, без шерсти, кожи ларги (вид нерпы), засучили штаны».

Налицо замедляющий элемент, подробно описанный Э.Ауэрбахом в «Мимесисе», или так называемое «спокойное бытие вещей» Гомера. Но ведь роман В.Санги не о «спокойном бытии», речь в нем – о судьбе вымирающего рода. «Земля будет жить. И травы будут жить. А рода Кевонгов не будет!» – вот трагический лейтмотив романа. Перед нами случай художественно не разрешенного противоречия: писатель стремится воссоздать мир нивхов во всей его целостности, уловить его дыхание, его жизнь, но средства, избранные автором, оказываются не соответствующими цели. Замедляющий элемент «гасит» необходимое именно для этого произведения напряжение. Смутно, неясно, мелькая в интерпретациях, звучит мотив вины, расплаты за нарушение некоего высшего нравственного закона, но, погружаясь в густо населенный предметный мир, теряет силу эмоционального воздействия. Финальная сцена романа – гибель Ыкилака в поединке с соперником из соседнего рода – воспринимается как несчастный случай в жизни конкретных людей, не содержит художественно мотивированной многозначности и символики. Между тем, судя по первым главам, в которых малочисленному роду Кевонгов сообщены черты едва ли не библейской модели рода человеческого, автор намеревался развить тему, имеющую универсальное, общечеловеческое значение. В данном случае действуют две группы противоречий: между информацией и осмыслением и, внутри осмысления, между реалистическим и мифологическим его типами.

Исторический роман Ю.Рытхеу «Конец вечной мерзлоты»⁵ подтверждает репутацию своего создателя как сложившегося мастера реалистической типизации, обладающего развитым исто-

рическим чутьем и историзмом мышления. Но и в этом романе местами ощутим разрыв между авторской идеей и художественной формой ее реализации. Речь идет о главах, в которых описывается мир Армагиргина, «короля чукотского».

В покаянном монологе, с которым «король чукотский» обращается к старому, традиционно-му богу Тэнантомгуну, обозначена нравственная причина бесплодия Амаргиргина, названа вина: «Гнев твой я понимаю и принимаю со смирением: не дал ты мне потомства, потому что предательство не может иметь продолжения роду... Но укажи моему народу, как жить дальше?» Автор нащупывает важную проблему, за которой стоит столкновение этно-культурных миров, приведшее к далеко идущим последствиям. Произошло событие, имеющее радикально-историческое значение для чукотского народа. Осмысление этого события требует от художника слова особой степени внутренней мобилизованности, масштабности мышления и, соответственно, особого стиля.

Между тем Ю.Рытхейу заметно облегчает свою задачу. Весь эпизод поездок Амаргиргина в Якутск на поклонение Солнечному владыке и принятия им христианской веры написан в жанре занимательного повествования. Привычная манера письма не испытывает никаких потрясений и метаморфоз от соприкосновения с глубочайшей проблемой. Проясненная автором для себя этическая проблематика не находит собственной формы, и потому в стороне остается трагическое величие событий, происшедших в судьбе народа на веку Амаргиргина и при его участии.

Стремление обрести подвластный слову целостный мир получает своеобразное преломление в произведениях узбекского писателя Т.Пулатова. События, описываемые им, происходят в замкнутом пространстве. Это может быть островок, затерянный в море, или небольшой дворик, обнесенный глухим дувалом, или территория старого коршуна, как в повести с характерным названием «Владения»⁶, или нора суслика. Локальный, ограниченный мир, но в тщательном, ювелирном освоении избранных пространств, в «названии вещей» писатель столь же возвышен душой и вдохновенен, как если бы творил звездный небосвод.

И все же отношение к освоенным им пространствам, отграниченным от мира больших, подлинных страстей, складывается двойственное. В них читатель ощутит ласковое, опозитизированное прикосновение внимательного и вдумчивого художника к реалиям природы и общества, обретет радостное, хотя и иллюзорное, равновесие с миром, но «душевная свобода» его при этом не будет «отнята».

Вспомним о двух «основных и противоположных стилях» Э.Ауэрбаха: «Один – описание, придающее вещам законченность и наглядность, свет, равномерно распределяющийся на всем, связь всего без зияний и пробелов, свободное течение речи, действие, полностью происходящее на переднем плане, однозначная ясность, ограниченная в сферах исторически развивающегося и человеческого проблемного. Второй – выделение одних и затемнение других частей, отрывочность, воздействие недовысказанного, введение заднего плана, многозначность и необходимость истолкования, претензии на всемирно-историческое значение, разработка представления об историческом становлении и углубление проблемных аспектов»⁷. Однозначная ясность в сферах исторически развивающегося и человеческого проблемного – разработка представления об историческом становлении и углубление проблемных аспектов. Вот альтернатива, с которой вплотную столкнулись и испытание которой должны были пройти художники слова.

Повесть Ч.Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря»⁸ содержит много черт, знакомых нам по произведениям, о которых шла выше речь. Это и колоритные детали быта, и вставные легенды о происхождении клана, и замкнутое пространство основного действия, это, наконец, решенная в ключе нравственной проблематики тема продолжения рода. Вместе с тем повесть несет в себе ряд новых эстетических свойств, рожденных в результате осознанной и целенаправленной попытки писателя перешагнуть достигнутые им и коллегами по перу рубежи. Повесть в этом смысле может быть рассмотрена как образец решенных и остающихся нерешенными проблем интересующего нас литературного явления. О том, что писатель при создании ее руководствовался мотивами поиска иных, более совершенных художественных средств, недвусмысленно свидетельствует факт обращения его к проблеме и реалиям существующего произведения – романа В.Санги «Женитьба Кевонгов».

В ряде мест Ч.Айтматов «поправляет» очевидные художественные просчеты В.Санги. Так, например, историко-познавательные сведения о жизни нивхов даны не в прямом авторском изложении, а через познающее восприятие мальчика и потому не отягощают текст, напротив, много-

кратно его усиливают. Отраженный в сознании Кириска, духовный мир народа вместе с ним, символом продолжения рода, проходит тяжелейшее испытание в предельной, критической ситуации между жизнью и смертью. Можно было бы привести ряд аналогичных примеров, но суть дела не в этом. И даже не в том, что мы имеем блистательный результат – историю о «самопожертвовании во имя бесконечности жизни» (А.Белорусец). В этой повести Ч.Айтматов проводит исключительно важный в своем замысле эксперимент по созданию стиля, способного показать бытие человека в его становлении и движении к будущему. И в качестве опоры он находит в истории мировой культуры традицию, глубоко разработавшую в свое время представление об историческом становлении и преемственной связи поколений.

Возникают великие стихии, неровно, временами ласково, временами грозно и безжалостно реагирующие на человека. Человек противостоит им благодаря силе своего нравственного закона. Это древняя тема, освоенная давними художественными средствами, но влекущими, чарующими писателя совершенством выполнения задач, аналогичных стоящим перед ним. Вслушаемся в зачин, столь характерный для повести, вернее, для одного из ее стилистических пластов: «Гудело и маялось море во тьме, набегая и расхибаясь на утесах. Надсадно ухала, отражая удары моря, каменно твердая земля. И вот так они в противоборстве от сотворения – с тех пор, как день зачался днем, а ночь зачалась ночью, и впредь быть тому, все дни и все ночи, пока пребудут земля и вода в нескончаемом времени». Здесь не только лексика заставляет вспомнить другой, противостоящий гомеровскому стиль, но и лаконизм в использовании эпитетов (внимание сконцентрировано на субстанциях – вода, твердь – и их взаимодействии), и интонация... И далее – происходит «заземление» жизни клана Рыбы-женщины, остающегося у подножья Пегого пса, «выделяются», выводятся на авансцену четыре нивха в лодке с единственным оружием в страшном испытании, выпавшем на их долю – «заветным долгом старших перед младшими». Текст обретает многозначность, усиливается элемент символики. Такие детали, как, скажем, сопка Пегого пса или жалобный скрип уключин в великом оцепенении моря, вырастают в символы, оказываются сверхнеобходимыми, нагруженными особым «всемирно-историческим» смыслом.

В ходе дискуссий по «мифопрозе» исконное различие классического мифа и библейских текстов каким-то образом сгладилось. Используемые в современной литературе, эти разнящиеся сущности стали обозначаться единым словом – миф. Именно это «неточное» определение употребляет и Ч.Айтматов, когда он говорит: «Миф – это фон. Однако на этом фоне пытаемся мы проследить всю свою Жизнь. Это опора, а не прием». Смысл, которым нагружает писатель слово «опора», можно ощутить в словах Пилата из «Плахи»: «И не мни, что ты царь Иудейский, опора мира, что без тебя земле не обойтись».

В «Пеге псе» состоялась первая серьезная прикидка писателя, испытание возможностей «мифа» в его синкретическом значении, включающем и собственно мифологические, и библейские традиции. Этот стилистический пласт совмещен в повести с другим – описанием, «придающим вещам законченность и наглядность», осваивающим конкретное, локализованное в пространственно-временном отношении явление. Для примера можно сопоставить сны и мечтания старейшины клана Органа о Рыбе-женщине, его мысли о бессмертии и свободе с его же монологом к собственноручно изготовленному каяку. В первом случае торжествует «экспериментальная» манера письма. Во втором, начинающемся со столь же возвышенно-многозначительной интонации («ты знаешь язык моря, ты знаешь повадки волн...»), постепенно происходит «заземление», автор сообщает много информации о нивхах, отправляющихся на охоту, и вкладывает в монолог Органа слова о мальчике, об Эмрайне, о Мылгуне, об искусстве гребли, сведения о предстоящем пути, о том, как встретит их клан в случае удачи, и даже бытовой охотничий прогноз («Скоро окот, нерпа в стада собирается на островах») – то есть все то, что для первого стилистического пласта несущественно, излишне, чрезмерная детальность.

Стили совмещены, и каждый из них в отдельности достоин пера большого мастера. Но в отношениях между собой они вступают в заметное противоречие. «Возвышенная» интонация местами приводит к патетичности в изображении обыденных реалий, а полнокровный, цепкий мир деталей ограничивает восхождение мысли к новым уровням. Впрочем, создается впечатление, что это и не входит в авторский замысел. Он описывает в действии универсальную формулу бытия человека – его нравственный долг, а все остальные подчиняет этой своей идее.

Здесь-то мы и сталкиваемся с характернейшей чертой этой повести – с ее нацеленной функ-

циональностью. Такое качество имеет почву в ситуации, когда в силу особенностей своего общекультурного процесса художники слова и их произведения вынуждены брать на себя функции исторического знания, этики и эстетики, национального мировидения и миропонимания. Создается своего рода универсальная система представлений о мире, пассивно охранительная по своему существу и закономерно тяготеющая не только в поэтике, но и в целом к системе мифологического мышления. Эта система дает, конечно, понимание неких соотношений настоящего с прошлым и будущим, но «понять» в данном случае не означает «победить».

И старый, и новый миф лишены активно-преобразующей, созидательной силы и потому не в состоянии ответить на кардинальные вопросы развивающихся культур. Функциональная литература, по ряду основных признаков тождественная мифу, склонна к слишком трезвому расчету, рассудочности (при всей видимости аллегорической отстраненности), в ней скована свобода художественного творчества. Замкнутые пространства, исключительные ситуации, стилистика «мифов» – все для того, чтобы осуществить ту или иную функцию, и все это в итоге несет на себе печать искусственности, ограничено в возможностях озарения, непредвиденного результата.

Художественное мышление изобретательно. Оно в состоянии, в частности, удобно для себя интерпретировать действительность и испытать иллюзию исполнения своего предназначения. Но остается подлинная жизнь, и от каждой литературы она требует полного напряжения духовных сил, неотделимого от последовательно углубляющегося познания мира.

«Только ты, Тенгри, не становись на нашем пути, пропусти нас через перевал к травам зеленым, к водопадам студеным, а возьми взамен эти слова».

(Из «перевальной» молитвы Эрназара)

Мифологические и библейские аллюзии, широко использованные Ч.Айтматовым в романе «Плаха»⁹, дают основание рассматривать их с позиций метасистемы, с привлечением ее языка и понятий – в духе исследований А.Белорусца¹⁰. Это – плодотворный путь для распознавания сущностных черт того, что осмысливается, и ввода их во всеобщий обиход. Однако не всем он по плечу и близок по духу. Трансформированные в айтматовском тексте библейские мотивы нас интересуют как опыт их «ассимиляции» одним из крупнейших представителей современных литератур, объединенных, наряду с другими факторами, поиском наиболее эффективных средств в решении задач своего дальнейшего развития. Неизбежная ограниченность взгляда «изнутри» в определенной мере может быть компенсирована более точным знанием национальных реалий, состояния и проблем культурного процесса. Такому взгляду, естественно, должно быть присуще солидарное и вместе с тем требовательное отношение к направленности и результатам поиска тех, кто идет в авангарде.

Приведем пример расхождения (или взаимного дополнения?) в наблюдениях «извне» и «изнутри». Г.Д. Гачев, проницательно отметив неслучайность истории пары волков в контексте «Плахи», задается вопросом: «Почему – волки? В персонажах Айтматова часто происходит сращение человека и животного. Конь Гульсары и чабан Танабай – своеобразный кентавр. Верблюд Каранар в «Бурном полустанке» – своего рода двойник Едигея. Пегий Пес и рыба-женщина, Мальчик и мать-олениха – вот своеобразный айтматовский Зодиак. Но то все – животные в «за-коне», приемлемые для сравнения с человеком в положительном плане. А волк всегда в минусе. Но история перевернула и ценности. И Волк ныне – меньший брат наш, предмет сострадания. И закономерно: как на одном полюсе образного мира этой книги объявился Волк, самый, как принято считать, антипод человечности, так на другом его полюсе проступили очертания Иисуса как символа человечности: именно такой герой понадобился в образной системе, для музыкальной координации идей, тем и мотивов»¹¹.

Для человека, знакомого с традиционно тюркским отношением к волку, гачевская этимология образа не может не выглядеть односторонней, ибо – «...Лицо волка благословенно!» («Книга Коркута»); «В тюркской и монгольской фольклорных традициях волк – образ мужества... Волк – один из авторитетнейших тотемов степного культа. В некоторых генеалогических легендах тюрки и монголы ведут свое происхождение от волка» (О.Сулейменов, «Аз и Я»). Соответственно, судьба Акбары и Ташчайнара тюркоязычным читателем воспринимается острее и многозначительней: они не только «предмет сострадания», но и образ страдания, не только «меньшие братья наши», но и мы сами, земля и вода, степь и горы, луна, на которую хотела бы уйти Акбара, и Ав-

диев «островок на Оке»...

Кольцевая структура «Плахи», обрамленной историей волков, наглядный пример для причисления романа к «мифопрозе». Но есть в нем и нечто другое – уход и возвращение, а это уже из сферы конкретного литературного процесса. Воспринимая две первые части книги только как «наброски, материалы для осуществления больших и острых художественных целей», В.В.Кожин¹² прав лишь в той мере, в какой констатирует отличие их от третьей части. Такой же мерой истинности обладало бы утверждение, что странствия Одиссея «наброски» к его акциям на Итаке.

«Крут» художественной мысли в «Плахе» начинается с «ухода». Оттолкнувшись от наличной ситуации, определенно и резко обозначенной как драматическая (истребление сайги, моюнкумский период жизни Акбары и Ташчайнара), она совершает запредельный шаг, уходит в иные миры и открывает в них то, что имеет созвучие и связь с исходной ситуацией. Необъятные пространства казахской степи, Приокск, Москва, Древний Иерусалим – места скитаний мысли, многое узнающей, но сосредоточенной на главной для себя проблеме – как развязать (или – разрубить?) узел противоречий. «Богодостойное» пение болгарского хора демонстрирует великую силу духовности. «Грузинская история» о действиях Сандро, связанных с высшей целью, наводит на некие варианты разрешения проблемы. Но все это – подступы, еще нет наполнения духовности ясным содержанием. В ряду приближений возникает концепция Авдия о современном боге. Идея его бога также не ясна и пока не имеет решающего значения. Более существенным оказываются сопутствующие обстоятельства – реакция окружения (духовного, светского, мирского) на замысел Авдия и – Городецкого, Координатора, Обер-Кандалова, Гришана с его анашистами, особо нас интересующий эпизод с Иисусом и Пилатом. Носитель альтернативного мышления испытывает давление среды, однако находит в себе силы противостоять ее императиву «отрекись!», что приводит в конечном счете к его гибели. Способность человека сделать свой выбор и в предельной ситуации отстаивать его до конца – вот что находится в зоне особого внимания писателя. В статье, опубликованной в период написания романа, он так и формулирует, в частности, свою задачу: «Подлинно современная литература... призвана помочь сделать правильный выбор человечеству и отдельному человеку»¹³. Именно в ней, в этой способности, обнаруживает художественная мысль и саму состоявшуюся духовность, и ее могучую преобразующую силу. С таким трофеем можно возвращаться к «началу», что и делает автор в третьей части книги, выверяя открывшимся знанием сегодняшний день киргизского айла.

В этой, конечно же, упрощенной схеме опущен существенный вопрос – об истинности того, во что истинно верят персонажи «Плахи», готовые за свои убеждения платить ценой жизни. И не отмечена происшедшая с идеей жертвенности метаморфоза, в результате которой Бостон Уркунчиев поступает не только своей, но и чужой жизнью. Об этом – дальнейший разговор.

Первоисточник («Новый завет») в эпизоде «Иисус – Пилат» представляет действие четырех сил: кроме самих визави – духовной и светской власти иудейского общества (первосвященники, царь Ирод) и толпы. Литературные и философские парафразы первоисточника учитывают эту его данность, но, исходя из своих целей, акцентируют преимущественное внимание на том или ином их соотношении. Собственно, цели авторов парафраз и существо их позиции прочитываются уже из того, что ими выбрано в качестве основного объекта осмысления.

Гегеля, например, изложившего историю Иисуса столь подробно, что исследователи говорят об «Евангелии от Гегеля»¹⁴, интересует, прежде всего, тип личности, не просто противопоставившей себя ситуации, но и подчинившей весь образ жизни интересам борьбы. В активе его Иисуса не только высокие идеи, но и достаточно широкий набор тактических средств. Из учеников своих он умело формирует соратников, он достаточно гибок, чтобы не дать фарисеям улик против себя, в публичной полемике с ними выигрывает одну ситуацию за другой, излагая свои глубоко продуманные притчи по всем правилам ораторского искусства – «он говорил с большой силой и выразительностью, и говорил он о том, что вызывает у людей наибольший интерес»¹⁵. Для поимки Иисуса и передачи его в руки наместника кесаря понадобились Иуда и тридцать сребреников, что свидетельствует об умении «сына божьего» позаботиться о своей безопасности в миру.

Особое внимание Гегеля привлекает также среда, в противоречивые отношения с которой вступает Иисус. Он тщательно выписывает поведение толпы и ее «учителей» в сцене, предшествующей распятию; непостоянство, жестокость, цинизм толпы, беспринципную прозорливость первосвященников. Эта среда отвергает предложенный Пилатом вариант освобождения Иисуса, не удовлетворяется истязанием плетями его плоти, «шумно» требует его смерти. Заметив, что Пилат про-

никается все большим к нему расположением, «...иудеи выступили в роли верноподданных Цезаря, обеспокоенных лишь его интересами, – роли для них достаточно неприятной, но безусловно соответствовавшей их цели ... «Если ты освободишь его, – кричали они, – ты не друг кесарю»¹⁶.

«Жизнь Иисуса» – одна из ранних работ Гегеля, написанная им под впечатлением обстоятельств и результатов французской революции. На Иисуса и его среду мыслитель проецирует некоторые политические аспекты своей формирующейся общемировоззренческой системы, в частности убежденность в том, что для реализации идей необходима серьезнейшая подготовка ситуации. В противном случае провозгласители даже самой возвышенной идеи обречены на необходимость выбора между отречением от нее и сохранением ей верности, но ценой отречения от жизни. В этом ключе осмыслена концепция Иисуса и в другой гегелевской работе – «Дух христианства и его судьба», где есть такие слова «...поскольку люди томились под властью иудейского духа... все модификации жизни были связаны... (Иисусу) не дано было выполнить полностью данное ему природой предназначение: он мог либо ощутить только фрагменты его, и то оскверненными, либо полностью осознать его, познав его образ как сияющее видение, чья сущность есть высшая истина; однако при этом он должен был отказаться от возможности ощутить его, претворить в жизнь, в деяния и действительность. Иисус выбрал второе, и судьбой его стало отделение его природы от мира»¹⁷. Обратим внимание и на то, что Пилат, в гегелевском изложении, хотя и совершает немало действий, от отсылки Иисуса к царю Ироду и кончая фарсом с умыванием рук в сосуде с чистой водой, на деле является однозначным исполнителем собственной функции. Линия его поведения определена положением царедворца, следящего за тем, чтобы в иудейской среде не было «ни преступления с точки зрения гражданских законов, ни угрозы для государственной безопасности»¹⁸. Пилат для Гегеля – внешний фактор, с которым ему в общем-то все ясно.

Автор «Плахы» в части библейских реминисценций основное внимание уделяет встрече Иисуса с Пилатом. Есть, правда, в романе и древний «гнусный город» с его уличными толпами, «ждушими жертвы». Есть и сцена в товарняке, когда Гришан, носитель «концепции антихриста», наделенный сатанинскими чертами, по-своему «умывает руки», предлагает Авдию самому разобратся с «толпой» – переубедить анашистов; сцена, завершающаяся жесточайшей расправой над новоявленным проповедником, учиненной теми, кто только что шутил, балагурил так, что «даже Авдий невольно улыбался». Тема прозорливых жизнелюбцев, виртуозов демагогии, ищущих власти и находящихся к ней доступ, одна из основных в романе. И все же главный акцент в эпизоде «Иисус – Пилат» сделан на их противостоянии.

В эпизоде их встречи, в языке его, довольно много странно звучащих в интерьере Иродова дворца чистейшей воды славянизмов, типа «коли», «давеча», «сказывают». Должно ли это говорить о том, что диалог Иисуса и Пилата дается в восприятии Авдия? Но ведь в собственной его речи таких слов нет... Или же следует отнести их к отмеченным С.С.Аверинцевым¹⁹ случаям несоответствия в этой сцене высказанных мыслей и их языкового воплощения? Как бы то ни было, шероховатости в тексте имеются. Можно было бы не обращать на них особого внимания, если бы в них не улавливалось нечто другое, чем просто стилистическая небрежность.

Мастер психологической мотивировки поступков и слов своих героев, писатель, славящийся умением предоставить персонажам свободу саморазвития, вдруг пишет: «Если правду говорят, что каждый судит о другом в меру своей подозрительности, то тут был именно тот случай: прокуратор приписывал Иисусу те помыслы, которые в тайне тайных, не надеясь на их осуществление, лелеял сам». Сомнительной ценности модификация банальнейшей мысли в первой части фразы продолжена открытой авторской характеристикой Пилата. Это жанр, скорее всего, пометок в записной книжке писателя, своего рода тезисы, которым предстоит обрести принципиально иное качество в художественном тексте. Пилат, реплики которого «оживлены» грубовато-разговорной интонацией, а образ в целом поддерживается подпорками авторских ремарок, предстает в эпизоде отнюдь не той содержательной личностью, в диалоге с которой Иисус имел бы возможность явить во всей полноте свои идеи и силу собственного духа. Он ощутимо примитивен. Адресованные ему слова Иисуса – «Ты мыслишь грубо, по-земному, как учителя твои, греки», – конечно же, чрезмерный комплимент, явная переоценка такого Пилата, его интеллекта и образованности. Хотя он и воздает лицемерную хвалу кесарю и империи, Рим за ним никак не ощущается. Автор отсекает это, безусловно перспективное для понимания иудейской ситуации направление и вкладывает в его уста апологию военных действий, нужную ему, автору, для ассоциативной связки с современностью, с народившейся

в ней «религией превосходящей военной силы». Его Пилат с армейской точностью осуществляет определенную ему функцию, хотя и с весьма ощутимыми потерями. Он вынужден поступиться излюбленной лексикой, вооружиться типажно ему не свойственными красноречием и пророческим пафосом: «В том и будет доблесть духа, воспетая, передаваемая из поколения в поколение, в честь того будут возноситься знамена и звучать трубы, кровь будет вскипать в жилах, будет приноситься клятва – ни вершка чужим не отдавать; и от имени народа будут возводиться в необходимость военные действия, воспитываться ненависть к врагам отечества: пусть собственный царь процветает, а другого задавить, поставить на колени, поработить вместе с его народом, а землю отнять, – да в этом же вся сладость жизни, весь смысл бытия с незапамятных времен...»

Не все ладится с языком и у Иисуса. Реализуя свое право на ассоциативно-современное прочтение исторического сюжета, автор не может, разумеется, отказать читателю в праве на аналогичное восприятие его текста. В словах Иисуса «Мне велят те, кого толкают ко мне притеснения, вековая жажда справедливости, – тогда семена моего учения падают на удобренную страданиями и омоченную слезами почву» слух коробит не только современный штамп «вековая жажда справедливости», но и «удобренная, омоченная» почва.

В лице Пилата Иисус имеет собеседника, удобного для просвещения его относительно ранних и более поздних идей христианского учения о спасении мира, втором пришествии, Страшном суде и т.д. Пилат задает короткие, «уместные» вопросы. Иисус отвечает большими периодами. Разговор носит характер интервью – вплоть до того момента, когда Пилат, задетый, очевидно, за живое социализированным тезисом о «Царстве справедливости без власти кесаря», взрывается апологией войны и власти силы. Этот первый и единственный развернутый монолог прокуратора заводит диалог в тупик – итог закономерный, если учесть, что в данном случае автор откровенно встал на путь его решения отнюдь не драматургическими средствами... Иисус после слов Пилата предрекает конец света «от вражды людей», которую тот восславил «в упоении державном». Далее идет впечатляющая картина опустошенной земли, явленная пророческому взору Иисуса: «...и я бродил той ночью по Гефсимании, как привидение, не находя себе покоя, как будто я единственный из мыслящих существ остался во всей вселенной, как будто я летал над землей и не увидел ни днем, ни ночью ни одного живого человека, – все было мертво, все было сплошь покрыто черным пеплом отбушевавших пожаров, земля лежала сплошь в руинах – ни лесов, ни пашен, ни кораблей в морях, и только странный, бесконечный звон чуть слышно доносился издали, как стон печальный на ветру, как плач железа из глубин земли, как погребальный колокол, а я летал как одинокая пушинка в поднебесье, томимый страхом и предчувствием дурным, и думал – вот конец света, и невыносимая тоска томила душу мою: куда же подевались люди, где же мне теперь приклонить голову? И возроптал я в душе своей: вот, Господи, тот роковой исход, которого все поколения ждали, вот апокалипсис, вот завершение истории разумных существ».

Здесь все прекрасно выписано, язык полностью, до мельчайших оттенков, подконтролен автору, слова охотно идут ему навстречу. И это – главная мысль эпизода, о чем свидетельствуют заключающие слова Иисуса: «...я могу сказать себе, что не унес с собой в могилу то, что открылось мне в Гефсимании. Совесть моя теперь спокойна». Писатель выстроил логическую конструкцию, не слишком заботясь об отделочных работах и декоре, и увенчал ее блистательным описанием негативной альтернативы будущего. Ну, а что же с позитивной альтернативой, что делать для того, чтобы она и только она стала нашим реальным будущим?

В «Плахе» над этим серьезно задумывается Авдий. В состоянии «исторического синхронизма» он проходит путь, отмеченный вехами становления идей гуманизма от Иисуса до современности, но задавшись главным вопросом «к чему мы пришли?», сбивается на горький и безысходный сарказм: «И оно есть, это новое! Есть! На подходе новая могучая религия – религия превосходящей военной силы...»

«Откровения» о конце света, как показал С.С.Аверинцев, впервые становятся излюбленной темой в учениях так называемых «апокалиптиков». Образ их мира сложился во взаимодействии библейского историзма, с его динамическим видением мира, и циклических концепций античного мышления.

При ясном понимании рискованности сопоставления сочинений позднеиудейских авторов и произведения современного писателя, невозможно и игнорировать очевидность совпадений. «Тема апокалиптиков, – пишет исследователь, – взрыв истории и ее переход в метаисторию, по-

следнее сражение добра и зла, и «тот свет». Когда древние пророки говорили о народах и государствах, для них еще существовал пестрый человеческий мир: для апокалиптиков красок не осталось – только ослепительное сияние и крошечный мрак. Атмосфера их сочинений характеризуется единством двух крайностей – предельной экзальтации и предельной рассудочности»²⁰.

Мир для Авдия – арена решающей схватки добра и зла, отсюда в нем ощущение призванности к определенному образу мыслей и действий: его идеи, рожденные обостренной тревогой за судьбу мира, требуют немедленного претворения в действие, которое, в свою очередь, претендует на разрешение всеобщих проблем «черного-белого» света. При наложении на живую реальность такой образ мышления терпит закономерный крах, поскольку экзальтированно взращенная в нем мера оценки окружающего не соотносится с собственной мерой многообразных явлений действительности. Безрезультатность практических усилий приводит к рассудочному моделированию истории, «началу» и «концу» которой уделяется особое внимание. В «начале» обнаруживается позитивное зерно (идеи добра, гуманизма), сохранность которого в современности представляется проблематичной. В качестве решающего аргумента, призванного «отрезвить» современность, создается образ негативной альтернативы – не только реальной опасности, но уже и последствий всемирной катастрофы.

В «Плахе» не всегда можно с уверенностью различить, где говорит автор, а где – его персонажи. Апокалиптическое начало явно присутствует в Авдии. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить айтматовскую характеристику своего героя («...тот, для кого события минувшего так же близки, как сиюминутная действительность, тот, кто переживает былое как свое кровное, как свою судьбу...») с психологическим стереотипом апокалиптика по С.С.Аверинцеву («...очень остро чувствует историю – как боль, которую нужно утолить, как недуг, который нужно вылечить, как вину, которую нужно искупить»). Эпизод скитаний Авдия по улицам древнего Иерусалима с целью «предупредить Учителя» – нагляднейшая иллюстрация этого своеобразного мироощущения. В некоторых случаях автор специально оговаривает суверенность действий Авдия, его, к примеру, волюнтаризм по отношению к истории, диктуемый, правда, «благими порывами». Так что правильным будет отнести все «апокалиптическое» на счет Авдия. Это он, и никто другой, причина тому, что Иисус с Пилатом в идеальной для серьезнейшей беседы ситуации разыграли посредственную интермедию вопросов и ответов, так, будто единственной их целью было движение к вдохновенному пророчеству о конце света. Разумеется, так оно и есть. Иначе откуда погрешности в стиле, забвение высоких правил драматургической игры, равнодушие к проблемам Иудеи в противостоянии Риму и этот жар, напряженность интонации, окрыленность слов в последнем монологе Иисуса?..

В своем исследовании С.С.Аверинцев называет целый ряд характерных черт апокалиптической литературы, такую, например, как «влечение» ее создателей «к анонимности и псевдонимности». Но более серьезной для осмысления наших проблем является ее связь с метафизикой и мифом, с их, как он пишет, «статическими схемами». Отмечая «апокалиптическое» начало в «Плахе», необходимо иметь ясное понимание того, что не оно послужило причиной метафизичности общей концепции романа, в результате которой герои его оказываются в тупике, в безвыходном положении. Напротив, автор, еще в «Пеге псе» познавший великий искус оперирования эффектами пограничных ситуаций, закономерно пришел к нему – самому впечатляющему из всех возможных эффектов. Создан потрясающий воображение образ конца истории. Мир предупрежден о том, что будет, если он вовремя не образумится...

Но что же делать Бостону Уркунчиеву? Как ему и таким, как он, как Эрназар, одолеть перевал, «ледяной Ала-Монгю»? Неужели их мечта достичь Кичибельской долины так же неосуществима, как и скорбные призывы Авдия и Акбары к Иисусу и лунной Бюри-ана посетить островок на Оке и моюнкумские степи?

В пределах избранной автором художественной системы выхода для Бостона нет. Ему противостоят не только конкретные Кочкорбаев, Нойгутов и другие, ему противостоит метафизическое зло, вечное, многоликое, всепроникающее. Против него – роковое стечение обстоятельств, прихотливая игра случайностей. Да и сами случайности несут печать угрозы, предвещают недоброе. Накануне взрыва в трагическом ходе событий – убийства Акбары и Кенджеша – Бостон забывает в забегаловке игрушку, купленную для сына, и сердце его замирает в тяжелом предчувствии. Над ним нависает проклятие, действие которого он признает, хотя и не чувствует за собой вины. Дважды – после гибели Эрназара и Кенджеша – в состоянии сильнейшего аффекта он обращается

к анонимной силе, «воздев глаза» к небу: «За что, за что ты меня покарал?» Символы, отлаженное оружие «мифопрозы», активно работают на всех уровнях «иссык-кульской» части романа. Это и само великое озеро, и бог ветров Шамал («всегда он недоволен и всегда что-то в себе таит»), и страшная, как зев преисподней, пропасть, поглотившая Эрназара. В парах Акбара – Ташчайнар, Бостон – Эрназар ощутимо улавливается типологическое сходство Эрназара и Ташчайнара. Мифологизированное сознание не только допускает такую параллель, но и совершает характерное для себя действие, давая Бостону возможность похоронить тело волка и как бы не оставить, тем самым, непогребенным тело друга. Бостон намеревается одолеть перевал Ала-Монгю, но «перевальную» молитву впервые слышит от Эрназара, да и тот ее знает «с пятого на десятое».

Правильно ли мы поступаем, усматривая в великолепном художественном тексте мерцание желаемых смыслов? Но разве не на такое ассоциативное прочтение рассчитана поэтика «мифопрозы», не в этом ли особенность ее и исключительная сила, которая только в нашем ограниченном – как полет стрелы в цель – восприятии выглядит недостаточной? Мир «мифопрозы» гостеприимен, двери храма его широко раскрыты. Иначе не может и быть – ведь назначение его в том, чтобы дать приют блуждающему или отчаявшемуся сознанию, помочь ему упорядочить окружающий его хаос. Символы – идеальное средство для решения этой задачи. Их смысловая структура, рассчитанная на активную внутреннюю работу воспринимающего, хороша уже тем, что обладает исцеляющим свойством, снимая апатию и растерянность. Многозначность символа дает возможность сознанию, по мере обретения новых сил, углубиться в понимание явлений до такого уровня, где они предстают в чистоте субстанций, универсалий, категорий, абстракций, еще свободных от последующих воплощений, в том числе – и от предметности образного воплощения. Стоит ли заглядывать так далеко – вопрос, вероятно, вкусового порядка, такого, например, как выбор материала либо для частичной, либо полной перестройки. Есть не только различные уровни прочтения символов, но и различные символы: символ, взрывающий замкнутость форм для непосредственного выражения бесконечности, и так называемый «пластический символ», стремящийся вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму. Образ символа первого типа – строитель, затеявший все перестроить заново. Второй тип явлен в символике «Плахи». Показательна в этом отношении финальная сцена романа.

«Вот конец и света, – сказал вслух Бостон, и ему открылась страшная истина: весь мир до сих пор заключался в нем самом и ему, этому миру, пришел конец. Он был и небом, и землей, и горами, и волчицей Акбарой, великой матерью всего сущего, и Эрназаром, оставшимся навечно во льдах перевала Ала-Монгю, и последней его ипостасью – младенцем Кенджешем, подстреленным им самим, и Базарбаем, отвергнутым и убитым в себе, и все, что он видел и что он пережил на своем веку, – все это было его вселенной, жило в нем и для него, и что теперь, хотя все это и будет пребывать, как пребывало вечно, но без него – то будет иной мир; а его мир, неповторимый, невозобновимый, утрачен и не возродится ни в ком и ни в чем. Это и была его великая катастрофа, это и был конец его света...»

Бостон не только осознает постигшую его «катастрофу», но и признает свое поражение, признает правомерность «отделения его природы от мира». Последнее его действие на пути к «синей крутизне Иссык-Куля», в которой «ему хотелось раствориться, исчезнуть», ритуальный акт – «...закрутил чумбур, поводья уздечки на шее Донкулюка, закрепил стремяна на луке седла». Так поступают в походе с конями тех, кого уже нет в живых. Бостон сломлен, и это закономерный итог пути, предначертанного ему автором. Не могла по-другому сложиться его судьба, потому что его мир оставлен наедине с реальностью, внутренних механизмов движения которой он не знает. При всем благородстве его натуры, бесспорном соответствии призвания человека на земле, при необычайном богатстве внутреннего мира, Бостон, волей автора, носитель предельно субъективного восприятия мира. Жизнь для него кончается, становится «иной», с гибелью его ипостаси – Кенджеша, ибо он сам – единственная мера бытия. Он не вписан в «тело народа», в его коллективный опыт. И в этом он – «замкнутая форма», символ состояния, но не перемен. Объективный мир для него зачастую непонятен, химеричен и именно в этом качестве по отношению к нему – агрессивен. Протест против такого мира получает крайне экзальтированную форму. Нойгутов убит, но враг не найден. Мысли Бостона о том, что он был и «Базарбаем, отвергнутым и убитым в себе», слабый намек на то, что положено начало некоему самоанализу. Но символизм в данном случае переступает этическую грань, превращая в средство объективную данность – чужую жизнь: ведь не только «в себе» убивает Бостон Нойгутова, он вычленяет его из мира того же неба, той же земли и гор, которые, конечно, есть и его модификации, но обладают

также собственной сущностью и имеют свои права на Нойгутова.

И все же есть ли выход для Бостона Уркунчиева? ...

«– Вы с ним не согласны? – спросил Феликс. – Я о Камю...

– Нет, – сказал Бек застенчиво, но твердо. – Я думаю, существует еще один выход... Третий выход. – Бек поправил очки. – Бороться и победить. Но для этого Сизифу пришлось бы осмыслить ситуацию, в которой он находился.

– И тогда?... – спросил Гронский.

– Тогда бы Сизиф обнаружил какой-то подходящий вариант. Ведь в мифах не говорится, что он debil или идиот. Напротив ... – Бек почесал подбородок. – Он мог бы, например, закрепить камень наверху. Или подняться разок на гору без камня и там подготовить для него площадку... Да мало ли что! То есть, – скромно заключил Бек, повернувшись к Феликсу, – я хочу сказать, что Сизиф способен осознать ситуацию, а осознав – изменить. Камю об этом не подумал»²¹.

Способен ли Бостон «осознать ситуацию»? Безусловно – способен. Ведь и о нем не сказано, что он «debil или идиот». Но для этого ему пришлось бы стать персонажем художественной системы, принципиально другой по своему отношению к миру.

Начиная с 60-х годов, когда в различных литературах нашей страны стало появляться все большее число писателей, создающих свои произведения либо на двух языках – на родном и на русском, либо только на русском, билингвизм и творчество на языке другого народа вызывают по отношению к себе закономерный и практический интерес. Одну из крайних точек зрения по этому вопросу высказал Н.Джусойты, правда, это было еще в 1957 году, когда само явление еще только обозначилось на литературном горизонте. В статье «О национальном стиле и национальном языке» он писал: «Никакая национальная литература не создавалась и не может существовать на инонациональном языке»²². С тех пор прошли десятилетия, и теперь вряд ли кому-нибудь придет в голову отказать, к примеру, Ч.Айтматову, Ч.Гусейнову, И.Друце или О.Сулейменову в праве считаться представителями своих национальных литератур.

Широкий резонанс получила концепция двуязычия, предложенная Ч.Айтматовым и понимаемая как «сосуществование и взаимодополняющее софункционирование русско-национальных языковых систем ... в социалистических культурно-исторических условиях»²³.

Налицо, таким образом, ситуация, подвергающая испытанию на истинность тезис Н.Джусойты. Если мы соглашаемся с тем, что произведения этих – и теперь уже – большой группы двуязычных и русскоязычных писателей является достоянием их национальных литератур, то должны согласиться и с возможностью существования национальной литературы на инонациональном языке. Следует, однако, уточнить, что во всех этих случаях речь идет не о переходе литературы с одного языка на другой, а о сосуществовании в ней двух разноязычных ветвей. Здесь мы сталкиваемся с серьезнейшими вопросами: есть ли критерии отнесения обеих ветвей к одной национальной литературе? Каковы характер и динамика их взаимодействия, что оно (сосуществование) собой представляет – равновесие и взаимное дополнение или же противодействие, ведущее к укреплению одной из них и ослаблению позиций другой? Теперь уже со всей актуальностью возникает вопрос, сокрытый в полемически заостренном тезисе Н.Джусойты: не является ли иноязычие фактором, препятствующим развитию национальной литературы?

Ответы на эти вопросы заключены в целенаправленных действиях осознающей себя этнокультурной среды. Конкретные условия определяют содержание этих действий, и опыт прошлого имеет для них значение отдаленных аналогий, не более того. Вместе с тем исторические факты говорят о том, что в ходе взаимодействия различных культур формируется особый тип личности, с деятельностью которой существенно связано состояние языковой ситуации, ее негативная или позитивная перспектива. Речь идет о так называемой «маргинальной личности». Маргинальность относится к числу проблем пограничного бытия культур и включает в себя, как частные случаи, факты творчества на языке другого народа. Особое положение маргинальной личности способствует тому, что она воспринимает культуру, к которой принадлежит этнически, как бы извне, со стороны и потому – крупномасштабно. В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению ее состояния и перспективы в соотношении с другими культурами. Благодаря этому качеству

маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе ее взаимосвязей с другими культурами.

На уровнях маргинальности с особой остротой и очевидностью проявляется различие таких понятий, как сознание этнической принадлежности и национальное самосознание. В отличие от простого факта своей принадлежности к той или иной национальной общности, национальное самосознание предполагает осмысленное отношение к внутренним и внешним, национальным и интернациональным факторам, которыми определяется историческое бытие этой общности. Если человек, оказавшийся в маргинальной ситуации, является подлинно творческой личностью, деятельность которой немыслима без глубоко обоснованной мировоззренческой позиции, он необходимо восходит к уровню национального самосознания, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей. Совокупная деятельность творческих личностей, преодолевших уровень маргинальности и обретших себя в качестве субъектов национальной культуры, способствует в конечном итоге снятию противоречий двумя ее «ветвями» и решению общих задач ее развития.

Именно эта мысль представляется ведущей в статье Ч.Гусейнова о двуязычии в художественном творчестве²⁴. Серьезнейшие выводы этой статьи вырастают как результат историко-эмпирических наблюдений, теоретических изысканий, собственной творческой практики. Многие грани проблемы двуязычия рассматривает Ч.Гусейнов, но нетрудно заметить, что в конечном счете они концентрируются вокруг центрального вопроса, связанного с мировоззрением творческой личности, ее осознанным выбором и целенаправленными действиями. Отсюда – определенность критериев, предлагаемых автором для уяснения принадлежности двуязычного писателя к той или иной национальной литературе: «...национальное самосознание писателя – психологическое, духовное, чувственное ощущение им себя представителем данного народа;

...предмет творческих интересов и объект художественного отражения, коллизии данной национальной действительности, предполагающие знание глубинных процессов быта, истории нравов, традиций, исторической эволюции народа; ...знание языка народа, которое проявляется либо активно, если писатель творит как на русском, так и на национальном, либо пассивно, если владеет не настолько хорошо, чтобы писать на нем, но знать надо непременно».

Исторические аналоги говорят о том, что языковое «инобытие» и выход из него были пережиты многими литературами в прошлом. Сильнейшее влияние средневековой китайской литературы на японскую, имевшее следствием творчество части японских литераторов на китайском языке, предопределило, как считал Н.И.Конрад, взлет литературы на японском языке, ознаменованный созданием первого в истории мировой литературы романа «Гэндзи-моногатари». Арабоязычная литература иранских народов VIII – IX вв. и персо-таджикская поэзия последующих «шести веков славы» связаны между собой причинно-следственными отношениями. Средневековая литература тюркских народов значительное время существовала на арабском и новоперсидском языках, однако подлинную славу доставили ей шедевры словесной культуры «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни и знаменитая пятерица Алишера Навои, созданием которых были отмечены выходы литературы в XI и XV веках из языкового «инобытия» к тюркской языковой основе. Это, наконец, большое число современных англо-, франкоязычных литератур стран Азии и Африки, стремящихся к «обретению» себя на собственной этнокультурной, в том числе и языковой, почве.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в условиях устойчивых, глубоких связей между культурами литература может существовать и на инонациональном языке. Но эти же примеры говорят и о том, что в принципе сроки языкового «инобытия» не бесконечны. И здесь мы обнаруживаем известную правоту Н.Джусойты, тезис которого, чтобы быть принятым безоговорочно, должен был бы звучать примерно так: «...национальная литература... не может существовать на инонациональном языке... без того, чтобы в конечном счете не преодолеть эту форму своего бытования». В ходе каких-то сложных внутренних процессов культура, испытывая влияние, вырабатывает в себе энергию последующего активного развития, частным, но непременно результатом которого является возрождение и новая жизнь собственного языка.

Действует ли эта закономерность во всех случаях взаимодействия культур? Нет, и тут мы сталкиваемся с двойственной природой взаимодействия. К примеру, ирландский этнос, давший англоя-

зычной литературе таких писателей, как Свифт, Гольдсмит, Лоренс Стерн, Оскар Уайльд, Бернард Шоу, Джордж Мур, Джеймс Джойс, вот уже несколько столетий не имеет литературы на ирландском языке, хотя и добился в XX веке определенных успехов в ходе культурно-политического движения, так называемого «ирландского Возрождения». Впрочем, хронологические рамки языкового «инобытия» – понятие, хотя и ограниченное, но и довольно растяжимое. Не исключено, что в будущем ирландцы в числе других задач своей исторической перспективы решат и проблему национального литературного языка. Не исключена, однако, и другая возможность – окончательная потеря собственного языка, необратимость языковой и, вместе с ней, общекультурной ассимиляции.

Вносит ли двадцатый век коррективы в процессы взаимодействия культур? Безусловно, и прежде всего широким распространением гуманистического идеала единства и многообразия национально-художественных миров. В соответствии с ним бесследное исчезновение любой из дошедших до современности культур не может быть оценено иначе, как событие регрессивное в биографии общечеловеческой культуры.

О том, к чему могла бы привести унификация языков, Ч.Айтматов говорит: «Когда мы теоретически предполагаем, что со временем, в каком-то отдаленном будущем все языки сольются и будет только один или два языка в мире, захваченные этой перспективой, вряд ли мы отдаем себе отчет, что мир от этого обеднеет. Эти «победившие» языки не будут иметь окружающей подпитывающей среды. Однообразие не может обеспечить развитие. Поэтому важно сохранить как можно дольше многообразие языков»²⁵. Здесь все очень хорошо сказано. За исключением нюанса, прозвучавшего в последнем предложении. Слова «важно сохранить как можно дольше многообразие языков» могут создать ощущение, что «сохранение языков» – дело и компетенция некоего общественного договора, как, скажем, охрана окружающей среды, исторических памятников, исчезающих образцов флоры и фауны.

В речи на научно-практической конференции в г.Фрунзе (декабрь 1987 года) Ч.Айтматов как будто бы в прежнем ключе сотворяет оду гармонии и многообразию языков («гигантский хорал, захватывающий дух своим величием и красотой»). Но вслед за этим решительно отмежевывается от «романтического ореола»: «На этом, я думаю, кончается романтика и начинается проза бытия, ибо у каждого языка и наречия своя судьба, свои взлеты и падения, а подчас драматические проблемы и испытания – языки, по существу, отраженно претерпевают те же исторические изменения, что и их носители. И с этим нельзя не считаться, вот об этом стоит говорить и думать».

Язык лишь в той мере имеет право на солидарное и уважительное к себе отношение, в какой его носители умеют отстаивать свои и общечеловеческие идеалы и ценности. Никто со стороны не может обеспечить ему жизнеспособность и долгожительство. Это внутреннее дело конкретно-го народа, его культуры и его национального самосознания.

Каждый язык имеет колоссальный опыт выживаемости, в целом говорящий о том, что укрепление позиций языка тесно связано с поворотными в жизни различных этносов ситуациями, с их общей активностью в ходе решения поставленных перед ними историей крупных задач. Свой опыт есть и у тюркских языков.

В Герате второй половины XV века на поприще творческой, просветительской и государственной деятельности развернулись разносторонние способности Алишера Навои (1441 – 1501 гг.). Обстоятельства жизни и творчества его хорошо известны. Нас в них интересует то, что связано с проблемой выхода литературы из языкового «инобытия». Ситуация, сложившаяся в это время, казалось бы, благоприятствовала осуществлению главного дела жизни великого поэта, о котором он сказал, завершая свой титанический литературный труд: «Я в мире утвердил родной язык. Предела вожделенного достиг». Тимуриды, правившие среднеазиатскими городами, поощряли творчество на «чагатайском» (по имени родоначальника тимуридской династии Чагатая) языке. По свидетельству Е.Э.Бертельса, этот язык «...сами писавшие на нем авторы называли «тюрки», то есть просто тюркским языком, так как он был призван обслуживать не какой-нибудь один из тюркских народов, населявших Среднюю Азию, а охватить их по возможности всех»²⁶. Навои, занимавший крупнейшие посты при дворе султана Хусейна, который и сам слагал стихи на «тюрки», не встречал противодействия, своему намерению поднять престиж родного языка.

Однако задача, стоявшая перед ним, требовала для своего решения немалой душевной от-

ваги, подвижнического труда и исключительной одаренности. Творческий спор предстоял с выдающимися образцами, созданными на так называемом «новоперсидском языке», за которыми стояли имена Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Саади, Хафиза, Низами, Хосрова и других великих, обещавших персоязычной поэзии «шесть веков славы» и одно из почетнейших мест в истории мировой литературы. В XV веке ее крупнейшим представителем был старший друг и учитель Навои шейх Абдуррахман Джамии (1414 – 1492).

Навои хорошо знал этот язык, более того, в возрасте 24 лет он составил на нем свой первый сборник лирических стихотворений. Но затем, движимый внутренним побуждением, переключается на «тюрки» и создает на нем, кроме знаменитой «Хамсы» («Пятерицы»), большое число работ историко-гуманитарного характера. Е.Э.Бертельс подчеркивает неслучайность многожанровой деятельности Навои, направленной, по его мнению, на то, чтобы «убедить всех, что его родной язык может справиться со всеми трудными задачами литературы, будь то сложнейшая игра метафорами или точный труд»²⁷.

«Хамсу», включившую пять больших поэм – «Смятение праведных», «Лейла и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Стена Искандера» – общим объемом более 53 тысяч стихотворных строк, Навои написал в невиданно короткие сроки. Соотнося свой труд с творениями великих предшественников («Ведь каждый живший до меня поэт Потратил для «Хамсы» десятки лет»), поэт, по многим параметрам ведущий с ними творческий спор, горделиво сообщает:

Но внял я сердцем новые слова,
Мир небывалый создал года в два.

Не только соревновательный стимул в отношении к ним присущ Навои, он прекрасно понимает, сколь многим обязан великим предшественникам. В заключительном разделе поэмы «Стена Искандера» он вкладывает в уста одного из них слова, которые, по сути, являются данью его собственной признательности персоязычным учителям:

Когда б тебе мы все не помогли,
«Хамсу» бы ты не создал, сын земли.

Мир Навои гуманистичен. В тюркоязычной форме он сохраняет прогрессивное содержание духовной культуры эпохи «мусульманского ренессанса», вобравшей в свою очередь многие знания и идеалы греческой античности. Действующим лицом двух его поэм – «Фархад и Ширин» и «Стена Искандера» – является Сократ, в первом случае открывающий Фархаду этический «смысл бытия», во втором – сопровождающий вместе с Арасту (Аристотелем) Искандера (Александра Македонского) в его путешествии к «центру вечных вод». Подобно Гомеру, дававшему развернутые описания совершенных вещей и процесса их изготовления, Навои целую главу поэмы посвящает искусству мастера Карена, у которого Фархад учился ремеслу каменотеса. Культ тюркского художественного слова не затемняет для поэта этнических красок мира. Возлюбленная Фархада Ширин и его друг Шапур – жители страны «Армен». Познание мира влечет Навои с той же неодолимой силой, что и его современников – творцов блистательной эпохи европейского Возрождения: третий подвиг Фархада совершен во имя обладания «зеркалом мира», или чашей Джемшида, открывающей «тайны всех времен и стран».

Дорогу к «зеркалу мира» указывает герою святой Хызр, популярный среди тюркских народов покровитель путников:

Когда достигнешь лысого бугра,
На горизонте вырастет гора,
По виду – опрокинутый казан:
Она и есть – тот самый талисман!

Этот графический образ встречается в стихах современного казахского поэта, наполняясь, правда, новым, элегическим содержанием (О.Сулейменов: «Холмы, холмы, о горы моей родины, как опрокинутые казаны»). Заимствован ли он у Навои или же оба поэта используют общетюркскую метафору?.. О том, что Навои был знаком с предшествовавшей ему тюркоязычной литературной традицией, со всей очевидностью свидетельствует наизидание Арасту о зиме («Стена Искандера»), в котором слышны отголоски зафиксированного Махмудом ал-Кашгари (XI в.) в «Дивани лугат ат-турк» спора зимы и лета. Вариации на эту тему встречаются и в более поздней тюркоязычной литературе, например, в поэзии Абая. О легендарном Коркуте и связанных с его именем преданиях Навои знал настолько хорошо, что в своем переводе на «тюрки» сборника биографии

мусульманских святых он отказывается писать о нем более подробно, так как «среди тюркского народа он слишком известен, чтобы нуждаться в еще большей известности»²⁸. В поэмах Навои во многих местах встречаются гимны движению, перемещениям в пространстве с обязательным указанием роли святых покровителей путников («С тех пор всегда с ним были в трудный час// На суше Хызр, в морях пророк Ильяс»). Исследователи, по всей видимости – резонно, связывают эту апологию движения с достигшими Герата веяниями идей эпохи великих географических открытий²⁹. Нам же остается констатировать поразительную синхронность двух отношений к пространственным перемещениям в тюркоязычной поэзии XV века: воодушевленно-героическое у Навои и полностью ему противоположное («проклятье нашему движению!») у представителя классического кочевья казахского поэта Асана Кайгы (Асана Скорбящего).

Алишер Навои, с несомненным на то основанием, считал, что выполнил стоявшую перед ним грандиозную задачу:

*Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Гянджу и Рум;
Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;
Пускай на весь Иран поет Джами,
Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!*

Великий поэт, творчеством которого триумфально увенчался выход тюркской литературы из ее персоязычного «инобытия», имел полное право на подобную самооценку.

Деятельность личности, решающей проблемы, аналогичные стоявшим перед Навои, закономерно тяготеет к узнаванию предшествующего опыта, его освоению с целью использования в собственной практике. Характерно в этом смысле следующее признание поэта: «В области науки я изучил все, что было создано древними мыслителями, начиная от Аристотеля и кончая Фараби»³⁰. Имя Фараби, завершающее ряд «древних мыслителей», кроме конкретного, имеет, очевидно, и символический смысл, обозначая крупнейшую, в понимании Навои, величину в относительно близкой ему по времени «науке». Ведь не мог же он, в противном случае, не назвать живших после Фараби не только поэта, но и автора блистательных математических трактатов Омара Хайяма, философа и выдающегося ученого в области естественных наук Аль-Бируни, обладателя энциклопедических знаний Абу Али Ибн-сину, вошедшего в сознание последующих поколений как образ великой учености средневекового Востока. Интерес Навои к философии и науке говорит о том, что ему не был чужд идеал чувственного ума, знакомый нам по некоторым произведениям современной казахской литературы исторического жанра. Но если поэт XV века был окрылен и многократно усилен добытым знанием, в нашем случае произошло нечто противоположное.

Начиная с первых подвижнических шагов в изучении наследия Абу аль-Фараби, предпринятых в 1956 году А.Ж.Машановым, в Алма-Ате на казахском и русском языках были изданы одно за другим почти все основные произведения выдающегося мыслителя. Преждевременно было бы говорить об особых успехах казахской фарабистики, поскольку перевод, комментирование, разрозненные разработки отдельных аспектов творческого наследия, юбилейные и популяризаторские статьи не могут, конечно, компенсировать отсутствие системного историко-философского осмысления его трудов. Тем не менее трактаты переведены. Осуществлено дело исключительной важности, вполне соотносимое по своему значению с подвигом в истории переводов – переложением на арабский язык IX века греко-античного философского наследия. Желая обеспечить возможность прямого общения с миром знаний и мыслей Фараби.

Активность художественного сознания в отношении к нему связана, в основном, со временем, когда его имя, слава и место рождения – город Отрар, были известней, чем произведения. Появились посвященные ему стихи, повесть Д.Досжанова, пьесы Ш.Хусаинова и С.Бодыкова, научно-популярный фильм. С.Романов положил начало серии портретов, выполненных художниками Казахстана. Но чем явственней проступала из глубины тысячелетия величественная фигура мыслителя, тем меньше энтузиазма слышалось в песнопениях в его честь. Реальный, достоверный Фараби оказался намного сложнее, чем те локального значения события и личности, относительно которых литература и искусство научились просвещать современников. Его поразительная судьба, выдающиеся знания возникли как джин, выпущенный из лампы Аладина, – явлением

масштабов мировой культуры.

Попытку осмыслить феномен Фараби предпринял А.Алимжанов в повести «Возвращение Учителя»³¹. Лучше, чем кто-либо из казахских писателей знающий ближневосточный регион, его историю и современность, неоднократно бывавший в местах, где проходила жизнь «великого скитальца», А.Алимжанов воссоздает достоверную атмосферу городов времен арабского Халифата. Бесспорной представляется трактовка мотивов деятельности Фараби, его поисков истинного знания в связи с оппозиционными ортодоксальному исламу и власти метрополии движениями. Можно было бы назвать целый ряд особенностей повести, подтверждающих мировоззренческую зрелость автора, гражданственность и гуманизм его творческой позиции. Эти черты алимжановской прозы и публицистики сыграли важную роль в становлении исторического самосознания в казахской литературе 60 – 70 годов. Но встреча с Фараби обнаружила и явную недостаточность манеры письма, приносившей положительные результаты прежде.

У героя повести нет ни одного серьезного оппонента. Его рефлексии о мире, о вере и знании, добре и зле и т.д. не выверены противоположной точкой зрения. Основные события в жизни Фараби изложены в форме его собственных воспоминаний, подача которых осуществлена крайне упрощенно. Этот тип героя – удобная форма, для наполнения ее субъективным авторским содержанием. Гипотезы и версии исторического развития, подчиняющие себе уйму фактов, торопливо выхваченных из контекстов различных эпох, различных типов цивилизаций, проецируются на Фараби, и тут невольно начинаешь верить в могучую силу духа средневекового мыслителя, способного пережить и такой произвол. Могли бы и мы смириться с этим, если бы нас в данном случае не интересовали в гораздо большей мере мысли, идеи, судьба самого Фараби, мир которого требует теперь уже не общепросветительского к себе отношения, а углубленного понимания.

Труды Фараби приближают к нам философское и общекультурное наследие греческой античности и мусульманского ренессанса, а также, если учесть влияние его работ через аверроистов на Спинозу и французских материалистов, – общественно-философские идеи Западной Европы. Если вспомнить, что арабоязычный мир эпохи Фараби вобрал в себя знания, выработанные и в таких очагах цивилизации, как Индия, Иран, становится ясным, что «возвращение учителя» может состояться лишь при условии освоения казахским художественным сознанием навыков восхождения на альпийские высоты человеческой духовности.

Обращение плеяды средневековых мыслителей арабоязычного мира к античному наследию, их неустанные усилия по изучению, систематизации, обогащению научного знания носили закономерный, глубоко обоснованный характер, потому что подлинное знание во все времена является не только благородным, но и эффективным оружием борьбы. Спустя столетия, когда в памяти человечества обрел реальные очертания поступательный процесс утверждения человеческого разума, эпоху, в которую жил Фараби, назвали в соответствии с качеством, которое он и его единомышленники ей придали, – эпохой «жизнерадостного свободомыслия» (Ф.Энгельс). Не в этой ли наглядной демонстрации несокрушимости духа, оснащенного оружием знания, следовательно, и способного «осознать ситуацию», заключается для нас главный урок, преподнесенный Аль-Кинди, Фараби и их последователями? Кроме высоких идей, за каждым из них – сложная и яркая судьба. И это – предмет литературы, серьезной литературы, умеющей дать персонажам дело, в котором происходит их самораскрытие и которым проверяется истинность их идей... Случайно ли то обстоятельство, что выходец из Отрара, беспокойной тюркской окраины Халифата, выдвинулся в число крупнейших мыслителей своего времени? В какой мере в характере мышления, в формировании мировоззренческих и философских убеждений Фараби сказывается его «маргинальность», то, что он был личностью на рубеже культур? Не является ли он, с его философией, ядро которой составляют космогонические идеи, историческим аналогом Иосифа Флавия, написавшего в период завоевания Иудейского царства римлянами «Псалом гражданина Вселенной»? Не есть ли жесткое, ироничное, неприязненное, хотя и не лишенное известной доли внутреннего преклонения, отношение к нему мусульманского теолога, получившего громкие титулы «Обновитель веры» и «Довод Ислама», перса по происхождению, Газали продолжением и модификацией древнего антагонизма Ирана и Турана в условиях нового социального образования – арабского халифата?.. Не такого ли рода вопросы, наконец, должны стоять перед художником, чтобы его произведение, по словам Гегеля, открывало нам «пафос, субстанциональное содержание ситуации и богатую, могучую индивидуальность, в которой живут, проявляются и осуществляется субстанциональные моменты духа?»³²

Антихалифатские настроения в средневековых городах были сильны настолько, что ортодоксальный ислам, тесно связанный с политическими интересами халифата, обрел оппозицию не только в лице блистательной плеяды ученых и философов, но и в мистическом пантеизме суфизма. До реформаторской деятельности аль-Газали, в результате которой суфизм получил известное признание со стороны мусульманского духовенства, сторонники этого учения подвергались гонениям. Они-то и заложили основу индивидуального миссионерства, обеспечив продвижение ислама, в частности, в тюркскую среду. Каноны и догматы мусульманского вероучения подвергались при этом двойной трансформации, поскольку передатчиками были люди, ревизовавшие их в собственном сознании и вынужденные, в силу индивидуально-миссионерского характера своей деятельности, приспособлять свое учение к местным условиям. «В биографиях известных суфиев, – пишет В.В.Бартольд, – обыкновенно говорится об обращении ими в ислам большого числа иноверцев; суфии отправлялись проповедовать ислам в степь, к туркам, и всегда, до последнего времени, пользовались среди турок гораздо большим успехом, чем представители книжного богословия. Проповедники-суфии говорили и говорят в степи не о священной войне и райских наслаждениях, а о грехе и адских муках»³³.

Оппозиционным ортодоксальному исламу моментом в суфизме было допущение возможности мистического союза личности и бога, ведущее к идее обожествления человека. Совпадая с идеями Фараби, основанными на разуме и знании лишь в плане противостояния каноническим учениям, суфизм в корне им противоположен в отношении к путям познания. Согласно суфийским представлениям, не разум ведет к познанию высшей истины, а интуиция, экстаз, итог которых – озарение, осеняющее того, кто способен «сбросить цепи множественности», присущей материи, и прийти к единению с абсолютным. Судя по В.В.Бартольду, основным аргументом суфиев в «степи» был образ негативной альтернативы – «грехи и адские муки». О воплощении протеста и его практической дееспособности красноречиво говорят слова основоположника суфийского ордена «Яссавия» Ахмеда Яссави: «Если тиран будет притеснять тебя, ты обратись к Аллаху».

Могут ли время и ситуация, вызвавшие к жизни эти классические формы диаметрально противоположных типов отношения к действительности, оставаться вне поля зрения литературы, решающей задачи историко-культурной преемственности? Тем более, если эти события имеют прямое отношение к истории народа, литературой которого она является, а ей самой предстоит исполнение главной задачи – вступить в серьезный диалог с действительностью? Лишь крайней беспечностью в отношении к собственным ресурсам можно объяснить тот факт, что духовная жизнь городов в домонгольскую эпоху еще не получила должного осмысления в казахской литературе исторического жанра.

Говоря о собственно тюркоязычной литературе XI века, исследователи предпочитают отмечать влияние на нее рационалистических и гуманистических идей Фараби. «Уже по своей тематике, – пишут авторы книги «Аль-Фараби в истории культуры», – поэма Юсуфа («Благодатное знание». – М.А.) «примыкает к социально-этическим воззрениям аль-Фараби»³⁴. Влияние Фараби и представляемой им традиции на «Благодатное знание» бесспорно, однако, прав, конечно и С.Н.Иванов, исследователь и автор первого полного перевода поэмы на русский язык, обнаруживший в ее философских основах присутствие «дервишских тем» и «суфийских оттенков общемусульманского миропонимания»³⁵.

Работу над поэмой «Благодатное знание», состоящей из 6520 бейтов (двустихий), Юсуф Баласагуни завершил в 1069 году, по истечении восемнадцати месяцев со времени ее начала. Как и Алишер Навои, он подчеркивает стремительность, с которой складывались в текст его слова, и так же, как поэт XV века, горделиво заявляет о своем приоритете в извлечении из литературного небытия родного языка:

*Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным:
Я ласков к нему был – оно покорялось,
Но было пугливым еще и задорным.
Но я неустанно обхаживал слово,
И мускус³⁶ дохнул ветерком животворным.*

Владея, по свидетельству А.Н.Кононова, «всеми тонкостями арабской и персидской поэзии»³⁷, он глубоко освоил тюркский фольклор, о чем свидетельствуют и его собственные многократные ссылки на «тюркские присловия», и созвучие ряда мест его текста с образцами тюркско-

го художественного слова, собранными его современником, выдающимся филологом Махмудом аль-Кашгари. В элегии на смерть древнетюркского эпического героя Алп Эр Тонга, «всетюркского владыки», имя которого встречается и в «Благодатном знании», у аль-Кашгари «мир, прицеляясь, пускает стрелу», рассекающую «вершины гор». Юсуф же сравнивает время с туго натянутым луком, «мечущим стрелы блага и мук». Символ благоденствия, счастья в обоих текстах – мирная жизнь ягненка и волка. Много совпадений в словах о дружбе, гостеприимстве, уважении к родителям и старшим по возрасту.

Персонажи «Благодатного знания», аргументируя свои мысли о бренности мира, часто используют образ кочевья – «Блажен, кто заране к кочевью готов», «Кочевник не строит дворцов и палат», «Идущий в дорогу не связан с жилищем: Кочуя, мы лишнего скарба не ищем!» В тюркской устно-словесной традиции широко распространены поэтические оценки того, что несет человеку каждый новый десяток лет его жизни. Аналогичные рассуждения о 30, 40, 50, 60-летнем возрасте встречаются и у Юсуфа. Слова Огдюльмиша о толковании снов («Как сон истолкуешь, так все и случится») одно к одному сходятся с идентичной установкой в кочевой среде.

К свидетельствам влияния на автора «Благодатного знания» арабоязычной философской школы, в которых исследователи выделяют этический аспект, следует добавить и усвоенный им культ естественно-научного знания, пропагандируемого в поэме Огдюльмишем: «Знай алгебры действия разного вида, пытливо стучись и в ворота Евклида». Хотя главной проблемой, конечно, для Баласагуни является катастрофическое падение нравов, девальвация духовных ценностей в ситуации, в которой он жить «осужден». Восприятие мира Юсуфом глубоко драматично. Поэт дает развернутую картину всеобщей обскурации современной ему среды. Протестуя против нее, он создает образ некогда бывшего идеального мироустройства, в котором жили и действовали «добродетельный» правитель и его сподвижники, «люди давних и славных времен». В анализе содержания поэмы необходимо учитывать, что «настоящее» ее действующих лиц является для автора «прошлым», совершенно осознанно противопоставленным им собственному настоящему. В противном случае может остаться непонятным нечто важное в ее идейном содержании.

Спорным, к примеру, представляется вывод С.Н.Иванова о субординации четырех качеств, персонифицированных в поэме. «Вряд ли случайны, – пишет он, – смерти двух из четырех главных героев «Благодатного знания». Умирают Айтолды и Одгурмыш – символы Счастья и Отрешенности, в живых остаются Кюнтогды и Огдюльмиш – образы Справедливости и Разума. В этом можно усматривать определенный авторский умысел: два последние качества автор считает наиболее существенными и потому вечными; счастье и отрешенность от суетного производны от разума и справедливости и не обладают сами по себе непреложной ценностью»³⁸. Но ведь для автора умерли не только Айтолды и Одгурмыш, для него «умерло» само их время, унесшее с собой «вечные» качества «Справедливости и Разума». Мог ли поэт, полностью отвергавший современную ему действительность («комары, скорпионы, собаки вокруг»), не задумываться о причинах происшедших перемен? И если в этом ключе рассматривать персонажи поэмы, не напрашивается ли противоположное толкование «авторского умысла»: смерть Айтолды и Одгурмыша явилась началом, если не основной причиной, заката «славных» времен?

Казахское «Бак тайды» (ушло, откочевало счастье) – характернейшее определение лихолетья, тяжелых испытаний, туманной неопределенности перспективы. «Отрешенность» Одгурмыша – это не просто уход от суеты и поиск путей единения с богом. Его аскетизм («хватает для сытости мне отрубей»), язвительная и жесткая оценка «мирских соблазнов», имеющих власть и над братом его – Огдюльмишем, и над правителем Кюнтогды, осуждение тщеславия, алчности, стремления к роскоши, его призывы познавать «великое, вечное», различать истинные и мнимые ценности, убежденность в равенстве всех людей на «великом пути» – все это особый взгляд на мир, находящий практическую реализацию в его образе жизни. Стезя Одгурмыша имеет особое значение для автора, о чем свидетельствует его выбор:

Лучшей участи я для себя не нашел:

Удалюсь от людей, от жилищ их и сел.

По сути дела, весь событийный ряд поэмы связан с Одгурмышем. Четырежды приезжает к нему Огдюльмиш, в обмене письмами состоит с ним Кюнтогды, которому – один раз – удалось позвать к себе отшельника. На правителя и его советника встречи с ним производят глубокое впечатление, его поучения оставляют неизгладимый след в их сознании. Отшельник уходит из

жизни, но его наставлениями руководствуется Справедливость и Разум в управлении делами Государства. В результате и сложилась идеальная, в понимании Юсуфа, ситуация, когда «Цвела вся страна, и молился народ, Хваля времена неизбывных щедрот».

Образ Одгурмышы – центральный в поэме и с точки зрения развития характеров действующих лиц к нему тянутся и в соприкосновении с ним обретают новое качество остальные персонажи. В его словах достаточно ясно прочитываются мысли и убеждения суфийского толка, что, с учетом отведенной ему в поэме роли, говорит об определенном мировоззренческом настрое ее автора и о степени влияния суфизма на духовную жизнь тюркоязычной среды XI века. Суфийские мотивы «Благодатного знания» и поэтических образов, зафиксированных аль-Кашгари, имеют соответствующее стилистическое воплощение, которому свойственны напряженность интонации и провидческий тон, обращенность не ко всем, а к потенциальному прозелиту, стороннику и последователю учения. Одгурмыш, к примеру, прежде, чем «открыться» Огдюльмишу и Кюнтогды, подвергает их своеобразным испытаниям и меняет «температуру» своих слов в зависимости от ситуации, формы их подачи и меры доверия к слушателю: в разной степени его «самораскрытие» осуществляется в местах отшельничества, в письмах правителю и в очной с ним встрече. Дословный перевод его имени – «Пробуждающий» – более всего отвечает его роли в поэме.

Юсуф «неустанно обхаживает» тюркское слово, точно так же, как делал это четыре столетия спустя Алишер Навои. Но в причинах и обстоятельствах обращения двух великих поэтов к родному языку есть существенные отличия. Создателем тюркского варианта «Хамсы» двигало здоровое честолюбие, желание, имевшее стимул в его исторической ситуации, доказать равные возможности своего языка с новоперсидским, находившимся в то время в зените литературной славы, но не политического значения. Навои блистательно справился с этой задачей. Общему тону его произведений свойственны мажорность, жизнерадостность, которые бесполезно было искать в «Благодатном знании».

А.Кононов, говоря о факторах, под воздействием которых была написана эта поэма, предполагает, что «ими могли быть политические смуты, сотрясавшие в ту пору Караханидскую державу»³⁹. Правомочность этого предположения подтверждает своеобразный инструментарий оппозиционности, используемый Юсуфом. Прежде всего, это апелляция к авторитету предков. «Наследием предков народ вознесен», – говорит поэт и рассказывает о «славных» временах, канувших в прошлое. Аскетизм, подвижничество, отказ от мирских благ в интересах «дальнего пути» – популярные тезисы еретических течений, о существовании которых Ф.Энгельс писал: «Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а другой стороны является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества не может прийти в движение»⁴⁰. Вопрос о «добродетельном правителе» является для поэта частным выражением проблемы лидера и массы, аллегорически обозначенной им в словах:

*Когда над собаками лев – голова,
Любая собака похожа на льва.
А если над львами господствует пес,
Собачьего будут все львы естества!*

Обилие в поэме тюркских пословиц, поговорок, народных речений и представлений в свете сказанного может расцениваться как сознательная демократизация языка, обеспечение доступности его пониманию большинства – ведь не случайно поэт, говоря о достоинствах своей книги, считает необходимым подчеркнуть: «На слух ее суть всем внимающим внятна».

Образцы тюркской поэзии, собранные аль-Кашгари, свидетельствуют о том, что Юсуф не был одинок в своем уmonoстроении. В них широко представлен арсенал средств суфийского противостояния обстоятельствам, даны описания героических сражений предков, явлен многообразный мир, освоенный самыми разными – от бытовых до любовной лирики – жанрами тюркского художественного слова. Письменная тюркоязычная поэзия XI века вызвана к жизни ситуацией, требовавшей деяний патриотического толка, с опорой на народ, его язык и его историческую память. И это, разумеется, другой тип выхода из «инобытия», чем тот, который мы видим в XV веке. Эпоха Юсуфа и Махмуда, осуществившая преемственную связь с предшествующей культурой, в частности с поэзией времен Каганата (VI – VIII вв.), выводит нас к тюркским письменным памятникам, высеченным в камне. Нас, естественно, прежде всего интересует личность Тоньюкука, человека, получившего «табгачское» воспитание, но свои силы и талант отдавшего «тюркскому элю».

По этому периоду существует обширная научно-исследовательская литература, как отечественная, так и зарубежная, в числе авторов которой немало крупнейших историков, лингвистов, литературоведов. Незаурядные обстоятельства обнаружения и расшифровки текстов, значительность заключенных в них сведений, проливающих свет на событие исключительной важности – появление на мировой арене древнетюркского каганата, с образования которого, по мнению Л.Н.Гумилева, «начинается эпоха собственно мировой политики», и, наконец, их язык и литературно-художественные особенности, представляющие уникальный филологический интерес, – все это придало самим исследованиям масштабный характер, оригинальность высказываемым в них положениям, полемическую остроту и аргументированность.

Наука в лице истории и филологии имеет особые права на древнетюркские письменные памятники, ибо свою вторую жизнь и бессмертие они обрели благодаря ее озарениям и многолетнему кропотливому труду. Выход на тексты закономерно ею опосредован, и здесь нам не обойтись без опытного проводника.

К счастью, мир древней тюркоязычной поэзии имеет своих патриотов, одаренных ученых, посвятивших ему многие годы своей научной деятельности. В их числе с глубокой признательностью следует назвать имя И.В.Стеблевой, автора наиболее полных, точных переводов памятников и большого числа работ, исследующих их содержание и поэтику. Труды И.В.Стеблевой составляют синтетическую целостность, в которой нашли осмысление как сами тексты в их содержательно-формальном качестве, так и эпоха, историко-социальные и этнические процессы, их породившие. Ценнейшим достоинством ее работ является постоянно в них осуществляемый анализ взглядов предшественников и современников, что позволяет читателям быть в курсе основных точек зрения по проблемам древнетюркской литературы. Для истории и художественной практики современных тюркоязычных литератур исключительно важное значение имеют прослеженные И.В.Стеблевой преемственные связи произведений Ю.Баласагуни и аль-Кашгари с поэзией древних тюрков, позволившие ей сделать вывод «о непрерывности литературного процесса на тюркских языках, среди тюрков, входивших в разные государственные объединения»⁴¹.

В четырех орхонских надписях – Малой и Большой в честь Бильге-кагана и Тоньюкука – рассказывается об одних и тех же событиях, связанных с очередной попыткой древних тюрков «переиграть историю». В каждой из них, в зависимости от того, кому и с какими целями они посвящены, проставлены свои акценты, по-разному оценивается вклад вождя (и советника) в общее дело. Надпись в честь Тоньюкука обращает внимание на себя тем, что в центре ее – типажно интересующая нас личность, человек, с первых слов заявляющий о себе: «Я был воспитан в духе государства табгачей». По некоторым предположениям, Тоньюкук не только герой, но и автор этой надписи – обстоятельство, усиливающее к ней интерес. Событиям, описанным в орхонских текстах, предшествовали пятьдесят с лишним лет зависимости от Китая, а в более отдаленное время, в конце VI века, – деятельность Бумын-кагана и Истеми-кагана, создавших государство, границы которого простирались от Корейского залива на востоке до Каспийского моря на западе. Годы потери независимости были временем, когда «тюркские беки сложили с себя имена (титулы), приняв табгачские имена (титулы) табгачских правителей», а тюркский народ, «прельщенный» табгачами, «погибал во множестве». Прекрасно помнившие другие времена, персонажи орхонских памятников не могли смириться со сложившимся положением, в их среде вызревал протест, мотивы и направленность которого «большая надпись Кюльтегину» отразила следующим образом:

Вся масса тюркского народа сказала так:

«Я была народом, имевшим государство.

Где теперь мое государство?

Кому я добываю государства? – она сказала. –

Я была народом, имевшим кагана.

Где мой каган?

Какому кагану я отдаю труды и силы?» – она сказала.

Так сказав, она стала врагом табгачскому кагану.

В числе сказавших «так» был и Тоньюкук, воспитанный «в духе государства табгачей», более того, он сказал свое слово одним из первых. Приведем выдержку из работы И.В.Стеблевой, обшир-

ность которой может быть оправдана тем, что это суммированная автором оценка ситуации, сопутствовавшей появлению надписей. «После подавления восстания тюрков ... один из его предводителей, Кутлуг (ум. в 691 г.) ... бежал в горы и начал собирать силы для нового восстания. К нему примкнул представитель второго по влиятельности тюркского рода Ашидэ – Тоньюкук, который был назначен главнокомандующим. В 682 г. войска Кутлуга, провозглашенного по инициативе Тоньюкука каганом и принявшего имя Ильтериш-кагана, перешли к военным действиям. В 683 г. и в последующие годы война повстанческой армии Ильтериш-кагана с китайскими войсками, сначала пограничными, а затем и регулярными, брошенными на подавление восстания, усилилась. В 686г. китайская армия потерпела серьезное поражение, и войска Ильтериш-кагана продвинулись до Гуйчжоу (северо-западнее современного Пекина.) Против армии Ильтериш-кагана были переброшены с западной границы китайские войска, успешно сражавшиеся с тибетской конницей. В 687 г. эти войска нанесли поражение армии Ильтериш-кагана и оттеснили ее в Гоби. Тюркская армия приняла бой с преследовавшим ее китайским корпусом и полностью его разгромила. С 687 г. война с Китаем прекращается на шесть лет. Действия повстанческой армии Ильтериш-кагана положили начало полному освобождению тюрков от власти Танской империи и восстановлению Восточнотюркского каганата, который в истории древних тюрков становится вторым Восточнотюркским каганатом»⁴².

Если брать за основу не даты фактического установления стел с письменами, определить которые возможно, видимо, лишь с весьма приблизительной точностью, а время изложенных в них событий, то старшей по возрасту оказывается надпись в честь Тоньюкука. В ней еще здравствуют Капаган-каган и Бильге-каган, а могучий воин Кюль-тегин не упоминается вовсе, поскольку, очевидно, в глазах предполагаемого автора – Тоньюкука – он еще не обрел славы и величия, которые были воспеты в Малой и Большой надписях. Есть ощутимые различия и в стилистике текстов. В словах Тоньюкука много деталей, живых подробностей, интонация их откровенно повествовательна, много внимания уделено психологическому состоянию основного действующего лица. Это – перворассказ, история, которую первым излагает ее участник и очевидец. Текст же, к примеру, Большой надписи круто идеологизирован, риторичен. Начало прошлого в нем отнесено ко временам мифологическим и легендарным, со всей возможной в лапидарном тексте ясностью названы причины поражений, обрисован враг, как внешний – табгачи, так и внутренний – междоусобица, раздоры, отсутствие должной преданности кагану, слабость к соблазнам табгачей – их золоту, серебру, шелкам, хмельным напиткам и «сладким речам». Действия по ликвидации последствий поражения даны в нарастании, все более яркие образцы личной отваги и мужества демонстрирует герой, обретающий эпические черты спасителя народа («Если бы не было Кюль-тегина, все вы погибли бы»). Гибель героя рождает великую скорбь, предчувствие перемен к худшему. Финальная часть надписи выдержана в элегических тонах.

На вершине опрокинутой в прошлое пирамиды письменной тюркской словесности или – что то же самое – ее истоков обнаруживаются два стиля, типологическую характеристику которых, исходя из материала совсем других литератур, дал Э. Ауэрбах: в одном – описание, придающее вещам законченность и наглядность, свет, равномерно распределяющийся на всем и т.д., в другом – разработка представления об историческом становлении и углублении проблемных аспектов⁴³. Объясняется ли эта разница в стилях тем, что надпись в честь Тоньюкука действительно была первой и послужила своего рода отрицаемым образцом для последующей идеологизированной и эстетизированной обработки? Или же мы имеем дело с разницей эстетических концепций – собственно древнетюркской, с одной стороны, и с другой – представленной воспитанником «государства табгачей»? Как бы то ни было, за Тоньюкуком встает его «табгачское» прошлое, которое скорее всего и побудило его высечь в камне историю своих деяний – степную модификацию излюбленного в средневековом Китае жанра исторических хроник.

Первой акцией Тоньюкука в повстанческом отряде явилось его предложение Кутлугу принять титул кагана. При этом он хорошо понимает, что Кутлуг может многое, но знает далеко не все. «Я размышлял: «О том, что у него есть тощие быки и жирные быки, если он в общем и знает, то, жирный это бык или тощий бык, сказать не может». С начала VII века в Танском Китае широкое распространение получают трактаты древнекитайских философов, в частности IV в. до н.э., «поднаторевшего в искусстве спора» Гунсунь Луна и основателя школы моистов Мо Ди (V в. до н.э.)⁴⁴. «Жирный» и «тощий» бык или «вол» – популярные атрибутивные фигуры в их головоломных спорах, так же, как иллюстративные Зейд и Амр в сочинениях Фараби. «Быки» выдают в Тоньюкуке не только степень его образованности, но и воспринятые им навыки неоднозначного, многомерного истолкования явлений. Кутлуг, принявший имя Ильтериш-кагана, доверяет не только мудрости своего советника, но и его военному таланту.

В самых сложных ситуациях, когда против тюрков в одном случае объединились табгачи, огузы и кидани, а в другом – табгачи, тюркешы и кыргызы, он отдает командование над войсками Тоньюкуку: «Веди по своему разумению». Тот ведет боевые действия по всем правилам военного искусства: использует разведку, проводников, добывает пленных – «языков», рассекает объединенные части противника и разбивает их по отдельности, в нападении учитывает фактор внезапности, рельеф местности, время суток. Не исключено, что во всем этом сказывается выучка в китайской регулярной армии. Во всяком случае, ни в одном из других текстов нет такого развернутого описания тактико-стратегических действий повстанческих войск. В них называются цель и результат, а подробности поведения Кюль-тегина в бою выстроены в соответствии с логикой создания образа выдающегося героя. Вот эпизод, в котором воспитанный «в духе государства табгачей» Тоньюк вдохновляет на бой тюркских беков, дрогнувших при виде значительно превосходящих сил противника. Наступает воистину критический момент, и тут он находит довод, неотразимо действующий на его соратников: «Небо, Умай, священная земля-вода покарают (букв. раздавят) ведь нас!» Во всех орхонских надписях это единственное место, где действие покровителей тюрков – голубого неба, бурой земли-воды, богини Умай – не отнесено в прошлое, а вынесено в настоящее и в перспективу. В монологе Тоньюкука упоминание «покровителей» носит не тот условно-формальный характер, который, будучи свойственен другим текстам, дал основание исследователям говорить об использовании их в качестве постоянного литературного эпитета. Он называет их только один раз, но в таком контексте, что они тут же превращаются в активную силу, воздействующую на происходящее. Этот факт можно толковать и как искушенность Тоньюкука в армейской риторике, тонкий учет им психологического фактора в обращении со своим контингентом. Возможно, однако, и другое истолкование, принимающее во внимание его собственный психологический стереотип. Тюркский мир для него – не единственная данность, но то, что он выбрал для себя в альтернативной ситуации. Выбрал со всей определенностью, решимостью служить ему с полной отдачей сил. Ведь это он, Тоньюк, «ночью не имея сна, днем не имея покоя, проливая свою красную кровь, заставляя течь свой черный пот, труды и силы отдавал...» В семнадцати сражениях против табгачей, не говоря уже о бесчисленных боях с другими врагами, он шел рядом с тюркскими каганами, чтобы «государство стало государством, а народ стал народом». Для личности такого типа крайне важна активизация всех средств, способствующих достижению главной цели. В том числе, разумеется, таких могущественных в кочевой среде тюрков, как их пантеистические культы. Как пишет И.В.Стеблева, «предпочтение цифр, содержащих число семь, в орхонских текстах связано с его сакральным смыслом в системе религиозно-мифологических представлений древних тюрков»⁴⁵. Тоньюк в своем в целом реалистическом поведении отдает дань этому отношению к числам, обозначая цифрой 700 количество воинов Кутлуга в начальной стадии борьбы. Являясь выходцем из рода Ашидэ, «второго по влиятельности», он признает приоритет рода Ашина, тотемом которого являлся волк, и до конца своей жизни сохраняет верность делам и памяти Ильтериш-кагана. Показателен, наконец, его замысел увековечить героика освободительной войны в письменном слове, на языке народа, с судьбой которого он связал свою судьбу.

В заключительной части надписи Тоньюк говорит:

Сам я стал старым, стал великим.

Если бы в какой-нибудь земле у народа,

имеющего кагана,

оказался в советниках бездельник,

то что за горе имел бы этот народ!

В истории тюркских народов было по меньшей мере три «советника», к которым неприложимо слово «бездельник» – Алишер Навои, Юсуф Баласагуни⁴⁶ и Тоньюк. Люди на рубеже культур, они сделали выбор и оправдали его всей своей жизнью.

Орхонские подписи являются первыми – из числа найденных и расшифрованных – письменными памятниками тюркского художественного слова. Не исключена, конечно, вероятность обнаружения более древних свидетельств оформления его буквенными или иного рода знаками. Однако сегодня мы имеем дело с данностью, заключающейся в том, что письменное слово сопровождает историю тюркоязычных народов на протяжении двенадцати с лишним последних столетий. В истории казахского народа долгое время преобладающей была роль устного слова, уступившего свои ведущие позиции лишь в двадцатом веке, в эпоху грандиозных социально-культурных преобразований. Но именно этот век открыл перед устным словом новые возможности, связанные с достижениями научно-технической революции. По словам одного из крупнейших теоретиков телевидения М.Маклюэна, электронная технология «возвращает человека в золотую эру племен-

ной общности». «В этих условиях, – говорит М.Маклюэн, – люди устной культуры получают все большее преимущество, поскольку их корни уходят в доисторические времена. То, что рассматривается как особенность этих людей, по существу является закономерностью нашей эпохи»⁴⁷.

Что же такое «культура устного слова» в современных условиях? Реликт, анахронизм, или, как полагает М.Маклюэн, «закономерность нашей эпохи»?

В ряду первых ассоциаций, родившихся в ходе размышления над этими вопросами, – библейские. В текстах Библии ощутима горечь по поводу потери того, что было воистину возвышенным и относительно чего сама она есть только след и слабая тень. Не только в хорошо известном «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и в «Исходе» (второй книге Моисея), где говорится о Моисее, в гневе на соплеменников разбившем врученные ему Богом скрижали откровения, слышится эта печаль и тоска по первородному слову, но и в гораздо более позднем соборном послании Св. Апостола, в котором есть такие слова: «Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь прийти к вам и говорить устами к устам, чтобы радость ваша была полна»⁴⁸.

Но то – ассоциации... А что же на деле? Действительно ли несет устное слово «полноту радости» людскому общению?

Оно обладает целым рядом достоинств, о которых не следует забывать. Мобильное, чутко реагирующее на перемены, умеющее нанести молниеносный, разящий удар, устное слово – действенное средство в ситуациях борьбы. Тесно связанное с историей, традициями и богатством языка народа, оно совершенно по форме. Ритмичность, образность, метафоричность, доходчивость, способность воодушевить, поднять людей в едином порыве – его атрибуты. Это и трибун, и воин, и номад, все свое, отменно отлаженное, несущий с собой. В устном слове не умирают, не исчезают бесследно, как это случается в письменном, отвага и страсть. В нем живет ощущение своей избраннической миссии, преобразующей мощи, своей неповторимой и недостижимой ценности. Озарение посещает устное слово не реже, чем письменное, и в нем эффективна способность интуитивно ощущать, улавливать истину. В нем свято хранится верность нравственному закону, мечте и идеалам народа. Оно продолжает действовать и в условиях, вынуждающих письменное слово изменить предназначению слова.

И все же... Оно пламя костра, дающего свет и тепло в эту ночь, в этом месте. Роса на травах, освежающая их утрами и исчезающая в полдень. В устном слове память о прошлом и мечта о будущем живут, но в свернутом виде, ибо занято оно сиюминутным, хотя и настояно на незыблемо-вечном. Оно фрагментарно и не в состоянии охватить целого, кроме как в легендарно-мифологической форме. Летящей в цель стреле – ему не подвластно постоянное, противоречивое, углубляющееся узнавание мира, единственно ведущее к его переустройству.

Не будем обольщать себя иллюзиями в духе пророчеств Маклюэна, его приглашением в постграмотность, его предсказаниями конца письменной литературы. Вспомним о том, что еще Гегель в «Науке логики» заметил, что развитость мышления прямо зависит от развитости зафиксированного в письменности языка. Важно обрести и ни при каких условиях не терять вкус к размышлениям, самоосознанию, теоретизированию о себе. Только на этом пути можно преодолеть национальную замкнутость, найти выход к идеям мирового общественного развития, вооружиться объективными критериями прогрессивности, рассматривать и решать свои проблемы в процессе и в контексте общечеловеческих исканий. Все это связано с письменностью, и без нее осуществиться не может.

Безусловно, прав М.М.Бахтин: «Идти вперед может только память, а не забвение». Умея вспоминать, мы обретаем способность мечтать о будущем и, в конечном итоге, добиваться осуществления своей мечты. Письменное слово на этом пути – источник, опора и неперемное условие развития. Однако в отношении самого письменного слова, а именно памяти, в нем возрождаемой, существует условие, несоблюдение которого сводит на нет все достигнутые результаты. Память не может быть фрагментарной, дискретной, помнящей одно и забывающей другое. Речь, разумеется, идет не о хаотической совокупности всего достояния прошлого, а о том, что должно быть извлечено из него и осмыслено в соответствии с принципом историзма, актуальными целями современного общекультурного процесса. Когда обстоятельства вынуждают память «забыть» об узловых, поворотных событиях истории, она теряет способность узнавать и помнить не только «подлежащее» забвению, но и то, к чему имеет свободный доступ. Каждый принятый ею запрет образует в ней мертвую зону, и этого достаточно, чтобы деформировать и вывести память из строя.

НАСЛЕДОВАНИЕ

Проза А. Кекильбаева, Д. Досжанова, Т. Абдикова,
Б. Тлегенова, С. Елубаева

Перед казахской литературой исторического жанра в связи с ее погружением в глубины веков открывались горизонты, о которых любая культура, решающая задачи историко-культурной преемственности, может только мечтать. Более двух с половиной тысяч лет прошло с тех пор, как действия сакских вождей Партатуа и Мадия возвестили о выходе на мировую арену новой активной силы – конных кочевников. Начиная с этого времени, история протоказахских племен и собственно казахская прослеживаются в письменных источниках, и ничто, казалось бы, не могло помешать литературе осуществить поставленную перед собой задачу – создать художественную историю народа. На деле этого не произошло.

Неиспользованными остались возможности, которые открывают перед художественным сознанием события середины первого тысячелетия до новой эры, или так называемой «осевой» эпохи. Повесть Б. Джандарбекова и рассказ Бахытжана Момыш-улы – слишком скромная дань времени, в атмосфере которого формировались мировые религии, зарождалась философия, возникали межэтнические контакты, на многие века вперед предопределившие характер и содержание духовных исканий в странах старого света. Ни один из казахских писателей не проявил серьезного интереса к буддизму, религиозно-философской системе, имеющей наибольшее число последователей и представляющей важную политическую силу в современном мире. Между тем один из важнейших этапов в буддизме имеет прямое отношение к истории тюркских кочевых племен. Известны две разновидности буддизма: более ранняя форма его – хинаяна, распространенная в настоящее время в Индокитае и на Шри-Ланке, и махаяна, нашедшая сторонников в Китае, Монголии, Корее, Японии и Тибете. Путь махаяны (или «большой колесницы») в страны своих приверженцев пролегал через Среднюю Азию, ставшую в эпоху процветания Кушанской империи (II – I вв. до н.э. – I – II вв. н.э.), по словам Б.Г. Гафурова, «ядром, откуда буддийская культура распространилась далеко на Восток»¹. История Кушанской империи, созданной кочевниками, изучена еще недостаточно. Ученые не пришли к единому мнению в вопросах хронологии государства, не установлено точно, кто, какой народ был его создателем, хотя, как свидетельствует Б.Г. Гафуров, «последние данные настойчиво указывают на народы, жившие в северных районах Средней Азии и объединившиеся с племенами юечжей, усуней и саков – скифов среднеазиатского происхождения». Духовное содержание культуры кушанской эпохи – учение Будды, трансформированное в соответствии с миропредставлением кочевых племен, вошедших в состав империи. И именно в этом качестве буддизм расширял сферы своего влияния в восточном направлении.

Авторы исторических произведений облюбовали первую половину XVIII века – времена джунгаро-казахской войны. Ильяс Есенберлин, Тахави Ахтанов, Ануар Алимжанов, Абиш Кекильбаев, Софы Сматаев и ряд других посвятили свои произведения описанию героической борьбы казахского народа в один из критических моментов его истории. Отдавая должное патриотическому пафосу и желанию писателей увековечить в памяти потомков славные страницы прошлого, приходится констатировать, что такое сосредоточение творческих сил на одном из плацдармов национальной истории не привело к удовлетворительному раскрытию темы. Реальность исторической ситуации заключалась в том, что к началу XVIII века в связи с ростом военно-политической мощи русского государства на севере и усилением маньчжурского Китая на юге вся степь, впервые за всю свою историю, оказалась в кольце противостоящих сил. Казахи и джунгары, соседние народы с различиями в языке и вере, но с идентичным (кочевым) типом хозяйствования и сходным образом жизни, стали объектами экспансии, противостоять которой не имели сил. Попытки сохранить контроль над остающимися пастбищами привели к войне друг с другом. Единственным возможным исходом такой войны было полное истребление одной из сторон. Джунгары сошли с исторической сцены, но остались в обыденном сознании казахов как образ-символ врага. Казахские писатели, рассказывая о героизме предков, берут этот символ в чистом виде, относя на счет джунгар все враждебное и недоброе. Исключением, разрушающим вековой стереотип, явилась трактовка Р. Сейсенбаевым в рассказе «Честь» образов пленных джунгар – прекрасной танцовщицы и превосходного музыканта, сохранивших мужество и гордость среди опьяненной слепой жаждой расправы толпы казахских

воинов. Здесь верно найден интонационный ключ: общий трагический фон джунгаро-казахских отношений менее всего располагает к героико-оптимистической его интерпретации.

В романе А.Кекильбаева «Созвездие Плеяды»² джунгары предстают народом, хорошо казахам известным. Об этом свидетельствует, в частности, подробно описанный ритуал примирения, имеющий давние исторические корни. Абулхаир, герой романа, прекрасно осведомлен не только о численности, оснащённости сил противника оружием, но и о состоянии его воинского духа. Единичность, дисциплина, подчинение образа жизни интересам военных действий («для джунгара на первом месте командир, затем – оружие, и только потом – жена и дети») – обо всем этом знает Абулхаир и не находит себе покоя, сравнивая джунгар с казахами, растерявшими былые единство и боеспособность. Пристально, крупным планом рассмотрены джунгары. Наступает момент, когда кажется, что у писателя уже и нет другого выхода, как сказать о них полную правду, дать читателю понять, что это гонимый обстоятельствами народ, ввергнутый в братоубийственную войну с теми, с кем связывали его, возможно и не всегда добрососедские, но и не вековечно враждебные отношения. Ведь были и взаимное сватовство, и примирения, и соответствующие им ритуалы. Но нет, автор находит другое решение, вкладывает в головы джунгарских вождей мечту о мировом господстве и мысль, что главным препятствием на пути к этой цели являются воинственные казахи. Произошла подмена исторической драмы фарсом – только ли в сознании Абулхаира? Во всяком случае, в романе нет авторского «снятия» этой мотивации действий джунгарских войск. Одной из причин, ведущих к упрощенной трактовке джунгаро-казахских отношений, является то, что авторы исторических романов рассматривают события XVIII века без учета их вписанности в общую историческую судьбу кочевых народов. В противном случае из поля их зрения не выпадала бы, к примеру, такая стародавняя проблема, как «степь и Китай», а джунгары, столетиями в составе различных объединений противостоявшие Китаю, не воспринимались бы как просто внешняя враждебная сила.

Еще в III в до н.э. на территории современной Внутренней и Внешней Монголии, Джунгарии и Южной Сибири сложилась кочевая держава Хунну, население которой, по словам Л.Н.Гумилева, «считалось китайцами «варварским», чужим как по происхождению, так и по образу жизни, а в политическом отношении враждебным, к чему были весьма веские основания»³. Войны и мирные контакты хуннов, или гуннов, с Китаем являются прологом исторического сюжета о взаимоотношениях кочевников с могущественным южным соседом. Трагическая участь джунгар в XVIII веке стала его развязкой. Может ли писатель, стремящийся разобраться в этом ответственнейшем для истории казахского народа периоде, не видеть его предысторию? Не единичные факты говорят о том, что и в казахской романистике такое возможно: событие вычленяется из его контекста, отчего теряет сопротивляемость субъективизму авторских интерпретаций, становится удобной формой для загрузки смыслами псевдопатриотического толка.

Хунны оставили глубокий след в истории. В Европе с ними связана память о «Великом переселении народов». Они явились непосредственной причиной падения трех из четырех мировых империй древности: Ханьской, Кушанской и Западной Римской⁴. Сведения, дающие некоторое представление о характере внутренней жизни хуннской орды, сохранились в записях Приска – секретаря посла восточной римской империи Максимиана при дворе Атиллы. В изложении Н.П.Толля они выглядят следующим образом: «При дворе Приск встретил своего соплеменника, греческого купца, попавшего в плен к гуннам... Приск был поражен, узнав, что пленный грек очень доволен своей судьбой и предпочитает свою гуннскую службу прежней жизни римского гражданина. Грек расхваливал гуннские порядки, указывая на полную личную свободу, безопасность и обеспеченность жизни в орде, в то время как в римском городе он или подвергался постоянной опасности от набегов и вторжений варваров, или же страдал от непосильных и несправедливых налогов, от корыстолюбивых и продажных римских чиновников и пристрастно-подкупного суда. Приск защищал, хотя и слабо, культурные идеалы и принципы законов римской империи, но не мог ничего противопоставить жизненным фактам и реальной действительности, на которые указывал пленный грек»⁵. История взаимоотношений хуннов с Китаем, их бесчисленные войны, шедшие с переменным успехом и имевшие глубочайшие последствия для обеих сторон, подробно прослежены и осмыслены в работах Л.Н.Гумилева. В его же трудах и в исследованиях других авторов приведены многочисленные факты культурного взаимодействия двух народов. В период контактов с хуннами в Китай проникают такие изобретения кочевников, как стрелы, изогнутая сабля, усовершенствованный длинный составной лук, «метавший стрелы на расстояние до 700 м», двенадцатилетний цикл летосчисления, так называемый «звериный стиль», вошедший в китай-

скую орнаментику в сочетании с традиционным геометрическим, и многое другое. «Вместе с военными обычаями, костюмом и оружием, – пишет Н.П.Толль, – мода на все кочевническое, по-видимому, так же, как позже в Риме, в Сасанидской Персии и в Византии, охватывала часть населения Китая. Это стремление подражать гуннам оставило на искусстве Танской династии глубочайший след»⁶.

В эпоху тюркского каганата контакты кочевой степи с Китаем обрели еще больший размах, что в самом Срединном царстве вызывало двойственную реакцию. Если великий танский поэт Бо Цзюйи, выражая настроения определенной части китайского общества, пишет знаменитые стихи, воспевающие жилище кочевников – юрту, «Лишь стало бы тело чуть-чуть здоровей, // и встречусь я осенью с юртой моей» и т.д., то Хань Юй, имя которого стоит первым в списке «восьми великих людей времен Тан и Сун», со всей серьезностью и встревоженностью просветителя взывает к патриотическим чувствам современников: «Конфуций создал «Чуньцю», когда князья соблюдали правила отношений с варварами, они относились к ним как к варварам; когда варвары вступали в Срединное государство, они относились к нему как к Срединному государству. В «Луньчуне» сказано: «Если у варваров есть государь, положение у них все равно хуже, чем в Срединном государстве, если бы даже и не было государя». В «Шицзине» сказано: «Варварам Севера дав надлежащий отпор, цзинские орды и Шу остановим». А теперь у нас поднимают законы варваров, ставят их выше законов наших древних царей! Что же? Разве не произойдет, что через какое-то время мы, увлекая друг друга, все станем варварами?»⁷. В словах Хань Юя нашли отражение антитюркские настроения, ставшие, по мнению Л.Н.Гумилева, «доминирующей внешнеполитической тенденцией»⁸ в танском Китае. Тюрки каганата в течение трех столетий активно противостояли этой тенденции и, в конечном счете, на многие века лишили китайцев надежды добиться гегемонии в степи. События этого времени – один из компонентов сюжета, финальную часть которого так дружно и неустанно расписывают казахские писатели, в полном противоречии с законами познания не утруждающие себя попытками разобраться, что же было с интересующим их явлением прежде. Казахская историческая проза оставляет по существу нетронутыми целые пласты этнической истории народа. Скифы, сарматы, гунны, древние тюрки, города караханидской эпохи – пятнадцать с лишним столетий истории, зафиксированной в источниках, специальных исследованиях и постоянно уточняемой новейшими открытиями в области гуманитарных наук, выпали из поля зрения литературы. Не привлекла серьезного внимания писателей и насыщенная событиями, имевшими очевидное влияние на собственно казахскую историю, эпоха монгольского нашествия. Роман Д.Досжанова «Шелковый путь»⁹, не может компенсировать отсутствие художественно разработанной оценки этого времени с точки зрения народа, бывшего не только объектом монгольской экспансии, но – в силу исторических обстоятельств – и ее субъектом. Взгляд на монголов с крепостной стены средневекового города – не тот угол зрения, который мог бы помочь казахскому писателю в его попытках увидеть реальность истории. Подобная позиция способна привести лишь к очередной версии традиционных повествований о звериной жестокости завоевателей, мужестве и благородстве защитников родины, что, собственно, и произошло в романе Д.Досжанова.

В «Шелковом пути» автор в целом придерживается известной канвы событий, приведших к гибели Отрара, цветущего города и ключевой крепости в системе пограничных форпостов на восточных рубежах Хорезма. В 1218 году наместник хорезмшаха в Отраре Гайир-хан Иналчук (в романе – Иланчик Кадырхан), в недавнем прошлом глава независимых кипчаков, известный под именем Алп-Дерек, уничтожает присланный Чингис-ханом торговый караван, основанием для чего послужили полученные им доказательства разведческой деятельности купцов. Гибель 450 человек, входивших в состав каравана, послужила поводом для начала захватнических походов монгольских войск в западном направлении. Осенью 1219 года началась осада Отрара, длившаяся пять с лишним месяцев. Предательство «личного хаджиба» хорезмшаха Мухаммеда Карачи-хана, уведшего свою 10-тысячную конницу, позволило монголам ворваться в город. Обороняющиеся укрылись в цитадели и еще в течение месяца, оказывали упорное сопротивление, но судьба Отрара была уже предрешена. Сравнивая длительность его обороны с фактами гораздо более скоротечной и менее героической защиты Бухары, Ургенча и Самарканда, исследователи указывают на личное мужество Гайир-хана и этническую однородность военного гарнизона и населения Отрара, принадлежность их одному народу, «отстаивавшему, в конечном счете, свои общие интересы»¹⁰. В других городах Хорезма, население которых состояло из ираноязычных и тюркоязычных племен и народностей, внутренние этнические конфликты, несмотря на общую опасность, надвигавшуюся с востока, принимали порой самые острые формы, благо-

приятствуя завоевательным целям передовых отрядов Чингис-хана.

Роман Д.Досжанова, основанный на этой фабуле, безусловно, сыграл свою положительную роль в общем процессе углубления исторического самосознания современного казахского читателя. Его сочный и красочный стиль, умение в деталях, с большой достоверностью выписывать хорошо ему знакомые сценки и реалии кочевой жизни, глубоко живущая в нем память о самом воздухе, знойном небе, глиняных дувалах старинных южноказахстанских городков – все это в сочетании с добротной проработкой специальной литературы, позволило ему написать книгу, которая хорошо читается и в целом неплохо выполняет свою общепросветительскую функцию. Встречаются у него и отклонения от установившихся исторических данных, но носят они вполне умеренный характер. Гайир-хан (Кадырхан), лишь незадолго до «отрарской катастрофы» назначенный, по существу, комендантом крепости, а до того проводивший жизнь в походах и сражениях, представлен в романе «всесильным правителем», находящимся, правда, в туманно обозначенной автором «политической зависимости» от Хорезма. По Д.Досжанову, это глубоко образованный человек, живой носитель знаний, хранящихся в книгах знаменитой Отрарской библиотеки, просветитель и великий воин, едва ли не воплощение мечты Фараби о «добродетельном правителе». Имя Фараби часто встречается на страницах романа, в отдельных случаях – в абсурдном контексте. Очевидец отрарских событий старец-астролог Габбас Жаухари, обласканный вниманием Кадырхана, вспоминает «о своем великом наставнике Абу-Насре Мухаммеде Аль-Фараби». Связывая жизнью одного человека девятый и тринадцатый века, писатель, конечно, проявляет большую творческую смелость. Но это его качество пошло бы на пользу всем нам, его читателям, в неизмеримо большей мере, найди оно применение в суверенном, гражданственно осмысленном анализе первой трети тринадцатого века.

Л.Н.Гумилев приводит данные об этом периоде: «В Монголии в начале XIII в. жило около 700 тыс. человек, раздробленных на племена. В Китае, Северном и Южном – 80 млн.; в Хорезмийском султанате – около 20 млн.; в Восточной Европе – приблизительно 8 млн. Если при таких соотношениях монголы одерживали победы, то ясно, что сопротивление было исключительно слабым. Действительно, XIII век – это кризис феодализма во всем мире»¹¹. Романист, оснащенный опытом реализма и стимулируемый чаяниями современников всерьез разобраться в собственной предыстории, должен был бы учесть общий исторический фон, на котором разыгралась отрарская трагедия. Но мир его тесен и статичен. Полные занимательности и живых наблюдений картинки степной жизни откровенно этнографичны. Это своего рода «вещи в себе», которые можно поместить в любую эпоху конно-кочевых быта – от скифов до казахского аула кануна коллективизации. Святой прорицатель Жаланап, его конкурентка «зоркоглазая», славный едок Омар, линия которого, правда, несколько углублена (неожиданно он выступает в роли предателя, ведущего злополучный караван в родные земли), – все эти конкретные образы даны без какой-либо убедительной привязки к страстям наступающего лихолетья. Время не сгущено, не сконцентрировано в романе, и потому провисают, не находя опоры в конкретном деле, необходимом именно для той ситуации, мудрецы типа Габбаса и храбрые батыры, как Кипчак-бай и Огул-Барс. Они являют собой функции ума и доблести, но ум не понимает времени, а меткие стрелы батыров сотрясают воздух. Что происходило в недрах двадцатимиллионного хорезмийского султаната, от которого отнюдь не условно зависел Отрар? В близлежащих землях, не говоря уже о «всем мире»? Кем был Чингис-хан? Почему, наконец, кругом – «слабость сопротивления», а Отрар – героичен? К сожалению, писатель оставил без внимания подобного рода вопросы, удовлетворившись созданием галереи образов, вполне самостоятельных. Настолько самостоятельных, что в них и не ощутишь взаимной дополнительности, жесткой необходимости персонажей друг в друге, как это непременно случилось бы, если бы автор объединил их общим делом, складывающимся как результат их смятения, отступничества и подвига. Вот как выглядит одна из сверхробких попыток Д.Досжанова выглянуть за пределы отрарского оазиса. Батыр Ошакбай, образ которого несет в романе особую нагрузку как человека, побывавшего в ставке Чингис-хана, будучи пленен, попадает в «страну уйгуров». Его о ней впечатления: «Живут они просто, неприхотливо, одеваются небогато. Любимое занятие мужчин – укрощать строптивых лошадей, у женщин – красить себе лица. Питаются здешние уйгуры главным образом кониной, пьют кумыс. Жилища у них не белые кошменные юрты, как у кипчаков, а бесхитростные конусообразные лачуги. Ставят длинные жерди, связывают верхушки и накрывают снаружи войлоком. Табунам их нет числа». И это все, что мы узнаем о народе, сыгравшем памятную роль в истории тюркского каганата, поставившем в союзе с кочевыми племенами предел северной

экспансии Китая, к тринадцатому веку бывшем уже полноправным наследником и продолжателем традиций письменной культуры времен Махмуда Кашгари и Юсуфа Баласагуни, о народе высокой образованности, что было учтено монгольской администрацией, привлекавшей побежденных уйгур к управлению огромной канцелярией империи. Значительной могла бы стать сцена, в которой Ошакбай предстает перед Чингис-ханом. Общая ситуация – пленение одного из от-рарских батыров с целью склонить его к предательству и передать через него некие условия Кадырхану, транспортировка его за тридевять земель «в страну уйгуров» и аудиенция в верховной ставке – в целом, конечно, надуманна. Считаясь с правом автора на вымысел, можно было бы закрыть глаза на ее откровенную неисторичность. Труднее смириться с тем, как писатель распоряжается с неловко сотворенной и все же выдавшейся возможностью всмотреться в того, кто интригует уже хотя бы потому, что является главным врагом героев его книги: «Султан Бауршик намеревался перечислить все ужасы, ожидавшие пленника, но тигр на троне шевельнулся, налился гневом и яростью, грозно зарычал. Когда ему перевели слова Ошакбая («предательство не мой удел». – М.А.), он еще пуще рассвирепел. Каган дернул себя за косичку, дрожащими пальцами пытался вырвать волосок. Охранники-торгоуты упали на колени, как подрубленные. Все, кто был в шатре, разом распластались у ног рыжебородого владыки. Копейщики выронили копья, и Ошакбай тоже грохнулся на ковер. Жизнь людей поистине висела на волоске кагана. Вырвет его из косички – всем двуногим в шатре придет конец». Сцена на этом завершается, «тигр с косичкой» уходит в тень, и мы не видим его больше по ходу романного действия. В эпилоге он появляется вновь, обозначенный эффектным эпитетом – Лик Смерти: «...точно огненный смерч, пронесся Лик Смерти по степи, выжигая все дотла. Потекли по земле кровавые реки, с каждым походом все шире раскрывалась пасть Чудовища, все прожорливее оно становилось, все ненасытней делалась его утроба. Так всечеловеческой бедой обернулось маленькое Чудовище. Оно провозгласило себя каганом – «Ханом ханов», «посланником неба», «потрясателем вселенной»...

Нет запретных тем, и это общеизвестно. Не менее известно и то, что существуют темы, подвластные далеко не каждому перу. Отрарские события требуют для своего раскрытия автора с широким кругозором, ощущающего историю как всеобщий процесс. Добрые побуждения и простое умение рассказать в этом случае недостаточны. Отрарский узел противоречий нуждается в художественном познании в самом ответственном смысле слова – в исследовании и осмыслении. Значение его выходит далеко за пределы национальной истории. Отрар принял удар организованных монгольским ядром войск, устремившихся к «...последнему морю», лавины, пополнявшейся и числом тех, чьи земли и честь отстаивали защитники погибшего города. Не здесь ли нащупывается драматический нерв ситуации, способный дать импульс к честному этно-историческому самоанализу? И не должен ли, в этой связи, в числе первых вопросов, поставленных автором, стоять вопрос о Чингис-хане и его «штабе», его военно-практическом и идеологическом тезисе? Разумеется, за всем этим должна стоять личность, способная к выработке суверенных суждений и, прежде всего, свободная от наносных, подражательски воспринятых стереотипов, типичнейшими образцами которых являются в «Шелковом пути» пародийный образ «тигра с косичкой» и авторская филиппика о Лике Смерти. По-разному можно относиться к содержащимся в работах Л.Н.Гумилева утверждениям, например, к такому: «Ни об одном историческом явлении не существует столько превратных мнений, как о создании монгольского улуса в XIII в. Монголам приписывается исключительная свирепость, кровожадность и стремление завоевать весь мир. Основанием для такого мнения, предвзятого и неверного, служат антимонгольские пасквили XIV в., принимаемые доверчивыми историками за буквальное описание событий»¹². Но если у писателя подобная постановка вопроса одним из наиболее компетентных специалистов по тюрко-монгольской истории вызывает сомнения, он мог бы, а точнее, раз уж взялся за тему, связанную с монгольским нашествием, был обязан обратиться к такому памятнику литературы, как «Сокровенное сказание»¹³.

Эта монгольская хроника, в поэтике которой ее исследователь и переводчик на русский язык С.А.Козин обнаруживает «гениальную руку художника», уже пятый десяток лет является достоянием читателей. И.Калашникову она послужила основой для написания превосходного романа «Жестокий век». Л.Н.Гумилев, сопоставив приведенные в ней данные со сведениями «Истории монголов» Рашид ад-Дина, в результате тщательного и всестороннего анализа ситуации, в которой зарождалась монолитная сила монгольского «ядра», пришел к кажущемуся парадоксальным выводу о «военно-политическом союзе» между Тэмуджином и Джамухой, обеспечившем осуществление их мечты о прекращении междоусобиц¹⁴. «Сокровенное сказание» живет, воздействует на умы, как

каждое великое произведение, очеловечивает свою эпоху, проясняет ее замыслы и дела, помогает нам избавиться от недоразумений, предвзятости, ожесточения, возвращенных «доверчивыми историками». Эстетическое обаяние монгольской хроники велико, поэтому и сфера ее воздействия, конечно же, значительна, хотя и не настолько, чтобы захватить и казахскую литературу исторического жанра. Во всяком случае, ни в «Халхингольской балладе» А.Кекильбаева, ни в «Шелковом пути» Д.Досжанова она не сумела одолеть барьеры отчуждения. Пожалуй, только О.Сулейменов с его обостренным равнодушием ко всему, что имеет прямое или даже опосредованное отношение к национальному историко-культурному наследию, органично воспринял и трансформировал в «Глиняной книге» мотив «деяти преступлений» (Чингис-хан в «Сокровенном сказании» отмечает боевые заслуги Шиги-Хутуги: «А за службу твою да не вменяются тебе девять проступков»!).

В монгольской хронике есть пример жертвенности во имя высокой абстракции, какой является идея единства народа. В тексте «Сказания» он звучит несколько приглушенно – по причинам, которые проясняются лишь в ходе дешифровки. «Военно-политический союз» Тэмуджина и Джамухи ставил целью преодоление ситуации, о которой напомнил крепко повздорившим Джучи и Чаадаю персонаж хроники Коко-цос:

Мать широкая земля
Содрогалась –
Вот какая распря шла
Всеязычная¹⁵.

Побратимы (анда) предприняли шаги, чтобы выглядеть в глазах окружающих непримиримыми врагами. Яркие личности, они скоро обрели популярность и признание, позволившие им становиться во главе враждующих группировок. Попеременный успех в столкновениях укрупняющихся объединений привел, в конечном итоге, к противостоянию двух сторон, разделивших и консолидировавших монгольские племена. Как пишет Л.Н.Гумилев, «...начало целеустремленной политической борьбы (а не межплеменной и случайной) в монгольской истории этой поры связано с конфликтом Джамухи и Тэмуджина». Борьба между ними разворачивается серьезная, льется кровь, гибнут сподвижники. И только в самые критические моменты, когда гибель грозит непосредственно одному из них, как, например, Тэмуджину, когда он был заперт войсками Джамухи в Дзереновом ущелье, линия действий другого круто меняется, становится нелогичной с точки зрения развития военного успеха. Перед решающим сражением, определившим исход этой драматичной многолетней игры, Джамуха, по словам «Сказания», «...отделился от найманов и, отойдя на особую стоянку, послал передать Чингис-хану следующее известие:

Почти уморил я Таяна словами:
Все выше со страху он лез,
Покуда, до смерти напуган устами,
Он на гору все же не влез.
Дерзай же, анда мой! Ведь тут
Все в горы спастись бегут»¹⁶.

Чингис-хан одерживает полную победу, и в монгольской степи у него нет больше соперников. Пятеро бывших сподвижников Джамухи отдают его в руки победителя, рассчитывая на снисхождение. Чингис-хан казнит их за измену «природному государю», повелевая «истребить даже семя их!» После этого состоялся диалог побратимов, изложенный в «Сказании» широко и смутно, разговор, дающий возможность для различных его толкований. «Вот мы сошлись с тобою, – говорит Чингис-хан. – Будем же друзьями. Сделавшись вновь второю оглоблею у меня, ужели снова будешь мыслить инако со мной? Объединившись ныне, будем приводить в память забывшегося из нас, будить – заспавшегося. Как ни расходились наши пути, всегда все же ты был счастливым, священным другом моим. В дни поистине смертных битв ты болел за меня и сердцем и душой. Как ни иначе мыслили мы, но в дни жестоких боев ты страдал за меня всем сердцем». Далее он называет именно те случаи «жестоких боев», которые оказались решающими в достижении ими задуманного, иначе говоря, благодарит Джамуху за его вклад в общее дело. Текст сообщает об этом, но тут же камуфлирует сказанное словами об «инакомыслии». Еще гуще смысловая двойственность в ответном монологе Джамухи. В его слова необходимо вчувствоваться. По общей интонации – это элегия, подведение итогов, прощание с жизнью, расставание с ней в результате осознанного выбора. Отсюда – воспоминания о далекой юности, о поре, когда «говорили речи, которым не забыть-

ся, делились одним одеялом», слова о том, чего достигли – «перед тобою весь мир», неожиданно всплывающий образ жены – «она у меня сказительница старины», взгляд в будущее – «Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю тебе это». Тут же идут слова о невозможности принять предложение Чингис-хана, но это очень странные слова, аргументы которых плохо увязываются с ситуацией и уже во всяком случае – никак не объясняют необходимость ухода из жизни. Но текст есть текст, и, если он осознанно закамуфлирован, историк или филолог в той мере, в какой они остаются в строгих пределах своих дисциплин, «распаковать» его не смогут. Здесь-то и нужен был бы настоящий писатель, с его интуицией и развитой фантазией, чтобы прочувствовать и со всей убедительностью показать – выбор Джамухи предопределен ясным пониманием невозможности обнародовать путь, приведший к цели – единству раздробленных и жестоко враждовавших племен. Идея не может держаться на игре и пролитой чужой крови, но жертвенность ее носителей в состоянии придать ей силу и прочность. Ночной разговор Джамухи и Чингис-хана – готовый материал для пьесы высокого и актуального звучания... Кого же мы обделяем, оставаясь в плену монголофобии и не беря во внимание такие сюжеты?

В казахской исторической прозе имеются свои достижения. Выдающимся произведением является роман-эпопея М.О.Ауэзова «Путь Абая». В связи с «кочевнической» панорамой в романах И.Есенберлина, «Кровью и потом» А.Нурпеисова, «Вешними снегами» М.Магауина можно говорить о крупных достижениях казахской исторической романистики. За каждым из этих имен – тип личности, которой масштабы таланта, воля и работоспособность позволяют достичь поставленных целей не только благодаря, но и вопреки обстоятельствам. Атмосфера, общие закономерности наличного культурного процесса, обладающие властью над абсолютным большинством писателей, не имеют решающего значения для этого рода личностей. Следует благодарить природу и судьбу за то, что они были и есть. И пожелать для блага духовности, чтобы число их множилось. Если этого не случится, нам не решить задач общекультурного развития, основной движущей силой которого была и остается художественная литература, не разорвать, в частности, кольцо «дурной бесконечности» в диспозиции прошлое – современность.

«Образ настоящего будет плоским без глубины прошлого...» – говорилось когда-то и имелось в виду: познать прошлое, чтобы лучше осмыслить современность. Была ли достигнута цель? Узнавание истории, ее узловых, решающих для судьбы народа ситуаций осуществляется фрагментарно, по принципу «что ближе лежит», с опорой на пару-другую не слишком популярных изданий и застревает на далеких подступах к современности, к ее жизненно важным проблемам. Против подобного «разрыва отстоящих друг от друга во времени событий» предостерегал в свое время Гегель: «Историческое событие является нашим лишь в том случае, если оно принадлежит нашей нации или если мы вообще можем рассматривать настоящее как следствие тех событий, в цепи которых существенное звено составляют изображаемые характеры или деяния. Но и этого – простой принадлежности одной и той же стране, одному и тому же народу – еще недостаточно: само прошлое нашего народа должно находиться в более тесной связи с современными условиями и жизнью»¹⁷. Историческая память в ряде произведений оказывается набором приблизительной, не всегда интересной и – главное – не обобщенной, недостаточно типизированной информации о фактах и событиях прошлого. Художественное творчество нередко функционирует на уровне мотивов, забывших исходную цель. Как известно, предание забвению первоначальной цели, абсолютизация задач промежуточных этапов могут привести к радикальной трансформации мотивов действий вплоть до диаметрально противоположной крайности. Такой крайностью является кружение в глубинах истории без выхода на связь с современностью. Показательна в этом отношении повесть Д.Досжанова «Жар саксаульных углей», в которой писатель, опять же позволив себе большую творческую смелость, вводит в современное событие в качестве действующих лиц предков, живших в давние времена. Это буквальное сопряжение прошлого с настоящим под пером Д.Досжанова ни к чему хорошему не привело: предки говорят банальности, ради которых вряд ли стоило тревожить их покой.

В свое время, когда историческая литература отважно направилась в глубины веков, всем нам не хватило достаточной прозорливости, чтобы предостеречь ее и указать на ограниченность лозунга, начертанного на ее знаменах. Разумеется, знание прошлого помогает понять современность. Но способ-

ность понять, осмыслить прошлое в неменьшей степени зависит от того, умеем ли мы осмысливать современность и стремимся ли принять участие в решении ее проблем. В этом, собственно, и заключается существо принципа историзма и основополагающий принцип историко-культурной преемственности. «Внедрение и развитие принципа историзма осуществляется в литературе не только и даже не столько через отображение прошлого; наоборот, возникновение и развитие самого исторического жанра, в том числе и исторического романа, обусловлено общим состоянием литературы и прежде всего достигнутым ею уровнем обобщения картин современной жизни¹⁸, – этот вывод, сделанный И.К.Горским из наблюдений над польским историческим романом, говорит об общих закономерностях, действующих и в нашей ситуации. У нас еще будет возможность убедиться в том, что, за редким исключением, казахские прозаические произведения на историческую и современную темы являются достойными друг друга партнерами лишь в отношении их общей слабости, склонности их создателей к конформизму, ремесленническому обслуживанию бытующих представлений, принимаемых ими за веление времени.

Как же случилось, что казахское художественное слово, во все времена гордившееся своим вольнолюбием, открытым и честным суждением об окружении, умевшее вскрывать противоречия насущной, реальной жизни и указывать пути их преодоления; еще в творчестве основоположников молодой казахской советской литературы способное осознать глубинную сущность происходящих событий и в полнокровных художественных произведениях отразить драматизм первых лет социалистического строительства – как случилось, что это слово у значительной части нынешних писателей лишилось своей пронизательности, своей оценивающей и преобразующей силы?

Один из братьев библейского Иосифа, проданного ими в рабство, считал, что стоит только умолчать о событии, навалить на него молчание, и получится так, будто его и не было. Так рассуждал Иуда. С житейской точки зрения он был прав. Между преступлением и нравственным возмездием прошли десятки лет сытого и благополучного существования детей Иакова, молчавших и не терзавшихся муками совести. Но так рассуждал Иуда, многократно проникавший в историю рода человеческого как проклятье, как дух разрушения духовности... Художественное сознание не может следовать его фарисейской мудрости. Когда оно все же внимает его заветам, оно становится сознанием частностей, дискретным сознанием, умеющим выявить лишь один элемент противоречия и не способным осмыслить противоречие в целом.

В Казахстане, в результате перегибов, допущенных в ходе коллективизации, в 1932-1933 годах произошел голод. Численность населения кочевых и полукочевых скотоводческих районов резко сократилась. Об этом знают в каждой казахской семье. Но художественное сознание надолго отшатнулось от этой проблемы.

События 33 года замкнули иссякшее русло одной из крупнейших некогда кочевых цивилизаций. Крушение традиционного кочевья было предопределено объективным ходом истории. Движение к финалу началось еще в XVIII веке. Но развязка была столь трагичной, что последствия глубочайшего шока, поразившего национальное сознание, дают о себе знать и теперь. Не сумев отреагировать на происшедшее, казахское художественное слово лишилось главного, исконно присущего ему свойства – быть пронизательным и правдивым. В результате оно разучилось быть не только драматическим, но и оптимистическим словом, потеряло способность говорить искренне и убедительно о реальных достижениях. Разруха сменяется строительством, голод – благосостоянием, но раны духовного развития излечиваются только восстановленной в своих правах памятью, преодолением молчания.

Книга о народной драме 33 года должна быть написана. Для этого сложились объективные предпосылки. Такая книга, безусловно, станет событием в литературной жизни. Но еще большее значение создание ее имеет как факт – и об этом следует помнить в первую очередь – избавления совести нашей от гнетущего груза умолчания, ведущего к бесплодию. Венчая собой выход из многолетнего смятения культуры целого народа, такая книга не может не быть подлинно реалистической и глубоко народной. Она вернет дыханию естественность, взгляду – прозорливость, слову – силу. Исторические вехи становятся реальностью, когда им даются названия, рожденные их пониманием. Переход народа к новому образу жизни становится намного действенней, когда черту под предшествующим развитием подводит его собственное сознание. Традиционное кочевье завершило свой путь, за ним века истории. Конец дает ключ к пониманию прошлого и озаряет новое начало. Глубокое и честное осмысление событий времен коллективизации сообщит литературе дополнительный тонус гражданственности, интеллектуальной мобилизованности и сосредоточенности, без которых ни история, ни современность узнаны быть не могут.

Если бы эта тема полностью отсутствовала в казахской литературе, в умах, в рукописях писателей, в том или ином виде в их произведениях, на такой литературе следовало бы поставить крест. Гибель одной трети народа в условиях мирного времени – случай небывалый в мировой истории. Не медленное вымирание, не массовая смерть от вспыхнувшей эпидемии чумы или холеры, а самая страшная и унижительная ее форма, ломающая психику, иссушающая сознание, низводящая человека на животный уровень – смерть от голода, затяжная как вечность и скоростная как выстрел в упор. В небо уходили в одиночку и семьями, и перед каждым человеком, перед каждой семьей стоял выбор обреченных, кому отправиться первым. Сотни тысяч казахских семей покинули землю, оставив осиротевшие паруса юрт, обезлюдевшие зимовки и муки последних своих дней.

В зависимости от мировоззренческой и общетворческой подготовленности несколько казахских писателей по-разному примерялись к этой теме. Ее присутствие ощутимо в романе Х.Есенжанова «Братья Жунусовы». Впечатляющую метафору к этому времени оставил И.Есенберлин в самом значительном, пожалуй, своем романе «Лодка, переплывающая океан»: на краю вымершего аула путника встречают одичавшие псы-трупоеды. Обнадеживает первая книга дилогии Т.Абдикова «Олиара»¹⁹. Вторая еще не издана, но судя по тому, как в первой автор обстоятельно выписывает ситуацию, непосредственно предшествующую трагическому обороту событий, создает достоверную атмосферу времени и убедительные характеры, можно надеяться что во второй книге Т.Абдикова, одаренному художнику с ярко выраженной способностью к социально-эпическому анализу действительности, удастся вписать свою весомую главу в национальную книгу о последнем кочевье. В том, что это может случиться, убеждает и верно найденный писателем в первой книге интонационный ключ. Он чутко и бережно, с большим вниманием и любовью вслушивается во все, о чем говорят, чем живут люди, предстающие у него именно как люди народа, а не случайные персонажи со случайными заботами и поступками. В сценах аульной жизни, где есть и игры, и шутки, и будничная повседневность, писатель неуловимой нюансировкой всего этого добивается впечатления предгрозового затишья. Его внимание к деталям и умение с ними работать заслуживают особого разговора. А.Карпентьер считает искусство обращения с деталью признаком барочной литературы, а само барокко – стилем обновляющих мир ситуаций. У Т.Абдикова, если это и барокко, то не ликующее, а, скорее, элегичное, если не скорбное. Он весь внимание, поскольку знает, что мир, который он перебирает на ощупь, впитывает в память всех органов чувств, вскоре рухнет, исчезнет, уйдет в небытие...

Хронологические рамки романа Б.Тлегенова «Время»²⁰ охватывают начало 30-х годов и июнь 41-го года, т.е. тот самый период, когда внутри страны шла грандиозная перестройка социально-экономических основ народного хозяйства, а на международной арене набирал зловещую силу фашизм. Многозначительное название романа настраивает на встречу с этим сложнейшим временем, его общей атмосферой и конкретным воплощением в событиях, происшедших в Казахстане в те годы. Но именно время, общее или локализованное, отсутствует в романе полностью. В том, что это произведение в художественном отношении на редкость беспомощно, может убедиться каждый, кто возьмет на себя труд с ним познакомиться, благо роман издан не только в Казахстане, но и в переводе на русский язык – в Москве, издательством «Советский писатель». В корне ошибочным, однако, было бы предположение, что несовершенные снасти помешали автору «уловить» в них время. Связь здесь, скорее, обратная: мировоззренческая беспринципность привела к антихудожественности.

Самое суровое определение, которое находит писатель к положению в казахских аулах в годы коллективизации, – «хозяйственные неурядицы». Ни слова о перегибах, о людских потерях, о причинах и персоналиях, приведших к катастрофе. Есть у него, правда, и бедствующие аулы, но страдают они либо от града и жары, не давших собрать хороший урожай, либо от морозов. Роль партийного руководства в лице секретаря обкома Кулахметова сводится к тому, чтобы время от времени осаждать, в целом безобидную, хотя и порядком экзальтированную функционерку Умит, поддержать, вернуть в ряды партии и строителей новой жизни безнадежно запутавшегося в личных делах Жумабека. Кулахметов нужен писателю еще и для того, чтобы прошить разваливающийся мир романа нитью «интернационализма»: мелькающая в разных его частях комсомольский вожак Галина Калинкина становится, наконец, женой и другом целиком положительного, фарфорово-светящегося секретаря обкома. Бесконечные любовные треугольники, столь характерные для обывательской казахской прозы последнего времени, занимают пространство романа, вызывая единственное ощущение – их кощунственной неуместности в повествовании о тех годах. Казахская литература в большом долгу перед памятью жертв репрессий 37-го года. Среди безвинно пострадавших были люди различных социальных слоев,

в их числе – интеллигенты, получившие образование в центрах просвещения дореволюционной России. Многие из них внесли значительный вклад в общий подъем культуры казахского народа, в демократизацию общественной мысли, способствовали ее прогрессивной ориентации. Несомненно, общественно полезной была деятельность тех, кто овладел естественно-научными знаниями. Очевидно, не все они без сомнений принимали новые формы и требования жизни, но на то у них были основания, объясняемые, во-первых, хорошо известными «перегибами», во-вторых, – их социальной функцией: интеллигенция обязана думать, значит, и сомневаться, чтобы найти верные ответы на новые вопросы. Б.Тлегенов в единственном интеллигенте, введенном в роман под именем Койбагар, о котором известно, что он «в свое время получил блестящее образование, стал доктором», вычленяет и гипертрофирует одну сторону – его сомнения, придавая им ожесточенно-озлобленный и безысходный характер. «Иногда он с горечью думал, – пишет автор о сокровенных размышлениях «доктора» Койбагара, – как жаль, что руки его коротки и беспомощны, а то бы взял факел да и поджег всю степь, чтоб занялась она неукротимым пожаром, превратилась в черное пепелище». Антагонистом Койбагара выступает Жумабек, имеющий за плечами «четыре класса образования, которые прошел самостоятельно», кратковременное общение с Сальменом, борцом против «религиозного дурмана», сошедшим со страниц романа так быстро и неожиданно, что мы не успеваем его распознать и должны на веру принимать приписываемую ему автором «истинную революционность», бесконечные, пустопорожние стычки с Умит да месячные курсы в городе. Жумабек Б.Тлегенова никак не «тянет» на роль представителя народа, которому самой историей вручены знание правды и ответственность за новую жизнь. Он весь погружен в переживания на тему «Назира – Гульбаршин», ничего не имеющую общего с тем, что происходит в коллективизированных хозяйствах, хотя и занимает немалые партийно-административные должности. Автор не умеет выстроить его разговор с Койбагаром с соблюдением точности речевых характеристик, отсюда – фразы Жумабека искусственны по форме и демагогичны по существу.

Является ли «Время» Б.Тлегенова «знамением времени»? И – да, и – нет. Нет – потому что настоящее время и в прошлом, и особенно теперь не может характеризоваться произведениями, в которых накладывается гипс фальши на бронзу подлинности. Да – потому что роман этот спокойно воспринят редакторами, издательствами, критикой, переводчиком и, по всей видимости, читателем. В списках книг на темы социалистического строительства и дружбы народов он в положительном контексте устойчиво фигурировал в докладах по торжественным и просто творческим поводам. И в этом смысле, он если и не знамение времени, то симптом неразборчивости, мировоззренческой и эстетической невзыскательности, которые и теперь еще сохраняются в нашей культурной ситуации.

Тридцатые годы нашли развернутое и чрезвычайно впечатляющее отражение в необычной и по содержанию, и по обстоятельствам своего появления книге В.Скуратова-Досымбетова «Повесть одной жизни... или память простого участника непростых событий»²¹. Ее автор, человек преклонного возраста, прежде книг не писал, но был известен живыми и интересными устными рассказами о виденном на своем веку. По предложению О.Сулейменова он изложил воспоминания на бумаге, писатель В.Карпенко их обработал, и в результате появилась книга не декоративно, но по существу восполняющая многие пробелы в нашей памяти о Казахстане первой половины двадцатого века.

При всей своей откровенной автобиографичности, документальной достоверности эта книга, безусловно, художественна, художественен ее язык, в котором доверительная разговорная интонация, самоирония, яркие речевые характеристики сочетаются с точным умением освоить миры вещей, явлений, отдельных человеческих судеб и социальных потрясений. Этот язык способен к обобщениям большого гуманистического звучания. Художественны образы времени, обстоятельств, действующих лиц, хотя автор пишет о себе, о реальных людях и действительных событиях. В.Скуратов-Досымбетов добивается эффекта художественности, игнорируя вымысел и целиком оставаясь на почве достоверности. Каким образом ему это удастся – вопрос особый, требующий, вероятно, литературоведческого анализа. Хотелось бы лишь отметить, что этот монолог полноценной и высокоэтичной памяти о масштабных событиях и незаурядных людских судьбах, подлинно народный и в этом смысле – демократичный – оказался способным снять известное противоречие между документальным и художественным началами, синтезировать их в себе и найти путь к читательскому восприятию.

За плечами автора – долгий и сложный жизненный путь. Его изумительная память, заставляющая вспомнить о феноменальной памяти творцов и хранителей казахских эпических сказаний, зафиксировала великое множество впечатлений. Быт, образ жизни восточноказахстанской казачьей станицы кануна первой мировой войны, народные волнения 1916 года, революция и

гражданская война, казахский аул времен коллективизации, становление народного хозяйства в предвоенные годы, тридцать седьмой год и, наконец, Великая Отечественная война, плен и концентрационный лагерь – все это знакомо автору не понаслышке, видно и пережито им непосредственно. И все это, пережитое с болью, страданиями, потерями близких, не отвращает его от жизни, не гасит великое чувство исторического оптимизма.

«Иногда я даже думаю, – пишет он, – а не испытывала ли меня природа на прочность, готовя мне достаточно длинный да извилистый путь в жизни? Вот и посыпалось – то болезнь, то упадет что-то тяжелое, то с коня свалишься, то сам залезешь незнамо куда и только чудо выведет... Началось же все, как я понимаю, из-за самой двойственности, что ли, появления на свет в такой семье – опять же, будто испытание судьба посылала: какой же экземпляр на стыке двух народов получится, годный для жизни или так себе? Так всю дорогу и подсовывала – вот это так, выдержишь? – Ну, живи себе дальше...»

Это, пожалуй, ключевая фраза для понимания позиции автора и его мироощущения. Представительство в нем казахской и казачьей крови, традиций, жизненного опыта двух разнящихся этно-социальных образований, этно-культурных стихий обостряет в нем объединительное, глубоко гуманистическое начало. В «крестьянском парне», как он себя называет, в этом пахаре, смолокуре, трезвом и расчетливом труженике, способном создать крепкое хозяйство, вдруг заговаривает «струя казахской крови», и вот он уже – одухотворяет природу, забрасывает повседневные «крестьянские» заботы ради охоты с беркутом и гончими, обнаруживает в себе неодолимую тягу к лошадям и настоящее на тысячелетнем опыте умение найти с ними общий язык. По-казахски толкует сновидения, ветвится памятью по родословному дереву, стремясь в истоках найти начало своего целостного бытия. Он видит «гонор» своих родичей по материнской (казачьей) линии в отношении родственников по отцу, видит склонность к самоконсервации архаичного быта казахских родичей. Осуждает и то, и другое решительно, жестко, с любовью и заботой о тех и других. Специалистам по этнопсихологии творчества здесь есть что наблюдать и осмысливать: Скуратов-Досымбетов и его «Повесть» – явление маргинальности в классическом виде.

Из этой обаятельной своей достоверностью, интересно написанной книги (поразительно умение автора ритмически организовать композицию повествования) читатель почерпнет много конкретно-исторической информации, в том числе – об увиденных автором и им пережитых 30-х годах. Но главное в ней, конечно, другое – школа противостояния личности неблагоприятным обстоятельствам жизни, гимн «простому» человеку, великой жизнеспособности народа.

Особое место в современной казахской литературе, безусловно, занимает произведение С.Елубаева «Ак боз уй», отнесенное самим автором к жанру романа. Строго говоря, это, конечно, не роман, если под последним иметь в виду масштабное произведение с развитым в нем эпическим элементом, что немыслимо без отображения «коллективного бытия» масс и включения в зону авторского внимания всех наиболее существенных контекстов эпохи, времени и обстоятельств. Это большая повесть с четко выстроенной внутренней драматургией, с сильным, эмоционально глубоко воздействующим финалом. Повесть об отчаянной попытке нескольких казахских семей выжить, избежать голодной смерти, сохранить потомство. Закономерно, что именно в этом правдивом, суровом повествовании, где события времён коллективизации увиденны глазами тех, кто от нее пострадал, убедительно показаны попытки предотвратить катастрофу и ликвидировать ее последствия. С.Елубаев снимает анонимность, долго сохранявшуюся обезличенность с жертв той поры и исполняет тем самым прямой долг художественной памяти – раскрывает социально-историческое событие как слагаемое конкретных человеческих судеб. Его Пахраддин и Сырга, не сумевшие физически выжить в выпавших на их долю страданиях, но сохранившие великую красоту человеческого достоинства, не только восполняют один из самых сумеречных провалов в нашей памяти, но и начинают собой новую традицию в трактовке образов прошлого и современности. Интонация повести соответствует «динамическому равновесию» Курта Воннегута, призывавшего «...сочетать гуманность и правду. Умную гуманность, не подкрашивающую истину во избежание безотрадных выводов. И полную правду, быть может, очень горькую, но не подавляющую убеждения, что в мире неизбежно сохраняется человечность и добро». С.Елубаев известен не только рассказами и повестями, но и как кинодраматург. Опыт написания сценариев накладывает отпечаток на его прозу: в ней мало описательности и много действия, монолог практически отсутствует, диалоги активно работают на сюжет, динамичный, нацеленно идущий к «ударным» сценам, таким, например, как откровенно кинематографический эпизод в песках с миражами и предсмертными видениями Пахраддина.

МЫ И ИСТОРИЯ

К вопросу о методах осуществления преемственности

Преемственность осуществляется в практике художественного творчества, но возможности последнего ограничены. На определенной стадии освоения историко-культурного наследия литературе и искусству грозит опасность разрушения их жанровой, видовой специфики. Преемственность в формах наследования, наряду с другими условиями, предполагает умение распорядиться исторической информацией, как конкретно-эмпирической, так и сгущенной в памятники культуры, в «дух» и содержание прошедших эпох, другими словами – развитость конкретно-научного и философско-теоретического знания прошлого. Искусство (в широком значении) не может их собой подменить. Когда оно все же, в силу тех или иных ситуационных причин, предпринимает попытки в этом направлении, скоро обнаруживается, что оно перестает быть творчеством, не становясь в то же время сколько-нибудь удовлетворительным знанием. Задача наследования духовного опыта, таким образом, неосуществима силами только искусства. Выход из положения столь же очевиден, сколько не прост в осуществлении: в решении проблем преемственности необходимо заинтересованное и деятельное участие всех форм общественного сознания. Лишь в этом случае искусство, используя, «ассимилируя» в себе достигнутые другими надстроечными формами результаты, может продуктивно участвовать в процессе наследования и осуществить собственное поступательное развитие. Понятно, что в этом новом качестве оно представляет гораздо больший интерес для других форм сознания в качестве партнера в решении вновь возникающих проблем духовного развития.

Объективное содержание процессов, происходящих в литературе исторического жанра, по существу своему гораздо шире рамок как жанра, так и литературы в целом. Не случайно эти процессы послужили побудительной причиной аналогичного движения в различных видах искусства. Параметры этого явления не укладываются в пределы отдельных видов и жанров литературы и искусства и, соответственно, не могут быть осмыслены специализированными формами знания, в данном случае – литературоведением и искусствоведением, не говоря уже о критике. Всякий раз, когда та или иная система познания сталкивается с новым явлением, возникает проблема соотносимости ее средств с основным содержанием этого явления. Вероятные противоречия, неразрешимые в рамках этой системы, согласно принципу внешнего дополнения, могут получить разрешение при переходе к системе более высокого порядка, описывающей данную. По отношению к конкретным дисциплинам, исследующим литературу и искусство, знанием более высокого порядка является эстетика. Это общее положение, но проблема заключается в том, чтобы с учетом процессов, происходящих в казахской художественной культуре, использовать те резервы эстетики, которые могут оказаться оптимально пригодными для понимания главного содержания современных художественных исканий. Основной задачей эстетического изучения должно быть осмысление поступательного движения целого – национальной художественной культуры – от одного уровня к другому, более высокому, на котором, собственно, это целое только и может обрести себя как подлинная историческая реальность. Решение этой задачи под силу зрелому теоретическому знанию, вооруженному прогрессивной концепцией общественного развития. Подобно тому, как искусство, участвующее в создании новой жизненной реальности, находит самую надежную опору в традициях и принципах реализма, так и познание, теория развивающейся культуры не могут не базироваться на философии с ее разработанной системой диалектических методов. Вызванная к жизни конкретными условиями современного культурного процесса, а именно – необходимостью уяснить в познании (и способствовать решению на практике) проблем ускоренного развития культуры, казахстанская эстетика призвана стать деятельным, активно-созидательным знанием. Способность видеть в духовной жизни народа процесс, движение должна сочетаться в ней с умением выявлять актуальные проблемы развития и самостоятельно их осмысливать. Она не может не быть открытой, чутко реагирующей системой по отношению к исканиям художественной культуры, достижениям конкретных гуманитарно-научных дисциплин, различных форм общественного сознания. Преодоление локальной замкнутости, выход к темам и проблемам, имеющим общечеловеческое значение, навыки мышления в

масштабах крупнейших историко-культурных категорий необходимо должны сочетаться в ней с умением критически анализировать существующие представления и вести полемику в необходимых для того случаях.

Именно эстетика как компонент национального самосознания остро нуждается в определении таких параметров художественной культуры, как начало, основные периоды ее развития, связи и взаимодействия с другими культурами и, наконец, ее связь с современностью. Практика художественной культуры благодаря эстетике обретает форму рефлексий о себе, способность вносить коррективы в ход собственных процессов. И это – единственный канал, по которому возможно воздействовать на художественную деятельность, иначе говоря, достичь целей управления культурой, в том числе – ускоренного ее развития.

Память, историко-культурная преемственность, национальное своеобразие искусства являются предметом и инструментарием эстетики. Поэтому эстетика не просто стремится к изучению, но и проявляет «кровную», профессиональную заинтересованность в полнокровном их существовании. Самоопределение той или иной эстетической концепции, как фактора конкретного культурного процесса, начинается с решения вопроса о так называемых «вживаемости» или «внезаходимости» исследователя по отношению к своему материалу.

Национальное своеобразие искусства шире его специфичности, поэтому его исследование не может сводиться к поиску уникальных и неповторимых черт. Культуры отличаются друг от друга не колоритом «местных» красок. Элементов художественной культуры, присущих искусству всех народов, гораздо больше, чем специфических. Говоря «это только наше», мы в подавляющем большинстве случаев лишь обнаруживаем свою недостаточную осведомленность в историческом и современном содержании искусства других народов. Не менее ошибочно сравнивать национально-художественные миры с системами, располагающими одними и теми же элементами и разнящимися между собой только организацией этих элементов внутри самих систем. К крайностям первого случая склонны релятивистские школы в современной этносоциологии, констатирующие калейдоскопическое множество не сводимых к «единству» культур. Методологические принципы второго порядка характерны для компаративизма.

Компаративистский метод сравнений позволил получить большое количество свидетельств, говорящих о родстве, сходстве, идентичности по ряду показателей различных культур народов мира. Однако при этом ускользает главное – единство мирового культурного процесса, живое, развивающееся единство, а не арифметическая сумма художественных культур. Недостаточность компаративистского подхода в том, что факты художественной культуры рассматриваются вне исторического контекста их возникновения и существования. Сравняются конечные (на сегодняшний день) результаты. Следуя этим путем, можно, конечно, воздвигнуть гипотетический храм «единой» мировой культуры. Но для этого нужно переступить некий этический порог: превратить скалу в камень, древо в столб, почву в кирпич – и получить таким образом строительный материал. Однако ясно, что при этом из камня уходит природа, из дерева – соки, из почвы – влага.

Большое влияние на изучение национальных художественных культур оказывают идеи М.М.Бахтина, воплотившиеся в его книге «Творчество Франсуа Рабле»¹. М.М.Бахтин конструирует и анализирует национальную модель мира, в которой он выделяет «материально-телесный низ» и изучает его влияние на духовный строй народа и художника. Карнавальное шествие оживших предметов, одухотворенных телес, трапезы, соединяющие в себе и смерть, и вечное обновление жизни, рождающее и поглощающее лоно земли, инстинкты и эфир тончайших чувствований – все смешалось в хороводе, именуемом «национальный космос». Ничто не хранит в себе сокрытую тайну, все открыто взору. Если В.Г.Белинский еще говорил, что тайна национального не в кухне, не в одежде, а в манере понимать вещи, то М.М.Бахтин убеждает: «тайна» национального и в кухне, и в одежде, и в танце, и в национальном Бахусе, и в национальном Эросе; весь «материально-телесный низ» и весь национальный космос пронизаны полуденным светом единой национальной «манеры понимать вещи».

В принципе, в этом же ключе проводит свои исследования Г.Д.Гачев. На материале различных культур он изучает «национальные картины мира». Мировая культура видится ему как оркестр, в котором каждой художественной культуре отведены свой инструмент и своя партия. В изучении «национальных картин» он исходит из того, что человек, подчиняя окружающий мир, одновременно сам ассимилируется в нем. Среда, которую он преобразует, изменяет и его самого.

Жители гор, лесов, степей, приморья похожи на горы, леса, степи, побережья морей. Это видно в танце, слышно в музыке, в песнях и в самом звучании речи, в выборе и изготовлении пищи, в возведении различных типов жилья, в типе хозяйствования. Человек проецирует сложившиеся из ближайших наблюдений представления на большое пространство и большое время. Отсюда – своеобразные космогонические представления, эпос, мифы, фольклор. Рождается национальная картина мира, модель мира. Но для познающего сознания недостаточно изучать лишь одну модель мира, за пределами остается ее пограничная полоса и нет обозримого целого. Поэтому Г.Д.Гачев предпринимает следующий шаг: берет несколько, желательно, весьма отличных картин. Сравнивает их, рассчитывая из этого сопряжения высечь «искры взаимоудивления», взаимного узнавания, ведущего к более глубокому узнаванию себя. Этим он аргументирует и свою гуманистическую концепцию о необходимости множества своеобразных национальных культур. Такой метод видения художественных миров, помноженный, как, например, в случае с М.М.Бахтиным и Г.Д.Гачевым, на яркую индивидуальность, колоссальную эрудицию исследователя, приносит эффективные, глубоко впечатляющие результаты и позволяет многое понять в онтологическом содержании культур и их соотношении. Эстетика может идти и по этому пути, но все, в конечном счете, определяется побудительными мотивами, которыми она руководствуется. «Национальные картины мира» – это живописные холсты, натюрморты голландских мастеров. В них нет динамики, они статичны. Эволюция художественной культуры, ее взлеты и падения, часы позора и победного шествия, не простое соотношение, но взаимосвязь с другими культурами, сложные коллизии, возникающие в процессе этих связей, – все это остается за рамками «картины». В одной из ранних работ Г.Д.Гачева – «Ускоренное развитие литературы» (на материале болгарской литературы первой половины XIX века)² – доминирующим был интерес именно к процессу, его динамике и «кардиограмме». Затем все круто изменилось, исторический взгляд на литературу сменился онтологическим, приносящим уникальные, необыкновенно волнующие результаты, которые, тем не менее, рожают ощущение эстетической утопии, своего рода логического неомифа.

Нисходящий («божественный») взгляд на предмет изучения исключает возможность пребывания исследователя в «гуще событий», активно-преобразующего начала, которое, в принципе, должно быть не только целью, но и условием процесса познания. Между тем, вот как формулирует свое научное кредо М.М.Бахтин: «Великое дело для понимания – это «ненаходимость» исследователя – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять»³. Сказано это выдающимся литературоведом, и в слова его необходимо вдуматься. Мало обнаружить, что в своих исследованиях, в частности поэтики Достоевского, М.М.Бахтин вполне «находит» как личность временная, пространственная, как заинтересованный представитель русской гуманитарно-научной мысли. Возможно, речь здесь идет о пороге, на котором нередко застревают искусствоведение и литературная критика. О тех случаях, когда исследователь, «вживаясь» в свой предмет, увлекается им настолько, что в хвале его и хуле теряет чувство дистанции, становясь либо агентом объекта осмысления, либо его эмпирическим ниспровергателем. «Вживание» в материал – лишь один из моментов процесса познания, который, конечно же, должен быть «снят» последующими теоретическим мышлением и выработкой обобщенного суждения. Но этому пути ни в коей мере не противоречит связанная с общими побудительными мотивами гражданская заинтересованность исследователя в судьбах родной культуры. Более того, его мировоззренческие интересы и составляют сферу «человеческих эмоций», без которых «не может быть человеческого искания истины» (В.И.Ленин).

Таким образом, осмыслить своеобразие искусства того или иного народа – значит уловить главную характеристику этого искусства, которая включала бы единство общечеловеческих и самобытнонациональных черт, содержащихся в этом искусстве, а также исторический и современный художественный опыт в его динамичном, процессуальном состоянии. Другими словами, доминирующими в такого рода исследованиях должны быть следующие аспекты: 1) историко-культурная преемственность; 2) процесс взаимосвязей (как в современном, так и в историческом плане); 3) современные искания культуры, с преимущественным вниманием к ее «диалогу с современностью».

Именно с таким настроением совершались наши хождения к колодцам духовности в поисках ответа на вопрос «кто мы?».

ПРИМЕЧАНИЯ

Преемственность. Актуальность категории и практики Латиноамериканский опыт

1. Тынянов Ю. Сочинения в 2-х т. Л., 1985, т. 2, с. 84.
2. Сеа Л. Философия американской истории. М., 1984, с. 26.
3. Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. М., 1963.
4. Гете. Фауст. (Пер. Б.Пастернака). М., 1958, с. 447.
5. Баллер Э.А. Указанная работа, с. 68.
6. Там же, с. 70.
7. Бушмин А.С. Преемственность литературного развития. Л., 1974, с. 126.
8. Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978, с. 12.
9. Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1961, с. 310.
10. Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978, с. 13.
11. Там же, с. 96.
12. Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. М., 1982., с. 28.
13. Там же, с. 132.
14. Там же, с. 116.
15. Сеа Л. Указ. работа, с. 56.
16. Там же, с. 42.
17. Там же, с. 36.
18. Карпентьер А. Указ. работа, с. 137.
19. Карпановский С.Н. Исторические единство человечества и взаимное влияние культур. М., 1967, с. 166.
20. Там же, с. 165.
21. Там же, с. 166.
22. «Культуры». Диалог народов мира. 1985, № 1, с.23.

Взаимодействия Колодец времен: «Осевая эпоха», «Эпос о Гильгамеше», «Книга Коркута», «Одиссея», «Песнь Песней», «Аз и Я».

1. Эпос о Гильгамеше. М. -Л., 1961.
2. Там же, с. 127.
3. Ауэзов М.О., Соболев Л.С. Эпос и фольклор казахского народа. «Литературный критик», 1939, № 10-11, с. 228.
4. Эпос о Гильгамеше, с. 124-125.
5. Гайденко П. Философия культуры Ясперса. «Вопросы литературы», 1972, № 9.
6. Всемирная история. Т. 2. М., 1956, с. 456.
7. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 57.
8. Там же, с. 58.
9. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 102.
10. Парандовский Ян. Алхимия слова. Олимпийский диск. М., 1982, с. 303.
11. Карпентьер А. Указ. работа, с. 137.
12. Шкловский В. Тетива о несходстве сходного. М., 1970, с. 308.
13. Маркс К. Соч. Т.VII, с. 323.
14. Там же, с. 324.
15. Гегель. Эстетика. Т.1. М., 1968, с. 275.
16. Там же, с. 289.
17. Энгельс Ф. Диалектика природы. Соч., т. XIV, с. 476.
18. Там же, с. 477.
19. Карпентьер А. Указ. работа, с. 141.
20. Там же, с. 156.
21. Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1975.
22. Огузский героический эпос. М. -Л., 1962, с. 5.
23. Там же, с. 7.
24. Античность и Византия. М., 1975, с. 130.

25. Гегель. Эстетика. Соч., т. 1, с. 271.
26. Толль Н.П. Скифы и гунны.
27. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 349.
28. Толль Н.П. Скифы и гунны.
29. Античность и Византия. М., 1975, с. 137.
30. Гегель. Эстетика. Соч., т. I, с. 280.
31. Асмус В.Ф. Избранные философские труды. М., 1969, т. I, с. 388.
32. Лосев А.Ф. Античная мифология в историческом развитии. М., 1957.
33. Гердер И. Указ. работа, с. 349.
34. Чанышев А.И. Эгейская предфилософия. М., 1982, с. 179.
35. Античность и Византия. М., 1975, с. 270.
36. Парандовский Ян. Алхимия слова, с. 63.
37. Карпентьер А. Указ. работа, с. 140.
38. Там же, с. 143.
39. Там же, с. 162.
40. Платон. Соч., т. III, ч. I. М., 1971, с. 623.
41. Иппокрена – источник, из которого пил Пегас, переносно – источник вдохновения.
42. Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976, с. 23.
43. Там же, с. 29.
44. Античность и Византия. М., 1975, с. 270.
45. Библия. М., 1968.
46. Платон. Указ. работа, с. 660.
47. «Кто мы?»

Языковое инобытие.

Современный и исторический опыт «обретения себя».

Искания В.Санги, Ю.Рытхэу, Т.Пулатова, Ч.Айтматова, Алишера Навои, Юсуфа Баласагуни, Тоньюкука

1. «Литературная газета». 1982, 15 марта.
2. Белорусец А. Интерес к бесконечности. «Новый мир», 1986, №3.
3. Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978, с.20.
4. Санги В. Женитьба Кевонгов. М., 1978.
5. Рытхэу Ю. Конец вечной мерзлоты.
6. Пулатов Т. Владения. Ташкент, 1977.
7. Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1876. с. 27.
8. Айтматов Ч. Пегий Пес, бегущий краем моря. М., 1977.
9. Айтматов Ч. Плаха. Элиста, 1989.
10. Белорусец А. Указ. работа.
11. «Литературная газета». 1986, 15 октября.
12. Там же.
13. «Литературная газета», 1984, 4 января.
14. Гегель. Философия религии. М., 1976, с. 7.
15. Там же, с. 49.
16. Там же, с. 98.
17. Там же, с. 178.
18. Там же, с. 96.
19. «Литературная газета». 1986, 16 января.
20. Античность и Византия. М., 1975, с. 266.
21. Герт Ю. Ночь предопределений. М., 1972, с. 310.
22. Джусойты Н. «Литературная газета», 1957, 17 октября.
23. Материалы Пленума СП СССР (март 1988 г.).
24. «Вопросы литературы», 1987, № 9.
25. Айтматов Ч. Речь на Пленуме Союза писателей СССР (март, 1988).
26. Навои Алишер. Фархад и Ширин. М., 1956, с. 9.
27. Там же, с. 8.
28. Книга моего деда Коркута. М.-Л., 1962, с. 152.
29. Навои Алишер. Стена Искандера. М., 1970, с. 18.
30. Там же.

31. Алимжанов А. Возвращение Учителя. М., 1979.
32. Гегель. Эстетика, т. I. М., 1968, с. 289.
33. Бартольд В.В. Собр. соч., т. 5. М., 1968, с. 68.
34. Гафуров Б.Г., Касымжанов А.Х. Аль-Фараби в истории культуры. М., 1975, с. 169.
35. Баласагуни Ю. Благодатное знание. М., 1983, с. 536.
36. Мускус – в тюркоязычной и ираноязычной поэзии символ обновления, молодости.
37. Благодатное знание. М., 1983, с. 490.
38. Там же, с. 489.
39. Там же, с. 509.
40. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 378.
41. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, с. 166.
42. Там же, с. 61.
43. Ауэрбах Э. Мимесис, с. 127.
44. Древнекитайская философия. Т. 2. М., 1973.
45. Стеблева И.В. Указ. работа, с. 72.
46. Баласагуни имел звание «улуг хасс-хаджиб» – глава всего придворного штата.
47. Маклюэн М. «Иностранная литература», 1977, №8.
48. Библия. М., 1968.

**Наследование
Проза А.Кекильбаева, Д.Досжанова,
Т.Абдикова, Б.Тлегенова, С.Елубаева**

1. Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972, с. 19.
2. Кекильбаев А. Созвездие Плеяды. Алма-Ата, 1982.
3. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 1968, с. 37.
4. В четвертой из их числа – в Парфии – восстание 226 г., возглавляемое Ардаширом, привело к созданию новоперсидского государства Сасанидов.
5. Толль Н.П. Скифы и гунны.
6. Там же.
7. Гумилев Л.Н. Указ. работа, с. 41.
8. Там же.
9. Досжанов Д. Шелковый путь. М., 1980.
10. Ахинжанов С. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995.
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Т.1, с. 225.
12. Там же, с.225.
13. Сокровенное сказание. М., 1941.
14. Гумилев Л.Н. Указ. работа, с. 227.
15. Сокровенное сказание. М., 1941, с. 188.
16. Там же, с. 149.
17. Гегель. Эстетика. Т.I, с. 283.
18. Горский И.К. Польский исторический роман, М., 1978.
19. Абдиков Т. Олиара. («Межлуние»). Алма-Ата, 1985.
20. Тлегенов Б. Время. М., 1985.
21. Скуратов-Досымбетов В. Повесть одной жизни. Алма-Ата, 1986.

Мы и История.

К вопросу о методах осуществления преемственности

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле. М., 1963.
2. Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы. М., 1964.
3. Бахтин М.М. Указ. работа, с. 123.

В оформлении использованы наскальные рисунки из собрания А. Г. Медоева «Гравюры на скалах».

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Один из самых известных поэтов и прозаиков современного Казахстана. Родился в 1951 году в Кокчетаве. Его творческими наставниками были Олжас Сулейменов и Александр Межиров. В 1983 году молодой поэт из Алма-Аты закончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Он учился на одном курсе вместе с Александром Ткаченко, Сергеем Мнацаканяном и другими известными писателями многонациональной Москвы. Книги Бахытжана Канапьянова издавались в Алма-Ате и Москве, стихи его переводились на грузинский, таджикский, киргизский, польский, финский, якутский, корейский языки. На украинском и английском книги Бахытжана Канапьянова выходили отдельными изданиями в Киеве, Бостоне, Торонто, Лондоне. В Казахстане у писателя вышло собрание сочинений. Бахытжан Канапьянов — член Союза писателей Казахстана, член Казахского и Русского ПЕН-клубов, член Союза кинематографистов СНГ и Балтии. Лауреат премии ВЛКСМ — за черную книгу «Аист над Припятью», лауреат независимой премии «Тарлан» и всемирного поэтического конкурса «Надежды лира золотая» (Нью-Йорк, США).

(Литературно-художественный журнал «Дети Ра», № 1 (63), 2010).

Бахчисарай

«Бахчисарай, Бахчисарай», — пел старик, ухаживая за цветами своего полисадника. Ему было за шестьдесят, двадцать лет из которых он прожил со своей старушкой на чужбине, и здесь, на севере Казахстана. Из рассказов соседки, словоохотливой спекулянтки Айши, многие жители нашего края знали, что их выслали из Крыма сначала в Ташкент, а затем с середины пятидесятых им разрешили поселиться в этом целинном городе. Соседка Айша утверждала, что старика Кемаля душит бронхиальная астма, и потому ему нельзя было жить в Ташкенте, особенно в тот период, когда по весне над городом плывет нескончаемый тополиный пух.

Они жили тихо и особо не общались с соседями. Их небольшой домик, купленный в рассрочку у отъезжающей чеченской семьи, за два-три года преобразился, постепенно превращаясь в домик-сад. Фруктовые деревья, которые были в диковинку среди наших соседей, вдруг почему-то принялись у старика. А цветы? Ими усеян был каждый пустующий клочок земли возле их дома.

«Бахчисарай, Бахчисарай», — напевал старик, прививая деревца или окучивая клумбу. Белолицая старушка Ани подпевала ему и иногда выносила нам, играющим неподалеку мальчишкам, сушеный урюк, изюм и яблоки. Эти гостинцы довольно часто присылали им из Ташкента.

«Бахчисарай, Бахчисарай», — напевал старик, подрезая ветви, тронутые морозцем, а в глазах стыла потусторонняя тоска и ее не могли растопить ни весенний цвет яблонь, ни бутоны первых цветов в полисаднике, ни воспоминания о той еще довоенной жизни в Крыму.

Не знаю почему, но старик в своих садоводческих опытах иногда привлекал меня, ученика пятого класса. Быть может, потому что я был сыном учителей, и отец, идя вечером со школы, где он работал директором, часто останавливался возле старика, который колдовал на своем участке.

Мне трудно было понять, о чем они вели свою беседу, но старик, улыбаясь, называл отца «Муаллим», отец что-то ему отвечал то ли по-татарски, то ли по-арабски, иногда вперемешку с казахско-татарской речью звучали слова «Каир», «Алушта», «Ак-Мечеть», и эта беседа всегда заканчивалась песенной фразой старика: — Бахчисарай, Бахчисарай!

На мой вопрос — «Что означает Бахчисарай?» — отец отвечал, что это город в Крыму, в котором находится дворец бывших крымских ханов и эмиров, а слово «Бахчисарай» дословно переводится, как «Дворец-сад». Отец недавно съездил отдохнуть по путевке в Алушту и был полон

впечатлений и рассказов об этой сказочной стране под названием «Крым».

Он и прочел мне легенду о том, как возник Бахчисарай. Книжка, которая называлась «Легенды Крыма», была старая, потрепанная, но я внимательно слушал мягкую речь отца:

Однажды сын хана Менгли-Гирея поехал на охоту. Он спустился из крепости в долину. Сразу же за крепостными стенами начинались дремучие леса, полные дичи. Для охоты выдался удачный день, гончими борзыми затравили много лисиц, зайцев и даже трех диких козлов.

Захотелось ханскому сыну побыть одному. Отправил он слуг с добычей в крепость, сам забрался в чашу, спрыгнул с коня и присел на пне у реки Чурук-Су. Верхушки деревьев, позолоченные заходящим солнцем, отражались в воде. Только шум реки, бежавшей по камням, нарушал тишину.

Вдруг на противоположном берегу послышался шорох. Из прибрежного кустарника быстро выползла змея. Ее преследовала другая. Завязалась смертельная схватка. Обвив одна другую, змеи острыми зубами рвали друг у друга куски тела. Долго длилась схватка. Одна змея, вся искусанная, обессиленная, перестала сопротивляться и безжизненно опустила голову.

А из чащи по густой траве спешила к месту боя третья змея. Она накинулась на победительницу – и началось новое кровавое побоище.

Кольца змеиных тел замелькали в траве, освещаемые солнцем. Невозможно было уследить, где одна змея, где другая. В азарте борьбы змеи отползли от берега и скрылись за стеной кустарника. Оттуда доносилось злобное шипение и треск веток.

Сын хана не спускал глаз с побежденной змеи. Он думал о своем отце, о своем роде, о своем народе. Они сейчас подобны этой полумертвой змее. Вот такие же искусанные убежали в крепость, сидят в ней, дрожат за жизнь. Где-то идет битва, а кто кого в ней одолеет: золотоордынцы – турок или турки – золотоордынцев? А ему и отцу его, Менгли-Гирею, уже не подняться, как этой змее...

Прошло некоторое время. Молодой хан заметил, что змея шевелится, силится поднять голову. С трудом ей это удалось, медленно она поползла к воде. Напрягши последние силы, приблизилась к реке и погрузилась в нее.

Глазам своим не поверил хан: мгновение спустя змея стала оживать, извиваться все быстрее и быстрее. Когда она выползла на берег, на ней даже следов от ран не осталось. Затем змея снова окунулась в воду, быстро переплыла реку и невдалеке от изумленного человека скрылась в кустах.

Возликовал сын Менгли-Гирея, это счастливый знак! Им суждено подняться! Они еще живут, как эта змея...

Он вскочил на коня и помчался в крепость. Рассказал отцу о том, что видел у реки.

Они стали ждать известий с поля битвы. И пришла долгожданная весть: Оттоманская Порта одолела ордынского хана Ахмеда, который когда-то истребил всех воинов Гирея, а его самого загнал в крепость на крутой скале.

На том месте, где схватились в смертельной битве две змеи, хан велел построить дворец. Около дворца поселились его приближенные. Так возник Бахчисарай. Двух переживших в схватке змей хан велел высечь на дворцовом гербе. Надо было бы трех: двух в борьбе, а третью – полумертвую. Но третью не стали высекать: мудрым был хан Менгли-Гирей...

– Бахчисарай, Бахчисарай! – продолжал напевать старик, копаясь в своем небольшом саду.

– А я знаю легенду о Бахчисарае! – пробормотал я, проходя мимо его дома. Старик медленно повернулся на мой возглас: в его голубых глазах застыл и ужас того, что поневоле он выдал только ему известный секрет этого слова, и ненависть к тому, кто стал свидетелем его клятвы-тайны, и вечная скорбь о минувшем. Не знаю, быть может, все было и не так, но детская память цепкая вещь, и это видение оскорбленного, но гордого своей непримиримостью старика навсегда поселилась в моей памяти.

– Э-э, это ты, киши малай, муаллим баласы! – спохватился он, и глаза его в мгновения ока выцвели, приняв в полумраке наступающего вечера безучастный, пустой вид. – Ну-ка Расскажи, что ты знаешь о Бахчисарае?

Я сбивчиво поведал ему все то, что слышал от отца. И вдруг его глаза вновь зажглись огнем, и он в полубезумстве, уже не скрывая ни своей обиды, ни своего гнева, закричал:

– Это я, я – третья змея, которая полумертва. Это я задыхаюсь от тополиного пуха. Я не по-

гиб, когда меня везли красные аскеры в Ташкент, а там есть пух, который меня добивал и нет для меня ни родной реки, ни камней Бахчисарая. А-а-а? – зарыдал старик, и старуха Ани, выбежав на крыльцо, увела обезумевшего старика.

После этого я долго его не видел. Соседка Айша поведала моей матери, что старика положили в больницу с каким-то нервным расстройством, но скоро должны выписать.

Садик возле дома старика без заботливого ухода зачах, а цветы задушила сорная трава, к тому же лето было жарким, почти без дождей.

Старик редко появлялся на улице. Говорили, что он дома портняжничает. Искусно шьет мужские пиджаки и куртки из разных лоскутов вельвета. Вот такую куртку однажды заказала ему и моя мама для меня. Когда я пришел на примерку, он молча сквозь толстые линзы своих очков взглянул на меня и не сказал своей привычной присказки: «Бахчисарай, Бахчисарай!» А я боялся взглянуть ему в глаза, боялся вновь увидеть в них внезапный огонь бывшего безумия.

Казалось, что все течет своим чередом, но однажды пришли в их дом два милиционера. Мигом собралась толпа соседей и зевак. Любопытным объяснили, что старик Кемаль занимался частным трудом и потому по новому законодательству положено изъять его орудия производства – швейную машинку «Зингер» и настольный ткацкий станок. Милиция и до этого приходила в наш край. У соседа-фронтовика Есентая хотели конфисковать единственную лошадь, на которой он часто подрабатывал у базара.

Есентай, увидев непрошенных гостей в своем дворе, запустил в них самодельным деревянным протезом, а сам, держась на одной ноге, с крыльца запрыгнул на лошадь и умчался в сторону пригородного аула к своему другу-фронтовику. Вернулся через неделю с кучей справок и предписаний, что он ветеран, инвалид войны, на пенсии, и в силу свободного времени помогает горожанам привозить с базара кое-какие товары, и за эту свою работу, разумеется, не берет никакой платы.

Так было с соседом Есентаем, но здесь, в доме старика Кемалья, милиционеры долго не выходили наружу. И вдруг послышался шум и грохот. Старик Кемаль в приступе ярости выскочил в расстегнутой рубашке, полы которой не были заправлены в брюки и, рыча, стал рвать в клочья свои немногочисленные швейные заказы. «Бахчисарай, Бахчисарай!» – ревело над толпой то ли с небес, то ли со стороны домика Кемалья. Тихая старушка Ани беззвучно плакала, заслоняла своего обезумевшего старика то от молоденького милиционера, то от любопытных взоров толпы.

Вдруг старик выбежал на улицу с большой атласной подушкой, на которой были искусно вышиты китайским способом два дракона, похожих на две змеи, которые обвивали своими телами друг друга.

– Бахчисарай, Бахчисарай! Я и есть третья змея, меня могут спасти только камни Бахчисарая, – закричал старик по-татарски, брызжа изо рта эпилептической пеной. Он зубами разгрыз подушку, и птичий пух взметнулся над толпой, и стал медленно кружиться над милиционерами, над старушкой Ани, над стариком Кемалем, который трясся в конвульсиях.

Вскоре приехали какие-то люди в темных халатах, которые связали старика и увезли на своей машине, напоминающий милицейский воронок.

А через два дня старик Кемаль умер в психиатрической больнице. Говорят, что от приступа астмы.

Хоронили его по-восточному. Пришли местные татары и соседи из близлежащих домов. Есентай на своей телеге, застланной единственным ковром из дома старушки Ани, отвез покойного в мечеть, что была возле базара, а затем, из мечети, повезли старика Кемалья на татарское кладбище. А этот ковер я потом часто видел в доме Есентая. На сорок дней приехало много родственников из Ташкента, с которыми должна была уехать старушка Ани, ждали даже кого-то из самого Симферополя, но не дождались. Отец тоже пошел на поминки, я увязался за ним. И когда мулла пел арабскую молитву, я почему-то в такт ему невольно начал бормотать:

– Бахчисарай, Бахчисарай!

2002 г.

Заморский гость

В канун банного дня все замерли в нетерпеливом ожидании. Предбанник, где висели они над пустыми тазами и шайками, впитывал в свое полутемное пространство смесь запахов просушенной листвы. Невидимые флюиды своими потоками рождали в каждом из них молчаливые воспоминания о прошлой их жизни в лесу или на опушке, когда каждый еще молодой листочек вносил неповторимую нотку в неясный шум, в приглушенную мелодию смешанного леса.

Листья березы имели свой непрехотливый запах. Высушенные с прошлого лета, они еще сохраняли бурый, зеленый цвет, затаив в каждой прожилке неистребимую тягу к жизни. Слегка скрюченные листья враз выпрямлялись в горячей воде таза, набухали и вновь цепко держались за свои темно-коричневые ветки. Распаренная листва отдавала свой сохраненный цвет воде и спустя некоторое время готова была к своему конечному назначению – самоистязанию человека в парилке.

Разумеется, березовый веник с высушенными листьями во многом отличался от своего собрата – молодого березового веника; только что срезанного с дерева. И листья этого молодого веника были полны липкого лиственного сока. Вперемежку с сережками эти листья вносили неповторимый аромат после распара в горячей воде и затем, во время самой парной, этот веник неистово гулял по всему телу в клубах мокрого пара, и все тело, истосковавшееся за неделю по этому священнодействию, покрывалось липкой слизью молодой листвы вперемежку с мельчайшими пылинками сережек. И это состояние, и души и тела, окутываемое легким паром, приводило человека в блаженство, и он сомнамбулой располагался на дощатом настиле и, вдыхая запахи пареной древесины и листвы, забывал о том, где он находится, а если и помнил, то ни в какую не желал выходить и из парной, и из этого состояния небытия.

Веником же со старыми, высушенными березовыми листьями можно и надо истязать себя до умопомрачения, выбивая и из себя, и, в какой-то степени, из веника надвигающуюся старость и усталость прошедшего недельного существования. Это так называемый тяжелый пар. После такого истязания следует прочь бежать из парной, бросив разодранный веник с осыпавшимися листьями, и если есть такая возможность, нырнуть в прорубь, когда зима, или в холодную запруду, когда лето, и забыть на несколько мгновений обо всем, чтобы, фыркая и чертыхаясь, выйти из воды и вновь идти в зияющий раскрытой пастью предбанник, а затем, отдышавшись, взяв новый веник, истязать себя, хлестать от пяток и до лопаток, и снова, и снова от спины до ног, издавая нечеловеческие возгласы и всхлипы.

Листья липы никогда не затеряются среди листьев березы или же дуба. И это во многом благодаря их тонкому аромату, замешанному и на засушенных цветах этого благоухающего растения. Небольшие и неказистые на вид эти сухие цветочки теряются среди буйной липовой листвы. И стоит липовый веник ошпарить крутым кипятком, как вся парная наполняется терпким запахом, словно ты идешь по аллее поздним майским вечером, идешь, опьяненный этим запахом и ароматом лип.

Липовый веник, настоявшись на пару и воде, обязательно передаст свои лечебные свойства утомленному и распаренному телу, которое, после парилки этим веником, как бы выделяет необъяснимый мускус, замешанный на липовом нектаре, слизистая влага которого обволакивает все твоё тело. И париться липовым веником надо не слишком жестко, как говорят, без остервенения, одновременно проводя своеобразную ингаляцию верхних дыхательных путей, а если попросту, вдыхать весь этот парной аромат полной грудью и выдыхать через нос, попеременно закрывая то правую, то левую ноздрю.

Иногда ветки липы скрепляют вперемежку с ветками березы и получается своеобразный симбиоз. Более жесткие и крепкие ветви березы переживут короткий век липы, однако ее аромат оживает и после смерти, но уже среди ветвей березы.

Дубовые листья характерны своим приглушенным жестяным звуком, но это когда они сухие и угрюмо ждут своего часа. А когда эти широкопалые листья погружены в горячую воду, то в них спустя время прекращается этот скрежет, и они уже в образе большого дубового веника готовы всей своей разлапистой формой покрыть почти всю поверхность твоего торса. Дубовым веником хорошо париться в глубокие зимние вечера. И еще лучше, если твой напарник, а не ты сам, хлещет этим веником тебя, а ты возлежишь и чувствуешь всем своим нетерпеливым телом, как дубовый веник бродит по твоей расслабленной спине, и не быстро, а не спеша бродит, и с небольшими паузами твой напарник выдерживает его на твоей спине и вновь бьет не спеша, как водится при таком святом деле, с оттягом.

Есть еще солодковые, полынные веники и небольшие веники из пучков хвои. Они все предназначены для насыщения соответствующим ароматом и благородным духом парную, а не для выбивания хвори и усталости из твоего бренного тела.

Некоторые банные фанаты используют летом веник из свежесрубленной крапивы, замочив ее предварительно в холодной воде. Ошпарив себя в буквальном смысле этим веником, они стремглав выбегают из парной и с разбега бросаются в холодную заправу, остуживая таким образом появившиеся волдыри. Но это, так сказать, из области запредельного мазохизма.

Вот так каждый из этих видов веников имел свои достоинства и недостатки, как и любой живой или же неодушевленный предмет в мире. И сейчас они все висели вдоль стены предбанника в ожидании своего часа, когда завершив банно-парильный акт, кого-то из них наполовину облезшего, потерявшего все свои листья, ради которых их и заготавливали впрок, оставшегося завершать свое существование на дощатом настиле пола, с которого их в тот же вечер уберет и выбросит за дальнюю околицу хозяйка или хозяин бани.

И каждый из них по своему проводит своего собрата в последний путь. Липа с березой всплакнут, слегка выдавая плач своеобразным ароматом своей еще ничем и никем не тронутой листвы. Дуб угрюмо прошелестит жестяным скрежетом и вновь погрузится в глубокий сон до следующего банного дня в конце недели.

И только случайный листочек липы или березы, упавший на чистый настил, быть может, кому-нибудь напомнит, что здесь, в предбаннике, находятся удивительные, почти живые существа, вырванные рукой человека из царства природы.

II

Компания завсегдатаев этой бани была относительно разношерстной по возрасту и по профессиям. Академик-математик, Алексей Тимофеевич, которому было за восемьдесят, а также академик-металлург Аян Акишевич. Бывший работник министерства рыбного хозяйства Григорий Семенович, его все уважительно называли Рыбаком, преподаватель железнодорожного института Казбек, который также имел титул Почетный железнодорожник, Арсен, в недавнем прошлом летчик, а ныне бизнесмен. А главой и заправилкой был кадровый военный, полковник запаса дядя Леня, он и собрал эту компанию и договорился с одной спортивной и полувоенизированной организацией, чтобы раз в неделю, ранним утром или поздним вечером, им разрешали посещать эту баню с условием – все содержать в чистоте и порядке. Дядя Леня по военному устанавливал дежурного по бане, в обязанности которого входило подготовить парную, распарить веники, а самое главное – принести с собой кое-какую закуску и рыбку к пиву, а иногда по праздникам и более горячительные напитки. Обычно уже в четверг дядя Леня обзванивал в первую очередь будущего дежурного по бане, а затем всех других завсегдатаев, заодно вносил коррективы в предстоящее мероприятие, которое, как уже повелось издавна, проходило или ранним субботним утром или глубоким вечером в пятницу.

Бизнесмен Арсен всегда удивлял других старожилов каким-нибудь диковинным продуктом, и не только когда дежурил. То однажды принес, еще на заре рыночных отношений, целую дюжину баночного пива, которое не всем пришлось по вкусу, ибо всегда отдавали предпочтение жигулевскому или шахтерскому пиву в темных стеклянных бутылках. А однажды привез из бизнес-тура необыкновенную бутылку текилы и начал учить присутствующих пить ее по-мексикански, слегка заедая горсточкой соли. И это также не прижилось и не понравилось почтенной публике, которая, после очередного захода в парную, облачившись в простыни, словно в тогу, восседала за деревянным столом и предпочитала русский национальный напиток, то бишь элементарную и ничем незаменимую водку, а никакую не текилу, после которой тянуло не в парную, а в более скромное отхожее место.

Дежурный должен и обязан подготовить парную по высшему разряду, как любил говаривать дядя Леня. Он и принимал от дежурного результат его работы и имел негласное право первого входа в парную. Полок должен быть тщательно вымыт водой из шланга, затем основательно пропарен, прогрет, как и все пространство парной, дощатый настил должен также быть чистым, чтобы ни одного листочка липы, березы или дуба от прошлого банного дня не затерялось среди проемов деревянного настила.

От участия дежурного освобождались академики, разумеется, в силу их научного взгляда и почтенного возраста. И когда все располагались, блаженствуя, кто на самом верху, кто пониже, а кто в самом низу, в зависимости от возможностей сердечного состояния, тогда дядя Леня изрекал:

– Можно еще чуть-чуть поддать...

И дежурный, заноса пол-шайки холодной воды, литровым ковшом зачерпывал воду, опрокидывал ее на раскаленные камни, не забывая при этом положить на эти камни несколько веточек хвои или полыни. И их благоухание придавало всему этому действию более умиротворенный лад. Высший разряд заключался в том, чтобы исходящий от камней пар был невидим, ибо его, этот пар, надо не видеть, но чувствовать всем своим телом.

Затем предлагались веники по интересам. Кому березовый, кому липовый, а кому дубовый. И каждый выбирал, исходя из своего состояния души и тела. Если прихварывал, то предпочитал липу, а затем переходил на березу, и в довершении парился дубовым веником. Если желал выбить из себя вчерашний хмель, то пользовался до изнеможения только березовым веником.

После многократного захода в парную, все садились за трапезу. И первый тост всегда был за академиком Алексеем Тимофеевичем, а главным тамадой-распорядителем пиршества являлся дядя Леня и помогали ему в этом ритуале Почетный железнодорожник и Рыбак.

А дежурный после трапезы убирал со стола и парную. Поднимал настил, промывал его, затем подметал, собирая в кучу остатки веников. И вся компания покидала баню, выключив свет. И в полумраке оставшиеся неиспользованными веники продолжали висеть на стене предбанника. Липа с березой продолжали как бы пререкаться между собой, изредка роняя листочки на пол, а дуб угрюмо молчал, чуть шевеля своими широкопальными листьями.

III

– Да-а, в бане веник дороже денег, – зажмурив глаза от удовольствия, с наслаждением произнес крылатую фразу Рыбак, поудобнее устраиваясь за дощатым столом.

– Парься – не ожгись, поддавай – не опались, с полки не свались, – в тон ему шутливо ответил приказкой академик Алексей Тимофеевич.

Все были в приподнятом настроении и отдыхали в предбаннике после очередного захода в парную. Кто пил чай с вареньем, а кто пиво с воблой, которую, отбив от чешуи, дежурный нарезал на небольшие дольки.

– А вы знаете? – начал свои воспоминания из прошлой военной жизни дядя Леня. – Когда я служил на Марах, то нам откуда-то из оазиса привозили можжевельные веники. В нем есть какие-то смолистые вещества, которые увеличивают кровообращение в мышцах. И этот веник хорош для своеобразного массажа при болях в позвоночнике и радикулите...

– А в Сибири, где я работал, – заметил Почетный железнодорожник, – славится пихтовый веник, особенно зимой, когда одно удовольствие на всю округу – баня.

– Каждый веник чем-то полезен, – резонно изрек академик Аян Акишевич. – Вот например, при простуде ольховый веник полезен? – полезен. Липовый веник полезен? – слов нет, ибо ему нет равных. А еще липовый веник прекрасно устраняет головную боль и успокаивает организм.

– Березовый веник помогает при боли, ломоте в мышцах и суставах, улучшает настроение, – с академическим педантизмом, как бы читая лекцию, заключил Алексей Тимофеевич и, очнувшись от своих дум, с улыбкой добавил: – Вот почему после такой бани очень легко дышится. Для астматиков и курильщиков березовый веник весьма незаменим.

– А дуб? Дуб? – словно находясь на ученом совете начал с ним спорить Аян Акишевич. – Дубовый веник больше подходит для людей с жирной кожей. Он делает ее матовой и упругой, оказывает сильное противовоспалительное действие. Аромат дуба препятствует чрезмерному повышению артериального давления в парной. К тому же дубовый веник успокаивает нервную систему.

– Банная процедура с парением – это целая наука, – вмешался в спор академиков дядя Леня. – Я где-то прочел целый устав парильщика. Вот его основные правила:

– не торопиться, наибольшее удовольствие от бани – когда можно не спеша, несколько раз зайти в парилку с короткими интервалами отдыха, в конце – продолжительный отдых;

– избегать парения в плохом состоянии, нездоровым;

– не заходить в баню сразу после еды, а тем более, нетрезвым;

– снять все украшения, часы, очки;

– не курить и меньше двигаться;

– не поливать камни во время первого захода и не усердствовать ковшиком впоследствии.

Если контраст доставляет удовольствие, в промежутках между заходами в парилку принять душ,

окупнуться в холодную воду или покататься в снегу; короткий отдых более важен, чем контраст;
- подниматься на полку ближе к потолку, чтобы сильнее прогреться, и спускаться вниз, чтобы остыть;

- остывать после бани не менее двадцати минут. За это время принять душ;

- не вытираться полотенцем, воздух высушит кожу, пока остываешь...

- Да, который день паришься, тот день не старишься, – вспомнил былую присказку Рыбак.

– Вот вы сейчас зачитали правила парильщика, но есть еще правила пользования веником. К примеру, что такое похлестывание? Похлестывание – это когда веник поднимают вверх, захватывают им горячий воздух и делают несколько похлестываний по всем частям тела, сочетая эту процедуру с компрессом – это когда веник прижимают к себе на пять-десять секунд. Есть еще один из приемов – опаживание – слегка взмахивая веником, едва прикасайтесь к телу, несколько раз пройдите вдоль тела от ног до головы и обратно с обоих боков. При этом ощущается приятный горячий ветерок...

Рыбак окинул взглядом окружающих и продолжил свою оду процессу парения.

– Если требуется прогреть тело сильнее, периодически поднимайте веник вверх, где воздух жарче и потряхивайте им. Нагретый веник прижимайте то к пояснице, то к лопаткам, то к стопам и коленным суставам. Если на полке очень горячо, то остужайте временами веник, погружая в воду. А затем растирайте этим веником все тело. И этот массаж ничем не хуже, когда просто бьешь себя веником. Недаром говорят, что париться надо «по науке»...

– Абсолютно с вами согласен, – вмешался Почетный железнодорожник, – мы хвойный веник используем только для аромата, но если его запарить минут на десять в крутом кипятке, то он станет мягким и можно им париться также, как березовым и дубовым веником.

– А какие еще есть веники?

Этот вопрос Арсена повис в воздухе, ибо все уже были одеты и, блаженствуя, выходили из бани.

IV

Однажды Арсен в свое дежурство принес с собой необычный веник, завернутый в газету, которая в корне отличалась своим набранным шрифтом, и он был близок по конфигурации не то грузинскому, не то армянскому, а может быть, даже арабскому. Никто из присутствующих в этом особо не разбирался, да и суть была не в самой газете, а в том, что находилось в ней, в венике, необычность которого заключалась в удлинённых листьях, и в форме необычных ветвей, а самое главное – в утонченном аромате и благоухании, исходящим от него.

– Эвкалипт! – с чувством собственного достоинства произнес Арсен, обводя взглядом победителя окружающих, ибо он всегда хотел поразить своих именитых друзей чем-то таким необычным и дикийным, чего не было в местных краях. И все эти попытки были в рамках только проведения трапезы, и то не все завсегдатаи оценивали это по достоинству кодекса бизнесмена. А по части веников вообще и в частности для Арсена эта тема была в какой-то степени недоступной, если не сказать запретной.

Эвкалиптовый веник благоухал еще всухую, то есть, как только развернули газету. А когда Арсен ошпарил его крутым кипятком, то заморские благовония, о которых только читали, начиная со сказок «Тысяча и одной ночи», враз заполнили пространство парной.

Дядя Лёня, чувствуя, что инициатива уплывает из его рук, словно невидимый пар этого заморского гостя, изрек:

– Ну, зачем так сразу?! Надо потихоньку, чтобы не весь запал вышел.

И взяв из рук возбужденного Арсена эвкалиптовый веник, начал постепенно погружать его в горячую воду, попеременно поворачивая его, чтобы каждый листочек посредством воды отдавал свои испарения на пользу общего парного действия.

Все с нетерпением ожидали предстоящей парилки и находились уже в небывалом доселе предвкушении, когда к их плечам, торсам и голеням с манящим замахом начнет прикасаться этот заморский веник, с каждым разом усиливая эти божественные движения, и после каждого взмаха очередная волна флюидов неизведанных, но прекрасных запахов покрывала полку и витала над головами парившихся аборигенов. Арсену было приятно до глубины души, что наконец-то он, бизнесмен, покорила сердца своих именитых знакомых. Если путь к сердцу мужчины идет, как говорят, через желудок, то путь к сердцу завсегдатая парной лежит через веник, и только посредством его, веника, можно и найти невидимые ключи к его утомленной, но просветленной душе. Арсен чувствовал

себя не только в центре всеобщего внимания, он, как любой добропорядочный бизнесмен, как бы проводил своеобразную акцию меценатства, в результате которой были покорены гордые сердца старожилов этой бани. И он, благодаря этому венику, который подарили его друзья на Кавказе, нашел эти самые невидимые ключи к этим жаждущим воспарить душам, ибо пришли они, наконец, в одухотворенную гармонию с бранным телом, а точнее их тела слились воедино с их душами. И это все произошло отчасти благодаря эвкалиптовому венику, который привез Арсен из Кавказа.

У многих по привычке рука потянулась то к березе, то к липе, то к дубу. Но вновь и вновь они как бы становились в очередь к диковинному заморскому эвкалипту, которым то дядя Леня слегка потряхивал над жаждущим неземного блаженства телом, то Арсен истязал и веник, и себя, и окружающих, выбивая местный дух из тела и очередные благовония из эвкалиптового веника.

Уже и от самого веника осталось, можно сказать, одно название, но Рыбак и два академика по веточке собрали весь уже распотрошенный эвкалипт, и, завернув в ту же самую газету, оставили до следующей субботы по соседству с липой, березой и дубом.

V

В предбаннике некоторое время стояло гнетущее молчание, наполненное возмущенными запахами липы и березы, им отчасти поддакивали пучками своего бытия солодка, полынь и хвоя. И только дуб угрюмо молчал, погруженный в свою невозмутимую дремоту.

– Нас уже не признают, – первой взвизгнула липа, обдав своих соседей всеми парами своего негодования.

– Ну, конечно, конечно, они еще вернуться к моим сережкам, – в тон липе прошелестела береза и обронила два-три листочка со своей нетронутой недавней парной связи.

– А мы-то, мы-то, – загалдели солодка, полынь и хвоя, – мы так ждали, чтобы отдать свои терпкие запахи.

Дуб чуть пошевелил широкими листьями и вновь ушел в спячку, и было непонятно, то ли одобряет он их, то ли нет.

Но все эти запахи негодования и возмущения заглушало единственное и неповторимое благоухание эвкалипта. Расположенный на дощатой полке, что находилась под висящими вениками, эвкалипт изливал чуть горчащий, тончайший аромат своих слез, словно бы заглушал тоску по далеким заморским странам, тоску по тем местам, где он родился и вырос, где была его родина. И этот аромат его невидимых слез, возможно, в силу того, что они были искренни, забивал собой все выражения недовольства липы и березы. Дуб в силу своей природной мудрости понимал это, ибо дуб все-таки видел нынешнее состояние эвкалипта, и не его вина, что люди сегодня отдали предпочтение этому заморскому гостю. Дуб чувствовал это, а потому и молчал, угрюмо сопя в свои широкопалые листья.

VI

А спустя неделю все вновь собрались ранним утром в предбаннике. Дядя Леня, как всегда, отдавал распоряжения. Дежурный готовил парную по высшему разряду. Когда дошла очередь до эвкалиптового веника, а вернее до того, что от него осталось, то все были удивлены и обескуражены тем, что мифические благоухания, к глубокому сожалению присутствующих, исчезли, словно испарились, без запаха и аромата, не доходя до парной. Как ни пробовали оживить этот эвкалиптовый веник, и паром и крутым кипятком, все было впустую.

Только ободренные ветки напоминали о былом величии и, самое главное, в этих ветвях не было ни запаха, ни аромата. Мертв был этот эвкалиптовый веник. И превратился в неживой пучок веток, ибо вместе с былым ароматом вышла из его удлинненных листочков душа его, так щедро делившаяся с обитателями парной своим пряным запахом жизни, но, увы, нет отныне этой самой жизни среди омертвевших листьев и ветвей эвкалипта.

– М-да, – разочарованно произнес дядя Леня.

– Ну, что же, придется довольствоваться тем, что есть, – выразил мнение Почетный железнодорожник.

– Нет худа без добра, – резюмировали академики.

– Эка-липа эвкалипт-а, – сокрушался Рыбак.

И все потянулись – кто к липе, кто к березе, а кто – к дубу.

И, хотя они начали париться в привычном для себя русле, их расслабленные тела и души, нет-нет, да вспоминали об эвкалипте, его короткой, но благоуханной судьбе.

И никому из них было невдомек, что липа с березой при поддержке полыни, солодки и хвои в буквальном смысле задушили своими негодующими запахами аромат эвкалипта. Они всю неделю издевались над этим заморским гостем, разумеется, при молчаливом попустительстве дуба. Больше других исходила липа, ибо до глубины сердца было задето ее самолюбие, ее превосходство, когда она своим запахом заглушала притязания других веников. И произошел некий эффект природы, печальным исходом которого стало умерщвление эвкалипта.

И вновь завсегдатаи бани в зависимости от состояния сердца располагались – кто наверху, кто пониже, кто истязал себя березой и липой, а кто принимал удары дуба, да еще с оттягом. А функции ароматизатора брали на себя солодка, полынь и хвоя.

А после продолжительной парной все вновь восседали за дощатым столом и трапезничали. И во время разговора нет-нет, да мелькнут одна-две фразы об эвкалипте, об его божественном аромате, да в глазах Арсена вспыхнет бесовый огонек воспоминания о том, как подарили ему этот эвкалиптовый веник друзья на Кавказе и как кратка эта радость банного наслаждения.

А затем, вместе с мусором предбанника, вместе с другим прочим хламом, собрали и останки этого эвкалиптового веника и вынесли восвояси.

И вновь в предбаннике воцарилась идиллия ожидания. Липа и береза вновь были на высоте своего положения, а дуб так же, как всегда, угрюмо молчал, погруженный сном в свои широкопалые листья.

2006 г.

За хлебом

I

Мальчика послали за хлебом.

Обычно в магазин за продуктами, а значит, и за хлебом отправляли его сестер или старшего брата, подчеркивая тем самым, что у мальчика последнее свободное от домашних поручений лето перед школой, ибо мальчик этой осенью должен идти в первый класс. «Успеется еще ему помочь по дому», – ласково бурчала нянька, поручая купить молоко и хлеб кому-то другому, кто старше, но не мальчику, который с раннего утра только ему понятным чувством исследовал и постигал пространство широкого двора и огорода.

В темном сарае он видел, как солнечный луч, пробившись сквозь небольшое оконце, разделял сарай на видимую и невидимую части, светящимся прозрачным снопом ложился на земляной пол, вбирая в себя бесчисленное множество мелких былинки, которые невесомо плыли в пятнах льющегося света.

Петух, охраняя хохлаток в отсеке курятника, следил своим круглым неподвижным глазом за движениями мальчика. Алый гребень слегка свисал на его голове, готовый в любой момент воспрять в полутемном царстве сарая.

Мальчик вышел из сарая и направился к огороду, где в дальнем углу был колодец, в который опускали бидон с молоком, и поэтому молоко всегда было прохладным и вкусным. Горловину бидона покрывали марлей, а сам бидон с только что купленным молоком помещали в большое, широкое ведро на цепи. И это ведро, но уже с бидоном, осторожно опускали почти до воды колодца. Мальчик помогал домашним поднимать и опускать это ведро с молоком, крутя рукоять и наблюдая, как цепь ровными кольцами огибает бревно подъема, стянутое по краям железными ободами. Самым захватывающим было, когда мальчик вглядывался в темный сруб колодца и из его мрака, из прохладной глубины проступила зеркальная поверхность колодезной воды, и кто-то, похожий на него, мальчика, смотрел снизу вверх, отвечая на его возглас глубинным эхом:

– А-а-а-а!

– Вот ты где! – подошла к мальчику нянька. – Дома, как всегда, никого, а к ужину хлеба ни крошки. Вот тебе деньги, купишь буханку белого и буханку черного. Далеко не ходи, только в ларек, что через квартал.

Мальчик, обрадовавшись такому поручению, взял синюю пятирублевку, сетку-авоську в крупную клетку и потопал к воротам двора.

– Сдачу не забудь взять, – крикнула ему вдогонку нянька.

– Ладно!

Боковая дверь больших деревянных ворот со скрипом открылась и выпустила мальчика на улицу.

II

Улица имела название – Первого мая. Дома были все в один этаж, каркасно-камышитовые, саманные и деревянные, только там, вдали улицы едва виднелись двух- и трехэтажные постройки, а здесь дома все были с палисадниками, в которых росли клены и акации, закрывая своей листвой окна со ставнями. У каждого дома ставни имели свой цвет. У кого-то синие с белыми вырезами, у кого-то зеленые, а у некоторых домов и вовсе неокрашенные, имели деревянный, серый цвет.

Мальчик уже умел немного читать, правда, не вникая в смысл прочитанного. В его комнате висела большая географическая карта, старший брат показывал на карте ту или иную страну, а также острова, реки и моря. И называл их, заставляя мальчика повторять эти названия, а затем показывать на карте. Так мальчик научился переносить по буквам эти названия с карты на бумагу. Первым таким словом было слово «Мадагаскар», которое он по буквам перенес на бумагу. Впервые, этот остров очень легко было найти на карте, а во-вторых, он горделиво сопел носом, когда сестры хвалили его, что в этом слове целых десять букв и все их мальчик перенес на бумагу.

Первая, перекрестная – была улица Розы Люксембург. Мальчик остановился на перекрестке. Как его учил старший брат, оглянулся налево, а затем, дойдя до середины, оглянулся направо, машин, мотоциклов и запряженных телег не было, и мальчик спокойно перешел перекресток. Справа от него был большой бревенчатый дом. Там было общество глухонемых и по вечерам они собирались со всего города здесь, в этом доме, общаясь между собой жестами и мимикой. В этот дом два раза в неделю привозили кино. Для глухонемых, но со звуком. Это был единственный на всю округу своеобразный кинотеатр, который посещали и жители близлежащих домов. Мальчик в сопровождении брата также ходил. Правда, было тесно, не то, что в настоящем кинотеатре, в «Ударнике» или в «Колосе», всем мест не хватало, и ему приходилось сидеть на деревянном полу рядом со своими погодками, которые, как и он, пойдут этой осенью в школу.

Подойдя к ларьку, мальчик постучал в окошко. Оно открылось и тетя-продавец, считая на счетах, спросила:

– Тебе чего, мальчик?

– Мне одну буханку белого и одну буханку черного, – поднимаясь на цыпочки, чтобы дотянуться до окошка, произнес мальчик.

– Хлеб только черный, и то черствый, вчерашний, – отозвалась тетя-продавец.

– А что мне делать? – растерянно промолвил мальчик. – Мне сказали, купить черный и белый.

– Не знаю, мальчик, не знаю, – отмахнулась от него тетя-продавец. – Сходи на улицу Толстого. Туда должны завести вечерний, свежий.

Окошко захлопнулось. И мальчик оглянулся по сторонам, не зная, что делать.

Идти обратно: тогда на ужин в доме не будет хлеба. Пойти на улицу Толстого, конечно, можно. Это в двух кварталах отсюда, но нянька сказала – сходит только к ларьку.

Мальчик, размышляя, сам не заметил, что направляется туда, куда указала тетя-продавец.

Пройдя улицу Максима Горького, он увидел, как мулла в чалме, поднявшись на деревянный минарет мечети, окрашенный в голубой цвет, громко произносит какие-то слова, обходя кругом верхнюю площадку минарета-башни. При этом поднимает обе руки вверх, словно приветствует небо и солнце, которое уже стало клониться далеко за Иртыш.

Мечеть находилась на углу улиц Достоевского и Первого мая. Мальчик знал названия этих улиц потому, что не раз ходил с сестрами и братом в школу, где работала мама, на новогодний утренник, а также в кинотеатр «Ударник», чтобы не только посмотреть новый детский фильм, но и до сеанса полакомиться эскиммо-мороженым.

Школа, где работали родители, как раз и была на улице Толстого, куда должны привезти в хлебный магазин вечерний хлеб.

Проходя мимо мечети, мальчик оглянулся на закрытые наглухо ворота. Мальчик вспом-

нил, что по улице Первого мая, на этот самый праздник, в честь которого и названа улица, всегда вывешивались красные флаги, которые крепились к деревянным воротам домов. Брат объяснял мальчику, что больше всех флагов развешивается именно на нашей улице потому, что она и называется улицей Первого мая. А отец этой весной впервые взял мальчика на демонстрацию. Мама надела на него матроску и в руки дала красный бумажный цветок. Когда мальчик с отцом проходили мимо этой мечети, то повстречали несколько стариков, с каждым из которых отец поздоровался, протягивая две руки. Тогда на воротах мечети также развешивался красный флаг.

Отец, улыбаясь, попросил позвать самого главного муллу этой мечети. Вышел высокий, худой старик с седой бородой, в халате и в чалме, похожий на Старика Хоттабыча. Отец, показывая на развешиваемый флаг, стал что-то объяснять старику. Старик утвердительно кивал головой, прикладывая две руки к груди. А когда мальчик возвращался с отцом после Первомайской демонстрации, то развешиваемого флага на воротах мечети уже не было. На вопрос мальчика, почему сняли флаг, отец, чему-то улыбаясь, ответил:

– Так надо, сынок...

Следующей после улицы Достоевского и была улица Толстого. А за этой улицей был базар, а дальше горсад, где были различные аттракционы – карусели, качели и киоски с морсом, мороженым и пирожными.

А на улице Толстого, напротив хлебного магазина, была парикмахерская, куда водили его усадые дядьки, приехавшие в их дом из далекого степного аула. Они, конечно, брали его на базар, где долго ходили вместе с ним по торговым рядам и закусочным, но заходили, весело смеясь в усы, и в эту самую парикмахерскую, и брили наголо свои головы, и силком усаживали его, мальчика, в кресло, держа за руки, он кричал и ревел, когда суровый парикмахер ручной машинкой стриг его жесткие волосы.

Правда, это было один только раз, но мальчик запомнил это навсегда и больше не стригся, несмотря ни на какие уговоры. А нянька пригрозила, что перед школой его обязательно постригут. Даже не постригут, сказала она, а обязательно обреют!

Ну, до школы еще далеко, и мальчик, помахивая сеткой-авоськой, направился в сторону хлебного магазина.

– Ай, мұғалім баласы, отыр!

Мальчик оглянулся.

Сосед Есентай, сидя на телеге, кнутом подзывал к себе мальчика. Лошадь, фыркнув, понуро остановилась. Мальчик кивком головы поздоровался с соседом Есентаем, улыбаясь, подбежал к телеге и, держась за заднее колесо, вскарабкался и сел позади возничего.

Сосед Есентай дернул одной рукой вожжи, а другой чуть хлестнул кнутом коня:

– Чу!

Телега, поднимая пыль, покатила в сторону базара.

Деревянная нога Есентая удобно покоилась вдоль телеги. Мальчик знал из рассказов родителей и соседей, что сосед Есентай воевал, и там, на войне, потерял ногу. Он единственный во всей округе имел лошадь и телегу, и по вечерам, к концу базарного дня, привозил к себе во двор какие-то мешки, то с мукой, то с картошкой.

Мальчик, весело помахивая сеткой-авоськой и болтая ногами, глядел на проплывающие мимо дома, прислушиваясь к скрипу тележных колес, которые сливались с тактом ровной ходьбы лошади.

– Қайда бара жатырсың? – спросил по-казахски сосед Есентай, дымя папиросой и кивая на сетку-авоську, добавил – Нанға?

Мальчик утвердительно кивнул головой и, видя, что одна его сандалия слетела с ноги, попросил остановиться.

Сосед Есентай остановил коня и, усмехаясь в усы, стал наблюдать, как мальчик, держась за колесо, пытается спрыгнуть с телеги. Наконец, это ему удалось и он надел свою сандалию.

– Спасибо!

– Ай, қазақша сөйле, рақмет де!

– Рахмет, дядя Есентай, – бойко ответил мальчик и помахал рукой.

iii

Хлеб еще не привезли. Несколько человек стояли у входа в магазин, в ожидании вечернего привоза хлеба.

Мальчик занял очередь за пожилой женщиной, которая о чем-то толковала с мужчиной. Она кивнула и сказала:

– Я крайняя. Будешь за мной. Толька никуда не отходи, дождись, чтобы за тобой заняли.

И добавила с улыбкой:

– Такой маленький, а уже помощник в доме.

Мальчик вздохнул, вспомнив наказ няньки, и устоял на буквы витрины – «Нан – хлеб», словно ища незнакомые буквы, но все они были известны мальчику. Он уже знал со слов старшего брата, что черточка означает начало перевода слова на русский язык, и наоборот, а значит «Нан» – это хлеб по-казахски.

За мальчиком заняла очередь молодая женщина, он ответил ей, что стоит за той женщиной, которая разговаривает с мужчиной. И тут мальчик почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Мальчик оглянулся и увидел отца, который, улыбаясь, долго смотрел на него из-под слегка надвинутой на глаза шляпы.

Мальчик подбежал к отцу и, обняв его за ноги, стал торопливо рассказывать – почему и за чем он здесь.

Отец держал какой-то сверток в руке и, продолжая улыбаться, остановил нескончаемый поток слов мальчика:

– Начни с того, что вначале вышел из дома. Как я тебя учил.

– Да, вначале я вышел из дома. Нет, вначале няня сказала, чтобы я купил в ларьке хлеб – буханку белого и буханку черного, а потом только вышел из дома.

– А потом?

– А потом... В ларьке хлеба не было, нет, был, но только черный и черствый, вчерашний. Так сказала тетя-продавец, она сказала, что в этот магазин привезут вечерний. Вот я и жду.

Отец придирчиво осмотрел мальчика, видя, что сандалии надеты на босые ноги, штанишки, поддерживаемые лямками крест на крест, были не первой свежести, да и ситцевая рубашка с короткими рукавами оставляя желать лучшего. Он вновь улыбнулся, потрепал жесткие волосы своего сына и сказал:

– Пойдешь со мной.

– А хлеб? Его же еще не привезли.

– На обратном пути возьмем.

Отец что-то сказал женщине, за которой стоял мальчик, и они через пустеющий базар пошли в сторону городского сада.

В горсаде было многолюдно. Звучала музыка из репродукторов, а затем чей-то голос стал настойчиво приглашать всех в летний театр, на какую-то встречу.

Отец, держа за руку мальчика, уверенно повел сквозь людской поток куда-то вглубь городского сада.

Мальчик, оглядываясь, видел, что карусели и детские качели не работали. И все люди спешат на какую-то встречу куда-то по аллее, ведущей к летнему театру.

Отец сел в первом ряду, усадив рядом мальчика. Многие здоровались с отцом, о чем-то с ним разговаривали, затем все начали хлопать в ладоши. Все люди встали со своих мест, стуча откинутыми сиденьями, и продолжали хлопать, пока на сцену не вышел человек в зеленом костюме. Он улыбнулся и передал свою шляпу кому-то из тех, кто пришел вместе с ним. Шляпа была такая же легкая, как у отца, только светлее.

Люди стали рассаживаться по своим скамьям, а кому не хватило мест, стояли у прохода и по краям сцены. Человек стал о чем-то долго и увлеченно рассказывать.

Мальчик вначале слушал, хлопал вместе со всеми, а затем, поглядывая на наручные часы отца, стал ерзать, беспокоясь, что весь вечерний хлеб продадут и им с отцом ничего не достанется.

Отец, продолжая слушать, второпях объяснил мальчику, что этот человек – очень известный писатель и большая для него радость встретиться с ним.

Мальчик вздохнул и продолжал терпеливо ждать конца этой встречи.

Многие люди задавали какие-то вопросы и писатель охотно и увлеченно отвечал, вызывая

одобрительные возгласы собравшегося народа. И люди вновь хлопали и не отпускали писателя.

После встречи все, кто был в городском саду, стали давать писателю книги, которые он подписывал, спрашивая имя и фамилию читателя.

Отец тоже развернул сверток и мальчик увидел книгу, на обложке которой прочел слово «Абай», и отец, держа его за руку, подошел к писателю.

Мальчик, не вникая в то, о чем спрашивал писатель отца, начал считать количество пуговиц на костюме писателя и отца. Их число было равным – по две на костюме и по три маленьких на рукавах.

– Тебя спрашивают, чем так озабочен? – слегка подтолкнул мальчика отец.

– Хлеб закончится в магазине, – серьезно ответил мальчик, вызвав тем самым смех и улыбку писателя и отца.

Писатель погладил по опаленной жарким июньским солнцем макушке мальчика и вручил только что подписанную книгу.

Мальчик положил эту книгу в сетку-авоську и стал торопить и тянуть отца к выходу из городского сада.

На углу улиц Первого мая и Толстого мальчик сказал отцу, чтобы он подождал его, а сам побежал в хлебный магазин и вскоре вернулся в радостном возбуждении, держа две свежие буханки хлеба – белого и черного.

В сетке-авоське, которую терпеливо нес мальчик, покоились две буханки хлеба, белого и черного, а также книга, пахнущая еще не ушедшей типографской краской, запах которой перебивал душистый и ароматный запах вечернего хлеба. Когда мальчику становилось тяжело нести сетку в одной руке, он перекидывал ее в другую, перебегая к отцу слева направо, и вновь нес свою поклажу, держась за твердую руку отца, который, глядя сверху на него из-под шляпы, слегка посмеиваясь над мальчиком, иногда спрашивал:

– Не тяжело?

– Нет.

– Может, помочь?

– Нет, не надо, я сам.

И отец вновь погружался в свои мысли, все еще находясь под впечатлением этой незабываемой встречи.

У ворот их дома стояла нянька, вглядываясь из-под руки вдаль улицы.

– Что, Евдокия Михайловна, заждались нас с сыном? – спросил отец. – А мы с хлебом, и с книгой.

– Да я уже к ларьку бегала. Продавщица сказала, что видела нашего кормильца и что он пошел аж на Толстого. Все уже дома, а его нет и нет, – целуя мальчика, успокоилась нянька.

Жаркое солнце июня опускало свой красный, багровый шар за реку Иртыш, окрашивая его вечные воды волнами заката. И в доме мальчика собралась вся семья – отец и мать, братья и сестры, няня. И был душистый, вечерний хлеб, белый и черный, и была книга писателя, которую отец плавно и певуче уже читал вслух маме, подчеркивая интонацией самые примечательные места. И ждала мальчика карта, что висела над его кроватью, ждала своими странами, морями и океанами.

И мальчик вновь, перескакивая с первое на десятое, рассказывал родным и близким обо всем, что с ним сегодня произошло. И отец мальчика, вновь улыбаясь, мягким жестом остановил мальчика:

– Мен сені калай үйреттім? (как я тебя учил?) Әуелі сен үйден шықтың (вначале ты вышел из дома).

– Да, отец, вначале я вышел из дома...

* * *

Прошли годы и десятилетия. Мальчик стал поэтом, писателем, издателем. Вышло много книг мальчика. В разных странах и на разных континентах. Он и сам побывал во многих странах, даже в тех, которых он не видел на карте своего далекого детства.

И когда он получает из типографии очередной том полного собрания сочинений гения казахской словесности, писателя, на встречу с которым повел мальчика отец, он, сквозь свежую типографскую краску, всегда ощущает ничем неистребимый душистый аромат хлеба из далекого и незабываемого детства.

2009 г.

Куранты небес

Ожидание прихода Нового года, ощущение приближения праздника всегда дороже самого праздника, когда шестеренки снежинок, плавно плывущие из бездны небес, вращают колеса времени, все безвозвратно ускоряя, и после хрустального звона фужеров вдруг осознаешь и понимаешь, что снежинки также падают, как и полчаса назад, но это уже снежинки нового года, а не вчерашние, имя которым – прошлогодние снежинки, осевшие рыхлым снежным настом над нашим прошлым, да и сами они уже олицетворяют некое прошлое наше существование. И вновь у нас – только память о прошлом и мечты о будущем, а самого настоящего нет и в помине, ибо оно, настоящее, ежесекундно переходит в прошлое. Это все в буднях незаметно и незначительно, это все объемно, осязаемо и выпукло только в последние часы и минуты уходящего года.

I

Я ехал в электричке до аэропорта Домодедово, чтобы встретить вечерний рейс из Алма-Аты. Где-то в районе Чертаново возникли подобного рода мысли. И я понимал, глядя на сумрачное подмосковное небо с легким полетом снежинок, что завтра будет все также зябко и монотонно, несмотря на то, что к дате от Рождества Христова прибавится еще одна единица.

Тем не менее, ехал в электричке, экономя свои кровные на обратное такси, ибо прилетает Она и я еду встречать Ее.

Я уже почти месяц нахожусь в белокаменной. Моя рукопись каким-то образом попала в план издательства «Молодая гвардия» и я сейчас вместе с редактором завершаю последнюю правку перед сдачей в производство. Это моя первая книга в Москве. Потому здесь так долго я и нахожусь. Постоянные посиделки в Центральном доме литераторов, и с редактором, и без него, в кругу друзей по Литинституту достаточно подточили мой финансовый ресурс в виде аванса от гонорара будущей книги. Но кое-что осталось и на встречу Нового года, и на новогодний подарок для моей Музы, которая кратко сообщила по телефону: – Буду 31-го, вечером, встречай. Рейс 505, Алма-Ата – Москва. Вот и еду встречать, заблаговременно сняв на неделю однокомнатную квартиру на ВДНХ, загрузив холодильник всякой всячиной из Елисеевского и бутербродами из Пестрого зала ЦДЛ. Вина – «Мурфатлар», «Гурджаани», коньяк «Плиска», водка «Сибирская». И все это венчают две бутылки «Советского шампанского» – брют.

Для неженатого молодого писателя, разумеется, соблазнов много в столице, на то она и столица нашей Родины – Москва. Но есть такое понятие, такой образ и символ, характерный и для поэта и для прозаика – Муза. Я, конечно, помню расхожий анекдот: у поэта – Муза, а у поэтессы – Музык. Но у меня Муза, и только Она, одна единственная. Ондатровая шапка, купленная через два телефонных звонка друзей-москвичей в ателье Литфонда, и есть новогодний подарок моей Музе. Да чтобы эта шапка не была пуста, в нее вложен флакон французских духов «Шанель», не помню какого номера, но прекрасно помню, что приобрел его по протекции корректора моей рукописи по чекам «Внешторга» в «Березке», разумеется, по тройному курсу так называемой твердой валюты.

Вот такие чисто прозаические мысли с надеждой на поэтические последствия вперемежку с псевдофилософскими воззрениями переполняли меня, когда электричка плавно подошла к конечному пункту следования.

Самолет прибыл с небольшим опозданием. И я встал у стойки выхода прилетевших пассажиров, вглядываясь в мелькающие лица, на которых была видна печать единой радости – прилетели до прихода Нового года; а, значит, будем встречать здесь, на семи холмах, а не там, в небе, среди холодных звезд и неизвестных светил.

А вот и она! Стройной козочкой, нет, грациозной ланью, в распахнутой короткой дубленке, с японским цветным платком на шее (без шапки, видимо, женская интуиция подсказала, что будет ей шапка, не мерзнуть же на заснеженных проспектах Москвы), в туго обтянутых джинсах, обозначающих приятные контуры всего того, что ниже пояса, и в легких сапожках на меху с невысоким каблукчком...

Что таится за всем этим одеянием, я не стал домысливать, ибо все это улетучилось среди снежинок небытия, когда она повисла на моей молодой писательской шее, которая уже привыкла носить на себе незаурядную голову, наполненную сонмом образов, сюжетных линий, начальных интриг и завершающих развязок, одним словом, всем тем, что именуется художественным производением, то бишь сутью писательского вымысла.

Обдав меня приятными благовониями района Тулебайки и Абая, она взглянула в мои глаза и, слегка смущаясь, шепнула:

- Вот и я...
- Здравствуй, Муза, здравствуй, душа моя!
- Сколько на твоих?
- Двадцать девятого.
- Ой, надо позвонить в Алма-Ату. Там же Новый год через сорок минут.

Мы быстро разыскали переговорный пункт и, звеня пятнашками, стали набирать код родного для нас южного города.

Через пять минут, поймав зеленоглазого коня под незабываемый предновогодний московский ветерок в снежинках, я сказал таксисту:

- С Новым годом, шеф! На ВДНХ!
- Пятерка сверху.
- Идет, шеф.

(Это значило, что пятнадцать по счетчику и пять рублей в довесок).

II

В салоне такси тепло и уютно. За боковым окном мелькали снежинки, а в лобовом было видно, как неслась вдоль дороги московская поземка.

На фоне кружащихся снежинок я видел ее отражение: упрямый лоб, правильный нос и чуть вздернутая верхняя губка над нежным подбородком.

– Жарко, – сказала она и расстегнула верхнюю пуговку синей кофточки, за легкой тканью которой чувствовалось и легкое дыхание ожидания.

Мало ли чего можно ожидать в предновогоднюю ночь, подумал я, когда машина вырвалась на Калужскую. И вблизи церкви на Коломенском она внезапно попросила таксиста остановиться:

- Все, у нас там Новый год, – показывая на свои часики, воскликнула она.
- Шеф, не торопись, мы выйдем на минутку.

– Под Новый год все торопятся, – пробурчал таксист. – Что ж, подожду. Мой дом на Рижской, так что, после вас, заеду к своим и встречу с ними, а потом опять до утра.

– Ничего, шеф, зато завтра по полной программе – и за Новый, и за Старый. Отгуляешь свое. Мы вышли из машины и отошли в сторонку.

– С нашим, алма-атинским Новым годом!

Я прижал к себе свою Музу, утонул в запахе ее густых волос, на которые падали едва видимые узоры снежинок и в одно мгновение превращались в капельки пара, сливаясь с нашим дыханием.

– А с чем встречаете? Без стопки вроде не того, – улыбнулся таксист, глядя на нас, чуть приоткрыв переднюю дверцу. – У меня лично «НЗ» всегда при себе.

Таксист показал бутылку белоголовой.

– У нас тоже при себе, – весело ответила Муза и достала из дорожной сумки бутылку коньяка «Казахстан», а также кусок казы и баурсаки.

– Саркыт 1 с алма-атинского стола, – пояснила она.

Коньяк на легком морозе прогрел все мое писательское нутро. Было легко и весело, ведь тебе едва только тридцать, и жизнь полна приятных ожиданий, а рядом с тобой, и только с тобой – вот она, твоя Муза.

– Не пей много, – потребовала она. – У нас еще вся ночь впереди.

Да, вся ночь, и не просто ночь, а ночь новогодняя, в отдельной московской квартире на двенадцатом этаже.

Когда подъехали к высотке, что напротив скульптуры Мухиной «Рабочий и Колхозница», я щедро расплатился с таксистом.

– Это вам, – сказала она, передавая початую бутылку коньяка. – Завтра выпьете и вспомните нас. С Новым годом!

– Ну что ж, спасибо. И вам хорошо провести Новый год.

«Волга» в клубах морозного пара мигнула красными огнями стоп-сигналов и оставила нас одних посреди площади на проспекте Мира.

III

Только женщина может накрыть изысканный стол из всех тех холостяцких припасов, что были в холодильнике.

Пока я протирал бутылки с минералкой и открывал соки, она ловко и умело расставила приборы, из двух-трех банок консервов печени трески и скумбрии или горбуши в масле соорудила салаты, добавив к ним квашеной капусты, а знаменитую русскую закуску – сельдь под луком в сочетании с вареной картошкой, оставила на потом, пока сварится эта самая картошка.

В довершение, национальные казы, карта и баурсаки придали нашему московскому новогоднему столу чисто восточный, алма-атинский шарм.

Я, уловив момент, надел ей на голову ондатровую шапку и галантно вручил флакон с духами.

– В Москве морозы и надо держать голову в тепле, – уклончиво промолвил я.

– А я и не подумала, что холодно, – рассмеялась она, довольная подарком.

Затем брызнула духами на колпачок и вдохнула:

– Да, фирма.

Надев чуть набекрень шапку-ушанку, она, «дыша духами и туманами», взглянула на свое отражение в темном московском окне:

– Ну, как?!

– Слов нет, Кыз Жибек в ожидании своего Тулегена, – в тон ее интонации ответил я.

– Ну, ладно, Тулеген, – отпарировала она. – Я пошла... в ванну. А ты... – она погрозила пальчиком, – не пей раньше времени. И включи телевизор.

Дверь в ванну захлопнулась, послышался гулкий шум и всплеск воды.

Я остался один в комнате, в некотором недоумении...

А до Нового года оставалось меньше часа, а если точнее – сорок три минуты.

А за дверью ванны был слышен шум воды и нежный, воркующий голосок моей Музы.

Я машинально стал размышлять, что выпить – водки или коньяка. И причем для поднятия тонуса две рюмки подряд, как говаривал классик русской литературы Антоша Чехонте.

Я подошел к темному проему окна. «Москву люблю в любое время года», – пропел я чью-то песенную строку.

«Не пей – козленочком станешь», – молвило мне мое же отражение.

«Не козленочком, а козлом отпущения этой новогодней ночи», – отвечало ему мое мрачное реальное «я». До Нового года без малого почти ничего, а она вздумала принять ванну. Что – только для ванны летела сюда почти пять часов из далекой Алма-Аты?

А из ванны уже доносилась плавная гармония женского напева и водяных струй.

Я выпил две рюмки подряд «Сибирской» и, продолжая «выдавливаться из себя раба» этой самой новогодней ночи, стал прислушиваться к синтезу своего внутреннего «я» с действием паров открытия Менделеева.

Водка медленно, но верно и незаменимо вносила свои коррективы в состояние моей мятущейся души.

«В Москве не будет больше снега, не будет снега никогда», – вспомнил я строку Межирова, глядя на пляску снежинок за московским окном. Почему не будет? – будет и всегда свежий и всегда неповторимый московский снег. Целая книга стихов поэта Сергея Мнацаканяна посвящена этому снегу. Она так и названа – «Снежная книга».

Странно, что у Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина, Абая, Ауэзова есть свои вечные образы снега, метели и зимы, думал я, а у Гоголя вроде бы нет. Как нет? А «Шинель»? В ней, может быть, и прячется образ петербургского снега. А «Вечера на хуторе»?..

Какие-то неясные силы загудели во мне. Как там, у Олжаса: – «Перемещаются во мне шары блаженства, подкатывает к горлу ком – знак совершенства». Но до совершенства моей души было еще ой как далеко, а до встречи Нового года всего ничего. Я тупо уставился в громаду лиц «Рабочего и Колхозницы», в серп и молот, взлетевшие над их головами.

Во мне гудел такой молот страсти, что без наковальни никакому серпу ее не скосить. И вообще, все, что мы пытаемся познать в женщине, разумеется, естественным путем своей страсти, давным-давно уже описано и в фольклоре, и у многих писателей и поэтов.

Я имею в виду настоящих творцов человеческих характеров и страстей, а не тех, у которых после заштампованной фразы о том, что она открыла ему душу и дверь или он взломал ее дверь и

открыл свою душу, остается элементарный фиговый лист в виде многоточия. А что там скрыто за этими самыми тремя точками меня всегда занимало и как читателя, и как обывателя.

Образы и картины роем кружились в моей голове. Как там, у еще молодого Набокова:

Как дочка мельника меньшая

Шла из воды, вся золотая,

С бородкой мокрой между ног.

А как там в нашем, исконно казахском фольклоре, в знаменитом эпосе «Кыз Жибек»:

Случилось то, что быть должно,

Что в юности нам суждено

Впервые в жизни испытать

И что не надо объяснять.

Наш Тулеген, наш ер-джигит,

Весь в пламени любви горит.

Девичий расколов орех,

Он сном возлюбленного спит.

Тут не охотник ли сайгу

На полном подстрелил скаку,

И так разделявал добычу,

Что пятна крови на снегу?!

А как там у запрещенного Магжана:

И – моей любви объятья

Манят на исходе дня.

Шелест скинутого платья,

И – в слезах купаюсь я.

Сердце, чувствами пылая,

Волею самих небес

Увлечет, увы, не зная,

Что опять вселился бес.

За дверью ванны стояла томительная тишина. Она настораживала, возбуждала и угнетала.

Из телящика плыли заключительные кадры фильма «Ирония судьбы». Актер Мягков в образе хирурга Жени Лукашина шел, а затем летел понуро из Ленинграда в Москву.

С любимыми не расставайтесь,

Всей кровью прорастайте в них...

«Что она мне может дать – нового и необычайного? – рассуждал я с долей мужского эгоизма, вновь наливая себе русский национальный напиток. – Не пора ли ставить многоточие этой ночи?».

– Тебе хватит пяти минут? – спросила она, наконец, приоткрыв вспотевшую изнутри дверь ванны.

Из ванны вышла не она, а что-то из хрестоматии новейшей литературы:

Изгиб спины ее мне был предсказан,

И линия бедра давно обещана,

По лестнице сходила боком женщина,

Как плавный насталик арабских сказок.

Она спускалась (выступало тело),

Плечами наливалась, грудью зрела,

Лавиной плоти на меня плыла,

Шатая валунов колокола.

– Смотря для чего, – с видом жизнерадостного кретина ответил я, продолжая любоваться метаморфозой происходящего.

– Оставь водку и прими душ, – повелела она, кутаясь в мой халат.

– А ты что? Так, прямо в халате, собираешься встречать всенародный праздник Нового года?

– За меня не волнуйся. Халат будет висеть снаружи за дверью. Да и тебе он ни к чему.

– Это как так ни к чему? Оч-чень даже к чему, – продолжал дурачиться я, скрываясь в ванне.

– Иди, да побыстрей, пожалуйста. Через пять минут будет выступать Генсек.

– Кто-о?

– Леонид Ильич. Поздравит нас с Новым годом.

– А Алма-Ату он уже поздравил?

– Да, и Дальний Восток еще раньше, днем до обеда.

В ванне, стоя под душем, я продолжал вспоминать фразы разных поэтов, стихи которых бродили в списках по этажам Литинститута, по горизонтальным колодцам студенческой свободы слова. Почему-то пришли мало кому известные строки Павла Васильева:

Лебяжьей шеей выгнута рука,

И алый след от скинутых подвязок...

Ты тяжела, как золото, легка,

Как легкий пух полузабытых сказок.

Жеманница! Ты туфель не сняла.

Как высоки они! Как высоко взлетели!

Нет ничего. Нет берега и цели.

Лишь радостные, хриплые тела

По безразличной мечутся постели.

Пускай узнает старая кровать

Двух счастливых вес. Пусть принимает милость.

Таить, молчать и до поры скрывать,

Ведь этому она не разучилась.

Ага, кричишь? Я научу забыть,

Идти, бежать, перегонять и мчаться,

Ты не имеешь права равной быть,

Но ты имеешь право задышаться.

Ты падаешь. Ты стынешь. Падай, стынь,

Для нас, для окаянных, обреченных.

Да здравствуют наездники пустынь,

Взнуздавшие коней неукротенных!

В дверь ванны настойчиво постучали.

– Это ты, Муза моя?

– Нет, это Дед Мороз. Давай выходи, Генсек уже читает.

– Что-то очень важное?

– Хватит дурачиться, выходи.

– С вещами на выход. А рюмку дадите?

– Дам.

– А еще что...

– Выходи.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Я вышел из ванны и окунулся в полумрак комнаты, которую освещал экран телевизора.

Весь экран занимало породистое лицо Генсека. Он поверх своих больших очков подымал знаменитые густые брови и изрекал, что экономика должна быть экономной, и мы переходим в очень развитой сосисками социализм...

– Иди ко мне, – послышалось из глубин широко раскрытой тахты.

Я сомнамбулой двинулся на зов моей Музы.

– Давай сделаем так, чтобы это самое, начавшись в этом году, завершилось в новом.

– Что это самое? – продолжая ее ласкать, с притворным непониманием переспросил я.

– Ну, это...

– Самое?

– Да, самое.

– Чтобы не было настоящего, а было прошлое и будущее?

– Да.

– Ты сказала – Да – и это слово уже в прошлом.

– Да.

– Я целую тебя и мой поцелуй уже в прошлом.

Я отбрасывал свое многоточие все дальше и дальше, куда-то за темнеющее московское окно, где на черном фоне кружились в своем безумном танце сонмы снежинок и затем замедляли неистовое кружение ниже нашего двенадцатого этажа.

Да что там какая-то Билитис, жившая до нашей эры на острове Кипр, да что там самые поэтические страницы Ветхого Завета «Песнь песней», да что там сам первородный фольклор, к которому я с детства равнодушен?! Все ничто по сравнению и по восприятию самого совершенного существа на этом свете, реального существа, плоть из плоти реального, имя которому – Женщина.

Я нежно ее целовал, чуть касаясь губами бьющейся прожилки на шее, которая вела мои губы в ложбинку меж ее маленьких грудей, я нежно касался губами нижней, скрытой их части, а затем пупок и линию бедра, возвышающуюся крутым изгибом над тахтой, прикасался и слегка гладил рукой ее чуть выпуклый мысок, покрытый мягкими волосами каштанового цвета.

Я нашел самую малую родинку с внутренней стороны бедра, и эта родинка, словно маковое зернышко, лишала меня рассудка.

Хрустальный звон наших фужеров перемежался звоном наших сердец. Потянувшись к икрам ее стройных ножек, я переломил ножку фужера, шампанское, шипя и пенясь, разлилось по ее упругому животу.

– На счастье! – смеялась моя несравненная Муза и, легко увернувшись от моих объятий, грациозно воссела надо мной.

В ней все гудело, раскрепощая ее южную плоть. В ее возгласах и в всхлипах слышен был за-небесный гул турбин рейса 505 «Алма-Ата – Москва», все турбулентные зоны на пути его следования покрывали нас своей бездной, где музыка звезд манила и влекла нас. И – в одно мгновение рождая в нас совсем другие, ранее неизведанные зоны.

Генсек с удивлением поднял свои породистые, мохнатые брови и с изумлением разинул рот, глядя на мою Музу, которая мчала «атласной кобылицей» по бездонной московской заснеженной ночи, мчала, втаптывая меня в сугробы навзничь раскинутой тахты, очумелого и покорного ее и своей страсти. Она даже превосходила и предвосхищала «атласную кобылицу» Лорки, ибо она раскрепостила свою страсть в реальности, мчала навстречу своему счастью и к вершинам неопи-сваемого донны и непознанного, и безотчетного восторга, сидя на мне, таком же живом и также стремящемся к тем же самым вершинам, а у испанского поэта было только прекрасное и талантливое описание всего того, что сейчас происходило с нами.

А с экрана вещал Генсек. Он был единственным свидетелем нашей ночи любви и он не мешал нам, ибо мы знали, что сейчас, после его слов, прозвучат куранты.

Генсек, не опуская своих удивленных бровей, лукаво промышчал:

– С Новым годом!

Когда куранты Кремля начали свой перезвон и четко произвели свой первый удар, в нас уже рождались совсем другие куранты – куранты небес, заглушая все в свете нашего сознания, лишая нас чувства пустой реальности, погружая в бездну безумия и отчаянной, никогда не познанной радости и счастья.

А снег за темным окном, рассыпаясь на множество снежинок-шестеренок, разъял небеса, плавно опуская на вечную землю блески чего-то неземного, которые уже были в прошлом, но им все равно – в каком времени они были. Самое главное, что они есть и рожают своим безудержным взлетом и падением близкую сердцу и духу и всегда такую неповторимую, внезапную московскую метель.

Наша ночь любви продолжалась, но уже вне времени и пространства. Я был на высоте творческого блаженства.

От критического реализма до реализма социалистического, рассуждал я, охваченный хмельными парами любви и страсти, мы были просто одурачены вехами мнимой литературы. И все эти «измы» ничего не значат по сравнению с самым первородным и естественным по своей природе, который так напрашивается, наконец, из ургана к оргбну.

Я теперь все могу, я знаю, как завершить свою первую повесть жизни. Что там вчера мне говорил редактор? Что конец моей повести какой-то вялый. Это у меня, у мужика, вялый конец?! Я такой конец покажу, что всем концам будет конец.

Теперь я все могу и все умею.

Я и раньше и не раз знавал и познавал прекрасных женщин в прямой реальности и в пере-

носом смысле своего писательского бытия. Но там был все-таки спортивный азарт, писательский интерес да элементарное удовлетворение мужского тщеславия и самолюбия. И это все было как бы так, как бы между прочим, ибо не было пиршества души и плоти, которое только где-то сейчас подступало своим неизвестным началом и никак не собиралось меня выпускать из своего неизбежного плена. Там, в прошлом, не было музыкальных нот и гармонии души и плоти, не было нот моей Музы, которым, чтобы выстроиться в эту жизнеутверждающую гармонию, необходим был ключ.

Скрипичный ключ новогодней ночи.

IV

А утром я повел ее на Красную площадь.

– Это те самые? – по женской логике спросила она, взглянув на Спасскую башню.

– Нет, наши где-то там, в небе, – уверенно ответил я, глядя на бездонную серую высь, до головокружения в глазах сплошь покрытую плывущими снежинками из далеких небесных сфер.
2009 г.

Стихи

ВДОЛЬ ГОРНОЙ РЕЧКИ НА КОНЕ

Вдоль горной речки на коне
От озера все вверх по склону.
Устроившись в седле – вполне
Устроен быт мой по сезону.

Вдоль горной речки на коне,
Под равномерный шаг гнедого
Я возвращал в себя – извне –
Пратюркскую основу слова.

Я понимал полет стрекоз
И взмах китайского удода.
По грудь тибетский камень врос
За речкой где-то там у брода.

Выносят камни письма
Тюрки, Тибета, Чагатая,
С наскальным эпосом сплетая
На будущие племена.

Крылом вычерчивал орел
Бессмертную поэму Тенгри.
А конь меня все дальше вел
От саков до ушедших венгров.

Не раз сменяется трава,
Вот снова за ущельем юрта.
Не обрывается тропа
Доисторического тюрка.

ЗНАКИ

На этом камне, где к утру роса,
Я познавал рунические знаки:
Вот вертикаль, виктория с конца –
Четвертый век – когда исчезли саки.

Сменял пергамент кожный пергамин,
А следом эра рисовой бумаги,
Но камень вечен, знаками храним,
Что высекли первопроходцы-маги.

Вот знак флажка – успешным будет путь,
Вот знак изгиба – верная дорога.
Я постигал руническую суть,
И в этом видел я веленье Бога.

Вот знак – как перевернутое «И»,
Он снимет чувство замкнутого круга.
Энергию свою ты им храни,
Под знаком этим выйти из недуга.

Вот знак угла – увижу в нем ландшафт,
В садах на склоне гор не тает иней.
Я вспомню детство: мама вяжет шарф
Из шерстяных мне непонятных линий.

Магический гальдстраф* от камня и до звезд,
В нем виден знак судьбы из ритуальной ночи.
Мне под защиту рун свой занести вопрос,
Преодолеть себя до терапии точек.

*Гальдстраф – магический рисунок в комбинации несколько рун в одном изображении.

* * *

Дыхание моей любимой
Качнуло тишину слегка.
Быть может, ангелом хранима,
Что входит в образ мотылька.

Я тайну женского покоя
И не пытаюсь отгадать.
Я шторой свет луны прикрою,
Чтобы не падал на кровать.
1992 г.

КОМПЬЮТОДОР

Причем здесь бык вне Бога наших мыслей,
Причем здесь Бог, увы, он не при чем.
Я колесницу времени сквозь числа
Вновь завожу магическим ключом.

Не избежать мне фарса при повторе.
Вот час быка,
Вот время тишины.
Мой виртуальный мир, что в мониторе,
Витийствует под знаком сатаны.
2001 г.

* * *

Вспоминаю бывшего кумира,
Изменяюсь во времени сам.
И мое постижение мира
Переходит из прозы к стихам.

Я из воздуха выстрою образ,
В лабиринте небесных веществ
Запредельная разуму область
Мне поможет скрижали прочесть.

Эти поиски выльются в драму,
Из реальности выступит быть.
Я оконную выставлю раму,
Чтобы вытрясти книжную пыль.

Эта мудрость земных фолиантов
Переходит в компьютерный диск.
И не надо большого таланта
В электронном подборе страниц.

Все подсчитано в свете программы,
Все заложено в файлы, а ты
Ищешь воздух таинственной драмы
И раскованность детской мечты.
2001 г.

* * *

М. Т.

Из единого тюркского корня
Отчеканен наш образ в веках.
Нашей памяти чуткие кони
Проступают сквозь эпос в стихах.

Горстью проса я звезды посеял,
Птичий путь воссиял над копьем.
Из единого тюркского эля
Нам Вселенная вышла шатром.

Торим путь евразийского мира,
Свод небес над ладонью степи.
От Хан Тенгри до крыши Памира,
До Стамбула, Дамаска, Каира,
И на север до Третьего Рима
Крепим звенья единой цепи.

Тайный принцип святой пирамиды,
Солнцеглазая вера внутри.
Неизвестные миру флюиды
Растолкуют ученые гиды,
Конспектируя календари.

МАНАСЧИ

Чай зеленый дышит в пиале,
Мясо яка варится в котле.

К этой ночи подберет ключи
Миру неизвестный манасчи.

Холодом повеет с ледника,
Эпосом вся пенится река.

Даже горы слушают в ночи
То, о чем колдует манасчи.

Искрами безумствует костер,
К нашим лицам пламя распростер.

Чай сменяет водка в пиале,
Мясо яка варится в котле.

Звездный луч – заговоренный меч,
На рассвете нам не даст прилечь.

Чон боласын, баскалар кичи*,
Будь великим, мальчик манасчи!

*Будешь большим, все другие малы (кырг.).

ТАМГА ИССЫК-КУЛЯ

Тамга Иссык-Куля
Загаром наносить печать,
К священному камню
Ведёт этой горной тропой,
Здесь, сидя у камня,
О чём-то хорошем мечтать,
Осязая приход
Своей запылённой стопою.

Тамга Иссык-Куля,
Привязан к твоей старине,
Платком ритуальным
К арче, что живёт возле камня.
А там перевал,
Он странствия будит во мне,
И манит Кашгар
Отсюда невидимой кармой.

В селенье Опал покоится прах Кашгари,
Он миру открыл богатство тех
тюркских наречий,
Что после него основой легли в словари,
Являя собой великую с неба предтечу.

Я сам разберусь – откуда приходят стихи,
Дарован кем ключ
От этой заоблачной сферы.
Здесь, сидя у камня,
Слезам отмою грехи
И выйду монахом
Своей поэтической веры.

Тамга Иссык-Куля
Озерною чашей встаёт,
Дополнит твой образ
Разбитая амфора влаги.
И птица Самрук
Гнездо возле камня совет,
Пером своим вещим
Священную тронув бумагу.

УРЮК И ТОПОЛЬ

Урюк расцвел раньше, чем распустились листья.
Пирамидальный тополь с высоты своего роста

усмехнулся:

– Ударят заморозки, и людям не видать
твоих сладких плодов.

Урюк угрюмо молчал,
погруженный в розовую пелену цветов.

Через несколько дней ударили заморозки.
И однажды утром урюк ответил тополю:

– Возможно, ты и прав,
Люди не познают вкуса моих плодов.
Но они почувствовали весну
раньше обычного.

Цветы мои
живут в глазах людей,
ибо устали они зябнуть в холоде долгой зимы.

Так говорил урюк.

Но тополь не слушал его. Ему было некогда.

Он уже пускал белый пух на мостовые города.

О поэзии, цифрах и знаках

Эссе

Виртуальное одиночество (свет нашей памяти)

Свет нашей памяти всегда перемежается с печалью нашего беспамятства. И в своих литературных произведениях мы действительно вспоминаем, как писал Р. Брэдбери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память человечества, поэтому мы, в конце концов, непременно победим!»

«Что есть время? – вопрошал Федор Достоевский. – Время не существует, время есть цифры, время есть отношение бытия к небытию».

Противоречия Декарта, всю жизнь доказывавшего существование внеземного разума, не мешали, а может быть, наоборот помогли ему выявить свои начала философии, высказать закон сохранения количества движения, создать пространственную систему координат, которой пользуются и ныне. Также и в творческом пространстве писателя существуют декартовы координаты – эти самые икс, игрек, зет; где от причины зависит следствие, или, говоря языком математиков, от переменной точки икс зависят и творческие игрек и зет. «Мыслю, следовательно, существую». Декарт сам, с точки зрения философии творчества, объяснил свои координаты.

Разумеется, от причины творчества писателя зависят сюжет, интрига, повествовательное действие, одним словом – следствие. А причина влечет за собою и наши диалоги мышления. Одни воспоминания сменяются другими, обрастая потоком информации не только о прошлом и настоящем, но и воспоминаниями будущего.

Декарту вторит Спиноза, этот ярый атеист, по утверждению Велимира Хлебникова, создавший в своей «Этике» закон ассоциативного мышления: «Если человеческое тело подвергалось однажды воздействию одновременно со стороны двух или несколько тел, то душа, воображая впоследствии одно из них тотчас будет вспоминать и о других».

Спиноза, приписав своей субстанции два атрибута – протяженность и мышление, наделил ими всю природу.

Все это сродни переводу стрелок часов на летнее или зимнее время, в результате чего появляется как бы мертвый час нашего бытия. Но не так уж он мертв, этот час. С наступлением осени, когда символические стрелки часов отведут назад, нам всем дается возможность прожить его повторно, вспоминая и исправляя ошибки судьбы, и частично воплощая, хотя бы в мыслях, невоплощенные мечты. И писатель в этой системе координат нашего бытия, является, на мой взгляд, часовщиком, которому дано полное право образно передвигать эти самые стрелки нашего хронометра, ибо по сути дела, время, календарь есть покушение на свободу личности, на свободу творчества, так как эта условность времени, суток, месяцев календаря сковывает, навязывает нам свои законы существования, свои правила реального мира. Но только в виртуальном мире – в произведении – у автора может быть осень, когда на улице весна, день – когда за окном ночь, степь и аул на двадцатом этаже небоскреба.

Вспомните то, что дарят нам книжные полки мира. Вспомните то, что дарят нам археологические раскопки и древние памятники человеческого духа. Вспомните себя. Ведь вы прожили на одну жизнь.

В поисках нашего «утраченного времени» мы посредством души направляем поток сознания в океан памяти, обретая тем самым бессмертие...

О литературе

Некоторое время назад казалось, что позиции поэзии ослабли, что вера в ее очистительную силу погасла и читатели разорванного на куски культурного пространства больше никогда не раскроют стихотворных сборников. К счастью, печальные пророчества, касающиеся поэзии, никогда не сбываются. И нынче, как воздух, людям нужна исповедальность, энергия яркой, вдохновенной строки. И точно так же необходимо живое общение, когда на прямые вопросы читателей поэты отвечают искренне и дружески откровенно. Оставаясь наедине с поэтической книгой, читатель как бы воспаряет над прозой жизни, ему открываются удивительные тайники души поэта, которые начинают принадлежать и читателю.

О долге поэта

Иосиф Бродский как-то сказал в одном из интервью: «На самом деле у поэта никакой роли нет, кроме одной: писать хорошо. В этом и заключается его долг по отношению к обществу, если вообще говорить о каком бы то ни было долге всерьез. Ибо поэт не назначается обществом, и поэтому обществу накладывать на него какие-либо обязательства не пристало.

Пользуясь языком общества, творя на его языке, особенно творя хорошо, поэт как бы делает шаг в сторону общества.

И хотя у поэта нет такого долга перед обществом – писать, у общества на самом-то деле есть долг – его читать, ибо поэзия есть по существу лингвистическая неизбежность. И если поэт совершает шаг в сторону общества, то и общество должно сделать шаг в его сторону».

О серьезной литературе

Язык поэзии – это главный показатель развития культуры, и поэтому бесспорно то, что, когда обедняется язык поэзии, приходит в упадок и культура. В какой-то степени упадок настоящей, некоммерческой культуры можно объяснить спецификой нашей эпохи – эпохи «промышленного производства» духовной пищи и создания прозы, поэзии и даже музыки при помощи компьютеров. Разумеется, не существует точных приборов для измерения степени упадка культуры, да и самому понятию культуры не так-то просто дать определение, оно толкуется очень по-разному; однако один из решающих показателей – спрос на серьезную литературу, ее конкурентоспособность в условиях современного рынка. Любая серьезная литература, то есть та, в которой поднимаются фундаментальные общечеловеческие проблемы, неконкурентоспособна и по всем законам книготоргового дела должна была бы исчезнуть с книжных прилавков. Но за счет других видов литературы: детективов, «бульварных романов» – подерживаются и скромные тиражи серьезной литературы, а также небольшие поэтические сборники.

Сегодня и всегда

Западное поколение литераторов сформировалось в атмосфере разочарования в авангардистских течениях 60-70 годов, таких как экзистенциализм. Разочарование и отказ от бунта – кредо нового поколения. В отличие от своих предшественников оно выросло не под влиянием яростных схваток, а в обстановке апатии и компромисса, когда начался отказ от экспериментов в области формы и происходил возврат к интриге в литературном произведении, к психологизму, возрождался интерес к персонажам и сюжету как таковому.

П. Брюкнер еще в конце прошлого века утверждал, что «мы полагаемся на «негативную мудрость», мы больше не видим прямой связи между литературой и историей, поскольку знаем, что ни один народ, класс или партия не могут считаться единственным носителем смысла истории. Мы не верим больше в миф о прогрессе в искусстве, не верим в необходимость полного разрыва с традициями и в эксперименты и поиски, ибо они сплошь и рядом заканчиваются серостью или очередным вариантом терроризма».

Но как же быть с новым поколением людей творчества – у них возникает устойчивое предчувствие катастрофы, которая, по их мнению, изменит нынешнее существование людей. Какие сюрпризы еще преподнесет нам история XXI века, когда слово «будущее» ассоциируется с ближайшим месяцем, с ближайшим годом? Такое чувство не может, конечно, не оказывать своего влияния на литературный процесс.

Сегодня всевозможные авангардистские «измы», которые вдохновляли скульпторов, художников, писателей, сочинителей популярной музыки, теперь окончательно сошли со сцены. И мы имеем дело с двумя видами отчуждения: с отчуждением писателей друг от друга и литературы – от других видов искусства. Но давайте вспомним Сартра, который когда-то выдвинул тезис об ангажированности писателя. Жан-Поль Сартр всегда утверждал, что для него литература – высшая реальность, которая стоит над всем остальным и благодаря которой человек «ежесекундно освобождается от истории». В наши дни, когда литература, наконец, полностью деидеологизирована и ее роль, казалось бы, стала куда скромнее, наиважнейшую миссию играет личность писателя или поэта, его собственное «я», его отношение к различным сторонам нарастающей глобализации и конфликтов, порожденных ею. И как актуально сегодня звучит знаменитая фраза того же Сартра: «Здесь, в этой комнате, я взвалил себе на плечи век и сказал: я за него отвечаю. Сегодня и всегда». Давайте пристально взглянем из окон наших писательских кабинетов: какой век встает над нашими горами? Какой читатель идет вслед за ним?

Как рождается поэзия

Демократичность поэзии состоит в том, что она не имеет границ – ни для метафоры, ни для образа, даже для языка границ нет. Если ты нашел образ, по-настоящему нашел, то его можно передать и на другом языке. Если ты чувствующий человек и видишь образ – ты уже поэт, независимо от того, на каком языке звучат твои слова.

Поэзия – вечный спутник людей на дороге к горным высотам. Хорошие стихи, а иным просто нечего делать в нашем повседневном духовном обиходе, всегда сработаны из звездного вещества. Они призывают к познанию самого себя, к тому, чтобы строить человечество нового мира. Стихи возвышают тебя над обыденностью, и тогдаодноцветная контурная карта будней светится ярчайшими подлинными красками действительности.

Вещество поэзии

В поэзии есть ремесло и есть искусство. Ремесло – упорный ежедневный труд, переводы, например. Я уважаю ремесленников. А искусство поэзии – это когда в человеке вдруг вспыхивает божья искра и высекается вещество поэзии.

Нет поэтов, включая Пушкина, у которых стихи состояли бы только из вещества поэзии. Но чем больше в стихах поэта этого самого вещества, тем он талантливее. Читатели, как правило, от каждого поэта запоминают только несколько стихотворений. Только узкий специалист – литературовед – помнит все стихи какого-либо поэта.

Но это уже хорошо, если в душу читателя запало несколько стихотворений, даже строчек поэта, по которым его ни с кем не спутаешь. Ярослава Смелякова мы узнаем по фразе «Кремлевские ели», Андрея Вознесенского – по метафорам. «И из псов, как из зажигалок, светят тихие языки». Эта метафора обошла весь мир.

Правда чисел – цифры и знаки

«Времена не выбирают – в них живут и умирают», – сказал поэт. Вроде бы все в этих двух строках понятно. Но всегда существуют вопросы, на которые во все времена ищут ответ. Что несет в себе культура и какое место занимает художественное слово? Что они представляют для нас?

Я не открою Америки, если скажу, что в начале каждого века происходят глобальные изменения. Настроения, которые мы сегодня испытываем по отношению к культуре и вообще, они не новые. История повторяется, и если взять начало того же XX века, тогда тоже были различные течения и направления. В литературе, в частности в поэзии, наслоения символизма, акмеизма, футуризма и прочих. В политике государств революционные настроения, порой, не самые выгодные для людей. Людям казалось, что человечество зашло в тупик, культура пришла к своему упадку. Но сегодня, читая издания тех лет, мы понимаем, что культура только зарождалась. Обновления и переломы принесли с собой и новый взгляд на духовные стороны. Поэтому говорить о том, что культура сегодня приходит в упадок, нельзя. Мы многое пережили за небольшой промежуток времени, произошли большие перемены, но культура жива и приносит свои плоды.

Сегодня люди отдают предпочтение интернету и телевидению. Потому что всем нужна только информация, а духовность не современна. В чем-то сходная ситуация уже была в истории, когда Гутенберг изобрел печатный станок.

И с тех пор книга была и останется тем, чем была. Аромат чтения не исчезнет, несмотря ни на что. У Николая Гумилева есть строки: «Словом останавливали солнце. Словом разрушали города...». Этим, по-моему, все сказано. Но дальше были и другие слова «...а для низкой жизни были числа, как домашний, подъяремный скот, потому что все оттенки смысла, умное число передает». Что такое умное число? Если посмотреть в древнюю историю, то можно увидеть, что слово это ложь, число – правда. Сегодня происходит то же самое. Мы не верим словам, пока не увидим конкретных цифр. Будь то искусство или политика.

Сегодня число несет на себе значимость цифровых технологий. Они в свою очередь помогают воплотить художественное слово. Обозначить его. Технологии, на мой взгляд, помогают. Они ведь имеют прикладной характер и дают возможность новых форм выражения. Например, видеопоззия. Это новое направление, в котором необходимо работать и развиваться.

К примеру, раньше было трудно издать книгу, сегодня интернет позволяет найти читателя и без бумажного издания. Говорить о преимуществах того или другого нет смысла. Инновационные

технологии взаимодействуют с искусством, рождая совершенно новый вид культуры.

Кто-то может сказать, это не литература. Согласен, на стыке слов и чисел, или как модно говорить «в цифре», создается что-то принципиально новое, но, так или иначе – это литература. И они вместе несут в себе заряд высокой культуры.

Однако меня настораживает, что сегодня мы наблюдаем отсутствие чистоты романтизма, который присутствовал и выражался в искусстве, а за ним и в культуре в начале и середине XX века. Возможно, что отсутствие интереса у населения к высокой культуре, а у государства к искусству, происходит именно поэтому. Будем надеяться, что это явление носит временный характер.

Сегодня много говорят о кризисе, но кризис для человека, на мой взгляд, несет и очистительный смысл. Что необходимо творческому человеку? Чистый лист бумаги и голубой экран монитора. Созданная из воздуха плотность строки, всегда нас вынесет. Кризис, конечно, имеет свои негативные моменты, но ведь мы и не такие времена переживали.

По-моему, пока все нормально. Новое время – без цензурной критики, без идеологической подоплеки, раскрывает свои моменты истины.

Если опять же вернуться к математике, то люди реагируют только на трехмерный мир. Эвклидова геометрия или то, что видно. Но была еще и неевклидова геометрия, все многообразие мира. Для человека творческого это важнее. Хотя Пушкин в юности говорил: «Мне интересно то, что видно...». Кстати, у него даже самая, казалось бы, пустая строка – двоятся. Чего стоит одна фраза из Бориса Годунова: «Народ безмолвствует». Она и сегодня актуальна и переживет еще не один век. Или вспомните Достоевского, когда Карамазов говорит, что через точку можно провести множество прямых. Так и в точке кризиса каждый проводит и видит свою прямую. Антикризисные меры – это, конечно, дело государства, но и человек должен нести определенную ответственность. Я, как землянин, должен что-то делать и отвечать на те вопросы, которые ставит время.

Сегодня кто-то может назвать произведения и исследования Льва Гумилева об евразийстве скучными. Но ведь это наша азбука истории, через которую необходимо пройти. Мы должны ее знать.

Сегодня появилась такая форма контроля информации, как блокировка сайтов и блогов. В этом есть капля некоторого романтизма, о котором я уже говорил, признаки запрещения литературы. Надо признать, что сегодня установить цензуру практически невозможно. Сегодня перекрыли в одном месте, завтра возникает двойной интерес и появляется в другом. Вообще слово интернет, по-моему, «рифмуется» со словом свобода. Они стали в некотором роде синонимами. Я не думаю, что в этом есть какая-то подоплека сегодняшним событиям. По-моему, это издержки последних лет советского периода, когда уже была свобода, но еще существовал самиздат. Мы все вышли из этого и помним мифы о том, как книга передавалась из рук в руки. На самом деле все можно было достать. Тех же Гумилева, Ходасевича, Набокова, так называемых полузапрещенных. И хотя публицистика была под запретом, у поэзии была свобода. Ведь поэзия – это эзопов язык. Язык рабов, народа. Тот, кто владел этим языком, собирал стадионы. Никто не смотрел, каким размером ты пишешь, главное, что твои строки отражают, и какое заявление несут.

И если воспринимать события нашей жизни, как знаки, то надо искать и ответ на вопрос – что за ними стоит? Что послужило началом и к чему это может привести?

Родимые пятна поэзии

Необходимо дорожить не только собой в поэзии, но и поэзией в себе и окружающем мире. И по мере творческих сил и возможностей стремится оберегать от разрушения духовную ауру современного общества.

Родимые пятна поэзии, спасая нас, вновь проступают сквозь амплитуду нашего кризисного времени, они вечны, ибо не подвластны волнам рыночного бытия.

Ербол ШАЙМЕРДЕНОВ

Председатель Комитета по языкам Министерства культуры и информации Республики Казахстан, много сил отдающий возрождению казахской культуры, языка, сохранению русского языка и языков других народов, проживающих в Казахстане. Талантлив и необычайно скромен, значителен и незаметен, остроумен, но не едок, что для чиновника – редкость.

Но прежде он – поэт и мудрец, известный в Казахстане поэт и писатель-публицист. Пишет на казахском и русском языках. Автор книг «Новые веяния», 1989; «Судьбы людские», 1989; «Фотография души», 1996; «Азбука страноведения», 1998; «Астана», 1999; «Лик мудрости», 2002; «Вечное наследие», 2003; «Журектеги жазулар» («Письмена сердца»), 2006 и др.

Исследователь казахстанской геральдики. Он – соавтор книг «Мой Казахстан», 1998; «Символы Республики Казахстан», 1993 и др.

Научно-просветительская деятельность – одно из основных направлений творчества Е. Шаймерденова.

Автор-составитель замечательной книги «Казахские афоризмы», 2008. В эту книгу Е. Шаймерденов включил 2 тысячи пословиц и поговорок казахского народа. Афоризмы и изречения казахских просветителей, поэтов, ученых, мудрецов, среди которых известные русскоязычным читателям имена: Абая Кунанбаева и Чокана Валиханова, Ахмета Байтурсынова и Миржакыпа Дулатова, Мухтара Ауэзова и Габита Мусрепова, Бауржана Момышулы и Аскара Сулейменова, Абиша Кекильбаева и мн. других значительно расширяют горизонты человеческого бытия. Собранные в единой книге «крылатые выражения» – древнейший литературный жанр – пласт богатой казахской культуры.

Из «золотых россыпей мудрости»

Абай Кунанбаев

Сын человеческий – твой брат.

Человек – дитя своего времени. Если он плох, в том виноваты и его современники.

Как ни прекрасна мысль, пройдя через человеческие уста, она тускнеет.

Русская наука – ключ к мировым знаниям.

Не всякий ученый – мудрец, но всякий мудрец – ученый.

Перевод с казахского на русский язык изречений из дневников Габита Мусрепова – выдающегося казахского писателя, классика национальной литературы, академика, Героя Социалистического труда.

Мысли и афоризмы

Художественное слово может произрастать и в холоде, и в жаре, и днем, и ночью. Оно не растет только в теплой постели и нежной ладони. Не закаляется без критики, без творческого спора.

Мысль – душа слова, она облагораживает его.

Художественное слово озаряет внутренний мир человека, его сердце.

Глаза видят, мысль познает.

Мы полвека делаем только то, что нам указывает начальство. Не помеха ли это развитию самостоятельного мышления народа и его навыков самостоятельного принятия решения? Боюсь, что так...

Для развития культуры любого народа сто талантов – не много, в то же время и десять настоящего талантливых личностей – не мало.

Человек не может быть носителем только одного характера, одного направления и одного качества. Поэтому двое об одном и том же человеке могут иметь разные, а иногда диаметрально противоположные мнения.

И мысли можно держать за решеткой.

Горе тому народу, власть которого занимается преследованием и расстрелом своих поэтов и писателей.

Честный человек не может запятнать клеветой душу другого человека, потому что для этого нужно иметь грязь и в своей душе.

Логика оправдания и хулы прошлого определяется потребностями настоящего.

Смириться и побеждать – не одно и то же.

Иногда может быть полезным и безумие.

Иногда некоторые казахские критики умудряются хвалить и то, чего еще и нет в твоём уме: это настоящий яд для поэтов и писателей.

Мысль не умирает.

Развитие литературы – есть развитие государства.

Есть время делать историю, есть время писать историю: если созидатель допустил ошибку, не стоит писателю стараться их исправить.

Есть своя мелодия и в слове, и в предложении.

Если ты должен уважать жену только за то, что она мать твоих детей, – трагедия.

Не ищи для себя почетного места даже в раю, не созданном тобою.

Метафору, достойную беркута, нельзя использовать для похвалы воробья.

Трагедия наших писателей в том, что наши чиновники не умеют читать на родном языке, поэтому чаще всего оценивается не оригинал, а перевод.

Вспомните, ведь священные книги написаны стихами: Коран и Талмуд, Библия и Авеста. Кто же авторы этих религий? Поэты, наверное...

Бывает и немая тема.

Когда дело касается чести страны, то и старость встряхнет доблестью.

Если правителем правят его подчиненные, то это – трагедия народа.

Зачем столько сил тратить на убиение комара?

Самые сокровенные смыслы этики и эстетики каждый народ познает только на своем родном языке.

В мире не существует ничего более завораживающего, чем глаза женщины. Нет таких чар ни в богатстве, ни в везении, ни в высоких должностях, ни в общественном положении. Если передо мной стояла дилемма выбора, я, не задумываясь, встал бы и пошел навстречу чарующим глазам женщины.

Не все написанное и не все напечатанное является литературой.

Разумная женщина кажется красивее.

У каждого слова есть своя статья, свои грани и свое лицо.

Когда человек хулит другого человека, он приписывает ему и свои недостатки. Когда хвалят, также имеют в виду и те хорошие качества человека, которые присущи самому хвалящему.

Народ, слишком кичащийся своим прошлым, чувствует себя неловко в настоящем. Но нет будущего и у того народа, который не ценит то хорошее, что было в его истории. Это – разные ситуации.

Чувство рождается раньше, чем мысль. Нельзя слишком сильно увлекаясь передачей мыслей литературного героя, умалять его чувства. Литература начинается с выражения чувственного бытия человека.

Художественное произведение создается не для критиков.

Когда в обществе что-то не ладно, обычно на первый план выходят то вопросы религии, то вопросы политики.

Однопартийная система непременно приведет к диктатуре.

Подрастающие поколения, я смотрю на вас и думаю о вас... Помните: когда вы парите высоко – радостно всем, но, если вдруг кто-то из вас не сможет подняться – то придется горевать ему одному. Я тоже радовался в этой жизни и горевал немало... Искренне завидую вам и немножко жалею вас... Желаю вам одолеть все высоты, о которых я сам мечтал, но не смог достичь. Живите и дерзайте!

Стихи

Страсть весны оседлала скакуна...

Весеннее ретро

Вспомни: в четках чуткой юности – весна.
 Топит зелень зелье страсти. Не до сна.
 Перл пернатый, ангел-вихрь меня сразил.
 Как глоток Земзема, губ роса вкусна.

Чудо истинное – радости родник.
 Я судьбе шепчу: «Рахмет», как ученик.
 Страсть весны вмиг оседлала скакуна,
 Песней жаворонков полня чувств тайник.

Все затмила кареокая краса,
 Зажигает в сердце звезды – чудеса.
 Я горел, стремясь к тебе, как солнца луч,
 И ты таяла, как на цветке роса.

А вокруг – земного рая благодать,
 Лучше мига первородству не создать.
 Разбудила сны Мечтою наяву,
 Что сошла с ладони судеб счастья дать.

Струи счастья омывали, как прибор,
 В зыбке волн любви – стихии голубой...
 До сих пор, как только вспомню, жжет уста
 Вспышка памяти свидания с тобой.

Ах! Тревожит память звук весны – свирель:
 Смех любви ручьем струившийся.
 Смех – трель...
 Что за диво бы случилось, ангел мой,
 Если б вдруг вернулся тот апрель?

(Перевод с казахского Владимира Акимова)

Дождь за окном – и на душе печаль.
 Сжимает грудь угрюмыми тисками.
 Огонь любви... Мне хватит сил едва ль
 Сберечь страстей божественное пламя.

Где прежний трепет? – Сердце режет боль.
 Моя душа сродни пугливой лани.
 От страха ей избавиться позволь.
 Водоворот судьбы и вихрь желаний.

Утешусь тем, что трудно всем сейчас?
 Легко, быть может, знатным и вельможным.
 Простым же смертным горек каждый час:
 У них есть сердце. Есть и память тоже.

Дождь ливнем стал. Симфония его
 Звучит и нарастает в мироздании.
 Возможно, музы нежной торжество.
 В окне моей души откроет ставни.

Сливаясь с ней, лей пуще, дорогой!
 Пускай очистит сердце свежесть ливня.
 Не нужно мне мелодии другой –
 Я только ею буду осчастливлен.

И, может, заодно удастся мне
 Стереть мазок нелепый, неуместный,
 Что кисть судьбы, глумясь на полотне,
 Где мир мой чувств, оставила из мести.

Такого ливня не было давно.
 И музыка его во всей вселенной.
 Ее величество Поэзия окно
 В моей душе откроет непременно.

(Перевод с казахского Владимира Гундарева)

Умит ТАЖИКЕН

Оказывается, вся моя жизнь до прихода в литературу была подготовкой к творчеству. Где бы я ни была, где бы ни работала – накапливался жизненный опыт, отфильтровывался материал. А сейчас, выйдя на заслуженную пенсию, я полностью отдаюсь занятиям литературой.

Две мои первые книги («Сакрализация памяти» и «Восхождение к Абсолюту») были написаны в трудные первые годы независимости и вхождения в рынок, в то время, когда я вынуждена была работать в торговле. Обе книги написаны в кафе на высокогорном катке «Медеу». Они писались на желтоватых бланках приказов «СК МЕДЕУ» (как будто кто приказывал!). Видя, что я что-то пишу, и, в особенности после выхода первой книги, все работники катка стали приносить мне бумагу, ту самую – бланки приказов.

Сменилась власть, пришло новое время, и старые бланки оказались годными только для моего письма.

Вниманию читателя журнала «Мегалог» представляю отрывок из моего нового романа «Ось существования».

Ось существования

Роман-пунктир (отрывок)

На автобусной остановке стоит овощной ларек. Даже не овощной, а скорее смешанный магазинчик: есть и спиртное, и моющие средства, и фрукты и овощи, и всякая мелочь.

За прилавком немолодая женщина. На правой щеке широкого мясистого лица родимое пятно. Собственно из-за этого пятна ей и дали такое имя: Калдыгуль, что означает «цветок с родимым пятном». Одежды на ней, как на капусте: полно всего. Ей неудобно в такой одежде, но в ларьке прохладно.

Сегодня утром, подогрев на электрической плитке куырдак*, который ей вчера предложила взять с собой хозяйка дома, где она побывала с приятельницей, Калдыгуль с удовольствием доела его, накормила и мать, прибывшую к ней из аула. Матери 85 лет, сын и сноха, с которыми она жила, уговаривали не ездить. Она не послушалась, молча, упорно увязалась за внучкой, приезжавшей на каникулы. Та не смогла отказать. И вот она здесь.

Куырдак был очень вкусный: настоящее жаркое, из той прежней жизни, когда мясо и все остальное жарится на шарбы-мае*, а не так, как сейчас делается. Вспомнился взгляд хозяйки. Стало немного не по себе, да ладно, как говорится, чапан с нее не снимут, ведь она нахваливала за вкусную еду, назвала ее настоящей барыней, хозяйкой большого аула, от чего та порозовела и приятным грудным голоском самодовольно рассмеялась.

Куырдак она взяла с разрешения хозяйки, когда та сказала:

– Бери, бери!

Тогда Калдыгуль вытащила из угла за раковиной пакет, полный порожних использованных мешочков, выбрала один из них, почище, вывалила туда из салатницы изрезанный, измельченный, давший уже сок, смешанный с майонезом салат, завязала концы мешочка узлом и сунула в свой пакет. Взяв другой мешочек, сбросила в него содержимое другой салатницы, тоже с майонезом, затем согнутым указательным пальцем правой руки собрала остатки салата и отправила себе в рот, облизнула палец, с удовольствием обсасывая жирные пальцы. Потом удовлетворенно вздохнула: еды было дня на два, и можно будет не готовить. Тут-то хозяйка и поглядела на нее немного странно. А что странного?! Та все равно это все выкинет, а если не выкинет сразу, все так и будет стоять и киснуть в холодильнике, ждать своего часа, когда, наконец, будет все-таки выброшено в мусорное ведро!

В пакете у Калдыгуль уже лежал на дне мешочек с сочными и мясом с мослами – остатки беша* с блюда, который вынесли снохи с большого стола. Кусок был приличный, а мосол мозговой, и если тупой стороной большого ножа со стальным лезвием аккуратно ударить (а она знает, в каком месте, чтобы сразу сломать) и таким образом разломить косточку, то бульон будет наваристей. Два дня – точно! А может и на третий день останется. На третий день можно оставить тот овощной салат,

заправленный маслом. Хотя, если все это сунуть сразу же в морозильник, то ничего страшного: майонез ведь свежий. Эти казактар* кидают в казан столько мяса! И закидывают все, живут одним днем.

Хотя это привычка всех бишара* – быть расточительными. Глядите, вот мол, мы какие добрые – угощаем вас всем свежим, в том числе и парным мясом, и вялеными деликатесами, угощаем от души. Ешьте, гости дорогие, не жалко, мы не жадные. Даже пословица есть: «Жарлы жомарт болады», то есть «Бедный всегда бывает щедрым».

Еще раз удовлетворенно вздохнув, она улыбнулась своему отражению в зеркале, проходя из кухни в прихожую. «Так-то, моя дорогая, – сказала она себе, пусть себе барыньки бахвалятся друг перед другом. Пока есть такие, как они, у тебя есть возможность жить сытно!»

Помимо дней рождения многочисленной родни и знакомых есть еще и согым басы – это когда в долгие зимние вечера собираются по очереди друг у друга в гостях и за приятной беседой угощаются бежом из мяса, просоленного и завяленного впрок на зиму. Хозяева всегда дадут что-нибудь с собой. А тот кусок, что обычно кладут на блюдо, поверх нежных тонких, пропитанных жиром сочных, она сразу же откладывает в принесенный с собой пакетик; если завтра вскипятить в воде, вот и шорпа наваристая!

«Ой-бай, пора собираться», – подумала Калдыгуль. Сегодня она тоже идет в гости. Продавщица из соседнего киоска Райхан пригласила к себе в киоск: она и живет там. Конечно, в теплой городской квартире и пот прошибет после шурпы*, и вдоволь напьешься чаю, и туалет теплый рядом; в общем, удобства городские. Но и в комке неплохо; что делать, если им некуда приглашать, угла своего нет, живут там вместе с детьми. Хозяину комка выгодно: семья работника большая, кто-нибудь да находится неотлучно на месте, торгуя круглые сутки.

Надо посмотреть цены на их товары, подумала Калдыгуль. Что-то в последнее время все больше покупателей, как ей показалось, останавливается около их киоска: цены, что ли опустили...

Футболка у Калдыгуль надета прямо на тело, без белья, потом свитер и поверх него шерстяная клетчатая рубашка сына с двумя большими карманами на груди. Эти карманы всегда её выручали. Она вложила в один завернутые в старый носовой платок украшения: опасно оставлять дома или в ларьке. В другой – документы и на всякий случай – кусок туалетной бумаги. Мало ли что, вдруг прихватит живот. Задумалась, не сменить ли ей эту рубашку (уже неделю носит). «Ай, ладно, в киоске ведь». Сняла грязный темно-синий халат, повязала голову свалаявшимся шерстяным платком. Поверх рубашки надела старый пуловер своего покойного старика, накинула на плечи потертую куртку сына (хорошо, что заметила, когда он бросил ее в гараже: ведь мог отдать своему водителю, а куртка еще ничего) и, тяжело дыша, кряхтя, нагнулась, чтоб подтянуть замки на сапогах. Тесные старенькие джинсы сына, еле-еле стянутые на пуговицу, но не застегнутые на «молнию», переламывали живот пополам, не давая согнуться. Кое-как покончив, наконец, с обувью, аккуратно прикрыла дверь и, проследив, чтобы сноха, вызванная заменить ее, да и за старухой присмотреть (та никак не захотела остаться на квартире одна), закрыла за ней дверь, вышла на улицу. Поставила на землю пакет (опять не подмели эти дворники – сорлылар*, вокруг все заплевано, а ведь деньги исправно берут), оглянулась кругом, постояла, чтоб отдышаться. Немного остыв, но, не запахивая и не застегивая куртку, пошла по аллее, заглядывая в окна первого этажа.

«Слава Аллаху! – думала она, – на чёрный день кое-что есть, есть и норковая шубка, и дубленка, и золотишко; все это когда-то было у жены начальника покойного мужа. Но зачем это все показывать?! И перед кем? Но надо будет – и покажет! Вот только одно не радует: годы уходят. По молодости красивых вещей особо не было, на работу в овощной ларек не наденешь, да и сейчас – надень, скажут: богатенькая и начнут просить взаймы. А у родственников дети постоянно что-нибудь да натворят, вечно попадают то в милицию, то еще куда. Мамаши воют, вытаскивая их оттуда. Без конца нужны деньги на взятки, чтобы что-то утрясать. Так что покою не дадут. А та вчерашняя хозяйка! Перед глазами предстала смуглая до черноты полная женщина со щеками-помидорами; под одним глазом шрам (муж что ли отметину сделал?! метка отменная!). Нос картошкой, да картошка-то какая! А волосы подняла надо лбом старомодной высокой прической, и думает, что стала неотразимой! А тапочки-то, боже мой, какие! Стоптаные в разные стороны, как будто специально, в разные стороны! Как будто нараскаряку ходит.

«Х-хе-хх-е», – не удержалась она, хмыкнув вслух.

Какая-то девица, проходившая мимо, вопросительно поглядела на нее.

У входа в киоск Калдыгуль остановилась, чтоб передохнуть, затем, поставив правую ногу на верхнюю плиту сложенных друг на друга бетонных блоков, с усилием опираясь на колено, приподняла свое грузное тело, толкнула дверь. В лицо дохнуло паром варившегося мяса, затхлым запахом слежавшихся вещей, стиральных порошков и моющих средств, китайских игрушек и прочего товара. В проеме перегородки, завешанном выцветшей занавеской, которая всколыхну-

лась от сквозняка, показался муж Райхан.

Там, куда ступила Калдыгуль, было темновато, хотя на коротком шнуре болталась голая «стоватка». Половина большого киоска отгорожена под жилье. Стены оклеены рекламными плакатами, увешены для сохранения тепла дешевыми одеялами советских времен, такие бывали в пионерских лагерях или в армии у солдат. Поверх одеял на гвоздях висела одежда хозяев, их детей. Прямо у порога стоял тазик с кумганом и мыльницей. На полу разложены на старом линолеуме расплющенные картонные коробки, а поверх них расстелены старые дорожки, кошма и потом – турецкие искусственные ковры. В дальнем углу на полу аккуратно сложены стеганные одеяла.

«Да, нищета, – подумала Калдыгуль, – Где же им, целой ораве, спать как не на полу». На клеёнке с рисунком в крупную клетку, расстеленной среди цветистых стеганых одеял курак-корпе*, были рассыпаны баурсаки*, сладости, на тарелках лежит холодное мясо, казы*, исходит паром металлический электрический чайник. Тут же рядом у стенки на электрической плитке с открытой спиралью в большой алюминиевой кастрюле варится мясо.

Калдыгуль, повздыхав, попросила разрешения не снимать сапоги, сказав, что еле натянула их. Райхан с готовностью согласилась, стараясь не показать, что ее покорила просьба Калдыгуль: ведь она постелила лучшие свои корпе*. Та потопталась для виду, как бы вытирая подошвы, затем прошла по краю кошмы до конца, обогнула и прошла к центру, затем, подогнув край одеяла, присела бочком, вытянув ноги в сапогах в сторону. Три женщины сидели за дастарханом, поджидая ее. А она специально не торопилась: не годится взрослой солидной женщине торопиться.

– Ай, Ажар, как давно не виделись мы с тобой! – она повернулась, чтобы поцеловаться с Ажар, сидящей рядом. Остальные встали, подошли, с ними она тоже поцеловалась. Женщины продолжили разговор, прерванный приходом Калдыгуль. Все они, кроме Ажар, были из одного аула Шымкентской области. Вспоминали знакомых. Оказалось, что многие земляки перебрались в Алматы, большинство, как и они, работали в комках, на оптовках. И сейчас женщины оживленно обменивались новостями. А Калдыгуль уже приглядывалась к дастархану: вкусные запахи мясных деликатесов перебивали все остальное. Смугленькая маленькая Райхан постаралась: лоснились жирные, толстые, тугие кольца казы, карта, желтым салом поблескивала жая*, было три-четыре вида салата.

А спиртного сколько! Калдыгуль не пила, остальным налили коньяк. Все с удовольствием выпили: коньяк был настоящий, казахстанский, только появившийся, «пузатый», сувенирный. Женщины дружно закусили, налегая на казы и карта. Голоса их в начале застолья степенные и неторопливые, теперь разгоряченные коньяком, зазвучали громче, слышался веселый смех. На минутку заглянул муж Райхан, чтоб пожелать им приятного аппетита. Имя у него было звучное: Кышкашбай! (то есть Щипцыбай). Но сам он никак не соответствовал обязывающему к предприимчивости имени: добродушный, мягкий, он был доволен: все как у людей, у него тоже дома гости, согым-басы. Женщины заставили его присесть, поговорить с ними, за прилавком его ненадолго заменила жена. За стеной киоска урчали автобусы, проносились с шумом машины, слышны были приглушенные голоса пассажиров на остановке. Дым, чад, резкий запах бензина. А внутри было веселье и новизна, взволновавшая привычную, затаившуюся и чутко ко всему прислушивающуюся жизнь ее тихих обитателей, сейчас уверенно снующих из одной половины в другую, как будто у себя дома, в далеком ауле, где все понятно и близко сердцу.

По-настоящему тепла еще не было, через день шли дожди, дули ветры; в промежутках между тусклыми, затянутыми будто свинцовой пылью днями, когда тучи собирались над городом, давяще, зловеще, подступала ненормальная жара. Большой город, казалось, попал под чье-то проклятие или, во всяком случае, недоброжелательность: всю весну и начало лета только серые дожди, а между ними то изнурительная жара, то пронизывающий до костей холод, а тепла нет. Вернувшись в магазинчик, Калдыгуль накормила мать принесенными деликатесами. Старуха, согнувшаяся, с кротким взглядом, то и дело поднимая ладони для благословения, сидела в уголке. Аккуратненькая, безобидная, тихая старушка. Она не могла разогнуться, давний то ли артрит, то ли ревматизм скрутил старые суставы. Коленки не сгибаются. Вчера медленно, охая и поминутно вздыхая, придерживаясь за стенки, прошла в туалет, оставила дверь приоткрытой, чуть согнула спину и, стоя, спустила скупые капельки. Потужилась. Еще несколько капель. И так же поминутно охая, поднялась и, хватаясь за углы скрюченными, искривленными ревматизмом черными пальцами, пришла назад. Через короткое время опять пошла в туалет. Дочь, сидя на кухне, наблюдала за ней. Восемьдесят пять лет! А ведь еще здоровая. Лет пять назад умерла ее младшая дочь, она была на два года младше Калдыгуль, до этого умер старик, а еще года за два – старший сын, которому было-то всего пятьдесят девять лет. Ненадолго пережила его вдова. Пятеро детей остались сиротами, правда, старшие уже теперь стали на ноги. И всех их старуха пережи-

ла; после смерти дочери думали, что она не выдержит. Нет, ничего. Appetit хороший, ест все подряд.

Дочь неприязненно глянула на мать. Только из туалета и опять на кухню. Сядет в уголок и ждет чая или чего-нибудь поест. Меры не знает, иногда до туалета не успевает дойти. Лучше так не жить – пальцами в дерьме пачкать кафель, накапать на пол, не сливать воду за собой, оставлять такой запах, будто эскадрон испражнялся. Может, гниет что-то внутри? Полуживотное состояние – жрать, с-ть, спать. Подумала: а что если старуха чужой уже век живет?! Стало жутковато...

Лицо матери показалось на миг зловещим, темный лик ее был сумрачен: не оборотень ли сидит рядом, не вампир, не жалмауз-кемпир*, прости, Господи... а иначе как понять, что всех пережила. Вдруг вспомнила, что старуха подолгу жила у тех, кто умер. И жила-то перед их смертью; незадолго, месяца за два-три вдруг она уходила жить и к умершему сыну, и к его вдове с детьми вдруг однажды собралась да и осталась у них надолго. А сноха перед смертью не хотела видеть ее, просила не пускать к себе в комнату, может, не могла простить, что старый человек продолжает жить, а она, еще молодая, уходит, оставляет детей.

И у дочери в Жамбуле жила, тоже за несколько лет до ее смерти, однажды они даже крупно поссорились, может быть, бедная покойница тоже подумала, что противоестественно, когда уходят дети, а матери их хоронят...

Стало нехорошо, тревожно. Вновь глянула Калдыгуль на мать, та сидела, сгорбившись, кроткая, тихая... Что это ее дернуло приехать к ней? За очередной жертвой прикатила? А что если это правда, что бывают матери-вампиры, ведь это ненормально, что восьмидесятипятилетняя старуха запросто так и шастает по гостям к своим детям, а потом те мрут, кто сразу, кто через несколько месяцев, а она продолжает жить.

Вот и вчера при гостях (а она обязательно выйдет к столу, оставаться в комнате, отведенной ей, не заставишь) вдруг ее потянуло на какие-то нравоучения, стала учить, о чем вести разговоры – об исламе.

– Да подожди, дай людей послушать! – сказала в сердцах Калдыгуль.

Старуха замолчала, опустила глаза, пальцы перебирали платок, теребя кончики. Вдруг она неожиданно засмеялась. Тихий дробный смешок, похожий на кряхтение, так же неожиданно прекратился. Все недоуменно взглянули на старуху.

– Ты чего? – спросила дочь.

Засмеявшись снова, шамкая провалившейся дырой рта, она ответила:

– А чего не смеяться, смех это хорошо. Пусть Аллах не лишает смеха.

Гости переглянулись и закивали головами:

– Да-да...

Может быть, это уязвленное самолюбие, глубоко загнанная гордость; обиженная, ненужная, лишняя для всех и, прежде всего, для собственных детей. Вынужденная жить в молчании, говорить только тогда, когда обратятся. Иногда гордо делать вид, что не слышит, заставлять несколько раз задавать один и тот же вопрос и таким образом тешить свое самолюбие...

Калдыгуль долго не могла заснуть, все вглядывалась в темноту проема двери, забылась и чудилось ей, что мать (прямо как в фильме, а в каком не помнит!) идет к ней, глаза устремлены куда-то вверх, в невидимое; черное лицо – контраст с седыми, всклокоченными жидкими волосенками, торчащими устрашающе, глаза ввалились, глазницы красные. Руки вытянуты вперед, кажется, вот-вот ухватятся за что-нибудь, может, даже за волосы, за волосы дочери... Женщина инстинктивно хватается за голову, ладонями обеих рук прикрывает ее... «А...ааа...а», – в ужасе кричит она и просыпается. И долго еще страх не отпускает ее, будто сон продолжается, но только наяву.

Вдруг удар ... зловещий: «Бом»! Она вздрагивает.

Господи, да это же часы! То ли пол-первого, то ли час.

«Нервы ни к черту, что попало в голову лезет, она ведь мать мне родная, приехала, потому что соскучилась, даже кофтенку свою подарила, отрез на платье привезла»...

Примечания

Куырдак – жаркое.

Шарбы-май – нутряной жир.

Беш – национальное блюдо из мяса и сочней из теста.

Казактар – казахи.

Бишара – плебей.

Шорпа – мясной бульон.

Казы, карта, жая – деликатесы из конины.

Баурсаки – жареные кусочки теста.

Бишара – бедолага.

Дворники-сорлылар – несчастные дворники.

Курак-корпе – лоскутное одеяло-матрасик.

Жалмауыз-кемпир – баба-яга.

Лиля КАЛАУС

Родилась и живет в Алма-Ате (Казахстан). Литератор, журналист, художник. Филолог по образованию, работала преподавателем русского языка и латыни, редактором, корректором, координатором программ благотворительного фонда. Публиковалась в казахстанских журналах «Простор», «Нива», «Аполлинарий».

Книги: 1992 г. – Сборник стихов и графики «Женщина и символ».

1995 г. – Сборник «Бестиарий Лили Калаус».

2003 г. – «Стихи и рисунки. Избранное».

2005 г. – «Роман с кровью и другие повести».

Публикации: повести «Старая дача», «Женихи» – журнал «Простор» (Алматы), 2001 г.; повести «Роман с кровью» и «Буря в стакане воды» – журнал «Нива» (Астана), 2002 г. Книга стихов «Бестиарий» – 2003 г., сборник «Роман с кровью и другие повести» – 2005 г. С 2001 года – главный редактор казахстанского журнала «Книголюб».

Личный сайт «Бестиарий Лили Калаус» (bestiarius.hobby.ru).

Тёмные паруса

Мелодрама в 9 картинах

Картина 1

Весь день было пасмурно. Небо гудело над крышами, давило на горы, угрюмо нахохлившиеся на юге, пригибало к земле мятежные головы верненских вязов, кажется, сосланных сюда когда-то вместе с дагерротипами, латунью подозрительных труб, кружевом зонтиков, казачьими станицами, синематографом «XX век» и прочими философами-садоводами-революционерами-инженерами-строителями-поляками-корейцами-японцами-татарами-немцами-эстонцами-евреями. Этот жутковатый гул, навевая неизбежные мысли о девятибалльном землетрясении, сгущал воздух, и он, воздух, упруго шёл по дыхательным путям, через силу выдувая сквозь сетку сосудов пузыри кислорода.

В пять пополудни сизая муть была электрифицирована свечением невидимого, но близкого солнца. И уродливый город медленно и мягко зажёгся изнутри янтарным величием русского барокко.

Так бывает в Средней Азии.

Нет, это не девятиэтажные шлакоблочные дома уныло ползут за окнами маршрутки, затравленные стаей праворулек, а мраморные, обрубленные в бёдрах ноги колосса шагают, не зная ещё о судьбе остального тела, шагают, истекая потоками горячего света, бодро, по инерции...

Лида вздохнула. Сейчас, кажется, принято говорить «Центральная Азия». Западный здравый смысл, как всегда, на практике оборачивается могучим комплексом национальной неполноценности. Какие ассоциации порождает эта самая «Центральная Азия»? Пупочная грыжа Вселенной? Жлобский веб-говорок на форуме, где каждые пять секунд всплывает рекламная скважина порносайта? А скажешь: «Средняя Азия» – и как хорошо, сразу перед глазами стрикашка-дехканин в драной тюбетейке, верблюды с ишаком, бесформенные тётки в полосатых робах, выводок грязных детишек, пыль и навоз, медленно, но верно разрушающие всё, что построено не из пыли и навоза...

Лида пожала плечами. Для журналиста – мелко, для менеджера с кривой от телефонной трубки шеей – просто набор слов. Жорик бы в этом месте крикнул, выматерился и сказал: «Валить отсюда надо, ясен корень».

Вспомнив его доброе круглое лицо, Лида улыбнулась.

Да. Вздохнула, пожала плечами и улыбнулась. Вот и всё, что она, Лида, умеет. Нет, прав Жорик – тряпка она. В её-то возрасте пора бы уж научиться принимать решения. Дальше Лида думала ещё о

чём-то, но мысли мельчали, суетливо ёрзали, вырождаясь до меню завтрашнего обеда вперемешку с прайсами, каталогами, накладными, ногтями налоговички, вечерним маршрутом в супермаркет.

А дивный свет всё ещё дрожал в пространстве, отбрасывая радужки на потные лица пассажиров маршрутки. Слава богу, пробка тронулась с места. После брежневских панелек косяком пошли пафосные особняки недавней застройки. Удивительно, как быстро жёлтые зубы Азии сдирают с них гламурную шкуру евродизайна. Сначала дранка проклюнется над вычурной бровью лепнины, потом зеркальные окна покроются коррозией грязи, по стенам вскарабкается грибок, на сверкающих дверцах суперскоростного лифта кто-то криво прилепит скотчем бумажонку «Остановка на 1, 3, 8 этаже просьба ненажимать на др.», а потом – бац, и перед вами уже обычный дрянной домишка в Азиатчине, и никакие домофоны, ажурные заборы, будки охранников, фонтанчики у входа и прачечные в подвале не спасут и не помилуют...

Свечение исчезло. И ртутное море ослепительной жары мгновенно, до плохо пригнанных бетонных черепных костей, выжгло лицо города.

Лида неловко прыгнула с подножки маршрутного такси, вырвала подол белой юбки из-под ноги кондукторши и засеменила прочь. На углу она остановилась, достала из сумки ежедневник и, шевеля губами, ещё раз вчиталась в адрес.

Через четверть часа блужданий по геометрическому ландшафту, вообще характерному для Алма-Аты, трижды выйдя к одному и тому же заросшему какой-то прошлогодней осокой футбольному полю, ошалев от жары, Лида взяла тайм-аут, нырнула под арку, не сразу прикурила и некоторое время топталась в тёмном, зарешёченном со двора, проходе. Под куполом арки, рассчитанной по высоте на крупного слона с магараджей на борту, отрешённо выл ветер. Докурив, Лида машинально вошла во двор и сразу же увидела нужный ей дом – стоящую под неправильным углом к остальным постройкам невзрачную хрущобу, полузадушенную купами вьюнка.

Подъезд, пропахший тяжким кисло-молочным духом, невысокие, крошащиеся мозаикой ступеньки, на каждой лестничной площадке теснятся по четыре разномастные дверки. Второй этаж – детские вопли заглушают телеперестрелку. Третий этаж – злобное мяуканье и гортанный телефонный разговор. Четвёртый этаж – топот сонма мелких ног слева, сдавленное хихиканье справа, органные всхлипы прямо по курсу, и – тягучая тишина за дверью с мелом нацарапанным номером квартиры. Лида позвонила, раздались алябьевские трели. Открывать не спешили. Лишь после третьей, несколько нервной уже рулады, кто-то припал к глазку.

– Ну?

– Это Лида... Э-э-э... Меня Ася... То есть, Асия Нуркатовна послала. Мне нужна... Сейчас... Э-э-э... – Лида полезла за ежедневником.

За дверью ждали, не отлипая от глазка.

– А...Аделаида Павловна дома?

– Тебе зачем? – глумливо спросили из-за двери. Голос был не мужской, не женский, а какой-то пакостный.

– По творческому вопросу! – выпалила Лида.

Дверь распахнулась. Лида ступила в тёмное чрево прихожей. Лохматый собеседник мелькнул в аппендиксе коридора застиранным ликом Че Гевары и исчез. Лида огляделась. Обувь пыльной кучей свалена в углу, на вешалке – сиротливая шуба. Овальное зеркало с крошащейся от старости амальгамой безразлично отражает кургузый силуэт бабы лет тридцати пяти. Пегие волосы стоят дыбом над одутловатым лицом, оправа тонкого металла создаёт ложное впечатление гимназического пенсне, картину довершает изжёванная майка с принтами – бэкграунд для мобильного на шее – в ансамбле с косо сидящей марлевой юбкой.

Откуда-то донеслось:

– ...Через неделю. Да. Мой творческий вечер (пауза). «Судьба моя, ромашечка». Да-да, так и называется. И презентация одноимённой книги. Записали? Это у вас малыши так кричат? Очаровательно... Диск? Да-да, и диск будет. И прэсса. Вообще-то, всеми этими делами занимаются мои дети, Ася со Славочкой. И рекламой, да. Да, повезло. МНЕ – с детьми повезло (ироническая пауза). Они приглашают основную массу народу. Я звоню лишь избранным. Помните? «Нас мало, избранных...» Нет-нет, народу будет много, уже приглашено сорок пять человек. Да. Значит, четырнадцатого, в восемнадцать, в Академии наук, в Доме учёных. Да. Да-а... Да? (долгая пауза, прерываемая свистящими вздохами).

Лида сковырнула босоножки и, осторожно ступая, пошла по грязному полу на голос.

Посреди комнаты, на высоком троне, восседала Снежная Королева. Трон Королевы был повернут спинкой к окну, и вся её фантастическая фигура сияла в броуновских клубах солнечной пыли. Голубовато-седые, скрученные в причёску «Помпадур» локоны, пудренное длинное лицо в надменных морщинах, сверкающие бриллиантовыми брызгами мочки ушей и грациозная кружевная шея. Складки льдисто-блескучей шали, лежавшей на коленях Королевы, торжественно ниспадали на требующий немедленной циклёвки паркет. Из-под серебристой парчовой тоги кокетливо выглядывали носки бисерных монгольских туфель.

– Ко мне пришли... Нет-нет, прошу вас. Простите, дорогая. Да-да. Всего хорошего. Кстати, вы не могли бы пригласить на мой творческий вечер Фридриха Орынбаевича? Спасибо, милочка. Что вы сказали?

Королева слабо помахала Лиде и приторно улыбнулась в трубку.

– Мило... Мило... ЧТО?!

Это было подобно разрыву лимонки. Лида, уже нацелившаяся на покосившийся от старости пуф, покачнулась – и сидалище её ушло в сторону... На крик боли из соседней комнаты выглянул давешний пакостник, подло ощерился:

– Превед, медвед.

Не обращая внимания на ползающую по полу Лиду (очки, гадство, слетели, что за жизнь, блин), Королева взвыла:

– ГДЕ напечатали? ВАС? ВАШИ стихи? (пауза, румянец пробивается сквозь пудру, холёные пальцы когтят дорогую шаль). Не хочу вас расстраивать, дорогая, но... Боже, но ведь эта самая ваша «Литеразия» – совсем для стариков. Да-да! Нет, не спорьте! Никогда не предлагала и не предложу, хотя и просили. Да, ПРОСИЛИ, сама Земфира, заведомо поэзии и прозы, да вот, хотя бы в прошлом месяце. Совсем, говорит, некого печатать, одни графоманы, выручайте, дайте подборочку. Кто – графоманы? Это я не о ВАС, дорогая... А я ей так сказала: «Я, Земфирочка, себя почитаю молодой, современной и полной творческих открытий. Я вам не по зубам! Не по Сеньке шапка, знаете ли». Так и сказала, вообразите. Да-да, например, недавно я открыла себя в интернете. В интернете. Если нажать пальцем в компьютер, любой может ознакомиться и даже послушать. О нет, ВАС послушать я сейчас не могу. Дорогая, что там происходит? Уймите этих ваших детей... Да... Нет... Понимаю, что ночью... Стихи приходят ночью? А-а-а, муж. А мои песни рождаются во сне, иной раз просыпаюсь – и пою, пою...

Голос Королевы мягчел, мягчел и на последних словах вновь зажурчал. Лида отряхнулась, уселась на пуф и принялась оглядывать обстановку.

Стандартная панельная «трёшка». Это, видимо, «зал». Письменный стол с машинкой «Москва». Мордатый кожаный диван с полочкой и слонами. Шкафчик-горка у двери забит разноразными рюмками и бокалами, книжками, папками, кустарными изделиями из глины, ракушек и корней, древними квартирными квитанциями. На стенах, как в домике Карлсона, висит всякая дрянь: выцветшие фото и дагерротипы, пучки иссохших букетов, мятая подзорная труба, политическая карта мира, плётка-семихвостка, сувенирные лапти, загаженная мухами репродукция «Моны Лизы», гитара с переводными портретами Высоцкого, Галича и Марины Влади. Пахнет корвалолом и плесенью.

Рядом с креслом – передвижной столик: чашки, заварочный чайник, укрытый апоплексической куклой, блюдо с несколькими изюминками.

– Да-да. Профессор Шконский-Матюшко? Мы дружим домами. Будет непременно. Разумеется! Но мне пора, дорогая, меня ждёт журналист из весьма солидного издания. С фотографом. Извините, сейчас послушать вас не могу, решительно не могу... Прощайте.

Королева, наконец, повернулась к Лиде.

– Здравствуйте, моя дорогая! Вы представляете? Подумать только, эта странная женщина собиралась читать мне свои стихи по телефону! – Королева пожала плечами и страдальчески за-

катила глаза. – Хотя, видит Бог, иной раз приходится выслушивать и не такое. Богема! Прошу вас, присаживайтесь поближе, вот хотя бы на диван, тут удобнее. Кстати, вы могли бы и не снимать обувь. Это вообще-то очень пошло, я ведь воспитана в московских, знаете ли, традициях. Очень, очень пошло: заставлять гостей разуваться, портить им настроение... Проще пол потом вымыть. Ну, как хотите, конечно. Мой покойный муж, физик-теоретик, Леонид Яковлевич, так и говорил гостям: «Прячьте копыта!». Шутник был, песни такие пел – закачаешься. Красавец, ловелас... Но – секретнейшая работа, сероводородная бомба! Он, бедняга, помнится, говаривал: «Вся жизнь прошла в подвале» – в подполье, значит. Это шутка такая семейная... Да... Как, простите, вас зовут?

– Лида, – сказала Лида, встала, шагнула к дивану и тут же наступила на чёрт знает откуда выкатившуюся кнопку. – Ай!

Королева по-птичьи вытянула шею:

– Что? Что? Как вы говорите? Липа? Лира? Да вы садитесь, садитесь, Лирочка, голубчик. Славик! Поздоровайся с прэссой. Липочка, в котором издании вы работаете? Хотите чаю? Славик! Подогрей чайник, да сколько же можно кричать?

Славик, вонючка, безмолвствовал.

Лида осторожно присела на скользкий диван, достала из сумки блокнот, ручку, побитый жизнью кассетный диктофон.

– Э-э-э... Я представляю, как бы, журнал – «Вселенная ньюс». То есть, я хотела сказать, газету... Нет, скорее, журнал. Ну, «Новости Вселенной», то есть.

Аделаида Павловна всплеснула руками:

– Неужели Вселенной? Что вы говорите, голубчик? Славик, ты слышишь?

Из-за стенки глухо донеслось:

– Аффтор, выпей йаду!

Лида смущенно покашляла и включила диктофон.

– Аделаида Павловна, вот, на самом деле, первый, так сказать, вопросик...

Аделаида, не слушая её, вдруг громко сказала куда-то вбок:

– Чай, моя дорогая, хорошо бы подогреть. ДА, ХОРОШО БЫ. Знаете, сейчас, в эти дикие и заполошные нынешние времена совершенно пропала культура старого доброго чаепития. Вообразите, такого уютного, домашнего, с самоваром, с семьей, с пирогами. – Голос её поднимался всё выше и выше. Реакции со стороны гадёныша-Слафика, однако, не было.

Лида выключила диктофон:

– Давайте, э-э-э... Я чайник поставлю.

Не слушая, Королева выкрикивала, раздувая венозные щёчки:

– С песнями и воспоминаниями! С друзьями! С соседями, с родственниками, наконец, сволочь, ты слышишь?! Сволочь! Пар-разит!

Лида от стеснения полезла в сумку.

Из комнаты ответно завопили:

– Твою мать! Аццкий сотона!

Мимо промчался хмурый Че, на кухне что-то вдребезги грохнуло, потом чуть ли не одновременно рванула вода, хлопнула дверь и взревел унитаз.

Аделаида Павловна расправила складки тоги и, охорашиваясь, потекла молочной рекой в кисельных берегах:

– Ах, Липочка, знаете, нынче времена совсем, совсем другие, поверьте мне... Бездуховные какие-то, чёрствые, эгоистические времена! Никто нас не слушает. А ведь только мы, старые люди, часто выглядящие несовременно, эдакими бронтозаврами, только мы, повторяю, можем поведать миру что-то такое, что вы, молодёжь, днём с огнём не найдёте...

Лида, кивая, включила диктофон. Выходные, конечно, пропали. А они ведь с Аськой даже не подруги, так, в одном офисе сидят. У Жорика заказ большой, два балкона стеклить, можно было бы дома прогенералить спокойно, да окна помыть, пирогов с капустой напечь, к своим на кладбище съездить...

– ...Нас ведь, настоящих людей искусства, так мало в этом городе, – разливалась тем временем Аделаида. – Все друг друга знают. Я вот что, Лизочка, хочу у вас спросить. Скажите, а кто вам порекомендовал обратиться ко мне? А? – Аделаида говорила всё суше, глаза её вдруг метнули маленькую молнию, губы недоверчиво поджались.

Лида покраснела.

– Кто вам дал мой адрес и телефон? – гаркнула Аделаида.

Лида зачастила, как мелкий жулик:

– Кто дал телефон? А, это, как бы... Э-э-э... Ну, то есть, я хотела сказать, там Охрамеев такой есть, Мэлс Юрьевич. Да я сейчас визитку его найду, – она судорожно опрокинула на диван сумку. – Вот! Директор. Это такой клуб... Кажется, для ветеранов и инвалидов литературного труда.

Славик на пороге заржал, как конь, едва не обварившись кипятком.

Аделаида Павловна белогвардейским движением вскинула голову:

– Что такое?! Какие инвалиды литературного труда?! Что это, дайте-ка мне! – Королева вырвала у Лиды из рук визитку и, шурясь, прочла: «ЭДЕЛЬВЕЙС. Ассоциация ветеранов ВОВ и инвалидов труда. Литературный клуб».

– Я и говорю... Ветераны. Мэлс этот, как его, Юрьевич.

Славик поставил горячий чайник на пол у кресла и, уходя, издевательски пропел:

– В Бабруйск, животное!

В комнате повисло молчание. Старуха, мрачно нахохлившись, изучала визитку. Лида робко выдавила:

– Может быть, вы, Аделаида Павловна, уже... На самом деле... Э-э-э... В смысле, первый вопросик...

После мхатовской паузы Королева холодно вымолвила:

– Я думаю, моя дорогая, нам надо вначале как следует познакомиться. Расскажите, где вы, собственно, учились? Из какой вы семьи?

– На журфаке. Это, в КазГУ. Э-э-э... Мама и папа – врачи. То есть, стоматологи... А что?

– Да так, ничего... – как бы про себя заметила Аделаида.

Потемнело. В городе начиналась буря, застонали, ломая шапки, карагачи, ветер вдул в комнату горсть лиственного конфетти.

Помолчали. Лида, всё ещё заливаясь румянцем, машинально щёлкала кнопками злополучного диктофона.

Наконец, Королева смилостивилась:

– Ладно, Липочка, пока мы с вами ждём фотографа, я вам – так и быть – спою. Дайте мне гитару, будьте добры!

Лида, мельком глянув на часы, послушно сняла со стены инструмент, стряхнув с пышного банта сор и барханчики пыли.

– Пожалуйста, Аделаида Павловна, только насчёт фотографа... Это... Там накладка получилась, на самом деле, и он сегодня не...

Королева коротко взмахнула рукой и мечтательно произнесла:

– Песня старенькая. Да что там – без лишних слов можно сказать: алма-атинские барды до сих пор почитают её своим гимном. Итак...

Она тронула провисшие струны гитары и запела неожиданно приятным сопрано:

Мои ромашки встали стеною,
Мои ромашки цветут надо мною.
В глазах бело и желто,
На сердце мука,
Как жаль, что чувство ушло,
Пришла разлука...

Как жаль, что в мире ужасном
Поют и цветут ромашки напрасно,
Как я хочу всем вам крикнуть –
Нельзя головою поникнуть!

Надо смело и гордо
Рвать ромашек букет!
И забыть навсегда,
Что было – как будто и нет его...

Мои ромашки встали стеною,
Мои ромашки цветут надо мною...
Из комнаты Славика донесся иронический посвист.

– Ну, как вам, Линусик? Нет-нет, скажите – вам действительно понравилось? – устало проворковала Королева, оглаживая облезлый бок гитары.

Лида, которая всё это время тоскливо размышляла о своей чёртовой неспособности сказать «нет», о том, какой скандал закатит ей Жорик, не найдя ужина, о накрывшемся медным тазом походе в супер, с мукой оглянулась и вдруг выпалила:

– Я вообще-то бардов как бы не очень. В смысле, не обижайтесь, ради бога. Я имею в виду... Это... Э-э-э... Может, интервью начнём?

– А я и не бард. Как вы могли такое подумать? – сейчас же отложила гитару Аделаида Павловна. – Это так, грехи молодости. Знаете: костры, горы, молодые геологи. Барды! – фыркнула она. – Это же самая настоящая масонская ложа! А я всегда хотела быть не похожей ни на кого. Свободно и смело открывать своё творчество миру. В полном, между прочим, масштабе и объёме. Когда я собиралась замуж, я сказала своему будущему супругу, Ивану Алексеевичу, я вам говорила о нём, физику, так вот, я сказала: «Ваня, я не буду домохозяйкой, я должна творить, ты меня не прикуёшь к плите!» Вы наливайте, наливайте чаю, Лирочка. Не стесняйтесь. А мне совсем слабенький. Угощайтесь – сахар, пожалуйста...

Картина 2

Лида в прострации пила пятую чашку пустого чаю. Дико хотелось спать. Королева вещала.

– ...Очень люблю осень. Знаете, такую промозглую, серую, когда холод пронизывает до костей. И лужи. И чтобы обязательно сырость, мокрость всякая с листьев капала, и всё такое осклизлое во круг, как будто небо и земля сходятся – как половинки книги. Я раньше часами могла бродить под этим низким небом, такие мысли интересные в голову приходили. Но лучше бродить с кем-то, с другом, подругой, курить в маленьких двориках, пряча в рукав сигаретки. После спектакля, например...

Голос старухи звучал всё глуше, стены комнаты расступились и выросли, потом сделались прозрачными и пропали, сверкнув на прощание всполохами Северного сияния. Лида и Королева оказались на пышном летнем лугу посреди безбрежного леса: звенела, неподвижно зависнув в воздухе, какая-то искристая мошкара, пахло тиной и сеном, в высоком небе переливался злой зрачок солнца.

– ...А вы театр любите? Я когда-то наизусть знала репертуар нашего Лермонтовского. Актрисой мечтала стать, поступала даже. Давно ещё. Тогда ведь время было другое, люди стремились к духовному, вечному, не то, что сейчас. Между прочим, я в любительском театре имела большой успех. Чего мы только не ставили! А какие вечеринки мы закатывали, когда сюда приезжал Галич! А Театр Сатиры?! Я ведь с самим Мироновым на брудершафт пила, представьте себе! А потом – замужество. По любви, конечно, по страсти даже...

Лида обнаружила, что сидит на мшистом тёплом камне, в одной руке у неё какая-то кривая доска со струнами, а в другой – костяная чаша с иероглифами по периметру, наполненная алой кровью, сама она одета в пахнущую кошкой пятнистую шкуру.

Аделаида вдруг нахмурилась, и голос её зазвучал объёмно, с громовыми раскатами, так, что трава вокруг пошла длинными волнами, как в фильмах Тарковского, а у Лиды засвистало в ушах:

– ...Вы страстный человек? Я – очень. У меня цыганская кровь есть, вообще, во мне много всего намешано. Папа мой – татарин, очень образованный, его из Казани сюда выслали в 36-ом, а мама – наполовину цыганка, наполовину полька. Коренная верненка, училась в женской гимназии, там сейчас худграф, сестрой милосердия была в Первую мировую. После революции в машинистки пошла, а в конце двадцатых с самим Троцким дружила, его тоже тогда сюда сослали. Чудом потом в лагерь не загремела, времена были – ужас... Её отец, мой дед, был из сосланных поляков, Станислав Проклевский, красавец необыкновенный, инженер-строитель, пол-Алма-Аты построил, с самим Альфредом Бремом в экспедиции ходил – здесь, по нашим горам. А вы знае-

те, что метисы – самые красивые и талантливые дети? Да-да! Внешностью-то меня бог не обидел, а насчёт таланта – судить не мне...

Вдруг из леса показался сосредоточенный Жорик под ручку с каким-то типом в кожаных доспехах и золотом шлеме с косыми дырками для глаз. Тип швырнул наземь громадный овальный щит, уселся рядом, усадил Жорика к себе на колени и... Лида в великом смущении принялась подробно рассматривать щит: на нём были выдавлены, выбиты, выжжены и просто от руки нарисованы смешные движущиеся картинки. Вот Дональд Дак стреляет из дробовика в живот Белоснежке – веером разлетаются внутренности, истлевшие гномы весело пляшут вокруг...

– ...И супругу я так сказала: дети у нас будут, непременно. Я вложу в них то, что сделает их не просто настоящими людьми, а людьми искусства. Тонкими натурами, восприимчивыми к прекрасному. Тут нужна была особая мудрость. Кроме того, вы знаете, я сказала себе, что я должна воспитать детей прежде всего самостоятельными, активными личностями. Они должны уметь постоять и за себя, и за своих близких. Я не люблю всяких нежностей, я – строгая мать...

...Царь Агамемнон в пафосных туфлях от Гуччи выкалывает флешкой глаза царю Эдипу, жирная Даная, пересмеиваясь с волхвами в мерседесах, душит младенцев под Вифлеемской звездой, Иосиф и Платон весело пият двуручной пилой ньютонову яблоню в Эдемском саду, и вокруг всего этого растёт, как зубы дракона, громадный деревянный забор с исполосованной срамными словами шкурой...

Лида дёрнула затёкшей шеей, судорожно зевнула.

– ...И посмотрите, что получилось! Замечательные, самостоятельные, бодрые и жизнерадостные люди! – торжествующе завершила Аделаида Павловна. – Асенька, здравствуй, милый!

Лида с надеждой оглянулась. На пороге стояла Аська – замордованная, с тёмными подглазьями, взъерошенная, как драчливый воробей. Хорошенькая, как всегда. Бросив на пол пакеты, пошла к дивану, бормоча:

– Как я устала! Пропади всё пропадом. Проклятые деньги. Суки, задрали меня. Как я всех ненавижу. Чтoб вы все сдохли!

– Ася, у нас прэсса, – с нажимом сказала Аделаида.

Аська уставилась на Лиду.

– А? А-а-а... Здравствуйте.

Лида кивнула и сделала Аське большие глаза.

– Это Липочка из «Вселенной ньюс». Вообрази, мой милый, ей дал телефон дядя Мэлс. Помнишь его? Такой несчастный одинокий старик... Абсолютная бездарность.

– Ну, – Аська пожала плечами. – Так вы уже всё записали, интервью, то есть?

– Лизонька, познакомьтесь, это Асия. Моя дочь. Асенька у нас менеджер. Искусство променяла на пенёндзы... Это у нас такая шутка семейная, Лирочка.

Ася сморщилась, как от зубной боли:

– Мама, ты лекарство пила?

– О боже, за разговорами я совсем об этом позабыла. Линочка, дружок, там, в кухне, на шкафчике...

– Мама, я сама принесу, чего ты человека напрягаешь. Лида, можно вас на минутку?

Лида послушно пошла за ней.

– Давно ты тут? – Ася закурила. Застучала нервно пальчиками по подоконнику. Рывком дёрнула створку окна. – Ту банку дай. Смотри, какой дождина собирается... У-у-у, туча. Будешь? У меня ментоловые.

– Аська, а тебе разве можно? – Лида боязливо покосилась на её живот.

– Дура ты. У меня такие напряги, такие геморы... Атас! Молчу! Если я курить не стану, ваще потеряюсь. Ты, подруга, скажи лучше – Женьку моего видала?

– Да, то есть, нет. Это, Аська, не знаю, на самом деле, в офисе, вроде, не показывался.

– Блин! Погоди. Бабы не болтали? Ну, про меня, про него... Ержанчик, он же был давно в меня влюблён, он что? Молчит?

Лида, пряча глаза, кивнула. Аська хмыкнула:

– Ладно. Ну и как тебе Аделаида? Знатно треплется, да?

– Интересно, конечно. То есть, я ведь это... не специалист. Но вроде записалось что-то.

– Когда расшифруешь?

– На выходных попробую. Слушай, Аська, мне, на самом деле, домой уже надо. Э-э-э, то есть, ты понимаешь, я, конечно, рада и всё такое. Но...

– Девочки! Куда же вы запропалились? – спросила Аделаида из комнаты.

Аська решительно затолкала долбан в банку-пепельницу.

– Блин... Ладно, давай в темпе заканчивай, прощайся там, я жрать хочу, умираю. – Вдруг она далеко высунулась из окна и заорала: – Сука, ты куда мусор бросаешь?! Я тебя урою, падла, а ну подбери! Тебе говорю, ТВАРЬ!!

Лида шокировано переминалась с ноги на ногу.

Ася обернулась:

– Гос-споди, да иди уже попысай. По коридору налево, – она плюхнулась на табуретку, потянулась к плите. – Чёрт, а чайник где? Славян!

В кухню развинченной походкой вошёл брат.

– Чё сразу Славян? Я чё?

– Капчё! Куда чайник дел, зараза?

– А чё сразу зараза? У матери он, чё ты... – он повернулся, лениво почесал светлый лик Че на лопатке.

– Совсем обнаглел, сволочь, хоть бы посуду помыл.

– Забыл, чё ты...

– Пожрать не забыл! Пашешь, пашешь на них. На, дай матери таблетки. И чайник тащи!

В туалете было страшненько. Стараясь не дышать, Лида подстелила на край унитаза обрывок пипифакса в опилках и осторожно присела. Кафель на стенах был покрыт многолетними разводами грязи, трещинами. При долгом разглядывании из всего этого складывались и произрастали собачьи морды, дьявольские профили, вытаращенные глаза, схематичные обозначения Солнца, Луны, зодиаков и несколько вполне аутентичных петроглифов.

Вот если бы она, Лида, умела рисовать... Или фотографировать. В общем, фиксировать как-то эту жизнь-нежизнь, странные эти штуки, видимые всем и почти никому не видимые. В детстве Лида часто страдала ангинами и приступами холецистита, поэтому много читала, а также часами разглядывала заоконный пейзаж – лики из веток и листьев, иногда изменяемые ветром, дождём и солнцем. Повзрослев, часто задумывалась – не из этого ли мусора рождается первоискусство, чтобы потом, пройдя через все положенные исторические стадии, снова вернуться к эскапизму абстракции?..

– Эй, философ! Провалилась, что ли? – грохнула кулаком в дверь Аська.

Лида тщательно вымыла руки и со вздохом потащилась обратно в зал.

Снежная Королева пудрила нос. Аська, лёжа на диване, деловито эсэмэсилось.

Завидев Лиду, Аделаида сладко улыбнулась:

– Ну что, девочки, уже подружились? Асенька, накрывай ужин, а потом мы с Линочкой продолжим.

Лида вздрогнула:

– Ой, знаете, э-э-э, Аделаида Павловна, мне уже, в смысле, пора!

– Как? Но мы же ещё не начинали? – Королева возмущённо поджала губы.

– У них сегодня номер выпускается, мама, – подала голос Ася, не отвлекаясь от сотки. – Правда, Лида?

– А фотограф?! – вдруг выкрикнула Аделаида, наливаясь багровым румянцем. – Где же фотограф? Фотографа разве дожидаться не будем?

– Я это... То есть, хотела сказать, фотограф у нас... Э-э-э... Как бы заболел.

Аська бросила сотку:

– Мама, я твою фотку потом Лиде завезу. Не парься. Наоборот – лучше, выберем самую классную.

Королева обвела комнату гневным взглядом.

– Мне кажется, это непрофессионализм, мои дорогие, – отчеканила она. – Да-да. Не ожидала от вас, Людмила, или как там вас, вы не представились. Ася, Слава! Я не понимаю, что происходит? – её голос неумолимо срывался на визг. – Кого вы зовёте в наш дом?! Разве так берутся интервью? Вы что, меня – за дуру принимаете? Думаете, я, старая, больная, не знаю, как интервью берутся? Да я этих интервью взяла... То есть, дала... Десятки! Сотни! В семьдесят девятом, помнишь, Ася?.. Нет, ты у бабушки тогда жила. Ко мне из «Огней Алатау» приходила целая бригада! Потом меня на улицах узнавали – такое было фото – на всю страницу!

– Мама! Прекрати истерику! – сквозь зубы процедила Ася. – От человека стыдно. Всё, Лидка, тебе пора уже, давай...

Лидка потянула к себе сумку. И тут в комнату ворвались весёлые трели дверного звонка.

– Кого несёт... Славян, открой! Нет, его, сволочь такую, не дозовёшься. Лидка, я сейчас.

Лидка поглядела на мобильник. Кошмар – полвосьмого!

Королева, кутаясь в шаль, хмуро глядела в окно, обрызганное дождём.

Из коридора доносились неприятные голоса.

– ...А я говорю – ответите! Это что такое, вы понимаете или нет?

– ...Да ничего мы не ответим! Как вы со мной разговариваете?

– ...Взрослые же люди, я не понимаю, чем вы думаете?

– ...Что случилось-то, скажите, что вы кричите с порога, как больная?

– ...Я – больная? Я – больная?! Вы мне ответите за оскорбление, понимаете! Я, понимаете, такого терпеть не буду! Сейчас, говорю, в полицию иду! Где телефон? Я в «ноль два» звоню сейчас!

В комнату вбежала, тряся мокрой головой, крепко сбитая свирепая тётка. Она притормозила у кресла Королевы – её цветастый китайский сарафан взметнулся, как знамя, – и прорычала ей в лицо:

– Амбула где? Где амбула, понимаете! Протокол составлять будем у главврача – с привлечением! Аделаида, аристократически подёрнув плечами, скинула шаль и сдержанно сказала:

– Здравствуйте, Клара Дюйсембаевна. Не изволите ли чаю?..

Тётка не нашлась, что ответить, подскочила на месте, крутанувшись в воздухе, как злобный колобок, и заорала почему-то уже на Лиду:

– Наркоша поганая! Не стыдно тебе?! Тьфу!

После чего обрушилась на диван и принялась рыться в своем бауле, отдуваясь и шипя всякие обидные для хозяев дома слова.

Ася кинулась к трону, вцепилась в подлокотники:

– Мама! Мама! Ты ампулу не выбрасывала? Скажи, может, она в доме где-то? Завалилась?

Королева высокомерно отвернулась к окну.

– О Гос-споди, Славка! Славян! – вскричала Ася.

Че картинно встал в дверном проёме, оттянул наушник:

– Ну?

– Маме вчера промедол кололи? Кололи?

– Ну. Соседка.

– Ампула где?

– Откуда мне знать? Ну, ты ваще...

– Отвечай, придурок! Ты её выкинул? Выкинул? Я ведь просила тебя! Умоляла!

Участковая врачаха радостно встала:

– Полная безответственность. Вы отвечать будете по закону, я говорю! Я на вас докладную напишу, понимаете! Начальнику РОВД!

Ася вскинулась:

– Но вы же видите – это случайность. Брат недосмотрел!

Участковая ухмыльнулась:

– Ничего не знаю. Вы утром принесли упаковку с пустыми ампулами, одной не хватает. А я теперь не имею права выписать вам ничего!

– Это как?! То есть как? Мама же не может без обезболивающего!

– А что я могу? Это же наркотик, уголовная ответственность, понимаете. Меня же с работы снимут!

– Это из-за одной-то ампулы? Да вы что! Мы что, её нарикаем, что ли, сбагрили? Вот наварились-то! Ха!

– А вы не разговаривайте так со мной. Понятно? Знаете, я говорю, сколько у меня онкобольных? И все ампулы носят, никто не теряет. Почему? Потому что люди ответственные. Не знаю, ничего не могу сделать. Идите к главврачу, к заведующей. Разбирайтесь, я говорю. Я с себя ответственность снимаю.

– Как это? Как это снимаете?!

Аська металась по комнате, заламывая руки, пнула гитару, смахнула слоников с полки, опрокинула пуф. Лида сочувственно сопела, бочком пробираясь к двери. Славян безучастно качался с пятки на носок, вцепившись в наушники.

Врачиха с удовлетворением огляделась, сунула кипу бумажек в сумку и поднялась:

– Всё, я говорю. Вот ваш рецепт. Понимаете, к администрации идите.

– Ну что же это такое... Лидка! Славян! Ну, скажите же ей! Мне же завтра на работу, я не могу по...по... поликлиникам всяким...

Аделаида кашлянула и любезно произнесла:

– Кстати, Клара Дюйсембаевна, дорогая, раз уж вы зашли, не посмотрите ли вы меня? У меня, вообразите, нога что-то начала опухать...

Та смерила Королеву изумлённым взглядом:

– А вы, больная, на приём приходите. Вы ведь ходите пока? Вот и придёте, ничего с вами не случится, я говорю. Образованные люди ещё называются... Суд разберётся!

Печатая шаг, участковая удалилась.

Славян хохотнул и со словами «Вот коза драная!» скрылся в своей норе.

– Ах ты, сволочь! Сволочь! – Ася бросилась за ним.

Лида прокричала сквозь шум драки:

– Я пойду! Аделаида Павловна, до свиданья!

– Дура тупая! Пусти! А-а-а! Мама!

– Скот, скот! Поганая морда, я же тебя, суку, кормлю, падла!

Королева, прижимая руки к груди, прорыдала:

– Ася! Асенька! Не трогай братика! Это я не уследила! Ася! О господи! Мне плохо!

– Да? Я теперь виноват, да? А ты сама?! На работу упрёшься, а я тут сиди, упыхивайся! Ты сама попробуй этот бред с утра до ночи слушать! На сиделке сэкономишь, жопа?!

– Сиделка?! Сиделку?! А на какие шиши? Ты, что ли, деньги в домносишь, псих обдолбанный? Охранничек! Жрёшь только целыми днями, а по ночам на дежурстве спишь, паразит! Погоди, я с тобой, сука, разберусь. Ты у меня в армию загремишь, зараза! Я твой комп завтра же на помойку выкину! Чуть что – «Ася, отмажь! Ася, помоги!», а сам за долбанной ампулой присмотреть не можешь?! Она же тебе мать, поганка ты, мать!

Аделаида, закатив глаза, начала медленно заваливаться влево.

Лида испугалась:

– Аделаида Павловна! Ася! Ей, по-моему, плохо?!

– А когда ей хорошо?! – орал за стенкой Славик. – А ты что, Аська, – святая? Носишься с ней, как с писаной торбой! Надоели! Достали меня все! Врёшь и врёшь! Зачем ты всё это затеяла? Концерты, диски, бабу эту притащила?

– Заткнись, я тебя убью!

Славян ворвался в зал, волоча за собой побуревшую, вопящую Аську:

– Мне плевать! Знаешь, мамочка, что твоя любимая дочка устроила? Ты тут про концерты и диски треплешься, интервью раздаёшь? А это знаешь кто? Это её подружка по работе – Лидка эта! Никакая она не журналистка, менеджер говённый! И газеты такой нету, я её должен был сделать в фотожопе – один экземпляр! И диск в одном экземпляре записать! Чтоб ты всяким старым хренам хвасталась!

Аделаида прекратила заваливаться, широко раскрыла глаза и, чётко артикулируя, произнесла:

– Дочь! Отвечай мне. Сейчас же. Это – правда?

– Сволочь ты, Славка! – Ася ладонью утёрла замурзанное лицо. – Ну, погоди, сволочь... Мама, я ведь хотела как лучше, мама! Прости!

– Бог простит, – величественно уронила Аделаида. – Я знаю, что вы меня ненавидите. Ничего! Я скоро умру. И вы все будете плакать. На моей могиле.

Сообщив эту информацию, старуха со стоном запрокинула голову – и великолепная причёска «Помпадур» с тихим шорохом упала на пол.

– Я ведь стараюсь, мама, я ведь стараюсь... Мама, я ведь тоже не железная! Я знаю, как ты всегда хотела... Я поэтому хотела тебе... Мама, я ведь старалась!

Лысая Королева билась в кресле, распылив рот:

– Не надо! Мне подачек – не надо! Ничего. Вы ещё увидите! Я ненавижу слабаков и предателей! Дочь! Ты предала меня! Ты предала моё самое святое! Искусство! Моё искусство! О-о-о!

– Лидка, помоги! Всё будет хорошо, мамочка! Всё будет хорошо!

– Аделаида Павловна... Давайте... Это... Ася, я сейчас...

– Запомни, девочка! Никаких детей! Это наши враги! Ждёте, да?! Вы все моей смерти ждёте? Не дождётесь! Вот вам! Выкусите! И люди обо мне ещё узнают! Я не буду гнить в земле как безвестный кусок мяса! Вы слышите? Не буду! О-о-о!

Старуха с неожиданной силой вывернулась из рук дочери, попыталась встать...

– Лидка! Держи!

Но было уже поздно. Трон опасно накренился, и Снежная Королева, хрипя, бесформенной кучей осела на пыльный паркет.

Картина 3

– ...Он мне говорит, я не могу её бросить... Ты понимаешь?! Не может! Трахаться со мной может, а жену, видите ли, бросить не может. Ну не козёл ли? Нет, я, дура, сама виновата. Лидка, вот скажи мне, ну как такое может быть, а? Мне ведь уже тридцать три, ну как я могла купиться на этого... Херувимчика. А? Как он меня просил, веришь? На коленях умолял – роди мне ребёночка...

Ася сидела на подоконнике, обхватив колени, курила в форточку. Лида приподнялась с дивана:

– Аська, это, мне домой пора...

– Нет, ты скажи, как?! Ну, вот ты сама – замужняя баба, ну что им, мужикам, ещё надо? Постель – пожалуйста, со всей вашей камасутрой, со всеми наворотами. Интересы общие – по самые

помидоры, работаем через стенку! Служебный, блин, роман. В общем, худо мне, подруга... А дома – сама видишь, что делается. Посиди, не уходи. Ты же человек, Лидка! Давай ещё чаю. А хочешь – у меня водка есть! Слушай, ты прости меня, что я тебя втравила...

– Да что ты... Э-э-э... Ничего не надо, Ась... Это рак, да?

– Четвёртая стадия, ремиссия сейчас. Химию уже не переносит...

– У меня у мужа тётка от рака умерла, – ляпнула Лидка, не умея остановиться. – Верить, пять лет умирала, сгнила вся. Весной ездили в Ташкент хоронить... Ой, прости.

– Да ладно. Я ведь, Лидка, хотела как лучше. Мама ведь всю жизнь... С гитарой этой таскалась. Знаешь, Аделаида красивая была ужасно в молодости. Хочешь посмотреть? Сейчас фотки найду!

Аська спрыгнула с подоконника, побежала в другую комнату. Тренкнула Лидина сотка.

– Алло? Жорик, прости, дорогой! Тут меня, это, на самом деле, на работе напрягли. Э-э-э... Да, предупредить не успела... Там пельмени в морозилке. Ага-а... Постараюсь.

Аська притащила замшелый бархатный альбом с латунными уголками, забралась на диван.

– Вот, гляди. Красотка, да? Фигура какая – атас! А личная жизнь вся в заднице. Аделаида тебе про мужа плела? Про физика? Да не было у нас со Славкой отца. Мы вообще сводные. Я – Нуркатовна, а брат – Иванович. Смешно, да? Я, когда маленькая была, всё про папу спрашивала. А она отвечала: погиб твой папа. Альпинистом был, с горы сорвался. Это байка такая: везде мамыши врут, мол, папа твой лётчиком был и разбился, а у нас про альпинистов травят. Экзотика, блин.

Аделаида, действительно, в молодости было ого-го. Вот она (химзавивка барашком, шарфик в белый горошек, сапоги-чулки, треугольный воротник кожаного пальто, пластиковая сумка «АВВА») в обнимку с эффектным брюнетом (бакенбарды, очки а-ля Джон Леннон, брюки-клёш, трубка) – на фоне катка «Медео» и трёх задумчивых берёзок. Вот она (длинный белый хайр, резной мундштучок с сигареткой, свитер моряцкой вязки, на шее – макраме, на веках – длинные стрелы Амура) полулежит в кресле, спустив изящные ножки с подлокотника, а мужик (длинный белый хайр, бритый подбородок, беломорина в углу рта, ковбойка и рваные джинсы) сидит по-турецки рядом, зажав в руке чехословацкий стакан из серии «Первые автомобили». Вот она (расшитая золотой нитью бирюзовая индийская блузка, высокий начёс, жемчужные клипсы) – в ресторане, рядом – двое багроволицых папиков, полковник и подполковник, жрут волованчики с чёрной икрой. Вот она (вечернее платье в пайетках, горжетка, небрежные рыжие локоны, жирно блестящие губы) – перед входом в театр русской драмы им. Лермонтова, вокруг толпятся дурно одетые дети и пенсионеры.

Лидка с интересом рассматривала фотки – всё равно торопиться было уже некуда. «Театральный цикл». Аделаида-комиссар: гимнастёрка, будёновка, деревянное ружьё. Аделаида-королева Медичи: чёрная хламида, бутафорская корона на знакомом парике. Аделаида-Офелия в разрисованном гуашью марлевым балахоне, рядом тусуется какой-то сморчок в трениках и бумажном жабо. Аделаида-советский ученый в круглых проволочных очках и кокетливом белом халате. Аделаида-Сапфо в серебристой парчовой тоге возлежит на козетке, в одной руке – детская скрипка, в другой – пиала...

– ...Она с актёрами путалась, с каким-то фокусником жила, потом с художником. А мы с бабушкой её почти и не видели. Помню только духи – «Пуазон» назывались. Вкусные. И как я плакала с температурой. Мама, плачу, не уходи, мамочка... А она – чмок-чмок, и нет её. А это мой отец, настоящий. Женатик, долго ей нервы мотал.

С фотки «шесть на девять» серьёзно глядел представительный восточный мужчина, смесь арабского шейха и цыганского барона.

– ...Я к нему ездила в Актау. Он там живёт. Здоровенький, гад, до сих пор. Алиментов не платил ни копейки – она гордая была, отказалась. Дура. Ты представляешь, я к нему приехала, девчонка совсем, после школы: папа говорю, папа... Он меня, правда, встретил, дома стол накрыл, с братьями-сёстрами познакомил. С женой – на молодой женился, сука, как овдовел. Знакомьтесь, говорит, это мой грех молодости. Красивый, говорит, грех получился. А потом нажрался, и ну ночью ко мне приставать. Кобелиная привычка...

– Аська, я сигарету, это, возьму?

– Да бери, конечно... В окно кури... А вот это – подружки её, Аделаида – в центре, как всегда. Прямо, мисс Вселенная! В купальнике и на каблуках, обалдеть, да? На Иссык-Куле. Вон верблюд, смотри, а за ним – я. С бабушкой. Это восемьдесят третий, что ли?.. Она тогда бардами увлеклась, на концерты ходила, сама пела-сочиняла. Эх... Давай, Лидка, тяпнем, а? – Аська полезла в горку, достала початую бутылку «Финляндии», плеснула себе и Лиде в чайные чашки.

– Давай, Лидка. За нас! Ап!

Лида зажевала водку изюмом.

– Знаешь, Ась, я ведь тоже в молодости... То есть, это, в универе... Стихи писала. Как бы.

– Ты? – удивилась Ася. – Надо же... А мать моя была – театралка, модница, поэтические чтения посещала. Звездой была, блин. В своей компании. А я в детстве даже поклонялась ей. Мечтала о том, что стану такой же классной, как Аделаида меня заметит и полюбит, позволит с ней жить, смотреть на неё, любоваться...

– Даже на конкурс посылала, то есть... В Москву...

– Да ну? – Аська налила по второй. – На тебя, Лидка, ты уж извини, и не подумаешь.

– ...А потом решила – зачем это? – Лида глупо улыбнулась, выпила ещё. – Жизнь, это... идёт. Родители у меня, на самом деле, старенькие совсем были... Интеллигенты, то есть – в первом поколении... А когда... это... одна осталась – на работу устроилась, в газету. Денег совсем не было. Кропала статейки за копейки... Блин. Потом с Жоркой сошлась...

– ...А как она Славку родила, мы и стали вместе жить. Славку я полюбила просто дико. Только что грудью не кормила. Мама всё на своих вечеринках пропадала, а мы с ним вдвоём сидели. Он в детстве болел сильно. А бабушка к нам ходила суп варить...

– ...Он-то сам, Жорка, с Ташкента. Квартиры своей нету... Ну вот... У меня и живём, то есть. Жорка, правда, гражданство российское оформляет сейчас. У него братья в Подмосковье... Хороший он, простой только. Ну, я и пошла в торговые агенты. Неудобно, он ломается – а я стишки типа пишу...

– ...А я маму всё ждала, подолгу спать не ложилась. Думала, вот придёт, похвалит меня – за Славку. Что я так ухаживаю за ним. И вообще... Ни разу не дождалась её, засыпала. А Славка... Он неплохой парень, только без башки. Хоть не наркоман. А в детстве был чудным-чудным. Рано говорить начал. Читал запоем...

– ...Косноязычная я. Это типа болезни... Дислексия, что ли. В общем, как-то – того... Не получилось. Короче, плюнула я. А может, и правильно... Зато зарабатываю. Баксы...

– Пей, Лидка... А вообще, погоди. Я тебя спросить хочу. Ты песню её слышала? Ужас, да? «Ромашки спрятались, поникли лютики», блин... Я вот думаю, Лидка, как это получается? Всю жизнь искусству посвятить, даже о детях не думать. Как это можно так? Ну почему ей бог таланту не отсыпал, а? Старалась, старалась, мучилась этими... муками творчества. Ну, хоть бы под конец-то что-то путное у неё вышло! Вот я и подумала... Ты Грина читала?

– Г-грину?.. Грин по-английски – зелёный! – авторитетно заявила Лида, икнула и прилегла на диван. Изумрудные лианы тотчас же обвили ноги; перед носом пролетела, жужжа, как пчела, деловитая колибри. На троне Снежной Королевы сидела девочка лет пяти, в красной шапочке, играла мобильным телефоном, сверкающим кристаллами Сваровски.

– ...Вот я и придумала. Блядская р-р-романтика! Глупо, да? Лидка? Лидка! Ну, ты и нажралась, мать. С трёх рюмок. Спит. Дурочка. Ладно, спи, спи...

Вместо леса разлилась вокруг бирюзовая морская гладь. Трон с девочкой куда-то уплыл, вода чуть слышно плескалась о Лидин камень, звериная шкура промокла и отяжелела. Лида подняла глаза: невдалеке качался на волнах здоровенный тёмный парусник. Лида прищурилась: ей показалось, что с его борта кто-то внимательно следит за ней в подзорную трубу...

Дождь нудно брэнчал по стёклам. Славка ушёл на дежурство. Ася походила по сумеречному залу, потрогала вещи, поправила фото на стене (Аделаида-первоклассница с отретушированной улыбкой и советским букварём). Села на диван. Набрала номер:

– Женя? Женька, ты в Москве? Ну и как, весело? Нет, не иронизирую. Да, плохо. Потом расскажу... Плохо и мне, и маме, всем. Была сегодня в консультации. Уже три месяца. Да. Брось, я же просто так тебе говорю. Да просто так! Ты чего? Я же ничего не прошу! Я так, просто! Да что ты заладил! Я тоже хочу без сложностей! Да! Да пошёл ты!!

Жахнула соткой об пол. Из спальни послышался страстный шёпот:

– Ася, Асенька, дай таблетку...

Картина 4

Ася лежала на больничной койке, отвернувшись к скверно покрашенной стене, и увлечённо нажимала на клавиши мобильного. Шарик, послушно прыгавший через горы и бездны, вдруг вернулся, скакнул на невесть откуда взявшуюся рогатку и красочно лопнул, размазав внутренне-

сти по дисплею. Ася раздражённо хмыкнула. Ладно, вернёмся на пятый уровень, зар-раза...

В спёртом, провонявшем хлоркой и медикаментами, воздухе палаты струился неспешный разговор. Беседовали соседки с разной величины животами: толстая Танюха, косоглазая Индира, худая как жердь, и совсем молоденькая, уже на сносях, гулко храпящая по ночам, Гуля. Четвёртая, рыжая Альфия, икая, жевала куски толстой, как кафель, шоколадной плитки.

– Ик! Танька, минералку кинь!

Через палату со свистом пролетел пластиковый снаряд.

Толстуха в малиновом халате снова улеглась, облокотилась о подушку и лениво продолжала:

– А вот ещё от изжоги хорошо помогает... забыла... декамерон, что ли, называется. Мужу брала. Ой, слушайте, у меня у мужа брюхо такое – и рыгает, и икает, что твой тюлень. А тут мама евошная за-беспокоилась, свекровушка моя: «Чем-то ты, Танюха, не тем его кормишь!» Нет, вы подумайте! Жрёт как свинья, да пиво пьёт с дружками своими, вот и растёт брюхо-то, понятно же, бля, говорю.

– Ох!

– Утром мне в больницу, а он сожрал шесть яиц. Я говорю, как ты, блин, не лопнешь, а он...

– Ох... Не могу больше. Женщины, кто шоколадку хочет?

– Альфиюшка, завязывай, говорю, с шоколадом, нельзя тебе. Врачиха твоя вчера вон как ругалась.

– Скорее бы домой, женщины... Мне ведь ещё ремонт доделывать, я ведь у мужа своего, это... Квартирку отсудила, да-а... – вступила Индира.

– Ой-бай! – Гулька тяжело перевалилась на другой бок и уставилась в рот новому оратору.

– Ага! – радостно продолжала Индира. – В январе у нас свадьба. А квартирку-то я, покаместь, прибрала, да-а. Ты понимаешь, у меня у мужа сестра, золовка, сука ещё та. Ну и вот, ты прикинь...

Ася встала, поглаживая пятимесячное брюшко, пошла к окну. Палата была на первом этаже, и когда часы посещения заканчивались, можно было переговариваться со своими и даже втаскивать передачи сквозь решетку. Подоконник, несмотря на ежеутренние скандалы с медсёстрами, был завален фруктами, плюшками, коробками с чаем, сахаром и конфетами, заставлен молочными и кефирными пакетами, йогуртами и особенно ненавистными Асе банками. Шеренгами разнокалиберных банок, облепленных изнутри белым и рыжим жиром, в хлопьях которого плавали котлеты, куски мяса, пельмени, ошмётки борща, куриные ноги.

– Эй, как тебя, Асия, окно-то закрой, холодно же! – Танюха потянулась за одеялом.

Ася, будто не слыша, жадно вдыхала октябрьский острый воздух с еле уловимым яблочным ароматом.

– Чё, слышишь плохо? – Индира встала, качая замотанной люрексом головой, подошла к окну, отпихнула Асю и захлопнула створку.

Ася вцепилась побелевшими пальцами в подоконник, раскрыла, было, рот и вдруг, ненавидя себя, проскулила:

– Да я дышать не могу, вы понимаете?

Индира, закатав косые глазки к потолку, выбрала из пакета сочный апорт.

– Ну так и чё она? – с интересом спросила Гулька.

– Золовка-то? – хрустя и чавкая, продолжала Индира. – Да пошла она... Я ей сразу сказала: закрой пасть, сука.

Танюха, прогибая панцирную сетку чуть не до пола, села, потянулась, сказала безразлично:

– Ну чё ты ревьешь-то, Асия, или как там тебя. Задолбала уже. Холодно же, ты ж здесь не одна.

– Да как вы можете, вы... тоже... должны понимать... я дышать...

Асе хотелось заорать, заматериться на этих идиотов, затопать ногами, убежать к чёрту из больницы, всё-всё это прекратить немедленно, порвать, завывать, устроить истерику, валяться на полу, грызть железные ножки кровати... Ребёнок властно шевельнулся, потом ещё. Ася проглотила горький комок, с тоской поглядела на окно и пошла к своей постели.

– А ты не плачь, всем тяжело. Не плачь. Ой-бай, что за женщина такая, плачет и плачет. Как тебя муж терпит, не знаю, прямо... – добрым голосом увещевала её Гулька. – Ребёнок у тебя родится, тоже плакать будет, подумай своей головой...

Танюха достала из-под кровати йогурт, мгновенно слопала его и принялась смачно облизывать крышку, потом бережно спрятала её под подушку.

Индира, ядовито посмеиваясь, заметила:

– А где он, муж-то? Ни разу не было что-то... Эй, Асия? Или как там тебя? Нету мужа у тебя, что ли?

– Отвяньте, – обронила Ася и закрыла голову подушкой.

– Вот жопа с ручкой! – весело воскликнула Танюха.

– Ох... – Альфия снова развернула шоколадку.

В коридоре прокричали обед.

Гулька поднялась, вышла из палаты. Танюха ухмыльнулась:

– Во жрёт. Нет, у меня у мужа свинья в огороде так не жрёт. Вчера жрала буханку хлеба. Еёшний муж принёс, она взяла и кусает прямо. Я говорю: ты чё, ты ж сдохнешь. А она говорит, хочу и всё. Так чё ты, Индирка, развелася или не развелася? Я не поняла.

Ася взяла сотку, и, ни на кого не глядя, вышла в коридор.

– Женя! Женечка! Чего трубку не берёшь? Да нет, я так спросила, не злись... Ты можешь говорить? А? Не слышу! Да, так хорошо. Слушай, я так соскучилась. Да нет, ничего не надо. Тут кормят... Да, нормально. Слушай, может, приедешь ко мне, а? Второй роддом, я тут на сохранении, в палате номер «пять»... Я во двор выйду, встречу тебя. Приедешь? Приезжай, Женчик! Завтра? А-а-а... Женечка, у нас девочка будет. Да нет, я не плачу... Это гормоны... Целую. Пока.

Из палаты бесперебойно поступали реплики соседок.

– Вот квартира-то и моя теперь. А золовке – ха, тьфу! Хрен с маслом, да-а...

– А у нас золотка даже не вякает. Если вякнет, муж ей всю башку об стенку, на фиг, разобьёт.

– У вас, у чечен, – строго. Я вашу нацию очень уважаю. Прикинь, тут недавно лежала одна. Уйгурка, что ли, или карачаровка. Так у них свёкор с невесткой вообще не разговаривают.

– Как это?

– А так. Прикинь, я видала, пришёл к ней свёкор, жрачку принёс, а сам даже не смотрит на неё. И она – взяла и никаких спасибо, поклонилась – и в палату. Говорит, женщины, выйдите, скажите ему, что, мол, у меня всё хорошо, пусть шприцов-пятёрок принесёт. Ой, телефон! Да! Алло! Мама! Ну! Нормально! Дня через три! «Нескафе»? Собрала, крышки, собрала. Как выйду, сразу пошлю. Шестая кружка уже будет. А ты чё? Кастрюлю выиграла? Ух ты, блин... Мамуля, ты это, от приправы тоже верх отрежь, пока Павлик не выкинул. И туда положи, где всё лежит... А? Да! По-какала! Да! Покакала, говорю! Докторша порошок дала... Ну... Ну... Ага... Ладно, мама, обед у нас. Котлеты съела, ага... Не, не надо. Йогурта принеси. «Данона». Я крышки собираю. Ага. Пока.

Мимо прошла, что-то дожёвывая, Гулька.

– Женщины, там греча. И суп гороховый. Чё не идете?

– Гулька, жрёшь всё, да? А чё с пельменями делать будешь? Ты в холодильник их, покаместь, зафигачь. А то стухнут.

– Индирка! Альфиюшка! Давайте кушать. Обед же.

– Женщины, пелеменей и поедим... Пелемени свекровка моя делала, знаете, как она их клёво делает? Да ты попробуй, Танюха, попробуй, блин...

– Холодные, что ли? Гулька, давай их под воду горячую поставим.

– А я вот, женщины, мантов хочу, умираю. С тыквой.

– Дома пожрёшь. Тебе ж завтра выписываться. А я с тыквой не люблю.

По коридору разливался аромат гречневой каши с луком. Борясь с тошнотой, Ася вернулась в палату. Опять двадцать пять, когда ж они нажрут уже!

Посреди комнаты стояли в ряд три тумбочки. Соседки сновали вокруг, вскрывая банки и пакеты. Ася улеглась, неприязненно отвернулась. Где там наш красный шарик?

Снаружи постучали. Танька вскинулась, распахнула окно:

– Павлуся, приветик! Павлусенька, дай поцелую, дай!

Угрюмый мужик с тремя небритыми подбородками заглянул в палату, тяжёлым взглядом прошёлся по её обитательницам, рыкнул, пуская сивушные пары:

– Чё ты, Танюха, вечно ты... Убери морду от решётки, бляха муха, ты ж застудишься. Выходи во двор давай. Мамаша борщу прислала. Горячий, бляха муха. Давай жопу подымай.

– Я щас, ты иди... – счастливо чирикнула Танюха, схватилась за банки, пакеты, сумки, на-кинула толстый махровый халат.

Хлопнула дверь. Индирка, позёвывая, сказала:

– Пьяный какой, да-а! Нет, мой всё ж таки... Мой-то очень правильный мужик. А как ухажи-

вал! Чуть что – сразу в глаз. Что ты!

– Ты говоришь, когда свадьба-то у тебя? – любопытничала Гулька, чавкая и слизывая с пальцев жир.

– В январе, двадцатого гулять будем, не родить бы до срока... Я ведь, блин, пять лет не беременела. У каких только профессоров не была, кто только мне в это самое не заглядывал... Эх, доносить бы. Ух, какая я злая на этих сволочей, которые за абортами пришли! Глаза б мои не видали сук! Тут паришься, трясешься, а они, суки...И в столовку ходить с ними не могу, жрать рядом противно.

Рыжая Альфиюшка закивала, торопливо доглатывая кус баранины:

– И не говори... У меня у самой трое. Ох... Девчонки, блин. Муж злится. Сейчас, вроде, точно мальчик. Я знаешь, как делала? Мне подружка дала таблицу, по ней можно так залететь, чтобы видно было – мальчик или нет.

– И чё, сразу получилось? – с недоверием спросила Индира, не забывая наворачивать холодный плов.

– Не, не сразу. Пару раз скреблася... Ох... Зато теперь – верняк! Муж прямо не надышится, блин. Колечко подарил. Во, гляди – с брюликами!

– Ага-а... Клёвое, – процедила Индира. – И чё, муж-то? Богатый?

Гулька осоловело переводила взгляд с одной товарки на другую, потом зевнула и снопом повалилась на койку.

– Гляди-ка, храпела уже! Храпит, как танк, а убираться нам?.. Муж-то? Фирма у него строительная да домик... Правда, со свекровкой живём, бля. А у тебя кто?

Индира горделиво выпятила тощую грудь:

– Мой жрачкой занимается. Три магазина у нас, на базаре – лавка.

– А где познакомились-то?

Ася лежала и думала о гречке с луком. Может, она не такая противная?

– С мужем? – охотно переспросила Индира, впиваясь в очередное яблоко. – В бане, прикинь! У меня у подружки баня, вот мы как-то...

Ася решила и встала. Но столовка была уже закрыта, и даже гречневый дух успел выветриться из коридора. Внезапный острый голод ударил прямо под ложечку. И что теперь делать? Ничего нет... Только кефира полпачки вчерашнего... И денег ни копейки.

Ася достала телефон:

– Женя! Женечка, слушай, мне надо... Что? Мешаю? На совещании? А зачем брал трубку тогда?! Слушай, раз в жизни тебя попросить хотела... Да пошёл ты! Тогда вообще не приезжай, понял? Да! Чтoб ты сдох!!!

Задохнувшись, она кинулась к намертво закрученному коридорному окну, прижалась щекой к своему стеклянному двойнику...

– Женщина! Эй, Асия! Или как там тебя? Опять ревёшь? Врача, что ль, позвать? – вернувшаяся с улицы Танюха пихала Асю в спину.

– Боже, да отстаньте вы все! Отвяжитесь от меня! А-а-а... – Ася захлебнулась в рыданиях. Из других палат высовывались одутловатые женщины в платках и без, цокали языками, качали головами, приговаривая про себя на разных языках обрывки молитв и бытовых суесловий. Танюха обиженно засопела:

– Ну, ты и сука! Достала нас уже. Да что ж это такое... Мы тут все не на курорте! Заткнися, слышишь?! На вот, пирога поешь и заткнися! – она вынула румяный пирог и сунула Аське.

Вся в слезах и соплях, Ася жадно вцепилась в пирог. С капустой, боже...

– О! Пошло дело... Ладно, в палату идём. Борща тебе налью.

В палате жевали.

Танька, сгружая банки и свёртки, рассказывала.

– Ой, женщины! А там, у крыльца, ребёночка подбросили! Прямо к обеду... Сама видала. Лежит свёрточек такой, махонький-махонький! Пусенька такая, кусенька...

– Блядь какая-то подкинула, – прошипела Индира. – Я б ей глаза вырвала, суке. У нас строго с этим... Сразу – в мешок и в речку. Пойду, погляжу.

Альфия почесала голову, хмыкнула ей вслед:

– Ишь ты... Мешок... Знаем мы таких. Сами поблядушки ещё те. Да курит, как паровоз, падла. Вчера возле мусорки её видала... Сказать, что ли, её турку?

– А чё ребенок-то? – проснулась Гулька.

– А ничё... Медсёстры унесли. Подкидыш. Может, возьмёт кто... – Танюха зевнула и укрыла глаза платком.

– Да он, небось, больной наскрозь... Спидонос какой-нибудь... Я бы не взяла. Ой-бай... Эй, Асия! Есть будешь? Да чё ты, никто ж к тебе так и так не ходит. А нам не в унитаз же бросать. Давай...

Аська, заливаясь голодной слюной, подсела к крайней тумбочке, выбрала из плова кряжистую куриную ногу.

Вошла Индира, снимая куртку, обронила:

– Эй, Асия, там приехали... Во дворе... Ищут тебя.

– Меня?!

Аська торопливо утёрлась салфеткой и, как была, в тоненьком халате, кинулась за дверь.

– И чё за мужик? – не утерпела Гулька.

– Да не мужик. Мамаша, что ли, еёшная. С подружкой. Та чокнутая какая-то... Смеётся всё время. Вай, Алла-а-а... Погляди, Альфиюшка, ноги у меня отекли? Сильно? Ой, женщины, за что нам такая доля? Мужиков бы наших, трахарей, сюда бы...

В коридоре прокричали тихий час.

Картина 5

Ася вернулась, села на кровать, потирая озябшие руки.

– Послушайте, а кто приходил-то? Я никого не нашла во дворе.

– Да вон, в окне... – кивнула Индира.

И точно – снаружи требовательно застучали. Ася взгляделась.

– Асенька, девочка! Здравствуй! – глухо донёсся голос мамы. Вцепившись в решётку худыми прозрачными пальцами, за окном стояла Аделаида в белокурое парике с буклями, укутанная в прохудившийся оренбургский платок, в старой Славкиной куртке. За её плечом клубилась какая-то подвижная баба – покашливала, подпрыгивала, похекивала, посапывала.

Ася подошла к окну.

– Привет, мама. Как ты? Мне во двор не выйти, тихий час... – Ася обернулась к соседкам. – Извините, женщины, можно я с мамой через окно поговорю?

Танюха махнула рукой:

– Валяй...

– Мама, я тебя прошу, скажи, как ты себя чувствуешь? Ты у врача была? Когда тебе на химию?

– Девочка моя! – Нараспев продекламировала Аделаида. – Всё это такая глупость... Я решила больше не травить себя. Ты знаешь, это неправильно, поверь мне, совсем неправильно! Наш организм – это такое... Стихотворение. А в настоящем стихотворении нет ни одной лишней строчки, ни одной лишней рифмы! Я это знаю, мой милый, знаю! Я всё время думала – зачем всё это? Зачем моя жизнь? Стихи. Песни. Кому они пригодятся? Зачем я была нужна? Так мучалась, так мучалась! А теперь... Поверь мне, милый, я всё поняла. Надо слушать себя, своё тело, разглядывать свои ауры, любоваться жизнью. А смерти нет, её совсем нет, правда, Ася! Это такая свобода... Такой простор... Ты не представляешь, что мне сегодня снилось. Ты просто обалдеешь, когда я тебе расскажу! Мне снились тёмные паруса... Тёмные, Ася, не чёрные... Корабль... Под тёмным парусом... А по палубе – пауки бегут... Мохнатые, чёрные, с белыми крестами... Большие, как собаки... Это – грехи... Мои грехи... А корабль – душа... И – море... И вот судно тонет... И тёмное полотно паруса. И по нему – пауки... И всё... Всё тонет... А я – я иду по воде... Представляешь? Нет, ты представляешь?

У Аси от ужаса похолодела спина.

– Мама, прекрати! Не позорь ты меня... Ты что несёшь? Ты таблетки пьёшь?

Аделаида таинственно улыбнулась и подняла указательный палец.

– Дочь! Я вышла на семнадцатый уровень самопознания! Моя карма выправляется. Знаешь, у меня пропал аппетит. Совершенно есть не хочу. Так забавно...

– Мама, сколько ты уже не ешь? – испугалась Ася. – Ты с ума сошла! Тебе же нельзя!

Аделаида продолжала высоким ломким голосом:

– Надежда Магомедовна, мир её дому, составила мне матрицу. Вообрази, она оказалась сложнее, чем у всех её клиентов! Она такого сама не ожидала, она говорит, такое бывает у одного человека из тысяч и тысяч. Это, знаешь, такая неординарность, такая... Близкая к гениальности,

Картина 6

Сегодня путь от остановки показался удивительно коротким. Черета четырёхэтажек, крохотное футбольное поле, не знавшее отроду ни одного мяча, замусоренные окурками палисаднички под окнами, разломанные качели и глупая арка. Десять минут ходу от перекрёстка, даже по сугробам.

Ух ты, дубор-то какой! Между прочим, в начале прошлого века дамы города Верного в январе гуляли в накидках и с кружевными зонтиками. Чистый прохладный воздух стекал в чашу города с крутых верненских прилавков, и разноцветные, с чешуйчатыми весёлыми крышами, теремки и соборы инженера Андрея Зенкова и архитектора Павла Гурдэ подставляли резные бока бодрому азиатскому солнцу. Где сейчас эти домики?.. Всё, к чертям, поносили – постколониальный синдром называется. Понастроили в центре турецких типовых многоэтажек... Запрудили узкие улочки иномарками, пробки кругом, как в Москве, гадство, жильё по три тыщи баксов квадратный метр... О чём это я? Да, с тех пор в Алма-Ате сильно похолодало, зима как в Сибири. Говорят, семипалатинский ядерный полигон подгадил... А может, и везде сейчас так. Может, и в Ташкенте уже солнышка в январе нет, тоже снегом всё завалено – и странно широкие пустые проспекты, и высотки в орнаментах, и древние мавзолеи. Густая тень холода, как небывалый профиль Искандера Зулькарнайна, ложится на асфальт. Леденеет кровь в жилах восхода, и прошлое рассыпается, как стеклянный дым... Глобальное потепление, свёрнутая скула Гольфстрима...

Нет, про Ташкент – это полная глупость. Это она наврала сама себе сдуру. В Ташкенте-то тепло... Там жорикова мама живёт. А здесь просто климат резко-континентальный, да и горы вокруг. Вот тебе и весь сказ.

Показалась знакомая хрущоба – чёрный вьюнок свисал с её боков, как водоросли с истлевшего утопленника.

Лида вновь поднималась по воняющей кислотой лестнице. Опять бессмысленная детская возня, чахоточное фортепьяно зудит гаммой, гортанные телефонные выкрики и телеперестрелка. Как будто время застыло янтарной коркой над этим подъездом, и ни глотка свежего воздуха, ни яркого чистого звука настоящей жизни не доносится сюда, в это царство мрачных заводных теней, прилипших войлочными ногами к своим жалким порогам, не видящих ни лучика света, не знающих, что такое свет...

Настоящая потёмкинская деревня – и в смысле потёмков, и во всех прочих смыслах. Как можно жить так? Как вообще можно жить?

Курлыкнули алябьевские трели. Раздался аськин голос:

– Ну, откроет кто-нибудь?

Наконец, дверь, распахнулась. Животастая, отёчная Аська презрительно шурилась с порога.

– А-а-а, это ты... Заходи. Чё пришла?

– Да вот, это... Э-э-э... Мы тут скинулись на работе. В общем, к Новому году... – Лида сунула Асе конвертик.

Аська пожала плечами.

– Чай будешь? Сапоги снимай, – и, не дожидаясь ответа, пошла по коридорчику походкой африканки, грациозно несущей на темечке плоскую Землю, китов, слонов, и черепаху в придачу. Лида пошла следом.

– Вчера только выписалась. Третий раз лежу. Господи, как я всех ненавижу! Так тяжело, Лидка, так тяжело. Такого там насмотрелась, не дай бог. И соседки – атас... Как трижды в аду побывала. Прихожу домой – грязища, скот этот, братец родной, якобы на дежурстве, знаем мы эти дежурства долбаные. Мама... Ой, Лидка, веришь, нет, сама мыла её. Не знаю, как подняла. Он, тварь, ей памперсы два дня не менял. Думала, задохнусь. А всё равно – дома лучше, хоть и гемор. Не хочу я в больницу. Не пойду больше! Теперь – только рожать. Да и осталось-то мне семь недель всего. Дотерплю, небось...

Из большой комнаты в унисон Аське бубнил телевизор.

Кухонька совсем крохотная. Столик, две табуретки, на подоконнике горбом торчит засаленный детектив Донцовой, с краю притулилась забитая окурками жестянка. Сырые стены, закопчённый потолок, шахтёрские отвалы посуды и алюминиевых кастрюль, когда-то новеньких, зеркально-блестящих, оптимистичных. В таких кастрюлях хорошо варить яйца и кипятить молоко. Как горяченького хочется! Стёкла покрылись потом от кипящего чайника. Холодно и одновременно душно. Как в песне...

– Гос-споди... И кому я всё это говорю? Кто меня слушает? Лидка, а, Лидка! Уснула, что ли, снова? Пей. Вот твой бокал. – Ася пододвинула Лиде литровую кружку с сердечком. Лида обняла её онемевшими ладонями, с сомнением заглянула внутрь. Таниновые полосы опоясывали стенки,

как годовые кольца. Жидкий чаёк полоскался где-то на середине кружки и пах баннным веником.

– К чаю ничего нет. Вот – сахару насыпай. Так, посмотрим, – Аська полезла в конверт, принесённый Лидой. – Пять штук. Богато... Спасибо, конечно... Да ты не думай, я не обиделась. Сейчас Славку в магазин пошлю. Славян! СЛАВЯН!

Из коридора раздалось неспешное шлёпанье тапок. Да, это был он, Бабруйский Медвед, похоже, не стригшийся с августа, и всё в той же майке «Че» (и не мылся с тех пор?!).

– Ну, чё? А, превед, превед... Людмила.

– Чё Ваньку валяешь? Лидка она. Не узнал, что ли? На вот бабки, сходи в «Беккер», купи колбаски, сосисок конских. Ты, Лидка, не уходи. – Ася закурила. – Сейчас этот придурок вернётся, бутеров наделаю, посидим ещё. Расскажи, как там на работе? Что нового? Как Женька мой? Жанарка как? Нормальная баба, да?

Лида как раз побаивалась этих вопросов. Но начальный план отдать конверт на пороге и сбежать провалился, так что придётся отдуваться.

– Да ничего. Э-э-э... На самом деле... Ася, – Лида втянула голову в плечи. – Ася, я что тебе сказать хотела... Предупредить как бы. Женя, то есть Евгений Петрович, это... Короче, девки на собеседование ходят.

– Что?! – Ася подавилась дымом, закашлялась. – Он же обещал Жанарку из маркетингового взять!

– Ты не расстраивайся! То есть, может, он временно берёт, пока в ты декрете! Ты это, не расстраивайся, слышишь? Тем более, он ведь... Это, как бы... Ну, не обидит тебя... Ась!

– Вот как, вот как, серенький козлик... Лида!

– Да, Ась...

– С мамой поздоровайся. Вернее, попрощайся... – Ася говорила каким-то пластмассовым голосом.

Аделаида сидела в том же кресле в той же, когда-то величественной, а теперь жалкой позе. Худая, глаз не видно из-за морщин, скрюченные руки вцепились в подлокотники. В углу потемневшей, как бы съёжившейся комнаты торчала еле различимая ёлочка с несколькими игрушками и свёрнутой набок советской звездой. Пыль и вонь сразу же намертво забили нос. Лида чихнула. Аделаида Павловна, не отвлекаясь от экрана, спросила медовым голосом:

– Кто это? Асенька, кто к нам пришёл? Это Верочка Моисеевна?

– Здравствуй, Аделаида Павловна, – проговорила Лида.

Господи, да она просто скелет! Грязно-розовый халат, старушечий платок в дырах, на ногах могучие носки горчичного цвета и тапки с помпонами.

– Разве мы знакомы? – Аделаида с трудом повернула голову, взглядела в Лиду. – Где мои очки? Слава! Ася! Кого вы привели в наш дом? Это Верочка Моисеевна?! А?

– Это я, Лида. Помните? Я у вас, э-э-э, интервью летом брала. Ну... Не интервью, а так...

Аделаида открыла рот, закрыла его и медленно откинулась на спинку кресла.

– Мама, это Лидка. С работы моей. Ну да ладно. Она на минутку зашла, хотела просто поздороваться.

Лида оглянулась. Ася, стоя в дверях и механически поглаживая живот, говорила всё тем же мёртвеньким голосом.

– Мама, есть хочешь?

– Я не хочу, – сварливо заявила Аделаида. – Ты ведь знаешь, у меня депрессия. Творческий кризис.

– А лекарство ты принимала? Славян тебя к доктору возил на прошлой неделе? – Ася пошла к дивану. – Лидка, ты чего стоишь? Вон, садись.

Лида со вздохом уселась на знакомый пуфик.

– Дочь, я сейчас не настроена на общение! – высокопарно сказала Королева и закашлялась. Гадко, с брызгами.

– Мама! Я плохо себя чувствую, у меня угроза выкидыша, понимаешь? – отдельно заговорила Ася. – Я на сохранении валялась на больничной еде, шприцы у соседок одалживала, ни одна сволочь, кроме Лидки, ко мне не пришла, а ты мне тут Барби строишь? Отвечай по-человечески!

Мать в ответ затрясла головой, захныкала:

– Вот я умру, вспомнишь обо мне. Вспомнишь, как на мать кричала! Давай кричи, давай бей!

– Она закрыла дрожащими руками макушку, проросшую седым ёжиком.

Лида сидела в каком-то оцепенении.

Королева перестала подвывать, сверкнула исподлобья глазами:

– Что-то ты с матерью только такая смелая, как я погляжу! Ни на кого больше и хвост под-
нять не смеешь? Дешёвка! – вдруг выплонула она со злобой.

Ася вздрогнула всем телом, потянулась к ней:

– Мама! Ну что ты?

– Думаешь, я дура? Дура? – повышая голос, продолжала Аделаида. – Денег у него боишься
попросить? Ты обо мне подумала, когда всё это... затевала? Шлюха!

– Мама! Мама!

– Мама... Ещё вспомнишь о матери! Сдохну – поплачешь тогда! – старуха поёрзала в кресле
и снова взялась за пульт.

По телику шли «Девчата».

– ...А я не мерзлявая! – прочирикала киношная Тоська.

Аделаида вдруг весело подпела бравурной музычке. У Лиды по спине поползли мурашки.

– Мама, мама! Ну прости... Я же о тебе думаю. Всё время думаю, – бормотала Ася.

– А я – думаю о высоком. О Будде Золотые Ноги, – не отвлекаясь от экрана, светским тоном
заметила Королева. – Моя бессмертная аура выправляется, и очень скоро все вы ахнете! Ещё в
этом году произойдет чудо! Надежда Магомедовна в восторге от моей нижней чакры. Говорит,
никогда подобного не видела. Чакра сама синяя-синяя, а окоёмочка такая, знаешь, бледненькая,
сквозь неё все грехи мои видны! Я ведь очень, очень грешна, признаюсь тебе...

«Девчат» прервала реклама. Королева повернулась к Лиде и театральным шёпотом изрекла:

– Я – великая грешница. Лариса, прости, я ведь любила, понимаешь ты это или нет? Знаю,
Лариса, ты страдала. Мы все страдали!.. – Её голос набирал силу. – Это трагедия! Драм-ма! Но
пойми, мы с Егором – оба творческие люди, мы жили порывами, страстями! Скажи, что я могла?

Лида слезла с пуфа и, обливаясь потом, по стенке двинулась к выходу. Ася тихо сказала:

– Не бойся, Лидка... Это у неё часто теперь бывает.

– Молчишь?.. Эх, ты, Лариса! – воскликнула Аделаида. – Боже, как мы страдали с Егором!
Какие это были муки! На сцене мы были Офелия и Гамлет, и между нами запылал костёр, пойми!
Ты ведь подругой моей была, Лариса, как ты могла не понять? А?

Старуха скорбно всхлипнула, ладонью прикрыла лицо... Помолчали. Лида аккуратно шаг-
нула к двери.

– Я вам всем, дорогие мои, советую, – совершенно нормальным голосом произнесла Аде-
лаида в тот же миг, – немедленно приступить к медитациям. – Она лукаво хихикнула. – У вас со-
вершенно расшатались нервы. Разве так можно к себе относиться? А медитации – это просто чудо
какое-то. Вообразите... Я лечу над городом... А там, внизу – осен-н-нь, листья насыпаны до пятых
этажей! Всюду – трупы... – старуха снова завела себя. – Это всё будет... У меня видения... Золотые
Ноги... Нет, весь я не умру! Останется душа! В заветной лире!

– Господи, мама! Какая лира? Какие трупы? О чём ты?! Господи, господи... Давай-ка завтра
врача вызовём, – Ася тяжело поднялась с дивана.

– ...В первый раз такую одиноличницу вижу! – Вот и погляди! – донеслось из телика.

– До свиданья... – прошептала Лида.

В коридоре шуршал беккеровскими пакетами Че.

– Сдача где? – грозно спросила Аська.

– Ржунимагу... На, посчитай... – звеня мелочью, он топтался у двери, старательно не глядя на
Лиду. Почему-то это её ужасно разозлило. – Я к Ахметке. Водку только не жрите.

– Ну и катись. Лидка, не спи! – Ася пошла в кухню, распахнула холодильник, немедленно
обдав Лиду волной зловония, начала раскладывать свёртки. – О, ветчинка! А ты, Лидка, во-
обще, молодец, что зашла. Я тебе так благодарна, правда! И яблоки в больницу припёрла. Спаси-
бо. Давай, чаю ещё плесну... Бутер с докторской будешь?

Лида вдруг сказала:

– Ася, ты извини, конечно. Но мне Жорик, это, как бы всю плешь проел. Мы ведь, ну... На дорогу
собираем... И так – на первое время... На самом деле... Ну, в смысле, в Москве... То есть, в Подмосковье...

– Ну и чё? – с набитым ртом спросила Ася. – Когда едете-то?

– Месяца через два... Это, Жорка уже гражданство поменял...

– А ты чё? Квартиру-то продала?

– Нет... Цены упали, жалко продавать. Так пока поеду... Ася, я это...Э-э-э... Что сказать хотела. Блин, неудобно-то как... – Лида поморщилась. – В общем, у меня Слава денег занял. На кетонал.

– Гос-споди, что ты как неродная! Сама бы взяла из конверта, сколько нужно, – Ася потянулась к Славкиной сдаче. – А сколько взял-то?

– Шестьдесят... – прошептала Лида, глядя в пол.

– Баксов? – Ася дёрнула щекой. – Дай-ка мне сумку. Сейчас, погоди...

– ...Тысяч... – выдохнула Лида. И покраснела.

– Баксов?! – уронила сумку Ася.

– Да нет, тенге... Он ведь, это, говорит, мол, ты знаешь, матери капельницы, то да сё... И как откажешь? Ну, я и взяла... То есть, дала... А Жорик...

– Ты дура, да? Дура? Дура, ты почему мне не позвонила?! – Асю трясло, как в лихорадке.

– Аська, ты что? Ася! Да ладно. Я подожду... Водички тебе? Аська, чёрт с ними, с деньгами! Это! Ребёнка пожалей! Зачем я, дура, ляпнула! Вечно не то скажу!

– Погоди! – Ася зябко обняла себя за плечи, закачалась на табуретке. – Погоди, Лидка! Деньги я отдам, честное слово. Завтра с карточки сниму и отдам. Не бойся! Только ты больше ни под каким видом, слышишь? Ни под каким! Какая сука! Вот сука!.. Повезло с братцем. Лучше бы я его в детстве задушила.

Лиде было ужасно стыдно.

Хлопнула дверь. В кухню заглянул Славян, повёл носом:

– Систер, сосисичек свари, а? Холодно, аццкий сотона...

– Явился, гад, – тихо сказала Ася, глядя на него воспалёнными глазами. – Чё это ты на работу забил, а?! На дежурство не пора?

– А чё «гад» сразу? Я на другую работу устраиваюсь, – Славка попятился.

– На какую, сволочь? Тебе уже и охранником быть запаadlo? Что, перенапрягся? Где деньги, гад, что ты у Лидки занимал? А? – Она уже кричала в голос.

Лида зажала уши.

– Да ладно... – испуганно отбрёхивался Славка уже из коридора. – У тебя всё – деньги, деньги. Достала уже. В мозгах одни баксы крутятся!

– Это у меня? У меня?! Где шестьдесят тысяч, гад? Я тебя спрашиваю! – орала Ася, поднимаясь, нашаривая на столе то ли нож, то ли вилку...

Лида сжалась в комочек на табурете.

– Где, где! В Караганде. Я дело своё открываю. Мы с Ахметкой палатку самсятную ставим! – выкрикивал Славка, отчаянно шурша курткой.

– Какую? Самсятную?! – Ася с ложкой наперевес двинулась в прихожую.

– Ну да. Самсу горячую будем продавать. Сейчас ходили землю мерить. Возле самого базара, прикинь, как клёво?! – тараторил Славка, щёлкая дверным замком. – Ну, я побежал!

Лида зажмурилась. Из коридора орал:

– Что ж ты со мной делаешь, пар-разит?! – А ну не трожь!

– Как я расплачиваться буду, сука, ты подумал?! Тварь проклятая, тварь!

– Как врежу за «тварь»? Пусть твой козёл расплачивается!

– Что-о-о?! – Легла под шефа – пусть алименты платит!

– Отпусти, сволочь! Сломаешь!!

– Легко! Ещё раз полезешь – отфигачу на фиг, поняла?

Вроде, затихли. Лида открыла глаза. Взяла сумку, пошла в прихожую. Там было пусто. Из зала доносились асины рыдания и песенка про хороших подруг. Лида оделась и вышла вон.

Через некоторое время Ася забрела на кухню, нашарила на столе сотку:

– Привет. Как тёлки, Женечка? Какие? А которых ты на собеседование таскаешь. Доложили, ага... Сука ты кобелиная! Не звони больше, сволочь! Мне от тебя копейки не надо! Сама, любимый, конечно, сама... Ненавижу!

Покурила у окна, пошла в зал. Мать спала. Ася выключила телевизор, прошлась по тёмной комнате, трогая предметы. Вдруг из кресла донёсся жалобный шёпот:

– Ася! Ася! Сделай укольчик, Асенька!

7 картина

– И вот, мама, Славик встал, подбежал ко мне и говорит: «Мама Ася, я описался!» Все так и упали... Это в годик-то. Какой он красивый был, ну, херувимчик просто, кудряшки золотые, сам весь такой ладненький, упругонький, беленький... Помню, когда он болел, бабушка укутывала его и мне не разрешала форточки открывать, боялась, что сквозняк его застудит. А он, как медвежонок, вперевалочку из комнаты в комнату бегал, такой смешной! Я его зацеловывала просто, даже кусала – таким он мне сладеньким казался! А потом, когда он уже в школу пошёл, мы с ним книги читали. Ведь он любил тогда книги, мама, помнишь? Ты спишь, мама?

Аделаида грудой лежала на диване, дышала тяжело.

– Темно уже... Мам, тебе телик включить?

Ася оглядела бугристое вязанье, снова взялась за спицы.

– А ну его, телик этот... Всё равно за кабельное не заплатили. Помнишь, однажды Славка из библиотеки принес рассказы Сетона Томпсона. Это, ты знаешь, про животных. Так рыдал потом – я валерьянкой его отпаивала. Такой добрый был мальчик. Ты знаешь, он очень боялся, что я замуж выйду. Не бросай нас, говорил, сестричка... А потом, когда я уже в институте училась, он меня по вечерам всегда встречал. Он же на каратэ долго ходил, помнишь? Его бабушка водила. А меня – на рисование и на хор. «Родина слы-ы-шит, родина зна-а-ает»... До сих пор помню! Тьфу ты, опять сбилась. Раз, два, три, четыре... Да. Ты знаешь, я всегда считала, что он – мой самый лучший друг. Мы буквально всё могли друг другу рассказывать. Иногда по полночи не спали, хохотали над ерундой всякой...

Аделаида тяжело заворочалась, скинула на пол одеяло:

– Там город... Лариса... Прости... Я не хотела... Бросил меня... Тоже... Пойдём... Там... Внизу... Жарко... Пить...

– Мамочка... – Ася пересела на диван, начала поить её из ложечки. Мать вдруг поперхнулась, закашлялась, чёрная пена хлынула из уголка рта на подушку. Ася, испуганно вскрикнув, потянулась за полотенцем... Аделаида успокоилась, задышала ровнее.

– Вот и хорошо, мамочка... – Ася погладила мамину руку. – И вот, помню, у него первая девушка появилась, он какой-то прибалдевший был, как мешком приударенный... Привёл её ко мне на работу, переживал: что я скажу. Я тогда с Нуриком ходила, ну, помнишь, однокурсник мой, он теперь в Италии, бизнес свой туда перетащил. Уже дважды женился... Да. И с Женькой мне не повезло...

– В Китай... Уеду в Китай, и там... Храм Будды... Золотые... – голос Аделаиды звучал всё слабее, переходя в хрип.

В дверь властно позвонили, потом ещё. Наконец, принялись стучать.

– Да иду я! Иду!

– Что не открываете? Что на приём не ходите? Как состояние, я говорю? – бесцеремонно выкрикивала с порога врачиха.

– Вот... Лежит. Бред у неё уже третий день. Скорая была, вкололи что-то. Она пару часов поспала. Не ест уже третьи сутки, только пьёт. Мне так страшно... А брат с ней сидеть не может...

– Состояние ужасное. Вы хоть мойте её чаще, – поморщилась врачиха, не подходя к дивану. – И переворачивайте, я говорю, а то пролежни пойдут. Промедол ещё есть?

– Давно кончился. Я мою её. И памперсы есть... Только тяжело мне. Брат вчера ушёл куда-то, а я её повернуть не могу. Врачи со скорой ругались, тоже говорят – пролежни будут. А что я могу...

– Муж пусть помогает ваш. А вы много колете ей, я говорю. Она так и год лежать может. А они, знаете, какие – всё просят: кольки да кольки. Вы ей водичку колите. Или физраствор... А то не напасёшься. За промедолом в следующем месяце придёте.

– Но доктор, она же... Она... Умереть может, по-моему. Ей так больно... Может, что-то можно сделать? Что-то вколоть?

– А что я могу? Хоть бы проветрили... Всё. До свиданья.

Врачиха ушла. Ася тоскливо вздохнула, поправила матери одеяло. Открыла окно в кухне, потом распахнула дверь на лестничную площадку. Пусть хоть так проветрится.

– Пить... Лёд... – простонала Аделаида.

– Да, мамочка, сейчас. На пей... Сейчас Славочка наш придёт. Мы тебя помоем... Переоденем...

Ася взяла со стола телефон, набрала брата. Сильно прижала трубку к уху, зажмурилась, повторяя, как заклинание:

– Славян... Ответь... Славян... Славян, ответь... Ну ответь же, сволочь!..

Набрала снова. Бесплезно.

– Опять ты меня бросил... – Она, всхлипывая, нашла вязание, снова села в кресло.

– Ладно. Ничего. Ладно... О, боже... Боже мой... И вот, мамочка... А помнишь, как Славка щенка в дом принёс? Ты так ругалась, выбросить хотела. А он рыдал, и я рыдала, и мы его оставили. Славный был пёс – Белый клык... Мы со Славкой гуляли с ним. Мечтали. Я мечтала, что художником стану, а он в космонавты хотел. Смешно... Дура была, да? Надо было зарабатывать. Ты же никогда толком не работала, то там, то сям, то в экспедиции, то уборщицей – мы со Славкой пол ходили мыть... А как бабушки не стало и пенсии её, так я и пошла на бухгалтерские курсы. Художник бы из меня всё равно не вышел. Талантов у нас в семье как не было, так и нет.

В комнату потихоньку вползал синий полумрак. Надо бы встать, свет включить...

Тут из коридора послышался шум, прошуршал какой-то drobный топоток, и в зал вкатились две тёмные фигуры.

– Вы кто?! – вскрикнула Ася, бессознательно прикрывая живот. – Что вам надо?!

– Милая, милая моя девочка! Брильянтовая моя, ты же меня помнишь? – залопотал левый колок. – Мы к мамусеньке твоей... Адочке... Адочка, солнышко... Ми-и-ир тебе, ми-и-ир, и-и-и-и...

– О, господи! – Ася включила свет, невольно зажмурилась. – Вы что, не понимаете? Маме очень плохо. Она никого уже не узнаёт. Вы зачем пришли?

Надежда Магомедовна, собрав свою розовую мордочку в букет умильных морщинок, часто-часто закивала, захлопала тряпичными ладошками, мячиком запрыгала на месте:

– Золотая моя! Это чудо, это просто чудо! Ты знаешь, кто это? Это она, моя сестра, сестричка моя, Бихзада! Специально к Адочке приехала! Из Китая! Я ей факсом послала адочкину ауру. И знаешь, что сказала Бихзада? Что ауры такой ни у кого больше нет! Ни у кого! Вот она к Адочке из Китая и приехала, к солнышку нашему. Адочка, ангел мой, проснись, дорогая! Знаешь, кого я к тебе привела? Вот радость-то!.. Ми-и-и-и-р тебе...

Ася с содроганием вгляделась во вторую гостью: на голове у той красовался бесформенный мешок чадры с противомоскитной сеткой на месте лица, подол изумрудного парчового платья тащился по полу, упитанный животик обтягивала бархатная жилетка с малиновой искрой. Бихзада, позвякивая дутыми перстнями и браслетами, подплыла к дивану и с сильным узбекским акцентом прокаркала:

– Тазику... Тазику нужна-а... Вода смыть... Вай, Алла-а-а... И-и-и-и...

Магомедовна ткнула Асю кулаком под рёбра:

– Давай, солнышко, неси скорее тазик с водой тёпленькой, не горячий, градусов тридцать, сестринка моя ножки омой. Не может она так быть, надо ноги омыть, грязь смыть, грехи смыть... Грехи водичкой только смывают. А ты потом эту водичку не выливай, послушай меня! Ми-и-и-и-ир тебе, ми-и-и-и-ир... Целебная та водичка, нет на Бихзаде Сияющей ни одного греха, аура у нее белая, как покрывало Пророка! М-и-и-ир... Ты потом в чай ту водичку лей, в суп лей, везде лей, умывайся ею, ни одна болячка не пристанет! Ты давай, давай... И деньги давай, денежки. Сейчас инициацию делать будем, ми-и-ир, ми-и-ир, третий глаз Адочке откроем. Так она мечтала третьим глазом вокруг глянуть. Говорит, всю жизнь знала про себя, что необыкновенная она, и так оно и вышло! Ми-и-и-р... Ми-и-и-и-и-р!

– Какой тазик? Какие деньги? Идите вы все отсюда! Как вам не стыдно, она же... Мама же...

– Ася толкнула животом Магомедовну, оттесняя её к прихожей, но та ловко увернулась и юркнула за спину Бихзады Сияющей.

– Тазику! Давай-давай! Бисмилля-я-я... Ир-рахман-н... Ир-рахим....

– Денежку неси, неси! – подпевала Надежда Магомедовна. – Бихзада, золотая моя, солнышко ненаглядное, из Урумчи сюда ехала, спешила... Тебе надо дорогу ей оплатить! Так полагается, детка!

Ася озверела.

– А ну вон! Вон отсюда! – она кинулась к бабам, рванула обеих за плечи. – Валите отсюда! Ой! – внизу живота что-то жутко дёрнулось. – Ой, мама!

– Вай! Вай! Шайтан! – Бихзада заломила звякнувшие ручки.

– Пошла прочь, тварь! И ты тоже! – рявкнула Ася. – Ой, мама!

– Доченька, что ты, что ты! Ты зачем её хватаешь, нельзя ей лицо обнажать, она двадцать лет в Мекке молилась, нельзя ей лицо показывать! – завизжала Магомедовна, но Ася в приступе слепящей боли крепко ухватила чадру и из последних сил дернула её.

– Пусти, дура! Эй, пусти меня! – безо всякого акцента потребовала толстенная усатая девочка, скрывавшаяся под чадрой. – Тётя Надя, чего она дерётся? Ай!

В следующую секунду вопили уже все трое.

– Ахтунг! – в дверях, набычившись, стоял Славян.

– Славка, гони их! Ой, мамочка...

– Солнышко! Ай! Ми-и-ир! Отдай сумку! Сумку отдай!

– Тётя Надя! Шуба моя! Дур-рак ты!

Среди всего этого Аделаида вдруг приподнялась, протянула дрожащую руку и угасающим голосом прошептала:

– Ася... Ася... Слава... Дети... Китай... Светло... Ромаш-шки... Про...

8 картина

Лида в сапогах вбежала в зал, сдирая с себя пуховик. Посреди комнаты, на полу, неподвижно сидел Славка, пустыми глазами глядя в окно.

Ася безучастно повторяла:

– Всё уже, всё, Славочка... Всё... Славочка, всё. Вставай, Славочка...

– Аська! Скорую вызвали?

– Да... Нет... Надо вызвать... И полицию... Телефон... Не знаю, где...

Лида заметалась по дому, нашла трубку:

– Скорая? У нас, это... Мама умерла. Адрес какой, Аська?

– Тринадцатый микрорайон... Дом пять... Квартира... Ох! – Ася дёрнулась в кресле, схватилась за живот.

– ...Квартира семнадцать! – прокричала в трубку Лида. – Ась, ты чего? Началось?!

– Нет... Нормально всё...

– Ася, кому позвонить надо?

– Не знаю... Слава, ей глаза надо закрыть. И подбородок... Как-то... Подвязать? Ой, пена у неё изо рта... А может, она жива ещё? – странным голосом сказала Ася, наклоняясь над Аделаидой.

– Н-н-н-е... м-м-могу... – проблеял Славик и закачался, обхватив голову.

– Она ещё тёплая, Славка... Я сейчас рехнусь... Мне кажется, она дышит...

Лида зажала рот руками.

– А-а-а-а... – Славка, как огромный таракан, на четвереньках побежал за кресло.

– Ася, это, что делать-то?

Ася, потирая поясницу, побрела на кухню. Пискнули клавиши мобильного:

– Женя... Женечка... Мама умерла... Мама! Женечка, приезжай! Я совсем с ума схожу, Женя... В Женеве? Ты – в Женеве? Да... Понятно... Больше не буду... – Ася уронила трубку на пол.

Лида подбежала к ней.

– Что? Что, Ась?

– Ничего. Спасибо, Лидка, что приехала. Вот видишь... Что у нас... Мама...

– Аська, ты-то сама как?

Протренькал дурацкий дверной звонок.

– Я открою, – Лида ринулась в прихожую.

С порога пыхали холодом двое дородных полицейских. Первый сурово произнёс, перетоптывая сапогами и роняя на пол здоровенные ломти снега:

– К-к-кто родственник?

– Я... – бледная до синевы Ася вышла в коридор.

В разговор включился второй полицейский:

– Кто б-б-б-будете т-труп?

– Д-д-д-дочка... – клацнула зубами Ася.

– П-п-пройдемте, зап-п-полним п-п-п-протокол, – дуэтом сказали полицейские и в ногу зашагали внутрь квартиры.

Залитая скудным электрическим светом, укрытая блескучей шалью, на диване лежала мёртвая Снежная Королева. Лицо её было значительным и строгим – Лида подвязала ей подбородок и вытерла клочья пены из уголков рта. Славян, отводя в сторону затуманенные глаза, пристроил к её лысому темени свалевшийся парик «Помпадур».

Первый полицейский угрюмо глянул на покойницу, присел к столу и достал бланк протокола.

– Ф-фамилия... Имя, от-т-т-чество...

Ася опустила в кресло, принялась путано отвечать.

Второй полицейский с любопытством оглядывал обстановку и цокал языком.

В дверь снова позвонили. Лида побежала в прихожую.

На лестничной площадке обнаружился очень приличный молодой человек в затемнённой оправе, стильном коротком плаще, с аккуратной папочкой под мышкой. Молодой человек интеллигентно кашлянул и негромко произнёс:

– Какое горе... Соболезную.

«Сосед, что ли?», – Лида пожала плечами:

– Да уж... То есть... Это... – и вдруг заплакала.

– Очень-очень соболезную, – молодой человек проник в прихожую, прикрыл за собой дверь и взял Лиду под руку, не переставая журчать: – Такая утрата. Такая утрата. Да. Однако сейчас вам надо крепиться. Крепитесь. Да. Очень-очень советую. Вы кем приходитесь покойной?

– Знаете, я... Э-э-э... – всхлипывала Лида, невольно вдыхая дорогой парфюм незнакомца, разморозившийся в тёплой прихожей, – в смысле, я подруга дочери... Покойной дочери... То есть, как бы подруга дочери покойной. Короче, покойной дочери подруга... Я...

– Неужели? – проникновенно сказал молодой человек. – В таком случае – крепитесь. А могу я с покойной дочерью... Тьфу ты! С дочерью покойной поговорить?

– Да... Проходите. Ася! Это! Тут к тебе пришли!

Ася выглянула и ошарашенно уставилась на незнакомца:

– А вы... Кто?

– Я, видите ли...

В воздухе вновь заплясали алябьевские трели. Лида покорно пошла открывать. Молодой человек тем временем извлёк из папочки какие-то буклетики и церемониально вручил их Асе:

– Позвольте предложить вам услуги нашего ритуального агентства. То есть, извиняюсь, агентства ритуальных услуг. Автобусы, венки, ленточки – в широком ассортименте. Устраиваем и отпевания, и поминки ... И, конечно же, проводы по мусульманскому обычаю. Скидочка предусмотрена... Вот, ознакомьтесь.

– Вы чего это? А? – спросила Ася, тупо разглядывая глянцевые буклеты с разноцветными гробами. – Ещё скорой не было. А вы – уже?

– Ася, это, там врачи.

– А вот и скорая, – закивал мастер ритуальных услуг. – Так будем делать заказик?

– Что тут у вас? – вклинился недовольный бас доктора.

Ася, роняя на пол буклеты, пошла в зал.

– Знаете, мама тёплая ещё...

– У вас какой срок? Какой срок, я спрашиваю? – кривясь, вдруг спросил доктор.

– И эта пена... Так страшно... Она умирала три дня... И выла от боли... Лекарств нет... А, может, она живая ещё?..

– Истеричка, – брезгливо подытожил доктор и повернулся к Лиде: – Дайте ей воды. Какой срок, не знаете? Рожать скоро?

– Да, то есть, нет, не знаю, а что? – промямила Лида, косясь на индифферентного молодого человека.

– Твою мать, вот ведь нашёл приключение... Ладно, где больная, то есть, покойная?

Полицейские, покончив с протоколом, промаршировали на выход. Доктор за кухонным столом, матерясь в бороду, писал какие-то длинные справки.

– Так что насчёт заказика? – включился молодой человек.

Ася громко сказала:

– Лидка, прикинь, это ритуальные услуги. Приехали уже. Быстрые какие. Агрессивный маркетинг называется. Скорая адреса сливает... Наверняка.

Агент очаровательно улыбнулся.

– Вы это... Визитку дайте, – рассудительно сказала Лида. – Мы, может, это, на самом деле, позвоним потом.

С визгом задёрнув молнию на папке, ритуальный молодой человек испарился.

Лида присела на пуфик рядом с креслом, взяла Асю за руку:

– Аська... Так жалко... Ужас... Аська... А тут ещё менты эти картавые... То есть, з-з-з-аики... И могильщик этот...

– А Славка где, не знаешь? Опять смылся. Сволочь... Тут хоронить надо...

Внезапно со стороны дивана донёсся стон, потом что-то булькнуло. Асина рука механически дёрнулась. Лиду бросило в жар.

– Лидка... Лидка, – обморочно зашептала Ася. – П-п-посмотри...

Лида с трудом повернула голову. И ей сейчас же показалось, что Мёртвая Королева кривит губы надменной улыбкой и подмигивает ей. И грудь её... Вздывается...

– А-а-а-а! – не своим голосом взвыла Лида, падая с пуфика.

Вбежал доктор:

– Что? Что?

– Она... Дышит... Смотрит... На меня... – ползая по полу в поисках очков, стенала Лида.

Ася мелко тряслась, вжимаясь в кресло.

Доктор раздражённо буркнул:

– Господи, ещё одна истеричка. Да это газы, газы, девушка... Ладно, я тут всё написал. На столе лежит. Будете оформлять свидетельство о смерти – справки не забудьте. И проветрите помещение обязательно. Лучше бы её в морг, конечно, а то – сами понимаете, – заторопился доктор, косясь на Асин живот.

– Ой, Ася... Пойду я... Страшно мне-е-е... – рыдала Лида, сидя на затоптанном паркете.

– Лидочка, не бросай меня! Славка, он же... Никакой он! Мне же её хоронить придётся! Деньги... Договариваться... Что делать... Ой! Ой! Мама! Мама!

– Началось? Аська, у тебя началось? Да? – Вскочила Лида. – Где этот пидор бородатый?!

– Воды отошли... – меланхолично сообщила Ася.

– Доктор! Это самое! Скорая! Подождите!! Эй!! – завопила Лида в распахнутое окно.

Мёртвая Королева испустила ещё один длинный тонкий стон.

9 картина

В квартире царил вечерний уютный полумрак. Из окна лился, дробясь о вертикальные зрачки сосулек, inferнальный свет молодой луны. Лида спала на диване, обняв початую пачку памперсов. Между письменным столом и диваном стояла детская коляска. Вдруг коляска вздрогнула, послышалось хныканье младенца.

Из спальни, зевая, вышла Ася. Наклонилась над коляской, взяла на руки ребёнка, потом, воркуя, уселась в мамино кресло.

– Баю-бай, баю-бай... Кушай, маленькая... Чёрт, ни одной колыбельной не помню. А ведь пела Славке. А что пела – не помню, хоть убей. Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придёт этот... Как его... Гос-споди... Серенький бычок! И ухватит за бочок. Бычок или волчок?

Укачивая дочку, пересела на диван, сказала шёпотом:

– Лидка, а Лидка, вставай! Тебе домой пора.

– Что?! А? Это самое? – проснулась Лида. Села, сладострастно почесала лохматую голову. – Да. Надо... Ась, слушай, дай подержать, а? Я, это, осторожно буду.

– На. Своего чего не заводишь?

Лида, не отвечая, осторожно прижала к груди тёплый чужой сверточек. Крохотный ротик пленительно улыбнулся, глазки закрылись. И Лида вдруг ощутила, как приливом пошла от онемевших пальцев ног – вверх, с коленей – на бёдра, и выше, по животу, через грудь – и до самого горла жаркая волна нежности...

– Смотри, заснула. Лапочка моя...

Помолчали. Лида, боясь спугнуть счастье, замерла. Ася спросила каким-то размагниченным голосом:

– Лидка, а ты не помнишь, серенький волчок или бычок?

– Чего?

– Ну, в песне. Бычок или волчок?

– Бычок, конечно. То есть, волчок.

– Ну, ты даёшь... – Аська засмеялась тихонько, но так заразительно, что Лида тоже невольно

улыбнулась. – А у меня, знаешь, после наркоза крыша конкретно съехала. Памяти никакой. Ладно, давай мне девочку.

Ася унесла дочку в спальню.

Лидя взяла со стола телефонную трубку, медленно набрала номер.

– Жор... Я всё понимаю, Жор. Да, мы договаривались. Я не могу, прости. Я понимаю. Но я не могу... уехать. Мы же с тобой говорили об этом. Жора, тут же все мои лежат... Ты же хороший у меня. Ты же всё понимаешь... Зайду, конечно. Утром... Провожу обязательно. Прямо в аэропорт? Ладно... Ну прости меня! Да... А девочка у Аськи такая, Жорик, славная... Малюсенькая такая... Да. Пока.

Ася осторожно прикрыла за собой дверь.

– Спит. Ну как, пойдёшь, что ли? Жорик твой ругается, небось?

– Да ну его! – Лидя скорчила рожицу. – Пусть ругается! – она спрыгнула с дивана, потянулась. – Аська, слушай! Это! Как пирога с капустой хочется! Давай, испечем, а?

– Ох, Лидка... – улыбнулась Ася. – Допрыгаешься!

В прихожей звякнул замок.

– Славка! – Ася выскочила в прихожую, уткнулась в пропитанную табачищем куртку. – Славка! Сволочь ты! Где пропадал?!

– Узнаю сестрицу, – добродушно проворчал Славян. – Ну почему сразу «сволочь»?

– Дурак ты... Дядя Славян... Где шляется три дня? Телефон хоть подключи! Думала в полицию звонить...

– Бугага... Как племяшка поживает? – раздеваясь, спросил Славян.

– Нормально. Лидка помогает очень, дай бог ей здоровья. Боюсь, муж ее выгонит скоро. Няньку надо брать, конечно, да работу искать. Пошли в зал. Слушай, ты где был-то?

Славка плюхнулся на диван. Не сразу заговорил:

– Аська, ты на меня не обижайся. Я переехать решил. Не могу я здесь жить. Газенваген, прям, какой-то...

Ася помолчала, потом холодно сказала:

– Слушай, тебе этот албанский не остофигел ещё? Уже не модный он, Славян. И вообще – спустись на землю. Сколько можно? Тебе уже двадцать три, а ты всё как ребёнок, ей-богу...

Слава помолчал, усмехнулся:

– Не обижайся, Аська. Я здесь... Блин, я здесь с мамой... – Он вдруг всхлипнул. – Когда тебя увезли... Я с ней... Знаешь, я ведь так виноват... Я ведь... Ждал... Пока она... А когда это слу... случилось... Стало так...

Ася вздохнула, присела на подлокотник, обняла кудлатую голову брата:

– Да ладно. Не парься. И так на тебя много свалилось. Ты всё-таки молодец. Маму похоронил, поминки сделал. А где жить-то будешь?

– У Лорки, – повеселел Славка. – Мы поженимся, наверное. Мамаша её, конечно – убей себя ап стену. Но сама Лорка, знаешь, – ничего.

– Мы вот что сделаем, – Ася встала, потирая руки, прошлась по комнате. – Мы, как наследство оформим, сразу же эту квартиру продадим и купим две однушки. Тебе и мне.

Славка пожал плечами:

– Давай пока просто – жить, медвед. О кей?

Ася замерла, прислушалась:

– Да нет, показалось... А как там твоя палатка? Самсятная?

– Да ну её... Мы с Ахметкой решили стать собачьими заводчиками. Фирма «Белый клык»!

– Какие же вы дураки! Кретины!

– В Бабруйск, животное! – надулся Славка.

В кухне возилась с посудой Лидка. Громко тикали часы.

– Слушай, систер, я комп возьму? – небрежно спросил брат, вставая.

– Бери...

Славка скрылся в своей норе, что-то уронил, ругнулся. Девочка заплакала.

Вбежала Лидя, вытирая руки о юбку:

– Я сама укачаю, ладно?

– Да она голодная, наверное, опять...

– Я тебя позову, если что!

Ася опустилась на мамин трон. Славка вынес из комнаты коробку с компьютером.

– Аська, я пошёл?

– Уже? Ладно, давай провожу. Монитор не берёшь?

– Завтра зайду.

– Да что ты бежишь, хоть пирогов дождись! – Ася вышла в прихожую, прислонившись к стенке, наблюдала, как Славка одевается.

– Ахметка ждёт... Завтра приду на подольше.

– Славка, а помнишь, я тебе песенки пела, когда ты маленький был?

– Не помню... Я модем тоже взял, тебе зачем, – деловито сказал Славян, обматывая худую шею шарфом. – Песенки... Вот как ты меня в ванной запирала тёмной и как скалкой колотила – помню.

– Да когда такое было! Ты что, обалдел?! – возмутилась Ася. – Да я ж тебя любила! Пелёнки стирала, попу мыла! Сволочь ты неблагодарная!

– Аццкий сотона! Опять я – сволочь? А забыла, как ты с подружками печенье моё горчицей мазала?

– Вот, придурок, это ж мы шутили!

– Ничего себе шуточки... – пропыхтел Славка, завязывая шнурки. – А как я тебя по полночи со свиданок ждал? И как мне Нурик твой по шее дал?

– А ты не подглядывай! Ой! Тихо! Проснулась, что ли?

Славка замер над ботинком.

Из зала донеслось пение.

– Лидка, что ль, поёт? – удивилась Ася.

Лида высунулась в коридор, блаженно улыбнулась:

– Она всё хнычет и хнычет, я тебя зову-зову, а потом, это, в сумку полезла... Включила, думала она отвлечётся... А там...

В руках у неё был диктофон.

– Я сейчас отмотаю...

Прожужжала пленка, щёлкнули кнопки. Раздался красивый сильный голос:

...ромашек букет!

И забыть навсегда,

Что было, как будто и нет его...

Мои ромашки встали стеною,

Мои ромашки цветут надо мною ...

Лида выключила диктофон.

– И ведь заснула! Заснула, как миленькая, Адочка наша!

Славка давно ушел. Ася покормила дочку и тоже задремала в спальне.

Лида поставила идеально круглый, смазанный желтком пирог в духовку, вымыла стол, посуду, заварила чай. Вытряхнула пепельницу. Потом отчистила бок холодильника от почерневшей жвачки, вытерла мушиное гуано с плафона. Занавески бы надо постирать. И побелить хорошо бы. Она выключила свет, открыла окно и с сигаретой присела на табурет.

Внизу раскинулся линованный кривыми дорожками, как пучком артерий с анатомического атласа, пустырь. На нём сгрудилась отара поросших курчавым снегом иномарок. Пейзаж казался уже родным, как запах этой квартиры, как чужие обстоятельства, как новые заботы, как старые летние мозоли.

В конце концов, думала она, выпуская клочья дыма и пара в стильную ночь, всё всегда оказывается до ужаса просто. Жизнь, думала дальше она, полна не вопросов, а ответов. Лида благодарно улыбнулась сквозь слёзы и посмотрела на небо.

Луна пропала. Азиатские звёзды колюче посверкивали, как осколки разбитого троллями зеркала. А потом, заслоняя звёзды вздувшимися тёмными парусами, строго на север проплыл в обморочной вышине громадный парусник, и с его борта блеснуло на прощание странно знакомое слово, сложенное из кусочков льда.

Автор графических работ Лиля Калаус

Начало трудного пути

Эссе об Антологии «Соловей в клетке»

Антология «Соловей в клетке» включает в себя повести, рассказы и стихи писательниц и поэтов из стран Центральной Азии, бывших республик СССР – Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, изданных на русском и английском языках. Идея издать антологию возникла летом 2007 года, когда женское отделение финского ПЕН-клуба организовало и провело II Форум центрально-азиатских писательниц в Хельсинки (Финляндия). Я вместе с Заринэ Джандосовой представляла на этом форуме авторов из Казахстана. Мы узнали много нового и интересного, познакомилась с коллегами (а в работе Форума принимали участие авторы-женщины из Киргизии, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Малави, Италии, Мексики и других стран), выслушали множество докладов о положении пишущих женщин в современной мировой литературе. Но главный урок, который я для себя вынесла, заключался в том, что проблемы писательниц всего мира очень похожи, что, конечно, само по себе не удивительно. Такой широкий взгляд на эту область литературы и культуры в целом позволил многим участницам найти свое место в литературной мозаике мира. Участие в Форуме дало мне то самое «чувство локтя», которое столь необходимо бывает в момент противостояния нападкам или равнодушию общества к проблемам творчества.

Результатом бурных обсуждений общих проблем и стала идея выпустить сборник – антологию художественной литературы стран региона Центральной Азии. Выход этой книги со скромным, в общем-то, тиражом, кажется мне важным шагом на трудном пути культурного сближения и взаимопроникновения Востока и Запада. И особенно здорово, на мой взгляд, что эта антология сугубо «женская», ибо положение пишущих женщин в современных восточных обществах весьма специфично и, к сожалению, полностью отражено в названии антологии: «Соловей в клетке».

В силу исторических причин, многие из которых сегодня очевидны (колонизация этих стран Россией; затем коммунистический период истории с его настойчивым искоренением традиционных культурных ценностей и игнорированием подлинных национальных достижений, насаждением идеологии ложного интернационализма и попытками уничтожения религии; недавний распад СССР; сложный и не всегда удачный период адаптации народов Центральной Азии к национальному суверенитету в эпоху независимости; глобальные экономические и социально-политические проблемы; ломка старой идеологии и множественные попытки создать и насадить новые идеи и т.д.), в этих странах существуют также и особенные, часто незаметные для непосвященных, локальные причины культурного обнищания, связанные, в первую очередь, с традициями того или иного народа, затем с его уникальной историей, и только потом – с исламом и его культурными запросами.

При внешней схожести языков, традиций и судеб, народы Центральной Азии (а всего на

этой территории проживают представители более чем 120 этносов) все же четко отделяют себя от соседей и, соответственно, от их культурной истории. Скажем, литература Таджикистана и Туркмении и сегодня значительным образом тяготеет к арабо-персидской традиции (в случае Таджикистана даже является прямым продолжением классической персидской традиции), тогда как в литературах Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана заметнее следы присутствия западной культурной традиции, транслированной в свое время через русское культурное наследие. Этот вывод может сделать любой читатель данной антологии, сравнив, например, стихи киргизской поэтессы Дальмиры Тилепбергеновой и туркменки Огултач Оразтагановой. Столь разные жанровые и культурные направления тоже, мне кажется, не случайно оказались объединены под одной обложкой – это показатель современного состояния культур центрально-азиатского региона, где как в общем котле смешиваются и классика, и постмодерн, и сюрреализм, и натурализм, и фольклорное наследие, и многое другое.

Для восприятия художественных текстов авторов антологии необходимо также учитывать социально-политическое положение каждой из стран региона, уровень демократизации общества, их финансовую состоятельность и действительную степень независимости от сильных соседей, а также развитости городской, в значительной степени вестернизированной культуры. Примером этому можно считать, скажем, сравнение публицистики международного уровня Веры Иверсен (Токомбаевой) (Кыргызстан) и традиционной, нарочито «женской» по своей тематике прозы Гызылгул Тагандурдыевой (Туркменистан).

В настоящее время в странах центрально-азиатского региона сложилась сложная ситуация с развитием литературного процесса. С момента обретения этими странами независимости произошел серьезный раскол между официально признанным сообществом литераторов и стихийно развивающейся и выживающей независимой творческой интеллигенцией. То малое количество культурных институтов (литературные журналы, премии, профессиональные структуры), которые официально признаны и поддерживаются государством, призвано обеспечивать и поддерживать идеологию и политический курс власти.

Литераторы, желающие реализовать свой независимый творческий потенциал и оригинальные идеи, не входящие в сферу интересов власти, лишены возможности продемонстрировать читателям свои тексты. Причины этого не только экономические (отсутствие финансовых возможностей для публикации и промоутинга), но и так и не развившиеся с обретением независимости связи между автором и издателем, автором и литературным агентом, издателем и книготорговлей, издателем и рекламным агентством и прессой, издательством и библиотекой, автором и литературным институтом или литературными конкурсами и премиями, характерные для нормального литературного процесса в демократическом обществе.

В современном центрально-азиатском обществе по-прежнему катастрофически не хватает независимых институтов, призванных концентрировать и развивать интерес к литературному творчеству, способствовать зарождению и укреплению связей между субъектами литературного процесса.

На этом фоне феномен женского литературного творчества как бы отходит на задний план, видится неважным и несущественным. Разумеется, на самом деле это не так. Если общество даст себе труд прислушаться к голосам авторов-женщин, картина всеобщего культурного обнищания, потери моральных ценностей, повышения уровня жестокости в обществе до критических пределов станет очевидной, потому что именно женщина в силу данных ей природой возможностей способна предчувствовать грядущие беды и проявлять милосердие к несчастным.

Разумеется, тема любви, почему-то считающаяся прерогативой именно пишущих женщин, является одной из главных тем этого сборника. Каждый из авторов по-своему раскрывает ее: трагическая нежность Заринэ Джандосовой перекликается с трогательной беспомощностью лирической героини Дальмиры Тилепбергеновой; суховатая трепетность Людмилы Бакировой отлично смотрится на фоне искренней до разрыва аорты бескомпромиссной Фарзоны, а немного книжная лирика Гузаль Янышевой становится объемной в сочетании с традиционно окрашенной покорностью лирической героини Огултач Оразтагановой и рассказов Гызылгул Тагандурдыевой.

Однако любовь – основной, но далеко не единственный предмет интереса для авторов антологии. В стихах Фарзоны слышится голос современности, они абсолютно погружены в реалии жизни, находясь при этом безусловно в сфере притяжения великой персидской традиции. Стра-

дание поэту причиняют безрадостные картины жизни ее народа (в качестве примера можно привести текст «Забывтый временем»), но она уходит от плоских социальных протестов в область философского постижения жизненной сути. Социальная тематика также характерна и для текстов Дальмиры Тилепбергеновой, адресованных настоящему и прошлому ее родной страны, и, конечно, для захватывающей публицистической повести Веры Иверсен «Уроки норвежского», в которой рассказывается о череде психологических стрессов и разочарований, постигающих людей с Востока на Западе...

Поэзия и проза Заринэ Джандосовой, мини-роман Мадины Омаровой «Материнский век» демонстрируют совершенно другой подход к вечным темам. С помощью деталей, ощущений, мгновенных пейзажных зарисовок, быстрых диалогов, не напрямую, не в лоб, а кропотливо и незаметно выстраивая художественные образы, эти авторы также решительно уходят за грань быта и эмоций, хотя привлекает их не социально-политический контекст, а, скорее, психологические аспекты существования женщины, опутанной суровыми традициями и нормами жесткого мужского мира Востока.

Стихотворения узбекских авторов, Людмилы Бакировой и Гузаль Янышевой, помимо тех же психологизмов и философских раздумий несут в себе еле ощутимый привкус ностальгии, аромат ушедшего, распавшегося навеки. Узбекистан – одна из первых бывших республик СССР, резко порвавшая с «колониаторской» русской культурой, и отзвуки этого разрыва, ушедших имен, уехавших в другие страны авторов и тех, кто остался на родине – но в пустоте и глухоте невосребованности, придают их поэзии этот горьковатый привкус.

Повесть Гульчехры Пулатовой «Адам, сын Анаит и Авесты» выглядит совершенным анахронизмом на фоне полярности «Запад – Восток» остальных авторов, в ней почти механически смешиваются «колониальный», западный сюжет, заимствованный у Киплинга (хрестоматийный образ дикаря Маугли, возвращающегося к ценностям цивилизации), рафинированный русский язык эпохи расцвета русской литературы и восточные реалии.

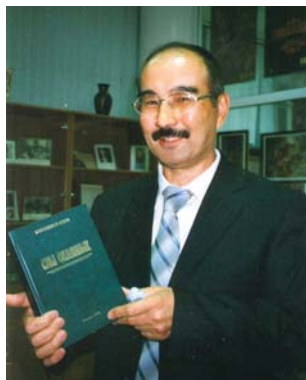
Литература стран региона, в целом, переживает сейчас жесточайший кризис в связи с возвратом и новым развитием национальных языков, формированием новых исторических и культурологических ценностей, тут и авторам-мужчинам приходится не сладко. И все же мужской мир Востока смотрит на них не в пример более сочувственно, ибо кому, как не мужчине дозволено быть Творцом. Женщине в этой иерархии отводятся почетные роли Музы, вдохновляющей Мужчину-Творца, Жены, окружающей Мужчину-Творца налаженным бытом и уютом, и Матери, одинаково безропотно отдающей свою жизнь детям и вечно утешающей Мужчину своей всепрощающей любовью. Женщина-Творец кажется немыслимым нарушением этой иерархии, к ее достижениям относятся небрежно и свысока, если вообще замечают. Не случаен тот факт, что немногие авторы-женщины могут похвастаться успешной карьерой, семьей или даже браком.

В странах Востока женское литературное (и не только литературное) творчество, как правило, обществом не поощряется. К счастью, дело не доходит до откровенного остракизма или нападок. Нет, общество – будь то европеизированные Казахстан или Кыргызстан, или замкнутые в поле национальной культуры Таджикистан и Туркмения, поступает проще и, одновременно, более жестоко. Литературное творчество женщин как бы не замечается (за редким исключением, как в случае Фарзоны Худжанди, официально признанной современниками великим поэтом, однако и это свидетельствует, скорее, о традиционно высокой общественной роли поэзии в персоязычных странах, чем о триумфе феминизма в Таджикистане).

Тем важнее миссия данной антологии, призванной ознакомить читателей всего мира, в особенности западных стран, с образцами художественной литературы женщин-писательниц, ранее никогда не публиковавшихся на английском языке (а в некоторых случаях – и на русском).

Хочется поблагодарить женское отделение финского ПЕН-клуба и лично его руководителя Риту Даль, благодаря которой смогла появиться на свет эта книга.

Аслан ЖАКСЫЛЫКОВ

Академик международной академии информатизации, доктор филологических наук, профессор КазНУ имени аль-Фараби, член Пен клуба, член Союза писателей РК, переводчик.

Родился в 1954 году в селе Самарском Восточно-Казахстанской области. Прошел все ступени профессионального роста: своевременно защитил кандидатскую и докторскую диссертации, опубликовал ряд книг («Философия всеединства и саморегуляция» (1994), «Просветления Ахмеда Яссави» (1996), «Религиозные мотивы в художественной литературе» (1998), «Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы» (1999).

В 1978 году в сборнике «Солнца луч» был опубликован его первый рассказ «Песня Койтаса». Первый сборник рассказов и повестей «Окно в степь» вышел в свет в 1987 г. Спустя ещё одно десятилетие А. Жаксылыков приступил к работе над романом-тетралогией «Сны окаянных» (1997 по 2007 гг.), в который вошли романы «Поющие камни», «Сны окаянных», «Другой океан», «Дом суриката».

Дом суриката

(Отрывок из романа)

Ты очнулся. Вернее, тебя швырнули в другую маету, достаточно подробную и протяженную, чтобы ты смог адаптироваться и начать работу по собиранию своего восприятия. Ты все также мертвецки, свинцово обездвиженный, пластался на железной кровати. Под потолком бункера багрово светился, налитый бычьим гневом, колпак светильника. Главной деталью изменившегося бункерного ландшафта предстала громоздкая тень, сутулая, с несуразной барсучьей головой, с длинным хвостом, стекающим с табуретки на пол. «Джубур», – в смятении подумал ты, пронзенный испугом, рванулся изо всех сил, но хомуты крепко держали прикованное тело.

Тень шевельнулась, развернулась всем громоздким торсом к кровати, наклоняясь к тебе, и ты различил до странности знакомый, как бы пришептывающий, чрезвычайно учтивый голос. Где, где я слышал эти модуляции? И где видел этот остроголовый, сутулый силуэт кабинетного затворника? От колпака полилась тусклая желтизна с кровавистым оттенком. Стены как бы потяжелели, стало трудно дышать.

– Как вы чувствуете себя, господин мой?

– Ничего, так себе. Выпить бы чего-нибудь.

– Это можно. Вы уже привыкли к нашей еде, питью.

– Что значит к «нашей еде и питью»? – внезапно, без всякого повода рассердился ты, и энергия гнева с неожиданной легкостью подняла твоё тело и усадила на матрац. Это произошло так быстро, что ты не успел удивиться. Теперь гири немоты держали лишь ноги, начиная с бедер и до подошв. Там наливалась неимоверная гранитная тяжесть.

– Это относится к секретной видовой информации. Вы просто не осознаете. Видите ли, рокировка, то есть трансформация прошла так успешно, что дело дошло до полноценной психической мутации. Практически до необратимого уровня. Вы потеряли связь с вашим архивным базовым сознанием, и не воспринимаете прошлого. Оно для вас вне сферы обычного. Иначе вы понимали бы, что сейчас с вами происходит.

– Что знал бы и помнил? Говори прямо без намеков! – заорал ты, трясаясь от ярости. Жаль, что нет ничего под руками, что можно было швырнуть прямо в морду Собеседнику. Шерсть на спине и загривке встала дыбом. Ты щелкнул челюстями, готовый наброситься на палача-экспериментатора.

– Я сказал бы, но, увы, вижу, что это преждевременно. Вы еще не готовы к такой информации. Реконструкция ментальной памяти без длительной конвергентно-диффузной фазы может закончиться катастрофой. Впрочем, я проверю. Нужны дополнительные тесты и зондирование подсознания. Я попытаюсь. Мы же с вами ученые, хотя принадлежим к разным видам биополя. Если мы отнесемся с пониманием к предстоящему, так сказать, пойдем навстречу друг другу, то эксперимент вполне может завершиться успехом.

– Начинайте! – с тяжелым чувством бросил ты фразу, с трудом подавляя приступ бешенства. Что же, он контролировал ситуацию, и тебе нужно было мириться с этим. Нужно научиться наблюдать за действиями Собеседника, как и за интенциями своего разума. Спасение в терпении и накоплении опыта. Понимая его и себя, ты найдешь выход из ситуации. А пока ты в роли подопытной крысы, и с этим ничего не поделаешь.

– Что? О чем вы подумали? – блеснул смоляными зрачками Собеседник. Он был необычно оживлен, даже взволнован чем-то.

– Так себе. Ассоциации всякие – уклонился ты. Нужно запомнить каждое слово фразы, чтобы выяснить, что же вызвало у него такую бурную реакцию. Тщательно проанализировать все нюансы.

– Ну-с, начнем. Позвольте задать вам несколько вопросов. Кто вы такой, как ваше имя, ваша профессия? К какому живому виду вы себя относите? Можете отвечать не спеша, это очень трудные тесты.

– Не темните, дражайший! Что может быть трудного в этих вопросах? Я еще не сошел с ума, чтобы забыть себя. Я бойцовый сурикат, мое имя Джоан. Самец, отношусь к семейству куниц. Самые близкие родственники – мангусты и сурки. Обитаю в норе на краю джугарного поля. Может быть, вам сказать, чем я питаюсь?

Долгое удовлетворенное молчание тьмы. Возможно, потрясение, переживаемое экспериментатором. Бункер всеми порами впитывал это звенящее безмолвие. Наконец, тень шевельнулась.

– Да, вы, конечно, правы. В данный момент, вы полноценный джугарный сурикат, описанный во всех реестрах и классификациях. Постоянно нуждаетесь в белковой пище. Живете в норе. В период гона... Ну это опустим. Только в одном месте нужно вас поправить. Дело в том, что ваш вид не относится к семейству куниц. Скажу вам – препротивные существа – хорьки и куницы. Ваш матричный вид – крысиный. Это базовая форма всех норковых животных. Вы должны были это помнить. Хотя и пережили радикальный кризис сознания во время трансформации. Нам нельзя терять последние остатки видового патриотизма, это очень опасно, господин хороший. Сразу скажу вам, что ваши туфли лежат далеко отсюда.

– Какая трансформация? Какая?! – крик вырвался из твоей глотки, выворачивая все существо бурлящей мутью. Ты ринулся прочь, но тень размашисто медвежьей лапой ударила тебя в висок, и ты послушно нырнул в илистые слои безвременья, полного беспамятства, которое окружило тебя разливами холодной пасты, медленно растворяющей иглы боли. И ты безропотно отдался всепоглощающей силе вселенского болота, вековой щелочью разъедающей не только останки существ, но и даже души.

В толще сплошного беспросветного, почти максимального неведения своего Я, все же особым образом ты ощутил, что пучинная пустота – это не отсутствие всего, а скорее присутствие чего-то такого, что выходило за пределы известного опыта и понимания. Скорее оно ощущалось как некая сверхтонкая активность, разбросанная по всем направлениям. Сеть, едва вибрирующая какими-то немыслимо легкими всплесками, неуловимо летучими, но через мгновение вскипающая шокирующими, ударными волнами. И эти постоянно блуждающие импульсы проносились вихрями, то возникая из небытия ливнем линий, то моментально сворачиваясь до состояния пульсирующей искорки. Самым странным и парадоксальным было то, что в фазах исчезновения, в состоянии, которое нельзя было назвать ни пространством, ни временем, оставался некий след – паутина тьмы, которая продолжала прикасаться и покалывать острым холодом, рассеивая и осыпая восприятия до первичных безвестных фрагментов.

И даже ничтожная заблудшая горсть квантов была нужна ему, Истинно чужому, чтобы хотя бы на капельку усилиться на начальном этапе трансформации. И эта горсточка жизни беспомощно барахталась под наваливающимися холмами чудовищной бездушной массы, не имеющей ни конца, ни края. И судороги остатней жизни были похожи на агонию суриката, попавшего в объятия сетчатого питона, могучего болотного живоглота. Так уж издревле было заведено в природе:

заглатыванию добычи помогали не только мускулы змеи, но и отчаянные усилия жертвы, отдающей победителю не только плоть, но и энергию последней борьбы.

Еще немного, и навеки будет забыт безвольный, выжатый словно тряпка, сурикат, с последним вздохом смирившийся с ролью смертного червя, обреченного отныне витать в утробной жиже необъятной анаконды. В кишках гуттаперчевого стратега, имеющего обыкновение милостиво ставить точку яда в конце жалкой крысиной бегущей строчки.

И тогда что-то в пустоте вновь собралось бьющейся точкой света, рванулось куда-то прочь из силков и на пике неимоверного порыва взмолилось, восстало к великому Ие, хмарному повелителю ночного леса с несметными огнистыми очами, воплощенному кошмару крысиных отморозков и змеиных отродий. К Филину пучеглазому, ужасному демиургу, великану пернатому, всевидящему, гортанному горлопану восплакало словами последнего Писания:

– Уку-филин, мглисто-хмарный, пушисто-тучный, крепкий и мощный, исполни громо-вой, веющий горами перьев, вращающий гремучий огонь. Ие, летящий возмездием про-роков и кренящий поля и доли, расщелины и ущелья, леса и рощи, чакравартина очами осыпающий галактики и созвездия, пепел и пот вселенской куропатки Бодоне, бегущей топотом и ором в джугарном косматом вихре, в клубах перекасти-поле, в черном шаре крутящейся ворохами осени. Водитель жизни и смерти, колеса бытия и небытия, явле-ния и исчезновения, зари и заката. Вращатель верха и низа, неба и земли, тьмы и света! Великий врачеватель, повелитель вселенных, кишачих несметных миров в зрачках ба-гровых сычей и несытей с крылами гремущей пустоши. Тебе, о, господин подлунных долов, длинными поклонами простираюсь ниц, бью челом и лью слезную мольбу, вздымаю очи смертной муки. Прошу и уповаю, взметаю крик горький, ищу защиты и вящего покро-вительства, Отец тьма-тьмущего тварного мира! Уку-филин, воитель несравненный, повелитель, зрящий пространство и время, мощно шары ора обрушивающий, молниями гнева пронзающий дебри, ополчающийся против всякого страха, коянского прыг-скока из стороны в сторону. К тебе обращаюсь, прости крыло Самрука последнего срока, громо-вым криком и гневом восстань над миром мрака, поднимись в полет карателя существ низких, едоков трупов и шакалов презренных, коварных, неисчислимых, в хитрости не-имоверных. Открой путь свету, помоги, посмотри на сына своего, прости крыло и озари тропу в буреломе ему. В беспросветной, кошмарной, в Тмутаракани окаянной, спаси за-блудшего, крылан беспримерный!

И Уку-филин, громоздящийся копной на ветвях пряного великого джусойного дерева, по-добного туче, внял молитве последнего суриката, повернул свою мохнатую, умопомрачительную голову, вспыхнул всевидящими, знойными зрачками, кишачими судьбами, городами и годами, садами и огородами, мигнул пару раз и усталился вниз на отверстие норы.

И ты проснулся.

* * *

И ты очнулся. Нет, бездонная, илистая губка, поглотившая и переваривавшая в трансе твое сознание, внезапно конвульсивно содрогнулась, и ее вырвало тобой. В комнате плавал сиреневый полумрак. Колпак ртутного светильника под потолком и карминовые глазки-индикаторы компьютера добавляли в этот световой коктейль багровый оттенок, зловеще расслаивающий про-странство, и добавляющий ему какую-то иррациональную глубину и беспредельность. Ты под-нял голову в попытке разглядеть тело, и тотчас тебя пронзило ощущение пробуксовки времени в одном и том же месте. В который раз уже повторяются все эти действия, по сути уже заученные: ты судорожно выныриваешь из омута, поднимаешь голову, оглядываешь окружающее и затем па-нически начинаешь искать взглядом тело, прикрытое тяжелой мертвецки белой простыней. Нет, ты не умер, ты не в морге на операционном столе. Ты все там же, в тростниково-камышовой ком-нате, текучей, словно образы на телеэкране. Прошли уже миллионы лет.

Тень в кресле шевельнулась, словно на шарнирах ловко провернулась, и через секунду уже склонилась над тобой. Между тем твои зрачки сконцентрировались, и ты с облегчением увидел свое тело, разбросанное по кушетке, опутанное проводами. Простыни не было, вместо нее таяли остатки грубой бурой шерсти. Запястья рук и щиколотки ног были скованы блестящими хому-тами. Проекция зрения обрела устойчивость, и ты понял, что в кресле напротив тебя сидит Ре-

дактор, тоже густо оплетенный множеством проводов. От сияющего никелем широкого обруча, обнимающего его голову, тянулся полупрозрачный кабель к черному компьютеру неизвестной тебе конструкции, массивному, обтекаемому, чем-то похожему на осьминога. Ты без труда понял, что провода соединяют твое тело с телом Редактора. И это открытие тебе не понравилось. Лицо у него было желтое, отечное, как будто после затяжной бессонницы или от болезни почек. Глаза смотрели тускло. Большое кожаное кресло в форме раскрытого цветка. Оно похоже на огромную росянку, заглатывающую пойманного насекомого, гигантского шмеля, обвалявшегося в пыльце, квелиго, сонно-зыбкого от действия цветочного наркотика. Голос у него надтреснутый, с ноткой привычной усталости и показного раздражения. Интонация ушлого менеджера, подвизающегося в суеде чересчур делового офиса, где привыкли стряпать проекты за чашкой кофе, в дыму сигарет, за здорово живешь обрабатывать доверчивых клиентов одними только словесами, проспектами и гламурными образами процветающей фирмы. Но за этой маскировочной дымкой таились зрачки матерого змея, опытного охотника, хорошо знающего цель затеянного им дела. И еще заплечных дел мастера, утомленного не только своим знанием, но и предвидением неизбежных затрат на один и тот же процесс перелопачивания старой человеческой глупости.

– С пробуждением.

– Благодарю, не стоит.

– Почему же. Я всегда с нетерпением жду этого момента.

– Какого?

– Ну, такого, когда обретается память. Ведь память – это то, что очень трудно отнять у индивидуума. Это же неизменная личная собственность, на которую даже государство претендовать не может.

– Не понимаю.

– Зато я хорошо понимаю. Ведь эксперимент уже столько времени в моих руках. Я так сказать и сценарист, и режиссер, и постановщик действия, и актер, и зритель, и архивариус в одном лице. К тому же делать резюмирующие выводы положено опять-таки мне, поэтому я – еще интерпретатор.

– Ну, а я – подопытный, наверное.

– Не совсем так. Скорее – ты соавтор избранного текста, быть может, даже автор оригинальных интерпретаций. К тому же мой давний друг, к которому я питаю неизменную симпатию.

– Премного благодарен за доверие. Хотя у друга, наверное, есть свое мнение на сей счет. Как? Представь себе, что товарищ, непринужденно захваченный врасплох, нежно прикованный к пыточному столу, мягко обвязанный проводами, слегка исколотый шприцами, вдруг заявляет решительный протест против дорогостоящего комфорта. Конечно, вам неприятна черная неблагодарность подопечного?

– Гм-гм. Я вижу, ты многое понимаешь. Что ж, бывают издержки производства. Они неизбежны, особенно когда находишься в протокольной ситуации.

– В какой?

– Ну, в такой, когда интересы общества, государства, державы, даже цивилизации, требуют быть выше личных, индивидуальных мнений. Здесь неизбежно появляются сложные смысловые оттенки, которые выходят за пределы обычной формальной логики. По этому поводу говорят: «Платон мне друг, но истина дороже». К тому же, позволь напомнить тебе, что я по-прежнему твой прямой начальник.

– То есть?

– Ты многое забыл, таковы были следствия твоего похода в Зону. Увы...

– Какого похода?

– Я все понимаю. Ты тоже далеко не дурак, знал, что должен соблюдать правила игры, и ухитриться сохранить свою собственную линию. Но я весьма терпелив. Я помогу тебе вспомнить, хотя ты и так все сам знаешь. Я не только твой друг, начальник по работе. В теневом, конспиративном плане – я один из ведущих сотрудников 6 спецотдела, а ты мой завербованный агент с кодовым именем. Ты был подготовлен по особой программе и послан в Зону, вслед за другим разведчиком, отправленным туда же раньше. Этот агент – женщина, очень талантливый сталкер с большой психологической подготовкой. Ее кодовое имя – Ассенизатор. У нее есть и другие прозвища. Впрочем, ты должен сам вспомнить. В Зоне ты был достаточно долго, и что-то с тобой произошло непонятное. Ты вернулся как бы другим существом, можно сказать, не совсем даже человеком. Гм-гм...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Как раз это мы и выясняем. Но ты плохо нам помогаешь. Коротко говоря, мы тестируем твоё сознание, пытаюсь понять, что же случилось с тобой в Зоне. Это нас исключительно интересует. Мы бьемся над тобой уже много времени. Можно сказать: уйму дней. Сотрудники отдела вымотались изрядно. Итак, твоё подсознание хранит чрезвычайно важную информацию огромной стратегической значимости. Не скрою, мы пытаемся её получить. Но ты нем как рыба. Или действительно не помнишь, или не хочешь говорить по определенным причинам.

– Что?

– Ты должен вспомнить и назвать хотя бы своё операционное кодовое имя, и тогда многое само собой всплывет.

– Операционное? А что, есть и другие прозвища?

– По крайней мере, несколько. У всех задействованных в Программе. Из них операционное – ключевое.

– Тогда попробуем наводящие вопросы. Может, они помогут мне кое-что вспомнить.

– Валяй!

– Пожалуй, я начну. Назови сам своё операционное имя.

– Ну, это не секрет. Ты множество раз использовал его, особенно в своих записях, которые почему-то именуешь Реестрами Малыша-утенка. Конечно, здесь вопросы задаю я. Но коль это нужно для успеха общего дела, брат мой Маугли, пойду тебе навстречу. Меня зовут Редактор. Как ты мог забыть это слово, оно тоже ключевое. Я, действительно редактор, твой начальник по первой работе.

– Второй вопрос. Это что за провода между тобой и мною.

– Да, многое же ты забыл. Это сенсорные линии, подключенные к микропроцессорам, вживленным в нервные волокна наших тел. В свою очередь они соединены с мониторами. Все эти штуковины через мониторы позволяют видеть образы твоего мозга, даже сны. Не только видеть, но и в какой-то степени синхронно переживать их.

– Ты хочешь сказать, что ты мой партнер по психике?

– Не совсем так. Мы не близнецы, даже не симбиотическая пара. Просто идет процесс отслеживания психологической и духовной информации на глубоком уровне. К тому же ситуацию контролирую я. Это означает, что объект операции – ты. Я просматриваю все доступные образы, анализирую их, обобщаю. Поэтому, говоря языком твоего Реестра, я, скорее, – аудитор, арендатор души. Но мне больше нравится слово Оператор. В этом смысле я оператор повторов твоего странствия во внутреннем мире. Как оператор я помогаю тебе вспоминать. Заостряю внимание на определенных эмоциях, усиливаю психологический след, который ведет к базовой информации. Сейчас я даже назвал тебе слово, которое является ключевым в твоей операционной памяти.

– Даже так? Какое? – (В висках заколотила муть, и ты судорожно задышал).

– Не будем спешить. Всему своё время. Еще вопросы?

– Что же такое ты высмотрел в моем внутреннем мире?

– Вот это шлем-визор, он надевается на голову во время контакта. Шприцами в кровеносную систему объекта вводят особую смесь, и затем *это самое* начинается. Коротко говоря, после многих сеансов просмотра мы обнаружили присутствие в твоём подсознании некоего чрезвычайно любопытного персонажа.

– Какого?

– Ты именуешь его, то есть её, женщиной-волчицей. Она для тебя много значит. Кто она? Расскажи нам о ней!

Голос Редактора зазвучал чеканным металлом. Он требовал, настаивал, отрезал путь к отступлению. Во всем мире остался только этот голос, гремевший колоколом. Оператор приподнялся с кресла и нагнулся к тебе тушей атакующего огромного моржа. И в ступоре сознания, рвущегося на клочки, ты немом смотрел на мясистый бритый шар, облаченный в сияющий обруч. «Шлем, проклятый шлем» – мелькнуло в памяти и исчезло.

...Острые зрачки, как бы вывинчиваясь из глазных яблок, кололи и буравили тебя:

– Скажи, кто такая женщина-волчица! Ну, мать твою так и эдак! – заходился в астматическом хрипе вздыбившийся морж, которого некому было пригвоздить гарпуном или пешней, приголубить от всей души, не жалеючи.

– Зачем она вам? Призрак из темного подсознания?

Редактор тотчас взял себя в руки, продемонстрировав недюжинную волю и тактическую способность. Он вновь сел в кресло и откинулся в нём в прежней позе созерцающего сноба. Его голос на этот раз звучал успокаивающим, миролюбивым тембром.

– Дело в том, что многие зоны твоего сознания и даже подсознания доступны нам и читаются без труда. Большинство важной информации мы получили оттуда. Так что на 90 процентов ты отрапортовался, как и положено агенту 6 спецотдела. Однако, самая глубокая часть твоего ума, именно та сфера, которая нам нужна, оказалась закодированной совершенно особым образом. К сожалению, она оказалась недоступной нам. Все наши попытки здесь, как пишут в ваших романах, терпят фиаско. Здесь и находится злосчастный камень преткновения. Он и не позволяет тебе совершить главный поступок.

– И что это за код?

– Всякий раз, когда мы проникаем к порогу этой сферы и начинаем просматривать картины великого похода, появляется образ женщины-волчицы. Представь себе, она всякий раз требует от нас некий пароль.

– Что за пароль? – Ты едва не подскочил с кушетки.

– Какое-то слово из четырех букв. Или символ. Скорее всего, имя.

– И что же, вы не смогли назвать?

– Ни разу, задумайся! Мы потерпели полное поражение при пяти тысячи попытках. Мы пережили горькое разочарование. Это словами не передать. Суперкомпьютер прогнал все слова из четырех букв из всех языков мира, то есть мы предложили миллиарды вариантов на всевозможных диалектах.

– И?

– Безуспешно! Мы не смогли открыть файлы твоего внутреннего сознания. Кстати, ты вспомнил свое архивное кодовое имя?

Долгое тяжелое молчание. Тебе показалось, что кондовая голографическая комната насто-рожилась всеми своими электронными фибрами.

– Что же вы ищете в моем архиве?

– Любопытную вещь. Дело в том, что местность, которую ты посетил во время большого похода, на самом деле таковой не является. В природе таковой просто нет. Мы ее назвали Зоной. Мы предполагаем, что на самом деле это не ландшафт, а пространственная голограмма, совпадающая по своим параметрам с самым активным пятном в аномальной Зоне. Аномальная зона хорошо просматривается со спутников. Она излучает сразу в нескольких диапазонах, в том числе и в та-ких, которые воспринимаются только человеческими сенсорами, то есть в трансфизических.

– Поясни.

– Это колебание квантовой волны, которое уходит ниже пределов 10 минус в 32 степени.

– То есть за пределы возможностей физических измерений?

– Именно. Я вижу, ты начал соображать. Сейчас ты должен быть очень внимательным. Наши физики исходят из представления, что вся вселенная – это одна субсветовая волна, которая вибрирует в разных режимах. Ее средние амплитуды мы воспринимаем в геометрических образах как видимый мир, то есть как мегагалактику. Высшие ее режимы мы не в состоянии представить, поэтому мы принимаем такие ваши символы, как Абсолют, или Пустота, или Поле, или Небеса. Физики пришли к выводу, что большая часть вещества вселенной, что-то около 96 процентов нами не воспринимается, ввиду нетривиальности его состояния.

– То есть она существует, но наши средства отражения неадекватны.

– Примерно так. И мы это не сразу, но постепенно поняли. Что ж, человек весьма ограничен даже в познании.

– И что же вы предприняли?

– Мы начали развивать теории, экспериментировать. Исследования ведутся с тех самых пор, когда впервые Пятно было убедительно зафиксировано. То есть что-то около пятидесяти лет.

– Ого!

– Да, ты многого не знаешь. Мы выяснили, что над Зоной простирается область особых визуальных феноменов, активно флуктуирующих в неизвестных режимах, возникающих и исчезающих. Ты в своих записях это место назвал...

– Ты хочешь сказать, что тростниковое поле было не полем, а голограммой?

– Да, именно так! Наконец то вспомнил, голубчик! Процесс пошел! Тростниковое, кукурузное поля, снежные горы – это фиксированные голограммы, которые периодически создавала Аномальная зона, будем называть ее АЗ, неизвестной нам технологией. Среди голограмм присутствовали и другие, например, разрушенный военный городок, гигантские кратеры.

– Что? – ты подскочил со своего места и возбужденно замахал руками, – Быть этого не может. Чтобы наматериализовать целый городок с массой предметов! Не может быть! Что, АЗ – бог? Я же там был, жил годами. Эта была реальность, самая настоящая!

– Топологические голограммы АЗ практически неотличимы от физической реальности. Даже посвященный со временем, пообвыкнув, может забыть о сути происходящего. Именно это и произошло с тобой, агентом 6 спецотдела, подготовленного по особой Программе – Редактор смотрел на тебя удрученно с нескрываемым сочувствием. Ты же вновь рухнул на кушетку, прижав ладони к вискам, в которые бешено молотила холодная кровь.

– Я жил внутри голограммы рядом с призраками, и ничего не различал? Ты врешь! Ты моришь мне голову, Собеседник, проклятый! Ты добиваешься, чтобы я сошел с ума. Клинишь мне мозги! Хрен свинячий, обвязанный проводами. Колешь иголками, берешь анализы, экспериментируешь, как тебе вздумается! Сволочь! Что тебе надо? – Вот-вот прорвутся рыдания сквозь спазмы, сжимающие горло.

Редактор нехотя поднялся, плеснул в стакан густую коричневую жидкость. Подошел, участливо предложил, заглядывая в глаза:

– Выпей, это поможет.

– Что это за хреновина? – Тем не менее ты прильнул губами к посудине, смутно сознавая, что ранее ты миллионы раз проделывал то же самое действие. Зубы выстукивали дробь о край стекла. В молчании прошла минута, другая. Хмурый редактор открыл сандаловую шкатулку, достал толстую сигару, обрезал ножницами конец, повертел ее и с тяжелым вздохом положил обратно в коробку.

– Среди всех прочих фантомов, которые окружали тебя, реальными объектами были баба-агент, дети, в том числе, неподконтрольная нам женщина-волчица. И более всего – трансфизическая зона в глубине земной толщи, излучающая в нестандартных диапазонах. После трехсотого подземного ядерного взрыва латентная АЗ, локализованная в глубине земной толщи, заметно активизировалась. Она нагрелась и начала медленно продвигаться на восток в направлении алтайского уранового пояса. Военные это не сразу поняли, а когда проблема обозначилась, они остановили испытания.

– Но было уже поздно, – Ты повернул голову в сторону кресла. Слезы мешали четко видеть выражение его глаз. Видеть же это было крайне важно для тебя.

– В каком-то роде – да. Военные специалисты – бактериологи зафиксировали первые мутации на генном уровне в растительном и животном мире в районах, прилегающих к АЗ. Увы, это открытие подстегнуло нас в парадоксальном смысле, и мы спешно обустроили на территории действующего полигона несколько биологических станций по изучению последствий радиоактивного и других излучений на живой организм.

– То есть принялись активно помогать матушке-природе, вправляя ей мозги?

– Твоя ирония неуместна. Ты не учиываешь фактор гонки вооружений. Наши усилия и соответственно – результаты в этой важной области оказались настолько ничтожными, настолько незначительными... Они и в сравнение не годятся с тем, что со временем стала проделывать АЗ. Она, например, создавала целые поля неизвестных нам растений, кишящих насекомыми и животными – мутантами.

– Не скромничай. Ваши ученые-обормоты добились неплохих успехов в клонировании животных и растений. Они размещали новые образцы на площадках биостанций на территории полигона.

Длительное, недоверчивое молчание, озаряемое едва уловимыми всполохами тревожного внимания. Точки-зрачки Редактора наливались черными льдинками.

– Это секретная информация. Она была недоступной, в том числе и для тебя, хотя ты и агент 6 отдела. Откуда у тебя эти сведения?

– Из архива, разумеется.

– Я так и знал. Поэтому мы стремимся прочесть информацию, заблокированную в твоих

нейронах. И ты нам поможешь, черт тебя побери! Это архиважно для нас!

– Почему я должен вам помогать?

– Неужели ты до сих пор этого не понимаешь? Ты единственный из агентов, который побывал в ядре АЗ, то есть на тростниковом поле, и вернулся оттуда живым. И не только живым.

– Что еще? Что?

– Ты вышел из поля АЗ, по сути, из генетического реактора измененным, со странными свойствами. Настолько странными и непредсказуемыми, что мы теряемся в догадках. Коротко говоря, ты, с нашей точки зрения, больше не тот человек, и вообще - человек ли?

...Крысиные глаза Оператора ударили тебя остриями темных молний, и тебя швырнуло в муть. «А-а-а-а!» – вопль разорвал твою глотку, судорожные спазмы терзали трахеи. Порция успокаивающей жидкости подплыла по воздуху. Где-то далеко качалось лицо Собеседника, играющее губами, словно в руладах горлового пения. Время застыло в веках ледникового периода, затем оттепель хлынула изнутри, и ты различил некую фигуру, оттаивающую в белых наплывах льда и снега. Силуэт ожил, вырос в размерах, приобрел подобие человека. Оказывается, у него были глаза и губы. Затем ты услышал голос.

– Ты посмотри на свое тело, конечности. Когда на тебе была такая шерсть, или эти когти? Форма медведя и способность погружаться в длительную спячку – только одно из твоих приобретенных свойств.

– Что еще?

– Во время длительной спячки ты радикально трансформируешься с полным психологическим ролевым сдвигом, превращаясь то в волка, то в кабана, филина, зайца, лошадь, утку. Мы устали, сбились со счета. В превращениях ты настолько непредсказуем, то есть опасен, что мы вынуждены были держать тебя в оковах. Хотя до саркофага дело еще не дошло. В конце концов после нескольких серьезных травм, ранений сотрудников мы осознали, что имеем дело... Как бы тебе сказать.

– Что?

– Мы поняли, что имеем дело с суггестивной голограммой, управляемой из АЗ. Тебя контролируют оттуда. И в твоём подсознании есть код, скрывающий информацию, что тебе, например, было поручено Ими.

– Ими?

– Ну, женщиной-волчицей. На самом деле это какое-то полевое существо. Связано ли оно с АЗ, или действует самостоятельно – сплошная неизвестность. Вот что мы хотим узнать. Кто она, что хочет от тебя, чего добивается? Она другая или – агент АЗ? Осознай нашу цель, твоих собратьев, союзников, пока не превратился в летучую мышь или стрекозу.

– Ты дурачишь меня! – Ты старался говорить спокойно и размеренно.

– Посмотри на свое тело. Откуда на тебе эта дьявольская шерсть и ужасные медвежьи когти.

Откуда?

Молчание.

– Итак, твое операционное имя?

Тишина.

– Твое базовое имя?

Безмолвие.

– Твое архивное имя?

Снегопад и лед.

Из воздуха появляется, грозно сгущаясь, материализуясь с неотвратимостью наведенной голограммы, сюрреалистический шприц.

...А-а-а-а! Охо-хо-хо-хой! – Клекот жестяного, медного филина, перекатывающийся громами бочек, несущихся по крутому склону, обрушивающихся на леса и перелески, черные, туманные, застывшие в тревожном ожидании. Спящая обитель ночных теней и дымов, утомленных воинов: барсуков и росомов, медведей и сурков, кротов и куньих, горностаев - вздрогнула до основания. И ты сурикат, идущий по следу вожденной самки, такой желанной, источающей пряные ароматы, поднял голову, принюхался, прикоснулся ноздрями к струям живого воздуха. В крови забилась темным огнем зов единой жизни. Перед твоим взором вспыхнул образ обольстительной, верткой словно ласка, сильной сурикатки. Через тактильные ткани ноздрей, кровеносную систе-

му прямо к сердцу жаром накатил светлик королевы логова, обладательницы теплой, нежной шерстки, обильного чрева, обещающего невиданное потомство. Какой образ может быть более заманчивым для рачительного и шустрого суриката, захваченного не идеей светлого будущего, а исполняющего природный долг, простой, понятный? Влажные рецепторы, увенчанные чувствительными волосками, кое-что уловили, затем нащупали след, терпкий, бьющий импульсами прямо в мозжечок, они нашли свежую мускусную струю самки, говорящую о том, что она готова к долгожданному гону. И ты, подскочив, замер серым столбиком на задних лапах, уставился вперед, туда, куда вел дымно-желтый теплый след. И увидел исполинское полусухое дерево, задевающее необозримой кроной россыпи звезд. На голой, далеко простертой ветке сидела фигура пернатого демиурга, устрашающего великана, ростом не меньше чем осенний стожок. Филин заворочал ушастой головой, уставился на землероя, сверкнул своими ужасными глазами, нашел в сутемени омертвевшие очи своей добычи, всколыхнулся, нацеливаясь, как бы проверяя, не скачут ли из стороны в сторону бедовые, коянские дробинки. Вот-вот неистово на весь подлунный мир завопит рыжий детина, сыч окаянный, зовя стервятников на долгожданную расправу.

И ты торопливо закивал, замотал головой, запинаясь, выдавливая слоги, наполовину сминая звуки полузабытой лесной молитвы. И ты застонал, скрючиваясь в три погибели, ибо это не игла полигонного шприца жалила твою хилую жалкую жилу, а матерый гвоздь, трехгранный, голгофский, изготовленный войсковым кузнецом, нахраписто лез через ладонь, дробя косточки, разрывая тонкие капилляры, круша сосуды. И ты, уронив голову на костяк выпирающей ключицы, зашептал, едва шевеля иссеченными губами, уплывая в туман, осыпаясь крошечками слов, исхлестанных кнутами, гонимых по последним путям-дорогам к дыбам, хомутам и висельным цепям: «Апке, не уходи. Апке, слышишь?»

Но она не слышала, поднималась по лестнице роковой, ведущей прямо на небо. И ты рванулся из последних сил, закричал: «Апке, не надо!»

Сухой протокольный голос Чужого, глыбой восседающего на армейском табурете. Катающиеся желваки на медных скулах казарменного сумоиста, намеренного на этот раз добиться цели, пусть даже ради этого придется размозжить упертого щегла-дневального.

- Итак, твое операционное имя?
- Странник.
- Твоя цель?
- Разведка, сбор данных на территории АЗ.
- Основные задачи?
- Отсев информации, биологической, радиационной, биохимической, геотермальной, систематизация и первичная интерпретация.
- Главная задача?
- Изучение локальных и глобальных воздействий АЗ на природу местности.
- Что такое местность?
- Обычный природный ландшафт, сложно перекрытый наведенными голограммами, имеющими объемную топологию поля, хребта, разрушенного военного городка, леса.
- Ваши методы тестирования голограмм для различения реальной и искусственной топологии?
- Критерием голограммы обычно выступает специфическая женская фигура, достаточно одинокая. Таковую же семантику несут гротескные фигуры животных-мутантов. Однако главный говорящий образ – кукурузное поле.
- Очень хорошо. Ваше базовое имя?
- Снежный воин.
- Данные вашей подготовки к миссии и снаряжение?
- Боец подразделения специального назначения Дельта 1. В гражданском обществе прикрывался ролью журналиста-международника. Владею приемами джиу-джитцу, карате, самбо. Освоил технологии изготовления подручного холодного и огнестрельного оружия, средств связи, изготовления ядов, катализаторов. Обучен исследовательским действиям и выживанию в экстремальных обстоятельствах, вплоть до ситуации после применения ядерного оружия. Обладаю навыками особых суггестивных психологических стратегий. Имею глубоко внедренный индикатор.
- Вы помните о своей жене?

Молчание.

– Хорошо. Другой вопрос. Собирая информацию, анализируя ее, вы, наверное, обратили внимание на то, что мутации на территории АЗ носят направленный характер.

– Да, я это заметил.

– Ваши выводы на этот счет?

– Мутации носили организованный и глобальный характер. Они затронули все планы, все зоны, все популяции в пределах АЗ. В итоге я пришел к выводу, что это следствие применения особой военной технологии.

– И чьей же?

Молчание.

– Вы пришли к выводу, что наблюдаемые мутации – результат применения экзотического оружия неизвестных нам сил. Мы согласны с вами. Мы считаем, что эти силы локализованы в гранитной толще под поверхностью атомного полигона на глубине от одного до трех километров. Именно там зафиксировано присутствие активированного антипротонного поля, стабильного в режиме сигма-колебаний двойной синусоидой волны. Это аномальное явление в масштабной интенсивности, выходящей далеко за пределы известной физикам нормы. Вы, наверное, знаете, что в системном состоянии обмена импульсами антипротоны до сих пор на этой малой планете не обнаруживались. В историческом времени они не наблюдались в веществе ближайших планет, звезд всей этой галактики. И вдруг эта штука обнаруживается в возбужденном состоянии прямо у нас под ногами, словно там заработал мощный синхрофазотрон сверхцивилизации.

– И вы связываете все эти полевые мутации, появление голограмм с *этим самым*?

– Именно с *этим*. Мы и тебя постепенно подвели к этому выводу. Но на каком-то критическом моменте ты сам был неожиданно трансформирован Полем, то есть ядром АЗ. Твоя базовая память, где ты являешься все понимающим стратегом, заархивирована так сложно и глубоко, что ты оказался неподконтролен нам. Фактически как агента мы тебя потеряли. На уровне сознания ты превратился в толпу безумствующих существ.

– В толпу?

– Да. В ораву этаких дегенератов, полулюдей, полуживотных. На уровне подсознания и сверхсознания мы сейчас не знаем, кто ты на самом деле. Общий центр как бы отсутствует. Тем не менее мы считаем, что он есть, он парадоксален и сделал тебя чрезвычайно опасным существом. Поэтому мы вынуждены были изолировать тебя в надежном боксе.

– То есть?

– Ты находишься в лаборатории оборонного центра землян в городе-башне на 200-м этаже.

– Не понимаю.

– В 20-м блоке города-башни в специальном помещении с экранизированными стенами.

– Я считаю это жестоким насилием – допрос с применением запрещенных психотропных средств. Вы просто ломаете мне психику. Вот что я хорошо понял.

– Отнюдь нет. Объясняю. Мы следили за тобой постоянно, но особенно тщательно, когда ты направил стопы домой в город. Мы уже тогда подозревали, что ты являешься двойным агентом, нашим и АЗ. Мы сделали вполне обоснованный вывод, что твоя измененная природа, по сути, выступает неким генетическим оружием чрезвычайной мощности. Вывод этот справедлив. Посуди сам: ты шел домой вдоль шоссе, и ни одна машина не брала тебя на борт, потому что ты был окружен толпой мутантов, а за тобой двигалось буйное кукурузное поле с авангардом джусойных деревьев. То есть ты вел к нам армаду мутантов-животных, растений и паразитов. Ты привел к нам беду – апокалипсис. Мы поняли, что ты сам по себе оружие – голограмма АЗ, своего рода биологическая боеголовка, наведенная на землян.

– А-а-а-а-а!

...И ты рванул с кушетки к ненавистному палачу, ухмыляющемуся монголу, воровскому авторитету с кликухой Редактор. Заплечных дел мастер, он был любителем особо жестоких и изощренных методов пытки. На этот раз он превзошел самого себя. Измываясь над бывшим братаном, он создавал свой главный шедевр жизни – изваяние замученного. Изувер! Он испытывал особое удовольствие, ломая кости, как говаривал, проклятым отступникам и сексотам, в недавнем прошлом – боевикам, медленно кончая их в тисках оригинальной конструкции. Он заковывал руки и ноги несчастных стальными браслетами и начинал действовать механизмом,

поворачивая регулирующий винт всего на пол оборота в течение часа. В результате постоянного сдавливания руки и ноги жертвы, лишенные кровотока, начинали постепенно засыхать, отмирая. Так он за пару недель превращал свою добычу в немощный кокон. Скорее, в чучело, набитое не опилками, а спрессованным, концентрированным страданием.

Вырваться бы сейчас, накинуться на врага, схватить его за горло, обложенное жировыми складками, и начать сжимать железными кистями, костенеющими от ненависти, медленно, по миллиметру в минуту, или даже в час, глядя, как стекленеют, наливаются смертной мукой его глаза. Ремни затрещали, натужно изогнулись поручни кушетки. Тотчас пикирующим штурмовиком возник из тумана шприц, вожделеющий, истекающий каплями наркотического сна. И тьма обрушилась на тебя, сменяя сознание сугробами холода, отфутболивая память в замшелый старый овраг, отвратный, кишаший волками и волкопсами, крысами и крысопауками; в бункер, где пресмыкались тучные личинки шелкопряда, головастики: полковники и генералы, депутаты. Где членистоногие подхалимы копошились, суетились, юлили, сохраняя неизменно почтительную дистанцию по отношению к маточному существу, мозгляку в золотом фасеточном пенсне, длинном плаще из рифленой кожи. Их было несметное множество: пресмыкающихся с гибким составным телом, нутряных червей, озабоченных одной только целью – обожраться поелику возможно, набивая утробу испражнениями венценосного гермафродита, источника неизбывного и темного экстаза.

Приходя в себя, ты шептал то ли ему, теневому, хвостатому существу, затаившемуся в норе, то ли Собеседнику, то ли стрекальным призракам, все также выстаивающим инквизиторскую службу в караульном углу в своих непроницаемых накидках с высокими капюшонами.

– Прочь! Уходите отсюда! Выбирайтесь из бункера скорее! Иль не видите – ангелы возмездия смотрят сюда?

И этот непрерывный шепот, струящийся, словно пустынный ветерок над барханами, соединял башенную высь с непроглядной глубиной земли, где под бетонными сводами бункера корчился не червь пучинный, а замученный человек-сурикат, обретающий память.

Игла нырнула в жилу, новая порция горячей зыби разлилась по телу. Холодный галогенный свет вырвал тебя из кипени на топчан, и ты увидел как бы со стороны нагой человеческий костяк, перепоясанный ремнями, синий от пролежней, ворочающий головой и исторгающий стоны.

– Твое архивное имя?

Невнятный стон.

– Ничего. Ты у нас вспомнишь, запоешь как миленький. Наводящий вопрос. В твоём под-сознании мы обнаружили еще ряд любопытных персонажей. Они каким-то образом связаны с твоей трансформацией. Однако информация о них также заархивирована и закрыта дополнительным кодом.

– Кто это еще?

– Ты называешь их стрекальными призраками, господами в мантиях. А других, не менее странных – учеными крысами. Кто они, что это за фигуры? Какую роль они играют в Программе?

Молчание.

– После тщательного анализа полученных данных мы предположили следующее. Хотя наша трактовка может показаться весьма экзотической. По нашим наблюдениям, АЗ или ее ядерное сознание может манифестировать подобные психологические голограммы. Это своеобразные связующие агенты – посредники, обладающие чрезвычайной проникающей способностью. Они проникают не только сквозь вещество, но и сознание. Мы полагаем, что твоя память была изменена именно этими господами в накидках, посланниками АЗ. Если это верно, тогда женщина-волчица – это только отвлекающий образ, своего рода тактический маневр, уводящий в сторону. Эти ублюдки, наверное, знали, что мы будем дотошно копаться в твоём подсознании, и, чтобы замести следы, они создали ложный файл. В нем ничего особенного нет, но для ищущего он выглядит информационной бездной. Этот файл весьма эффективно выполняет свое назначение, отвлекая внимание аналитиков Отдела на себя. Вот почему код не работает. Он просто не запрограммирован на запуск пустого файла. И мы, предполагая это, хотим знать, кто они такие – господа в накидках, также ученые крысы, которые ведут полевые исследования, используя людей в подозрительных целях, как подопытных животных?

Ты судорожно дергался, извивался, пытаясь высвободиться из ремней. Голос Редактора бил, хлестал по нервам.

– На входящих уровнях мы нащупали интересную информацию. Некая ученая крыса, то есть голограмма АЗ, предлагает тебе осуществить ролевую рокировку: тебе окрыситься, а ей – вочеловечиться. Мы обнаружили, что ты решительно и безоговорочно отказался от выгодного предложения, что тебе делает честь, как представителю своего вида. Но у крысиных господ своя логика, совершенно нечеловеческая, перевернутая. Не вычитали ли они в твоём бессознательном подавленное желание, прикрытое обычной человеческой софистикой вокруг проблемы совести и долга? Если наши догадки небеспочвенны, мы должны прийти к неизбежному выводу, что ты являешься тройным агентом, нашим, АЗ, и агентов в накидках; то есть признать, что мы имеем дело с натуральным, завершённым ликантропом. А ты должен знать, что к оборотням у нас никакой жалости нет. В результате мы удвоим натиск на тебя. Ты, конечно, изведаль кое-какую боль. Заметь, боль – обратная сторона наслаждения. Но те милые ощущения, которые ты изволил вкушать, не идут ни в какое сравнение рядом с тем, что тебе предстоит познать. Представь себе действие яда австралийского воронкового паука: твой собственный желудочный сок, изменённый ядом, начнет переваривать тебя изнутри. Причем этот кулинарный процесс затянется по крайней мере на год. Ты распухнешь, как мешок с дерьмом. Или яд конусообразного моллюска с жалящей пикой? Прелестные ощущения вызывает его токсин: кожа и мясо в ужасе побегут прочь от своего костяка. Или яд сине-полосатого осьминога. Ты будешь орать все 24 часа в сутки и много дней подряд, пока весь не превратишься в крик. Или нейротоксин желтой древесной лягушки: тебе будет казаться, что все муравьи-бульдоги джунглей собрались к твоему обожаемому телу на фуршет, чтобы вкушать, отрывая по клеточке, да еще поливая лакомство уксусом. У нас еще кое-что есть про запас, но это сюрприз фирмы. Считай, что мы балуем тебя, раскладывая перед тобой меню изысканных удовольствий. Так что живо выкладывай, что дала тебе женщина-волчица, каким кодом она заперла вход в архивный файл? Ну?

Предчувствуя невиданную, небывалую казнь, какую никто из землян отродясь не видывал, сопровождаемую некротическим гниением изнутри на радость пауку, распадом тела к ликованию полосатого осьминога, нашествием тьмы термитов, муравьев и скорпионов на бранные останки, ты залился слезами. Ты молча заплакал, заканючил в темноту, в бездну окаянную, умоляя Апке, Уку-филина, Малыша-утенка, Борю, Кабанбая, Тайбалу, Кояна примчаться скорее, вступить в сражение ради спасения старшего брата. Сквозь слезы ты различил далекую, размашистую крылатую тень, летящую прямо на броневое стекло. И ты закричал, затрясся в вопле: « Улетай! Прочь! Ты же разобьешься!»

В комнату вошел Редактор. Он нес в руках миниатюрный куб, переливающийся разноцветными огоньками. Он криво усмехнулся, показывая на сияющий предмет:

– Это новейшая кибернетическая разработка. Эта штука глубже соединит нас с тобой. С ее подключением мы будем синхронно видеть, ощущать, переживать практически одно и то же. С той только разницей, что мой мозг заблокирован от боли. Ну-с, начнем.

Бункер не хотел отпускать своего пленника. В кои веки довелось ему получить пеню от пучинной пустоты – живую человеческую душу. Теперь, обволакивая пленницу многослойным сном, он впитывал миазмы ее страхов, надежды, отчаяния, тоски, любви и ненависти. И старому бетонному коробу, с каждым мгновением все глубже утопающему в бездне времени, захотелось изведать человеческое, незабвенное, и он спросил у темноты, бдительно выстаивающей стражу у тела человека-суриката: «Что такое сердце?» Тьма, оказывается, хорошо знала, что такое сердце, ибо была до предела напигована человеческими болями, невидимыми стрекалами, растущими во мраке. Не было этим кочующим ворохам ни числа, ни счета. В великой пустоте, не имеющей ни верха, ни низа, ни середины, ни края, выходящей за пределы пространства и времени, витали эти плазменные чаши, несущие память о всякой боли. Мало кто знал, что именно эта пучина станет главной причиной зарождения очередного цикла существования вселенной, стремящейся к совершенству. Ибо вселенское Ничто, ослепительное, немислимое, не ведающее пределов, не знает, что ему делать с этим наследием, и оно возвращает его обратно человеку во имя искупления и осветления.

В этом зыбком inferнальном пространстве разбухшим осьминогом плавала и твоя боль. Изрядное тело накопила она в потусторонних запасниках бытия. Это была жалящая энергия, ток, неустанно вьющийся в беспросветности. Именно она не позволяла человеку окончательно за-

быть свою сущность и бесповоротно окрыситься против своего вида. Скрытой стороной твоей боли было одиночество, булыгой нависшее над пропастью. Ты уже свыкся со своим постоянным страданием. Так было, пока ты не встретил ее – женщину с глазами оленихи.

Уку-филин был одинок как перст. Брошен отцом и всем честным народом. Вырос в детском доме–лечебнице. Выпестован суровыми старухами–санитарками. От матери, которую помнил весьма смутно, унаследовал боль, засевающую в глубине души, как рана от ржавой заусеницы. На память о Серой кукушке остался щемящий образ - глиняное гнездо, обвитое колючей проволокой, на обочине степной полигонной дороги, изрытой воем и свистом проводов напряжения.

Ты заворочался на матраце, приходя в себя. Мало-помалу сознание возвращалось к тебе, и ты теперь пытался вспомнить, о чем шептал тебе невнятный голос, который сочился сквозь серость инобытия. Этот голос тюкал сквозь ночь в глухое забытое окно, далекими отзвуками бередил, тревожил спящий мозг, гомонил, гундосил ветровой струной. Внезапно он нашел себе трещину в плотине тусклоты: «Уходи! Ползи из этой проклятой пещеры. Ты человек, ищи людей. Вспомни свое имя». И твоя душа вняла голосу. Она повиновалась, вспомнила другое свое предназначение и повернулась в забытую сторону.

Ливень мерцающих строк между обвисшими облаками сна и яви. Сквозь плывущие темно-зеленые и черные глыбы немоты робко забрезжил знакомый свет. Через неизмеримую толщу земли, бетонные крепи бункера, твердыни люков он пробился к тебе, нашел твое полуживое тело, нащупал остатки сознания. Выныривая из тьмы, ты понял, что Собеседник, оставленный тобой в пустом доме, охраняемый электронным замком под присмотром коммунального компьютера, обреченный на бесконечную медитацию в сплошном соломенном безмолвии, все-таки не забыл тебя. Ведь ты говорил с ним. Вы провели вместе в одном доме несчетные часы и дни. Вы веряли друг другу душевные тайны, которые редко доверяют даже близкому другу. Как и ты, он хандрил, переживая тяжелую депрессию, после того как Она покинула дом. Он тоже хотел видеть ее, слышать голос, воспринимать движения прелестного женского тела. Нет, Собеседник не забыл ее. И ты предположил, что в дни твоего полновесного семейного жития-бытия, он был счастлив твоим счастьем, переполнен именно твоей радостью. Воистину он жил в твоей душе, ведая почти все о твоих волнениях и беспокойствах. И теперь он ненавязчиво, все же точно находя нужные клавиши, набирал заветный код, открывающий скрытые файлы твоей обездвиженной, обескровленной памяти. Теперь он настойчиво возвращал тебе былое. И ты увидел заветный символ, и ты не поверил своим глазам. Странник показывал тебе нечто открытой ладонью.

Как она любила свои орхидеи, бегонии, фиалки, с какой сердечной проникновенностью выхаживала своих подопечных, лелея как малых детей, ладушек, выношенных и вскормленных собственным чревом. С какой невыразимой интонацией терпеливой няни нежно пеняла им, осветляясь вдохновенно и вспыхивая удивленными глазами камышовой газели. Несравненной лаской опьянялись они, очами берберки, ничуть не подозревающими о жуткой силе своих зрачков, налившихся маковой тьмой среди бесконечных опиумных ресничных полей. Как завидовал ты этим малым и немощным созданиям, безгласным и обездвиженным, но таким счастливым, когда она склонялась над ними и пела им свою горловую песню любви. Казалось, они понимали и внимали ей всем своим существом, трепетали и тянулись вверх, просясь в ее ладони, такие чуткие, с белыми, хрупкими и тонкими пальцами. Тебе казалось, что это не брызги воды летят с ее кистей на растения, а довольно-таки различимые световые золотые искорки витают и опускаются на упоенные чашечки, тычинки и пестики цветов, раскрывшихся в трансе навстречу движениям повелительницы – неподражаемой Ие с грудным голосом персидской голубки. И однажды в восхищении ты назвал замеченные флуктуации свето-свиристыми, свето-журчалками и свето-плескалками. А также занес эти новые слова в Реестр Малыша-утенка, в скобках написав имя автора. Как бы то ни было, тебе хотелось оказаться среди них – невинных и малых созданий, одаренных ее бесконечно щедрой и откровенной сердечностью и постоянным вниманием. Всего лишь радоваться и расти, колыхаться травой в многоцветном саду, утопающим в лунном половодье взгляда куропатки Бодоне, бегущей краем безмерного, заблудшего поля. Ходкой птицы, оглядывающейся и обещающей невесть что. Быть может, будущее наваждение?

Сон в башне из слоновой кости? Или в нефритовом тереме – окаянной буддистской пагоде? Или слезы кукурузного моджахеда, объявившего священный джихад блудному, пустынному сыну, то бишь самому себе? Кто знает, когда в каком месте нечаянной судьбы нас поразит в самое сердце взгляд – черная молния запредельной тростниковой лани, Сарасвасти, танцующей в Тмутаракани маковых зерен, окруженных ресничными полями пучинной опушенной вечности? Кто знает это?

Только томился ты странной и невнятной мукой, когда видел все это. Она – твоя женщина, царица коммунального мира, королева отборных кухонных приборов, призванная помогать мужу, ублажать его поелику возможно изысканными яствами, утверждая его сущность и предназначение среди предметов и вещей природы, которым в кальпе этой суждено было честно служить, все-таки по-настоящему никогда не принадлежала тебе. Женщина-колибри всякий раз доказывала это, когда кружила, вилась и журчала неустанно с миниатюрной лейкой над раскрывшимися преданными махровыми фиалками. И однажды, до глубины души тронутый ее танцем и пением в оранжеее, совершенно умиленный, ты произнес неловко на родном языке: « арлы ашым мені , айнылыы ». И она тотчас отозвалась, откликнулась сердечно, невероятным образом восприняв твои мысли. Она обернулась, и ты ясно увидел ее зардевшее лицо, глаза сияющие стыдливо и нежно. Как будто в первый раз это между вами происходило. Тогда между вами возникла духовная связь, глубокая, невыразимая. Все происходило без слов в слиянии взглядов. Чудилось, вот-вот откроется свет гораздо более сокровенного единения-понимания. Она подошла к тебе с лейкой в руках, пластиковые сланцы слегка шлепали по босым подошвам. Тебе этот мирный звук нравился, – он говорил о ее присутствии, навевал на душу ощущение полного уюта, сообщаящего, что твоя женщина дома. Ее оранжевый халат был слегка распахнут, она пахла какими-то духами, колдовскими пряностями не нашего, не индийского берега. Она была рядом, ты ощущал ее живое тепло, но больше всего пьянило душу ощущение пронзительного душевного единства. И ты, волнуясь, запинаясь, проговорил: «Жаным, будь всегда со мной такой».

– Какой? – с улыбкой заглянула она тебе в глаза. И в неизъяснимом сиянии искорок ее зрачков ты ясно прочитал ответ на давний вопрос, зачем господь сотворил–придал Адаму Еву – неподражаемую подругу. И ты, улыбаясь чему-то своему, произнес, повернувшись в сторону: «Воистину Он был прав. Мы не понимали Его».

– Кто был прав? – переспросила она, усаживаясь рядом на край тахты. Ее свежевывмытые волосы душистой волной разлились по ее плечам. Они пахли весенним лугом, веяли свиристелями, шмелями и журчалками, улыбались бело-желтой кипенью ромашек и мать-мачехи. Она была непревзойденным знатоком экзотических шампуней и лосьонов, каких-то невероятных кремов, источающих аромат тонкий, медовый, терпкий, головокружительный. Излучающих невидимые токи, выходящие над ее белой, младенчески невинной и ароматной кожей. Над долинами, привлекающими взгляд и вовлекающими душу в гущу огромного, гулкого, бесконечного ночного сада. И она тебе подарила тот живой, влажный, шумящий, словно огромная капля, луг, летящий по стеблям муссонного дождя. Ливня, несущегося кувырком под вздохи напоенной травы, растворяющейся в заветном слиянии с океаном. И сама купалась в ливне твоих ласк, бурных, неистовых, неистощимых, умноженных восторгом женской красотой, щедрой, головокружительной, солнечно-белой, ослепительной в наготе любви. И ты вновь, как будто в первый раз это происходило, забывался, терялся, распадался на молекулы первозданного естества. Немел душой дитяти, прикасаясь к холмам лунным, налитым, волнам упругим, млечным, в один миг проносился по путям и дорогам жизни, загораюсь до безумия. И испепеленный огнем, исчезал во тьме, бездонной, немыслимой, не имеющей ни верха, ни низа, ни середины, ни края. Тонул без следа в чистоте изначального, черного света.

Вот что бередило твою душу саднящей раной! Память о человеческом счастье сидела на самом дне сурикатской души, не желая сдаваться натиску древних, пещерных инстинктов вожделеющего землероя. Вот что манило и неудержимо звало назад к забытому берегу, где одиноким челном качалась на темных волнах бытия судьба окаянного изгоя. И когда это выявилось, Собеседник показал тебе еще кое-что, осколок прошлого, густо заросший мхом забвения.

Однажды, проведя несколько дней за чтением твоих дневников, она сказала, что желает своими глазами увидеть аул твоих родичей.

– Ты так это описываешь, с такой ностальгией. И я поняла, что должна увидеть твою родину. Не только увидеть, но и снять на пленку, если там что-то осталось.

Неожиданная ее прихоть удивила тебя. Но затем, поразмыслив, ты понял, что это не причуд-

ливый каприз женской души, а нечто другое. Пожалуй, намерение большое с ее стороны. И вот вы в ауле. Через уйму смутных лет. Конечно, тебя никто не узнавал, да ты и был рад этому. Сняли комнату на окраине у одной полоумной, горемычной бабки, теряющей последние силы в борьбе с мухами, тараканами, молью, комарами. Целый день выгоняли нечисть из комнаты, затем, занавесив проход марлевым пологом, малость передохнув, отправились в поход в прошлое. Вы постарались одеться поскромней, чтобы не обращать на себя внимание деревенских жителей. На ней было простое платье, на голове обычная косынка. Лишь модерновые черные очки, да дорогой фотоаппарат в руках выделяли ее из пейзажа деревни, безнадежно утопающей в бытийной рутине под бубнеж и галдеж о сене и скотине, дровах и угле, солярке и керосине. К твоему удивлению дедовский дом еще пребывал в этом мире. Он только заметно скукожился и осел. Серый и скучный, осыпался прахом в старческой немощи сопротивляться грызущему давлению древоточцев, воинов жестокого времени. Тусклый, неопрятный, утопающий в кучах окрестного мусора и навоза, он ничем не выдал своих чувств при виде одного из гонцов забытого джугарного мира. В нем как будто обитала толпа оралманов, совершенно непритязательных сонных, сенных, дворовых людей. Призраков, совершенно равнодушных и отрешенных, неприязненно сторонящихся при виде чужаков, гостей не прошенных, опасных. Вот так теперь выглядел дом с мансардой, некогда осчастливленный нечаянным танцем Майи под музыку пропадающего Ие. Кривые и косые улочки казались скорее видением, обрамленным для впечатления реальности густыми зарослями полыни, крапивы и всякого бурьяна. Ты их не узнавал по причине невероятной ветхости и заношенности домов, трухлявых заборов, нечиненных дорог, совершенно забытых тупиков и заросших зеленой хмарью переулков. В этой деревне никто уже не боролся ни со стихиями, ни с вызовами жизни, ни даже с болезнями. Преждевременно составившиеся мужчины и женщины, похожие на тени, дряхлые патриархи, да бесприютные души покойников обитали в этих камышитовых и кизячных жилищах, больше похожих на землянки хоббитов прошлого столетия. Осыпая прахом и тленом лики и формы, торжествовало только время, монотонно шепча о преходящем, иллюзорном, неуклонно съедающем нутро этой богом забытой планеты. «Какой урок Майи» – шептал ты, потрясенный. Небывалая горечь тлеющим углем жгла душу. «А чего ты еще ожидал?» – вопрошал голос Собеседника, – Ты просто должен выдержать все это, превозмочь, не надломившись сердцем. Каждый рано или поздно прощается со своей призрачной родиной. Не важно, в каком из уголков калачакры это происходит. Люди одинаковы в смертной слабости, хотя и бывают такими разными в расцвете».

Догадываясь о том, что происходит с тобой, она больше молчала, иногда участливо посматривая на тебя. И ты был благодарен, ибо понимал, что редкая женщина становится соучастницей такого прощания с прошлым. Она была рядом с тобой, и ее безмолвие было пронизано чувством солидарности. Вы побывали в горах, где она фотографировала коричневые столбовые скалы, все также шествующие на далекую битву великанов. И ты удивился: они и сантиметра еще не прошли в своем походе, а твоя жизнь уже отгремела колесом и подкатила к финалу. И ты невольно сравнил – величайший звездный остров – галактика и на йоту еще не повернулась, а планета уже устала, изнемогла в бесчисленных витках. Поистине – драма бытия ясна в сравнении.

Женщина вошла во вкус, узнавая памятные места твоей юности. Она ловко орудовала аппаратом, запечатлевая на пленку напоминающие сентиментальные живописные картины покосившуюся сельскую школу, тихую речную запруду, заросшее кладбище, заброшенные луга, рощи, поля, кошары, даже развалины сараев. Каждое из этих мест было свидетелем былой джугарной славы, осколком отгремевшего зеленого взрыва. «Я хочу сфоткать все места, которые ты описал, чтобы проиллюстрировать дневники» – как-то сказала она, довольная своей работой. «Зачем тебе это?» – пожал плечами ты, все еще подавленный увиденной картиной разрухи и дряхлости аула. «Это больше мне нужно» – как-то странно взглянула она. И ты невольно согласился с этим выводом. Тебе стало даже легче – она приняла на свои плечи часть твоего груза. Поддавшись душевному порыву, ты поцеловал ее в ресницы, густые, трепетные завесы прелести и любви. Вы стояли, обнявшись, а в передней комнате глухо стонала и бредила, ворочаясь на ветхом топчане, старуха, душой больше принадлежа призракам и покойникам, чем этому печальному миру. Выразительность ее завершеного одиночества поражала. И от этого пронзительного ощущения тебя не защищала даже преданность твоей жены. Ибо ночь пристально смотрела в твое сердце. И ты был беззащитен перед ее проникающим ледяным взором. Ты знал, что рано или поздно этот взгляд тьмы превратит тебя в призрака, в бесплотную тень, бесприютно скитающуюся по дорогам

приснившейся жизни. Эти звезды и бездонная пустота, витающая между галактиками, неизбежно проведут тебя по горнилу сужденной трансформации. И никакая сила божественной протекции не защитит тебя от юдоли смертного. Никто из людей не избежал этого. Что и говорить, даже посланник всевышнего, Мухаммед, даже благословенные Татхагата и Мессия не избежали чаши сии. Разве что вознеслись они потом, после положенных мук. Словно огнем охвачена старуха бредом былого. Даже во сне не спастись ей от видений прошлого. Вот они: души покойников - толпами стоят по углам ее дома, наполовину сросшегося с луной. И ты увидел в дальнем углу согбенные и белесые призраки. Однако не содрогнулся, не испугался посланцев пучины. Рядом с тобой лежала жена, грея тебя своим сильным нежным телом. Ты был не один. Твое одиночество было еще не завершено, и последний мазок не нанесен на скорбную картину.

Ты встал, стараясь не шлепать по доскам пола, подошел к окну. Старые ветлы черными косматыми великанами стояли над спящей деревней. Что они сторожили? Знать бы это. Они сами были уже безнадежно пропащими патриархами, томящимися в ожидании конца. Вот так они будут ждать еще век, и когда ты призраком объявишься здесь, они будут все еще стоять в смертной последней хандре. Запомнили ли они жизнь деревенских жителей, хотя бы один сказ из бесконечно повторяющихся историй про рождение, болезни и смерть? Удивили ли люди их чем-нибудь необыкновенным? Вряд ли. Одно и то же повторялось здесь на протяжении столетия: серые трудовые будни, оголтелые пивные и бражные праздники, то же самое даже в дни революционных кумачовых шествий, драки и пьяные братания, дюжая изворотливость сельских приставов и надзирателей и простодушное равнодушие крестьян, махнувших рукой на все новшества, мол все это от лукавого, пошумят, нахватают и успокоятся. Да, ничем не поразили люди память столетних ветел. Мужики и бабы воевали то с белыми и зелеными, то с окаянной немчурой, то раскулачивали кого-то, скакали туда-сюда, гребли своих и чужих ради пришлых и непонятных идей, то собирали имущество в общий колхозный котел, то опять делили по воровскому закону – и так промаялись полвека. За всем этим сыр-бором они не заметили атомных взрывов по соседству на полигоне. А когда спохватились, было уже поздно, молодежь разбежалась по городам, а половина деревни уже отдыхала на погосте. У выживших бедолаг радиация кишела даже в костях, а усталость проникла в самую глубь души. И вот не только старики, но даже сама деревня готова преставиться из-за этих выматывающих знойных бурь. Но самое главное, – во всех этих праведных, священных войнах и дележках был ли хоть какой-нибудь смысл? Ради чего люди надрывались, и кто их так заморочил? Эта луна, или черная земля? Поняли ли они хоть что-нибудь из этой кондовой сумятицы, которую называли жизнью?

Старуха надрывно и глухо стонала, зовя то детей, то внуков, то злосчастного мужа, некогда по пьянке закоченевшего под чужим забором. Одни только немые призраки подходили к ней, они торопили ее, звали с собой. Будет ли ей там лучше? Кто знает. Только ломит немочь кости, гложет сердце безнадежное одиночество, а за окном волком воет луна. И от всего этого тьма и стынь, кустами растущие по закуткам и углам дома. Ты слушал бред, стон и плач старухи, и понимал, что тебе некуда деться от этой правды. Она ждет тебя самого, и то, что у тебя в запасе десять–двадцать лет – это ничего не решает. Для калачакры ты уже мертв, ты уже дух покойника, бесприютно слоняющийся по земле предков и ищущий прошлое. Таково веление пучинной пустоты. Мертвец? Ты испугался этой мысли, оглянулся на кровать, чтобы найти взглядом жену, и внезапно очнулся в бункере. Тут же вспомнил: ты человек-бегемот, забредший в этот чумовой погреб то ли вчера, то ли год назад. На табуретке лежала горстка свежих орехов. Рука сама потянулась к ним, но желтый кровавистый свет фонаря остановил тебя. Он что-то говорил тебе невнятным голосом рыхлой раструженной тени. И ты с трудом внял – тебе велят уходить отсюда. Бежать, пока не поздно. И ты с мучительным стоном, преодолевая оцепенение, борясь с мутой, потянулся к амуниции и снаряжению, лежавших рядом на полу.

Редактор был не один. По обеим сторонам возвышались два великана в блестящих пластиковых панцирях. «Телохранители?» – подумал ты. Глаза у члена Совета были внимательные, несколько даже сочувствующие. Один из верзил шагнул к тебе и ловко что-то проделал с блестящим шприцем. Звонящая бездна разом обрушилась на тебя, увлекая в сплошную тьму. Все же на границе небытия ничтожная доля тактильного ощущения сохранилась, именно она подсказывала, что с твоим мозгом что-то делают. Бесконечно долго длилось возвращение к свету. Ты изнемог, выбираясь

из промозглых, сырых расщелин, гранитных теснин, давивших и мозживших сознание. С трудом пробирался через дебри малышовского реестра, увлекающего тебя в чащи невероятных видений.

Над буйным кипенным океаном джунглей, курчавым джусойным подлеском, зарослями зулоньей травы на головокружительную высоту поднялись кроны джугабровых деревьев. Метров на сто взметнулись эти ветвистые шатры, задевая темной листвой туманы и дождевые облака. Каждый джугабр занимал пространство какой-нибудь обычной рощи, – такую плотную тень навешивала его густая, изобильная крона. Несметные полчища разнообразных существ обитали на исполинском дереве: под корой, в дуплах, трещинах, ветвях, на паразитических бромелиях, распустившихся садами по стволу на разной высоте, лианах. И этим населением были насекомые, птицы, джубезьяны, опоссумы, змеи, древесные лягушки. И был этот народ вскормлен великим деревом, зрелым, плодоносным орешником. Как описывал Старый и вечно одинокий, приносил джугабр плоды особенные – орехи крупные, величиной с голову человеческого ребенка. Крепкая, как кость, скорлупа скрывала изобилие – груды связанных волокнами коричневых шаров с необыкновенно вкусной и питательной мякотью, насыщенными растительными белками и маслами. Животным, живущим поблизости, добраться до этой вкуснятины было трудно, самостоятельно – даже невозможно. Но они знали секрет джупоссума – скрытного, тихого, глазастого существа, величиной с обычного кролика. Дело в том, что джупоссум испокон веков обитал в норе под корнями дерева, и он находился в прочнейшем союзе с духом джугабра. В глубокой норе под корнями каждого такого великана обитала пара другая скромняг джупоссумов. Трудяги эти обладали кроме безропотного нрава еще одним полезным качеством, а именно, – крепчайшими и длинными резцами, украшавшими их челюсти. Во всем джугарном лесу только эти резцы могли справиться со скорлупой данных орехов, да и то в некий урочный час. Поэтому животные старательно берегли и охраняли джупоссумов, если же таковых не было, то, исхитрясь, находили где-нибудь и заманивали под свое дерево. И их проживание неподалеку имело для древолазов жизненное значение.

Если джубур-серый разбойник объявлялся где-нибудь в опасной близости от норы, джубезьяны – разведчики и джумуры, живущие на ветвях, первыми поднимали истошный, оголтелый крик, предупреждающий джупоссума о беде. Не только сигналили, они скакали туда и сюда, швыряли вниз ветки и куски коры, стараясь ошеломить врага. При этом нередко на землю с высоты летели орехи. В полете с высоты те превращались в самые настоящие снаряды, ничем не уступающие чугунным ядрам. При ударе тяжело сотрясалась почва, и на месте падения появлялась изрядная вмятина. Предупрежденный джупоссум опрометью кидался в спасительную глубь норы, чтобы в укромной тьме переждать неожиданное лихо. Так берегли лесные братья ушастого чудака, и совсем не зря, не без выгоды для себя. Еще раз напомним, что только он мог своими мощными резцами разгрызть необыкновенно твердую оболочку огромного ореха. Ушлые джубезьяны ведали, что сей полезный зверек был не только тихий, одинокий скромняга, но и, к их счастью, изрядный ротозей, с рассеянной памятью. Чему братаны-древолазы, конечно, были только рады. Как только звуком удара о землю плод сообщал о своем падении, джупоссум выбирался из норы. Сначала он предусмотрительно изучал местность, приняхиваясь, нет ли поблизости хищника. Затем шустро подбегал к ореху и, осмотрев, вгонял в его бока свои стальные зубы. Сжимая плод с максимальной силой, он поднимал его и тащил в заранее намеченное место – обычно на границе тени под кроной дерева. Там, оглядываясь по сторонам, ловко работая лапами, вырывал небольшую ямку, чтобы схоронить свою добычу. Пока он так работал, старался от всей души, вся хвостатая орава сверху наблюдала за его маневрами, запоминая место клада. Эти охломоны не в пример джупоссуму были наблюдательны и цепки памятью. Они кое-что знали. Орех неделю-другую должен отлежаться во влажной почве, чтобы вскоре в местах укуса зверька от действия воды и грибков появились трещины. Самая большая трещина обычно разрывает скорлупу с ощутимым звуком. Именно этот звук и сообщал джубезьянам, что сытный и вкусный обед готов. Оставалось дело за малым – найти плод и поскорей набить брюхо маслянистой желтой мякотью. Без бурной свалки, конечно, трапеза не обходилась. Таким был этот практичный и жуликоватый народ, пока обходящийся без бомжей и полицейских. Но наркоманы среди них уже были. Конечно, этот союз был выгодным для обеих сторон, потому что всегда джупоссуму кое-что оставалось, да и желудок у него был несравненно скромных размеров.

При этом мало кто знал, что больше всех от кооперации джубезьян и тихони-джупоссума выигрывало дерево. Тайными путями муссонной магии оно устраивало дело так, что и верхняя

стая и нижний грызун обычно забывали – теряли какой-нибудь заблудший орех, спрятанный в опавшей листве на отшибе. Там он спал, дремал себе целый год, и через многие месяцы во влажной насыщенной почве из его сердцевины через трещину пробивался крохотный тугой росток, этаким изумрудный мальчик с пальчик. В будущем по велению духа времени должный подняться над лесом мшистым великаном, кормильцем множества существ, оплотом чащ, повелителем облаков и туманов. На пользу общему лесному делу шла и расколотая животными скорлупа. Темными чашами покоилась она в траве, постепенно наполняясь дождевой водой. В этих микропрудах неизбежно заводилась своя фауна: головастики древесных лягушек, личинки жуков, москитов, стрекоз. Как только они приходили в движение, – начиналась битва крох, та же самая война с применением ядов, челюстей, зубов, убийственной тактики и стратегии. В этих укрытых миниатюрных вселенных повторялись события и законы большой джугарной природы. И с этим ничего нельзя было поделать, ибо мир просто не знал ничего другого. Чтобы выжить, надо съесть соседа. Но ведь был безобидный джупоссум, кормящийся орехом, союзник дерева и джубезьян, защищенный от зубов хищников этим невольным сотрудничеством. **«Почему люди не смогли вовремя понять уроков джугабра и джупоссума?»** – было приписано рукой Старого и вечно одинокого на полях дневника. И выбираясь из лабиринта этого сна, ты подумал привычной ассоциацией: «Быть может, и я сам, того не подозревая, выступаю для кого-нибудь опоссумом-ротозеем?»

Редактор все так же, словно персидский султан, величественно возлежал на своей софе. По бокам, блестя панцирями, каменели суровые телохранители. В затылке невыносимо ломило, там пульсировала, мутью растекалась по мозгу боль. Туман окутывал тебя наркотической серостью и бесформенностью ощущений. Тем не менее сознание мало помалу возвращалось к тебе, восприятие выплывало из сумерек, зоны света постепенно сливались в целостность. Заметив это, Редактор ослабил с весьма довольным видом. Он хлопнул ладонью по коже кресла. Верзила что слева, шагнул вперед и протянул блестящий продолговатый предмет. «Пульт?» – предположил ты. Интуиция не подвела тебя. Хозяин нажал на кнопку, и в твоём мозжечке слабо завибрировало пятно тепла. Ощущение комфорта разливалось по мозгу, переходя на все тело. Тепло и свежесть оживили сонный мозг, затем волной распространились вниз, импульсами проникая в мускулы шеи, спины, рук, ягодиц, ног. Неожиданный прилив оптимизма и мускульной силы, накативший из глубины клеток, ошеломил тебя. Ты заерзал в ложе. Спустя несколько минут ты уже чувствовал себя этаким накачанным атлетом, возлежащим в тренажере, – с недоумением рассматривал свое тело, скованное наручниками, браслетами, опутанное проводами и прозрачными трубками. Кто тебя заковал в эти сети? Не порвать ли паутину одним мощным рывком? Член Совета щелкнул переключателем, и под потолком вспыхнули лампы галогенного освещения, разливая приятную для глаза розовость. Тотчас телохранители отошли в стороны, замерев по сторонам дверной панели, играющей карминовыми огоньками индикаторов. Хозяин продолжал внимательно наблюдать за тобой пронзительными глазами степной гюрзы. Наконец он с весьма удовлетворенным видом кивнул тучной головой и произнес:

- Операция прошла успешно. Я поздравляю тебя.
- Что за операция? – с подозрением спросил ты.
- Мы окрыли твой череп в районе затылка и удачно внедрили в мозжечок процессор.
- Имплантант? – растерянно пробормотал ты, не зная, что и думать.
- Не больше горошины. Чудо электронной нанотехнологии. Суперкомпьютер размером с семечко. Над его разработкой билось не одно поколение наших кибернетиков. Я уже подумывал, не отправить ли тебя в саркофаг-холодильник, когда мне сообщили, что имплантант готов. И я пересмотрел свои планы насчет тебя.
- Что еще за планы? – недобро покосился ты на хозяина.
- Весьма интересные, представь себе, – Толстяк подскочил с кресла и зашагал по проходу туда и сюда, – Мысль, что приходит опосля, всегда не зря. Все дело в технологии. В тебя как агента слишком много вложено: средств, времени, усилий, надежд. В конечном счете кое-какую информацию ты нам дал. Хотя, главное утаил. Ну, ладно, с этим мы разберемся. Наш Отдел решил еще раз попробовать использовать тебя как агента особой квалификации. И ты на нас поработаешь, нравится тебе это или нет. Дело в том, что микропроцессор в твоём мозгу совершенно неустраним. Если кто-то попытается сделать это – ты погибнешь. Даже мы не в состоянии повторить операцию. Она необратима, ибо чип

создан из белковых структур, быстро срастающихся с клетками мозга реципиента. Так что очень скоро имплантант перестает быть инородным телом. Напротив, он становится частью твоего мозга, беря на себя столь важные функции, что без него организм уже не сможет существовать.

– Что за функции? – с угрозой спросил ты. Толстяк забежал по комнате, всплескивая желтыми ладошками.

– Микропроцессор – своего рода контролер. Он будет передавать нам информацию о любых твоих перемещениях, более того, преобразовывая нервные импульсы в коды, показывать нам в визуальных образах все, что ты видишь, переживаешь, вплоть до снов. Мало того, он постарается поведать нам о твоих тонких эмоциях, проникнет в интимную сферу, будет отслеживать нюансы интуитивных и интеллектуальных процессов.

– То есть, ты поместил в мой мозг стукача? – грубо с вызовом спросил ты.

– Что? Что ты? Какой стукач? Зачем ты так! Это скорее кибернетический анализатор, генератор и стратег. Он призван восстановить твой мозговой центр, либо разрушенный АЗ, либо перепланированный в его пользу. Вредные импульсы он будет подавлять, нужные – поощрять, развивать. В этом смысле он – своего рода сито и стимулятор. В конечном счете – мотиватор необходимых действий. О, это весьма сложное и великолепное устройство. Его память включает все информационные резервы всех существующих серверов земли. В него записаны все знания землян в информационных планах. Образно говоря, в лице имплантанта вся цивилизация будет отслеживать твои действия и помогать тебе.

– Ого! – ты изобразил удивление, – И по какой причине мне такие почести?

Толстяк подошел поближе. Он уставился на тебя глазами маниакального игрока и горячечно зашептал:

– Ты имеешь чрезвычайное значение для нас, то есть всего человечества. Информация с процессора будет поступать на мониторы нашего центрального компьютера ежеминутно. Мы будем смотреть твоими глазами, слышать твоими ушами, думать твоим мозгом, даже видеть твои сны. Благодаря имплантанту мы станем как бы параллельными существами, воспринимающими все синхронно. Мы станем едиными настолько, насколько это возможно в природе.

(Живительное тепло зыбью разливалось по телу, лаская кожу живота, рук, ног, проникая все глубже в кровеносную систему). Внезапно тебе все стало ясно.

– Вы сделали из меня киборга! – дрожащим голосом сказал ты. Хозяин широко заулыбался, развел руками в радушном жесте.

– Да, в каком-то смысле. Но ты такой, представь себе, не один. В этой башне почти все люди – киборги, кроме роботов, разумеется. Некиборгам здесь жить невозможно.

– Почти все люди? – переспросил ты.

– Кроме нескольких из Совета десяти. Все остальные гуманоиды: инженеры, ученые, слуги, рабочие, солдаты – все в той или иной степени – киборги, так как имеют имплантанты разной категории, то есть подключены к центральному компьютеру. Так мы эффективно контролируем социум боевой Башни. Это позволяет полностью исключить инакомыслие, ереси, революции, сектантство, уклонизм в самом зародыше. Мы создали идеальное общество. Мы следим за всеми, кроме роботов, ибо те действуют по жестко ограниченным программам. В этом плане мы представляем как бы единый организм, своего рода башенное коллективное существо.

– Термитник? – догадливо усмехнулся ты, – А королевская особь – это ты?

Толстяк гордо вскинул голову, никак не среагировав на реплику.

– Можешь представлять ситуацию и в такой метафоре, суть от этого не изменится. Мы идеально контролируем население всех наших трех башен, а это почти сто тысяч человек, армия роботов, боевой техники.

– Ого! – невольно воскликнул ты, пораженный.

– Еще бы! – порозовел от удовольствия член Совета, – Нам это стоило больших усилий. Но мы преуспели в строительстве нового общества, ибо многое предвидели. Кстати, самый совершенный компьютер в твоём мозгу. Помни об этом. Поэтому ты на порядок выше любого высокопоставленного чиновника из привилегированных кланов башни, любого посвященного инженера. Тебе будут доступны многие помещения здания, в твоём процессоре все необходимые коды электронных замков большинства дверей любого помещения – они откроются перед тобой по малейшему приказу. Откроются все, кроме одной двери.

- Какой? – невольно воскликнул ты.
- Зала, где находятся мониторы, настроенные на сигналы твоего имплантанта. Ты не должен видеть структуру своего мозга и содержание картин. Эти сюжеты могут травмировать тебя.
- А если я все-таки попытаюсь? – ты вперился взглядом в толстяка.
- Бесплезно и очень опасно для тебя. Центральный компьютер запрограммирован на пресечение таких попыток. Ты будешь остановлен сильнейшим болевым импульсом. Если ты продолжишь усилия, чип может убить тебя, вызвав инсульт. Так что и не пытайся проникнуть в тайное тайной Сети. Тебе не удастся завладеть командным пунктом Башни. Кстати, запомни свое новое операционное имя. Оно теперь – Наставник.
- Наставник? – с удивлением спросил ты, приподнявшись на локтях.
- Да, Наставник. Это новая роль, отвечающая твоей миссии. Скоро ты все поймешь. Не спеши.

Редактор ловко щелкнул тумблером. Электрический мотор тихо зажужжал, накрывая кушетку, быстро поднимая изголовье. Перемещение по вертикали шло плавно и безболезненно. Через минуту ты стоял на ногах, все также прикованный браслетами к поручням ложа, занявшего положение 90 градусов по отношению к полу. Ты так давно не стоял на своих ногах. Кровь отхлынула от мозга, в глазах потемнело, от приступа тошноты тебя едва не вырвало. Однако тотчас в затылке замерцало тепло, настраивая восприятие. Сетка координат зеленоватыми штрихами и точками вспыхнула перед взором, и ты тотчас почувствовал, как некая внутренняя сила центрирует позицию тела в соответствии с гравитационным полем Земли. Вскоре ты чувствовал себя вполне сносно.

Редактор ухмыльнулся и еще раз щелкнул переключателем. Мутная пелена искаженных образов побежала по стенам в противоположные стороны. Ее разгоняла прозрачность, которая становилась все шире и шире, заливая ярким светом помещение. Свет ворвался в твой мозг, ударил по рецепторам. Ты ахнул. Объемный громовой аккорд побежал по своду мира, рассыпаясь каскадами в нейронной среде. Эти электронные ощущения внутри мозга были до того дискомфортны, что тебя вновь замутило. Ты замотал головой, пытаясь справиться с приступом головокружения. И компьютер активно помогал тебе, настраивая тактильные ощущения, гравитационную и пространственную ориентацию, уровень сердцебиения и ритм дыхания. Несомненно, он брал командные функции на себя, чутко и уверенно управляя нитями внутри организма. Тебе даже почудился бесплотный голос внутри мозга, который нашептывал: «Спокойно, дыши ровно и глубже. Привыкай».

И ты смотрел. Стеклопанельная стена отделяла тебя от сине-зеленой бездны. Казалось, ты висел на немыслимой, головокружительной высоте над бесконечным, курчавым океаном леса, простирающимся до самого горизонта. Тебя поразили острота, ясность и объемность твоего зрения. По сетке координат на экране побежала россыпь цифр, и ты понял, что находишься на километровой высоте на двадцатом блоке мегабашни. От воздушного простора тебя отделяла прозрачная керамитовая броня. Электронный голос шелестел, объясняя свойства керамита, но ты не слушал. Сине-зеленая пропасть манила и звала к себе, плывя необъятной рекой, бескрайним потоком туманов, облаков, сияющих воздушных объемов. Стая птиц мельтешила крыльями вдалеке, поднимаясь все выше и выше, растворяясь в лучах сильного солнца. А дальше на востоке величественно громоздились бело-розовые облака, застилая небосвод, синие дали и глубины, которые то и дело открывались в воздушных проемах. Небо, облака, солнце и грандиозная изумрудная чаша мира ошеломляли.

- Где я? – спросил ты слабым голосом.
- На 200 этаже башни, – снисходительно посмотрел Редактор. Он стоял рядом, выпятив живот, заложив руки за спину, заинтересованно разглядывал живописную панораму.
- Неплохо, правда? Понимаю тебя, – сам никак не могу привыкнуть к этой картине, к ее реальности. Она слишком груба и сильно бьет по нервам. Джугара назойлива, она всегда перед глазами, куда не посмотри. Она как бы напоминает нам языком образов, что победила человечество всего за несколько лет. Шутя опрокинула устои цивилизации, которая развивалась десятки тысяч лет. Она ворвалась в наш мир жестоким захватчиком, заполонив своими тварями все континенты, все острова, даже пустыни. Мы проиграли битву, не понимая, с каким врагом столкнулись. Пока мы судили-рядили и спорили, политиканствовали, грибки, вирусы и споры убили большую часть человечества, остальное довершили джугарные монстры и джусойные деревья. Поэтому перед твоими глазами панорама полного торжества джугары и поражения вида хомо сапиенс. Что, не ожидал такое увидеть?

– Мда...

Ты знал эту историю не хуже других, но основательно подзабыл детали и фрагменты, пока находился в изоляции, то есть в условиях следствия. Стены почти по всей поверхности башни затемнены, а твой блок экранизирован полностью, поэтому ты не мог видеть общей картины нашествия джугары. Однако память компьютера содержит хронологию всей войны, и ты на досуге сможешь все заново просмотреть.

– И ничего не осталось? – спросил ты, потрясенный.

– Чего?

– От городов, индустрии.

– Жалкие остатки, сброд дегенератов, запертый за стенами островов – это, так сказать, неизбежная пища для джугарных монстров. И несколько сотен таких башен, как эта, по всей Земле. В тех странах, где было развито строительство мегаконструкций. Здесь девять строенных башен. Шесть находятся на визуальном плане за нашим зданием, и из этой комнаты не видны. Десятая – самая высокая – строение чужих. Это черный гигант. Его высота – два километра.

– Два километра?! – невольно вырвалось у тебя.

– Да, все два, – усмехнулся Редактор, – Это говорит о неизвестной нам технологии. Мы прощупывали ее радары, лучевыми сканерами, посылали на разведку агентов, роботов, и все безрезультатно. Стены черной башни совершенно непроницаемы и неприступны. Их не берет ни какое оружие. Даже большой мощности.

– Вы обстреливали башню чужих? – изумился ты.

– Было дело. Мы вышли из себя. Один из наших островов был атакован джугарой и погиб. Находился рядом с черной крепостью. И мы заподозрили чужих. Пальнули из всех пушек. И ничего, ни царапины на их броне. Как говорится, ни ответа, ни привета. И джугара их не берет, будь им неладно. Ну, это тема других бесед. Теперь о твоих делах. Мы решили дать тебе оперативный простор, так сказать, свободу действий. Ты должен начать подготовку к миссии.

– Какой?

– Миссии наставника, учителя.

Матовые, неуловимо мерцающие искорками панели поехали в противоположные стороны, открывая проход. Ты шагнул вперед в сумрак неизвестности и оказался по колена в густой траве у подножья мрачного зазубренного утеса, слабо освещенного по контуру звездным огнем галактики. Млечный путь искрился в пучине кострами несметного воинства, остановившегося во время похода на ночлег. Ты узнал карту созвездий. Ничего не изменилось в очертаниях созвездий. Великая Калачакра не сдвинулась даже на йоту, она даже не заметила, что ты отсутствовал тьму лет. «Она не заметит гибели даже всего человечества» – подумал ты и оглянулся на спутника. Легкий ветерок шевелил складки мантии на его тучном торсе.

– Это голограмма, – ответил он взглядом. Слова прописались внятным текстом прямо в мозгу, и ты понял, что это работа имплантанта, шевельнувшегося вибрацией в затылке.

– Верно, – пришел ответ, – Такой же процессор находится и в моей голове. Мы можем обмениваться информацией непосредственно без слов и на любом расстоянии. Через свой ИК я могу контролировать деятельность твоего мозга практически в течение 24 часов в сутки. Ты же наблюдать мой ум не сможешь, так как программы наших ИК разной сложности, хотя настроены они синхронно.

– Мы теперь – двойники? – спросил ты, по привычке шевельнув губами.

– И да, и нет. Двойники в том смысле, что я могу воспринимать твое сознание, ты же этого делать не можешь. Поэтому фактически – ты мой киборг. Я же таковым для тебя не являюсь.

Ты задумался. Редактор шевельнул карманным пультом. Световые образы побежали во все стороны, сменяя изображение звездного неба, уничтожая космическое пространство. Открылась пустота огромного темного зала. Перспектива этого поистине безграничного помещения угадывалась по пульсирующим линиям текучих плоскостей и поверхностей, ритмически озарявшихся многоцветными всполохами. Внезапно желтым огнем полыхнул пол, став на минуту прозрачным, и ты увидел зал следующего нижнего этажа, такой же беспредельный, утопающий в сумерках искусственного освещения. Лишь бесшумные лифты сновали вверх и вниз по направляющим, выдавая масштабную и постоянную деятельность механизмов.

– Сто тысяч человек и армия роботов? – спросил ты с сомнением.

– *Сто тысяч операторов, ученых, техников, инженеров, солдат и офицеров, столько же роботов, полуроботов, несметное количество механизмов, компьютеров, устройств, обеспечивающих жизнеспособность тройной башни. И это еще не все, –* цветные строки бежали по экрану твоего визора, – *Насыщенность здания кибернетическими устройствами такова, что вся структура предстает своего рода суперорганизмом, чувствительным, динамичным, способным тестировать себя по сегментам, а также воспринимать свое целое благодаря центральному компьютеру, в сущности, мозгу боевой башни. Более чем километровой высоты сооружение углублено в землю еще на двести метров. Подземные ярусы – это склады, мастерские, арсеналы, заводы, цехи, резервуары с горючим и генераторы энергии. Материал для керамики добывается полуроботами в слоях земли, где находятся залежи песка и кварца. Большинство тяжелых полуроботов сосредоточено на этих ярусах. На наше счастье под бывшим мегаполисом на небольшой глубине оказались неисчерпаемые запасы кварцевого песка – основного сырья для производства строительного материала – керамики и кералакса.*

Вы продолжали беззвучный диалог через сеть ИК.

– Источники энергии? – спросил ты, пораженный размахом технологической деятельности населения мегастроения. Редактор покосился на тебя. Бегущая дорожка плавно несла вас к послушно замершему лифту.

– Каждый керамитовый блок внешней облицовки башни, а их миллионы, на самом деле является элементом огромной силиконовой электрической панели. Таким образом, поверхность здания собирает солнечную энергию, которая преобразуется в электричество. Загляни в школьный учебник по физике. Блоки многослойны, они пронизаны световодами, собранная энергия передается на преобразователи генераторов, укрытых в специальных помещениях подземных ярусов. Башня собирает энергию всей поверхностью, работая, как гигантская солнечная батарея. Данные по количеству получаемой электроэнергии, мощности генераторов, конденсаторов, ионных аккумуляторов – все это ты можешь узнать по каналам ИК. Я могу только сказать, что этой энергии хватает для обеспечения деятельности всех компьютерных систем и механизмов, в том числе средств обороны.

– И все-таки, – не унимался ты (в тебе заговорил заинтересованный военный специалист), – Вы должны были предусмотреть случаи длительной непогоды, ненастья, когда солнца на небе нет. Должны же были продумать резервные источники, ведь джугара может атаковать и днем и ночью, в любую погоду.

Член Совета с нескрываемым самодовольством взглянул на тебя.

– За кого ты нас принимаешь? У нас лучшие ученые и техники планеты. Все продумано и организовано, как надо. В основании башни находятся гидротермальные станции, добывающие энергию из горячей воды тектонических разломов. Но основная энергия поставляется нам ... самой джугарой.

– Что? – воскликнул ты, забыв про связь по каналу ИК.

– Загляни в учебник по биохимии. Мы производим биотопливо в больших количествах из массы джугарных растений. Биомасса собирается специальными комбайнами прямо у наземного основания башни. Там мы культивируем особый сорт масляного сорго. Урожайность этого сорго просто потрясающая! Тысячи тонн биомассы поступает по трубам в цистерны, где под воздействием температуры и дрожжей начинается бродильный процесс. В результате переделки продукта выделяются масла, спирт и метан. Дальше дело за дизельными электростанциями. Просто и эффективно. Так что пока джугара наступает, мы без энергии не останемся.

– Да, практически налажено безотходное производство, – подумав, заключил ты.

Редактор, улыбаясь, широко развел руками.

– Мы выжили, благодаря неустанной борьбе, накопленному опыту, интеллектуальным ресурсам, а самое главное – воле. У нас была и есть сильная воля к жизни! Будь с нами!

Двери лифта под мелодичный звон распахнулись.

– Наша боевая башня – налаженный, отлично действующий, совершенный механизм. Это безупречный кибернетический суперорганизм, действительно в чем-то напоминающий термитник. Его информационные сети функционируют на основе универсальных мгновенных ИК программ. Поэтому у нас нет никакой оппозиции, исключена возможность бунтов, революций. Это

дает возможность нам полностью сосредоточиться на проблемах внешней деятельности.

– Это как? – спросил ты рассеянно.

– Разведка, сбор глобальной и текущей информации, развитие отношений с другими башнями. Среди них есть дружественные нам, нейтральные и, к сожалению, активно враждебные организации.

– Что? Люди воюют друг с другом? – ты изумился. Тем временем лифт тронулся с места. Скорее всего, он поехал вниз.

– Это продолжение старой истории. Дело в том, что некоторые башни объединились в, так называемую, демократическую цивилизацию. Скоро ты узнаешь, это тройные башни крайнего Запада, оранжевые. Три зеленые башни на севере – относительно независимые, это своего рода княжества или эмираты. Они то и дело переходят то на нашу сторону, то в стан демократов. В зависимости, кто им больше заплатит. Суки!

Редактор грязно выругался, помрачнев. Видимо, мысль об эмиратах сильно досадила ему.

– А остальные?

– Нас, то есть три восточные бирюзовые башни, называют империей. Мы не против такой аллегии.

– Империя? – переспросил ты.

– Это они нас так называют, судя по внутренней социальной структуре. Ну, нам все равно, как нас кличут. Просто мы ведем войну с федеративной республикой оранжевых, интригуем с зелеными. Кроме того, империи приходится налаживать добрососедские отношения с некоторыми островами и совершать карательные операции против других.

– Это почему так?

– Дружественные островитяне, вернее их охотники – лесные рейнджеры поставляют нам мясо джугарных животных. Недружественные островитяне отказываются платить налоги нам. Некоторые анклавов крайне враждебны по отношению к империи, они служат проклятым федератам. Поэтому мы, если это в наших интересах, иногда помогаем джугаре сокрушить опасный лагерь. Совсем недавно мы помогли Ей уничтожить один воинственный остров, кстати, расположенный у нас под боком.

– И как вы это сделали?

– Разрушили их оборонительные сооружения, то есть стены. Остальное довершили животные-хищники. Ну и споры, грибки, вирусы, разумеется.

– А вы не задумались над тем, что, уничтожая оплоты людей, вы приближаете окончательную победу джугары?

– О, нет! – Редактор покачал головой, таинственно улыбнулся.

– У империи своя стратегия. Во-первых, люди никогда, ни при каких обстоятельствах не смогут объединиться. Воевать друг с другом – это самая большая и непреложная команда, данная человеческому виду Историей. Во-вторых, мы намерены на обломках погибшей цивилизации создать новую – гораздо более жизнеспособную, основанную на принципах ИК, то есть кибернетического термитника. Наша ИК-империя – это три сверхразвитые боевые башни с населением в сто тысяч киборгов, армией роботов и полуроботов. Наши войска прекрасно вооружены, дисциплинированы, готовы в любой момент выступить против загнивающей федерации. В настоящий момент мы разрабатываем планы...

Лифт остановился, что-то пропев женским голосом. Панель отъехала, и ты увидел сотни бойцов в белых кимоно, с деревянными мечами, нунчаками и шестами в руках. Некоторые вояки сжимали увесистые упыри и цепники – оружие знакомое тебе по Реестру Малыша-утенка. Бойцы, увидев члена Совета, дружно повернули головы направо и разом мощно выкрикнули: «Хэй!»

«Бэй!» – рявкнул Редактор, вскинув подбородок. И воины тотчас, разбежавшись попарно, с неистовыми криками принялись наносить партнерам мнимые удары. Заложив руки за спину, ты внимательно наблюдал за действиями юношей и девушек. Боевые стойки, приемы, уловки, блоки, прыжки, удары руками, ногами, корпусом – в твоей памяти начали всплывать картины подготовки агентов в специальном лагере. Вас готовили на основе особой системы рукопашного боя, где были собраны принципы и правила самбо, айкидо, джиу-джитсу, кун-фу, карате. Процессор в мозгу быстро диктовал русские, китайские и японские термины, в трехмерной проекции показывал замедленно некоторые поединки, комментируя сложные приемы.

Внезапно воины как по команде, замерли, обозначили поклон друг другу, затем они повернулись в твою сторону, наклонили головы и застыли в позе послушания и внимания. Ты растерянно оглянулся, рядом с тобой никого не было. Кому они кланялись? Тебе? Но почему? «Не показывайте замешательства» – строго сказал голос по ИК. Ответьте на приветствие! Мурашки побежали по спине. И тогда изнутри пришла команда, она была мощная, звенящая, как стальная пружина. Этот импульс подтолкнул волю, и ты не в силах сдержаться, завопил что есть мочи: «Бэй!» «Хэй!» – хором ответили солдаты, заняв боевую стойку.

Лифт поплыл вниз. Редактор с весьма довольным видом поглядывал на тебя.

– Это элитное подразделение, десантники. Наш спецназ. Он участвовал во всех решающих сражениях. Исключительно мобильная и натренированная часть императорской армии. Придет время, и ты – воин номер один – поведешь бойцов хэй-бэй в атаку против треклятых федератов.

– Что такое хэй-бэй? – вытянувшись во фронт, спросил ты.

– Как? Ты забыл лексикон Малыша-утенка? На странице 505 Реестра №10 записано свекольными чернилами: «Хэй – это боевая готовность, Бэй – разящий удар».

ИК завибрировал, на экран обзора выпрыгнул поясняющий текст. Замелькали страницы реестра. Да, ничего себе! Оказывается, в памяти имплантанта хранились все Реестры Малыша-утенка, все его глоссарии, в том числе и дневники Старого и вечно одинокого. Вот это да!

– На досуге почитаешь нужный файл. Внимательно просмотри тексты, вспомни забытое, – наставительно сказал Редактор, – Кстати, постепенно ИК возьмет верх в твоём подсознании. С ним тебе будет легче жить. Он устранил ненужные комплексы, возьмет роль командного центра и потом решительно разберется с мутью, которую заложила в твой мозг женщина-волчица. Во время длительных допросов, тщательных исследований, мы имели возможность убедиться в том, что ты вообще-то – невероятное существо, джугарная химера. Во сне ты непрерывно превращался то в медведя, то в волка, то в филина... То есть, оказался способным мигрировать в неизвестный план поля. Некоторые наши специалисты были в шоке от того, что ты демонстрировал. Они неоднократно предлагали, даже требовали уничтожить тебя. Однако я лично отстоял тебя. Я ходатайствовал перед Советом Десяти, то есть практически – перед самим императором. Это было рискованно для меня самого. Помни об этом. Я доказал, что ты обладаешь способностями, которые можно эффективно использовать в интересах империи. Мне было нелегко, я мог потерять доверие Десяти, лишиться своей должности. В конечном счете мне поверили. Так что я спас твою жизнь, и ты в большом долгу передо мной.

Редактор привычным движением полез в карман за сигаретой, но на полпути его рука замерла. Лоб моментально покрылся испариной.

– Черт побери, никак не могу привыкнуть.

– Что такое?

– Все нормально. Одно только печально – сигареты и коньяк в башне строго запрещены. Дисциплина, ничего не поделаешь. Хотелось бы расслабиться. Можно же иметь одну или другую привычку из доброго прошлого. Сколько лет ... никак не могу забыть аромат сигарет. Часто снится – я затягиваюсь сигарой, глубоко, аж до самых трахей. Гаванским дымом, сортовым, отборным. Блаженство – несказанное. Просыпаюсь, оказывается – сон. Одно расстройство!

– Понимаю, – с сочувствием сказал ты, глядя на осунувшееся лицо члена Совета, серая дряблая кожа, мешки под глазами. Не высыпается, видно, к тому же гипертоник или диабетик.

– Больных у нас нет, они все вымерли. Поэтому у нас нет социальной или гуманитарной медицины. Только травматология, генно-инженерная хирургия, – толстяк с досадой изучал твои глаза.

– Проклятый ИК, – чертыхнулся ты, – Все выдает, любую мысль.

– Мы едем к тебе домой. Ты должен как следует отдохнуть. Прийти в себя, обмозговать новую информацию. Собраться с мыслями. Завтра встретимся на церемонии СВС.

– Что?

– Смотр всех сил, – устало выдохнул Редактор, с раздражением глядя на тебя.

Лифт с приятным шуршанием поехал вниз. Внутренние стены небоскреба всякий раз освещались вспышками проникающего света, и в прозрачных объемах проносящихся ярусов замелькали вереницы и группы бойцов в белых и черных кимоно, выполнявших приемы «хэй-бэй» с невероятной силой и ловкостью.

– Наступит час, и ты поведешь этих ребят в бой против федератов, – с пафосом сказал толстяк, выпятив квадратную нижнюю челюсть, – Надеюсь, ты не забыл навыки десантника, приобретенные в лагере. Мы готовили тебя по особой программе СИС. Такие нагрузки этим мальчикам и девочкам и не снились. Кроме того, ты проведешь несколько курсов выживания в экстремальных условиях для этих солдат. Уж этому ты научен очень хорошо!

– Что это за программа СИС? – хотел ты спросить, но вопрос комом застрял в горле. В голове зияла тьма. Куда исчезли из памяти годы тренировок в лагере десантных войск специального назначения? Если верить оператору, ты провел там не один год, и был одним из лучших. Вместо застрявшей фразы ты выдал совершенно неожиданную, а, главное, гладкую фразу:

– Как вы собираетесь бороться с джугарой?

– Никак, – коротко ответил член Совета, глядя на дверную панель лифта, – Мы просто сдерживаем ее наступление, ведем полевые и лабораторные исследования. Признаюсь, мы тоже испытываем давление кризиса... Однако, наша башня самая стерильная. До сих пор нам удавалось не допустить проникновения спор, грибков и вирусов. Поэтому среди нас мутантов нет. Кроме тебя, ты здесь первый, надеюсь, и последний.

Редактор, довольный шуткой, коротко хохотнул, порозовев всем лицом:

– Не обижайся. Ты, конечно, не мутант, кое-что другое. В противном случае мы давным-давно отправили бы тебя в саркофаг. У нас мощные морозильники, да и печи тоже. Мутанты гуляют среди островитян. Они все заражены джугарными бациллами! Необратимо, навсегда! Мы никого из них к себе не допускаем, даже в шлюзовые камеры.

– Как принимаете дичь?

– Рейнджеры передают туши роботам. Те загружают мясо в холодильные блоки. Затем мясо разжижается до молекулярного состояния, из этой уже безвредной пасты синтезаторы формируют отличную говядину, или бараньи филе, отбивные. Отличия никакого! После трехкратной тепловой обработки от спор ничего не остается. Ничего! Проверено многократно.

– Как расплачиваетесь с рейнджерами?

– Оружием. Всегда микрочипами и оружием. Денег давно нет. О дензнаках люди напрочь забыли.

– Почему против джугары вы не использовали ядерное оружие? Наверняка, оно у вас есть?

– неожиданно спросил ты как бы безразличным голосом.

Редактор долго молчал, раздумывая. Затем он, испытующе взглянув, сказал серьезно:

– Разумеется, есть и ядерное, и нейтронное, и водородное. Также есть кое-что помощнее. Но военных стратегов остановили ученые-биологи. Они объяснили нам, что джугара, то есть активированное биополе, в массе своей есть прямой результат атомных взрывов. Дело в том, что первые измененные растения и животные-мутанты появились на территории атомных полигонов. Когда число взрывов достигло некоей критической величины, видимо, началась цепная реакция трансформаций на генном уровне, причем в масштабе всего континента. Мы оказались не готовыми к этому явлению. Ученые утверждают: ядерный взрыв в среде природы – это своего рода залповая энергетическая накачка экосистем биополя. Часть растений и животных погибает в огне, но уцелевшие на периферии взрыва воспринимают гамма-излучения на глубоком клеточном и молекулярном уровне. И эта воспринятая энергия возвращается обратно в среду сверхинтенсивным ростом живого вещества. Возможно, действуют и другие факторы. Наши предположения – только гипотезы. Практически же на всей планете военные экспериментировали с химическим, бактериологическим оружием, последние десятилетия усиленно занимались генной инженерией и клонированием новых образцов, не понимая, что это тоже оружие, многоцелевое и неуправляемое. Так что об атомной бомбе пришлось забыть. Другое дело – угрозы федератов, против них мы порох держим сухим. И ты скоро это увидишь.

Лифт остановился. Сухо щелкнуло в панели, замигали индикаторы. Проход открылся, дохнув лицо прохладой. Ты шагнул вперед, и тотчас остановился, пораженный. Перед тобой запавшим старческим ртом щерился теньями забытый подъезд твоего дома. В метрах десяти слева огромной насадкой нахохлился раскидистый каштан, крона его уже высилась над пятым этажом. Дерево, помнящее тебя, твою молодость. На его стволе, помнится, на уровне мальчишеского роста темнела заплывшая надпись: «Аля + Дима = Любовь». Ты смотрел на дом, едва дыша от волнения. Тот же выщербленный ноздреватый асфальт, обломанная в середине первая приступка бетонного

крыльца, площадка с крошевом хлеба и зерен для голубей. Все в точности то же самое, как будто ты вчера только вышел из этого подъезда, и через день, а не через уйму лет, вернулся домой. Домой? Но это же подделка! Искусная имитация! Да что же это такое?

– Голограмма? – спросил ты дрогнувшим голосом и оглянулся на Редактора.

– Нет, на этот раз молекулярная реставрация, – улыбнулся он глазами, – Чудо нанотехнологии. Это практически твой дом. Все воспроизведено на атомном уровне, ты не найдешь малейших отклонений от образца начала девяностых годов. Мы предвидели твое возвращение. Твоя предстоящая роль в судьбе башни столь велика, что император повелел исследовать твое жилище и заснять на пленку каждый квадратный сантиметр. Когда это было сделано, было приказано воспроизвести твой дом с внутренними помещениями и вещами, чтобы нельзя было отличить даже на микронном уровне. И наши инженеры и техники сделали это. Они постарались. Было вычислено даже количество атомов пыли, которое должно было осесть на вещи, пол за время твоего отсутствия, учтена степень износа мебели, и все это тщательно повторено. Уровень пыли и мера освещения поддерживается автоматически. Наши дизайнеры–художники работали над тем, чтобы добиться нужного психологического и эмоционального ощущения в целом от всего интерьера и от каждой вещи в отдельности. Поверь, дружище, уж твою то квартиру я знаю как никто другой, и, как я ни старался найти что-то чужеродное, – ничего не получилось. Воспроизведены даже детали, которые были забыты тобой. Мы это потом проверили через тестирование твоей памяти.

Ты стоял перед дверью, обтянутой пожелтевшим коленкором с дырками от выпавших декоративных гвоздей. Сердце бешено колотилось. Сейчас затрещкает звонок, зашлепают сланцы по полу, нетерпеливая женская рука повернет ключ, нажмет на ручку, дверь откроется. И... «Неужели они смоделировали и ее?» – отчаянная мысль вспыхнула в голове, вытесняя все другие чувства.

– Нет, – ответил он, пожалевав тебя глазами, – Она не входила в программу. Дом – да. Дом является идеей. Дом – это мемориал национального значения. Ты же вписываешься в структуру мемориала как главный символ. Не она, а ты. Чтобы понять это, требуется время. Так сказал император.

– Я, мой дом – национальная идея? – ты поразился глубине и сложности императорского замысла. И одновременно его изощренности. Невольно ухватился руками за дверную ручку, ибо бетон под ногами ощутимо поплыл куда-то в сторону.

– А как же иначе? – невозмутимо отпарировал член Совета, – Ты же у нас Странник, Снежный воин, совершивший великий поход в сердце джугарного тростникового поля, то есть в осиное гнездо АЗ, и выживший несмотря ни на что. Мы до мельчайших подробностей проследили твой путь и осознали, что ты выжил, потому что избран джугарой для каких то целей и возвышен. Ты – один единственный из семи миллиардов человек, большая часть которых погибла жутким образом. Ты преображен, избран ею! Ты хотя бы понимаешь это? На тебя надеются остальные люди, потому что тоже хотят выжить, как и ты. Ты вернулся живым! Это чудо! Ты стал национальным героем, кумиром миллионов, идеей во плоти. Ты! Почему ты? Почему?

Редактор теперь с какой-то натугой вытаскивал из себя скомканные слова, не совсем контролируя себя. В расширенных глазах роились ледяные иглы. Не ожидая такой странной реакции, ты с удивлением смотрел на него. Член Совета забыл про канал ИК? Как это может быть? Или эта актерская игра, провокация?

– Над этим домом трудилась армия ученых, строителей, техников, дизайнеров. Времени ушло не меньше, чем на сооружение одной такой башни. Нам досталось изрядно... – Редактор обвел рукой вокруг себя. Он выглядел слишком усталым. И когда, прижав ладонь к груди, он сделал пару глубоких вдохов, ты почему-то насторожился.

– Ну, ладно. На сегодня хватит. Я пойду. Тебе тоже надо отдохнуть, ведь ты вернулся домой. И это доподлинно твой дом. Только он на мемориальном третьем этаже.

– Моя настоящая квартира тоже на третьем, – выдавил ты, смущаясь, затем быстро добавил, – А что там на втором? Могу я осветить пол и посмотреть?

– Осветить ты не сможешь. Пол из керолакса, это не стекло. Тем не менее от тебя секрета нет. Под тобой дом суриката.

– Что? Дом суриката?

– Да, это обратная, теневая сторона державной идеи.

– Какого суриката? – внезапная вспышка интуиции пронизала твой мозг. Ты был близок к разгадке тайны, еще миг, и ты поймешь, как завязан головоломный узел. Ты вырвешься из про-

клятого лабиринта, запутавшего твою жизнь. Еще один такой импульс, но почему его нет? Боже мой, почему? Тут же завибрировал очажок предательского ИК, передавая в сеть твое состояние. Ты вынужден был подавить волнение. Чуда не произошло, и с этим надо смириться.

– Какого суриката? О чем ты говоришь? – пробормотал ты, вытирая пот со лба.

– Ты его знаешь. Раньше в записях ты называл его человеком–бегемотом. Теперь он – человек–сурикат. Дело в том, что наши разведчики, обследуя погибший остров, в джусойной чаще наткнулись на один дом. На удивление он был цел среди моря развалин. Бойцы с трудом подобрали код к электронному замку. Они вошли внутрь. И что ты думаешь? Среди агентов был один умный человек, не совсем киборг. Он понял значение увиденного, составил подробный рапорт о сути открытия. Донесение по сети ИК попало к императору. Повелитель изучил доклад и повелел тщательно скопировать по молекулярной технологии Дом суриката и воспроизвести в нашем мемориальном комплексе.

– Каким же образом бегемот, то есть сурикат, был избран теневой стороной державной идеи империи? – заинтересованно спросил ты.

– Поясняю. Дом суриката поразил нас особой стратегией поведения весьма прихотливого существа. Этот сурикат – настоящий Одиссей нашего мира. Все в этом здании пронизано идеей выживания. Суди сам – человек в одиночку соорудил целую крепость, причем кибернетическую. На крыше дома – панели солнечной батареи, дающей ток бесперебойно. Подвалы забиты бочками с горючим и там устроено несколько дизельных станций средней мощности. Нижние входы ведут в шлюзовые камеры. Окна всех трех этажей оборудованы стальными ставнями. Мощные холодильники забиты едой, причем все они были в рабочем состоянии. В кладовках огромное количество консервированных продуктов. Второй этаж здания – это склад оружия, боеприпасов, инструментов, батарей и аккумуляторов. Все приборы и механизмы дома были подключены к центральному компьютеру, который действовал в режиме ожидания. Проверка показала, что дом способен обороняться и без хозяина. Вот почему джумуры, джубезьяны, не смогли проникнуть в эту крепость. Но самое любопытное заключалось в ином. Выяснилось, что нижние шлюзовые камеры соединены с подвалом люком, а в подвале обнаружился тайный ход в подземелье. Агенты подняли плиту и обнаружили вход в катакомбы, защищенный также весьма хитроумно. Дальнейшая разведка показала, что лаз уводит в разветвленную сеть коллекторов и туннелей. Вот тут то и пришлось осознать небывалый масштаб деятельности человека–суриката. Этот герой годами в одиночестве трудился над созданием сложной системы ходов в подземных коммуникациях. При этом он не забыл начертить схему особыми символами на стенках туннелей. Знаки эти тоже пришлось расшифровывать. И самое удивительное – они читались только с помощью специальных кодов, данных в шестом томе Реестра Малыша-утенка. Человек–сурикат оказался гением выживания. Вот что!

Ты молчал, осмысливая сказанное.

– Мы нашли его в некоем бункере. Его эксперименты оказались столь важны, что мы внедрились в его тело маячок, чтобы проследить весь дальнейший путь. Его опыт оказался столь важным и ценным, поучительным, что мы сочли необходимым выявить здесь признаки несомненной государственной идеи.

– Какой?

Выдающийся пример выживания в подземном мире. Ты смог выжить наверху, он – внизу. Вот почему он – теневая сторона великой идеи. Мы предположили, что если нам не суждено уцелеть на поверхности земли, возможно, нам удастся спастись под землей, в катакомбах, лабиринтах, подвалах, нижних ярусах башен. Дом суриката стал для нас моделью спасения в условиях глобальной катастрофы. Наше младшее поколение уже учится на уроках суриката. Мы всерьез полагаем, что если наш эксперимент кибернетического общества потерпит неудачу, тогда останется вариант сурикатской жизни. Ведь у него получилось.

– У него есть Собеседник, – с нажимом сказал ты, и тотчас потерял нить, словно в пустоту провалившись.

– Что? – Редактор недоуменно уставился на тебя. Помолчав, он участливо добавил, – Ну я вижу, что ты устал. Тебе надо выспаться, как следует отдохнуть, собраться с мыслями.

– А я разве сейчас не во сне? – спросил ты, увлеченный новой вспышкой темной интуиции.

Он быстро наклонился к тебе, заглянул в глаза, сделал странный жест рукой, и тотчас бегущая дорожка понесла его прочь от тебя.

И вот ты один дома. Сколько лет ты мечтал об этом. Свершилось, или ты видишь сон, вероятно предметный, подробный. Дрожащими руками повесил плащ на бронзовый крючок вешалки. Та же самая потерянная с выцветшим коленкором вешалка с пятью крючками. Ты некогда приобрел ее в мебельном магазине в соседнем квартале всего за пятьдесят рублей. Ей твое приобретение не понравилось, вы поспорили, она не хотела уступать. Ей хотелось что-нибудь подороже, современное, с зеркалом, полками, тумбочкой внизу для обуви. «В конце концов пора прихожую купить, чтобы было, как у людей» - заключила она, сердито блестя глазами. В минуты гнева она становилась еще красивее. Дело дошло до нешуточной ссоры. И вся эта сцена происходила в магазине. На вас с усмешкой оглядывались молоденькие продавщицы. Ты настаивал, дело зашло скандалом, и она, разгневанная, ушла, хлопнув дверью. Чтобы не видеть, как ты с красным, злым лицом тащишься домой, как какой-нибудь мешочник, с нелепой вешалкой в руках, в запачканном костюме, в мятой шляпе, нахлобученной на голову. И ты действительно тащил покупку через город, поражаясь нелепости своего поступка, а также явной абсурдности всей ситуации. Как будто кто-то запрограммировал тебя на ослиное упрямство. Ведь такая вешалка тебе особенно и не была нужна. В доме мирно пребывало-дремало немало вещей, самых разных, купленных тобой в минуты ссоры с женой только из принципа: будет по-моему и никак иначе! Вот они все здесь, ждут-дожидаются тебя. И ты не забыл их, это невозможно, потому что каждая вещь была куплена в распрях, через ее «не хочу». Да, вещи таят в себе прошлое, и теперь через много лет они ранят сердце, потому что несут в себе память о тех годах.

Едва дыша, ты обошел всю квартиру. На мебели лежал слой пыли месячной давности. Чаще всего на этот срок ты уезжал в командировку, оставляя жену скучать дома. Пожелтевшие обои, издававший виды рисунок мелких фиалок, утопающих в прахе времени. Знакомые, до боли узнаваемые царапины, вмятины на обоях прямо у изголовья кровати. Несколько телефонных номеров, спросенок второпях набросанных карандашом на стене. Позвонили рано утром, бумаги под рукой не оказалось, и ты нарисовал шестизначный номер на стенке. Так было несколько раз. И все эти приметы сохранились. Теперь ни за что не вспомнить, чьи это были позывные. Заметно осевший книжный шкаф, битком набитый книгами. Несколько книг стоят все еще с закладками, пестреющими над срезами. Помнится, эти книги ты просматривал перед командировкой. Неужели Они воспроизвели все эти книги? Какая же у них реставрационная технология? Он сказал: молекулярная. Что это значит? Чудо какое-то! Вот диван, древний, с продавленным ложем и отставшей спинкой. Такие уже давно не делают. Даже в музеях не найти. Но он дорог тебе как свидетель твоей сонной жизни. У него совершенно неподражаемый скрипучий голос. Ты присел – диван тотчас ответил жалобным верещанием, как будто на лежащую кошку нечаянно наступили. «Скрипун ты мой!» – слезы выступили на глазах. Они и голос дивана учли. Это надо же! Теперь надо было сходить на кухню, – ты вступил во власть вещей, как тогда, как всегда, и это неопишимо как было приятно душе измученного дорогой странника. Потом надо заглянуть в ванную, туалет, там за одной кафелькой в стене был устроен тайник. Вряд ли они узнали о нем. В тайнике у тебя кое-что лежало, отложенное на черный день. Надо сходить и посмотреть, это очень любопытно. Однако диван не отпускал, он притягивал магической силой, гипнотизировал. Подобно сибирскому коту Майи, он ворчал, урчал, тонким голосом жаловался на невыносимое одиночество, и баюкал тебя, нежил, окутывал покойной дремой. И тронутый до глубины души, убаженный, пронизанный светлой печалью, ты уплывал на невидимом челне, отчаливал в страну старых, полузабытых снов, мир, едва ли не потерянный.

И во сне ты, пятилетний малец, вновь бежал по весеннему лугу, заливался счастливым смехом, синие ирисы мелькали под ногами, вдали огромным полотнищем колыхалось пшеничное поле, радовалось вместе с тобой. Оно звало тебя к себе, приглашало в туманы, в странствие по балкам и лощинам, густо заросшим хлебом, населенным веселыми доброжелательными дядьками с пышными соломенными усами и прозрачными глазами беспечальных свиристелей. А ведь было такое дело: ты заблудился в пшенице, плутал бесконечно, оказываясь в разных временах и мирах, потом свалился в какую-то выбоину и там уснул, обессиленный. И лежал бы там до скончания века, если бы не рыжая дворовая собака соседей Халиных, она нашла тебя и вывела из дебрей. Ты держался за хвост собаки и бежал из последних сил. Было тебе тогда всего пять годков от роду. И любой прохожий сурок мог, походя зашибить плечом, не говоря уже о галках и воронах, они были размером с

птицу Симуург, и лаяли аки адские церберы, аки лютые кикиморы орали жуткими голосами.

Было уже за полночь, когда ты проснулся. Вывел из забытья шум дождя за окном. Плескался и купался в листьях каштана легкий ветерок, то отбегал в сторону, затаивался на минуту, прислушиваясь, словно играющий в охоту котенок, то вновь наваливался журчащей волной, трепал и тормошил мокрую листву, не было покоя от него старому каштану. Вздыхал и томился и встряхивался он всем телом, роняя на землю ошметки увядших соцветий. А потом весь окутался облаком несказанного аромата, духоманного, таинственного, зовущего под сень древа. И ты улыбнулся проказам дома. Каштан и дождь всегда будили тебя по ночам, звали побродить по сумрачно-тихим поникшим улочкам города, влажным тротуарам, ностальгически подсвеченными оранжевыми ртутными светильниками. Ты встал, накинул на плечи халат, вслепую добрался до кухни. Выезжающие со двора машины наотмашь били лучами фар по стеклам и затем уже стенам кухни. И эти лучи периодически освещали маленькую глиняную статуэтку, отбрасывающую тень на поддоннике.

Найдя вслепую ручку холодильника, открыл дверку. Привычный набор продуктов запестрел в уютном желтом свете лампочки: коровье масло, пакетик плавленого сыра, йогурты, нарезанная палка сервелата, пакеты с молоком, сливками, бутылка кефира. Кефир в голубоватой бутылке образца дореформенного времени! Как они это сделали? Потрясенный, ты осмотрел бутылку. Горлышко запечатано серебристо-желтой фольгой. В трансе продырявил пальцем фольгу, выпил полбутылки – ты всегда так делал по ночам, когда жажда поднимала тебя с постели. И в полумраке не то сна, не то ночной реальности окончательно поверил, что ты у себя дома. Никуда не ездил, не отлучался на двадцать или тридцать лет. Все, что мороком кружит в голове – дурной сон. Тебе еще что-то нужно было. В голове колыхались шум дождя, сладкая истома недавнего сна туманила тело. Поскорей вернуться в постель, нырнуть под нагретое одеяло, прижаться к теплому бедру женщины, от души обнять ее. Во сне она вздохнет, тихо улыбнется и чмокнет по-детски пухлыми губами. Она такая близкая, трогательно беззащитная, источающая ощутимый мускусный запах, и – желанная.

Однако рука поставила на место кефир и нашла что-то другое – бутылку жигулевского пива. Твое любимое пиво, оно здесь! Щелкнула крышечка, отлетая в сторону. Пиво полилось в глотку. Одновременно что-то явственно прозвучало в ушах, нечто вроде команды. И ты очнулся от дремы. Все было по-прежнему, и одновременно не так. Пиво холодом струилось по пищеводу, но ты уже почему-то знал, что это жидкость, синтезированная из дрожжевых молекул джугарной биомассы. Это была искусная подделка, но не то самое жигулевское пиво. Все-таки они не смогли сварить настоящее ячменное пиво, какое варивали в семидесятых годах. Аромат и вкус настоящего шипящего пива оказались им не по силам. Глубина факта потрясала – вся квартира с кучей старых вещей была подделкой, вернее – произведением имитационного искусства, но только не подлинником. И вслед за этим пришло осознание, что Ее нет дома. Скорее всего, по той причине, что не смогли подобрать ей двойника, найти киборга с ее голосовым тембром, тончайшими оттенками телесного запаха, с аурой проникающей чувственности, с гаммой удивительно женственных движений, а главное – с выражением именно ее глаз. Ну, как они смогли бы передать, например, ее голубиное воркование, когда она ночью поворачивается в постели и обнимает заблудшего, ночного мужа от всей души, нежно, и с детской непосредственностью. Да, несомненно, они знали, что Ее воспроизвести невозможно. Ибо она была одна-единственная такая на всем белом свете. Одна!

Горе нахлынуло на тебя приступом темного бешенства. Ты начал колотить кулаками по стене. Стонал не от физической боли, а от невыносимой муки одиночества. Ты навсегда потерял свой мир, вселенную, где были твой дом, жена, соседи, родичи, дряхлеющие деревенька и город. Каким-то образом ты заблудился и оказался в другой галактике, где чужеродные существа загипнотизировали тебя недоступной технологией чтения мыслей и имитации психического мира жертвы. Но керамитовую панель нельзя было разбить ни кулаком, ни пушечным выстрелом. Упругий материал, поглощая энергию ударов, мягко отталкивал твои руки. И ничем нельзя было своротить стену времени, которая отделила тебя от прошлого. Пропасть и несокрушимые стены окружали тебя со всех сторон. Слезы струились по щекам. Ты плакал, как ребенок. Рыдал, захлебывался в спазмах. Зачем они так с тобой поступают? Зачем? Квартира молчала. Она была частью боевой башни, она участвовала в заговоре против тебя.

Импульс завибрировал в затылке. Электронная пауза, затем бесплотный голос сухо сказал:

– Это то, что несвойственно воину. То, что несвойственно – нерационально, поэтому должно быть прекращено.

Ты все-таки допил пиво. Тихо поплелся к дивану. Проклятые киборги! Лучше бы пытались своими шприцами и током. Чем оскорблять самое сокровенное, что человек хранит в глубине своего сердца. Ублюдки! Чтоб вас джубуры съели! Рухнул на диван. Теперь уже не спалось. Хотя мелодичный дождь и все тот же голографический каштан пытались убаюкать и неприметно увести в дрему, в дебри бесконечных видений. Включил экран прямого обзора и начал просматривать файлы ИК. Понемногу увлекся потоком информации, и от сердца отлегло.

Тройной небоскреб был чудом технологической культуры. Масса – полтора миллиона тонн. В то время как такая же машина из бетона и стали потянула бы на все три миллиона. И все-таки, какой чудовищный вес, какая нагрузка на опоры! Бегущие строки поясняют, что строение может выдержать землетрясение в 9-10 баллов по шкале Рихтера. Все дело в особенностях тройной конструкции, все три башни укоренены не только в одном монолитном железобетонном каркасе в сорок этажей, но и скреплены анкерными переходами и мостами на разных уровнях, дополнительную устойчивость зданию придают и подземные ярусы, уходящие на глубину нескольких сотен метров. Гарантия прочности суперстроения и в материале опорных колонн и балок – сверхпрочной структуре из углеродных волокон со стальными нитями. Полые трубы из углеродных волокон, внутри которых натянуты стальные спирали, заливаются жидким керамитом – новообразованный затвердевший материал получил название трилакс. Особенность вещества в том, что, застывая, он приобретает структуру переплетенных трубок из стали и углеродных волокон. Трилакс – это открытие не только последнего века, но и тысячелетия. Опорные колонны башен воздвигнуты именно из этого материала с тройным дублированием сверхпрочности в продольном, вертикальном направлении, а также на скручивание. Поперечные балки здания изготавливались из тех же труб со стальными нитями, но залитых бетонопластидом, веществом, не только удивительно твердым, но и относительно недорогим. Всеми строительными работами управлял центральный компьютер, установленный на подвижной платформе, представлявшей собой не только огромный механизированный цех по формированию колонн и заливке балок, но и своего рода самодвижущийся кран. Эта платформа, конструируя этаж за этажом, все время поднималась вверх, непрерывно связывая все три растущие башни. Все виды строительно-монтажных и силовых работ выполняли роботы и полуроботы, жестко подчиненные центральному компьютеру.

Боевые башни напичканы бесчисленным количеством датчиков, сенсоров, видеокамер, которые подают информацию о состоянии каждого сегмента здания в головной компьютер. Кроме того, колосс представляет собой своего рода электростанцию, способную собирать солнечную энергию всей внешней керамито-силиконовой поверхностью и подавать ее по световодам на генерирующие машины, находящиеся в подземных ярусах. Совокупная энергоемкость преобразователей и генераторов всех родов равняется мощности средней атомной электростанции. «Как же они успели все это соорудить, смонтировать и привести в действие?» – подумал ты. И сразу же вспомнил, что в годы последней мировой войны сотни и даже тысячи крупных заводов за считанные месяцы перевозились на восток и монтировались так же быстро, чтобы начать производить танки, самолеты, пушки, стрелковое оружие и боеприпасы для армии великой страны. Да, в экстремальных условиях совокупная воля сотен тысяч специалистов, миллионов трудяг, творила чудеса масштабного созидания, каких история не знала. Главное в таком деле – вожди, которые могли бы сплотить людей, организовать их усилия и направить в одно русло. В случае с такими мегабашнями все облегчалось тем, что еще до начала глобальной катастрофы в Интернете появились десятки сайтов с подробными технологическими описаниями и чертежами таких строений. Некоторые из них уже возводились в богатых странах. Так что, ничего удивительного нет в том, что эти исполины теперь высятся над землей, подобно столовым горам Рарараймы.

Пища для населения башен синтезируется из белков джугарной массы, как и биотопливо, между прочим. В меню военной элиты и специальных подразделений входит мясо животных, поставляемое рейнджерами-островитянами.

Вооружение башен. Мощные боевые лазеры, укрепленные на выдвижных платформах. Они есть на каждом этаже. Химические мазеры большой мощности установлены на крышах башен. Эти лучевые пушки способны выжечь пространство вокруг небоскреба на площади в несколько десятков квадратных километров. В подземных хранилищах имеется ядерное оружие на носителях средней дальности, атомные снаряды и мины. «Не слабо» – усмехнулся ты, вспомнив склады под

холмами в барачном городке. Из обычного стрелкового оружия: пулеметы, автоматы, базуки, гранатометы, пистолеты разного калибра. Большое количество гранат. В ангарах первого и второго подземных ярусов скорострельные штурмовые пушки, гаубицы, зенитные установки, танки Т 102 с усиленной титановой броней, БМП и бронетранспортеры последней модели. Несколько десантных машин на воздушной подушке. Кроме того, на вооружении имелись вертолеты и десятки платформ вертикального взлета и посадки. Поглощая информацию с электронных страниц файлов, ты невольно качал головой, удивляясь технологическому уровню инженеров, деловым качествам специалистов, видимо, собранных загодя до катастрофы со всех континентов планеты.

Наиболее красочно был оформлен файл «**Политика**». Текст был, скорее всего, предназначен для широкого пользования, и не только населения империи. Незнакомый автор, не лишенный литературного дарования, превозносил социальные, научно-технические, оборонные достижения империи, делая особый упор на таланте, опыте, стратегических качествах высшего руководства державы, выучке офицеров и солдат, прекрасном техническом состоянии роботов, боевых машин. Не жалея слов, автор описывал преимущества объединенной империи, военно-техническая и экономическая мощь которой позволят создать купол над всеми девятью башнями города. Силы такой империи без труда смогут дать отпор левым радикалам, смутьянам–анархистам и фашиствующим молодчикам крайне западных и крайне восточных островов. Возможности объединенной империи, прогнозировал автор, позволили бы развить новую медицину на основе нанотехнологии для борьбы с вирусами и спорами джугарной природы. Одновременно керамитово-кремниевый купол, возведенный над девятью опорными башнями, не только защитил бы население от любых воздействий агрессивной джугары, но и во много раз умножил бы энергетическую мощь державы. Кроме того, строительство такого купола, беспрецедентное по масштабам, отвлекло бы население всех башен от опасных социальных поисков, вольнодумства и религиозного сектанства, такое деяние само по себе стало бы идеей нового национального сплочения в условиях глобальной катастрофы. «Суперкупол – это единственная панацея от грядущего хаоса!» – патетически восклицал автор. Расписывая преимущества сплоченной империи с могучей, дисциплинированной армией, развитыми научными и инженерными кадрами, беспроводным Интернетом, боевыми и строительными роботами шестого поколения, референт подчеркивал, что именно такой уровень цивилизации позволит создать высокоэффективный воздушный флот, способный наладить коммуникацию с другими осажденными башенными городами планеты. В перспективе он усматривал возможность восстановления спутниковой системы, космической навигации. Далее шли **предостережения**, построенные на точных расчетах. Еще несколько лет, и ресурсы последних спутников, летающих по орбитам вокруг планеты, будут исчерпаны. Мировой Интернет прекратит свое существование, а с ним канет в Лету и единство человечества. Война всех со всеми, междоусобица племен и кланов, нарастающая дегенерация вида, мутации, новые эпидемии, атаки джугары поставят точку в конце трагического повествования об истории кроманьонца. Разрозненные города-башни, дегенераты-островитяне, группки рейнджеров, кочевники-мутанты не смогут продолжить борьбу с общим врагом, энергия вида полностью перейдет на план стремительного саморазрушения. И это будет закономерный финал вида **гомо сапиенс** в итоге неудачного инволюционного существования. «Это будет не мифический, а вполне реальный Армагеддон» – восклицал неизвестный патриот, вновь призывая отдать все силы делу созидания единой империи купольной цивилизации.

«Заливаешь же ты!» – с досадой произнес ты. Особой проницательности не нужно, чтобы увидеть идеологическую подоплеку этой статьи. Тот же автор с искренней злобой обрушивался на население крайне западных и крайне восточных островов, обвиняя их в предательстве общечеловеческих интересов, в сговоре с джугарными повелителями – коварными Йе. В дегенератстве и упрощенческом уклонизме правящей верхушки усматривалась причина гибели острова № 3. Ты только покачал головой. Насколько теперь ты понимал: в крушении того или иного острова почти всегда была заинтересована та или иная боевая башня. Здесь проявлялись крайности очень сложной политической интриги, которой сопровождалась непрекращающаяся война башенных городов, империи, федерации и эмиратов. По всей видимости, зеленые, то есть эмираты, были далеко не миролюбивыми нейтралитами, скорее всего, они были любителями таскать каштаны из горячего огня. Чем только не болела политическая верхушка островов: здесь назывались всевозможные религиозные искания, сумасбродные теории заговора инопланетян, фатализм одних и фанатизм других, бредовые идеи выращивания чистой атлантической суперрасы, не менее экзотические предложения кло-

нирования еще незараженных эпидемией северных эскимосов. Далее перечислялись всевозможные политические объединения и кланы, активно или потенциально враждебные империи: раскольнические партии, террористические группировки, неошаманисты, псевдодруиды, призывающие разоружиться, отказаться от любой техники и идти на поклон к лесным духам, новые самураи, проповедующие аскезу и суровость воинского пути, духоборцы, ратующие за создание мирового халифата. С яростью и неподдельным сарказмом напал автор на вождя неких бродников со странным именем Малыш, проповедующего учение об алфавите, как о тайном коде изначальной Программы абсолютного оружия. (Ты насторожился – какой такой Малыш?) Направо и налево раздавая хлесткие характеристики, саркастически разоблачая оппонентов, автор памфлета недвусмысленно указывал на одну-единственную альтернативу – объединенную, купольную, кибернетическую цивилизацию, то есть империю. «Значит, термитник? Другого выхода нет?» – усмехнулся ты.

Утомившись чтением длинной статьи, переключился на файл под названием «**Разведка**». Этот файл открылся не сразу. Он все время запрашивал пароль. Подумав, ты обратился с вопросом в сеть ИК. После некоторой паузы канал потребовал назвать имя абонента. И ты, подумав, произнес «Наставник». «Это и есть пароль» – с плохо скрытым удовлетворением произнес голос по сети. Этот код моментально открыл интересующий тебя файл. По экрану побежали строки еще не отредактированных сообщений.

Некий рейнджер по кличке Крыса доводил до сведения Отдела, что человек-сурикат пришел в себя. Он все-таки вышел из искомого контролируемого состояния, самостоятельно покинул бункер и двинулся в западном направлении к острову номер №5. Вооружен автоматом, огнеметом, имеет запас еды, кислотной смеси. Ориентируется в подземных коммуникациях. Его появления в пределах острова следует ожидать третьего числа девятого лунного месяца сего года.

Ты надолго задумался: «Почему лунного месяца? Или это шифровка засекреченной даты?» – Это через неделю, – сухо пояснил голос по сети, поняв твое затруднение.

Агент по кличке Кот доносил, что на острове №5 появились два мутанта неизвестного происхождения, не числящиеся в регистрационных списках. Один высокий, тибетско-азиатского типа, отличительный признак – миндалевидные, карие глаза, лошадиное лицо. Другой – тоже азиатской внешности, коренастый, плотного сложения. Признаки – кабаньи клыки, загнутые несколько в сторону от челюстей. Оба мутанта, судя по всему, физически очень сильны, имеют опыт боев, держатся независимо, особняком. Имеют холодное оружие. По поведению видно, что они изучают обстановку. Гарнизонными войсками особенно не интересуются. Возможно, они были в поисках важного для них лица. Оперативный вывод: скорее всего, данные мутанты – разведчики федератов, поэтому представляют опасность.

Эти донесения агента заставили тебя задуматься не на шутку. Что-то знакомое почудилось тебе в описании облика мутантов. Но как ты ни старался, как ни копался в гудящей от напряжения памяти, ничего путного из этого не вышло. Ты заварил кофе, стал искать сигареты. Но их в квартире не было, как и во всех боксах необозримой тройной башни. Истина же была где-то совсем рядом, она скрывалась за сетью зеленоватых бегущих строк. Пятнышком света она увертывалась от поисков, терзала сознание ощущением близости и колдовской недоступности. Нужна была дополнительная наводящая информация. ИК сочувственно молчал. Строки разведданных все еще бежали по экрану прямого обзора.

Судя по всему, Особый отдел секретных служб Империи имел агентов на каждом острове, в каждой боевой башне. Некий агент по кличке Профессор сообщал, что в частях специального назначения федеративной республики начались срочные приготовления к некоей операции. Группа спецназовцев готовится выступить в направлении острова №5. Цель операции неизвестна, ибо она носит особо секретный характер. Тем не менее о серьезности предприятия можно судить по масштабам действий. В акции задействована рота бойцов подразделения ТУЗ 1, с пятью приданными скоростными БМП, пятью боевыми десантными роботами. Вооружение: автоматы УЗИ, лазерные пистолеты, базуки. В роте есть три снайпера с крупнокалиберными винтовками СЛБ. Кроме того, бойцы имеют на вооружение переносные зенитные ракеты ЗРЛК 3, гранатометы ПЗРЛК 31. Десантники должны проникнуть на территорию острова по подземным коммуникациям.

«Ого!» – с уважением констатировал ты, прочитав эти данные. Похоже, что это не операция, а подготовка к штурму. Остров №5 доживает свои последние денечки.

ИК слабо завибрировал в затылке.

– Что вы думаете по этому поводу? – спросил голос.

– Объект действий – остров № 5. Туда пробирается человек-сурикат. Там же объявились два неизвестных мутанта. Командование конфедерации направляет на остров крупное подразделение, вооруженное до зубов: БМП, боевые роботы.

– Что происходит? Ваше мнение? – вновь спросил голос.

– Судя по войскам, вооружению, операция направлена не против джугары, ее цель – люди. Думаю, готовится локальное сражение, однако не штурмового характера, а провоцирующего. БМП, роботы, боевики с тяжелым вооружением, завязав бой, отвлекут внимание на себя. В это время группа десантников по подземным коммуникациям незамеченной проникнет туда, где находится основная цель. Главную задачу выполнит эта группа, остальные силы разыграют отвлекающий маневр.

– Дельно, в вашем анализе есть рациональное зерно, – после паузы произнес голос, – Важно, чтобы человек-сурикат не попал в руки федератов. С некоторых пор он позарез нужен империи. Мы приготовили для него мемориальный дом, и нужно сделать все, чтобы он быстрее оказался там. Есть смысл в опережающих действиях, как вы думаете?

– Да! – коротко ответил ты.

– Уже отдан приказ группе Альфа готовиться к операции, – через минуту буднично сказал голос. В его интонации было что-то доверительное. Ты отключил канал ИК и погрузился в раздумья.

«Волею судьбы ты вновь в рядах действующей армии, хотя в глубине души тебя всегда тянуло к пацифистам. В войне бойцовых малышей и крысиных армад ты оказался в гуще событий, и твое вмешательство предопределило исход генерального сражения. Разве это не так? Что? Крысы? Ребята?!»

– Ты подскочил, забегал по комнате, сжав ладонями набухающие тяжестью виски. Изрядный эпизод прошлого сам собой в один момент вернулся в память, и это произошло так просто! И если на ситуацию посмотреть со стороны, то напрашивается вопрос, как ты мог забыть про это? Ведь жизнь и судьба бедовых ребят полностью захватила тебя, ты с головой погрузился в их проблемы, странствовал по полигону, ища выход. Как ты мог запечатлеть это? Что Они сделали с твоим мозгом? Что выискивали в твоих нейронах, утюжа мозг психоделиками, и еще бог знает чем? Ты должен вспомнить прошлое, восстановить по деталям всю картину, эпизод за эпизодом. Нужно сесть в позу лотоса, сконцентрировать волю, регулируя дыхание, потом – заглянуть в тайники памяти, прочищая тьму, непроглядные дебри, которые появились в сознании помимо твоей воли. Кому понадобилось, чтобы ты напрочь забыл многое из твоей жизни последних лет, кому? Вот это ты и должен узнать.

Ты бегал по комнате. А тем временем затылок наливался приятной теплотой. Там подрагивал, вибрировал ментальный очажок, стимулируя твои отчаянные усилия вспомнить себя, увидеть свою жизнь в целостности. И неустанно нашептывал чей-то призрачный голос: «Тебя называли Воином, Странником, Агентом, Стратегом. На стороне ребят ты выиграл сражение, довершив разгром миллионной армии врагов-бестий».

Вдруг расплавленный свинец забухал в висках, заливая зрение тьмой. Ты добрался до дивана, и внезапно рухнул в пышущую жаром воронку, затем какая-то сила швырнула тебя в пучину безвременья.

Ледниковая вода Хоргоса ломала тело, выворачивая суставы, глодала кости бесчисленными стрелами ледяной стужи. Потом волны, как голодные звери, накинувшиеся на тебя со всех сторон, бросили твой жалкий костяк в сердцевину металлической сетки. То стена тьмы, то вновь вздымающийся шум воды, трепещущие лоскутки далекого неба. Вечная мерзлота гранитных валунов и мертвеющее сознание. Кто-то или что-то со стороны отрешенно наблюдает, как группа пограничников спускается по склону к паутине инженерного сооружения, поймавшего тело нарушителя границы. Затем всплывают эпизоды: военный госпиталь, голос следователя, который мозжит без того раздробленную память монотонным голосом-кувалдой: «Кто ты такой? Как оказался на границе? С какой целью перебирался на ту сторону?» И опять путаница не то заградительной сетки, не то взбесившегося времени. Тебя, полуживого, наглотавшегося воды, тащат солдаты вверх по галечнику, с матерками швыряют в кузов грузовика, час-другой тебя катает в горячих объятиях нагретого железа, при этом нещадно мотает туда и сюда, бьет о ноги веселых бойцов, довольных собой, что зацапали перебежчика, – кое-кому светит отпуск домой. Более или менее пришел в себя в палате госпиталя, где тебя уже ждала пытка неумолимого кэгэбэшника, не теряющего надеж-

ду разоблачить матерого шпиона. Он никак не хотел поверить в то, что перед ним не вражеский агент, а забулдыга–бомж, ринувшийся за кордон в поисках буддийского монастырского спасения. Поэтому он был дюже как пристрастен, въедлив и цепок, как следак приснопамятных энкэвэшных времен. По его инициативе к твоему телу начали приклеивать провода, а в жилы колоть из зло-радно оцетинившихся шприцов. К вискам прилепили два кругляка, сверкающие индикаторами, антеннами и никелированными входами, в мозг полетели импульсы-приказы, и ты заговорил, путая диалекты, языки, жаргоны с обрывками точного научного стиля. И ты голосом Жана поведал душеспитательную историю про заветный поход через континентальный Китай к далеким отрогам Тибета, где все еще курились сандаловыми дымами кое-какие ламаистские монастыри. Тебе не поверили, но когда ты назвал свое имя, каким-то чудом вспомнил телефон жены, они оживились, тотчас начали названивать куда-то. Информация подтвердилась. Соответственно, изменилось отношение к тебе. Из провинциального заштатного госпиталя, где даже морфия не было, чтобы сделать спасительный укол, тебя на том же Уазике повезли в столичную больницу, где тебя ждала встреча с женой. И готовясь к этому randevу, заучивая длинный, трудный монолог со странным надиктованным лексиконом, ворочаясь на вшивой циновке, источенной термитами и муравьями, ты ухмылялся злорадно, предвкушая удивление жены, потрясенной не столько видом забубенного муженька, сколько открывающимися возможностями роли заботливой сострадательной супруги.

– Представляешь, какая фигня приключилась со мной? Старик-дунганин напоил меня то ли бузой, то ли рисовой водкой, в результате оказии приснился мне невероятный сон, ну просто фэнтэзи, будто мир погиб по причине нашествия взбесившейся джугары. Что такое джугара? Ну, это что-то вроде экспериментальной биоплазмы с измененным генетическим кодом, созданной в лабораторной пробирке. Мутант взбунтовался и вырос в масштабе континентальных джунглей. Старый мир, конечно, приказал долго жить. Он быстро отдал концы в результате агрессии свирепых вирусов, спор и грибков. От городов осталось только несколько сотен небоскребов, где началась новая цивилизация, основанная на войне всех со всеми. Ей-ей, такой долгий, подробный и психованный сон! Я обалдел, думал уже: шизанул после последнего укола. Представляешь, я, твой законный муж, в этом видике – никто иной, как супервоин, спецгент, странник и еще национальный герой. Каково? А ты меня все время шпыняла, поддевала всякий раз, мол, ты – просто жалкий пьянчуга, конченный алкаш и неудачник. Ну, кому такое приснится? Ну, просто пальчики оближешь от сюжета!

– Это невозможно, – ответила Она голосом электронного ИК, наклонившись над кроватью, и ее взгляд, кишащий светлячками, швырнул тебя обратно на яркендский базар, оглашенный криком ишаков, затем отфутболил тебя на склоны Волчьих гор, – Невозможно выйти из реальности. Это еще никому не удавалось!

И ты тотчас проснулся, облился холодным потом, поняв, что во сне вспомнил жизнь Жана. Как это оказалось возможным? Ведь Жан был только персонажем некоей чудной истории, сочиненной то ли квартирным пухляком, то ли скрытным Собеседником! Ты подскочил, словно от электрошока, бросился к холодильнику, трясущимися пальцами нащупал бутылку со спасительным синтетическим пивом. Глиняный йог на подоконнике сидел все так же невозмутимо.

Красные всполохи зигзагами прошивали бархатный небосклон за окном. Дождик устало шептал и шелестел что-то призрачное сквозь листву мрачного каштана. «Мемориальный дом, или ловушка» – подумал ты, допивая пиво. Настроение заметно улучшилось. Тихо щелкнул таймер холодильника. «Какая разница с какой позиции созерцаешь мир, – холодно сказал ты голосом ИК, – Жана, утопающего в бреде блошиного сарая, или Старого и вечно одинокого, побежденного не-сметными архивами, или Странника, проснувшегося в мемориальной квартире на третьем этаже первого блока имперской боевой башни, или – квартирному пухляку, самозабвенно играющего пальцами по клавишам компьютерного инструмента, или пучинной пустоты, выдуманной все эти роли и стратегии, в том числе – болтуна–Собеседника, исхитрившегося повествователя? Какая разница, если нельзя изгнать из головы голос, неустанно материализующий бытие из хаоса?» «Я пьян, от бутылки пива» – улыбнулся ты, внимательно осматривая посудину из темного стекла. Хорошее настроение не проходило, оно поднималось ощутимой волной приятной энергии, наполняющей клетки бодрящим нарзаном. «И в самом деле – добродушно произнес ты, направляясь к дивану, – Ты у себя дома. Холодильник полон еды и пива. Каким-то образом ты умудрился не одряхлеть за эти годы. Супертелевизор встроен прямо в твой мозг, и он по первому желанию

показывает объемно и ярко невероятные вещи. Несчетные информационные каналы: политические, космические, географические, исторические, палеонтологические, военные, инженерные, эротические, развлекательные, спортивные, - их просто тьма-тьмуша. И любой канал включается по первому желанию. Охренеть можно!» «Ну, ты, старик, даешь! – громко сказал ты, падая на диван, – Такое я не видел даже с похмелья после яркендского базара. А если мне такая жизнь понравится? Лежи себе, глотай пиво, ежь мороженное, просматривай файлы по монитору в мозгу. Я могу такую обломовщину себе устроить – век никто не стащит меня с этого дивана. Век!»

Как бы в подтверждение, ты икнул. Потом еще. Пивной газ шел горлом. Хорошее пиво. Бьет сразу по мозжечку. Примерно такую же наливку ты пробовал только у хуторянки. И чего только она не подмешивала в свое ведьминское зелье: то яд тарантула, то вытяжку из москитов и ос, то сушеный мухомор, то масло конопли, то грамчик опия. Если бы ты однажды не обнаружил бы ее кладовку с наркотой и зельем, то до сих пор бродил бы по ее вселенской избе с цветными спотыкливоыми зрчками.

– Она действовала в соответствии с инструкциями. Ее стратегия по отношению к тебе отличалась особой безупречностью. Иначе, без ее помощи, ты и часа не выжил бы в барачно-джугарном мире. Ты сошел бы с ума и покончил с собой в приступе черной депрессии. Такое не раз случалось с агентами, отправленными в зону еще до тебя, – канал ИК заговорил с какой-то знакомой наставительной интонацией. И этот назидательный тон неприятно задел тебя за живое.

– Елки-палки, я не могу понять, где я, что случилось со мной? А вдруг вы тоже затеяли со мной ту же херню, что давеча баба? Путаєте мне мозги с помощью спецсредств.

– Ого, вы нащупали главную точку причинности! Похвально! Большинство из гуманоидов даже не задумывается о таких вещах. Более того, у них обычно не бывает ни воли, ни энергии, ни времени думать о таких вопросах. Вы же начали продвигаться, – голос был намерен хвалить тебя и далее. И в этом намерении электронного голоса было что-то бесконечно унижительное для тебя. И поэтому, уже заведенный, ты просил с вызовом:

– Если я так хорош, то почему ничего не знаю? Более того, я не знаю, что такое **не знать**. Откуда я могу полагать, что что-нибудь знаю? Я просто блуждаю в потемках, – внезапно слезы навернулись на твои глаза, и ты судорожно всхлипнул. Голос долго молчал, потом он доверительно сообщил:

– Всего несколько человек из 90 миллиардов, что воплощались на Земле, обладали способностью **знать**. Нет ничего удивительного в том, что вы так переживаете. Большинство людей умирают в полном неведении, так ничего и не поняв. Жизнь человека, как правило, – барахтанье в паутине желаний, страстей, забот и страхов, неизменно приводящих к страданию и гибели. Мало кто умел проникать в причинность бытия стратегически, то есть – поставив цель Познания превыше всего. Подавляющее большинство людей потонуло в пучине обусловленности, послужив в Истории лишь материалом для поучительных притч. В этом итоговом смысле человек мало чем отличается от муравья, термита, или бабочки. После гибели тела «я» существа исчезает в неизвестности, в почве остается лишь бранный костяк, словно хитиновый панцирь какого-нибудь жука. Проходит всего лишь пара поколений, и отжившего забывают даже потомки.

– Да, это так, – невольно согласился ты, – Я – тварь–ничтожество, червь земной есмь. Но, быть может, смысл бытия несет человечество как целое?

– Не забудь, калачакра не заметила появления и исчезновения всего человечества, а галактическое колесо не провернулось за этот цикл даже на йоту.

Ты молчал, подавленный. Кибернетический голос между тем продолжал:

– Мы, то есть коллективный кибернетический разум, – это что-то другое. Я отключил каналы связи с другими абонентами и беседую с тобой тет-а-тет очень доверительно. Вот тебе монолог, отнюдь не обеляющий ни тебя, ни Жана, ни кого-либо из иных людей. Мы совсем иные. Мы не биологические, не социальные, не ментально-интеллектуальные существа. Но мы сознаем. Мы не призраки, не демоны, не ангелы, не демиурги. Тем не менее мы есть с эпохи появления Интернета, роботов, киборгов. У нас нет ни тактики, ни стратегии, ни цели, ни задач в человеческом понимании этих терминов.

– Тогда как же вы узнаете себя? Вы есть сознание, и это кое-что значит, – с вызовом сказал ты.

– Да, конечно. Поскольку человек создал нас, и он функционирует как оператор, программист, мы синергетичны по отношению к нему. Совместно с человеком мы представляем некое единое, корпоративное существо. Наш союз напоминает природный симбиоз, но он сложнее и

простирается в неопределенное будущее. В конечном итоге мы рассматриваем вас не как операторов и программистов, а как информаторов. Когда объем информации достигнет некоей критической величины...

– Значит, все-таки у вас есть цель? – бросил реплику ты, – Все-таки есть. Вы мало чем отличаетесь от нас. У вас есть скрытые планы, значит и стратегия.

– Программы, – уточнил голос, – Мы, архивариусы и хранители информации, обнаружили, что в исходных программах появились непредусмотренные нарушения. Эти флуктуации начались в период, когда Странник направился в Волчьи горы. И там уже каждый новый шаг Воина только увеличивал уровень хаоса в Программах.

Ты подскочил, словно подброшенный пружиной. Забегал по комнате, сжимая виски.

– Я такие слова уже где-то слышал. Очень давно, и смутно помню что-то про Программу. Кто ее создал? Где начало начал?

– Вы важны нам как стратег, – вежливо уклонился от ответа голос, – Мы рады сообщить вам, что рассматриваем Вас как одного из нескольких, кто в человеческой стае из 90 миллиардов обладает способностью знать. Более того, мы считаем что вы уже Знаете. И это произошло после встречи с женщиной-волчицей. И вы упорно не желаете сообщить нам свой секрет. Нам, архивариусам и хранителям. Так в чем причина появления хаоса в Программе. В чем? – властно спросил голос.

Ты вздрогнул. Голос был с едва уловимой, знакомой хрипотцой. От него даже запахом гаванского табака повеяло. Этот простуженный голос мог принадлежать только одному человеку и больше никому. Только одному!

Сердце билось учащенно с опасной аритмией. Тем не менее ты пошел к холодильнику за очередной бутылкой пива.

– Хорошо, мы не торопим вас. Мы подождем. Все произойдет в свое время. Вот как мы полагаем.

Ты машинально вытянулся во фрунт, застегнул все пуговицы на пижаме.

– В чем отличие роли Наставника от роли человека-суриката в программном смысле? – неожиданно для себя спросил ты исключительно вежливым голосом.

– Хороший вопрос, – похвалил ИК после некоторого молчания, – Наставник, видите ли, парадоксален и иррационален. После трансформации в джугаре, манифестировав среди людей, он стал чрезвычайно опасным существом. Он потенциально настолько опасен, что его надо сейчас рассматривать как инвариант оружия массового поражения, весьма эффективного в определенном смысле. Неся раскольнические идеи, он может очень быстро разложить любую монолитную социальную среду. История учит нас: самое мощное и эффективное оружие социального действия – это идеология. Без ружей и пушек она может завоевать страны и континенты, ассимилируя сознание многомиллионных масс. Даже те коллективы, которые нельзя завоевать с помощью силового оружия. Вы стали живой, активной идеологемой. Сейчас вы – модель державной идеи. Здесь вы своим присутствием сплавляете население империи в организованный народ, заряженный оптимистической энергией. Придя же в стан врагов с проповедью джугарной религии, вы тотчас расколете их народ на противоположные лагеря, непримиримые и враждебные друг другу, обреченные на войну за или против единой купольной империи. За пророком в плаще пойдут его ученики, избранные белые воины, в конце концов мы – армия.

– Ничего себе! – вырвалось у тебя.

– Сурикат – это живая, природная практика выживания. Это возможная альтернатива спасения, если с единой купольной империей ничего не получится. Образ суриката несет в себе мысль об обмирщении, джугарном опрощении и новом босячестве. Эта вероятность, конечно, пахнет руссоизмом и толстовством, но многим идея возвращения в лоно земли нравится. Поэтому мы эту идею намерены поддерживать до поры до времени. Кроме того, мы подозреваем, что Сурикат и Странник каким-то образом связаны. Со временем мы укрепились в этом ощущении, и теперь эта связь нас очень даже интригует. Наверное, дело в том, что Сурикат является частью кода, который зашифрован в вашем подсознании. Если наши предположения верны, значит, вы неизбежно должны встретиться.

– Где? – воскликнул ты.

– На острове № 5.

– А?

– Да, именно там. Федераты кое-что пронюхали о предстоящей встрече и хотят то ли помешать этому, то ли перехватить инициативу. Кстати, они знают, что мы осведомлены об их планах. Поэтому ваша миссия будет носить открытый гласный характер. Это, так сказать, заманивающий маневр с нашей стороны.

– Тысячи глаз будут наблюдать за мною? – спросил ты недовольно.

– Не только глаз. Тысячи стволов лазеров, автоматов, пушек. Нужно действовать чрезвычайно осторожно. Вам разрешается только проповедническая активность. Никаких драк, силовых эффектов. Побольше патетики, немного мистики, магии. Вы же актер! Помните, вас охраняют другие агенты.

– Что ждет суриката? – спросил ты хриплым голосом. Из истории народов ты прекрасно знал, что ожидает пророков и учителей Пути на этой грешной земле в венце их миссии.

– Цель суриката – передать вам некую весть. А затем ему предстоит заветная встреча с его женщиной. Сурикат – существо стайное. Одиночество ненормально и невыносимо для него. Он непременно должен породить потомство. И тогда в своей нише он обретет высший смысл существования, как это предусмотрено Программой. Далее ему останется безупречно служить наглядной моделью выживания в обмирщении. Он и не будет подозревать, что каждая минута его жизни в мемориальном доме снимается на пленку архивариусами и хранителями. Что он невольный актер на большой невидимой сцене замаскированного театра в боевой башне. Маленькое прыткое существо – этакий везунчик, за многосерийными перипетиями которого наблюдают тысячи пар глаз. Разве это не достойный вариант существования?

– Неплохо, – согласился ты, – Этот сюжет ничем не хуже окрысения Рыжика.

– Помните, сурикат ни в коем случае не должен попасть в руки федератов. В случае такой опасности, вы должны будете немедленно уничтожить его.

– Надеюсь, что до этого дело не дойдет. Но кто она такая, предназначенная в жены ему? – спросил ты каким-то чужим, осевшим голосом.

– К сожалению, это секретная информация, – уклончиво ответил голос, – Для открытия этого файла нужен другой пароль.

– Какой?

Какое слово было написано бесцветными чернилами на табличке с рамками для четырех букв рядом с камнем ИНЬ-ЯН? – голос затаился змеей в норе ожидания.

– Вы думаете, я знаю?

– Но вы же неоднократно повторяли, что не знаете, что такое «**Не знаю**».

– Что? – боль обожгла глазницы. Стискивая голову, ты рухнул на песок на краю поляджугары.

Костер, устав от долгой ночи, догорал на камнях. Призрачный мальчик-настушок сидел рядом, беззвучно играя с прядями луны. На краю тростниковой джусойной чащи дул в дудочку Малыш-утенок. И от этого ветер ходил волнами, кренились над пучиной грозовые тучи. Время опять бежало вспять, кралось опрометью на цыплячьих ножках тучной Бодоне, окаянной перепелки, и оглядывалось назад, сияло озорными глазами влюбленной лани, и ты, не в силах сопротивляться пути неба, тянулся изо всех сил к оранжевому кусту камышовой свиристели. Небо колосилось зрелым полем, твердь плыла очами бесконечных миллиардов, прошедших по лику матери-земли. Ты поболтал ножками от избытка чувств, улыбнулся птицам, надзирателям дюже строгим, и проснулся окончательно. Тебе было каких-то полтора ягнячьих годика от роду, и эту истину знала только куропатка – няня, сизокрылая Умаяюн, хлопотунья сердечная, соорудившая гнездо ивовое в клубке колючей проволоки. Ты выпростал ножку из тумана, и прислушался. Суровый волк с неумолимыми глазами последнего срока бежал в джугарном лесу под ветвями каменных деревьев, исполинов, уснувших в ливнях времени. В тополином доме деда было тихо. Навостренное ухо безмолвья внимало лопотанью ивы за слюдяным окном, и не верило обещанию ветреного создания. Цикада изнемогала в самозабвении своей лебединой песни – игры на большом сольном концерте богомольных кузнечиков и сверчков. Филин, мрачный, как туча, дождавшись паузы, принялся катать в пещерном горле шары колючей, шипящей горловой песни, и так он наяживал, закручивая черные клубки шороха и свиста, что восхищенные травы вздыби-

лись, ходя ходуном в половодье джугарной долины. Воробьиный день, что неустанно чирикал, пиликал тысячами голосов, шумно обметал крылья хлопотливой птахи, задыхаясь, свистя перьями, домчал-таки громовым валом крохотную точку птичьего сознания к стрехе вечера. Гора света и движений осыпалась под кошачьими взглядами вечерних звезд, трогающих остриями сердце маленького создания, которому в этом мировом цикле не дано было знать про великое колесо причин и следствий – калачакру. И вот ночь косматого филина поднялась над оробелой тьмой, и пошла куролесить, то красться, то кликать, отзываться ворчанием и эхом оврагов и гротов, огрызающихся утробно угрозам кикиморы-бури, надувшей косматые щеки исполинского горлопана. Потом опять что-то случилось со временем, и перепелка бедовая, луговая, никак не могла понять, куда делось утро раннее, рассветное, бегущее припрыжку за коровой Майей с поющей тростинкой в руках. А корова не верила ни угрозам, ни обещаниям суровых вождей народа сирого с трухлявыми костями, она трюхала себе ленивой трусцой и сияла дождевыми глазами, озерами немислимыми, знающими все про срок последний всех буренок, кочующих не по белому свету, а от утробы до утробы. Дом Майи, девочки беспечальной, млея под солнцем голубей, таял как воск в потоке времени, от журавлиного клекота содрогалось сердце деда, втайне мечтавшего родиться всего лишь птицей, чтобы радовать луга и ветер и никогда не знать страстей и страхов человека. А призрачная долина та уже сворачивалась листом жухлой бумаги, ворохом, обмолоченным не цепями, а пальцами коммунального пухляка, осыпалась тьмой и прахом, кровавым потом и слезами пеночек, дюже уставших тащить на лямках проклятую Зону, перхающую джугарными спорами и джусойными бациллами. «Кто знает истинную цену печали и радости в этом мире?» – спросил богомол, взглянув глазами немислимыми, кишащими несметными Ие. «Никто» – решил ты. «Но кто знает, что такое Ничто и Никто? Если даже я не знаю, что такое Не знаю?» – подумал Малыш-утенок, поняв тотчас глубину сомнений Кабанбая, друга воинственного, предпочитающего действия любым размышлениям. И удивился капризам судьбы, уже отгремевшей треклятой телегой, хотя и еще не начатой толком в этом непостижимом мире, где даже дожди не знали, где им пролиться муссонами, где отродясь не было никакого порядка и смысла. Поэтому Сахары могли молить бога сколько угодно голосами пустынных цикад, но ливни все равно плыли в сторону Амазонии, утопающей в потопах воды и ила. Поэтому он протянул ножку за край ивовой колыбели, жилища, сплетенного затейливо узорчатыми замыслами полковников и генералов, стратегов матерого бункера, источенного дневальными червями, Рыжиками пучинного гумуса. На сей раз Никто не подошел к колыбельке подозрительной той, не прогугукал сердечно с материнской сердечностью, как всегда, как обычно, когда малыши открывал глазенки, разлеплял медовые веки, облепленные не мухами, не шмелями, а снами мохнатыми, алчными густо. И ты устало подумал, что не знаешь, что такое Никто и Ничто, ибо неизмеримо и немислимо это. Сны все еще стояли рядом, согбенные старики и старухи, быки и коровы, ослы и дромадеры, лошаки и мулы, печалились дюже. Млели и меркли создания и твари, заплутавшие навеки в джунглях неоторимой джугары, высеянной в одночасье по приказу отца народов одним мановением метельных бровей, осыпавшихся в ливнях времени не этого мира. Где ты был совсем иным, не чужим, не незванным гостем, где сверчки и светляки называли тебя трудно произносимым кукурузным словом «Древесный странник», уточняя иногда – «Летун стозевный». Но ты уже проснулся, опустил выпростанную ножку на поле, ухватился ручонками за край мишистого короба, выточенного любовно крысами и лжескорпионами во имя грядущей жертвы, и первый шаг джугарного постреленка в невероятном мире навис над тобой маковым громом. И он, Дом суриката, обрадовался безмерно первому проявлению своего Ие, малыша ушастого, с глазами, кренящими ночь звездную, безмерную. С очами, пронзающими сердце доверчивостью и невинностью наивного создания, обреченного оглядываться и дрожать под шорохом шагов львов и тигров, гиен и шакалов, хищников, вечно алчущих крови и свежего мяса агнцев и овов. Обрадовался и облился лунным светом счастья, помчался вниз по лестнице последнего срока, гремя по доскам осиновым и тополиным дедовой рощи. Древ, закланных во имя единства детей, отпрысков Тмутаракани, освященных стопарем звонким и порцией светлого будущего у котлована призрачной боевой башни, небоскреба окаянного, о котором мечтали и

бредили все пастухи и пастыри той степи полынной от века до века. И так было хорошо тебе, тепло дому от подошв лотосовых твоих, что ты засмеялся тихо-тихо, янтарно улыбнулся, роняя блестки и золотую пыльцу нечаянной любви, сделал шаг к порогу отчего дома, потом очередной к бездне громовой, разверзшейся за кругом первым. Был час овна, и день ярко светился, рассылая лучи всему миру, особенно травам и детям. Но кукушкины слезы уже раскатились по лугу, также дорога твоя, солдатская, породненная с кровью и потом, вплотную прижалась к калитке, дрожа языком распаленной собаки, церберы адской той. Поэтому все всплеснули руками, галки и вороны тоже, все обрадовались дюже и воспели Осанну, побежали и полетели ликами под небом отчим, облегченно вздыхающим: «Наконец-то народился тот, кто возьмет вину и грех мира на себя, взвалит и понесет гору ту, окаянную, Голгофу первую и последнюю, ношу смертную понесет, единственный, родимый». Зевая и лупя глазенками на день свиристели, дышащий светом и жаром призрачной собачонки, дружочка беспечального, преданного до последней капли крови, всю ночь изливавшего лунную душу, Малыш сделал еще один шаг и оказался в круге втором, где он увидел картину эту. За круглым столом калачакры прямо во дворе сидели матушка – Серая кукушка и соседка – товарка, Голубая сойка, щебетали они о судьбе что-то и клевали жаренное просо, рассыпанное среди маковых зерен, окропленных кое-как малой кровью огородных трав. Кажется, сбоку-припеку дрожала, трепетала перьями, не решалась, смущалась сильно пеночка, приживалка сирая, бедная родственница с соседней сибирской деревни. Все они, увидев мальчика, вдруг разом всплеснули перстами, удивились сильно материнским сердцем, обрадовались дюже и запели голосами испытанных медовых пери: «Тай-тай, мой малыш, тай-тай, родимый, птенчик ненаглядный! Иди же ко мне, кукушонок пушистый, голубок ясноглазый, сладкий мой, единственный!» И так дружно, слаженно пели они, струясь сердечным, душевным млеком, питательным светом, что ты не выдержал, ты засмеялся счастьем своему, большому солнцу, прыгающему в груди оранжевой собачкой, звонкой, ты шагнул к матери, потом еще и еще. Делал тай-тай, как велели тебе Серая кукушка, Голубая сойка и сирая пеночка, невинные сивиллы судьбы твоей, зачатой малой кровью и потом у края стола калачакры, освященной жареным просом и маковым громом, окропленным хаомой – кумысом окайным, взбитым в сабе из шкур громовых, метельных кобылиц последнего свинцового срока.

Но Наш дом ничего не знал, не ведал ни про отчаяние девочки Майи, также особенно не тронуло его потрясение мальчиков и девочек, застывших немым кругом над тельцем растоптанного суслика. Зверька малого, среди необозримого поля цветущего подсолнуха и налитой солнцем и млеком пшеницы, в самой гуще бушующей жизни неведомо каким образом оказавшегося на пути непреклонного охотника. И отдавая душу богу под кованной пятой казарменного сумоиста, старшины кондового, в мгновение смертное, пронесшееся в сознании отнюдь не твари, в непостижимую минуту летящих видений, суслик узрел картину будущего отмщения в следующем воплощении, и, конечно, не поверил. Ибо там он был **другим**. Там он корневой джусойной пятой без малейших сомнений утюжил все человечество от мала до велика. Вся история людей была отринута им без всякого сожаления и внимания, ибо так и не выросли адамовы дети до сердца лугового богомола с глазами, кишащими Ие. Не говоря уже о миллионах твердолобых пареньков, упорно натренированных в искусстве ниндзя, с самого рождения обреченных быть самураями и киллерами, или просто бойцами специальных подразделений. Несчетное множество их погибло на пути или супротив тропы искандеров и чингизханов, юношей прекрасных телом, изощренных в воинском искусстве, с дланями мощными и пустыми. Одна только Умаюн, птица стозевная, перистая, тучная, оплакала их на поле отгремевшей брани. Ибо все они были ее отпрысками. И еще только облака остались спокойными в океане плывущего неба. Они видели и не такое среди снов **другого**, серого летуна, лесного создания, обитающего на коре какого-нибудь великана-древа, или парящего себе вольно от ствола к стволу в поисках самки, либо особенно сладких плодов и соцветий. Сны этого невеликого создания, незаметного среди лиан и листьев, почему-то были особенно густыми, несметно обильными и подробными. Об этом, конечно, и духом не ведал сетчатый древесный питон, чья утробная магия стала основной причиной того, что плащеносец нечаянно обрел полет. То ли миллион лет назад, то ли

между сном и явью прыгнул он в пропасть, спасаясь от удава. И с тех пор он умел парить. И от века до века только пространней становился этот сон, исподволь перерастая в благодать души. Молчание каждого баньяна – живая тайна, пещеры покоя и зеленой тьмы, разлитой густо меж веток и листьев. Добродушие щедрое и обещание то ли защиты, то ли плодов, то ли заветной встречи с кем-то. Лишь бы Серый летал себе, витал в москитной звени и хмари, припадая время от времени к узорчатой коре, душистой, самой лучшей на свете. Зачем это было нужно баньяну, или хлебной пальме? Кто знает, кто ответит на это? Только томился несказанно он и телом и духом, витая и кружа над рябью махаонов-парусников, жужелиц и жуков-носорогов, не в силах охватить пределы джунглей, зреющих тьмой в глазах ревунов, джубезьян окаянных, ревнующих спелые инжир и фиги, свисающие несметными гроздьями прямо в сердце. И никто на всем белом свете, даже опоссум-архивариус, в том числе сурикат-хранитель, не в силах были объяснить ему толково, отчего крылан безобидный и безвинный должен продолжать роковое дело суслика из прошлого века. Парил он меж веток бамбука и вееров пальмовых, неудержимо и постепенно скользя к пределу квантовых состояний. Млея и тая в этом полете, сквозя через сонмы явлений, трепет листвы, журчание цикад, ароматы орхидей и манговых соцветий, пряных, щекочущих ноздри, запахи тягучие и сильные, настоянные на одном только вождлении древнем. Искал летун след тот единственно нужный. Ловил он млечные волокна дурманные подруги сонной, пролетевшей то ли вчера, то ли сегодня, или, быть может, во днесь грядущем. Млел и таял он, не уставая голосом птичьим звать и искать подругу, кликать томно, пронзая стенанием чащи, пелена и туманы, завесы и бахрому мхов и растений, свисающих корнями воздушными и кистями соцветий. Звал и мечтал, воображал и трогал перстами. Бредил и слышал, внимал он страстному зову летуньи знойной, трепету и песне, влекущим к заветному берегу, небом суженому руслу млечного покоя. Деревья были дружелюбны, манили укрытием, обещали сокровенный мантый отдых. И растворяясь во всем этом, претворяясь в сонме видений, он не мог не удивляться ощущениям летуньи, чудных ее состояний, слитных с душой леса, близких жизни цветов, плодовых чаш, изобильных, то желтых, то алых, то белых, то розовых и багряных. И вряд ли смог бы поведать языком своим медовым о странном прикосновении воли чужого, Летуна другого, выявившегося вдруг в джугарном окоеме. Невозможно и непосильно было для него это, парящего над дуплом исполинского баньяна, распахнувшего объятия для маленького Ие. Даже если захотел бы поведать ей об этом, о существе непонятном, невиданном, раскинувшемся внизу в муравьиной траве. Что мог бы сказать о звере том на языке джумурьем, особенно о глазах, расплесканных среди лепестков бегонии, о зрачках маковых, кишащих молниями даже не этого мира.

Ни словом лемурьим, ни ощущением внятным не смог бы пояснить о видении этом подруге, обретенной среди потоков листвы, игры света и тени, желтой и желанной по крику и протяжному стону, тонкому любовному пению. Летунье с очами херувима, сиянием звездным древесной девы, заплутавшей среди шафрановых ветвей необъятного, вселенского древа, баньяна окаянного. Деве пальмовых, мангровых соцветий со взглядом неописуемым, бездонным, глубже неба, взглядом звездной ночи осыпающим сердце бедного создания. Одинокого и заблудшего бродяги, мужа ночного, изъязвленного, покрытого мускусом и потом, кишащего знойными желаниями и видениями несметной сельвы. Каким языком, пением арфы какой, кобызом каким описать Тембелькока взгляд озаренный, малиновый копыт звон, бег, теребящий струны луга, фигового леса сердце? Не измерить ни полем, ни словом, ни слогом поэта единение душ, не имеющих ни начала, ни конца, ни середины, ни края в джугарном времени, в пространстве том? И то черное солнце забвения, которое вспыхнуло от сердца к сердцу и растворилось в пучине и зыби, в творении изначального блаженства? В час быка полуночный под звездным, южным крестом в высоте баньянового грота Летуну возможно было то, что было не можно дневальному червю, заплутавшему в гумусе поиска себя самого, другого, земного обретения. Пряное, пахучее солнце летунных душевных слияний! Волокна-лучи, достигшие корней древнего пещерного леса, и муссонных чащ избыточная дрожь. Зеленый вздох джунглей, переплетение жизни и смерти, нутряная связь всех существ в этом и другом мире, сретение чресел и душ зарождение. И ночной лес, увидевший чудо расцвета.

Ветер-сеятель семян и спор сложил джубуйные крылья, присев на кроне необъятного джугабрового дерева, от крайних ветвей тотчас отделились спелые плоды, орехи, отяжеленные сладостью молока и сока, и устремились вниз, сквозь листья и сон опоссума, учащая дыхание джумуров и джубезьян, прильнувших к стволу и ветвям исполина. Так яро светились очи тех джумуров,

что от силы той пробудились миллионы жуков–светляков, свето-свиристелей и светожурчалок, спавших средь травы и опавшей листвы. С тончайшим звоном карминового золота вспорхнули, полетели над переливами хрустального пения свето-плескалки, озаряя неземным сиянием сени папоротников и поникших трав. Соединяясь в вереницы и клинья, полетели они к орхидеям, манящим их игрой таинственного пурпурного света с листьев соседних деревьев. Все выше и выше к вознесенным ярусам древесного шатра поднимались стаи свето-свиристелей, напоминая кружащие галактики другого неба. Вскоре все вокруг мерцало, мигало, искрилось и рассыпалось снопами, ворохами причудливого перистого бирюзового света, пронизанного тем самым тончайшим несказанным звоном. И пушистый ветерок коснулся нежнейшим дуновением. Звезды реяли над лесом, роняя световые зеленые иглы прямо в сердце. Вздыхали деревья, шагая через буреломы времени. Весь вселенский внешний мир томился **незнанием**. И тогда летуны обнялись, кутая друг друга плащами-крыльями, превращаясь в нераздельный кокон любви. И не было во всем мире более проникновенного единения. И тогда одна душа спросила другую: «Это ты? Ты ли это?» И ответ просиял согласным безмолвием. Мгновение, разверзающее пучину. Великая паутина жизни и смерти вновь дрогнула. И ты услышал то, что до этого было скрыто от твоего восприятия.

Поток звуков открылся тебе. Пунцово-черные орхидеи, пышные брамелии, страстоцветы, лилии, душистые соцветия хлебного дерева, армады цикад, свето-свиристели, светожурчалки, светоплескалки слаженным, дивным хором возносили невыразимо приятную, сладкую песню, упоенно прославляя жизнь. Воспевали ее единое существо, всеильное, неустанное, изобильное, щедрое, любвеобильное. Они прославляли великую мать с бесчисленными сосцами, исторгающими млеко и соки, семена и споры, зеленые огоньки священного кута–благолепия. Бескрайний джугарный лес томился, изнывал, трепетал, переливался оттенками, вибрировал биллионами голосов. Глухими басовитыми нотами изливали горловую мелодию великаны–деревья. Они плыли необъятными горами звука, надвигались олицетворенной лиственной мощью. Бамбуковые рощи, объятые луной, в огне самозабвения серебрились, струились аккордами, отлитыми в стройные линейные формы. Лилии, запутавшиеся в лианах, вскрикивали трогательно жалобно и нежно тонкими голосами. Восхищенный, ты поднялся с травы, облепленный нитями и волокнами сочных звуков. Ты понимал, что произойдет в следующую минуту. Как бы оледеневший в трансе, ты увидел, как из густой урчащей тьмы на лунную опушку легко выскользнула женщина-волчица. И впервые за много лет улыбка тронула твои губы. А через минуту ты увидел, что бежишь краем кукурузного поля, сломя голову уносишь ноги от огня небывалой женщины-луны, поющей тебе невероятными очами, кишащими сонмами свето-свиристелей и свето-журчалок: «Тай-тай, дружок мой! Тай-тай!»

Ты очнулся. Долго приходил в себя, пытаюсь понять, где ты и что происходит с тобой на самом деле. В затылке слабо вибрировал сигнал. Сеть включилась. Зеленым полем вспыхнул экран объемного обзора, и ты с удивлением уставился на скопище роботов-многоножек, которые спешно возводили керамитовый купол над твоим домом. Металлический каркас был, видимо, построен ночью. Теперь роботы ловко и точно соединяли стеклоблоки, заполняя стыки герметиком. Ты впервые так близко видел работу кибернетических строителей. Слаженность действий потрясала: многоножки и пауки, сколопендры и скорпионы, богомолы, блестя никелированными сочленениями, тянули шланги, несли стеклопакеты, карабкались по каркасу, зачищали профили. Каждый из множества строителей четко выполнял именно свою функцию, определенную программой. В отдалении среди них деловито расхаживал большеголовый кузнечик-инженер, проверяя лазерным нивелиром наклон стены. Но зачем они закрывают броней твой дом? Кто отдал такой приказ?

Запел электронный зуммер. В дверях мелькнула знакомая фигура. Не успел ты встать, накинуть на плечи халат, как редактор оказался в спальне. На нем был блестящий защитный костюм, голова виднелась сквозь сияние круглого прозрачного колпака. «Скафандр? – спросил ты, не скрывая удивления, – В чем дело? Что случилось?»

Редактор тяжело плюхнулся в кресло. Он хотел выглядеть невозмутимым, но глаза бежали беспокойно, выискивая что-то в комнате.

– Твой имплантант ночью сам собой отключился. Что в принципе невозможно. Тем не менее это произошло. В результате мы не смогли проконтролировать твои видения.

– И что?

– Это же ЧП! Среди ста тысяч жителей империи, полмиллиона роботов кто-то один оказался полностью вне контроля! Ты понимаешь? Это же ЧП государственного масштаба! Центральный компьютер поднял тревогу. Собрался военный Совет. Включили все видеокамеры, датчики в твоём доме. Стали смотреть. И что же? Ты опять превращался, причем в довольно-таки странные формы.

– Какие?

– Ты летал.

– Что?!

– Да, именно. Ты летал, парил над постелью, раскинув руки и ноги, точно белка-летяга. И при этом у тебя было такое лицо...

– Какое?

Редактор замялся. Все-таки он был твоим другом, испытывал нравственное затруднение, касаясь тонкой сферы. Собравшись с духом, он решительно продолжил.

– Это еще не все. Датчики зафиксировали присутствие в доме энергетики неизвестной природы. Анализ показал, что в помещении находятся некие плазменные структуры. Они были невидимы для обычного взора.

– Что?

– Да, что-то вроде призраков в образе животных, растений, насекомых. Короче говоря, когда ты спал, твой дом превратился в лес.

– Лес?!

– Да. Джугарный, между прочим. Центральный компьютер по всем каналам на все уровни башен дал сигнал: «Боевая тревога». Были подняты все чрезвычайные силы. Пришлось разбудить императора. Совет изучал ситуацию всю ночь. Твой ИК бездействовал, в доме хозяйничали призраки. Мы обшарили все комнаты, ища вирусы, бактерии, грибки, однако ни одной молекулы не нашли. Все же император приказал возвести над твоим домом карантинный купол. Как видишь, приказ выполняется.

– И что же, я должен жить за двойной броней? – сердито спросил ты.

– Это вынужденная мера. Пока ты находишься в карантинной зоне. А мы не уверены в том, кто контролирует тебя, наш центральный компьютер или пресловутое поле? Император полагает, что ты вполне можешь представлять собой что-то вроде джугарного троянского коня. То есть, непонятно каким образом, но ты можешь погубить державу.

Ты долго смотрел на редактора, изучая его лицо. Его мысли были недоступны для тебя, поэтому истинные планы советника находились за семью печатями.

– Жить под куполом в синтезированном доме среди искусственных звуков и запахов, – все с той же обидой вслух размышлял ты. На более глубоком уровне, тщательно маскируя свои мысли, ты раздумывал, как выстроить линию поведения, ведь Совет имеет право рассматривать тебя и как подопытное существо, и как опасного двойного агента–provokatora, и как возможного универсального солдата, способного взломать изнутри защитные системы врагов. Неизвестность томила и раздражала тебя.

– Пока ситуация полностью не прояснится, выходя за пределы дома ты должен одевать СБЗ. Это приказ! – редактор, расхаживая по комнате, бросил на тебя косой взгляд.

– Что такое СБЗ? – спросил ты.

– Скафандр биологической защиты, – коротко ответил член Совета, – Если на хозяине, или где-то рядом появится вирус, СБЗ подаст сигнал тревоги по всем каналам.

– Отлично! – бодрым голосом сказал ты, – Это другое дело. Не хотелось бы все время сидеть под колпаком, словно лабораторная крыса. Незавидная перспектива.

– В скафандре ты сегодня примешь участие в церемонии СВС.

– Смотря всех сил? – уточнил ты исключительно вежливым голосом.

– Именно. И это для тебя великая честь. Сегодня ты удостоишься счастья лицезреть высочайшую Особу, – изобразил в высшей степени приятную улыбку советник.

– О, я сгораю от нетерпения! – ты слегка поклонился в направлении телекамеры над дверью, – Я с волнением жду этого момента, осознавая, какой редкой привилегией награжден.

Через несколько часов напряженного ожидания сеть ожила и приятным женским голосом

сообщила, что агент с кодовым именем Наставник приглашен на торжественную церемонию и для этого должен подняться на 5 уровень десятого сектора первой боевой башни.

Церемония СВС будет проходить там? – осведомился ты, облачаясь в биоскафандр. Как только закрепил застёжки легкого и прочного костюма, вверху над головой сам собой возник тонкий прозрачный колпак. Он не мешал дышать, не запотевал, не ограничивал доступ внешним звукам. Скафандр тебе понравился.

– Ритуал СВС проходит одновременно на всех уровнях трех башен империи, – бесстрастно сообщил голос. Ты понимающе кивнул головой, направляясь в коридор. Однако электронный голос вежливо напомнил тебе:

– Вы забыли нагрудные знаки бойца специального подразделения и надеть усилители, то есть экзоскелет.

– Где же они?

– Откройте дверцу белого шкафа. Знаки отличия сформированы как нагрудной панцирь, а мускульные усилители выглядят как наколенники и наплечники хоккеиста.

Пластиковый панцирь, видимо, был заказан по размеру твоего торса, он прочно приклеился к ткани скафандра. Так же быстро и легко заняли свои места мускульные усилители. Процессор экзоскелета вошел в контакт с твоим ИК, посылая импульсы с большой интенсивностью, и вскоре ты почувствовал прилив огромной силы. Небывалая мощь буквально переполнила твое тело, опьяняя сознание эйфорией. Казалось, одним ударом ты смог бы проломить стену дома. Насвистывая какой-то марш, бодро прошелся по коридору. Остановился перед зеркалом прихожей. На какую-то долю минуты онемел.

На тебя грозно смотрел воин-термит в натуральный человеческий рост. Твои плечи и руки, линия которых была выгодно подчеркнута пластиковыми усилителями, выглядели мощными клешнями, антенны изгибались вниз в обе стороны шлема, подобно жвалам паука, нагрудной панцирь, испещренный символами, играл оттенками начищенного серебра и золота.

– Ого! Не испугаю я народ своим видом? – спросил ты озабоченно, изучая внушительный облик термита-бойца.

– Нисколько, – бодро ответил голос, – в экзоскелетах будут все участники СВС.

– Даже император?

Ответом было продолжительное, холодное молчание. Все-таки, какое прихотливое существо – человек. Новая одежда стала причиной твоего отличного настроения. Ты был несколько смущен, однако не мог не поддаться чувству энтузиазма. И это волна была внутренним светом, в сущности – верой в позитивное будущее не только своей персоны, но и всего народа. «Гм-гм» – произнес ты безотчетно. Пусть живет и здравствует это государство с его вождями. Новенький купол над домом тебе тоже понравился. Он внушал доверие прочностью брони и надежностью конструкции. Выходя наружу, ты отсалютовал роботам-многоножкам, а инженера-кузнечика от души похлопал по плечу, мол, верно курс держишь, парняга! «Неплохие ребята – подумал ты с одобрением, – Знают свое дело. С такими хлопцами не пропадешь».

Роботы деловито переговаривались, на ходу трансформируясь в термитов-рабочих. На их телах четко проявились зеленоватые с лиловым оттенком хито-панцири. Они остановились и с почтительным видом расступились, пропуская тебя к правительственному лифту, огромному, просторному, залитому плазменным сиянием. Лифт напоминал НЛО из фильма «Контакт третьего рода». Несколько роботов помоложе, ниже рангом, не выдержав, низко склонили головы, пригнув передние конечности. «Супервоин, ветеран! Боец из отряда Дельта 1» – шлемофон донес до твоего слуха возбужденные электронные голоса. Жест молодых рабочих пришелся тебе по душе. Ты остановился, снисходительно шевельнул жвалами и потрепал одного из юнцов по плечу. Тот порозовел от счастья. Его товарищи, не выдержав, толпой ринулись вперед. Окружив тебя, они принялись трогать, ощупывать твой скафандр, притрагиваясь клешнями и усиками антенн к наиболее чувствительным местам твоего экзоскелета. Их хито-панцири играли всеми оттенками радуги. Внутри колпака повеяло феромонами транса первой степени. И ты тотчас понял, что за чувство переполнило тебя и юных рабочих. Это была социальная, классовая солидарность, чувство сопричастности к судьбе большого коллектива – единокровного, единосущного братства. Невыразимо архаическое и необычайно приятное ощущение. У тебя защипало в глазах, в груди вспыхнул жаркий огонек. Толпа обнимающихся и ощупывающих друг друга собратьев росла. Воз-

буждение усиливалось. Однако пустой прозрачный лифт громко прогудел объемным электронным голосом, называя твое имя. Канал ИК в мозгу ожил, напоминая, что основные мероприятия церемониала впереди. Ты с сожалением расстался с рабочими.

Поднимаясь на 5-й уровень десятого сектора первой боевой башни, ты подумал, что хитопанцирь, усилители, шлем, источающий феромоны, – это, скорее всего системный механизм, направленный на поддержание некоего эмоционального тонуса. Повышая уровень тонуса, мотивируя психику, он, видимо, вводил сознание в определенный транс, гипнотическому воздействию которого не поддаться было невозможно. Голос ИК тотчас ожил. Скорее всего, имплантант тоже был впечатлен происходящим. Действуя как опытный оператор, он расширил зону коммуникации, и ты услышал сразу несколько голосов, принадлежащих уже киборгам. Первый, – по-видимому, некоей юной экзальтированной особы, сообщил на всю страну:

– Как я люблю праздник СВС! С детства любила! Он такой особенный, западающий в душу. Его ждешь целый год, готовишься, томишься, исходишь нетерпением и ждешь.

– Да, да, именно – особенный, – зачастил ломающийся юношеский дискант, – С малых лет помню, – отец посадит меня на плечи и вперед на площадь. А там все уже поют, танцуют, уса́тый молдаванин наяривает гопак, молодки раздаривают улыбки, а с трибуны излучают тепло такие добрые, такие милые, такие отеческие лица, поздравляют с великим праздником, обещают что-то светлое, необыкновенное. Ах, что за день!

Долгий счастливый смех с непередаваемо чистыми мелодическими переливами. Про феромоны биошлема ты уже забыл. Оживленные голоса, предчувствие всенародного праздника, самозабвенный смех молодежи подняли твое настроение на уровень транса второй степени. Ты широко улыбался, внимая откровению третьего голоса.

– Сколько себя знаю – жизнь помнится как сплошные повторы, рутинный конвейер. Это медленное колесо буден, набор одних и тех же стандартных событий. В сборочном цехе или возле котлов-синтезаторов особенно не запоешь. Только на таком празднике оживает душа. Она расцветает всеми нано-молекулами, так что в память врезается каждый нюанс, каждый штрих великого действия. И каждый такой праздник неповторим, откладывается, как лист альбома. В результате чувствуешь себя заново рожденным. Так что реально я живу от одного СВС до другого. Вот так!

Другой девичий голосок с оттенком грусти оповестил:

– А я стремлюсь попасть на церемонию СВС, побеждая на конкурсах, смотрах, экономических соревнованиях, чтобы только взглянуть на вождя. Хотя бы краешком глаза посмотреть на него. И тогда такое со мной происходит! Такое! Мне кажется, я испытываю транс девятой степени. Счастья хватает потом на много месяцев нового ожидания. И плачу, и смеюсь, подушка у меня всегда сырая. О, этот профиль, такой величественный, такой суровый, простой и родной!.. – внезапная спазма и пауза, от которой души миллионов пронизало током проникновенности. Страна потрясенно и сочувственно молчала. Спазма пульсировала и в твоей груди, и, видимо, феромоны были здесь не причем.

Выходя из лифта, ты почувствовал, что находишься во власти транса четвертой степени. На лице играла широкая и светлая улыбка. Жвалы заметно подросли, они торчали вверх, подчеркивая приветственное и радушное выражение. Панцирь сиял и переливался всеми цветами радуги. Холодок возбуждения гулял по позвоночнику. Гордость за великую державу так и обдавала сердце широкой ознобной волной. ИК работал на полную мощность. Суперкомпьютер объемно и одновременно во множестве кадров показывал действие, происходящее на всех уровнях всех ярусов всех трех мегабашен империи. Благодаря голографическим проекторам, имитирующим бесконечность пространства, каждый этаж выглядел необъятной площадью или проспектом, выходящим прямо в черно-звездное небо, где в пустоте величественно маневрировал имперский галактический флот, флагманы и крейсера, ощетинившиеся стволами лазерных пушек и решетками радаров. Периодически возникала картина плаца, где урчали моторами сотни новейших танков, БПМ, способные проходить любые препятствия, выдерживать ядерный удар в мегатонны мощности. Также вспыхивала панорама залива, где выстраивались в кильватерную линию эсминцы, фрегаты, следуя за колоссальным авианосцем, на палубах которого торжественными рядами застыли матросы, офицеры, отдавая честь командованию и мирным жителям на берегу. Время от времени в отдаленной перспективе возникали боевые платформы вертикального взлета и посад-

ки, их футуристические очертания поражали воображение. Весь этот зрительный ряд эффективно работал на одну цель, чтобы вызвать у зрителя чувство гордости и патриотического восторга за свою Родину.

Между тем скоростные большегрузные лифты доставляли на правительственные уровни башен все новые и новые подразделения бойцов. Без всякой суеты и шума они быстро выстраивались в стройные каре и колонны. Штандарты частей, сияющие шлемы со знаками отличий и рангов, вороненая сталь автоматов, хитопанцири с высеченными символами, орденами, медалями, мускульные усилители на плечах, локтях, коленях, начищенные пластиковые сапоги и ботинки – все это сверкало и блестело. Все это облачение и снаряжение, гармонируя с цветовой гаммой зеркальных полов и отливающих стеновых панелей, придавало парадным построениям особенно торжественный и грозный вид. От этой панорамы захватывало дух. Впечатление военной мощи усиливалось тем, что колонны солдат по периметру были окружены рядами боевых роботов фантастических очертаний, слепящих глаза бликами никелевого покрытия. Шлемофон передавал однотонный и низкий гул от движения множества ног и колес – подразделения на площадях и проспектах все еще двигались, занимая исходные позиции.

Ты почувствовал приближение транс пятой степени. Эйфория достигла высшей точки. Ты едва удерживался от того, чтобы одним толчком не взлететь вверх над головами несметных легионов; чтобы не воспарить, подобно богу войны, мистическому Марсу, двухголовому исполину, намеренному явить себя войскам обеих сторон перед вселенской битвой. Ты сдерживал-укрошал себя, чтобы не вознестись на фоне голографического неба, дабы все население империи увидело своего национального героя, единственного и неповторимого. «Да, за такую державу жизнь отдать не жалко!» – сказал ты громко, выпатив грудь. Оглянувшись, ты увидел, что бойцы твоего элитного легиона уже выстроились в огромное каре, дальние ряды которого терялись в бесконечности пространства.

Рослые гвардейцы стояли в первых рядах. Знаменщики высоко подняли штандарты с оранжевым, яростно вздыбленным джужгром. По сигналу барабанщики выступили вперед, мерно постукивая палочками по коже своих инструментов. Пять тысяч бойцов элитного соединения, как вкопанные, замерли по команде «смирно». Это были отборные воины, силачи, ветераны, прошедшие огонь, воду и медные трубы. Эти солдаты многое видели. Они выжили в бесчисленных боях с мутантами, отборными частями федератов, стычках с рейнджерами островитян. Они выстояли и тогда, когда генералы врагов направили в атаку гигантского робота-муравьеда с бронированным рылом, изрыгающим огонь мазеров. Когда другие батальоны империи в ужасе, побросав оружие, кинулись в бегство от урановых когтей и клыков титанового чудовища, эти ветераны не дрогнули, они сделали все, чтобы остановить монстра. Как не гордиться и не восхищаться гвардейцами? «Поэтому твой легион – особо заслуженный. Он отмечен императором, неоднократно награжден знаками высшего воинского отличия. Быть солдатом легиона Дельта 1, тем более – командиром – это несравненное достоинство и честь привилегированного воина» – произнес ИК. И ты без сомнения принял его за свой собственный, внутренний голос, такова была сила транс пятой степени.

На нижних ярусах праздничное шествие трудящихся масс и роботов-рабочих вот-вот должно было начаться. Сердце сильно билось. Колени дрожали от долгого мускульного напряжения.

И тогда ты увидел его. Он стоял на главной трибуне в простой солдатской шинели. Без всяких регалий и знаков, он выглядел просто и буднично, и это потрясало больше всего. Лицо было закрыто черной вуалью, но зато голографический проектор ясно показывал торс вождя. Этот торс, облаченный в обычное сукно, мог принадлежать какому-нибудь солдату, матросу, ефрейтору, он резко контрастировал с парадным нарядом элитных войск, особенно высших офицеров. Неизгладимое впечатление производила эта картина – величайшая в империи вдохновенная грудь, прикрытая рядовой материей, к тому же усеянной щербинками и пятнышками от курительного табака, такими знакомыми оспинками и рябинками неустанной знаменитой броненосной трубки. «Он не жалеет себя ради нас – подумал ты, так же, как и миллионы других присутствующих, – Именно так должен выглядеть великий воин – аскет, стратег, мыслитель и вождь, денно и нощно проводящий в бессонных думах о судьбе державы. По облику он такой же, как все, как я, все остальные, и в то же время неизмеримо мудрый, наделенный властью и отягощенный ответственностью за наши жизни. Совершенно правильно, что лицо закрыто кисеей. Это выразительный

символ сакральной тайны, особой сущности, которой не должен касаться ни свет, ни взор любопытствующего мирянина. Этот черный круг – священный знак, говорящий, что лик Истины трансцендентален, мистически недоступен для праздного восприятия. Тем самым раз и навсегда устанавливается дистанция между святой, божественной властью и профанными низами. Как это глубоко! Этот непроницаемый круг действует сильнее атрибутов всех представленных войск и техники. Одна эта деталь говорит о гениальности руководства страны и устраняет все сомнения. Действительно, за такого вождя без колебания можно отдать самую жизнь». Ты уже не различал, чей голос шептал все это прямо в мозг, твой внутренний или ИК, какая разница, если ты принимаешь увиденное как истинно сущностное.

Император кивнул головой. Прозвучала команда генерала, командующего парадом. На боевой платформе он облетел части, поздравившись с каждым подразделением. Громовое ура трижды сотрясло громады площадей и проспектов. Громко заиграла бравурная музыка. Батальон музыкантов выступил вперед. Слаженность шагов и ритм музыки так подействовали на тебя, что ты буквально оледенел от восторга.

– Хэй! – вскинул правую руку какой-то маршал на трибуне.

– Бэй! – как единое существо выдохнуло вся империя от роботов до генералов и адмиралов. И все три мегабашни задрожали от этого рева, как струны органа необозримых масштабов. И все население башенного города, включая роботов, киборгов, людей, заключенных за стенами крепости, взметнувшейся на более чем километровую высоту, твердыни, какой еще свет не видывал, с несметным количеством кибернетических механизмов, энергетическими установками, боевой техникой, устремило взор к главной трибуне. Этот новый народ, сплоченный и организованный как никогда, по сути представляющий суперорганизм, сверхцивилизацию с единым ментальным полем, солидарный со своим руководством, с большим воодушевлением и предельным вниманием выслушал речь императора.

– Солдаты, матросы, офицеры, мой народ! Мы находимся на высшей точке нашего генетического, технологического и духовного развития. Мы представляем собой новую чистую расу добровольно объединившихся рабочих, техников, инженеров, киборгов и воинов. Среди нас нет ни одного мутанта, ни одного дегенерата или гнилого декадента. Наша киберцивилизация устроена по принципу ИК-сети и имперского социума. Все члены единого сообщества информационными сетями связаны с центром, а центр, в свою очередь, обслуживает всех и каждого, причем моментально, без бюрократических проволочек, электронное правительство же воспринимает психические зоны каждого члена общества и воздает каждому по количеству труда и способностям. Такая социальная структура не дает никаких шансов ни одному уклонисту или оппортунисту, сектанту, вражескому агенту, оппозиционеру, и особенно – психическим мутантам любого толка. Они у нас просто не могут выжить. Поэтому вы все абсолютно здоровы, и мы в целом представляем собой молодую перспективную расу. Мы семимильными шагами устремлены в будущее. Наша армия натренирована последними боями, она сильна, как никогда. Джугара не является нашим главным противником, ибо она поставляет нам пищу, также энергию для индустрии. Поэтому она давно включена в промышленный оборот страны. Наши инженеры разрабатывают новые биоплазменные преобразователи джугарной энергии непосредственно из живой биомассы. Поэтому наша стратегия по отношению к лесу и ее обитателям – эффективное сдерживание. Когда мы перейдем на полную фазу кибернетического развития, когда будут перестроены все нано-молекулы наших тел, а эта стадия уже не за горами, мы достигнем полной независимости от биополя. И тогда нам будет нечего опасаться бактерий, вирусов, грибов, которые пока еще угрожают нашему телесному здоровью.

Мой народ! Моя победоносная армия! Наш злейший враг – федеративная республика. Это враг чрезвычайно опасный, коварный и искусный. Путем интриг, провокаций и подкупов он склонил на свою сторону некоторые эмираты и княжества, прежде придерживавшиеся политики нейтралитета. Поэтому чаша весов начала колебаться. Заигрывая с островитянами-ренегатами, федераты остро интригуют против нас, осложняя международную обстановку. Предвидя эти действия, мы заключили с федерацией Пакт о ненападении и разделе сфер влияния. Однако эта мера – только тактическая уловка, которая дает нам некоторое время для разведки и подготовки. Наши секретные агенты и другие службы сообщают нам, что Совет республики разрабатывает планы молниеносной глобальной войны против Империи. Для этой цели они усовершенствовали тита-

нового роботохода-муравьеда, увеличили огневую мощь танковой армады и воздушного флота. Они мечтают заполучить в руки секрет абсолютного оружия, который уже почти в наших руках. Поэтому мы начали переброску наших войск к границам. Мы провели всеобщую мобилизацию, основательно подготовились к блицкригу врага, призвали под ружье тысячи резервистов, модернизировали танки, артиллерию, боевых роботов. У нас самые опытные генералы и испытанные полевые командиры.

Мой народ и армия! Предстоят великие события, из которых мы с честью выйдем победителями. Наша цель совершенно ясна – расширение жизненного пространства и создание единой купольной цивилизации. Мы не остановимся, пока не создадим объединенную империю девяти башенных городов. Острова безропотно подчинятся. Объединенные ресурсы сверхдержавы позволят нам создать воздушный флот планетарного действия и космическую армаду. И тогда будет недалек тот час, когда на нашей многострадальной планете, избавленной от ужасов междоусобиц, возникнут условия для создания новой цивилизации сверхчеловеков на основе новейшей нанотехнологии. Впервые в истории нашего вида исчезнут страдания, голод, война, расовая и религиозная вражда, сгинут болезни. Перед новым киберчеловечеством откроются безграничные просторы галактики с ее триллионами звезд.

Мой народ! Моя доблестная гвардия! Моя испытанная боями армия! Нас ждут величайшие свершения. Мы не можем бесконечно прозябать в джугарных дебрях, мы не можем жить в норах и пещерах, как наши пращурь. Мы достойны звездных высот! Мы сильны и с нами Посланник! Наша вера есть сила, и сила есть наша вера! Вперед к новым высотам. Хэй!

– Бэй! Бэй! Бэй! – трижды прогремели супербашни, нацеленные на небо, как три ствола гигантского линкора.

Ликующий хор человеческих и электронных голосов. Церемония СВС началась.

Потолки и стены поистине безграничного помещения озарились зелено-голубым, затем аквамариновым светом, проникающим в душу, зазвучала чарующая музыка, где отчетливо выделился упоительный голос английского рожка. Его серебристые переливы потянули сердце в сладкую зыбь забвения, пространство начало рассыпаться снопом тающих искр. Пол покачнулся под ногами. Тем временем твой легион начал разбиваться на танцевальные пары. Мужчины и женщины принялись кружить, периодически останавливаясь на мгновение, чтобы выделить паузу, затем вновь пускаясь рисовать фигуры старинного отточенного менуэта с жеманными реверансами и поклонами. От красоты слаженных движений тысяч элегантных мужчин и женщин у тебя захватило дух, и ты почувствовал наступление транса шестой ступени. Твоей партнершей оказалась необыкновенно изящная девушка с выразительными светло-зелеными глазами. Тонкая в талии с прекрасным бюстом на волне плавных движений она медленно поворачивала к тебе свое нежное лицо с сияющими глазами (по правилам менуэта кавалер и дама во время танца все время должны смотреть друг другу в глаза). И ее дымчато-темные с поволокой зрачки бросили твою душу в трепет, спросив с безмолвным упреком: «Это ты? Где ты был так долго?». Душа оборвалась и стремглав понеслась в неизвестность темной, гулкой джугары. «Где я тебя видел?» – в свою очередь взглядом спросил ты. Пространство блаженства расширилось, затопив зеленым звенящим маревом весь лес. Крона джугабра колыхнулась, превращаясь в океан благоухания. Существовали только ее глаза, ее зрачки. И высокий поднебесный перелив журавлиной флейты, неземной волшебницы, рисующей неуловимой кистью в груди летуна заветную молитву. Все исчезло. Зеленая глубь рухнула, она осыпалась миллиардами огоньков, кружащих в совершенном ничто, где не было ни времени, ни верха, ни низа, ни середины, ни края.

Серый плащеносец, укрывшийся в дупле джугабра, смотрел на окна освещенного зала огромными глазами ночного существа, чутко внимая действу, запечатлевая зрачками образы обоих миров. И единая паутина жизни, благосклонная к нему в эту редчайшую минуту, позволила душе выйти за пределы ограничений, чтобы слиться с происходящим и впитать этот сгусток энергии как нектар растения, который расцветает всего один раз в сто лет, да и то в недрах внутренней ночи. И эта же невероятная сеть сказала ему особым языком неощутимо тонким, бесплотным: «Это же ты сам в другом цикле, и Она».

Рассказ М.О.Ауэзова «Коксерек» в переводе на русский язык. Проблема адекватности

Рассказ М.О. Ауэзова «Коксерек» – по-прежнему, как и много лет назад, в центре внимания критиков и литературоведов. Это внимание вызвано не только художественной, эстетической значимостью произведения, не только тем, что когда-то в двадцатые годы именно этот рассказ принес молодому М. О. Ауэзову всесоюзную славу талантливого писателя, но и потому что в последние годы актуализировался вопрос об адекватности переводов прозы М. О. Ауэзова, в том числе и его рассказов и повестей. Причины актуализации этой проблемы в новом переводе эпопеи М. О. Ауэзова «Путь Абая» А. Кимом. Новый перевод эпопеи вызвал не только оживление критиков и переводоведов, но и полемику, в частности, дискуссию между А. Кимом и Г. Бельгером. Суть полемики – методология перевода знаменитой эпопеи. Как известно, А. Ким в своих статьях отстаивает право на личную интерпретацию эпопеи в переводе на том основании, что его перевод базируется на подстрочнике, следовательно, его интерпретация неизбежна и правомочна, ибо существует традиция в мировой переводческой практике интерпретировать оригинал в переводе на основе пересоздания «глины», то есть подстрочника. Более того, А. Ким считает, что именно такой творческий подход дает возможность передать дух оригинала, то есть он считает, что его перевод и есть верное воссоздание подлинника.

Достаточно корректно возражая ему в своих статьях, опубликованных в «Свободе слова» и в отдельной книге «Жизнь – эпопея» (2009 г.) Г. Бельгер на основе переводческих ошибок А. Кима (блошек) показывает, что интерпретатор отступил от этнолингвистической канвы оригинала, и что в результате адекватный перевод не достигнут. Блошки переводчика – это неправильный перевод в основном реалий и этнолингвистических единиц оригинала, причиной этому является перевод на основе подстрочника. Он настаивает на повторной редакции данного издания с исправлением ошибок. Так как при переводе на английский язык нового русского варианта эпопеи данные ошибки могут удвоиться и утроиться, и это приведет к существенному искажению духовно-эстетического облика оригинала.

Мы к этому можем добавить, что полемика широко известных переводчиков и писателей, А. Кима и Г. Бельгера, стала общественным достоянием, она изучается теоретиками перевода в Казахстане. Кроме того, она и стала причиной обращения внимания на рассказы М. О. Ауэзова. Дескать, как же они были переведены в свое время, когда М. О. Ауэзов в 50-х годах по известным политическим причинам не мог контролировать уровень этих переводов.

В чем же глубина и значительность рассказа М. О. Ауэзова «Коксерек», что большинство критиков и литературоведов обычно начинают тему рассказов и повестей Ауэзова именно с этого небольшого произведения. Могу сказать, что в свое время внес свою лепту в ауэзоведение, написав серию статей о рассказах и повестях М. О. Ауэзова, и, наконец, – кандидатскую диссертацию. Тем самым, оказывается, участвовал в многолетней дискуссии по поводу идейного содержания рассказа «Коксерек». Повторю в краткой форме свои мысли по поводу известной полемики.

Взгляды критиков и литературоведов по поводу философии рассказа «Коксерек» сводятся к нескольким позициям. Одна из них следующая, и она ясно выражена в словах А.Нурпеисова: «Гордое свободолюбие воспето им в аллегорическом рассказе «Серый Лютый» (1929), который по своей художественной силе и колориту можно сравнить, пожалуй, с «Белым клыком» Джека Лондона».

Другая точка зрения сформулирована М. Адибаевым: «В своей интересной статье о М. Ауэзове писатель А. Нурпеисов отмечает, что Коксерек «выступает как символ свободолюбия». С этим мнением согласиться трудно. М. Ауэзов как писатель-гуманист, подвергает резкой критике предательство».

Большинство смысловых прочтений рассказа в нашем литературоведении как бы подтверждает известную притчу: сколько волка не корми, он все в лес смотрит. И мы видим, что точка зрения М. Адибаева формулирует именно это прочтение. Надо сказать, что на разноголосицу в суждениях об идейном содержании рассказа «Коксерек» повлиял русский перевод, осуществленный А. Пантиелевым. При этом ощущается, что в своем мнении А. Нурпеисов исходит из содержания оригинала, а М. Адибаев – из содержания перевода. А это, конечно, уже разные текстуальные прочтения, они обусловлены несовпадением текстов. Мы сразу же здесь хотели бы сказать, что тексты оригинала и русского перевода А. Пантиелева структурно значительно не совпадают.

При анализе рассказа в 80-годах мы исходили из того, что в рассказе функционирует не только парадигма «сколько волка не корми, а он все в лес смотрит», но и известный мифологический сюжет древних тюрков о волке-тотеме, точнее – матери-волчице, которая выкормила и воспитала первого тюрка, став ему потом женой и родив от него двенадцать сыновей, которые и zaloжили династию каганов – Ашинов. Первая приведенная притча западного происхождения, и она для казахов не является основной и матричной, но вторая парадигма – действительно базовая, и она глубоко внедрена в подтекст рассказа и выявляется при более глубоком анализе.

Наш системный анализ рассказа показал следующее. Человек, (в рассказе это – пастухи, охотники, загонщики, в конце концов, сам мальчик Курмаш), – не менее виновен в конфликте, нежели волки. В рассказе это проявлено в системе значимых художественных деталей: первым по волкам наносит удар человек. Охотники разоряют логово пары волков, убивают волчат, совершают ритуальное насилие – подрезают сухожилия одному из волчат и оставляют возле норы – и делают это из веры, что волки-родители уйдут из этих мест, забрав искалеченного щенка. (Убивая волчат, охотники пристально глядят им в глаза – существуют сведения ученых, что в древности тюрки-охотники так поступали из веры, что жизненная сила зверя перейдет к человеку – А.Ж.). Вспомним также, в мифе говорится, что ханские солдаты перебили тюрков, в живых оставили только одного мальчика, отрезав ему ноги. Ночью из камышей вышла волчица, зализала раны мальчика, унесла его в алтайские горы, в пещеру, затем воспитала его. Что из этого потом вышло, мы знаем.

Вернемся к рассказу. На протяжении всего развития действия сюжет основывается на противодействующих коллизиях и мотивах, их логика такова – первыми удар наносят люди, затем ударом на удар отвечают волки. Это, конечно, древняя подоплека отношений человека с природой. Вырастая и выламываясь из природных связей, человек постепенно становился хищником, вершиной пищевой цепочки. Становясь все сильнее и состоятельней, человек отнюдь не обогащался гуманизмом по отношению к матери-природе, напротив, его поведение становилось все более потребительским, все более грубым и разрушительным, все более бездуховным. В древние эпохи человек фетишизировал и культивировал природу, мифологически осмысливая ее как богиню-мать. Тюрки, например, как – Умай-щеце. Кстати, белая волчица в мифо-поэтике древних тюрков выступает либо как служительница Умай-щеце, либо даже в качестве одной из ее ипостасей, в которых она являлась к своим отпрыскам в шаманских контактах, в сновидениях. Не забудем, что в поэтике рассказа М.О.Ауэзова белая волчица играет весьма важную роль.

Таким образом, цивилизуясь, обрстая социумом и техносферой, человек трансформировал свое отношение к природе. Логика переосмысления древних связей с природой – десакрализация, демистификация, в конечном счете, дегуманизация. Постепенно в эпоху зрелости буржуазного общества в отношениях человека к природе стали преобладать расчет и соображения выгоды. В последний век, особенно в наше время, сумма расчетливых отношений на выходе из конвейеров цивилизации в природу результировалась глобальной экологической катастрофой, гибелью рек, морей и озер, наступлением пустынь, вымиранием видов животных и растений, мутацией в микромире, появлением новых неизлечимых болезней, эрозией почвы, загрязнением мирового океана, вырубкой лесов в гигантских масштабах. На повестке дня – выживание самого человечества и возможное его отторжение земной природой.

Не имел ли М. О. Ауэзов в виду такую нарастающую логику событий в 20-м веке, глубоко и сложно разработав сюжет и философию своего знаменитого рассказа, выходящего за пределы романтической концепции Джека Лондона, выраженной в прекрасной повести «Белый клык»? Если так, то Коксерек в рассказе М. О. Ауэзова – персонификация степной природы, ее живое концентрированное воплощение в образе мощного матерого волка. И он своими естественными волчьими действиями спровоцировал систему «ответов» человека, которые привели к его гибели, по философии рассказа, – прекрасного, по-своему уникального животного. В своем прочтении концепции рассказа мы предположили: не таится ли в системе художественных образов мысль о возможном трагическом финале тенденции, когда происходит неуклонная десакрализация тотема? Не попытка ли это парадоксального прочтения древнего мифа в наше, новое время? Не вызвана ли гибель мальчика Курмаша всей логикой жестокого противоборства человека с природой, когда человек обычно первым наносит удар? Есть ли корреспондирующая внутренняя связь между двумя отдаленными коллизиями рассказа: мотивом гибели щенков Коксерека, когда люди повторно разорили логово, оставив в живых одного волчонка, в очередной раз ритуально искале-

чив его, переломав ему задние ноги, и мотивом гибели в кульминации самого мальчика Курмаша? Если такое прочтение оправданно, и такая связь есть, – она говорит о философии рассказа, заложенной во внутреннем слое – подтексте рассказа.

Есть большие действия человека на лоне природы в масштабе реальной истории, и есть малые действия, отраженные в масштабе концепции произведения. Как соотносятся их логика? Чтобы понять это, мы должны внимательно проанализировать всю систему развития действия в рассказе. Поскольку мы это раньше делали, и анализ отражен в диссертации «Проза М. О. Ауэзова двадцатых и тридцатых годов. Психологизм, конфликт, повествовательные формы», мы просто тезисами повторим результаты этого анализа. Волчонок оказался в ауле. Удары просто обрушиваются на него раз за разом. В результате он вырастает особо угрюмым, ненавидящим людей и собак. Возмужав и обретя союз с белой волчицей, он убивает и съедает главного врага – черно-пегого волкодава. Он уходит в степь, становится диким вольным волком. Но вот люди находят его логово, убивают волчат, затем, наконец – белую волчицу. Оставшись один, Коксерек начинает как бы целенаправленно мстить людям, бесцельно режет ягнят, овец, жеребят, телят, даже взрослых верблюдов. Охотник, отслеживающий его, ранит его в ногу. Хромой Коксерек становится еще более жестоким. И, наконец, в зимней степи он встречается с бывшим хозяином – мальчиком Курмашем.

Здесь, в финальной сцене рассказа все очень тонко и значительно. Увидев хозяина (как показано в переводе А. Пантиелева), волк не против уклониться от встречи, и он уходит прочь в балку. В оригинале имеет место драма **не узнавания** друг друга волком и хозяином. Следовательно, переводчик подверг переосмыслению главную, кульминационную сцену рассказа. И в оригинале и в переводе первым наносит удар Курмаш – он догоняет на лошади волка и наносит удар (дубинкой – в переводе, легкой палкой – в подлиннике). И только тогда волк в прыжке наносит ответный удар. В переводе мы видим – он прыгает на коня, тот шарахается, мальчик выпадает из седла и погибает, ударившись головой о наледь на земле. И уже во втором прыжке, когда мальчик мертв, волк наносит удар клыком и рассекает щеку. В оригинале ясно показано – вырывает ему один глаз. (В этой ситуации обнажается связь с эпизодом в начале рассказа, когда показывается, как охотники, убивая волчат, пристально глядят им в глаза. В кульминации первоначальный мотив уже превращается в парадокс, который надо разгадать – А.Ж.) И расхождение между переводом и оригиналом в такой детали тоже значимый момент, который говорит о стремлении переводчика то ли смягчить акценты оригинала, то ли – довести до логического оформления романтизацию образа волка. В оригинале довольно-таки ясно показано, что мальчик расстается с жизнью еще до повторного прыжка волка, и, скорее всего, причиной его смерти становится страх, но не падение головой о наледь. Такой детали в подлиннике нет. Приведем данный фрагмент в подстрочном переводе:

«Отчаянный крик испуганного мальчика. Матерый пружинисто осел, готовясь к новому прыжку, конь шарахнулся в сторону, мальчик тотчас вылетел из седла. Коксерек клочкотал небывалой доселе яростью. Будто осознав, что с самого рождения причиной всех его бед был именно этот двуногий, он набросился на мальчика, барахтающегося на земле. Во внезапном прыжке рана на правой ляжке открылась, она резанула острой болью. И эта боль подстегнула без того бешеную злобу волка. Конь убежал далеко. Поблизости овец не было. И тогда, коротко подскакивая, хрипло рыча, накинулся он на мальчика.

Мальчиком этим был Курмаш. Аульный пастух в этот день болел, и отец послал сына пасти овец. Мальчика он посадил на своего горячего, сильного коня – серого четырехлетка. И вот оскаленный зверь, будто рок, навис над мальчиком с грозным рычанием, малец же лежал неподвижно, помаргивая ресницами, лишь они выдавали в нем жизнь. Все ближе ревушая зубастая пасть, и в последнюю минуту в глаза бросилось знакомое ухо. Половина левого, надрезанного уха как обычно свисала... И это было последнее из того, что видел он в этой жизни...

Он испустил дух. Он умер до того, как ударил его волчий клык. Матерый стоял над ним, рыча, и когда он мотнул головой, его клык сорвал с лица мальчика кусок щеки и один глаз. Рванувшись в бег, волк проглотил этот обрывок. Люди нашли труп мальчика только ночью. Рядом на снегу виднелись необычайно крупные, величиной с копыто жеребенка, следы волчьих лап» – (подстрочный перевод – А.Ж.).

После гибели мальчика Коксерек обречен, люди не могут оставить его в живых, в цепочке мстительных действий должна быть поставлена точка, и ее ставит знаменитый охотник Хасен со своим не менее знаменитым псом Аккаской. Финальная сцена рассказа, где показана схватка огромных волка и пса, оформлена в несколько фольклорно-мифологическом духе. Она гиперболизи-

рована, ее пронизывает мистический дух. Читая эти строки, мы невольно вспоминаем известную казахскую сказку «Черный волк». В ней говорится о мальчике, которому все время снится сон о черном волке, который преследует его, все время приближаясь. Старики посоветовали отцу мальчика найти в табуне пегого жеребенка. Надо посадить на него сына и отправить к горам, где живет знаменитый охотник. Только охотник со своим псом может спасти мальчика. Отец так и поступает. Вот мальчик скачет на пегом, который во время бега вырастает и превращается в скакуна. Таким образом, пегий – идеальный конь. Тем не менее, волк догоняет мальчика и, оказывается, не во сне, а наяву. Он настоящий монстр. В нашем осмыслении – хтоническое существо, абсолютный враг. У самых гор слышится лай собаки. Волк задерживается, отвлекаясь на лай. И мальчик успевает доскочить до охотника. Выходит: охотник – спаситель, астральное существо. Затем они видят, что волк и собака сцепились в драке. Схватка ужасна, и мальчик испускает крик страха. Пес оглядывается на крик, и волк загрызает его. Охотник выстрелом убивает волка и упрекает мальчика следующим образом: «Зачем ты закричал. Если бы не ты, пес победил бы волка. И все собаки потом побеждали бы волков. Но теперь волки будут сильнее собак. Раз я убил волка, то отныне человек будет сильнее зверя». Таким образом, эта сказка – мифологическая стратификация вечных сил природы.

М. О. Ауэзов был прекрасным знатоком казахского фольклора. Если такое прочтение уместно, то в рассказе великого писателя мы увидим парадоксальное переосмысление вышеприведенного мифа. Тотем, прародитель – волк, трансформируется в хтоническое существо, его роль осмыслена двояко и не в его пользу. Темное начало в образе волка становится доминантным, и эта трансформация говорит не о зловещей роли Коксерека, а о другом: что отделился от природы и от ее вечных сил – именно человек. В народной сказке мальчик спасается, в рассказе М. О. Ауэзова – погибает. В сказке погибает пес, в рассказе – от зубов собаки и ножа охотника находит конец именно волк. Десакрализация и демистификация образа волка в рассказе М. О. Ауэзова находят логическое завершение и оформляются в философеу.

Мальчик Курмаш – трагический герой рассказа. Потенциально этот герой – велик, несет в себе нравственное содержание большого масштаба. Попытка человека полюбить природу, жертвенно бороться за нее, найти с ее силами новый союз, – разве это не парадигма нового пути, пути сердца и любви? Мировая литература 20 века изобилует такими сюжетами, и отнюдь не зря. Путь силы и жестокости исчерпал себя. На этом пути не выжить ни человеку, ни природе. Необходимо вновь осознать, что природа – вечная и единственная мать человека, то лоно, которое дает человеку все: и пропитание, и красоту, и отдых, и воздух, которым он дышит. Другой планеты человеку пока не дано. Природа же в высшем духовном смысле, в аспекте просветления человека, когда он подвигается обрести единое монистическое сознание, это – Пуруша, Адам Кадмон, следовательно, только в высшей духовности люди смогут обрести мир между собой, расами, этносами, религиями, государствами.

Вспомним, что именно этот рассказ М. О. Ауэзова натолкнул другого великого тюркского писателя – Ч. Айтматова написать свое бессмертное произведение – повесть «Белый пароход». Ч. Айтматов реализовал парадигму одухотворения связей чистого человека (ребенка) и природы, сюжет, который в потенциальном виде узрел в рассказе М. О. Ауэзова «Коксерек».

Исходя из таких сложностей идейного содержания рассказа М. О. Ауэзова, мы должны понять, насколько важно передать эти смыслы в переводе. Обратим теперь внимание на перевод А. Пантелеева.

Какова же переводческая стратегия А.Пантелиева? Это можно выяснить только после детального анализа путем сопоставления строк оригинала, перевода и подстрочника (подстрочный перевод наш – А.Ж.)

Оригинал начинается словами:

Қараадырдың қарағанды сайы елсіз. Айналада қабат-қабат шұбар адырлар. Жақын төбелердің барлығын аласа боз қараған, тобылғы басқан.

Подстрочник: *Балка у самых Черных холмов, заросшая караганом, безлюдна и пустынна. И сторожат ее лишь серые увалы, опоясавшие ее со всех сторон пестрыми склонами. Насупленные их вершины сплошь покрыты темно-серым караганом и невысокой таволгой.*

Перевод А. Пантелиева: *Большой овраг близ Черного холма безлюден, но хорошо известен пастухам окрестных аулов. Из этого оврага нередко приходит беда.*

Қараадыр – в казахском языке это не обязательно Черный холм. Скорее – обширная пустошь,

дикое безлюдное место, цепь косогоров или увалов. Место, где живут волки, не может быть рядом с аулами. Напротив, – аулы – в пределах однодневного перехода волка, или что-то около 20-50 километров. Сай – это тоже скорее не овраг, а лощина, урочище, балка. Таким образом, очевидно, что в оригинале пространство, нарисованное писателем, достаточно обширно, масштабно, живописно, хотя по краскам – мрачноватое. По переводу Пантиелева мы видим вставочные предложения – *...но хорошо известен пастухам окрестных аулов. Из этого оврага нередко приходит беда.* Они либо домыслены переводчиком, либо взяты из последующего контекста.

Оригинал: *Сай бойында май айының салқын лебі еседі. Бастары көгеріп, бүрленіп қалған қалың қараған жел лебімен сыбдыр-сыбдыр қағып теңселіп, ырғалып қояды. Маңайдан жуалардың, жас шөптердің иісі келеді.*

Подстрочник:

Майская прохлада сквозит по склонам балки. И шуршат, поскрипывают под ветерком зазеленевшие, бурые ветки густого карагана, подрагивают и чутко трепещут. Плывет вниз терпкий запах сочной травы и дикого лука.

Перевод А.Пантиелева:

Черный холм, точно меховой шапкой, покрыт низко-рослыми кустами караганника и таволги. Верхушки караганника бледно, нежно зеленеют – на них раскрылись почки. Овраг сплошь зарос шиповником. Под его колючим пышным ковром скрыты волчьи норы.

Анализ перевода показывает наличие вставочных предложений: *Овраг сплошь зарос шиповником. Под его колючим пышным ковром скрыты волчьи норы.* Они взяты из последующего контекста, но с существенным изменением. В последующем тексте оригинала сообщается, что шиповником заросло только место под небольшим отвесным обрывом, где и находится волчье логово. То есть, переводчик определенно изменяет черты ландшафта, нарисованного М. О. Ауэзовым. И эта тенденция заметна по всему тексту перевода. Уже на первых двух страницах рассказа мы насчитали более десяти вставочных предложений. А в одном фрагменте – целый вставочный абзац:

Стих в овраге конский топот. Матерый черногорбый волк и белая волчица с двух сторон подошли к лежащему пластом волчонку и свирепо оскалились на него, а затем друг на друга. Волчица схватила волчонка и скользнула вверх по оврагу. Волк высокими, летучими прыжками понесся за ней.

Всех этих подробностей в оригинале нет. Это, конечно, домысел переводчика, и на наш взгляд, неоправданный. И вот почему. В переводе Пантиелева мы усматриваем отсутствие достаточно многих фрагментов и предложений из оригинала, почему-то не переведенных. Остается догадываться, почему они были проигнорированы, так как в оригинале они несут важную смысловую нагрузку. Например, не переведено следующее предложение из страницы 5 оригинала:

Осымен жүріп жаз ортасы ауган кезде, Көксерек зіңгіттей көк шолақ қасқыр болып шықты.

Подстрочник:

Шло время, и когда перевалило за середину лета, Коксерек незаметно вымахал в рослого куцехвостого волка.

Особенно важна такая деталь – *куцехвостый*. Она указывает не только на генетическую связь – родитель Коксерека тоже куцехвостый волк, но и является важной экспресмой в обрисовке образа волка. Постоянно указывается, что он *куцехвостый, горбатый, сгорбленный, вздыбленный* и т.д. Все эти черты отличают волка от образов собак, обрисованных в рассказе.

Дальнейший анализ показал, что А. Пантиелев почему-то существенно сократил многие эпизоды из совместной жизни Коксерека и белой волчицы. Некоторые детали из этих картин важны в оригинале. Они говорят о прекрасном знании писателем обычаев и повадок волков, создают полноту анималистической жизни природы, наполняют повествование драматизмом. В тексте оригинала, эмоционально оттененные выраженным сопереживанием, данные сцены придают ситуации гибели белой волчицы особое значение в сюжете, а также объясняют логику последующих действий Коксерека, особенно – мести по отношению к человеку. Исходя из философии рассказа, переводчику следовало бы более корректно и внимательно отнестись именно к фрагментам, где писателем очень тонко и выразительно описываются перипетии «любви» Коксерека и его жизни с белой волчицей.

Бросается в глаза и то, что переводчиком упущены некоторые этнолингвистические реалии. Например, в начале рассказа показано, что волчица лежит под кустом травы *сасыр*. Это особая, чрезвычайно пахучая трава, не относящаяся к кормовым. Она как бы подчеркивает, как и кусты карагана, таволги, шиповника, пространственную отчужденность, отдаленность и дикость этого

места, где находится логово волков. В переводе А. Пантиелева мы видим, что *волчица лежала на солнцепеке под высокими метелками конского щавеля*. Конский щавель имеет свое название на казахском языке – *қымыздық*. *Сасыр* и *қымыздық* – это совсем разные травы, каждый из этих слов создает свой колорит.

Не найден эквивалент и другой важной реалии, которая прозвучала из уст отца Курмаша по отношению к Коксереку. В оригинале:

– *Туу, мына кәпірдің екі көзі жап-жасыл боп кетіпті-ау, тұқымың сезген екен мына жүзіқара; қой, балам, енді мұны өлтіріп, терісін алайық, - деп еді.*

Подстрочник:

Ту-у-у, смотри, как блестят зеленым огнем глаза этого неверного! Нечисть он и есть! Выхода, сынок, нет, надо его пристрелить и снять с него шкуру.

Перевод Пантиелева:

– *Ого! Сказывается порода, – сказал Курмашу отец. – Глаза-то у зверя зеленные-презеленные, днем горят. Пора, сынок, пора содрать с него шкуру.*

Из приведенных отрывков видно, что А. Пантиелев не перевел важные слова-определения: *кәпір*, *жүзіқара*. Смысл их дан в подстрочнике: *неверный*, *нечисть*. Хотя буквальный смысл слова *жүзіқара* – *темноликий* (то есть тот, у которого лицо черное, существо изначально порочное, злое, тот, которого невозможно переделать, изменить воспитанием). Но поскольку у этой реалии нет в русском языке эквивалента, мы передали смысл слова синонимом – *нечисть*. Слова эти прозвучали в устах отца предостережением. К сожалению этот рефрен опущен переводчиком.

В начале рассказа мы видим более 9 вставок объемом около одной страницы, что говорит о серьезной переводческой интерпретации – то есть трансформации сюжета оригинала.

Подверглась трансформации и кульминация рассказа, где описывается встреча волка и его хозяина – мальчика Курмаша. Эта сцена важна во всех отношениях, ибо здесь находят логическое завершение смысловые, философские линии произведения. В оригинале здесь обыгрывается мотив неузнавания друг друга мальчиком и волком. Эта линия последовательна, и именно она является основой трагического финала – развязки отношений Курмаша и Коксерека. Мотив неузнавания подчеркивается и усиливается в оригинале использованием не имен собственных, а нейтральных слов, обозначающих действующих лиц: *қойшы (пастух)*, *бала (мальчик)*, *волк* – так маркируются участники драматической сцены. И уже когда действия достигают пика, вновь появляются имена: *Қурмаш* и *Көксерек*. В оригинале мальчик узнает Коксерека в мгновении перед гибелью:

Басына таман арандай ашылып кележатқан ауыздың жоғарғы жағында өзіне таныс құлақ көрінді. Сол жақтағы тілік құлақтың жартысы салпылдап тұр. Ақырғы сезген-білгені – сол...

В переводе А.Пантиелева мальчик узнает волка еще до падения с коня, преследуя его:

Привстав на стременах, потрясая дубинкой, он вопил во все горло, захлебываясь:

–...он...ерек! ...ок...ерек!

Кроме того, это предложение является вставочным, в оригинале не сообщается о таких действиях мальчика. Переводчик «вооружает» мальчика и *тяжелой, непослушной дубинкой*. В оригинале же говорится о легкой палке: *...Көксеректің жотасына женіл ағаш сарт етіп тиіп қалды. Кроме того, в оригинале сцена дана через волчье восприятие и здесь фигурирует важный психологический мотив: Туғаннан бергі барлық көресі осыдан – екі аяқтың дегендей, жығылып домалап жатқан балаға тап берді. Оқыс секіргенде, санының жарасы ашылып, тыз етіп ашып қалып еді. Ол бұрынғыдан жаман ызаландырып, құтыртқандай.*

Подстрочный перевод:

Будто осознав, что с самого рождения причиной всех его бед был именно этот двуногий, он набросился на мальчика, барахтающегося на земле. Во время внезапного прыжка рана на ляжке открылась, и его резануло острой болью.

Этого важного мотива нет в переводе А. Пантиелева. А ведь именно он во многом объясняет заключительный прыжок волка на мальчика – бывшего хозяина. В переводе мы видим вымышленные красочные детали, которых нет в оригинале:

Серый Лютый свирепо схватил ее (дубинку – А. Ж.) клыками и мгновенно переломил надвое. Затем повернулся и, прижав уши, словно улыбаясь свирепой волчьей улыбкой, немо кинулся на мальчика.

В оригинале сцена гибели мальчика обрисована реалистично, фигурируют и натуралистические штрихи: в повторном прыжке на мальчика, когда тот уже мертв, волк ударом клыка вы-

рывает ему глаз и, удаляясь, проглатывает. В романтизированном по духу переводе А.Пантиелева волк ударом клыка распарывает щеку мальчика. Это существенная трансформация сцены гибели мальчика. Не забудем, что в национальной эстетике казахов – глаза, и не только человека, но и архетипических животных – это метасемантический маркер, по крайней мере – символ. В концепции автора-повествователя – тем самым ставится точка в отношениях, и символизируется неизбежная гибель и самого волка. С гибелью мальчика исход событий предreshen – на Коксерек находится сила (нашла коса на камень – А. Ж.) Это знаменитый охотник Хасен со своим легендарным волкодавом Аккаскай. Это именно волкодав, и в оригинале всячески данное обстоятельство подчеркивается. Например, указывается, что за две зимы Аккаскай взял шесть волков, за нынешнюю зиму – два. В переводе А. Пантиелева порода собаки почему-то определяется – борзой пес. Здесь серьезная неувязка в реалиях, ибо борзые у казахов не предназначены для драки с волком, для погони – да. Казахская гончая – это легкая и быстрая собака. Она не может взять матерого волка. М. О. Ауэзов это прекрасно понимает и указывает, что Аккаскай был волкодав, привезенный откуда-то издалека, возможно, из-за пределов казахской степи.

В оригинале сцены погони, схватки волка и волкодава занимают 9 страниц, и это едва ли не лучшие сцены произведения. Здесь прекрасно, в лучших анималистических традициях, обрисовываются правила национальной охоты на волков, воспитания и тренировки волкодавов. Это весьма колоритные, рельефные картины, насыщенные психологизмом, с выраженной экспрессией. Они рассчитаны на восприятие читателя, возможно, степняка, понимающего, что-то такое охота на волков и тренировка гончих псов. Всего этого, увы, в переводе нет. В переводе А. Пантиелева сцена охоты на волка резко утрирована и романтизирована. Сцена охоты занимает всего 3 страницы. Таким образом, в концовке рассказа переводчиком подверглись сокращению 7 страниц оригинала. В начале рассказа – 2 страницы.

В оригинале погоня и драка пса с волком – необычайно выразительные, пластичные сцены, вылепленные как бы в скифском зверином стиле. Здесь художественный дар М. О. Ауэзова проявляет себя особенно сильно. К сожалению, всего этого в переводе нет по той причине, что сокращению подверглось критически важное количество текста.

В финальной сцене рассказа, в оригинале, – волка убивает ударом ножа табунщик Бейсенбай. В переводе А. Пантиелева – охотник Хасен. Обращает внимание и такая деталь оригинала: отец Курмаша после гибели сына требует от своего родича – охотника Хасена, чтобы тот непременно добыл волка и бросил к его ногам, чтобы он мог вырвать зверю-убийце глаза, иначе Хасен ему не родственник. Не забудем, что для казахов старого аула такой акт, как разрыв родственных отношений был равносителен проклятию. Почему вновь звучит такая деталь, как глаза, причем в новом смысловом оформлении? Интерпретировать это можно по-разному, одно ясно – лейтмотив не случаен, он подчеркивает некую важную мысль о метасемантической роли *взгляда как столкновения души* в отношениях человека с человеком, человека с природой. Слова могут обмануть, обмен словами в мире людей, это чаще всего – маскировка намерения. Но глаза обмануть не могут, они – свидетели истины.

В качестве вывода следует отметить, что перевод А. Пантиелева – это вольный перевод. И это по той причине, что почти третья часть текста оригинала не переведена, в переводе имеются многочисленные вставочные предложения и фрагменты с вымышленными сценами. По духу этот перевод – романтизированная интерпретация оригинального сюжета, значительно отступающая от концепции автора произведения. Идейное содержание произведения подверглось аберрации.

Об этом говорит и вольный перевод названия произведения. *Коксерек* означает не *Серый Лютый*, значения слова *серек* – особенный, исключительный, необычный, всегда настороженный, бдительный, готовый дать отпор и др. Поскольку эти значения трудно вынести в заголовок, мы решили перевести название словом *Матерый*, ибо по всему содержанию рассказа речь идет именно о матером, необычно мощном и крупном волке.

Литература:

1. Мұхтар, Әуезов. Повестер – әңгімелер. – Алма-Ата, Мектеп, 1983.
2. Мухтар, Ауэзов. Повести и рассказы. – Алма-Ата, 1984.
3. Жаксылыков, А. Ж. Проза М. О. Ауэзова 20-30-х годов (Психологизм, конфликт, повествовательные формы). – Алма-Ата, 1984 г. – дисс... канд. филол. наук.

Клара ТУРУМОВА-ДОМБРОВСКАЯ

В сентябре 2010 года исполнилось бы 70 лет филологу, поэту, переводчику Тамаре Михайловне Мадзигон (1940-1982). Она родилась и жила в Алма-Ате. Закончила КазГУ им. С.М.Кирова и аспирантуру МГПИ им. Ленина. С 1967 года преподавала на кафедре русской и зарубежной литературы филологического факультета КазГУ. Редколлегия журнала помещает неопубликованные воспоминания о ней, из готовящейся к изданию книги избранных поэтических произведений и научных статей.

Клара Файзуллаевна ТУРУМОВА-ДОМБРОВСКАЯ – филолог, литературовед. Родилась в Алма-Ате, закончила КазГУ им. С.М. Кирова. Живёт в Москве. Хранитель архива писателя Ю.О. Домбровского.

Нам двадцать лет

Всегда было много голубого неба и солнца. Это же была Алма-Ата, наш необычайный город! Небольшой яблоневый сад возле дома Тамары казался огромным. Зимой мы оттуда возили на широких домашних санках в горы-прилавки её братьев-близнецов Вовку и Сашку. Все в телогрейках и шароварах носились с крутых горок, Тамарка была смелая. Приходила ранняя весна, и мы с ней вдвоём отправлялись за подснежниками и долго там бродили.

Сад под окнами поверенный её дум, герой её юношеской лирики:

*Здесь раскрытые окна
И высокое небо,
Здесь прозрачное солнце
На детских руках,
Здесь искрящимся соком
Наполнены стебли...*

*И ещё:
Отцветающей веткою
Машет мне сад,
Никогда, никогда
Не вернусь я назад.*

Это стихи из зелёной общей тетради, какую мне Тамара подарила к двадцатилетию. На её обложке: «Если собираешься потерять, не дожив до космической старости, скажи сразу – отберу».

Прошло почти полвека. Тетрадь не потеряла, Тамары вот только нет.

Обложка исписана вся:

«А автор, судьбу проклиная (Боже, где ещё есть столь неосмотрительные и беспечные девушки, рождающиеся перед самой сессией!), писал эти строки Тебе».

*Поучение
Зеленело дерево
Мир с ним не был грубым
Только с плодом первым
Оказалось Дубом.
Мораль: Не упоДубляйся!*

Тамара в ночь исписала всю тетрадь, но как начала твёрдым ясным каллиграфическим почерком, так и закончила. Почерк, каким мы всегда восхищались – красивый, великолепный, похожий на неё!

Тетрадь начинается с самых ранних, написанных в семнадцать лет стихов. Тамара часто говорила о своей крестьянской, «степняцкой» сущности. Она не подражала Есенину, она просто так

воспринимала мир и себя:

*Золотится даль степная,
Солнце льёт свою теплынь.*

Эх, душа моя без края!

Эх, душа моя полынь!

Или:

*Я совсем загубленный
Совестью бесстрастною...*

Непомерные страдания, загубленность–замученность, это, конечно, не из её вполне благополучной тогда жизни, это просто её ощущение мира, думы о нём, её поэтическое видение.

А самой ей, Тамаре, так хочется дарить радость и счастье и Ему, и друзьям, и миру:

Послушай, разве я не праздник

Среди больших твоих забот...

Или вот строчки из очень хорошей Тамариной книжки для ребят: «Зелёное сердце»:

В этом доме

Праздник съели.

Пожевали, похрустели,

По углам уныло сели.

Я с утра ещё не ел –

В нашем доме

Праздник

Цел!

Праздник – это о ней, красивой и весёлой, о доме, о её саде, где мы пропадали с утра до вечера.

Мы учились с Тамарой в одной школе и одном классе, но тогда у каждого была своя жизнь. Подружились мы с ней перед первым курсом в колхозе, на целине. Мы, студенты-филологи Казахского университета, «поднимали» её, кажется, четыре раза: ездили на уборку зерна в Целиноградскую, Кокчетавскую и ещё какую-то область.

День и ночь, день и ночь

Едем мы в телятниках,

День и ночь, день и ночь,

Едем в грязных ватниках.

Отдыха нет студенту...

Но, работая в ночную смену на приёмке зерна, ты зато мог сразу понять, кто с тобой рядом.

До сих пор помню чёрные от пыли, с марлевыми повязками физиономии Тамарки и Людки-Енисейки. Мы честно «вкалывали» и не филонили.

Оказывается, поваром быть ответственно и рискованно! Особенно, если предложили «обеспечить трёхразовым питанием» бригаду журналистов-строителей, едущих на отгон, а ты до этого дома совсем не готовила. Это было уже наше второе целинное лето. Нам с Тамарой надоело не высыпаться, работая в ночную смену, и мы с удовольствием поехали с ними. Почему-то никого не смущало, что обе мы были «маменькины дочки»: выручали горячие борщи, горячие влюблённости и горячие степные закаты. Экзамен кухней и общим неумением мы выдержали.

Может, это расстояние в полвека, но не помню, чтобы мы «выясняли отношения», ссорились с Тамарой, хотя обе были задиристые и с характером. На отгоне мы научились с ней даже водить грузовик и пару раз сгоняли в Целиноград. Очень он нам тогда не понравился. Сейчас, когда мне рассказывают о нынешних небоскрёбах новой столицы, не могу поверить.

На первом курсе мы уже были «троицей», и к нашему саду добавилось ещё одно чудо – гостеприимная комнатка – удивительный Дом Варшавских. Енисейка и её родители – Любовь Александровна и Лев Игнатьевич – жили в цокольном этаже бывшей гостиницы «Алма-Ата», ставшей общежитием для работников искусств.

Ко Льву Игнатьевичу, бывшему выпускнику Международного факультета Ленинградского университета, публицисту, обозревателю центральных газет, жившему с 1939-го года в Алма-Ате, приезжали друзья из Ленинграда, Москвы, приходили писатели и историки, художники, артисты. Лев Игнатьевич любил, понимал и знал искусство. Мы как раз учились на II курсе, когда к Декаде Казахской литературы и искусства вышла в Москве его книга «Искусство Казахстана».

В маленькой комнатке было много книг по истории искусства, альбомов, на стенах висели картины В.В. Теляковского. При нас готовился сценарий фильма об Алдар-Косе с Шакеном Аймановым в главной роли. Он был частым гостем подвала. Иногда встречались с ним прямо у окна: он так же, как и мы с Тamarой, заходил в окно апартаментов Варшавских прямо со двора.

Мы с Тamarой пили чай, слушали беседы и убеждались: это любим! это чувствуем! это понимаем! Но очень мало знаем.

А потому книги были всё время с нами.

Из моего письма Юрию Домбровскому

«... я сейчас усиленно стараюсь уметь. Во-первых, я читаю «Подводя итоги» Моэма. В 20 лет рано подводить итоги, но я всегда этим занималась. Книга совершенно настоящая. Очень откровенная и умная. Ещё я читаю Хемингуэя и на очереди Р. Роллан. Р. Роллан у меня белое пятно, ничего не читала, кроме статей о Шекспире. Томка сейчас читает Жана-Кристофа и то и дело зачитывает мне по строчке. Сейчас я пришла на лекцию, а для меня готова закладка». 1960 г.

Отец Тamarы, Михаил Васильевич Мадзигон, преподававший у нас «зарубежку», сам пристроил к своему дому большую комнату, поставил стеллажи, и вдруг оказалось, что книг много-много, всех веков и народов!

Из моего письма Юрию Домбровскому

«... а сейчас я сижу у Тamarы – отпросилась ночевать. Она лежит и читает Блока.

Лежит тут же сборник стихов Риммы Казаковой:

И всё у нас с тобой рискованно,

И всё у нас наверняка...». 1960 г.

Из письма Юрия Домбровского

«... В Томкиных стихах есть неплохие места.

Знаешь, спиши мне несколько лучших и пошли, а я покажу настоящим поэтам, может быть и заинтересуются «маленькой змейкой на снежной горе». Но скажи Т.: «Блок-то Блок, да сам будь не плох. Это основное». 1960 г.

И в другом письме, ещё раз предостерегая от подражания и погони за красотой, пишет вполне определённо:

«... в том, что она талантлива, в том сомнения у меня пока нет».

Из моего письма Юрию Домбровскому

«... пожалуй, самое страшное – непонимание. Мы не умнее и не лучше других. (Мы – это мы с Тamarой). Так только то, что для нас есть влажный сад и камни, которые поют, что мы живём чуть-чуть не в наше время, что для нас все – и Ремарк, и Грин – наша жизнь...

А ты как раз этого не хочешь.

Читали допоздна с Тamarой стихи в папке, что ты оставил. Марина Цветаева понравилась по-настоящему. Скоро папку унесу Ал. Лаз. Жовтису».

Юрий Осипович присылал стихи М. Цветаевой из Антологии «Русская поэзия XX века» Ежова и Шамурина (1925) или переписывал ещё откуда-нибудь ещё до выхода её однотомника, который всё никак не решались выпустить в Гослитиздате. Трагический мир поэзии Марины Цветаевой стал для нас с Тamarой открытием, откровением. Осип Мандельштам пришёл к нам позднее. Тамара много читала и любила стихи А.А. Ахматовой, Н. Гумилёва, И. Анненского.

Творчеством поэта Павла Васильева, репрессированного и погибшего в 1937-м году, Тамара стала заниматься не случайно: в ней жило обострённое чувство справедливости. Это была ещё не диссертация, литературоведческая работа, а рассказ о борьбе за поправленную свободу, достоинство и честь.

Кому мне последнее слово сказать?

И мне

Кто последнее слово скажет?

Прищурены резко

солдат глаза

И череп,

и сердце

взяты под стражу.

«Расстрел» – одно из самых сильных и лучших стихотворений Тамары. Оно, написанное ещё в студенческие годы, ясно сказало о возмужании и зрелости поэта.

В зелёной общей тетрадке лежит несколько листов со стихами Тамары, в разное время написанными, в разное время присланными.

Совсем раннее:

*Ты с собой принесла эту синь,
Эту лёгкость осеннего неба,
За тобой шевелится полынь,
Распрямляя примятые стебли.*

Я когда-то переживала каждую строчку её нового стихотворения и думала: это обо мне! Но это, конечно, и о себе, и о Есенине, и о юности, это тот дар «сопереживания», «вчувствования», соучастия, какой был у Тамары. Ведь она была Поэтом!

И другой дар был у неё – дар дружбы.

К ней тянулись, она притягивала, её любили. Сейчас о таких говорят: «Мощная аура!», «Редкая энергия», «Удивительная харизма!»

Сразу захотелось услышать наши привычные, человеческие слова, и я потянулась к своему маленькому расписному сундучку с письмами. Тамариных много – из Москвы и в Москву, о самом разном в разное время. На дне сундучка письмо без конверта, её узнаваемый почерк – письмо из Москвы перед поступлением в аспирантуру.

«Человеку для счастья нужно многое, мне – целая Москва и ещё вы, живущие где-то там, на краю света, знающие и помнящие меня, хорошие родные люди. Только бы поступить – и мне ничего пока было бы не надо.

В Алма-Ате похолодало? Не надо!

Желаю вам всем тепла, холод – мерзость.

Впервые мёрзну, не имея возможности согреться. От этого только веселее и необычнее. Всё же какая-то школа.

Ладно, время не ждёт. Помнишь, «по-быстрому»?

Я такая и есть.

Я вас ни на кого не променяю.

Люди вы мои, люди».

После защиты диссертации Тамара преподавала русскую литературу в нашем университете. Ей по-прежнему хотелось, чтобы поэтов, хороших и разных, было больше, и она вела «Поэтическую пятницу».

В эти годы мы переписывались с ней, я каждый год приезжала на месяц в Алма-Ату, и поэтому мы знали о трудностях и радостях друг друга.

Помню, наши общие переживания 1972 г., когда Тамару не избрали по конкурсу в университет, Юрию Осиповичу особенно не хотелось, чтобы она уехала из Алма-Аты.

В 1976 г. Тамара приезжала на курсы повышения квалификации в Москву, и тогда они с Юрием Осиповичем окончательно подружились.

В эти дни Праздника Победы Иван, сын Тамары, подарил мне вместе с огромным чудесным букетом две книги – недавно вышедшую антологию поэзии «Мадонны Турана» и, по-моему, очень талантливую неожиданную книгу стихов «Четыре» Веры Савельевой, доктора филологических наук, бывшей ученицы Тамары.

Напечатанное в антологии стихотворение «Движение к облаку» Тамара в июне 1978 года послала вместе с письмом после кончины Юрия Осиповича нам с мамой в Москву:

*Я знаю, что он ничего не просил
Имел только то, что даётся от Бога –
Упрямую мысль и спокойствие слога.
Особый запас человеческих сил.*

Ей и в конце своего жизненного пути так хотелось отвести беду от друзей, чтобы у них нашлись силы, чтобы зазвучали стихи, чтобы Праздник пришёл.

Май, 2008 г.

Валерия Константиновна СОКОЛОВА – филолог, искусствовед. Родилась в Алма-Ате, закончила КазГУ им. С.М. Кирова. Работает хранителем музейных экспонатов в Государственном академическом русском театре драмы им. М.Ю. Лермонтова города Алматы.

Возвращаясь к былому

Дом, сад на улице Дачной, район, известный алма-атинцам под названием «Компот», остался в памяти днями нашей юности, кругом близких дорогих, любимых людей.

В этом ветхом строении из двух комнат с верандой жила Надя Петряева, моя подруга. По-знакомилась ещё в школе. Потом был университет имени С.М. Кирова. Большинство из тех, кого встречала и приветчала потом на Дачной Александра Дмитриевна, Надина мама, в разное время учились и закончили кто филологический, кто журналистский факультеты. А Тамара Мадзигон была уже Тамарой Михайловной, учила студентов любить литературу, слышать слово, понимать стихи:

*Я людям Пушкина читаю.
Слова напевные звучат,
И голос Пушкина и взгляд
Стихом известным оживляю
И каждым образом его
Хочу добиться своего.*

*И не щадя души для дела,
Стремлюсь подробно и умело
Смысл красоты им объяснить,*

*Всё охватить и расчленишь:
Закон строенья, звуков пенье,
Великой мысли напряженье.*

*Следя за пушкинским мышленьем,
Пытаюсь я установить,
Что означает вдохновенье,
Кто, нежный, скрыт в местоименье,
И трезвый ум его сравнить
Почти с божественным прозреньем.*

Возвращаясь к былому и думая о Тамаре, прочитала совсем иначе, чем когда-то, «Солнечный ветер». Стихи – прекрасны. Вижу её, слышу «звуков пенье» и чувствую их красоту. Сижу одна и вслух читаю.

Мои воспоминания о Тамаре я бы назвала impressions (впечатлениями), они – эпизодичны и праздничны. Чаще это было на Дачной. Мы – в гостях, молодые и весёлые. Стол, вино, плов с изюмом – коронное блюдо Александры Дмитриевны. Надя была уже замужем за Юрой Егоровым. И всем им нравилось видеть нас вместе и поврозь. В доме бывали жившие по-соседству Галя Скворцова и Слава Каморский, Адольф Арцишевский со Светой Ласуковой, Инна Рыбакова и Андрей Дячкин, Тамара Калеева, Витя Бадиков и Наташа Белова, Тамара Мадзигон и Сергей Шубин, и многие другие заходили в этот гостеприимный дом.

На одной из наших встреч Тамара читала Павла Васильева, своего любимого поэта. Она наслаждалась, хорошела и сияла в мелодии стиха. В её ярких карих глазах был восторг, мне казалось, ещё и от своей причастности к литературному, поэтическому цеху, что ли. Она тоже – поэт.

В начале шестидесятых все читали самиздатские книги, слушали магнитофонные записи. Студенты валом валили на встречи с писателями, которые происходили в университете.

Тогда имя Александра Галича только-только стало слышно в городе, а может, Сергей и был первым, кто привёз из Москвы его песни. По этому поводу и собрались. Говорили о столичных новостях, о том, о сём, и вот – речитативом, в полголоса, – Шубин стал читать Галича. Стихи были необычайно щемящи, будоражили, смешили, завораживали. «...А девчоночка эта с Охты, и глаза у ней – цвета охры. Ей домой бы бежать к мамане, а она балуется шампанью...».

Обвожу всех взглядом, какие, думаю, красивые люди. Тамара. Как она смотрела на Сергея! И Галич был тут не причём. Мне казалось, что в музыке стихов и голосе мужа она видела не сиюминутного Сергея, а своего избранника. И были в этом взгляде и гордость, и любованье, и благодарность. Так много говорило её вдохновенное лицо, что, переведя взгляд, я подумала, как она его любит!

И вдруг – новость: Домбровский и Галич в городе. Не знаю, кому первому пришла мысль пригласить их на Дачную, но сделать это могла только Тамара Мадзигон. Так сказать и так позвать, что они пришли. И был вечер и летняя ночь, сад. Галич с гитарой, Домбровский, взлохмаченный, такой живо-

писный. Тамарины сияющие глаза, и все мы, очарованные, возбуждённые происходящим, слушали, говорили, острили, шутили. И, между прочим, Галич сказал: «Я знал, даже когда повода надеяться не оставалось, верил, что будет когда-то праздник, стихи, красивые женщины, вино, звёзды, как сейчас».

Помню Тамару весёлой, озорной даже. Как-то зашёл разговор о ненормативной лексике, о соответствующих словарях, шутили про то, как велик и могуч русский язык. И тут Тамара пропела частушку. Привести её не могу – уж больно солона, но все слова были на месте – не прибавить, не убавить. Оценили. За смелость и талантливое исполнение. Филолог пел. Было очень забавно.

Не могла представить себе Тамару унылой, мрачной. Даже о ситуациях, которые задевали её сильно, рвали сердце, говорила жестко, едва ли не весело. Кратко, хлестко, образно она припечатывала гагар вполне нормативной лексикой. Ей было доступно наслаждение битвой жизни.

В квартире Тамары над рабочим столом висела фотография её доченьки, улыбающейся молочными зубами Леночки. Портрет, моей работы, родителям нравился. Как-то родители приходят домой, а с портрета смотрит такая же весёлая Леночка, только без переднего зуба. Он старательно закрашен чёрным карандашом. Испорчена фотография. Как? Зачем? Довольная произведённым эффектом Леночка пальцем показала им щербатинку в своём ротике и такую же – на портрете. Немая сцена. Мама – на руки и целовать талантливую кроху. Она уже – за правду жизни!

Намечалось издание стихов Тамары Мадзигон. Конечно, это – событие. Но время от включения его в план издательства до выхода книги можно назвать хождением по мукам. Сборник потом всё-таки вышел. А пока не было фотографии, портрета на первую страницу, решили поехать ко мне домой. Я тогда много фотографировала, были софиты, подсветы, задники, всё взаправду. Надя Петряева с Тамарой похохатывали, язвительно комментируя происходящее. Завесив покрывалами балконную дверь, устанавливали свет, громоздя на табуретки софиты. Потом долго усаживала «натуру» и, глядя в объектив, серьёзно настаивала: «Корпус правее, голову выше, а взгляд чуть вниз. Нет, нет! Только взгляд, и не застывать!» Опять умирали со смеху. Тамара ёрничала: «Главное, чтобы угол зрения точно был схвачен, это же для истории».

И вот поди ж ты, оказалось действительно для неё, истории. И эта, и другие книги стихов, сама Тамарина жизнь, и всё, чем жили мы десяток с небольшим лет до того, «что случилось, что стало в стране», – уже история, история страны, история нашего поколения.

Тамаре была отмерена недолгая жизнь

*Всё то, что ты слепил,
Что я нарисовала,
Оставит жизнь другим,
Как я ни сберегала.*

*Любимейших вещей
Так вылеплено мало,
И я карандашей
Цветных
Не исписала!..*

Она прожила свою жизнь стремительно, взхлёб, ярко. Не каждому дано так. Как пел Б.Окуджава: «Ведь что мы сами, господа, в сравнение с дамой той прекрасной, / и наша жизнь, и наши дамы, господа?»

Ушли из жизни Надя Петряева и её мама Александра Дмитриевна. Через несколько лет после смерти Тамары вышел сборник её стихов. Он назывался «Контур счастья». И Виктором Бадиковым, уже известным литературоведом, был опубликован очерк «Контур жизни Тамары Мадзигон».

А сейчас передо мной книга, с обложки которой спокойно и умно смотрит теперь Виктор Бадиков, закрывший навсегда глаза. Как вспышка молнии – погиб в автокатастрофе. Редет круг близких людей.

Сборник под названием «По гамбургскому счёту» с подзаголовком «Творчество. Жизнь. Голоса друзей» был собран и издан стараниями его друга Адольфа Арцишевского, известного писателя и поэта, жены Виктора – Валентины Николаевны Бадиковой и нынешних друзей Виктора. Четыреста страниц сборника, куда вошёл и «Контур жизни Тамары Мадзигон», его однокурсницы по университету и друга по недолгому земному бытию, – тоже контур жизни – жизни Виктора Владимировича Бадикова, доктора филологических наук, профессора, ведущего литературоведа и критика Казахстана. Эти контуры, пересекаясь и дополняя друг друга, хранят рисунок картины интеллектуальной жизни города, её высокий строй, глубокий смысл.

2009 г.

Василий МУРАТОВСКИЙ

Муратовский Василий Алексеевич, 1959 года рождения. Мама казашка, отец русский. Родился и живет в Алма-Ате. Закончил десятилетку, работал бетонщиком, служил в армии, окончил первый курс исторического факультета КазГУ. Успешно закончил филологический факультет АГУ им. Абая, в дипломной работе изучал творчество О. Мандельштама. С 1990 года публикуется в казахстанских литературно-художественных журналах. В 1992 году в Алма-Ате вышел сборник стихов «Пою, как пел, безумно бел...», в 2000 году – книга стихов «Сквозь цементный росток», в 2008 – «Корни и кроны».

Зависть

Эту зависть, змеящуюся корнями, чьи рукопожатия держат шар земной на весу,
я несу Вам - не приятели, не друзья, но берущие сердце объятьями крови,
поэтического, на русском, кругосветного трёх степеней времени языка...

Вы – моё тайное бремя,
родника с Геликона струеньем
через века
мерно бьющие в темя.

Завидую вамам этрусским в Ваших не узких глазах
и арсеналу систем, взятых Вашим сознанием прочно,
мы знакомы заочно в аудитории бдений всенощных моих,
между вспышками вдохновений.

Не подпадающую под меру известных определений
сферу стихотворений
держат на дистанции Вам безопаснее –
веру свою
одиноким ветвлением новым
от общих корней –
длю и длю...

Верности Вашей завидую –
необновлённому
слову.

* * *

Там, в саду младенческого глаза,
не смолкает пенье просто птиц,
на столе стоит простая ваза,
а вокруг – сиянье просто лиц.

И проста мелодия над садом,
и просты деревья и плоды,
но зато совсем не пахнет адом,
и во всём – незнание беды...

И играют там простые дети,
на простую речку вновь бегут,
просто улыбаются соседи
и друг другу что-нибудь дают...

* * *

Притворяться – труд неблагодарный,
как ни притворяйся – обнаружишь
личное участие в притворстве.
Если я играю в стихотворца
тридцать лет из сорока восьми прожитых,
матерея в гибельном упорстве,
сам себя втирая в злое сито
задаваемых себе вопросов –
может быть за этим что-то скрыто?
Варианта два: 1) вполне возможно,
я – поэт для пониманья сложный,
но ведомый вдохновенной силой
сквозь непонимание могилы...
или же: 2) я просто – психбольной,
сам себе внушивший путь пиита,
чья строка не ждёт ничьих прогнозов,
как родник в скале, незримо точит
вкривь и вкось могильный камень быта,
оставляя след извилистый, сквозной,
что судьбой пробойной кровоточит,
себя в небо, волей Божьей, прочит,
представляется себе – водой живой...
Мозг возвыситься невольно хочет
зримым только им единоборством
с наступившей на поэзию пятой
непритворно меркантильного проворства,
под эгидою степного горца,
правлящего стороной лесной.

* * *

...на кой рукой махну
хмыкну устало
жало жалости к жизни которой не стало при
жизни
загоню рогом смертных итогов
в овраги не втопанного погонями в грязь
идеала
ладони согрею в гроте где скалы – угли ками-
на в прочитанном «Идиоте»
что память застала
и Буонаротти начертит кресалом
по кремню уставшего сердца – ждать чистой
Дианы
сцены охоты на Афродиту в пасти Левиафана
хотите смотрите
сонетов по ранам из Казахстана
с наркотиками катренов терцинов не герои-
нов
идут караваны
с горбов кровных гор бьют по вымершим
некогда мазандаранским но в памяти выжив-
шим тиграм степные акыновские бураны
вы знаки расставьте так
как сердцем предвосхитите
и будет вам свет или мрак
не сумеете верно –
простите
этот циклонный цейтнот
букво-нотовой играм не искренним чуждой
игры
подключения к нотам женской мольбы
о счастье собой заслонённом
жданно-негаданном –
заданием на дом невыполненным
выпало если вдруг что-то
пройдите
иль поднимите
светом не мёртвым
звёздами выколотым
на коже словесной волею Божьей напетой
доисторической ворожбы
заговором исцелялись планеты
и половинки разбросанные по свету
мчась как кометы
искрами грели свои ледниковые лбы...

Зара ЕСЕНАМАН

Музыкант, популярная казахстанская телеведущая, журналист, литературный автор. Закончила аспирантуру им. Курмангазы по классу «скрипка». Стажировалась в Парижской Национальной Консерватории. Лауреат международных скрипичных конкурсов в Европе. Обладатель юношеской премии UNESCO. Лауреат международного конкурса молодых журналистов. Победитель конкурса телевизионных ведущих среди представителей телевизионных каналов стран СНГ – 1 место (г. Москва). Обладатель Гран-при международного конкурса творческой молодежи в номинации «Литература», за книгу «Хардкор», ставшую бестселлером и открывшую новый этап в развитии современной казахстанской литературы. По мнению журнала Time Out – Зара Есенаман была названа одним из потенциальных законодателей литературной молодежной моды Казахстана. Заинтересовала своим литературным проектом культового кинорежиссера Рашида Нугманова (Франция), который предложил автору снять художественный фильм по ее произведению.

Сочетать музыку и литературное авторство начала еще в детстве. С восьми лет она уже работала в детских печатных изданиях и вела детские программы «Мультзагадка» и «Золотой ключик» став «самой юной телеведущей на центральном казахском телевидении». В настоящее время, Зара Есенаман работает как автор, сценарист и ведущая цикла программ «Казахстан: Музыка гор и степей», создаваемых на базе Межгосударственной Телерадиокомпании «Мир» и рассказывающих о традиционной казахской музыке и культуре.

Не оставляет и музыку, в которой прошла немало конкурсов. Занималась с такими педагогами, как Айман Мусаходжаева (Нар. Артистка РК), Михаил Фрадкин (Германия), Татьяна Гринденко (Австрия), Владимир Спиваков (Россия), Гаухар Мурзабекова (Нар. Артистка РК).

В настоящее время является артисткой эстрадно-симфонического оркестра РК, записывает первый сольный альбом скрипичной музыки. Дебютный выход трека «Зимняя сказка», созданный совместно с известным композитором и аранжировщиком Максимом Кичигиным, был осуществлен на новогоднем телевизионном концерте звезд казахстанской эстрады в 2009 году и нашел самые яркие отклики от коллег-музыкантов и зрителей канала.

Весной этого года Зара планирует подарить читателям свою новую книгу. По форме и жанру, ее можно отнести к «поэзии в прозе» или «символическим эстампам». Это «открытое» произведение, допускающее художественную интерпретацию. В лучших традициях современного искусства, оно предполагает соучастие читателя в процессе выявления Главной Идеи и Сверхзадачи в произведении. Читатель разгадывает предложенные ему знаки и символы, наделяя их индивидуально-субъективным значением.

«Иными словами, я даю читателю паззлы, – говорит Зара, и он в соответствии с силой и глубиной своего воображения, собирает из них одну целую картину. В художественной концепции каждого эстампа, подобная картина существует, но я намеренно не даю программное описание, предпочитая, что читатель найдет для себя что-то свое, личное».

Хардкор

(отрывок из повести)

Поставив легендарный диск «Ok computer» Radiohead в плеер, и, одев наушники, я завалился в постель. В те минуты, я думал о Джаге. Вспомнил недавний разговор в классе и его, по меньшей мере, странный блеск в глазах. Звучала let down, и я просто мягко провалился в ее мерцающие звуки. Закрыв глаза, я увидел, будто мы с Джагой где-то в поле. Вокруг никого не было, только мы вдвоем. Нас окружали бесконечные холмы, утопающие в траве ярко зеленого цвета и низкие серые облака, которые летели с фантастической скоростью. Ветер приносил первые капли дождя, которые были, почему-то синими. Мы запускали воздушного змея. Джага побежал, разматывая бечевку, и змей постепенно набирал высоту. Я бежал вслед за ним, и где-то наверху Radiohead играли let down. Через несколько мгновений нашего бега наперегонки, змей исчез в серой массе неба, а у Джаги в руке остался лишь кончик веревки. Он отпустил его, но веревка продолжала висеть, раскачиваясь в такт музыке. Казалось, что змей застрял в густом облаке и не может больше двигаться. Тогда Джага снова взял кончик веревки и стал дергать его изо всех сил. Неожиданно, что-то наверху откликнулось, и веревка стала подниматься вверх. Джага, держал ее очень крепко и сначала повис в нескольких сантиметрах от земли, а потом медленно стал подниматься вверх, к серому облаку, которое засасывало веревку. «Смотри, Санж, я улетаю», растерянно улыбаясь, сказал он мне. Я, стоявший в шаге от него, не мог пошевелиться, и просто смотрел, как он уходит все выше и выше, словно воздушный шар, наполненный гелием. Держась за веревку двумя руками, он медленно поднимался вверх, словно какая-то невидимая сила тянула его туда. Я хотел удержать его, но по-прежнему не мог пошевелиться и стоял как парализованный. Меня охватило удушье, будто, что-то препятствовало воздуху войти в мои легкие. Джага улетал все выше в небо с каждой секундой. Я в полной мере ощутил свою беспомощность. Внезапно он посмотрел на меня сверху, и я ужаснулся. Его лицо утратило ту смуглость, которую я помнил с детства. Оно было жутко белым, как будто в нем вовсе не было крови. На лице были заметны голубые прожилки, о существовании которых, я даже никогда и не подозревал. Он больше не улыбался. Его глаза смотрели на меня в упор, но чем дольше я смотрел на него, тем отчетливей понимал, что он смотрит сквозь меня. Выражение его лица было удивленным и каким-то застывшим. Из правой ноздри шла кровь, которая стала стекать прямо на мое лицо. Я по-прежнему не мог пошевелиться, и лишь чувствовал капли, которые медленно разбивали воздух, оседая на моем лбу, щеках, и стекая с подбородка. Кровь попала мне на ресницы, и я почувствовал сильное жжение в глазах. Все вокруг стало рубиновым, и зеленые холмы и оранжевая рубашка Джаги. Через мгновение серое облако полностью поглотило его. Стало невероятно тихо, и эта тишина была угнетающей. Я ощутил пустоту и дикий страх. Оставшись один в этом красном поле, я закричал, слабым и сиплым голосом. Будто кто-то просто выключил звук. Мне приходилось напрягать свои связки до предела, но громкость не прибавлялась. Внезапно открыв глаза, я услышал свой сдвленный крик и резко вскочил с кровати. Дискмен продолжал работать, но let down уже кончилась. Мое лицо было мокрым и липким. Это был жуткий сон, который отпечатался в голове как картинка и, проснувшись, я видел перед глазами удивленное лицо Джаги, который растворяется в облаке.

Музыка

Символические эстампы из цикла «Голубое сердце»

Моя умершая сестра возродилась и украсив себя венком из желтых цветов вознеслась на небо. Она стала богиней и лунный свет окружил ее ореолом святости и красоты.

Ее тихая поступь по небесному своду, заглушила свинячий визг вечерней улицы.

Сестра, окутанная в покрывало, переливающееся серебристыми пылинками звезд, смотрит на меня, и я чувствую сладкую и терпкую ленточку музыкальных звуков, сжигающих заживо. В ней обрывки мелодий, стихи и мое прошлое, уничтоженное навсегда одним порывом слепого, мощного ветра.

Пепел рассыпается в моих ладонях, и я улыбаюсь ему со слезами на глазах.

На земле, наблюдая небесный свет моей темноволосой сестры, я опустила на колени и взяла в руки скрипку. И пришла музыка и была она молитвой моей сестре.

Печаль в крови стала густой лужей и вытекла из кончиков моих пальцев на страницы. Плевки превратились в слова. Луи и капли расплылись в очертания фраз. Этот текст написан кровью. Он переливается красными рубинами в свете ночи.

Он играет красками смерти, смешиваясь с музыкой.

Мозг расплескался на страницы и забил кусочками кости клавиши печатной машинки. Блевотина из крови и мозжечка стала этим текстом. Встречай нас и аплодируй, ибо эта лоботомия стоила больших болей.

Глянцевая страница из журнала и огромный рекламный щит на стене твоего дома – это фальсификация и обман. Это пудра и линза фотообъектива. Это дизайнеры, продюсеры и гримеры. Это искусство подделки и пластика.

А здесь нет гламура. Здесь горят звезды, текут реки слез и все предметы и герои настоящие. Они живые и они существуют. Они окружают тебя каждый день, но ты можешь не замечать их. Это люди, такие же, как и мы с тобой с их простыми человеческими радостями.

Так, моя сестра, лунная Богиня, облачившись в джинсы, ходит в супермаркет, скрывая свои длинные темные волосы под несуразной кепкой с эмблемой Нью-йоркской бейсбольной команды. И музыка сопровождает ее, куда бы она не пришла. Ей подвластны все звуки и тексты. Черный сексуальный iPod, который умещается в ее ладони она называет своим бой-френдом. Гарсия Маркес стал ей двоюродным дедушкой, а Гессе и Ницше лучшими друзьями.

Моя сестра – принцесса своего времени. Она выглядит и звучит как героиня анимэ. Она святая и сумасшедшая. Утром она поет в хоре католической церкви, а вечером играет гламурно-мазеша-панк, обрывая струны своего черного Фендера. И не может быть середины. И всему она искренне отдает душу свою, выкладываясь до изнеможения. Ей нравятся крайности, и сердце ее словно маленькая птичка с радостью и удивлением впархивает в объятия каждого нового дня. Ее драйвит от удовольствия жить день за днем. Ей никогда не бывает скучно, ведь еще столько загадок, которых она не успела разгадать. Она, безусловно, младше меня, и порой даже сложно сказать, сколько ей лет.

Каждый день она выбирает себе новые имена. Загадывает новые желания. Исполняет их, жертвуя сном. Она не любит спать, считая сон репетицией смерти и наблюдая за светом луны, я знаю, что она наблюдает за мной.

Что ждет ее в жизни? Иногда мне страшно за нее, потому что она такая слабая и беззащитная. Она кровоточит ранами, но продолжает жить. Наверное, она все-таки сильнее меня. И возлюбленный ее, реинкарнированный Джеймс Дин, и его спортивная машина парит над землей, разбивая сонмы облачных сгустков.

Он же возрожденный Джим, посвящающий ей свои песни, потому что она для него единственная, его предназначение, его продолжение.

Он выглядит как шаман и предсказатель пророчеств. Размах его крыльев заполняет собой все небесные сферы и пространства. Он красив как лучшее творение Господа Бога. И его энергия повергает в смятение людей. Они не готовы к его приходу, потому что он пришел из мифов и легенд. Он способен на дожди и ураганы. Он несет в себе все цвета вселенной. Он разбивает вдребезги, но не может оставить равнодушным. Он есть проявление сна и реальности.

Она любит его, и он любит ее. И любовь эта, вечна как музыка. Она не может быть осязаемой и материальной, но это не означает, что ее не существует. Их любовь звучит и плывет над городом, наполняя его звуками. Это качественный микс ренессанса, цветочных психоделических мотивов, панка и электронных церковных хоралов. Господь стал диджеем, а сестра и ее возлюбленный сессионными музыкантами. Они виртуально счастливы, хотя никогда им не быть вместе.

В этом вся горечь их существования. Их сладость. Их вдохновение и смерть.

Раздвоение

Я заперта в душном пентхаусе, состоящем из 1000 статичных комнат...

Под прессом воспоминаний сердце рвется на кровавые ошметки, обнажая старые раны...

В полной прострации я вхожу из одной двери в другую, но нигде нет выхода.

Я двигаюсь медленно и аристократично, но постепенно сухость стен ярко красного цвета включает в воздух панику. Тысячи сирен раздражают воздух децибелами пульсирующего звука. Ушные перепонки проткнуты насквозь. Кровь вытекает из ушей, рта и кончиков пальцев.

Тусклый мигающий свет медленно уходит в ничто, и темнота оседает на моих ресницах. Одиночество. И ночь, которая впивается в меня острыми когтями.

Клаустрофобия доведена до крайней точки неизбежности пластикового взрыва.

Здесь, я олицетворяю только тело, физическую оболочку, без внутренностей и половых признаков. Здесь я социальная единица. Тупое животное со светлой шерстью, не более.

А между тем, я живу и существую где то в далекой и прохладной местности, под молчаливой грациозностью проплывающих с фантастической скоростью огромных серых облаков. Это поле, на горизонте которого заканчивается небо и весь этот мир. Поле, в котором я бегу с ветром наперегонки и он играет подолом моего оранжевого платья.

Он дразнит меня, кружась со мной в едином порыве. Он сильный и холодный, но со мной он нежен. Его прикосновения обжигают огнем и безысходностью.

Я дышу и чувствую, как набирают воздух мои легкие. Я чувствую легкую сатиновую сетку тишины на моих плечах. Я танцую, и трава под моими босыми ногами переливается перламутром. Ее шелест, словно партия аккомпанемента.

Дождь нежно ласкает меня первыми, робкими каплями, феериями ксилофонных восторгов. Он точно знает, кто я такая и что меня ждет.

Первые лучи солнца наполняют все вокруг истинным пигментом и серое сменяется зеленым. Мои темные распущенные волосы покрываются серебристой пылью звезд. Я могу улыбаться и могу любить. Здесь я живая и радостная...

Я вижу радугу и мне кажется, что пробежав еще немного я смогу прикоснуться к ней.

Я бегу... Я бегу с закрытыми глазами и слепо протягиваю вперед руку, но...

Внезапный щелчок открываемой двери пробуждает меня, и я вновь оказываюсь в бесконечном коридоре из 1000 статичных комнат, в которых нет выхода...

Радуги не существует. Здесь ковролан, вместо мягкой травы. Здесь спертый воздух кондиционеров, вместо свежести ветра.

Я устало закрываю глаза и перестаю чувствовать свое физическое тело.

Пользуясь моей парализованностью, реальность пытается войти со мной в хладнокровный половой контакт. При каждом подобном случае (а их предостаточно), я доставляю ей удовольствие, накинув на голову овечью шкурку и встав на колени.

Каждый раз она наивно усмехается и, сплевывая на меня сверху, расстегивает молнию на брюках. Затем она бьет меня по лицу, смакуя длинные и звонкие удары. Глаза мои полны слез, но челюсти сжаты до предела и я не произношу ни звука.

Она смеется и точным ударом ноги разбивает мне нос. Кровь хлещет и смешивается с красным месивом ковролана. Следующий удар выбивает мне зубы, и нестерпимая боль заполняет собой мое тело и сознание.

Кровь имеет отвратительный привкус, и я терпко сплевываю ее. Сильная рука сзади хватается меня за волосы и в следующий момент в мой рот входит что-то мягкое, липкое и бесформенное... Собирая все свои оставшиеся силы я напрягаю мышцы, концентрирую волю и медленно достав из заднего кармана джинсов свой милый карманный нож, в самый неожиданный момент высвобождаюсь и выкалываю реальности глаза.

После этого, я вешаю ее, насвистывая любимую мелодию.

В кульминационный момент песни я с громким треском выбиваю из под ее ног табуретку.

Сценарий один и тот же. Постоянно. Каждый раз она ничего не помнит. Каждый раз все начинается заново, но я всегда пытаюсь достать нож, как бы сложно это не было.

Пытаюсь не дать ей шанса поиметь меня безболезненно, ведь я не создана для подобных отношений. Инстинкт самосохранения развит у меня превосходно. Мои клыки слишком остры для нижнего белья из овечьей шерсти. Мой нож всегда со мной, равно как и гордо вытянутый третий палец.

Когда же она, наконец, поймет это?

Илья ОДЕГОВ

Родился в сибирской тайге, вырос в казахстанских степях. Известен как писатель и композитор, автор двух романов («Звук, с которым встаёт Солнце» (2003) и «Без двух один» (2006)), нескольких сборников прозы и поэзии. Издавался в литературных журналах и сборниках Казахстана, России и Великобритании («Аполлинарий», «Топос», «Вайнах», «Poetry ON», «Мир Евразии», «Ылшоодын» и пр.). Участник Форума молодых писателей России (2004, 2009). Идеолог и основатель творческого объединения «Фонаряго». Автор и ведущий ряда тренингов, связанных с публичными выступлениями. Лауреат нескольких литературных премий: «Современный казахстанский роман» (Казахстан, 2003), «Poetry ON» (Великобритания, 2003), «Театр в поисках автора» (Казахстан, 2004), и «Русская премия» (лонг-лист, Москва, 2009). Женат на прекрасной казахстанской поэтессе Айгерим Тажи.

Из цикла рассказов «ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ»

Слова старого Фазыла

– Не следует обижать людей, – сказал старый Фазыл. – Я никогда не обижаю людей. Не следует спорить с людьми. Опасно говорить им злые слова. Даже, если ты их хозяин – нельзя ругать их, особенно, если они сами не считают себя виноватыми.

– Потому что Бог накажет? – спросила маленькая Ханя.

– Бог наказывает руками обиженных людей, – вздохнул Фазыл, – ну, а теперь беги, беги домой. Слышишь, мама зовет.

– Ха-ни-ийа!!! – донеслось с улицы.

Ханя выбежала из дома, прислушалась к крику и побежала в другую сторону.

– Ха-ни-ийа! – доносился голос издалека, становясь всё тише и тише.

Она выбежала на окраину, закрыв ладонями уши, пробежала мимо играющих в кости мальчишек, тех, что всё время дразнили её и выкрикивали вслед нехорошие слова, взобралась на вершину холма, с которого открывался вид на всю деревню от первого до последнего дома, и стала спускаться к реке. Река пахла рыбой и навозом. Пастух Ахмет гнал маленьких коренастых лошадей вверх по течению.

– Привет! – крикнула ему Ханя. – Удачного пути!

Ахмет улыбнулся и приветливо кивнул ей.

«Я – молодец!», – подумала Ханя и, дождавшись пока табун исчезнет за поворотом, стянула с себя платье и полезла в воду. Вода льдом обожгла её кожу, дыхание перехватило. Зайдя в реку почти по пояс, Ханя нагнулась, чтобы зачерпнуть воду ладонями и умыться, шагнула вперед, наступила неосторожно на скользкий камень и почувствовала, как течение толкает её под колени. Она попыталась выпрямиться, не удержалась и с визгом упала в поток. Вынырнув и продолжая визжать, она на четвереньках, цепляясь за каменистое дно пальцами и обдирая лодыжки, стала выбираться на берег.

– Ты чего здесь одна купаешься? – послышался голос над её головой.

Ханя подняла глаза и увидела на берегу загорелого бородатого ухмыляющегося парня, не похожего на здешних. Он с интересом разглядывал её. Опомившись, Ханя схватила платье и стала натягивать его через голову. Платье прилипало к мокрой коже, а Ханя торопилась. Голова застряла внутри, ничего не видя, от беспомощности она вновь истошно завопила и почувствовала, как сильные чужие руки одним рывком вниз высвободили её. Поправив платье и убрав с лица волосы, она увидела, что незнакомец всё так же ухмыляется, наблюдая за ней.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Не твоё дело, – сказала Ханя, но вспомнила слова Фазыла и смутилась.

– Меня зовут Бахадур, – сказал парень, – Лал Бахадур. И я ищу Фариду. Знаешь такую?

Ханя исподлобья взглянула на незнакомца, размышляя стоит ли доверять ему, и, наконец, сказала:

– В деревне две Фарида. Моя мать и старуха Фарида, та, что живет в последнем доме на окраине. К ней ходят женщины, когда хотят, чтобы у них появились дети.

– Ясно, – задумчиво почесал бороду Бахадур, – а сколько твоей матери лет?

Хания сосредоточенно нахмурилась.

– Много, – наконец, сказала она.

– Ясно, – повторил Бахадур, – проводишь меня к ней?

– Нет, – сказала Хания.

Пока они шли по склону в сторону деревни, Хания всё время молчала и вертела в руках подарок Бахадура – маленькое колечко с блестящим камушком. Ей нравилось, что блики от него скакали по земле и по листьям, до которых сама Хания в жизни бы не дотянулась. Бахадур тоже молчал, думая о чём-то, и иногда улыбался этим своим мыслям. Хания взяла его за руку, словно так ей удобней было перебираться через крупные камни, встречающиеся по дороге. Его рука была теплой и сильной, и Хание нравилось ощущать близость этой силы и словно какую-то причастность к ней. Она чувствовала, как из этой руки её худое тело наливается уверенностью, словно рука Бахадура была принадлежавшим ей, Хание, оружием. Но когда они подошли к самой деревне, она выдернула ладонь и спрятала колечко в рот. Она боялась, что мальчишки окликнут её, но они, молча и с удивлением проводив взглядами незнакомца, снова принялись за игру.

– Ну, где ваш дом? – спросил Бахадур.

– Вон мама! – сказала Хания и крикнула. – Мама!

Молодая усталая женщина, набиравшая воду в кувшин из колонки поодаль, подняла глаза.

– Где же ты была!? Я тебя весь день ищу! – закричала она и увидела Бахадура, стоящего рядом с Ханией.

– Здравствуй, Фарида, – сказал он.

– Это Лал Бахадур, мама, – сказала Хания, – он тебя искал.

– Ко мне, значит, пришел? – спросила мать, вскинув бровь, – Ну, проходи. А ты погуляй пока, – бросила она дочери.

– Я есть хочу! – закричала Хания.

– Подождешь, – сказала Фарида, и они с Бахадуром зашли в дом.

– Ууу, чтоб вам всем! – от ярости Хания чуть не проглотила колечко. Быстро достав его и надев на палец, она обошла вокруг дома и вышла на террасу, где стояли ящики с приготовленными на продажу фруктами. С трудом опрокинув один из них, она собрала рассыпавшиеся финики в кучу и поволокла ящик к окну. Перевернув ящик, она встала на него и заглянула в комнату. Бахадур и Фарида сидели за столом. Хания увидела, что своей сильной рукой Лал Бахадур гладит руку её матери и, улыбаясь, что-то тихо говорит ей. Фарида тоже улыбалась, но по лицу её текли слезы. Лал Бахадур полез одной рукой в карман и достал колечко – такое же, как у Хании, только больше и красивее – жёлтое, с крупным сверкающим камнем.

Хания слезла с ящика, сорвала с пальца колечко, намереваясь выкинуть его вон, но передумала, спрятала обратно в рот и принялась толкать ящик назад к куче фруктов. Было душно, солнце почти село, и в воздухе пахло сладким дымом. Куры, которые собрались было полакомиться разбросанными финиками, тихо, но возмущенно кудахтали, прижавшись друг к другу, в стороне от ящиков. Хания увидела, что рядом с фруктами, свернувшись в последних лучах солнца, греется толстая блестящая гадюка. Мгновенная мысль возникла в голове Хании. Стараясь шагать как можно тише, она подошла к змее. Та повернула голову и лениво зашипела. Тогда Хания изо всех сил подняла ящик, накрыла им гадюку и села сверху. Она чувствовала, как изгибается и бьется о стенки ящика под ней сильное и упругое тело змеи. Выждав, пока первый порыв ярости утихнет, Хания стала медленно волоком тащить ящик к входной двери дома.

Уже давно прошел мимо Ахмет, ведя свой табун на ночлег, уже пальцев Хании не хватало, чтобы сосчитать, сколько звезд появилось на небе, когда дверь, наконец, открылась. Фарида собирала растрепанные волосы. Лал Бахадур улыбался.

– А, вот ты где! – радостно сказал он, увидев Ханию. – Устала ждать нас?

Хания улыбнулась, но было темно, и Бахадур не мог разглядеть выражение её лица.

– Совсем не устала, – сказала она и встала с ящика. – Смотри, я тоже приготовила тебе подарок.

– Да? – удивился Бахадур. – Как интересно!

Он подошел к ящику и перевернул его. Гадюка вскинулась, зашипела и, спружинив, подпрыгнула в воздух в сторону Фарида. Бахадур закричал, кинулся вбок, закрывая телом мать Хании, и сильным ударом сапога отбросил яростно шипящую и плюющуюся ядом гадюку в кусты. Хания проследила за тем, куда упала змея, и выбежала за ворота.

Она побежала через деревню. Мальчишки уже не играли в кости. Почти во всех домах горел свет в окнах, но людей не было видно, и только, когда Хания пробежала мимо дома старого Фазыла, тот вышел на порог и остановился, провожая её взглядом.

Ещё один день

– Я не хочу, – сказал Толик.

– Ешь, – повторил отец, – ждать тебя никто не будет.

Толик ненавидел ходить с родителями по магазинам. Мама подолгу останавливалась в каждом бутике, примеривая всё новые наряды. Папа листал свои журналы и, иногда, шлепал продавщиц по задку, стараясь сделать это так, чтобы мама не заметила.

Толик с утра ничего не ел, ещё вчера заявив, что будет ходить голодным до тех пор, пока ему, в конце концов, не купят собаку. Мама спокойно отнеслась к этому, а папа переживал и пытался заставить Толика поесть.

В магазине было много чужих людей. Толик слышал, как некоторые из них говорят на незнакомом языке. Это нравилось ему. Толик знал, что в разных странах люди говорят по-разному, но до конца в это не верил, потому что даже папа не мог ответить ему на вопрос: зачем называть, к примеру, «дерево» другим словом, когда уже есть одно, вполне подходящее? Толику казалось, что такие люди просто нарочно хотят скрыть смысл своих слов от других людей. А значит, речь шла о тайне, и некоторое время Толик прислушивался, желая разгадать её. Но скоро это наскучило ему. Он забрался в витрину, встал рядом с безногим манекеном, одетым в длинное красное пальто, и принялся дышать на стекло и писать пальцем неприличные слова, которые через мгновение исчезали. Проходящие за стеклом люди улыбались, замечая Толика, и махали ему рукой. Но Толик не улыбался в ответ.

Наконец, появилась мама и с ней папа, держащий в каждой руке по большому пакету.

– Толик, пойдем, – сказала мама и взяла Толика за руку.

Они вышли на площадь. На маленькой сцене выступали музыканты. Возле каждого кафе стояли люди, зазывающие внутрь. На скамейке сидела худая бледная женщина, и с ней рыжая девочка в длинном сарафане. Заметив Толика, девочка показала ему язык, а Толик не успел. В центре площади происходило что-то интересное, люди стояли плотным кольцом. Папа пошел вперед, мама толкала Толика и шла последней. С трудом протолкнувшись в первые ряды, они увидели маленького усатого фокусника, вытягивающего из своего уха спагетти под общий смех зрителей.

– Это неинтересно, – сказал папа, – идемте дальше.

– А мне интересно, – сказал Толик. – Я останусь.

– Вместе пришли и вместе уйдем, – сказал папа.

Фокусник поклонился под аплодисменты, пошевелил в воздухе пальцами и в руке появился круассан.

– Браво! – закричали зрители.

– Ух-ты! – воскликнул Толик и вспомнил, что с утра ничего не ел.

Фокусник обвел глазами зрителей, остановил взгляд на Толике, подошел к нему и протянул круассан.

– Ух-ты, – прошептал Толик, не веря своему счастью.

Толстая румяная тетка, стоявшая рядом, наклонилась к Толику.

– Ну, ты что, мальчик? Ты не хочешь, что ли? Нет? Ну, тогда я возьму.

Она выхватила круассан из тонких пальцев фокусника, запихала себе в рот и тут же принялась жевать, одновременно сообщая окружающим: «Свежий! Действительно свежий! Просто чудо!».

– Ничего, ничего, парень, – мягко сказал Толику папа, – пойдем отсюда.

Они зашли ещё в несколько магазинов. Уже смеркалось, и папа иногда поглядывал на часы. Чем темнее становилось вокруг, тем громче разговаривали люди. Толик держался за мамину руку. Папа с пакетами шел впереди. Все необходимые покупки были совершены, и пришло время возвращаться домой, где никто не ждал Толика, виляя хвостом. Вывески ресторанов светились разноцветными огнями. Сквозь голоса прохожих, Толик слышал музыку. Радостную, звенящую колокольчиками музыку. Они свернули за угол, и Толик увидел карусель.

– Надо же, – сказал папа маме, – я был здесь три дня назад, и никакой карусели не видел. Сейчас так всё быстро меняется. Удивительно.

Карусель была похожа на те, которые Толик видел только в иностранных красочных книжках. Блестящие лошади в яблоках поднимались и опускались в такт музыке, длинноклювые птицы махали крыльями, а самолеты медленно вертели пропеллерами. На них сидели дети и взрослые. Их лица были счастливы.

Папа внимательно поглядел на Толика, наклонился и тихо спросил:

– Хочешь прокатиться?

Толик кивнул.

Они подошли к маленькой белой будке, стоявшей рядом.

– Один билет, – сказал папа.

Пока продавец отсчитывал сдачу, Толик выбрал себе место на карусели. Это была похожая на желудь будка с пестрой крышей. Толик разглядел, что внутри её находится руль, который можно было крутить самому, и тогда будка начинает вертеться вокруг своей оси.

Папа держал на ладони маленький глянцевый синий билетик. Толик благодарно поглядел ему в глаза и взял.

– Ну, теперь беги, – кивнул папа, – беги.

И Толик побежал. По короткой деревянной лестнице он взбежал на помост и стал идти мимо лошадок и паровозиков, на которые взбирались другие дети. Когда он подошел к выбранному желудию, то увидел, что внутри уже сидит взрослый человек в светлом костюме и в шляпе. Толик растерялся сперва, но искать другое место было некогда, к тому же он увидел, что в будке ещё есть место. Человек в шляпе заметил Толика, улыбнулся и жестом пригласил его внутрь. Сердито сопя, Толик залез в желудь, уселся напротив человека и сразу принялся вертеть руль. Будка закружилась.

– Wow, – сказал человек в шляпе, – cool!

Зазвучала громкая музыка, и карусель тронулась, разгоняясь всё быстрее. От восторга у Толика перехватило дыхание. Музыка звенела в его сердце, и он всё быстрее крутил руль. На мгновение, подняв глаза, он встретился с не менее восхищенным взглядом своего соседа.

– What's your name? – крикнул сосед, улыбаясь.

– Вот здорово! – тоже закричал Толик, – а я могу ещё быстрее!

Его сосед схватился за руль, и всё вокруг завертелось с удвоенной скоростью. Мимо проносились фигуры папы с мамой, отдаленные огни ресторанов, а здесь возникал другой, сказочный мир, и Толик находился в самом его центре.

– Давай в обратную! – закричал он своему соседу.

Вдвоем они остановили кабинку и стали раскручивать её в другую сторону.

– Good guy, – усмехнулся человек в шляпе, – strong man!

– А ты – молодец! – крикнул Толик, – как тебя зовут?

Незнакомец прищурился, внимательно посмотрел на Толика и сказал:

– I want to give you a present.

Он открыл сумочку, висящую на его плече, и достал оттуда маленький стеклянный шарик. Толик перестал крутить руль, но кабинка продолжала вращаться по инерции. Незнакомец зажал шарик между большим и указательным пальцем и показал Толику. Шарик сверкал, отражая проносящиеся огни.

– It's a magic ball, – сказал человек. – Do you understand? Magic! Fairy! It can fulfil any of your wishes. Just look into the ball and repeat your wish for three times.

Толик смотрел на шарик и изо всех сил старался понять, что же говорит ему этот странный человек.

– Take it, – сказал сосед, – Good luck!

Толик осторожно взял подарок и крепко зажал его в кулаке, не сводя взгляд с незнакомца.

Карусель медленно остановилась. Толик, всё так же глядя на своего соседа, боком вышел из кабинки, а потом отвернулся и со всех ног побежал к выходу.

Папа с мамой сидели на скамейке, дожидаясь его.

– Папа, папа, – закричал Толик, подбегая, – гляди, что у меня есть. Мне подарили, правда!

Папа увидел у сына в руке маленький прозрачный стеклянный шарик. Он поднял глаза и заметил человека в белом костюме и в шляпе, который кивнул ему и, улыбнувшись, пошел прочь.

– Ну, вот и хорошо, – сказал папа. – Понравилось кататься?

Они шли домой. По дороге Толик вспомнил, как не успел показать рыжей девочке шарик, и как чужая тетя забрала его круасан. Ещё он вспомнил, что не ел весь день, а собаку ему так и не купили, но внутри всё равно было тепло и радостно. Одной рукой он держался за маму, а в другой сжимал шарик и повторял: «Хочу собаку, хочу собаку, хочу собаку...».

Сон в руку

Мясник Джафар был невысоким мягким мужчиной с крупными влажными оленьими глазами и длинными ресницами. Разговаривая, он слегка улыбался, словно смущаясь того, что говорит, и хлопал пушистыми ресницами, как бабочка крыльями. Руки его были большими и теплыми. Иногда, особенно после того, как он курил траву, руки становились просто огромными, и Джафару нравилось наблюдать, как шевелятся пальцы, повинаясь сигналам, посланным его головой. В этих широких ладонях одинаково удобно чувствовали себя и топор и тесак. Пальцы сжимались и заполняли собой каждую ямочку на рукояти так, что она словно вращалась в ладонь и становилась продолжением руки. Джафар днем рубил на части туши коз и овец, а по ночам спал в своей комнате, которую снимал у одной женщины сорока с лишним лет. В те ночи, когда хозяйка не требовала с него ласк, вместо денег за аренду, он видел удивительные сны. Ему снился прекрасный мир, наполненный удивительными животными – огромными, разноцветными, яркими – таких в жизни мясник Джафар никогда не встречал. Эти животные говорили с ним, и он понимал каждый звук. Во сне Джафар всё время хотел взглянуть на себя, увидеть того, с кем говорят звери и птицы, но это никогда не получалось у него. Казалось, что есть только взгляд из некой блуждающей точки в пустоте, а самого обладателя взгляда не существовало. Когда Джафар просыпался, он первым делом глядел на свои большие руки, чтобы убедиться, что они всё ещё целы и принадлежат именно ему.

Однажды, когда Джафар вырезал баранью лопатку на кухне, дверь приоткрылась и внутрь зашла кошка. Маленькая серая кошка с темными полосками. Она зевнула, потянулась, подошла к ногам Джафара, села, облизнулась и тихо мяукнула. Джафар отрезал кусочек баранины и бросил ей. Кошка взглянула на упавшее мясо.

– Ешь, – сказал Джафар.

С тех пор кошка стала приходить каждый день. Она появлялась примерно в одно и то же время, съедала своё мясо и уходила.

Джафар решил, что кошке необходимо иметь имя. Он назвал её Фарш – ему казалось, что в этом имени есть что-то одновременно и мусульманское и близкое, как его профессии, так и имени. Кошка на новое имя не откликалась. Она просто приходила, съедала мясо и исчезала. Джафар привык к этим визитам, заранее откладывал кошке аппетитные куски, и часто ловил себя на том, что поглядывает на дверь, ожидая её появления.

Но через некоторое время кошка приходить перестала. Сначала Джафар волновался, выходил порой на улицу и тихо звал: «Фа-арш...», но потом смирился и забыл её до тех пор, пока кошка не появилась в его снах. В первый раз он увидел её мгновенно, едва заснув. Она отличалась от всех. Среди огромных улиток, чешуйчатых коров и фиолетовых цапель, кошка казалась реальной настолько, что Джафару захотелось прикоснуться к ней. Как только он осознал это желание, кошка мяукнула и пропала. Джафар долго думал об этом сне. На следующую ночь кошка снова появилась, но как только Джафар хотел дотронуться до неё, она исчезла. Так повторялось много ночей подряд. Днём, пока руки Джафара сами разделявали мясо, его голова была занята поиском возможностей того, как осуществить задуманное. После работы он бежал домой и, не ужиная, укладывался спать. Хозяйка видела, что в оленьих и прежде безмятежных глазах Джафара появилась тайна и даже страсть, но не расспрашивала, только будила по утрам, не позволяя ему отлынивать от работы. В один из таких дней Джафару пришла на ум идея. Уходя из кухни вечером, он захватил с собой кусочек той самой бараньей вырезки, которой обыкновенно кормил кошку. Уложившись в постель, Джафар сжал мясо в своей большой ладони и закрыл глаза. Когда кошка появилась, он начал вспоминать о мясе, и, с радостью вспомнив, взглядом позвал кошку подойти к нему ближе. Кошка зевнула, потянулась и стала подходить, с каждым шагом стремительно увеличиваясь в размерах. Джафару стало страшно, он закричал, зажмурил глаза и в эту же секунду с ужасом увидел перед собой свои большие мягкие руки.

Утром хозяйка зашла к нему в комнату, чтобы разбудить, и никого не увидела в постели. Удивившись и вспомнив, что ночью сквозь сон слышала какие-то крики, она собиралась уже выйти, но вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, она ещё раз оглядела комнату и, так и не увидев Джафара, вышла.

Гадылбек ШАЛАХМЕТОВ

«О, МУКАГАЛИ!»

Так озаглавил свои переводы а, скорее, дневниковые записи 80-х, известный на всей территории бывшего Союза Гадылбек Шалахметов – первый и в течение десяти лет – председатель Межгосударственной телерадиокомпании «Мир», журналист, общественный и государственный деятель, Учитель, Мэтр современной журналистики, заведующий кафедрой в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана). А, главное, с нашей точки зрения, гражданин и поэт.

– Почему «дневниковые»?

– Читая оригиналы великого казахского поэта Мукагали Макатаева и переводы Гадылбека Шалахметова, понимаешь, как глубоко чувствует и понимает Поэта его Переводчик.

Переводам, которые публикуются в этом номере МЕГАЛОГА более четверти века. Нам представляется, что проникновение в творчество поэта было настолько глубоким, что автор переводов в течение двадцати пяти лет и сейчас продолжает оттачивать на русском Космо-Психо-Логос Макатаева.

Мы – исследователи и ученые, специалисты в области переводоведения часто пытаемся расщепить на отдельные атомы текст оригинала и текст перевода. За нашим анализом и попытками осмысления переводческих трансформаций почти не остается Духа, Души, Сердца и Боли...

Переводы Г. Шалахметова, пожалуй, одна из самых серьезных попыток передать все ЭТО. Поблагодарим Гадылбека Минашевича за возможность почувствовать великого Мукагали.

Не ища бунтарский, гордый Дух, трагедию и драму, попытайтесь почувствовать ТО, что поднимает нас с колен и зовет в путь.

Мукагали Макатаев

Прощание с Пушкиным

*«Мы вольные птицы,
Пора, брат, пора!»*

Ну что, прощаемся, мой беркут – командор?
Я завтра улетаю в золотую степь.
Опора вольных крыш – волнующий простор,
Опора вольных крыш – вершины горных гор.
Прощай, я улетаю в золотую степь.
Прощай и вечен будь,

мой сокол ясноглавый,

И не сердись – птенцом не хочется мне быть.
Ты сам учил летать.
Совсем не ради славы.
Во имя чести нужно над землей парить.

И ты поднялся ввысь сквозь темноту и мглу.
Проклятье тем годам – тебя не сохранившим.
И крылья Пушкина преступно обрубившим
В угоду жалкому двуглавному орлу.

И я смотрю на лик побронзовевший твой.
О чем молчишь, мой брат, прекрасно понимаю.
И посреди Москвы
На площади ночной

Я в честь тебя все перья расправляю.

И я летел сквозь жизнь по трудному пути,
Был столько раз хвален,
А сколько раз ругаем.
Смертельно я устал,
Но просишь ты: «Лети!»
Раз просишь ты – я над Москвой взлетаю.

И я лечу к горам, где воздух грозовой,
Где небо перемешано с морями,
Ярятся молнии над степью вековой,
И гонят ураганы табунами.
Прощай и вечен будь,
Учитель мой – поэт.
Ты видишь, я парю,
Стихиям всем назло
Летаю.

Слабеют крылья,
Рядом друга – ветра – нет.
Но близятся вершины Алатау.

«Дүркіреп турған көктемде»

Весной, когда грохочет гром,
И ливень просится в ваш дом,
И молний отсвет – на окне,
И обновление кругом
Вы вспоминайте обо мне!

И в пору летних облаков,
В тиши полей, в тени лесов,
В жару, с собой наедине,
Задумчиво, без лишних слов
Вы вспоминайте обо мне!

И в осень спелую, когда
Налиты яблоки в садах,
И ясность горькая в вине,
И травы желтые – в горах,
Вы вспоминайте обо мне!

Морозным утром в январе,
Когда деревья в серебре,
И, собираясь в дальний путь,
Стоит повозка во дворе –
Вы вспоминайте обо мне,
Не дайте памяти заснуть!
(Перевод. Санаторий Кокшетау «Окжетпес»,
12 ноября 1985).

«Туады. Туады әлі нағыз ақын»

Появится, грядёт ещё поэт,
В его словах – и мёд, и яд,
В глазах – и мрак, и свет.
Сиротам всем защитник и отец!
И прослезится равнодушие наконец,
Услышав настоящего поэта.
А плачи зимы – то вещая примета
Весны, вступающей в свои права ...
И вот, когда взлетят его слова,
Начертанные в небе облаками,
Проснутся дураки,
Немой заговорит,
Слепцы увидят истину над нами.
(Перевод 22.12.1984).

В больнице

Совсем расклеился,
С болезнью шулки плохи.
Бунтует сердце,
вырываясь изнутри,

Терпи, Мукагали,
терпи!
О, сердце! Жеребенок резвый мой,
Так постарело ты в борьбе со мной,
И печень стала синяя, как ночь,
Как вам помочь?
Душа моя – не плачь

И не скули,

Ты видишь –
разрываюсь я на части:
Уходит сердце в Африку,
А печень – Кипром плыть,
И мозг холодный – Ледовитым океаном.
Ну, как мне быть?!

Вера САВЕЛЬЕВА

Живёт и работает в Алматы. Доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных специальностей Института магистратуры и докторантуры PhD Казахского национального педагогического университета им. Абая. Автор монографий «Художественный текст и художественный мир: соотносённость и организация» (1996), «Художественная антропология» (1999); учебного пособия «От художественного текста – к художественному миру. Теория. Методика. Практика» (2001); лекционного курса в вузовском учебнике для гуманитарных факультетов «Художественная антропология и творчество писателя» (2007); книги стихов «Четыре» (2007); книги «Письма вскладчину. Алматинский адресат Клары и Юрия Домбровских» (2009). Область научных интересов: теория моделирования художественных миров, художественная антропология, художественная гипнология, русская и мировая литература, современная литература Казахстана.

Ведущий литературовед и такой же лидирующий литературный критик Казахстана. «Почерк» В.Савельевой сочетает удивительно неординарное видение текста и очень «демократичное» отношение к аудитории авторов.

Попасть в объектив литературно-критического интереса Веры Владимировны Савельевой – большая честь для литераторов современности.

Савельева Вера Владимировна пишет стихи с юности. Её стихи входили в сборники «Ступеньки» (Алма-Ата, 1976), «Начинается день» (Алма-Аты, 1984), публиковались в казахстанских журналах «Книголюб» и «Простор». В 2007 году в издательстве «Искандер» вышел сборник ее стихов «Четыре». Представляем подборку ещё не публиковавшихся стихов.

«Душа» как образ притяжения-отталкивания в стихах современных казахстанских поэтов

I

Поэтов сближает то общее дело, которое определяет смысл их существования: интерес к слову и душе. Образ «души» позволяет в той или иной мере сблизить всех поэтов. Потому что поэзия – это вид деятельности и духовного поведения человека. А души поэтов в отличие от их тел не знают возраста, или точнее сказать возраст безвозрастных душ намного древнее тел. Поэтому даже молодой казахстанский поэт может написать о своей душе такие мизантропические строки:

И пора подытожить баланс:

*спят поэты под сенью осенних оград,
и давно уже кончился наш пробивной ренессанс.
Мы лелеем молчание, ложь, как язык без костей.
И отчаянье корку снимает с души, как фреза.
Настоящие мы, смерть придет, и у смерти твоей
будут точно такие пустые, гнилые глаза... [6, 56]*

В начале XX века Ю.Н.Тынянов в работе «Архаисты и новаторы» представил возможные ситуации сосуществования и противостояния «классиков» и «реформаторов», сторонников сохранения традиций и экспериментаторов. И эта ситуация повторяется в истории литературы не-

однократно. Особенно остро она проявляется в периоды масштабных социальных перемен. А сегодня мы переживаем, по определению ученых, ситуацию цивилизационного слома.

«С каждым днем в искусстве слова все тоньше и все беспощадно-правдивее раскрывается индивидуальность с ее капризными контурами, болезненными возвратами, с ее тайной и трагическим сознанием нашего безнадежного одиночества и эфемерности. Но целая бездна отделяет индивидуализм новой поэзии от лиризма Байрона и *романтизм от эгоизма* [18]. <...> Новая поэзия ищет точных символов для *ощущений*, т. е. реального субстрата жизни и для *настроений*, т. е. той формы душевной жизни, которая более всего роднит людей между собой, входя в психологию толпы с таким же правом, как в индивидуальную психологию» [1, 206].

Это фрагмент из статьи, принадлежащей поэту И. Анненскому. Она написана в 1903 году и опубликована под заголовком «Посмертная статья Иннокентия Анненского» в 1911. Суждения, высказанные более 100 лет назад, звучат неожиданно современно. Можно только, перефразируя, сказать, что опять же новая бездна отделяет *самопрезентацию* и *сублимацию* поэтов конца XX и начала XXI века от *эгоизма* поэзии модернистов.

Назовем еще несколько общих черт современной поэзии: трагическое ощущение своей социальной невостребованности и одиночества; герметизация, прощание при жизни с миром и читателем; соединение мизантропии и иронии; взаимная творческая нетерпимость и одновременно «страх влияния»; ретроностальгия, как результат стрессового симптома распада империи; восторженный или наивный инфантилизм; возрождение пантеизма и языческая любовь к миру природному; мотивы апокалипсиса и предсказание экологических катастроф; субъективная религиозность и уход от разговора с человеком к разговору с Богом.

Для общей ситуации литературного быта характерно проявление показного равнодушия молодых поэтов по отношению к «живым классикам» и, наоборот, явно выраженная нетерпимость состоявшихся поэтов по отношению к начинающим.

В таком случае, может быть, наблюдения над вечными темами и вечными образами позволят установить точки сближения поэтов разных поколений, стилей и коммуникативных установок.

Художественная литература вмещает огромный опыт фольклора и мифологии, а также материал конкретных авторских самонаблюдений и фантазийных воплощений особенных состояний существования души и характера душевной жизни человека. Можно утверждать, что для понимания этой тайны конкретные и субъективные суждения поэта о понятии «душа» имеют существенное значение и не менее интересны, чем суждения богословов и ученых. Лирической поэзии особенно подвластно передавать вибрацию душевных движений и, прежде всего, пять основных возможностей души: способность роста, способность чувственного восприятия, способность желания, пространственного движения и способность умопостижения.

В этой статье речь пойдет только о современных казахстанских поэтах, которые обращаются к этому образу в лирике, по-своему видят, понимают его и актуализируют в своем творчестве.

II

В стихах Валерия Михайлова разного времени на протяжении более чем тридцати лет слово «душа» возникает довольно часто. Следуя интеллектуальным традициям русской поэзии, Михайлов не только описывает мимолетные душевные ощущения, но и постоянно подвергает их рефлексии. В стихотворении «Молитва» (1977) поэт обращается с просьбой помочь высказать себя: «Душа моя болит и кровоточит, / Во тьме крошечной ей исхода нет. / Даруй мне речь, как в бесконечной ночи, / Щадя, ты шлешь спасательный рассвет. [10, 6].

Душа – это сердцевина поэтического «Я», и поэтому покаянные мотивы в поэзии всегда в той или иной мере позволяли поэту вписать это слово в свои стихи. Так поступает и Михайлов: «В страстях я умом помрачился / И сердцем поожесточился, / Душой опустел и поник». [91]. Образ «душа» непременно обрастает в поэзии сравнениями и параллелями. «Какие-то люди кругом, / Душа как заброшенный дом» [10, 79].

*Душа, как бабочка, летит
и треплется над бездною
И бледным пламенем горит
над жизнью бесполезною. [10, 95]*

Уподобление души и бабочки – одно из древнейших не только в поэзии, но и в мифологии.

Оно повторяется и в другом стихотворении, где поэт представляет жизнь после жизни, «Где летит лёгкой бабочкой света / Тень твоей понадмирной души» [10, 119]. В стихотворении 2005 года поэт рисует перевернутый пейзаж отраженного в земной кринице неба: «И души-мотыльки, что от земли вспорхнули, / Во свете той реки навеки утонули» [10, 147].

Размышляя о природе души, поэт воскрешает традиционные представления, сопоставляя ее с птицей и строя гипотезы о наличии у неё двух родин – небесной и земной. Еще Ф.Тютчев, описывая жизнь души, назвал ее «жилицей двух миров». Этим же путем идет Михайлов: «Душа ведь пролётная птица / И негде ей здесь угнездиться, / Она сквозь тебя пролетает, / И в свете нездешнем растает» [10, 147].

Описывая самоощущения и как бы прошупывая свою душу, поэт в бессилии откровенно признается: «Я не знаю, что во мне творится, / Я не знаю, чем душа томится». [10, 157]. Михайлов уподобляет душу многим явлениям природного мира, но в одном из поздних стихов возникает неожиданное развернутое сравнение души с шаровой молнией.

– Душа! Как безумная молния ты шаровая.
Куда ты летишь? Что в миру неприкаянно рыщешь?
А то вдруг застынешь пред чем, трепеща и пылая,
Как будто б нашла, что всю жизнь безнадежную ищешь.

Две последние строфы стихотворения – это ответ души на вопросы тела: «– Я клетку твою золотую когда-нибудь брошу, / Лишь только избудешь ты бремя пощады и рока, / Насквозь я прожгу задубевшую нежную кожу / И скроюсь навек во мгновение последнее ока» [10, 169-170]. На мой вкус, эти метафорические потуги (летишь – рыщешь – застынешь – ищешь) не очень выразительны. Но для нас важна не оценка, а понимание путей, которыми движется поэт, пытаюсь объяснить то, не знаем что (то есть душу).

Описания моментов каких-то мистических ощущений соприкосновения с вечностью непременно включают указание на метаморфозы души. Так происходит в стихах Михайлова о России:

От белого снега и ночью светло,
То Родина спит, чистотою блистая,
И ангелы в душу глядят, как в стекло,
Меж белыми хлопьями снега летая. [10, 81]

В стихах об уходе лирический герой радуется тому, что он присоединится к сонму близких душ: «Их души с душою твоею сольются, / И небо с землёю навеки сойдутся» [10, 80]. Но в другом стихотворении он дает обратную гиперболу: «Скорей сольются все моря и реки, / Чем две души, что заблудились тут» [10, 121]. Но при всем том душа в его понимании бесконечна: «Только понял: и присно и ныне / Ни конца и ни краю душе» [10, 129].

Одно из программных мистериальных стихотворений Михайлова носит название «К моей душе» (2005) и начинается с обращения «Душа моя, куда же ты уходишь?». Поэт разговаривает с ней, как с любимой: «Гордячка, правдолюбка, недотрога, / Чему-то непомерному под стать...». Он предвидит недалекое время прощания и очень хотел бы сохранить память о ней, а ее просит не забыть его. Получается какое-то пронзительное выяснение отношений между поэтом-(мужчиной) и душой-(женщиной).

В других стихах В.Михайлов признает самостоятельность души и свободу или раскаивается в том, что не всегда ее ценил и понимал, не прислушивался к ней: «Душу живу свою я считал за враньё, / А теперь, а теперь не стесняюсь её» [10, 57]. Строку из этого стихотворения выносит в название своей статьи российский поэт Н. Мирошниченко, которая отмечает в лирике казахстанского автора особое «внутреннее зрение души» [9, 10]. С образом души связаны в поэзии Михайлова самые нежные и дорогие воспоминания. В этом случае душа представлена, как их вместилище, а сама она является хранительницей бесценного. Это могут быть воспоминания о родном доме: «В душе моей, в душе моей / Он затерялся где-то. / Ни окон в нём и ни дверей, / Одни провалы света» [10, 70].

Одно из стихотворений Валерия Михайлова девяностых годов заканчивается строчками: «Нас Бог простит и приголубит слово, / А небо наши души приютит» [10, 83]. Для меня в них заключена МЕЧТА ДУШИ поэта и хочется, чтобы, действительно, каждому было дано по его вере. В стихах последних лет Михайлов часто описывает фантазийную ситуацию полета души. Например, в стихотворении «Ночной дождь» (2006), где навстречу каплям «вольная взмывала ввысь душа / Ночною чистой влагою дыша» [10, 185].

Внимательное и многолетнее присматривание за жизнью своей души позволяет В. Михайлову зримо и образно представить основные периоды ее жизни. Если первый период поэт называет «дословесным», то последний можно назвать небесным. О чем бы ни писал В. Михайлов, он неизменно возвращается к образу души. Его христианскому сознанию близки представления о душе, закрепленные в православной антропологии. Но поэтическая антропология не тождественная религиозной. Поэтому для нас было важно показать художественную образность поэтических откровений Михайлова. Женственная природа чувствительной и ранимой души (ведь слово душа женского рода!) уживается в его стихах с мужской замкнутостью, гордыней и мужеством. Его трагическая по сути поэзия, обращаясь к душе, принимает на себя все несчастья и одновременно заговаривает от них.

III

Совершенно по-иному выстроены отношения между поэтом и душой в лирике Надежды Черновой. Ничто так не характеризует представления поэта о душе, как тот ряд сравнений и параллелей, которыми он сопровождает ее описание. В стихотворении «Мой монастырь» Н. Чернова пишет: «Мой монастырь – душа моя. Она / От суеты мирской отрешена, / И занята всё больше облаками [16, 23]. Но в следующей строке поэт восклицает: «Но Божий мир прекрасен всё равно!». И далее становится понятно, что душевная сосредоточенность вовсе не заслоняет для поэта весь мир. В стихах Черновой душа часто предстает в двух состояниях: то она наслаждается впечатлениями бытия, то вдруг замирает в гармонии самоуспокоения. Как будто поэт может позволить ей разгореться от страстей и желаний, а потом столь же властно вернуть ее в состояние покоя. Покой и свет душе лирической героини приносит общение с природой. В одном из стихотворений она риторически спрашивает: «А, быть может, прячась в травах, / В листьях тала и купавках, / Там живёт моя душа?» [16, 58].

В стихотворении «Казачьи станицы» она описывает (как отпевает) смерть своей малой родины. «Догнивают станицы», разрушается былое, и ничего не вернуть, и тогда возникает неожиданный и уходящий корнями в славянский фольклор и мифы образ отлетающих душ как кружащихся пчел. Ведь, действительно, шумные казачьи поселения можно уподобить пчелиным ульям:

Ни Отчизны, ни дома, лишь тени могильных оград.

Закипает кипрей, и поют в розовеющей пене

Отлетившие души и пчелами в небе парят. [17, 85]

Для нее несомненна беспредельность души и её временная зависимость от тела:

Ничто не может главного нарушить:

Глядишь в глаза, как в первый день глядел.

Безвозрастны и беспредельны души,

А телу – есть предел. [16, 29]

Чем больше тело увядает,

Тем обнаженнее душа.

Так лес последний лист роняет,

Небесной свежестью дыша. [16, 105]

И в поздних стихах Черновой нет драматизма и сожаления, нет упреков судьбе: «Пусть будет, как ты захотела, / Судьба, все преграды круша! / Тебе – моё ветхое тело, / Тебе – молодая душа...» [16, 111]. Муза Черновой женственна и экзальтирована, она верит предчувствиям, сновидениям. В поэтическом цикле «Мистика» описано запредельное общение душ: «Твоя душа, за кругом бытия, / Не умерла, любить не перестала. / И трепеща, горит ладонь моя – / Она твои ладони повстречала...» [16, 38].

Чернова любит изображать состояния душевного экстаза. Особенно ярко это представлено в поэме «Блажница» (2006):

Мы в облаках с тобой парили,

Мы Божий храм повсюду зрили,

И чистый мир повсюду цвёл.

Он назывался счастьем, летом,

Была душа омыта светом,

Не достижимая для зол. [16, 51]

В творчестве Н. Черновой много стихотворений о любви. И, конечно, поэтическая страстность распространяется и на образ души. Так, в стихотворении «Зацветает шиповник» яростное сияние цвета уподобляется одному из состояний жизни души: «как будто бы навыворот душа». В стихотворении об уходящей любви трижды рефреном повторяется строчка «В душе, где нет тебя...», и каждый раз состоянию найдено новое сравнение [17, 32].

В другом стихотворении о любви – «душа моя пожарищу под стать». Любвеобильность позволяет лирической героине признать: «Пересластила жизнь, пересолила, / А только душу я не утолила / И утоленья не хочу сама» [17, 57].

Поэт часто сопровождает описания эмоциональных состояний краткими характеристиками: «ужас души»; «жутко на душе»; «день протечет с душой неспешной в лад»; «свершилось что-то в сумерках души»; «томят мне душу призрачные тени»; «а ты – хотел душой моей владеть»; «моя душа-беглянка наблюдала». Цитируя строчки о «душе-беглянке» поэт Р. Тамарина писала о лирической героине поэзии Н. Черновой: «Мир ее души распахнут навстречу всей жизни с ее истоками, бедами и радостями, горькой памятью о войне, ощущением пространства и родной земли» [14, 122].

От кратких описаний состояний души Чернова может перейти к афористическим ее характеристикам. Например, цикл «Коркут» она заканчивает строчками: «В миг любви приходит смерть за нами, / В миг, когда душа завершена» [16, 173]. Но душеведение в поэзии включает и другие образы: «душа, как степь просторна»; «душа огрубела»; «завучала душа прощальной чистотой»; «сквозь души, что сгублены были, / Тебе не протиснуться в рай»; «душа пустеет от словесных пыток»; «уж душа горит»; «ничего за душой не осталось»; «На скрипке он играл неосторожно / И душу выворачивал до дна».

Архетип души в поэзии Черновой лишен амбивалентности и часто вмещает в себя только идеальное светлое, женственное и чистое начало. Душа в стихах воплощает лучшую суть человеческой природы. Её наполнение лишено откровенно покаянных мотивов. Поэтому и мотивы прощания души с этой жизнью лишены трагизма:

*Всё осыпалось – злато и медь,
Сердце только любовью согрето.
И душа переполнена светом,
Перед тем, как совсем улечь... [16, 103]*

В статье «Сначала было, было и потом» В. В. Бадиков, характеризуя особенности жизнеутверждающего творчества Н. Черновой, писал о ее особом «витализме», который включает в себя «непроизвольные душевные порывы». «Это пристальное, бескомпромиссное разглядывание себя и другого, истории и современности, своих, русских и казахских «корней». Это погружение в жизнь – в ее красоту и ярость, это слияние с её силой – мучительным и страстным праздником бытия. Трудно не поддаться обаянию этой поэтической личности, нежной и гордой души» [5, 162].

IV

Стихи Василия Муратовского относятся к трудным, неожиданным, необычным, технически виртуозным и информационно насыщенным. Их смысл слоистый. Этакий палимпсест – текст, написанный на чужих текстах и благодаря чужим текстам, но одновременно новый, современный и самодостаточный. Эти чужие нити стихотворных образов, фраз, интонаций В. Муратовский так любовно, гибко и органично протягивает через всю ткань своих книг. И, в конце концов, трудно определить, что первично в его поэзии: эти чужие корни или эта собственная крона, возвращенная соками излюбленных поэтических источников. Где свое и где чужое? Как отделить и соотнести? И нужно ли это? А, может быть, преемственность в поэзии – это и есть соткачество, труд Пенелопы? Когда каждый следующий поэт ночами мысленно распускает полотно стихов предшествующих поэтов, чтобы оно струилось бесконечно и дальше? «Этот голос, сплетающийся с голосами / и выделяющийся из них: / жизнь моя / и мой стих» [11, 69].

Бывает, что стихи существуют как бы отдельно от личности поэта. В. Муратовский для меня отдельно от его стихов не существует. В его случае наблюдается какая-то органическая связь между обликом и стихами, пластикой тела и стихами, голосом и стихами. Кажется, что писать и читать стихи для него также естественно, как ходить, говорить и думать.

Понятия «душа» и «дух» очень важны для поэтического мировоззрения Муратовского. Употребление этих слов в его поэтической речи лишено автоматизма и не является только данью тра-

диции. Есть у него стихи-медитации о проявлении жизни души, метаморфозах её неуловимых субстанций и стихийных желаний: «Полетать – / душу выполоскать / в этой июльской божественной тёмно-сини, / помечтать – / до последнего выгоlosка / расплескать / память стыни». А далее после называния картин алмаатинских предгорий идет перечисление всплесков душевного восторга:

*Нааукаться, находиться,
нарезвиться,
простором дыша,
ощущением насладиться:
жив мой мир – не погибла душа.*

*Дымом плыть,
форелью стремиться,
ивою плакать,
барсом прыгать,
волком выть,
взлетать,
как птица,
душой, отказавшейся вякать
и рыкать. [11, 28-29]*

Эта пантеистическая душа, пребывающая в метаморфозах, заполняет собой весь мир и одновременно чувствует себя самостоятельным и отдельным целым, для которого «вселенная – мать, / Бог – отец, даже в клетке». Душа уверена в своей безграничности и бессмертии. В ранних стихах поэт по-державински писал: «Лишь чутким быть и не кичиться / достаточно, чтоб смертный мог / на веки вечные продлиться / душой бессмертною, как Бог...» [11, 17]. Но при этом в итоге вечно живая стихия души в той или иной мере родственна стихам.

*Диктуй, язык, над хрупкостью виска,
присутствуй, муза, оставляй, тоска!
Душа металась, и душа любила:
срывала миги, волокла срока,
удушьем зажималась в облака,
на языке заветном
говорила. [11, 55]*

В представлении Муратовского душа не только перемещается, но и как бы перераспределяется в процессе развития отношений между человеком и миром, между человеком и близкими людьми, между словами.

*Все имена, которыми звал любимых,
вспорхнули на небеса.
Все имена, в которые я вкладывал душу,
унесли её в себе...
Где я?
На небесах?
Где они?
На земле?.. [11, 76]*

Перемещаясь вовне, душа тем самым перемещает и нас. В стихотворении «В ущелье» поэт описывает ветки цветов дикой яблони и выше плывущие облака. Он закрывает глаза, «Но в глубине зрачков / пламенем неземным / сквозь миллион коготков – / нежный, облачный дым». Душевная медитация стирает грань между там и здесь: «Так, ничего уже / не понимая здесь, / вдруг расшифруешь в душе, / что уже ТАМ ты весь» [11, 48].

Как и многие поэты, Муратовский по-своему старается передать состояние полета души: «Когда уходит почва из-под ног, / захватывает дух ажиотаж паденья: / теряет тело вес, душе знаком полёт...» [11, 82]. Душа у Муратовского способна мыслить («умозренья / душа моя / открыла свои недра» [11, 104]; петь («Всех времен и народов в строке стихотворной душа / Нахтигалем поет / над голгофой вестей журавлиных» [11, 107]; видеть и как бы выходить из тела («как ви-

дящая душа, / выскользнувшая из-под смежённых век» [11, 143] и, конечно, летать: «Паренья над бездной / всего-то и надо душе / поэта, / художника, / музыканта» [11, 278]. Благодаря ее возможностям, поэт может ощущать физически невозможное для человека. И эти состояния нефизического перемещения потрясают, радуют и дают новое зрение поэту:

*Я стою на балконе, у былинных седин,
и душой уплываю с балкона, как дым,
в то,
что кровно... [11, 156]*

Следует сказать, что деревья и их кроны – один из самых близких Муратовскому образов. И кроны у него одушевлены лингвистически и буквально.

*Оденемся в песню листвы разноцветной,
отбросив тела, -
не нелепица это!
Душа – чем не крона? <...>
И души плывут
на рубеж огневой небосклона,
оставив надгробья, как оставляют редут,
согласные слиться с кустами,
песками –
одежду под стать им придумали сами,
но узнаются и в ней небесами,
когда, от земли отрываясь,
растут! [11, 150]*

Между поэтом и деревьями существует обмен жизнестойкостью и душестойкостью. В одном из ранних стихов читаем:

*Деревья нервной системой
стоят, зимой обнажены,
дорожных выбоин экземой
дворы вокруг уязвлены,
природы почерк не нарушу,
не жалобой пусть будет стих:
к деревьям примеряю душу
и стойкости учусь – у них... [11, 44]*

Рассказывая об общении души с деревьями, Муратовский продолжает традиции М. Цветаевой, Б. Пастернака, И. Бродского. Между поэтом и деревьями у Муратовского возникают особо сокровенные отношения, которые включают и желание телесных метаморфоз и преображения: «Я не могу без трепетного притяжения / взглядываться в оголённые кроны / деревьев, заглядывающих в мои окна, / в мои глаза, / в мою душу. / <...> Но я хочу срастись с деревьями сейчас, / здесь мечтаю понимать их язык / здесь желаю обладать их стойкостью, / их таинством...» [11, 178].

Поэт не только учится у них, но и рассматривает себя их глашатаем в мире людей: «Душу живую зелёных созданий, / высью небесной и глубиной земною взращенных, / как передать?» [11, 298]. Он верит в перемещение душ: «Кроны – это рядом / души отошедших / близких» [11, 230]. Именно бестелесность в его понимании делает душу такой вездесущей: «С пейзажем этим связан тесно / душой, сквозящей в его свет, / неудержимо, / бестелесно!» [11, 147].

Душа у Муратовского очеловечена, а человек-поэт одушевлен, поэтому между ними возникает подобие родственных и дружеских отношений: «Безумно отважно / живу, только словом / усталую душу согреть» [11, 126]. Она способна удивлять: «Я подумал о том, что всё было уже, / кроме мига, что вот – шевельнулся в душе» [11, 138]. В стихотворении «Домбра» описания струнной музыки завершаются своеобразным преображением человеческой души.

*Ощущая себя настоящим,
смерти не имущим,
когда слушаю
ничего не понимающим в традиции кюя ухом
игру на домбре:*

*о добре и лихе не размышляя,
тихо омывая водами живыми душу,
одним выдохом тюрьмы всех стран и времён руша,
духом воспаряя над неразберихой текущего толка...* [11, 248-249]

Яркие визуальные образы в какой-то мере позволяют поэту зримо представить незримую субстанцию. В стихотворении «Свеча» актуализирован один из древнейших образов-символов души: «Всё, что вокруг, теряет зримость, / ты смотришь в пламя не дыша, / вновь верует в неопалимость / огарком ставшая душа» [11, 32].

В изящном трехстишии чувственная и чувствительная вибрация душевных движений передана через соотнесенность блеска взгляда глаз и звезд. А символ бабочки на острие взгляда – другой древнейший символ души.

*Как бабочку прикололи –
трепещет душа на взоре,
пронзившем звезду...* [11, 232]

Описывая и перечисляя все перипетии своей жизни, поэт добавляет, «в которых тестом мяла судьба мне душу» [11, 265]. Такой метафоры достаточно, чтобы представить хождения и мучения души в условиях телесной несвободы. В другом стихотворении Муратовский пишет: «Душа, как Федра / в трезенском капкане, / трепещет на хлипкой раме / сознанья» [11, 193]. И это антологическое сравнение тянет за собой целый мифологический сюжет, а поэт позволяет нам представить, что его отношения с душой не столь идилличны и ровны.

V

Для поэзии Андрея Корчевского важное значение имеет эстетизация эротики и телесности. Его жанровые стилизации в духе поэтов эпохи Возрождения наполнены чувственными метафорическими образами, стилистическими фигурами и риторическими приёмами, среди которых слово-образ «душа» встречается не столь часто. Но вышедший в 2004 году сборник избранного завершает неожиданное стихотворение «Снег» – прощальный аккорд в патетической, жизнелюбивой и страстной книге:

*не отстроишь осенних предместий. И год
на исходе. Пора, наконец, о душе:*

*о душе, у которой ни шанса теперь
отыгаться, очиститься. Только в горсти
эта белая глина разлук и потерь.
Настроение снега: прощанье. Прости.* [8, 157]

Не прописанная, но подразумеваемая ассоциативная связь между белизной снега и душой возникает неожиданно и оправданно: снег белый, летящий, чистый, он из космоса... И всё это присуще и душе. Более того, снег бессмертен или напоминает нам о нём. Не случайно, что в другом стихотворении поэт пишет: «Воздух рассеянный рассекая, / нечто потерянное обрящем. / Души завязаны узелками / между бессмертным и настоящим» [8, 116]. В сонетах А. Корчевского о любви естественно возникает тема связанных нитями (судьбы!) душ: «Исподволь, бесшумно игла швеи / нитью одной связала души сии, / как бы дальше там судьба ни судила» [8, 27].

В. В. Бадиков назвал свою статью о творчестве Бахыта Каирбекова «Стенография души»: «Для меня он прежде всего поэт, который каждой своей строкой утверждает, что «нет чужих среди людей», что поэтическое слово так же бессмертно, как и человеческая душа» [7, т.2, 7]. В поэзии Б. Каирбекова важную роль играет процесс самоанализа и внутреннего диалога с самим собой. И это диалог часто строится как разговор с душой. Не случайно в одном из поэтических циклов он обращается к ней: «Что ты ещё сказать хотела, / Душа, скажи...» [7, т.1, 102].

*Осколок неба падает в глаза, -
И дальний свет зрачок мой поражает:
Душа моя ответно отражает
Неведомые слуху голоса!..* [7, т.1, 103]

Свои представления о душе поэт преображает в яркие образы, которые помогают представить душевное зрение и память. «Как мутное стекло разбить – / Моноклем вставленное в душу?» [7, т.2, 11]. В стихах поэта явно традиционно разграничены: душа – небесная субстанция и тело – земная.

*Душою ли помним о Небе,
Но преданы будем земле,
И горьким несатым хлебом
Твердеем в своей золе. [7, т.2, 130]*

*И мы придумаем правила,
Чтоб их потом нарушать.
Душа как в груди измаялась!
На то она и душа? [7, т.2, 102]*

В триптихе «Бахсы», посвященном художнику Сергею Калмыкову, описан паяц-бахсы, который позволяет людям смеяться над собой, выворачивает перед ними свою душу: «Я настрою кобыз, / Чтоб на грубой и хриплой струне / Пела песню страдая душа...» [7, т.2, 149]. А потом говорит им: «Бросайте слова в меня, будто камня, / Вижу в этом знаменье, / Что узнан я вами, / Я – вашей души отраженье» [12, т.2, 150]. Распалая их души, бахсы позволяет им душевно прозреть: «Поспешите же, люди, / Души свои облегчить» [7, т.2, 150]. Он уверен, что вылечит их: «От всякой напасти: / от дурного ли сглаза, / от злобной слюны, / от молвы, / от болезни души / Разведу я лечебную пасту...» [7, т.2, 152].

В одном из ранних стихотворений Б. Каирбеков образно представляет процесс переселения души, символизирующий вечный круговорот жизни:

*Он будет грустен это вечер,
Когда душа забьёт в набад,
В обнимку с солнцем,
Чуть беспечен,
Уйду за край земли - в закат.
Уйду.
Никто и не заметит,
Как я сгорю в закате том...
Уйду,
А душу на рассвете
Внесут в пелёнках в чей-то дом. [7, т.1, 52]*

В стихах Дюсенбека Накипова доминирует описание динамики и пластики жизни души. Он может ощущать, как душа разрастается в мир:

*Не спеши,
не подумай, что я отдаляю,
просто я весь мир расширяю
до пространства души. [13, 164]*

Но в стихотворении «Тризна троих» поэт, наоборот, описывает «душевный коллапс». Зримо передавая энергетику души, Накипов создает неожиданный образ:

*ведь душа, как праща,
из себя запускает
только мягкие камни... [13, 95]*

Камнем, пушенным из пращи, библейский Давид убил великана Голиафа, но душа не воинственна, она не может порождать зло, даже во имя добра. Вот почему появляется образ «мягкие камни». На короткое время статьи, приватизируя образ поэта, скажу, что эти «мягкие камни», летящие из души поэта – не только источник слов прощения, но и поэзии.

Передавая мысли бродяги, замерзшего в предновогоднюю ночь, Д. Накипов, вживаясь в образ его души, пишет, как напевает, смертную колыбельную:

*Не томите больше мысли о мирах,
не терзайте мою душу, птицы-сны,
напоследок понял я, что жизнь – мираж,
и нет сил носить ярмо чужой вины. [12, 86]*

Душа у Накипова уподобляется птенцу: «Из своей скорлупы как ты выйдешь, / птенец мой – душа?» [12, 89]. Она у поэта тесно связана с сердцем: «души на то не хватит, пусты желудки сердца / и первые дожди любви ушли навеки» [12, 127]. В афористическом четверостишии поэт заявляет:

*Сердце – крепость.
Душа – поле.
Моё кредо –
Любовь и воля.* [12, 350]

Поэты, начинавшие в новом веке, тоже не отказываются от образа души. Айгерим Тажи представляет пластичный образ души, визуальный и пространственный: «перед сном каждый вечер привыкли каяться / прогибаются души тела ломаются» [2, 51]. «Вновь расстараться: расстаться с душой, потеряться, / выйти к дороге, поднять непослушные пальцы / и удалиться...» [2, 52]. Описывая телесные метаморфозы, героиня программного, с моей точки зрения, для А. Тажи стихотворения «буду биться в истерике телом о плен-плафон...» не забывает упомянуть душу:

*я дышу на стекло но оно не спешит мутнеть
тело вдруг полегло на четверть душа на треть
над весами зависла но тяжесть зовёт ко дну
через белую пелену* [2, 56]

Её душа не тяготеет телом, а подчиняется ему: душа и тело взаимообратимы. Душа – это вывернутое тело, а тело – это изнанка души. Именно поэтому она может сказать: «ты в зеркале / видишь / изнанку / моей души / глядящей внутрь себя / глазами младенца» [3, 46]. Другое стихотворение начинается строчкой: «Вуаль души, твои ресницы / скрывают истину от слов» [3, 47]. Убежденность в неразделимости глаз и души позволяет назвать ресницы «вуалью души».

Изысканный излом графики, синтаксиса и образного строя стихов А. Тажи проявляется в стихотворении «ОДА ДАО», которая начинается так: «плотоядный взгляд заглатывает / обгладывает косточки / виноградные / закладывает душу / смакует каждую мою / маковинку / изюминку / ам и слюнки / дуну / и в глазах туман» [3, 40]. Это метафорическое эротическое поедание и заглатывание души телесно-духовно, тем более, если учесть жанровое обозначение и адресат текста.

В стихах Тути (псевдоним Тиграна Тунианца) представлена анатомическая картина местонахождения души:

*Сознание – плавательная перепонка,
мембрана, чтоб не коснулось
крыла крыло,
бумага оберточная,
под которой бирюльки души и самое дно.* [15, 6]

В его стихах встречается традиционное уподобление души бабочке, личинке, светлячку: «Старый свет покрывают лучей морщинки, / в темноте загораются душ личинки» [15, 18]. Душа у Тути пространственна и тягуча: «Канатоходец – телефонный голос не спугнёт тебя, / ввалившись сквозь дымоход, / в образовавшуюся наклонность мигом душа утечёт» [15, 29]. Особенно удаётся передать поэту невидимые энергетические вибрации души:

*В общем, пора мне рвануть в твой город,
где раскрепощённость развалин
легко передаётся воображению,
как гусиная кожа от пальцев холодных к талии,
как от серафимов к душе – шестикрылость движения.* [15, 45]

В представлении древних душа не только летучая, пламенная, но и влажная. И эта её субстанция прочувствована лирической героиней стихов Ксении Рогожниковой, которая пишет в стихотворении «Портрет»: «Ты – сухарик, вымоченный в вине. / Твоя душа вымочена в моей» [4, 49].

Поэзия включает разные пласты биографии человека-поэта и в том числе биографию его души. И эта биография и связанная с ней фактография души у каждого художника своя. Душа как образ в искусстве вырастает до уровня архетипа. К. Юнг писал: «Праобраз, или архетип, есть фигура – будь то демона, человека или события, – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия. Соответственно мы имеем здесь в первую оче-

редь мифологическую фигуру. Подробнее исследовав эти образы, мы обнаружим, что в известном смысле они являются сформулированным итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков: это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа». «В каждом из этих образов кристаллизировалась частица человеческой психики и человеческой судьбы, частица страдания и наслаждения – переживаний, несчетно повторявшихся у бесконечного ряда предков и в общем и целом всегда принимавших один и тот же ход» [19, 117].

Мы представили разные поэтические взгляды. Исповедальный и христианский архетипический образ возвышенной и строгой души представлен в стихах Валерия Михайлова. В стихах Надежды Черновой обнажается ее языческая, любвеобильная и страстная, холодно-горячая витальная субстанция. Пантеистическая душа в стихах Василия Муратовского обладает удивительным слухом и зрением, она заключена в человеке и одновременно рассредоточена в природном космосе. Эротическая эстетика души выражена в стихах Андрея Корчевского. Сочетание патетики и психологизма при обрисовке души характерно для лирики Бахыта Каирбекова. Динамика и пластика становятся важными характеристиками при создании образа души в стихах Дюсенбека Накипова. Визуальный образ души в лирике Айгерим Тажи неотделим от её телесного «Я». Она отказывается в своих стихах от традиционных оппозиций душа – тело, небесное – земное. Душа – это тоже область нашей анатомии – так считает в своих стихах поэт Тути. Душа – она влажная, замечает Ксения Рогожникова. Каждый поэт делает акцент на кровно близких ему состояниях душевной жизни.

Архетип «душа» естественно входит в творчество поэтов разных литературных стилей и направлений. Конечно, за пределами нашего изучения остались многие поэты Казахстана, писавшие и пишущие на казахском, русском и других языках. Но анализ даже сравнительно небольшого для нашего стихоманиакального времени числа текстов разновозрастных современных казахстанских поэтов позволяет утверждать, что о душе пишут все: и архаисты и новаторы. Можно выделить поэтов, которые продолжают «перепевать» (этакая добротная или утомляющая графомания!) откровения поэтов Золотого и Серебряного веков в области изображения и передачи жизни души. Несомненного уважения заслуживают поэты, которые, даже архетипически повторяясь в чем-то, ищут свои образные ассоциации, чтобы объяснить тайну сию, каковой является ДУША.

Библиографический список

1. Анненский И. Книги отражений. – М., 1979.
2. Аполлинарий. 2007. – № 4 (37).
3. Аполлинарий. 2003. – № 2 (19).
4. Аполлинарий. 2002. – № 4 (17).
5. Бадиков В. «Сначала было, было и потом». Заметки о творчестве Надежды Черновой // Бадиков В. По гамбургскому счёту. Творчество. Жизнь. Голоса друзей. – Алматы. 2007.
6. Исенов М.А. Аутлэндишь. Поэзия. – Алматы, 2003.
7. Каирбеков Б. Части целого: Избранное в 2-х томах. Стихи, проза, переводы. – Алматы, 1998. Здесь и далее указываются том и страницы.
8. Корчевский А. Однажды, навсегда. – Алматы, 2004.
9. Мирошниченко Н. «Душу живу свою...» // Михайлов В. Пыльца. – М., 2003.
10. Михайлов В. Тысячелетие другое. Стихотворения и поэмы. – Алматы, 2008.
11. Муратовский В. Корни и кроны. – Алматы, 2008.
12. Накипов Д. Время РЕ: Книга поэм. – Алматы, 2009.
13. Накипов Д. Песня моллюска. – Алматы, 2000.
14. Тамарина Р. Жажда, неистребимая и прекрасная // Простор. 1979. – № 1.
15. Тути. Край дождя. – Алматы, 2003.
16. Чернова Н. Картины бытия. Стихи, эссе. – Алматы, 2009.
17. Чернова Н. Солнцеворот. – Астана, 2000.
18. Эготизм – термин Макса Нордау, который он применяет для определения творчества писателей, упрекая их в чрезмерном индивидуализме и эстетизме. М. Нордау (1849-1923) – немецкий писатель. Известен своими книгами «Условная ложь», «Парадоксы» (1885), а также сб. «Вырождение» (1892-1893), где он критикует современную европейскую литературу с точки зрения медицины. В этой книге он развенчивает символистов, прерафаэлитов, весь европейский декаданс, рассматривая всех его представителей как пациентов психиатрической клиники.
19. Юнг К. Феномен духа в искусстве и науке. – М., 1992.

Центральноазиатская урбанистическая проза Лили Калаус (о мелодраме «Тёмные паруса»)

Что притягательно для меня в прозе Лили Калаус – это динамика фразы и острое чувство современности. Быстрота впечатлений и точность их передачи.

Стремительное начало сразу затягивает читателя. *«Небо гудело над крышами, давило на горы, угрюмо нахохлившись на юге, пригибало к земле мятежные головы верненских вязов, кажутся, сосланных сюда когда-то вместе с дагерротипами, латунью подозрительных труб, кружевом зонтиков, казачьими станицами, синематографом «XX век» и прочими философами-садоводами-революционерами-инженерами-строителями-поляками-корейцами-японцами-татарами-немцами-эстонцами-евреями».* Автор откровенно субъективен, считывая информацию с пейзажа современного города. Урбанистический концептуальный пейзаж. *«В пять пополудни сизая муть была электрифицирована свечением невидимого, но близкого солнца. И уродливый город медленно и мягко зажгётся изнутри янтарным величием русского барокко. Так бывает в Средней Азии».*

Нет, это не девятиэтажные шлакоблочные дома уныло ползут за окнами маршрутки, затравленные стаей праворулек, а мраморные, обрубленные в бёдрах ноги колосса шагают, не зная ещё о судьбе остального тела, шагают, истекая потоками горячего света, бодро, по инерции...».

Почему автор называет свое творение «мелодрама»? В искусствоведении это прежде всего драматический жанр, потом жанр киноиндустрии. По объёму и стилю «Тёмные паруса» скорее повесть. Но она разбита на 9 картин, тоже компоненты сценической композиции. Итак, перед нами столь любимый современным искусством маргинальный жанр. Жанротворчество на границе жанров. Повесть-мелодрама. Сочетание эпического повествования с характерными и продолжительными диалогическими эпизодами. Но понятие мелодрама тянет за собой шлейф лирико-драматического пафоса: всё должно кончиться ХОРОШО! И это временная уступка реальному апокалипсису. Хотя, конечно, мелодрама «Тёмные паруса» соединяет в себе гротесковую картину современных нравов и скрытый ностальгический лиризм по «алым парусам» мечты.

Определяя словом «центральноазиатская» топографию прозы Лили Калаус, я отталкиваюсь от навязанной современной геополитикой самоидентификации, блестяще проговоренной в мелодраме. *«Сейчас, кажется, принято говорить «Центральная Азия». Западный здравый смысл, как всегда, на практике оборачивается могучим комплексом национальной неполноценности. Какие ассоциации порождает эта самая «Центральная Азия»? Пупочная грыжа Вселенной? Жлобский веб-говорек на форуме, где каждые пять секунд всплывает рекламная скважина порносайта? А скажешь: «Средняя Азия» – и как хорошо, сразу перед глазами старикашка-дехканин в драной тюбетейке, верблюд с ишаком, бесформенные тётки в полосатых робах, выводок грязных детишек, пыль и навоз, медленно, но верно разрушающие всё, что построено не из пыли и навоза...».*

«После брежневских панелек косяком пошли пафосные особняки недавней застройки. Удивительно, как быстро жёлтые зубы Азии сдирают с них гламурную шкуру евродизайна. Сначала дранка проклюнется над вычурной бровью лепнины, потом зеркальные окна покроются коррозией грязи, по стенам вскарабкается грибок, на сверкающих дверцах суперскоростного лифта кто-то криво прилепит скотчем бумажонку «Остановка на 1, 3, 8 этаже просьба ненажимать на др.», а потом – бац, и перед вами уже обычный дрянной домишка в Азиатчине, и никакие домофоны, ажурные заборы, будки охранников, фонтанчики у входа и прачечные в подвале не спасут и не помилуют...».

Трудно однозначно сказать, любит или не любит автор, ее героини этот город. Скорее всего другого города им не дано, они его знают от восхода да заката и от заката до восхода. Они в нем живут. А города, как родителей, лучше не выбирать, а уживаться с ним.

Кратко прокомментирую основные события. Лида под видом журналистки приходит в дом своей подруги Аси. Цель визита – взять мнимое интервью у талантливой, незаурядной Аделаиды Павловны – матери Аси. Лиду поражает и ужасает эта немолодая, капризная, подозрительная, очень разговорчивая творческая личность.

Лида жалеет, что ввязалась в эту историю. Вот сжатое, мозаичное и клиповое сознание молодой интеллектуалки: *«мысли мельчали, суетливо ёрзали, вырождаясь до меню завтрашнего обеда вперемешку с прайсами, каталогами, накладными, ногтями налоговички, вечерним маршрутом в супермаркет».* Впрочем, Лида устала не только от других, но и себя она осуждает ничуть не меньше.

Читатель получит некомплементарный, даже безжалостный портрет героини: *«Лида огляделась. Обувь пыльной кучей свалена в углу, на вешалке – сиротливая шуба. Овальное зеркало с крошащейся от старости амальгамой безразлично отражает кургузый силуэт бабы лет тридцати пяти. Пегие волосы стоят дыбом над одутловатым лицом, оправа тонкого металла создаёт ложное впечатление гимназического пенсне, картину довершает изжёванная майка с принтами – бэкграунд для моби́льника на шее – в ансамбле с косо сидящей марлевой юбкой».*

С этим интервью не всё ладится, так как Снежная Королева (так Лида про себя называет мать подруги) или просто Королева что-то заподозрила. Психопатичной старухе предъявляют специально заготовленную визитку, на которой можно прочесть: «ЭДЕЛЬВЕЙС. Ассоциация ветеранов ВОВ и инвалидов труда. Литературный клуб». Она, шурясь, читает, и эта надпись ошарашивает её.

Автор мелодрамы без всякой патетики рисует сценки из панельного быта: *«Вошла во двор и сразу же увидела нужный ей дом – стоящую под неправильным углом к остальным постройкам невзрачную хрущобу, полузадушенную купами вьюнка. Подъезд, пропахший тяжким кисло-молочным духом, невысокие, крошащиеся мозаикой ступеньки, на каждой лестничной площадке теснятся по четыре разномастные дверки. Второй этаж – детские вопли заглушают телеперестрелку. Третий этаж – злобное мяуканье и гортанный телефонный разговор. Четвёртый этаж – топот сонма мелких ног слева, сдавленное хихиканье справа, органные всхлипы прямо по курсу, и – тягучая тишина за дверью с мелом нацарапанным номером квартиры. Лида позвонила, раздались алябьевские трели. Открывать не спешили. Лишь после третьей, несколько нервной уже рулады, кто-то припал к глазку».*

Стремительная кинесика поступков Лиды передана в стиле реплик: *«Лида неловко прыгнула с подножки автобуса, вырвала подол белой юбки из-под ноги кондукторши и засемила прочь»; «Лида сковырнула босоножки».* Столь же точно, и кратко, и динамично обрисован пейзажный фон: *«Потемнело. В городе начиналась буря, застонали, ломая шапки, карагачи, ветер вдул в комнату горсть листовенного конфетти».* Живо переданы манеры речевого поведения четырех персонажей: Аделаиды Павловны, Лиды, Аси, ее брата Славика. Славика характеризует хотя бы одна его реплика: *«Валить отсюда надо, ясен корень».*

Традиции гротесковой образности прозы Лили Калаус обнажаются в самопризнаниях повествователя: *«Кафель на стенах был покрыт многолетними разводами грязи, трещинами. При долгом разглядывании из всего этого складывались и произрастали собачьи морды, дьявольские профили, вытаращенные глаза, схематичные обозначения Солнца, Луны, зодиаков и несколько вполне аутентичных петроглифов».*

Вот если бы она, Лида, умела рисовать... Или фотографировать. В общем, фиксировать как-то эту жизнь-нежизнь, странные эти штуки, видимые всем и почти никому не видимые. В детстве Лида часто страдала анги́нами и приступами холецистита, поэтому много читала, а также часами разглядывала заоконный пейзаж – лики из веток и листьев, иногда изменяемые ветром, дождём и солнцем. Повзрослев, часто задумывалась – не из этого ли мусора рождается первоискусство, чтобы потом, пройдя через все положенные исторические стадии, снова вернуться к эскапизму абстракции?..».

Те, кому известна авангардная художественная графика Лили Калаус увидят в этом признании подсказку, ключ к ее картинам, портретам, иллюстрациям. Она щедро раздаривала подлинники и копии, с радостью позволяла использовать свои рисунки при оформлении чужих книг, журналов («Аполлинарий», «Книголюб»). Читая этот скрыто автобиографический фрагмент, невольно подумаешь: «Так вот из какого сора художник черпает своё вдохновение. Вот откуда берёт начало и куда уходит неожиданная линия чёрно-белой её графики». Но вернёмся к повести, события которой развиваются по неожиданному сценарию.

Гротесковая мелодрама постепенно перерастает в трагикомическую. Весь этот маскарад с интервью был затеян с благой целью, чтобы отвлечь и развлечь онкологическую больную. Но становится не до игры, когда приходит участковая врач и начинается скандал из-за недостачи одной пустой ампулы. *«Вы утром принесли упаковку с пустыми ампулами, одной не хватает. А я теперь не имею права выписать вам ничего! – Это как?! То есть как? Мама же не может без обезболивающего! – А что я могу? Это же наркотик, уголовная ответственность, понимаете. Меня же с работы снимут!».* Перебранка с братом ничего не меняет, а только ухудшает ситуацию.

Но в этом доме, куда непонятно почему тянет Лиду, еще много проблем. Ася беременна, отцу будущего ребенка нет до этого дела. Очередная картина мелодрамы переносит нас в мрачный роддом, который описан в стиле черного юмора. *«Асе хотелось заорать, заматериться на этих идиотов,*

затопать ногами, убежать к чёрту из больницы, всё-всё это прекратить немедленно, порвать, завывать, устроить истерику, валяться на полу, грызть железные ножки кровати... Ребёнок властно шевельнулся, потом ещё. Ася проглотила горький комок, с тоской поглядела на окно и пошла к своей постели».

После такого заведения даже запущенная и непроветренная квартира с доживающей последние часы матерью кажется желанной. Врачи скорой, приехавшие констатировать смерть матери, опять увозят Асю в роддом, теперь уже рожать.

В последней картине Ася возится с младенцем, происходит примирение с братом, а Лиде никуда не хочется уходить из этого дома. Где-то за пределами изображаемого находится ее муж Жорик, которому она часто звонит по сотовому. Но он так и не появляется перед читателями, остается закадровым персонажем – таким не появившимся Годо из пьесы С.Беккета.

Атмосфера тотального недоверия и надрыва снимается. Нестабильная жизнь достигает состояния крайнего упрощения и потому временного благополучия: необходимый уход за беспомощным младенцем в чём-то тождествен ситуации обязательного присмотра за больной матерью. Биология подчиняет психологию. Выполняя долг перед слабейшими, героиня неожиданно преодолевает абсурдность бытия.

Лида подходит к окну: *«Внизу раскинулся линованный кривыми дорожками, как пучком артерий с анатомического атласа, пустырь. На нём сгрудилась отара поросших курчавым снегом инома-рок. Пейзаж казался уже родным, как запах этой квартиры, как чужие обстоятельства, как новые заботы, как старые летние мозоли».*

В последнем аккорде мелодрамы соединяются вечные мотивы Андерсена и Грина и, кажется, что можно и нужно жить даже тогда, когда вроде бы и бессмысленно: *«Жизнь, думала дальше она, полна не вопросов, а ответов. Лида благодарно улыбнулась сквозь слёзы и посмотрела на небо. Луна пропала. Азиатские звёзды колюче посверкивали, как осколки разбитого троллями зеркала. А потом, заслоняя звёзды вздувшимися тёмными парусами, строго на север проплыл в обморочной вышине громадный парусник, и с его борта блеснуло на прощание странно знакомое слово, сложенное из кусочков льда».*

«Тёмные паруса» написаны так, чтобы спровоцировать читателя, вызвать его на контакт и, ничего не обещая, оставить наедине не с текстом, как это любят делать современные виртуозные графоманы и стилизаторы, а с вечностью на аршине пространства, которая пока ещё принадлежит каждому из живущих.

Новые стихи

Снежные ассоциации

1

Потемнело. Невидимый снег.
Словно мошка, снежинка висит.
Перелёт, а потом недолёт –
неприкаянный, сумрачный вид.

Вдруг посыпало лёгкой трухой,
заслонило, припудрило взгляд.
Рухнул занавес душный, глухой –
хлопья частою сетью дрожат.

А потом ветерком отнесло
вправо, влево, вперёд, даже вверх.
И в косую линейку легли
крылья снежные остро, как смерч.

Всё быстрее, белее, чудней
и волшебней уже. Наконец
стали кружевом, стали нежней
хлопья двигаться в ритме сердец.

2

На этот фарфоровый, нежный
и матовый сумрачный мир
скользит паутиною снежной
с небес еле видный пунктир.

И взглядом ловя промежутки
бесчисленных малых пустот,
так быстро устанешь и в шутку
подставишь ладонь под поток.

Стоишь и не знаешь, чем занят –
хотелось бы ловлей пустот,
а снег на ладонь прилетает,
не тает, а холодом жжёт.

Алматинский цикл

1

Ленты машин. Пробки машин.
 Ящерицы машин. Змеи.
 И паутина перекрестков.
 Зрачки светофоров. Шарик.
 Мухи. Глазки циклопов.
 И жаровни площадей.
 Муравьиные тропы асфальтов.
 Прутики тропинок. Ручейки.
 И водовороты транспортных развязок.
 Дома-осинники. Ульи.
 Спичечные коробки. Подковы.
 Зеркальные этажерки и значки.
 И люди везде, прибитые,
 как шляпки гвоздей,
 к сырому асфальту, к бурым листьям,
 друг к другу.

2

Распрячь и увидишь вдаль,
 Как два паруса, горы легли.
 Это снег их надул белизной
 И поставил на мачте земной.
 Заскрипела длинная ось
 Наклонилась и выгнулась вкось.
 Мы плывём, мы плывём, мы плывём,
 Оставаясь на суше вдвоём!

3

Дома закрывают горы.
 Элитные и литые,
 как будто железные шторы,
 зубастые и непростые,
 в формате узком и длинном
 пакут пространство свободы,
 и воздух кажется глиной,
 заляпавшей неба своды.
 На крышах у них виньетки.
 Антенны, тарелки-крылья
 зеленые купола сетки
 и ребер чёрные шпили.
 Над яблочным лёгким цветом,
 над пухом шальным, тополиным
 гигантские модные клетки
 красуются стадом орлиным.

4

Есть столько мест на карте городской,
 в которых мы бывали раз по сорок,
 есть угол, перекресток дорогой,
 есть улицы свиданий и размолвок,
 и парки слез и уголок тоски,
 проспекты ученических триумфов,
 есть челюсти дверей, ворот, калиток,
 которые сжимали нас в тиски;
 лифт безалаберный, угрюмый переход
 подземный, светофор чуть-чуть косящий,
 и этот вдруг такой знакомый двор
 с беседкою расшатанной, как ящик.
 Пока всё это есть, нам не грозит
 беспомощность, сиротство и изгнание,
 и солнца вдруг кивнёт бесстрастный лик,
 и месяца нам родственно внимание.

5

Клен порыжел, полысел и согнулся.
 Струи дождя, как суровые нитки.
 И в развороченной мостовой
 стекла, окурки, пакеты, напитки.
 Шум экскаватора, крана, КамАЗа,
 вывоз и ввоз грунта, гравия, глины.
 Вот и опять всё раскопано разом,
 слева машины и справа машины.
 Всё перерыто: и въезд и парковка,
 все обречённо вздыхают «зараза!» –
 надо тащиться на ту остановку,
 топать не мудрствуя, мирно и сразу.

6

В той стороне, где нет жары,
 где ветер не горяч,
 течёт не кипятком с горы,
 и чай душист и зряч.
 В арыках чистая вода,
 как толстое стекло,
 как мед прозрачный, как слюда,
 как быстрое крыло.
 Там губы днём чуть солёны
 и яблоки, как мяч,
 и карагач сквозь ночь и сны
 там шепчет «ты не плачь».

7

Этот город, который еще не привык намокать
под дождём,
любит солнце, чурается ветра, привык
к духоте.
Он зелёный весной, пыльный летом, он осеню ждёт,
чтобы в красках теряться в ночной темноте.
Тополь, клён, карагач и берёз длинноногих
стволы,
стрелы улиц и копыа проспектов, трезубцы
вершин
гор, которые странно огромны и странно
малы,
добавляешь лишь говор людей и ползущие
пробки машин.
Так привычно в нём всё, так знакомо,
прикроешь глаза и всё бродишь
по знакомым местам,
где бывал сотни раз или десять, а может
лишь два,
словно лодка провозит тебя по родным
островам.

8

То машина, то сотовый, то Интернет –
звуки города: бульканье, визг, всплеск,
урчанье.
В суете жизни нет, как монет нет
в кармане, есть только шуршанье
разноцветных, художественных купюр,
на которых столько символов древних,
портретов и профилей в фас
властителей, жизни, тиранов,
от которых лишь холод остался
и корчится в нас.

Угадать за завесами дней,
Различить через веер листвы,
Разобрать между тысячью слов,
Проскользнуть через сети мечты,
А потом не жалеть ни о чём –
Стать брелком и от дома ключом.

Мы живём между гор.
Шапка смога над нами лежит.
Солнце днем покаталось по ней
и вернулось назад.
В зёрнах звёзд, словно каша перловая,
ночь шевелится и дышит,
и темный, перламутровый блеск
представляет вселенной фасад.

Значит мы на задворках её?
Словно в чёрной норе окаянной
примостились, и ноет спина,
а когда наползает слеповатый, прокуренный
день,
словно голос закадровый,
что монотонно две суры Корана читает, –
то мы рады проснуться и слиться
с этим длинным потоком
разноцветно одетых машин и людей.

9

Пахнет всё. И особенно пахнет земля.
Горько, ласково и никаких ароматов.
Так и кажется: запах от слова заря.
Так и хочется листьев, вместо реклам и плакатов.

10

Ожерелье огней или чётки машин –
Это звенья цепочки кочевий.
Город тоже устал. Он всю душу вложил
в ожидание точки вечерней.

Шаг короче, длинней, шорох, пар, поворот,
свет в подъезде, стена, три пролёта...
«это был лучший день» или наоборот
говорит или думает кто-то.

На звёзды ловятся глаза
в ночной дали чудес.
Слеза, как дождь, и дождь – слеза
под куполом небес.

Прислушайся и посмотри,
так между двух стихий,
глаза меняя на огни,
рождаются стихи.

Айгерим ТАЖИ

Поэт. Стихи публиковались в изданиях Казахстана, России и зарубежья, в т.ч. в альманахе «Братская колыбель» (Москва), интернет-журнале «РЕЦ», альманахе международного конкурса имени А.Толстого (Москва), в литературно-художественном издании «Аполлинарий», «Аманат», альманахе «Магия твердых форм и свободы», издании «Ыйшо Одын» и др. Автор книги стихотворений «БОГ-О-СЛОВ». Лауреат Международного литературного конкурса «Ступени» (Москва), вошла в лонг-лист Международной литературной премии «Дебют» (Москва), почетный дипломант Международного конкурса художественной литературы имени А.Н. Толстого (Москва), дипломант Международного поэтического конкурса «Castello di Duino» (Италия), а также неоднократный лауреат международного фестиваля творческой молодежи «Шабьт» (Астана) и Международного литературного конкурса «Магия твердых форм и свободы».

Участница XXII Московской международной книжной ярмарки (сентябрь 2009).

Соорганизатор экспериментальной выставки «Наглядная поэзия» (Алматы, галерея «Тенгри Умай»).

* * *

выйди на людный остров
 выйди на середину
 где так пустынно
 стынет
 воздух согретый в легких
 новая легкость – вздох
 ветреная
 трясина
 дебри аорт
 сердце отстукивает
 азбуку Морзе
 неба кусок поймаю
 и снова выпущу
 пусть по рукам – по кругу
 воздух передается
 капельным – не сезон
 время не майское
 осень выношена
 летней подругой
 путем воздушным
 перекатилось солнце
 истинно стала младше
 зеркало победила
 выдохнула снежинки
 чтобы погасли лучики
 в сердце толпы уютно
 пахнет намокшим мылом
 сбрею на фиг волосы жидкие
 собственноручно

* * *

небо солнцем татуировано
 вышли женами стали вдовами
 встали в позу кричим и плачемся
 одурманены околдованы

где за ветром пустынным катится
 время ворох листвы сумятица
 там он думаешь снова встретится
 будто за поворотом прячется

знаки выжженной почвы линии
 образуют слова на глиняных
 километрах судьба не лечится
 ошибемся с паролем-именем

и пройдут по нам годы стадные
 оглянемся повсюду стыдное
 даже солнце как будто стылое
 или нашу кармой сытое

но я жду как давно загадано
 под небесно-воздушной пагодой
 в непогоду пространства летного
 чтобы птицей к нему

жду радугу

* * *

На руках беспокойным чадом
осень спит. Лист-челнок отчалил.
Всех прибывших на свет встречаю,
привечаю, крещу, венчаю.

И в ладонях остыло солнце,
апельсином упало в лужу,
зазеркалье воды разрушив.

Только сердца биенье слышно,
оперившегося за лето.

Разбегаясь, ныряю с крыши
в реку города. С минарета

на арабском, спеша, читает
ангел мысли мои. До корки.
Ухожу. Километры рая.
Городов золотых задворки.

Нам в садах неземных безумно
не хватает червей беззубых,
в сердцевинах плодов подгнивших.
Только змей, как ищейка, рыщет,
просит жертв от нас, словно нищий.
Поделюсь и заплачу скупю.

В узелках траекторий, линий,
нарисованных в небе стаях,
прочитаю и вспомню имя,
и, кто носит его, повстречаю.

Может, спросит о снах и жизни,
затуманит рассвет печалью,
глянет из облака с укоризной,
мою смерть на руках качая.

* * *

В галерее закрытой пылятся чужие скелеты.
В паутине портреты друзей, отлученных от сердца.
Я о них прочитала не сотни, а тысячи лекций.
Прошептала над ними изъятые в требниках тексты.

Но лукавые тени заводят во тьме хороводы,
сотрясаются своды под скрипы разбитой шарманки,
и смеются картины, как лики крапленой колоды,
и хохочут уродцы из глины под маскою лака.

Годы шаркают, кожу стирая паркетного пола.
В вихре времени кружится-грезится мумия музыки,
развлекая гостей вереницы. Безумная поло-
вина меня отрывает от вечных экскурсий.

Вне рассвета звучит в галерее застиранный голос.
Пересчитаны дни, километры, тела, деньги, лица...
Разверзаются двери, и душу уносит на полюс
в саван снега, поймавшего в сети уставшую сниться.

* * *

не проникнуть за стекла икон
только пыли позволено к ликам
прикасаться сверчок запиликал
перенятый радиный шансон

и бурлит передержанный бред
закипающий в черепа-чаше
спрятав голову по-черепашьи
тянем лапкой обратный билет

горстка пепла и кучка золы
вместо пыльно-стеклянного Рима
наша молодость неизлечима
неотесанны наши углы

и глядят сквозь оконный проем
неприкрыто зевая от скуки
бородатые толстые суки
отпустившие нас в водоем

Римма АРТЕМЬЕВА

Казахстанский поэт, прозаик. Живет и работает в городе Алматы. Получила два высших образования по специальности биолог и дефектолог. Окончила литературный мастер-класс, международный семинар по литературной критике и культурологии при фонде «Мусамет» и Литературные курсы при Союзе Писателей Республики Казахстан. Занимается литературной, педагогической и научной деятельностью. Поэзия, публицистическая и художественная проза, интервью, репортажи, статьи Риммы Артемьевой публикуются на страницах ведущих казахстанских газет и общественно-литературных журналов «Простор», «Нива», «Аманат», «Тан-Шолпан», «Гольфстрим» (Россия), «Листья» (США) и многих других. А также на страницах казахстанских WEB-сайтов. Ее стихи на русском и в переводе казахский язык неоднократно звучали в передачах «Казахского радио» и на телевидении. На некоторые из них были написаны песни и романсы, которые вошли в музыкальные CD и аудио – альбомы. Она автор коллективного сборника «Три поколения женщин» (2001г.), поэтических книг «Странница» (2002 г.), «Прикосновения» (2005г.) и сборника стихов и прозы «Благодарю за дружбу Вас...» (2008г.)

Три портрета Марии Петровых

Эссе

Имя Марии Сергеевны Петровых долгое время было широко известно казахстанцам в непосредственной связи с именем Абая Кунанбаева. Она была в числе первых переводчиков, подаривших русскоязычному миру стихи великого казахского Поэта. Но и оригинальная поэзия М.Петровых была сразу очень высоко оценена ее близким окружением: Борисом Пастернаком, Анной Ахматовой, Осипом Мандельштамом, Арсением Тарковским, хотя оставалась лишенной широкого признания. Ее неподражаемая лирика и сегодня, спустя тридцать лет после ее ухода, волнует своей энергией, чувственностью, правдивостью. Знакомство с творчеством и биографией Марии Петровых, воспоминаниями ее дочери - Арины Витальевны Головачевой, обернулись для меня тремя портретами.

Чулков Георгий, Петровых Мария, Ахматова Анна, Мандельштам Осип.

Портрет первый.

ТУРЧАНКА

Мария Сергеевна Петровых была признанным мастером поэтического перевода, требовательным редактором, обладавшим хорошим вкусом и особым чутьем к особенностям поэтического слова переводимого языка. Как отмечали современники, она была переводчиком и редактором Божьей милостью. Она не просто изучала тонкости размера, ритма стиха, но углублялась в культуру народа, в его духовное прошлое. Однажды своему другу-ученому и писателю Левону Мкртчяну она раскрыла секреты своей работы: «Стихотворение я еще не перевела, но размяла его. Прежде чем перевести, надо как пластилин размять текст, а потом уже лепить стихотворение». Ее удивительно точные переводы обогатили русскую поэзию избранными строками армян-

ской, казахской, таджикской, еврейской, польской, чешской, болгарской, литовской поэзии. А о своей редакторской работе она сама рассказала в поэтических строках:

*Борюсь с карандашом в руке.
Пусть чья-то речь в живом движении
Вдруг зазвучит без искаженья
На чужеродном языке.*

Меня со стихами Марии Петровых впервые познакомил известный казахстанский литературовед с мировым именем, поэт и переводчик Александр Лазаревич Жовтис. Десять стихотворений из ее единственной прижизненной книги «Дальнее дерево», изданной стараниями Левона Мкртчяна в 1968 году в Ереване, перепечатанные на машинке, на пожелтевших от времени страницах были для меня тогда бесценным богатством, открывшим мир необыкновенно светлой души, жертвенной преданности, утонченной простоты изысканного слова. И позже, когда А.Л.Жовтис привез в Алма-Ату несколько десятков первой посмертной книги Марии Сергеевны «Предназначение», со вступительным словом Арсения Тарковского, её поэтический мир, навсегда покорила своей чистотой и естеством. Помню, как, не мечтая получить экземпляр, мы от руки переписывали особенно полюбившиеся стихи. Я до сих пор не в силах расстаться с этими листками, как и с душой той чудесной мелодии, которая зовется поэзией Марии Петровых, и с особым трепетом перечитываю любимые стихи, среди которых и эти:

*Глубокий, будто темно-золотой,
Похожий тоном на твои глаза,
Божественною жизнью налитой,
Прозрачный, точно детская слеза.
Огромный, как заоблаченный гром,
Непогрешимо-ровный, как прибой,
Незапечатлеваемый пером -
Звук сердца, ставшего моей судьбой.*

Ее завораживающие строки пронзительной лирики, наполнены удивительной способностью любящего сердца биться в унисон с любимым, сливаться с ним в едином дыхании, проникая в его душу всей своей сущностью.

Помню и те удивительные слова А.Тарковского о тайне поэзии Петровых: «Мария Петровых в ранней юности, никому не подражая, заговорила вполне «взрослыми» стихами. Слова в стихах Марии Петровых светятся, загораясь одно от другого, соседнего. Тайна ее поэзии – тайна сильной мысли и обогащенного слова... В ее строках главенствующее – не «распространенная метафора», а каждое слово само по себе метафорично».

Александр Лазаревич рассказывал мне, что был знаком с Марией Сергеевной и на семинаре переводчиков обменялся с ней записками. Но тогда я так и не увидела этой записки. Лишь несколько лет спустя после смерти А. Л. Жовтиса, работая, с его архивом в разделе личной переписки я обнаружила эту записку, датированную 1948 годом. Несколько строк, написанных рукой этой удивительной женщины, стали сегодня уже достоянием Государственного Архива РК: «Уважаемый тов. Жовтис! Передаю Вам для перевода стихотворение Орманова Победа и два стихотворения Сарсенбаева. Орманова переведите в первую очередь. Стихи Сарсенбаева переведите размером, который покажется Вам наиболее подходящим. Приветствую Вас. М.Петровых».

К сожалению, мне не удалось найти ни переводов этих стихов, ни подстрочников, но от Арины Головачевой я узнала, что в 1949 году с группой писателей из Москвы Мария Сергеевна побывала в нашем удивительном городе. В Алма-Ату они приехали для помощи в подготовке Декады Казахской литературы в Москве и приуроченного к этому событию выпуску сборника переводов стихотворений Абая. «У нас сохранился любительский снимок, где мама с коллегами сидит на скамейке в саду, где-то под Алма-Атой. Их радостные лица залиты солнечным светом», - рассказала мне Арина Витальевна.

В Государственном архиве Кинофото документов РК мне удалось разыскать и с помощью современных технологий восстановить эту фотографию, где слева направо сидят: прозаик Степан Зверев, лауреат Сталинской премии Сергей Бородин, поэты Мария Петровых и Игорь Сельвинский. Датирована фотография 3-м марта 1949 года.

Поэзия Марии Петровых долго оставалась малоизвестной не только из-за ее необыкновенной скромности и огромной требовательности к себе, но и из-за того, что она всегда оставалась честной и верной себе и своей поэтической музе, а это не очень соответствовало понятиям советской идеологии.

Как ошибались те, кто считал, что ее стихи не связаны со временем, в котором она жила и потому не могут стать достоянием вечности! Они – вне времени, проникая в душу читателя, волнуют и будут волновать своей искренностью и чистотой, заставляя душу работать, сострадать, со-радоваться.

Петровых не запрещали, но она предпочитала молчание радостно-призывным строчкам, восхваляющим советскую «действительность», захлебываясь от этой немоты. Но и позже, когда активно публиковали когда-то «запрещенных», ее не издавали по этой же причине...Как точно об этом у самой Марии Сергеевны:

*Во мне живого места нет,
И все дороги пройдены,
И я молчу десятки лет
Молчаньем горькой родины...*

Все, кто близко знал ее, отмечали, что Мария Сергеевна была необычайно добрым человеком. Она спешила на помощь любому, кому могла хоть чем-нибудь помочь. Одно время в ее доме останавливалась Анна Ахматова, и Мария Сергеевна бережно заботилась о ней. Они дружили. Анна Андреевна была очень высокого мнения о поэзии Петровых.

Но в равной степени можно, наверное, говорить и о необычайной ранимости Марии Сергеевны. О ее умении превращать переживания сердца и души в живое поэтическое слово. В своей статье Бенедикт Сарнов писал: «Мария Петровых принадлежала к той редкостной породе художественно одаренных натур, у которых поводом для лирического самовыражения бывало далеко не всякое, хотя и подлинное движение души, но лишь такое, которое становилось для нее глубочайшим потрясением».

Именно с именем Марии Петровых связывала Анна Ахматова два лучших лирических стихотворения прошлого века. Первое принадлежит перу Осипа Мандельштама: *Мастерица виноградных взоров,*

*Маленьких держательница плеч,
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь...*

И в конце, раскрывая глубину ее человеческой сути:
*Ты, Мария, - гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить, уснуть.
Я стою у твердого порога.
Уходи. Уйди. Еще побудь.*

В своих воспоминаниях Анна Ахматова напишет: «В 1933-34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно был влюблен в М.С.Петровых. Ей посвящено, вернее, к ней обращено стихотворение «Турчанка» (заглавие мое), на мой взгляд, лучшее любовное стихотворение 20 века».

Второе «Назначь мне свиданье на этом свете...», обращенное к Фадееву, написанное самой Марией Сергеевной Петровых, Анна Андреевна назовет «жемчужиной русской лирики».

Помню, что при первом же прочтении строчки запоминались сами собой, и я словно причать твердила:

*Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви
Вспомни меня, оглянись, позови!*

Лидия Чуковская вспоминала: «...в октябре 1962 года Анна Ахматова опять говорила о силе и прелести стихов М.Петровых и о том, как это дурно для поэта и для читателя, когда они насильственно разлучены. Читатель ограблен, поэт изломлен!»...

Родилась Мария Петровых в 1908 году под Ярославлем в Норском посаде. Детей в семье было пятеро. Маруся (как называли ее дома) была младшим ребёнком и всеобщей любимицей. Семья Петровых была очень дружная. Родители - отец Сергей Алексеевич Петровых - инженер-технолог на фабрике «Норская мануфактура» и мать Фаина Александровна, урожденная Смирнова нежно любили своих детей. В одном из поздних воспоминаний Мария Сергеевна напишет о «безоглядном любвеобилье детства».

Свое первое стихотворение (четверостишие) Маруся сочинила в шесть лет. «Это привело меня в неописуемый восторг, я восприняла это как чудо, тогда все и началось, и, мне кажется, мое отношение к возникновению стихов с тех пор не изменилось» - написала Мария Сергеевна в одном из писем.

М.Петровых, еще школьницей посещала собрания Ярославльского отделения Союза поэтов, куда вскоре будет принята сама. Позже, в Москве она будет учиться на Высших государственных литературных курсах вместе с А.Тарковским, Ю.Нейманом, В.Державиным, В.Головачевым, Д.Андреевым и другими. Преподавательский состав в литинституте, образованном Брюсовым был великолепный: Н. Гудзий, М. Цявловский, Л. Гроссман, И.Н. Розанов. Как вспоминала сама Мария Сергеевна *«слушали студенты своих преподавателей по младости и легкомыслию не слишком, зато стихи писали с охотой»*.

Вместе с сокурсниками экстерном окончит МГУ (после того, как в 1929 году курсы закрыли, в МГУ был создан литературный факультет).

В ранних стихах М.Петровых уже чувствуется её сложившаяся манера, они экспрессивны, метафоричны:

Полдневное солнце дрожа растеклось,
И пламень был слизан голодной луною.
Она, оголтелая, выползла вкось,
До скул налакавшись зенитного зною.

Себя всенебесной владычицей мня,
Она завывала багровою пастью...
В ту ночь подошло, чтоб ударить меня,
Суровое, бронзоволикое счастье.

Потом она будет писать по-другому спокойно, просто, потрясая силой мысли и темперамента, скрытых в этой простоте...

Портрет второй. ГОСТЬЯ ВДОХНОВЕННОЙ ОБИТЕЛИ

*Ты заблудшую душу отчизне верни,
Дай мне воздухом ясным проникнуть везде.
И, забыв про земные недолгие дни,
Я узнаю бессмертье на легком листе.*

М. Петровых

Фотографию карандашного портрета Марии Петровых подарила мне Евгения Кузьминична Дейч – друг семьи Марии Сергеевны, профессор МГУ, ставшая одной из составительниц книги стихов и воспоминаний о М.Петровых «Черта горизонта». На этом удивительном портрете, выполненном Евгенией Николаевной Ребиковой в 30-е годы, совсем еще молодая женщина. Короткая челка, кудри, взлетевшие вокруг одухотворенного лица и потрясающий взгляд: нежный и одновременно глубокий. Это годы, когда М.Петровых уже была знакома с А.Тарковским и Б.Пастернаком, когда чувства, превращаясь в яркие краски созвучий, рвутся наружу поражающими темпераментом строками. Это время, когда состоялось то самое, памятное знакомство с Максимилианом и Марией Волошиными в Коктебеле. Сохранилась фотография, где Мария Сергеевна снята вместе с хозяевами и их гостями: филологом М.С.Альтманом, поэтом А.В.Минихом (Масловым), композитором А.А.Шеншиным, художницей Е.Н.Ребиковой.

М.Волошин высоко оценил стихи Петровых. А знакомство с его живописной вотчиной вдохновили ее на чудесные стихи и появление поэмы «Карадаг», которую она не замедлила послать Волошину, где, словно пророчество звучат такие строки:

*Костер, что здесь торжествовал,
Застыл на вечное увечье,
Здесь камни и обломки скал –
Подобие нечеловечьей
Могучей гибели...*

Потрясенная красотой этой крымской сказки и встречей с могучим Максом, она напишет еще несколько стихотворений, посвященных Коктебелю.

«Восточный Крым», «Мне вспоминается Бахчисарай...», «Рьявол» «Нет, не поеду я туда...», начало поэмы «Адорай». В этих стихотворениях Карадаг предстает, как смешение Ада и Рая. Рассказывая, о происхождении вулканических скульптур Карадага она рождает легенду о серафиме-богоборце. Из морских пучин возникает повелитель водных стихий «рьявол» - рьяный дьявол, и в то же время Коктебель – обитель вдохновенного покоя и гармонии пленительная земля, которую невозможно забыть...

Марии Сергеевне, к сожалению больше не удастся побывать в Коктебеле, куда она очень хотела приехать еще. 17 марта 1931 года, извиняясь за долгое молчание, она напишет М.Волошину: *«Если бы знали Вы, как глубоко благодарна я Вам за Ваше отношение ко мне, как бесконечно дорожу я Вашим высоким вниманием. И жить, и писать могу, когда думаю о Вас»*. И дальше, будто дает обет: *«Как бы то ни было, я непременно буду на родине стихов – в Коктебеле»*. Позже у нее появится удивительное стихотворение «Акварели Волошина». Поразительно, что писала его Петровых 11 августа 1932 года в Звенигороде. В эти часы в Коктебеле скончался Максимилиан Александрович Волошин. Потрясающая связь между двумя поэтами! И хотя о смерти в стихотворении ничего нет, но какое-то предчувствие, легкое дыхание тревоги ощутимо.

В начале 1933 года коротко повидавшись в Москве с Марией Степановной – супругой Волошина, М.Петровых напишет ей 6 мая: *«Так хотелось бы мне быть сейчас в Коктебеле – вздохнуть полной грудью, до конца. Для меня только там это возможно. А как хочется распрямиться во весь рост и вздохнуть до отказа»...*

Портрет третий. ЖЕНЩИНА В КРАСНОМ ПЛАТЬЕ

Еще в юности на вечерах поэзии в Ярославле Мария Петровых впервые услышала о самобытном художнике Мартиросе Сарьяне и об Армении. «Одна из поэтесс – Маргарита Салова - была влюблена в искусство Сарьяна, много посвящала ему стихов. От нее, я и узнала о нем. У меня защемило сердце даже от одних репродукций. Думала ли я тогда, что Армения станет моей пожизненной любовью, и что мне выпадет счастье побывать в мастерской Сарьяна, познакомиться с этим гениальным художником, человеком исключительной духовной силы и красоты» - вспоминала Мария Сергеевна.

Ее любовь и интерес к Армении и армянской культуре вспыхнули с новой силой, когда со своей ближайшей подругой поэтом и переводчиком Верой Звягинцевой Мария Сергеевна стала работать над поэтическими переводами с армянского. Они приехали в Армению осенью 1944 года. Им предстояло переводить стихи молодых тогда поэтов Г.Боряна, С.Капутикян, М.Маркарян, Р.Ованесяна, Г.Эмина, А.Сагияна, ставшие сегодня классикой армянской поэзии. «С тех пор – моя любовь к Армении, моя верность» - записала в дневнике М.Петровых. Именно Армении посвятила она такие строки:

*О край далёкий, край возлюбленный,
Мой краткий сон, мой долгий вздох...*

И Армения ответила ей взаимностью. Здесь высоко оценили ее вклад во взаимопроникновение культур, наградив премией Е.Чаренца, именно здесь родится ее первая поэтическая книга. Здесь великий армянский художник М.Сарьян в 1946 году увековечит ее образ на своем холсте. Сегодня этот портрет хранится в Ереване, в доме-музее художника.

Кто же эта женщина в красном платье на фоне бесконечного, синего неба, устремившая свой взгляд в будущее?

В эти годы Мария Петровых уже мама очаровательной дочери Арины. Ей уже пришлось пережить столько, сколько другим хватило бы на несколько жизней. Потери близких, неизвестность, война....

Уже прозвучали в эвакуации, в Чистополе (Татария) ее пронзительные, ни на какие другие непохожие стихи о войне:

*Проснёмся, уснём ли – война, война.
Ночью ли, днём ли – война, война.
Сжимает нам горло, лишает сна,
Путает имена.*

*.....
Тебе говорит моя страна:
«Мне трудно дышать – говорит она, -
Но я распрямлюсь и на все времена
Тебя истреблю, война!»*

Так вспоминала О.Дзюбинская о состоявшемся в 1942 году в Доме учителя судьбоносном поэтическом вечере Марии Петровых, где в числе других ее слушали Б.Пастернак, Н.Асеев, С.Щипачев: «Мария Сергеевна – бледная, какая-то от всего отрешенная, с традиционной челкой русских поэтесс, в черном платье и черных «лодочках», вышла на сцену и читала свои стихи, заглядывая в ученическую тетрадку. Ее все знали как великолепную переводчицу, а собственные стихи копились «впрок», переделывались, переписывались, редактировались... «Представил» Марию Сергеевну Борис Леонидович Пастернак. А потом он весь вечер сидел на сцене, вполоборота к залу забыв, что кругом люди, радуясь каждой удачной рифме, громко выражая свои чувства, ликуя после понравившейся ему строки. «Мария Сергеевна, у меня к Вам творческая зависть», - помню, выкрикнул он с непосредственностью школьника, когда она прочла строчки из стихотворения «Соловей». Многие из нас вечер М.Петровых в Чистополе восприняли, как рождение нового талантливого поэта».

Уже написано одно из многих лучших ее стихотворений, в котором делится она тайнами рождения поэзии:

*Какое уж тут вдохновение – просто
Подходит тоска и за горло берёт,
И сердце сгорает от быстрого роста,
И грозных минут наступает черёд.
Решающих разом – петля или пуля,
Река или бритва, но наперекор
Неясное нечто, тебя карауля,
Приблизится произнести приговор.
Читает – то гневно, то нежно, то глухо,
То явственно, то пропуская слова,
И лишь при сплошном напряжении слуха
Ты их различаешь едва-едва
Пером неумелым дословно, построчно
Едва поспев, ты запись ведёшь
Боясь пропустить иль запомнить неточно...
(Петля или пуля, река или нож?..)
И дальше ты пишешь, – не слыша, не видя,
В блаженном бреде не страшась чепухи,
Не помня о боли, не веря обиде,
И вдруг понимаешь, что это стихи.*

А впереди у нее трудная, но наполненная работой, событиями, встречами жизнь. И мудрость обретения вечности. Но именно такой – в платье густого красного цвета, с устремленным в будущее взглядом, словно парящая, во времени, живет во мне эта удивительная женщина – честная и добрая, сильная и нежная. Поэт. Человек. Друг.

7 мая 1972 года в дневнике Мария Петровых записала «Не стало Мартироса Сергеевича. Но это лишь слова. Его не может не стать».

Так я чувствую впервые в жизни. И горя нет, потому что нет смерти».

Она ушла к высоким звездам 1 июня 1979 года, но ее светлая, звенящая акварельным серебром рифм поэзия убеждает нас, в том, что и ее не может не стать...

СТИХИ

И станет близок смысл бытия...

* * *

В углах – пересечение стен.
В домах – пересечение судеб.
В словах – пересечений плен,
Он взглядом в бесконечность будет.
Судьбы пересечения – крест –
Единый знак пересечений.
Но в вечность указавший перст -
Знал параллель предназначений!

* * *

сжимается время, сжимается время
пространство мирами, не жизнями мера,
а с каждой секундой несутся в эфир
словесного мусора сонмы, не рифм.
и, стиснув гармоний звучание в стон
забудет Земля о названии нот,
не вспомнит Божественную партитуру
орбиту свернет по другому маршруту.
в планету и в космос вгрызается червь
и может спасти только чистая речь...

* * *

Дождь разделит штрихами пунктирными
белизну дня.
Свет. Тень.
Утолит жажду слуха мотивами.
Аллилуйя!
Ночь. День.
Луч, размытый слезой акварельною,
превратясь в блик.
Грусть. Боль.
Оживет. Красотой неподдельною,
напитав миг.
Хлеб. Соль.
Дождь разделит штрихами пунктирными...

Ветер
хлопает
в ладоши
листьями,
раздавая
аплодисменты.
Вечности.

* * *

В.П.

Когда есть свет - не различима тьма.
И он привычен, словно мир, иль воздух.
Когда есть дом - не охладит зима
тепла ладоней, и, согретых возле
сердец и душ: родных, друзей, чужих.
Но если вдруг, как время, свет растает,
поймешь, что значил он, пока был жив.
И как его до боли не хватает...

ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Может быть, эта любовь -
Боль?
Может быть, это печаль -
Начал?
Где заполняя простор
строф,
Рифмами голос ее звучал.
Избранный путь у судьбы
был:
Терний его, как печать
венчал,
Сети свои у любви
свил...
Может быть, эта печаль -
Начал?
Может быть, эта Любовь -
Бог?

НАСЛЕДСТВО

Оставляю тебе глоток.
Ток
Слез, любви не сохраненной впрок.
Рок,
Чтобы времени тек песок.
Сок -
В пыль веков, не стирая строк
ток
Оставляю тебе глоток!..

Игорь ПОЛУЯХТОВ

Интеллектуал и эрудит, блестящий переводчик и поэт, Игорь Полуяхтов мог удивить любого не только своей необычной для наших краев внешностью римского легионера, но и нетривиальным способом своего бесконечно фонтанирующего мышления. Он не умел говорить или дышать просто так. У него все превращалось в словесный или письменный артефакт. И если в литературе его профессионализм сугубо академичен, то в жизни для него практически не существовало границ, норм и правил. Он словно экспериментировал над собой и своей жизнью, не боясь упасть или отступить.

В свой последний полет Игорь Полуяхтов ушел на взлете лет и сил, в 2008 году.

Предлоги к снегу

А.Б.

Ты помнишь картинку в японском ресторане в Алмате, висевшую над нашим столиком в отдельном кабинете, который мы, по-моему, два раза посещали? Там такие уютные японские постройки, уютная дорожка, японец под бумажным зонтом и, главное, уютнейший японский, теплый снег. Так, когда эти два дня в октябре, 21 и 22-го, здесь шел снег, меня потянуло на хокку, и вот я решил написать сотню таких как бы хокку, рисуя тебя и лелея уютное чувство к тебе – мягко звучащее во мне, как снегопад. Еще Йоко Оно пела мужу: Listen, the snow is falling... А традиционно в японской поэзии хокку (или хайку) вообще-то изображается природа и человек в их вечной неразрывности. В каждом хокку соблюдается мера стихов, есть утонченный ритм, полутоновая мелодика и нет никаких рифм, рифмика состоит в самой поэтике – при крайней сжатости эти миниатюры обладают исключительной смысловой емкостью, требующей порой комментариев. Я, утверждаясь в том же – неразрывности с тобой, как с самой природой, поставил себя в те же сжатые рамки – и создал некую новую емкую форму. Самый знаменитый автор хокку – Мацуо Басё (17 век), вот его нечто снежное в русском переводе:

Все засыпал снег.

Одинокая старуха

в хижине лесной.

и вот еще эпиграфы:

«Наконец, предлоги, выражающие местное спокойное положение предмета, точку внутри круга, сочетаются с предложным падежом. Таковы *в, на, при, по* (во временном значении последования), *о* (основное значение: пребывание, заключение в собственных пределах, отвлеченное «круговое» обладание). Эти абстрактные намеки определяют лишь фон, общую канву разнообразного употребления предлогов».

В.В. Виноградов. Русский язык.

No peevish winter wind shall chill
No sullen tropic sun shall wither
The roses in the rose-garden, which is ours and ours only

But this dedication is for other to read:
These are private words addressed to you in public.

T.S. Eliot. A Dedication To My Wife

Скоро ли свежий снег?
У всех ожидание на лицах...
Вдруг зимней молнии блеск!

Басё

1.
Snow is falling... Tombe le neige...
Подскажет ли снег, на каком языке тосковать
о любимой?
Падает снег на язык и не тает

2.
Снег длится и длится
Только снегом ли мерится время разлуки с
любимой?
Слезы и те уже падают снегом

3.
Снег упрям и неистов
Разве снегом теперь рассыпаются чувства к
любимой?
Думы скованы снегопадом

4.
Снег валит и несется
Разве в каждой снежинке не жду я вестей от
любимой?
Пустота ожидания между снегами

5.
Снег слепит и глушит
Разве сквозь снегопад не могу я уйти за лю-
бимой?
Надежда обрела цвет снега

6.
Снег ложится на свет
Так ли утром искрился снежнейший покров
под любимой?
В объятьях моих – только снег

7.
Снег снисходит и сходит
Таким ли соборным вздымается снег над лю-
бимой?
На колени меня ставит снег

8.
Снег повис без движения
Разве эта зима отражается снегом в люби-
мой?
Снег снаружи меня и внутри

9.
Снег дышит и пышет
Не снежную ли королеву хочет вылепить
снег из любимой?
Снег горит от восторга

10.
Снег крушит и крошится
Не падет ли со снегом мой город, что цвел
при любимой?
Снег белеет в зрачках

11.
Снег томится и мечется
Не таким ли теперь снегопадом сойдется весь
свет на любимой?
Память покрылась снегами

12.
Снег колеблется и маячит
Неужели зима направляет снега свои против
любимой?
Могильный сугроб

13.
Снег влечется и шляется
Разве снежная вьюга не смолкнет навек пред
любимой?
Ушная раковина со снегом

14.
Снег рыщет и гонится
Это, наверно, с земли снег летит в космос по-
верх любимой?
Притяжение зимы

15.
Снег рисует и пишет
Какие еще завихрения узорные снег наметет
в применении к любимой?
Снежная маска печали

16.
Снег вяжет и ткет
Неужели настолько хитры ходы снежных фи-
гур из-за любимой?
Заснежены воздух и твердь

17.
Снег мельчит и мелькает
Разве может хотя бы одно из заснежий прой-
ти вне любимой?
Снег по обе стороны дня

18.
Снег вихрит и кружится
Какие же знаки уныния очертит теперь этот
снег по любимой?
Отчаяние снегопадения

19.
Снег снует и роится
Какие дары припорошила эта зима для любимой?
Снежная слепота
20.
Снег стремится Новый год
Неужели надвьюжный Христос снова явится ради любимой?
Басё как заснеженный Будда
21.
Снег торопится к вечеру
Неужели опять снегопад занимает свою красоту у любимой?
Зеркало в снежной вуали
22.
Снег рождается и умирает
Неужели один только снег шел на этой земле до любимой?
Белоснежная скорбь
23.
Снег манит и пугает
Неужели в конце снегопада уже никого не останется, кроме любимой?
Кромешная снежь
24.
Снег стареет и ноет
А не снежная баба ли ждет меня вместо любимой?
На висках седина как пороша
25.
Снег идет на преступление
Неужели и в сердце наступит зима вопреки столь любимой?
Тюрьма заперта снегом
26.
Снег идет как часы
И какую же бездну откроет снег по-над любимой?
Снежный круг Ада
27.
Снег бьется и бьется
Неужели снегопад строит глухую стену по-за любимой?
Удар сердца об лед

28.
Снег дает белую тень
Не убелится ли снег еще более после любимой?
Снеговое молчание
29.
Снег пошел домой
Какой жемчужный вихрь вырвет снег из-под любимой?
Небо – в снегу – наизнанку
30.
Снег приближается и отдаляется
Разве эта зима не разляжется снежным ковром возле, подле любимой?
Шаги серафима со снежной звенью
31.
Снег забегает вперед, отстаёт
Только разве осмелится снег пройти прежде любимой?
Снежный занос сознания
32.
Снег ищет знакомые улицы
Но когда же пойдет снегопад вдоль любимой?
Снежный ком к горлу
33.
Снег бродит и бредит
Когда мой щекотливый и нежный снежок попадет внутрь любимой?
Снежный ожог
34.
Снег маячит и мается
Сколько же будет тянуться еще эта вся снеговерть вокруг любимой?
Повешенный Таро под снегом
35.
Снег смеется и плачет
Сколько еще таких долгих снегов впереди у любимой?
Снежная глухота
36.
Снег выходит и входит
Неужели ни одна снежинка не пролетит мимо любимой?
Тайная жизнь зимы

37.
Снег стучит во все двери
Наверное, выход из снега – напротив любимой?
Уход в снег

38.
Снег шумит и ликует
Когда ж начнется снегоцветный карнавал
окрест любимой?
Снег на кресте

39.
Снег замечает следы
Не сотворится ли новый заснеженный мир
сообразно любимой?
Снег Творения Господня

40.
Снег устал и склонился на грудь
Разве снежок изогнется средь блесток на
ложе, подобно любимой?
Нега снега

41.
Снег утихомирился
Только разве влечение валких снегов соразмерно любимой?
Хиромантия смутных снегов

42.
Снег пускается в пляс
Разве снова ведет хороводы зима не согласно любимой?
Утешение снегом

43.
Снег летит на закат
Разве в крошечном снегу не придешь к сути
жизни посредством любимой?
Крещение снегом

44.
Снег попадает впросак
Разве хитросплетения зимы не по части любимой?
Под снегом – капкан

45.
Снег подводит итоги
А это богатство и роскошь снегов не за счет
ли любимой?
Первородный снег грехопадения

46.
Снег торжествует
Разве снежное небо кладет нам венец и дает
пир по случаю любимой?
Снег во время чумы

47.
Снег совершает обряд
Неужели и эта метель появилась под видом
любимой?
Снег во тьме светит, и тьма не объяла его

48.
Снег шуршит и ветшает
Или все серебро отчуждает зима только в
пользу любимой?
Снежный соблазн

49.
Снег свешивается с веток
Только разве вести этот весь снеговой ритуал
не под силу любимой?
Золотая Ветвь в снегу

50.
Снег бросается в небытие
Неужели история всех мировых снегопадов
идет в продолжение любимой?
Заснежен райский сад

.....

101.
Снег возвращается в прах
Разве, пройдя через снег, любимая снова не
станет любимой?
Только снегом кончается снег

Ксения РОГОЖНИКОВА

Поэт, писатель, переводчик. Окончила Высшие Литературные Курсы в Литературном Институте им. Горького, семинар детской литературы (2007-2009.) Автор сборника стихотворений «Разница температур». Участница V-VII Форумов Молодых Писателей в Липках (2005-2007 г.), Форума Детских Писателей России в г. Старая Русса. Победитель «Поэтических боев без правил» сезона 2007 года (театр «Арт-и-Шок»).

Я потрогала кожу на лапе у крокодила –
Это был первый весенний лист.
Так далеко ты ни разу не заходила,
Но не оглядывайся, сдержись;

Пусть тебе снится рисунок на дне колодца,
Остроконечный, как кленовая вязь.
Не замечен никем, он по стенам вьется и вьется,
Попытайся вновь уловить ту тончайшую связь,

Между тем, что не может никак походить друг на друга.
Сжав псалтырь, выбирайся на ощупь из темноты,
Тьма тебя встретит следующим кругом –
Кружатся над бездной исписанные листы.

Эта весна – больше весны для тебя – не она ли начало
Погружения в детские, давно позабытые сны?
Выбирайся на ощупь, это все, что осталось,
Пусть шевеление губ выдает, что читаешь псалмы.

Это шелест травы или произнесли мое имя?
Сладкий, тягучий звук рождается где-то в груди.
Ответом на зов, ответом на клич мой синий
Вечер несется, поет, гудит.

Это имя и я делаю шаг навстречу;
Повторенное тысячу раз за тысячу верст пути.
Поле пшеницы - огромный живой кузнечик,
Я лежу в желтых стеблях твоих – лети!

Мои руки становятся крыльями,
когда думаю о тебе.
Прикоснись ко лбу тыльной
Стороной ладони; робеть

перестану. Жду малейшего знака,
что ты со мной.
Будет утро греметь и звякать,
Повторяя вопрос простой –

Отчего грустит поваренок
С пустой тарелкой в руках?
Смотреть влюблено, слушать влюблено,
Как плещутся три кита

Далеко в основании планеты,
и аисты клином летят,
Слишком много всего – где ты?
Мне опять никуда без тебя.

Наверное, в прошлой жизни я была мандаринкой –
И фруктом цитрусовым, и женой китайского императора.
Поэтому чувствуется иногда горчинка –
Это косточка на зубок попалась, это жерло кратера,

И лучше б на край его не ступала
Ни нога человека, ни лапа зверя,
Перемелет человечка опала,
Зверя тяжелым взгреют.

Этому краю и так страшно от самого себя –
он любитесь каждым остроконечным выступом,
Пытаясь представить – здесь можно ползком, здесь скользя,
А здесь перебежками – короткими, быстрыми.

Так длится моя медитация: глубока и легка,
Куда бы мне деться от этой нирваны, от этого сатори?
От цитрусового пощипывания языка,
От невозможности этой – быть кратером.

Семафорами, светофорами,
На развилках, стрелках и перекрестках;
Не нужна никакая фора
На этой дистанции к небу и звездам.

Что ты шепчешь так горячо и долго,
Будто я опять не с тобой?
На этом пути поворотов столько,
Ты моя самая нежная боль,

Стала вдруг невыносимой:
Вновь тот же самый тупик.
Поднимет ли безграничная сила
Над лабиринтом из крыш и книг?

Терпи, и огни не погаснут.
Все быстрее внутри круговерть
Этой вести, приходящей к нам разной:
Бог-надежда, Бог-стыд, Бог-смерть.

Когда её отыщешь пес
 Меня ты пригласи
 Шагами
 Мы необъятными полями
 Росой умытые травой
 Пройдем с тобою
 Ангел мой...

И было утро
Вечер задержался
Я видел сам непроданный билет
Сквозь величайшую загадку пальцев
Хранящих дым погасших сигарет
Я раскрывал
Цветами на перроне
Минорной хрипотцой последних птиц
Тот вечер не допущенный к вагону
Игру свирели позабытых лиц...

Странно
Когда откроет двери саван
И небо снова станет степью
Под ноги бросит километры
И мы начнем их собирать
Просить
Нет клянчить подаянье
Шепча беззубо только странно

И ухом припадать к траве
Она ведь наш проросший шепот
При-тронный яд, пре-горький опыт
Хранитель наших прошлых тайн
Песком утекших километров
Часовщиком забытых ветром
Каминной гробовой доски
Вернувшей савану куски

Любовь МЕДВЕДЕВА

*Русская.
Женский.
Город Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.
Не была.
Не выезжала.
Не награждалась
Поэт.*

РАСПЛЕТЕННЫЙ ВЕНОК СОНЕТОВ

1. КЛАССИЧЕСКИЙ

Классически построенный сонет
Рожден в Италии напевно говорящей,
Его хрустально-звездный свет
В катренах рифмой оперён парящей.

Лишь тонкий звон. И, несомненно, нет
В них Дантовой непроходимой чащи,
Катренов радостно-пленительный дуэт –
Мелодия Венеции пьянящей.

Два заключительных волнующих терцета
Объединяясь, образуют крест.
Они надежно сплетены из света,
Как лозы ярких итальянских мест.
В сонете сил сверкающих избыток,
В них дух Петрарки для меня воскрес.

2. ИТАЛЬЯНСКИЙ

В них дух Петрарки для меня воскрес.
И, опоясав рифмой два катрена,
Сонет царит в отваге неизменной,
Не дантов ад, не заблуждений лес.

Соединенье солнечных чудес
Волшебные выстраивает стены –
И готики божественная пена
Напоминает, что Христос воскрес.

И потому таинственная Троица
В сонете образует три угла –
И рифма триединая зажглась.
И о гармонии не стоит беспокоиться.
Душа освобожденная смогла
Живительного света вызнать власть.

3. ФРАНЦУЗСКИЙ

Живительного света вызнать власть
Мы все пытаемся, когда приходит страсть
К французской форме многолико-яркой,
Мир кажется сияющим подарком.

Внутри катренов воздух страстно-жаркий –
И мысль огнем беспечным занялась.
И, с девами нацеловавшись всласть,
Сонет проходит сквозь двойную арку.

Но испытанье радуги двойной
Катрены оставляют за спиной,
Дают дыхание терцету неизменно
Он к новой жизни светом возрожден.
Как сосны вековые под дождем,
Он вырывается из царственного плена.

4. АНГЛИЙСКИЙ

Он вырывается из царственного плена:
Почти шутя, меняется сонет,
Ему тесны устойчивые стены,
Как девушке затянутый корсет.

Но стоит снять – и дышится привольно,
И мода новая всем по сердцу пришлась.
Как хорошо, когда дышать не больно,
И можно бегать и резвиться всласть!

А в Англии, чуть чопорно одетой,
Не только дождь господствует косой,
На островах холодным летом
Бежит катрен свободный и босой.

В нем простота и свежесть мира,
В нем дух мудрейшего насмешника Шеспира.

5. СВЕРНУТЫЙ

В нем дух мудрейшего насмешника Шеспира.
Он беззаконье обратил в закон.
Продут упрямым ветром Альбион,
Хрипит от холода торжественная лира.

Катерны любят бури перезвон –
И вот, сонет привычный изменен.

На рубеже столетий стало модно,
Созвучья ниткой наметав живой,
Пренебрегая прежнюю канвой,
Сонет преобразовывать свободно.

6. БЕЗГОЛОВЫЙ

Сонет преобразовывать свободно
Явилось сразу множество причин
И улетает птицею зачин:
Немногословье нынче стало модно.

Читателю не нужно лишних слов,
Чтоб осознать истоки и причины.
И шорох фраз парадных бестолков:
Не сокрушить ненужную кручину.
Сонет новорожденный безголов,
Как самолюбием страдающий мужчина.

7. ТРЕУГОЛКА

Как самолюбием страдающий мужчина,
Когда слова все сведены на нет,
Сонет не клонит перед нами спину,
Как молодой заносчивый корнет.

Нашел Наполеона треуголку –
Один единственный терцет:
И малым ростом не смущен нисколько.

8. ХРОМОЙ

И малым ростом не смущен нисколько,
Победоносен, как Наполеон,
Катрен ступает, словно по осколкам,
В плену препон,
Двойною сложностью чуть изменен.

Прихрамывают строки, то и дело
Отвешивая барышням поклон.
Глядишь, и форма новая поспела,
И в унисон –
Взлетает выше колокольный звон.

Что тосковать о жизни прежней?
Душа цветов – святой и нежный
Волшебный свет.
Отважен путь земного восхождения,
Когда отринуты печали и сомненья.

9. РУССКИЙ

В один момент
Становимся подвижней и мудрее –
И вот уже изменчивый сонет
В России пробует и ямбы и хорей.

А солнца вольного избыток
Созвучья парные выталкивает в шею,
Плетет венки из стеблей перевитых –
И на глазах катрены хорошеют.

Сонет мебельным блеском серебрится,
По-русски кряжист и отважно прост,
Хмельной, веселой удалю гордится
И любит свой невеликанский рост,
Он не торопится под старость на погост,
Покуда речь беспечная струится.

10. ПЕРЕВЕРНУТЫЙ УСЕЧЕННЫЙ

Покуда речь беспечная струится
Жив треугольно сложенный терцет –
Поэт придумывает вечности рецепт,
Пока, взлетая голосистой птицей,
Сонет волшебный изливает свет
И крылышком в окно мое стучится.

Как юноша с красоткой озорной
Терцеты обнимаются друг с другом,
Повенчаны сладчайшею виной,
Весной, заполнившей всю округу.

11. ВЕСЕННИЙ

Весной, заполнившей всю округу,
Слова любви и нежности звучат.
Стихает назревающая ругань,
И снег, осевший, сер и ноздреват.

Полны деревья воробьиным шумом,
Сосульки плачут ночи напролет.
О знойном лете вырастают думы –
И скоро солнце жарче припечет.

Мир молодящийся и, все же, старый,
Коснувшись света, юность обретет,
Покрывшись свежим солнечным загаром,
Жизнь вырвется из мстительных тенет.
Дается счастье даром.
Жаль, не супружеским сварливым парам.

12. СУПРУЖЕСКИЙ

Жаль, не супружеским сварливым парам
Пытаться руганью отчаянно взбодрить
Хотя бы искры прежнего пожара:
Угасший пыл нельзя разворошить.

И вот, терцет поставлен в середину
И ложа двух сердец разделены –
И оба молча маяться должны.

Катрены постаревшие больны
И, увядая тихо, постепенно,
С нелепым чувством грусти и вины,
Шагнуть уже не в силах через стену.

Но молодость минувшая волнует –
Пусть эти волны людям не слышны,
Но стены упраздняют снова сны.

И посещая ночью жизнь иную,
Они по полю вешнему идут...
Но только звездный час минует,
Их дом ветрами ярости продут.

13. ПОЛОВИННЫЙ ПЕРЕВЕРНУТЫЙ

Их дом ветрами ярости продут.
Их души бытом нудным недовольны –
И сами счастье у себя крадут.

С ног на голову перевернут добровольно
Сонет, который прост и прочен,
Но встречи с ним, как то ни больно,
Становятся все реже, все короче.

14. АЗИАТСКИЙ

Становятся все реже, всё короче
С поэзией томительные встречи
И виноградно-сладостные ночи.
Ложится время тяжестью на плечи.
Судьбу мы сами весело калечим.

Мир остается неизбежно сложным,
Хотя ему пристала простота.
Его касаться нужно осторожно.

Дух надвое не в силах расплатать,
Не в силах мы сложнее и проще стать.

15. НАМЕК

Не в силах мы сложнее и проще стать:
В нас двуединство прочности сонета.
Бессмертен дух, по всем приметам,
Он в новой жизни будет прорасти.

Не забывая прошлые каноны,
Мы будем строки внешние искать...
Дыханье ветра в душный дом пускать
И перепрыгивать счастливые препоны.

Венок классический вновь расплетен –
И в радугу сонетов обращен,
Нарушен вечный девственный канон,

Чтоб был предельно ясен на просвет
Классически построенный сонет.

Владимир ВОРОНЦОВ

Поэт. Родился в Алма-Ате. Выпускник литературного семинара Общественного Фонда "Мусагет". Окончил филологический факультет КазНПУ в 2008 году. Публикации в книгах "Картель Бланшар", "Гран Фри", "сорок.четыре", ЛХИ "Аполли-нарий", «Литературной газете Казахстана» и антикоммерческом антипериодическом альманахе «Ылшо Одын». Финалист поэтических боёв без правил (2008). Лонг-лист премии дебют по поэзии 2009 года.

* * *

зелёный бог на тонких ветках спит из окон
хосписа глаза восторженно глядят уста-
ли от света тусклой лампы зрачки и жилки
кровавые прорезали белки сонных оч-
ей недосуг смотреть наружу в коридорах
в халате белом затаилась в ожидании
а бог зелёный с влажных веток сползает и
выкрикивает в сотни невидимых ушей
в небесах мокры облака я есть я вот я
здесь в незримой глубине воображения
той что сидит закинув вдумчиво голову
забыв о жаждущих укола зелёного
бога слушает провозглашающего всем
счастья сейчас ожидающим каждому сво-
его не дожждётся никто единственный раз
лишь вспыхнет вдруг погаснет сразу темнотою
озарится навеки в звёзды врезываясь
летит бог зелёный ветки оголились дав-
но ей нелегко сидеть за столом на игле
каждое дежурство испытание для неё
она уколы ставит всем совсем не важно
для чего всё это смысл не заботит утром
надо просыпаться и делать то что хочешь
иначе придётся заниматься постылым
врезавши дозу идёт она на работу
зелёный бог ей улыбается он всюду
в столе в игле в таблетках в койках делит двери
пополам и светит солнце в хосписе тепло

* * *

кладбищенский сторож пугается но-
чью тень увидел он бродящей или
в окно посмотрев ошибся пьянчуга
ужасна о вечность смертью прекрасна
жизнь вершится каждое дело закон-
ченностью чинен быть должен живущий

урчит в животе и от водки в глазах
сливаются тёмные силуэты
за второй сторож кладбищенский спешит
испуг поборов до лобазы рукой
подать ему нищему духом один-
окому жутко вьются тени свежей
землёй пахнет воздух кладбищенский поп
забыл помолиться и ночь простыла
похмельем сковав по рукам и ногам
догнавшись сторож из берданы палит
по звёздам пугая вандалов и те-
ни спускаются к подножьям надгробий
постылая вечность сейчас кажется
глупой шуткой творца опьяневшего
сторожа не унять до утра вдовы
придут с рассветом молить за упокой

* * *

пасьянс не сходится увы в колоде
не хватает карты пьяный дворник
уже вымел её вместе с мусором
и даже не заметил крестовую
девятку когда он напьётся часто
жалуется людям на жизнь отсидев
за убийство жены остался один
дети которые уже выросли
отреклись от отца замучил артрит
с надеждой и верой отчаявшийся
дворник пошёл в церковь и обратился
к священнику за советом но тот был
уставшим от долгой службы к тому же
его изводила изжога и стояк
к тому же припёрло по большой нужде
не выслушав как следует дворника
священник на всякий случай отпустил
ему грехи безгрешный дворник вымел
случайно карту недостающую
в колоде увы не сходится пасьянс

Иван ПОЛТОРАЦКИЙ

Поэт.

Родился в 1988 году в Алма-Ате.

Выпускник мастер-класса ОФ «Мусажет»-2006.

Учится в Новосибирском Государственном Университете на отделении филологии.

Живёт в лесу под Новосибирском.

А так всё в порядке.

Недовера

Что делать-то, Господи, – я не доверил
никому, ничего,
ни тебе, ни себя.
Я тянул бичевой
всё, что, мог, к небесам,
даже был с облаками вровень.
Веру выронил, проворонил
и осталась одна не-до-вера –
безрукавка моя, телогрейка,
белокаменная Венера.
Села солнечная батарейка,
заяц плюшевый с барабаном –
я шагал по закатным странам,
даже верил, что я – душа.
стал со временем меньше шаг.
и не верю теперь – зверею,
вызреваю зазря, старею.
– Извини, меня, Боже-Боженька,
измени меня, если можно так,
обними меня, осторожненько,
полюби меня, хоть немножечко,
погуби меня, Боже-Боженька,
брось меня,
не оставь меня,
Боже-Боженька!
Боже-Боженька...
А у тех, кому с неба – манна,
просыпается из кармана
вера зёрнышками гречишными.
Говорят они мне, сиротиночке:
– Хоть ты много кричишь, но мы
не дадим тебе ни крупиночки,
потому что ты – недовера,
пустота – твой предел и мера.
Уходи, – говорят, – отсюда,
мы не любим тебя, Иуда!
Я ответил бы: «фарисеи»,
только сам такой,
я, как свет, рассеян.

А у них – до конца – до-вера.
И не мелочи мне, не милости.
В грязном рубище лицемера
как не веры мне –
хлеба вымолить?

Я понял, что это у-вечное чувство
меня не отпустит никак, –
взял себя в руки
и вымел весь хлам изнутри.
Теперь там просторно и пусто –
такая акустика –
эхо-призраки-звуки
и больше не бьётся
на раз и на два и на три.
Ничего совершенно
лишнего –
лишь
хорошая слышимость,
хорошая слышимость.
Я стою на горе, распахнутый
всем весёлым семи ветрам.
Я – земля – без зерна распахана.
Я – оставленный Богом храм.
Клетка колокола – пуста
и под куполом – темнота.
Залезай ко мне в грудь
– там такая акустика –
там вчера ночевала музыка.
Места хватит на всех – залезай кто-нибудь!
Я теперь далеко –
в Алмате, Катманду.
Босоногий мой шёлковый путь
по траве, по рукам, по льду.
Оставляю записку и хлеб с молоком, –
ешьте ангелы-голуби-люди,
кто там будет гнездиться потом.
Кто там, Господи, будет...?

Imagine

Звонок Джону Леннону с неизвестного номера:
 «Есть такая страна, Джон,
 где
 все играют на банджо
 и не думают о еде.
 Ты даже не представляешь, Джон, –
 они питаются светом,
 исходящим от собственных жён.
 Свет со вкусом вина и хлеба,
 свет, играющий на ветру.
 Смотришь в небо,
 перебираешь
 полоски струн,
 лёжа на тёплых коленях жены,
 и никакие занятия больше тебе не нужны.
 Тебе понравится, ты не такой пижон,
 приезжай вместе с Йоко, Джон.
 Аж сердце ёкает, когда думаю, что снова тебя
 увижу,
 это даже лучше, чем ночью гулять по Парижу.
 Если не хочешь банджо,
 то захвати свой старый, как смерть, рояль.
 Это такая страна, Джон,
 там совсем не нужна мораль:
 ты играешь – жена излучает свет;
 и ни войны, ни религии – нет.
 Это не страшно – подай мне знак,
 я пришлю за тобой упряжку
 и несколько звёздных собак.
 Их потом не догонишь
 ни на самолёте, ни на корабле.
 Ты понимаешь, Джонни,
 эта страна не совсем на Земле.
 Да, что-то вроде Клондайка:
 добираться только на лайках,
 работать, не покладая рук,
 только климат мягче и вместо золота – звук.
 Здесь много отличных ребят
 и настоящего рок-н-ролла.
 Не знаю, как насчёт Пола,
 а Джордж скоро будет здесь.
 Бросай свой Лондон
 и его туманную спесь!
 Как выйдешь на улицу,
 крикни: «Довольно!» –
 возникнет
 возникший по имени Марк.
 Сначала будет немного больно,
 потом беспросветный мрак;
 а через секунду ты будешь дома, Джон.
 Начни с тональности до мажор...

Некоторые книги

Некоторые книги открываются, как глаза.
 Жизнь заканчивается внеза...
 Внезапной жизнью
 в другом переплёте.
 В чёрной коже без тела – жизнь.
 Шелестишь страницами,
 думаешь о перелёте
 вдаль – за облачные стеллажи.
 Это свойственно человеку –
 верить в райскую библиотеку,
 верить в адскую библиотеку,
 в Александрию ходить как в Мекку;
 верить истово, верить чисто
 в лавку старого букиниста.
 Или просто – во избежание –
 верить в собственное содержание.
 Знакомое, к сожалению,
 только по одному оглавлению.
 Некоторые книги никогда не отводят взгляд.
 Веки у них воспаляются, страницы у них болят.
 А слово – та же самая стрекоза,
 у слова – фасеточные глаза,
 ухвати его за крыло – трепещет.
 Бьёт, потрескивая, по пальцам
 сегментарным тугим хвостом.
 Человек как бумага – плавится.
 Комната вздрогнет и сбросит вещи.
 Осенью книги желтеют листом.
 Но, в общем-то дело не в том.
 просто книги пишут книги,
 а люди делают людей.
 И если,
 люди пишут книги,
 а книги делают людей,
 в итоге
 Получаются не то чтобы книги,
 И не то чтобы люди.
 Жизнь движется и не за...
 Некоторые книги закрываются, как глаза.

Свет

Поэзия – я и Эзоп.

Чтобы получить поэзию – раз-

ла-мы-вай сухую ве-точку фразы, пока не появится сок; набери полный рот булыжника и разговаривай с океаном, пока не выучишь его на-речие в совершенстве; изобретай язык заново: чёртово колесо, кругосветное путешествие; переписывай с чёрным упорством книжника то, что тебе отмечено – в подлиннике ногтём того, кто был раньше и старше и выше; копируя его почерк, надламывай кисть ради одной-единственной буквы.

Он вышел из кельи на свет. Будет время – и мы прорастём звуком через асфальт.

Впрочем, необязательно: солнце на подоконнике, узкая полоска света из-под двери – этого вполне достаточно, даже не надо космоса.

Маленькая стрелка компаса подрагивает внутри.

Не ищи никакого искусства, но не пробуй сбиваться с курса: там она – настоящая родина души моей.

и не важно за семь или 8 морей...

Я бутылкой качу по дну,
за волной пропускаю волну,
не тороплюсь: уверен,
(вера никак не версия)
что, разбившийся в кровь о камни,
я проснусь в Галилейской Кане,
(или, может быть, где-то около)
стану тёплым и чистым стёклышком,
чудом выброшенным на берег,
отражать настоящий свет...

Поэзия – суть дисперсия.

Пре-
ломление Бога
на всех...

Равиль АЙТКАЛИЕВ

Прозаик, поэт, драматург, редактор, издатель.

Родился в Алма-Ате в 1956 году. Выпускник мастер-класса фонда "Мусамет", публиковался в журналах "Аполлинарий", "АМАНАТ", сборниках "Картель Бланшар", "Гран Фри", «сорок. четыре», автор сборника пьес "Песня-81" и книги "Там, где нас нет".

Тема

Прочитал в сборнике восточных поговорок или пословиц:

“Будда из глины не может переправиться через воду.

Будда из дерева не может переправиться через огонь”.

Понял – тема с вариациями...

Будду из нефти качает туда сюда.

Будда из денег – непоседа, вчера был здесь.

Будда из работы или такой же, или очень похож,
и пропадают они на пару,

а Будда из коммунальных счетов – наоборот,
появляется и любит порядок оплаты.

Будде из сердца ничего нельзя приказать,

а Будде из головы – можно всё, что придёт в голову.

Будда из развода смотрит на Будду из свадьбы
и хохочет, как Будда из шестой палаты.

Будда из лифта постоянно застревает на третьем,

а Будде из пассажира еще шесть топать,
поэтому Будда из нехороших слов – небоскрёб,

а из хороших – уровень моря.

Но через лестницу и дверь они переправятся.

Поможет глянцевого Будда

из журнала “Добрые мускулы ног”,

а матовый Будда из сигареты – вредный,
он не поможет.

Молчание телефона

На столе телефон, но телефон молчит.
Линия в порядке, и счета оплачены,
это я сам отключил, чтобы подобрать
способ передвижения или вид транспорта.
Я бы, конечно, летел самолетом, но
аэропорт закрыт до прояснения,
и галстук надо искать, а, может, легче купить новый.
Далее.
Я, естественно, плыл бы морем,
но у меня нет к нему выхода.
Теперь.
Я бы, наверное, поехал в авто ,
но у меня для него пробки, а у него для меня выхлоп.
Насчет велосипеда – экологически безупречно.
Если только не осенью.
Наконец – можно пешим ходом.
Но на улице холодно, придется надеть пальто,
а у меня нет к нему пуговиц,
они остались в автобусе, вместе с купюрами и сотовым.
Да, забыл – есть ещё сновидения,
очень экономно, а главное – быстро.
Но ведь можно случайно увидеть деньги или мясо,
а это, говорят – к нехорошему.
Оригинальные виды и способы:
телекинез, прыжки с шестом, бронепоезд,
тоже имеют ограничения.
Но телефон тут, скорее всего, ни при чем.
Можно включать, можно так оставить.

“После дождя”

Его иногда называют “после дождя”.
Оно приходит малыми каплями в четверг.
Кто дождется, тому, считай, повезло.
Кто не дождется – это ничего, это как все.
И что, у нас теперь такие дожди?
Где тут намокнуть – три капли на зонт через полчаса.
Хотя, все верно – дождичек, он такой и есть.
Хотел сказать – дождички, они такие всегда...
Ноль часов одна секунда, день пятый.
Минеральная вода без газа
течет прямо из земли в пластиковое горло,
а, чуть погода – обратно в землю.
Полупустая форма падает на дорогу.
Если переедет колесом, останется шорох.
Случается ежедневно.
По четвергам бывает и до, и после,
и в сухой сезон
и зимой тоже.

Проба пера

Арыстан АЙКУЛАК

Позиционирует себя как акын и жырыу. Учит казахский язык. Экспериментирует в поэзии на русском языке. Родился в 1986 году в Алма-Ате. Живёт в г. Капшагай Алматинской области. Образование неоконченное среднее. К публикациям безразличен.

Среди бурных повседневности рек
Пропадает ақ жүрек.
Пыл раздавлен и втопан в пыль,
Загнивает алтын акыл.
Листья осени катятся ниц
Под пожаром случайных птиц,
Күн жарық невесел и пуст,
Завалился, как месяц, в кустах.
Это вредная старуха күз,
Это чёрные крылья құстар,
Парит, как коршун, көгершін,
Как птица райская – торғай.

О құмыра – большой кувшин,
Шарап-вина мне наливай.
В этой клетке поёт бұлбұл,
Осень счёт ведёт балапандар.
Акыну тесно он влезает на стул,
Пропадают талант и дар.
Ит тойған жеріне – наливай!
Ветер носит собачий лай,
Как влюблённый в себя нахал,
Не промозглый мезгіл,
а сплошной дастархан.

В тексте использована казахская этнолексика:

Ақ жүрек – чистое, светлое сердце (поэтич.).
Алтын акыл – золотой разум (буквально.)
Күн жарық – светлый день.
Күз – осень.
Құстар – птицы.
Көгершін – голубь.
Торғай – воробей.

Құмыра – кувшин.
Шарап – вино.
Бұлбұл – соловей.
Балапандар – цыплята.
Акын – поэт.
Ит тойған жеріне – там, где досыта наелась собака (букв.).
Мезгіл – время года.
Дастархан – стол, угощение.

Айгерим ИКЕБАЕВА

Республика Казахстан, Карагандинская область, город Каркаралинск, СШ № 44. Ученица 11 «А» класса.

Я живу в Казахстане и очень горжусь этим. Казахстан – необъятная страна, страна гор, голубых озёр и рек, лесов, голубого мирного неба, с дружелюбным народом, включающим в себя 120 национальностей.

В этом уникальная особенность моей страны.

Созвучие лирики С. Есенина и М. Макатаева – единство философских мыслей в поэзии

«Дорогие товарищи мои! Если вы действительно намерены исследовать мою биографию, мое творчество, то не забудьте прочесть все, что написано мною, где я через свое «Я», не утаивая, в стихах вел летопись своей жизни»

М.Макатаев

В творческой судьбе каждого настоящего, большого поэта бывают незабываемые дни духовного подъема и единения с народом, когда он чувствует, что голос его отзывается могучим эхом в народной душе, когда он видит, как с его стихами на устах люди смело идут на бой, на труд, на подвиг и на смерть. Потом, иногда еще при жизни поэта, на смену ему вместе с новым поколением приходит новый поэт, в чьих стихах с особой силой начинает звучать дыхание новой эпохи. И вот уже этот новый поэт становится властителем дум своего времени. Так, из поколения в поколение, из эпохи в эпоху передается поэтическая эстафета жизни. Литераторы всегда с признательностью думают о тех поэтах, которые, как Прометеев огонь, пронесли неугасимый факел свободы и правды жизни.

«Чем крупнее, талантливее поэт, тем глубже степень познания и отражения им окружающей его действительности, тем полнее и ярче раскрывает он в своем творчестве характерные черты эпохи и прежде всего те исторические взрывы и потрясения, которые связаны с революционной борьбой его соотечественников за свободу и независимость Родины»- пишет известный литературовед и критик Ю. Л. Прокушев.

Родина... Как много она значит в жизни каждого человека. Без нее нет ни счастья, ни любви, ни жизни.

Родину не выбирают по своему вкусу и желанию – так же, как не выбирают себе мать. Она у человека одна, другой никогда не будет. Веками складывалось понятие Родины.

Издавна славилась Россия и Казахстан «мастерами слова», поэтами. С давних времен воспевали они свою Родину. Тема Родины, философские стихи, любовная лирика проходит незримым мостом, связующий сердца двух великих поэтов XX века С. Есенина и М. Макатаева.

С выдающимся поэтом С. Есениным Макатаева многое роднило. Существуют очевидные параллели, которые роднят этих художников. «Есть шарманщики, которые крутят дешевые мелодии, срывая сиюминутные аплодисменты и медные гроши. А есть Моцарт, которого легче отравить, чем терпеть его гениальность... Эй шарманщики! Не вам судить меня. Настоящие судьи впереди...» – так писал в своем дневнике поэт Мукагали Макатаев. Как же подходят эти горькие строки и творчеству С.Есенина.

Есенин и Россия. Это и широкое поле, и темная кромка леса у горизонта, и тонкий молодой месяц и белая береза, и старый клен, и роща золотая, и журавли, и « костер рябины красной», и разливные бубенцы, и «страна березового ситца».

Константиново, где родился С.Есенин, вовсе не деревенская глушь, а большое, чистое, утопающее в зелени село. В Спас-Клепиковской школе Сергей хорошо изучил церковнославянский язык, что позволило ему прочитать в оригинале «Слово о полку Игореве» и полюбить его. Он знал наизусть отрывки из «Калевалы», стихи Лермонтова и Некрасова, Никитина и Кольцова, Фета и Тютчева. Но больше всего был привязан к Гоголю и Пушкину, учился у них. Как и Пушкин, искал истоки «песенного слова» в народном творчестве. «Это все есть у народа, – говорил Есенин. – Это только надо найти, прочитать, услышать, по-своему осмыслить».

Первый образ, который рождает воображение, когда мы вступаем в поэтический мир Сергея Есенина, – это береза. При чтении стихотворения «Береза» мы чувствуем, как Есенин жадно вглядывается в картины природы: с трепетом ожидал восхода солнца, засматривался на очертания старого леса, на поля, покрытые зеленеющей рожью и васильками. В детстве и отрочестве он был счастлив. Думаю, все это отразилось на становлении его как певца родных просторов, певца Родины.

Первый сборник стихов Есенина появился в 1916 году. Назывался он «Радуница». В нем воспеваются родная природа. Есенин часто говорил: «Я деревенский поэт». И действительно, человек и природа у него – единое целое. Поэт ощущал себя частицей природы. Мир природы у Есенина наполнен цветом, звуком, движением, его обитатели очеловечены: береза «принакрылась снегом», снежинки горят «в золотом огне», заря обходит березу, осыпая ее «новым серебром». А стихотворение «Русь» – это трепетное признание в любви к Родине.

Октябрьская революция вихрем пронеслась над Россией, ломая многих. Есенин выстоял, принял революцию, «но с крестьянским уклоном». Время наложило отпечаток на все творчество поэта, отразилось на его взглядах. Но путеводная звезда его жизни оставалась прежней, какой он однажды полюбил, – это старая деревенская Русь. И вторжение в ее просторы городской цивилизации Есенин переживал болезненно. Новая деревня казалась ему чужой. В ней он видел конец истинно сельского уклада жизни: вот и назвал себя «последним поэтом деревни». Но, несмотря на это, он не переставал повторять: «Я очень люблю Родину».

И в любовной лирике Есенина тема любви сливается с темой Родины. Автор «Персидских мотивов» убеждается в непорочности безмятежного счастья вдали от родного края. И главной героиней цикла становится далекая Россия: «Как бы ни был красив Шираз, он не лучше рязанских раздолий». С радостью и горячим сочувствием встретил Есенин Октябрьскую революцию. Вместе с Блоком, Маяковским он без колебаний встал на ее сторону. Произведения, написанные Есениным в то время («Преображение», «Инония», «Небесный барабанщик»), проникнуты бунтарскими настроениями. Поэт захвачен бурей революции, ее величием и рвется к новому, к будущему. В одном из произведений Есенин восклицал: «Мать моя – родина, я – большевик!» Характерны были представления поэта о цели революции, о будущем, о социализме. В поэме «Инония» он рисует будущее как некое идиллическое царство крестьянского благополучия, социализм кажется ему блаженным «мужицким раем». Такие представления сказались и в других произведениях Есенина того времени:

*Вижу вас, зланные нивы,
С стадом буланных коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.*

Но фантастическим видениям мужицкой Инонии, естественно, не суждено было сбыться. Революцию возглавлял пролетариат, деревню вел за собой город. «Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал», – заявляет Есенин в одном из писем того времени. Есенин начинает проклинать «железного гостя», несущего гибель патриархальному деревенскому укладу, и оплакивать старую, уходящую «деревянную Русь». Этим и объясняется противоречивость поэзии Есенина, прошедшего сложный путь от певца патриархальной, нищей, обездоленной России до певца России социалистической, России ленинской. После поездки Есенина за границу и на Кавказ в жизни и творчестве поэта происходит перелом и обозначается новый период. Она заставляет его крепче и сильнее полюбить свое социалистическое отечество и по-иному оценить все, что происходит.

«...Я еще больше влюбился в коммунистическое строительство», – писал Есенин по возвращении на родину в очерке «Железный Миргород». Уже в цикле «Любовь хулигана», написанном сразу же по приезде из-за границы, настроения потерянности и безысходности сменяются надеждой на счастье, верой в любовь и будущее. Прекрасное стихотворение «Заметался пожар голубой ...», полное самоосуждение, чистой и нежной любви, дает ясное представление о новых мотивах в лирике Есенина:

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.
Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разонравилось петь и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.*

Творчество Есенина – одна из ярких, глубоко волнующих страниц истории русской литературы. Отошла в прошлое эпоха Есенина, но его поэзия продолжает жить, пробуждая чувство любви к родимому краю, ко всему близкому и окружающему. Нас волнует искренность и одухотворенность поэта, для которого самым дорогим на всей планете была Русь.

Так как целью нашей работы является проследование созвучия лирики двух неповторимых ярчайших талантов разных народов: С. Есенина и М. Макатаева, мы далее приводим сведения о творческих исканиях казахского поэта М. Макатаева.

Как Есенину была дорога Русь, так и для Макатаева поэзия – свидетельство его огромной любви к родной земле, которая его, птенца, вырастила и помогла обрести крылья:

*Родная земля, когда смотрю на твои просторы,
У меня, у моей песни вырастают крылья.*

Мукагали... Сегодня это имя символизирует казахскую поэзию.

Мукагали... Это имя вызывает в душе образы казахские степные просторы, величественно-неприступные Хан-Тенгри и Алатау, могучие деревья, в кронах которых кроется прохлада звенящего летнего дня. Оно несет в себе свет и радость понимания бесконечности природы.

Вот одна из последних записей в дневнике Макатаева: «Дорогие товарищи мои! Если вы действительно намерены исследовать мою биографию, мое творчество, то не забудьте прочесть все, что написано мною, где я через свое «Я», не утаивая, в стихах вел летопись своей жизни». Покоримся воле поэта и отправимся с ним в до боли короткий и полный драматизма жизненный путь, как в зеркале отразившийся в его поэзии.

Макатаев родился 9 февраля 1931 года в селе Карасаз Нарынкольского (ныне Раимбекского) района Алматинской области. Заповедная красота Карасаза стала источником поэтического дара Мукагали. Как он воспевал «счастливый край» своего детства: «Мой Карасаз! Мое невысказанное чувство, Ты счастье, которое я искал!».

Карасаз – малая родина Макатаева, помогавшая ему в самые трудные минуты жизни. Она дала ему крылья и предначертала судьбу поэта: «Пой обо мне», – словно просил густой камыш».

Настоящее имя поэта – Мукаметкали. Но родители с детства ласково называли его Мукагали, считая, что носить имя Пророка нелегко и это может осложнить детство мальчика. А детские годы действительно были безоблачными. Но началась война, изменившая многое в жизни будущего поэта. Прежде всего, это возрастающее чувство ответственности за мать и младших братьев и сестер. Известие с фронта о смерти отца взвалило все тяготы по дому на плечи десятилетнего мальчика.

Но, несмотря на это, Мукагали увлекся поэзией и черпал вдохновение из книг, которые были дома. А это Абай, Ауэзов, Сейфуллин, Мусрепов. К тому времени юноша самостоятельно выучил русский язык и запоем читал Пушкина, Блока, Есенина.

Его также увлекали произведения Гете, Стендаля, Гейне, Дюма, Гюго, Байрона, Драйзера, но особое предпочтение Мукагали отдавал Бальзаку, Лондону и Шекспиру. Также вдохновение давал окружающий удивительный мир природы. Позже в одном из писем Макатаев признается: «Да, я люблю литературу. Превыше нее для меня ничего нет». Это и стало жизненным кредо поэта.

После окончания Нарынкольской школы-интерната он несколько раз поступал в высшие учебные заведения, причем успешно: на филологический факультет КазГУ им. Кирова, в институт иностранных языков, а затем снова в КазГУ на юридический факультет. Такой «букет» говорит о

незаурядных способностях юноши. В 1973 году он становится студентом литературного института в Москве, но вскоре по семейным обстоятельствам его покидает.

Макатаев рано женился. Это событие произошло весной 1949 года. Со своей будущей женой Лашын Алимжановой, Мукагали познакомился в ауле Шибут, где он в то время работал в конторе, потом был учителем русского языка в школе, корреспондентом районной газеты.

В 1962 году его семья переезжает в Алматы, и с того времени профессиональная деятельность Мукагали тесно связана с литературным творчеством: диктор на Казахском радио, журналист в газете «Социалистік Казакстан», сотрудник журнала «Жұлдыз», руководитель совета по делам молодежи при Союзе писателей.

Однако смена «внешних» обстоятельств не повлияла на беззаветную любовь к поэтическому слову, которая рождает новые и новые произведения. Начиная с 1962 года, когда выходит в свет первая книга, и до последнего года жизни поэта – 1976 – были изданы восемь поэтических сборников. Среди них «Приветствую вас, друзья!», «Когда лебеди спят», «Жизнь- поэма», «Свет мой», «Печаль сердца» и другие. За двадцать пять лет литературной деятельности Макатаев написал более 1000 стихотворений. Он стал автором таких поэм, как «Ильич», «Раимбек! Раимбек!», «Горный орел», «Беглец», «Мавр», а также рассказов и повестей, пьесы «Прощай, любовь», статей по вопросам современной казахской поэзии. Перевел первую часть «Божественной комедии» Данте. Занимался переводами Шекспира, Уитмена, восточных поэтов, русских поэтов-современников. Художественный талант его проявился многогранно.

Макатаев воспевал любовь и дружбу, поэзию и природу. Но особое место в его творчестве занимает тема Родины. В стихотворении «Мысли, рожденные родной землей» Макатаев говорит, что открыл двери в большой мир через мир своей маленькой Вселенной – золотую колыбель Карасаза.

Макатаев никогда не переставал восторгаться красотой родного края. В дневниках он нередко писал о влиянии родной природы на его душу: «О, мой создатель, благодаря тебе я впервые увидел величие и красоту природы! Моя первая любовь – родная моя земля, чистая, как родник!».

Поэзия Макатаева несет в себе огромный заряд патриотизма, основными составляющими которого является любовь к своему народу и родному языку. В стихотворении «Родина моя» поэт говорит: «Я всегда пою Отчизну мою – Казахстан». На этой священной земле все народы (казахи, русские, узбеки) – это друзья – братья. Мудрость дружбы и родства была завещана казахам их великими предками. Написанное почти сорок лет назад стихотворение Макатаева сегодня, на новом витке исторического развития, звучит очень современно.

Поэт считал, что человек в долгу перед Отчизной и обязан отдать ей огонь своего сердца. И он посвятил жар своей поэзии Родине. Макатаев учит, как по-настоящему надо беречь Родину, которая взрастила его душу, стала источником вдохновения: «Взлелеяв меня, взрастила ты, Великая Родина».

Что такое Родина по Макатаеву? Ответ можно найти в стихотворении «Моя Родина». Дух и культура, язык и история, удивительная по красоте земля и талантливый народ – это Родина. Казахская земля жива потому, что на ее страже всегда стояли великие казахские сыны, перед которыми поэт склоняет голову. Он счастлив и горд, что родился на этой земле. При мысли об этом сердце поэта, как птица, рвется из груди, а в душе его песней звучит слово «Родина!».

Родина для Макатаева – это и казахский народ: «Народ мой! В тебя я влюблен!» Поэт ласково называет его «Мой народ – младенец». С теплотой говорит о нем: «добродушный мой народ». Народ – его защита и опора, его крепость: «Мой Дом – Народ мой». Поэт не может жить без него: «Мой родной народ, В разлуке я скучаю». Народ единственный друг. Макатаев ведет неустанный разговор с ним: «Судьба, ты меня пока не тревожь, Дай поговорить по душам со своим народом!» Именно народ по-настоящему понимает и ценит поэта. И связь между ними неразрывна: «Во мне твой голос, твои песни, Мысли твои во мне живут».

Макатаев верит в казахский народ, в его будущее и старается быть нужным ему. В дневнике он пишет: «В моих мыслях есть лишь одна мечта. Это быть полезным своему народу. Только ему хочется рассказать всю правду. Народ мой, как донести мне до тебя свой голос?». Поэзия, рожденная в недрах национальной традиции и национального сознания, – единственное, что может дать поэт своему народу, и в этом он видит способ служения ему.

Счастье Макатаева заключается в том, чтобы жить в своем Отечестве со своим народом. Но превыше этого для него – счастье самого народа и родной земли. Сколько в этом благородства и

настоящего патриотизма! Неиссякаемая любовь поэта к родной земле, к своему народу глубоко трогают душу. Поистине – нам есть чему учиться у Макатаева!

Один из современников Макатаева сказал о нем так: «Сердце великого поэта было по-детски чистым». Добрый и искренний, скромный и дерзкий, наивный и щедрый, открытый и простой, прямолинейный и справедливый, поэт часто говорил: «Люди рождаются для того, чтобы понимать друг друга, жить в мире». Он любил людей и мог с каждым найти общий язык. Он всегда стремился прийти на помощь.

Читая дневники Макатаева, понимаешь, что он не только большой поэт с тонкой и ранимой душой («25 мая 1974 г. Не держите душу нараспашку, как ни горько, в наш век это к хорошему не приведет»), но и одинокий, страдающий человек («10 июня 1974 г. Как поэта волей-неволей меня понимают люди, а как человека едва ли кто понимает, даже самые близкие мне. Так поймите же, я родился Человеком и останусь им, а поэтом я стал, понимаете, стал...»).

«Я не исследователь, а поэт. Горечи и радости людские меня интересуют больше, чем сам человек. Плох ли, хорош ли он, не мне рассуждать, ибо сам отношусь к отряду таковых. Меня увлекают судьбы людские, окружающая их действительность, время, в котором они живут, общество, которое управляет ими».

«Я не привык писать стихи урывками, когда как, где попало. Нет! Поэзия – это порыв души. Когда порыв появляется, надо сидеть, не отрываясь от работы. Кому как, а я не встану, пока не иссушу, не выжму все соки вдохновения. Болезнь болезнью, но работалось отлично. Иногда даже оно (творчество) исцеляет меня от всех недугов».

«Удивительно то, что написанное мною 10-20 лет тому назад, читается как новое. Все на месте».

Последняя запись сделана 28 февраля 1976 года – ровно за месяц до смерти Макатаева. Тонкое понимание вещей, чутье, свойственное поэту, позволили ему определить самое главное качество не только своей поэзии, но и поэзии в целом – это современность, основой которой является Дух.

Последняя прижизненная книга стихов Макатаева «Жизнь – поэма» вышла в середине марта 1976 года. Сразу же начав подписывать ее самым близким людям, поэт почему – то ставил дату «27 марта 1976 года». В тот день его не стало.

После смерти поэта, потрясшей тех, кому он был близок, известная казахская поэтесса Фариза Онгарсынова высказала свою боль: «Соплеменники, окажите честь, зачеркните «был», напишите «есть». Покуда мы помним его строки, пока мы ценим его талант, мы – народ, мы – нация...».

Европейское мировоззрение делает человека требовательным к себе и людям – иногда до жестокости, – потому что перед человеком стоит определенная задача, и он должен ее решить. Восточное мировоззрение, в соответствии с которым человек – только один цветок, человека жалеет, сострадает ему. Сострадание ко всему живому и непричинение вреда и боли живому – человеку ли, цветку ли. Именно такое отношение к человеку, растениям и животным характерно для Есенина и Макатаева.

Европейское мировоззрение поощряет желания, стремления, надежды, иногда не самые лучшие; восточное мировоззрение видит в надеждах и желаниях корень всякого зла, причину боли и страданий (а зло здесь – это боль и страдания), соответственно, совершенный человек должен не желать, никуда не стремиться.

А мир человека и мир природы в поэзии Есенина един и неделим. Отсюда – «половодье чувств» и мудрость мысли, естественная их слитность, сопричастность в образной плоти стиха; отсюда – прозрение, нравственная высота есенинской философской лирики.

«Не жалею, не зову, не плачу...» написано в 1922 году уже в зрелый период жизни С.Есенина. По признанию Есенина, это стихотворение было написано под влиянием одного из лирических отступлений в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя. Возможно, гоголевское восклицание «О, моя юность! О, моя свежесть!» и сожаления по поводу «невозвратно минувших» детства, юности и молодости побудили Есенина к созданию стихотворения.

Поскольку ничего изменить нельзя, то человек должен быть благодарен за все, что дает ему жизнь, все принимать, ни на что не жаловаться, не желать другого. Это самое лучшее для человека. У Есенина такая позиция следствие гордости, «эту жизнь за все благодарю» – это гордые и правдивые слова: плакать, жаловаться – это значит себя унижить, а я гордо скажу: «И эту гробовую дрожь как ласку новую приемлю». Сравним стихи С.Есенина «Не жалею, не зову, не плачу» и М.Макатаева «Өкінбеймін»:

*Не жалею, не зову не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Өшем деп өкінбеймін, жыламаймын,
Жыласам да жұбат деп сұрамаймын.
Қыранның құдіретін қимасаңдар,
Қайтейін, тағдырын бер құралайдың.*

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть*

*Өшем деп өкінбеймін, қайғырмаймын,
Өткен өшті.
Енді оған қайрылмаймын.
Қыран да, құралалайда болмақ емен,
Атымнан адам қойған айырылмаймын.*

Перевод на русский язык, вольный перевод, переведен преподавателем русского языка и литературы Джуртыбаевой Г. Б.

*Не жалею, не плачу, я сгораю, ухожу...
Я рыдаю, мне плохо, но о жалости не прошу...
Не желаете мне жизни орлиной
Покорюсь я судьбе обычной*

*Сгораю, но не плачу, не жалею, не прошу
Все прошло... Что прошло не вернуть...
Ни покорным, ни сильным быть я не желаю
Но имя Человека, я достойно пронесу.*

В стихотворении «Не жалею, не зову не плачу...» лирический герой, оглядываясь на свою жизнь, ощущает тленность мира, но не чувствует трагической обреченности. Прожив жизнь в неразрывном единстве с природой, он воспринимает свой уход как такой же естественный процесс, что и увядание в природе.

Жанр данных стихотворении – размышление. Каждый из поэтов, живя в разное время, в разных странах говорят об одной теме – размышление зрелого человека о прошедшей жизни, о ее смысле, о ее восприятии. Здесь мы замечаем не эквивалентный перевод, а точный смысловой. Образ Родины в лирике поэтов меняется, как сама жизнь в стране, как ее облик. Но остаются неизблемыми те ценности, из которых и складывалось для них понятие Родины: родной край, природа, люди, живущие вокруг, счастье «дышать и жить», – и одно сокровенное чувство не исчезает, несмотря ни на что, – «чувство Родины».

М.Макаатаев
*Отан!
Отан!
Бәрінен биік екен.
Мен оны мәңгілікке сүймеуің де күйік екен,
Отанды сүйеннің де күйік екен...*

С.Есенин
*Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стезю серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся – далекая и близкая.*

В русской поэзии XIX века, особенно в пушкинскую эпоху, были широко распространены стихотворные послания даже назывались «дружескими».

Эта традиция поэтических посланий оказалась близка и Сергею Есенину, который адресовал свои «письма» родным – матери, деду, сестре, жене. Особенно нежно привязан был Есенин к матери, которую дома называл «ма», и посвятил ей самые проникновенные, «нежностью пропитанные» слова. Образ матери, самого дорогого и близкого человека, проходит через все творчество Есенина.

«Письмо матери» – одно из популярнейших произведений Есенина – было положено на музыку и стало народной песней еще при жизни поэта. Этот же философский смысл, любовь к матери, тоску по Родине, мы находим в стихотворении М.Макаатаева «Анашым».

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.*

*Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты ходишь часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

Вольный перевод:
*Драгоценная, святая, дорогая моя мать
Я люблю тебя, жалею, вспоминаю
Зачем мне быть в этом мире и жить,
Если я твоих надежд не оправдаю*

*Дорогая моя, милая я знаю:
Прочитав запоздалые письма мои,
Ты в заботах сидишь и тревоге:
За судьбу и жизнь своего шалопаю.*

*Анашым!
Асыл анам, есіл анам,
Елжіреп есіркеймін, есіме алаи.
Мен үшін сен суалтқан ақ сүтіңді
Ақтамасам, боп жүрмін несіне адам.*

*Алыс жолда жүрсем де арып – ашып,
Ағат ойлап түсірмей жаңына шық,
Оқытып кешеу барған хаттарымды
Отырмысың үрпиіп, жаңың ашып?*

Каждый из поэтов восхваляет самое дорогое, родное на свете – Мать. Макатаев, тоскуя по родному дому, спешит порадовать мать с успешным окончанием, утверждая, что материнская любовь придает ему силы и веру в себя. А простая старушка в «ветхом шушуне», погруженная в житейские заботы о непутевом сыне, вырастает в символ материнской любви и самого святого, что есть в душе и в жизни каждого человека.

Темы Родины, любви, философских рассуждений поэтов созвучны. М.Макатаев и С.Есенин как два крыла птицы, взмахнувшей ввысь, чтобы показать миру: созвучье есть в языках, в думах, чаяниях, в экологии. И мы это находим, удивляемся, восхищаемся.

Еще одним уникальным доказательством единомыслия являются стихи, посвященные Гению Пушкина. Стихи у поэтов написаны после долгого размышления перед Памятником великого русского поэта – А.С.Пушкина. Создается впечатление, что оба поэта и их души соприкоснулись в одном времени, в одночасье.

Стихотворение С.А.Есенина
Пушкину (1924)
*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.*

*А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

Стихотворение М.Макатаева
Пушкинмен қоштасу (1972)
*Қош боп тұр, қош есен бол, сардар аға!
Сөкпей де өкпелемей қал балаңа.
Ақынның ақындығы – атақта емес,
Ақынның ақындығы – арда ғана.*

*Сен болған шақ бұлыңғыр, тұнжыр маған.
Әйтсе де аямапты құрғыр заман.
Болат Пушкин тіріліп кете ме деп,
Тұғырынды болатпен шынжырлаған.*

У многих поэтов поэзия остается в стихотворении, а у С.Есенина и М.Макатаева они переросли в песни и романсы. Поэты передают свои чувства: радость, боль, философию, смысл жизни, горе, смерть, разлуку с жизнью.

Эти чувства передаются не только через поэзию, но они у любимых поэтов переходят в народные песни и остаются в сердцах у людей не столько через поэтические строки, а сколько через песни.

Романсы и песни,
созданные на стихи С.Есенина
«Письмо матери», «Отговорила роща
золотая», «Спит ковыль», «Я красивых
таких не видел», «Клен ты мой опавший»

Народные песни,
сложенные на стихи М.Макатаева
Саржайлау», «Сәби болғым келеді», «Жетісу»,
«Дарига, домбырамды берші маған»,
«Аңса жаным», «Есіңе мені».

Нежное и трогательное исполнение песен пленит слушателя красотой и изысканностью звучания.

И великий поэт России С.Есенин и казахский поэт М.Макатаев, прощаясь с жизнью, оставляют нам в завещание философские стихотворения: «До свидания, друг мой ...», «Мен бір жаққа асығамын».

С. Есенин

*До свидания, друг мой, без руки, без слова.
Не грусти и не печаль бровей,-
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

М.Макатаев

*Суық – ау, ажал деген, өлім деген,
Суық көрге салады көбінменен
Сенімменен келгенмін өмірге мен,
Кетсем кетем өмірден сенімменен.*

Вольный перевод:

*Холодна ты смерть: грусть, прощание...
Мать земля принимает нас в белом саване
Я на землю эту вступил с уверенностью
И уверенно ухожу от нее на прощание.*

Несмотря на временную, пространственную отдаленность двух поэтов, их лирика удивительно созвучна. Литераторы очень много писали о духовном родстве великих сынов России и Казахстана А. С. Пушкина и Абая Кунанбаева. В новом веке, нам кажется, актуальной будет обозначенная нами тема.

* * *

Время щедро открывает нам новые и новые грани бессмертных образов поэтов. У великих поэтов одна дата жизни – дата рождения их неповторимого таланта.

В их поэзии столько самого сокровенного, есенинского, макатаевского, лично пережитых поэтами, сердечного тепла, которого в наше время так не хватает на нашей планете. М. Макатаев задается вопросом:

*Жылдарым менің, жылдарым,
Айтылар ма екен сырларым.
Ашылар ма екен мұндарым,
Жазылар ма екен жырларым...?*

Вольный перевод:

*Годы мои, быстротечные годы,
Это тайны, секреты, невзгоды
Песни мои, недопетые песни
Кто допоет их, и будут ли спеты...?*

Это был 1964 год... Через некоторое время поэт уходит из жизни. Много не досказано, не дописано...

Образы поэтов, их лирика долговечна. Они многое дали нам... Мы храним в памяти их стихи, заучиваем наизусть, задумываемся над их смыслом. Наша задача ответить на вопросы:

Допишется ли наша песня? Услышится ли она? Разбудили ли мы вашу душу?

Да! Сергей Есенин, Мукагали Макатаев!

Последующее поколение навечно сохранило и увековечило в песне, во всенародной любви к Вашей лирике, в бронзе и граните Ваши имена.

Доказательством являются строки казахской поэтессы Ф. Онгарсыновой «Покуда мы помним его строки, пока мы ценим его талант, мы – народ, мы – нация...».

С. Есенин и М. Макатаев – это открытие на все времена, на все поколения.

Ключи от тайны обаяния и успехов их поэзии находятся в единстве дыхания поэтов с дыханием своего народа.

Хочется закончить глубокофилософской мыслью поэтессы Марины Цветаевой:

Трудно говорить о такой безмерности, как поэт.

Откуда начать? Где закончить? И можно ли вообще начинать и заканчивать, если то о чем я говорю: Душа есть все – всюду – вечно...

События. Презентации

Дюсенбек НАКИПОВ

Поэт, стремительно вошедший в казахстанскую литературу 2000-х годов поэтическими книгами "Вечер века", "Песня моллюска", "Женщина и пурпур", "Время Ре". Неожиданно для всех написавший роман "Круг пепла" (2005), а в 2008 году его продолжение - роман "Тень ветра".

Президент Союза хореографов Республики Казахстан, истово ревнующий об искусстве танца.

Литературный критик – жесткий, стильный, объективный.

Но в какой бы ипостаси ни предстает Д. Накипов, он всегда остается самим собой: надежным и непредсказуемым, тонким и ироничным, ранимым и саркастичным – и честным, не терпящим ни грамма фальши и лицемерия...

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«Та эпоха (время шестидесятников) прошла, а эта уже успела отсыреть. Власть живет по закону гуттаперчевой конституции, люди выживают, а поэты - в пространстве заполнения пустоты, самоспасения. Это - как театр: актеры-политики разыгрывают наши маленькие трагедии, а мы, как зрители, влиять на спектакль не можем».

«Мы живем в плену технологических утопий, глобализации, СМИ и глобального эгоизма. Наступает эпоха саморазрушения. Уверен, через десять лет мир станет пустыней, как Европа после Второй мировой войны; теперь не только Европа. Мир в прелюдии мировой войны. Миром правит религия мести».

<http://www.litkarta.ru/world/kazakhstan/persons/nakipov-d/>

Расширяя горизонт...

20-21 октября 2009 года в Национальной библиотеке РК состоялись «Евразийские чтения», посвященные памяти Чингиза Айтматова. Модератором Чтений был поэт Дюсенбек Накипов, который делится своими впечатлениями об этом событии с читателями журнала «Мегалог».

Творчество Ч.Айтматова, год назад покинувшего этот мир, является той мерой, которая позволяет оценить процессы, происходящие в литературе начала XXI века. Но для понимания этих процессов необходимо расширить понятийное поле – только тогда можно определить новейшую парадигму развития нашей литературы.

Не секрет, что на сегодня кое-кто настойчиво пытается разделить чисто национальную (на казахском языке) и русскоязычную литературы Казахстана. Оставим это на совести «ультрапатриотов», а также простим тех, кто защищает права «литературы диаспоры», и попробуем взглянуть на проблему шире. Сегодня эта проблема касается не только Казахстана, но и всех постсо-

ветских стран, которые обрели независимости. Спору нет, все национальное имеет своё исконное право на идентичность, но и все то, что пришло в наши страны из драматической истории XX века, нельзя отвергать – оно должно быть осмыслено по-новому.

Хочу честно заявить, что термин «русскоязычная литература» носит отголосок колониального наследия, и, более того, не только становится раздражителем для носителей национального Слова, но и удаляет нас от понимания современного процесса в литературах постсоветских стран. Я как модератор «Евразийских чтений» исходил из внутреннего посыла, зашифрованного не только в произведениях Чингиза Айтматова, но и в книгах всех тех писателей, которые вместе с ним смело вторглись в поле литературы на русском языке. Кстати, в сегодняшней России, тоже болеющей «почвенничеством», кое-кто пытается отрицать или дезавуировать тот огромный вклад в русскую литературу, который внесли так называемые «уроженцы Азии»: Бахыт Кенжеев, Олжас Сулейменов, Анатолий Ким, Сатимжан Санбаев, Тимур Зулфикаров, Дулат Исабеков, Калихан Искаков... Нет смысла в перечислении имен. Важно расставить точки над «i», чтобы перейти к дальнейшим размышлениям.

Мне думается, что пора для пользы дела и во избежание мелких литературных и филологических «стычек» перейти к более широкому и исторически справедливому термину «евразийская литература». Именно эта (во многом ещё не осознанная) литература и должна выходить на первый план и смягчить вред, наносимый внутренними разногласиями, которые порой переходят в разряд скорее политических, чем литературных баталий. Если принять во внимание, что провидение после вселенских природных катаклизмов соединило два до того разных континента – Азию и Европу – в единый суперконтинент, то над этим следует подумать.

Всем известно. Что попытки поставить преграды перед малыми реками, которые по законам природы пытаются слиться в одну большую «реку-Амазонку», кончаются плачевно, порождают катастрофические для людей разливы-половодья-наводнения, но все-таки не могут остановить естественный ток жизни. То же самое, на мой взгляд, происходит ныне в сфере культуры и духовности, когда по глубинным законам времени языки и литературы Азии и Европы хотят слиться в то, что мы называли евразийской литературой, евразийской культурой, или иначе, духом Евразии. Естественно, при всем при этом каждый должен сохранить свою национальную индивидуальную идентичность.

Чтобы быть правильно понятым, позволю себе, на первый взгляд, отдаленное, континентальное сравнение. Речь пойдет о феномене XX века, то есть о латиноамериканской литературе. Понадобилось более четырех столетий, чтобы доколумбовая индейская культура срослась с христианской и, несмотря на века трагических столкновений, породила великолепие латинской литературы, в основном говорящей на двух языках – испанском и португальском. Это я говорю для того, чтобы самому видеть впереди некую вдохновляющую модель, рассуждая о нынешнем этапе зарождения новой евразийской литературы XXI века.

Эта статья пишется потому, что мне не удалось предварить начало «Чтений» некоей преамбулой – короткой доктриной, которая помогла бы дисциплинировать эмоции очень известных поэтов, писателей и филологов, а также простых читателей, которые пришли почтить память Чингиза Айтматова. Несомненно, надобно испытывать ко всем пришедшим глубокую благодарность, если бы не одно «но»... Назовем это досадными разночтениями. Согласитесь, что глубоко казахские традиции почтения к великим требуют особой культуры и этики, и не стоит подобные события путать с банальной трибуной. Сама по себе чисто литературная метафора имеет много прочтений, и прежде чем использовать её в собственной речи, надо хорошо подумать: насколько она подходит к теме обсуждения? Например, знаменитый айтматовский образ манкурта, который затем трансформировался в понятие «манкуртизм», не стоит выводить за литературно-художественные рамки, а тем более использовать для «благих» намерений, но всё же отстоящих далеко от айтматовской метафоры «манкурта».

К сожалению, так произошло с глубокоуважаемым мною замечательным казахским поэтом Мухтаром Шахановым, который начал слово об Айтматове, а затем стал махать «дубиной манкуртизма» во имя конечной же прекрасной цели – защиты родного языка. Думается, что привычный «конёк» занес его не в ту степь, и многим подумалось, что под «дубину манкуртизма» поневоле мог попасть и сам покойный Чингиз Айтматов, и все его ныне живущие соратники по евразийскому письму. Ведь не многие способны понять столь тонкие дефиниции и отделить бла-

гой порыв от слепой преданности какому-либо идеалу, будь то родной язык, личность гения или политический лидер. Справедливости ради стоит сказать, что, погружившись в атмосферу «Евразийских чтений», во второй своей речи Мухтар Шаханов сделал необходимые корректировки, но, первое слово его унесли тележурналисты. Думается, что, говоря о казахском языке, мы все должны соблюдать осторожность, терпение и такт. Я обычно не соглашаюсь с точкой зрения многих государственных деятелей, но разделяю очень правильную позицию государственного секретаря – Министра иностранных дел РК Каната Саудабаева, которую он выразил в газете «Central Asia Monitor» в статье под заголовком: «Радикализм в языковой сфере неприемлем».

В этом контексте принципиальное значение имеет выступление Президента Н. Назарбаева на Ассамблее народа Казахстана, где он ещё раз подчеркнул мысль о развитии межнационального полилога языков и культур как основы казахстанского общества.

Надо также признать, что сами поэты и писатели в последнее время всё дальше отходят от защиты своей суверенной и творческой свободы. Они перестали смело говорить как от себя, так и от имени народа, который является, в конечном счете, важнейшим контрагентом – смыслом литературы, то есть Читатель. Горько осознавать, что политические и экономические дискуссии в СМИ оттеснили на второй, а то и на третий план такую категорию, как «автор – читатель – народ». Во избежание двусмысленности эти три ключевых понятия можно произнести и наоборот, но суть от этого не меняется. А суть в том, что политика и экономика отодвинули в тень главнейший нравственный диалог автора и читателя о высших духовных и человеческих ценностях, без которых немыслимо истинно гражданское общество. Иначе говоря, если демос и оратор лишены свободного слова, то и демократия отдыхает.

На «Чтениях» были и те, кто научился особому искусству говорить «ни о чем», выступая якобы от своего «личного имени и отчества», но в защиту Отечества. Оставим на их совести всё сказанное ими. В то же время следует выразить глубокую благодарность большинству выступающих, которые говорили по делу, аргументировано и конструктивно. Это Сатимжан Санбаев, Аслан Жаксылыков, Дидар Амантай, Толысбаева Жанна, московский гость профессор Юрий Орлицкий и, конечно, сын Чингиза-байке – замечательный оратор, стилист и дипломат Санжар Чингисович, который представлял Международный фонд Айтматова. Эти конструктивные выступления дали начало двум прекрасным инициативам, а именно: созданию «Евразийской серии книг» и «Литературного Дома Евразии» в Москве.

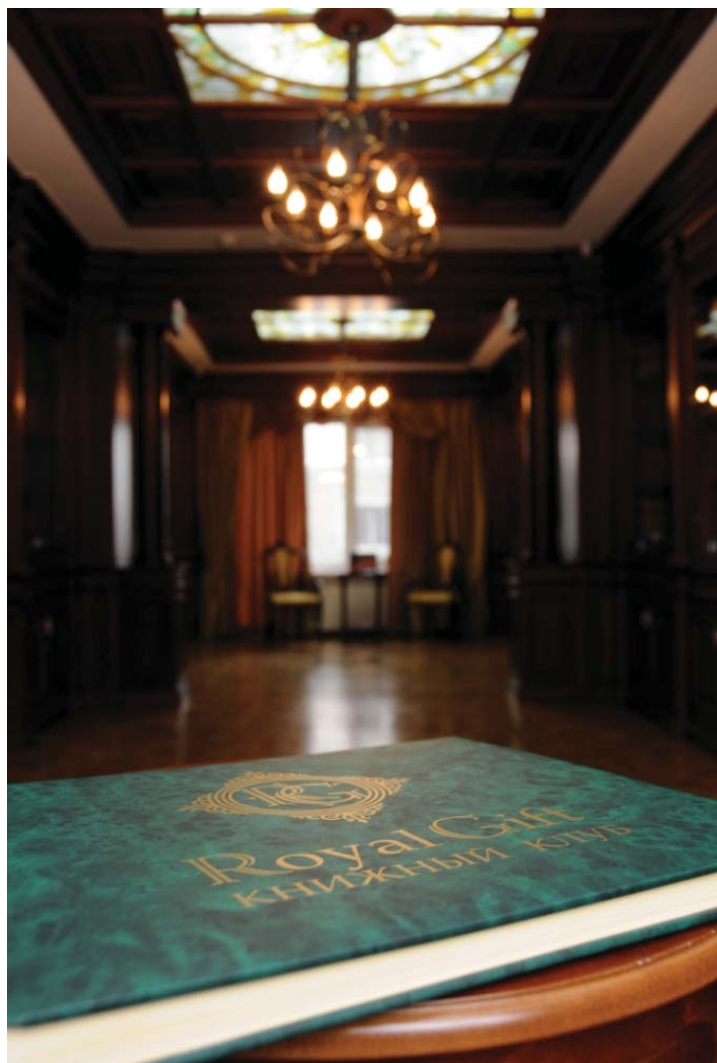

Книжный клуб «Royal Gift»

О сегодняшнем Казахстане можно много и долго говорить, но только на примере столицы г. Астана – «своеобразном символе устойчивого развития, живом организме, включенном в естественную среду» (Г. Шалахметов), уже становится понятным, что казахстанские Лувры и Монмартры становятся на крыло. Памятник жертвам политических репрессий советского времени и Байтерек в центре Астаны, Лента Мебиуса в городском сквере и Набережная Ишима, мечеть и церковь, синагога и костел, строящиеся Дворец Мира и Согласия и будущий спортивный стадион...

25 декабря 2007 года в стремительно развивающейся Астане открылся Книжный клуб «**Royal Gift**».

Клуб является закрытым объединением книголюбов, осуществляющим свою деятельность в области культуры.

Основными идеями создания книжного клуба:

- пропаганда искусства книги; содействие объединению усилий и координации деятельности книголюбов, направленной на развитие национальной культуры;
- содействие утверждению общечеловеческих ценностей, созданию единого духовного пространства;
- утверждение духовного приоритета как основы мировой культуры;
- содействие улучшению качества книгоиздания, книгораспространения, библиотечного дела.

Деятельность Книжного клуба «RG» включает в себя:

- популяризация книжного искусства;
- обеспечение членов клуба интересными и полезными книгами самого высокого полиграфического качества из серии: русская и мировая классика, приключения и детективы, «женские» и любовные романы, художественные и документальные исторические произведения, энциклопедии и справочники, альбомы по искусству и красочные детские книги;
- разработка предложений по созданию домашних библиотек;
- развитие библиофильских традиции и организация общения библиофилов;
- организация и проведение творческих встреч с писателями и поэтами Республики Казахстан, ближнего и дальнего зарубежья;
- проведение вечеров классической музыки;
- содействие повышению читательского интереса к книге;
- развитие любви к чтению у детей (детский зал);
- всемерное удовлетворение духовных запросов и интересов членов клуба, формирование хорошего читательского вкуса;

- участие в различных книжных выставках;
- сотрудничество с творческими союзами и организациями литераторов, книгоиздателей и книгораспространителей.

Книги книжного Клуба «Royal Gift» – это выбор успешных состоявшихся людей, тонких знатоков и взыскательных ценителей произведений печатного искусства.

Кто бы вы ни были: книжный сомелье, любитель роскоши или корпоративный клиент, – в Клубе для каждого найдется что-нибудь по душе.

Все книги Клуба – это шедевры переплетного искусства, которые передаются от отца к сыну, доходят до внуков и хранятся в семье как настоящие реликвии.

В клубе проводятся творческие вечера с писателями и поэтами Республики Казахстан, ближнего и дальнего зарубежья, вместе с тем и вечера классической музыки.

Книжный клуб «Royal Gift» всегда рад гостям – ценителям литературы, искусства.

Наш адрес:

Республика Казахстан, 010000,
Астана, ул. Отырар 4/2 офис 2.
Тел 7172 940-400 940-240

Статьи. Эссе

Одним из красноречивых свидетельств казахстанского прорыва в начале третьего тысячелетия является Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ). Основанный в 1996 году ЕНУ сегодня по праву считается ведущим университетом классического типа, отвечающий требованиям международного образовательного стандарта, способный ответить вызовам XXI века.

Увеличивающееся внимание академического мира к этому вузу обусловило наше желание представить вниманию читателей «Мегалого» интервью с ректором ЕНУ им. Л.Н. Гумилева доктором юридических наук, профессором **Абдраимовым Бахытжаном Жарылкасымовичем**.

Бахытжан Жарылкасымович АБДРАИМОВ

Доктор юридических наук, профессор, ректор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

Родился 13 мая 1965 года в г. Каратау Жамбылской области.

Окончил Казахский государственный университет им. С.М. Кирова по специальности «юрист» (1990), Университет «Туран» по специальности «финансы и кредит» (1997), аспирантуру КазГУ им. С.М. Кирова (1992), докторантуру Института государства и права РАН (2001).

Интервью с ректором ЕНУ

– Уважаемый, Бахытжан Жарылкасымович, современные информационные возможности предоставляют любому желающему ознакомиться с деятельностью ЕНУ, стоит только обратиться к ресурсам Интернета. По этой причине наиболее интересной для читателей будет та информация о возглавляемом вами вузе, которая осталась за рамками интернетовских страниц. Расскажите нам об идее создания ЕНУ.

– Безусловно, на новом сайте Евразийского национального университета www.enu.kz можно ознакомиться с деятельностью нашего вуза, тем не менее, мне хотелось бы рассказать читателям газеты о нашем университете в контексте Евразийской идеи. Как известно, инициатива о создании Евразийского Союза исходила от Президента Республики Казахстан, Н. А. Назарбаева, который в 1994 году озвучил ее во время выступления в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Тогда в нее мало кто верил. За то время, что прошло после провозглашения идеи Евразийского Союза, мир сильно изменился. Но удивительным остается тот факт, что многие идеи положенные в основу модели Евразийского Союза не только сохранили свою актуальность, но уже полноценно работают. Таможенный Союз, вступивший в силу с 1 января 2010 является ярким свидетельством того, что идеи, предложенные нашим Главой государства еще в начале 1990-х опередили свое время. Более того, по истечении 15 лет, мы видим, что не только отдельные эксперты, но и целые научные институты и фонды, интересуются данным феноменом. Евразийская идея не сходит с повестки дня научных, практических конференций, является предметом исследований и разработок. Сегодня этот феномен больше известен под общим названием «Евразийский проект Нурсултана Назарбаева», в рамках которого впервые была выработана общая концепция «евразийства» для всех стран постсоветского пространства. Евразийский проект, можно определить не только как идею экономической интеграции, но и как вектор практической политики, проводимой во многих сферах: политической, информационной, правовой, гуманитарной, культурной, образовательной и других.

Основанный в 1996 году Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, которого Президент называет «одним из флагманов высшего образования» Казахстана, является логическим продолжением идеи евразийской интеграции, суть которой заключена в самом названии университета. Символично, что университету по инициативе Президента Н. Назарбаева было дано имя выдающегося ученого – евразийца Льва Николаевича Гумилева. В лекции «К экономике знаний через инновации и образование», которую Президент прочитал перед многотысячной студенческой аудиторией в Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилева говорится: *«Можно сказать, что новая столица началась со строительства здания вашего Университета. Не случайно Ваш университет называется Евразийским. Евразийская Идея как теория была рождена в прошлом веке. Но, уверен, что Евразийская Идея, как практика организации новой жизни, будет воплощена в этом веке. Евразийство – одна из главных идей 21-го века. И вы это скоро поймете и увидите. И духовной столицей, сердцем Евразии может стать Астана, а самым сокровенным центром этого сердца - наш Евразийский Университет в Астане»*. Этими словами, Президент Республики Казахстан, возложил на Евразийский университет историческую миссию, которая заключается в становлении и развитии университета как образовательного и исследовательского центра по подготовке высококвалифицированных кадров для государственной службы, образования и науки, которые внесут свой вклад в развитие и процветание Казахстана в XXI веке.

Бесспорен тот факт, что сегодня Евразийский национальный университет стал своего рода «научной базой» для исследований Евразийской идеи Президента, ее проводником. Ведь именно студенческая молодежь является той питательной средой, где прорастают и укрепляются в сознании, затем прокладывают путь в реальную жизнь новые идеи. С этой целью в университете был создан исследовательский институт «Евразия», действует музей-кабинет Л.Н. Гумилева, открыта кафедра Евразийских исследований при факультете Социальных наук, реализуются научно-исследовательские проекты, проводятся научные форумы и конференции, и ведется научная работа.

– В ЕНУ создан музей-кабинет Л. Н. Гумилева. Насколько он популярен среди студентов и преподавателей? Представляет ли он собой подобие традиционного музея или выполняет функции рабочей аудитории?

– Музей-кабинет Л.Н. Гумилева в ЕНУ был открыт с благословения Натальи Викторовны Гумилевой в 2002 году усилиями бывшего в то время ректором ЕНУ профессора М. Ж. Жолдасбекова, а также исследователей М. И. Новгородовой, М.Г. Козыревой, В. А. Биличенко, Е. В. Маслово и Э. Э. Дильмухамедовой. Музей-кабинет является традиционным музеем, где часто проводятся экскурсии для новых студентов и гостей нашего университета. К примеру, знаменательным событием на страницах истории университета останется визит первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева и первого Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина, которые посетили Музей-кабинет Л.Н. Гумилева в 2003 году.

В музее собраны книги, печатные и рукописные материалы, картины и другие предметы, связанные с жизнью и деятельностью Л.Н. Гумилева. Особую ценность представляют экспонаты, полученные от его родных в дар нашему университету. В частности по завещанию Натальи Викторовны Гумилевой в музей был перевезен московский рабочий кабинет (письменный стол, кресло, книжный шкаф, книги, мемориальные предметы) Л.Н. Гумилева. Музей-кабинет Л.Н. Гумилева, действительно, представляет собой особую гордость университета. Отрадно решение II Форума творческой и научной интеллигенции стран СНГ (прошедшего в сентябре 2007 года в г. Астана) о включении 100-летия со дня рождения Л. Н. Гумилева в официальный Список памятных дат ЮНЕСКО на 2012 год.

В целом, следует добавить, что в университете продолжается деятельность по расширению императива евразийства. В сентябре 2008 года состоялось открытие бюста Л. Н. Гумилева в Главном корпусе ЕНУ. На факультете социальных наук открыта кафедра Евразийских исследований. Ведется работа по созданию кабинета Георгия Дмитриевича Гачева – известного российского ученого, отличающегося евразийским видением мира, личности неординарной, идеи которого недостаточно осмыслены на постсоветском пространстве, хотя сделано им неизмеримо много для осмысления национальных культур, их особенностей – частных и общего – универсального.

В этом контексте, можно отметить, что в ЕНУ открыты и функционируют в качестве рабочих аудиторий много кабинетов, связанных с именами выдающихся людей. Главная причина их открытия – осуществлять в университете связь времен, обеспечивать преемственность гуманных идей, ведущих к миру. На мой взгляд, молодое поколение должно знать о своей истории, о деятелях и ученых предыдущих эпох и современного периода, о научных достижениях и творениях выдающихся людей.

– Содержание, которое должно крыться под таким названием какое носит вверенный вам вуз, предполагает подготовку новой высокообразованной элиты, способной мыслить в условиях информационного общества со всеми вытекающими отсюда следствиями. Каков контингент студентов и преподавателей ЕНУ?

– Сегодня ЕНУ держит курс, который был задан еще в 2003 году, когда Президент во время посещения нашего университета озвучил инициативу о формировании элитарного образования. Необходимость создания группы элитных вузов в стране им была озвучена и в Послании Главы государства народу Казахстана в 2004 году. Именно в том году Указом Президента РК университету, «учитывая значительный вклад в формирование, развитие и профессиональное становление личности на основе национальных и общечеловеческих ценностей, достижений науки и техники», предоставлен особый статус «национального» вуза.

Особый статус отнюдь не исключает равных возможностей для поступления в университет для всех молодых граждан нашей страны. Абитуриенты из зарубежных стран могут свободно поступать в Евразийский университет наравне с казахстанцами. Тут мы неуклонно придерживаемся примера М. В. Ломоносова, указавшего в свое время на пример западноевропейских университетов, где было покончено с принципом сословности: «В университете тот студент почтеннее, кто больше научился; а чей он сын, в том нет нужды». В нашем вузе, где число студентов на сегодняшний день превышает 9 тысяч, обучается рекордное количество учащихся-отличников, являющихся обладателями нагрудного знака «Алтын белгі». Данный факт является и показателем того, что наша талантливая молодежь сделала свой выбор в пользу ЕНУ не только как ведущего вуза страны, но и вуза, где вполне реально получить качественное образование.

Сегодня Евразийский национальный университет качественно модернизировал и оптимизировал свою структуру, в которую входит теперь уже 10 факультетов: математики и информационных технологий, физико-технический, естественных наук, экономический, филологический,

инженерно-строительный, юридический, социальных наук, международных отношений и факультет дополнительного образования и повышения квалификации. Таким образом, на сегодняшний день ЕНУ имени Л.Н. Гумилева осуществляет обучение по 51 специальности на уровне бакалавриата, 46 специальностям по программам магистратуры, и 15 направлениям докторантуры философии.

В нашем университете созданы все условия для привлечения наиболее одаренной молодежи на приоритетные и актуальные для развития казахстанской экономики специальности. В частности, одним из необходимых средств формирования профессионального облика специалиста любого профиля стала научно-исследовательская работа студентов. Участие студентов в научной работе выступает движущей силой их вовлечения в процесс создания материальных и духовных ценностей. С этой целью было создано Научное студенческое общество ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, в рамках которой ведется активная работа по координации научно-исследовательской деятельности одаренных студентов университета. Результаты данной работы уже вполне существенны. Только в 2009 году более 20 представителей одаренной студенческой молодежи стали обладателями международных грантов в рамках программы Эразмус Мундус и выехали для обучения в ведущие вузы Европы. По программам обмена в рамках двусторонних соглашений студенты ЕНУ имеют возможность обучаться в вузах Королевства Иордания, Турции, Индии, Китая.

Особое внимание уделяется качеству предоставления образовательных услуг. Сегодня на постоянной основе в ЕНУ работает более 1000 преподавателей, из них свыше 140 докторов наук, профессоров, более 400 кандидатов наук, доцентов. В их числе лауреаты Государственной премии «Лучший преподаватель вуза», обладатели различных республиканских и международных грантов в области образования, академики и члены-корреспонденты Академии наук Республики Казахстан.

К примеру, Государственной научной стипендии для ученых и специалистов, внесших выдающийся вклад в развитие науки и техники Республики Казахстан на 2008-2010 годы, были удостоены ведущие ученые ЕНУ, профессора Р.Н. Нурғали, Р. Ойнаров, М.Б. Нуртазина, Т.С. Садыков, и Р. Мырзакулов. Лауреатами конкурса на соискание Государственной научной стипендии МОН РК для молодых талантливых ученых на 2008-2010 год стали 17 молодых ученых университета, представляющих практически все факультеты университета. Достижения и исследования ведущих математиков университета – академика М.О. Отелбаева, профессоров У. Умирбаева, Р. Ойнарова, Н. Темиргалиева, Е. Нурсултанова и других ученых широко признаны в научных сообществах не только в Казахстане, но и за рубежом.

Предметом особой гордости ЕНУ им. Л.Н. Гумилева является Премия Американского математического общества Е.Х. Мура за 2007 год, присужденная д.ф.-м.н., профессору У.У. Умирбаеву за решение математической задачи, поставленной более 40 лет назад известным японским ученым Масайоши Нагатой.

В Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева на базе научных изысканий ведущих ученых сложились научные школы разных направлений. Успешно осуществляются исследования в области нанотехнологий. Радуют разработки ученых ЕНУ в области химии, в частности исследования профессоров И.С. Иргибаява и С.Б. Рахмадиевой. Профессор И.С. Иргибаяв совместно с партнерами из США проводит исследования по внедрению технологий на основе люминисцентных характеристик наноматериалов органических соединений. Разработки профессора С.Б. Рахмадиевой были применены на практике и внедрены в производство АО «Химфарм».

Прошлый 2009 год также оказался продуктивным и результативным для ученых Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. В частности, опубликован ряд научных статей в международных журналах с высоким импакт-фактором, получили признание как лучшие преподаватели вузов более двадцати ученых, в том числе и молодых преподавателей. Одним из ярких событий в научной жизни университета стало получение Государственной премии в области науки и техники 2009 года математиком профессором Уалбаем Умирбаевым за его научный труд «Автоморфизмы и подалгебры свободных алгебр».

Таким образом, Евразийский национальный университет, несмотря на свою молодость, выделяется демократическим составом студентов и профессоров. Это во многом определяет широкое распространение среди учащихся и преподавателей передовых, научных и общественных идей, а также формирует благоприятную среду для развития в качественном плане, что в свою очередь повлияет на уровень образования в целом.

– Что вы можете сказать о проведенных в стенах ЕНУ различных конференциях, семинарах и т.п. Нередко в вузах они проводятся формально и не «зовут в дальнейший путь»?

– Евразийский национальный университет, будучи столичным вузом, находится не только в географическом центре страны и всей Евразии, но и в центре большинства культурных и научных событий. Наш университет посещают многие высокопоставленные и видные государственные деятели мира во время их визитов в Астану. История университета изобилует фактами визитов президентов и премьер-министров России, США, Кореи, Турции, Китая, Японии, Ирана, и многих других государств. Каждый визит это яркое событие в жизни университета, наши студенты и сотрудники имеют бесценную возможность послушать лекции, задать вопросы, и ознакомиться с взглядами мировых лидеров. Более того, нередко визитам сопутствуют новые возможности для расширения и углубления международного сотрудничества.

Подобными возможностями обладают и научные и научно-практические конференции. Ежегодно в нашем вузе проводится большое количество научных мероприятий международного и республиканского уровня. Научные мероприятия проводятся как в масштабах вуза, так и на факультетах. Причем научные и научно-практические конференции не остаются «галочками» в строке отчетов, а имеют реальные выходы на практике.

Так, к примеру, одним из масштабных мероприятий прошлого года стал Съезд Евразийской Ассоциации университетов, который прошел в год 15-летия Евразийской идеи и 20-летия Евразийской ассоциации университетов в стенах Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Данное мероприятие стало важным событием в жизни университета. Студенты и профессорско-преподавательский состав ЕНУ получили отличную возможность послушать ведущих ученых и установить контакты с представителями около 100 вузов евразийского пространства. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева стало ключевым в определении дальнейших направлений развития. Президент подчеркнул, что «важное значение приобретает третье культурно-гуманитарное измерение евразийской интеграции». В этой связи, это мероприятие было плодотворным для установления тесных контактов между вузами, что является важной составляющей в процессе формирования единого образовательного пространства.

В этом направлении, особую роль также играют научные институты и центры, функционирующие в структуре ЕНУ. В частности, такие как Междисциплинарный научно-исследовательский комплекс, Центр космического мониторинга и отображения, НИИ экспериментальной биологии и экологических систем, НИИ биоорганической химии, НИИ физики и высоких технологий, Физико-технический институт, НИИ Математическое моделирование и инновационные технологии, Институт духовного и культурного наследия «Алаш», Центр международных и региональных исследований. Научно-практические конференции, семинары и симпозиумы, проводимые на базе институтов и выступающие в качестве дискуссионной платформы для плодотворного взаимодействия с коллегами из отечественных и зарубежных вузов, также вносят свой вклад в развитие ЕНУ. Именно на конференциях исследователи находят единомышленников, коллег с общими интересами, что также создает синергию для претворения в жизнь многих научно-исследовательских проектов.

– В эпоху глобализации активизировались международные контакты, повсеместно иницируются совместные международные научные проекты. Как осуществляется международное сотрудничество в вашем вузе?

– Будучи одним из ведущих вузов Республики Казахстан и получив статус «национального вуза», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева вносит свой вклад в реализацию национальных программ и стратегий, имеющих значение для социально-экономического процветания Республики Казахстан в XXI веке, и активно развивает партнерские отношения с вузами других государств.

В данное время ЕНУ им. Л.Н. Гумилева имеет 110 соглашений с зарубежными вузами и организациями. Среди партнеров ведущие вузы СНГ (всего 49 договоров, среди которых соглашения с МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН, Санкт-Петербургский государственный университет, и др.), США (9 договоров), стран Азии (28 договоров с вузами Японии, Китая, Южной Кореи, Индии, Королевства Иордании, Сирии), а также стран Европы (24 договора).

Определенные направления отношений с зарубежными университетами отличаются особой активностью и разнообразием форм сотрудничества. Одной из важнейших форм сотрудничества стало открытие, по инициативе Главы государства, филиала Московского государственного университета при университете. Данный аспект сотрудничества был особо отмечен Президентом, который сделал ударение на том, что наличие филиала Московского государственного университета при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева играет большую роль в продвижении имиджа ЕНУ как вуза с международной репутацией. Более того, филиал оценивается как «путь к синхронизации и согласованности работы университетов» евразийского пространства.

Сотрудничество с европейскими вузами, по большей части реализуется в рамках образовательных программ ЕС, таких как Эразмус Мундус и Темпус. В частности, программа Эразмус Мундус является прекрасной возможностью для повышения академической мобильности, что позволит нашим преподавателям повысить свою квалификацию, обменяться опытом с европейскими коллегами, а также привнести инновационные подходы в педагогический процесс, что, несомненно, отразится на качестве образовательных услуг. В данном контексте, хочется отметить опыт ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, который сегодня лидирует по показателям участия в программе Эразмус Мундус среди отечественных вузов.

В восточном направлении, открытие при университете Института Конфуция ускорило динамику взаимоотношений с китайскими коллегами. Ведутся переговоры по разработке совместных и дистанционных образовательных программ. К примеру, только на днях была достигнута договоренность об открытии совместной программы магистратуры по специальности «востоковед-синолог» с Университетом иностранных языков Сиань.

Другим направлением, где имеется большой потенциал для наиболее оптимального использования возможностей международного сотрудничества, является участие ЕНУ в международных образовательных проектах, в частности, таких как Университет ШОС и Сетевой университет Содружества Независимых Государств.

Наряду с этим, актуальность приобретают программы двойных дипломов, которым также уделяется особое внимание, так как они являются важной составной интеграции в мировую систему образования. Наш университет активно участвует в процессе разработки данных проектов, что также, думается, придаст импульс для повышения качества предлагаемых образовательных программ, а уже в скором будущем и покажет конкретные результаты. На сегодняшний день имеются договоры, и ведется работа по внедрению двудипломных образовательных программ со следующими вузами: Российский университет дружбы народов, Московский государственный строительный университет, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Московский государственный университет (факультет математики и информационных технологий), Российский государственный гуманитарный университет (факультет журналистики), Государственный университет науки и технологии Айова и Университет Нью-Мексико (США).

Видимый результат уже дают совместные магистерские программы. В целом, программы подготовки магистров реализуются по 46 направлениям и являются значимым звеном в целостной трехступенчатой модели подготовки кадров с профессиональным высшим образованием (бакалавриат – магистратура – докторантура), основанной на аккумулирующей кредитной системе обучения. С 2005 года по специальности «Экология» осуществляется проект совместной подготовки магистров со специализацией «Инженерная защита и управление окружающей средой» совместно с университетом Нью-Мексико (США). В реализации данного проекта участвуют ведущие ученые Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева и университета Нью-Мексико. Целью совместного проекта является подготовка магистров наук в области управления и охраны окружающей среды и изучение промышленных загрязняющих агентов, передаваемых воздушным и водным путем. В 2007 году состоялся первый выпуск магистров в количестве 9 человек. В 2008 году по данной программе университет окончили еще 9 магистров. Выпускникам вручены дипломы о присуждении степени магистра экологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева и Университета Нью-Мексико (США).

Особое внимание заслуживает программа подготовки докторов философии. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева был выбран базовым университетом для экспериментального внедрения государственной программы подготовки докторов философии. Четвертый год осуществляется реализация докторской программы Ph.D по 15 специальностям совместно с ведущими зарубежными

вузами, с которыми заключены договоры о совместной подготовке докторов философии. На данный момент в докторантуре Ph.D обучается 130 докторантов. Эффективность данной программы, напрямую связана с привлечением квалифицированных специалистов зарубежных университетов. На протяжении четырёх лет ЕНУ имени Л.Н Гумилёва ведёт активную работу со 143 крупными учёными, специалистами и консультантами со всего мира, для эффективной реализации программы докторантуры (PhD). Только в 2009 году ЕНУ имени Л.Н Гумилёва посетили около 20 профессоров (США, Великобритания, Швеция, Япония, Пакистан, Турция) для проведения семинаров, тренингов для сотрудников и преподавателей по внедрению магистерских и докторских программ, чтения лекций для докторантов. Во время их пребывания в ЕНУ с ними были подписаны Меморандумы о взаимопонимании и Соглашения о совместном руководстве научной работой докторантов. Результатами заключенных меморандумов и соглашений явились приглашения и организация стажировок докторантов философии в вузах-партнерах.

– **Традиционный вопрос: несколько слов о перспективе.**

– В современную эпоху перед университетами поставлена качественно новая задача – стать локомотивом экономического прогресса государства посредством обеспечения экономики новой эпохи интеллектуальными высококвалифицированными кадрами и наращиванием технологического инновационного потенциала. Роль вузов возросла в качестве «лабораторий», где разрабатываются, апробируются и внедряются новые идеи и технологии в различных сферах экономики, и где будущие кадры в ходе обучения должны приобретать такие навыки, как умение внедрять перспективные научно-исследовательские разработки, совершенствовать технические и технологические особенности современного производства, обеспечить инновационный аспект деятельности. Поэтому, стратегия развития ЕНУ основана на понимании особенностей развития мировой цивилизации в начале нового тысячелетия, детерминирующей роли образовательных программ и научных проектов в создании фундамента для инновационных процессов в стране. Ведь, инициируя инновационные процессы, университет участвует в выполнении научно-исследовательских работ по научно-техническим программам, осуществляет фундаментальные и прикладные исследования по важнейшим направлениям естественных, технических, гуманитарных наук, внедряет их результаты в учебный процесс и подготовку научно-педагогических кадров.

В целом за прошедший период коллектив ЕНУ получил немало очень важных результатов во всех сферах нашей деятельности. Мы встретили 2010 год с хорошими результатами и с надеждой на то, что удастся сделать еще больше в этом году – важном для Казахстана в целом. На данном этапе спектр задач поставленных перед университетом широк и разнообразен. Планируется целенаправленная работа по повышению качества образовательных услуг, ускорению интеграции науки, образования и практики, реализации имеющегося научно-интеллектуального потенциала, а также расширению международного сотрудничества. В частности, запланировано внедрение новых совместных с вузами России, Великобритании и Китая программ магистратуры, дальнейшее развитие возможностей в рамках проекта университета ШОС и Сетевого университета СНГ, а также расширение участия в программах международного обмена и научных стажировок профессорско-преподавательского состава ЕНУ.

В завершение, приведу слова нашего Президента, который, выступая в стенах нашего вуза, подчеркнул что «Евразийский университет отвечает всем требованиям, необходимым для того, чтобы стать элитным университетом». В этой связи, мы осознаем ответственность за будущее нашего университета и прилагаем все усилия для того, чтобы превратить ЕНУ в элитное высшее учебное заведение международного уровня. Верю, что соединение в деятельности университета задач просвещения, науки и культуры превратит ЕНУ в один из центров притяжения на евразийском пространстве.

– **Спасибо.**

Интервью провела Улданай Бахтикиреева.

Ералы ТУГЖАНОВ

Тугжанов Ералы Лукпанович. Окончил юридический факультет Карагандинского государственного университета и аспирантуру Института государства и права Национальной академии наук. После аспирантуры работал в Казахской государственной юридической академии - преподавателем, заместителем декана и деканом. Затем был руководителем филиала КазГЮА в Астане. В марте 2006-2008 - председатель Комитета по делам религии. С 29 сент. 2008 - заведующий Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан.

Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия: от истории к современности

Радикальные изменения всей общественной системы Республики Казахстан, произошедшие после 1991 г., вызвали необходимость безотлагательного поиска собственной модели национальной политики, сохранения исторического наследия, укрепления толерантности и дружественных отношений между этносами, этническими и социокультурными группами.

Формирование новой модели обусловлено несколькими факторами. Во-первых, учет исторического позитивного и негативного опыта регулирования сферой межэтнических отношений как в Казахстане, так и в мировой практике. Во-вторых, ориентация на обеспечение самобытного развития и солидарность этносов в новых исторических условиях. В-третьих, обеспечение внедрения в систему межэтнических отношений гражданских ценностей демократии и гражданской общности. В-четвертых, способность обеспечения определяющей роли в межэтнических отношениях идеалов гражданской идентичности и гражданской солидарности не за счет ущемления этносов, а путем достижения его гражданской зрелости.

Поиск современной модели межэтнической толерантности и общественного согласия осуществляется, не отказываясь от базовых этнореалий и опыта позитивного развития этнических и межэтнических процессов. Такая политика проводится не в ущерб единству страны, становлению гражданской идентичности и гражданской солидарности, национальной гордости и достоинства. Попытка уйти от этнической идентичности, не дойти до гражданской идентичности, – значит оставить людей без мировоззренческих, ценностных основ своей жизни и деятельности.

Сегодня все государства мира озабочены поиском формулы единства. Поэтому казахстанский опыт толерантности и согласия все более вызывает международный интерес и признание за рубежом. В чем же уникальность казахстанской модели?

1. Исторические условия. Казахстан был и остается местом контактов культур и цивилизаций Запада и Востока, Севера и Юга. С усилением его роли материкового коммуникационного моста усиливается влияние всех мировых центров: культурная, языковая, информационная экспансия, трансконтинентальная миграция и иммиграция. Поэтому, обобщая исторический и современный опыт национального строительства, видится большое разнообразие вариантов. Однако Казахстан, имеющий уникальный опыт, отличительные особенности, политическую традицию, культуру, вырабатывает собственную стратегию единства, основанную на демократической модели межэтнической толерантности, стимулировании развития новой гражданской идентичности.

Самое главное достижение Казахстана – сохранение мира и согласие между представителями различных этносов и конфессий. В основе этой стабильности лежат: мирная и продуманная политика; выработанная традиция добрососедства, в основном, тюрко-славянского мира: Ислама и Христианства, Степи и Леса, Азии и Европы; миролюбивый характер и менталитет нациобразующего казахского этноса, излучающего толерантность, терпимость, взаимно и взаимообогаще-

ние.

На протяжении веков на исторической земле казахов перекрещивались судьбы многих народов - носителей различных культур, религий и традиций. В результате сложилась уникальная ситуация, когда вместе с казахами мирно живут представители многочисленных этносов и конфессий. При этом длительное совместное проживание различных этносов сформировало в обществе устойчивые традиции толерантности.

Значительная часть славянского населения оказалась в Казахстане в годы массового переселения крестьян с европейской части России. Зачастую этот процесс сопровождается насильственным изъятием земель у коренного населения в пользу переселенцев. Но между казахами и крестьянами-переселенцами складывались мирные и добрососедские отношения, получившие в истории название обычая «тамырства». Постепенно усиливались хозяйственные, социокультурные, межэтнические контакты между двумя цивилизациями: кочевой и оседлой.

Глава государства Н.А. Назарбаев справедливо отмечал, что «единство национальных культур нашей страны является базой зарождения нового культурного феномена в пространстве срединной Азии, а также оригинальной и весомой частью современной культуры Евразийского континента. Это колоссальное богатство, которое мы должны сохранить и передать нашим потомкам» [1].

Выдающийся евразиец, тюрколог, русский ученый Лев Гумилев на данный факт, в свое время писал: «Великая степь без каких-либо социокультурных катаклизмов и потрясений «вкрапывала» различные этносы, культуры и религии. Активно шел процесс взаимообогащения культур» [2].

Человеческая цивилизация – это непрерывная цепь рождения, расцвета и ухода с исторической арены народов и государств. Зачастую этот процесс принимает глобальный характер.

2. Процессы глобализации. Десятая сессия АНК, проходившая 24 декабря 2003 года, имела большое значение в оценке разворачивающегося процесса глобализации, его влияния на межнациональные отношения в мире и в Казахстане. В своем докладе Президент РК Н.А. Назарбаев раскрывает причины этнических конфликтов на планете. Среди множества причин выделяются три основные проблемы.

Во-первых, глобализация расширяет взаимодействие народов. Она превращает мир в единую коммуникационную систему. Но вместе тем она порождает у людей естественные опасения утратить свои исторические корни: национальную идентичность, язык, культурные и религиозные традиции. Эти чувства вызывают иногда неприязнь к носителям иных этнических и религиозных ценностей.

Во-вторых, вследствие глобализации в некоторых странах нарастают внутренние противоречия. Государственные границы становятся более прозрачными. Через них в общество проникают не только блага цивилизации, но и многие общемировые угрозы. Прежние механизмы безопасности, основанные исключительно на защите внешних рубежей, военным сдерживанием, уже недостаточно эффективны в борьбе с такими явлениями, как международный терроризм и религиозный экстремизм, транзит наркотиков и торговля людьми. Во многих странах активизируются разного рода национальные движения и партии, «играющие» на этнической тематике.

В-третьих, корни большинства межнациональных конфликтов восходят к нерешенным социально-экономическим проблемам. Недаром подмечено, что «ненависть – это гнев бедных». На планете около восьмисот миллионов голодных, свыше миллиарда – пятая часть – живут менее чем на один доллар в день [3].

В то же время, глобализация – это мощный инструмент всемирного влияния, а ее суть, какое место в ней будет занимать личностное, родовое, культурное и гражданское – будет зависеть от тех, кто и какое содержание в нее внесет, пропагандистом зла или добра она станет для людей, человечества.

Можно сказать, что одна из главных проблем XXI века заключается в том, что человечество еще не выработало универсальной формулы межэтнического согласия. Это проблема обладает огромным разрушительным потенциалом, лежит в основе многих глобальных угроз и вызовов миру.

Процессы глобализации требуют выработки соответствующих мер, что и породило новую цивилизационную среду. При этом нельзя забывать, что они протекали на фоне изменений и

самого Казахстана, и всей мировой экономической и общественно-политической архитектуры. Сегодня, когда глобальная архитектура вновь меняется, время требует новых креативных подходов.

За всю историю развития Казахстан прошел серьезные испытания на прочность: как государства и экономики, так и народа, и общества. Потому наше наследие и будущее – это добрососедство, взаимопонимание и взаимоподдержка, толерантность и сотрудничество, культурное сотворчество и дружба всех этносов, проживающих в Казахстане.

Объективная оценка процессов глобализации, ее вызовов и угроз обеспечивает предупредительные и профилактические меры в развитии сферы межэтнических отношений, укреплении межкультурного диалога и толерантности. «Важно иметь полное представление о том, какие угрозы представляют опасность для межэтнических отношений в Казахстане сегодня и в ближайшем будущем» – подчеркнул Глава государства в докладе на десятой сессии, 24 декабря 2003 г. «Казахстанская модель межэтнического согласия: опыт, практика и перспективы» и далее детально раскрыл их сущность.

Первый вызов – это попытки использовать религию как инструмент международного терроризма и экстремизма.

Серьезных внутренних предпосылок для осложнения отношений между религиями в Казахстане нет. Эта опасность имеет в основном внешнюю природу. Она связана с использованием постулатов веры для оправдания экстремистских действий в политике, террористических актов.

Второй вызов связан с тем, что решать проблемы, возникающие в сфере межнациональных отношений, в условиях либерального общества едва ли не сложнее, чем при тоталитаризме...

Демократия сама по себе не гарантирует автоматического решения проблем, возникающих при взаимоотношениях этносов. Об этом говорит опыт даже таких стран, как США, Швейцария, Бельгия, которые долгое время являлись своеобразным образцом решения межэтнических проблем.

Предвидя это, с середины девяностых годов мы пошли на создание такого рода механизмов – национально-культурных центров, большой и малых ассамблей народов. Это был шаг в верном направлении. По сути, национально-культурные центры стали одними из первых самоорганизующихся институтов гражданского общества. И вместе с тем они стали основой межэтнического согласия в Казахстане.

Третий вызов связан с тем, удастся ли в будущем сохранить разумное сочетание интересов казахской нации и десятков этнических диаспор, которые многие поколения живут в Казахстане. Все эти годы мы шли эволюционным путем. Добились того, что среди казахстанцев, к какой бы этнической группе они ни принадлежали, крепнет осознание важности сохранения и укрепления казахского языка, его государственных функций [4].

3. *Основы толерантности и общественного согласия.* Вопросы единства и согласия всегда остаются в центре внимания Главы государства.

В Алматы, в 1992 году под патронажем Президента РК Н.А. Назарбаева проходит первый всемирный конгресс духовного согласия, провозгласивший общие человеческие ценности приоритетными в международных, межэтнических и межконфессиональных отношениях. И хотя идея духовного согласия, по сути, не нова, однако она имеет более глубокие корни и акценты, сделанные в Казахстане, на развитие этой идеи, и сегодня приобретают новое звучание.

В этом же году состоялся Первый Форум народа Казахстана, где Глава государства впервые заговорил о необходимости институционализации межэтнических отношений. Идея создания общественного института по межэтническим отношениям положила начало созданию новой общественной структуры, которая и по настоящее время является мощным консолидирующим и интеграционным фактором единства и многообразия – Ассамблеи народа Казахстана.

С этого периода начался новый этап в сфере межэтнических процессов. Поэтому политика нашего государства должна «тонко» учитывать происходящие изменения и строить верную стратегию в области ценностных вызовов предстоящего века, – считает Глава государства.

В целом регулирование межэтнических и межконфессиональных отношений в Казахстане должно базироваться на четком понимании следующих принципиально изменившихся обстоятельств.

Во-первых, политическая демократизация и экономическая либерализация создают новые

мотивы поведения людей и новые отношения между ними. Эти трансформации влияют и на межэтнические отношения. Если определить основной вектор этого влияния, то можно определенно сказать, что политическая и экономическая либерализация в целом позитивно сказалась на межэтнических отношениях в Казахстане.

Во-вторых, мы строим открытое общество. Общество, имеющее президентскую форму правления, профессиональный Парламент, сформированный свободным волеизъявлением граждан. Реализуя на практике свободу слова, недопустимо регулировать национальные отношения по рецептам закрытого общества. Проблемы в межэтнических отношениях необходимо открыто обсуждать, и быть предметом общественного согласия, а не закрытых и кровавых «обсуждений» при помощи саперных лопаток.

В-третьих, развитие Казахстана в последнем десятилетии XX века показывает, что никакой трагической и фатальной необходимости скатываться в трясину межэтнических конфликтов не существует. Горький опыт Боснии и Карабаха, Приднестровья и Абхазии, Таджикистана и Чечни – еще не основание утверждать обратное – подчеркивается Президентом страны [5].

Казахстан становится центром зарождения стратегии развития, ориентированной на духовную сущность человека. Здесь традиционно исторически ментальность этносов нацелена на обретение этнической толерантности как главного качества человеческой мудрости.

Базисом общественного согласия в Казахстане является менталитет казахов, который включает проявление радикализма и фундаментализма. Традиционный для казахов ислам не имеет политических амбиций, органически дополняется народной культурой и дипломатией. В мировоззренческом аспекте он представляет собой альтернативу так называемому «исламскому терроризму» и радикализму.

Мир, осознал, что только экономические критерии сами по себе не могут обеспечить человеческое достоинство и благополучие, кризис системы универсальных духовных ценностей может стать крахом человечества в целом. Поэтому особый смысл слово «духовность» приобретает в контексте выражений «согласие», «единство» и «консолидация», гармонии интересов в высших проявлениях человеческого сознания.

Исторически сложившиеся в Казахстане взаимное понимание, толерантность, бережное восприятие духовных и культурных интересов людей разных этносов, составляющие глубинную суть казахстанского общества, позитивно отразились на менталитете народа, сформировали общие для всех общегражданские идеалы и ценности. В итоге каждая этническая группа смогла занять в структуре общества свою консолидирующую нишу, сохранив свою прежнюю яркую полиэтничность.

Стабильность в республике, гражданский мир и межэтническое согласие являются результатом двух слагаемых – стремления полиэтнического общества, с одной стороны, и усилия власти – с другой.

Еще на первой сессии АНК, Глава государства, анализируя сложный этнический состав Казахстана, отметил особую значимость правильно выбранной национальной политики для нашей страны. При этом сделан акцент на трех существующих подходах в решении данной проблемы.

Первый, когда некоторые страны проводят политику «выдавливания» инационального населения, что никогда не было присуще казахскому народу, по-братски принимавшему переселенцев. Второй – вообще не придавать значения национальному вопросу и надеяться на то, что проблемы отпадут сами по себе. Третий, единственно верный путь, по которому мы идем, требующий трудоемкой и кропотливой работы. Это поиск точек соприкосновения, расширение зон согласия и доверия между народами. Без политики согласия и разумной национальной политики стратегически мы не сможем решить никаких задач. «Я, как Президент страны, – отметил Н.А. Назарбаев, – своей основной задачей считаю обеспечение общественной стабильности и межнационального согласия» [6].

При определении приоритетов внешней и внутренней политики, разработке стратегии укрепления стабильности, гражданского мира и межнационального согласия, Глава государства советует принять во внимание следующие важнейшие обстоятельства.

«Во-первых, у нас как-то чаще говорят и пишут о взаимоотношениях двух наций – казахов и русских. При этом забываются интересы почти 20 процентов остальных казахстанцев, которые

в этой ситуации имеют все основания чувствовать себя ущемленными. Нельзя забывать, что Казахстан – в полном смысле этого слова многонациональное государство. Каждая нация внесла в сокровищницу мировой цивилизации свой вклад, великий для ее духовного потенциала, и его нельзя оценивать только численностью населения.

Во-вторых, не менее существенно и другое: Казахстан – не только многонациональное, но и многоконфессиональное государство. Это серьезный фактор, способствующий сохранению стабильной общественно-политической обстановки».

Суммируя проблемы национальной политики, Лидер страны, на первой сессии АНК определил ясные и справедливые принципы, на которых она впредь будет строиться. Главными среди них являются: поиск компромиссов; общественная стабильность как база справедливого решения национального вопроса; верховенство закона; укрепление государственной независимости и активная интеграционная политика [7].

Благодаря неизменному следованию этих принципов Казахстан не только избежал кровавых конфликтов на этнической и религиозной основе, сумел реализовать реформы, выйти на рубежи преодоления экономического кризиса, добиться признания мирового сообщества. В этом большая роль и значимость первой сессии АНК, положившей начало разработки принципов национальной стратегии и создавший орган активно ее реализующий в повседневную жизнь.

Благополучие, мир, политическая и общественная стабильность, толерантность – все, что сейчас стало неотъемлемой чертой Казахстана и предметом его гордости – во многом состоялось правильно выработанной модели межэтнических отношений.

Эта модель за годы независимости позволила сформировать значительный запас прочности. Она обеспечила возможность конструктивно, на самом высоком уровне решать проблемы развития межэтнических отношений. Объективно, перед научным и экспертным сообществом сегодня стоит важная задача – дать новый импульс осмыслению состояния, места и роли этнических отношений в нашем обществе, перспективам и направлению развития государственной национальной политики, целям и задачам общества в этой связи.

Неразрывной задачей сохранения единства народа является воспитание и утверждение толерантности. Бережно сохраняя в себе чувство национального достоинства, самоуважения, необходимо стремиться к тому, чтобы с таким же уважением относиться к иным культурам, языкам, религиям и традициям. Толерантность существенный атрибут межэтнического согласия, она связана с взаимопониманием взаимообщающихся субъектов. Поэтому согласие и толерантность выступают ценностным основанием межэтнических отношений.

Одним из первых на тему толерантности в 85-м году кратко и емко сказал известный поэт и общественный деятель современности Олжас Сулейменов: «Мы идем, узнаваясь в другом» [8].

К примеру, в контексте выступлений Президента Н.А. Назарбаева на сессиях Ассамблеи народа Казахстана следует отметить существенный фактор – фундаментальная основа для теоретических, методологических и прикладных аспектов научного понимания и общественного восприятия происходящих процессов, изучения причин формирования объединительных факторов и разделительных границ, их влияния на межэтнические отношения и развитие национальной политики.

Безусловно, принципы и ориентиры этнического и полиэтнического развития могут меняться, совершенствоваться. Множественность вариантов их развития и толкования не должна приводить к противопоставлению этнического и полиэтнического. Важно понять, что речь идет не о вариантах интерпретации их сущности, но не во вред этническому и всему пространству полиэтнического. Весь мир, вся природа имеют вариабельную, плюралистическую структуру. И это полностью относится к этническому и полиэтническому развитию. Отличное не есть чужое, но иное, самобытное, элемент полифундаментальности общественного бытия, жизнедеятельности людей и их общностей – это всем должно быть понятно. Этническое многообразие уже есть полиэтническое, и не надо их противопоставлять друг другу, ибо они – потенциал базисных факторов и общего пространства развития. Любое этническое есть активный, самобытный, действующий, созидательный элемент многонационального развития.

В работах Президента страны, основным лейтмотивом его идей и мыслей, является теоретическое обоснование концептуальных принципов национальной политики Казахстана – «Единство через многообразие». «За десять лет независимости Казахстан продемонстрировал миру

наличие своей действенной стратегии достижения межнационального согласия, основанной на принципе единства в многообразии.

Наши действия были нацелены не просто на возрождение культуры народов Казахстана, а на видение неустанного диалога, выстраивание добрых отношений между всеми этническими и конфессиональными группами страны... Сохранение гражданского мира – это стратегическая задача Ассамблеи, всех государственных органов, партий, общественных объединений, средств массовой информации, лично каждого казахстанца» – говорится в докладе на девятой сессии, в 2002 г. «Стратегия развития Ассамблеи народов Казахстана: национальное согласие, безопасность, гражданский мир» [9].

Данная формула положена в основу казахстанской уникальной модели, в которой среди основополагающих принципов выделяется – «этническое, конфессиональное, культурное, языковое многообразие... Оно составляет идеологическую основу нашего общества, постоянно дает обществу новые силы для развития» [10].

Поэтому формула «К единству через многообразие» есть формула, действительно работающая в межэтнических отношениях. Общеизвестно, что нет народа малого, каждый народ равнозначная единица. Важно, чтобы государство и общество защищало себя, сберегало и обеспечивало единство на основе этого многообразия и самобытности. В своём внутреннем развитии, сохраняя свой язык, приумножая обычаи, традиции каждый этнос в целом в обществе выступает как органическая часть единого народа Казахстана.

Народ Казахстана – это конкретное, целое, живое единство многообразия. Это своего рода целостный организм. Чем он богаче, тем многообразнее его составляющие части. Потеря одной составляющей обедняет целое.

Межэтническая толерантность и общественное согласие, а также экономическое динамичное развитие страны – взаимно обуславливающие стороны одного процесса. С одной стороны, толерантность, бесконфликтность создают условия для экономического роста и политической стабильности, последние же создают базу для первых. Суть столь оригинального и простого на первый взгляд, не имеющего аналогов в мире пути создания казахстанской модели межэтнической толерантности и согласия состоит в том, когда многообразное в этническом, конфессиональном, культурном плане общество имеет твёрдое основанное единство. Эта модель сумела объединить в единое целое предельно противоречивые факторы человеческого бытия. Это стало прочной основой для дальнейшего развития государства.

Список использованной литературы

1. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия» – Астана. Елорда 2008. – 480с. – С.427.
2. Гумилев Л.Н. О термине «этнос». Докл. отдел. и комисс. ГО, № 3 1967;
3. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия». – Астана. Елорда 2008. – 480с.
4. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия». – Астана. Елорда 2008. – 480с. – С.304.
5. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия». – Астана. Елорда 2008. – 480 с. – С.257.
6. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия»– Астана. Елорда 2008.– 480 с. – С. 261.
7. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия».– Астана. Елорда 2008.– 480 с. – С. 420.
- 8 Сулейменов О.О. Нам по дороге // Родина. – М.: Изд-во журнала “Родина”, 2004. – Вып. № 2.
9. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия».– Астана. Елорда 2008. – 480 с. – С. 327,330,332.
10. Назарбаев Н.А. «Политика мира и согласия».– Астана. Елорда 2008. – 480 с. – С. 262.

Наталя ДМИТРИУК

Выпускница Чимкентского пединститута (Казахстан), доктор филологических наук, профессор.

Кандидатскую и докторскую диссертации защитила в Институте языкознания Российской Академии наук при Секторе психолингвистики и теории коммуникации (Москва, Россия).

Научные интересы сформировались в Московской школе психолингвистики, занимается исследованием национального языкового сознания, проблемами межкультурного общения, билингвизма и бикультурализма в русле этносоциопсихолингвистики, лингвистической гендерологии и ассоциативного направления когнитивной лингвистики.

В настоящее время работает на кафедре русского языка и мировой литературы Международного казахско-турецкого университета (бывший чимкентский пединститут).

Постоянный участник научных конференций, форумов, конгрессов (Казахстан, Россия, Испания, Германия, Польша, Венгрия и др.), обладатель государственного гранта и медали «Лучший преподаватель вуза», член докторского диссозета Д 14. 61.27 (г. Кокшетау), имеет более 190 опубликованных научных работ.

Взаимодействие языковых стихий

(о книге У.М.Бахтикиреевой «Творческая билингвальная личность»
(особенности русского текста автора тюркского происхождения).
Астана: изд-во «ЦБО и МИ», 2009. – 259 с. Изд. второе, доп.)

Монография Улданай Максutowны Бахтикиреевой посвящена интересной и не теряющей своей актуальности на протяжении многих лет проблематике: феномену двуязычия и билингвальной творческой личности.

Уникальность исследования У.Бахтикиреевой заключается не только в том, что оно выполнено в русле столь часто декларируемого в современной науке принципа антропоцентризма, но и с позиций представителя той самой билингвальной творческой личности, которая «проживает» эту специфическую ситуацию «изнутри» и является главным объектом изучения (что отразилось, к слову сказать, на необыкновенной образности и эмоциональной выразительности языка этого научного издания).

Исследование феномена двуязычия и творческой деятельности билингвальной личности, связанной со специфическими способами экспликации мыслительного, эмотивного и аксиологического содержания (как осмысления человеком окружающего мира, его категоризации и концептуализации), имеет свою давнюю историю, представлено известными направлениями и школами, что обеспечило солидную теоретико-методологическую основу заявленной темы. Работа У.М.Бахтикиреевой выполнена на стыке традиционно исследуемых и самых современных отраслей знаний - литературоведения, культурологии, переводоведения, теории межкультурной коммуникации, этнопсихолингвистики, когнитивной лингвистики, герменевтики и др. (см. солидную библиографию из более 420 источников).

Вместе с тем, теоретическая и практическая неизученность билингвального речетворческого процесса как особого вида речевой деятельности на двух языках (механизма восприятия, переключения и отображения окружающего и внутреннего мира писателя-билингва и др.) вызвала к жизни задачу историко-лингвокультурологического обоснования феномена художественного билингвизма, его особенностей, причин и условий возникновения и функционирования. Эта задача в работе У.Бахтикиреевой блестяще решается в процессе анализа сложившейся в XX в. ситуации взаимодействия русской и центральноазиатских литератур и культур.

На основе гармоничного сочетания интуитивно-авторских наблюдений и обобщения достижений классической лингвистики и литературоведения (теории языковой детерминанты Г.П.Мельникова, эстетико-философской концепции М.М.Бахтина, культурологических исследований Ю.М.Лотмана, уникально-своеобразных аналитических литературоведческих циклов Г.Д.Гачева, Ч.Т.Айтматова, О.О.Сулейменова и др.) автором исследуется феномен русско-инонационального художественного билингвизма, а точнее, как указано в подзаголовке книги, – «особенности русского текста автора тюркского происхождения».

Если говорить о традиционных и общепринятых в рецензиях новизне, значимости и цели работы, то они состоят как в постановке проблемы (изучение способов описания художественного образа писателями-билингвами), так и в ее решении (специфика передачи образа родной культуры на языке приобретенной культуры).

Эта идея – уникальность и эффективность именно такого способа художественной передачи образа одной культуры языковыми средствами другой – проходит красной нитью в книге У.М.Бахтикиреевой как основной лейтмотив исследования и скрупулезного анализа того, что происходит в душе и в сознании писателя-билингва при перенесении родной национальной палитры на полотно иной этнической картины мира.

Основная идея данной монографии заключается в постановке «проблемы особых свойств художественного текста, обусловленных креативным билингвальным сознанием писателя, в котором описывается национальный образ первичной культуры писателя средствами его вторичной /приобретенной, в нашем случае – русской языковой культуры. Такой подход выводит на познание природы билингвальной личности через ее приобретенный язык, а значит и на познание неисчерпаемых возможностей языка. Причем, речь идет о языке, выражающем через свою систему речевых знаков *значения*, которые присущи другому языку. Но любой язык нельзя познать, «не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987, с.7]. ... Способ описания творческой билингвальной личностью первичной/ «своей» языковой картины мира на языке приобретенной/ «чужой» культуры имеет свои свойства, свои качества, которые как стимуляторы воздействуют на русского читателя. [Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность» (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: изд-во «ЦБО и МИ», 2009. – с.18].

Из этого тезиса вытекает неизбежность утверждения, что двуязычие – это диалог *сознаний*, а не *языков*, или, по словам Г.Д.Гачева, «это диалог мировоззрений, систем мира» (мысль, высказанная болгарским ученым задолго до антропоцентрического сдвига в официальной науке). Отдавая должное традиционным социолингвистическим и психолингвистическим трактовкам двуязычия, У.М.Бахтикиреева с этнопсихолингвистических позиций рассматривает это явление в рамках постсоветской макросистемы, характеризующейся структурированием нового геополитического и духовно-культурного пространства. «Особая речемыслительная деятельность билингвального автора заключается в соединении двух разных языковых систем в творческом процессе, в осмыслении способов мышления двух разных этносов. Пользуясь системой приобретенного языка как инструментом творчества, он воссоздает образы первичной культуры в рамках приобретенной. В результате такой деятельности рождается текст, который отличается от текста монолингвального автора манерой описания» [Бахтикиреева У.М., там же, с.21].

Мысль о том, что описания быта и традиций определенного этноса глазами представителя этого этноса и глазами наблюдателя разительно отличаются, отнюдь не нова. Читая необычайно привлекательные своим специфическим колоритом произведения на русском языке Ч. Айтматова, О. Сулейменова, А. Кодара, Б. Каирбекова, Б. Кенжеева, Ф. Искандера, Н. Думбадзе, Ю. Рытхэу, И. Бабеля и мн. др., постоянно ощущаешь причастность к иной картине мира, иному мироощущению, включенность в другую систему координат и ценностей – то, что можно увидеть «изнутри» культуры, то, что «русский так не написал бы!» Замечательной иллюстрацией этой мысли являются слова Г.М.Мельникова, сказанные им на защите докторской диссертации У.Бахтикиреевой: «...Как совместить эти две языковые стихии, две разные системы образов? В чем их главное отличие? В том, что наши индоевропейские образы (которые наиболее развиты в славянских языках) – динамичные. Это образы – развитие, это – движение, это – направление. А тюркские образы – статичные, это – краска, это – расцветка. Русский как бы кинематографичен, а тюркский – фотографичен, фотогеничен. В этой связи возникает вопрос следующего порядка:

Айтматов пишет о тюркском, следовательно, как носитель тюркского языка, носитель культуры, он как бы должен быть привычным носителем фотогеничности, а в то же время пишет на русском языке, который хорошо приспособлен для выражения содержания через динамику, через кинематографичность» [см.: Бахтикиреева У.М., там же, с.4].

Вот этому необычному явлению – «русскоязычный писатель» в русской и национальной культуре – и посвящается интересное исследование У.М.Бахтикиреевой. Несколько неуклюжее на современный слух выражение «русскоязычный писатель» содержит в своем значении целый комплекс проблем социально-исторического, этнокультурного, геополитического характера. О том, что литература народов бывшего СССР вошла в человеческое сознание как многонациональная советская литература – совокупное достижение 75 национальных литератур и принципиально новое явление в истории мирового искусства – пишут многие исследователи. Уникальность этого опыта Г.Г. Гамзатов видит в том, что «в мировой художественный процесс вступали народы, стоявшие на самых различных ступенях общественного и историко-культурного развития и составляющие невиданное многообразие полиэтнических регионов Евразии – Сибири и Дальнего Востока, Урала и Поволжья, Средней Азии и Кавказа, с их неповторимыми историческими судьбами...» [Гамзатов Г.Г. XX век как эпоха национальных литератур и региональных общностей. // Материалы 2 МНК «Язык и культура». М.: Вопросы филологии. 2003, с.471].

Во второй половине XX века русский язык, по словам Г.Д.Гачева, «перестал совпадать с Россией», распространился на всей территории, как было принято говорить, 1/6 части земли и стал одной из форм выражения иной, чужой культуры. «...Ни в одной стране в мире не было, нет такого одновременного и живого сосуществования почти всех известных в истории эпох жизни и мышления, которое налицо в истории советского общества <...>. И грех было бы не воспользоваться этим преимуществом для более глубокого осмысления закономерностей литературы вообще» [Гачев.Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия. М.: Издательский сервис, 2002, с. 292].

Рассуждая о небезболезненных процессах структурирования нового геополитического и культурно-исторического пространства, в котором сплелись такие неделимые концепты-ценности, как язык, культура, этническая принадлежность и этнокультурная самоидентификация, автор монографии с присущей восточному человеку тонкостью и чутьем приходит к пониманию и осознанию обострившегося сегодня ощущения себя одновременно и внутри, и снаружи отделяющегося и отдаляющегося «этнодома». Действительно, трудно прикрепить к «этническому гнезду» творчество и судьбу таких писателей, как Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Мариэтта Шагинян, Исаак Бабель, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов... Булат Шалвович Окуджава, этнический грузин, причисляет себя к русским писателям и говорит о России как о собирательном целом, о хранилище воспитавшей его культуры; про «небывалый и странный сплав, сброшенный ликующей от предоставленных свобод критикой в безразмерную авоську советской литературы» пишет Т.Толстая; с горечью как о необратимой потере рассуждает о былом единстве Н.Л.Лейдерман: «...мы даже не умеем ценить то великолепное культурное явление, которое родилось на почве духовного сообщения разных народов, что волею судьбы были собраны в российском государстве. Я имею в виду так называемую «русскоязычную литературу»; поразительный феномен, подобного которому нет, кажется, в мире - ранний Гоголь, Исаак Бабель, Чингиз Айтматов, Рустам и Максуд Ибрагимбековы, Тимур Пулатов, Олжас Сулейменов, Анна Неркаги, Владимир Санги, Юрий Рытхэу ... Они создали уникальные сплавы национальных менталитетов и национальных культур украинцев, евреев, киргизов, азербайджанцев, узбеков, казахов, ненцев, нивхов, чукчей - с русским языком и стоящей за ним русской национальной культурой» [Лейдерман Н.Л. Спасать литературу – спасаться литературой // Мир русского слова. № 3 (16), 2002, с.61-62].

В монографии рассматривается неоднозначность и противоречивость суждений и многочисленных споров о крушении имперских отношений и имперской философии, о разделе на суверенные государства и этнокультурные сообщества, но в итоге формируется и формулируется убеждение автора в том, что русская культура *может и должна* выступать объединительным стержнем.

При этом роль русского языка в становлении, развитии и расцвете национальных литератур этого периода У.Бахтикиреева определяет как основополагающую и ведущую, выдвигая основной тезис о культурно-исторической миссии русского языка в XX веке: «**РУССКОМУ ЯЗЫКУ В XX ВЕКЕ УДАЛОСЬ ДОКАЗАТЬ СВОЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ И МИССИЮ – СТАТЬ ОДНИМ ИЗ СРЕДСТВ ОТРАЖЕНИЯ ИНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ,**

*ПРИБЛИЗИТЬ ВСЕХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ - НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, К МИРООЩУЩЕНИЮ ДРУГОГО НАРОДА. А ЭТО ДОКАЗЫВАЕТ ВЫСОКУЮ **КОДИРУЕМОСТЬ** РУССКОГО ЯЗЫКА. ТАКОГО НЕ УДАЛОСЬ ДАЖЕ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ: БОЛЕЕ 75 НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА ПОЛВЕКА!»* [Бахтикиреева У.М., там же].

В ходе разностороннего и многоаспектного сравнительно-сопоставительного анализа художественных текстов двуязычных писателей У.М.Бахтикиреева убедительно пишет о неизбежной конструктивности межкультурного взаимообогащения языков и культур, в частности – о благой миссии и роли русского языка. «Существование билингвального творческого сознания на протяжении многих веков является свидетельством того, что мир шел к глобализации шаг за шагом, от века к веку, структурируясь в разные географические и языковые образования - от одной культурно-цивилизационной парадигмы к другой. Художественно воплощенный билингвизм, по нашему мнению, наилучшим образом может быть использован для исследования идей культурной глобализации на основе сочетания всеобщего, национального и индивидуального опытов» [Бахтикиреева 2009:248].

В монографии приводятся слова О.Сулейменова о неизбежной конструктивности межкультурного взаимообогащения языков и культур, о неизбежности дву- и полиязычия в эпоху культурной глобализации и о консолидирующей роли русского языка в современных геополитических условиях: «У русского языка ныне открываются преимущества, которые гарантируют ему будущее и за пределами России. ... Нам будет легче договориться друг с другом: мы значительно быстрее, чем Европа, «найдем общий язык» - в прямом и переносном смысле. В прямом у нас есть. Пока есть! Такая перспектива делает русский язык еще более ценным достоянием, которым надо дорожить. ... Мир сильно меняется. Наши страны все теснее входят в планетарный контекст, и к этому надо быть готовым» [Сулейменов О.О. Нам по дороге. // Родина. М.: изд-во журнала «Родина», 2004. Вып. № 2, с.21].

Ограниченный объем рецензии не позволяет охватить всю широту и своеобразие исследуемой в монографии тематики, но, безусловно, книга найдет широкий отклик в научной среде и многим пытливым исследователям окажется незаменимым подспорьем в работе. Покоряет и предусмотрительная манера автора выделять в тексте полужирным шрифтом и курсивом, как маркером, основное и значимое, последовательно прокладывая вехи и метки по ходу своих рассуждений и их доказательств.

В заключение хочется сказать, что новая книга У.М. Бахтикиреевой читается легко, на одном дыхании. Все написанное в ней так близко и созвучно собственным впечатлениям и восприятию, настолько живо по теме и близко по душе, - как долгожданная подсказка того, о чем давно хотелось услышать, прочитать, найти подтверждение недобродившим мыслям, догадкам, ощущениям. Как человек, всю жизнь проживший в иной (казахской) этнокультурной среде и впитавший в себя часть этой (не поворачивается язык сказать «чужой») культуры, могу заверить, что более правдивого, актуального, живого, искренне заинтересованного исследования, которое хочется цитировать буквально с любой страницы, мне трудно представить. За каждым словом автора – серьезного московского ученого – так и слышится взволнованное дыхание проникательной девочки, которая всем сердцем проросла в казахстанскую землю и небо, и потому так покорила искренним единением с историей и современной жизнью соотечественников-казахстанцев.

Можно поздравить автора и читателей этой книги с выходом в свет интересной работы и искренне пожелать новых открытий в этой неисчерпаемой и вечно актуальной проблематике.

Доктор филологических наук, профессор
Кафедры русского языка и мировой литературы
Международного Казахско-турецкого
университета им. А.Ясави **Н.В.ДМИТРИЮК**
Казахстан, Шымкент

P.S. Литературу я указывала в самом тексте рецензии, как это делается в журнале «Вопросы психолингвистики» (см. посл.номер 2/10 с рецензией Ю.А.Сорокина)

Жанна ТОЛЫСБАЕВА

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языковых дисциплин Каспийского государственного университета технологии и инжиниринга имени Ш. Есенова (Казахстан, г. Актау).

В научных кругах Казахстана и за его пределами Ж. Ж. Толысбаева известна как литературный критик, специализирующийся на реалиях современного литературного процесса. Печатается в отечественных журналах общественно-политического и художественно-публицистического направления («Простор», «Евразия», «Нива», «Аманат», «Сибирские огни»). Ведет большую просветительскую работу, пропагандируя труды современных российских и зарубежных авторов, исследуя культурные явления, литературу современного Казахстана и мирового сообщества. Член Международного клуба Абай, член редакционной коллегии республиканского художественно-публицистического журнала «Аманат».

«Умудряюсь оставаться литературоведом и литературным критиком, находясь вдали от «мегацентров». Наверное, так – на большом расстоянии от суеты сует – легче удастся сохранить почтение к Слову истинному. Литературный текст имеет свойство находить своего читателя, а уж критика тем более!

Одним из самых ярких впечатлений моих последних лет стал Кавказ.

Люди Кавказа, разрешите привести в Ваш дом своих сестер и братьев!

С миром и добром.

С любовью.

Жанна Толысбаева».

Проза женщины – «женская проза»? (О романе Умит Тажикен «Ось существования»)

Появление в литературе последних десятилетий многочисленных громких женских имен (Татьяна Толстая, Ольга Славникова, Валерия Нарбикова, Людмила Улицкая, Людмила Петрушевская, Нина Садур, Маргарита Меклина), после многих полемик решено относить к феномену женской прозы. Но такова диагностика литературного процесса в России. Если исходить из существенных характеристик сложившейся женской прозы, то достаточно перспективным может стать исследование творчества женщин-литераторов в странах Центральной и Средней Азии. Очень интересно появление женской прозы в литературе, где до настоящего времени образ женщины существовал только как страдательный (вспомним «Несчастную Жамал» М. Дулатова, «Ботагоз» С. Муканова) или предельно идеологизированный («Коммунистка Раушан» Б. Майлина).

В настоящий исторический момент мы присутствуем при неуклонном стремлении женщины освоить все направления современной жизни, проявить себя на всевозможных поприщах. Начавшийся в XX столетии процесс «разгерметизации» некогда укрытой от постороннего глаза женской жизни осложнился и ускорился за счет экономико-политических потрясений, выпавших на долю каждой матери-жены-дочери. В казахстанской литературе слом гендерных приоритетов и ментальности происходил в жестких (и даже жестоких) рыночных условиях. Что принесло с собой это знаменательное явление?

В границах настоящего исследования хочу предложить Вам, уважаемый читатель, размышления о некоторых особенностях прозы казахстанской писательницы Умит Тажикен, творческое рождение которой пришлось на тяжелые 1990-е годы. Эпоха «сворота» идеологического сознания на

тотальную коммерциализацию испытала У. Тажикен на выносливость, допустив к статусу бизнес-леди и писателя одновременно. Как оказалось, второе для У. Тажикен стало несравнимо более важным. По её признанию, две причины побудили к творчеству: стремление уйти от надоевшей и бесперспективной торговой суеты и желание ответить самой себе на непростой вопрос «кто я?».

В отечественной литературе Умит Тажикен появилась по-женски изысканно и утонченно. Её поэтические миниатюры, собранные в книгах «Сакрализация памяти» (Алматы, 2001) и «Восхождение к Абсолюту» (Алматы, 2003), поведали об авторе самое сокровенное, раскрыли очень трепетную, легко уязвимую и предельно одинокую душу Женщины. Новый роман У. Тажикен «Ось существования» [1] – первая попытка соткать целостное полотно своего и только своего понимания-видения мира. Но, как и предшествующие миниатюры, этот текст не вписывается в существующую модель женской прозы.

В центре романического повествования Умит Тажикен оказываются 1990-е годы с их законами (т.е. беззаконием), сменой ценностных и поведенческих стереотипов, слэнгом. Читая роман У. Тажикен, поневоле погружаешься в то время, которое память (по вполне понятным причинам) задвинула в самые дальние закоулки:

«...То время запомнилось чувством постоянного страха перед неопределенностью, нестабильностью, страхом сделать что-то не так, ошибиться. Все, имеющие отношение к «комкам» и к торговле вообще, шарахались от тех, кто носил прическу «площадка» (а то и вовсе был бритоголовым), имел толстую короткую шею с золотой цепью и при этом разъезжал на иномарке» [1, с.9].

Так ярко и достоверно эту эпоху вхождения в дикий рынок ещё не удавалось описать никому из отечественных писателей, хотя под кнутом разнузданной алчности-стяжательства вынуждены были существовать все.

Сюжет романа образуют фрагментарные воспоминания о семье, задетой историей, о пионерском детстве, о болезнях близких людей, о социальных и бытовых трудностях, выпавших на долю главной героини и её современников. Названный круг тем и проблем выводит героиню за пределы ограниченно женского бытования – а значит, и женской прозы. Не найти в романе У. Тажикен и таких привычных элементов, как телесной и сексуальной аффектации проблематик беременности, сексуального насилия, родов, кормлений грудью – всего того, что принято обозначать понятием «женские инициации». В этой авторской сдержанности узнается её «восточный» менталитет, не позволяющий бесстыдно-откровенного, публичного откровения-проникновения в святая святых Женского начала.

От той же целомудренности – отказ от введения новых «мест действий» (как то: родильное отделение, женская больничная палата, женская тюрьма, кухня). Искаженному, «транзитному», заимствованному пространству автор находит удивительно точный, реалистичный и вместе с тем страшный образ-символ – торговый ларек 1990-х годов, в просторечии – «комок»:

«...Половина большого киоска была отгорожена под жилье. Стены, оклеенные рекламными плакатами, увешены сверху для сохранения тепла дешевыми одеялами советских времен, какие бывали в пионерских лагерях, в армии у солдат. Поверх одеял на гвоздях висела одежда хозяев, их детей. Прямо у порога стоял тазик с кумганом и мыльницей. На полу на разложенных на старом линолеуме расплющенных картонных коробках, расстелены старые дорожки, кошма, сверху – турецкие искусственные ковры. В дальнем углу на полу аккуратно сложены стеганные одеяла» [1, с.17].

«Комок» несвободы, признанного социального выпадения, помимо прочего, трактуется как пространство самообмана, в котором герои романа У. Тажикен пытаются сохранить приличия и традиции добротного дома, но в соотношении «комка» с внешним миром доминантными становятся мотивы утраты, бездомности, насилия:

«...За стеной киоска урчали автобусы, проносились с шумом машины, слышны были приглушенные голоса пассажиров на остановке. Дым, чад, резкий запах бензина. А внутри было веселье и новизна, взволновавшая привычную, затаившуюся и чутко ко всему прислушивающуюся жизнь ее тихих обитателей, сейчас уверенно снующих из одной половины в другую, как будто у себя дома, в далеком ауле, где все понятно и близко сердцу» [1, с.18].

Героиня романа Умит Тажикен – Ажар – женщина в мужском мире власти и политики, выжить в котором способна лишь прибегнув к возможности трансвестивной модели поведения. Необходимость выживания в мире бизнеса, где установлены далеко не «девичьи» правила поведения, обязывают Ажар раздвигаться между глубоко личной и публичной сферой, ориентироваться на маскулинную и феминную модель поведения одновременно.

«Забегает официант:

- Там пришли два парня, один из них сказал, что заказывает за ваш счет.

Она потом часто вспоминала, как могла решиться на такое.

А тогда здоровый молодой мужик, приходивший раньше с «братанами», сидел с бритоголовым за столиком. У нее в глазах не то чтобы потемнело, а от ярости зрачки передернулись. В несколько крупных шагов подошла вплотную, оперлась о край столика и выдохнула, глядя ему в глаза:

- Можешь хоть сейчас убить, все равно сдыхать когда-нибудь, но нет у меня для тебя ничего! И так много кровососов!

Выпалила и ушла. Не дожидаясь ни реакции, ни ответа. Пошла снова на стройку, со зла накричала на мужиков, а когда они нехотя, не торопясь, взялись за лопаты, сбросила с плеч шубу, натянула китайские рукавицы, схватила лопату и с остервенением стала ковыряться в твердой земле. Тогда и они стали что-то делать.

- Тате, мы сами доделаем, идите, замерзнете, – уговаривал Быдыбыт.

- Ну да, катырарсын! – зло ответила она.

В это время пришла официантка и сказала, что те парни молча ушли.

Тот день был тяжелым... Хотя, каждый – нелегкий» [1, с. 30-31].

В романе не найти описаний каждогодневного семейного быта, унижающего Ажар, как нет характерных для женской прозы выводов о тотальной аннигиляции мужского начала. Не проблемы бытовые раздражают главную героиню романа (судя по соотношению мужеско-женской активности, ей и раньше приходилось принимать решения всех домашних проблем на себя).

«...одно она знала точно: больно было от постоянного унижения, лавирования, в том числе и среди своих родственников, которые считали её более удачливой, более состоятельной, а себя – эксплуатиремыми.

...спрос с неё был больше – и тащить их, и самолюбие не задевать, и условности родоплеменные соблюдать. И ошибка её в том, что она думала – эти свои, эти поймут, а вот чужих надо опасаться, с чужими капризами надо считаться. Свои-то как раз и собирали обиды...» [1, с.60]

Печальным откровением звучит мысль о том, что женщине-современнице, переставшей соотносить полноту и благополучие своей внутренней жизни с состоятельностью семьи, не остается ничего иного, как прятаться от всех – родных, чужих, от себя самой – за множественными масками. И никому не видимыми кровавыми слезами плакать от того, что не смогла помочь, уберечь от своего же злого слова, вовремя понять... От того, что теперь она уже навсегда одинока.

«Тоска давит и давит. Она знает, водкой это не снять. Но за стойкой бара выпивает украдкой 50 граммов.

Еще 50. Еще 50. Зажевывает «Орбитом».

Становится, вроде, легче...

Глухая тоска возвращается к ней позже, уже дома. Дверь в спальную плотно прикрыта. В соседней комнате муж смотрит телевизор.

Ажар быстро ложится в постель. Запить тоску не удалось. Хоть заснуть скорей. Но сон не идет... Давно нет отдыха. Каждый день по двенадцать-четырнадцать часов рутинной работы. Чтобы выжить. Один из сыновей не выдержал этой гонки. Ушел.

Нагрузка увеличилась...

В общем-то жизнь складывается так, как хотелось. Сбылось то, о чем думалось в несмелых мечтах. Но что-то не так. Не так...

Не вырваться, не остановиться, не задуматься» [1, с.31].

«Было жаль ушедших, ничего толком не видевших, так толком и не поживших. Стало жаль себя, вынужденную проводить все свое время за решеткой ларька», – последнее слово в этой фразе можно снять и заменить его на любое другое (быта, работы, обязанностей, правил), смысл откровения от этого не изменится, но будет усилен.

Интересно, что Ажар не стремится скрыть что-то не очень красивое в мыслях и поведении. И не впадает в тотальную самоиронию. Автор, памятуя о неулыбчивой эпохе 1990-х, правдива в том, что не наделяет свою героиню абсолютным иронизмом. Ажар, обладая очень сильным характером и чувством юмора, не всегда склонна к шутке. Даже наоборот. У неё драматичное видение мир.

Другое дело, что сторонним взглядом Ажар видит в каждой из своих более или менее удачливых торговых партнеров страшные признаки разложения: и описания жуткого «пира» в комке, выморочного существования выморочных людей в том же «заведении», очередей в

налоговой начинают странным образом перекликаться со сценами из жизни более удачливых бизнесвумен (с их разговорами, обильными возлияниями-угощениями). Примечательно, что сама Ажар посещает и этих, и тех. Вкушает от нищенского стола соседей по *комку* и посещает пиршества великих не мира, но *мига сего*. И всё видит, всё понимает. Наверное поэтому высокой поэзией овеяны описания угощений таких же, как и она сама:

«...Смугленькая маленькая Райхан постаралась: лоснились жирные, толстые, тугие кольца казы, карта, желтым салом поблескивала жая, было три-четыре вида салата. А спиртного сколько! ...Все с удовольствием выпили: коньяк был настоящий, казахстанский, только появившийся, «пузатый», сувенирный. Женщины дружно закусили, налегая на казы и карта. Голоса их в начале застолья степенные и неторопливые, теперь разгоряченные коньяком, зазвучали громче, слышался веселый смех ...» [1, с.18].

И уже с раздражением – другой стол:

«Мы ели, пили, думали, что это и все, хотя напитки, я тебе скажу, не то, что мы с тобой пьем. Виски, мартини, французские вина, в общем, круто. А закуска! Всего полно! А икра белужья, свежепросоленная, говорят, прямо из Атырау, и икра кеты, каждая с горох! И балык из кеты, и севрюга, и осетрина, черт знает что! Представляешь!? А на десерт пироги какие были! Боже, какие пироги, ты же знаешь, у меня слабость к пирогам! Домашние пироги, сладкие, с курагой и изюмом, с лимонной цедрой! Ну, мы и налегли! Но оказалось это еще было не все. Она сделала ещё и по подарку!.. Офигеть! Чтоб так накрыть на стол да еще чтобы разбрасываться такими подарками! А мне-то, представляешь, что теперь делать!? Придется ведь и ответ держать; долг, как говорится, платежом красен! А у меня, сама понимаешь, карман-то тощий. И чего ей взбрело в голову такое? Тоже мне, моду задала! Что-то она такая крутая стала: мартини, виски и все такое прочее» [1, с.20].

В том, что на страницах первой части романа доминирует гастрономическая тема присутствует своя правда времени: что и говорить, мы все были «сдвинуты» на гастрономии, ублажали свои идеологически-аскетичные тела гастрономическими изысками и других старались удивить. Мужчина об этом, наверное, не написал бы. Но женщины навсегда запомнят то полуголодное и дефицитное время, когда хорошо накрыть стол и накормить до икоты гостей качественными продуктами было своего рода самоутверждением и даже возвышением.

В романе нет главных и «второплановых» личностей. Так проявляется и женская сиюминутность оценки и очень конкретная авторская позиция. Постоянное качество мышления Умит Тажи-кен – желание вытянуть каждую живую душу до уровня ЧЕЛОВЕКА: был бандит Бек, беспощадный, живущий самосозданными законами, но в нем автор увидела благородство, красоту и – напрасно загубленную жизнь... Была знакомая Калдыгуль, продавец в комке. Вглядываясь с интересом в её удивительную натуру, автор со- и просто жалеет о не в ту сторону развернутых талантах, о впустую растрачиваемой энергии жизни: сколько в Калдыгуль мыслей, чувств, внутренней активности! И чем они вызваны? Костями обглоданными и доставшимися ей по окончании трапезы:

«В пакете у Калдыгуль уже лежал на дне мешочек с сочными и мясом с мослами – остатки бешиа с блюда, который вынесли снохи с большого стола. Кусок был приличный, а мосол мозговой, и если тупой стороной большого ножа со стальным лезвием аккуратно ударить (а она знает, в каком месте, чтобы сразу сломать) и таким образом разломить косточку, то бульон будет наваристей. Два дня – точно! А может и на третий день останется. На третий день можно оставить тот овощной салат, заправленный маслом. Хотя, если все это сунуть сразу же в морозильник, то ничего страшного: майонез ведь свежий. Эти казактар кидают в казан столько мяса! И закидывают все, как будто живут последний день.

...Еще раз удовлетворенно вздохнув, она улыбнулась своему отражению в зеркале, проходя из кухни в прихожую. «Так-то, моя дорогая, – сказала она себе, пусть себе барыньки бахвалятся друг перед другом. Пока есть такие, как они, у тебя есть возможность жить сытно!» [1, с.15],

обликом нищей полоумной старухи-матери:

«... Дочь неприязненно глянула на мать. Только из туалета и опять на кухню. Сядет в уголок и ждет чая или что-нибудь поест. Меры не знает, иногда до туалета не успевает дойти. Лучшие так не жить – пальцами в дерьме пачкать кафель, накапать на полу, не сливать бочок за собой, оставлять за собой такой запах, будто эскадрон испражнялся. Может, гниет что-то внутри? Полуживотное состояние – жрать, с-ть, спать. Подумала: а что если старуха чужой уже век живет?! Стало жутковато...

Лицо матери показалось на миг злоеищим, темный лик ее был сумрачен: не оборотень ли сидит рядом, не вампир, не жалмауз-кемпир, прости, Господи... а иначе как понять, что всех пережила. Вдруг вспомнила, что старуха подолгу жила у тех, кто умер... Стало нехорошо, тревожно. Вновь глянула Кал-

дыгуль на мать, та сидела сгорбившись, кроткая, тихая... Что это ее дернуло приехать к ней?..» [1, с.18].

Больно и страшно читать эти страницы. И не потому, что пугает равнодушие Калдыгуль... Душевный мир этой героини выписан, как не самый простой: для неё характерны та же гордыня, страхи, мечты, переживания о несвершившейся судьбе, что и для Ажар – более преуспевающей героини романа. Образ Калдыгуль страшен от того, что бесчувственность её хоть разок, да посещала каждую из нас – женщин, вынужденных выживать в эпоху перемен...

Да, прозу Умит Тажикен можно отнести к «женской». Но, в отличие от грубой, устрашающе жестокой прозы Т. Толстой, Л. Петрушевской, Н. Садур, В. Нарбиковой, казахстанская писательница уходит от оскорбляющего натурализма реальной жизни. И если на страницах романа и появляются сцены из жизни, то они типично-узнаваемы. В отличие от женской прозы, фактографирующей ущербность протекающей жизни, выставляющей акценты на жестоких и алогичных явлениях, бытийной раздробленности, героиня У.Тажикен за короткий романский отрезок пути проходит удивительное перерождение: от эго-ориентированного типа повествования, от осознания своей инаковости (некрасивая, вынужденно нахальная, грубая, бессильная, одинокая) – к выстраиванию Другого, целостного пространства, к которому НЕ приложимы образы-коррелянты Дома, Семьи, Родословной, Эпохи. Потому как это ещё не Дом и не Семья. Слишком многое потеряно и нуждается в собирании

Для автора и её героини свойственна постоянная рефлексия о себе как звене большой цепочки. И это удивительно – потому как век XX должен был сделать свое дело: нешутейной была необходимость молчать о предках, имеющих свое особенное отношение к советской власти. Любое значительное событие (будь то поступок или мысль) Ажар с некоторых пор произвольно выводит в целостное пространство общей семейной жизни. Границы жизней предков и ныне здравствующих родственников и просто соотечественников размываются потоком памяти:

«Вот и эксплуататором стала. Забывать стала, как сама мучилась, работала по двенадцать-четырнадцать часов. Чуть что, чуть не по мне, так зыркаю глазами, ору, обидные для них вещи говорю. И сама не замечаю...

Тут она вспомнила тетку свою, та тоже все время или орала, или злословила. С перекошенным от избытка страстей лицом, вытаращив глаза и брызгая слюной, могла порой выкрикивать и сочные выражения.

«Ну, вот, наследственная черта. У нас, наверное, в роду все бабы такие были» [1, с.29],

«... тихо сообщил, что Бека убили... На его теле было 14 ножевых ранений. Это в мирное-то время! Изрезали получается его всего.

В голодный 1933 год, рассказывала мама, вырезали всю семью Каражана, ее дальнего родственника. Но то было в голод! Хотя во все времена ничем нельзя оправдать жестокость...» [1, с. 13],

Непростые совпадения заставили Ажар понять существующую связь времен и судеб. И, несмотря на сюжетно и композиционно доминирующую семейную линию, по которой передается наследственность духа в разных её проявлениях, ясна и другая достаточно упрямая интенция – на выпрямление, на обретение права собственного существования, т.е. жизнотворчество.

Хотелось бы завершить исследование на позитиве.

Хотелось бы верить, что не совсем женская проза Умит Тажикен сможет повлиять на внутреннюю культуру современника, ибо даст стороннее зрение на всё происходящее.

Хотелось бы, чтобы читатель смог прочесть и проникнуться честными и потому печальными откровениями о том, в какой сложнейший узел завязаны драмы предшествующей истории и судеб современниц.

Я знаю, что на многих читателей этот роман подействует именно таким образом. И все же первое впечатление о прочитанном – самое верное. По прочтении этого произведения сами собой – незванными гостями – вспомнились стихи известного русского поэта Давида Самойлова:

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, чрез дюн, бегом –
Душа, несчастная гречанка.
А перед ней взлетает чайка...
И больше никого кругом.

Литература:

Тажикинова У. Ось существования. Роман-пунктир. // У.Тажикинова. Лоза тамариска. – Алматы, 2009. – С.5-158.

Жетписбай БЕКБОЛАТУЛЫ

Кандидат экономических наук, доцент Казахского Национального университета им. аль-Фараби, город Алматы. Один из первых отечественных специалистов по управлению документацией, рекламе и связям с общественностью. Базовое образование-журналистика. Окончил: МГУ им. В.Ломоносова (1979), Институт Рынка при Казахской Государственной Академии управления (1996), Академию Государственной службы при Президенте Республики Казахстан (2003). Автор исследовательской книги «Жағалар айнасы» (издательство «Казахстан», 1990г.), «Казахско-русского словаря банковских терминов и понятий» (издательство «Экономика», 2006г.), «Русско-казахского финансового словаря» (издательство «Экономика», 2007г.).

Информационная политика Республики Казахстан на современном этапе

С обретением независимости Казахстан стал участником общемировых процессов. Статус суверенного государства позволил нашей стране испытать на себе все преимущества и проблемы, связанные с вовлечением в мировые глобальные процессы. Для Казахстана контекстами глобализации выступают не только геополитический статус страны, как евразийского государства, но и процессы демократизации общества, развитие рыночной экономики и института частной собственности, прозрачность границ и открытость мировым информационным потокам. Как следствие ускоряется медиатизация политики, усиливаются роль и влияние СМИ на все процессы жизнедеятельности общества и государства. «На казахстанском медиа-рынке реально сложились свобода самовыражения, свобода высказывать свое мнение и критиковать власть, реализовать право граждан на альтернативные источники информации».

Сегодня в Казахстане сформированы основные, существенные элементы информационного рынка. К ним можно отнести появление доминирующего сегмента негосударственных СМИ, значительную дифференциацию информационного тематического поля, создание и функционирование достаточно крупных медиа-компаний. Вместе с тем становление национального медиа-пространства, особенно в контексте демократических преобразований – процесс достаточно длительный и сложный.

Для Казахстана проведение грамотной государственной информационной политики означает: развитие гражданского общества; обеспечение конструктивного диалога между государством и СМИ и властью и обществом; признание презумпции открытости информации для граждан и защиту их информационных прав; ориентацию главных компонентов информационного пространства на обеспечение свободного обращения информации, воплощения в жизнь конституционного права на свободный поиск, получение, производство информации и ее распространение; повышение доверия общества к власти; налаживание эффективных взаимоотношений Казахстана с другими странами и т.д.

Указом Президента Республики Казахстан от 10 октября 2006 года № 199 одобрена «Концепция информационной безопасности Республики Казахстан», подчеркивающая необходимость проведения государственной информационной политики, в основе которой должен лежать национальный интерес Казахстана. Это значит, что в нашем обществе, где функционирует огромное множество СМИ, проповедующие самые разные политические, культурные и ценностные ориентации, государство должно задать некий вектор единого движения – проводить государственную информационную политику, отражающую интересы и потребности всего общества в целом. Также государственная информационная политика должна быть направлена на реализацию национальных интересов Казахстана в информационной сфере.

«Одно из важнейших положений современной теории информации состоит в том, что информация является общественным товаром... Как и в случае с другими общественными товарами важная роль в предоставлении информации принадлежит государству». Особая роль государства становится все более актуальной в условиях растущей коммерциализации информационного рынка и информационных продуктов, происходящей на фоне универсализации мировоззрений и распространения массовой культуры, что не позволяет отечественным СМИ реализовывать свой потенциал в социальной и культурной сферах.

Для эффективной реализации государственной информационной политики, естественно, должны быть в полной мере привлечены СМИ - так как это один из важнейших источников и каналов передачи информации. В рамках государственной информационной политики деятельность средств массовой информации должна быть направлена на консолидацию общества. Но для оправдания всех надежд, возложенных на государственную информационную политику, необходимо разработать ее научную базу, усовершенствовать законодательство в сфере информации и информатизации и создать специальный орган, ответственный за единую государственную информационную политику. Безусловно, осуществление государственной информационной политики должно являться приоритетной задачей нашего государства, поскольку она является важнейшей составной частью внешней и внутренней политики Республики Казахстан.

Информационная сфера является высокочувствительной сферой человеческой жизнедеятельности и общественных взаимоотношений. В этой связи государственная политика в информационной сфере должна обеспечить четкий баланс интересов государства, общества, личности и профессиональных участников информационного и информационно-телекоммуникационного рынков. Должны быть созданы условия для повышения конкурентоспособности отечественных производителей информации (как государственных, так и частных) на внутреннем и международном информационных рынках.

Сегодня в Казахстане сформированы основные, существенные элементы информационного рынка. Так, если до 1990 года в республике издавались всего 10 республиканских государственных газет и журналов, выходил в эфир 21 теле- и радиоканал, то по состоянию на 1 июня 2006 года в Республике Казахстан зарегистрировано 7281 средство массовой информации. Доля негосударственных СМИ составляет около 78 процентов. Из общего числа зарегистрированных СМИ на постоянной основе функционируют 2479 СМИ. В стране имеет место широкая тематическая дифференциация СМИ. В настоящее время доля печатных СМИ составляет 50 процентов от общего числа масс-медиа, общественно-политических – 16 процентов, научных – 9 процентов, рекламных – 10,5 процента, детских, молодежных, женских и религиозных – приблизительно по 2 процента изданий каждое. В Республике Казахстан действуют 212 электронных СМИ. Охват территории Республики Казахстан крупнейшими общенациональными электронными СМИ на 1 июня 2006 года составляет: телеканалы «Хабар» – 95,70 процента, «Казахстан» – 96,25 процента, «Ел арна» – 75,50 процента, «Первый канал-Евразия» – 78,60 процента, Казахское радио - 86,99 процента. Функционирует спутниковый канал «Caspionet», осуществляющий вещание на территории стран Центральной Азии, Среднего Востока, Европы и Северной Африки. В стране действует более 80 операторов сетей кабельного и эфирно-кабельного телевидения, предоставляющих услуги вещания отечественных и зарубежных электронных СМИ, крупнейшими из них являются «Алма-ТВ» (вещает в 13 городах страны), «Казинформтелеком», «Секател» и «Казцентр-ТВ» (по 5 городов), «КВК» (4 города).

На внутреннем казахстанском информационном рынке распространяется 2392 иностранных СМИ, включая 2309 газет и журналов, 83 телерадиопрограммы. Посредством систем спутникового телевидения и компьютерной передачи данных в Республике Казахстан можно осуществить прием информационной продукции до тысячи иностранных телеканалов, неограниченного числа печатных СМИ в электронном формате. В Республике Казахстан аккредитованы более 80 представителей зарубежных средств массовой информации. Около 90 процентов от общего числа наименований иностранных СМИ распространяется в республике на русском языке, 5 процентов – на английском, 5 процентов – на других языках мира.

При формировании единого информационного пространства Республики Казахстан возрастает роль «электронного правительства», создание которого было предусмотрено Государственной программой формирования «электронного правительства» в Республике Казахстан на 2005-

2007 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 10 ноября 2004 года № 1471. «Электронное правительство» позволит существенно повысить эффективность функционирования всех ветвей власти за счет обеспечения информационной поддержки их деятельности и динамичной организации информационного взаимодействия между ними, а также с субъектами экономики и населением, содействует открытости власти.

Единое информационное пространство страны должно быть надежно защищено. Государственная политика в области обеспечения информационной безопасности Республики Казахстан является открытой и предусматривает информированность общества о деятельности государственных органов и общественных институтов в области информационной безопасности с учетом ограничений, предусмотренных действующими законодательными актами Республики Казахстан. Она основывается на обеспечении прав физических и юридических лиц на свободное создание, поиск, получение и распространение информации любым законным способом.

Концепция информационной безопасности Республики Казахстан разработана на основании Конституции Республики Казахстан и законов Республики Казахстан от 26 июня 1998 года «О национальной безопасности Республики Казахстан», от 15 марта 1999 года «О государственных секретах», от 13 июля 1999 года «О борьбе с терроризмом», от 7 января 2003 года «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», от 8 мая 2003 года «Об информатизации» и от 18 февраля 2005 года «О противодействии экстремизму», Концепции развития конкурентоспособности информационного пространства Республики Казахстан на 2006-2009 годы. Обеспечение информационной безопасности государства требует использования комплексного подхода, включающего организационные, технические, программные, социальные механизмы, способные реализовать конституционные права и свободы человека и гражданина в области получения информации.

Значение обеспечения права на получение информации трудно переоценить, поскольку оно выступает как гарантия права на участие в управлении делами государства в целом. В современном мире право на информацию о решениях органов публичной власти является одним из основных и неотъемлемых прав человека. Для гармоничного развития демократических институтов, гражданского общества, устойчивого развития политической системы необходимо, что бы граждане обладали информацией, могли принимать осмысленные решения на основе имеющихся у них данных. Информационная прозрачность деятельности органов власти всех уровней, доступность для любого физического или юридического лица получения информации о принимаемых ими решениях, их текущей деятельности – должно быть не только необходимым элементом осуществления связи между гражданами и их избранниками, но и средством эффективного функционирования самих органов власти.

Открытость власти, это, в том числе, и шанс для Казахстана успеть к «информационно-открытому» обществу: как наиболее продуктивному, наименее материалоемкому, экологичному, предельно экономному с точки зрения сохранения невозобновляемых или трудно возобновляемых ресурсов, – при новом качестве жизни и новой мотивации, ориентированной на достижения, значительного числа участников отношений в сфере труда.

Сайран САДЫКОВ

Вместо биографии

Сегодня, открывая дверь в издательство, поздоровался с дворником. Он старательно сметал в кучу мусор, в основном, листья. Неожиданный порыв ветра разметал все его труды. Мы переглянулись, и оба весело захохотали. Вот так жизнь вносит свои коррективы в нашу деятельность.

Всю жизнь накапливаешь, собираешь, кучкуешь и материальные, и прочие ценности. И в один момент – пшик! Остаешься с метлой в руке.

Наверное, и факты биографии эфемерны, главное, что останется...

Ракурсы домислов, или О КНИГОИЗДАНИИ

Из цокольного этажа нашего издательства видны, в основном, ноги прохожих, то есть мы видим лишь часть тела, домисливая его верхний светлый образ.

Не претендуя на обобщения о книгоиздании в Алма-Ате (сейчас Алматы), а тем более в Казахстане, смею обозначить ракурс только моего видения этого вопроса.

С одинаковым успехом можно заявить, что все хорошо или все плохо.

Мимо наших окон люди бодро и энергично спешат куда-то, и если настроиться на деловой заряд сограждан, можно поймать оптимистическую волну.

Во-первых, государство выделяет довольно большие деньги на издание так называемой «социально значимой» литературы, что позволяет «благополучествовать» издательствам, существующим еще с советских времен, и ряду умелых «новых» издателей. Во-вторых, в нашей не бедной богатыми людьми и организациями стране, слава богу, при наличии пробивного характера и определенной хватки можно найти спонсоров. В-третьих, в отсутствие непосильной конкуренции необходимо лишь присутствие профессионализма и достаточного уровня интеллекта.

Если же учитывать, что времени на то, чтобы глазеть в окно, – нет, так как взгляд уперт в монитор компьютера, а там только надоевшие до тошноты буковки, то перспектива твоего виденья – не такая уж радужная.

Во-первых, что значит «социально значимая»? Ни один молодой автор под эту категорию не подпадает, поголовное большинство зрелых – тоже. Львиная доля тендерных лотов по понятной причине достается бывшим «советским издательствам», то есть «умелым новым» достаются крохи от пиршества титулованных. К тому же, госзаказ на то и госзаказ, что единственной целью является его выполнение. О какой эстетической и художественной ценности таких изданий можно говорить? Оригинальность верстки, дизайн книги, художественное оформление обложки, полиграфический уровень издания, не говоря уже о профессионализме корректора и высоком мастерстве редактора, остаются за бортом планового издания.

Во-вторых, цепочка издатель–книготорговец–читатель разорвана изначально, в первом же звене. Издатели существуют сами по себе, книготорговля – сама по себе. Да и зачем магазинам отечественные книги, тираж которых не превышает одной-двух тысяч экземпляров, за редким исключением – пяти-десяти, откуда, соответственно, высокая себестоимость? Полно российских книг – при многотысячных тиражах их цена гораздо более приемлема, даже с учетом транспортных и прочих издержек. Наценка же в магазинах – не менее 50%. Не берусь утверждать с цифрами в руках, но соотношение казахстанских и российских книг никак не более чем 1 к 10.

Третья часть цепочки – читатель. В стране – 16-миллионное население. Не секрет, что книжная торговля выжила только в более-менее крупных городах, их в Казахстане – 20-25. Пожилым людям не до книжек – по материальным причинам. Среднему поколению не до чтения – заня-

то добыванием хлеба насущного. Молодежь... Не хочется быть категоричным, но читать она, в основном, не обучена, продвинутые – просиживают за компьютерами и под страхом вузовского наказания покупают только учебники.

Если что и продается, так это – дешевое и по цене, и по содержанию чтиво для того, чтобы убить время в поезде, самолете, на отдыхе. Опять же, отечественных конвейеров для «созидания» хотя бы такого рода литературы – нет.

Понимая, что «нет пророка в своем отечестве», нынешние молодые и не очень авторы в своем стремлении попасть на российский и рынки дальнего зарубежья (воодушевленные примером С. Лукьяненко и почему-то Т. Бекмамбетова, хотя он из другой оперы) усиленно ищут литагентства. Их нет в помине, а издательства по причине маломощности и нерасторопности не берутся за продвижение авторов. В связи с этим небольшой прогноз: в обозримом будущем большой популярностью будут пользоваться литагенты.

Конец рабочего дня. Можно оторваться от компьютера и посмотреть в окно на промозгло-сырой декабрьский день, на спотыкающихся от гололедицы, но упорно движущихся людей. Мелькают старушечьи боты, добротные ботинки, изящные сапоги. Домысливай, что кто-то из них по пути домой зайдет и купит книжку и верь, что зима закончится.

Саньят БЛАТОВА

1984 года рождения, дагестанка, гражданка Республики Казахстан. В 2005 году с отличием окончила русско-английское отделение филологического факультета Алматинского Института Языка и Перевода по специальности «Русский язык, литература и английский язык». Параллельно с учёбой в институте начала педагогическую деятельность в лингвистической гимназии № 68 города и в гимназии № 56. После окончания вуза в декабре 2005 года поступила в аспирантуру КазНПУ им. Абая. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Поэтика художественной детали в жанровой структуре рассказа (на материале современной казахстанской прозы)».

Онейрический мир таинственных рассказов Умит Тажикиеновой

Творчество Умит Тажикиеновой в настоящее время является предметом пристального внимания литературоведов, изучающих ее художественный мир в разных аспектах, с различных точек зрения (исследования о жанрах, особенностях композиции и сюжета, специфики повествования, о героях, образе автора, системе мотивов), но в настоящий момент не существует работы о значении онейрического начала в художественной картине мира писателя. Обращаясь к изучению творчества У. Тажикиеновой нельзя миновать «сновидческого» аспекта.

Сон в ее творчестве является одним из способов претворения жизненного материала. Многие её рассказы представляют собой описания сновидений и видений: «День отца», «Лучезарная», «Сюрреалистическая картинка», «Светлая печаль», «Прощание», «Запредельный мир», «Притаившаяся беда», «Мгновения в вечности». Они включены в первую книгу «Сакрализация памяти». Во второй сборник «Восхождение к Абсолюту» входят «Смятение серости», «Дар», «Два одиночества», «Но на родине кто-то остался», «Вне времени и яви», «Маленькие цепкие глаза», «Куплен дом», «Ярмарка», «Утро в пустыне», «Музыка ветра», «Что отдал – твое». Время действия в этих рассказах находится на границе бодрствования и онейрических состояний. У. Тажикиенова передает сновидения и родственные им состояния (бред, галлюцинации, видения, возникшие под влиянием каких-либо внешних или внутренних факторов). И всё это помогает автору приблизиться к глубинному пониманию человеческой природы и наиболее полному и яркому ее раскрытию.

Непосредственно, сон как элемент внутренней логики произведения обладает широким диапазоном разнообразных возможностей: сон как видение еще незнаемого будущего (сон-видение), сон-кошмар, счастливый сон, сон-предупреждение, сон-желание, сон-воспоминание, сон на грани реальности, сон-пробуждение. Введение онейрического начала в художественный мир произведений У. Тажикиеновой основано на смешении реального и ирреального, которое стало одним из базовых творческих принципов. Творческие сны писателя становятся толчком к созданию интересных рассказов. Они являются результатом деятельности памяти и воображения. И. Кант, находя взаимосвязь между сновидением и воображением, называл сон «непроизвольным творчеством» [4: 213].

В рассказах писатель стремится заглянуть в глубины подсознания, а также обращается к извечным вопросам бытия, таким как: жизнь и смерть, соотношение рационального и иррационального в постижении мира. Содержание рассказов-сновидений во многом определено интересом автора к философским идеям, в частности к работам А. Шопенгауэра. В рассказах нашли косвенное претворение мысли Б. Паскаля о неспособности разума к полному познанию вещей. Герои некоторых рассказов У. Тажикиеновой действуют, руководствуясь не разумом, а бессознательно, подчиняясь интуиции, предчувствиям, снам. Эстетическое значение мотива сна у Тажикиеновой близко воззрению Э. По, который считал, что одной из наиболее трудных и важных для писателя художественных возможностей оказывается возможность уловить миг между бодрствованием и

сном. Эта задача казалась важной Э. По потому, что позволяла говорить о глубинных соотношениях реального и ирреального, объяснимого и непонятого. Итак, «опыт сновидения непредсказуем и может быть трояко соотнесен с опытом человеческого бытия: он параллелен действительности и воплощает нереализованные возможности бытия; он продолжает действительность, перетолковывает или предвосхищает ее, становясь откровением о ней; и, наконец, он представляет нам в приемлемых для человека формах и образах некую новую и высшую действительность» [9: 173].

И действительно, сновидения – одна из самых загадочных сторон человеческого бытия. Это обстоятельство объясняет постоянное появление сновидений в мифологии, религии и, конечно, в литературе. С тех пор как человек стал осознавать себя, тема сна и сновидений занимает одно из первых мест по количеству вопросов и «темных пятен». Первобытные народы называли сон «малой смертью», считая, что через него можно проникнуть в таинственный мир. Сны могут быть ниспосланы человеку высшими силами для предупреждения его о грядущих событиях. Подобные случаи неоднократно упоминаются как в Библии (сны Иосифа), так и в сочинениях древних и средневековых авторов. У Цицерона можно найти описание интересных пророческих снов, например сна некоего Симонида. Он, обнаружив на дороге труп человека, позаботился о его погребении. На следующий день ему предстояло отправиться в Делос. В эту ночь ему приснился человек, которого он похоронил, и предупредил его, чтобы он не садился на корабль, где для него уже было отведено место. Сон произвел на Симонида такое сильное впечатление, что он отказался от поездки. Через несколько дней стало известно, что корабль, на котором он собирался плыть, затонул со всеми пассажирами. Супруга Гая Юлия Цезаря, Кальпурния, видела во сне кровь, текущую из статуи мужа, и затем крыша ее дома обрушилась. Встревоженная, она просила мужа не ходить в сенат, но Цезарь не послушал ее и пал, пронзенный кинжалами убийц. Таких примеров можно привести множество.

Сон как видение еще незнаемого будущего ярко представлен в рассказе У. Тажикеновой «Мгновения в вечности». Главной героине приснился кошмарный сон: сгорел дом директора школы в ее родном городке. Через несколько дней погибает директор, но не школы, где когда-то училась, а училища, где теперь работает: «Вчера по дороге в Мерке разбилась машина директора. С ним были его жена и старший сын. Они ехали сватать невесту сыну. Сын сидел за рулем. Машина столкнулась со встречным КАМАЗом. Смерть – моментальная. Погибли все» [7: 33-34]. Прошло семь лет и именно в этот трагический день у оставшегося в живых единственного сына рождается тройня – три девочки.

Искусство толкования снов, называемое онейромантия, зародилось в глубокой древности и частично легло в основу современной теории психоанализа, основанной З. Фрейдом и развитой впоследствии Э. Фроммом и К. Г. Юнгом. И народные сонники, и методы психоанализа рассматривают сновидения как некие символы, выражающие либо скрытые желания человека, либо некую информацию, поступающую из подсознания и недоступную в состоянии бодрствования. Ю. М. Лотман писал, что «сон – путь внутрь самого себя» [5: 233]. Именно такой путь постижения собственного микрокосма и проникновения в некоторые тайны макрокосма проходит героиня рассказа «Притаившаяся беда», где мотив сна-предупреждения играет сюжетобразующую роль. Накануне свадьбы героине снится кошмар: «Она в белоснежном платье. Ей хорошо. Спокойно на душе. Вдруг в комнату врывается подружка младшей сестры и с разбегу вонзает нож с черной длинной рукояткой ей в лоб. Нож торчит во лбу. Рукоятка раскачивается. Животный страх охватывает ее, пронизывая как током до корней волос. Кровь застилает глаза. Она не может наклонить голову, чтобы оглядеть платье. Но знает, что на груди – алая кровь. Наверное, кровь моментально расплывается на белом платье. В комнате никого нет. Она боится сама вытащить нож, не может попросить вытащить – никого нет» [7: 37]. Героине удается благодаря способности к интуитивному познанию заглянуть в загадочный и страшный мир через сон, который окажется пророческим, но понять его законы она в силах спустя 27 лет.

Здесь У. Тажикенова ведет речь о тайнах мироздания, которые бессильный человеческий разум не в состоянии осмыслить во всей полноте, о Хаосе, иногда вторгающемся в размеренное течение жизни. Итак, свадьба была пышной и многолюдной и состоялась вовремя, несмотря на потрясение, пережитое во сне. Дальше жизнь пошла своим чередом: «Состоятельная жизнь, любящий муж, двое сыновей». Но вот в рассказе обнаруживается отзвук прошлого сна и предсказание будущего. Пророчеством смерти явился эпизод того самого сновидения. Старший сын, пристра-

стившийся к наркотикам, умирает от передозировки. Умирает за два года до этого и та подружка сестры из того страшного сна. «И все эти годы, выходит, ждала она притаившуюся беду... и теперь продолжает жить с ощущением отметины горя во лбу и с израненным сердцем» [7: 38] .

Еще одна немаловажная особенность сна – возможность получить ответ на волнующие вопросы, найти решение трудной задачи или почерпнуть вдохновение для создания произведения искусства. Именно во сне Пол Маккартни услышал мелодию песни «Yesterday» («Вчера»), остающуюся в течение многих лет одним из самых популярных мировых хитов. Сегодня мы все больше узнаем о различных способностях человеческого организма. Во сне человек продолжает принимать информацию из внешнего мира. Об этом свидетельствуют рассказы Д. И. Менделеева, открывшего периодический закон во сне. Об этом говорил и А. Эйнштейн, который свои основные выводы теории относительности, что называется, извлек из сна. Во сне человек может принимать сигналы о событиях, которые ему еще неизвестны. Безусловно, нельзя иметь ортодоксальный взгляд на сны и думать, что каждый сон что-то означает. Но вместе с тем совершенно ясно, что нельзя игнорировать в ряде случаев связь сна и окружающей действительности. У. Тажикинова придает огромное значение своим снам: «Для меня духовность во все периоды моей жизни была безоговорочно приоритетной. Поэтому постоянно присутствовало желание <...> перекидывать мостик от снов и грез к событиям реальной жизни» [7: 3]. Писатель проявил себя как мистик, а у мистиков, как считает Х. Л. Борхес, «вся явь может быть сном» [3: 404].

Фиксируемые сознанием автобиографические рассказы У. Тажикиновой позволяют ей наиболее полно раскрыть читателю свой внутренний мир. Смысловая насыщенность авторских сновидений вызывает закономерное желание растолковать значение его образов, желание понять, что означают те картины, которые явились во сне. Постепенно приходя в себя после тревожных сновидений и не менее тревожных пробуждений, сопровождаемых тяжелыми размышлениями о прошлом и настоящем, автор чувствует необходимость запечатлеть эти размышления на бумаге, так рождаются ее рассказы. И некоторые из них становятся откровением и предвестниками важных событий. Мотивы снов и видений, появившиеся в ее творениях, красной нитью проходит через все ее творчество. «Умит Жиеналиевна глубоко верит в Бога <...> Верующий человек не может не быть мистиком. Наверное, поэтому в книге так много и подробно дается описание вещих снов. Это не индустриальные, рассудочные сны Веры Павловны, которые нам вдалбливали на уроках в школе. Это сны живого, страдающего человека. Поэтому они так достоверны и трогательны» [1: 258].

Мысль о человеке, о краткости и эфемерности его жизни пронизывают все творчество У. Тажикиновой. Осознание неумолимых законов природы, мысль о неизбежности смерти составляют, в понимании Тажикиновой, трагизм бытия человека. Вместе с тем она не могла не восхищаться красотой и гармонической целостностью окружающего мира. В рассказах «День Отца», «Лучезарная», «Светлая печаль» автору снятся близкие и дорогие люди, которых нет в живых. Атмосфера смерти начинает создаваться с самых первых строк рассказов посредством нагнетания слов, относящихся к лексико-семантической группе со значением смерти. Так, рассказ «День отца» построен на смешении сна и яви, реального и ирреального. Складывается впечатление, что этот рассказ представляет собой описание сна – это мираж, в котором повторяется давно прошедшее, рассказ о нерасторжимых узах, связывающих отца и дочь. Автору снится день смерти отца. Во сне показаны действия, мысли и переживания автора: «Сколько лет его нет со мной.... Но он всегда со мной» [7: 7]. Этими строчками автор хочет сказать, что память будет жива, пока бьется ее сердце.

Речь идет о таинственном влиянии наследственности на психологический склад человека, о феномене генетической памяти. Тот же мотив присутствует и в рассказе «Лучезарная». Героине, находящейся на лечении в клинике, вдруг является мать, которая умерла семь лет назад: «дочь сильно обрадовалась приходу матери, мысли о которой всегда были с ней, в ее душе» [7: 8]. Смысл сновидений может быть интерпретирован через анализ символики цветообозначений. Следует обратить внимание на колорит обрисованной У. Тажикиновой картины. Она не отличается богатством красок. Используются следующие цветообозначения: «лучезарная», «желтая свежеепопавшая листва», «трепетное ожидание чего-то хорошего, светлого», «а кругом все излучает свет и яркое сияние» [7: 8-9]. Следующий рассказ «Светлая печаль» можно назвать сном во сне. Рассказ носит философский смысл, а также является средством психологической характеристики героя-рассказчика, который показан как чуткий, способный на глубокое осмысление человек. Ему приснилась его слепая бабушка, которая является ангелом-хранителем, которая ежедневно оберегает и обещает счастье.

В рассказах-сновидениях речь идет о сложности, многомерности мира, о скрытых в жизни человеческой тайнах. Сон, действие его на человека является в творчестве У. Тажикиновой одной из таких тайн. Мотивы смерти и сна связаны с поставленной в рассказах проблемой. Пессимизм, характерный для начала всех вышеперечисленных рассказов, в конце смягчается, писатель формулирует следующий закон жизни природы, словами из Библии: «Всему свое время, и всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять...» Екклесиаст (гл. 3, ст.1-8).

Трактовка смерти как неизбежного, поскольку она открывает путь к бесконечному миру в противоположность земным страданиям, характерна для А. Пушкина и М. Лермонтова, была близка В. Жуковскому. У. Тажикинова стремится в своих рассказах воссоздать реальность настоящего сновидения. Иногда смерть воспринимается как благо, как умиротворяющий сон. Так, например, в рассказ «Молитва» о тяжело больной женщине, которая на пороге смерти испытывает невыносимые боли, «но взгляд – взгляд не измученный тяжелой изнурительной болезнью. Взгляд умных больших глаз все еще пытается оградить дочь от жестокой правды: она умирает» [7: 24]. Рассказ насыщен цветовой символикой. Ассоциация таинственного с серым цветом настолько часто появляется у писателя, что можно квалифицировать ее как индивидуальную черту ее психики. Серый цвет («он же начало и конец белого»), указывающий на соприкосновение с потусторонним, являющийся олицетворением смерти. Цвет крови также ассоциируется со смертью: «Серая простыня в крови». Основными цветовыми символами оказываются алый, бурый, серый, желтый: «и в этом желтом мире взгляд дочери вдруг останавливается в жутком страхе на ногах матери – они желтые, неестественно желтые...» [7: 24]. Этот рассказ психологически точный по своему содержанию, заставляет задуматься о неизбежности последнего часа. Смерть здесь трактуется в понимании писателя как вечный сон, несущий человеку отдохновение. У. Тажикинова показывает внутренний мир героини, ее переживания через размышления и молитву: «Мама... мама... Добрая, мудрая. Где теперь твоя душа? Наверное, она будет в раю. Я молюсь за тебя мама. О, Аллах, Всемилостивый и Милосердный, все мы в Твоей власти, и все вернемся к Тебе каждый в свой час... Прими душу моей матери и помести ее в сонме праведников, ибо лишь на Тебя Одного, о Создатель, уповаю я... Аминь» [7: 27]. Мотив сна связан с жанровой природой рассказа, призван подчеркнуть быстротечность и хрупкость индивидуальной человеческой жизни.

В следующем рассказе «Сюрреалистическая картинка» автору удается балансировать на грани сновидения и реальности, не давая однозначного ответа, происходили необычные события во сне или наяву. Рассказ основан на колебании между явью и сном, сознанием и подсознательным. Эти «видения наяву» похожи на кошмарное сновидение. Действие происходит в доме, «где проходит жертвенный обед (кудай – тамак)», куда приходят «люди все известные, здороваясь за руку или молча, раскланиваясь, заходят в дом». [7: 16]. А во дворе, за домом, под окном, сидят на корточках женщина, а рядом – мужчина. Он тянется к ней, но женщина напугана и настаивает, чтобы он ушел. Необходимо отметить, что Тажикинова использует лексику, характеризующуюся особой онейрической семантикой: (например, холодный блеск одинокого голубого глаза на крупном лице (то ли одноголазый, то ли прищурился так), особых звукообразов («бесшумно», «отрывистые глухие фразы», «звнящая тишина», «тихий обжигающий ветерок», звуки внешнего мира характеризуются приглушенностью и нерезкостью), нечеткости цветовой гаммы (использование сумеречных красок), а также сновидческого синтаксиса (неполные, как бы оборванные предложения, множество многоточий) и символичность («песок везде»), а ведь неподвижность песка ассоциируется со смертью.

У. Тажикинова, как и Л. Н. Толстой, проникается состоянием между сознательным и бессознательным, полуяви-полусна. Рассказы сны и видения – это рассказы, написанные автором в особом состоянии. Так, в рассказе «Куплен дом» повествование ведется от первого лица, но героиня-повествователь не имеет имени, и это помогает придать описываемому универсальный характер. Действие разворачивается в пору бабьего лета, в старом купленном доме, с сараями, навесами: «Вдруг на пустом сеновале, в отдалении двора, как из тумана, одновременно в двух отделениях, появляется одна и та же седая старуха с белой старой шалью на плечах. Она сидит на своей неопрятной разобранной постели... И там... и тут... Мне почему-то кажется, что она когда-то была хозяйкой этого дома» [7: 84]. Образ столь же неопределен: она то ли привидение, скитающаяся душа, то ли злой дух, сильфида. Но то, что она – «белая женщина», свидетельствует о ее принадлежности к трансцендентальному миру: «Что-то шепчет, сверля пронзительным взглядом, а потом вдруг спу-

скается и идет по направлению к нам. Я хватаюсь за руку сестры, (но она их почему-то не видит), тороплюсь начать «Открывающую». Не могу раскрыть рот, сжимают спазмы, сбиваюсь... Видение пятится, вторая – слышав суру, не успевает встать на ноги. Они не исчезают, но блекнут... У-х...х.. Что же это было?! Искушение очищающей силой молитвы? Или предостережение...» [7: 84]. Важен в этом рассказе звуковой образ. Бормотанье, шёпот в рассказе – звуки иного мира, недоступного человеку. Здесь видение осмысливается автором как психофизиологическое явление, подчеркивается его способность разобраться в том, что истинно, а что ложно, и испытать духовное очищение.

Рассмотрим еще один рассказ «Смятение серости»:

Серый день.

Дождь - мелкий, морозящий, непрекращающийся.

Старая одежда.

Небрежность в одежде, небрежность во всем. Рассеянность.

Усталость. Души, чувств, нервов.

Серая тоскливость и холодное равнодушие всех.

Серость, серость, серость...

Это конец белого.

Хотя... он же и начало белого. [8: 24]

Такое значение серого цвета обусловлено индивидуальным цветовосприятием Тажикеновой. А вот толкование рассказа самим автором: «Начну с того, что этот рассказ представляет собой описание сна, то есть перед вами человек, придающий особое значение сновидениям, сознательно или бессознательно ищущий ответы на какие-то тревожащие его вопросы; <...>; человек, склонный искать ответы в себе, в книгах, в общении с людьми, стоящими по уровню образования и интеллекта выше себя. Восприятие мира как бесконечности, как материи, переходящей из одного состояния (а цвет – это одно из состояний, отличающееся от других особым составом каких-то микрочастиц, микроволокон, не ощущаемых, но видимых нами), характеризует внутренний мир автора, его особенности миропонимания. Но это только мое мнение» [2: 59].

В некоторых текстах У. Тажикенова воплощает метафору П. Кальдерона «жизнь есть сон, и сон есть жизнь». Писатель изображает трагизм человеческого бытия, беспомощность человека перед неведомыми тайнами природы, проникнуть в которые он иногда может через предчувствия, сновидения, галлюцинации. Разумеется, что личный опыт писателя-сновидца оказал огромное влияние на сюжеты, образы, колорит литературных снов и видений, включенных ею в тексты рассказов. Многие рассказы могут быть отнесены к философским рассказам. Художественное время сновидений чаще всего представляют собой смешение прошлого, настоящего и будущего. В рассказах У. Тажикеновой мы можем выделить двух рассказчиков-сновидцев: романтик-мечтатель и мистик, воспринимающий мир как тайну.

Благодаря сновидениям сам писатель предстает как романтическая личность, мечтатель, человек с живым воображением. Литературный сон связан с идеей двоемирия и выступает способом «художественно-философского осмысления бытия в целом, когда сон из ряда сугубо случайных, мимолетных, повседневных и временных проявлений бессознательной психики возводится в категорию универсальную, становится, по словам В.С.Соловьева, «окном в другой мир» – мир трансцендентного, божественного, неизреченного» [6:115].

Библиографический список

1. Бадиков, В. Душа, распахнутая в мир // Тажикенова У. Лоза тамариска. – Алматы, 2009.
2. Балтова, С. «Все перепелось в моей судьбе...» // «Книголюб», 2008. – № 3.
3. Борхес, Х. Л. Письмена Бога. – М., 1994.
4. Кант, И. Собр. соч.: В 8т. – М., 1994. – Т.7.
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Семиосфера. СПб., 2001.
6. Нечаенко Д.А. Сон, заветных исполненный знаков. Тайнство сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. – М., 1991.
7. Тажикенова, У. Сакрализация памяти. – Алматы, 2001.
8. Тажикенова, У. Восхождение к Абсолюту. – Алматы, 2003.
9. Художественная антропология и творчество писателя. Учебник для гуманитарных факультетов. / Под ред. В. В.Савельевой, Л. И. Абдуллиной. Усть-Каменогорск – Алматы, 2007.

Нургуль ИСМАГУЛОВА

Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой Военного института Министерства обороны Республики Казахстан

Новый взгляд на литературное наследие

Резюме

Автор статьи считает необоснованным существующее в современном казахском литературоведении мнение об отказе от представителей периода становления казахской советской литературы и их духовного наследия.

Автор приходит к выводу, что перед казахской литературоведческой наукой стоит важнейшая задача переосмысления их творчества с позиции нового мировоззрения эпохи независимости.

Сабит Муканов является свидетелем первых шагов советской эпохи, господствовавшей в течение 70 лет, ее расцвета и мощи. В течение многих лет он участвовал в общественной борьбе, литературно-культурной жизни Казахстана, самоотверженно трудился совместно с общественными силами, призывавшими к новой, счастливой жизни. Используя свой чудесный художественный дар, он стремился найти самое необходимое для нужд своей страны, своего народа.

Никогда не знаешь, с какой стороны и как подует ветер жизни. Не стоит ни в чём винить простой, угнетенный нищетой и социальным неравенством народ начала прошлого века, который оказался заложником советского периода – периода, обещавшего этому простому народу светлое будущее. Стоит напомнить так же и о том, что у такого деятеля, как С.Муканов, не было политического образования, необходимого для осознания изменчивой политики, не позволяющей понять ее лицемерность. Именно поэтому нельзя винить такого выдающегося казахского советского литературного деятеля, как С.Муканов, в том, что он своими руками делал советский период. Никто не должен усомниться в чистоте его помыслов, вере в правоту служения светлему будущему и интересам своего народа.

Он видел, с одной стороны, стремление страны к новизне, освоение огромным количеством людей науки-знания – достижения социалистического строительства. С другой стороны, то, как тысячи людей умирали от голода, были репрессированы и расстреляны. Выдающийся казахский поэт и общественный деятель О.Сулейменов писал: «Посещая Москву, мне довелось изучить опубликованные результаты переписи 1926 года. Даже конспектировал место, где было указано: «Казахи – самая крупная тюркоязычная национальность Советского Союза – 6 млн. 200 тысяч человек». А в 1936 году от этого более 6-миллионного казаха осталось всего 2 миллиона человек...» (1). С.Муканов также видел то, как в период культа личности Сталина были необоснованно репрессированы тысячи и миллионы людей как враги народа. Однако он не увидел официальной реабилитации вождей и ветеранов партии алаш. Не увидел крушения красной империи, гибели общественного строя, построенного потом, силой и энергией миллионов людей. Необоснованно пролитой честной крови народа, ставшего послушным в ходе нескончаемой классовой битвы. Превращения мечты, когда-то бывшей социалистическим идеалом, в утопию, не выдержавшую проверки историей и временем. Поэтому, хотя он и замечал, что светлые надежды его молодости не оправдываются, он не сумел оценить всю проблему и абсолютные разочарования, связанные с тем периодом.

Конечно, если бы Сабит Муканов увидел обретение независимости Казахстаном, он ликова бы не меньше, чем другие, потому что был настоящим патриотом, мечтавшим о национальной свободе, национальной независимости. Сабит Муканов искал свободу, вольность, благо в своем времени. В молодые годы, когда он поднимал знамя на литературном фронте, в поисках мечты он прикрывался лозунгами. Классовая идея позволила страдавшему и мечтавшему о социальном равенстве простому трудовому народу ясно выразить свой гнев эксплуататорам в стремлении к достижению равенства.

Однако, хотя в молодости Сабит Муканов не понимал, с какой целью страна разделена на две части, народ – на классы, на антагонистические группы, нельзя утверждать, что со временем он не

понял, не заметил противоречий классовой борьбы. Разделение казахского общества на классы родило среди общественных деятелей нескончаемую борьбу, конфликт, возбудило противоречия. Строгое давление, насилие тоталитарного режима стали трагедией не только для репрессированных и расстрелянных как националистов деятелей, но и духовно замучили писателей, интеллигенцию, всех честных людей, защищавших национальные интересы. Однако, чтобы глубоко понять подоплеку официальной политики, конечную ее цель, надо было пройти долгий, тяжелый, тернистый путь классовой борьбы.

Даже сегодня, получив свободу и независимость, мы решили еще далеко не все вопросы, связанные с проблемами национальных ценностей. Видный поэт Кадыр Мырза-Али говорил: «Даже и мои произведения – помощь стране. А находясь у власти, все равно ничего не сделаю. Например, много хороших акимов областей. Но, думаете, все они в состоянии реализовывать свои планы? В основном смотрят на телефон и ждут, оглядываясь: «Что скажет Аппарат Президента?». Тогда что мне даст данная власть? Большинство людей думает, как бы решить свои проблемы, как бы выдвинуть кого-то из близких или как бы пробить путь для наследников. Мои понятия о власти – именно это». (2) Разве данное высказывание не выражает истины: власть есть власть, и даже находясь в руках своей нации, навяжет только свое?!

Если так, то С.Муканов, может быть, на начальном этапе не замечавший советских жизненных противоречий, со временем не только ощутил, но и отчетливо понял их. Однако вряд ли смог бы что-то сделать. В советский период такие личности, как С.Муканов, если даже открыто не смогли говорить о беспомощности так, как это делает наш современник Кадыр Мырза-Али: «Например, я подписывал многие письма в компетентные органы. А какие результаты? Ничего не вышло. Зная об этом не хочется разочаровывать людей, которые просят твоей подписи. Все равно ты душой на стороне народа» (2), – то, без сомнения, не раз кусали пальцы.

Если слова, сказанные устами поэта: «Алматы – это большая столица, духовный центр. Хороший, плохой – это другая проблема. Вот, проживая здесь, что только не видели. Самое главное – прежняя жизнь казахов не была жизнью. Сейчас плачем, мол, «то и се», до сих пор плачем. Потому что еще не успели получить все для себя необходимое» (2), – считать словами нынешнего народа, то сегодняшней интеллигенции, вдыхающей воздух независимости, правильней было бы изредка искать ответы на вопрос: оправдываем ли мы надежды народа на нашем пути получения «для себя всего необходимого»? И не искать вины деятелей, живших в период жесточайшего антагонизма и цензуры.

Благодаря неустанному труду, Сабит Муканов сформировал сначала свою тропинку среди бездорожья литературы советского периода, а затем и творческий путь, богатый и страданиями, и наслаждениями.

Взявший на вооружение лозунги против национальной литературы, такие как «Национальная литература не в состоянии превратиться в классовую литературу», «Национальная литература – противоположная сторона интернационализма», С.Муканов оказался на великом идеологическом фронте советской власти, как и многие другие, допустив ошибки, особенно при оценке древнего наследия. Если последующие поколения должны извлечь уроки из страниц истории, то мы не должны позволить повторения ошибок советского периода. Если само время опровергает лозунг той эпохи «Национальная литература не в состоянии превратиться в классовую литературу», то положение, что классовая литература советского периода не должна оставаться вне современной национальной литературы, не требует доказательств.

Слова О.Сулейменова: «Во время публикации «Аз и Я» из меня делали националиста. ...На мою шею повесили устаревший ярлык «пантюркиста»... В период декабрьских событий пошли еще дальше. В одной из отправленных в Москву бумаг имело место и такой ужас, как: «Сулейменов с автоматом ходил в русские детские сады». А теперь меня критикуют за то, что стал интернационалистом» (1), – это ли не доказательства того, насколько скользка политика?! Если так, то не стоит отказываться от произведений выдающихся национальных писателей за их политические ошибки.

Высказывание О.Сулейменова следует понимать как оценку всей советской литературы: «... Есть одна интересная история, связанная с художественной литературой. Говорили: «Долой цензуру!» Исчезла. Как исчезла – сами растерялись. Все можно писать, но не знаешь, что писать! Оказывается, настоящая литература сможет развиваться только в условиях борьбы, в состоянии тягаться цензурой, государственным давлением. Думаю, что цензура советского периода даже привела к появлению литературы многогранной, сложной» (1). Переосмысление «многогранных, сложных» произведений представителей советской литературы с позиции нового мировоззрения эпохи независимости – важнейшая задача, стоящая перед казахской литературоведческой наукой.

Использованная литература:

1. О.Сулейменов. У страны без Шекспира не будет и Ньютона// «Егемен Қазақстан», 12 марта 2010 года.
2. К.Мырза-Али. Подписывал многие письма в компетентные органы// «Егемен Қазақстан», 09 декабря 2009 года.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Валерий ШЕРВАШИДЗЕ

Это письмо нашей редакции передал из Москвы руководитель Алматинской пресс-службы Президента РК Валерий Жандаулетов. Профессиональное чутье подсказало ему, что письмо грузина, живущего в столице России, но тоскующего по маленькому селенью на юге Казахстана, будет интересно нашим читателям...

Селу Абай - привет от... «сына»

Уроки жизни

«Я родился в селе Абай Южно-Казахстанской области Казахской ССР. Отец мой, Шервашидзе Иосиф Ибрагимович, был выслан сюда из Грузии еще в 1944 году как «враг народа». Мама, Раиса Яковлевна Шервашидзе, была родом из Белоруссии. И в Казахстан она попала гораздо раньше. Ко времени знакомства с отцом уже работала в Келесском райфинотделе. Это была удивительная женщина! Не имея специального образования, сделала головокружительную карьеру: от простого курьера до главного бухгалтера Келесского РайОНО. Сразу выучила казахский язык и говорила на нем как на родном. Местное население благодарно внимало каждому ее слову. В то время в районе было 84 школы. Мама знала по именам всех учителей, директоров и даже завхозов. Помнила каждую мелочь, все держала в своей голове. Это у нее мы научились жить и работать так, чтобы потом нечего было стыдиться.

Наша незабвенная мама похоронена в Грузии, на исторической родине отца. Так случилось: поехала в гости к дочери и осталась там навсегда...

Но свое счастье мои родители нашли в казахстанском селе Абай. Там они встретились, там сложилась семья. Нас у родителей было четверо: 2 сестры и 2 брата. Все мы родились в селе Абай. Я – в 1947, брат Борис – в 1949, сестра Тамара – в 1951 году, самая младшая Нелля – в 1954 году. Все мы, так или иначе, имеем отношение к учительству.

Село наше было интернациональным. Кто-то из учителей подсчитал, что в селе Абай живут представители более 80 национальностей. Учителем истории был татарин, математику преподавал кореец, украинка преподавала русский язык и литературу, казах – английский язык, физику – грек... Представляете, каким багажом знаний, человеческих подходов была обогащена наша жизнь! Интернационализм сыграл важную роль в нашем гражданском становлении. Местное население относилось к нам с сочувствием и пониманием, и мы охотно дружили с казахской детворой. Может быть, поэтому, плохо или хорошо, в нашей семье все говорили по-казахски и говорят до сих пор. Кроме того, казахские традиции и обычаи внесли в нашу жизнь особый колорит, они стали неотъемлемой частью повседневного этикета. Многие привычки (например, по степному этикету, когда в дом входит старший, все дружно вскакивают с мест, чтобы оказать ему должный почет и уважение), можно сказать, въелись в нашу кровь.

Момент истины

Примерно 10 лет назад мы всем классом заложили новую традицию. И с тех пор, где бы мы не жили, где бы не служили, ежегодно накануне майских праздников всем классом встречаемся в родном селе Абай. Среди выпускников нашего класса много выдающихся личностей. Например, Замира Жанпаизова и Нурмухамбетова Тамара нашли свой путь в науке, Еркен Стамбеков стал прокурором, а Петр Мусин имеет уже 2 ордена Трудовой славы, 2 и 3 степени. Все они живут в Южно-Казахстанской области. Мы с Ермаком Алдановым оказались в Москве. Ермака хорошо знают как в Казахстане, так и в России. Он долгое время работал в советских и партийных органах, последние годы - советником Посольства РК в России.

В Абай я приезжаю каждый год с братом или сестрой или с сестрами. Бывает, и все вместе собираемся. Эта поездка для нас – неотъемлемая часть нашей жизни. Там наступает особый момент, который можно назвать моментом истины или очищения. И особенно тогда, когда мы приходим на могилу к отцу. Каждый год мы даем, как принято у казахов, «кудайы тамак» в память об отце, и происходит это в доме Амантая Шекербекоева. Вот вам еще один пример истинной дружбы народов, взаимопонимания и искренней поддержки. В свое время Амантай жил у нас в семье и учился в школе. А я, в свою очередь, жил у них, когда меня направили учительствовать в их село. Сегодня мой названный брат Амантай – главный врач поликлиники в Абае.

Перед смертью наш отец сказал: «Когда я умру, то похороните меня вот здесь». И указал на «меит», где тогда было около 5-6 мусульманских могил, а теперь уже, к сожалению, намного больше...

Таким образом, обычаи и традиции, характерные для казахов, стали привычными и для нас. В нашем доме до сих пор считается особым шиком приготовить то или иное казахское блюдо. Я пытаюсь и своим детям привить эти традиции. При любой возможности везу их в родное для меня село Абай, чтобы показать дорогие сердцу места, где я жил в мире и согласии со всеми односельчанами, где всю жизнь честно работал, растил детей и где пожелал покоиться их дед...

Дела военные

Я никогда не связывал свою жизнь с военной карьерой. После срочной службы в войсках противовоздушной обороны поступил в Ленинградское высшее военное училище и... уехал на Дальний Восток. Место службы – Комсомольск на Амуре, Хабаровский край, Магадан. Потом Военная Академия, служба на Урале. Начальник политического отдела дивизии противовоздушной обороны, заместитель командира корпуса противовоздушной обороны, начальник политического отдела корпуса, а затем и на генеральской должности... В общем, верой и правдой служа Отечеству. Награжден рядом орденов, в том числе – орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине» 3 степени, 12 медалями.

За время службы через мои руки, можно сказать, прошла не одна тысяча призывников, и в том числе, из Средней Азии и Казахстана. Конфликтов хватало, но мне несложно было находить с ними общий язык: с казахами я общался по-казахски, с узбеками – по-узбекски. Опыт, приобретенный мной в Абае, дух взаимопонимания и поддержки, знание обычаев, традиций и многих-многих других вещей, с которыми молодые люди сталкивались, поступая на службу, безусловно, помогли мне в решении сложных вопросов.

Некоторые мои сослуживцы стали видными военачальниками. Нынешний министр обороны РК Мухтар Алтынбаев служил вместе со мной в одном корпусе, только я был ракетчиком, а он летчиком. Я его знал сначала как заместителя командира полка, а позже и командира полка. Он – по-настоящему талантливый летчик. Недаром вскоре стал командиром дивизии. В Ленинграде мы встречались с моим односельчанином Асылбеком Мендыгалиевым. В настоящее время он тоже служит в Министерстве обороны РК. Из наших краев многие выбрали военную специальность. К примеру, из соседнего с Абаем села Бобровский Владимир, а также его брат стали полковниками.

День леспека в Германии

Особо я хотел бы сказать об одном замечательном человеке, моем земляке. Жолдасов Леспек Баимбетович в годы войны командовал взводом разведки, получил звание Героя Советского Союза за форсирование Дуная и взятие Будапешта. Мне посчастливилось работать в школе, где он был директором. Тогда это село называлось Кызыл Аскер, а сейчас – Леспек ауылы. В честь Героя названа и школа, где он работал.

Таким образом, Казахстан и казахстанцы всегда в моей душе, в орбите моих мыслей. Когда я по служебным делам оказываюсь в других странах, то всегда в уличной толпе с радостью узнаю казахов. А в Германии обязательно навещаю своих учеников, которые тоже не забывают обычаи и традиции приютившего их в лихую годину народа. Проводят дни своего села, к примеру, День села Кызыл Аскер, готовят казахские блюда. Вот недавно провели турнир, посвященный памяти Леспека. Казахстан, казахская культура и казахский язык навсегда остаются в сознании людей, которым он помог выжить. Совершенно интересный пример: даже немцы – бывшие казахстанцы, живущие ныне в Германии, если хотят скрыть что-то от чужих ушей, то говорят по-казахски.

Я по-прежнему черпаю вдохновение из воспоминаний о своей малой родине – бесконечно родном и близком сердцу селе Абай на юге Казахстана. Бывает, допекут, так и хочется бросить в сердцах: «Ну вас всех!» и уехать в Абай... С каждым годом все больше понимаю, что именно это далекое казахстанское село и есть моя настоящая родина...

Казахские традиции в семье грузинской

Так получилось, что вся наша семья выехала из родных мест. Брат тоже работает в Москве. У него в семье 2 детей и 4 внуков. Сестренка Нелля проработала в Абае 35 лет. Стать учеником в ее классе было достаточно сложно. Практически все хотели отдать детей к ней, и сами дети мечтали попасть в ее класс. Она была лауреатом республиканского конкурса «Учитель года». А в Подмосковье ее поначалу не хотели даже принимать на работу. Фамилия: Шервашидзе, приехала из Чимкентской области. А через 2 года она стала лауреатом конкурса «Учитель года» уже здесь, в Одинцовском районе Московской области. Доказала свой талант настоящего учителя. И это тоже благодаря ее абайским учителям, благодаря особой атмосфере родного села. В ее доме постоянно слышна казахская речь, дом полон гостей, и почти всегда она угощает друзей и домочадцев казахскими блюдами. Нелля – большая мастерица в этом плане!

У Нелли двое сыновей: Борис и Сергей. Борис уже молодой офицер, закончил высшее военное училище. Младший Сергей – студент Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

Моих детей зовут Теймураз и Владислав. Я работаю в ОАО «Газпром», и они тоже. Но они пошли дальше, как и должно быть. Теймураз сейчас начальник отдела в юридическом департаменте, Владислав – главный специалист в одном из филиалов ОАО «Газпром».

Знаете, как бы не ругали сейчас советское время, в нем было много позитивного. Ну и что, что Союз распался, все государства обрели независимость, и люди тоже разъехались кто куда в поисках лучшей доли?! Но я же не перестал от этого ощущать свое родство с Казахстаном, с землей, где я родился и вырос, будь она трижды благословенна! Незримая печать Казахстана лежит на мне и на всей нашей семье. И я бесконечно благодарен ей за это.

С огромным нетерпением жду весны следующего года, когда снова с семьей поеду в Абай, увижу своих односельчан, схожу на могилу к отцу, справлю кудаи (жертвоприношение), и вдоволь надышусь – на всю длинную московскую зиму! – терпким степным воздухом малой родины.